

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?

МОСКВА
2012

УДК 323.272(411.21)+327(5-011)
ББК 66.3(5)+66.4(5+2Рос)
Б69

Издание осуществлено при содействии
Фонда поддержки исламской науки, культуры и образования

Ответственные редакторы:
член-корр. РАН, проф. В.В. Наумкин
посол, к. и. н. В.В. Попов
к. и. н. В.А. Кузнецов

Б69 **Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей**
/Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой
политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. – 595 с.

ISBN 978-5-89282-531-3

В книге рассматриваются массовые протестные и повстанческие движения на Арабском Востоке в 2011–2012 гг. Вызванная ими коренная трансформация арабских обществ, как показывают авторы вошедших в сборник статей, затрагивает интересы не только государств региона, но и глобальных игроков, демонстрируя новые тренды в мировой системе международных отношений в целом.

Сборник стал плодом совместной работы видных ученых и дипломатов, представляющих ведущие центры академического, образовательного и прикладного востоковедения. В своих статьях авторы демонстрируют всю палитру взглядов на феномен Арабского пробуждения, существующих в отечественном экспертном сообществе. В сборник также включена статья известного тунисского аналитика, придающая работе особый колорит.

УДК 323.272(411.21)+327(5-011)
ББК 66.3(5)+66.4(5+2Рос)
ISBN 978-5-89282-531-3

© Институт востоковедения РАН, 2012
© Авторы соответствующих статей, 2012
© Центр стратегических и политических исследований, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Наумкин Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения	3
Е.М. Примаков Ближневосточный курс России: исторические этапы	21

Трансформация региона

А.О. Филоник Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное)	32
В.М. Ахмедов Армия и арабские революции на Ближнем Востоке	72
А.Г. Бакланов Ближневосточная система безопасности: упущенные возможности	91
Н. Лажми Аль-Джазира, или протестная журналистика	108
Г.И. Мирский «Арабская весна» между Америкой и «Аль-Каидой»	117
О.В. Павлов Причины альянса Запада и радикального ислама	131

Арабские государства в 2011-2012 гг.

В.А. Кузнецов Тунис (2010–2011)	138
М.Ф. Видясова, А.А. Кашина Тунис (2012)	169
Б.В. Долгов Алжир	189
А.Г. Аксененок Египет: особенности переходного периода	204
А.З. Егорин Ливия	221
Е.С. Мелкумян Малые государства Персидского залива	240
С.Н. Серебров Йемен	259
В.М. Ахмедов Сирия	305
А.В. Демченко Иордания	321

А.В. Сарабьев Ливан	338
Г.Г. Косач Саудовская Аравия	356
И.М. Мохова Марокко	376

Региональные и внешние акторы

П.В. Топычканов, Ю.В. Устинова США	402
Д.А. Данилов Европейский союз	417
Н.В. Татарчук Франция	456
Т.А. Карасова Израиль	486
Л.М. Кулагина, В.М. Ахмедов Иран	500
И.И. Иванова Турция	508

Арабское пробуждение и Россия

И.Д. Звягельская Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии)	530
Ю.Н. Зинин Арабская весна на повестке дня научной общественности России	540
А.О. Филоник Экономические отношения России и Арабского Востока: время нового видения	552
В.В. Чамов Ливийская драма: видение российского дипломата	564
В.В. Шуваев Российская оценка ситуации в Ираке	576
В.В. Попов Межцивилизационный диалог на Ближнем Востоке	580
Информация об авторах	589

В.В. Наумкин

Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения

Предлагаемый читателю сборник включает в себя статьи российских исследователей различных специальностей, предпринявших попытку осмыслить события столь неожиданно начавшегося и все еще продолжающегося Арабского пробуждения, или «арабской весны». Он открывается статьей выдающегося знатока Ближнего Востока и известного отечественного политического и общественного деятеля академика Е.М. Примакова о ближневосточном курсе России, которая дает ключ к пониманию идущих в регионе процессов и отношения к ним нашей страны. Авторы статей по-разному смотрят на турбулентные, революционные события в регионе. Но они сходятся в том, что массовые уличные протестные движения, беспорядки, мятежи, перевороты, гражданские войны, в том числе сопровождавшиеся внешним вмешательством, уход с арены одних и приход к власти других политических сил привели к глубокой трансформации арабских обществ, изменили геополитическую конфигурацию региона, повысив его место на шкале внешнеполитических приоритетов региональных и глобальных игроков. Это относится и к России, заинтересованной в мирном и процветающем, свободном от войн и внешнего вмешательства Ближнем Востоке, где все народы имели бы возможность сами определять свою судьбу. Очевидно, что процесс болезненных потрясений далеко не закончился, предстоят новые этапы стратегического обновления региона, в которое будут, вероятно, вовлечены и другие расположенные в нем страны.

О причинах и особенностях этих событий много сказано и не меньше написано. «Арабская весна» смела одни, казавшиеся стабильными, ближневосточные режимы и раскачала другие.

В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют господство законсервировавшихся и загнивших авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов (все более болезненное для модернизированной части населения), увеличившийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, ставшую системным фактором коррупции, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективность управления, экономическую стагнацию, слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления.

При внимательном ретроспективном взгляде протестные движения на Арабском Востоке не кажутся абсолютно новыми или неожиданными. Регион, при всех различиях между прошедшими эпохами, уже переживал периоды похожих всплесков активности масс народа и осуществленных или инспирированных им глубоких изменений, будь то в ходе борьбы с колониальной зависимостью, с прогнившими монархическими и компрадорскими режимами, за идеалы арабского национализма, внутренних конфликтов или же войн с метрополиями, соседями (ирако-иранская война) и Израилем. Как известно, в ряде стран велись вооруженные революции за национальное освобождение (Алжир в 1956–1962 гг., Южный Йемен в 1963–1967 гг.). Не случайно именно после Второй мировой войны стали впервые говорить об Арабском пробуждении (термин, введенный Дж. Антониусом). Волной народных движений был охвачен арабский мир в 1950–1960-х годах (тот период иногда даже называют «арабской холодной войной»), и, скажем, революция 1958 г. в Ираке была для мира не меньшей неожиданностью, чем нынешние перевороты. На излете «шестидневной войны» 1967 г. автору этого предисловия, в ту пору студенту Каирского университета, довелось самому участвовать в мощной ночной демонстрации египетской молодежи на площади Тахрир (вновь ставшей ареной гораздо более масштабных демонстраций в 2011–2012 гг.) в поддержку президента Египта Гамала Абдель Насера, требовавшей от него продолжить руководство страной.

Другая волна недовольства прокатилась по арабскому миру в конце 1980-х годов. Можно вспомнить и крупные демонстрации против режима в Иордании в 1955–1957 гг., и многочисленные «хлебные бунты» 1977 г. в Египте. В 2000-х годах произошел новый взрыв «уличного активизма». Это, в частности, протестные марши племен против правительств Кувейта и Иордании, рабочие забастовки в Тунисе, Алжире и особенно в Египте. 6 апреля 2006 г. двадцать тысяч рабочих объявили забастовку в центре текстильной промышленности Египта Махаллат аль-Кубра, которую известный журналист Марван Бишара называет поворотным пунктом в истории протестного движения в стране¹.

Даже мобилизация участников массовых протестов с помощью коммуникационных, информационных технологий не является абсолютно новой. В ходе Арабского пробуждения было использовано несколько и традиционных, и новых средств мобилизации, во-первых — мечети, где для совершения молитвы собираются огромные массы людей, а по пятницам читаются проповеди; во-вторых, уже почти ставшее традиционным средством телевидение, особенно —

¹Bishara, Marwan, *The Invisible Arab*. New York: Nation Books, 2012, p. 104.

оказывающий огромное воздействие на аудиторию катарский канал «Аль-Джазира»; в-третьих, такое общераспространенное средство коммуникации, как мобильные телефоны; наконец, в-четвертых, Интернет и социальные сети. Конечно, в не столь отдаленном прошлом не было Интернета, да и телевидение было не так широко распространено, как в наше время. Но были мечети, а роли нынешней «Аль-Джазиры» американский автор Марк Линч справедливо уподобил роль египетской радиостанции «Саут аль-Араб» («Голос арабов») эпохи Насера, по призыву которой люди выходили на улицы многих арабских городов². Однако теперь любые происходящие в регионе события благодаря новым коммуникационным технологиям тут же становятся известными практически всем. Это, однако, не исключает возможности дезинформации и манипуляции общественным мнением в интересах тех или иных влиятельных игроков.

Нет необходимости повторять, что все те причины, которые привели к событиям Арабского пробуждения, существовали в регионе и до нее. Но правящим в арабских странах режимам в течение десятилетий удавалось погашать волны недовольства даже в том случае, когда оно было связано с важнейшими элементами общеарабской идентичности (например, защита палестинского дела). А что же изменилось в 2011 г.? Как мне кажется, сыграл свою роль накопительный, аккумуляционный эффект, усугубленный новыми факторами, и в первую очередь — генерационным. А о том, что динамичная молодежь, в том числе и хорошо образованная, сегодня составляет основную часть населения стран региона, хорошо известно.

В ходе мятежей, восстаний и массовых протестов 2011–2012 гг. резко возросла роль «арабской улицы», которая, возможно, еще долго будет диктовать свою волю правителям. Сегодня принято считать, что панарабизм изжил себя, что отчасти так, если говорить о светском национализме вроде насеризма или баасизма (не говоря уж о почти забытом Движении арабских националистов, о котором напоминают лишь еще существующие выросшие из него организации, например — Демократический фронт освобождения Палестины и Народный фронт освобождения Палестины). Однако можно утверждать, что в арабском мире фактически появился «новый панарабизм», который отличается от прежнего своими ценностями, установками и целями, но в такой же мере основан на общеарабской солидарности, которая, естественно, как и ранее, не означает транснационального консенсуса. Если прежний панарабизм основывался на националистических, левых и социалистических идеях, то панарабизм, родившийся в ходе «арабской весны», основан на идеях исламистских и, в гораздо меньшей степени, либеральных и демократических, имея при этом одновременно и националистическую окраску. И направлен активизм этого «панарабизма улицы» уже не против колониализма и Израиля, а против своих собственных арабских авторитарных режимов (показателен такой беспрецедентный факт, как согласие значительной части арабских обществ на иностранную интервенцию в Ливии). Панарабизм как тенденция к общности процессов в арабском мире, как осознание людьми своей общей идентичности, общности своей судьбы не умер, он возрождается вновь. Его поддерживает и будет поддерживать как сама общая арабская культура, так и единое общеарабское информационно-коммуникационное пространство.

²Lynch, Marc, *The Arab Uprising*. New York: Public Affairs, 2012, p. 33–34.

Фоном развернувшихся на Ближнем Востоке событий было то, что в региональной политике последних десятилетий здесь господствовало противостояние между лагерем прозападных авторитарных режимов и националистическим «лагерем сопротивления», представленным Ираном, Сирией, палестинским движением ХАМАС и ливанской партией «Хизбалла». Существенным компонентом баланса сил являлось и суннитско-шиитское соперничество, периодически выплескивавшееся в акты насилия, особенно в Ираке после свержения режима С. Хусейна в 2003 г. Эти элементы геополитической ситуации в какой-то мере сохраняют свою актуальность, однако ореол силы, выступающей за коренные арабские интересы в противостоянии Израилю, который много лет оберегал режим Башара Асада и вызывал к нему симпатии арабов, не помог ему избежать осуждения со стороны значительной части «арабской улицы».

Глубокие перемены в арабском мире, вызванные мощной волной протестных и повстанческих движений, привели к серьезным изменениям сложившейся расстановки сил на Ближнем Востоке и во внутривосточном развитии затронутых «арабской весной» государств. Ключевые региональные и внерегиональные игроки пересматривают прежние политические приоритеты, стремясь не упустить контроля над формирующимися новыми тенденциями в развитии обстановки, и одновременно появляются линии напряжения в ранее казавшихся незыблемыми альянсах. При этом отдельные участки региональной политической арены выглядят неуправляемыми и подверженными хаосу.

С самого начала Арабское пробуждение выглядело как вызов несменяемым президентам и премьер-министрам, семьям и кланам, монополизировавшим государственную власть и пытавшимся организовать ее династическое продолжение, отказавшись фактически даже от внешних признаков республиканских политических систем — выборности, конкуренции различных политических сил и т.п. В таком контексте могло сложиться впечатление, что это — некое универсальное для всех арабских государств явление с доминирующей тенденцией к демократизации. Однако обозначившиеся трудности переходного периода в этих странах, активизация исламистов, в том числе и радикальных, как наиболее организованной и влиятельной силы создают новую ситуацию и вызывают новые вопросы. Среди них такие, как возможности и пределы демократизации в арабском мире, перспективы новых партий и организаций, возникших на волне революционных перемен, место и роль армии в меняющихся политических структурах. Кстати, военному истеблишменту Египта, несмотря на электоральную победу исламистов, удалось и после нее сохранить важные позиции в управлении страной.

Социально-политические причины, вызвавшие взрыв народного недовольства в Тунисе и Египте, были налицо и в других странах. Часть правительств довольно быстро извлекла уроки из этого взрыва и начала проводить реформы, хотя бы и не столь глубокие, которые были призваны погасить беспорядки, обеспечить стабильность. Это, в частности, можно сказать о двух лишенных богатых запасов углеводородов монархиях — Иордании и Марокко. Однако в той же Иордании «Братья-мусульмане» вскоре начали оказывать серьезное давление на короля, требуя углубления реформ, которые облегчили им приход к власти. В Сирии произошел раскол общества на сторонников режима и его противников, вступивших в острое противостояние. Триада баасистской идеологии — единство, свобода и социализм — потеряла свою привлекательность

для немалой части населения, а монополия партии Баас на власть и ее методы управления страной стали для этих людей неприемлемым анахронизмом. К этому надо добавить непропорциональное применение насилия со стороны властных структур государства. Однако ориентация оппозиционеров на модель вооруженного мятежа с целью безоговорочного свержения режима и их отказ от политического диалога при мощной внешней поддержке, в конечном счете, не оставляли Дамаску иного выбора, кроме силового подавления мятежников.

Звенья цепи арабского активизма при всей их схожести остаются абсолютно разнородными и по составу действующих сил, и по провозглашенным ими целям, и по результатам революционных выступлений. Неправомерно ставить знак равенства между тем, что произошло, в Египте, Ливии, Сирии, Йемене, на Бахрейне. В Ливии имело место повстанческое движение племен, на Бахрейне — восстание притесняемой конфессиональной группы, в других государствах — протест населения одного из регионов страны против сосредоточения властных и экономических ресурсов в руках населения другого, окрашенный или не окрашенный межконфессиональными и внутривосточными противоречиями.

Как показывают авторы статей сборника, с учетом разнообразия арабских стран и режимов подходить к ним со сходными экономическими и социальными мерками неверно. Контраст между нефтеэкспортирующими и капиталозыбыточными экономиками, с одной стороны, и нефтеимпортирующими и капиталододефицитными — с другой обуславливает разницу в ВВП на душу населения и доходах между арабскими странами. В Катаре, например, средний душевой ВВП по паритетной покупательной способности (самый высокий в мире) составлял в 2010 г., по оценке МВФ, 88 222 ам. долл., или, по оценке ЦРУ, 179 тыс. ам. долл., а в Судане — 2 200 ам. долл. Нефтедобывающим государствам региона удалось сдержать рост возможного недовольства архаичными политическими режимами, «залив» его потоком долларов в не снившихся бедным государствам объемах. Но и такое, казалось бы, верное средство не было везде применено и не везде могло бы сработать. Режим Каддафи, располагая большими нефтегазовыми ресурсами, теоретически также мог бы предложить выделить долю доходов тем, кто выступил против него, но в данном случае подстрекаемая и вооружаемая внешними силами оппозиция сражалась уже не за часть поступающих доходов, а за власть, которая обеспечила бы ее лидерам доступ ко всем ресурсам, как экономическим, так и политическим.

К этому можно добавить, что социальные движения в арабском мире развивались на волне мирового экономического кризиса, который, несмотря на попытки властных структур обеспечить дотации для наиболее обделенных слоев, тяжело отразился на материальном положении большинства населения. В самое сложное положение попала образованная молодежь, лишенная возможности найти себе применение. Именно эта самая динамичная и современная часть общества стала главной движущей силой и идеологом народных выступлений в Тунисе и Египте. Не беднейшие традиционные слои, привыкшие к своей бедности и неспособные сформулировать цели и задачи революции, а образованный класс вышел на авансцену наиболее развитых арабских государств, потянув за собой совершенно иные по социальным и культурным характеристикам группы и движения как у себя на родине, так и в соседних государствах.

Практически все охваченные изменениями страны этого региона вследствие происшедших изменений оказались сейчас на этапе болезненного перехода от традиционно авторитарных политических систем к новым, пока еще не сформировавшимся способам правления, в них пошел процесс переосмысления прежних светских и религиозных ценностей, сопряженный с поисками новой национальной идентичности в меняющемся мире.

В контексте потрясших арабские страны событий правомерно возникает вопрос о взаимоотношении внешних и внутренних факторов в организации и поддержании повстанческих движений. Неожиданная демократическая направленность этих движений, в принципе нехарактерная для считавшихся традиционными обществ, заставила ряд наблюдателей счесть решающей роль внешних сил, которые могли быть заинтересованы в переформатировании всего Арабского Востока. «Арабская весна» была поставлена чуть ли не в один ряд с «цветными революциями». Последовавшие за подобными допущениями выводы касались усиления односторонних действий временных коалиций или отдельных держав, которые узурпируют право на определение легитимности или нелегитимности отдельных режимов и действуют с помощью технологий управления протестными движениями и потенциалом.

Но очевидно, что и в Тунисе, и в Египте вряд ли кем-то отработывались сценарии «цветных революций», а интенсивность и широту народных выступлений обусловил прежде всего целый комплекс внутренних факторов. Именно преобладание внутренних побудительных мотивов свидетельствовало о реальной трансформации казавшихся неподвижными и застывшими консервативных обществ и систем. Однако по мере развития событий в других арабских странах внешнее вмешательство стало играть все возрастающую, при этом отнюдь не стабилизирующую роль.

Масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы мятежников с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о легитимности, допустимости и условиях вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе с декларированной гуманитарной целью защитить гражданское население. Уроки Ливии поставили перед Россией достаточно много вопросов. Они были восприняты как свидетельство возросшего влияния военной силы и реализовавшейся тенденции к интервенционизму со стороны ряда стран Запада. Объективный анализ происшедшего показал, что санкционированные Советом Безопасности ООН действия по установлению «бесполетной зоны» трансформировались здесь в открытое военное вмешательство во внутренний конфликт на стороне одной из конфликтующих партий. Это вмешательство фактически обеспечило победу ливийских оппозиционных сил, но она лишь частично стабилизировала ситуацию, вызвав широкие репрессии и рост сепаратизма. Зверская внесудебная расправа над Каддафи одной из групп повстанцев при прямом попустительстве, а то и соучастии европейских военных никак не соответствовала декларированным идеалам демократии, свободы и справедливости.

События в Ливии поставили эту страну на грань раскола, привели к расползанию оружия по соседним странам и усилению позиций экстремистских и террористических группировок. Прямым следствием кровавых ливийских событий явились активизация деятельности террористов в странах Сахеля, мятеж племен и военный переворот в соседнем Мали.

Решение о введении над Ливией бесполетной зоны было формально легитимным, принятым

в соответствии с нормами международного права ООН. Однако внешние акторы, исполнявшие резолюцию 1973 Совета Безопасности ООН, вышли за ее границы, что вызвало критику со стороны России (она, как известно, внесла в проект ряд поправок и воздержалась при голосовании, позволив СБ ООН принять ее). Это в значительной мере предопределило негативное отношение Москвы к попыткам использовать данный прецедент для вмешательства во внутренний конфликт в Сирии, вследствие чего наша страна применила право вето против проекта соответствующей резолюции.

Взвешенная позиция России и Китая, поставивших во главу угла идею посредничества и поощрения сторон к национальному диалогу, дала режиму шанс на проведение реформ и остудила пыл тех, кто требовал немедленной смены режима Б. Асада под угрозой вооруженного вмешательства. Поддержка Москвой плана урегулирования, предложенного посланником одновременно и ООН, и ЛАГ Кофи Аннаном, свидетельствовала о том, что Россия подходит к проблеме без предвзятости, исходя из принципа уважения и ставя задачу не допустить перерастания начавшегося внутреннего вооруженного конфликта в масштабную региональную войну с внутриконтинентальным компонентом, а также иностранного военного вмешательства. Россия фактически добилась того, что при принятии новой резолюции Совета Безопасности ООН по плану Кофи Аннана в ней уже был призыв ко всем, а не к одной стороне прекратить акты насилия.

К сожалению, уже на тот период внешнее вмешательство во внутрисирийский конфликт фактически имело место. Оно выражалось в переброске боевиков в страну из-за рубежа, содействии ряда государств региона в военной подготовке отрядов оппозиции, в первую очередь — так называемой Свободной сирийской армии (ССА), поставкам им все в больших количествах вооружений. В страну через границы соседних государств пошел поток экстремистов и террористов, прибывающих из различных стран, развернули террористические операции отряды салафитов-джихадистов и «Аль-Каиды». Боевые действия в такой ситуации достигли широких масштабов, сопровождаясь многочисленными жертвами с обеих воюющих сторон и среди мирного населения, внушительными разрушениями. Динамика развития событий была крайне негативна, партия Баас, в течение полувека обеспечивавшая управление занимающей важное стратегическое положение страной с разнородным населением, около 40% которого принадлежит к меньшинствам, стала терять свои позиции. Армия и силы безопасности, выступающие на стороне режима, измотанные многомесячными действиями в городах, в существующей обстановке не могли обеспечить быстрое наведение порядка, а жертвы среди мирного населения не способствовали его консолидации, хотя большая часть народа опасалась возможных перемен, жестокой мести со стороны экстремистов и наемников и воцарения в стране хаоса. Преобладающие среди сирийской диалогии за пределами Ближнего Востока христиане (одних бразильцев в сирийскими корнями, по разным оценкам, от 4 до 5 млн.) не симпатизировали мятежникам. В информационной войне против Сирии западные и арабские СМИ делали акцент на страданиях беженцев из Сирии, которые бежали не от правящего режима, а от кровопролития, в котором принимали участие все стороны конфликта. При этом забывалось, что Сирия после 2003 г. сама дала убежище около 1 млн. беженцев из Ирака, которым не могли обеспечить безопасность свергнувшие режим С. Хусейна США и их союзники.

Было очевидно, что и после изнурительных боев режим сохранял значительный запас прочности и был способен противостоять давлению. Армия и силы безопасности в подавляющем большинстве держались сплоченно, не было случаев перехода частей или подразделений на сторону противника. Насильственная же смена власти, к которой призывали внешние акторы, была чревата новым, более масштабным кровопролитием и гражданской войной, которая наверняка может выплеснуться за пределы страны и принять крайне опасный характер затяжного суннитско-шиитского конфликта.

Свидетельством этого явились вооруженные стычки между суннитами и алавитами в Ливане в августе 2012 г. и начавшиеся захваты заложников. В то же время шла постепенная эскалация иностранного вмешательства во внутрисирийский конфликт, причем со стороны не только региональных, но и западных держав. 19 августа газета «Sunday Times» сообщила о том, что британская разведка передает данные о передвижениях и действиях сирийских вооруженных сил, которые она получила через две британские базы на Кипре, боевикам ССА: «Данные британской разведки о передвижениях сирийских войск позволили мятежникам нанести по ним чувствительные удары, в том числе с помощью засады на армейскую колонну из 40 танков»³. В августе ССА получила информацию о том, что ко второму по значению городу страны — Алеппо двигаются две колонны правительственных войск, что помогло ее боевикам в битве за Алеппо. Официальный представитель мятежников сообщил, что их силы в Алеппо также получили снимки, сделанные с американских спутников, переданные им ЦРУ через Турцию. Он также заявил: «Мы получаем разведывательную информацию о российских кораблях, которые заходят на базу в Тартусе, независимо от того, доставляют они оружие или нет. Нас информируют и о визитах китайских и иранских кораблей»⁴.

Можно было утверждать, что суннитско-шиитские противоречия в регионе, подогреваемые геополитическими амбициями региональных и глобальных центров силы, уже в то время достигли весьма высокого накала. Достаточно привести в пример такой парадоксальный факт, как поддержка правительством Ирака режима Б. Асада, который, будучи светским баасистским режимом, являлся столь же явным идеологическим антиподом нынешнего режима в Ираке, находящегося под контролем религиозных партий, как и ненавистный им свергнутый режим Саддама Хусейна. Однако конфессиональная близость алавитского меньшинства, правящего в Сирии, и шиитского большинства, господствующего в иракском правительстве, оказалась выше всех разногласий. Резкое обострение отношений между различными конфессиональными общинами и сектами в Ливане в результате эскалации насилия в Сирии также демонстрировало всю опасность разрастания этого конфликта. Кстати, сам необычайно высокий уровень враждебности к баасистскому режиму Дамаска со стороны правителей суннитских арабских монархий, вовсе не являющих миру эталоны демократии, в значительной мере объяснялся не только тем, что у руководства страной фактически стояли представители не совсем точно причисляемой к шиитскому толку ислама секты алавитов, но и тем, что он всегда рассматривался как главная опора в арабском мире их основного шиитского соперника — Ирана.

³<http://twitter.com/SkyNews/status/236924407728177152/photo/1/large>

⁴Ibid

Возвращаясь к позиции России, замечу, что она также последовательно поддерживала решение о размещении в Сирии наблюдателей ООН, а после отставки К. Аннана — о назначении на его место Лахдара Брахими, продолжая надеяться на то, что конфликт еще есть шанс уладить мирными средствами. Однако формирование в ноябре 2012 г. в результате активной дипломатической деятельности Вашингтона объединения сирийских оппозиционных группировок (правда, далеко не всех) в национальную коалицию оппозиционных и революционных сил (НКОРС) с быстро последовавшим за этим признанием его рядом государств в качестве единственного законного представителя сирийского народа показало, что целый ряд западных и региональных держав решили повторить в Сирии ливийский сценарий. Их открытый курс на военную интервенцию и настойчивые призывы новых лидеров оппозиционного движения увеличить поставки им вооружений (председатель Сирийского национального совета Дж. Сабра заявил: «Нам нужно оружие, оружие и оружие») обрекали страну на трагический вариант развития событий.

На фоне событий «арабской весны», резкого обострения сирийского кризиса и тревожной ситуации вокруг Ирана арабо-израильский конфликт, который в течение десятилетий был ключевой проблемой Ближнего Востока, стал как бы отходить на второй план. В известной мере это было связано и с тем, что прежние схемы урегулирования себя исчерпали, а новые идеи и подходы пока не появились. Стал терять доверие региональных сил международный квартет посредников, и бесконечные призывы сесть за стол и поговорить об урегулировании уже никого не убеждали. Правительство Израиля явно решило воспользоваться ситуацией, чтобы продолжать шаги по освоению оккупированных территорий, расширению прежних и созданию новых поселений, потеряв интерес к возобновлению переговорного процесса, результатом которого могло бы стать возвращение территорий, эвакуация поселений и компромисс по Иерусалиму и проблеме беженцев. Даже не относящийся к числу «ястребов» израильский аналитик Анат Курз высказал мнение, что в сложившихся условиях «все, что остается Израилю и Палестинской автономии, это продолжать концентрироваться на управлении конфликтом»⁵.

Однако обмен ракетными ударами между сектором Газа и Израилем (удары были сначала нанесены организацией «Исламский джихад», а после израильского ответа — движением ХАМАС) в ноябре 2012 г., жертвами которых стало, как всегда, и мирное население, в подавляющей массе — палестинцы, показал, что урегулирование израильско-палестинского конфликта по-прежнему является ключевой, неотложной задачей для мирового сообщества. Запад, Израиль и некоторые арабские лидеры винили в обострении ситуации Иран, который тем самым будто стремился отвлечь внимание от своей ядерной программы. В Израиле все активнее стали говорить о необходимости не только введения войск в сектор Газа, но и нанесения военного удара по Ирану.

Результаты достигнутого при активном посредничестве США и Египта перемирия каждая из сторон — Израиль и ХАМАС, интерпретировали как свою победу. Но несомненным результатом событий было повышение престижа нового, «исламского» президента Египта Мурси, заявившего о себе как о региональном игроке. Египет стал явно претендовать на важнейшую роль в складывающейся «суннитской оси», которая объединяла вместе с ним Саудовскую Аравию,

⁵Kurz, Anat. The Arab Spring and the Israeli-Palestinian Arena. *One Year of the Arab Spring: Global and Regional Implications*. Yoel Guzansky and Marc A. Heller, editors. Memorandum no. 113, March 2012, Tel Aviv University, INSS, p. 69.

Турцию, Палестинскую национальную автономию, монархии Залива, региональные организации «Братьев-мусульман». Как писал израильский комментатор Нахум Барнеа, в этих условиях движению ХАМАС предстояло сделать выбор между Египтом и Ираном: «Если Иран мог предложить ракеты и деньги, Египет может дать иммунитет от израильских атак, суверенитет над Газой и открытую дверь в мир»⁶. США в ходе кризиса подтвердили свою линию на сотрудничество с умеренными исламистами. Это лежало в русле курса победившего на выборах президента Обамы на улучшение отношений с исламским миром. Однако энергичная поддержка США альянса государств «суннитской оси» одновременно вовлекала Вашингтон в противоборство, которое в исламском мире этот альянс повел с блоком шиитских сил во главе с Ираном. Как сказал бывший руководитель специального подразделения ЦРУ по охоте за Бен Ладеном Майкл Шейер, Америка «ведет религиозную войну»⁷.

В сложившейся непростой обстановке, тем не менее, просматривались позитивные элементы, в том числе серьезные шаги к примирению между ХАМАС и Фатх с перспективой создания общего правительства и дальнейшая эволюция движения ХАМАС к прагматизму. Лидеры движения еще до кризиса начали говорить о «ненасильственном сопротивлении» и создании палестинского государства в границах на 4 июня 1967 г., т.е. рядом, а не вместо Израиля. Эти серьезные уступки и приход к власти в Египте в результате Арабского пробуждения движения «Братьев-мусульман» (БМ), к которому ХАМАС исторически восходит, открыли для него перспективу международного признания.

В то же время среди консервативной части западного, в первую очередь американского, истеблишмента усилились настроения негативизма в отношении признанного всем международным сообществом проекта создания независимого палестинского государства как единственно возможного пути решения главного вопроса ближневосточного конфликта. Один из претендентов на кандидата в президенты США от Республиканской партии Ньют Гингрич в ходе предвыборной кампании заявлял, что палестинцы вообще являются «придуманной нацией». Их просто нет, они часть арабов. Здесь американский политик проявил себя «большим католиком, чем папа»: даже правый израильский лидер Нетаньяху хотя бы на словах не подвергал сомнению необходимость создания палестинского государства.

Кстати, рассуждения республиканского политика шли в русле широкого антипалестинского дискурса, в рамках которого палестинцы пренебрежительно изображаются как союзники «арабского отжившего прошлого», связавшие свою судьбу с автократическими режимами, сметенными или сметаемыми «арабской весной», олицетворяющей «рождающееся арабское будущее». При этом коренной вопрос — об их национальных правах — уходит на задний план. Это звучит в унисон с имеющей некоторое распространение в Израиле идеей о том, что палестинцам не нужно государство, так как оно уже есть — это Иордания, где они составляют примерно две трети населения. Данная идея перекликается с одним услышанным мной от одного влиятельного турецкого аналитика концептом, суть которого в том, что практически все арабские государства, являясь бывшими провинциями Османской империи, будто бы существуют

⁶Едиот Ахронот, 22 ноября 2012 г.

⁷В серии телевизионных интервью в 2012 г.

в искусственных границах, созданных колониальными державами, и в этом якобы причина накрывшей их отложенной волны дестабилизации. Иордания была при этом названа в качестве яркого примера такого государства. Это характерный пример неоосманистского дискурса, который появился здесь именно на гребне Арабского пробуждения.

В самом начале Арабского пробуждения я писал о том, что его конечным результатом может быть почти повсеместная замена светских националистических режимов исламистскими. Но исламистские организации в результате свободного волеизъявления арабского электората столь бурно ворвались в политическую жизнь, что это заставляет еще более углубленно рассмотреть всю массу сопряженных с исламизацией Большого Ближнего Востока явлений и последствий. Сегодня события «арабской весны» в пору назвать «великой исламистской революцией». Тунис, Египет, Марокко, Ливия, Кувейт, на подходе Йемен, возможно — Сирия, и этот список может в перспективе оказаться неполным.

Некоторые российские аналитики рассматривают выход на политическую арену в арабском мире исламистов как результат некоего заговора Запада, прежде всего — США, что, на мой взгляд, не имеет серьезных оснований. Однако нельзя не видеть того обстоятельства, что США давно стали выстраивать отношения с умеренными исламистами и, в первую очередь, организациями «Братьев-мусульман», а в ходе событий «арабской весны» поддержали их, рассчитывая улучшить испорченные отношения с исламским миром. Отдельные американские аналитики давно допускали возможность развития «демократизации» Ближнего Востока по исламистскому сценарию. Еще в 2004 г. в работе «Исламский парадокс» бывший высокопоставленный сотрудник нелегальной разведки ЦРУ Рейл Герект высказал мысль о том, что демократия придет на арабский Ближний Восток через «шиитских клириков или суннитских фундаменталистов, а не вестернизированных мусульманских либералов или вестернизированных диктаторов, идущих путем Мустафы Кемала Ататюрка»⁸. Многие в Вашингтоне исходили из того, что либеральная прозападная демократия на Ближнем Востоке невозможна, а выступающие за нее силы обречены на то, чтобы оставаться на обочине политической жизни: «Сильные либеральные демократические движения не получили развития в арабском мире, а исламски ориентированные получили»⁹.

Сама идея «исламского демократического движения» представляется многим на Западе, да и на Ближнем Востоке, путающей. Однако, как заключила весьма значительная часть западного истеблишмента и экспертного сообщества, обращение исламистов к демократическим ценностям для свержения секулярных диктаторских режимов стало не исключением, а правилом. Если исламисты прошлого мечтали о революции, создавали подпольные ячейки, уничтожали своих политических оппонентов, то сегодня, как полагают сторонники этой возобладавшей точки зрения, мейнстримные исламисты, большинство из которых произошли от египетских «Братьев-мусульман», делают ставку на выборные стратегии. Иначе говоря, расчет американских аналитиков, поддерживавших и в какой-то мере инспирировавших исламистскую революцию, строился на концепции «электоральной исламской демократии». Примечательно, что в книге «The Wave»

⁸Gerecht, Reuel Marc. Islamic Paradox. New York, 2004, p. 85.

⁹Gerecht, Reuel Marc. The Wave: Man, God and the Ballot Box in the Middle East. Stanford: Hoover Institution Press, 2011, p. 50.

(«Волна»), написанной в октябре 2010 г., т.е. до начала «арабской весны», Герект фактически предсказал победу исламистов в Египте, заметив, что именно в этой стране исламисты «хорошо покажут себя при любом свободном голосовании», а решающим годом для этого назван 2011 год. Еще более примечательно, что второй страной, где исламистам предстоит победить в результате свободного электорального волеизъявления населения (правда, не в 2011 г., а несколько позднее), автором был назван Алжир.

Замечу по этому поводу, что наиболее сложным испытанием исламистов в их приверженности демократии станет ситуация, когда им будет грозить электоральное поражение, а не победа. Уступят ли они власть, мирно уйдя в оппозицию? Не будем забывать о том, что, по убеждению «Братьев-мусульман», победа в мирной борьбе за власть дарована им Богом. Какое влияние это окажет на их поведение? И действительно ли готовы исламисты (конечно, умеренного, просвещенного толка) жить по правилам светского государства или они, вопреки всем заявлениям, все равно будут преследовать свою главную цель — создание исламского государства?

Что же касается отношения американской правящей элиты к протестному движению в Египте и Арабскому пробуждению в целом, то думаю, что для его понимания ключевым является следующее рассуждение, сделанное еще до событий 2011 г.: «Нетрудно представить такие обстоятельства в Египте, при которых режим Мубарака или его столь же авторитарного преемника попытается сокрушить “Братьев-мусульман”, вызвав возрастающее массовое и все больше использующее насилие сопротивление. Если сегодня “Братья-мусульмане” хотят прийти к власти через избирательные урны, в будущем, когда в стране поднимется массовое насильственное движение протеста, мы сможем увидеть, что верх возьмут харизматические, поднимающие массы сторонников и жаждущие отмщения члены “Братьев”»¹⁰. Вероятно, американские аналитики к тому времени уже извлекли уроки из волнений, которые произошли в Египте в 2007–2010 гг. Хотя истинные намерения БМ и сегодня вызывают подозрения, их политическая программа в целом внушала у экспертного сообщества Запада оптимизм: так, еще в программе, опубликованной в августе 2007 г. египетской газетой «Мисри аль-Яум», говорилось и об ответственных, занимающих свои посты по воле народа правителях, и об укреплении демократии, и о разнообразных и независимых институтах гражданского общества. Это позволило сделать западным лидерам вывод, будто идеологи БМ твердо решили, что «демократия является единственно легитимной политической системой для Египта и всего остального исламского мира». В результате их победы впервые со времен «праведных халифов»¹¹, рассуждал уже упоминавшийся Герект, может возникнуть возможность того, что между лидерами и их обществами в арабском мире установятся «органические, взаимодоверительные отношения»¹².

Естественно, при рассмотрении американской политики в отношении «арабской весны» и ближневосточного региона следует принимать во внимание хорошо известные серьезные противоречия между различными группами политиков и экспертов. Я, в частности, уже писал о взглядах неоконсерваторов на проблемы арабского и исламского мира¹³. Генри Киссинджер

¹⁰Gerecht, op. cit., p. 71.

¹¹Четыре халифа, правившие после смерти Пророка Мухаммада и считающиеся образцом для мусульман.

¹²Gerecht, op. cit., p. 125.

¹³См., в частности: Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М.; Нижний Новгород: «Медина», 2008 и Наумкин В.В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. М.: ИВ РАН, 2011.

отмечает, что при всех разногласиях между консерваторами и либералами, реалистами и идеалистами по отношению к «арабской весне» есть ряд вопросов, на которые Америка должна дать ответ: «Есть ли у нас предпочтения относительно того, какие группировки придут к власти? Или мы нейтральны, коль скоро механизмы основаны на выборах? Если это так, что нужно сделать, чтобы не поощрять новый абсолютизм, который станет легитимным в результате управляемых плебисцитов? Какой исход событий отвечает коренным стратегическим интересам Америки? Возможно ли сочетать стратегический уход из ключевых стран, таких как Ирак и Афганистан, и уменьшение военных расходов с доктринами всеобщей гуманитарной интервенции?»¹⁴ Исходя из принципов радикальной реалистической модели, Киссинджер отмечает, что США «не могут направить ход истории в русло гуманизма и демократии» (хотя есть весьма обоснованные сомнения в том, что они хотят именно этого), так как «историей нельзя управлять, она вершится по собственным законам».

Но вернемся к вопросу о политическом исламе. Конечно, не стоит преувеличивать значение доктринальных разногласий в отношениях между его различными фракциями. Именно потому, что это ислам политический. Однако и игнорировать их было бы неразумно. Между тремя основными течениями исламистов — «Братями-мусульманами» (и близкими к ним структурами), салафитами и джихадистами существуют достаточно серьезные противоречия. Джихадисты на своих сайтах осуждают и БМ, и салафитов за участие в выборах и декларирование приверженности исключительно мирным методам борьбы за власть. При этом и внутри каждого из этих течений велико разнообразие взглядов и интерпретаций исламского вероучения. К примеру, египетских «Братьев-мусульман» объединяют представление об исламе как всеобъемлющей идейной системе, принятие политического плюрализма и элементов демократии, а также отказ от насилия как средства политической борьбы. Однако представители различных школ внутри БМ, например, по-разному смотрят на так называемый *турас* (все наследие исламских ученых прошлого): «модернисты», последователи Мухаммада Абдо и основателя движения Хасана аль-Банни вместо *тураса* призывают руководствоваться Кораном и Сунной, практикуя *иджтихад* (собственные юридические заключения), а традиционалисты (базирующиеся на подходах ученых аль-Азхара) полностью опираются на *турас* и четыре мазхаба суннизма. Последователей учения Сейида Кутба — одного из идеологов радикального политического ислама, казненного в Египте в 1966 г. — отличает чрезвычайно политизированная интерпретация Корана и Сунны и не характеризующееся терпимостью отношение к другим мусульманам и иноверцам. Однако кутбисты, действующие внутри БМ, отличаются от своих более радикальных единомышленников отказом от насилия и концепции *такфира* (позволения предавать анафеме тех, кто не должным образом соблюдает законы ислама, вплоть до их уничтожения). Еще более низкий уровень толерантности характерен для салафитов и ваххабитов, часть из которых примкнула к БМ в 1970-х годах. В целом все «Братья-мусульмане» приняли правила политической деятельности, существующие в западных обществах, ярким проявлением чего явилось само создание ими Партии свободы и справедливости (ПСС). Однако далеко не все члены БМ поддержали это решение, и в движении

¹⁴Киссинджер Г. «Пределы универсализма». Россия в глобальной политике, том 10, № 4, июль-август 2012, с. 35.

до сих пор ведутся дебаты о допустимости и целесообразности этого шага. При этом, как известно, и салафиты Египта создали свою политическую партию «ан-Нур» («Свет»). Но лишь запрещенные группы джихадистов — апологетов насилия категорически отказываются от принятия каких-либо элементов электоральной демократии и плюрализма. Различные группы исламистов по-разному смотрят и на вопрос о месте в исламском государстве, которое они хотят построить, христианского населения.

Следует отметить, что египетских исламистов всех направлений объединяет негативное отношение к тому, чтобы в нем не было бы места продаже алкогольных напитков или азартным играм, а женщины-мусульманки соблюдали бы исламский дресс-код.

Тот факт, что исламисты по-разному интерпретируют те или иные установления шариата, которые, по сути, определяют жизнь человека, уже в краткосрочной перспективе, как мне кажется, будут оказывать немалое влияние на взаимоотношения между различными исламскими группировками. Сошлюсь на пример модернизаторского подхода к исламу со стороны одного из египетских авторов. В феврале 2012 г. в статье под названием «Секулярная сущность ислама», опубликованной в выпускаемой активистами египетской революции газете «Майдан Миср» («Каирская площадь»), Ясир Абу Ауф утверждал, что само понятие «исламского общества» бессмысленно, в отличие от самой политической мотивации, основанной на мусульманской вере¹⁵. «Ислам — религия без Церкви, без наместника над верующими и официального толкователя Писания и вероучения, без официальной догмы и официального Божественного Законодательства», — подчеркивает автор. Соответственно у мусульман нет никаких авторитетов, которые навязывали бы ему ту или иную интерпретацию постулатов вероучения. В этом контексте (оговариваясь, что речь идет о суннитской традиции) автор призывает, к примеру, понимать аяты Корана, посвященные осуждению и наказанию, не буквально, а творчески, относясь к ним как к источнику вдохновения, а не как к юридической норме. Ведь Коран, говорит он, был ниспослан кочевым арабам, и поэтому использовал понятия и образы, соответствовавшие их культуре, не являясь сводом жестких юридических правил, причем эти предписания изложены в самой общей форме. Из этого, считает автор, должен сегодня исходить «мусульманин, который верит во вселенский характер своей религии и свободу ее Священного Писания от оков времени и места».

К примеру, пишет Абу Ауф, Коран предписывает отрубать руку вору и воровке, но воровство бывает разным — от кражи нескольких монет бедняком до кражи миллионов шайкой образованных мошенников с помощью электронного трансфера, а подобное наказание является одинаково бесчеловечным и бесповоротным (пересмотрев приговор, руку обратно не пришить). Значит, это предписание нельзя понимать буквально. То же самое относится к битью не повинующихся мужу жен, когда другие средства воздействия исчерпаны: буквально понимать это означает, будто мусульманину свыше дано предписание совершить жестокое по современным моральным стандартам действие. Нет сомнения и в том, что нельзя юридически воспринимать и содержащееся в Коране предписание хорошо обращаться с рабами и наложницами, так как это означало бы, будто Священная Книга санкционирует давно осужденное человечеством рабовладение.

¹⁵Абу Ауф, Ясир. Аль-Джаухар аль-ильмани лиль-ислам. *Майдан Миср*, №1, 2012, с. 12-13.

Сегодня современное прочтение религии демонстрирует арабам Турция — светское государство с правящей партией исламской ориентации (Партия справедливости и развития), поставившей перед собой цель добиться принятия страны в Европейский союз. Замечу при этом, что декларирование ориентации на Европу не помешало советнику турецкого премьера и лидера ПСП Эрдогана Ибрагиму Калыну заявить в своей речи перед участниками Стамбульского форума 2012 г., что «европейская модель» неприемлема для всех исламских государств в первую очередь в силу памяти о европейском колониализме и «сверхсекулярности» европейских государств. Привлекательность Турции для других исламских государств, вставших на путь модернизации, состоит в сочетании в ее модели рыночной экономики (причем весьма успешной), демократии и ислама. Неудивительно, что Турция наряду с Ираном и Израилем стремится осуществить своего рода капитализацию своего возросшего влияния в регионе в результате «арабской весны» и снижения геополитического потенциала наиболее значительных государств арабского мира. Впрочем, большинство арабов присматривается скорее к модели не турецкой, а египетской, цивилизационно более им близкой и не отягощенной имперским прошлым.

Рост влияния Ирана вызывает особую обеспокоенность как западных держав, так и у Израиля и соперников Тегерана в арабском мире, в первую очередь — у государств Персидского залива. Ядерная программа Ирана после начала Арабского пробуждения особенно активно использовалась для нагнетания обстановки вокруг этой страны. Бывший начальник разведки Саудовской Аравии эмир Турции Фейсал сказал 5 декабря 2011 г. на форуме «Залив и мир» в Эр-Рияде, что если королевство окажется между двумя ядерными арсеналами — израильским и иранским, оно последует примеру Тегерана и рассмотрит вопрос о возможном производстве ядерного оружия. Это заявление было воспринято как послание, адресованное Вашингтону, с требованием ужесточить меры против Ирана. Не случайно время такого послания совпало с беспрецедентной эскалацией антииранской риторики в США. Показательно, что советник по национальной безопасности США Том Донилен заявил, что время политики «кнута и пряника» в отношении Ирана закончилось.

При этом уже не ставился под сомнение сам факт существования иранской военной ядерной программы, хотя еще недавно такой уверенности у американских аналитиков не было: все сходилось на том, что Тегеран лишь создает технологическую базу для максимально быстрого производства ядерного оружия, если политическое решение об этом будет принято. В то же время делались заявления, противоречащие тезису о приоритетности иранской ядерной угрозы, суть которых в том, что опасна не возможность превращения Ирана в ядерную военную державу, а сам характер иранского режима.

Создавалось устойчивое убеждение в том, что на Иран натравливаются государства ССАГЗ, напуганные растущими мощью и амбициями этой страны. В этих странах продолжают говорить о вмешательстве Тегерана во внутренние дела арабских государств Залива, хотя, к примеру, независимая международная комиссия правозащитников по расследованию событий на Бахрейне, начавшихся в феврале 2011 г., пришла к выводу, что обвинения в адрес Тегерана насчет его причастности к организации массовых беспорядков с участием шиитского большинства необоснованны. Кстати, король этой страны тогда проявил немалую

смелость (единственный из всех правителей монархий Залива), приняв решение пригласить комиссию, вероятно, не без учета давления со стороны американской администрации, которую даже ее близкие союзники в регионе (к примеру, турецкие высшие официальные лица) обвинили в проведении «двух ближневосточных политик» — одной в Северной Африке, в поддержку демократии, другой — в Заливе, в поддержку «авторитарных правителей». Комиссия во главе с американцем египетского происхождения Шарифом Басьюни обвинила пользующиеся полной безнаказанностью бахрейнские силы безопасности в систематических пытках заключенных (в большинстве случаев — шиитов), от которых пятеро из них скончались. Бахрейнским властям удалось подавить массовые демонстрации шиитского населения, составляющего около 70% населения и требующего от правящей суннитской династии предоставления ему соответствующих прав, лишь с помощью ввода саудовских войск. Не случайно уже упоминавшийся М. Линч назвал Бахрейн «первым великим полем битвы контрреволюции» и писал о том, как арабские СМИ, в частности, «аль-Джазира», проявляли двойные стандарты, замалчивая нарушения прав человека в этой стране: аресты врачей за оказание помощи пострадавшим демонстрантам, изгнание из университетов профессоров и студентов по малейшему подозрению в связях с протестным движением и т.п.¹⁶ К концу 2012 г. ситуация на Бахрейне вновь обострилась, власти страны приняли решение о лишении участников антиправительственных демонстраций бахрейнского гражданства, что вызвало протесты среди правозащитников в регионе и на Западе.

Вторым обвинением в адрес Тегерана в вышеупомянутой информационной кампании (после разработки ядерного оружия) стала поддержка терроризма: от вооружения движения ХАМАС и «Хизбаллы» до попытки убийства саудовского посла в Вашингтоне. Удивительно, что оба эти обвинения фактически полностью повторяли те, что в недавнем прошлом предъявлялись режиму Саддама Хусейна в Ираке и послужили поводом для вооруженного вторжения в эту страну, хотя потом ни одно из них не нашло подтверждения.

Некоторые эксперты из региона в то время полагали, что именно странам ССАГЗ, а вовсе не Израилю, предстояло сыграть первую скрипку в проведении планируемой силовой акции против Тегерана, реальность которой становилась все более осязаемой. Необходимость защитить эти государства от «агрессора» явно изображалась в качестве оправдания участия неисламских игроков во втором этапе операции.

Очевидная нервозность американцев в отношении Ирана, безусловно, была связана с неопределенностью развития событий в Ираке, разворачивавшихся там после вывода американских войск. На слушаниях в подкомитете по национальной безопасности, внутренней обороне и зарубежным операциям палаты представителей Конгресса США 15 ноября 2011 г. известный американский эксперт по региону Кеннет Поллак признал, что «в настоящее время ситуация в Ираке неблагоприятна для интересов США и их союзников». При этом, по его мнению, иранцы якобы могли захотеть доминировать в этой стране, превратив ее для Тегерана в «подобие режима Асада в Сирии или “Хизбаллы” в Ливане».

¹⁶Lynch, op. cit., p. 135–141.

Независимо от намерений Тегерана, мировое сообщество проявляло единодушие в стремлении не допустить превращения Ирана в государство, обладающее ядерным оружием, добиваясь большей прозрачности иранской деятельности в ядерной сфере и отказа от программ обогащения урана. Планы создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия (или оружия массового уничтожения), в турбулентных условиях Арабского пробуждения становились все более эфемерными: ожидать от Израиля изменения своей политики в этой сфере, когда он демонстрировал все большую обеспокоенность по поводу своей безопасности и угрожал войной против Ирана, было вряд ли возможно. Парадоксальным выглядел раздавшийся в разгар антииранской кампании призыв одного из отцов американской теории реализма и видного эксперта по проблемам ядерного оружия Кеннета Уолтца, опубликованного летом 2012 г. статью под названием «Почему Ирану нужно заполучить бомбу: ядерный баланс будет означать стабильность»¹⁷. В ней он доказывает, что баланс между вооруженными ядерными бомбами Израилем и Ираном стабилизировал бы ситуацию на Ближнем Востоке и не вызвал бы никакого эффекта домино, как в случае с Индией и Пакистаном, и «Соединенным Штатам и их союзникам не стоит предпринимать столь болезненные усилия для того, чтобы помешать иранцам обзавестись ядерным оружием».

Замечу, что пока «арабская весна» обошла Иран стороной. И можно согласиться с израильским аналитиком Амосом Ядлином, который писал: «До тех пор, пока “арабская весна” не придет в две ключевые державы региона — суннитскую Саудовскую Аравию и шиитский Иран, ее воздействие будет хотя и важным, но ограниченным»¹⁸. Однако влияние победившего политического ислама на те страны мира, где живут мусульмане, все равно будет заметным, и этот тренд точно отмечают авторы статей сборника. Мы не знаем, какие еще страны будут вовлечены в круговорот «арабской весны» и как долго она продлится.

Многие американские политики и эксперты уверены, что в отношениях между рожденными Арабским пробуждением, в том числе исламистскими, режимами и вообще исламским миром наступает новая эра — эра сотрудничества и взаимопонимания. Отдельные аналитики даже стали говорить о некоем формирующемся альянсе. Время показало, что это совсем не так. Об этом свидетельствовала прокатившаяся по странам исламского мира в сентябре 2012 г. вслед за появлением в США оскорбительного для религиозных чувств мусульман фильма под названием «Невинность мусульман» волна антиамериканских демонстраций. Как известно, в ряде случаев толпа штурмовала западные посольства, а в ливийском городе Бенгази — колыбели поддержанного Западом ливийского мятежного движения — были убиты американский посол в Ливии и сотрудники посольства США. Это было особенно болезненно воспринято в Вашингтоне еще и потому, что группа, которая совершила данный теракт, вооружалась и финансировалась американскими спецслужбами. Не случайно состоявшую в ноябре 2012 г. отставку с поста директора ЦРУ популярного генерала Петреуса ряд американских аналитиков интерпретировал как наказание за допущенный просчет, хотя официальная версия отставки связывала ее с адюльтером.

¹⁷Waltz, Kenneth N. Why Iran Should Get the Bomb: Nuclear Balancing Would Mean Stability. *Foreign Affairs*, July/August 2012, Volume 91, number 4, p. 2–5.

¹⁸Yadlin, Amos. The Arab Uprising One Year On. *One Year of the Arab Spring*, p. 18.

Тем не менее, американские аналитики продолжали охотно давать советы лидерам арабского мира. Так, один из крупнейших специалистов США по Ближнему Востоку Энтони Кордесман пишет о «списке факторов», который должны учитывать правительства ближневосточных государств (наряду с принятием мер в отношении роста населения и роста доли молодежи), чтобы «избежать в будущем волнений, появления провалившихся государств и правительств». Это: статус среднего класса, распределение доходов, уровень бедности; занятость и качество работы; образование; роль женщин; услуги и коммунальные службы; иностранная рабочая сила; гиперурбанизация; госсектор и занятость; сельское хозяйство; военные расходы; спецслужбы, суды национальной безопасности и законы о чрезвычайном положении; верховенство закона; коррупция; цензура и влияние альтернативных средств массовой информации и коммуникаций¹⁹.

Пришедшие к власти в результате «арабской весны» новые политические силы, в первую очередь — исламисты, а также и оставшиеся у власти в других странах региона правительства, действительно сталкиваются со многими вызовами и проблемами, в первую очередь экономического порядка, и от того, как они будут решать их, зависит их будущее. В решении этих проблем они будут нуждаться в сотрудничестве с Западом, несмотря на антиамериканизм «арабской улицы». Но антиамериканские настроения пронизывают и те общества, правители которых считаются надежными союзниками Америки, в частности некоторые монархии Персидского залива.

В сложившихся условиях для российского научного и экспертного сообщества чрезвычайно важно постоянно анализировать процессы, идущие на Ближнем Востоке и во всем исламском мире. С одной стороны, России предстоит выстраивать отношения с «новыми» силами, пришедшими к власти в странах, где произошли перевороты, в том числе исламистами. С другой стороны, необходимо уберечь российское мусульманское сообщество от влияния инородных для него концептов, а также от втягивания его в чужие идейно-политические войны, угрожающие не только гармоничному сосуществованию конфессиональных и этнических групп в нашей стране, но и самому благополучному существованию мусульман. Это — задача, которую предстоит решать и государству, представляющему интересы всех групп населения страны, и самим мусульманам. Необходимо уделять внимание запросам и нуждам мусульманского населения нашей страны, обеспечивая его комфортное существование, а также отражению посягательств извне на его самобытность и культурную состоятельность. Обладая богатейшим культурно-религиозным просветительским наследием, гораздо более привлекательным для современного человека, чем многие транспортируемые из цивилизационно чуждых нам стран идеи, мусульманское сообщество России само могло бы оказывать влияние на исламское зарубежье, особенно на мусульманские общины Европы.

¹⁹Cordesman, Anthony. Rethinking the Arab “Spring”: Stability and Security in Egypt, Libya, and the Rest of the MENA Region. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2012, p. 4–5.

Е.М. Примаков

Ближневосточный курс России: исторические этапы

Ближний Восток исторически был и остается в сфере особых интересов России. В связи с изменениями в регионе и внутренними трансформациями в нашем государстве мотивы российской ближневосточной политики менялись, подчас коренным образом. Переменялись приливы и отливы в активности России на Ближнем Востоке, но в целом это направление не становилось второстепенным в российской политике.

Ближний Восток исторически считается «подбрюшьем» России. Хотел бы подчеркнуть эту мысль также в связи с «недоумением» ряда американских политиков, да и некоторых наших политологов, по поводу активной позиции современной России в отношении тех или иных событий в ближневосточном регионе. Можно считать, что российский интерес к ним сопоставим с интересом США к развитию обстановки в Латинской Америке.

До Первой мировой войны ближневосточный курс России фактически сводился к отношениям с Османской империей, которая на вершине своего расцвета простиралась от предместьев Вены до Персидского залива, от Крыма до Марокко. В Османскую империю фактически входил весь арабский мир, Балканы, Передняя Азия. В XVII–XIX веках Россия вела целый ряд войн с Турцией (Османской империей) с целью выхода к Черному морю. Вместе с тем российские действия подогревались, а в ряде случаев были непосредственно вызваны стремлением Турции и ее вассала — Крымского ханства — расширить свои территории. В результате русско-турецких войн Османская империя

потеряла северное Причерноморье и Крым. Основной причиной русско-турецких войн было стремление двух стран к территориальной экспансии. Но при этом мотивом военных действий со стороны России нередко была помощь христианским народам Балкан и Кавказа, борющимся за освобождение от османского ига.

В Первую мировую войну Османская империя вступила на стороне Германии и Австро-Венгрии. Потерпев поражение, она лишилась всех своих владений, над которыми в той или иной форме был установлен контроль странами Антанты.

После победы Октябрьской революции начался новый этап политики Москвы в отношении Ближнего Востока. Отправным моментом стала теперь уже поддержка действий Турции против интервенции стран Антанты. О характере складывающихся отношений советской России и Турции свидетельствует текст посланий, которыми обменялись две страны. 26 апреля 1920 года турецкий лидер Мустафа Кемаль (получивший общепризнанное имя Ататюрк — отец всех турок), сразу после открытия Великого национального собрания Турции, обратился к правительству РСФСР с письмом, в котором говорилось: «Мы принимаем на себя обязательства соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных». На следующий день после того как письмо было доставлено в Москву (для этого потребовалось больше месяца) нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил ответное послание: «Советское правительство, — говорилось в нем, — с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свои независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкие и русские народы». День направления этого послания — 2 июня 1920 года — считается датой установления дипломатических отношений между двумя государствами. «Победа новой Турции над интервентами была бы сопряжена с несравненно большими жертвами, или даже совсем невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально, и материально», — заявил Ататюрк.

В 20–30-е годы ближневосточная политика Москвы формировалась главным образом под воздействием идеологических соображений. Государственная заинтересованность в развитии связи с арабскими странами — в большинстве своем в тот период колониями и полуколониями — сводилась к минимуму. Активность наблюдалась по партийной линии. Были сделаны попытки через Коминтерн — в некоторых случаях безуспешные — создать коммунистические партии в ряде стран Ближнего Востока. Однако эти партии — в то время, как правило, небольшие группы интеллигенции — не сыграли заметной роли в политической жизни ближневосточных стран. Накануне Второй мировой войны произошел отход Советского Союза от господствовавшей в начале его существования идеи распространения революции на другие страны. В Москве пришли к выводу о неосуществимости этой цели.

Активизация государственной политики СССР в арабском мире началась после окончания Второй мировой войны, когда рухнула веками создаваемая колониальная система. Не выдерживают критики разглагольствования о том, что СССР участвовал в свержении

колониальных и зависимых режимов, которые потерпели крах не при помощи Москвы, а в результате борьбы национальных сил. Докладывая о причинах прихода к власти революционных сил в Ираке в 1958 году, американский посол в Багдаде Уильям Галлман писал в шифротелеграмме, направленной в Вашингтон, что «переворот в Ираке не был делом рук Москвы». А посол Великобритании в Ираке Майкл Райт докладывал в ФоринОффис: «Подобно ситуации в Египте, где группа офицеров во главе с Насером свергла короля Фарука, переворот в Ираке был вызван растущим недовольством политикой и действиями короля Фейсала и его подручного премьер-министра Нури Саида».

Естественно, на обстановку на Ближнем Востоке оказала влияние и общемировая ситуация, порожденная разгромом гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Небывалого могущества достиг Советский Союз, сыгравший основную роль в обеспечении этой победы. Позитивно сказался и тот факт, что США тогда еще не встали в ряд с колониальными державами.

После Второй мировой войны возросло значение Ближнего Востока и как огромного нефтяного резервуара для быстро развивающих свою экономику западных стран, и как военно-стратегического плацдарма вблизи к границам Советского Союза — основного противника США в начавшейся холодной войне. Район представлял далеко не однородную картину. Приход к власти революционных националистов ограничился частью арабского мира. Сохранились монархические режимы в зоне Персидского залива, в Марокко, Иордании. Особая ситуация сложилась в многоконфессиональном Ливане. США, Англия и Франция сделали ставку на военные блоки, в которые или, по меньшей мере, в орбиту своей политики пытались втянуть арабские страны, особенно с революционно-националистическим руководством. В этом была суть попыток сохранить свой контроль над Ближним Востоком в постколониальных условиях. Другая сторона «блоковой политики» связывалась со стремлением создать препятствие активизации СССР на Ближнем Востоке.

После создания государства Израиль резко обострились арабо-израильские противоречия. Военная, экономическая и политическая помощь Израилю со стороны США и их союзников изменила в пользу этого государства военный баланс в регионе.

Неоднозначно складывалось положение и в тех бывших колониальных и зависимых арабских странах, где к власти пришли революционные националисты — некоторые сразу, другие вследствие череды переворотов, организованных бывшими колониальными державами или происходивших в результате междоусобной борьбы. Вместе с тем при всей неоднородности, неоднородности новых правителей, сложных, иногда враждебных отношений между ними можно отметить и общие черты, которые позволяют выделить революционных националистов в отдельную политико-идеологическую категорию. Команды, укрепившиеся в разное время во власти в Египте, Сирии, Ираке, Судане, Алжире, Тунисе, Ливии и Южном Йемене, характеризовались действиями по ликвидации остаточных военных и экономических позиций колониальных держав, отсутствием генетических привязанностей к исламу и терроризму, приверженностью к мелкобуржуазным идеям социального

прогресса, антикоммунистическим настроением во внутренней политике, прагматизмом во внешней политике, проявлявшимся в зигзагообразном развитии отношений с Западом и в неоднозначном сотрудничестве с СССР. Всех их объединял враждебный подход к Израилю как к государству, созданному в ближневосточном регионе и осуществляющему территориальную экспансию.

Не все эти характеристики совпадали с интересами СССР на Ближнем Востоке, но выбор был сделан в пользу развития отношений с революционными националистами и, как представляется, основным побудительным мотивом при этом была не идеология, а политика. Хотя идеология до поры до времени продолжала освящать советский ближневосточный курс, но теперь уже в целях его теоретических обоснований.

Серьезным препятствием на пути сближения СССР с арабскими революционными националистами стал их антикоммунизм. Он доводил до кровавых расправ с членами местных компартий, как это случилось и в Ираке, и в Судане. Москва не могла игнорировать этот факт и пыталась повлиять на руководство двух сторон с целью сближения или хотя бы прекращения жесткой конфронтации между ними. Не всегда это удавалось — вина ложилась не только на новых правителей, но и на руководство коммунистических партий, нередко претендовавших на исключительную роль в отношениях своих стран с СССР.

Но вражда между постколониальными режимами и коммунистами не превратилась в нечто, определяющее ближневосточный курс Советского Союза. Произошло это не сразу, так как в ЦК ВКП(б), а до конца 50-х годов и в ЦК КПСС, исходя из догматических представлений, считали, что национально-освободительное движение в мире может развиваться только под руководством компартий или в крайнем случае с их участием в «коллективном руководстве». Однако жизнь заставила признать ведущую роль в национально-освободительном процессе за мелкобуржуазными революционерами, которые отрицали и диктатуру пролетариата, и классовую борьбу, и вообще деление общества на классы.

Выходу из идеологического тупика была призвана служить теория некапиталистического развития стран социалистической ориентации. Был пущен в оборот даже термин «революционные демократы» — так стали называть и тех, кто не имел ничего общего с демократией, а в ряде случаев перерождался в фашиствующих правителей. Должен сказать честно, что в тот период и автор этих строк был приверженцем теории социалистической ориентации. Ее широкое распространение среди советских научных кругов во многом объяснялось стремлением преодолеть догматизм тех, кто отрицал роль мелкобуржуазных руководителей в постколониальном мире и продолжал считать их противниками социализма.

После смерти Насера — разве это не показатель роли личности в истории! — в арабском мире стали развиваться события, продемонстрировавшие несостоятельность идеологических одежд, в которые СССР облакал свой ближневосточный курс, и они были окончательно отброшены. В период, когда бушевала холодная война, военно-политическое измерение советской политики на Ближнем Востоке стало первоочередным. В подходах СССР к той или иной арабской стране важнейшим определяющим стала ее внешнеполитическая ориентация, отношение к военным блокам, особенно к Багдадскому пакту.

Иллюстрацией может послужить незамедлительная и решительная реакция Кремля на попытку разгромить неизвестные ему в ту пору силы, которые не только совершили военный переворот в Ираке в 1958 году, но сразу же повесили замок на дверь штаба Багдадского пакта. 4 августа Н.С. Хрущев заявил: «Советский Союз решил тогда оказать поддержку и защиту иракской революции. Чтобы сдержать Турцию, Пакистан и Иран, которые могли разгромить революцию, мы провели военные маневры на наших границах с Турцией и Ираном, а также на болгаро-турецкой границе».

Во время холодной войны у СССР, по сути, не было иного выбора, как опереться в своей ближневосточной политике на революционно-националистические режимы, какими бы они ни были тяжелыми партнерами. Такой выбор определил и советскую линию в отношении находящегося в жесткой конфронтации с этими режимами Израиля, за спиной которого стояли США — главный противник СССР в холодной войне. Но Москва никогда не поддерживала лозунгов тех арабских, а одно время и палестинских лидеров, которые угрожали уничтожить Израиль как государство. Более того, с целью заглушить арабско-израильский пожар и понимая значение США в деле урегулирования арабско-израильского конфликта, СССР предлагал совместные действия с американцами на дипломатическом поле. Так после войны 1973 года Советский Союз вместе с Соединенными Штатами (в Москву прилетел госсекретарь Г. Киссинджер) подготовили Женевскую конференцию. США искали пути прекращения нефтяного эмбарго, объявленного во время войны всем арабским миром и Ираном, и их позиция стала выглядеть более конструктивно. Появилась перспектива увязки прекращения военных действий на Ближнем Востоке с началом общего политического урегулирования. Но надежды оказались иллюзорными. Позже Г. Киссинджер откровенно напишет в мемуарах, что Женевская конференция «...была средством собрать в одну упряжку все заинтересованные стороны для одного символического акта и посредством этого сделать так, чтобы каждый мог проводить сепаратный курс, хотя бы на некоторое время. Было сложно и собрать такую большую встречу, и после этого держать ее в бездейственном состоянии, в то время как дипломатия возвращается к двусторонним каналам». В Москве государственный секретарь США договаривался совсем о другом.

Холодная война привела к тому, что СССР и США стали поставлять оружие своим партнерам на Ближнем Востоке, который превращался в один из основных плацдармов конфронтации супердержав. Советский Союз направил в Египет, Сирию и Иран своих военных специалистов для обучения пользоваться этим вооружением.

Итак, каждая из двух сверхдержав опиралась на Ближнем Востоке на своих «клиентов». Казалось бы, действия СССР и США были «зеркальными», но не во всем. В отличие от США Советский Союз не стремился втянуть арабские страны в свой военно-политический блок — Варшавский договор. Более того, советское руководство ответило отказом Насеру, который после жесткого поражения в «шестидневной войне» 1967 года поднял тему присоединения ОАР к Варшавскому договору в переговорах с председателем президиума Верховного совета СССР Подгорным в Каире. При этом Насер сослался на поддержку своего предложения президентом Сирии.

Еще одним отличием советского ближневосточного курса от политики США был тот неоспоримый факт, что и во время холодной войны, и после нее СССР, а затем и Российская Федерация никогда не использовали в своих интересах исламистов. Что касается США, то они задействовали исламистов, в том числе самых радикальных, против советских солдат в Афганистане. Такая безрассудная политика, кстати, способствовала трагедии 11 сентября 2001 года — после вывода советского контингента из Афганистана выпестованная не без американской помощи «Аль-Каида» во главе с Бен Ладеном обрушилась теперь уже на Соединенные Штаты.

США использовали агрессивный исламизм не впервые в Афганистане. Еще в 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия при участии ЦРУ в арабском мире появились группы исламистов, готовых действовать методом террора. Был образован исламский центр в Женеве, на базе которого готовилось убийство Насера. Небольшие исламские группы были созданы ЦРУ в восточной части Саудовской Аравии. Неизвестно, каким образом эти группы использовались, но создание их ЦРУ — достоверный факт.

Противоречия между СССР и США на Ближнем Востоке подчас достигали кульминационной отметки. Во время арабо-израильской войны в 1973 году Л.И. Брежнев, возмущенный тем, что Израиль игнорирует решение Совета безопасности ООН о прекращении огня, 23 октября направил по «горячей линии» отнюдь не дипломатическое послание Никсону. В нем говорилось: «Почему Израилем допущено вероломство — Вам виднее. Мы видим единственную возможность исправить положение и заставить Израиль немедленно подчиниться решению Совета Безопасности». В тот же день Никсон ответил, что Соединенные Штаты «берут на себя ответственность за то, чтобы полностью прекратить военные действия со стороны Израиля».

Израиль продолжал игнорировать требования Совета Безопасности ООН, и отдельные члены Политбюро ЦК КПСС требовали «демонстрации присутствия советских войск в Египте». Это требование было отвергнуто, но решили направить жесткое послание в адрес Никсона с намеком на возможность военного вовлечения СССР и одновременно начали маневры с участием авиации в Закавказье.

Пожалуй, только ситуации на Кубе в 1962 году и на Ближнем Востоке приводили СССР и США к такому накалу страстей, который мог перерасти в прямое вооруженное столкновение. Но побеждала сдержанность, здравый смысл, даже ценой потери некоторых позиций и лица.

Я далек от того, чтобы представлять советский курс на Ближнем Востоке в розовом цвете — были и промахи и ошибки. Но для объективного анализа этого курса необходимо рассматривать условия, в которых он осуществлялся. Это в полной мере относится и к периоду после окончания холодной войны, когда начался новый этап ближневосточного курса России.

Каковы новые черты ближневосточной ситуации? Экономический, политический и военный интерес США и их союзников к региону сохранился, хотя прямая антироссийская направленность такого интереса снизилась. Но не до минимума. Об этом свидетельствует в

том числе и проявляющееся стремление США расширить стратегическое значение Ближнего Востока за счет соседнего Центрально-Азиатского региона. Отчетливо вырисовывается такая закономерность: чем больше усилий прилагают США для укрепления своих позиций в той или иной бывшей среднеазиатской республике СССР, тем отчетливее проявляются осложнения отношений этой страны с Россией.

Четко обозначился и такой феномен: США рассматривают практически все события на Ближнем Востоке через призму борьбы против Ирана, который стал главной мишенью американской политики в регионе. Это тоже затрагивает Россию, так как прежде всего создается опасность серьезной дестабилизации на Ближнем Востоке и Центральной Азии. Сказывается и то обстоятельство, что соседний с Россией Иран является ее крупным торгово-экономическим партнером.

Россия также как и США опасается ядерного вооружения Ирана, но стремится не допустить этого политическими средствами. Вашингтон же не исключает применение военной силы. Это не значит, конечно, что Вашингтон уже готов осуществить такой вариант, очевидно, в США при нынешней администрации все еще взвешивают все «за» и «против». Но тон может задать Израиль, который не скрывает своей подготовки нанесения удара с воздуха по иранским ядерным объектам. Создается положение, когда даже вопреки советам американской администрации Израиль может нанести удар по Ирану, рассчитывая, и не без оснований, что США его поддержат.

С попыткой изолировать Иран, ослабить его, многие справедливо связывают линию США и их европейских союзников, направленную на свержение режима Б. Асада, имеющего с Ираном тесные отношения. Пытаясь ликвидировать сирийский режим, США и их союзники пользуются поддержкой Лиги арабских государств (ЛАГ), особенно Саудовской Аравии и Катара. Такая ситуация сложилась, пожалуй, впервые. Она объясняется тем, что в результате американской интервенции в Ираке был резко нарушен шиитско-суннитский баланс на Ближнем Востоке. Трудно предположить, что США хотели этого, но в результате бездумной интервенции, совершенной к тому же в обход Совета Безопасности ООН, резко возросла борьба между шиитами и суннитами. Шиитское большинство Ирака действительно притеснялось при Саддаме Хусейне. Но, придя к власти в оккупированном американцами Ираке, шииты убрали арабских суннитов практически из всех центральных органов власти и выступили против федерального устройства страны (курды тоже сунниты, но обладают автономией и строят свои отношения с властью не на религиозной, а на национальной и социально-экономической основе, не являясь партнерами иракских суннитов).

В результате американской интервенции, разрушившей Ирак как противовес Ирану, произошло основное изменение в шиитско-суннитском балансе сил. Региональной державой стал шиитский Иран, активизировались шиитские меньшинства в королевствах Персидского залива, в Йемене. Начали вырисовываться контуры «шиитского пояса» от Ирака через Иран, Сирию до Ливана, где демографическая динамика складывается в пользу мусульман-шиитов. Сирия, возглавляемая алавитским меньшинством населения, рассматривается чуть ли не как важнейшее звено, без которого непрерывность

«пояса» будет нарушена и он фактически существовать не сможет. Позиция ЛАГ по сирийской проблеме во многом связана с опасением Ирана, заметно усилившегося после интервенции США.

В такой сложной обстановке Москва заняла конструктивную позицию. Выступая против внешнего вооруженного вмешательства в Сирии, Москва исходит из того, что это подогреет гражданскую войну, которая может вылиться за пределы этой страны и серьезно накалить всю региональную обстановку. Россия имеет тесные многосторонние связи с Сирией и это тоже, естественно, повлияло на нашу политику, направленную на прекращение вооруженных действий между оппозицией и правительственными войсками, предоставление самим сирийцам решать вопрос о характере режима в стране, включая и ее руководство.

Только при поверхностном и необъективном подходе сирийская кровавая трагедия может расцениваться как порождение «арабской весны» — революционной волны, стихийно обрушившейся в начале 2011 года на ближневосточные авторитарные режимы. Основной движущей силой мирных по своему характеру грандиозных демонстраций была молодежь, сорганизовавшаяся с использованием Интернета. От Туниса и Египта не без помощи телевидения волна захлестнула многие другие арабские страны с авторитарными режимами. Среди них была и Сирия. Но в чем особенность: в двух арабских странах — Ливии и Сирии — с самого начала демонстрации превратились в очаги вооруженных действий против полиции, а затем и армии. Не исключено, что Каддафи и Асад со своими окружениями пытались подавить демонстрации силой, но не в качестве ответной меры, а с самого начала оружие было использовано и против тех, кто защищал власть. Кто вооружил демонстрантов — на этот вопрос ответит история.

США и их союзники не были зачинщиками «арабской весны». Более того, свергнутые в Тунисе и в Египте Бен Али и Мубарак не могли не устраивать Вашингтон и НАТО в целом, так как они слыли борцами против терроризма и исламистов. Что говорить, и Россия имела с ними достаточно тесные отношения. Но коррумпированность режимов, их авторитарное нутро, замаскированное демократическими названиями отдельных властных структур, отсутствие свобод, безработица, особенно среди молодежи, диктат одного лица во всем и вся, — все это и породило революционную волну. Убедившись в неспособности ее остановить, американские политики решили действовать иными путями. На Бахрейне, где базируется американский пятый флот, демонстрантов подавили солдаты и полицейские, введенные из Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Совершенно очевидно, что это не могло быть сделано без согласия Вашингтона. В Ливии американцы тоже предпочли «не светиться» — при провоцирующей роли бывшего французского президента Саркози вооруженные действия предприняло НАТО, а американцы, поддержав эти действия, отозвали свою авиацию.

Внешнее военное вмешательство в Ливии привело к свержению режима Каддафи. Он был растерзан озверевшими повстанцами. Кто сыграл решающую роль во взятии ливийской столицы Триполи и задержании Каддафи — на этот вопрос тоже ответит история.

Так или иначе, но трудно представить себе, что это было сделано необученными, даже не умеющими владеть оружием повстанцами — мы видели по телевидению толпу людей разных возрастов, позирующих перед телекамерами и беспорядочно стреляющих в воздух в честь своей победы. В это же время западная пресса писала о присутствии в Ливии британского и французского спецназов. Неужели можно поверить, что они прибыли в страну для обучения повстанцев и за несколько недель превратили их в силу, способную разгромить регулярную армию? Конечно, сыграли свою роль и натовские бомбардировки. Согласно решению Совета Безопасности ООН, авиация НАТО должна была лишь обеспечить «закрытие неба», то есть превентивно воспрепятствовать самолетам Каддафи бомбить мирное население, а в действительности обрушила тысячи бомб и ракет на ливийскую армию.

Нужно признать, что при принятии этой резолюции Россию обманули, заверив, что НАТО ограничится лишь контролем воздушного пространства над Ливией, а на самом деле организовали ликвидацию избранного режима, каков бы он ни был.

Организаторы свержения Каддафи уверяют, что своими действиями они привносят демократию в арабские страны. Хорошей иллюстрацией такой «демократии» служит сегодняшняя Ливия: разбухшая племенная война, угроза территориального распада страны, отсутствие законности и безопасности людей, хаос. Словом, все та же картина, как после американской операции в Ираке, тоже проведенной под «демократическими знаменами».

Россия и Китай, не дав обмануть себя во второй раз, наложили вето на все резолюции Совета Безопасности, которые могли бы открыть двери внешнему вооруженному вмешательству в Сирии.

События, к огромному сожалению, показали, что демократические изменения в арабском мире не такие уж легкие и однозначные процессы даже в том случае, когда за них борются внутренние силы. Характерно в этом плане избрание нового президента Египта — Мухаммеда Мурси. Несомненно, что это было проявлением воли народа, выборы впервые прошли демократично. Такому волеизъявлению способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, голосование стало протестом против старого режима, при котором организация «Братья-мусульмане» была запрещена, а ее члены подвергались аресту. Во-вторых, главным соперником М. Мурси был бывший при Мубараке премьер-министр, и его ассоциировали с прежней властью, обвиненной в том числе в расстреле мирных демонстрантов. В-третьих, «Братья-мусульмане» — самая организованная политическая сила в Египте, которая хотя и не принимала участие в начальном этапе революционной волны, захлестнувшей каирскую площадь Тахрир, но многие ее члены были среди демонстрантов, слились с ними и не воспринимались в качестве чего-то постороннего. В-четвертых, «Братья-мусульмане» сразу же в начале «арабской весны» образовали партию «Свобода и справедливость», которая отказалась от исламской витрины и даже объявила, что готова принять в свои ряды всех, в том числе христиан-коптов. В-пятых, светские партии в Египте на данный момент не смогли противостоять «Братьям-мусульманам» и, более того, не исключено, что многие поддержали их кандидата, считая его способным противодействовать усилившим свои позиции радикальным исламистам из партии «Ан-Нур».

Обращает на себя внимание, что в первом же своем заявлении Мурси сказал, что намерен стать «президентом для всех египтян» и поэтому выходит из ассоциации «Братья-мусульмане» и из партии «Свободы и справедливости». Вместе с тем он заявил, что Египет будет соблюдать все свои международные обязательства. Естественно, что к этому заявлению был прикован широкий интерес, т.к. преобладающее число государств выступают за сохранение мирного соглашения между Египтом и Израилем.

Но можно ли на всем этом поставить точку? Очевидно, нет. Прежде всего потому, что на поверхность выходят серьезные экономические трудности — в течение всего года египетская экономика буксовала. К этому может прибавиться и отсутствие профессиональных навыков у тех, кто пришел к власти — критиковать всегда легче, чем созидать. Безусловно, серьезную силу продолжают представлять собой те, кто голосовал против Мурси — он победил лишь одним миллионом голосов из 27 с половиной миллионов принявших участие в президентских выборах. Не так просто новому президенту Египта будет и противостоять настроениям «египетской улицы», которые подогреваются постоянными налетами израильских ВВС на Газу. Египет в течение многих лет при президенте Мубараке играл роль посредника, стремясь наладить палестино-израильские переговоры и стабилизировать ситуацию в Газе — бывшей до шестидневной войны египетским административным сектором. Будет ли продолжать играть такую роль новый президент Египта — покажет время.

И самое, может быть, главное — это египетская армия. Несмотря на то что ее командование, да и представители спецслужб несомненно голосовали не за Мурси, армия — это прежде всего заслуга народа Египта — не предприняла никаких действий, способных сорвать президентские выборы. Однако армия была на протяжении многих десятилетий основным игроком на политическом и экономическом поле. Согласится ли армия передать вновь избранному президенту реальную власть — это тоже покажет время.

«Арабская весна», безусловно, меняет арабский мир. Новым правителям, да и старым тоже труднее будет отказывать населению своих стран в насущных требованиях политического раскрепощения и улучшения социально-экономического положения.

Общая ситуация на Ближнем Востоке требует, может быть, как никогда, объединения усилий всех заинтересованных стран в достижении безопасности и стабильности в регионе. Это, нужно думать, станет важным определителем ближневосточного курса России на данном этапе.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНА

А. О. Филоник

Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное)

Предпосылки протестных движений

Арабский Восток переживает время сложных событий, которые поразили целый ряд стран и, так или иначе, затронули остальные. Мощный подъем общественного сознания, выразившийся в бурном протесте с начала прошлого года, может быть по своей последовательности и интенсивности в чем-то сопоставим со временем национально-освободительных революций, которые на волне энтузиазма принесли арабскому миру суверенитет и привели к структурным сдвигам в экономике, политике и в других сферах. Тогда были решены многие проблемы, но возникли новые, а некоторые из них превратились в реальные угрозы, которые, набрав силу, вызвали нынешний социальный взрыв и ожесточенное сопротивление властям. Не исключено, что этот сложный феномен, у которого, видимо, большое будущее, сможет подвергнуть не одну страну серьезным испытаниям и на протяжении длительного времени, поскольку высветившиеся проблемы не имеют быстрого решения.

Можно заметить, что процесс охватил государства светские, республиканские, среднего уровня развития, находящиеся в переходном состоянии, с авторитарными режимами, частью неблагоприятные в социальном отношении. При этом они разные с точки зрения моделей экономического

устройства, но примерно сходные по качеству политики макроэкономической стабилизации. Однако политика эта, формально будучи успешной, тем не менее не смогла обеспечить благосостояние народных масс и удержать улицу от выплеска накопившегося негодования.

Другой стороной явления стали арабские монархии, из которых только две — иорданская и бахрейнская — подверглись скоротечным беспорядкам, а остальные нашли способы поддерживать социальный мир. Другими словами, неоднородность арабского мира стала существенным фактором нераспространения протестных настроений за национальные пределы «взорвавшихся» стран. Очевидно, общественного богатства не хватило для того, чтобы погасить недовольство в одном случае, и было вполне достаточно, чтобы нивелировать его в другом.

Арабский мир оказался в разной степени готовности к тому, чтобы встретить свою весну гнева. Случившееся показывает, что регион был неспособен безболезненно пройти через критические изменения, которые связаны с глобальными процессами — от распада системы мирового социализма до наступления эпохи мирового рынка, от мощной интернационализации всемирного экономического пространства до резкого обострения мировых валютно-финансовых проблем. Тем более что эти жесткие явления сопрягаются с противоречивыми процессами, которые зреют внутри региона и обрекают его на положение периферийной зоны в системе МРТ. Жизнеспособность Арабского Востока подрывается тем, что местный капитализм не может обрести нужной динамики. Его внутренняя неустроенность не дает ему шанса создать на региональном уровне набора необходимых атрибутов, чтобы обрести статус цельной социально-институциональной модели, способной нивелировать все арабское пространство и придать ему характер типичности. Вместо этого происходит формирование национальных капитализмов, которые образуют разрозненное множество и не сходятся друг с другом даже по основным параметрам, не говоря уже о деталях. Несходство проявляется в разнотемповости роста, в капиталоизбыточности и капиталодефицитности развития, в разной обеспеченности ресурсами, проявляется в больших различиях по таким параметрам, как открытость рынку, интенсивность реформ и т.п. Эти явления сопровождаются затянувшимся структурным кризисом в экономике, неэффективным использованием средств и ресурсов, нерациональными схемами функционирования хозяйственной сферы и т.п.

События последнего года отчетливо указывают на эти слабые места в экономической и политической системах арабского мира, которые плодят угрозы и вызовы, слитые с самой актуальной проблематикой региона — обеспечением благосостояния людей и жизнеспособности обществ. Если подходить шире, то растущее неблагополучие на этом направлении питается ситуацией в самой чувствительной на Ближнем Востоке сфере. Она представлена разнообразными производственными, финансовыми и коммерческими интересами, сконцентрированными в руках влиятельных экономических агентов. Эти последние группируются вокруг элит и действуют преимущественно ради совместной выгоды, оставляя на периферии некорпоративный бизнес, в иных обстоятельствах способный работать на экономический рост.

Наиболее негативное последствие такой организации деловой активности проявляется в выталкивании из сферы бизнеса больших групп потенциальных и действующих предпринимателей низшего ранга и целой армии рабочих рук, поступающих на переполненный рынок труда.

Имеется и усугубляющий ситуацию момент. Экономическая политика в менее развитых арабских странах даже при определенной подвижности на некоторых этапах в течение долгого времени несет в себе черты реактивности. Следование естественному ходу событий было прервано в 1980–90-е годы, когда в арабском мире в той или иной форме начался переход к рыночной экономике, а в основу преобразований в наиболее решительно настроенных государствах были положены принципы экономической либерализации, внедрение которых сопровождалось макроэкономической стабилизацией и структурными реформами.

Но последствия реформ не были сплошь позитивными. Они способствовали выправлению некоторых показателей, улучшали пропорции внутреннего рынка, выравнивали процессы интеграции в мировую экономику, но не были в состоянии создать условия для перераспределения общественного богатства в интересах всех. Причиной этого было выраженное несоответствие между макроэкономическими догмами и реальными экономическими процессами, которые развертывались в регионе. Тем самым провоцировалось отставание Арабского Востока не только от мировых индустриальных центров, но и от ряда государств Востока и Юга, которые дальше продвинулись по пути структурных преобразований и внешнеэкономической открытости, сделав отрыв заметным.

Из этого следует, что макроэкономические мероприятия в нефтеимпортирующих арабских государствах оказались лишь ограниченно полезными и не могли при всех обстоятельствах удовлетворять потребностям устойчивого развития. Большой дефицит бюджета провоцировал кризисные явления в платежном балансе, финансовую нестабильность, инфляцию. Они тормозили экономический рост, в частности, сдерживали динамику обрабатывающей промышленности, неразвитость которой мешала проведению активной торговой и промышленной политики, налаживанию экспорта и защиты национальных производителей от наплыва импорта. Дополнительно осложняли ситуацию коррупция, бюрократизм, нераспорядительность.

Между тем движущей силой в обрабатывающей отрасли является мелкий и средний частный капитал, более всего страдающий от злоупотреблений, последствия которых могут быть неощутимы для привилегированных экономических агентов. Ущемление большой группы «неоперившихся» предпринимателей активизировало недовольство и в близких им стратах. Сопровождаемое ропотом, а затем и открытым протестом постепенно люмпенизирующихся и разуверившихся в рыночной идеологии людей, оно обеспечило общую эффективность усилий по демонтажу старой власти.

Результативность их усилилась еще и тем, что «арабская весна» очень быстро последовала за глобальным финансовым кризисом. Наслоение одного явления на другое только сгустило проблемы в неустойчивой части арабского мира и не позволило арабской экономике к моменту начала протестных движений в достаточной степени оправиться после удара. В результате был запущен механизм новых событий. Фактически они стали точкой отсчета для нового прочтения арабской действительности, которая накопила противоречия, способные взорвать не только отдельные страны, но и выбросить протуберанцы в другие части региона.

Едва ли можно сомневаться в том, что именно внутренние обстоятельства запустили механизм массового неповиновения в арабском регионе. Но в целом вся ситуация — и линейная, и структурная — значительно сложнее схемы и предполагает присутствие и мощного внешнего фактора.

Экономики менее обеспеченных арабских стран были унаследованы со времен освободительных революций. И в более поздний период они еще воспроизводили модели, с которых начиналось их взаимодействие с внешним миром. Тем не менее, в рамках этого процесса на Арабском Востоке закреплялись экономические институты, которые усваивали методы работы западного капитала, копировали управленческие техники, формы организации хозяйственной деятельности. В равной мере с западным влиянием связывалось появление крупного национального предпринимательства, становление элементов корпоративного сознания, возникновение новых элит, встраивавшихся в систему прогрессирующего на региональном уровне капитализма.

Этот процесс значительно ускорился в последней трети прошлого века, когда арабские страны, пройдя через реформы собственности в начальный период независимости, создали национальные производственные структуры, расширили базу материального производства и в скором времени встали перед необходимостью создания более эффективных моделей роста и социального устройства. Все это оформлялось движением в русле догоняющего развития.

Заимствование новых технологических решений и методов управления развитием протекает в условиях большого отставания от Запада. Модернизация в арабском мире не набирает необходимых темпов, чтобы заметно уменьшить отрыв от промышленно развитых государств, множество показателей соответствия современным требованиям экономического роста до сих пор так и не достигнуто в большинстве стран. Остаются огромные разрывы в техническом оснащении предприятий, в энергозатратности, в уровнях инвестиционного обеспечения и т.п. как между западными и арабскими странами, так и между этими последними. Несходство стартовых уровней, параметров ресурсной базы, состояния производительных сил, несовпадение по качеству труда, по культуре отношения к нему и т.п. ярко отражаются на характере социальных и экономических процессов.

Но это не исключает последовательного внедрения в арабские экономические представления элементов западной философии прагматизма и активизма, которые связаны с индивидуалистическими устремлениями и не вполне соответствуют арабскому образу мышления, традиции видения мира и инструментам регулирования окружающей действительности. Очаговое развитие капитализма воспринимается с большей или меньшей терпимостью, но повальный процесс, тем более с негативными последствиями, явно встречает не только раздражение, но и откровенное неприятие.

На этом фоне открытое обращение арабского государства к либеральным ценностям и к капитализму как таковому в качестве универсального средства выправления экономической ситуации не принесло (и теперь это хорошо видно) ожидаемых плодов. Улица продемонстрировала нежелание идти навстречу экспериментам в условиях, когда масштабы

и цели реформ не настолько отвечают уровню существующих институтов, чтобы гарантировать успех преобразований.

Если вернуться к роли внешнего фактора, то следует отметить, что привычное следование населения в русле инициатив государства на Арабском Востоке было для Запада своего рода гарантией того, что в регионе ситуация не сулит неожиданностей, и программы рыночного обустройства арабских экономик продолжают осуществляться в поступательном режиме. То есть Запад считал, что арабский мир созрел для подражательной модернизации, и потому не отказывался от замысла побуждать его двигаться в русле либеральных догм и рыночных стратегий.

Однако экономические преобразования по рыночным схемам принесли облегчение лишь с точки зрения выправления некоторых макроэкономических показателей. В политическом же плане они оказались гораздо эффективнее в том смысле, что смогли поднять массы на активные действия против власти и инициировать в обществе взрывной протест. И развитие его пошло вопреки расчетам на мирное выжидание народом того момента, когда экономические меры смогут положительно сказаться на социальных условиях. Другими словами, протестный процесс возник как результат ухудшения, а не улучшения положения народа в ходе структурных реформ.

По существу же, именно западные рецепты преодоления экономической отсталости заложили мощную базу потрясений в арабском обществе, резко увеличив здесь в начале нового десятилетия текущего века скорость и интенсивность внутренних изменений.

Нынешняя политическая ситуация в арабском мире и реакция на нее со стороны Запада вполне определенно указывают на то, что серьезные волнения в ряде арабских государств стали весьма подходящим поводом для активизации усилий, необходимых для устранения последних оплотов арабской национально-освободительной идеологии и развала урубы как символа арабской солидарности. Тем более что скопированные с западных схем программы экономического роста привели к результатам, прямо противоположным идее социальной справедливости, популярной в арабском обществе, и дали повод Западу использовать даже провал широко пропагандируемой рыночной стратегии с пользой для себя.

Перипетии социально-экономического развития

Протестные движения и падение режимов в ряде стран Арабского Востока создали условия для изменения в них вектора политического развития. В меньшей степени это утверждение относится к экономическим процессам, течение которых не подвержено сиюминутным воздействиям. Однако изменения в политической системе, вызванные несообразностями между макроэкономикой и положением в социальной сфере, в конечном итоге должны поставить вопрос о консенсусе между экономической и политической составляющими развития.

Нарастание непропорциональности в динамике этих двух начал создает ощущение уверенности, что арабский мир подошел довольно близко к необходимости откоррек-

тировать парадигму своего развития. Это — насущная задача, поскольку не подлежит сомнению, что, несмотря на отставание, в целом арабский мир движется в русле глобальных процессов, а составляющие его страны не отстранены от мировых тенденций и понимают необходимость соответствовать современности и найти средства положить конец затянувшемуся переходному состоянию.

Между тем это исключительно сложная задача, которая реализуется в соответствии с индивидуальными условиями в каждой конкретной стране. Ведь арабский мир во многом разделен типологически, экономически и политически. И это затрудняет выбор единого вектора, который определил бы характер его движения.

Но такой вектор потенциально существует и формируется хотя бы в русле реалий ресурсного обеспечения. Суть этого выражается в сходстве демографических, водных, продовольственных, экологических проблем, которые сильно беспокоят арабские страны. Решение их зависит от многих составляющих — и политических, и экономических. Эти последние связаны с другой группой проблем, например, с межарабской интеграцией, торговлей, свободным перемещением капиталов, услуг и рабочей силы. Иными словами, экономическим процессам в арабском обществе свойственны многообразие и комплексность, но при этом, как минимум, частью они находятся в рудиментарном состоянии и имеют не очень ясные перспективы выхода из него.

Арабское экономическое пространство перегорожено множеством барьеров. На нем явно ощущается дефицит политической воли, необходимой, чтобы раздвинуть преграды. События «арабской весны» показали, насколько велико отчуждение между арабскими государствами и как сильно они разъединены. Даже цивилизационная близость и социокультурное сходство дают мало импульсов к сближению. Между тем борьба за выживание в усложняющемся мире отчетливо требует сложения усилий, и возможности их мобилизации сильно разнятся и оказываются недостаточными, чтобы поддержать национальный суверенитет и оградить его от экономических и внеэкономических угроз. События арабской весны четко показали всю меру дифференцированности арабского мира, неготовность служить общим целям и даже отсутствие самих конструктивных целей. Она же отбросила назад и экономику за счет нарушения работы внутреннего рынка, разбалансирования хозяйственных связей, падения производства, ухудшения условий инвестирования.

Политическая раздробленность порождает экономическую обособленность, своего рода автономизацию арабских стран, что выглядит аномалией при наличии общего цивилизационного пространства и близкого соседства. Вместо сложения потенциалов арабский мир абсолютизирует индивидуалистические устремления и игнорирует возможность использования преимуществ экономики масштаба. А это заставляет слабого искать поддержку не в своем круге, а в основном за его пределами. Поэтому экономические и социальные процессы в значительной части Арабского Востока десятилетиями не могут обрести необходимой динамики, которая могла бы дать более ощутимые плоды в случае достижения согласия между крупными субъектами хозяйственной деятельности в разных странах региона.

Хронический диссонанс усугубляется протестной волной, которая превратилась в самостоятельную величину в рейтинге текущих моментов, определяющих ситуацию на Арабском Востоке как едином целом. Эти обстоятельства могут, как указывалось, стать прологом новых событий, влияние которых на экономические, социальные и политические процессы едва ли будет позитивным. Они же могут стать и точкой отсчета для нового прочтения арабской действительности. Но и в этом случае ожидание лучшего может растянуться на длительное время. А усугубляющим началом служит существование арабского мира в двух ипостасях — одной нефтеэкспортирующей и капиталозыбыточной, а другой — нефтеимпортирующей и капиталоемкой. Такое разделение обрекает арабский мир на движение по несходящимся траекториям и на устойчивость сложившихся в регионе тенденций.

Установившаяся межарабская система разделения труда придает арабскому миру определенное своеобразие и делит его на неравные части с точки зрения роли и участия в мировой экономике. Но в политическом плане это не означает, что он превратился в пассивную силу, замкнутую только на самое себя.

За истекшие десятилетия регион обрел особую значимость для мировой экономики и политики. Она проявляется в его экономической влиятельности как крупнейшего поставщика нефти и газа в глобальную экономику. Она же служит постоянным напоминанием того, как арабская нефтяная политика изменила мир. Революция цен на энергоносители в середине 1970-х годов обусловила масштабный переход Запада к энергосберегающим технологиям и колоссальный технический прогресс индустриального сообщества. Другим следствием стало инициирование исламской модели экономики, которая реализовалась в разветвленной системе исламского банковского дела. Это начинание распространилось не только в арабском и мусульманском мире, но закрепилось и в промышленной части мирового сообщества.

Не следует забывать и о политической составляющей присутствия Арабского Востока на мировой арене. В частности, она проявляется в ближневосточном конфликте, который растянулся на шесть десятилетий и далеко не исчерпал себя. С Ближним Востоком связывается и активность радикального ислама, который снискал печальную известность и у себя на родине, и далеко за ее пределами.

В контрасте с этими факторами еще недавно казалось, что арабский мир не особенно обеспокоен перспективами своего развития в расчете на то, что ему обеспечена эволюционная поступательность процесса, в свете чего корректировка моделей роста велась не фронтальным порядком, а на уязвимых участках. По большому счету, экономический ренессанс затронул в основном нефтеэкспортирующие государства региона. Капиталоемкие же страны обновляли свои социально-экономические структуры и институты только по мере возможности. При этом процесс шел с разной степенью успеха, демонстрируя и грубую практику египетского инфитаха, и умеренность тунисского социализма, и иорданскую уклончивость в вопросах экономического переустройства.

Но в любом случае в практике менее обеспеченных арабских стран длительное время преобладали привычные взгляды на систему хозяйствования, что затрудняло разрешение главного экономического противоречия. Его суть заключается в отставании производительных сил

и в серьезной зависимости развития от нестабильных, но весомых и более-менее доступных внешних источников накопления. С их помощью поддерживались политика этатизма и субсидируемый и малоэффективный госсектор. Эти же ресурсы открывали путь и непомерным импортным потокам. Результатом же было торможение производственной деятельности частного сектора и процветание очень ограниченной части общества.

На таком фоне потребность в смене стратегий развития определялась многими факторами. Командная экономика дискредитировала себя, эффективность государственного хозяйствования оказалась ниже критики, работа воспроизводственных механизмов требовала улучшения самым кардинальным способом. Увеличивались дисбалансы расходов и доходов, инвестиций и сбережений, экспорта и импорта, спроса и предложения на товары и услуги. Ситуация обострялась субсидированием цен на основные продукты при быстром росте населения и расширении зоны бедности и неустроенности.

Но и в этих условиях, даже при определенной подвижности, арабская экономическая политика долгое время, как отмечалось, выглядела инертной. Боязнь решительных шагов и сейчас преобладает настолько, что нередко удерживает правящие режимы даже от назревших мер. Креативность же экономической мысли ограничивается применением рекомендаций мировых наднациональных структур. Эти последние ориентируются на универсальный подход к регулированию экономических процессов и, как следствие, недостаточно учитывают реалии принимающих стран. Механическое же следование спрямленной «дорожной карте» развития производительных сил далеко не всегда приводит страны к стопроцентному результату, что видно из арабского опыта.

Попытки пройти по этой карте до конечной цели (т.е. повысить эффективность экономического роста) в арабском мире насчитывают треть века. Они ознаменовались стремлением ряда государств воспользоваться рекомендациями МВФ, чтобы усилить дееспособность своих экономик. По этому пути среди арабских стран умеренного развития первыми пошли Тунис, Египет и Иордания, где правительства сделали упор на переход от госрегулирования к рыночным механизмам. Их успех мог бы стать образцом для тех стран региона, которые не относятся к числу обладателей нефтегазового богатства.

Они не могут питать экономический подъем и социальный прогресс, «ворочая» колоссальной природной рентой в виде доходов от нефти, а поэтому вынуждены с большим трудом завоевывать признание в качестве растущих рынков. Сейчас в этой роли выступают Египет, Сирия, Иордания, Ливан, Тунис и Марокко. Объединенные одной задачей, они идут к ее реализации индивидуально, пытаясь по мере возможности соотноситься со своей спецификой. При общей линии на совершенствование работы воспроизводственных механизмов за счет перехода к рыночным отношениям по методике действий они отличаются друг от друга тем, что каждая акцентирует те направления, которые в конкретных национальных условиях могли бы обещать большую эффективность.

В частности, Тунис дальше ушел по пути структурных реформ, сокращал импорт за счет наращивания экспортного потенциала в попытках преодолеть зависимость от внешних источников накопления. Египет на грани шоковой терапии в большом объеме

реализовал предписания МВФ, осуществил жесткую программу финансовой стабилизации за счет снижения государственного потребления, хотя эти меры не улучшили коренным образом ситуацию с бюджетным дефицитом. Иордания активно поддерживала экспорт и упорядочила систему обеспечения бизнеса заемными ресурсами, но также не может преодолеть бюджетных стрессов в условиях непрочной базы внутренних и внешних накоплений¹. Сирия крайне осторожно с 2005 г. осуществляет реформы по собственной программе социально ориентированного рынка, неуклонно воздерживаясь от реализации идеи свободного рынка и мер, способных разрушить систему государственного регулирования, спровоцировать валютно-финансовую нестабильность и скатывание в инфляцию. Правящий режим аккуратно избегал приемов шоковой терапии и очень опасался нарушить социальный мир. Но, тем не менее, и в Сирии ведутся ожесточенные дискуссии по поводу необходимости реформ именно в их рыночном варианте, а корректность работы правительства оценивается по тому, насколько оно готово допустить закрепление либеральных ценностей в экономике.

Очевидно, что Сирия выбивается из ряда взбунтовавшихся стран тем, что экономическая политика режима в наименьшей степени могла служить возбудителем недовольства. Она если и не была достаточной с точки зрения обеспечения хозяйственной эффективности своих институтов, то все же оказалась несравненно менее агрессивной по отношению к населению, не доведя его до крайней черты бедности и неустроенности. Это — важный момент, указывающий на терпимое отношение масс к ведущей роли государства в сфере экономики и на их готовность следовать в русле этатистской модели экономического роста. Реальным же детонатором бунта стали другие причины, связанные с игнорированием гуманитарных потребностей народа, с невниманием к человеческому достоинству и гражданским свободам. Это — с одной стороны.

Но с другой — и Сирии вряд ли удастся обойти тему рыночной либерализации и структурных реформ, которая ныне становится осевой в глобальной системе экономических координат. И, скорее всего, государственное хозяйство будет вынуждено в той или иной степени уступить место рыночным отношениям, которые станут утверждаться в стране по мере нарастания в ней демократизационных процессов и высвобождения рыночных сил. И движение в этом направлении уже обозначено хотя бы созданием биржи.

Однако очевидно, что страны региона обладают рядом особенностей, которые не способствуют успеху рыночных реформ во всех отношениях. Среди них, например, — чрезмерная осторожность частного капитала и его увлеченность краткосрочными проектами. Ориентация либо на валютные поступления от углеводородов, либо опора на официальную помощь и трансферты мигрантов в качестве генераторов развития представляет другую особенность, которая, как подчеркивалось выше, дает возможность оперировать такими средствами с большой легкостью. Тот факт, что эта легкость обманчива, имеет мало значения в условиях,

¹Салийчук А.В. Влияние политики экономической либерализации на макроэкономическую результативность Египта, Иордании и Туниса. М.: 2010, с.173, 174.

когда государство любой ценой должно оплачивать импорт инвестиционных и потребительских товаров, компенсируя недостаточную доходность национального экспорта. Вялая мобилизация внутренних накоплений объясняется не только минимальной долей обработки в ВВП, но и низкой активностью частного капитала, который сросся со спекуляциями, мелкими операциями или с услугами и не стремится в национальные проекты производственного профиля. При такой ситуации и результаты экономических реформ далеко не однозначны в свете главных задач — повышения эффективности производства и занятости и придания конкурентоспособности национальной экономике.

Сами же реформы проводятся сверху и являются вынужденными, что сказывается на их качестве. Арабский опыт показывает, что темпы экономического роста по большинству стран региона имеют заметный разброс, в основном преобладает выпуск низко- и средне-технологической продукции, сохраняется невысокая капиталовооруженность труда и такая же конкурентоспособность экономики.

В рамках масштабной рыночной перестройки предполагалось облегчить приватизацию и приток прямых иностранных инвестиций, максимально сократить госрасходы и провести налоговую реформу. Это требовало крайне непопулярных мер в виде сокращения финансирования госпредприятий, урезания фонда зарплат и социальных программ, к тому же в экстремальном режиме дефицита накоплений. И это превратило финансовую стабилизацию в серьезное испытание для неимущих слоев.

Мировой финансовый кризис не обошел стороной арабскую экономику, дополнительно ухудшив условия ее функционирования. Он добавил шаткости национальным бюджетам, ослабил платежные системы. Вообще создал трудности для хозяйственной деятельности задержками платежей, срывом поставок, множественными случаями невыполнения обязательств. Но при этом страны, которые были слабо вписаны в систему международного разделения труда, меньше пострадали от расстройств мировых финансов и невыполнения долговых обязательств, чем их богатые антиподы. Они обошлись без существенного сжатия внешнего спроса, приток прямых иностранных инвестиций оскудел ненамного, кредитные линии не были перекрыты полностью. Но все равно потери были весьма ощутимы. Появились дополнительные напряжения в национальных финансовых системах. Соответственно и участь рядовых жителей в группе капиталодофицитных арабских стран не улучшилась.

В целом же, по разным оценкам, весь арабский мир к середине 2009 г. понес экономических убытков в размере от 1 до 2,5 трлн. долл. Это серьезная потеря, учитывая, что сумма лишь незначительно меньше совокупного арабского ВВП за два года. К тому же это не окончательные данные, поскольку кризис имеет продолжение и за пределами этого периода².

Вполне вероятно, что финансовый кризис ускорил мобилизацию народного недовольства и серьезно мотивировал действия инициаторов «арабской весны». К началу 2011 г. негативные подспудные процессы в ряде арабских экономик настолько созрели, что поочередно прорвались наружу в виде массовых беспорядков в Тунисе, Египте и Иордании.

²Компас № 5, 2009, с. 23.

По совпадению, как уже отмечалось, именно там наиболее последовательно осуществлялись рекомендации МВФ.

Следует сказать, что по указанному признаку из группы взорвавшихся стран выпадают Сирия, Йемен и Ливия. Во всех трех реформы по сценарию МВФ не проводились. Но в группе выделяется Ливия — именно своим достаточно высоким уровнем жизни, который обеспечивался специфической системой партнерства в общественных и производственных отношениях, гарантировавших весьма приемлемое распределение благ среди населения.

К началу массовых беспорядков в арабском регионе основной результат реформ в виде заметного роста дохода на душу населения не был достигнут. В глазах народа все его жизненные проблемы оказались связанными с конкретными персоналиями, которые десятилетиями стояли у власти. Под их руководством действительно были достигнуты сдвиги в структурной перестройке и изменения к лучшему по ряду макроэкономических показателей. Но достижения явно недостаточно транслировались в народ. Причины такой «непроеходимости», прежде всего, живо связывались с хорошо знакомыми явлениями — коррупцией и безработицей, обнищанием и безысходностью. Энергия масс требовала выхода, а политическая мобилизация населения под лозунгами формальных партий дала огромный сбой. Руководство толпой перешло в руки неформалов.

При этом характерен один момент. В ходе народных выступлений выдвигались преимущественно политические требования, а экономические и социальные практически не просматривались. Это может свидетельствовать о том, что активный протест вызывали не столько сами реформы, сколько сопровождавшие их экономические злоупотребления, социальная несправедливость и неуважение к народу.

Многочисленные бунты привели к удручающим результатам. От них заметно пострадали внутрихозяйственные и межотраслевые связи. Соответственно, ослабли механизмы внутреннего рынка, замедлились темпы роста и еще более ухудшилось положение широких масс. На этой почве возникает серьезное противоречие в экономической действительности взбунтовавшихся стран. С одной стороны, интенсивная экономическая либерализация является, по всей видимости, необходимым инструментом модернизации хозяйственных систем. Но, с другой стороны, масштабное гражданское неповиновение недвусмысленно показало, что она же, т.е. экономическая либерализация, может сорвать социальный мир, даже обеспечив удовлетворительные темпы экономического роста.

Между тем угроза новой фазы мировой рецессии, а возможно, и кризиса опасно нависает над арабскими странами, впрочем, как и над многими другими. Действие этого экономического фактора может оказаться в регионе весьма жестким, особенно в свете событий «арабской весны». Даже одно ожидание новой волны неприятностей угнетает поступательность экономических процессов, не говоря уже о последствиях реального наката кризисной волны на страны Арабского Востока.

Трудно рассчитывать, что арабские государства, которые переживают серьезные общественные коллизии, смогут справиться с неурядицами в экономике без новых жертв. Комбинированный прессинг кризиса и последствий «весны» вполне способен усугубить экономическую

конъюнктуру и социальную обстановку. Еще не оправившись от потрясений, арабские страны рискуют вообще отказаться от идеи устойчивого развития. И этому может способствовать новый виток замедления темпов роста и опасность утраты стимулов к развитию.

Первая волна народной ненависти смела лидеров прежних режимов. Но если возникнет вторая, то список ее объектов может быть расширен, а недовольство распространится не только на управляющие, но и, при соответствующих обстоятельствах, на хозяйствующие элиты как непосредственных виновников провальной ситуации в экономике и в социальной сфере.

Они, что называется чохом, могут быть восприняты как верные последователи традиционного стереотипа поведения арабского буржуазного истеблишмента. Мало того, что кризис 2008 г. показал слабое знание ими методов кризисного управления и склонность к шаблонным решениям. Их масштабные спекуляции и рискованная манипуляция финансовыми ресурсами, многоходовые операции с недвижимостью только углубили кризисные явления. Концентрация внимания преимущественно на сфере обращения, стремление зарабатывать на коротких деньгах и открытое игнорирование национальных интересов противопоставляет их обществу, тем нагнетая напряженность и вызывая социальный протест слоев, которые воспринимают расстройство экономической системы на всех ее уровнях чрезвычайно болезненно. Опыт Египта в этом случае особенно показателен в связи с беспримерным ростом политической активности (что продемонстрировано выборами в парламент) даже самых отсталых слоев общества.

Попытки смягчить ущерб от негативных экономических и внеэкономических воздействий в наиболее уязвимых арабских странах могут оказаться не по силам правящим элитам, даже если они понимают опасность последствий для своего существования. Ведь меры против острых ситуаций могут оказаться неэффективными уже в силу простого дефицита финансовых и материальных ресурсов для разблокирования ситуации.

Затянувшиеся финансовые неурядицы и политическая напряженность требуют быстрой реакции на события. Уже сейчас возникает необходимость реформировать нередкую для арабских правящих кругов выжидательность перед лицом нарастающих трудностей в деятельный процесс совершенствования хозяйственных устоев общества. Причем все должно происходить в условиях, когда недостаточно просчитанными либерализационными мерами нанесен чувствительный удар попыткам адаптировать арабские народы к нормам свободного и конкурентного мирового экономического пространства.

Но, скорее всего, новые правящие элиты будут вынуждены упускать время, чувствуя скованность в действиях. Особенно в тех, что могут быть связаны с удержанием экономики хотя бы на прежних позициях мерами жесткого применения рыночных моделей. Призраком массового недовольства, которое привело к смене властных фигур на арабской политической сцене, будет довлеть над теми, кто взял на себя ответственность за принятие решений в экономике. Они должны будут сверять свои действия с требованиями улицы, чтобы избежать риска новых выступлений. Это особенно важно, если учесть, что арабская толпа почувствовала силу и поняла, что массовыми эксцессами от власти можно чего-то добиться.

А у власти, по сути, нет иного пути, кроме того, что был лишь относительно удачно апробирован предшествующими правителями. Видимо, у макроэкономической стабилизации и, если брать шире, у рыночных отношений в арабском мире нет достойной альтернативы. Следовательно, нельзя считать преодоленными те противоречия, которые служили раздражителем и ранее и в итоге стали угрожать общественному спокойствию и национальной безопасности на текущем этапе.

Угроза возврата к массовым формам протеста сохраняется в полной мере. Ведь уличные выступления не смогли изменить бюрократическую природу хозяйственных отношений и установить новый социальный порядок. В равной мере улица не смогла привести к власти силы, которые были бы готовы предложить более эффективную модель развития, чем либеральная. Если, конечно, не возникнет соблазна сделать выбор в пользу, например, исламской экономики. Но ее слабость состоит в том, что она лучше всего может функционировать в финансово благополучном обществе.

Направленность социально-экономических процессов в кризисных арабских странах, возможно, прояснится в недалеком будущем. А пока народ должен будет жить в рамках социально-экономического строя с теми же наслоившимися недостатками, которые и прежде вызывали внутренний протест и неприятие улицы.

В арабских странах, где разделялась идеология МВФ, с разной долей успеха мотивировалась деятельность частного сектора. Здесь же подрастал и представленный городскими и, отчасти, сельскими предпринимателями средний слой как более восприимчивый к идеям свободного предпринимательства и либеральной экономики. Однако жесткие условия выживания в формирующейся рыночной среде не позволили создать полноценный и многочисленный класс, который смог бы полностью замкнуть на себе мелкий и средний бизнес и соответствовать западным меркам. Тем не менее, средний слой расширил границы своей деятельности. Он имеет собственный круг экономических и политических интересов, подтянул к себе разночинную интеллигенцию, представителей образованного класса, который разросся до критических величин за последние два десятилетия. Он также оказался идеологически близким вышедшему из его среды молодому поколению. В результате пришло ощущение определенной собственной общественной значимости, а за этим последовало и обретение неких способностей к самовыражению.

Сама ситуация подтолкнула молодежное крыло городских средних слоев на политическое противостояние с властями в начале прошлого года. Пока они не добились своих целей, если таковые существовали в оформленном виде, а не были спонтанными лозунгами, но, по крайней мере, заявили о себе, о своих притязаниях, создав импульс к объединению в некую дееспособную общность, которая сможет сформулировать свою платформу и бороться за повесное представительство в органах власти, а тем самым получить доступ к разработке экономических решений.

Некоторые намеки на возможность развития событий в указанном русле содержатся в растущем интересе современного арабского общества к гражданской активности и диалогу. Верно уловив момент, зарубежные информационные и исследовательские круги стимулируют

процесс попытками внедрить в него новые подходы, перенести центр тяжести с локальных, технических вопросов на более широкие, имеющие социальную природу. Арабский научный мир уже достаточно ознакомлен с целой серией концепций, которые постепенно утверждаются в политическом сознании и выстраиваются сообразно с идеологическими представлениями их разработчиков. Таковы, например, концепции good governance, inclusive growth и др. Они подводят к необходимости установления общественного контроля над деятельностью государства в сфере исполнения им своих обязательств перед гражданами, особенно в области борьбы с бедностью.

До сих пор какой-либо контроль со стороны над деятельностью государства, тем более авторитарного, в арабском мире мог рассматриваться только в качестве эвентуального. Это объяснялось определенной политической инертностью среды, в которой идеи распространялись, и, возможно, неуверенностью в эффективности привносимых методик. Но сейчас, после моральной победы над правящими режимами и обретения права голоса и волеизъявления, население немалой части арабских стран получило шанс на практике проверить результативность новых методов мирного воздействия на власть. Впрочем, в перспективе больше просматривается акцент на силовой способ общения.

Надо полагать, что элиты времени павших режимов будут стремиться сохранить свои позиции любыми силами. Да и новые элиты едва ли расстанутся с устоявшимися правилами игры в экономике, политике, в других сферах. Естественно ожидать, что между теми и другими развернется борьба за обладание ресурсами. Но есть шанс, что у них могут найтись точки соприкосновения в противодействии любым оппонентам, которые станут покушаться на их право управлять финансовыми потоками, экономикой вообще.

Сменившийся истеблишмент должен будет демонстрировать готовность действовать в народных интересах и изыскивать возможности мобилизовать экономические ресурсы для поддержки бедных слоев. В свете новых веяний могут расширяться возможности для подключения представителей общественных кругов к работе в низовых структурах и местных органах власти, к мелкой административной деятельности на каких-то направлениях. Но, скорее всего, вся эта политическая рутинa будет подчинена замыслу замкнуть рядовое население на каждодневных проблемах, но убедить его в причастности к большим делам, не допуская нарушения прежних разграничительных линий.

Однако в качестве долговременной политики курс на умиротворение народных страстей путем обходных мер едва ли возможен. Вряд ли удастся погасить и деятельность активистов, которые озвучивают политику и лозунги разных общественных сил, и тем более сами эти силы. На этом фоне обновленному государству придется вернуться к вопросам обеспечения устойчивого развития, финансовой стабилизации и принимать меры, результаты которых будут ощущаться в народной среде. Без демонстрации экономических успехов трудно будет добиться общественного спокойствия и избегать уличных беспорядков.

Между тем в период после весенней интифады едва ли следует ожидать особых позитивных подвижек в экономике и социальной сфере. Выше уже упоминалось о естественных последствиях реформ сверху, которые вызвали интенсивные волнения.

Едва ли действия под давлением масс, направленные на улучшение экономического и социального положения, окажутся менее разрушительными для народного благосостояния. А теперь еще ситуация осложняется необходимостью преодолевать дисгармонию внутри национального пространства, направленность экономической и социальной эволюции которого не вполне ясна. Можно лишь в общих чертах предположить, что развитие событий едва ли будет ровным, а консенсус по экономическим и политическим вопросам между народом и властью будет достижим далеко не во всех аспектах. Положение дел может клониться к ухудшению на ряде важных направлений, особенно учитывая репутацию исламских режимов и трудности, которые сопровождают их отношения с мировыми капиталистическими центрами в условиях обостряющейся экономической и технологической зависимости от них.

Экономическая модернизация как средство повышения качества процессов развития, в частности, хозяйственных, все более востребована в современном арабском мире. Особенно это касается нефтеимпортирующих государств. Именно для них обновление физического капитала, повышение эффективности труда и конкурентоспособности промышленного производства становятся наиболее актуальными темами. Но это требует мер, не уступающих предпринимавшимся до волнений. Между тем их социальные и политические последствия известны, и пришедшие к власти силы будут вынуждены постоянно балансировать на грани возможного, чтобы сохранить мир, избежать инфляции и удержать безработицу. Другими словами, следует ожидать, что результативность возможных мер для достижения этих целей может быть минимальной. И, по крайней мере, в близкой перспективе постреволюционного развития, видимо, не приходится ожидать крупных подвижек в экономике и в социальном благополучии арабского социума.

Экономические потери арабского мира

Беспорядки сильнейшим образом дестабилизировали политическую обстановку внутри целого ряда стран и продолжают с разной интенсивностью по сию пору. Подрыв ими основ хозяйственной деятельности должен рассматриваться как фактор глубокого действия, который провоцирует расползание дефицитов. Ухудшение условий производства, проблемы с инвестициями, сбережениями и ухудшение социальных параметров — это те моменты, которые в первую очередь возникают при затяжных массовых волнениях. Потрясения расшатали воспроизводственные возможности целой группы арабских стран. А ведь и без того за несколько последних лет ущерб от мировых и внутренних пертурбаций в регионе накопился немалый. Но пока он по большей части растворен в общей массе трудностей и не локализован настолько, чтобы точно определить его масштабы.

Между тем эксперты Международной консалтинговой компании Geopolicity в предварительном порядке подсчитали, что потери в группе арабских стран от протестных движений с начала и до осени 2011 г. складываются из сокращения их совокупного ВВП

более чем на 20 млрд. долл. и бюджетных потерь в размере 35 млрд. долл. по причине падения производительности труда, падения доходов и сворачивания экономической активности на ряде направлений. В общей сложности ущерб пострадавших от восстаний стран оценивается в 55 млрд. долл. за три квартала прошлого года. В отчете компании утверждается, что она учла самые важные параметры при выявлении потерь, но отдельные международные эксперты в той или иной степени дезавуируют это утверждение и принимают во внимание более широкий круг объектов, что сказывается на оценках. Неслучайно, например, ущерб Тунису за один и тот же период представлен в трех вариантах — 2,5 млрд., 3,5 млрд. и 4 млрд. долл.³

Это весомая разница, и экономическую ситуацию по странам «весны», видимо, справедливее толковать расширительно, поскольку, если относительно легче выяснить данные, имеющие документальную основу, то сделать расчеты по, например, упущенной выгоде, косвенным потерям, определить ущерб от прямых военных действий и т.п. значительно сложнее.

На мысль об этом наталкивают некоторые сравнения. В частности, опыт войны в Кувейте в начале 1990-х годов показал, что его материальные потери от вторжения Ирака оценивались тогда в 600–800 млрд. долл. Понятно, что сопоставления кувейтских результатов с нынешними условны, поскольку сравниваются разнящиеся по месту и времени события. Но ближе всего к ним стоит ситуация с Ливией. Ущерб от авиационного воздействия НАТО и боевых действий повстанцев на местности настолько велик, что потребует длительного времени на выяснение реальных разрушений в экономической и социальной сферах. Пока же Ливия остается самой обездоленной, как наиболее пострадавшая от гражданской войны. К тому же пока трудно предполагать, какие события ее ожидают и как они скажутся на возрождении государства и общества. Видимо, неслучайно МВФ пока воздерживается от каких-либо оценок потерь и помощи Ливии.

Но, по неофициальным оценкам, озвученным британским каналом ВВС, после прихода к власти ПНС, ее ущерб может варьироваться в пределах 200–400 млрд. долл., которые в нынешних ценах приближаются к уровню кувейтских потерь тех лет. Такая цифра обозначена, несмотря на то что в Ливии не было подрывов нефтепромыслов, разливов нефти и поджога скважин, перемещений тяжелой техники в хрупкой экосфере пустыни, загрязнения морской акватории. Но разрушение ряда городов, коммунальной и социальной инфраструктуры, упущенная выгода от несостоявшихся сделок и контрактов на поставку углеводородов, потери в живой силе и дорогостоящей военной техники обошлись пострадавшему ливийскому обществу очень дорого и могут быть, видимо, оценены в еще большую сумму, чем приведенная выше. Между тем в Geopolicity считают, что ливийские потери по всем статьям ориентировочно составляют 14,2 млрд. долл. На этом фоне чрезвычайноными выглядят оценки по Сирии — 27 млрд. долл., за ней следует Египет с показателем в 5,5 млрд. долл.⁴

³Аль-Ватан, 31.1.12.

⁴Аль-Ватан, 31.1.12.

Размах протестных движений подводит к мысли, что реальные экономические потери пострадавших стран должны исчисляться значительно большей величиной, чем в свое время кувейтские, зная, что речь идет не об одной стране, а о группе государств. Дезорганизация производственной жизни на значительных территориях и в течение длительного времени является весьма грозным экономическим фактором, значение которого едва ли можно переоценить.

Во всяком случае, еще в мае 2011 г. в МВФ заявили, что для внешнего финансирования потребностей Ближнего Востока и Северной Африки понадобятся более 160 млрд. долл. в течение трех лет, чтобы подготовить их к фундаментальным изменениям в экономических моделях⁵. (Чтобы осознать объем ассигнований, можно привести данные ИТАР-ТАСС от 15.12.2011 г. о том, что глобальные экономические убытки от природных и техногенных катастроф составили в том году 350 млрд. долл.)

Столь высокий уровень предполагаемых расходов для указанных стран свидетельствует об исключительной серьезности задач. Как минимум, прежде потребуются компенсировать потери и восстановить дееспособность производства до уровня, предшествовавшего восстаниям, и речь здесь идет, скорее всего, только о предварительных расходах, реальные же могут существенно превысить приведенную цифру. Тем более что с помощью этих средств должны решаться вопросы стратегического порядка для нефтеимпортирующих государств Арабского Востока, раз речь идет именно о «фундаментальных изменениях» в функционировании их воспроизводственных систем. При этом приведенная цифра не учитывает ассигнований на эти цели из внутренних источников каждой из конкретных стран, финансовые ресурсы которых при сложении явно превысят приток средств по внешним каналам. Совокупный итог мобилизованных ресурсов на преодоление возникших последствий пока не поддается исчислению, но в любом варианте должен существенно превышать приведенную цифру, поскольку основные тяготы ложатся, конечно же, на плечи того, кто претендует на получение ресурсов извне.

В качестве потенциальных доноров намечаются промышленно развитые нации и богатые арабские государства. Но даже при согласии на эту роль их вливания в пострадавшие страны должны будут оплачиваться. Расходы же по этой статье логично причислить к затратам, которые могут быть приплюсованы в качестве косвенных к прямым издержкам «арабской весны».

Беспорядки в регионе мощно сказались и на дееспособности арабских бирж, которые только к началу волнений стали оправляться от последствий мирового финансового кризиса. Вторая половина 2010 г. после затяжного спада знаменовалась оживлением активности, которая отмечалась и в начальный период 2011 г. Но положительная тенденция, сложившаяся на арабских площадках, резко оборвалась в конце января, отражая опасения денежного капитала в связи с массовыми беспорядками. Рыночная капитализация на 16 арабских фондовых биржах только с 25 января по 4 марта резко упала с 1000 млрд. долл. до 862 млрд. То есть все они за короткий срок солидарно потеряли более 140 млрд. долл., или примерно 14% оборота⁶.

⁵arabianbusiness.com/IMF-sees-MENA-needing-\$160bn-over-three-years-40236.html

⁶Emirates247.com/business/economy-finance/IMF-issues-uncertain-outlook-for-Mena-2011-09-20-1,419665

Местные инвестиционные фонды во избежание ухудшения положения подключились к ситуации с намерением купировать нежелательные последствия, а развитие событий побудило и власти многих арабских стран вмешаться в процесс с целью стабилизировать финансовые рынки. Объединенными усилиями удалось зафиксировать ситуацию на наиболее крупных площадках. В результате в ряде случаев удалось частично компенсировать случившиеся потери и даже несколько улучшить показатели бирж, что положительно сказалось и на деятельности других институтов. В целом в результате предпринятых мер потери уменьшились на 25 млрд. долл., но дальше процесс не пошел из-за возникших трудностей в зоне евро. Поскольку мировая ситуация остается неопределенной, тенденции на арабских биржах также остаются неопределенными и поныне, учитывая еще и положение дел в Сирии, остающейся мощным детонатором новой негативной динамики на Арабском Востоке⁷. Во всяком случае, отвоеванных позиций оказалось недостаточно, чтобы создать благоприятные условия для биржевой деятельности в странах, где были или сохраняются угрозы общественному порядку и где в лучшем случае фиксируется вялая активность.

Ситуация на биржах стран Персидского залива, более рельефно вписанных в систему международного разделения труда, также иллюстрирует отражение политических событий в жизни финансового рынка даже более объективно, чем собственно в странах-источниках турбулентности, поскольку он свободен от налета ожесточенности борьбы и отделен расстояниями. Показательным в этом смысле может быть пример дубайской биржи, где движение капиталов четко следует за кривой событий в регионе и в мире. Это видно из динамики чистого притока иностранных инвестиций в страну за несколько истекших лет. В частности, в 2008 г. регистрировался отток иностранного капитала по причине мирового кризиса; затем он стал возвращаться, обусловив чистый приток инвестиций в 2009 г. в размере 180 млн. дир., который в 2010 г. возрос до 614 млн. Интересна динамика поквартального поступления иностранных инвестиций в 2011 г., выраженная следующими цифрами. Уже в первом квартале чистый приток сократился до 218 млн. дир., во втором — до 92 млн., в третьем — до 2 млн. и только в последнем квартале возрос до 40 млн. дир. Эти колебания четко отразили тревожное отношение финансового капитала к событиям «арабской весны»⁸.

Менее отчетлива ситуация на бирже Абу Даби, где в начале 2012 г. был отмечен рост в 1,2%. Но этот показатель явно несет на себе следы падения активности в 2011 г. Во всяком случае, на конец января 2012 г. из 128 зарегистрированных компаний только по 37-ми был зафиксирован относительно быстрый рост котировок⁹.

Деятельность бирж является своего рода мерилom экономической активности и отражает степень риска, которому подвергается денежный капитал, вообще бизнес как таковой, причем независимо от источника опасности, будь-то кризисы, революции или

⁷Там же.

⁸Аль-Баян, 17.1.12.

⁹Аль-Иттихад, 31.1.12.

войны. Тревожное состояние было продемонстрировано, например, в условиях мирового кризиса 2008 г. даже в нефтеимпортирующих странах, где биржевая деятельность менее развита и интенсивность ее не так очевидна — компании менее дифференцированы по показателям рыночной капитализации, по удельному весу капитала, по долям акций компаний, находящихся в обращении и т.п. В этих показателях находит отражение степень зрелости самих компаний и рыночных отношений в целом, качество которых имеет немалое значение для развития финансового рынка и его устойчивости. Тем более в период неспадающей неопределенности, которая немедленно сказывается на функционировании рынков капиталов. Так было в Египте, где скачкообразный рост фондовых котировок накануне мирового финансового кризиса привел к их падению втрое и вдвое по Иордании, в отличие от Туниса, где фондовый рынок развивался умеренными темпами, без искусственной накачки, и избежал обвала¹⁰. Пример этого последнего поучителен тем, что доказывает значительное снижение рисков в случаях, когда экономическая деятельность опирается на промышленное производство, а финансовый сектор не вовлечен в чрезмерной степени в спекулятивные операции с деньгами, превращая их в источник призрачного обогащения.

В последующий период приток иностранного капитала сократился, и риски обвального падения котировок на арабской бирже по экономическим причинам уменьшились. Но «арабская весна» стала сильнейшим внеэкономическим фактором, который весьма отрицательно отразился на состоянии биржевых реалий и привел к значительным потерям, примерно равным предполагаемым расходам на фундаментальное обновление экономик арабского мира.

Заметный источник потерь представлен сокращением темпов роста ВВП, который в пострадавших арабских странах обнаружил согласную тенденцию к понижению. Этот факт важен, тем более что речь идет о тех из них, которые не отличаются высокими темпами роста, хотя и трактуются в МВФ как быстрорастущие экономики (в их числе Египет, Сирия, Ливан, Иордания, Тунис и Марокко), что отмечалось выше.

Умеренный уровень их развития определяет и их чувствительность к полученным ударам, при которых падение ВВП на проценты означает откат назад по показателям хозяйственной зрелости. При этом не следует забывать, что эти страны еще не в полной мере оправались от мирового финансового кризиса и последовавшей рецессии. И от этого во многом зависят возможности преодоления ситуации, сложившейся в результате протестных движений.

По данным Мирового банка, накануне кризиса реальный рост ВВП составлял для Египта — 7,2%, Ливии — 6,3%, Сирии — 5,2%, Йемена — 4%, Иордании — 5,5% и Туниса — 4,5%. Эти показатели можно было считать весьма достойными того, чтобы оценить их если не как прорыв, то достижение, во всяком случае, свидетельствующее об успехах в макроэкономической динамике.

¹⁰Салийчук А.И. Влияние политики экономической либерализации на макроэкономическую результативность Египта, Иордании, Туниса. М.: 2010, с.164, 165.

Но уже в 2009 г. темпы прироста снижаются в среднем до 2,5%. При этом на 2010 г. Мировой банк допускал некоторое улучшение ситуации и соответственно рост темпов до 3,5% по Сирии, 4,8% по Ливии, 5% по Йемену, 3,5% по Иордании, 4,2% по Египту и 4% по Тунису¹¹.

По данным же МВФ, реальный рост в 2010 г. составил в Ливии 4,2%, Йемене 8%, в Египте 5,1%, Иордании 3,1%, Сирии 3,2 и в Тунисе 3,7%¹². То есть повышение фиксировалось только в Египте и Йемене, в остальных странах наблюдалось падение показателя в среднем на 0,4%.

В июле 2011 г. эти же данные были подтверждены как действительные и на текущий на то время период¹³. Это можно, видимо, объяснить тем, что, поскольку вопрос касался макроэкономических показателей, динамика их рассматривалась как обладающая большой инерционностью и, соответственно, замедленным изменением характеризующих ее величин. То есть ситуация воспринималась лучшей, чем она должна была бы быть на самом деле в свете затягивавшихся эксцессов в арабском мире.

Данные разных прогностических центров регулярно уточняются, но все же не дают адекватной картины динамики процессов в затронутых бунтами странах. Наблюдается определенное согласие по некоторым статьям национальных счетов в Тунисе, Иордании, Йемене, Сирии, где темпы роста сокращаются от прогноза к прогнозу на относительно небольшие величины. По Ливии ситуация не просматривается вследствие отсутствия данных о возможностях роста, а в Египте колебания отмечаются в больших пределах, чем в других пострадавших странах. Это лишний раз доказывает, что начавшийся период неопределенности в поведении новых правящих групп, связанный с их маневрами в поиске баланса сил, сдержек и противовесов в новой политической среде, отвлекает внимание от экономической жизни. А ведь именно в этом поле должны будут определяться тенденции и направления хозяйственной и социальной политики, способные отразиться на ВВП и темпах роста.

В октябре 2011 г. было объявлено, что рост экономики Сирии, замедлившийся под воздействием известных причин и усиленный арабскими, американскими и европейскими санкциями, не превысит, по оценкам, 2% в 2011 г.¹⁴ На 2012 г. перспективы предстают весьма неопределенными в результате высокой безработицы, продолжающихся сбоев в функционировании внутреннего рынка и в сокращении притока капиталов. Особенно чувствителен удар, нанесенный сирийской нефтедобычей, которая сократилась на треть — с 380 тыс. б/д до 260 тыс. А это привело к выводу из эксплуатации значительной части добывающих мощностей, к простаиванию оборудования, сокращению занятости в стратегически важном секторе национальной экономики и потерям в бюджете. В связи с этим имеются все основания считать, что рост сирийской экономики может уйти в минусовые величины и привести к хозяйственному коллапсу с угрозой развала всей системы государственного управления.

¹¹Economic development and prospects 2009, The World Bank, 3 October 2009.

¹²International Monetary Fund. World economic and financial surveys. Regional economic outlook/ Middle East and Central Asia. Apr. 11.

¹³cia.gov/library/publications

¹⁴zawya.com/story.cfm/sidzawya20110350303092-IMF forecasts show a two-track Mena region

По Тунису в сентябре не предполагалось каких-либо изменений в темпах роста до конца 2011 г., которые стоят на уровне 3,1% за счет относительно более устойчивой базы роста, созданной в ходе предшествовавших структурных реформ, меньшей зависимости от внешних ресурсов, диверсификации экспорта, а главное, по причине отсутствия враждебности со стороны промышленно развитых стран, выступающих поборниками абстрактного либерализма и демократии. В 2012 г. здесь ожидается рост до 3,9% в год¹⁵, хотя по более ранним наброскам показатель был равен 5,6%¹⁶. Скидку в чуть более полутора процентов можно, видимо, отнести на счет беспорядков, которые хотя и были «умеренными» по сравнению с позднейшими выступлениями в других странах, тем не менее, не могли сказаться слишком отрицательно на экономическом благополучии страны.

По Иордании, пока больше напуганной, чем пострадавшей от толп демонстрантов, предполагалось, что темпы в 2011 г. должны были возрасти с 3,1% до 3,3% на том основании (ненадежном), что «улучшение ситуации на некоторых ее экспортных рынках сможет нивелировать спад туризма из-за беспокойной обстановки в регионе». Поэтому, несмотря на рост бюджетного дефицита на 55% (данные за шесть месяцев 2011 г.) по сравнению с таким же периодом прошлого года, власти надеются понизить его до 5,5% и рассчитывают увеличить внутренние сбережения до 12% в предвкушении вступления в ССАГЗ. Однако аналитики «Economist» не разделяют их оптимизма и считают, что дефицит будет в 2011–2012 гг. на уровне 11,4%¹⁷, при этом оставляя вопрос о темпах роста открытым.

Апрельский (2011 г.) прогноз МВФ на 2012 г. предполагал рост по Египту на целых 4%, хотя в 2011 г. он устанавливался на уровне 1% против 5,1% в 2010 г. В сентябрьском прогнозе этот показатель роста поднят до 1,2% и может достичь 1,8% в 2012 г. по прогнозу за октябрь¹⁸. При этом в самом Египте ожидают, что рост составит 3–3,5% на 2011/12 гг., несмотря на резкую встряску, которую получили туризм, приток капиталов и финансовый рынок страны¹⁹.

Приведенные цифры дают основания полагать, что трудности глобальных финансов не затронули хозяйство Египта настолько, чтобы лишить его возможности наращивать физические показатели, пусть и при снижении темпов процесса. То есть экономика смогла устоять, снизив «обороты», но увеличив «тяговитость».

Однако в дальнейшем, чтобы просто компенсировать результаты 25 января и продолжающегося периода неустойчивости, потребуются темпы роста, как минимум, на уровне 10–11% на протяжении нескольких лет. Но едва ли Египет даже сейчас, когда сохраняется система производства и управления прежнего режима, может получить такой результат. Скорее всего, если нестабильность продлится, она имеет шанс довольно быстро в пошатнувшейся обстановке привести к негативным явлениям, может быть, в крайнем случае,

¹⁵emirates247.com/business/economy-finance/IMF issues uncertain outlook for Mena-2011-09-20-1,419665

¹⁶zawya.com/story.cfm/sidzw201041//000095/IMF

¹⁷zawya.cjm/story.cfm/sidzawya20110914053004/Jordan-economy-would-witnesshuge-gains-freom-a-potential inclusion in the GCC

¹⁸emirates247.com/business/economy-finance/IMF issues uncertain outlook for Mena-2011-09-20-1,419665

¹⁹news.morningstar.com/articlenet/submissionarticle.aspx?submitted=128707.xml

к возникновению признаков деиндустриализации, и поставить страну перед такими дефицитами, которые начнут явственно угрожать ее жизнеспособности и национальной безопасности. Это самый неприемлемый сценарий событий, который может ожидать Египет, но вероятность такого поворота должна быть выведена эмпирически.

Другими словами, ситуация в прогнозах предстает неоднозначной для конкретных стран. Однако предположения — еще не факт, а тем более успокаивающий, даже на фоне абсолютного роста некоторых важных макроэкономических индикаторов. Действительно, до мирового финансового кризиса совокупный ВВП арабского мира не превышал 1,3 трлн. долл., хотя за период 2000–2008 гг. фактически вырос вдвое с 680 млрд. долл. В 2010 г. он достиг 2 трлн. долл., но лишь только приближался по объему либо к одной латиноамериканской (Бразилия), либо европейской (Италия) стране. Даже если предположить, что процесс наращивания ВВП останется неизменным (за счет нефтеэкспортеров), то и в этих обстоятельствах другие арабские страны, как отмечалось, имеют не слишком много шансов изменить положение вещей к лучшему. Тем более что уже сейчас ситуация им не благоприятствует. В частности, даже предполагавшийся на период с 2007 г. до начала 2012 г. абсолютный рост объема ВВП Египта со 130 млрд. долл. до 231 млрд. должен быть, по крайней мере, несколько меньшим, поскольку явно отражает инерционность процесса, которая вполне может иссякнуть. Ведь за год событий «весны» скорость падения египетских темпов была шестикратной, что уже создавало не слишком много оснований для получения подобного результата, особенно в свете уличных выступлений, которые отняли практически целый год из пяти и, по-видимому, не смогли не оказать негативного воздействия на экономику.

Египет как зеркало «арабской весны»

Более рельефно проследить влияние событий можно будет позже, хотя в каждой стране оно проявится в свое время. В Египте, возможно, первые признаки возникнут спустя полгода, когда иссякнут стратегические запасы зерна и валютные резервы, рассчитанные именно на такое время, которое займет предпринятое властями реструктурирование фондов и сокращение правительственных расходов. Этот небольшой запас времени предназначен для поиска выхода из усложняющейся ситуации, чреватой значительным спадом экономической активности и сокращением материальных, финансовых и иных ресурсов. Отсюда может прийти угроза снижения жизненного уровня до критической величины (тем более что даже в обыденных условиях дистанция до пограничного состояния мизерна), а у государства не хватит средств для купирования тенденции и предотвращения замедления или даже остановки производств, наиболее эффективных с точки зрения ресурсоемкости и экспортной значимости.

Подобное развитие процесса, угадываемое на фоне происходящего, может сильно ослабить положение Египта как страны, состояние экономики и политики которой имеет реальное значение для общей тенденции развития региона. Соответственно и для самого

Египта такую угрозу можно рассматривать как предвестницу утраты им ведущей роли в том смысле, что государство превращается из светского в исламизированное, режим в котором отходит от курса на модернизацию и демократизацию, но разворачивается в направлении непредсказуемых конфликтов на политической, а затем, по логике вещей, на экономической, конфессиональной и любой другой почве.

Ситуация в Египте интересна с точки зрения опыта, который он дает как страна, добившаяся определенных успехов в экономике, но оказавшаяся неспособной противостоять напору социальных проблем. Здесь со всей очевидностью проявилось противоречие между экономической и социальной составляющими роста, причем последняя, будучи производной от первой, оказалась более значимой для политических судеб страны. Социальные аспекты оказались более наглядными и весомыми с точки зрения воздействия на массовое сознание. Именно неудачи в социальной сфере привели к крушению технократической системы управления, увлекшейся макроэкономикой, и к приходу новых сил во власть, которая по определению будет все такой же авторитарной, но, возможно, более «романтической» в том смысле, что будет увлечена восстановлением традиций, роли религии и поиском консервативных инструментов построения общественного благосостояния.

Успехи власти, видимо, будут определяться тем, насколько она сумеет вписаться в узкие рамки экономической философии, которой руководствовался бывший режим, сумевший на протяжении первого десятилетия нового века резко изменить макроэкономический облик Египта, но по существу провалить социальные проекты, наиболее близкие пониманию народа. По существу, интрига дальнейшего развития Египта сохраняется во всей своей полноте, но может еще усугубляться тем, что, во-первых, новая власть должна оказаться достойней прежней в социально-экономическом плане, а во-вторых, тем, что народные массы осознали себя силой, способной отстаивать свои интересы перед лицом власти.

Эта последняя, несмотря на трудности уже постреволюционной обстановки — выборы, неопределенность с властными полномочиями в обновленном государстве, политическую борьбу, бурные уличные эксцессы по разным поводам, вынуждена проявлять себя в первую очередь не только на социальном фронте, но и в отношениях с внешними партнерами. Упор в последнем случае делается на контакты с международными финансовыми институтами и государствами в поисках средств преодоления хронических финансовых проблем. Их решение крайне затруднено сокращением притока инвестиций, и это обстоятельство резко активизировало деятельность переходного правительства в поисках выхода.

Только за три месяца, к началу апреля 2011 г., Египет недополучил 15 млрд. долл. в иностранной валюте. За это же время дефицит финансирования за счет поступлений извне и налоговых сборов возрос с 9 млрд. до 12 млрд. долл.²⁰ В этих условиях совершенно необходимо быстро восстановить доверие зарубежного капитала как средство обеспечения притока внешних накоплений.

Накануне Египет отказался от контактов с МВФ, опасаясь на переломном моменте за свою самостоятельность. Но теперь все равно принужден обратиться за помощью,

²⁰arabianbusiness.com/IMF-sees-MENA-region-needing-\$160bln-over-three-years

будучи не в состоянии собственными силами преодолеть негативные последствия многомесячной дестабилизации.

Два момента призваны привести к восстановлению доверия. Это визит в январе 2012 г. в Каир миссии МВФ для переговоров о предоставлении займа в 3,2 млрд. долл. и визит в Вашингтон египетского министра промышленности и торговли. Первый имеет целью ознакомление с ситуацией в послереволюционном Египте и выяснение его способности нормально развиваться и заслужить доверие со стороны иностранных инвесторов и международных рынков. Второй должен наладить контакты в соответствующих сферах и только при условии, выдвигаемом египетской стороной, что экономическое сотрудничество не будет сопровождаться никакими излишними требованиями и начнется немедленно, учитывая обострившуюся нужду Египта в технологиях, инвестиционных товарах, в поставках оборудования и т.п. В первую очередь, это нужно для реализации крупных проектов, особенно создания мощной производственной зоны для мелкого и среднего предпринимательства на 500 тыс. новых рабочих мест. Тема эта крайне актуальна с точки зрения нынешних социальных реалий и подверстана под американскую помощь странам, особенно пострадавшим от «арабской весны». Но пока по этому поводу существует лишь некая идея передачи натуральных и денежных средств, изложенная исключительно в «общих чертах», поскольку не имеет «четких механизмов для ее исполнения»²¹.

Хотя очевидно, что Египет не сможет преодолеть затруднений без участия Америки, Европы или богатых арабских стран, в его руководстве сохраняется скепсис относительно эффективности усилий в этой области. Особенно это касается американских источников, поскольку именно от США исходила в недавнем прошлом угроза остановить помощь Египту: надавить с этой целью на государства Персидского залива, вообще ограничить египетский суверенитет. Опасения Египта относительно вероятности получения американской помощи, видимо, начинают оправдываться, поскольку уже в середине февраля 2012 г. новые власти выступили с адресованным к американской администрации предупреждением, что они разорвут мирный договор с Израилем, если в позиции главного донора Египта не произойдет изменений. Надежды же на это, видимо, пока слабые.

Поэтому в настоящее время некоторые подвизавшиеся в политике активисты выступают с инициативой игнорировать американскую помощь и заявляют о необходимости сбора средств среди пребывающих за границей египтян, которые могли бы перечислять некую часть своих долларовых доходов на счета в египетских банках или приобретать облигации казначейства. Эти средства, предположительно, могли бы компенсировать 14 млрд. долл. из государственного валютного резерва, которые были израсходованы в предшествующие месяцы²².

Идея подобного начинания понятна, но едва ли осуществима в принципе, тем более в короткие сроки. А здесь важен именно фактор времени, неотложность получения средств на восстановление экономики и обеспечение текущих потребностей населения на начавшемся новом этапе исторического развития Египта.

²¹Аль-Ахрам, 8.1.12.

²²Там же.

Между тем, по свидетельству Центробанка Египта, правительство оказалось в тупике из-за резкого сокращения валютных запасов государства. Только за один 2011 г. они ужились на 50%, поглотив ресурсы, которые поступили в запасы в 2005–2010 гг., и этот процесс продолжается с большой интенсивностью, подрывая финансовую дееспособность египетского государства и отражаясь на возможности выполнять многие важные социальные обязательства, особенно повышать зарплаты египтян. Оставшиеся в хранилищах 18 млрд. долл. составляют ничтожную сумму в сравнении с истинными потребностями страны перед лицом нарастающих серьезных трудностей, в противостоянии которым она предполагает использовать все инструменты и, в первую очередь, отказаться от сильного фунта, на поддержание которого расходуются крупные средства из резерва²³.

Совершенно очевидно, что страна стоит перед серьезными вызовами и нуждается в «чрезвычайных мерах», чтобы нормализовать ситуацию и убедить население в искренности намерений нового политического руководства обеспечить жизнеспособность экономики, нормализовать политическую деятельность, наладить быт. В свете этого появились сторонники идеи, основной посыл которой состоит в том, что Египет имеет право рассчитывать на неотложную экономическую помощь именно от арабских государств, которые заинтересованы в региональной безопасности с опорой именно на возможности Египта. При этом подчеркивается, что последний охотливо заинтересован в такого рода поддержке, но не в виде дара, а исключительно на возмездной основе.

Для этого, прежде всего, как считают представители некоторых наиболее решительных групп египетских экономистов, необходимо, не дожидаясь разработки соответствующих механизмов, начинать действовать в целях преодоления дефицита госбюджета, который новое правительство считает самой большой угрозой нынешней стабильности. Страна нуждается в 20 млрд. долл., из которых пять должны направляться на бюджетные цели, такая же сумма — на поддержание валютного резерва, а остальная часть — на антиинфляционные мероприятия²⁴.

Со своей стороны, нынешнее правительство намерено добиваться социальной справедливости, откорректировать бюджетные статьи таким образом, чтобы увеличить ассигнования на образование и здравоохранение. Однако в настоящем едва ли возможно обеспечить достаточную оперативность мероприятий, связанных с социальной политикой, и теми, что направлены на стабилизацию экономики. Финансирование всех проектов ныне крайне затруднено, особенно в условиях, когда государство стремится не увеличивать безработицу, предотвратить разрастание слоя бедняков, живущих на 1–2 долл. в день, удержать социальное неравенство хотя бы в прежних масштабах, чтобы не откатиться на худшие позиции в международном рейтинге по индексу Джини.

Одним из важнейших способов поддержания непомерно разросшейся армии труда, незанятой в производстве и не получающей дохода, пополняющей ряды беднейших слоев населения, в Египте, как и в целом ряде других арабских стран, остается субсидирование цен

²³Аль-мысрий аль-яум, 8.11.12.

²⁴Аль-Ахрам, 8.11.12.

на продукты питания. Со второй половины 70-х годов и до настоящего времени страна имеет довольно сложную историю преодоления продовольственного дефицита, добившись к исходу указанного периода определенного успеха на этом направлении. Уже довольно длительное время практически все население имеет твердые гарантии на покупку субсидируемого хлеба, и только пятая часть потребителей не обеспечивается продуктовыми карточками на приобретение нескольких ходовых продовольственных товаров по твердой цене²⁵.

Но приведенный факт означает, что тем самым большая часть населения посажена на скудный по калорийности рацион, который позволяет существовать, но не дает регулярного доступа ко многим необходимым видам продовольствия. Это с одной стороны. С другой — отсюда берет начало перекокс, при котором образуется своего рода избыток наиболее интенсивно субсидируемых продуктов. В Египте субсидии на хлеб привели к использованию его излишков, накопленных в семьях, на корм скоту или рыбе. Параллельно развивается контрабанда, сформирован черный рынок, что кормит коррупцию и поддерживает нерациональный оборот государственных ресурсов²⁶.

Субсидирование, с точки зрения оптимизации расходов бюджета, наносит существенный вред государству и применяется только потому, что хорошо приспособлено к практике валового подхода к решению проблем и более доступно с точки зрения администрирования. Такой метод оправдывает себя в затратных экономиках, когда государственные ресурсы расходуются по факту, а бюрократия и коррупционеры «законно» отчисляют в свою пользу часть социальных ассигнований. В эпоху рынка подобная методика изживает себя, и в настоящее время растущий акцент делается на адресный характер помощи населению. Однако в большой мере — это практика будущего. И едва ли такая система сможет быстро утвердиться в Египте. Ее не сломили рыночные реформы и возражения западных экспертов против популизма. Тем более она останется, поскольку в Египте иждивенческие настроения распространены в ощутимой мере, а население привыкло к принятой системе распределения доступных средств для пропитания.

Есть и другая причина. Новой власти будет сложно пойти на существенную реформу распределения помощи, которая трудна не только с организационно-технической точки зрения, но и по своим социальным и политическим последствиям, которые находятся в тесной связи с экономикой. Но в любом случае, тема эта, так или иначе, начинает утверждаться в странах, где в связи с бюджетными ограничениями все больше ощущается потребность в замене субсидий на более эффективные методики, т.е. такие, в рамках которых дотируются доходы, а не расходы нуждающихся групп населения. Тем более что рыночные отношения, проникающие в развивающиеся экономики, задают новые обстоятельства и со временем способны решительно перековать устоявшуюся практику.

Простая логика подсказывает, что переходному правительству следует сосредоточиться на социальных проблемах общества, поскольку именно они, как отмечалось,

²⁵Азия и Африка сегодня, №7, 2011, с. 15.

²⁶International Monetary Fund. World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. Apr. 11, с. 45.

спровоцировали январский взрыв и в перспективе будут основным детонатором недовольства. Сохранение движения в этом направлении и демонстрация особой приверженности новой власти, вопросам социального устройства народных низов подается как рутинная практика. Государство широко оповещает о том, что не останавливает и даже активизирует жилищное и инфраструктурное строительство, реанимирует заброшенные проекты, связанные с трудоустройством молодежи, резко наращивает деятельность в рамках нового закона о социальной поддержке бедных слоев.

По инициативе Национального совета по делам молодежи реализуются планы создания возможностей для трудоустройства молодых людей. В провинции Суэц, например, под соответствующие проекты выделены крупные неиспользуемые земельные наделы, на которых будут устроены рабочие места для 80% местного молодежного контингента при участии египетских инвесторов, намеренных использовать средства именно на эти цели²⁷.

Другим способом трудовой мобилизации является приобретение средств производства и наделение ими желающих найти применение своим силам. В настоящее время осуществляется крупная (60 млн. ег. ф.) инициатива, которая положит начало другим таким же. Совместными усилиями госучреждений и Социального фонда развития приобретаются почти 2 тыс. автомашин для выпускников, завершивших обучение по курсу организации коммерческих перевозок и форвардинговых услуг, что предоставит рабочие места шести тысячам молодых людей. До этого уже были закуплены почти 2,5 тыс. автомашин для распределения среди семи тысяч выпускников под различные виды деятельности²⁸. Вообще к изысканию возможностей трудоустройства молодежи привлечены многие учреждения. Не остается без внимания даже такая экзотическая для Египта сфера, как использование нанотехнологий в местной индустрии, чему и был посвящен Первый арабский конгресс по этой тематике. Среди прочих тем особый акцент ставился на освоении новых технологий (хотя вряд ли именно это направление деятельности может обеспечить массовую занятость). Как перспективные были определены ткацкая и медицинская промышленность, развитие солнечной энергетики и природоохранная деятельность, т.е. те отрасли, которые предъявляют спрос именно на молодых людей, получивших соответствующую научную и инженерную подготовку²⁹. Предпринимаются и срочные меры для выправления ситуации с пенсиями. Для этого был продлен срок действия одной из статей нового закона о социальном обеспечении от 2010 г. на фоне приостановления других статей до внесения поправок. Тем самым сохраняется возможность повышения компенсаций за рост цен на основные продукты питания для беднейших слоев населения, доход которых составляет менее 436 ф., вплоть до того момента как основные положения закона будут приведены в соответствие с экономическими реалиями. Доплаты вырастают существенно для наименее обеспеченных слоев, но дифференцируются пропорционально нарастанию доходов в каждой группе, снижаясь по мере роста обеспеченности заявителей.

²⁷Аль-Ахрам, 8.1.12.

²⁸Аль-Ахрам, 8.1.12.

²⁹Там же.

Приведенные примеры интенсификации социальной политики свидетельствуют о том, что новая власть сделала выводы из судьбы предшествующего режима и теперь пытается быстро реагировать на веления времени, особенно в такой тонкой сфере, как молодежная занятость и социальное обеспечение, всячески акцентируя тот момент, что при старом режиме было намерение притормозить эти вопросы.

Начавшиеся в январе прошлого года процессы показали, что одно намерение удержать значительную часть египтян от проваливания за грань нищеты не дает гарантии от социального взрыва. Нужны более весомые действия, способные реально улучшать материальное положение людей, а не просто на самом низком уровне поддерживать воспроизводство их рабочей силы. В свете этого перед переходным правительством стоит задача удержать ситуацию под контролем даже путем разрушительных популистских мер до того момента, когда могут быть выявлены и мобилизованы средства, чтобы сгладить хотя бы наиболее вопиющие нестыковки в процессах социально-экономического развития. А равно и показать готовность следовать по пути увеличения благосостояния населения дальше своих предшественников.

Пока в Египте формируются органы законодательной и исполнительной власти, переходная экономическая политика во многом строится на сиюминутных запросах и проектах времени президента Мубарака. Поэтому нет четкого плана, который позволил бы системно подходить к проблемам, волнующим население. Вопрос этот остается открытым, и сейчас многие египетские политики стремятся подыскать наиболее эффективные средства, способные смягчить болезненные симптомы.

Одним из таких политиков либеральной направленности является М. Барадай. Он предложил свой вариант выхода Египта из кризисной ситуации и развития страны на ближайший период в условиях, которые, как и прежде, по его определению, отличаются «ростом безработицы, дороговизны, опасностью дальнейшего погружения экономики в хронический застой в жесткой корреляции с явлениями в политике и безопасности, которые обеспечивают экономические процессы»³⁰.

М. Барадай назвал десять неотложных пунктов, выполнение которых может вернуть в страну не только иностранные инвестиции, стимулировать производство и создать новые рабочие места, но и обеспечить определенную толику социальной справедливости и создать задел на будущее. Сделал он это в своем проекте, который был направлен в декабре 2011 г. премьеру К. Ганзури, разъяснив свои представления о том, как выйти из ситуации, возникшей уже в условиях переходного периода. Важнейшими предложениями следует, видимо, считать нижеследующие.

Это разработка национальной инвестиционной программы для госпроектов и общественных работ, которые отличаются большой трудоемкостью, но способствуют наращиванию инфраструктуры в периферийных районах (водо- и газоснабжение, сооружение каналов, мостов, дорог и портов в Нижнем Египте), где проживает большая часть беднейшего населения.

Второй пункт касается образования фонда финансирования египетской промышленности в сотрудничестве с государственными банками для восстановления закрытых или

³⁰Аль-мысрий аль-яум, 8.1.12.

простаивающих из-за отсутствия средств средних предприятий, число которых приближается к 500, в промышленных городах 10 Рамадана, Ас-Садат, 6 Октября.

Дополнительно выдвигается требование предоставить налоговые каникулы для новых инвесторов в трудоемкие предприятия и мелкие и средние компании, готовые занять как можно большее количество рабочих рук. Одновременно правительству рекомендуется еще до окончания переходного периода резко улучшить условия экономической деятельности и инвестиционный климат путем уменьшения бюрократической нагрузки на инвесторов и оптимизации работы исполнительных органов.

Следующий момент предусматривает побуждение Высшего совета по инвестициям к упрощению процедур, ныне препятствующих оживлению бездействующих сооружений в крупных проектах стоимостью более 1 млрд. ф. Для ускорения мер предлагается объединить усилия правительства, Высшего военного совета, соответствующих министров и губернаторов.

Программа также подчеркивает необходимость оберегать туризм от неблагоприятных воздействий ввиду того, что он остается одним из важнейших источников накопления валютных ресурсов. Предлагается ввести минимальный уровень оплаты труда на госпредприятиях с целью предотвращения забастовок и увеличения покупательной способности значительной части населения. Считается целесообразным реструктурировать среднюю по размеру задолженность сельских товаропроизводителей, освободить крестьян от уплаты накапливаемых процентов и ликвидировать практику арестов их за долги. Наконец, последнее предложение касается выпуска минимум 2,5 тыс. автобусов на природном газе для городских сообщений в Каире и Александрии в целях развития общественных перевозок и борьбы с загрязнением окружающей среды³¹.

Очевидно, что в программе содержатся положения, реализация которых может способствовать улучшению хозяйственного положения Египта, если для этого будут созданы адекватные механизмы, свободные от известных хронических египетских болезней экономического и внеэкономического происхождения. В то же время документ предстает как довольно эклектическое собрание разнородных по значимости рекомендаций правительству, приоритетность которых едва ли может считаться однозначной.

Тем не менее, интерес в программе представляет то, что она обращена в важных своих моментах к государству, а не к частному капиталу. Такой перенос акцентов находится в своего рода противоречии с общим трендом на либерализацию последних двадцати лет, которая ограничивала роль государства в экономике ради повышения дееспособности частных экономических агентов. На этом фоне обращение к нему как к силе, способной вывести Египет из серьезных проблем рыночного происхождения, кажется неким анахронизмом в стране, которая прежде погрузилась в рынок и стремилась и дальше урезать роль госкапитала. Для ослабленного в этом отношении Египта подобный призыв может быть понят как заявка на отступление от принятой линии и нарушение рекомендаций МВФ. Особенно если принять во внимание упоминавшийся визит высокопоставленных чиновников Фонда

³¹Там же.

и «интенсивную», по мнению прессы, подготовку к нему египетской стороны, стремящейся всеми средствами доказать свою способность добиться экономической и политической стабильности именно в условиях рынка и получить «диплом соответствия» от Фонда, что позволит продолжать сотрудничество с ним.

Понятна основная идея доклада М. Барадаи, которая заключается в том, чтобы занять мало-квалифицированную рабочую силу и сократить безработицу среди образованного слоя. Но инициирование трудозатратных производств создает немного возможностей для роста капиталовооруженности и производительности труда, мало способствует повышению конкурентоспособности национальной промышленности и может служить лишь средством временной корректировки ситуации за счет фактически одного поддержания неэффективной занятости.

Другие положения программы не вызывают сомнения в их необходимости, но более как технического, вспомогательного средства решения проблем развития. Фактически вся предложенная разработка рассчитана на то, чтобы нивелировать «подручными» средствами те проблемы, которые четко обозначились или дополнительно обострились в ходе январских событий. К тому же и средства реализации программы не отличаются особой оригинальностью. Они вращаются в основном вокруг предложений снизить субсидии на энергообеспечение энергоемких предприятий, использовать, если получится, внешние финансовые ресурсы, пересматривать налоговую политику в зависимости от состояния экономики, мобилизовать возможности сотрудничества со странами БРИКС, Индонезией и Южной Кореей, которые остаются вне внимания египетского правительства.

В свете сказанного программа едва ли способна стать рецептом для длительного «лечения» национальной экономики. Скорее, она может служить лишь неким наставлением в вопросе преодоления кризиса на переходный период. Не приходится сомневаться, что для подъема Египта понадобятся смелые идеи, способные превратить макроэкономические достижения в реальные приобретения для народа.

На текущем этапе политическими силами предлагаются разные варианты выведения Египта из кризиса. В политическом отношении они, так или иначе, расходятся, но с экономической точки зрения в них много общего, поскольку нет особого выбора среди напрашивающихся путей и методов, способных вписать Египет в мировой конкурентоспособный рынок. Но сейчас едва ли найдется неординарный политик, готовый рискнуть политической карьерой в самый разгар неустраиваемости, чтобы озвучить решительную программу действий, перспективных для будущего, но крайне непопулярных для текущего момента.

Поэтому взгляды, видимо, будут обращены к рынку, но не к динамичному, а к заторможенному, который будет опираться на прежнюю практику его естественной адаптации к реалиям египетской экономики, в которой произошло сжатие собственности, но без придания нужной прочности хозяйственным механизмам, гибкости внутривластным связям и отлаженности управленческой функции. Это и есть свидетельство растерянности, которая охватила новые властные силы: их положение окажется под вопросом, как только они заявят о своих взглядах на выход из социального и экономического тупика, в который Египет продолжает втягиваться. Очевидно, что в свете этого бесконфликтную среду,

где нет социальных антагонизмов и экономических кризисов, в обозримом будущем в стране создать не удастся.

Напрашивается вывод, что жизнеспособность общества существенно подорвана. И огромный социальный разлад является следствием не только неудачи рыночной политики и методов ее проведения, но и результатом развала прежнего сознания, не поднявшегося до высот понимания того факта, что терпение и пассивность народа — явление преходящее. И нынешние политические регуляторы — партии, властные институты, даже нарождающиеся структуры гражданского общества едва ли окажутся на высоте положения, если не уловят те моральные ценности и смысловые понятия, которые народ обрел за истекший год.

Нынешний Египет, вероятно, не скоро выйдет из «взвинченного» состояния в силу того, что протестный процесс еще далек от завершающей фазы. Достижение же в стране нового равновесия между натуральными, социально-психологическими и политическими показателями в обозримой перспективе крайне проблематично, поскольку возможности их гармонизации отличаются высокой степенью неопределенности. А она обусловлена тем, что популярность властных решений априори будет минимальна в обществе, где на нерешенные проблемы наслонились новые противоречия, и где народ будет гораздо менее терпим к новым макроэкономическим экспериментам и менее расположен к длительному ожиданию результатов.

Выживание или развитие?

Египет представляет собою исторически ведущее государство арабского мира, и поэтому к нему устремлено особое внимание. Однако это не умаляет значения других стран, переживающих «революционное» противостояние или перешедших в постреволюционный период. Их влияние на дестабилизацию ситуации в регионе не следует недооценивать, по крайней мере, на период активного разрушения прежних режимов, не сумевших преодолеть внутренние обстоятельства, десятилетиями угнетающие Арабский Восток. Устойчивость этих обстоятельств приводит к снижению динамики на всем экономическом пространстве и ослабляет фундаментальные факторы, влияющие на рост через норму сбережений и инвестиций, человеческий капитал и институты. В целом в этих государствах достаточно уже одного расширения состава рабочей силы и замедленного роста капиталовооруженности в качестве основы сохранения пониженной эффективности экономики, заметно отстающей в сравнении с экономической конъюнктурой.

Эта тенденция особенно проявляется на текущем этапе, когда из-за нарушения ритмичности экономики и понижения ее общей эффективности имеет место сужение каналов официальной помощи, прямых иностранных инвестиций, трансфертов. Проблема мобилизации внешних источников накопления для истощившихся бюджетов «поствесенних» государств превращается в мощный раздражитель долговременного действия, особенно на фоне лихорадочного поиска средств социального умиротворения.

Бюджетная нагрузка настолько велика, что становится реальным испытанием для государственных ресурсов, не говоря уже о населении, лишение которого допуска к дотируемым товарам граничит с лишением права на жизнь. В той же Сирии в самом конце 2010 г. появились очень осторожные намеки на возможность повышения цен на продовольствие, воду и соль. Этого не произошло, но осталось неизвестным, как на такое известие мог прореагировать народ, и нельзя исключать, что сирийские события были вызваны не только действиями спецслужб, но и уверенностью менее защищенных слоев в неизбежности непопулярных шагов правительства, которые следовало упредить.

В целом основные страны — источники «весны» каждая по отдельности могут будоражить мир, но не могут оказать существенного влияния на региональные и мировые события. Но их суммарное воздействие на ситуацию в немаленьком секторе мирового политического и экономического пространства не может не приниматься в расчет. Их благополучие имеет большое значение для сглаживания напряженности в международных отношениях, но это благополучие едва ли достижимо без нормализации экономических процессов. Между тем именно в этой области намечаются самые большие трудности, и общественный консенсус по поводу возможных контрмер вызывает большие сомнения. Такое ощущение приходит потому, что странам необходимо, прежде всего, добиться, как минимум, статус-кво по многим экономическим позициям, которые стали ухудшаться в конце прошедшего десятилетия как реакция на ухудшение мировой и внутренней конъюнктуры.

Пока взгляды на политическую экономию формирующегося истеблишмента остаются невыясненными, при всем том, что особого выбора у него, как указывалось, видимо, не будет. Скорее всего, ее вектор будет следовать за мировой тенденцией в попытках применить те же инструменты борьбы с негативными явлениями, что и прежде, хотя и, вероятно, с худшими результатами, учитывая шаткость экономической конструкции послереволюционного времени и скрытую взрывоопасность действий, связанных с выравниванием ситуации. Не исключено, что арабская сторона Средиземноморского сотрудничества может склоняться к тому, чтобы как-то соотносить свои действия с теми, что предназначаются для преодоления кризиса в Европе. Они были утверждены в январе 2012 г. членами ЕС и Западом как таковым, но рассчитаны именно на экономические и социальные реалии этой индустриально развитой и интегрированной части мира. Арабский Восток в нее по определению не входит и, по стечению внутренних обстоятельств, не сможет достичь необходимых кондиций, чтобы его можно было бы сравнивать по этим параметрам с западным антиподом. Попытки же искать собственные варианты развития едва ли перспективны, тем более сейчас, в горячий период послереволюционной действительности, в рамках которой основные помыслы и силы вновь складывающихся элит отвлечены на собственное обустройство во власти и, в первую очередь, сосредоточиваются на отношениях с партнерами и конкурентами внутри и за пределами своих стран. К тому же при нынешнем состоянии арабского единства о коллективных действиях созидательного характера, которые при прочих равных обстоятельствах могли бы быть продуктивными, говорить не приходится, учитывая внутриарабские антагонизмы по разным поводам.

Поэтому в сложившихся обстоятельствах арабским странам — жертвам политической турбулентности придется обращаться к внешним источникам заимствования и, скорее всего, выживать по отдельности сообразно с собственными особенностями.

Между тем в условиях затягивающейся экономической неустойчивости Европы, подвижной ситуации в США и общей глобальной неуверенности в бесперебойной работе воспроизводственных механизмов ситуация для Арабского Востока не разряжается, а, напротив, имеет тенденцию к ухудшению из-за сужения каналов поступления официальной помощи, прямых иностранных инвестиций и трансфертов до опасных величин. Без доступа к дополнительным средствам попытки вернуться к приемлемой экономической конъюнктуре будут буксовать. А этот вопрос измеряется многими миллиардами долларов и имеет стратегическое значение для роста.

Приток иностранного капитала, например, в Египет, сократился, по некоторым данным, на 90% с началом январских событий 2011 г. Затем ситуация поквартально менялась по секторам, отражая большие колебания в притоке — оттоке прямых иностранных инвестиций. Но в любом случае потенциальная угроза для египетской экономики лишиться 6–7 млрд. долл. прямых инвестиций несет непосредственную угрозу резкого ухудшения ситуации. Однако в последнем докладе ЮНКТАД на 2011 г. были сделаны довольно позитивные прогнозы относительно долгосрочных иностранных вложений в Египте, который остается «потенциально привлекательной площадкой для этих целей». Здесь зафиксирован самый высокий в странах прирост на размещенный капитал и приемлемый уровень подготовки рабочей силы. Условием же возвращения капиталов является скорейшее выправление ситуации на рынке и возвращение доверия к политическому курсу государства, хотя риск скатывания новой власти к популистской политике вызывает опасения у зарубежных инвесторов³² так же, как и политический характер этой власти, которая еще должна проявить добрую волю и доказать свою готовность сотрудничать с иностранными инвесторами в самом широком смысле этого слова. Во всяком случае, пока вопрос о таких возможностях остается открытым, как это следует из сказанного выше, и многое зависит от того, насколько арабские экономики смогут адаптироваться к требованиям промышленных лидеров мира к растущим рынкам.

В Тунисе в этом отношении складывается более благоприятная ситуация. Во всяком случае, в предшествующие годы спрос на иностранные и совместные инвестиции в отраслях с высокой окупаемостью удовлетворялся полностью. Ожидавшийся прирост иностранных и совместных инвестиций на 2011 г. измерялся 27%, несмотря на социально-политический взрыв в начале года. Это свидетельствует о достаточно высокой степени доверия иностранных инвесторов к тунисской экономике, ее менеджменту и к тому, что происходит в стране. Правда, такие предположения делались до прихода к власти партии «Нахда», и пока нет внятных подтверждений того, что отношение к Тунису останется столь же благосклонным, как это демонстрировалось до указанного события. Но все же

³²zawya.com/stoty.cfm/sidzawya20111020053043/Decline-in-foreign-direct-investment-following-the-Egyptian-revolution

представляется, что заявления умеренных исламистов могут успокоить западных инвесторов, которые, по мере развития ситуации в положительном направлении, скорее всего, будут склонны наращивать вложения в тунисскую экономику³³.

В Иордании с началом «арабской весны» наметился спад прямых иностранных инвестиций и трансфертов, что десятилетиями составляет предмет особого беспокойства иорданских властей. Ситуация заметно отразилась на качественных показателях национальной промышленности. Но масштабы явления трудно оценить из-за отсутствия конкретных данных о притоке капиталов, кроме иностранных грантов, которые, по некоторым сообщениям, к середине 2011 г. превзошли бюджетные ожидания и превысили 1,4 млрд. долл.³⁴ Однако этот факт, видимо, не следует воспринимать как акцию, способную длительно обеспечивать воспроизводственный процесс. Тем более что страна должна оплачивать нефтяные счета, субсидии на продовольствие, содержать большую по масштабам экономики армию безработных и гасить социальное недовольство, скрытое лишь легким флером гражданского повиновения.

Инвестиционный голод страны представляет перманентное явление, и даже крупные, но разовые вливания неспособны разрешить проблему лихорадочного состояния иорданских финансов и экономики в целом. При этом более или менее стабильные перспективы могут возникнуть только в случае, если королевство получит гарантированный доступ к соответствующим ресурсам монархий Персидского залива.

Попытки выйти из тяжелого положения — естественны, но в арабском случае они слабо ассоциируются с объединением усилий, с кооперированием потенциалов, вообще с созданием условий для совместного выживания. Лишь отдельные субъекты региональных отношений ищут в этом способы сохранения жизнедеятельности. Однако арабская интеграция десятилетиями остается вещью в себе, охватывая лишь относительно небольшую группу стран Залива, составлявших своего рода корпорацию, в которую доступ другим был закрыт. Но неожиданно народные волнения и реальные угрозы правящим режимам побудили ССАГЗ оказать поддержку монархиям за пределами Персидского залива. Лидеры блока на встрече в Джиdde в сентябре 2011 г. огласили программу помощи Иордании и Марокко как пролог к их вступлению в организацию с целью укрепления экономических и политических позиций.

Такое предложение особенно актуально для Иордании. Здесь хронически сохраняется бюджетный дефицит, не исчезла угроза возобновления протестов и безработица. На этом фоне расширение контактов с ССАГЗ даст возможность не только расширить рамки экспорта квалифицированной рабочей силы, но и увеличить приток прямых иностранных инвестиций ПИИ, улучшить торговый баланс, ликвидировать дефицит электроснабжения, привлечь новые массы туристов.

Очевидно, что с этой точки зрения протестные движения имели совершенно иных адресатов. Но они дали важный побочный эффект в виде стимулирования интеграционного

³³zawya.com/story.cfn/sidzawya20111020070140/foreign-and-joint-investment-intentions-intentions-up-27%-in-first-nine-months-of-2011

³⁴zawya.cjm/story.cfn/sidzawya20110914053004/Jordan-economy-would-witness-huge-gains-from-a-potential-incursion-in-the-GCC

процесса (крайне усеченного, избирательного, изоляционистского по своему характеру), который при других обстоятельствах не имел бы места. Он стал возможным в критических обстоятельствах, которые принесли потенциальную угрозу обрушения режимов, и не только республиканских, но и устроенных на принципе наследования власти. В основе намечаемой интеграции лежит идея династийной солидарности, не предполагающей объединения усилий для создания глубоких экономических связей. Задача состоит в том, чтобы обустроить каналы для перекачивания товарных и финансовых потоков с целью обеспечить выживаемость домов в нестабильной экономической и политической среде под прикрытием могущественного секстета заливных арабских нефтеэкспортеров.

Этот факт показывает, что прямая угроза жизненным интересам отдельных государств может стимулировать в них коллективистские инстинкты для защиты от внутренних раздоров, для спасения правящих режимов и династий. Иные цели в арабском мире пока не просматриваются. Но в любом случае новый виток в интеграционном поле — очень важный пример со всех точек зрения. И если он, наряду с запуском гражданских процессов, разбудит и интеграцию на более широкой основе, то от этого арабские страны только выиграют в соревновании между собой и с другими государствами или их группами.

На фоне дефицитных государств выигрышной предстает ситуация у арабских нефтеэкспортеров Персидского залива. В наибольшей степени это относится к Катару и Саудовской Аравии, которые активно осваивают преимущества, созданные высокими ценами на энергоносители и подпитываемыми ими государственными программами расширения экономики. В 2011 г. катарская экономика росла темпами в 20%, саудовская держалась у планки в 7,5%³⁵. Однако и применительно к капиталоизбыточным государствам показатели роста постоянно пересматриваются и не только в связи с ценовыми факторами или ситуацией в регионе, но и в зависимости от положения дел в глобальной экономике, в частности, в США и Европе, где финансовые неурядицы и долговой кризис подпитывают друг друга и параллельно сказываются на экономике даже зажиточного сегмента арабского региона.

Например, МВФ понизил темпы роста Катара до 18,7% в сентябре 2011 г., и на следующий срок даже предполагает сжатие их до 6%. Применительно к КСА этот показатель должен упасть до отметки в 3,6%³⁶. В целом же динамика роста арабских нефтеэкспортеров видится МВФ нисходящей, измеряется 4% на 2012 г. и ставится в зависимость от высокой степени неопределенности, характерной для мировой экономики, включая, естественно, и Арабский Восток как ее часть³⁷.

И этому есть определенные основания. По некоторым данным, арабские страны зоны Залива понесли в 2011 г. потери, которые для Саудовской Аравии оцениваются в 54 млрд. долл., для Кувейта — 16 млрд., для Катара — 14 млрд., Дубая — около 3 млрд. долл. В относительных величинах они явно не являются критическими для указанных государств и

³⁵zawya.com/story.cfm/sidzw201041/000095/IMF

³⁶emirates247.com/business/economy-finance/IMF issues uncertain outlook for Mena-2011-09-20-1,419665

³⁷Там же.

указывают, скорее, на некие экономические причины явления, а не связаны непосредственно с событиями «весны».

Тем не менее, шаткая перспектива подвигла страны ССАГЗ к существенному увеличению расходов после начала событий в регионе в стремлении избежать их распространения на свои территории. Правящие режимы израсходовали в 2011 г. в общей сложности 150 млрд. долл., чтобы поддержать спокойствие в местном обществе. Сумма составила 5% (по другим данным, 13%) годового ВВП шести стран, или 57% их совокупных расходов за период, хотя эта мера едва ли способна надолго отсрочить проведение реформ или компенсировать нехватку рабочих мест³⁸. По существу же, скатывание режимов к популистским действиям отвлекло от производительного использования средств, которые могли бы быть обращены на обеспечение дальнейшего экономического роста и на расширение занятости.

Выделяя во спасение щедрые ассигнования для раздачи населению, монархии выказали серьезное опасение обнаружить себя в ситуации тунисско-египетского образца, но рассчитали, что цены на нефть и во втором десятилетии века дадут им шанс развивать экономику и социальную сферу в рамках грандиозных программ диверсификации и модернизации экономических структур. В настоящее время в арабских монархиях Залива реализуются проекты общей стоимостью 1,8 трлн. долл. В одной только Саудовской Аравии эта цифра достигает 800 млрд. долл., в ОАЭ расходы на эти цели составляют 130 млрд., сходные суммы выделяются под те же задачи и другими нефтеэкспортерами Залива³⁹.

Иными словами, расходы на «замирение» населения в аравийских монархиях сопоставимы с суммами, которые в ряде из них направляются на развитие. Но меры, связанные с обеспечением общественной безопасности при помощи расчетов с населением, были признаны на текущем этапе более важными, чем что бы то ни было другое. И они действительно помогли избежать вполне вероятных случаев неповиновения властям. А кроме того, дали возможность погасить реальные беспорядки на Бахрейне, использовав все доступные ресурсы, и исключили, хотя бы на некоторую перспективу, неуправляемые эксцессы, склонные в накаленной обстановке региона к перерастанию в катаклизмы.

Для нынешних властей в нефтеэкспортирующих государствах характерно стремление реализовать в своих пределах то, что обрело осязаемые черты в ОАЭ. Эта страна добилась наибольших успехов в диверсификации производства и в социальных гарантиях. Во всяком случае, если в 2000 г. доля углеводородов в ВВП составляла 50%, то в 2010 г. этот показатель сократился до 30%. И этот факт можно рассматривать как весьма крупное достижение.

Понятно, что возможности и инструменты, которыми пользуются аравийские монархии, недостижимы для стран, не обладающих таким уровнем благосостояния и вынужденных развиваться по траекториям, которые заметно отклоняются от тех, что фиксируют процесс устойчивого развития.

Пример государств ССАГЗ в сопоставлении с опытом менее развитых стран Арабского Востока естественным образом подводит к выводу, сделанному в докладе МВФ

³⁸zawya.com/story.cfm/sidzawya20110906052830/Cost-of-arab-spring

³⁹zawya.com/story.cfm/sidzawya201109070307/?relcontent=zawya2011090605283

на саммите G-8 в мае 2011 г. В нем говорится, что вектор грядущего развития Ближнего Востока и Северной Африки «необратимо изменился, но каждая страна будет трансформироваться по-своему и прогрессировать своими темпами, и им необязательно иметь одинаковую политическую или экономическую модель, когда они достигнут конечного пункта». Но исполнение поставленных задач в любом случае ставит вопрос о «необходимости неуклонного наращивания темпов экономического роста в рамках политики, обеспечивающей соответствующие условия для частного сектора... причем трансформация должна проводиться усилиями самих стран региона... а международное сообщество может внести большой вклад в процесс, представив амбициозную и многоплановую программу поддержки, включающую обеспечение доступа на рынки, перемещение рабочей силы, кредитные гарантии, облегчение налогового бремени, льготное кредитование»⁴⁰.

Однако положение дел таково, что арабским странам придется, по преимуществу, рассчитывать на собственные силы и средства. Объяснение этому приводилось выше, здесь же можно отметить, что экономические неурядицы, которые ограничивают США и ЕС в маневре ресурсами, более располагают их к решению собственных задач, чем к наращиванию помощи нуждающимся государствам.

К тому же более отчетливо проступает дестабилизирующий эффект политики мировых промышленных лидеров. Они направляют усилия на удушение возможностей целой группы арабских стран перейти к новым формам правления естественным путем в процессе эволюции, учитывающей национальные представления об устройстве власти. При этом разрушение политических систем тесным образом сопрягается с ослаблением или приведением в негодность институциональных схем, равновесие в которых до того удерживалось балансом сложившихся интересов во властно-хозяйственных отношениях.

Между тем арабское общество не подготовлено своей историей к быстрому слоому прижившихся представлений о государственном доминировании в регулировании и распределении, но приобрело стойкую привычку воспринимать производство и потребление такими, какими они сложились. Общественному сознанию трудно перестроиться в течение короткого времени на другой режим, при котором частная инициатива становится ведущей силой в среде, воспитанной в духе приспособления к обстоятельствам, но не креативного подхода к ним. Кажется, именно в этом кроются важные психологические причины невысокой эффективности попыток правящих режимов приобщить арабские народы к западным стандартам организации производства, труда, бизнес-деятельности и т.п. в условиях дефицита материальных и финансовых ресурсов.

Текущий этап в истории арабского мира протекает трудно, с большими издержками. Но его с полным основанием можно считать периодом накопления факторов дальнейшего развития арабских экономических и социальных систем. События последнего года свидетельствуют о том, что в арабском обществе накопились мощные противоречия,

⁴⁰Group of 8/ G-8 summit, May 27, 2011, Deauville, France. Economic transformation in MENA. Delivering on the promise of shared prosperity. Executive summary.

которые потребовали немедленного выхода. Дальнейшее нарастание экономических и общественно-политических процессов может привести к еще более яростному взрыву. Это один вариант. Второй вариант может протекать как более умеренный. Мощный выплеск социальной энергии в какой-то степени выровнял давление внутри арабского общества. В ходе выступлений интересы и цели были явственно продемонстрированы участниками процесса. Теперь они должны оценить происшедшее, сопоставить потери и обретения, продумать стратегию и тактику поведения, чтобы принять верные решения. Интенсивность социальных конфликтов в будущем будет зависеть от того, насколько массы будут удовлетворены результатом восстаний, какие уроки были получены арабским обществом и какую цену оно готово заплатить за свое экономическое благополучие и социальный мир.

Свои выводы должны сделать и международные финансовые институты, которые зримо присутствуют в процессах, определяющих векторы развития во многих арабских государствах. В мае 2011 г. в Центре Карнеги в Бейруте состоялась презентация последнего на тот момент регионального доклада МВФ «Mideast Countries See Opportunity Amid Unrest». В нем содержались рекомендации относительно противодействия вызовам, с которым сталкивается арабская экономика в быстро изменяющихся политических условиях. Докладу со стороны независимых аналитиков была дана невысокая оценка в связи с тем, что его положения отстаивали те же точки зрения, которые реализовывались до начала волнений. Их неприемлемость уже на момент обсуждения была очевидной как приведших к серьезным потрясениям в экономиках региона и сыгравших роль в вызревании продолжающихся и поныне протестов. Они не соотносятся с изменившимися обстоятельствами и закрывают возможности для поиска новых подходов, которые «могли бы быть более объемными и интегрировать все политические аспекты». Эти новые подходы видятся в создании институтов и в переходе к моделям развития, способным обеспечить большую вовлеченность экономических агентов и общественных сил в процесс развития на том основании, что «если внутренние протесты привели к политической трансформации, то внутренние движения могут привести к трансформациям экономическим»⁴¹. Другими словами, стратегии МВФ и других организаций должны учитывать ситуацию в регионе и адаптировать свои принципы применительно к обстановке, если они действительно заинтересованы в ее нормализации.

Ситуация с нынешней арабской действительностью, как кажется, имеет своего рода диагностическое значение. Как неоднократно упоминалось, в условиях заметных успехов в структурных реформах в странах, где они проводились, не удавалось добиться заметного роста благосостояния средних и низших слоев населения на фоне сохраняющихся дефицитов бюджета и нарушения экономических балансов.

При заметном наращивании ряда абсолютных и относительных показателей экономического роста отражение этого процесса в народной среде практически не было ощутимым.

⁴¹Carnegie-mec.org/events/?fa=3238, The need for inclusive growth: the IMA economic outlook for the MENA region, May 4, 2011 – Beirut.

Целых двадцати лет выстраивания рыночной модели не хватило для того, чтобы народ испытал облегчение. Возможно, будь волна структурной перестройки более протяженной во времени, количественные изменения имели бы шанс перерасти в качественные сдвиги, но одного ожидания результата не было достаточно, чтобы облегчить течение болезненного этапа замещения крайней бедности хотя бы относительным благосостоянием. Арабская практика показала, что к моменту начала народного возмущения тяготы населения, несущего основное бремя перехода к рынку, превысили допустимый максимум и оказались невыносимыми, даже несмотря на ощутимые для бюджета программы недопущения окончательной социальной деградации весьма широких слоев населения. Взрыв их негодования накапливался очень медленно и незаметно, скрываемый вековой привычкой к мизерным нормам потребления, к подчинению государственной воле и фатализмом перед лицом жестких лишений.

Опыт показывает, что применение западных методик перехода к более интенсивным экономикам рынка в арабском варианте может быть успешным только в капиталоизбыточных государствах, способных защищать экономические интересы населения за счет сверхприбыли от сбыта энергоресурсов. Для остальных этот опыт фактически оказался провальным, поскольку не была достигнута главная цель экономического роста — приемлемый уровень обеспечения каждодневных потребностей населения и его социальная защита.

На этом фоне лечение демократией, гражданским обществом, либеральными идеями едва ли в короткое время окажется результативным, поскольку арабское общество имеет иную политическую культуру и традицию и не сможет быстро усвоить большие дозы паллиативных средств. Тем более что не менее необходимо создавать сильное и ответственное за свою политику государство, модернизировать экономику, преодолевать пониженную производительность труда и невысокую конкурентоспособность национальных предприятий, поднимать обрабатывающую промышленность и многое другое.

Даже пробуждение активности народа и его побуждение к действию едва ли сможет сразу преодолеть накопившуюся инерцию движения, а тем более привести к созданию особой арабской экономической модели развития, отдельные высказывания о возможности которой имеют порой место. Конечно, арабы, как отмечалось выше, привнесли в мир понятие исламской экономики. Но она не существует как комплексная категория, и из нее едва ли когда-нибудь вознесется траектория опережающего развития. К тому же она содержит в себе элемент архаизации экономики, поскольку адресует потребителя услуг к атрибутам ушедшей эпохи, функционирование которых даже в условиях мусульманских государств имеет оттенок искусственности.

Между тем на последней встрече в Давосе прозвучало мнение об утрате доверия со стороны влиятельных субъектов международных отношений к мировой экономике, выраженное в словах основателя форума Кл. Шваба о том, что «современная капиталистическая система в ее нынешней форме абсолютно не вписывается в модель современного мира». Если это так, то тем более она, видимо, не вписывается и в современный

арабский мир, который пытается воспроизвести ее с максимальной степенью похожести и в еще большей степени воспроизводит ее огрехи, усугубляемые его спецификой. Наверное, на этом фоне для арабского мира со всем его общим и особенным в характеристиках развития будет крайне необходимо избежать скатывания к псевдовосстановительному росту и неорганичному реформенному курсу. Кажется очевидным, что сопутствующие им обстоятельства могут поставить его перед лицом новых вызовов, опасных и сами по себе, и тем более грозных в условиях расшатывания современной системы рыночной экономики и ухудшающейся мирохозяйственной конъюнктуры, что для Арабского Востока акцентирует дилемму: выживать или развиваться.

В.М. Ахмедов

Армия и арабские революции на Ближнем Востоке

В канун революционных событий на Ближнем Востоке отечественные и зарубежные научные и экспертные сообщества не выработали единой точки зрения по вопросу о роли армии в современном ближневосточном обществе, о формах ее взаимоотношений с гражданскими органами государства и способах влияния на политику. В западноевропейских государствах, в основе жизни которых лежат либерально-демократические ценности, армия не является источником политической власти и находится под контролем гражданских властей. В то же время в большинстве арабских стран Ближнего Востока, которые сегодня переживают переходный этап своего развития, на практике допускается активное участие армии в процессах общественной жизни вплоть до прихода военных к власти. Особенности военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке во многом определяют специфику развития основных политических процессов в арабском регионе. Проблематика, связанная с ролью вооруженных сил в политической жизни государств региона, стала особенно актуальной в условиях революционных событий на Ближнем Востоке.

Таким образом, исследование проблем взаимоотношения армии и общества в арабских странах Ближнего Востока, процессов модернизации национальных вооруженных сил, их влияния на экономику и политику арабских государств могут способствовать более полному и адекватному пониманию меняющейся роли армии в современном мире, более детальному исследованию социально-политических процессов на Араб-

ском Востоке, более точному анализу и прогнозированию развития политической ситуации в странах этого региона¹. Особенно актуальной означенная проблема видится в свете революционных событий, охвативших регион в 2011–2012 гг.

Основные исторические причины и социально-политические предпосылки вмешательства армии в политику

Исторический ход событий на Ближнем Востоке после Второй мировой войны на долгие годы определил роль военных в развитии политических процессов в регионе. Их вмешательство в политику определялось необходимостью усиления централизованного государственного управления для решения сложных социальных проблем и обеспечения ускоренного преодоления экономической отсталости². С другой стороны, приход к власти военных являлся следствием фактического отсутствия в обществе иной реальной социальной и политической силы на этапе обострения внутривнутриполитических и социальных противоречий. Существовавшие в тот период политические партии и организации в большинстве государств отличались аморфностью и слабой организованностью. Не имея достаточного авторитета в обществе, они не могли стать во главе народных движений. Армия же, превращаясь в один из «центров силы», становилась организатором целого ряда переворотов и мятежей: с 1961 по 1969 гг. в 9 арабских странах произошло 27 переворотов и попыток взять власть вооруженным путем. За 22 года (с 1949 по 1971 гг.) только в Сирии произошло 8 военных переворотов, а в Ираке — 3 за 10 лет (1958–1968 гг.)³.

Силовое вмешательство военных в политику являлось, как правило, результатом социальных революций, осуществленных в форме переворотов. В постреволюционных Египте, Сирии, Ираке армия отражала интересы тех социальных слоев и политических групп, которые пришли к власти на волне социальных революций. При этом наряду с функциями сохранения национальной независимости и государственного суверенитета за армией законодательно закреплялись чисто политические задачи: защита целей баасистской революции (единство, свобода и социализм) в Сирии и охрана социалистических завоеваний народа в Египте. Приход к власти военных в Египте, Сирии, Ираке и ряде других арабских стран содействовал укреплению внутривнутриполитической стабильности и ликвидации внутренней междоусобицы.

С первых дней независимости во многих арабских странах военные располагали значительным влиянием в руководстве страны. Именно из офицерской среды вышли все президенты Египта — М. Нагиб, Г.А. Насер, А. Садат и Х. Мубарак. Это объясняется тем, что на местах реальная власть зачастую концентрировалась в руках армейских командиров,

¹ Армия и власть на Ближнем Востоке. М., 2002, с. 3–5.

² Более подробно об этом см.: Мирский Г.И. Третий мир. Общество, власть, армия. М., 1976, с. 3–60.

³ Zimmerman E. Toward a Causal Model of Military in Coups d'état. Armed Forces and Society, v. 5, n. 3, spring, 1979.

решавших не только военные, но и общественно-государственные вопросы. К тому же армия служила фактически единственным поставщиком кадров в государственно-административный аппарат. В Египте в 1950–1960-х гг. практически все посты руководителей губернаторов провинций, глав египетских дипломатических миссий занимали представители армии или полиции. Поэтому военные быстро превращались в важнейший элемент новой элиты, контролирующей основные сферы государственной деятельности.

Главные итоги прихода военных к власти

Утверждение армии и госбезопасности в государстве и обществе в качестве определяющей политической силы имело неоднозначные последствия для развития арабских стран и их вооруженных сил. С одной стороны, удалось избежать внутренних междоусобиц, противостоять внешним угрозам, укрепить центральную власть, консолидировать общество, мобилизовать массы на решение острых социально-экономических проблем и таким образом продолжить движение по пути самостоятельного развития после достижения политической независимости. Приход военных во власть инициировал глубокие изменения в общественной жизни и сдвиги в политической структуре общества, укрепил позиции нарождавшихся новых социальных сил. Для выходцев из сельской местности и маленьких городов, представителей этнических и конфессиональных меньшинств служба в армии была не только престижна, но и давала гарантированный материальный достаток. Армия также предоставляла им возможность сделать карьеру и приобрести определенный статус в обществе. В целом армия привела к власти представителей мелкобуржуазных и средних слоев арабского общества. Значительная часть офицерского корпуса в 1950–1960-е гг. была представлена выходцами именно из этих слоев, являвшихся носителями националистических настроений различного толка. Данное обстоятельство обусловило роль армии в политической системе арабских стран. Для многих выходцев из мелкобуржуазных слоев города и деревни, мелкого чиновничества, разночинной интеллигенции идеи об особой роли военных становились весьма привлекательными. Подобные теории находили благоприятный отклик в широких военных кругах, особенно среди молодых офицеров. Последние искренне верили в то, что гражданские правительства вряд ли способны обеспечить проведение необходимых социальных преобразований в рамках стабильности и конституционного порядка, обезопасить эти страны от угроз внутренней междоусобицы и внешней агрессии. Армия сплавляла выходцев из различных социальных и конфессиональных групп населения в особый, сцементированный единой дисциплиной организм. А военная служба объективно придавала им новое политическое и идеологическое качество. Несмотря на свою кастовость, военные, придя к власти в той или иной стране, действовали, в конечном итоге, в интересах определенных групп населения. Они оказывали влияние на выбор той или иной модели развития. Таким образом, армия служила орудием в руках правящей элиты для утверждения в обществе порядков, выгодных тем или иным социальным силам.

С другой стороны, в государстве утвердилась авторитарная система власти, а развитие подлинно демократических институтов управления, гражданского общества было прервано. К тому же военные не всегда были достаточно профессиональны и последовательны в проведении реформ и осуществлении преобразований в обществе, особенно когда они угрожали корпоративным интересам армии. Поэтому внутривластная стабильность арабских стран на последующих этапах развития во многом определялась прекращением соперничества между гражданскими элитами и военными. Иными словами — установлением и поддержанием определенного баланса военно-гражданских отношений в обществе. Таким образом, приход военных к власти в ряде ключевых государств Ближнего Востока оказал долговременное воздействие на процесс эволюции не только этих государств, но и региона в целом.

Новая общественно-политическая роль армии

Глубокая вовлеченность армии в гражданскую деятельность, обусловленная многоукладностью ближневосточных обществ и переходным характером их развития, имела свои временные рамки. После череды военных переворотов наступил период относительной стабилизации политической власти. В большинстве стран региона (за исключением Йемена, Судана и Мавритании) за последние тридцать с лишним лет военные не предпринимали попыток взять власть нелегитимным путем. Во многом это было обусловлено логикой внутривластного развития государств. Определенное воздействие оказал и внешний фактор, выразившийся, прежде всего, в усилении в конце 1960-х и в 1970-х гг. соперничества СССР и США за политическое преобладание на Ближнем Востоке и контроль над энергетическими ресурсами региона.

В результате на рубеже 70–80-х гг. XX века вооруженные силы обрели новую роль защитника власти, а не ее основного соперника. Развитие многих арабских государств в этот период характеризовалось сосуществованием военных режимов и гражданской власти в виде своеобразных военно-гражданских коалиций. При этом военные продолжали играть ключевую роль в определении социально-политических процессов. Это определялось местом армии и органов госбезопасности в обществе как единственного института государства, обладавшего реальной силой и способного гарантировать безопасность режима и обеспечить стабильность страны. Без активного участия или же поддержки армейского генералитета ни одно правительство в арабских странах не могло долго удержаться у власти. Когда в Египте около 20 тысяч солдат и офицеров из рот охраны порядка (Central Protection Force) взбунтовались из-за низких зарплат в 1986 г., египетская армия силой трех дивизий (около 25% численности регулярной армии) разгромила бунтовщиков. Брат сирийского президента Х. Асада Рифаат, предпринявший попытку захвата власти в 1984 г., столкнулся с противодействием армейского спецназа и других лояльных власти подразделений армии⁴.

⁴Eliezer Be'eri. The Waning of the Military in Coup Politics. Middle Eastern Studies. Vol. 18, N 3, January 1982, p. 80.

Добиться этого удалось во многом за счет централизации роли армии и органов безопасности в процессе эволюции политических институтов государства. В результате армия превратилась в особый институт государства, а военные были выведены из-под контроля общества. Поэтому в политическом плане их лояльность больше соотносилась с режимом, нежели с народом, демократической системой или военной наукой. Исключением были страны, где армия позиционировала себя как хранителя республиканского строя или же создавалась для обеспечения идеологических задач. Так, в Турции военные с самого начала кемалистской революции отождествляли себя с защитниками светского республиканского строя правления. В Сирии и Ираке военные были призваны защищать идеи баасизма, в Иране — идеи исламской революции.

Проблемы взаимоотношений правящего режима с военными

По мере развития и укрепления гражданских институтов политической власти в арабских странах их правители все больше стремились ограничивать влияние военных на внутреннюю и внешнюю политику своих государств. Применительно к реалиям арабских стран это означало поиск эффективных средств, способных удержать армию от вооруженного захвата власти⁵.

Одним из важных элементов политики властей по налаживанию сотрудничества с армией служили личные отношения арабских лидеров с национальными вооруженными силами. Бывшие президенты Египта Х. Мубарак и Сирии Х. Асад командовали в свое время военно-воздушными силами своих армий. Иорданский монарх Хусейн окончил британскую военную академию и также уделял много внимания армии и нуждам военных. То же можно сказать и о молодом поколении арабских руководителей. Нынешний король Иордании Абдалла II командовал войсками спецназа и, возможно, продолжил бы свою успешную военную карьеру, если бы не стал монархом. С другой стороны, сирийский президент Б. Асад, врач по образованию, когда потребовали обстоятельства, стал осваивать профессию военного, чтобы снискать авторитет и поддержку в армии. Конечно, среди арабских лидеров немало и гражданских политиков. В арабских монархиях Персидского залива, главным образом в Саудовской Аравии, наличие членов правящих королевских династий на высших постах в армии и спецслужбах являлось своеобразным контрольным механизмом, обеспечивающим лояльность силовых структур и подчеркивающим их роль как хранителей государства. Одновременно правители этих государств стремились деполитизировать военных, нанимая иностранных специалистов и передавая основные рычаги управления в государстве гражданским политикам. Подобная политика, хотя и не устраняла в теоретическом плане проблему лояльности национальных вооруженных сил, приносила на

⁵ Подробнее об этом см.: Ахмедов В. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. НКСМИ МГИМО (У) МИД РФ. Аналитический доклад. Выпуск 5(10), июнь 2006 г., с.17–24.

практике свои плоды. Офицерский корпус аравийских монархий, как правило, был далек от политики и не принимал участия в политической жизни страны.

В большинстве конституций арабских стран имелись статьи, которые устанавливали правовой статус вооруженных сил. Законодательство Египта запрещало военнослужащим заниматься политической деятельностью и принимать участие в работе каких-либо политических партий и организаций. При этом важно отметить конституционное закрепление принадлежности армии только государству. Таким образом, государство стремилось законодательно установить свой контроль над армией, одновременно придав ей характер «народности».

Роль армии как важного института политической системы в арабских странах определялась также через наделение главы государства широкими военными и внешнеполитическими полномочиями. Это касалось, прежде всего, таких основополагающих вопросов, как объявление войны и мира, всеобщей мобилизации, военного или чрезвычайного положения, что имело первостепенное значение для установления им прямого контроля над армией, в том числе и в осуществлении кадровой политики. Бывший президент Сирии Х. Асад осуществлял личный контроль над всеми более или менее значимыми перемещениями в армии и спецслужбах. Несмотря на кадровые перемещения в саудовском руководстве после кончины короля Фахда летом 2005 г., новый монарх Абдалла и бывший наследный принц Султан сохранили свои прежние посты в качестве главы Национальной гвардии и министра обороны соответственно.

Важным условием предотвращения открытого вмешательства военных в политику являлось повышение их статуса в обществе. На рубеже XX–XXI веков карьера военного в большинстве стран Арабского Востока по-прежнему считалась престижной и выгодной с материальной точки зрения. Однако по сравнению с периодом 1950–1970-х гг. в результате развития образования, совершенствования технологической базы и появления новых профессий положение стало меняться. Молодежь из столичных городских центров, особенно с университетским дипломом, уже сдержаннее относилась к службе в армии. По мере экономического роста и появления обширной прослойки среднего класса, высококвалифицированные рабочие и служащие начинали зарабатывать больше военных. Поэтому социальный состав арабских армий все больше пополнялся за счет рекрутирования в вооруженные силы молодежи из малообразованных, бедных слоев и наиболее преданных власти групп населения.

Одновременно власть уделяла постоянное внимание расширению базы социальной поддержки режима за пределами армии. Наряду с военными опорными элементами социальной инфраструктуры власти в арабских странах становились: чиновничество, партийная бюрократия, религиозные меньшинства, буржуазия, общественные организации. Таким образом, власть стремилась сбалансировать влияние военных в обществе. В ряде ключевых государств Арабского Востока (Египет, Сирия, Ирак) был создан мощный государственный сектор экономики, аккумулирующий сотни тысяч чиновников и связанных с ними бизнес-структур, чье материальное благополучие было напрямую связано с бюджетной политикой властей. Рост бюрократического аппарата сопровождался, как правило, раздуванием численного состава армии, что не соответствовало возможностям

их эффективного обслуживания и тренировки личного состава. Однако это позволяло власти рассчитывать на то, что подобная структура вооруженных сил могла служить определенным барьером на пути создания антирежимной коалиции. Она также затрудняла негласную деятельность потенциальных заговорщиков по формированию оппозиционных групп в ключевых подразделениях, имевших влияние на политическое руководство и контролировавших основные линии связи и коммуникаций, стратегические объекты в столичных центрах. Например, численность сирийской армии (около 500 тыс. чел.) и ее структура делали практически невозможным или весьма затруднительным вариант силового свержения режима⁶.

Наряду с этим власти стремились использовать этнические и религиозные меньшинства своих стран и сформировать у них устойчивый интерес в сохранении и поддержке режима. Данная задача существенно упрощалась, если эти меньшинства удавалось вовлечь в репрессивные действия режима или возбудить у их представителей ненависть к большинству из-за их привилегированного положения в обществе. В этом случае у таких меньшинств появлялась устойчивая мотивация защиты режима (наиболее яркий пример в этом отношении — сирийские алавиты).

Особенности политики властей по установлению контроля над армией

Одними из наиболее распространенных средств контроля над вооруженными силами являлись индивидуальное материальное стимулирование военных и финансовая поддержка армии в целом.

Удовлетворение корпоративных потребностей армии и личных интересов высшего командного состава имело целью сформировать устойчивую материальную заинтересованность внутри военной элиты в сохранении правящего режима. Все арабские руководители хорошо знали, что слабая и голодная армия не будет поддерживать режим. Поэтому они не жалели на нее средств, отдавая военным значительную часть национального бюджета. Как правило, расходы на оборону в ключевых государствах Арабского Востока составляли до 1/3 бюджета страны⁷.

К косвенным формам удовлетворения корпоративных интересов военных можно отнести крупные затраты государства на приобретение современных систем вооружения. Подобные закупки производились не столько в целях укрепления национальной обороны и безопасности, сколько в интересах отдельных представителей военной элиты и были призваны удовлетворить самолюбие арабских лидеров, поддержать национальный престиж, продемонстрировать военную силу соседям по региону. Характерным примером этого могли служить арабские монархии Персидского залива.

⁶Восток, 2003. №4, с. 98.

⁷Офицерский корпус ближневосточных государств. М., 2004, с. 11–13.

В 2000-е гг. ведущие арабские монархии Персидского залива — Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ тратили на закупку вооружений в среднем около 10% ВВП, что составляло в стоимостном выражении 21,4 и 2,7 млрд. долларов США. В соответствии с действовавшими контрактами на поставку оружия в Оман, Саудовскую Аравию, Кувейт и ОАЭ совокупные затраты этих государств на импорт оружия только в 2007 г. составили около 60 млрд. долларов США. Как и прежде, лидирующие позиции занимала Саудовская Аравия. В 2006 г. королевство заключило контракт на поставку 72 боевых самолетов (Euro fighter Typhoon) на сумму в 11 млрд. долларов США, а в дальнейшем планировало затратить свыше 50 млрд. долларов США на закупку ракетного вооружения, боевых вертолетов и танков⁸.

Во многих арабских странах устанавливались особые формы контроля над армией. Наиболее общей формой такого контроля служило увеличение служб безопасности и создание так называемых «параллельных» военных ведомств. Наряду с выполнением задач по обеспечению безопасности, спецслужбы зачастую имели большое влияние на главу государства в определении политики режима. Таким образом, роль специальных служб и органов безопасности в общественно-политической жизни арабских стран стала постепенно приобретать особую значимость, в том числе и с точки зрения усилий власти по деполитизации национальных вооруженных сил. В то же время возможности арабских спецслужб были ограничены, если речь шла о подавлении крупного антиправительственного мятежа в регулярных армейских частях или массовых народных выступлений против власти. Как правило, гражданские политики избегали использования регулярных частей в разрешении внутренних конфликтов, справедливо опасаясь, что в условиях многоконфессионального общества это может привести к расколу армии и подрыву опоры власти. К тому же для обеспечения внутренней безопасности требовались специальная техника и оборудование, особые профессиональные навыки, которыми регулярные армейские части не владели.

Поэтому на рубеже 1970–1980-х гг. в большинстве стран региона регулярная армия постепенно разделяла свою прежнюю функцию контроля над внутривластной обстановкой в стране с «параллельными» воинскими формированиями. Как правило, они были тесно связаны с режимом общинными и этноконфессиональными узлами и интересами. Личный состав этих элитных войск подвергался усиленной идеологической обработке и имел значительно больше привилегий, чем в обычных службах безопасности и регулярных армейских частях. Характерной особенностью «параллельных» войск являлось то, что они могли быть использованы скорее для подавления внутренних беспорядков, чем для защиты государства от внешнего противника.

В Саудовской Аравии «параллельные» войска были представлены национальной гвардией. По своей численности (3 механизированные бригады, 5 пехотных бригад) она была практически равна регулярной армии (3 бронетанковые бригады, 5 механизированных бригад, одна воздушно-десантная). «Параллельные» войска имели ряд отличительных особенностей. Как правило, у них была самостоятельная командная структура. В той же Саудовской Аравии армия и Национальная гвардия находились под контролем различных принцев.

⁸The New York Times, 23.02.2007

Национальная гвардия подчинялась непосредственно монарху до 1962 г., когда король Фейсал назначил ее командующим наследного принца Абдаллу. Наряду с Национальной гвардией в КСА действовали Специальные силы безопасности, подчинявшиеся непосредственно министру внутренних дел принцу Наифу. «Параллельные» войска были укомплектованы выходцами из тех групп населения, которых лидеры считали наиболее лояльными и преданными. Национальная гвардия в Саудовской Аравии обычно рассматривалась как «племенная сила», сформированная, в отличие от обычных армейских подразделений, исключительно по родоплеменному принципу из племен, лояльных правящей династии. «Параллельные» войска дислоцировались в местах, наиболее «чувствительных» с точки зрения обеспечения безопасности режима⁹.

Важным инструментом политического контроля над всеми силовыми структурами государства являлась кадровая политика арабских лидеров. Основной ее целью было использование разнообразных методов управления кадрами с тем, чтобы исключить малейшую возможность возникновения в вооруженных силах оппозиции, способной подорвать власть. В основе таких кадровых перемещений лежали не профессиональные качества офицера, а родственные связи и принцип личной преданности. В Сирии весь высший командный состав армии и спецслужб состоял из членов правящей ПАСВ. Они подчинялись не только своему военному руководству, но и партийному в лице самостоятельного военного отдела партии. В основу ротации кадров был положен принцип не меритократии, а политической целесообразности. В армии и спецслужбах происходила частая ротация старших командиров с тем, чтобы не допустить формирования вокруг них групп единомышленников. В Египте бывший президент Х. Мубарак жестко пресекал любые попытки отдельных представителей высшего военного командования чрезмерно усилить собственное влияние. Для упрочения своего контроля над армией он продолжил начатую А. Садатом практику регулярного тасования военных кадров высшего звена.

В целом арабские правительства много сделали для предотвращения открытого вмешательства военных в политическую жизнь своих стран и сохранения достигнутого уровня военно-гражданских отношений. Тот факт, что в ключевых странах Арабского Востока — Египте, Сирии и Ираке — после 1970-х гг. не происходили военные перевороты, может свидетельствовать об эффективности такой политики и наличии достаточно широкого диапазона техники выстраивания отношений власти с военными.

Армия в интерьере «арабской весны»

Вышеизложенный анализ политической роли вооруженных сил на Арабском Востоке свидетельствует о преждевременности утверждений о снижении риска вмешательства армии в политику как об уже устойчивой тенденции. Даже в последней четверти XX — начале XXI вв.

⁹Cordesman A. Saudi Security and the War on Terrorism: Internal Security Operations, Low Enforcements, Internal Threats, and the Need for Change. CSIS. Washington, 2002, p. 6.

военные неоднократно вмешивались в политическую жизнь в различных арабских государствах. Так, в конце 1980-х южнойеменская армия установила контроль над югом страны и фактически способствовала его объединению с севером. Похожая ситуация сложилась в Алжире в начале 1990-х, где военные отменили выборы в представительные органы власти, чтобы снять возможную угрозу прихода к власти исламских радикалов. Подобное развитие ситуации нельзя было исключать и в ряде других арабских стран Ближнего Востока, где в первой декаде XXI в. сложилась весьма напряженная внутренняя ситуация, которая усугублялась общим негативным фоном региональных процессов и воздействием внешнего фактора. К тому же на переходном этапе развития, начавшемся в результате революционного подъема в арабских странах в декабре 2011 г., предпосылки для интервенционистского поведения армии кратно усиливались. Как показывал опыт стран Латинской Америки и ЮВА, в этот период консервативному генералитету нередко удавалось толкнуть армию или какую-то ее часть на выступления против незрелой демократизирующейся власти и попытаться вернуться к прошлому военно-авторитарному правлению¹⁰.

В то же время, в отличие от периода 1950–1960-х гг., характер вмешательства армии в политику в ходе арабских революций заметно отличался от прежних лет. Прежде всего это касалось степени вовлеченности военных в политический процесс, объема власти, находившегося в их руках, характера ставящихся ими целей и решаемых задач. В условиях «арабской весны», начавшейся в Тунисе и получившей мощное продолжение в Египте, участие военных в политике сводилось к выполнению функции «арбитра». Они стремились не столько к захвату политической власти и длительному личному управлению государством, сколько к «наведению порядка» в нем. Целями таких политических интервенций чаще всего являлись: сохранение баланса сил между соперничающими политическими группировками, укрепление конституционных основ власти, предотвращение резких перекосов в системе распределения экономических благ. В ряде случаев военные ставили целью изменение политического курса предыдущего правительства, повышение эффективности управления, перераспределение части властных полномочий и общественных богатств, дабы избежать серьезных политических потрясений в стране. Как правило, они не стремились к коренным преобразованиям экономической и политической системы. Более того, все чаще военные предпочитали действовать руками гражданских политиков, однако если им не удавалось таким образом достигнуть намеченных целей, они брали бразды правления в свои руки, но затем, как правило, достаточно быстро возвращались в казармы.

В условиях «арабской весны» главной движущей силой революционных движений стали арабские народы, а не армии. В то же время вооруженные силы сыграли определяющую роль с точки зрения успеха или неуспеха этих революций, определили их рамки и пределы, а также сценарии развития событий. При этом в зависимости от страны эта роль выражалась абсолютно по-разному. Действия военных определялись рядом факторов. Во-первых, характером взаимоотношений военной корпорации и власти. Во-вторых, природой и культурой взаимоотношений, сложившихся внутри военной корпорации.

¹⁰Восток, 2006. №3, с. 72–78.

В-третьих, особенностями военно-гражданских отношений. В-четвертых, сутью политических расчетов, которые военные строили в отношении происходящих событий. В-пятых, структурой вооруженных сил, внутрикорпоративной поведенческой этикой и соответствующими стереотипами, прежде всего в руководящих структурах силового корпуса. Общим же для этих стран являлось то обстоятельство, что военные стали одним из главных факторов перехода к новой власти и общественному устройству.

В Тунисе командующий армией генерал Рашид Аммар предпочел революцию сохранению прежнего режима. Находившиеся под его командованием войска не открывали огонь по мирным демонстрациям и восставшему народу. В какой-то степени подобная позиция тунисских офицеров была предопределена сложившимся накануне революции балансом сил в силовом блоке. Позиции спецслужб и сил безопасности (прежде всего, в лице МВД) были значительно весомее и влиятельнее в государстве, чем позиции армии. В результате армия встала на сторону революции, нейтрализовав аппарат подавления собственных спецслужб. При этом у тунисских революционеров на переходном этапе не возникало опасений, что армия установит свой контроль над политической властью гражданских лиц.

В политической культуре Египта¹¹ с давних времен укоренилось представление о том, что во главе государства должен находиться военный, который знает искусство войны и цену мира. Однако революционная молодежь, поддержанная широкими народными массами, изменила эту установку и выступила против вековой практики. С 25 по 28 января 2011 г. армия занимала нейтральную позицию в отношении выступлений на площади Тахрир в Каире. Однако уже вскоре на ряде армейских БМП и БТР стали появляться антиправительственные надписи и лозунг «Народ и армия — одна рука». После 28 января 2011 г. армия стала постепенно вмешиваться в политический процесс¹². 11 февраля указом покинувшего свой президентский пост Х. Мубарака ей было приказано взять бразды правления в свои руки. Однако еще раньше — 1 февраля — созданный армейским руководством Высший военный совет Египта своим указом № 1 выступил в поддержку египетской революции и в защиту ее завоеваний. Затем был распущен парламент и образован Военный совет, который фактически организовал в течение 6 месяцев законодательные выборы, создал временную конституцию и приступил к подготовке выборов президента. Позиция, занятая египетскими военными в отношении революционных событий во многом определялась историческими традициями армии, ее местом и ролью в египетском обществе. Исторически (со второй половины XIX века) армия Египта увязывала свою судьбу и миссию с интересами народа и никогда с ним не воевала. К тому же за последние десятилетия она была достаточно деполитизирована в том смысле, что не имела каких-то особых политических обязательств перед властью и была слабо связана с ней идеологически.

В Ливии структура вооруженных сил разительно отличалась от того, что наблюдалось в сопредельных государствах. В отличие от регулярных армейских частей, которые были

¹¹Подробнее см.: Ахмедов В. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. В сборнике «Политическая культура и деловая этика стран Востока». М., 2006, с. 299–313.

¹²Любопытно, что именно в это время руководство египетских «Братьев-мусульман» также определилось со своей позицией в отношении происходящих событий и поддержало революцию.

плохо оснащены и слабо финансировались, М. Каддафи создал параллельные военные структуры, поставив во главе их своих родственников и преданных людей. Именно эти структуры играли роль «настоящей» армии. В то же время они были функционально предназначены не столько для защиты внешних рубежей страны, сколько для охраны режима. К тому же их личный состав рекрутировался в основном из наемников. Именно это обстоятельство во многом предопределило военное поражение режима М. Каддафи после вооруженного вмешательства в ливийские дела сил НАТО.

В Йемене армия фактически раскололась на ряд отдельных подразделений, которыми командовали сыновья, ближайшие родственники президента, соплеменники и люди из его верного окружения. В противоположность этому ряд дивизий и военных округов фактически возглавили революцию, пытаясь придать ей мирный характер и не допустить насилия над гражданским населением. Сторонники бывшего йеменского президента А. Салеха в армии использовали ее боевую мощь для убийства сотен тысяч мирных граждан. Таким образом, в отличие от Египта и Туниса, действия йеменской армии в отношении революции не имели под собой единой позиции, что и предопределило ее раскол.

Похожая ситуация сложилась и в Сирии. В течение первых 6 месяцев с начала революционного движения значительная часть сирийских вооруженных сил поддержала режим и фактически выступила против собственного народа с оружием в руках. Из-за позиции военных сирийский феномен стал уникальным в истории «арабской весны». Во многом подобная их позиция объяснялась тем, что армия в Сирии была сильно идеологизирована и политически тесно связана с режимом, с которым высший командный состав армии и спецслужб ассоциировал себя больше, чем с народом и обществом.

События на Бахрейне закономерно поставили вопрос, — отличается ли поведение военных и спецслужб в отношении революционных событий в странах с монархическим и республиканским строем. Тем более что в ходе бахрейнских волнений военным было выдвинуто много разного рода обвинений в неправомерности использования насилия против мирных демонстрантов, особенно на Жемчужной площади. Однако, как показали протестные движения и реакция на них силового блока ССАГЗ, поведение военных в арабских монархиях Персидского залива в отношении революции не сильно отличается по основным параметрам от реакции их коллег из Йемена и Сирии. И там и там военные сохраняют преданность прежде всего власти, а потом уже своей стране и ее народу. Другое дело, что режимы в республиканской Сирии и саддамовском Ираке в действительности несильно отличались от монархических по своему способу управления страной и отношению к народу. С другой стороны, как показали события на Бахрейне и реакция на них арабских монархий, возможность военного переворота или раскола в армии в них крайне маловероятна. Подобное обстоятельство связано в первую очередь с природой легитимности власти в монархиях и ее характером. Нельзя не учитывать также характер формирования и особенности структуры вооруженных сил, иные в отличие от республик сочетания военно-гражданских отношений в этих государствах.

Таким образом, роль армии в «арабской весне» стала весомым фактором с точки зрения итогов революционных движений. В случае, когда армия вставала на сторону восставших, успех революции был обеспечен, если же она выступала против, противостояние сторон затягивалось, превращаясь нередко в пролог масштабной гражданской войны или осуществления контрреволюции.

Роль армии в постреволюционный период: предварительные итоги

Вне зависимости от поведения военных в странах, охваченных революционным подъемом, отношение к армии в обществе стало стремительно меняться. Ревизии подвергались основополагающие принципы их взаимодействия. В Тунисе, Египте, не говоря уже о Ливии, Йемене и Сирии, подавляющая часть революционно настроенных масс уже не столь однозначно воспринимала армию как институт государства, стоящий на защите интересов народа, силу, появившуюся и окрепшую в условиях подъема антиколониального движения и противодействующую внешнему врагу, прежде всего в лице Израиля.

Во многом это было связано с тем, что за последние полвека роль армии в странах региона изменилась коренным образом. Монополизировав за последние 3–4 десятилетия основные сферы политической и социально-экономической жизнедеятельности, режимы поставили силы безопасности и армию на службу охраны собственных интересов и богатств, в результате чего в армии сформировалась новая культурная среда и новые взаимоотношения, появился новый тип офицера, изменилась психология армии и спецслужб. За этот же период эволюционировала природа самой власти, порядок распределения богатств, характер участия народа в этом процессе. Власть все больше сужала круг лиц из числа лояльных ей чиновников и их близкого окружения, имевших доступ к национальным богатствам своих стран. В условиях растущего социального неравенства усиливался дисбаланс между различными слоями населения и перспективы создания предпосылок для развития в них гражданского общества сводились к нулю¹³. Постепенно стала меняться психология средних слоев населения этих стран и, как следствие, характер военно-гражданских отношений в них.

Сегодня в странах победившей революции основной проблемой является вопрос перехода власти в руки гражданских политиков и отвода военных от интервенционистского участия в политической жизни. От того, как будут решаться эти вопросы, во многом зависит определение типа будущей модели политического устройства и развития этих государств. С учетом того, что современные политические процессы в этих странах протекают с учетом глубокого исторического контекста, опасность политической интервенции армии,

¹³ Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что есть и прямо противоположная точка зрения, согласно которой революции стали результатом формирования в ряде стран гражданского общества. Обе интерпретации сходятся в том, что в означенных странах произошло прямое противопоставление общества (гражданского или нет) и государства, причем армия постоянно рассматривалась как охранитель второго против первого.

прежде всего ее консервативно настроенного офицерства, и осуществления контрреволюционного переворота по-прежнему сохраняется.

В Тунисе армия обеспечила переход власти к гражданским лицам. Сегодня в стране предпринимаются попытки наладить нормальный демократический процесс. Военные не выказывают никаких признаков того, что они хотят вмешаться в политику или руководить властью, управлять политическими процессами в стране. Это объясняется не только изначальной политической слабостью армии, но и тем, что тунисское офицерство всегда имело мало политических амбиций и было более профессионально ориентированным, нежели политически ангажированным. Поэтому армейское командование хорошо понимало, что политика с позиции силы, навязанная армией, в конечном счете способна подорвать авторитет военных в обществе.

Однако в других странах дело обстоит иначе. Так, для Египта и Сирии существенным фактором, определяющим значимую политическую роль армии, оказывается географическая близость этих государств к Израилю.

В Египте на всем протяжении его независимого развития армия не только напрямую участвовала в политической жизни, но и оказывала давление на правящую элиту, стремясь защитить свои особые привилегии. Примером подобной тактики военных может служить так называемый конституционный документ (особенно пункты 9 и 10), в котором Высший военный совет предпринял попытку защитить свои интересы. В то же время немалое влияние на различные слои египетского общества оказывают и традиционные представления о слабости гражданской элиты, которая нуждается в определенном руководстве со стороны военных и помощи, особенно в сложных ситуациях, когда, например, надо заполнить возникающий внутри страны политический вакуум, чтобы не произошло еще более сильных внутренних потрясений.

С другой стороны, в сегодняшнем Египте не только армия оказывает влияние на процесс принятия решений. Сами военные в лице Совета подвергаются сильному воздействию со стороны революционной молодежи, которая в ходе не прекращающихся с конца декабря 2011 г. волнений в стране сумела многого добиться от них. Так, Совет был вынужден пересмотреть ранее озвученные сроки (сентябрь 2012 г.) передачи власти в стране в руки гражданского руководства, сместив их на июнь 2012 г. В этой связи многие эксперты изначально полагали, что военные не планировали оставаться у власти или во власти в Египте после июня 2012 г. В то же время нельзя исключать, что вновь избранный президент, с учетом той важной роли, которую армия играет в современном Египте, может издать указы, которые будут фактически сохранять прежнюю роль военных в политической жизни страны.

Поведение военных Йемена отличается от той роли, которую их коллеги сыграли в Тунисе и Египте. Несмотря на то что значительная часть армии поддержала революцию, официальная позиция вооруженных сил сводилась в конечном итоге к поддержке режима А. Салеха. В то же время йеменский пример вряд ли можно считать показательным с этой точки зрения, хотя бы потому, что Йемен — это во всех смыслах наиболее отсталая арабская страна. К тому же с самого начала революции в нее оказались вовлечены крупные региональные и мировые силы,

которые оказывали сильное влияние на поведение всех участников этого революционного процесса. С самого начала армия была настроена против народа и народного подъема. Немалая часть военных долго выжидала, прежде чем вмешаться и начать действовать.

Действия сирийской армии сильно отличаются и от поведения военных Египта, Алжира, Йемена, тем более Ливии, и имеют свои особенности. Если в Египте, по оценке ряда экспертов, произошла «белая» революция, суть которой определялась свержением президента силами военных, то в Сирии в этом смысле сложилась «нулевая» ситуация. Поскольку главная особенность политической системы Сирии заключается в том, что армию невозможно отделить от режима и президента, падение режима неизбежно означает и падение армии. За 40-летний период правления Асадов военная элита фактически подчинила себе гражданские элиты и общество. В результате средний класс, на который ориентируется армия в определении своей гражданской позиции, как самостоятельный субъект внутренней политики фактически перестал существовать. В тех странах, где происходила революция, ее авангардом выступали средние слои населения. Таким образом, в Сирии пока сложно представить ситуацию, когда бы режим Асада ушел, а военные остались на переходный период, как это произошло в Египте. Подобная ситуация в Сирии может закончиться «сносом» всей политической системы страны

Армия и перспективы «демократического проекта» на Ближнем Востоке

Сегодня в странах победившей революции остро стоит вопрос, какую роль армия сможет сыграть на этапе перехода этих стран к демократии и можно ли говорить о возможности демократизации самой армии в условиях переходного периода.

От позиции военных во многом зависит и дальнейший ход модернизации, и судьбы самих арабских режимов. Это особенно заметно в нынешний, непростой для арабских стран период смены правящих элит и трансформации общества от жестко авторитарных типов правления к развитию в них процессов политической либерализации и демократизации. Арабский мир стоит сегодня перед выбором. С одной стороны, без политической модернизации нельзя добиться уменьшения влияния военных на политику и поставить армию под контроль гражданского общества. С другой стороны, в представлении самих военных модернизация в регионе должна быть связана, прежде всего, с укреплением единства общества, сохранением территориальной целостности государства, проведением экономических реформ и строительством эффективных вооруженных сил, т.е., по существу, сводиться к модернизации экономической. Политическая же либерализация, особенно в условиях региональной нестабильности, возросшей угрозы раскола общества по религиозному и этническому признакам, усиления политической активности «исламистов», рассматривается ими, в лучшем случае, как отдаленная перспектива. Во многом непропорционально большое влияние на власть военных обусловлено еще и слабостью

самих ближневосточных политиков. Во главе светских политических партий на Арабском Востоке стоят лидеры, которые слабо прислушиваются к идущим снизу призывам обновления. Подобная политическая «глухота» не позволяет им адекватно реагировать на происходящие в мире и регионе изменения и попытаться легитимизироваться в рамках новой идеологии и политической практики. Прежняя конфигурация власти блокирует новые инициативы и консервирует традиционную систему выдвижения руководящих кадров. В результате влияние военных в политике в условиях переживаемого регионом кризисного этапа развития остается весьма значительным, потому что гражданские политики далеко не всегда способны обеспечить долговременную политическую стабильность и эффективное управление страной. Постоянное стремление военных находиться рядом с властью, а то и внутри нее, имеет и обратный эффект, как правило, негативный. Это проявляется в ослаблении способности гражданских властей эффективно контролировать свое политическое пространство и самим эффективно руководить политическим процессом. Как уже указывалось слабость и неуверенность гражданских властей во многом детерминировалась особым статусом военных, утвердившимся в национальном сознании и исторической памяти народа. Политический класс смотрел на многие процессы в стране глазами военных, опасаясь бросить вызов армии. Даже вопросы, которые в демократических странах решались бы в сфере гражданской политики, социального регулирования, культуры и экономики, становились в государствах региона предметом национальной безопасности и автоматически включались в компетенцию военных. Политическое пространство, где гражданские власти могли бы действовать политическими средствами, оставалось, таким образом, весьма ограниченным, а действия политиков (всегда с оглядкой на военных) зачастую оказывались неэффективными, вызвали недоверие значительных групп населения и низкий уровень народной поддержки. И, напротив, на этом фоне доверие к военным было в обществе высоким. Неудивительно, что армия до сих пор остается наиболее влиятельной политической силой в арабских государствах Ближнего Востока, а уровень гражданского контроля над вооруженными силами — весьма незначительным.

Это, однако, не означает отсутствия всякого прогресса. Несмотря на относительную слабость своей социальной базы и нестабильность многопартийной системы, гражданские власти в ряде государств региона (Турция, Тунис, Египет, Ливан, Иордания) все же способствовали введению в политическую практику элементов плюрализма и большего динамизма. Способность гражданской системы управления справляться с кризисными ситуациями в последнее время окрепла. Во многих государствах региона военные, продолжая пользоваться большим влиянием и доминируя в решении ряда специфических проблем, уже не могли контролировать власть и страну. В целом проблема встраивания программ модернизации армий в общий процесс реформ и демократизации в регионе должна рассматриваться не только с региональной точки зрения, а в более широком плане — как обеспечение безопасности и стабильности во всем мире. Это тем более верно, поскольку данный регион обладает ядерным оружием и является зоной опасных международных конфликтов.

Сегодня в подавляющем большинстве стран Ближнего Востока гражданское общество только начинает складываться. Между ним и военными сохраняется немало противоречий. Первое выступает за глубокое реформирование армии, которая сохраняет все признаки вооруженных сил авторитарной системы, а власти стремятся сохранить статус-кво, опасаясь нарушить сложившийся баланс сил и интересов. Даже в такой светской и демократической стране, как Турция правящая элита, особенно ее военное крыло, отрицательно реагировала на эти предложения. Военные всячески стремились сохранить свое особое положение в обществе, ссылаясь на внешнюю угрозу, опасность радикального исламизма и этнического сепаратизма. Если в конечном итоге страны Ближнего Востока выберут демократический путь развития, то гражданское общество постепенно станет играть решающую роль в формировании власти и политики, осуществлении контроля над основными сферами жизни и деятельности государства, в том числе и над армией. Однако в условиях неразвитости демократических институтов в арабских государствах Ближнего Востока и практически полном отсутствии в них подлинно гражданского общества сегодня можно говорить не столько о гражданском контроле над армией, сколько о контроле со стороны политической власти, в состав которой наряду с гражданскими политиками входят также и представители военных кругов.

Армия и демократия в арабских странах — достаточно сложное явление. С одной стороны, понятие армии не всегда противоречит демократии, а с другой — эти понятия сильно разнятся в практическом плане. Основной вопрос заключается в том, о какой демократии идет речь. Во многом роль армии в демократическом процессе предопределена заранее, что вытекает из ее объективной роли в обществе и государстве. С одной стороны, армия — это часть народа. С другой — это политический институт государства, уполномоченный им на насильственные действия в критических для страны ситуациях. В ряде стран армия выступает против демократии, считая демократизацию процессом разрушения общества и власти, которые она охраняет и поэтому часто прибегает к силе.

Сегодня в Египте или любой другой арабской стране (в настоящий момент за исключением Сирии) происходит пересмотр договора между армией и политической властью. В Египте армия требует гарантий от революционной молодежи, «Братьев-мусульман» и старых политических партий на переходный период, который очень быстро пройдет в силу усиливающейся динамики изменений в этой сфере.

Процесс демократизации армии или отстранения военных от политики весьма затруднен в арабских странах. Надо ли демократизировать армию или изменить характер воспитательной работы в ней, культуру взаимоотношений внутри армейской корпорации, которая сегодня не соответствует требованиям демократии? Сегодня выходом из сложившегося положения может стать подчинение военных избранным гражданским властям вне зависимости от того, была ли армия демократизирована или нет. В то же время она должна выполнять свою функцию защиты страны и той же гражданской организации управления. Проблема демократизации армии достаточно серьезна и требует новой культуры в обществе и в самой армейской среде, что потребует времени. К тому же успешность подобных

решений в немалой степени определяется человеческим фактором. Например, в Турции отвод армии от политики, осуществленный в период правления ПСР, был бы чрезвычайно затруднен или невозможен, если бы не позиция начальника Генштаба Хилми Исхака (2002–2003 гг.), который был убежденным сторонником того, что роль армии в политике должна быть сокращена, а роль гражданского общества — вырасти, и оно должно осуществлять контроль над армией. Сыграл свою роль также и внешний фактор, выразившийся в стремлении Турции стать частью ЕС. В арабских странах ситуация кардинально иная. Во-первых, на внутренние процессы в ряде этих стран большое воздействие оказывают внешние силы, прежде всего в лице США и стран Западной Европы. Во-вторых, у Запада не было до сих пор по-настоящему реальной программы по отводу военных от политики. Это объяснялось рядом факторов, в том числе тесными связями США с Израилем и заботой о его безопасности. Играл свою роль и антиамериканский настрой арабской улицы. Поэтому, с точки зрения США, любое арабское гражданское правительство в конечном итоге не могло бы долго следовать в фарватере политики США и Израиля в регионе, особенно в вопросах региональной безопасности. В свою очередь ни США, ни Израиль не были заинтересованы в подлинной демократизации арабских стран и изменении в них роли армии в политике. Данное обстоятельство нашло отражение и в научной сфере, которая служила оформлением практической политики США в этом вопросе в регионе. Так, в период 60-х гг. прошлого столетия в научных центрах Восточного побережья США процветала так называемая «Development theory». Группа ученых, разрабатывавших ее, и связанные с ней политики верили в то, что приход военных к власти в государствах региона будет способствовать борьбе с коммунизмом и что военные смогут обеспечить необходимое развитие этих государств. Поэтому США поддержали антимонархическую революцию 1952 г. в Египте¹⁴, приход Айюб Хана в Пакистане и т.п.

И сегодня, в условиях революционного подъема в арабских странах, прежние стереотипы холодной войны дают о себе знать. Ни США, ни другие страны Запада не заняли решительную позицию в отношении политических процессов в Египте и слабо реагируют на постреволюционные требования политических активистов, касающиеся изменения роли военных. Госсекретарь США Х. Клинтон поддержала все действия Высшего военного совета и выразила уверенность в том, что он окажется способен осуществить передачу власти. В то же время любопытно, что во всех арабских странах, охваченных революционным подъемом, демонстранты выдвигали любые требования, кроме одного — демократизации вооруженных сил и сокращения их роли в политике.

Впрочем, ситуация постепенно меняется. США и Западная Европа в целом поддержали арабские революции и постепенно отходят от одобрения прежней роли военных в этих странах. В какой-то степени учет Западом интересов арабских народов объясняется его заинтересованностью в том, чтобы придать определенный импульс развитию этому региону в противовес стремительно развивающемуся региону ЮВА и Китаю. Поэтому Запад хочет добиться определенного умиротворения в арабском мире, без которого невозможно

¹⁴Газеты в СССР называли египетскую революцию 1952 г. реакционным переворотом.

обеспечить его развитие. Но это, конечно, не значит, что уже в ближайшее время арабские армии превратятся в обычные государственные организации, потому что без них процесс демократизации в этих странах невозможен. А военные, в свою очередь, хотят заключить с новой властью договор, опираясь на прошлый опыт, когда они открыто вмешивались в политику. В этом случае весьма показателен опыт Египта¹⁵. Если в Египте все пойдет по намеченному пути, и демократический процесс действительно будет осуществляться, то это окажет влияние и на другие страны, где произошла революция

А.Г. Бакланов

Ближневосточная система безопасности — упущенные возможности

Смена режимов в ряде арабских стран имела одним из своих последствий полную разбалансировку ситуации в регионе. Выявилось отсутствие каких-либо механизмов, которые могли бы эффективно способствовать стабилизации внутреннего положения в «революционных» странах, содействовать цивилизованному решению назревших острых проблем политического, социального, экономического и этноконфессионального характера.

Каждое из государств арабского мира ощутило свою уязвимость в самой важной сфере — обеспечении национальной безопасности.

Скажем прямо — ООН, Совет Безопасности действовали на ближневосточном направлении в этот период неповоротливо и неубедительно.

Первые решения СБ ООН (по Ливии) принимались не в результате выверенных, серьезных данных о реальном развитии ситуации, а на основе газетных сообщений, кино- и фотоматериалов, появившихся в СМИ. Можно смело говорить об определенной «заданности» и субъективности оценок, содержащихся в большинстве публикаций относительно обстановки в Ливии, Сирии, других странах региона. При этом не было даже попыток организовать мониторинг ситуации, направить на место событий международных инспекторов, миссии по выяснению фактов. Потребовался целый год для принятия решения о

¹⁵По некоторым данным, египетские военные контролируют от 35 до 40% национальной экономики.

назначении спецпредставителя Генерального секретаря ООН и Лиги арабских государств по вопросам разблокирования ситуации в Сирии.

Невразумительная позиция ООН, Совета Безопасности в этот период своеобразно «дополнялась» фактическим отсутствием региональных структур, которые могли бы эффективно содействовать укреплению мира и стабильности в странах этого важного района мира.

Лига арабских государств вновь продемонстрировала свою разобщенность, подверженность внешнему воздействию. Других же механизмов регионального масштаба на Ближнем Востоке в наличии не оказалось.

Одним из наиболее негативных аспектов создавшейся ситуации стало отсутствие системы получения сколь-либо надежной информации о реальной обстановке «на местах».

Стороны конфликта «соревновались» в продавливании через СМИ своих версий происходящего. «Победителем» оказывался тот, кто имел лучший выход на органы информации, прежде всего западные.

В этих условиях остро ощущалось отсутствие механизма региональной безопасности, который бы осуществлял мониторинг ситуации и оказывал сторонам содействие в преодолении кризиса.

Между тем было бы уместным напомнить, что Российская Федерация, как никто другой, приложила в свое время большие усилия в направлении создания именно такого механизма региональной безопасности.

В Москве в январе 1992 г. — двадцать лет назад — был осуществлен запуск многостороннего формата мирного ближневосточного процесса, который включал рабочую группу по контролю над вооружениями и региональной безопасности на Ближнем Востоке (РГКВРБ).

Двадцатилетний «юбилей» РГКВРБ дает импульс к осмыслению очень важного вопроса — в силу каких причин так и не удалось создать сколь-либо прочной системы безопасности в ближневосточном регионе и что можно предложить для решения этой задачи сегодня.

Прежде чем взяться за решение этой задачи, важно принять во внимание те наработки и достижения, которые были в прошлом. Вместе с тем следует учесть те обстоятельства, которые привели к срыву многостороннего процесса, направленного на достижение мира и безопасности в регионе.

Мне довелось принимать непосредственное участие в подготовке и проведении в январе 1992 г. Московской встречи на уровне министров иностранных дел, давшей старт созданию пяти многосторонних рабочих групп, в том числе группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Обстановка проведения этой встречи была во многом уникальной. Только что распался Советский Союз. В знаменитом высотном здании Министерства иностранных дел СССР на Смоленской площади, построенном в стиле «сталинской» монументальной послевоенной архитектуры, теперь расположилось Министерство иностранных дел Российской Федерации, ранее занимавшее скромный особняк вблизи Колхозной площади.

Ситуация сложилась таким образом, что многосторонняя встреча по Ближнему Востоку, на которую собрались представители стран, стала по существу первым, «стартовым» крупным внешнеполитическим мероприятием «новой России».

В повестку дня был вынесен вопрос, связанный с решением задачи урегулирования ближневосточного конфликта — задачи сложной и многоаспектной, которую не удалось одолеть в период существования СССР. В силу этого руководство страны требовало, чтобы встреча в Москве продемонстрировала качественно новые возможности, открывшиеся вследствие завершения холодной войны, преодоления идеологического противостояния Москвы и Вашингтона.

Если брать техническую сторону дела, то следует отметить, что решение вопросов организации работы конференции во многом облегчалось тем, что весь состав профильного Управления Ближнего Востока и Северной Африки советского Министерства иностранных дел, отвечавшего за проведение встречи, был без всяких изменений или сокращений переведен на работу в МИД России. Это относилось и к тем, кто в контактах с американскими специалистами, представителями государственного руководства и внешнеполитических ведомств арабских стран, Израиля и других государств вырабатывали концепцию мирного ближневосточного процесса, в том числе его многостороннего формата.

Как организаторы встречи, мы полагали, что должны иметь определенный «стартовый» набор идей и предложений, с помощью которых можно было бы с самого начала задать высокий рабочий ритм деятельности групп, нацелить их на ключевые проблемы мирного переустройства ближневосточного региона. Эти идеи высказывались российскими представителями как в ходе двусторонних консультаций, так и на официальных общих заседаниях делегаций.

В отношении РГКВРБ отмечалось, что целью ее деятельности должно быть содействие созданию системы мер по предотвращению вооруженных конфликтов в регионе в интересах безопасности всех без исключения государств и народов Ближнего Востока.

В более конкретном плане российская точка зрения заключалась в том, что РГКВРБ призвана выполнить ряд ключевых задач.

Во-первых, показать принципиальную возможность находить решения самых деликатных проблем ближневосточного региона, в том числе, относившихся к сфере безопасности.

Второе — продемонстрировать полезность и эффективность коллективного формата (с участием внерегиональных сторон, в том числе коопонсоров — России и США) в решении военно-политических проблем и, в более широком контексте, проблем обеспечения безопасности.

Третье — способствовать созданию между странами региона, в том числе между арабами и Израилем, нового политико-психологического климата, основанного на духе доверия и нацеленности на поиск компромиссов.

Четвертое — определиться в отношении территориальных рамок будущей системы безопасности на Ближнем Востоке, прояснить вопросы «стыковки» ближневосточной системы безопасности с уже сложившимися международными механизмами ее укрепления, в том числе теми, которые были созданы в 1970 — 1980-е гг. на европейском континенте.

Пятое — сформировать принципы устойчивой системы региональной безопасности применительно к Ближнему Востоку.

Шестое — обозначить «инструментарий» обеспечения региональной безопасности, в том числе путем осуществления мониторинга ситуации в «проблемных» районах.

Исходя из этих целей, мы полагали, что в ходе работы РГКВРБ будет параллельно происходить продвижение в плане составления своего рода свода взаимных озабоченностей сторон в сфере безопасности, а также выработки политических, военно-политических и юридических мер, способных дать сбалансированный ответ на эти озабоченности. В итоге планировалось выйти к созданию взаимоприемлемой системы конкретных обязательств в качестве основы регионального механизма обеспечения безопасности.

Российские представители ясно давали понять, что имеют большой и позитивный опыт работы по военно-политической тематике, который сложился в ходе многолетних контактов с представителями США, европейских стран. В силу этого Россия номинировала себя в качестве брокера, способного немало сделать для нахождения реалистичных развязок имеющихся в ближневосточном регионе проблем.

Уже в ходе подготовки заседаний московской встречи выявились своего рода «лидеры» в рамках создаваемой группы. К ним, помимо американской стороны, относились, в частности, египтяне.

Мне было поручено, наряду с другими вопросами, курировать контакты с делегацией Арабской Республики Египет. В этом качестве я с большим удовольствием поехал в аэропорт Шереметьево встречать ведущего эксперта египетской делегации, советника секретаря Министра иностранных дел Египта Набиля Фахми.

Набиль, несмотря на сравнительно молодой возраст, зарекомендовал себя всесторонне подготовленным, зрелым специалистом в области военно-политических проблем Ближнего Востока. Конечно, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что он был сыном бывшего министра иностранных дел Египта и принадлежал к интеллектуальной элите своей страны.

Наша беседа на аэродроме привела меня к заключению, что внутри группы должно быть создано своего рода «ядро», с помощью которого можно будет «подстегивать» активность участников, подвигая их к выходу на результативные развязки обсуждаемых проблем. Эту мысль я доложил руководству нашей делегации.

Московская встреча не только провозгласила начало деятельности РГКВРБ, но и способствовала формированию конструктивного, без излишних эмоциональных «всплесков» режима работы этой группы.

Сопредседателями РГКВРБ стали Россия и Соединенные Штаты Америки. В период 1992–1996 г. состоялось шесть пленарных заседаний группы. До 1994 г. они проходили поочередно в Москве и Вашингтоне. В мае 1994 г. заседание группы прошло в Дохе, а в декабре этого же года — в Тунисе.

Летом 1993 г. в Каире прошло заседание группы, посвященное обсуждению проблематики мер доверия на Ближнем Востоке.

К тому времени я был назначен советником-посланником Посольства России в Египте и в этом качестве курировал работу российской делегации.

Заседание группы в Каире прошло успешно, участники мероприятия работали с большим воодушевлением. Но выявились и узкие места. Они были связаны не только со стыковкой запросных позиций сторон, но еще, по меньшей мере, с двумя обстоятельствами.

Первое заключалось в том, что дипломаты и представители военных ведомств говорили как бы на разных языках. Лишь в ходе последнего пленарного заседания стали вырисовываться контуры общих подходов экспертов к расстановке акцентов по тематике мер доверия.

Второе обстоятельство было связано с серьезными разногласиями между участниками переговоров в отношении того, в какой мере следовало использовать при формировании ближневосточного «пакета» мер доверия опыт других континентов.

Значительная часть переговорщиков полагала, что начать следует с выяснения вопроса о степени применимости уже найденных на европейском направлении вариантов мер доверия. Другие же считали, что условия Ближнего Востока и сам характер озабоченностей сторон обуславливают необходимость с самого начала основывать свою работу на оригинальных, сориентированных на специфику региона, подходах.

Следует отметить, что было приглашено немало «внерегиональных» специалистов, причем не только американских, российских и европейских. Так, с большим интересом был заслушан доклад представителя бразильско-аргентинского Агентства по контролю за расщепляющимися материалами, в котором был проанализирован опыт этих стран в области создания механизмов проверки и мониторинга выполнения соглашений в такой чувствительной сфере, как ядерные исследования.

В результате дискуссий перевес получила точка зрения, заключавшаяся в необходимости выработки рационального подхода к работе над концепцией мер доверия применительно к Ближнему Востоку при широком использовании уже имеющегося опыта, в первую очередь европейских стран.

После Каирского семинара был дан старт серии межсессионных мероприятий на уровне экспертов.

Они были условно разделены на две «корзины» — «концептуальную» и «оперативную».

В зоне внимания экспертов, занимавшихся «концептуальной» корзиной, были вопросы контроля над вооружениями и создания системы региональной безопасности, которые рассматривались в рамках трех заседаний.

В ходе обсуждений особое внимание уделялось определению границ региона. В этом плане высказывались различные точки зрения. Наибольшее признание получала «расширительная» трактовка границ региона с включением в зону будущей системы безопасности таких стран, как Турция и Иран. В этом плане просматривается прямая связь этих подходов с выдвинутой в 2004 г. президентом США Дж. Бушем концепцией «Большого Ближнего Востока».

Россия высоко оценила внесенное в рамках «концептуальной» корзины предложение Иордании об учреждении регионального центра по контролю над вооружениями и региональной безопасности. В декабре 2004 г. была достигнута договоренность в отношении того,

что такого рода Региональный центр будет функционировать в столице Иордании — Аммане. При этом предусматривалось, что в Тунисе и в Дохе будут созданы его филиалы.

Мы исходили из того, что реализация этого предложения может далеко продвинуть процесс создания предпосылок для мирного переустройства региона.

«Оперативная корзина» продолжала работу, начатую в ходе Каирской встречи по мерам доверия.

В целом, по мнению российской стороны, наиболее существенным достижением РГКВРБ было продвижение в выработке региональных принципов, основных направлений и целей контроля над вооружениями на Ближнем Востоке.

Наша концепция базировалась на признании того, что теоретически можно было выделить четыре основных возможных формата создания региональной системы безопасности.

Первый — «подтягивание» стран Ближнего Востока к уже существующим «внерегionalным» военно-политическим объединениям. В практическом плане речь могла бы идти о различных формах взаимодействия с НАТО, а также европейскими военно-политическими структурами и механизмами СБСЕ.

Второй — расширение ранее созданных в регионе военно-интеграционных схем, включая Лигу Арабских Государств.

Третий — создание различных двусторонних и трехсторонних «осей» и «треугольников», других схем, основанных на «избирательном» привлечении в интеграционные объединения государств, расположенных в регионе.

Четвертый — создание системы коллективной безопасности.

Наша страна традиционно ориентировалась именно на четвертый формат, придерживаясь линии на создание коллективных схем обеспечения безопасности. При этом мы исходили из того, что только взаимный учет интересов и законных озабоченностей всех расположенных в регионе государств может обеспечить прочный мир и стабильность. В противном случае неизбежны элементы недоверия, взаимной подозрительности между странами, которые вошли в блоковые схемы, и теми, кто остался вне рамок этих объединений. Что касается ранее существовавших интеграционных объединений, в первую очередь ЛАГ, то было ясно, что на их основе формировать новые по своему содержанию механизмы было невозможно, так как это выходило далеко за рамки идеологии, лежавшей в основе их создания.

По нашему мнению, существование коллективной системы региональной безопасности заключалось в создании совокупности устойчивых, прогнозируемых, подкрепленных международно-правовыми договоренностями и механизмами надежно функционирующих военных, политических и других взаимных гарантий суверенитета и территориальной целостности государств региона¹.

Ключевое значение при этом имело бы создание своего рода «правил поведения» государств.

¹Ближневосточный перекресток (К созданию системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке), Международная жизнь, № 4, 1998; Ближневосточный узел противоречий, Международная жизнь, № 4 - 5, 2004; Россия и Саудовская Аравия, два нефтяных гиганта, Международная жизнь, № 7, 2003; A. Baklanov (essays on the collective security system in the Middle East) "In the wake of the Iraqi crisis" in "International affairs A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations" Vol. 44, № 2, 1998; "Major Developments in the Middle East" in "International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations" Vol. 45, №2, 1999; «Russia and the Arab World Should Resume Dialog» in "International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations" Vol. 49, №1, 2003.

Российская концепция оттачивалась в ходе переговоров — как в рамках РГКВРБ, так и двусторонних контактов, и в резюмирующей форме она была озвучена министром иностранных дел Е.М. Примаковым в ходе посещения Каира в октябре 1997 г. Несмотря на то что это выступление, строго говоря, состоялось «технически» уже после приостановки деятельности РГКВРБ, можно со всей определенностью говорить о том, что оно было своего рода резюмирующим продуктом работы России в этой группе и вместе с тем ориентиром для дальнейшей деятельности по данному направлению.

Е.М. Примаков выдвинул «двенадцать принципов», сведенных в виде «Кодекса поведения в сфере безопасности для Ближнего Востока». Документ предусматривал следующие элементы:

- 1) без мирного урегулирования на всех переговорных направлениях ближневосточного мирного процесса не может быть обеспечена прочная и надежная безопасность каждого государства региона;
- 2) национальная безопасность любого государства региона не может быть обеспечена чисто военно-техническими средствами;
- 3) безопасность одних не может основываться на ущемлении безопасности других, в том числе при урегулировании территориальных споров;
- 4) с учетом прямой или косвенной вовлеченности в ближневосточный конфликт стран региона, рассматриваемого в широком плане, безопасность сторон конфликта не может быть «замкнута»; необходимо включение в «ближневосточную зону безопасности» Ирана, Турции, государств Северной Африки, арабских стран Персидского залива, включая Ирак;
- 5) безопасность стран Ближнего Востока не может базироваться на противостоящих стратегических союзах, группировках с опорой на внешние силы и структуры;
- 6) международная законность — основа безопасности и стабильности; необходимы приверженность и преемственность в отношении двусторонних и международных договоров и соглашений в области мирного урегулирования ближневосточного конфликта;
- 7) решительное противодействие всем формам и разновидностям терроризма и экстремизма, какими бы причинами, включая религиозные, они ни мотивировались; мир не должен быть заложником террористов;
- 8) страны региона должны отказаться от создания и сохранения оружия массового поражения; в итоге — создание зоны, свободной от ОМП;
- 9) необходимо взаимное сокращение военных бюджетов региональных государств с перераспределением средств на цели развития, включая многостороннее региональное экономическое сотрудничество: мир с соседями дешевле и выгоднее содержания первоклассных армий;
- 10) безусловное взаимное уважение к уникальному культурному и религиозному наследию каждого народа, свобода вероисповедания для всех конфессий и обеспечение беспрепятственного доступа верующих к святым местам в Иерусалиме и других частях региона;

- 11) справедливое решение гуманитарных проблем региона, в том числе приемлемое для всех сторон урегулирование проблемы беженцев;
- 12) развитие регионального экономического сотрудничества — создание интегрированной экономической системы для Ближнего Востока².

Данная идея получила заинтересованный отклик в Египте, других арабских странах, однако в условиях постоянных «приостановок» в ближневосточном мирном процессе реализовать потенциал этого предложения не удалось.

В ходе работы РГКВРБ выявилось, что одним из основных противоречий между арабами и Израилем был вопрос о ядерных вооружениях.

Египтяне, а с их подачи и другие арабы, в ходе заседаний РГКВРБ неизменно подчеркивали, что прогресс в работе группы может иметь место лишь в случае прояснения ситуации с ядерным оружием, которым мог обладать Израиль.

Израильяне с этой постановкой вопроса не соглашались и предлагали другую последовательность решения комплекса проблем безопасности — начать движение с создания климата доверия, разработки и принятия соответствующих мер в этой сфере и лишь вслед за этим переходить к более сложным проблемам, в том числе режимам нераспространения.

Эта проблема сыграла фактически роковую роль для деятельности Группы. Вследствие острых разногласий между Египтом и Израилем, пленарное заседание РГКВРБ, запланированное на осень 1995 г., не состоялось. Это, кстати, негативно повлияло и на деятельность Группы содействия — она также была отложена.

Постепенно работа группы начала «выдыхаться». На мой взгляд, главной причиной стагнации являлось не интеллектуальное «истощение» участников и даже не противоречия между теми, кто принимал участие в переговорном процессе. Основные трудности были обусловлены проблемами, которые лежали как бы вне рамок собственно деятельности группы.

В этом контексте необходимо указать на то, что происходило на двусторонних треках и прежде всего на палестино-израильском переговорном направлении.

Первоначально взятый принцип функционирования двустороннего палестино-израильского переговорного направления уже к середине 1993 г. был изменен. Контакты, осуществлявшиеся при американо-российском коспонсорстве, оказались своего рода «переговорами прикрытия», а основной переговорный формат был налажен в норвежской столице, где на регулярной основе стали проходить конфиденциальные встречи сторон. Это «рассыпало» согласованный в 1991 г. в Мадриде формат переговоров.

С моей точки зрения это было ошибкой. В секретном порядке, вдалеке от прессы и групп давления, может быть, действительно легче было выработать варианты решения проблемы. Но в дальнейшем достигнутые на таких переговорах договоренности гораздо сложнее было провести в жизнь, «продать» через общественное мнение сторон.

²«Ближневосточный перекресток» (К созданию системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке), «Международная жизнь», №4, 1998; A.G. Baklanov «In the wake of the Iraqi crisis» in «International affairs A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations» Vol. 44, №2, 1998

С заключением соглашения «Осло-1» и мирного договора между Израилем и Иорданией, также подготовленным, в сущности, в секретном порядке и фактически вне какой-либо прямой связи с мадридским мирным процессом, участники многосторонних переговоров почувствовали, что находятся вне реальных политических процессов, ведущих к заметным результатам. Это снизило интерес сторон к происходящему в рамках РГКВРБ.

Был еще один фактор, сыгравший весьма негативную роль в судьбе группы.

Дело в том, что арабские страны и прежде всего Египет исходили из того, что многосторонний формат, дающий израильянам «законный» выход на арабские страны, имеет для Израиля большую, чем для арабских стран, ценность. В силу этого в обстановке драматических событий 1996 г. на палестинских территориях арабами по инициативе Каира было принято решение вести дело к приостановке деятельности рабочих групп.

В ходе встречи в апреле 1996 г. с представителями государств-коспонсоров (мне было поручено представлять Россию), а также ряда других стран министр иностранных дел Египта Амр Муса заявил, что дальнейшие переговоры в многостороннем формате неприемлемы для арабов, так как их продолжение может дать Израилю «ложный сигнал» в отношении того, что в мирном процессе «все идет нормально», в то время как драматизм событий на оккупированных землях отнюдь не давал оснований для такой характеристики создавшегося положения. Египтяне полагали, что вопрос о возобновлении многостороннего формата может стать дополнительным рычагом воздействия на Израиль.

Наша точка зрения была иной. Мы подчеркивали, что не следует делать весь мирный процесс, в том числе его многостороннее направление, заложником трудностей, создающихся на том или другом двустороннем треке. Довод в отношении того, что приостановка многостороннего процесса может быть использована в качестве средства давления на Израиль, расценивался нами как сомнительный даже с точки зрения интересов самих арабов. В случае отказа от совместных многосторонних заседаний арабы лишались уникальной возможности напрямую задавать израильянам вопросы, касавшие самых различных аспектов ситуации в регионе. Кроме того, на многостороннем направлении мирных переговоров Израиль по существу в одиночку противостоял лагерю арабских государств.

Однако приходится констатировать, что нам не удалось доказать целесообразность продолжения функционирования групп, в том числе РГКВРБ.

Убежден, что решение 1996 г. было серьезной ошибкой арабов.

Российская Федерация в последующие годы держала «на контроле» вопрос перезапуска многосторонних рабочих групп.

Определенное оживление переговорного процесса в начале 2000 г. позволило реализовать предложение российского коспонсора о возобновлении переговоров в многостороннем формате.

1 февраля 2000 г. в Москве состоялось пленарное заседание участников Группы содействия многосторонним переговорам по Ближнему Востоку на уровне министров иностранных дел. В нем приняли участие представители коспонсоров — министр иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванов, госсекретарь США М. Олбрайт, главы внешнеполитических ведомств

Египта, Израиля, Иордании, Туниса, Норвегии, Швейцарии, Канады, Японии, Председатель Совета ЕС, представители Палестинской национальной автономии, Саудовской Аравии, Китая, Швейцарии, а также спецкоординатор ООН по ближневосточному мирному процессу.

Мне в качестве заместителя Директора департамента Ближнего Востока и Северной Африки Министерства иностранных дел Российской Федерации было поручено руководить работой группы по организации этого мероприятия.

Встречу открыл В.В. Путин, только что приступивший к исполнению обязанностей Президента Российской Федерации. Примечательно, что это было первое выступление В.В. Путина на международном мероприятии в качестве высшего руководителя России. Его речь была расценена СМИ как программное изложение подходов РФ к региональным и мировым проблемам.

И. о. президента заявил, что установление прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке на основе норм международного права, резолюций Совета Безопасности ООН занимает важнейшее место в шкале внешнеполитических приоритетов Российской Федерации. Россия связана с ближневосточным регионом давними историческими, духовными, торгово-экономическими отношениями. Поэтому она искренне заинтересована в установлении межгосударственной, межэтнической и межконфессиональной гармонии на этой земле.

В.В. Путин высказал надежду, что московский форум поможет восстановить полноформатные переговоры по общерегиональной проблематике. Речь идет, отметил он, о возобновлении совместной работы, нацеленной на постконфронтационное обустройство Ближнего Востока. Обеспечить стабильное будущее региона можно путем формирования коллективной системы безопасности и сотрудничества при соответствующих международных гарантиях. Россия будет и в дальнейшем вносить в этот процесс самый весомый вклад.

На встрече было принято решение о возобновлении мирного процесса в его многостороннем измерении. После четырехлетнего перерыва вновь открылась возможность коллективного обсуждения проблем ближневосточного региона по наиболее важным направлениям. Были определены сроки проведения очередных пленарных заседаний рабочих групп.

В принятом Россией и США заявлении коспонсоров была подтверждена их готовность выполнять взятые на себя обязательства в отношении установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН.

Однако импульс, полученный в результате Московской встречи, довольно быстро был утрачен, вновь выявились расхождения в позициях сторон, произошло очередное обострение ситуации на палестинских землях.

Следует отметить, что в условиях приостановки работы многосторонних рабочих групп особую роль стала играть так называемая «вторая дорожка» — «track two» — неофициальное обсуждение проблематики региональной безопасности на уровне независимых экспертов, представителей общественных и научных кругов. Мне довелось принимать участие в этих обсуждениях, в частности, на встрече экспертов в Каире в 1999 г. и на международной конференции, проводившейся по этой тематике в конце 2000 г. в Маскате, Оман.

Полагаю, что интеллектуальный ресурс данного формата велик и ему будет принадлежать исключительно важное место в дальнейшем, когда проблематика региональной

безопасности вновь будет поставлена в повестку дня мирного переговорного процесса на Ближнем Востоке.

Каковы основные результаты деятельности РГКВРБ и в каком направлении нам следует действовать с учетом этих уроков в настоящее время?

Основной позитив заключался в том, что работа группы выявила принципиальную возможность обсуждения сторонами ближневосточного конфликта самых деликатных вопросов безопасности.

Второе. Был задействован большой потенциал коллективного формата работы. Более того, стало ясно, что двусторонние договоренности общей ситуации в регионе кардинальным образом изменить не смогут.

Третье. Был определен в качестве наиболее приемлемого принцип взаимного учета озабоченностей сторон в сфере безопасности. Вместе с тем необходимо признать, что конкретные исследования, связанные с методикой оценки обоснованности позиции по этому вопросу каждого из участников переговоров, были приостановлены.

Что можно было бы предложить сейчас для того, что возобновить динамику на ключевом для судеб региона Ближнего Востока направлении — создании системы межгосударственных отношений на основе обеспечения мира и безопасности?

Как представляется, сегодня, после «арабской весны», можно говорить о двух блоках проблем региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Первый — сохраняющееся противостояние между арабскими странами и Израилем, осложненное другими конфликтными сопряжениями, связанными с неурегулированностью арабо-израильских отношений.

Второй — конфликтные ситуации, в основном внутреннего характера, обусловленные сменой режимов в ряде арабских стран.

Начнем с первого блока проблем. Здесь, прежде всего, необходимо определиться, «где мы находимся», с точки зрения реализации идеи арабо-израильского урегулирования.

Как представляется, к сегодняшнему дню удалось решить те «блоки» ближневосточного кризиса, которые относительно легко поддавались стратегии «размежевания», в том числе территориального (мирные договоры между Египтом и Израилем, Иорданией и Израилем). Но данный метод выявил свою ограниченность в тех случаях, когда достижение такого рода размежевания является крайне сложным делом. Это, прежде всего, относится к ключевой проблеме ближневосточного урегулирования — палестино-израильскому конфликту.

Все более очевидной становится целесообразность формирования совершенно новой стратегии поисков «формулы безопасности» на палестинских и израильских землях. По нашему убеждению, настал момент, когда, наконец, стоит признать ограниченность попыток «поделить» все «составляющие» функционирования властных структур на крайне ограниченной территории палестино-израильского противостояния. Требуется дополнить линию на «размежевание» стратегией «синтеза» усилий сторон и поиска общих схем безопасности и мирного переустройства³.

³Ближневосточный узел противоречий, *Международная жизнь*, N 4–5, 2004; Baklanov A.G. «Middle East Knot of Contradictions» in *International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations*, vol. 50, N 3, 2004.

По нашему мнению, нужно ставить вопрос о создании своего рода «единого пространства безопасности» на всех палестинских и израильских землях. В рамках осуществления такой концепции требуется создание достаточно сильных и авторитетных органов совместного мониторинга ситуации и принятия решений как законодательного, так и оперативно-распорядительного характера. В практическом плане нужно будет наладить эффективную систему совместных практических мероприятий (проведение совместного патрулирования и т.п.).

Эта — двусторонняя или даже многосторонняя (в случае привлечения представителей третьих стран) — система безопасности должна быть органично связана с региональной системой коллективной безопасности.

Важнейшим аспектом обеспечения режимов безопасности на палестинских землях является экономическая ситуация. В этом контексте следует отметить, что на новом витке развития событий может оказаться востребованным план формирования единого экономического союза двух государств — еврейского и арабского, как это было предусмотрено резолюцией 181 ГА ООН от 29 ноября 1947 г. Как известно, данная резолюция предусматривала такие меры, как создание таможенного союза, введение единой валюты на территории обоих государств, совместные экономические проекты, использование на недискриминационной основе транспортных коммуникаций, портов и аэродромов, доступ на недискриминационной основе к водным и энергетическим ресурсам и т.п.

В целом, на наш взгляд, есть и необходимость, и возможность достижения компромиссов на основе создания общих «зон ответственности» сторон в ключевых сферах палестино-израильского взаимодействия — территориальной, безопасности и экономики. Причем тут нащупывается компромисс и в том, что касается «качества» размена.

Израильяне заинтересованы в обеспечении надежно функционирующего «пространства безопасности» на всех территориях, где они находятся, а палестинцы — в свободном доступе рабочей силы в Израиле. Обе стороны выигрывают от объединения усилий в указанных сферах. При этом решаются и другие вопросы, например, создание благоприятного инвестиционного климата и условий для налаживания общерегионального экономического сотрудничества.

Формирование общего ответственного «пространства безопасности» и экономического союза могло бы обеспечить достижение большего доверия между сторонами, без чего сложно рассчитывать на урегулирование таких деликатных и сложных вопросов, как проблема беженцев, поиски модальностей политики в сфере обороны, статус Иерусалима. И по этим проблемам, по нашему убеждению, будущее — за компромиссными схемами учета интересов и озабоченностей сторон.

Особое значение имеет проблематика ОМУ. Необходимо отметить, что РГКВРБ не смогла сколь-либо существенно продвинуться по данному вопросу. Это вполне объяснимо. Любые попытки выйти на обсуждение данного аспекта военно-политических проблем вели к жесткому противостоянию по линии арабские страны — Израиль. Это заводило дискуссию в тупик.

Сейчас же ясно, что без решения данной задачи трудно рассчитывать на создание климата доверия в регионе⁴.

В этом контексте можно было бы предложить провести специальную встречу пятерки «основополагающих» ядерных держав для выработки нового — сбалансированного и широкого подхода к вопросу о предоставлении «негативных гарантий» неядерным странам ближневосточного региона, а также содействия в развитии ядерной энергетики.

Необходимо обстоятельно «определиться» по ряду сложных вопросов, в частности, в отношении ядерных программ Ирана, вызывающих у многих государств серьезные опасения. С учетом озабоченностей Израиля, а также принимая во внимание целый набор других международных и региональных факторов, иранскую ядерную проблематику целесообразно рассматривать «в сопряжении» с формированием надежных режимов нераспространения на Ближнем Востоке.

Конечно, трудно на все сто процентов оспорить точку зрения, что развитие даже глубоко мирных ядерных программ объективно ведет к созданию предпосылок (интеллектуальных, технических, промышленных) для усиления оборонного потенциала той или иной страны. Вместе с тем вряд ли можно доказать развивающимся странам, что из-за достаточно гипотетической возможности создания ими ядерных вооружений необходимо сдерживать исследовательские и иные работы по мирному использованию ядерной энергии. По-видимому, более логично выглядит не чисто «запретительная» схема, а совокупность мероприятий, направленных на оказание помощи неядерным государствам — при достаточно жестком механизме «сопровождения» их ядерных программ. Мы уже начали идти по этому пути. На этот счет имелись российские предложения. И здесь предстоит найти соответствующие «работающие» механизмы такого сотрудничества.

Другим аспектом является необходимость «упреждающего» создания таких региональных и международных условий, в которых не было бы побудительных мотивов для «перерастания» мирных ядерных программ в военные.

Анализируя возможности создания системы безопасности в масштабах Ближнего Востока, необходимо отметить еще, по меньшей мере, три «сопряжения» с другими системами и подсистемами региональной безопасности.

Первое. В начале 1970-х гг., в процессе подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, рядом государств Средиземноморского бассейна, в том числе, североафриканскими странами, был поставлен вопрос о «средиземноморском компоненте» европейской безопасности. В дальнейшем в 1975 г. соответствующий раздел был включен в заключительный документ Совещания в Хельсинки. В последующем он получил свое дальнейшее развитие, хотя до формирования сколь-либо серьезных механизмов взаимодействия в сфере безопасности дело так и не дошло.

В настоящее время Российская Федерация выдвинула инициативу выработки новой концепции европейской безопасности и строительства современного механизма упрочения мира и стабильности на континенте и в прилегающих регионах мира.

⁴После ядерных взрывов в Индии и Пакистане (К укреплению режимов нераспространения на Ближнем Востоке), Международная жизнь, № 7, 1998; Baklanov A.G. "After The nuclear tests in South Asia" in "International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations" Vol. 44, № 4, 1998.

В этом плане важно было бы уже на ранних стадиях обсуждения этой проблематики рассмотреть — в новых условиях — модальности участия ближневосточных государств, относящихся одновременно к субрегиону Средиземноморья, в новой системе европейской безопасности.

Второе. Особым, весьма крупным компонентом системы безопасности «расширенного» Ближнего Востока призвана стать подсистема безопасности в Персидском заливе.

Так, Аль-Атыйя, известный политический деятель, в течение длительного времени занимавший пост Генерального секретаря ССАГЗ, неоднократно высказывался в пользу формирования в регионе «всеобъемлющей системы региональной безопасности» с включением в нее — наряду с государствами — членами Совета — также Ирана и Ирака. Такая система, — отмечал он, — должна базироваться на равновесии интересов всех ее участников. Аль-Атыйя также подчеркивал необходимость предотвращения ситуации, когда действия какой-либо из стран региона могли бы повлечь за собой резкое изменение соотношения сил. В этом контексте он выделял задачу создания на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива, зоны, свободной от оружия массового поражения.

Можно предвидеть активизацию работы по созданию более стабильной обстановки в этом районе. Во всяком случае, Российская Федерация выдвинула в 2008 г. свою концепцию формирования системы безопасности в Заливе. Однако это — тема отдельного исследования.

Третье. Как показывают события в Сомали и вокруг нее, обстановка в субрегионе Африканского Рога может оказать гораздо большее влияние на ситуацию на Ближнем Востоке, чем это было принято считать ранее.

Можно согласиться с мнением известного специалиста по проблематике безопасности Роберта Ротберга, который отмечал, что стратегическое значение Африканского Рога в нынешней международной и региональной обстановке возрастает. Этот район, включающий такие страны, как Судан, Йемен, Сомали, Кения, Эфиопия, Джибути и Эритрея, насчитывает 170 миллионов человек. Более половины из них — мусульмане.

«Без организации подобающего регионального и международного ответа, Африканский Рог будет оставаться резервуаром для терроризма. Однако такого рода широкий, многонациональный и многофакторный ответ еще только предстоит создать», — подчеркивал Р. Ротберг⁵.

В целом сегодня перед нами встает задача активизации работы по формированию концептуальной базы будущей интегральной региональной системы безопасности на Ближнем Востоке. Как показывает опыт, для создания такого рода системы требуется как минимум три основных компонента:

— политический документ, закрепляющий принципы взаимоотношений расположенных в регионе государств и общие «правила» функционирования региональной системы безопасности;

— механизм практического взаимодействия в сфере безопасности, охватывающий систему соответствующих обязательств, предполагающий наличие органов, призван-

⁵Rothberg Robert I. «The Horn of Africa and Yemen» in «Battling terrorism in the Horn of Africa», World Peace Foundation, Brookings Institute Press, Washington, D.C., 2005, p. 2.

ных разрабатывать общие подходы в военно-политической сфере и реализовывать их на практике;

— достаточно развитая «периферия» мер доверия, включающая проверочные мероприятия, связанные с установлением фактов, касающихся того, как государства соблюдают на практике декларируемые ими правила поведения и соблюдают взятые обязательства.

Естественно, становление системы коллективной безопасности — длительный процесс, в котором будут определенные этапы, стадии. Как представляется, логика этого процесса — с учетом имеющихся, в том числе европейского, опыта и специфики Ближнего Востока — может заключаться в следующем: от зондажных контактов между заинтересованными сторонами — к проведению предметного политического диалога и созыву концептуальных форумов по проблематике региональной безопасности. Вслед за этим — создание организации по поддержанию военно-политической стабильности на Ближнем Востоке. Деятельность такого рода организации должна концентрироваться на предотвращении и урегулировании локальных и региональных конфликтов с акцентом на их раннее предупреждение и мирное разрешение противоречий.

По-видимому, здесь можно было бы с успехом использовать наработки в этой области, имеющиеся в Европе. Так, на основе проекта Кодекса поведения можно было бы провести двусторонние и многосторонние консультации с целью выработки общей и всеобъемлющей модели ближневосточной безопасности XXI века, а затем составить политически и юридически обязательный документ — Хартию ближневосточной безопасности или Договор ближневосточной безопасности.

В этом контексте можно было бы предложить учреждение Ближневосточного форума по сотрудничеству в области безопасности и мер доверия. В рамках Форума может быть создан постоянно действующий Комитет старших должностных лиц, который курировал бы оперативную деятельность организации. В арсенале средств Форума могли бы быть такие методы мирного урегулирования споров, как миссии специальных докладчиков и миссии по установлению фактов, миссии по оказанию добрых услуг, посредничества и выработки процедур примирения.

Что касается операций по поддержанию мира, то преобладающий настрой в странах ближневосточного региона в отношении подобного рода мероприятий весьма осторожный или даже негативный. Широко распространено мнение, что проведение этих операций может вести к ограничению суверенитета отдельных государств.

Особое значение для Ближнего Востока может иметь применение широкого арсенала мер доверия. Они могут включать обмен информацией о вооруженных силах, в том числе личном составе, вооружении и технике — первоначально в специально оговоренной зоне применения мер укрепления доверия, а затем на всей территории стран-участниц⁶.

⁶Драматические события на Ближнем Востоке требуют реальных мер доверия, Международная жизнь, №1, 1999; Baklanov A.G. Major Developments in the Middle East (on the concept of the confidence-building measures) in «International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations» Vol. 45, №2, 1999.

Сложным вопросом является принятие решений о поставках вооружений в страны и регионы, где имеют место кризисные ситуации и конфликты, в том числе внутренние конфликты. Неоднократно высказывались предложения воздерживаться от заключения соглашений на поставку оружия в случае вооруженного конфликта внутри того или иного государства. Однако на практике такого рода, казалось бы, логичное требование может вести к нарушению баланса сил в пользу сепаратистских элементов, в частности, в связи с тем, что негосударственные или нелегальные формирования могут в одностороннем порядке использовать возможности «черного рынка» вооружений.

В заключение хотелось бы сформулировать итоговые предложения относительно того, как «подступить» к формированию новой системы «межрегиональной безопасности» на Ближнем Востоке.

Необходимо вести дело к возобновлению многостороннего измерения мирного ближневосточного процесса. В связи с этим следует отметить, что возникает парадоксальная ситуация. Все более очевидна зависимость стран региона друг от друга в вопросах обеспечения стабильности и мира, однако единственный постоянно действующий форум, где в коллективном формате обсуждалась эта проблематика — Рабочая группа по контролю за вооружениями и региональной безопасности, созданная в рамках многостороннего механизма Мадридского мирного процесса, — бездействует. Важно выправить данное положение.

Вслед за этим можно было бы осуществить программу из пяти последовательных элементов или шагов.

Первым шагом, как представляется, должна быть разработка всеобъемлющей ближневосточной концепции региональной безопасности, рассчитанной на взаимный учет и взаимную увязку интересов и озабоченностей всех основных расположенных здесь государств. Такая работа могла бы быть осуществлена первоначально на экспертном уровне авторитетной международной комиссией с участием специалистов высокого уровня, желательно имевших опыт дипломатической деятельности в регионе. В качестве аналогов такого рода деятельности можно было бы назвать работу по составлению «женевского документа» Й. Бейлина — Я. Абид Раббо, а также выработку предложений по реанимированию мирного процесса, осуществленную Независимой международной группой экспертов во главе с М. Ахтисаари и Г. Эвансом.

В случае, если специалисты посчитают целесообразным «раздвинуть» территориальные рамки охвата этого документа, можно было бы поставить вопрос о том, что это будет концепция «трансрегиональной безопасности» с включением в зону действия таких стран, как Иран, Турция, или даже государств Южной Азии.

Итогом этой работы должен был бы стать документ, «синтезирующий» проблематику региона и предлагающий возможные формы создания инструментов для надлежащего учета мнения сторон, озабоченностей расположенных здесь государств.

Уже на этом этапе должен был бы «вчерне» решен вопрос о структуризации проблемы региональной безопасности применительно к Ближнему Востоку.

Вторым шагом могло бы стать проведение международного общественно-политического форума для утверждения упомянутых предложений. Участие в такого рода форуме должны были бы принять специалисты по Ближнему Востоку, политические, общественные и религиозные деятели. В рамках этого мероприятия важно было бы получить определенные результаты, в частности, по такому вопросу, как пути реанимации арабо-израильского мирного процесса, нахождение новых организационных форм «подвода» его участников к компромиссным развязкам.

Третий шаг — передача заинтересованным сторонам — государственным структурам — пакета документов, разъясняющих существо указанной концепции.

Четвертый шаг — созыв представительного международного форума по всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке с участием как независимых экспертов, так и представителей властных структур заинтересованных государств

В рамках форума можно было осуществить формирование рабочих групп по ключевым аспектам региональной безопасности:

— выработка общерегионального документа (Хартия региональной безопасности), регулирующего взаимоотношения между расположенными здесь странами;

— проблема формирования общерегиональных органов поддержания мира и обеспечения безопасности. Как представляется, речь могла бы идти о Региональном совете Безопасности с участием всех расположенных здесь стран, а также внерегиональных спонсоров — членов большой «восьмерки» и постоянных членов СБ ООН;

— проблема формирования единого экономического пространства, разработка общерегиональных проектов (энергетика, водоснабжение и т.п.).

Пятый шаг — созыв Международной конференции для принятия итоговых документов, в том числе Хартии (Кодекса) поведения стран региона.

В рамках работы конференции можно было бы — уже на новой платформе, вернуться к проблеме создания надежных инструментов поддержания мира и безопасности в регионе. В этом плане можно было предложить создание Центра по проведению мониторинга и осуществлению мер в сфере миротворчества.

В целом все более очевидной является необходимость комплексного решения проблем безопасности Ближневосточного региона на основе принятия — уже в самом ближайшем будущем — программы действий расположенных здесь стран, международного сообщества в целом.

Н. Лажми

«Аль-джазира», или протестная журналистика¹

Введение

Выступления населения против режимов в Тунисе, Египте, Йемене, освещаемые крупными телевизионными каналами — в частности, «Аль-Джазирой», несомненно, наиболее популярной в арабских странах, — и в Интернете, особенно в социальных сетях, привели к падению режимов, считавшихся незыблемыми. Информационное давление и народные выступления совместно способствовали быстрому низвержению власти — по крайней мере, в Тунисе — удивив даже самых опытных аналитиков. Журналистика пережила настоящий переворот с осознанием своей новой роли — освещения событий последних месяцев на арабской политической сцене. «Арабская весна» тем самым доказала правоту катарского канала «Аль-Джазира», который, как многие полагают, стал одним из главных участников трансформаций в ряде арабских стран.

Необходимо отметить, что эти уникальные по своему масштабу выступления населения против режимов своих стран обусловили новую роль информации в арабском мире и одновременно подверглись ее влиянию. Эта роль сейчас переосмысливается не только в международных СМИ, но и на государственном уровне. Спутниковые каналы,

¹Перевод Д.И. Гарибашвили.

появившиеся в арабских странах к концу 90-х годов, не говоря об Интернете и многочисленных социальных сетях, изменили способ восприятия, создания и распространения информации среди населения, стремящегося узнать о том, что происходит в их странах и во всем мире. Долгое время обмен информацией, происходивший через практически тайные схемы, которые сурово подавлялись государством и непримиримой официальной журналистикой, в то же время усугублял чувство изоляции.

Поэтому сегодня считается бесспорным, что «Аль-Джазира» смогла заставить арабские государства положить конец запрету на информацию и несоответствию между зарубежной и национальной журналистикой. Предполагается, что становление нового медийного пространства сделает зарубежные и арабские СМИ более созвучными, более близкими населению под угрозой широкомасштабных политических потрясений.

Современные политические перемены в арабском мире в какой-то степени обусловлены этими изменениями в сфере массовой информации, произошедшими в полностью закрытых странах, в которых на протяжении десятилетий информация контролировалась государством и была консервативной, неполной, даже лживой и пропагандистской. Поэтому нельзя отрицать взаимосвязь между непрерывной работой канала «Аль-Джазира» по освещению событий в арабских странах и ростом гнева и протестных настроений все более решительно настроенной толпы. Некоторые исследователи указывают на эту роль, обвиняя канал в попытках навязать конкретную повестку дня, которая отвечала бы непомерным амбициям Катара — маленькой страны, которая хотела бы отныне влиять на политику арабского мира.

Становление и особенности арабского протестного канала

Арабский спутниковый канал «Аль-Джазира» («полуостров», «остров»), созданный 15 лет назад, определяет новый стиль арабской журналистики, изменяя застывшее, консервативное, контролируемое медийное пространство. Впервые «голос оппозиции» нарушил традиционный способ подачи информации, зачастую подконтрольной государству и не пользующейся доверием населения. Появилось понятие «другой» информации, которая, как предполагается, будет более независимой, профессиональной и популярной среди арабской аудитории. Дэвид Хёрст по этому поводу отметил: «Катарский канал «Аль-Джазира», круглосуточно вещающий через спутник, представляет собой исключение. Качество информации, свобода высказываний и непочтительность к власти действительно притягивают аудиторию. «Аль-Джазира» радикально изменила ограниченное медийное пространство, ослабив тиски, в которых правительства держали население» («Монд Дипломатик», август 2000 г.). Если гражданские свободы были объектом значительных ограничений — или даже прямой цензуры, — то «Аль-Джазира» положила начало значительным переменам.

С момента своего создания «Аль-Джазира» позиционировала себя как канал, принимающий участие в жизни арабского мира и зачастую эффектно ее освещающий. Канал вещает в

около 100 странах по всему миру. Трансформация журналистики, начавшаяся с появлением «Аль-Джазир», была усилена появлением других каналов, которые пошли по ее следам в условиях жесткой конкуренции (канал «Аль-Арабия», созданный в Саудовской Аравии в 2003 г., или же французский канал France 24, запущенный в 2006 г.). Арабская аудитория с тех пор пользуется этим изобилием информации, во главе которого стоит «Аль-Джазира», в атмосфере конкуренции между различными арабскими и западными каналами с наилучшей репутацией².

В этих новых конкурентных условиях некоторые арабские каналы даже приобрели мировую известность и привлекли довольно разнообразную аудиторию как в арабском мире, так и за его пределами. Согласно Ольфе Ламлуму, «арабские спутниковые каналы приобрели вес в глобальном информационном пространстве, доказывая, что западные СМИ отошли на второй план в освещении событий в арабо-мусульманском мире. Это свидетельствует о враждебности населения региона по отношению к США, которым не удалась попытка «завоевать сердца и умы»³.

После саммита в Куала-Лумпур в 2005 г., посвященного электронным СМИ, Гийом Шеневьер подчеркнул, что «те, кто до сих пор довольствовался международной информацией, определяемой англосаксонскими странами, хотят изменить эту тенденцию. Предлагают отличную от западной точку зрения на войну в Ираке, обладая возможностью вещать на пяти континентах и в наиболее опасных регионах мира, «Аль-Джазира» вошла в число ведущих каналов. Перед ней открылись новые горизонты: англоязычная версия канала со своими студиями в Азии, США и Европе будет соперничать с BBC и CNN на их собственной территории»⁴.

Но эта ситуация сразу же вызвала раздражение правительства США, увидевшего в ней предпосылки будущего «провала» информационной политики своей страны. Действительно, в 1991 г., во время первой войны в Заливе, США еще могли рассчитывать на повсеместное присутствие канала CNN и его гегемонию в сфере массовой информации, чтобы «поставлять» миру кадры так называемой «хирургической» войны, на которой «правые» отважно сражались с «виновными». Нарушение этой монополии действительно повлечет за собой необратимую потерю контроля США над информационной пропагандой, особенно в том, что касается их внешней политики на Ближнем и Среднем Востоке.

К тому же американская администрация попыталась изменить ситуацию в свою пользу путем создания нового имиджа в арабском мире. Потратив миллионы долларов, она создала новые СМИ на арабском языке, чтобы обращаться напрямую к арабо-мусульманскому

²Сегодня определенно говорят о группе «Аль-Джазира», которая, как правило, сохраняет первое место среди арабских СМИ. Помимо круглосуточно вещающего информационного канала «Аль-Джазира» с ее 450 журналистами, происходящими из 15 стран, и многочисленными зарубежными представительствами, группа включает в себя филиалы «Аль-Джазира Sport», «Аль-Джазира Live» (повторяющий трансляции без комментариев), «Аль-Джазира Children» (запущенный в сентябре 2005 г. в сотрудничестве с Lagardère Médias и адресованный детям).

³Ламлум О. Влияние арабских спутниковых каналов, Международное стратегическое обозрение, 2004/4, 56, с. 69–75.

⁴Гийом Шеневьер, председатель Всемирного совета радио и телевидения, директор Фонда «Медиа и общество» <http://www.media-society.org/en/press-reports/fran-ais/les-m-dias-face-la-manipulation-croissante-des-opinions.html>

миру (радио «Sawa», журнал «Hi!» и круглосуточный информационный канал «Аль-Хурра» («Свободная»)⁵. Эти СМИ, финансируемые Конгрессом США, признают, что стремятся создать противовес идеям «Аль-Джазир» и улучшить имидж США в арабском и исламском мире. Это противодействие соответствует «общественной политике» США, еще одно проявление которой вызвало скандал во время последней войны в Ираке. Речь идет о выплатах иракским журналистам за публикацию «положительных» статей, предложенных и иногда даже составленных представителями американской армии в Ираке, тексты которых переводились на арабский созданной в 2003 г. службами Американского общества по связям с общественностью Lincoln Group, близкой к республиканцам⁶.

Но, конечно же, США не смогли изменить ситуацию. В ходе войны в Ираке и в Афганистане, а затем и в Ливане «Аль-Джазира» «изменила направление информационного потока, шедшего только с севера на юг. Она нарушила монополию США на интерпретацию конфликта. «Аль-Джазира» показывала альтернативные репортажи, основанные на кадрах, опровергавших версию США (жертвы среди гражданского населения, бесчинства оккупационной армии, несостоятельность Временного правительственного совета Ирака, назначенного США) (Ольфа Ламлум, 2005, с. 132).

Протестный канал

«Аль-Джазира» представляет собой первое арабское СМИ, которому удалось, начиная с первых лет своего существования, постепенно достигнуть статуса крупного участника международной медийной арены и, что особенно важно, создать в арабском мире ту эффективную связь с обществом, которую не удалось создать национальному телевидению. В ходе событий в Тунисе и, позднее, в Египте «Аль-Джазира» работала непрерывно, иногда ожесточенно, не боясь рисковать и даже частично отступить от признанных журналистских стандартов, используя материал из Интернета и социальных сетей. Материал, который, однако, не всегда был проверен и подтвержден. Мохаммед Кришен, один из первых комментаторов телевизионных дайджестов «Аль-Джазир», признавал, что техническое качество используемого материала было средним, было трудно проверить его полностью, но канал решил, что лучше «рисковать и распространить эти видеозаписи, чем не показать ничего в подобный момент»⁷.

Необходимо напомнить, что распространение цифровых технологий и рост числа инструментов распространения информации (видео, мобильные телефоны, Интернет, социальные

⁵США начали эту широкомасштабную общественную кампанию с запуска радио «Sawa», которое начало круглосуточное вещание на арабском языке 23 марта 2002 г. В июле 2003 г. последовало создание журнала «Hi!», адресованного арабо-мусульманской молодежи на Ближнем Востоке. «Middle East Television» («Ближневосточное Телевидение»), известное как «Аль-Хурра», было запущено в 2004 г.

⁶По этой теме см. статьи, опубликованные на сайте «Тунис сегодня»:

<http://www.tunisia-today.com/archives/21278> et <http://www.tunisia-today.com/archives/21230>

⁷Газета «Ле Монд» от 19/01/2011, «Аль-Джазира» оперативно освещает тунисскую революцию: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2011/01/19/al-jazeera-a-la-pointe-de-la-couverture-de-la-revolution-tunisienne_1467521_3218.html

сети) обеспечили доступ к изобилию материала, который, даже будучи любительским, зачастую содержал шокирующую информацию, к которой нельзя было получить доступ иным способом. Без вмешательства этих новых цифровых средств, рассказывающих о насилии, которому подвергались или подвергаются молодые демонстранты, в отсутствие профессиональных аккредитованных репортеров невозможно было бы проследить ход революции в Тунисе, Йемене, Египте и (в настоящее время) в Сирии на экранах и в интернете.

Ведь до начала «арабской весны» тунисский режим ожесточенно сопротивлялся попыткам либерализации и демократизации. Сложилась идеальная среда для прорыва не только в сфере коммуникации, но и политики и дипломатии. В 2006 г. Бен Али, теперь уже бывший президент, крайне возмущенный программами «Аль-Джазиры», «враждебными» тунисскому правительству, решил, поддавшись недовольству, отозвать своего посла из Дохи после того, как «Аль-Джазира» показала интервью с Монсефом Марзуки — нынешним президентом переходного правительства Туниса, который в то время был яростным противником режима. Дипломатические отношения между двумя странами довольно долго были холодными и поддерживались на минимальном уровне.

Противостояние тогдашнего тунисского режима и «Аль-Джазиры» достигло кульминации с наступлением «арабской весны». Новая информационная динамика, предлагаемая каналом и обусловленная отсутствием информации от официальных каналов и своих собственных сетей корреспондентов⁸, привлекла значительную часть аудитории в Тунисе и в арабском мире в целом. Она также положила начало международным публичным дискуссиям, влияющим на политическую конъюнктуру. Мохаммед Эль Уафи (университетский преподаватель, специалист по СМИ) отмечает, что «Аль-Джазира» смогла утвердить себя как «альтернативное политическое пространство в процессе легитимации вследствие неверного функционирования политических институтов и в отсутствие парламентских и партийных структур и профсоюзов, которые могли бы организовать общественные дискуссии»⁹.

«Аль-Джазира» уже показала в Афганистане, Ираке и на Западном берегу реки Иордан, что, благодаря фактору языка и религии и своим сетям, она способна работать лучше, чем другие международные каналы. Освещая войну в Газе в опасных условиях (27 декабря 2008 — 18 января 2009) на арабском и английском языках, канал доказал, что придерживается надлежащей точки зрения на все грани этого конфликта. Согласно французскому информационному сайту Mediapart: «(...) каковы бы ни были мнения о политических и религиозных взглядах катарского канала, само собой разумеется, что «Аль-Джазире» удалось профессионально показать нападение Израиля, и отныне с каналом придется считаться, особенно в вопросах ближневосточной политики»¹⁰.

⁸Канал долгое время напрасно старался открыть представительство в Тунисе и направить туда корреспондента. Власти Туниса всегда давали категоричный отказ.

⁹Мохаммед Эль Уафи. Реванш «Аль-Джазиры» по отношению к арабским режимам и Вашингтону, // <http://www.rue89.com/2011/02/12/al-jazeera-a-pris-sa-revanche-sur-les-regimes-arabes-et-washington-190259>

¹⁰См. сайт Mediapart: <http://www.mediapart.fr/club/blog/elif-kayi/170109/al-jazeera-et-la-guerre-des-images> (дата посещения 11.06.10).

Позднее, в конце мая 2010 г., когда Флотилия Мира, Mavi Marmara, которая собиралась нарушить блокаду Газы, подверглась нападению израильского флота, «Аль-Джазира» стала единственным телевизионным каналом, который освещал это событие в прямом эфире, располагая своими собственными журналистами на корабле. Репортер и продюсер «Аль-Джазиры» Джамаль Эльшайял, находившийся на борту, подтвердил на телевидении, что израильские военные начали стрелять по пассажирам корабля еще до того, как их вертолет сел на его палубу, что противоречило версии израильского флота. Снятые репортером кадры облетели весь мир¹¹.

Но «арабская весна», несомненно, вызвала резкое изменение позиции США по отношению к «Аль-Джазире». После традиционно неприязненного отношения к каналу — американская администрация долгое время не скрывала свою враждебность, обвиняя его в радикализации общественного мнения арабских стран по поводу американской политики — государственный секретарь США Хиллари Клинтон недавно отдала дань уважения профессионализму журналистов канала: «Число зрителей “Аль-Джазиры” в США продолжает расти, так как на этом канале можно увидеть полезную информацию. Возможно, люди со мной не согласятся, но я считаю, что “Аль-Джазира” показывает им настоящую информацию (...) Новости на американском телевидении представляют для нас все меньший интерес. Я не знаю мнение зарубежной аудитории, но сожалею об этом, учитывая, что мы — наиболее технологически развитая страна». Согласно Хиллари Клинтон, «США проиграли мировую информационную войну»¹².

Предвзятость журналистики

Однако, несмотря на бесспорный успех в сфере массовой информации, достигнутый за 15 лет своего существования, канал снова подвергается жесткой критике. Некоторые полагают, что с началом протестных выступлений в арабских странах подача «Аль-Джазирой» материала, по-видимому, была обусловлена политической подоплекой, и ее повестку дня определяли некие «тайные» силы, несмотря на то что во время народных выступлений в Тунисе и Египте многие одобряли работу журналистов «Аль-Джазиры», благодаря которой весь мир, в том числе (и в первую очередь) сами эти страны, узнали о масштабе выступлений. Тем более что эта информация, которая, как предполагалось, используется для защиты демократии, характеризовала опасные ситуации в условиях строгого контроля СМИ со стороны местных властей. Но может показаться, что «безучастное» освещение революционных событий в Бахрейне и восстания в Ливии и прямое участие в конфликте правительства Катара (речь идет об отправке оружия и даже войск) сделали роль «Аль-Джазиры» для многих обозревателей

¹¹Выходящая в Монреале газета «Пресса» разместила весь репортаж «Аль-Джазиры» на своём сайте: <http://blogues.cyberpresse.ca/hetu/2010/06/04/flottille-laccusation-dun-reporter-dal-jazeera/>

¹²Выступление Хиллари Клинтон на канале ABC: http://www.huffingtonpost.com/2011/03/03/hillary-clinton-calls-al-n_830890.html, дата посещения 07.06.1.

и даже безусловных сторонников несколько сомнительной. Действительно, отныне некоторые видят в этом канале «оружие» Дохи, которая в данном случае лелеет лидерские амбиции (которые многие считают непомерными и неоправданными) в политически и экономически ослабленном арабском мире. Согласно Тьерри Мейсану, «Аль-Джазира», катарский информационный канал, который за 15 лет добился признания в арабском мире как подлинный источник информации, неожиданно начал широкомасштабные действия по «обезвреживанию» с целью ниспровержения режимов в Ливии и Сирии любыми средствами. Превращение «Аль-Джазиры» в инструмент пропаганды для повторной колонизации Ливии произошло по требованию эмира Катара, а не без его ведома¹³.

Действительно, с началом революции в Тунисе и Египте, как только исчез эффект неожиданности, работа «Аль-Джазиры», которую еще вчера хвалили за качество, смелость и вовлеченность, стала объектом подозрений. Разгневанные люди в Тунисе и Каире обвиняли канал в предвзятости и, в данном случае, отстаивании позиции исламистов. Другие, особенно в течение последних месяцев, в свете вовлеченности Катара в конфликты в Ливии и, позднее, в Сирии (учитывая предложение Дохи отправить военных в Сирию), упрекают канал в выполнении задач правительства Катара и следовании повестке дня, навязанной США. Согласно Иву Гонзалесу-Кижано, специалисту по арабским странам, если канал «Аль-Джазира» «долгое время воспринимался как новаторский и оригинальный способ сгладить незначительность эмирата на региональном уровне, в первую очередь, с точки зрения Саудовской Аравии, то сегодня, учитывая, как «Аль-Джазира» освещает восстания в арабских странах, представляется, что ее создание стало в некотором роде наступлением, «вооружением» СМИ, претендующим на распространение влияния эмирата за пределами его довольно ограниченной территории»¹⁴.

Критиков деятельности «Аль-Джазиры» удивляет резкое изменение позиции канала по отношению к выступлениям в Сирии. Как подчеркивает Ив Гонзалес-Кижано, «только в конце апреля — по прошествии месяца и даже больше после начала выступлений в этой стране — «Аль-Джазира» резко и довольно загадочно отказалась от достаточно сдержанного тона по отношению к режиму в Дамаске и полностью поддержала демонстрантов. И этот поворот совпал с открытым принятием новых профессиональных стандартов, по-видимому, все менее и менее требовательных в том, что касается нейтрального тона освещения событий. За ним последовал ряд вспышек — скандальных увольнений нескольких звезд канала, в том числе корреспондента (тунисца) в Бейруте, знаменитого и пользующегося уважением Гассана Бен Джедду. Но все это не идет ни в какое сравнение с шоком, вызванным уходом генерального директора 21 сентября прошлого года»¹⁵.

Даже те, кто признаёт, что канал выполнил свою работу, освещая события в Бахрейне, отмечают, что «Аль-Джазире» не хватало вовлеченности и собранности, характерных для

¹³Тьерри Мейсан — сотрудник сайта Mondialisation.ca : <http://www.mondialisation.ca/index.php?context=va&aid=26788>, дата посещения 29.01.2012.

¹⁴Ив Гонзалес-Кижано, «Аль-Джазира»: От «арабской весны» к информационной зиме, <http://cpa.hypotheses.org/3093>

¹⁵Ив Гонзалес-Кижано, там же.

освещения ею событий в Тунисе и Египте. Мохаммед Эль Уафи пишет: «В действительности, «Аль-Джазира» освещала народные восстания в Бахрейне и акцентировала знаменательные события (...) Однако смелые и уничижительные комментарии, придававшие кадрам революционный оттенок («марка» канала), отсутствуют. Выбор лексики и тональность остаются крайне нейтральными. Вкратце, «Аль-Джазире» не хватает энтузиазма по отношению к революционерам Бахрейна»¹⁶.

Заключение

Каким бы ни было содержание дискуссий вокруг канала «Аль-Джазира», его нейтральной позиции или участия в так называемом заговоре против ряда режимов, а также о том, устанавливает ли он повестку дня, не имеющую ничего общего с профессией журналиста — в обоих лагерях можно встретить различные мнения — необходимо признать, что население арабских стран возложило на канал огромные надежды с момента его создания. Эти ожидания подтверждают тот факт, что канал отвечает этим потребностям и пользуется широкой поддержкой своей аудитории. С момента своего создания ему, по крайней мере, удалось стать символом значительной ударной силы, направленной против диктаторских режимов, цензуры и отсутствия свобод. Он стал «голосом безмолвных» и пространством для выражения противоположных мнений. Если не рассматривать вопрос о том, что канал «бросает наживку», чтобы привлечь к себе внимание, все доказывает, что работа журналистов канала зачастую вызвала восхищение своей точностью, настолько, что западные СМИ, которые нельзя заподозрить в снисходительности, начали цитировать «Аль-Джазире» как источник информации. Конечно же, ситуация не всегда так проста и очевидна. В этом смысле можно констатировать, что освещение «Аль-Джазирой» «арабской весны», какие бы сомнения ни высказывались, порождает больше ожиданий и увлеченности, чем замечаний и опасений.

Действительно, существует риск манипуляций или использования канала политическими силами — учитывая, что его финансирование в основном исходит от государства, и в этих условиях полная независимость от олигархии просто иллюзорна. Однако трудно поверить в то, что журналисты, создавшие репутацию канала, легко позволяют государству использовать себя для скрытого создания политической повестки дня.

Иначе как объяснить успех «Аль-Джазиры», в том числе и за пределами арабских стран? Несмотря на враждебность Вашингтона и многих арабских режимов, рискуя вызвать недовольство, каналу на протяжении последних лет удавалось показывать содержательную, разнообразную информацию о событиях по всему миру, чтобы соответствовать потребностям арабской аудитории. Отныне эта аудитория получает информацию обо всем мире, интересуясь событиями, происходящими не только в своей стране, но и за ее пределами, действительно стремясь разобраться в сложных

¹⁶Мохаммед Эль Уафи, «Аль-Джазира» потеряла революционный настрой в Бахрейне: <http://www.rue89.com/2011/04/13/al-jazeera-a-perdu-la-fievre-revolutionnaire-a-bahrein-199632>

актуальных проблемах и ощутить сопричастность себе подобным. С другой стороны, не стоит забывать, что в арабских странах традиционно считалось, что СМИ находятся под влиянием господствующего политического дискурса и, по мнению значительной части населения, не заслуживают доверия, так как неспособны адекватно обеспечить право аудитории на информацию.

Представляется, что репортажи «Аль-Джазиры» усиливают ее позицию, отражая становление новой журналистики, которую многие называют вовлеченной, даже воинствующей. Ее действия, несомненно, соответствуют ожиданиям все более многочисленной аудитории, жаждущей появления протестной журналистики. Верно и то (и этим можно объяснить увлечение значительной части населения арабских стран репортажами «Аль-Джазиры»), что эта новая динамика, позиционируемая как стратегия канала (он определяет себя как голос уязвленных и лишенных права высказываться в своей собственной стране), придаст новые силы интеллигенции. Вероятно, он создает, с одной стороны, возможность более глубокого понимания и, с другой стороны, пространство для выражения новых общих интересов. Слишком романтичное суждение? Слишком оптимистичное? В любом случае, время покажет, кто был прав — оптимисты или скептики, но весьма вероятно, что журналистика, основанная на воссоздании события, будет все сильнее привлекать значительную часть населения арабских стран, которая долгое время была исключена из любых публичных дискуссий. Ведь мы отныне присутствуем — и многие это приветствуют — при появлении множества новых участников, действующих в общественной сфере, особенно в сфере массовой информации, и намечающих путь для новой демократии.

Г.И. Мирский

«Арабская весна» между америкой и «аль-каидой»

Можно было бы сказать: «арабская весна между Сциллой и Харибдой». Ведь если подумать о том, какие внешние опасности могли угрожать тунисским и египетским революционерам, то приходит в голову, во-первых, американская и н т е р в е н ц и я на стороне правящих режимов. Сейчас, в свете того, что мы уже знаем о произошедшем, эта опасность кажется ничтожной, но ведь в момент, когда массы пошли на штурм опостылевшей власти, вполне могло показаться, что ее заокеанский союзник и покровитель не захочет примириться с крушением своих давнишних прочных бастионов; в первую очередь это относится, конечно, к режиму Мубарака.

Но могла быть (по крайней мере, гипотетически) и угроза «мягкого» американского вмешательства с целью перехватить, «похитить» (highjack) революцию, заслать своих людей в ее руководящие эшелоны, ввести движение в проамериканское русло, организовать широкое манипулирование им.

Во-вторых, была угроза резкой и экстремальной и с л а м з а ц и и революции, причем в данном случае мы производим это слово не от основы «ислам», а от основы «исланизм». Вечная путаница с этими близкими однокоренными понятиями привела к широкому распространению неверного и опасного термина «исламский терроризм», а борьба против исламистского терроризма — борьба неизбежная, длительная, предельно жестокая — часто изображается как исламофобия, атака на ислам.

Ни одна из этих угроз не материализовалась. Задача данной главы — рассмотреть: а) с чем политика США подошла к началу «арабской весны» и почему Вашингтон выбрал такой курс действий, а не иной, и б) с чем подошла к этим событиям транснациональная террористическая сеть, обычно ассоциирующаяся с названием «Аль-Каида» и с такими терминами, как салафиты-джихадисты.

Ближневосточная политика США от «Иракского фиаско» до «арабской весны»

В 1990-х гг. позиции США невероятно укрепились в результате двойного успеха: демонстрации американской военной мощи в ходе операции «Буря в пустыне» и достижения договоренности между Израилем и ООП в 1993 г. (знаменитая встреча «на лужайке» перед Белым домом, утвердившая соглашения Осло). Последнее десятилетие XX века было периодом беспрецедентного всплеска американского влияния на Ближнем Востоке и на мировой арене в целом. Могущество США достигло апогея: Советского Союза уже не было, Китай только начинал выходить из пропасти деградации, в которую его вверг маоизм, — способные противостоять американским интересам силы были ослаблены повсеместно. Ни до, ни после этого позиции США в мировой политике не были столь сильны. Казалось, наступил «Рах Americana».

Но это было лишь иллюзией. Последующее десятилетие ознаменовалось беспрецедентными сериями неудач и разочарований для американской политики. Конкретно на Ближнем Востоке это выразилось в неудаче всех попыток добиться оптимального для США варианта урегулирования израильско-палестинского конфликта, в иракском фиаско, в провале попыток предотвратить усиление Ирана и сорвать его ядерную программу, и наконец — в неспособности предвидеть ту цепь событий, которая получила название «арабской весны».

При правлении далекого от фундаментализма Билла Клинтона «ястребиные» тенденции, проявления того, что уже давно называют *arrogance of power* (у нас это переводят как «высокомерие силы»), не получили сколько-нибудь последовательного развития. Буш-младший подобрал себе такую команду, в которой тон стали быстро задавать «силовики»-унилатералисты — Рамсфелд, Чейни, Перл, Волфовиц. Они оттеснили на второй план «умеренного» госсекретаря Колина Пауэлла и привлекли на свою сторону Кондолизу Райс, которая, в конечном счете, Пауэлла на этом посту и сменила. Но даже в этих условиях «ястребы» вряд ли смогли бы развернуться. Помог фантастический «подарок», который преподнесли им боевики «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. Организованные Усамой бен Ладеном террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне оказались именно тем, что было нужно для того, чтобы на полных оборотах заработала машина унилатералистской силовой стратегии, предпосылки для которой созрели давно.

Ничто не могло бы дать в руки «унилатералистам» столь убедительных и веских аргументов, как развязанный исламистами террор. Им удалось убедить потрясенное и

ввергнутое в состояние паранойи американское общество в необходимости действовать в одностороннем порядке, не считаясь не только с ООН и с мировым общественным мнением, но даже со взглядами собственных союзников. Это проявилось не в операции по уничтожению «Аль-Каиды» и ее покровителей — талибов в Афганистане (такая операция после 11 сентября была естественной и неизбежной, ее осуществил бы и демократ Ал Гор, если бы он, а не Буш-младший стал президентом), а в начатой спустя полтора года интервенции в Ираке.

Было прекрасно известно, что Саддам Хусейн не имел отношения к 11 сентября, что из 19 террористов 15 были саудовцами, а иракцев не было вообще. Это не имело значения; прямо обвинить иракского диктатора в террористической акции было невозможно, но придумали другие предлоги, в первую очередь скрытые, — якобы запасы оружия массового уничтожения. В марте 2003 г. огромная военная машина была пущена в ход, чтобы уничтожить режим Саддама.

Известный английский журналист Джонатан Кук в своей книге «Израиль и столкновение цивилизаций» писал, что в январе 2004 г. бывший министр финансов США Пол О'Нейл поделился информацией о том, что меморандум с обоснованием необходимости подготовки к смене режима в Багдаде появился «почти с первого дня» функционирования администрации Буша и задолго до акции 11 сентября. Вторжение в Ирак обсуждалось на заседаниях Национального совета безопасности в январе и феврале 2001 г. А сразу после 11 сентября, как рассказывал впоследствии бывший командующий вооруженными силами НАТО генерал Уэсли Кларк, решение о вторжении в Ирак уже было утверждено в Пентагоне на основе указания президента¹.

Почему «ястребы»-унилатералисты избрали именно Ирак для реализации планов установления гегемонии США в регионе? Обычно считают, что дело в нефти, но на самом деле это лишь второстепенный мотив. Это не означает, что нефтяной фактор вообще не играл никакой роли. Напротив, мысли о нефти, вероятно, всегда присутствовали в головах тех, кто задумал интервенцию, но вовсе не в плане захвата нефтепромыслов и передачи их в руки американских компаний. Дело в другом: пока у власти в Багдаде оставался своеобразный и неуправляемый тиран, он всегда мог «испортить нефтяную картину» в регионе, нанести ущерб американским интересам — хотя бы тем, что, произвольно увеличивая или уменьшая объем экспортируемой иракской нефти, он мог влиять на уровень мировых цен на это сырье. Правда, после «Бури в пустыне» экспорт нефти из Ирака находился под международным контролем, но было ясно, что рано или поздно санкции ООН будут отменены, не говоря уже о том, что Саддам в обход санкций продавал некоторое количество нефти. Пока он правил в Багдаде, полной стабильности в ближневосточном «нефтяном хозяйстве» быть не могло.

Но это было лишь частью — и не главной — того вреда, который Саддам, по мнению Вашингтонских политиков, причинял США. Ведь багдадский диктатор фактически стал

¹Cook J. Israel and the Clash of Civilizations. London, 2008, p. 30, 158.

лидером «Арабского сопротивления»; этим термином обозначалось сформировавшееся после египетско-израильской сделки в Кэмп-Дэвиде в конце 1970-х гг. движение, имевшее своей целью всемерную и многоплановую борьбу «против империализма и сионизма». На переднем плане, естественно, находилась Организация освобождения Палестины, но основные силы «сопротивления», одним из лозунгов которого был «Похоронить Кэмп-Дэвид», были представлены Сирией и Ираком. Однако моральный авторитет сирийских баасистов был в немалой мере подорван тем, что в ходе «Бури в пустыне» Дамаск оказался в одном лагере с Соединенными Штатами. Смерть президента Хафеза Асада и провал попыток лидера ООП Ясира Арафата добиться образования палестинского государства в рамках «проекта Осло» привели к тому, что лидером «сопротивления» не мог стать никто, кроме Саддама, «бесстрашного бойца», бросившего вызов Америке и обстреливавшего ракетами Израиль.

Но был еще один фактор — идеологический: «принести демократию в арабский мир». Для «неоконов» это был важнейший аргумент. Пуская его в ход, они пытались убить двух зайцев: во-первых, парировать неуклонно нараставшие обвинения в адрес США, которые десятилетиями поддерживали реакционные, антидемократические, суперконсервативные арабские режимы, нарушающие права человека (лучший пример — Саудовская Аравия). И, во-вторых, привести к власти идейно близких к Америке и «продемократических» арабских лидеров, которых уже не надо было бы опасаться (ведь «демократии не воюют друг с другом»), и, более того, можно было бы выставить напоказ как представителей новой демократической волны арабских политиков. Если бы это удалось, Ирак стал бы моделью для всего арабского мира.

Все эти проекты оказались абсолютно иллюзорными и бессмысленными, построенными на песке. Иракские эмигранты-политики, на которых опирались и которым доверяли «неоконы», начиная с особенно популярного в Пентагоне Ахмеда Чалаби, оказались все как на подбор беспринципными авантюристами и интриганами, далекими от иракского народа и реальностей жизни. И то, что произошло после отлично проведенной военной операции, когда одна из сильнейших армий ближневосточного региона была уничтожена за три недели, будет долго вспоминаться в Америке как кошмар, как беспрецедентное фиаско. Можно только поражаться, до какой степени некомпетентности и абсолютного непонимания истории, традиций и менталитета иракского народа дошли чиновники из Пентагона, делавшие одну катастрофическую ошибку за другой, сумевшие за короткий срок восстановить против американцев не только сброшенных ими с вершин власти суннитов, но и шиитов, которым интервенция США впервые в их истории дала шанс занять достойное место в стране.

Неизбежная конфронтация между суннитами и шиитами обострилась до предела, когда в Ирак хлынуло со всех концов арабского мира второе поколение исламистов-джихадистов. Подобно их предшественникам, воевавшим в Афганистане против Советской армии в 1980-х годах, боевики «Аль-Каиды в Месопотамии» прославились своими зверствами. Объединившись с местными суннитскими партизанскими отрядами, они развязали жесточайший террор против шиитов, успевая в то же время наносить чувствительные удары

по американским войскам. Как писала известный американский специалист по ближневосточным проблемам Робин Райт, дело дошло до того, что в 2006 г. американские военные в закрытом документе признавались, что они уже не в состоянии военным путем победить «Аль-Каиду»².

По признанию бывшего главного политического советника, командующего оккупационными войсками в Ираке Эммы Скай, «в Соединенных Штатах поддержка войны таяла... Когда президент Буш предложил послать в Ирак дополнительный воинский контингент, Дж. Байден, тогда еще сенатор, выступил категорически против... Все изменилось, когда США смогли найти подход к дотоле враждебным вождям племен и кланов. В это время произошел тектонический сдвиг внутри суннитской общины, лидеры суннитского националистического восстания и «Аль-Каида» стали бороться за первенство... Сунниты поняли, что шиитские милиции одолевают их, и стали считать Иран большей угрозой, чем Соединенные Штаты»³.

Действительно, если кто и помог американцам избежать «вьетнамского позора» в Ираке, так это «Аль-Каида», своими бесчинствами по отношению к иракскому населению доведшая суннитских боевиков до того, что они решили: «Америка — это плохо, но «Аль-Каида» еще хуже». Образовалось движение «ас-Сахва» («Пробуждение»), в которое вошли десятки тысяч бойцов-суннитов, переменявших фронт и готовых вместе с американскими оккупантами выступать против своих единоверцев из «Аль-Каиды». Эти неожиданные союзники помогли американским войскам, усиленным свежим 30-тысячным контингентом, переломить ход войны. Таким образом, прибытие в Ирак арабских добровольцев — джихадистов оказалось «даром данайцев» для иракских суннитов, и Буш мог бы только поблагодарить Бен Ладена за то, что лидер «глобального джихада», сам того не желая, помог ему справиться с суннитскими боевиками (от рук которых вплоть до 2007 г. погибало 7 из каждых 10 американских солдат, убитых в Ираке).

Но это, разумеется, небольшое утешение для американских политиков, если говорить об иракской операции в целом. Баланс плачевный: погибло 4,4 тысячи военнослужащих, затраты на войну составили 748 млрд. долларов. Устранение главного врага Ирана — Саддама Хусейна открыло тегеранским правителям доступ на Арабский Восток. Именно американская интервенция в Ираке создала условия для превращения Ирана в регионального тяжеловеса.

Если оценивать итоги американской интервенции, то можно сказать, что хотя непосредственным национальным интересам США нанесен серьезный ущерб (в первую очередь именно вследствие резкого усиления позиций Ирана, ставшего лидером регионального «сопротивления» и оплотом всех антиамериканских сил), то в каком-то более глубоком плане иракское фиаско оказалось благом для Америки. Потерпела жестокое поражение вся концепция «унилатерализма», при президенте Обаме «неоконы» сметены с политической арены. Горький и жестокий урок! И не случайно министр обороны США

²Wright R. Rock the Casbah. Rage and Rebellion Across the Islamic World. P. 60.

³Sky E. Iraq, From Surge to Sovereignty. Foreign Affairs, March / April 2011, p. 118, 119.

Роберт Гэйтс, покидая свой пост, сказал: «Любого будущего министра обороны, который посоветует президенту вновь послать большую сухопутную американскую армию в Азию или в Африку и на Ближний Восток, нужно будет отправить на психиатрическое обследование»⁴.

Этот экскурс в историю ближневосточной политики США в «нулевые годы» понадобился для того, чтобы уяснить, в каком состоянии оказалась администрация Обамы к моменту, когда неожиданно грянула «арабская весна». Главным испытанием, естественно, стал Египет. Администрация могла выбрать один из трех вариантов поведения:

поддержать старого испытанного союзника, исходя как из принципиальных соображений («своих не сдавать»), так и из четкого понимания того, что ничего лучше режима Мубарака для США уже не будет;

занять позицию строгого нейтралитета в соответствии с международным правом, запрещающим вмешательство во внутренние дела других стран;

поддержать антиправительственные протестные выступления и тем самым способствовать краху режима Мубарака.

Барак Обама выбрал третий вариант — самый правильный.

Полтора года подряд американского президента за это критикуют, высмеивают — повсюду, в том числе с особым рвением у нас. А уж антиамериканские демонстрации, связанные с фильмом «Невинность мусульман», придали особый размах этой кампании. Люди не понимают или не хотят понимать, что не руководители Египта и Ливии организовывали погромы и убийства, а как раз наоборот — те «ультраэкстремистские» салафиты, которые, спекулируя на законном и вполне ожидаемом возмущении широких масс, намерены сорвать ту разумную и умеренную политику, которые эти руководители проводят. Под «разумной и умеренной политикой» подразумевается прежде всего отказ египетских «Братьев мусульман», на которых лежит ответственность за судьбу дошедшей до экономического коллапса страны, руководствоваться в своей практической государственной деятельности принципами ортодоксального исламизма. Никакой борьбы за радикальную перестройку нравов, никаких отдельных пляжей для мужчин и женщин (а иначе кто поедет отдыхать, конец туризму), никакого денонсирования Кэмп-Дэвидских соглашений и разрыва дипломатических отношений с Израилем и т.д. Нужны кредиты, нужны инвестиции.

И отношения с Западом в своих принципиальных параметрах существенно не изменились. Налаживается сотрудничество. А почему это стало возможным? Да только потому, что Барак Обама вовремя сообразил, что Мубарак — это уже издыхающая лошадь, ее не спасешь. Тем, кто считает, что «глупые и беспринципные американцы кинули Мубарака», хочется задать вопрос: а что конкретно мог сделать Обама, если бы он ринулся защищать прогнивший, ненавистный народу режим? Когда на площади Тахрир стоял и не расходился один миллион человек, и даже египетские военные, обладавшие у себя в стране реальной вооруженной силой, осознав, что все бесполезно, вынуждены были сказать своему

⁴Foreign Affairs. September / October 2011, p. 171.

главнокомандующему: «Страна погибает, уходи!» — как бы американцы могли изменить ход событий? Почему-то многие обозреватели «не заметили» одного простого, но важнейшего обстоятельства: прошли, и, видимо, навсегда прошли времена, когда Вашингтон мог по своему усмотрению ставить и убирать правителей в странах Востока.

Барак Обама не мог не помнить того жуткого положения, в которое попал один из его предшественников, Джими Картер, когда в Иране разразилась «исламская революция». Госсекретарь Вэнс ратовал за попытку найти какой-то компромисс, советник по национальной безопасности Бжезинский — за то, чтобы помочь шаху беспощадно подавить волнения. Картер занял промежуточную позицию (худшую из возможных) и все проиграл. Хомейни и его люди, исламские революционеры, не простили Америке даже половинчатую поддержку шаха, и с тех пор отношения между двумя державами неуклонно становятся только хуже. Мог ли Обама, особенно в момент беспрецедентного падения влияния США на Ближнем Востоке после иракского фиаско, рисковать еще и отношениями с Египтом, «головой арабского мира», страной, которая — и это было ясно с первых дней выхода масс на Тахрир — при новом руководстве будет восстанавливать лидерские позиции в арабском мире?

Я знаю людей, которые до сих пор не в силах поверить, что в одной арабской стране за другой, как по команде, как по одной программе, «под копирку» прошли одинаковые выступления, массовые и спонтанные. «Так не бывает, все было подготовлено и расписано». Где? Понятно где, в Госдепе, где же еще. На этом предположении строятся бредовые концепции «управляемого хаоса», запланированной Вашингтоном «смены арабских лидеров», даже — страшно подумать! — грандиозного проекта создания альянса США с исламистами, направленного против России и Китая.

Мне слышать это прежде всего ужасно смешно. Я девять лет проработал в Штатах, был знаком и с Бжезинским (он приходил слушать мою лекцию), и с Полом Нитце, и с Лоуренсом Иглбергером, и со многими другими, включая Сэма Льюиса, моего бывшего шефа в Институте мира в Вашингтоне, ставшего впоследствии ни много ни мало начальником отдела планирования политики в Госдепе (уж он-то много чего рассказал). При всем желании не могу себе представить, чтобы чиновники Госдепа (горизонт которых всегда ограничен восемью годами двух президентских сроков) замыслили предложить начальству грандиозные авантюристические проекты устранения арабских лидеров и замены их исламистами. Результатом был бы немедленный конец карьеры; подобные дикие фантазии — для ученых в многочисленных think tanks, а не для бюрократов.

Внешнеполитическая, дипломатическая бюрократия — это при всей специфике деятельности в сфере международных отношений — все равно бюрократия par excellence. У нее свои незыблемые прочные каноны, свои «священные коровы», свои «красные черты», пересекающие которые никому не дано. Смелым, парадоксальным, авантюристическим идеям здесь места нет. (Можно ли себе представить, что в нашем внешнеполитическом ведомстве кто-то всерьез предложил бы взять курс на замену нынешних руководителей центральноазиатских республик исламистами, исходя из того, что рано или поздно они все равно захватят власть, но кровавым путем, так лучше все это «предвосхитить»?)

Американская дипломатия не может не ставить во главу угла такие «двухпартийные императивы», как обеспечение безопасности Израиля и борьба с международным терроризмом. Поэтому альянс с «Аль-Каидой» и родственными ей организациями исключен по определению — хотя бы потому, что это несовместимо с интересами Израиля и Саудовской Аравии, и здесь уже ни один самый «новаторски настроенный» дипломат не посмеет высунуться с идеями, противоречащими незыблемому курсу на поддержку именно этих двух краеугольных камней ближневосточной политики США. А вот нащупывать пути сотрудничества с «Братьями-мусульманами» — почему бы и нет? Кто сказал, что исламисты — это всегда кровожадные фанатики и борцы за воссоздание Халифата? Во всяком случае, в Вашингтоне правильно рассудили, что, оказавшись у власти и ощущая непомерно тяжелый груз ответственности за деградирующую экономику, умеренные исламисты предпочтут засунуть в задний карман воинственную и пуританскую идеологию и заняться делом. А это означает — исходить из того, что нужно возрождать туризм, получать кредиты из-за рубежа, звать, приглашать иностранных инвесторов. Но ради этого придется чем-то жертвовать, отказаться от введения шариата в его максималистском значении, близком к мракобесным установкам «Аль-Каиды» или «Талибана». Именно по этому пути и идет новое египетское руководство во главе с Мурси.

И такое видоизмененное, но все же уцелевшее, сохранившееся сотрудничество между Западом и лидерами «арабской весны» стало возможным благодаря как реализму администрации Барака Обамы, так и тому обстоятельству, что мощные народные протесты в Египте и Тунисе были не инспирированы из-за рубежа, а порождены внутренними факторами, стали выражением давно назревшего массового недовольства. Люди сказали: «Надоело! Не верим! Не боимся!» — вот и все. Не было — по крайней мере, в тот момент, когда манящий призрак свободы вдруг замаячил на горизонте — никаких классовых, националистических, антиамериканских или антиизраильских лозунгов. Это была революция не классовая, антиимпериалистическая или религиозная, а транссоциальная, транснациональная, трансконфессиональная. Другое дело, что потом все пошло как обычно, как везде: революцию начинают одни, а перехватывают другие...

А те, кто поражается, каким образом все у арабов пошло как под копирку, не понимают, что арабский мир — это все же одна семья, пусть ее члены живут в разных квартирах и никогда не образуют единого государства. Язык, культура, менталитет — разве этого недостаточно, тем более в наше время, когда благодаря Интернету все моментально становится известным?

Взлет и упадок джихадизма

Создатель и руководитель первой в истории глобальной террористической организации Усама Бен Ладен был убит американским спецназом 2 мая 2011 г. Этот день останется второй важнейшей датой в кровавой летописи «Аль-Каиды», возможно, знаменующей начало

ее упадка. Первой датой и апофеозом деятельности этой организации было, безусловно, 11 сентября 2001 г. — «благословенный вторник», как его называют сами исламисты, день «операции Манхэттен», акции, жертвами которой стали 2973 человека: 2749 — в Международном торговом центре, 184 — в Пентагоне и 40 — в самолете, упавшем в Пенсильвании⁵.

Сразу же было установлено, что акт — дело рук «Аль-Каиды». ЦРУ, «прозевавшее», по общему мнению, подготовку террористов к акции, оперативно сработало постфактум. Президент Джордж Буш-младший, естественно, потребовал от правительства афганского эмирата выдать лидеров «Аль-Каиды», а когда руководитель Талибана Мулла Омар отказался это сделать, начал военную операцию, целью которой стала уже не только поимка главарей террористической организации, но и ликвидация бывшего им убежище режима «Талибана».

Первоначально Бен Ладен не объявил об ответственности «Аль-Каиды» за события 11 сентября по понятной причине: если бы он это сделал, американская военная кампания в Афганистане выглядела бы как вполне закономерный акт возмездия — «око за око». Любому мусульманину именно так бы это и расценил. А надо было, чтобы весь исламский мир воспринял вторжение Америки в Афганистан как неспровоцированную агрессию под совершенно надуманным предлогом и поднялся бы на борьбу с «неверными».

Впоследствии этот мотив перестал быть актуальным: «Талибан» все равно уже был свергнут и никакого всеобщего восстания мусульман в мире не произошло. В своем обращении к мусульманскому сообществу 14 февраля 2003 г. Бен Ладен превозносил акцию 11 сентября как «смелую и великолепную операцию, равной которой человечество еще не видело», и отметил, что «были разрушены идолы Америки... удар был нанесен в самое сердце министерства обороны и по американской экономике»⁶. Еще откровеннее он высказался 29 октября 2004 г. в обращении, транслировавшемся радиостанцией «Аль-Джазира»: «Мы будем изматывать Америку, пока она не обанкротится... Например, «Аль-Каида» затратила на операцию 11 сентября 500 тыс. долларов, в то время как Америка потеряла в результате этого события и его последствий 500 млрд. долларов; значит, каждый доллар «Аль-Каиды» победил миллион долларов»⁷.

«Аль-Каида» называет акцию 11 сентября «Операцией Манхэттен» и расценивает ее как «жемчужину истишхада» (этот термин, имеющий тот же корень, что и «шахид», означает самопожертвование, мученичество во имя веры). Исламисты каждый год отмечают годовщину этой операции. Съезд движения «Мухаджир» (его центр находится в Англии) в 2003 г. проходил под лозунгом «The Magnificent Nineteen» («Великолепные 19») столько было террористов, по аналогии со знаменитым фильмом «Великолепная семерка». Исламисты гордятся этой акцией, как героическим подвигом.

Давно уже нет никакого сомнения в подлинных целях операции 11 сентября: устроить широкомасштабную провокацию, которая сделала бы неизбежной военный удар США по

⁵9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States. July 22, 2004. Washington. Notes to chapter 9, №188.

⁶Riedel B. The Search for Al-Qaeda. Its Leadership, Ideology, and Future. Washington, 2008, p. 109.

⁷Kepel G. Al-Qaida dans le texte. Paris, 2008, p. 101.

одной из мусульманских стран. План Бен Ладена был смелым и в то же время логичным. Первый этап — мощный, беспрецедентный террористический удар в самое сердце главной державы «мира неверных». Ни один руководитель ни одного государства не может оставить это без ответа; возмездие неизбежно, и оно-то как раз и желательно для террористов. Второй этап: интервенция Запада в одну из мусульманских стран, затяжная война с бомбежками городов, во время которой телевидение будет непрерывно показывать окровавленные трупы мусульманских женщин и детей, и мусульмане всего мира будут доведены до белого каления, возмущены до глубины души зверствами империалистических захватчиков. Третий этап: поскольку связанные с Западом (даже «продавшиеся ему») правительства стран исламского мира неспособны по определению на решительный воинственный отпор интервентам, массы поднимаются против этих правительств. Революции или, по крайней мере, бунты против «нечестивой власти», смена режимов в таких ключевых странах мира ислама, как Пакистан, Саудовская Аравия, Египет, Иордания. Установление власти исламистов — триумф джихада.

Первая половина плана удалась безупречно. Как и было задумано, акция, во-первых, потрясла американское общество и, во-вторых — что гораздо важнее — привела к американскому вторжению в Афганистан. Но дальше все вышло не так, как было задумано. За считанные недели американцы с помощью Северного альянса выгнали талибов из большей части Афганистана, никаких бомбардировок городов не потребовалось, никакие тысячи жертв так и не появились на экранах телевизоров, исламский мир не «разогрелся», не возмущился и не поднялся против агрессоров и их пособников, нечестивых правителей мусульманских государств. Главная цель грандиозной провокации так и не была достигнута.

Но уже через пару лет, отдохнув и перевооружившись, талибы начали свое «возвращение» в Афганистан, и последовала новая фаза войны, которую на этот раз не ожидали уже американцы — войны, продолжающейся до сих пор.

Брус Ридел, один из лучших знатоков «Аль-Каиды» в мире, по роду своей деятельности в антитеррористическом подразделении ЦРУ, так описывает замысел лидеров «Аль-Каиды»: «Три ключевые задачи — начать и поддерживать “горячие войны”, которые позволят победить Соединенные Штаты так же, как моджахеды победили Советский Союз; создать безопасное убежище в Пакистане для оперативного штаба “Аль-Каиды”, образовать ячейки по всему исламскому миру с целью свержения проамериканских режимов, проводить новые “рейды” против Запада наподобие акциям 11 сентября...когда-нибудь, возможно, и с применением атомного оружия. Конечная цель — изгнать США из мусульманского мира (из уммы), уничтожить Израиль и создать джихадистский халифат наподобие Османской империи времен ее наивысшего подъема»⁸.

Но для этого недостаточно было просто образования «ячеек» в тех или иных регионах; нужна была мобилизация самоотверженных, готовых стать шахидами молодых людей везде, где только можно. Акции смертников становились главным оружием, это должно было

⁸Riedel B. Op. cit. p. 11.

стать оружием посильнее, чем атомная бомба врага. Ультрасовременная технология должна быть побеждена силой веры. Сверхоружию противопоставлялась сверхсамоотверженность. «Мы счастливы умереть во имя Аллаха так же, как вы счастливы, что живете», — неоднократно заявлял Бен Ладен западным «крестоносцам». Земля должна была запылать под ногами «неверных» всюду, и на тех исламских землях, которые они незаконно захватили — от Палестины и Ирака до Андалузии и Чечни и внутри их собственных стран. Цена этой нестихающей постоянной войны должна была оказаться для «крестоносцев» чересчур высока, и тогда они уйдут из исламских земель, как ушел Советский Союз из Афганистана, и бросят на произвол судьбы своих презренных ставленников, королей и президентов, и поле будет расчищено для торжества идей Халифата.

Джихад, как и любая «священная война», должен иметь своим фундаментом некое великое, святое дело, то, что на английском языке называется коротко: cause. Защита ислама от «неверных» — это в принципе как раз такая cause, но в слишком общем, абстрактном виде она может подвигнуть на героический подвиг, на самопожертвование только фанатиков из числа салафитов и джихадистов. Их, однако, в общей массе мусульман — ничтожное количество. Для более широкого слоя верующих абстрактную генеральную идею надо поддерживать, «подпитывать» соответствующим толкованием конкретных ситуаций в сфере реальной политики. Мобилизовать тысячи и тысячи добровольцев-джихадистов по всему свету — то же самое «Аль-Каиде» никогда не удалось бы, если бы не конкретные политические ситуации, которые, по мнению этих «рассерженных молодых людей», подтверждали правоту идеи о необходимости силой, великим напряжением воли противостоять врагам ислама. Речь идет прежде всего о Палестине, Афганистане и Ираке.

Сообщалось, например, что после вторжения Буша-младшего в Ирак в 2003 г. центры вербовки шахидов в Западной Европе буквально захлестнули потоки добровольцев, численность новых рекрутов «Аль-Каиды» выросла в 30–40 странах. И в тех видеообращениях, которые террористы оставляли для прочтения после своей смерти, фигурировали именно конкретные «обиды», нанесенные исламу со стороны прежде всего США и Великобритании, особенно в Ираке. И если бы можно было спросить этих людей, за что именно они готовились отдать свою жизнь, скорее всего, они сказали бы не об «избавлении исламского сообщества от пагубного влияния нечестивой западной культуры» и не о «возрождении Халифата», а о «возмездии захватчикам за унижение, причиненное делу ислама и всему мусульманскому сообществу в Ираке, Афганистане и Палестине».

«Аль-Каида» хлынула в Ирак уже сразу после американо-британской интервенции, придя на помощь суннитским боевикам. В октябре 2006 г. джихадисты объявили о создании исламского государства Ирак. Решено было таким образом объединить «Аль-Каиду» с местными суннитскими группировками боевиков, придать «суннитскому сопротивлению» более иракский характер, ведь одной из причин роста недовольства местных суннитов было именно то, что в «Аль-Каиде» воевали арабы из других стран, внедрявшие в Ираке свои бесчеловечные методы ведения борьбы.

Как писал Жан-Пьер Филью, «Аль-Каида в Ираке» «оказалась низведенной до роли машины, фабрикующей “такфир”, то есть подвергающей анафеме своих же единоверцев, которых обвиняют в отступничестве от веры, чтобы удобнее их ликвидировать»⁹.

«Аль-Каида в Ираке» переиграла сама себя. Ее зверства, практиковавшиеся акции смертников, при которых гибли масса простых жителей, ее стремление насаждать самые бесчеловечные и мракобесные нормы шариата, наконец, ее попытки отобрать у шейхов суннитских племен выгодный канал контрабандной торговли — все это привело к тому, что значительная часть суннитских боевиков-иракцев повернулась против пришельцев. Союзники стали врагами, суннитские боевики вступили в альянс с американцами. Это вовсе не означает, что «Аль-Каида в Ираке» примирилась с поражением. Взрывы и расстрелы продолжаются.

Но, вероятно, глядя на результаты деятельности своего детища, Бен Ладен ощущал растущее разочарование. Что, собственно, было достигнуто после 11 сентября? Главный замысел самого знаменательного в истории террористического акта так и остался неосуществленным: никаких революций, никакого свержения власти «нечестивых правителей», никакого «изгнания крестоносцев» из мусульманских земель так и не произошло. Удалось на какое-то время, с помощью американского президента, превратить Ирак во вторую после Афганистана базу «Аль-Каиды», но все кончилось банально и неудачно. Ирак становится обычным государством, далеким от идеалов исламизма. Власть делится в той или иной пропорции между алчными, грызущимися друг с другом суннитскими и шиитскими группировками. В международном плане новый режим зависит от США и Ирана — двух держав, которые ярый ваххабит Бен Ладен ненавидел и презирал.

Какие-то стабильные ячейки удалось создать лишь во второстепенных, маргинальных странах исламского мира — Афганистане, Йемене, Сомали. Но подорвать хоть сколько-нибудь могущество и влияние саудовской монархии джихадисты не смогли. Даже склоняющийся к салафизму режим Судана отмежевался от «Аль-Каиды». В Алжире исламисты прославились лишь чудовищными зверствами, но к власти так и не пробилась. А Пакистан вообще оказался сплошным разочарованием, переменяв фронт в самый критический момент и сделав все, чтобы восстановить пошатнувшийся было альянс с Вашингтоном. В Палестине исламисты, правда, дали бой Израилю, устроили «интифаду», а затем победили на парламентских выборах, проходивших на Западном берегу и в Газе, но какие это исламисты? ХАМАС, то есть те же «Братья-мусульмане», с которыми у «Аль-Каиды» нет не только союза, но даже взаимопонимания по принципиальным вопросам.

А что дали многочисленные террористические акты в Европе, Африке, Азии? Убито совсем небольшое количество военнослужащих западных стран, сотни мирных жителей, но по большому счету это ведь ничего не дает в плане изменения расстановки мировых сил в пользу ислама. Со «второй сверхдержавой», Соединенными Штатами, не удалось справиться так, как это, по мнению Бен Ладена, получилось с Советским Союзом. А широкое применение тактики акций смертников-шахидов, даже продемонстрировав всему миру волю и

⁹Filiu J.-P. Les neuf vies d' Al-Qaeda. Paris, 2009, p. 206.

фанатизм джихадистов, имело и контрпродуктивные последствия. Если сначала казалось, например, что чуть ли не все мусульмане Западной Европы поддерживают такие действия, то последующие опросы показали, что в Англии акции смертников одобряют всего 4% мусульман. И хотя 87% египтян в 2008 г. одобряли стремление «Аль-Каиды» заставить американцев вывести войска из мусульманских стран и прекратить поддерживать Израиль, 74% опрошенных в Египте считали, что акция 11 сентября имела негативное значение для мусульманского мира. В Саудовской Аравии в 2007 г. положительное отношение к «Аль-Каиде» высказали лишь 10% опрошенных.

Если вернуться к судьбе джихадистского движения в глобальном плане, то можно заметить, что кадры для него поставляет интеллигенция (или, можно сказать, профессиональная часть среднего класса), в общем как раз та категория общества, которая стала зачинщиком «арабской весны». Очень симптоматично, что именно джихадистских, сугубо исламистских лозунгов на площадях слышно почти не было. Наблюдатели удивлялись — что же это такое, начинается народный бунт, а «Аль-Каиду» не видно и не слышно?

Исламовед с мировым именем, крупнейший знаток исламизма Оливье Руа, еще 20 лет тому назад предсказавший «провал политического ислама», в своей недавней статье, опубликованной в *Journal of Democracy*, утверждает, что «Аль-Каида» — «это вчерашние новости, часть старой антиимпериалистической политической культуры, которую Арабский Ближний Восток сейчас уже оставляет за собой»¹⁰.

Дело ведь еще и в том, что у людей нет представления, как могут исламисты управлять современной страной. Кардинальная слабость не только «Аль-Каиды», но и всего джихадистского движения заключается в том, что у него нет проекта, нет взгляда в будущее. Понятно, что «возвращение к чистому исламу праведных предков» — это не программа действий для XXI в. А имеющиеся примеры на тему «исламисты во власти» (хотя бы Талибан), кроме ужаса и отвращения, ничего вызвать не могут. Есть, конечно, и несравненно более «мягкая» модель — власть исламистов в Иране, Газе, но и там не удалось создать ничего похожего на «успешное исламское государство».

Там, где исламисты одержали победу на выборах (Египет, Тунис), в их программах не видно ничего нового, сенсационного; все те же тезисы о запрещении алкоголя, поощрении ношения хиджаба и прочих мелких элементах «шарификации». Идут разговоры о «халяльном туризме», но это выглядит вообще как детский сад: как пишет Оливье Руа, «с какой стати богатые саудовцы променяют Марбеллу или Бейрут на халяльный Шарм-аш-Шейх, находящийся всего в нескольких милях от их собственных пуритански управляемых пятизвездочных отелей?»¹¹

В среде мусульманской интеллигенции неизбежно возникает мучительная двойственность. Образованные молодые люди, знакомые с Интернетом и соответственно с жизнью в «остальном мире», оказываются перед ужасным выбором: либо отказ от антизападного бунта, от лозунгов борьбы за самобытность исламского общества, за избавление его от

¹⁰Olivier Roy. The Transformation of the Arab World. *Journal of Democracy*, №3, July 2012, p. 9–11. Roy, op. cit., p. 16.

¹¹Ibid.

зловредного влияния чуждой культуры вчерашних колонизаторов, либо молчаливое согласие с тем, что в результате такого бунта в конечном счете власть попадет в руки извергов типа талибов.

И можно полагать, что очень многие представители «нового поколения» будут стараться найти третий путь, позволяющий сочетать сохранение культурной самобытности, ценностей традиционного общества с усвоением лучших достижений демократической политической культуры, даже если они исходят от малосимпатичного Запада. Трудно представить себе в этих условиях мощный, единый, безоглядный антизападный порыв, ведущий к реальному, глобальному столкновению цивилизаций. Но именно столкновение цивилизаций и есть квинтэссенция деятельности «Аль-Каиды», центральный, пусть и не сформулированный в таких выражениях, пункт ее программы.

Стоит еще раз процитировать Оливье Руа: «Оторванный от корней глобальный джихадист больше не является моделью для молодых активистов... “Исламский” электорат в Египте или Тунисе сегодня — это не революционный, а консервативный электорат. Он хочет порядка. Он хочет лидеров, которые заведут мотор экономики и будут исповедовать традиционные религиозные ценности. Он не готов ринуться в возрождение Халифата или создание исламской республики... Протестные движения в Египте и Тунисе были сформулированы не всеобъемлющей идеологией (как в Иране в 1979 г.), а идеалами демократии, плюрализма и хорошего правления. Не было ничего подобного иранской революционной или идеологической динамике. Характерно, что так и не появилось культа харизматичного «сильного человека»¹².

Конечно, насчет демократии, идеи которой вдохновляли «арабскую весну» — это вопрос сложный и спорный. Какой процент населения представляли «люди Тахира», сторонники демократии в западном смысле слова? Что знают о демократии феллахи? Пока что на многие вопросы ответов нет. Но можно утверждать одно: алармистское представление о том, что сейчас начнется неукротимое движение к Халифату, что будущее стран, переживших «арабскую весну», будет вырисовываться как нечто среднее между режимами «Талибана» и Ахмадинежада, не находит убедительного подтверждения. И нельзя исключать, что когда-нибудь именно «арабскую весну» будут считать вехой на пути установления демократии — разумеется, демократии с арабским и исламским лицом.

¹²Roy, op. cit., p. 9, 14.

О.В. Павлов

Причины альянса Запада и радикального ислама

Еще пару лет назад образование подобного альянса казалось неправдоподобным и нежелательным ни для той, ни для другой стороны. США вели жестокую войну с «Аль-Каидой», сражались с талибами, воевали с терроризмом, в том числе и в исламской оболочке. Исламские партии строили свою политику на антиамериканизме и антизападничестве в целом, призывая к решению всех проблем на метафизической основе Корана и сунны.

Сегодня же, более чем полтора года спустя после начала смуты в арабском мире, напыщенно названной Западом «арабской весной», существование такого альянса практически не нуждается в доказательствах. При этом оно все равно выглядит уродливым и малопонятным явлением. Взрыв возмущения в исламском мире, вызванный появлением в интернете в середине сентября 2012 г. фильма «Невинность мусульман» (в другой редакции «Невиновность мусульман»), убийство 11 сентября того же года посла США в Бенгази Кристофера Стивенса вновь продемонстрировали противоестественность «дружбы» Запада с радикальными исламистами. Попробуем разобраться в этом явлении, хотя пока окончательных ответов дать еще, думается, нельзя.

Для тех, кто не знаком с темой, отметим, что даже тогда, когда к власти в Тунисе и Египте в 2011 году стали приходиться радикальные исламисты, еще недавно считавшиеся как в самих этих странах, так и на всем цивилизованном Западе террористами, дипломаты и политики в США и ЕС твердили, что, дескать, речь идет о «естественном процессе», что ислам

переболеет радикализмом как ветрянкой, исламисты под давлением взятых ими на себя в ходе электорального процесса обязательств «остепенятся», примирятся с существованием оппозиции, станут придерживаться норм и правил западной демократии. Акцент делался на том, что исламские силы радикального толка приходят во власть законными методами, а поэтому и бояться-то особенно нечего. Это все равно лучше, чем застой при прежних диктаторах. Короче говоря, цель ничто, а движение к демократии — всё.

И это притом, что нарисованная яркими красками западных политалхимиков благостная картина начала рассыпаться уже вскоре после начала событий в Сирии весной 2011 г., когда западные государства, прежде всего Франция и Великобритания (не без содействия США), оказали активную помощь Турции, Саудовской Аравии и Катару в свержении «диктаторского» режима Башара Асада. До этого Запад вяло и без особого негодования «пропустил» объявление шариата основой законодательства в Ливии. Так же вяло он реагирует на наступление салафитов и других радикалов на властные структуры в Тунисе. Бурные протесты во Франции в связи с разрушением в июле 2012 г. мавзолеев мусульманских святых в Тимбукту пришедшей из Ливии и близкой к «Аль-Каиде» салафитской группировкой «Ансар ад-дин» в Мали как-то уж очень быстро стихли и от порыва направить туда свои войска мало что осталось — протесты и «заламывание рук» в ЮНЕСКО.

Причем любому эксперту и специалисту по Сирии давным-давно известно, что в этой стране, точно также как это было в Египте, никакой другой хорошо организованной оппозиции режиму, кроме «Братьев-мусульман», не существует. Сирийские «Братья» уже более тридцати лет в условиях глубокого подполья готовили и проводили акции преимущественно террористического порядка против власти алавитов, но особого успеха до последнего времени не добивались. Об их идеологии и действиях ярко написал в рупоре французских правых, газете «Фигаро» за 6 сентября 2012 г., известный специалист и бывший разведчик высокого ранга Ален Шуэ (Alain Chouet). Суннитское большинство, даже будучи не во всем довольным режимом Б. Асада, долгое время считало, что им с такими радикалами не по пути. Да и многоконфессиональное общество в Сирии было в значительной мере более светским, чем во многих арабских странах, хотя в девяностые годы там стали развиваться процессы исламизации среди суннитов, что уже на том этапе вызывало серьезные опасения у других конфессий, прежде всего у христиан, которые стали расширять районы своего компактного проживания, в том числе вокруг Сидная.

Знали об этом, естественно, и главные западные спонсоры повстанцев в Сирии, и помогающие им вышеупомянутые региональные игроки, которые либо дают приют радикалам (туркам, кстати, делать это не впервой — они так поступали еще в отношении чеченских террористов), либо снабжают боевиков деньгами и оружием, которое обильно потекло из разграбленных после свержения М. Каддафи складов в Ливии.

Однако понимание того, кто правит бал в разношерстной и раздробленной сирийской оппозиции, западных спонсоров не остановило. Вашингтон лишь предпринял неуклюжую попытку замаскировать помощь вооруженным боевикам в Сирии, направив в Турцию специалистов, которые якобы должны «фильтровать помощь» и не допускать ее попадания

в руки «Аль-Каиды». Отметим, что отнюдь не для того, чтобы она не досталась «Братьям-мусульманам», которые каким-то мистическим образом были записаны в стан «демократов». Опять же ни для кого не секрет, что в последние месяцы — практически с весны 2012 г. — идет масштабная радикализация базы повстанцев, которая все меньше ориентируется на либеральные лозунги Сирийского Национального совета и даже руководства Сирийской свободной армии. Но это ничего не меняет в политике западных стран. Помощь Запада все равно продолжает поступать радикальным исламским группам.

Некоторые специалисты в России, такие как, например, Ш. Султанов (газета «Завтра», 12.09.2012), выдвинули версию, что поддержка «Братьев-мусульман» Западом связана с тем, что политический ислам является на сегодня по сути дела безальтернативной политической силой, а сами «Братья» — наиболее умеренными из всего спектра исламских организаций.

Объясняя, почему Вашингтон делает ставку на, как он выражается, «умеренных фундаменталистов»(?!), Ш. Султанов выделяет четыре фактора: во-первых, именно «Братья-мусульмане» являются наиболее яркими выразителями тренда усиления исламизации в этом регионе, обладают развитой оргструктурой и у них — мощная социальная поддержка и опыт длительной политической борьбы.

Во-вторых, считает он, американцы стремятся в стратегическом плане именно при помощи «Братьев» остановить дальнейшую радикализацию «исламского возрождения», не допустить в рамках разворачивающейся революционной спирали прихода к власти крайних салафитов, джихадистов и такфиристов.

В-третьих, по его мнению, американские стратеги делают ставку на возможность использования потенциала «Братьев-мусульман» для противодействия расширению регионального влияния Исламской Республики Иран.

Наконец, в-четвертых, страны, где «Братья» приходят к власти, тесно привязаны к глобальной системе, созданной и руководимой США. Поэтому американцы, мол, обладают механизмами и возможностями соответствующего влияния.

К сожалению, как представляется автору, этот анализ верен лишь отчасти. Если начать с конца, то действительно, у США есть возможности влияния на «Братьев-мусульман», хотя они и не безграничны. Нельзя, наверное, отрицать тот факт, что американские планировщики хотели бы использовать их для сдерживания Ирана, но опять же, если они так думают, то либо чрезвычайно наивны, либо у них действительно есть мощнейшие ресурсы воздействия на «Братьев-мусульман», что, как мы только что заметили, достаточно сомнительно, хотя и общеизвестно, что М. Мурси, новый президент АРЕ, долгое время учился в США.

Что же касается двух первых аргументов Ш. Султанова, то тут, полагаю, спор может выйти очень серьезным. То, что «Братья-мусульмане» являются мощной трансграничной и транснациональной организацией, использующей принципы работы западных масонских обществ и созданной не без поддержки западных (британских) спецслужб, еще не означает, что США должны делать ставку на нее. Для этого должно быть, в первую очередь, совпадение целей и задач, а это в нашем случае далеко не является фактом. Иначе США и старые

западные колониальные державы в советское время поддерживали бы арабских националистов в качестве самой влиятельной силы на тот период в регионе. Но этого не произошло, поскольку цели и задачи не совпадали. Поэтому сам факт влиятельности «Братьев-мусульман» не является основанием для их союза с США.

Что касается второго тезиса, то он в глазах практиков-ближневосточников также выглядит достаточно сомнительным. Да, идеологические разногласия между «Братьями-мусульманами» и салафитами имеют место быть. «Братья» действительно более прагматичны и даже циничны в достижении своих целей, они часто маскируют их под якобы общедемократические. В целом ими хорошо усвоен либеральный дискурс плюралистической демократии, и он активно используется для привлечения на свою сторону как западных, так и автохтонных либеральных элит. Создаваемые ими партии и группировки могут носить самые разные названия — ХАМАС, «Партия свободы и справедливости» и т.п. Но это отнюдь не означает, что между ними и салафитами, джихадистами, такфиристами, а также «Аль-Каидой» лежит непроходимая пропасть. Иначе не могло бы сложиться между «Братьями» и салафитами столь тесного сотрудничества, как это имело место в ходе «египетской революции», когда салафиты неоднократно «подставляли плечо» «Братьям-мусульманам» и обеспечивали им поддержку, особенно в отсталых сельских районах.

Да и опыт ХАМАС в Газе показал, что, несмотря на маневры и многочисленные переговоры со светским националистическим движением ФАТХ, хамасовцы не собираются отказываться от монополии на власть, о необходимости которой открыто говорят салафиты. Хотя говорить о демократии, как в свое время большевики, они будут постоянно.

Конечно, сейчас сплоченность лагеря радикального ислама поддерживается наличием общего врага — светского режима Башара Асада, и после его устранения разногласия между двумя фракциями фундаменталистов могут вспыхнуть с новой силой. Но это будут разногласия не о демократической модели, которую надо строить — как это обыкновенно происходит в Европе — в споре, скажем, между социалистическими и праволиберальными партиями. Спор будет идти о форме того халифата, который надо соорудить на месте разрушенных светских национальных государств, о том, где будет находиться центр этого халифата и кто его возглавит. Что же, в США этого не понимают? Ведь объявленной целью Вашингтона еще со времен Дж. Буша старшего является продвижение демократии в регионе, а не построение теократических государств. Или теперь ее в Вашингтоне понимают так, как это предлагают сделать «Братья-мусульмане»? Или правы правые националисты Европы — сторонники А. Брейвика — говорящие о сговоре западных элит с исламистами в обмен на дешевую нефть в период кризиса и отказ от антизападного террора?

Таким образом, если аргументы весьма уважаемого и знающего регион Ш. Султанова не срабатывают или срабатывают не полностью, то в чем же истинная причина странного альянса, уже стоившего жизни американскому послу в Бенгази?

Думается, окончательного ответа нам сегодня дать не удастся. Слишком уж причудливой и противоречивой выглядит американская политика в регионе. Одной рукой Вашингтон убивает Бен Ладена, а другой — вооружает идейно близких ему людей в Сирии.

Поэтому версий остается всего две: либо Запад совершает стратегическую ошибку, либо он использует или пытается использовать радикальный политический ислам в своих интересах, что и позволит ему (Западу) встать «на правильную сторону истории», как твердили в госдепе на начальном этапе развития событий «арабской весны». Либо верно и то, и другое.

При таком подходе автору гораздо ближе мнение известного российского общественно-го деятеля Гейдара Джемалю, который в своих недавних интервью отметил, что если Запад собирался использовать «Братьев-мусульман» для сноса устаревших диктаторских режимов (нечто подобное уже однажды делалось в Афганистане при изгнании оттуда советских войск), то это ему удалось, добавлю от себя — потому что цели «демократизаторов» и исламистов тактически совпали. Но далее, как показывают события, их дорожки разошлись: США и их западным партнерам надо демонстрировать строительство либеральной демократии в странах, где победили начатые не без стимулирования извне «арабские весны», а у исламистов — собственная программа, которая преследует совсем другие цели. Убийство посла США в Бенгази в этом плане, возможно, станет «моментом истины», после которого поддержку исламских радикалов уже трудно будет изображать как поддержку демократических процессов в арабских странах, а еще труднее будет ее осуществлять.

Если же и после этого поддержка исламских радикалов США продолжится, то тогда, возможно, окажется востребованной другая, близкая к конспирологической, версия. Согласно ей всё происходящее на Ближнем Востоке за последние два года является результатом действий мировых финансово-политических элит, которые подталкивают Вашингтон, а вместе с ним Лондон и Париж к тому, чтобы довести до логического конца процессы глобализации; с помощью исламских радикалов завершить разгром национальных суверенных государств на просторах Евразии (тут цели с совпадают с исламистскими), создать обстановку хаоса, в которой будет гораздо легче продлить жизнь умирающему доллару и предотвратить формирование действительно многополярного мира, основанием для которого могло бы стать создание крупных региональных блоков государств, обладающих собственными сильными региональными валютами, способными бросить вызов нынешней валютно-финансовой системе. Поэтому острие «арабских революций» нацелено не против арабских диктаторов, а против складывающегося на наших глазах Евразийского Союза и Китая.

В пользу такого, может быть кажущегося кому-то фантастическим, варианта говорит появление упомянутого в начале статьи фильма «Невинность мусульман», поскольку его провокационность вполне отвечает задачам погружения зоны РБВСА (Регион Ближнего Востока и Северной Африки) в хаос и религиозное мракобесие. Однако грубость и прямота этой провокации, похоже, сработали против ее авторов и вновь подхлестнули в регионе антиамериканские настроения. Деньги, вложенные в масштабную антироссийскую кампанию на Ближнем Востоке под лозунгом «Россия — враг арабских народов» (ее финансирует Эр-Рияд), похоже, истрачены зря, о чем говорят масштабные антиамериканские выступления в регионе и за его пределами.

В любом случае, кто бы ни стоял за политикой поддержки Западом радикального политического ислама, сейчас все более очевидно, что в схватке либерального постмодернизма с метафизикой одной из самых энергичных религий абсурдизм первого проигрывает, что видно даже по лишенным картезианской логики действиям западного политического класса.

Политический ислам, долго копивший свои силы для схватки со светским обществом и его ценностями сейчас окреп как никогда — и тут Ш. Султанов абсолютно прав. Послушайте его проповедников — от Ю. Кардауи до Х. Насраллы — они легко усвоили антиимпериалистическую лексику националистов и коммунистов, переняли у последних все социальные лозунги. А главное — они хорошо усвоили лозунг другого политического радикала — В.И.Ленина: «империалисты сами дадут нам веревку, на которой мы их повесим». Но сочинений Ленина в Вашингтоне, вероятно, давно в руки не брали... А зря.

АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА В 2011–2012 гг.

В.А. Кузнецов

Тунис (2010–2011)

Смена времен года в арабском мире началась в Тунисе — здесь, в тихом туристическом раю Средиземноморья распустился, источая пьянящие ароматы свободы и надежды, тот цветок жасмина, пыльца которого вскоре облетела Северную Африку, подхваченная ветром перемен перенеслась через Синайский полуостров, покружилась над песками Аравии и над водами Персидского залива, накрыла своим облаком Йемен, Бахрейн и Сирию, и может быть, до сих пор еще не осела на землю полностью, а носится в раскаленном воздухе Ближнего Востока. По мнению некоторых наблюдателей, мельчайшие частицы этой пыльцы смогли преодолеть Атлантику и опылить улицы Нью-Йорка, а иные, унесенные на север, все еще кружат в холодной атмосфере Евразии.

Запахи — вообще субстанции подвижные, тонкие, кому-то они нравятся, кому-то нет. Да и ощущаются они совершенно по-разному, в зависимости от состава воздуха, загрязнений, температуры и настроения вдыхающего их. К тому же они сами меняются с прошествием времени. И запах жасмина не исключение: в сложном его составе наиболее явственно ощущались то сладость свободы, то спокойствие справедливости, то металлические ноты крови, то мечта о будущем, а то и ностальгия по далекому прошлому, но неизменным оставался вкус больших перемен.

И вот, когда весь мир следил за новыми всходами, поливая их, подвязывая или, наоборот, вырубая даже самые слабые побеги, о самом тунисском жасмине все будто бы позабыли. А он между тем никуда не делся, и кажется, в силу хотя бы своего первородства, достоин отдельного разговора.

Если отказаться от ботанической метафоры, то речь далее пойдет о том, как в результате революции изменялось политическое пространство Туниса, причем исследование этой политической анатомии должно не только выявить глубину и характер происшедших перемен, но и позволить ответить на самый сложный вопрос — до какой степени революционная революция, или (возвращаясь к ботанике) был ли распустившийся цветок действительно чем-то новым в саду мировой истории или же речь должна идти об обычной мимикрии?

Почва и всходы

— *C'est une revolte!*– *Non, Sir, c'est une revolution!*¹

Политический режим, сложившийся в Тунисе за двадцать три года правления президента Зин аль-Абидина Бен Али, может быть кратко охарактеризован как авторитарный, бюрократический и неидеологизированный. И сам руководитель государства (при всем смутном своеобразии его биографии допрезидентского периода²), и выстроенная им система власти были до такой степени лишены ярких черт, что даже описывать их оказывается делом непростым, однако именно эта «серость», заурядность режима, означавшая тотальное отчуждение общества от политики, в сочетании с успешным социально-экономическим курсом долгое время была гарантом сохранности «тунисского чуда»³.

Главными элементами политической власти, обеспечивавшими деполитизацию общества, были партийно-бюрократический аппарат, профсоюзы и полиция, причем именно первый играл определяющую роль в организации отношений власти и народа на протяжении не только последних 23 лет, но и всей постколониальной истории.

К зиме 2010 г. членами правящей партии — Демократического конституционного объединения (ДКО) — состояло практически 2,5 млн. человек, т.е. около четверти населения страны⁴, что само по себе превращало ее в центральную политическую организацию государства. При этом в наиболее крупных зарегистрированных оппозиционных партиях числилось не более чем по несколько сотен членов⁵ (в партии «Зеленых за прогресс» — не более 500 чел., в самой структурированной Демократической прогрессистской партии (ДПП) — не более 1500 чел.).

¹« — Это бунт! — Нет, сир, это революция!» (Из диалога Людовика XVI и герцога Лианкура, возвестившего королю ночью 14 июля 1789 г., что Бастилия пала). Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1799. Л.: 1989, с.80.

²См.: Beau N., Tuquoi J-P. Notre ami Ben Ali. P. 2011.

³Выражение Жака Ширака: Beau N., Tuquoi J-P. Op. cit. P. 14.

⁴Для сравнения — в компартии Китая состоит порядка 80 млн. чел., в КПСС на 1989 г. числилось 19,5 млн. чел.

⁵Отчасти эта малочисленность оппозиции объясняется репрессивной политикой власти — вступление в оппозиционную партию грозило неприятностями почти всегда (увольнения, повышенное внимание полиции и т.п.), но отчасти она объясняется и политикой партийного руководства: «Руководство оппозиционных партий старалось не делать их слишком популярными или многочисленными: шесть или семь мест, которые мы могли получить в парламенте, легче было разыгрывать среди сотни членов, не боясь никакой конкуренции», — признается бывший депутат парламента от партии «Зеленых за прогресс». (Из материалов личных бесед).

Роль, которую играла ДКО в политическом пространстве Туниса, с одной стороны, была типична для доминантно- (почти одно-) партийных бюрократических режимов: партия организовывала массы политически, служила каналом обновления и формирования политической элиты, осуществляла связь власти и общества, правда, в основном, одностороннюю: «главное дело партии состоит в распространении в обществе велений диктатора, обеспечении правительственной пропаганды»⁶. Этим, между прочим, объясняется и специфический характер политической элиты, войти в которую удавалось лишь чиновникам, лишенным каких-либо ярких индивидуальных черт.

Вместе с тем была у ДКО и специфическая функция легитимизации режима. Будучи не просто главной партией страны, но именно той партией, которая когда-то привела страну к независимости и управляла ей на протяжении полувека, ДКО было самым олицетворением государственности и власти, чему есть даже топографические свидетельства. Не только в столице штаб-квартира ДКО была самым высоким зданием в городе и своеобразной архитектурной доминантой, но и в провинциальных городках отделения партии с вывешенными на фасаде красными национальными флагами, портретами президента и плакатами с актуальными лозунгами со всей очевидностью давали понять, где именно сосредоточена местная власть⁷.

Именно эта легитимизирующая функция партии-государства объясняла необходимость ее массовости⁸, и именно из-за нее по мере нарастания революции лозунг «Ben Ali dégage!» перерос в «RCD dégage!»⁹, а роспуск ДКО стал символом победы революции и знаком окончательного разрушения «старого порядка».

Несколько сложнее дело обстоит с профсоюзами — прежде всего Всеобщим тунисским союзом труда (ВТСТ). С одной стороны, их политическая функция была близка к той, которую выполняло ДКО — сказывалась и глубокая укорененность профсоюзного движения, и его исторические заслуги, и его разветвленность. С другой же — ВТСТ всегда был более независимым, чем политические партии, становясь периодически рупором протестного движения¹⁰. При Бен Али высшее и региональное руководство организации было абсолютно бюрократизировано и давно стало частью правящей системы¹¹, однако на уровне местных

⁶Дюверже М. Политические партии. М.: 2005, с. 313.

⁷Другими выделявшимися из городской топографии центрами власти были (да и остаются) здания полиции, муниципалитета и соборной мечети. См. об этом также: Camau M., Geisser V. Le syndrome autoritaire: politique en Tunisie de Bourguiba à Ben Ali. P.: 2003, p. 160–161.

⁸Именно партийная поддержка Бен Али раз за разом делала его всенародным кандидатом в президенты. Характерно, что подготовка к его выдвижению на выборах в 2014 г. (на шестой мандат) летом 2010 г. началась с заявления ЦК ДКО, призвавшего его «продолжить управлять страной на следующем этапе», а затем была поддержана коллективными письмами. 2014 se prépare aujourd'hui // Jeune Afrique. 02/09/2010. <http://www.jeunefrique.com/Article/ARTJAJA2590p019.xml0/>

⁹«Бен Али — вон!», «ДКО — вон!».

¹⁰Ярче всего это проявилось во время кризиса 1978 г. См.: Видясова М.Ф. Джихад без войны. Т.2, кн.2. Рукопись.

¹¹Так, например, секретарь отделения ВТСТ по г. Сфакс оставался на своем посту на протяжении 30 лет, секретарь отделения Гафсы не только долгое время занимал свой пост, но также шесть сроков подряд был депутатом парламента и вместе с ближайшими родственниками организовал холдинг, в состав которого входила фирма по найму рабочей силы и ЧОП.

отделений демократические традиции и ротация кадров сохранялись. Это естественным образом приводило к росту напряженности внутри организации и закончилось расколом и кризисом профсоюзного движения уже после революции.

Наконец, третьей опорой режима была полиция или, точнее, миф о ней. На протяжении долгого времени государство Бен Али характеризовалось его оппонентами как полицейское, хотя никаких официальных данных о составе полицейского аппарата никогда не публиковалось. М. Камо и В. Жейсер в классической работе «Синдром авторитаризма: политика в Тунисе от Бургибы до Бен Али» со ссылкой на непризнанный властью Национальный совет за свободы в Тунисе писали, что совокупная численность всех полицейских сил в стране (включая национальную гвардию и Бригады общественного порядка) составляла в 2000 г. 133 тыс. человек, т.е. на 70 человек населения приходился 1 полицейский¹². Эта цифра, уменьшаясь или увеличиваясь, переключивалась потом из одной публикации в другую — кажется, она вполне устраивала не только оппозицию, но и сам режим. Только после революции новый министр внутренних дел Фархат Раджхи заявил, что в реальности численность полицейского аппарата не превышала 55 тыс. человек, а чуть ранее подобное предположение высказал известный экономист и правозащитник Махмуд Бен Ромдан¹³. Несмотря на это созданный коллективными усилиями миф об огромной и всесильной репрессивной машине действовал вполне успешно вплоть до самой революции — анекдоты о правителе и его супруге рассказывались лишь самым близким друзьям при закрытых дверях; в кафе политику если и обсуждали, то только шепотом, а историй о внезапных исчезновениях людей, произнесших неосторожное слово, всегда было множество¹⁴.

Вся эта огромная бюрократическая и репрессивная машина ДКО, ВТСТ и МВД позволяла правящей элите долгое время жить в башне из слоновой кости, с верхних этажей которой тунисское общество представлялось тихой водной гладью, изредка покрываемой мелкой рябью недовольства. Общество же, в свою очередь, привыкло воспринимать башню лишь как элемент пейзажа, иногда загораживающий солнце. Сложно сказать, что именно происходило в башне в течение долгих лет, однако очевидно, что постепенно наиболее значимые позиции там стал занимать клан президента и его супруги — Лейлы Трабелси. Постепенно это семейство, насчитывающее в общей сложности 143 человека, монополизировало все крупные отрасли бизнеса и начало (правда, не очень активно) вторгаться в политику. Необыкновенная деловая активность родственников президента в сочетании с практиковавшимися ими грубыми методами ведения дел (рейдерские захваты, вымогательства и т.п.), демонстративным

¹²Camau M., Geisser V. Op. cit. P. 204. Для сравнения: во Франции в 2002 г. это соотношение составляло 1/265, в Германии — 1/296, в Великобритании — 1/380 (Ibidem), в РФ — 1/129 (Указ президента РФ о предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1547225>)

¹³Ben Romdane M. Tunisie: Etat, économie et société - Ressources politiques, légitimation et régulations sociales. Tunis, 2011, p. 108.

¹⁴Студентка Сана рассказывает: «Моего молодого человека арестовали. Он сидел с друзьями в кафе и рассказал анекдот. Что-то про жену президента. Вечером к нему пришли домой люди и увезли его в МВД. В то самое здание на бульваре Бургибы. Его обвинили в участии в организованной преступной группировке. Там есть подвалы, в МВД. Его держали там несколько месяцев. Насиловали. Били. Потом его выпустили, но он должен был постоянно заходить в полицейский участок. А еще ему звонили: «Мы знаем, где ты, мы знаем, что ты делаешь, мы наблюдаем за тобой», — говорили они. С ним тогда никто не хотел общаться, друзья отвернулись, знакомые переходили на другую сторону улицы, когда его видели...» — из материалов личных бесед.

хамством и распущенностью¹⁵, естественно, вызывали недовольство населения. Впрочем, до поры до времени не такое уж большое.

Конечно, на протяжении всех долгих лет правления Бен Али в стране существовала оппозиция: и системная, и внесистемная, и антисистемная. Системная была представлена и совершенно лояльными парламентскими партиями, вроде «Зеленых за прогресс», и более самостоятельным движением «Тадждид» (бывшая Компартия Туниса), и непарламентскими ДПП и Демократическим форумом за свободы и труд. Внесистемная оппозиция включала в себя слабо институционализированное студенческое движение (в основном, левацкое), многочисленных правозащитников и партии, пребывающие в основном в эмиграции (Конгресс за республику и исламистская «Нахда»). Наконец, к антисистемным оппозиционерам могут быть отнесены радикальные исламисты («Аль-Каида в странах Магриба») и крайне левая Тунисская коммунистическая партия рабочих (ТКПР), ставившая себе задачей подготовку пролетарской революции.

На деятельность оппозиции режим реагировал по-разному. С системной мирился и старался ее покупать — благодаря «Закону о частичном бюджетном финансировании политических партий» делать это можно было вполне открыто. Студенческое движение, до той поры пока оно не покидало университетских кампусов и не пыталось выступать лично против президента и его родственников, тоже особым репрессиям не подвергалось. С исламистами всех степеней умеренности борьба велась активно и открыто, что превратило их в едва ли не единственную всем известную жертву режима¹⁶. Сложнее дело обстояло с правозащитниками — официально приветствуя само это явление, государство создавало даже собственные структуры и должности по защите прав человека (Высший комитет по правам человека и основным свободам, группа граждан-контроллеров, национальный омбудсмен и т.д.), но одновременно пресекало деятельность независимых организаций и отдельных личностей, критиковавших режим особенно рьяно, — зачастую против них заводились уголовные дела по обвинению в криминальной деятельности¹⁷.

Вместе с тем на протяжении долгого времени оппозиционные настроения разделялись лишь незначительной частью общества, да и о деятельности противников режима известно было немногим — сказывалась тотальная цензура в СМИ и Интернете¹⁸.

Положение дел начало меняться в 2008 г.: «С 2008 года мы наблюдали изменение ситуации в самых разных областях. Это и появление театральных постановок, выражавших общественное недовольство, и рост насилия на футбольных матчах, причем болельщики зачастую выступали против полиции, и рэп-музыка, которая доносила политический месседж куда более действенно, чем любые речи политиков, и конечно, постоянные выступления на юге страны. Это все началось после Редейефа...», — утверждает генеральный секретарь ДПП Майя Джриби¹⁹.

¹⁵Следует отметить, что в Тунисе в отличие от других стран региона открытая демонстрация богатства считается дурным тоном.

¹⁶По утверждениям представителей «Нахды» за годы правления Бен Али через тюрьмы прошло более 30 тыс. членов движения.

¹⁷Ярким примером служат дела журналиста-коммуниста Фахема Букаддуса (телеканал Nessma TV) и журналиста — автора книги «Одна столь нежная диктатура» Тауфика Бен Брика.

¹⁸О методах цензурирования см. напр.: Zmerli A. Ben Ali le ripou [en ligne]: kapitalis.com.

¹⁹Из материалов личных бесед, июнь 2011.

Действительно, забастовка рабочих фосфатных карьеров Гафсы, продолжавшаяся с января по июнь 2008 г., стала первым массовым проявлением протеста, приведшим к человеческим жертвам²⁰, хотя она не получила ни широкой поддержки²¹, ни даже известности на родине²². При всей ограниченности движения, его географической отдаленности и локальности требований, оно все же выявило слабые места режима: не только давно известные nepoтизм, коррупцию и растущую безработицу, но, кроме того, и совершенное неумение властей вступать в диалог с населением.

После редейефских событий на протяжении двух лет в обществе шло нарастание социального недовольства, впрочем, поначалу почти не носившего политического характера. Стоит упомянуть и рост активности футбольных фанатов²³, и выступления в Бен Гардане летом 2010 г., и общую атмосферу усталости от опостылевшей власти: «За последние два-три года многое изменилось, — сообщает директор Института иностранных языков Карфагенского университета Ванес Хафьян, — люди стали шутить про власть, даже по телефону, чаще критиковать Бен Али и Лейлу, мы все ждали чего-то...»²⁴.

Это «что-то» произошло 17 декабря 2010 г., когда в расположенном в центре страны городе Сиди-Бу-Зид — столице одноименного гувернората — молодой человек Мухаммед Буазизи поджег себя перед зданием местной администрации. Самосожжение Буазизи не было ни первым, ни совершенно уникальным актом протеста и отчаяния в современном Тунисе. Еще в 1990-е гг. врачи ожогового центра больницы Азиза Усмана писали об «эпидемии самосожжений» в стране²⁵, да и в последнее время подобных случаев было немало²⁶, причем каждый раз дело обстояло схожим образом — молодой человек или девушка из социальных низов (безработные или поденные рабочие) предпринимали попытку суицида после того, как подверглись социальному унижению²⁷. Кадры с горящим Буазизи попали в Интернет, и уже на следующий день на улицы города вышла молодежь, положив начало революции.

²⁰В ходе протестов погибло четыре человека. См. подробнее: Amroussia A. Tunisie: Le soulèvement des habitants du bassin minier de Gafsa, un premier bilan. [en ligne]: <http://www.cnt-f.org/international/Tunisie-Le-soulevement-des-habitants-du-bassin-minier-de-Gafsa-un-premier-bilan.html>. О ситуации в регионе см.: Ат-ташгил ва-т-танмийа би вилайя Гафса: ал-ваки' вал-афак. Тунис, 2010. Это исследование, изданное летом 2010 г., было проведено научным центром ВТСТ. Одновременно свет увидело такое же исследование по региону Сиди-Бу-Зид (тому самому, где 17 декабря 2010 г. начнется революция). Полагаю, обеспокоенность профсоюзных аналитиков ситуацией именно в этих двух регионах нельзя считать случайной.

²¹Забастовка, во многом организованная местным отделением ВТСТ, не была поддержана ни региональным, ни центральным руководством профсоюзов. Из политических партий в защиту бастующих выступили ДПП, Тадждид и коммунистическая партия рабочих Туниса.

²²Даже летом 2011 г. большинство тунисцев ничего не знали о событиях в Редейефе. Между тем, за границей движение получило довольно широкий резонанс (в Париже прошли митинги в поддержку восставших): Amroussia A. Op. Cit.

²³Характерна статистика формирования клубов футбольных фанатов, приводящаяся самими фанатами: 1995 — 1, 2001 — 1, 2002 — 2, 2003 — 4, 2004 — 1, 2005 — 1, 2006 — 1, 2007 — 10, 2008 — 6, 2009 — 6, 2010 — 8.

²⁴Из материалов личных бесед, июнь 2011.

²⁵Messadi A., Louati L., Mahjoub E., Nouira R., Dlimi S., Braham F. Contribution à l'étude des aspects épidémiologiques des brûlures suicidaires en Tunisie: à propos de 94 // Annals of Burns and Fire Disasters. Vol. XI; n. 1. March 1998. [en ligne]: http://www.medic.com/annals/review/vol_11/num_1/text/vol11n1p7.htm См. также др. работы под руководством д-ра Мессади.

²⁶Только в 2010 г. известность получили два случая — в марте в Монастире и в ноябре в Метлави.

²⁷Messadi A. and others. Op. Cit. Кроме того, еще в 2005 г. об этом мне рассказывали тунисские коллеги. Стоит напомнить, что М. Буазизи — торговец фруктами, не сумевший поступить в университет и не принятый на службу в армию из-за проблем с сердцем — попытался покончить с собой после конфликта с женщиной — офицером полиции, которая конфисковала у него товар и вроде бы ударила по лицу. Впрочем, сегодня существует уже добрый десяток версий этой истории.

Существует множество объяснений того, почему самоубийство М. Буазизи вызвало столь широкий общественный резонанс²⁸. Наиболее убедительным представляется следующее. Первыми демонстрантами руководило чувство родовой солидарности²⁹, к ним присоединилась безработная молодежь, которую жесткая реакция местной полиции 19.12 и 24.12³⁰ и очередные благодарности местных властей президенту «за меры по региональному развитию»³¹ (23.12) вкупе с невразумительными обещаниями перемен и модернизации³² (25.12) только рассердили. Одновременно информация о демонстрациях стала распространяться через социальные сети, а вскоре ее стали передавать и спутниковые телеканалы, причем официальные лица неустанно осуждали «политическую инструментализацию» молодежных выступлений (20.12, 27.12, 28.12)³³.

Колоссальным стимулом к продолжению протестов стали новые самоубийства: 24.12 в Сиди-Бу-Зиде 24-летний Хусин Неджи взобрался на линию высоковольтных электропередач и с криком «Хватит нищеты, хватит безработицы» покончил с собой. 28.12 там же сжечь себя попытался 34-летний Лотфи Гарди³⁴. Всего же вслед за Буазизи в арабских странах сжечь себя попытались около сорока человек.

Революционные выступления, приведшие к свержению Бен Али, продолжались немногим менее месяца — до 14 января 2011 г. Этот период довольно очевидно делится на два этапа — декабрьский и январский. Демонстрации, проходившие в декабре, не были направлены на свержение режима, а основную массу демонстрантов составляли безработные, озвучивавшие социально-экономические требования³⁵, а также требование «национального достоинства». Главным результатом декабря стало широкое распространение протестного движения, включение в него практически всех регионов страны и поддержка со стороны самых разных социальных слоев. Кроме того, тогда были опробованы как мобилизация демонстрантов посредством социальных сетей, так и ночные выступления против полиции.

²⁸См. напр.: Benslama F. Soudain la revolution. Tunis, 2011.

²⁹Наследие трайбализма, сохраняющееся в некоторых регионах страны, проявляет себя в социальной идентичности. Мухаммед Буазизи принадлежал к известному роду Буазиз, издревле проживавшему в центральных районах. «Трайбалистское» объяснение первых выступлений дает, в частности, Мухаммед Килани: Kilani M. La revolution des braves. Tunis, 2011, p. 55. Впрочем, не все эксперты соглашались с такой трактовкой (среди ее противников наиболее авторитетен специалист по истории тунисских племен Мустафа Тлили).

³⁰Précisions du Ministère de l'Intérieur sur les incidents de trouble survenus, Vendredi, à Menzel Bouzaïene // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=29585&Itemid=43 [20.02.2011].

³¹Hommage au Chef de l'Etat pour ses mesures en faveur de l'impulsion du processus de développement régional // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=29524&Itemid=43 [20.02.2011].

³²Le Conseil régional du gouvernorat du Kef salue les décisions du Chef de l'Etat // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=29625&Itemid=43 [21.02.2011].

³³Des précisions d'une source officielle concernant l'incident survenu à Sidi Bouzid // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=29327&Itemid=43 [18.02.2011]; Les organisations nationales dénoncent les pratiques médiatiques anti-déontologiques visant à nuire à l'image de la Tunisie // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=29756&Itemid=43 [23.02.2011]; La Chambre des conseillers dénonce les campagnes médiatiques orchestrées contre la Tunisie // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=29767&Itemid=43 [23.02.2011].

³⁴Le phénomène du copycat suicide serait-il en train de s'importer chez nous? Tunivisions.net, 28.12.2010.

³⁵См. об этом: Кашина А. «Жасминовая революция» в Тунисе: социально-политический аспект. Обозреватель, №7 (июль 2011), с. 74–82.

Характер массовых выступлений начал меняться в первых числах января: все чаще в них стали звучать политические требования, все чаще они приводили к жертвам. С 3.01 не утихали демонстрации в Саиде, Тале, Джендубе, Кассерине, Рагебе, Мензель Бузайене: демонстранты поджигали и грабили правительственные здания, громили полицейские участки. Восьмого января полиция применила против восставших оружие. Подавление выступлений 8.01–10.01 привело к человеческим жертвам — 21 убитому, согласно официальным источникам, более 50 — согласно данным профсоюзов. После этого в Тале прошла «демонстрация старух» — пожилые женщины, в ней участвовавшие, несли плакаты: «Вы убили моего сына. У меня их четверо»³⁶. По всей видимости, именно тогда в обществе происходящее начало осознаваться как революция, возникло понимание необходимости и возможности окончательного свержения режима: «Была одна запись в Youtube. В Тале числа десятого люди захватывают некое правительственное здание — вероятно, местное отделение ДКО. Они срывают с фасада огромный портрет Бен Али и несколько мгновений не знают, что с ним делать. Они смотрят друг на друга. Себе на руки. На портрет. Они и сомневаются, и боятся — это видно по лицам. Наконец, они решаются и поджигают его. Когда я это увидела, то поняла — это революция», — рассказывает Майя Джриби³⁷.

Одновременно под давлением местных отделений протестующих поддержал ВТСТ — объявленная им всеобщая забастовка стала последним аккордом революции. Она началась 10.01, однако проходила не одновременно по всей стране, а каждый день в новом городе, волной надвигаясь из центра к побережью и столице. Решающим моментом стало 12.01, когда забастовка должна была пройти в Сфаксе — втором по величине городе Туниса. В столице думали: «Если там все пройдет нормально, то через два дня на улицы выйдем и мы»³⁸. Профсоюзы сумели вывести на центральный городской проспект порядка 13 тыс. человек, к ним присоединялись все новые и новые люди — по некоторым оценкам, всего около 30 тысяч. Впереди, символизируя единство всех слоев населения, шли председатель местного отделения ВТСТ, представители оппозиционных партий и крупного бизнеса. В столкновениях с полицией несколько человек погибло³⁹.

Официальное новостное агентство ТАР об этом шествии не обмолвилось ни словом, зато рассказало о демонстрации в поддержку президента в Сусе.

14.01 подошло время столицы. В 9:00 перед дворцом правосудия собрались адвокаты — около 400 человек. В черных мантиях, сопровождаемые простыми гражданами, они проследовали по улицам Баб Свика и Монжи Слим до площади Баб Бхар и оттуда по бульвару Бургибы до здания МВД — архитектурного символа жестокости и тирании — неспешным шагом этот путь занимает около получаса: «Когда мы подходили к кафедральному собору, напротив которого стоит посольство Франции, мне позвонил начальник местного отделения полиции — мы были знакомы по судебным процессам — он был в панике: “Я вас умоляю, сиди Ахмед, проведите людей по левому тротуару, не идите мимо посольства! Иначе мне придется применить силу!” Я выполнил его просьбу», — рассказывает адвокат Ахмед Сиддик.

³⁶Из воспоминаний очевидцев.

³⁷Из записей личных бесед. Июнь 2011.

³⁸Ахмед Сиддик, адвокат, член руководства партии «Авангард». Из материалов личных бесед. Июнь 2011.

³⁹Там же.

К тому времени к зданию МВД стали стягиваться и другие манифестанты, и вскоре весь бульвар, площадь Мухаммеда V и прилегающие улицы были заполнены людьми. Некоторые держали в руках фены⁴⁰, многие несли национальные флаги и пели государственный гимн. «Визара дахилия — визара ирхабийя!» — «Министерство внутренних дел — министерство терроризма!», скандировали они. «Мы пришли безоружными — не убивайте нас!»⁴¹ — просили они. Лозунгов в тот день звучало множество: «Би-ль-хубз би-ль-маа Бан Али ла!», «Аль-карама аль-ватанийя!»⁴², «Ben Ali Dégage!», возможно, были самыми популярными. Несмотря на то что в первых рядах демонстрантов стояли известные деятели оппозиции — Майя Джриби, коммунистка-адвокат Радия Насрави, чей муж, Хамма Хаммами, лидер Тунисской коммунистической партии рабочих, был в очередной раз арестован два дня назад, и другие; ни одного партийного или религиозного призыва слышно не было. Это был апофеоз революции, момент абсолютного единения многих сотен тысяч людей.

«Позвонил министр внутренних дел. Он сказал: “Госпожа Джриби, у меня есть приказ стрелять по толпе. Уведите людей”. Как я могла их увести? Меня подняли на плечи какие-то парни, и я передала слова министра в мегафон. Никто, конечно, не ушел», — вспоминала генсек ДПП⁴³.

К трем часам дня полиция стала разгонять манифестантов гранатами со слезоточивым газом. Некоторые — демонстрируя пацифизм — выходили навстречу полицейским безоружными с батонами хлеба в руках⁴⁴, другие бросали в них камни, однако уже через час все закончилось, и на бульваре не осталось ни одного человека. В стране было введено чрезвычайное положение⁴⁵.

Неизвестно, как бы развивались события дальше, если бы в это самое время в Карфагенском дворце не состоялся судьбоносный для революции разговор. Подробности произошедшего до сих пор не вполне ясны, однако вроде бы вызванный к президенту командующий сухопутными силами страны генерал Рашид Аммар на приказ направить против манифестантов армию ответил: «Уезжай. С тобой все кончено».

В 16:40 Зин аль-Абидин Бен Али, второй президент Первой Тунисской республики, правивший государством двадцать три года, два месяца и одну неделю, покинул страну. Цветок жасмина распустился.

Прежде чем перейти к анализу переходного периода, необходимо сделать два замечания относительно этого — первого этапа революции.

⁴⁰Фен — прозрачный намек на Лейлу Трабелси, которая считалась бывшим парикмахером. Несмотря на общепризнанность этого факта биографии «хозяйки Карфагена», Николя Бо считает, что он ошибочен. См.: Beau N., Graciet C. La régente de Carthage: main basse sur la Tunisie. P.: 2009.

⁴¹Gozlan M. Tunisie-Algérie-Maroc: la colère des peuples. P.: 2011, p. 43.

⁴²«Пусть на хлебе и воде, только без Бен Али!», «Национальное достоинство!»

⁴³Из материалов личных бесед, июнь 2011.

⁴⁴Батон хлеба — символ того, что дефицит демократии не может быть компенсирован дешевой едой.

⁴⁵Etat d'urgence de 17H00 à 07H00 sur tout le territoire du pays // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=30525&Itemid=43 [01.03.2011].

Во-первых, о ее причинах. Представляется, что на сегодняшний день существуют две основные их трактовки. Первая — социально-экономическая — акцентирует внимание на высоком уровне безработицы среди молодежи, в особенности же — среди дипломированных специалистов, и на уничтожении в период Бен Али основного социального лифта, каковым в Тунисе было высшее образование: «Бен Али, боясь безработной молодежи, открывал все новые и новые университеты, превращая их в паркинг», — утверждает Махмуд Бен Ромдан⁴⁶. В результате качество высшего образования резко упало, а проблема безработицы, хотя и была отложена, только усугубилась. Согласно другой трактовке, основной причиной недовольства была политическая ситуация в стране: усталость общества от несменяемой элиты и стремление реализовывать те гражданские права и свободы, о которых без конца твердил президент, которые были гарантированы конституцией и, что немаловажно, которые воочию можно было наблюдать на Западе⁴⁷.

К этим двум объяснениям можно добавить и третье: кризис системы ценностей. Режим Бен Али, с легкостью жонглируя самыми разными идеологемами при решении конкретных политических задач, все же был почти неидеологизированным. Диссонанс между либерально-демократическим дискурсом президента и политической реальностью, апеллирование властей то к средиземноморской, то к арабо-мусульманской идентичности⁴⁸ и одновременно преследование излишне рьяно верующих граждан — и все это на фоне тщательно культивируемого национального тунисского патриотизма⁴⁹ — приводило к размыванию смыслов социального бытия, место которых занимали ценности общества потребления и постоянное чувство стыда. Отсюда — и самоубийства, происходящие от ощущения униженности, и требование «национального достоинства», и растущая убежденность в праве на «справедливость», что бы под ней ни понималось.

Второе замечание касается реакции власти на массовые выступления — в ней явственно читалось непонимание происходящего, а в ответных мерах — недееспособность. В официальных заявлениях, делавшихся в декабре и начале января, отповедь и угрозы в адрес «вандалов» и «экстремистов»⁵⁰ перемежались призывами не идти на поводу у иностранных СМИ и финансируемых из-за рубежа партий⁵¹, заявлениями о второстепенных кадровых перестановках⁵² и невразумительными обещаниями социально-экономических реформ в регионах. В январе Бен Али трижды обращался к нации. 10.01 он осудил «террористические акты» и заявил, что создаст 300 тыс. рабочих мест к 2012 году. Очевидно, неосуществимые обещания, данные в ответ

⁴⁶Из материалов личных бесед. Июнь 2011.

⁴⁷Характерная иллюстрация. Молодой безработный выпускник Карфагенского университета (человек вообще довольно аполитичный) на вопрос «Зачем вы вышли на улицы?» ответил: «Хочется справедливости». «Что ты имеешь в виду?», — спросил я. «Понимаешь, это же невозможно жить, когда каждый полицейский может у тебя отобрать паспорт, а ты и слова сказать не смеешь».

⁴⁸Abbassi D. Entre Bourguiba et Hannibal: identité tunisienne et histoire depuis l'indépendance. P., 2005.

⁴⁹Характерен девиз, украшавший здание синагоги на Джербе: «Не арабы, не евреи, а тунисцы!»

⁵⁰Adhésion des partis politiques nationaux aux décisions et initiatives présidentielles annoncées lundi // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=30360&Itemid=43 [01.03.2011].

⁵¹Лишь один из примеров: Le bureau politique du RCD salue le contenu de l'allocation du Président Zine El Abidine Ben Ali // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=30339&Itemid=43 [01.03.2011].

⁵²29.12 отправлен в отставку министр коммуникаций, 30.12 — губернатор сиди Бузид, 12.01 министр внутренних дел.

на политические требования, в обществе вызвали недоумение, зато парламент, партии и лояльные общественные организации приветствовали «сбалансированный подход». 13.01 президент пообещал не выдвигать своей кандидатуры на выборах 2014 г. и обеспечить полный доступ населения к СМИ и Интернету, т.е. фактически действовать в соответствии с конституцией, а также приказал прекратить стрельбу в манифестантов и снизить цены на продукты питания. На последнее распоряжение фейсбукская молодежь ответила: «Цена на сахар упала — шикарно! Народ всю ночь будет делать себе эпиляцию!»⁵³. Наконец, днем 14.01, т.е. всего за несколько часов до бегства, он заявил о роспуске правительства и назначении новых парламентских выборов. Во всех трех выступлениях социально-экономические заявления отдавали популизмом, а политические уступки совершенно не соответствовали масштабам происходивших в стране волнений. Однако режим погубило даже не это, а то, что в стране не нашлось ни одной силы, готовой стоять за него до конца. Манифестации в поддержку президента в Сусе, Сбейтле и столице (выступление таксистов)⁵⁴ носили постановочный характер, армия разнимала драки протестующих с полицией⁵⁵, последняя периодически отказывалась стрелять в демонстрантов, а чиновники не хотели брать на себя ответственность за кровопролитие. В результате к 14.01 плохо осознающий происходящее президент и его приближенные оказались совершенно одни заперты в ими же выстроенной башне из слоновой кости.

Цветение Переходные правительства

Ближайшая судьба революции решалась, конечно, не именно 14.01, а на протяжении нескольких последующих дней: бегство Бен Али, судя по всему, задумывалось сначала как тактический маневр⁵⁶, да и не успевшие покинуть страну приближенные президента пытались воздействовать на ситуацию. На следующий день в столице прекратило работу наземное метро — основной вид общественного транспорта. Одновременно с улиц исчезла полиция, а если люди в униформе и встречались, то занимались они чем-то совершенно отличным от охраны правопорядка⁵⁷. По ночам город заполняли банды

⁵³Это было не только высмеиванием «подачки», но и намеком на то, что бритому парикмахер (Лейла Бен Али) не нужен.

⁵⁴Marche imposante, à Sbeitla, en signe de gratitude au Président Ben Ali pour ses décisions en faveur du développement et de l'emploi // TAP [en ligne] : http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=30348&Itemid=43 [10.03.2011]. Gozlan M. Op. Cit. P. 42.

⁵⁵Gozlan M. Op. cit. P. 40.

⁵⁶Ben Ali affirme avoir été contraint de quitter la Tunisie «par la ruse» // Jeune Afrique [en ligne] : <http://www.jeuneafrique.com/Article/ARTJAJA2638p016-017.xml0/justice-proces-tunisie-zine-el-abidine-ben-alitunisie-ali-seriati-l-homme-qui-en-sait-trop.html> [10.01.2012]. Впрочем, сам президент утверждал, что его посадили в самолет насильно: Ben Ali affirme avoir été contraint de quitter la Tunisie «par la ruse» // Jeune Afrique [en ligne] : <http://www.jeuneafrique.com/Article/ARTJAWEB20110620145743/> [10.01.2012].

⁵⁷«15.01 я пошел фотографировать центр на Бульвар Бургибы, — рассказывает фотограф Таляль Насер, — там стоял танк, и солдаты разрешили мне сделать несколько снимков. Внезапно подошедшие полицейские отобрали фотоаппарат, повалили меня на землю и стали избивать ногами со словами: «Это такие, как ты, очерняют родину. Ничего, через пару дней Бен Али вернется и всем вам, уродам, покажет». Какие-то люди смогли все же меня отбить» — из материалов личных бесед, июнь 2011.

мародеров, вооруженных холодным оружием и дубинками — они грабили магазины, иногда врываются в дома.

На джипах 4×4 развезжали странные люди с закрытыми лицами и вооруженные огнестрельным оружием. То в одном, то в другом квартале внезапно появлялись снайперы, стрелявшие в случайных прохожих: «Я был дома с семьей. Вышел зачем-то на балкон и вдруг — почти одновременно — заметил какой-то странный отблеск в доме напротив (только потом уже — задним умом — понял, что это был прицел винтовки) и одновременно — выстрел. Пуля попала в стену, я бросился на пол, пополз в комнату»; «Один мой знакомый держал ребенка на руках, когда в него выстрелил снайпер. Пуля разорвала ребенку череп»⁵⁸, — вспоминают очевидцы.

В ответ на эту вакханалию насилия в своих кварталах люди стали организовывать отряды самообороны, которые фактически заменили на время официальную полицию и сыграли ключевую на тот момент роль в нормализации ситуации.

До сих пор остается не вполне ясным, сколько всего человеческих жизней было унесено в те дни, и кто конкретно должен нести ответственность за это. По предварительным данным, за две недели, последовавшие за свержением Бен Али, погибло 147 человек, ранено было 510, и это не считая 72 жертв тюремных восстаний⁵⁹, внезапно начавшихся по всей стране⁶⁰. Среди виновников тех событий обыкновенно называют кого-либо из высших силовиков, и в первую очередь, начальника личной охраны президента генерала Али Сериати, впрочем, арестованного через несколько минут после бегства Бен Али⁶¹, а также подчиненных генерала.

Специфика ситуации, сложившейся после 14.01, заключалась в том, что у победившей революции не было ни лидеров, ни четкой позитивной идеологии, а в стране не было ни одной политической силы, которая могла бы заполнить созданный вакуум власти⁶². В этих условиях главной задачей политической элиты стала минимизация ущерба от свержения режима.

Тем же вечером премьер-министр Мухаммед Ганнуши, ссылаясь на 56 статью конституции (о замещении должности президента в случае временной недееспособности последнего), объявил себя президентом страны⁶³. Его правление продлилось менее суток, и уже на следующий день под давлением возмущенного населения президентом был объявлен Фуад Мебаза

⁵⁸Из материалов личных бесед с профессором географии Мекки Бен Салемом и студенткой Саной. Июнь 2011.

⁵⁹НCDH: les derniers événements en Tunisie ont fait 147 tués et 510 blessés // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=31745&Itemid=43 [15.03.2011].

⁶⁰Несколько очевидцев независимо друг от друга указывали мне на странный характер восстаний: охранники сами открывали камеры и уходили из зданий, причем это одновременно происходило в нескольких тюрьмах по всей стране. Если эти сведения верны, то это должно указывать на прямое участие МВД в дестабилизации обстановки.

⁶¹Сериати, бывший министр обороны Рида Грира, сам Бен Али (через своего адвоката) и другие участники тех событий всячески старались обвинить друг друга в развязывании насилия и в попытках устроить переворот. На основании открытых источников выстроить сегодня непротиворечивую версию событий не представляется возможным.

⁶²Теоретически такой силой могла бы стать армия, как это произошло в Египте, или полиция. Однако тунисская армия была, во-первых, аполитична, а во-вторых, слаба, полиция же воспринималась как главный союзник павшего режима.

⁶³Déclaration de M. Mohamed Ghannouchi à la chaîne «Hannibal TV», 14.01.2011. Согласно Али Сериати, это решение было принято совместно премьер-министром и спикерами двух палат парламента: Tunisie/Ali Seriati : Grira a organisé le départ de Ben Ali le 14 janvier // Gnet [en ligne]: <http://www.gnet.tn/temps-fort/tunisie/ali-seriati-grira-a-organise-le-depart-de-ben-ali-le-14-janvier/id-menu-325.html> [10.01.2012].

— спикер нижней палаты парламента — на этот раз на основании 57 статьи конституции (о замещении должности в случае внезапной отставки или смерти президента). В свое время Бен Али, пришедший к власти точно так же, изменил 57 статью, чтобы никто более не повторил его опыт: временный президент обязан назначить выборы в течение 60 дней, причем сам в них участвовать не должен. Впрочем, как показали дальнейшие события, ни Ф. Мебазаа, ни М. Ганнуши, продержавшийся всего 40 дней, не имели серьезных амбиций⁶⁴.

Буквально через день глава правительства объявил о свободной регистрации партий и НПО, подготовке выборов, гарантиях свободы собраний и распространения информации. Кроме того, было создано три комиссии: по расследованию актов коррупции, по расследованию преступлений, совершавшихся в революционный период, и по политическим реформам⁶⁵. Еще через день было сформировано правительство национального единства, составом своим на удивление схожее с кабинетами эпохи Бен Али. Из оппозиционеров в него вошли генсек Форума за свободы и работу Мустафа Бен Джафар (минздрав), генсек ат-Таджид Ахмед Ибрахим (министр высшего образования) и президент ДПП Ахмед Неджиб Шебби (министр регионального развития) — лидеры крупнейших разрешенных на тот момент партий. Кроме того, несколько портфелей было предоставлено представителям профсоюзов и правозащитных организаций и один (правда, не министра, а госсекретаря) — известному блоггеру Слиму Амаме. Правительство продержалось недолго — сначала из него вышли представители ВТСТ и Форума (18.01), а вскоре — уже 27.01 — оно и вовсе было расформировано. Сохранить его не помогли ни демонстративный выход из ДКО президента, премьера и всех министров, ни реквизиция собственности ДКО, ни начавшееся преследование Бен Али и аресты его приближенных (Абдельазиза Бен Зиа, Абдаллаха Каллеля, Абдельвахаба Абдаллаха). Во втором правительстве число известных деятелей беналистской эпохи уменьшилось, а их место заняли либо технократы (вполне в духе М. Ганнуши), либо представители общественных организаций, прежде всего правозащитных (Тунисская лига прав человека, Движение женщин-демократок, Amnesty International). А.Н. Шебби и А. Ибрахим сохранили свои портфели — их сторонниками это толковалось как демонстрация политической ответственности и государственного мышления, а противниками — как готовность служить любой власти, впрочем, ни та ни другая оценка серьезного влияния на дальнейшую судьбу политиков не оказали. Сегодня же их участие в первых двух кабинетах кажется иллюстрацией совершеннейшей растерянности оппозиционеров перед лицом революции и проявлением желания придать политической трансформации более плавный ритм.

Работа обоих правительств проходила под постоянный аккомпанемент акций протеста, демонстраций и забастовок, самыми крупными из которых стали так называемые Касба-1 и Касба-2.

Утром 23.01 в столицу со стороны внутренних районов страны въехали «Караваны свободы» — около трех тысяч человек на машинах, грузовиках и мотоциклах приехали в столицу из

⁶⁴Относительно М. Ганнуши, остававшегося главой правительства с 1999 г., еще в 2006 г. американские дипломаты писали, что этот «карьерный технократ» уже давно хочет покинуть государственную службу, однако не имеет пока такой возможности: <https://tunileaks.appspot.com/>

⁶⁵Le Premier ministre annonce la composition du nouveau gouvernement d'Union nationale // TAP [en ligne]: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=30665&Itemid=43 [16.03.2011].

Сиди-Бу-Зида, Кассрина, Мензель Бузайена и других городов, чтобы «не позволить украсть революцию» тем, кто уже «украл богатства» народа⁶⁶. Речь шла, конечно, об отставке правительства и выходе из него всех «бывших», прежде всего премьер-министра, министра внутренних дел Ахмада Фриа, министра обороны Риды Гриры (ранее члена ЦК ДКО) и министра иностранных дел Камеля Моржана, а также о роспуске ДКО. Участники «караванов свободы» прошли по улицам города и расположились на Касбе — правительственной площади. На следующее утро, когда полиция попыталась оградить спешащих на работу чиновников от толпы, начались столкновения, в результате которых впервые после 14.01 в дело пошел слезоточивый газ. Понимая, что дальнейшее подавление выступлений только стимулирует народный гнев, правительство тут же попыталось исправить ситуацию. Приехавший на площадь генерал Аммар заявил, что армия будет стоять на страже революции, а М. Ганнуши пообещал уйти в отставку сразу после парламентских выборов⁶⁷, однако это не помогло, и в ближайшие дни массовые выступления охватили всю столицу. Касба-1 была разогнана полицией 27.01 сразу после объявления о формировании нового правительства.

Вторая сидячая забастовка на Касбе началась почти через месяц — 20.02 и продолжалась до 3.03, приведя к отставке правительства и став своеобразным апофеозом зимнего забастовочного движения. Несмотря на то что к тому времени уже была заморожена деятельность ДКО и партия со дня на день ожидала отпуска, парламент не функционировал, а президент правил посредством указов, общество (по крайней мере, некоторая его часть) хотело продолжения революции. Требования, звучавшие на Касбе-2, были и конкретнее, и радикальнее предыдущих: отставка М. Ганнуши, роспуск ДКО и суд над его руководителями, а также над всеми высшими чиновниками эпохи Бен Али, экстрадиция последнего, роспуск парламента и всех комиссий, отмена конституции, созыв Учредительного Собрания и создание Совета по защите революции⁶⁸. Звучали там и совершенно анархистские призывы (например, пойти грабить банки, чтобы парализовать финансовую систему страны), а среди митингующих случались акты насилия, в том числе сексуального⁶⁹. Отличалась Касба-2 и с точки зрения участия в ней политических организаций. Касба-1 представляла собой, в общем, стихийное народное выступление, участники которого искренне считали себя обманутыми, когда после оплаченного кровью свержения диктатора увидели по телевизору те же самые лица, которые наблюдали и ранее⁷⁰. В Касбе-2 чувствовалось участие трех основных сил: ВТСТ, крайне левых и исламистов. Руководство профсоюзов боялось утратить народную поддержку, крайне левые были верны доктрине революционного насилия, а исламисты,

⁶⁶Tunisie — La «caravane de la liberté» sous les fenêtres du Premier ministre Ghannouchi // Le Point, 23.01.2011 [en ligne]: http://www.lepoint.fr/monde/tunisie-la-caravane-de-la-liberte-sous-les-fenetres-du-premier-ministre-ghannouchi-23-01-2011-131005_24.php [10.01.2012].

⁶⁷Nouheihed L., Hammond A. La «caravane de la liberté» dispersée à Tunis // Le Point, 24.01.2011 [en ligne]: http://www.lepoint.fr/fil-info-reuters/la-caravane-de-la-liberte-dispersee-a-tunis-24-01-2011-131122_240.php [10.01.2012].

⁶⁸Kasbah (Tunisie): les exigences des occupants de la Kasbah // <http://thalasolidaire.over-blog.com/article-kasbah-tunisie-les-exigences-des-occupants-de-la-kasbah-video-21-02-2011-67693772.html> [10.01.2012].

⁶⁹Мухаммед Хаддад, журналист. Из материалов личных бесед, июнь 2011. Кроме того см. широкую дискуссию о Касбе-2 на www.nawaat.org.

⁷⁰Многие мои собеседники указывали на простонародность участников Касбы-1. Фотографии и лозунги забастовки подтверждают это мнение. По словам М. Хаддада, жители столицы «зачастую не понимали, чего еще можно хотеть, когда тиран свергнут».

к которым политическая элита относилась с неприязнью, считали, что только кардинальная политическая трансформация позволит им участвовать во власти.

День ото дня протестующих становилось все больше. 27.01 на бульвар Бургибы вышла сотысячная толпа — это было самое массовое выступление с 14.01. Полиция, ранее старавшаяся соблюдать дистанцию, на этот раз применила силу. Пять человек погибли.

В тот же день премьер-министр подал в отставку: «Я не тот человек, который будет принимать решения, приводящие к человеческим жертвам», — сказал он⁷¹.

Новым премьер-министром был назначен восьмидесятичетырехлетний Бежи Каид ас-Себси. Этот политик, возглавлявший при Бургибе и службу национальной безопасности (1963–1965), и МВД (1965–1969), и министерство обороны (1969–1970), и МИД (1981–1986), ушел от активной политической деятельности с началом ужесточения режима Бен Али (в 1994 г. он перестал быть депутатом) и незадолго перед революцией издал внушительный том своих мемуаров⁷². В 1970-е гг. вместе с Ахмедом Местири он входил в демократическую оппозицию режиму, в связи с чем был вынужден на какое-то время покинуть ряды правящей партии. Безусловно авторитетный государственный деятель, признанный демократ (хотя и не без различных «но») с большим управленческим опытом, не связанный со свергнутым режимом и — в силу почтенного возраста — неспособный узурпировать власть, он был идеальной кандидатурой на премьерскую должность⁷³.

Главной задачей Каида ас-Себси стало обеспечение демократического транзита, для чего необходимо было, во-первых, разработать связанные с ним юридические процедуры, а во-вторых, обеспечить бесперебойную работу правительства (и соответственно его политическую нейтрализацию).

4.03 новый глава правительства дал свою первую пресс-конференцию. Среди прочего в блестящей речи, пересыпанной цитатами из классиков, он говорил о недееспособности некоторых органов власти в сложившейся ситуации, необходимости принятия новой конституции и о том, что все министры его правительства должны заранее отказаться от участия в предстоящих выборах. Эти тезисы обрели силу закона 23.03, когда Фуад Мебазаа издал указ №2011-14 «Об организации государственной власти на переходный период»⁷⁴.

Теоретически срок исполнения президентских обязанностей Фуадом Мебазаа истекал как раз 23.03 — к этому дню должны были состояться президентские выборы, однако демократический их характер мог быть гарантирован только после внесения поправок в конституцию с тем, чтобы отменить нововведения, принятые ранее Бен Али (неограниченность сроков правления и т.д.). Поправки должны были быть приняты парламентом, однако последний не функционировал — ведь большинство в нем составляли депутаты от уже не существовавшего ДКО. Соответственно, нужно было провести выборы в парламент, но и это было совершенно невозможно: конституция устанавливала высокий проходной барьер, требовала сложной регистрации партий, в то время

⁷¹La Tunisie change de Premier ministre// Le Nouvel Observateur, 27.02.2011 [en ligne] : <http://tempsreel.nouvelobs.com/les-revolutions-arabes/20110227.OBS8770/la-tunisie-change-de-premier-ministre.html> [10.01.2012].

⁷²Béji Caïd Essebsi, Bourguiba. Le bon grain et l'ivraie. Tunis, 2009.

⁷³Считается, что идея его назначения возникла у президента после блестящего интервью Каида ас-Себси каналу Nessma TV 17.01.2011, в котором политик говорил о необходимости создания условий перехода к демократии.

⁷⁴См.: Organisation mondial de la propriété intellectuelle: http://www.wipo.int/wipolex/fr/text.jsp?file_id=245405

как основная часть населения даже не знала об их существовании. Кроме того, к выборам были не готовы сами партии — в большинстве своем они не имели ни четких программ, ни структур, ни финансовых средств. Наконец, избирком не успевал подготовить списки избирателей, а толпа на бульваре Бургибы требовала продолжения революции и полного разрыва с прошлым. В совокупности эти обстоятельства вынуждали власть пойти на созыв Учредительного Собрания и принятие новой конституции, которая символизировала бы создание Второй Тунисской республики: «Сначала нами правил хороший диктатор. Потом плохой. Теперь мы свергли диктатуру», — говорили тунисцы.

Новые политические силы

Конечно, главной причиной мартовского решения о кардинальной политической трансформации Туниса стали не технические или юридические препятствия к проведению новых выборов, а внезапное расширение политического пространства страны — информационного, социального и в конечном счете институционального, с которым старая система справиться была неспособна (впрочем, она для этого и не предназначалась).

Расширение политического пространства началось с информационного поля: сначала это были социальные сети, сыгравшие немалую роль в революции, затем — после свержения Бен Али — ранее запрещенные оппозиционные интернет-ресурсы, а потом и традиционные СМИ. Причем последние по популярности первым явно проигрывали: «Проблема тунисской журналистики в отсутствии профессионализма (у нас на всю страну один журфак) и в самоцензуре, иерархизирующей информацию. Сначала ты рассказываешь о президенте, затем о премьер-министре и членах кабинета, после чего о негативных событиях за границей и, наконец, о достижениях на родине. Только в таком порядке»⁷⁵. Недоверие к традиционным СМИ приводило к тому, что отчасти их функцию взял на себя Интернет — он не только распространял информацию, но и создавал контент, главными следствиями чего стали политизация молодежи при отказе от стройных идеологий⁷⁶ и пристальный контроль общества над каждым политическим шагом правительства⁷⁷.

⁷⁵Хаддад М. Из материалов личных бесед, июнь 2011.

⁷⁶Если основной поток информации распространяется через традиционные СМИ (государственные или оппозиционные каналы, партийную прессу и т.д.), то общество вынуждено мириться с выстраиваемой ими идеологией, в Интернете же это почти нереально. Характерно, что наиболее идеологизированными (салафитами, арабскими националистами или левыми радикалами) в Тунисе были представители низших слоев населения, особенно в отсталых регионах и деревнях. Согласно сентябрьским опросам более трети населения собиралось голосовать за независимых кандидатов, не выражающих никакой идеологии: Perception de la transition démocratique en Tunisie// Observatoire tunisien: <http://observatoiretunisien.org/pdf/OpinionWay.pdf>.

⁷⁷Прекрасной иллюстрацией служит майский скандал с бывшим министром внутренних дел Фархатом Раджжи. В приватной беседе он сказал, что правительство Каида ас-Себси контролируется людьми из клана Бен Али и что, если исламисты победят на выборах, власть прибегнет к алжирскому сценарию (т.е. произойдет военный переворот). Запись этой беседы, снятая на мобильный телефон, попала в Интернет, после чего на улицы страны в очередной раз вышла возмущенная толпа. Несмотря на последовавшие оправдания Раджжи, политическая карьера его на этом закончилась.

Через эти новые информационные каналы все более широкие слои населения готовы были проявлять политическую активность: если непосредственное участие в революции приняло менее полумиллиона человек, т.е. 5% населения, а в феврале 2011 г. единственными партиями, известными более чем 5% тунисцев, были ДКО, «Нахда» и ДПП⁷⁸, то к сентябрю уже 74% опрошенных более или менее определились со своими политическими пристрастиями, которые распределялись между несколькими десятками партий (из них 18 основных)⁷⁹.

Среди тех, кто был вовлечен в политику в результате революции, выделяются две значительные группы, обладавшие специфическими идентичностями, осознававшие относительную общность политических интересов и стремившиеся их выражать. Это безработные дипломированные специалисты и интеллигенция.

Институционализация первых началась еще в середине 2000-х годов, когда они стали объединяться в союзы, чьей деятельности власти активно препятствовали (в том числе через уголовное преследование активистов). В январе 2011 г. Союз дипломированных безработных с отделениями по всей стране получил официальную регистрацию. Возглавляемый бывшими студенческими активистами, этот союз наследует давние в Тунисе традиции студенческого движения, преимущественно левого⁸⁰. Характерно, что среди лидеров движения еще при Бен Али были супруги Фахем (псевдоним — Букаддус) и Афеф Беннасер, оба — активные члены ТКПР, а Фахем — еще и автор монографии по истории тунисских студенческих организаций.

Поскольку отсутствие работы — состояние временное, сама эта социальная группа, обладая определенной идентичностью, нестабильна по своему составу, и потому она не смогла превратиться в консолидированную и позитивную политическую силу⁸¹. Отсюда изначальная и сущностная протестность Союза, а следовательно — активность в нем сил, стремившихся к пролонгации нестабильности (крайне левых и исламистов). Впрочем, вовлечь их в свои ряды пытались и многочисленные партии.

Что касается интеллигенции, то в ней довольно четко выделяется два наиболее активных сегмента — профессура и практикующие юристы, прежде всего адвокатская корпорация. Во многом именно они стали авторами тунисского демократического транзита: они составили костяк Верховной инстанции (см. далее) и обеспечили легитимность переходного периода, а также вывели вопрос о независимости судебной власти во главу угла при определении будущего политического строя⁸².

⁷⁸Большая часть опросов в переходный период осуществлялась Sigma Conseil — организацией, вообще специализирующейся на маркетинговых, а не политических исследованиях. И хотя в отсутствие иных данных нам приходится ссылаться на эти, все же их верность вызывает большие сомнения, особенно учитывая результаты октябрьских выборов. Un sondage d'opinions politique met en avant une faible notoriété des partis et des hommes politiques tunisiens // TAP: http://www.tap.info.tn/fr/index.php?option=com_content&task=view&id=32272&Itemid=43 [15.03.2011].

⁷⁹Правда, 44% признавали, что в своем выборе неуверены. Perception de la transition démocratique en Tunisie // Observatoire tunisien : <http://observatoiretunisien.org/pdf/OpinionWay.pdf>

⁸⁰Левизна движения в 2000-е гг. была видна непосредственно — и по портретам Ленина и Че Гевары, и по изображениям серпа и молота, и по социалистическим лозунгам на стенах отделений студенческого профсоюза в университетах. Националистическое и в еще большей степени исламистское течения оставались маргинализованными.

⁸¹Kerrou M. Les nouveaux acteurs de la révolution et de la transition politique // Observatoire tunisien : [http://observatoiretunisien.org/upload/file/Kerrou\(1\).pdf](http://observatoiretunisien.org/upload/file/Kerrou(1).pdf) P.10.

⁸²При Бен Али она зависела от исполнительной, т.к. президент возглавлял Высший совет магистратов. Характерно, что об «очищении» судебной власти в речи 04.03 говорил и Каид ас-Сибси.

И хотя жестко противопоставлять друг другу эти группы не следует, все же в основной своей массе они являются политическими антагонистами. Для безработных главными в революции были требования социально-экономических преобразований, причем немедленных; они традиционно не доверяли Западу, правительство Бен Али называли «франкофонным», были склонны к массовым и радикальным политическим действиям. Вестернизированная же интеллигенция⁸³, в общем удовлетворенная своим экономическим положением, выдвигала политические требования, боялась быстрых преобразований и массовых выступлений и в конечном счете пыталась народную революцию превратить в «революцию сверху».

Реализация политических устремлений этих и других социальных сил, как видится, осуществлялась посредством структур трех типов: архаичных, классических и революционных.

Издавна считалось, что проблема трайбализма для Туниса неактуальна. Последовательная политика Бургибы, начатая еще его предшественниками и направленная на разложение племен, привела вроде бы к их полному размыванию. Не вспоминали об их существовании и на протяжении большей части правления Бен Али. Пожалуй, только забастовка 2008 г. в Гафсе, в которой одна из претензий бастующих к Компании фосфатов Гафсы состояла в непропорциональном распределении вакантных мест между представителями основных местных племен, с ясностью указала, что трайбализм далеко не изжит. Конечно, речь идет не о полноценных племенах, а лишь о рудиментарной племенной идентичности, асабийи. Весной 2011 г. новым напоминанием о ее существовании стали ожесточенные межплеменные столкновения в Метлауи и других городах на юге страны, которые продолжались вплоть до самой осени⁸⁴. Если рост племенных противоречий был характерен, в основном, для юга страны, то проблема земляческих кланов была представлена шире: в столичной медине происходили стычки между выходцами из Сиди Бузида и коренными жителями на почве коммерческой конкуренции⁸⁵, один из упреков бывшему президенту состоял в недостаточной представленности внутренних регионов в политической элите страны⁸⁶, назначение на премьерскую должность Каида ас-Сибси иногда толковалось как победа «столичных» (tunisois) над сахельцами (saheliens, т.е. жителями побережья), да и вообще все постреволюционные кадровые перестановки рассматривались через призму противоборства этих двух кланов. Наконец, сама революция иногда рассматривалась как протест забытых властью центральных регионов против богатого побережья — таким образом, «земляческая» интерпретация сливалась с социально-экономической.

⁸³Конечно, как среди безработных были типичные интеллигенты, так и далеко не вся интеллигенция была вестернизирована. Речь только о тенденциях.

⁸⁴По мнению ряда наблюдателей, они были инициированы местной полицией, заинтересованной в дестабилизации обстановки.

⁸⁵Жители Сиди-Бу-Зида издавна торговали в столичной медине, однако после вступления Туниса в ВТО существенную конкуренцию им стали составлять местные предприниматели, продававшие китайские товары. После революции первые стали претендовать на то, что это они свергли режим Бен Али, и потому местные-де должны потесниться на столичном рынке.

⁸⁶Сторонники Бен Али, напротив, в заслугу ему ставят сбалансированное представительство основных регионов на высших должностях.

В целом же роль архаичных структур могла подчас становиться определяющей на уровне местной или региональной политики, но в масштабе государства она была не очень значительной и состояла в основном в специфической «народной» интерпретации политических процессов. Вместе с тем сама скорость воскресения уже порядком подзабытой архаики в ситуации безвластия заслуживает отдельного исследования.

Гораздо более существенную роль в политической жизни переходного периода и в политическом вовлечении населения играли партии. Некоторые из них (ДПП, «Тадждид», Форум, ТКПР) заявили о себе еще в декабре и начале января, другие (Конгресс за республику, «Нахда»⁸⁷) — сразу же после свержения Бен Али, а весной уже произошел настоящий взрыв многопартийности: если к 14.01 помимо ДКО в стране действовало 8 разрешенных и три-четыре запрещенные партии⁸⁸, то к июлю было зарегистрировано более ста партий и еще нескольким десяткам в регистрации было отказано.

Признание оппозиционных партий стало первым шагом навстречу революции, принятым еще первым правительством аль-Ганнуши. На протяжении нескольких последующих месяцев МВД регистрировало буквально все партии, за исключением созданных по региональному, религиозному, национальному, этническому или гендерному признакам. Впрочем, при желании это ограничение легко было обойти — так, «Нахда» не считалась партией религиозной, поскольку ни названием, ни девизом («Свобода, справедливость, развитие!») на свой исламистский характер не указывала, а в программных документах всегда подчеркивала уважение ко всем гражданам Туниса вне зависимости от их конфессиональной принадлежности⁸⁹.

Взрыв многопартийности не должен вводить в заблуждение — среди сотни заявленных партий едва ли можно было найти полтора десятка, заслуживающих это название: у большинства из них не было ни развитых структур, ни программ, ни четкой идеологии, ни малейшей возможности прийти к власти. Даже у наиболее развитой в структурном отношении ДПП, имевшей накануне революции отделения в 16 из 24 гуверноратов, еще осенью 2011г. не было местных отделений в Загуане, Кефе и Бедже (хотя по стране действовало более 200 партийных секций)⁹⁰.

⁸⁷18.01 в страну вернулся Монсеф Марзуки (Конгресс за республику), а 30.01 — исторический лидер «Нахды» Рашид Ганнуши.

⁸⁸Разрешенные: Движение демократов-социалистов, Партия народного единства, Партия социал-либералов, «Тадждид», Демократический юнионистский союз, Партия зеленых за прогресс и непредставленные в парламенте Демократический форум за свободы и работу и ДПП. Запрещенные: Партия левых социалистов, КПРТ, Конгресс за республику и «Нахда». Конгресс в стране фактически не действовал, а относительно структур Нахды остаются сомнения, поскольку ранее считалось, что Бен Али удалось полностью уничтожить исламистские структуры, но скорость их восстановления после революции заставляет предположить, что они просто заморозили свою деятельность. Это мнение подтверждают и некоторые очевидцы.

⁸⁹Впрочем, ведущий тунисский политолог Х. Редисси полагает, что при ее регистрации 8 статья конституции была нарушена: Redissi H. La Nahdha et la transition democratique // Observatoire tunisien : [http://observatoiretunisien.org/upload/file/REDISSI\(1\).pdf](http://observatoiretunisien.org/upload/file/REDISSI(1).pdf) P. 4.

⁹⁰Khakfaoui M.S. Le parti democrat progressiste en la période allant du 15 janvier 2011 jusqu'au 15 septembre 2011 // Observatoire tunisien : [http://observatoiretunisien.org/upload/file/Khalkfaoui\(1\).pdf](http://observatoiretunisien.org/upload/file/Khalkfaoui(1).pdf) P. 44. Только у «Нахды» структура была разветвленной — на прессконференции в начале июня Рашид аль-Ганнуши упомянул о существовании 250 отделений.

Неясным остается вопрос и о численном составе партий. ДПП и «Нахда» указывали, что их членские билеты выданы порядка 25–30 тыс. человек. При этом известно, что, опасаясь повторения сценария 1990-х гг., когда исламистское движение было разогнано властью, а тысячи его членов попали в тюрьму, «Нахда» не спешила увеличивать свою численность, и зачастую ее симпатизанты (даже очень активные) в партию намеренно не вступали. Кроме того, многие тунисцы меняли свою партийную принадлежность по два-три раза в течение полугода, а иные одновременно состояли в нескольких партиях. Наконец, сам процесс бесконечных дроблений и слияний делает точный подсчет почти невозможным.

Тем не менее, наиболее активные и развитые партии выделить можно. Это «Нахда», Конгресс за республику, ДПП, Форум, КПРТ, запрещенная и антисистемная «Хизб ат-тахрир» и, наконец, объединившиеся в июне с десятком умеренно левых сил в Демократический модернистский полюс «Тадждид» и Партия левых социалистов. Все они существовали и до революции, почти все имели относительно развитые структуры (самыми разветвленными по охвату были «Нахда» и ДПП, наиболее жесткими — у радикалов — ТКПР и «Хизб ат-тахрир») и финансирование⁹¹.

Из новых наиболее значительными были «Афак Тунис» («Тунисские перспективы») и Инициатива — созданные на руинах ДКО⁹², но значительно менее известные, чем любая из организаций, упомянутых ранее. Вообще же, большинство новых партий представляли собой скорее небольшие клубы, деятельность которых поддерживалась благодаря пожертвованиям меценатов.

Непросто классифицировать тунисские партии и с точки зрения их идеологической принадлежности. До революции большинство из них не имело четкой идеологии (исключение составляют исламисты и левые радикалы), ее отсутствие в полной мере компенсировалось пафосом борьбы с диктатурой. Отсутствие политических программ и необходимость спешной идеологической самоидентификации после 14.01 привели к тому, что большинство организаций объявляли себя центристскими или левоцентристскими. Практически все они говорили о демократии и справедливости, об уважении прав человека, о построении социально ориентированного государства (зачастую «скандинавского типа»), об арабском и магрибинском единстве и т.п. Откровенно маргинальные позиции занимали несколько экологических и праволиберальных партий. Чуть в меньшей степени, но это же относится и к партиям арабских националистов, чьи главные лозунги (аш-Шааб юрид тахрир филластин! — Народ хочет освобождения Палестины!) вызывали ностальгические

⁹¹Самой состоятельной была «Нахда», причем свои финансовые возможности она демонстрировала не без удалы (шикарная штаб-квартира, аренда муниципального театра для празднования юбилея организации, многочисленная реклама). По заявлениям ее представителей партия финансировалась на пожертвования ее членов, что кажется не очень вероятным, поскольку крупный бизнес ее в массе своей не поддерживал. На вопросы о внешних денежных вливаниях представители «Нахды» отвечать отказывались. Успешно финансовые проблемы решала и ДПП — она почти сразу стала привлекать в свои ряды бизнесменов и вскоре приобрела имидж «партии богатых». Самой бедной из означенных партий была, вероятно, ТКПР, не имевшая иных поступлений, кроме членских взносов своих марксистско-ленинских приверженцев.

⁹²О такого рода партиях см: Khémira Ch. La recomposition du Mouvement Destourien // Observatoire tunisien [en ligne]: [http://observatoiretunisien.org/upload/file/Khmira\(1\).pdf](http://observatoiretunisien.org/upload/file/Khmira(1).pdf).

воспоминания о давно забытых временах и более всего походили на магические формулы, не имеющие никакого отношения к политической реальности. Политологи иронично отмечали, что странно ожидать объединения арабов от партии «Баас» — представленная в трех вариантах (просирийском, проиракском и «независимом»), она не могла объединиться сама с собой.

Пожалуй, единственным значимым идеологическим маркером в преддверии выборов стал вопрос о роли религии в будущем государстве и о формулировке первой статьи конституции⁹³. Согласно конституции 1959 г.: «Тунис — это свободное, независимое и суверенное государство, его религия — ислам, язык — арабский, режим — республика»⁹⁴, причем в арабском тексте «его» относится к «Тунису», а не к «государству». Такая формула в свое время позволила Бургибе обойти вопрос о государственной религии, одновременно подчеркнув исламскую идентичность Туниса. Вместе с тем всем своим «светским» реформам первый президент обязательно давал религиозное обоснование посредством иджитхада, т.е. свободного богословского истолкования священных текстов. Тем самым вопрос о светскости снимался сам собой. Актуализация его была связана с развитием исламистского движения в 1980 — нач. 1990-х гг.⁹⁵, а в 2000-е гг. он на практике выражался в стратегии поведения светских оппозиционных сил относительно религиозных. Создание в 2005 г. Коллектива 18 октября за права и свободы⁹⁶, призванного, по мысли основателей, консолидировать антибеналистские силы, со всей ясностью обозначило этико-политическую проблему: любой ли враг моего врага мой друг? Отказ ат-Тадждид от вступления в коалицию и выход из ТКПР Мухаммеда Килани, создавшего Левую социалистическую партию, были вызваны исключительно нежеланием объединяться с «Нахдой» и имели серьезные последствия уже после революции.

Поведение в той ситуации «Тадждид» и ДПП стало единственным знаком отличия между этими двумя организациями («Тадждид» считалась «этически безупречной», а ДПП прагматичной) и причиной того, что «Тадждид» стал прибежищем вестернизированной интеллигенции, наиболее последовательно отстаивавшей светскость-*laïcité* Туниса. Эта *laïcité* — понятие редко употребляемое в тунисском политическом лексиконе и большинством населения воспринимавшееся как синоним атеизма — была поднята на щит таджидовцами и стала стержнем объединения антиисламистских сил в Демократический модернистский полюс (июнь). Непонимание предмета борьбы и восприятие таджидовцев как «страшно далеких от народа» франкофонных атеистов привело к тому, что полюс так и не завоевал существенной популярности в массах. Вместе с тем, симпатии, испытываемые к нему значительной частью влиятельной в переходный период интеллигенции, приводили к обвинению партии в давлении на органы власти⁹⁷.

⁹³Другие активно обсуждавшиеся вопросы — об административно-территориальном устройстве страны и развитии регионов, о плюсах и минусах президентской и парламентской форм правления, о методах борьбы с безработицей — вызывали гораздо меньше общественного интереса.

⁹⁴<http://www.jurisetunisie.com/tunisie/codes/constitution/const1005p.htm>

⁹⁵См.: Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008.

⁹⁶См.: Geisser V., Gobe E. La question de «l'authenticité tunisienne» : valeur refuge d'un régime à bout de souffle? // L'annuaire du Maghreb, 2007, №3 [en ligne]: <http://anneemaghreb.revues.org/387#tocto1n21>

⁹⁷Мухтал аль-Яхьяуи, из материалов личных бесед, июнь 2011.

Что касается главного противника полюса — «Нахды», то ее политическое поведение отличалось двойственностью, вообще свойственной исламистским партиям. При том, что представители партии неустанно характеризовали ее как некий аналог турецкой ПСР, притчей во языцех стал «двойной дискурс» «Нахды» — с одними речами ее лидеры выступали перед прессой и совершенно с иными обращались они к своим сторонникам с минбаров мечетей. По мнению ведущего тунисского политолога Х. Редисси, двойной дискурс (модернистский и реакционный) знаменовал двойную стратегию (мирную и насильственную), которая осуществлялась посредством двойной организации (публичной и секретной)⁹⁸. С мнением о наличии двойного дискурса в партии вполне можно согласиться, однако стоит уточнить причины его появления. Представляется, что помимо осторожности и позиционирования себя как вполне респектабельной силы, дело было еще и в стремлении завоевать популярность у всего исламистского электората страны — радикального, умеренного, просто антизападного или консервативного⁹⁹, а также в наличии конфликта поколений внутри партии (молодые сторонники партии были радикальнее ее руководства)¹⁰⁰. Соответственно, двойной дискурс отражал отсутствие единства внутри партии и был следствием неконтролируемости ее социальной базы. Что же касается наличия подпольных боевых отрядов «Нахды», то никаких доказательств этого мне встречать не приходилось (нахдистская молодежь, дерущаяся с молодежью ДПП, вряд ли может быть примером боевого отряда), хотя тесные отношения между радикальным крылом партии (Садок Шуру¹⁰¹) и салафитами предполагают, что при определенном развитии событий такие отряды могли быть сформированы¹⁰².

Что же касается предвыборной программы «Нахды», то она скорее напоминала программу консервативной популистской партии, чем исламистскую. Говорилось в ней и о правах человека, и о демократии, и о неизбежности достижений Туниса в сфере прав женщин, и о продолжении традиции иджитхада, и о необходимости всемерного развития отношений страны с европейскими партнерами. Консерватизм заключался в подчеркивании приверженности традиционным ценностям (семья, брак и т.п.) и арабо-мусульманской идентичности. Основными же проявлениями религиозности документа были цитаты из Корана и то, что в первой статье ислам назывался религией государства Туниса.

⁹⁸Redissi H. La Nahdha et la transition démocratique... P. 3.

⁹⁹Некоторые из опрошенных мной сторонников «Нахды» из простонародных кварталов столицы полагали, что «Нахда» сделает из Туниса вторую Турцию, другие — что второй Иран. Первые настаивали на уважении прав женщин, вторые понимали эти права исключительно в духе салафитского ислама. Кроме того, характерно, что в некоторых салафитских мечетях сторонники «Нахды» молились вместе с представителями «Хизб ат-тахрир», в то время как в других между ними происходили массовые драки — нахдистов обвиняли в лицемерии и мягкотелости.

¹⁰⁰Наличие этого конфликта подтверждают и сами руководители организации. Так, Абдала Зуари считает, что «фигура Абдельфатаха Муру неприемлема для нашей молодежи, которая считает, что этот исторический лидер партии недостаточно пострадал за ее дело и вообще слишком либерален» (из материалов личных бесед, июнь 2011).

¹⁰¹Преподаватель Тунисского университета Садок Шуру являлся теньвым руководителем Движения Исламской Направленности (старое название Нахды) и затем партии «Нахда» с марта 1988 г. до мая 1991 г., что выяснилось лишь после его ареста. Он получил приговор к смертной казни, замененной на пожизненное заключение; в октябре 2010 г. был помилован.

¹⁰²Известно, что салафитская молодежь проходила спецподготовку по боевым искусствам в молодежных спортивных секциях, которые одновременно выступали и местом вербовки новых членов движения.

Однако представляется, что не удачная программа стала причиной популярности «Нахды» (в конце концов, программы «Тадждида» и ДПП были гораздо продуманнее и конкретнее), а несколько иные факторы: большие финансовые возможности, исторический имидж¹⁰³ и умение работать с электоратом (использование мечетей, организация помощи бедным, свадеб, похорон и пр.).

Вообще отношение к электорату и массовым действиям может служить важным признаком для классификации партий переходного периода. При Бен Али все они были партиями элитарными, чья деятельность сводилась в основном к индивидуальным демаршам их лидеров¹⁰⁴, после революции им пришлось завоевывать популярность у масс, что подразумевало и необходимость структурной реорганизации, и готовность к некоторому популизму в политических программах, и существенное упрощение дискурса. Этот аспект политической стратегии партий в большой степени выражался в их отношении к революционным органам власти — третьему типу структур, через которые население приобщалось к политике.

Появление этих структур было вызвано тем, что буквально на следующий день после свержения Бен Али все старые политические игроки утратили свою легитимность, причем это касается не только правительства, парламента и ДКО, но и профсоюзов, и оппозиционных партий — одни были частью прежней системы, другие же вовсе не были известны. В этой ситуации появились предложения о создании некоего органа революционной власти¹⁰⁵.

Первая такая инициатива, вполне в соответствии с традицией, была выдвинута леворадикальными силами — это был Фронт 14 января¹⁰⁶ — политическая платформа по защите революции и борьбе с реакцией. Наиболее значимой силой в нем была ТКПР, к которой примкнули такие экзотические для Туниса организации, как Баас, юнионисты-насеристы, националисты-демократы и т.п. Фронт ставил перед собой задачи роспуска правительства «бывших», роспуска ДКО и конфискации его имущества, формирования переходного правительства, «пользующегося доверием народа», роспуска всех органов представительной власти и подготовки выборов в Учредительное собрание в течение года¹⁰⁷. Буквально через несколько дней после создания (26.01) прозвучало предложение преобразовать его в Национальный конгресс по защите революции, в который бы вошли представители профсоюзов, НПО и политических партий, что и было сделано 12.02.

¹⁰³Исламисты были главными жертвами режима Бен Али, только с ними он боролся открыто и беспощадно, соответственно, они были не только хорошо всем известны, но и имели ореол мучеников. Последовательная антиисламистская пропаганда «ат-Тадждида» и других партий только добавляла им очков, поскольку создавала впечатление, во-первых, несправедливости («Они тоже дети Туниса!», — говорили многие), а во-вторых, отвращения внимания от насущных проблем (безработица и т.п.) на второстепенные (хиджаб и т.п.).

¹⁰⁴Голодовки Майи Джриби и Шебби.

¹⁰⁵Подробнее о них см.: Chaker H. Les conseils pour la protection de la revolution // Observatoire tunisien [en ligne] : [http://observatoiretunisien.org/upload/file/HOUKICORR\(1\).pdf](http://observatoiretunisien.org/upload/file/HOUKICORR(1).pdf)

¹⁰⁶<http://www.vp-partisan.org/article361.html>

¹⁰⁷<http://www.vp-partisan.org/article361.html>

Второй инициативой стала идея Ахмеда Местири¹⁰⁸, Сихем Бенседрин¹⁰⁹ и Абдерразака Килани¹¹⁰ создать «Совет мудрецов», который бы заменил на переходный период правительство. Помимо представителей партий, профсоюзов и НПО в него предлагалось включить юристов и наиболее авторитетных государственных деятелей (А. Местири, Ахмеда Бен Салаха и др.).

Наконец, третий проект был выдвинут генсеком Форума Мустафой Бен Джафаром, который призвал создать Комитет по защите революции, в который бы вошли «все живые силы страны».

Эти три проекта отличались, главным образом, не по заявленным целям или методам действия (первые были схожи, а до вторых дело не дошло¹¹¹), а по отношению к революции тех политических сил, которые их выдвигали. Крайне левые верили в революцию и считали, что «нужно уважать ее логику»: «Весь мир насилья мы разрушим, / До основанья, а затем / Мы наш, мы новый мир построим...»¹¹². Либеральные правозащитники и старые оппозиционеры готовы были признать нелегитимность власти, но вместе с тем они питали неприязнь к массовым действиям любого рода, к «народу», именем которого действовали крайне левые, — отсюда желание передать власть органу, состоящему из выдающихся личностей. Наконец, руководители Форума пытались «оседлать» революцию и занять как можно более крепкие позиции во власти.

К началу февраля между этими тремя проектами был найден некий компромисс, что привело к созданию 11.02 Национального совета по защите революции (НСЗР), в который вошло 28 организаций, в том числе весь Фронт 14 января, Форум, ВТСТ, «Нахда», Конгресс за республику, Национальный совет адвокатов, Союз дипломированных безработных, студенческий профсоюз. При всем многообразии вошедших в него организаций (исламистских, националистических, левых, синдикалистских и правозащитных) НСЗР имел явно красноватый политический оттенок. Характерно, что крупнейшими из политических организаций, отказавшихся войти в НСЗР, были уже представленные в правительствах М. Ганнуши ДПП и ат-Тадждид — обе партии упрекали НСЗР в стремлении свергнуть страну в анархию¹¹³.

Между тем главным стремлением Совета был абсолютный и окончательный разрыв с беналистским прошлым, исполнение полноты революции. Соответственно он требовал возможности принимать политические решения, контролировать законодательство переходного периода, правительство и правительственные комиссии, а также назначения высших чиновников. В конце концов, он должен был подготовить страну к выборам в Учредительное собрание, после чего был бы распущен¹¹⁴.

¹⁰⁸Этот ветеран тунисской политической жизни в 1970-е гг. возглавлял демократическую оппозицию Бургибе (в нее входил и Каид ас-Себси), но в конце 1980-х ушел на покой, покинув ряды основанного им Движения демократов социалистов после того как оно провалилось на парламентских выборах 1989 года.

¹⁰⁹Правозащитница, создавшая в 1990-е гг. Национальный совет за свободы в Тунисе. Шеф-редактор оппозиционного радио Калима.

¹¹⁰Адвокат, в 1990-е гг. президент оппозиционной Гильдии молодых адвокатов, основатель Союза молодых адвокатов Магриба, председатель Гильдии адвокатов.

¹¹¹Исключение составляет участие Фронта в организации Касбы-1.

¹¹²Из материалов личных бесед с Фахемом Букаддусом, июнь 2011.

¹¹³Chaker H. Op.cit. P. 19–20.

¹¹⁴Les 7 points de la déclaration du Conseil National pour la Protection de la Révolution // Tunisie numerique : <http://www.tunisienumerique.com/les-7-points-de-la-declaration-du-conseil-national-pour-la-protection-de-la-revolution/9949>

Помимо общенационального НСЗР и вне зависимости от него советы по защите революции открывались и на местах, причем появились они спонтанно сразу после 14.01 — зачастую основой их формирования служили те самые отряды самообороны, которые обеспечивали безопасность кварталов в первые послереволюционные дни.

НСЗР пытался опереться на эти местные и региональные советы, для чего использовал ресурсы ВТСТ — советы должны были базироваться в местных отделениях профсоюзов и использовать их кадровый потенциал, что в свою очередь придавало советам некоторую легитимность¹¹⁵.

При всех сложностях структуризации НСЗР¹¹⁶ теоретически у него была возможность стать основным институтом власти в переходный период (причем институтом, опирающимся на широкие слои населения), если бы организации его составившие преследовали схожие цели и были готовы к решительным действиям.

Однако к середине февраля в обществе уже чувствовалась усталость от все никак не кончавшихся беспорядков, отсутствие безопасности считалось основной проблемой Туниса, да и правящая элита выказывала готовность пойти навстречу НСЗР. Уже 18.02 был издан указ о создании независимой общественной организации — Высшей инстанции по реализации целей революции, политической реформе и демократическому транзиту (далее — ВИ), основой которой послужила комиссия по политическим реформам, возглавлявшаяся Йазом Бен Ашуром. Одновременно 22.02 Фуад Мебазаа отверг предложение НСЗР издать указ о признании Совета и передачи ему властных полномочий, зато вскоре предложил его членам войти в ВИ.

Задача ВИ, согласно указу, состояла в «изучении законодательных актов, относящихся к политической организации, в предложении реформ и конкретизации целей революции, связанных с демократическим процессом»¹¹⁷ — фактически это был высший орган законодательной власти в оставшуюся часть переходного периода, решения ВИ передавались президенту и обретали законную силу посредством президентских указов.

Создание ВИ было, конечно, компромиссом между властью (и лояльными ей общественными силами) и НСЗР: последняя входила во власть, отказавшись от самых радикальных своих требований и от претензий на верховодство революцией, первая же компенсировала недостаток легитимности и устраняла опасность возникновения двоевластия в стране.

Единственными силами, отказавшимися пойти на компромисс, были, естественно, крайне левые — почти весь Фронт 14 января отклонил приглашение в ВИ и неустанно обвинял организацию в нелегитимности, нерепрезентативности и юридической некомпетентности. Все три обвинения представляются несколько надуманными. ВИ была легитимна ровно настолько, насколько это вообще было возможно в революционный период. Несмотря на относительную произвольность формирования¹¹⁸, она была более репрезентативна, чем любой из

¹¹⁵Chaker H. Op.cit. P. 9–17.

¹¹⁶Ibidem.

¹¹⁷http://www.iort.gov.tn/WD120AWP/WD120Awp.exe/CTX_97592-12-euVKAxVZlb/RechercheTexte/SYNC_-802167546

¹¹⁸Если партии и организации сами определяли, кого направить в ВИ, то независимых ее членов приглашал премьер-министр. Никаких юридических процедур для их выбора не существовало.

существовавших ранее тунисских парламентов, правда, представляла, в основном, не население вообще, а ту его часть, которая может быть названа гражданским обществом. Наконец, юристы играли ключевую роль в ее деятельности.

ВИ состояла из комитета экспертов, в который входило 15 юристов во главе с Йазом Бен Ашуром¹¹⁹ и который разрабатывал законопроекты, и совета, который эти проекты обсуждал и принимал. Сначала в совет входило 72 человека, затем (в апреле) его состав был расширен до 155 и оставался таким, пока в июне ВИ не покинула «Нахда». Среди этих 155 человек были представители 12 партий¹²⁰, профсоюзов и основных НПО, регионов, члены семей «мучеников революции» и 72 «выдающиеся личности» (правозащитники, крупные ученые и т.д.).

Неприсоединение к ВИ крайне левых и расширение состава участников при том, что почти половина из них не представляла никакие организации, делает определение идеологической ориентации инстанции почти невозможным. Однако обвинения ее в подконтрольности ат-Тадждиду кажутся не совсем бесосновательными, хотя речь должна идти скорее о симпатиях многих членов ВИ, представлявших круги вестернизированной интеллигенции, к этой партии.

Действительно, довольно быстро внутри ВИ наметился раскол между светскими партиями и Нахдой, которую неизменно поддерживал Конгресс за республику. Эти партии выступали в оппозиции к большинству по основным обсуждавшимся ВИ вопросам (о дате выборов, о принятии закона о партиях, о финансировании партий), но главным камнем преткновения стал Республиканский пакт. Отчаянно отстаиваемый ат-Тадждидом, этот пакт должен был стать неким рамочным соглашением всех политических сил страны, описывающим базовые принципы тунисской государственности и — самое главное — гарантирующим отделение религии от политики. Заявив, что принятие такого документа возможно лишь Учредительным собранием, «Нахда» и Конгресс покинули ВИ, после чего подписание пакта утратило основной смысл, а легитимность инстанции несколько снизилась.

Резюмируя сказанное выше относительно политических партий и органов революционной власти, нужно отметить, что эволюция последних определялась противостоянием реформистски настроенных элит и революционных масс. При этом если в первые полтора-два месяца ситуацию определяли первые, то достигнутый в феврале компромисс означал

¹¹⁹Сам по себе руководитель ВИ — фигура во многом эмблематическая. Внук верховного муфтия Туниса, сын известного религиозного деятеля и синдикалиста, обеспечивавшего богословское обоснование реформ Бургибы (в частности, Кодекса гражданского состояния), он сам является виднейшим в стране специалистом по мусульманскому праву и исламской политической теории. Некогда был деканом юридического факультета и членом Конституционного совета, из которого вышел в 1992 г. в знак протеста против реформ Бен Али. Критиковал политику президента и в дальнейшем, выступал против поправок к конституции 2002 г. Сестра Йаза Бен Ашура Сана (также юрист) на момент революции возглавляла одну из самых активных оппозиционных НПО «Движение женщин-демократок»; его брат Рифаа состоял членом правительства Каида ас-Себси, а в июле был назначен послом в Марокко.

¹²⁰ДПП, ат-Тадждид, Форум, «Нахда», Конгресс за республику, Левая социалистическая партия, Движение демократов-социалистов, Тунисская партия демократической и патриотической работы, Зеленый Тунис, Партия реформы и развития, Движение патриотов-демократов, Арабский демократический авангард. Полный состав см.: Tunisie: liste des 155 membres du Conseil pour la réalisation des objectifs de la révolution // <http://www.espacemanager.com/politique/tunisie-liste-des-155-membres-du-conseil-pour-la-realisation-des-objectifs-de-la-revolution.html>

фактическую победу последних, в результате которой демократический транзит был введен в правовое поле, но руководство им было целиком монополизировано ВИ, а народные массы были исключены из политического процесса в качестве его активных участников. Приблизительно с апреля месяца главным открытым для них каналом вовлечения в политику становятся НПО, профсоюзы и партии.

При этом в качестве основных классификационных признаков партий служат: а) время их создания (старые и новые партии), б) идеология вообще и позиция по религиозному вопросу в частности (светские и религиозные), в) степень радикализма (умеренные и радикальные), г) отношение к революции («революционные» и «реформистские») и д) массовость.

На основании этих признаков может быть составлен следующий рейтинг электорально-го потенциала основных политических партий:

	Время создания	Идеологические принципы	Отношение к революции	Радикализм	Массовость	Итого
	0 — новая 1 — старая	0 — нет или догматические 1 — слабо выраженные 2 — выраженные	0 — реформизм 1 — стремление «оседлать» революцию 2 — революционный радикализм	0 — радикальная 1 — готовая к радикальным действиям при необходимости 2 — умеренная	0 — элитарная 1 — стремление к массовости 2 — массовая	
«Нахда»	1	2	1	1	2	7
Конгресс	1	1	1	2	1	6
Форум	1	1	1	2	1	6
ДПП	1	1	0	2	1	5
«Ат-Тадждид»	1	2	0	2	0	5
Левая социалистическая партия	1	0	2	1	0	4
КПРТ	1	0	2	0	0	3
«Хизб ат-тахрир»	0	0	2	0	0	2

Роня лепестки Выборы

Главной задачей работы ВИ была подготовка всей законодательной базы, связанной с выборами в Учредительное собрание. Проблем тут было множество: дата, система голосования, количество мест, требования к кандидатам и т.д. и т.п. — по каждому из этих вопросов шли очень долгие и тяжелые споры, носившие зачастую совершенно непарламентский характер¹²¹ — останавливаться на них здесь подробно не позволяет формат статьи.

Первоначально выборы должны были пройти 24 июля, т.е. в первое воскресенье через полгода после учреждения ВИ (18.07 было понедельником). Шестимесячная отсрочка казалась вполне естественной — этого времени должно было хватить на юридическую и техническую подготовку, партиям это давало возможность проявить себя, кроме того, это коррелировало с требуемым по конституции назначением парламентских выборов через полгода после роспуска. Наконец, летом в любом случае ожидалось политическое затишье — и это вселяло надежды на то, что все пройдет спокойно.

Однако уже к концу весны стало очевидно, что 24.07 — дата совершенно нереальная, причем прежде всего технически.

18.04, т.е. только через два месяца после начала работы ВИ, был издан президентский указ о формировании независимого избиркома: в него должны были войти 16 человек, имевших опыт в проведении выборов, но при этом не участвовавших в работе ДКО в течение последних шести лет. Членов комиссии выбирала ВИ из кандидатур, предложенных профорганизациями магистратов, адвокатов, нотариусов, журналистов, правозащитными НПО, профессурой и др.¹²² Утверждение окончательного списка заняло месяц — 20.05 он был опубликован в специальном президентском указе¹²³. Назначенной комиссии предстояло создать местные и региональные избиркомы, обеспечить их технически и — самое главное — подготовить списки избирателей. В результате в конце мая председатель обратился к президенту с просьбой о переносе даты голосования.

Имело это и политическую подоплеку — единственными относительно известными в обществе партиями в начале лета были «Нахда» и ДПП — они (а также неизменный спутник «Нахды» — Конгресс за республику) и выступили против отсрочек, аргументировав свою позицию необходимостью «стабилизации обстановки в стране» и намекнув на «возможный заговор» в рядах ВИ. «Нахда» тогда даже приостановила свое членство в ВИ¹²⁴ — вполне вероятно, что столь жесткая позиция была связана с угрозой выхода внутривыборных противоречий наружу¹²⁵.

¹²¹Иаз бен Ашур во время встречи с юристами, организованной на факультете права и политических наук, рассказывал, как тяжело организовывать работу ВИ: «Все идет медленно и непросто. Практически ни у кого из участников нет опыта парламентских дебатов, многие пострадали при Бен Али... Как можно реагировать, когда перед нами выступают родственники погибших — они не разбираются в политике, но у них своя правда, которую мы должны уважать. Матери, рыдающие на трибуне, — с этим ведь ничего не поделаешь...» — из материалов личных бесед, июнь 2011.

¹²²http://www.iort.gov.tn/WD120AWP/WD120Awp.exe/CTX_125784-5-OMgRgQuXJV/PAGERechercheMulticriteresResultat/SYNC_-697055546

¹²³http://www.iort.gov.tn/WD120AWP/WD120Awp.exe/CTX_125784-5-OMgRgQuXJV/AfficheJORT/SYNC_-697530781

¹²⁴Chaker H. Op. cit. P. 30.

¹²⁵Ярчайший пример — отношения между двумя историческими лидерами «Нахды»: Р. Ганнуши и А. Муру. Несмотря на то, что они неизменно характеризовались как «очень дружеские», участие Муру в деятельности партии постоянно оставалось под вопросом. Так, он присутствовал на пресс-конференции, посвященной 30-летию юбилею партии 06.06, однако вскоре заявил, что «не видит для себя места» в «Нахде».

И все же выборы были перенесены — сначала на 16 октября, а затем и на 23.

Параллельно с решением вопроса о дате шло обсуждение и самой процедуры всенародно-го волеизъявления. Результатом дебатов стал изданный 10.05 указ. В преамбуле его говорилось о решимости порвать со старым режимом, «основанном на произволе и пренебрежении к воле народа», о верности принципам революции, целью которой являлось установление «законности, основанной на демократии, свободе, равенстве, социальной справедливости, достоинстве, плюрализме, правах человека и периодической мирной смене власти»¹²⁶ — пожалуй, это самая полная официальная характеристика целей революции.

Далее подробно описывались требования к участникам голосования и сама процедура. Выборы должны были пройти в 27 избирательных округах (по два в гуверноратах Тунис, Набель и Сфакс, по одному в остальных) по избирательным спискам (в каждом — 50% женщин¹²⁷), в которые могли быть включены представители политических партий, профсоюзов, общественных организаций и независимые кандидаты. Не имели права избираться министры правительств Бен Али (за исключением тех, кто не состоял в ДКО), руководители ДКО, лица, выступавшие с инициативой выдвижения Бен Али в президенты в 2014 г., а также магистраты, дипломаты и руководители регионов. Избирателем был каждый тунисец старше 18 лет, за исключением военнослужащих, служащих внутренних войск и гражданских, проходящих военную службу¹²⁸. Кроме того, избирательного права лишались те, чье имущество было конфисковано после падения режима, и заключенные, отбывавшие наказание по уголовной статье или присужденные более чем к 6 месяцам тюрьмы.

Предусмотренная указом пропорциональная система голосования по методу наибольшего остатка предоставляла максимум возможностей наиболее слабым спискам.

Это распоряжение президента было исполнено в точности, однако результаты сильно отличались от прогнозируемых.

Согласно сентябрьским опросам 83% тунисцев собирались прийти на участки и большая часть из них более или менее определилась со своими пристрастиями: 25% проголосовало бы за «Нахду», 16% — за ДПП, 14% — за Форум, 8% — за Конгресс, остальные участники получили бы по 3 и менее процентов голосов.¹²⁹ Все это было более или менее ожидаемо и соответствовало субъективным ощущениям наблюдателей (разве что ничтожный процент возглавляемого «Тадждидом» полюса удивлял): политологи (как тунисские, так и западные) неустанно повторяли, что в Тунисе нет серьезных исламистских настроений. Однако они не учитывали трех обстоятельств: того, что по тем же опросам почти половина респондентов не была окончательно уверена в своем выборе; того, что электорат Нахды — это далеко не только исламисты, но и просто консерваторы, и значительная часть политически пассивного населения, считавшего «Нахду» «единственной партией, которая хоть что-то делает»; и наконец того, что политика с университетской кафедры или из-за столика кафе

¹²⁶http://www.iort.gov.tn/WD120AWP/WD120Awp.exe/CTX_125784-5-OMgRgQuXJV/AfficheJORT/SYNC_-697352562

¹²⁷Горячим сторонником этого вполне феминистского, но сомнительного в демократическом плане требования, выступила «Нахда».

¹²⁸Это ограничение всегда присутствовало в тунисском избирательном законодательстве.

¹²⁹<http://observatoire.tunisien.org/pdf/OpinionWay.pdf>

Пальмарион на бульваре Бургибы видится несколько иначе, чем из народных кварталов.

23.10 на избирательные участки пришло 3 702 627 зарегистрированных избирателей, еще 500 тыс. человек проголосовало по удостоверениям личности, таким образом явка составила лишь 55%. 37% отдали свой голос «Нахде», 8,7% — Конгрессу, 7% — Форуму, 3,94% — ДПП, 3,19% — Инициативе, 2,79% — Демократическому модернистскому полюсу, 1,89% — «Афак Тунис», 1,57% — КПРТ, 1,36% — Патриотическому либеральному союзу. И 6,74% — малоизвестному списку независимых «Народная петиция» во главе с некогда отколовшимся от Нахды лондонским миллионером, владельцем телеканала аль-Мустакилля и журналистом исламистского толка Мухаммедом аль-Хашми Хамди. Таким образом, силы исламистской ориентации («Нахда», Конгресс и Петиция) получили в УС более 50% мест¹³⁰.

Представляется, что высокий процент Конгресса и Петиции связан с тем, что они с самого начала выступали в одной связке с Нахдой (о причинах ее успеха уже сказано ранее), хорошие результаты Форума — следствие того, что со дня свержения Бен Али эта партия неустанно демонстрировала свою «революционность» и невестернизированность¹³¹. Зато демонстративная светскость и сотрудничество с левыми силами ат-Тадждида, курс на вовлечение бывших членов ДКО и привлечение крупного бизнеса ДПП, умеренность этих партий, их желание перевести революцию в формат реформ — стали причиной их сокрушительного поражения.

В ноябре 2011 г. Учредительное собрание Туниса начало свою работу. Буквально в первые дни три партии, получившие наибольшее количество голосов — «Нахда», Конгресс и Форум, смогли изолировать остальных и объединиться в правящий триумвират. Монсеф Марзуки словно в исполнение своего январского обещания стал президентом страны, генсек Нахды Хамади Джебали — премьер-министром, а Мустафа Бен Джафар — спикером Учредительного собрания, на время работы которого в стране была установлена фактически парламентская система (с УС вместо парламента).

Плоды жасмина?

Плоды жасмина — блестящие черные ягоды — гораздо менее приметны, чем его пахучие цветы, к тому же появляются они на кустарнике не всегда и зачастую об их существовании вообще забывают.

Тунисский жасмин еще не плодоносил, однако на месте вчерашних цветов уже появились завязи будущих ягод — иначе говоря, революция продолжается, и формирование Учредительного собрания ознаменовало начало нового ее этапа — может быть, последнего.

¹³⁰После уточнения результатов мест эти цифры были скорректированы таким образом, что «Нахда» получила 41% (89 мест), Конгресс 29 мест, Форум — 20, Народная петиция — 26, ДПП — 16, Полюс — 5, Инициатива — 5, Тунисские перспективы — 4, ТКПР — 3.

¹³¹Характерно, что представитель Форума Абдельлатиф Абид, ставший впоследствии министром образования, из политиков, с которыми я встречался летом 2011 г., был единственным, кто подчеркнуто вел беседу на литературном арабском языке.

И хотя до полного окончания процесса, которое теоретически должно наступить с принятием конституции и передачей надлежащих полномочий избранным властям, еще довольно далеко, уже сейчас можно попытаться ответить на принципиальный вопрос, поставленный в начале статьи: насколько революционна революция?

При самом общем взгляде, все, что происходило в стране с 17.12.2010 до 23.10.2011, делится на два основных этапа: 17.12 — 18.02 и 18.02 — 23.10. Первый — это этап восстания, когда главным политическим актором была улица. Улица свергла Бен Али, добила роспуска парламента и ДКО и отставки двух правительств М. Ганнуши. Постепенная самоорганизация демонстрантов в совокупности со стремлением ряда политических сил встать во главе революции привели к созданию НСЗР, главной заслугой которого стала необратимость политической трансформации. Вместе с тем, усталость общества от бесконечных волнений, противоречия в интересах и несогласованность в действиях участников НСЗР в совокупности с активностью умеренно настроенной части общества в целом и интеллектуальной и политической элит в частности привели к формированию ВИ — органа, олицетворявшего общественный компромисс и стремившегося к введению демократического транзита в правовое поле.

Появление ВИ означало начало второго этапа революции (18.02–23.10) — реформистского. Относительная постепенность политического процесса в эти месяцы имела следствием и его предсказуемость, и необратимость. Это затишье не только дало возможность структурно и идеологически оформиться основным политическим силам (партиям, НПО и т.д.), но, что еще важнее, оно позволило придать ранее негативному процессу свержения «старого порядка» позитивные устремления. Фактически это был период обретения революцией смыслов. На следующем этапе (т.е. после начала работы УС) должно произойти «углубление» революции, когда эти смыслы будут восприняты пассивной частью общества.

Суммируя вышесказанное, замечу, что, на мой взгляд, то, что произошло в Тунисе — безусловно уже является революцией (январь 2012 г.). Да, в ней было не так много насилия, как в Ливии или даже в Египте, силы, в ней участвовавшие, не предлагали совершенно новые проекты общественного устройства (как это было во Франции или в России), массы требовали, в основном, не свободы как таковой, а освобождения от гнета, наконец, она не привела к полному упразднению уже существовавших управленческих структур, поскольку на среднем и низшем уровне власть еще осенью оставалась той же, что и ранее. Но вместе с тем произошедшие события привели к внезапному и колоссальному расширению политического пространства страны (информационному, социальному и институциональному), вызвали коренную политическую трансформацию и, наконец, придали новые смыслы уже звучавшему когда-то в Тунисе требованию «достоинства», которое и дало второе название самой революции — «Революция свободы и достоинства».

Актуальность и новизна этого требования, возможно, выходят не только за пределы Туниса, но и пересекают границы Ближневосточного региона.

М.Ф. Видясова, А.А. Кашина

Тунис (2012)

Выборы в Национальное учредительное собрание (НУС), состоявшиеся в октябре 2011 г., обозначили начало очередного этапа политической трансформации Туниса. И этап этот оказался ничуть не менее напряженным и драматичным, чем все предыдущие. Его доминантами стали: перегруппировка основных политических сил страны, постепенное оформление ее новой политической архитектуры и борьба между исламистами и поборниками светскости за влияние на общественное мнение, проходившая на фоне естественных для переходного периода социально-экономических трудностей.

Страсти разгорелись уже вокруг первой статьи Основного закона, которая была принята 14 апреля 1956 г. и гласила: «Тунис — свободное, независимое и суверенное государство, его религия — ислам, язык — арабский»¹. В свое время активисты «Движения исламской направленности» яростно нападали на эту статью, считая, что в ней недостаточно четко прописана роль ислама как официальной религии Туниса, а лишь констатируется тот факт, что ее исповедует подавляющее большинство населения страны. И действительно, в этом заключался замысел Бургибы, который, по воспоминаниям современников, был близок к тому, чтобы внушить депутатам первого Национального учредительного собрания (НУС) Туниса идею отделения государства от религиозной сферы, но не смог преодолеть их сопротивление и пошел на вынужденный компромисс.

С первых же дней после избрания нынешнего НУС депутаты-исламисты стали с большей или меньшей настойчивостью требовать введения в проект новой конституции положения

¹Эта статья вошла в полный текст конституции 1959 г. с добавлением «государственный строй — республика» (ибо монархия беев Хусейнидов была уже упразднена) и с тех пор не изменялась.

о том, что шариат служит основным источником законодательства. То есть пункта, аналогичного тому, что появился с 1980 г. в конституции АРЕ, а также вошел как в старую конституцию Сирии (1973 г.), так и в новую, принятую в феврале 2012 г.

При этом лидер радикального крыла «Нахды» Садок Шуру заявил, приступая к своим депутатским обязанностям: «Мы будем работать над закреплением исламской идентичности народа. Мы постараемся заложить в конституцию статьи, которые гарантируют перво-степенность ислама». В свою очередь Хамади Джебали договорился 15 ноября 2011 г. до того, что «мы стоим на пороге исторического момента, возможно, шестого халифата». Подобные заявления подняли бурю возмущения в лагере модернистов, стоящих на страже светских завоеваний Туниса. В том числе изданного 13 августа 1956 г. Закона о личном статусе, которым был наложен запрет на полигамию и в основном уравнивались права мужчины и женщины в семейно-брачных отношениях². Под давлением общественности НУС признало этот закон неприкосновенным.

Точка в споре по вопросу о шариате была поставлена 26 марта 2012 г. Правящая коалиция сочла за благо повременить с провозглашением приоритета исламских догм, пресс-центр Нахды сообщил, что первая статья конституции останется в прежнем виде. По данным СМИ, такое решение движению умеренных исламистов далось нелегко. Министр юстиции Нуреддин Бхири, давнишний активист Нахды, так сформулировал свое мнение по злободневному вопросу о включении в конституцию положения о том, что шариат — основа права: «Тунисское законодательство не нуждается в этом, т.к. оно в целом не противоречит мусульманскому праву». Его поддержали министр внутренних дел, министр иностранных дел и министр по правам человека и правосудия переходного периода. С противоположной позиции выступали Садок Шуру и его единомышленники, заявлявшие, что включение пункта о шариате в конституцию отвечает сокровенным чаяниям народа. Проблема разрешилась после того, как Рашид Ганнуши разделил мнение Бхири, обосновав это требованием Конгресса за республику и Демократического форума за труд и свободы (ДФТС), которые наотрез отказались от редактирования первой статьи Основного закона.

Крайние исламисты тут же выразили свое негодование, в том числе приняв деятельное участие в маршах протеста. К ним нежданно-негаданно присоединился Мухаммед аль-Хашми Хамди: «Это обман всех, кто голосовал за партию “Нахда”», — заявил он, подчеркнув, что она «торгует религией», и призвал всех желающих выйти из нее, чтобы присоединиться к его электоральному блоку Народная петиция.

Обращает на себя внимание следующий факт. В проекте преамбулы будущей конституции, обнародованном 5 июня 2012 г. газетой «Ас-Сабах» («Утро»), сказано, что тунисское государство — «светское». А далее упомянута поддержка борьбы за освобождение братского

палестинского народа «ради установления единства народов Магриба, осуществления общеарабского единства и единения с мусульманскими народами... победы угнетаемых, где бы то ни было, права народов на самоопределение, на справедливые освободительные движения и в первую очередь — движения за освобождение Палестины»³.

Тунисские политологи отмечали, что это всего лишь проект, который, возможно, будет доработан позже⁴. В этой связи следует заметить, что в преамбуле прежней конституции содержалась иная формулировка. Там речь шла о солидарности Туниса (который не определялся как светское государство) с африканскими и всеми «народами, борющимися за свободу и справедливость». В нынешнем виде новая преамбула отражает двоякую позицию умеренных исламистов, ратующих и за построение в Тунисе «светского» государства, и за то, чтобы оно поддерживало борьбу за освобождение Палестины во имя «единения с мусульманскими народами». Кстати, в начале августа 2012 г. увидел свет досрочно подготовленный, хотя и не согласованный между парламентскими комиссиями общий проект будущей конституции Туниса, в 27-й статье которой любые формы нормализации отношений с сионизмом и его [государственным] образованием трактуются как «преступное деяние, преследуемое по закону»⁵.

Если по первой статье конституции «нахдисты» в конечном счете уступили своим оппонентам, то по вопросу о будущей форме правления они заняли принципиальную позицию, настаивая на смене президентской республики парламентской и отвергая третий вариант: Тунис — «смешанная республика» (как во Франции), предложенный ДФТС и Конгрессом за республику. Руководство «Нахды» ничуть не скрывает, что намерено узаконить сложившуюся де-факто систему, при которой президент занимает весьма скромное место, а премьер-министру делегированы расширенные полномочия.

Не исключено, что с целью закрепления такого положения вещей в начале июня 2012 г. Хамади Джебали неожиданно заявил, что для экстрадиции бывшего премьер-министра Ливии аль-Багдади аль-Махмуди не требуется личная подпись и.о. тунисского президента. Логика его рассуждений заключалась в том, что после свержения диктатуры Бен Али действие конституции 1959 г., определявшей полномочия главы государства, было приостановлено, а «нахождение аль-Махмуди на территории Туниса вредит его внутренней безопасности». Высокопоставленный чиновник режима Каддафи, задержанный тунисской полицией за незаконное пересечение границы в сентябре 2011 г., неоднократно заявлял, что опасается за свою жизнь в случае его выдачи ливийским властям. Правительство Туниса 24 июня решило этот вопрос без участия Монсефа Марзуки, который находился тем временем по делам на юге страны. По приезду в столицу он заявил, что «экстрадиция аль-Махмуди незаконна». На этом конфликт, казалось, был исчерпан. Но через два дня 75 депутатов НУС, среди них и некоторые члены партий-союзниц

²Оригинальность оформления этого закона заключается в том, что декрет о его введении начинается со слов, якобы принадлежащих последнему тунисскому монарху: «Хвала Господу! Мы, Мухаммед Ламин, паша-бей...». Далее сказано, что государь принял декрет «по предложению нашего премьер-министра» Хабиба Бургибы, но документ подписан одной рукой — Бургибы. По существу же этот закон, в сжатые сроки подготовленный министерством юстиции, представляет собой вольное истолкование некоторых положений шариата и поэтому формально опирается на мусульманское право.

³Ас-Сабах танширу ан-насс аль-камиль ли-машру' «мусаввадат» ат-таути'а ли-д-дустур. 05.06.2012. [«Ас-Сабах» публикует полный текст «чернового» проекта преамбулы конституции] — <http://www.assabah.com.tn/article-70193.html>

⁴«Мусаввадат» таути'ат ад-дустур фи 'уйун аль-хубара' ва-с-сийасийин [«Проект» преамбулы конституции в глазах экспертов и политиков], 05.06.2012 — http://www.assabahnews.tn/details.php?ID_art=8816

⁵См. сайт газеты «Аш-Шурук» («Восход»): www.alchourouk.com/Ar/print.php?code=565818

«Нахды», поставили вопрос о вынесении вотума недоверия правительству. Необходимый для принятия такого решения кворум набрался, однако, чтобы завершить процедуру, требовалось повторное голосование, до которого дело так и не дошло⁶.

Приметным событием следующего месяца стал IX съезд Движения «Нахда», прошедший 12–15 июля 2012 г. с большой помпой, поскольку он был первым съездом этой партии после падения режима Бен Али⁷. На него съехалось много зарубежных гостей (так, одним из них был тогдашний глава политбюро ХАМАС Халид Машаль). В пункте №3 итоговой декларации съезда подчеркнута намерение «окончательно порвать с авторитарным строем. Полагаем, что парламентская форма правления наилучшим образом подходит для осуществления этой цели в нынешних условиях».

Ранее депутат НУС Валид аль-Баннани совершенно обескуражил своих коллег, заявив, что «Нахда» готова к любому вызову, и если вы хотите президентскую республику — пусть так оно и будет, но не думайте, что позиции «Нахды» в этом случае ослабнут. Напротив, и будущий президент Туниса уже готов из числа членов «Нахды». Парламентская же форма правления позволит другим партиям участвовать в политической жизни, а президентская — сделает из «Нахды» гегемона⁸.

До конца месяца заседания НУС, на которых надлежало обсудить будущее государственное устройство Туниса, неизменно превращались в «птичий базар». 23 июля была достигнута договоренность о проведении референдума по данному вопросу в том случае, если депутаты не придут к согласию. «Референдум будет означать политическое фиаско и разочарование народа в избранных депутатах», — сокрушался Амр аш-Шатуи, председатель комиссии НУС по законодательной и исполнительной власти⁹.

Таким образом, руководители «Нахды» с трудом преодолевают сопротивление депутатов из светского лагеря, далеко не всегда встречая в этой борьбе поддержку своих союзников по тройственной коалиции (ее окрестили «тройкой») даже в тех вопросах, которые напрямую не касаются религии. «Исламисты не способны изменить тунисское общество. Тунисская действительность сильнее партии «Нахда». В этом состоит трагедия исламистского движения, которое хочет удержаться во власти и боится избирателей, как светских, так и происламски настроенных», — заключил Хамади Редисси, размахивая перед нами номером газеты «Аль-Магриб», где было описано поражение депутатов «Нахды» в споре о будущей форме власти на одном из июльских заседаний НУС¹⁰.

⁶А'да' би-ль-маджлис ат-та'асисий фи тунис йаса'ун ли-сахб ас-сикат ми аль-хукумат аль-исламия. (Члены тунисского Национального учредительного собрания хотят вынести вотум недоверия исламскому правительству). Рейтер. 27.06.2012 — <http://ara.reuters.com/article/topNews/idARACAE85Q04U20120627>

⁷На этом съезде Рашид Ганнуши был переизбран председателем Движения «Нахда» сроком еще на два года. Его 12 конкурентов с треском проиграли фавориту, набравшему более 70% голосов.

⁸Ин арадат низаман ри'асийан фа ра'ис тунис аль-кадим нахдавий [Если хотите президентскую форму правления, то и получите в будущем президенты члена «Нахды»] Сообщение тунисской ежедневной газеты «Аль-Магриб» — http://www.lemaghreb.tn/consultez-les-numeros-precedents.html?task=consulte_magazine&magazine=2012-7-10

⁹Мас'уль тунисий: наттаджиху ли «истифта' ша'бий» ба'да тамсику ан-нахда би-титбик ан-низам аль-барламаний. [Тунисское ответственное лицо: движемся к «народному референдуму» после того, как «Нахда» настояла на парламентской форме правления. 24.07.2012 — <http://www.babnet.net/rttdetail-52255.asp>

¹⁰Здесь и далее наряду с печатными источниками использован изустный материал, собранный А. Кашиной, побывавшей в середине июля 2012 г. в Тунисе, где она встретила с рядом осведомленных лиц.

Кому достанется свобода слова: модернистам или исламистам?

Между тем календарная весна 2012 г. прошла в Тунисе под знаком конфликта властей с представителями СМИ, которые заподозрили правительство в намерении поставить их под тотальный контроль. Со 2 марта до 24 апреля салафиты препятствовали работе центрального тунисского телевидения, расположившись палаточным лагерем вокруг здания редакции телеканала «Национальный» (бывший канал «Тунис 7»). В этой акции принимали участие и члены Нахды. Манифестанты требовали немедленно избавить телевидение от влияния лиц, связанных с павшим режимом Бен Али, а кроме того, прекратить неадекватное освещение журналистами деятельности правительства. Явившийся для переговоров активист «Нахды» Амир аль-Арид сказал на встрече с руководством телеканала, что выпуск новостей враждебно представляет правительство и что зрительская аудитория может принять положение в Тунисе за «гражданскую войну». Саид Казми, редактор отдела новостей телеканала, отверг эти обвинения, указав, что его «основные репортажи нейтральны по политической окраске и не настроены в пользу или против какого-либо политического движения». Он также упрекнул политиков в попытке подчинить себе СМИ с целью дальнейшей пропаганды перед предстоящими выборами.

Обстановка накалилась. Президентская пресс-служба констатировала, что демонстранты-исламисты оказывали психологическое давление на работников телеканала, породив тем самым ответную агрессивную реакцию. И хотя поначалу МВД заявило, что не будет мешать демонстрантам, ибо они не нарушают общественный порядок, 24 апреля оно все-таки распорядилось ликвидировать палаточный городок. Через два дня пикетчики разобрали свой лагерь, получив от правительства обещание, что их требования будут удовлетворены. Конфликт достиг точки кипения после заявления аль-Ганнуши, что позиция СМИ по отношению к правительству и Движению «Нахда» «враждебная», «предвзятая» и «продажная». Дескать, СМИ освещают события, «преувеличивая отрицательные аспекты, скрывая реальные факты, оставляя на заднем плане все позитивное». Поэтому, по мнению аль-Ганнуши, «следует провести приватизацию медиарынка». В чью пользу она может быть проведена? При правлении Бен Али львиную долю этого рынка захватили члены его семьи, их близкие и присные. А теперь грядет очередь исламистов?

Открывая 27 апреля двухдневные консультации «Законодательные основы работы всех видов массмедиа», министр юстиции Нуреддин Бхири сказал, что правительство желает добиться «независимости СМИ». Однако многие журналисты бойкотировали это мероприятие. При этом профсоюз журналистов выступил против внесения поправок в законопроект о СМИ, подготовленный при правительстве Бежи Каида ас-Себси, но отложенный в долгий ящик. Национальный комитет по реформированию СМИ и средств массовой коммуникации заявил, что, прежде чем устраивать консультации, нужно обнародовать концепцию новых принципов работы СМИ. Дело приняло неожиданный оборот,

когда в него вмешались компьютерные хакеры. «Группа Анонимус», состоящая из команды хакеров, действующих из-за границы, заявила, что будет защищать демократические свободы, и объявила «открытую войну» салафитам, Движению «Нахда» и Тунисской партии «ат-Тахрир» (ранее получившей отказ в регистрации¹¹). Эта группа взломала сайты и электронную почту исламистов указанного списка и, в частности, личную почту тунисского премьер-министра, министра сельского хозяйства, а также Рашида Ганнуши. Она выразила свою поддержку работникам Национального тунисского телевидения и пригрозила обнародовать некие «совершенно секретные сведения» о нынешнем правительстве, если оно попытается поставить Интернет и СМИ под свой контроль, как это было в самые мрачные времена Бен Али. Министерство информации Туниса обязалось обеспечить безопасность правительственных сайтов, причем лидер «Нахды» заявил в одном из газетных интервью, что в стране развернулась настоящая «информационная война»¹².

Большинство тунисцев — респондентов опроса, предпринятого интернет-изданием Nawaat.org, сказали, что оппозиционные СМИ открыто критикуют правительство, однако объективной прессы в Тунисе пока нет, ибо недостает взвешенных комментариев политических событий¹³. «А все-таки исламисты не в состоянии отобрать у Туниса свободу слова», — оптимистично утверждал позже в беседе с нами историк и политолог Халифа Шатер, верящий в подлинно демократическое будущее своей страны.

Под национальным флагом или под черным знаменем радикального ислама?

С недавних пор в Тунисе завелась мода на иностранный мусульманский костюм, который заметно отличается от местной традиционной одежды, как мужской, так и женской. Для горожанки это — ниспадающее с головы до пят покрывало сафсари, чаще всего белое. Иногда его дополняла чадра, с обычаем ношения которой успешно боролся президент Бургиба, и уже в 60-е годы прошлого века она стала здесь крайней редкостью. Теперь же на улицах столицы нередко можно встретить «черную даму» в никабе (балахоне черного цвета, закрывающем всю женскую фигуру, оставляя лишь узкую прорезь для глаз), что выглядит особенно забавно, если под руку с такой правоверной мусульманкой идет девушка в джинсах и футболке. У молодых женщин вошли в обиход также черные перчатки (виданное ли это дело под палящим летним солнцем), чего нельзя было даже вообразить года два назад. Но это внешняя сторона дела. По сути же, как сказал нам, на сей раз без оптимизма, Халифа Шатер, в Тунисе «происходит постепенная исламизация общественной жизни, в практику

¹¹Ее здесь считают ответвлением «Хизб ат-Тахрир аль-Исламий», которая создала широкую международную сеть и в ряде стран, включая РФ. Запрещена как экстремистская организация.

¹²Анонимус тухаддиду хукумат аль-джибали би-нашр ма'лумат сиррийа ли-ль-гайа. [Анонимус угрожает правительству Джебали публикацией чрезвычайно секретной информации, 18.04.2012] — <http://www.babnet.net/rtdetail-48512.asp>.

¹³Калям шариф: ат-тунисий ва-хурийя ас-сахафа. [Слово улицы: тунисец и свобода прессы]. Nawaat.org. 04.05.2012 — <http://nawaat.org/portail/2012/05/04>

начинает входить многоженство, а новым политическим фактором стали салафиты, которых, впрочем, трудно отделить от Нахды».

И вправду, они уже неоднократно и почти безнаказанно нарушали общественный порядок. Так, 15 мая 2012 г. их группа расстроила работу столичного аэропорта, протестуя против депортации только что сошедших с трапа самолета двух мусульманских богословов из Марокко. Это вдохновители терактов 16 мая 2003 г. в Касабланке — Хасан Кеттани и Омар аль-Хаддуши, помилованные королем Мухаммедом VI в феврале 2012 г. Представитель тунисского МВД объяснил, что богословы, приглашенные одной из местных религиозных организаций для чтения лекций, являются в Тунисе персонами нон грата.

Двадцать первого мая 2012 г. свыше 10 тыс. салафитов, собравшихся в Кайруане у мечети Окбы ибн Нафи, повергли в шок оказавшихся там туристов, да и местных жителей своей многочисленностью. Организаторы второго съезда ассоциации Ансар аш-шариа (Поборников шариата) признались, что их цель как раз и заключалась в демонстрации растущего количества последователей салафизма. Хотя участники съезда договорились не общаться с журналистами и «соблюдать тишину», были отчетливо слышны такие лозунги: «Все мы братья Осамы [Бен Ладена]», «Евреи, смотрите, вернулась армия Мухаммеда!» Перед этой армией держал речь глава тунисского движения салафитов Сейфалла Бен Хасен (Абу Йаз), который потребовал отвести исламу более значимую роль в жизни страны, подчеркнув с досадой, что «Тунис — пока еще самая светская арабская страна».

С середины того же месяца салафиты начали целенаправленную кампанию против заведений, торгующих спиртными напитками. Первыми пострадали продавцы лавок и ресторанов курортного городка Сиди-Бу-Саид. Десятки людей в масках громили местные бары и рестораны, разбивали витрины лавочек, угрожали холодным оружием хозяевам этих заведений, после чего те вызвали полицию. Через неделю вооруженные ножами, бутылками с зажигательной смесью, камнями и другими подручными средствами салафиты в числе свыше 500 человек устроили погромы в городе Джендуба, расположенном на северо-западе страны. Они требовали освободить четверых своих единомышленников, задержанных за причастность к предыдущей серии атак на заведения, торговавшие алкоголем. Мятеж был подавлен слезоточивым газом, 15 человек попали под арест, в торговые центры и рестораны Джендубы были направлены подкрепления полиции. В этой связи 29 мая представитель салафитов публично осудил «все виды насилия» и обвинил некие «внешние силы в попытках дискредитировать движение салафитов».

Однако от насилия салафиты не отказались и вновь напомнили о себе, устроив 13 июня погром на ежегодной выставке современного искусства в Ла Марсе (приморском предместье Туниса-столицы), где демонстрировались не понравившиеся им произведения. Это, в частности, декоративное панно с именем Аллаха, выписанном не шелком и не бисером, а наклеенными муравьями. Подобные артефакты были уничтожены ворвавшимися в выставочный зал «бородачами», и завязалась их стычка с полицией, в очередной раз побудившая власти продлить режим чрезвычайного положения.

Еще раньше, 20 марта, когда Тунис отмечал 56-ю годовщину своей независимости, и.о. президента Монсеф Марзуки сказал, что тунисцам следует «осмыслить свои взаимоотношения,

жить с различиями и вопреки этим различиям», потому что «национальное единство невозможно при непонимании... В этом месяце мы наблюдали преступные попытки подорвать наше единство, разжечь ненависть и рознь среди граждан». Под «преступными попытками» он, видимо, подразумевал буйство салафитов и ответные, порой столь же дерзкие выходки их противников. К последнему относятся забрасывание яйцами мечетей местечка Бен Гардан, в одной из которых были найдены разорванные экземпляры Корана, а также появление на стенах столичной мечети аль-Фатх изображения Звезды Давида. Вряд ли это было делом рук сионистов (откуда им взяться в Тунисе, где евреев-то осталось в результате эмиграции большинства из них в Израиль, во Францию или в Италию не более полутора тысяч?), скорее всего, шестиконечную звезду нарисовали если не провокаторы, то такие же хулиганы, как распоясавшиеся молодые салафиты. И те и другие часто ведут себя словно враждующие команды футбольных фанатов.

Тунисские салафиты, которые создали около двухсот своих организаций, выдвигают конкретные политические требования. В марте 2012 г. их многотысячные пикеты осадили здание НУС с лозунгами «Коран — вот наша конституция!», «Нет конституции без шариата!», «Тунис — исламская страна!» и «Народ требует халифата!». Наблюдаются попытки салафитов вмешаться в сферу образования. Так, в декабре 2011 г. они взяли в заложники Хабиба Каздагли, декана факультета словесности, искусств и гуманитарных наук университета Манубы (ближнего предместья столицы), сорвав проведение экзаменов.

Главные требования ультрарадикальной исламистской молодежи сводились к трем. Это строительство мечети на территории университета или как минимум организация молельного зала под его крышей, допуск до зачетов и экзаменов студенток в никабе, а еще лучше — введение отдельного обучения для мужчин и женщин. Конфликт салафитов с администрацией университета, отказавшейся удовлетворить их запросы, перерос в политический конфликт с печальными последствиями. Салафиты завязывали драки со своими идейными противниками, угрожали физической расправой преподавательскому составу этого крупного вуза, устраивали погромы в кабинете декана, из-за чего учебный процесс был парализован. Волнения возобновились после новогодних каникул.

Седьмого марта 2012 г. салафиты сняли висевший у входа в учебный корпус гуманитарного факультета национальный флаг и вместо него подняли черное исламское знамя. На следующий день министр высшего образования Монсеф Бен Салем¹⁴ раскритиковал деканат упомянутого факультета. «Во всем Тунисе ... 96 студенток носят никаб, но проблемы у них лишь с университетом Манубы», — указал он, добавив, что Хабиб Каздагли «не предпринимает мер для мирного решения конфликта и имеет на это свои скрытые политические мотивы»¹⁵.

¹⁴Монсеф Бен Салем был в 1970-е годы соучредителем исламистского кружка в студенческом общежитии парижского пригорода Антони, где он познакомился с Хамади Джебали. Позднее, став преподавателем математики, не принимал активного участия в деятельности тунисских исламистов, но им сочувствовал. Ныне он характеризуется как влиятельный член «Нахды».

¹⁵Что же имелось в виду? Историк, опубликовавший по теме своей диссертации монографию «Развитие коммунистического движения в Тунисе. 1919–1943 гг.» и ныне активный член Движения «Тадждид», Хабиб Каздагли посвятил себя в последние годы изучению тунисских этнических меньшинств, в том числе евреев, а поэтому стал подвергаться нападкам как «атеист и сионист».

Пятого июля Хабиб Каздагли предстал перед судом по обвинению в применении силы против девушки, облаченной в никаб. Она была исключена из университета на шесть месяцев за то, что не поддавалась на уговоры деканата и приходила на занятия под чадрой. Каздагли назвал возбужденное против него судебное разбирательство «новым витком» конфликта и выразил удивление, что поданная им ранее жалоба на двух рьяных мусульманок, ворвавшихся в его кабинет и повредивших там документы, осталась без внимания. В защиту подсудимого выступили Научный совет и ректорат университета Манубы, Всеобщий тунисский союз труда, Тунисская лига за права человека и несколько авторитетных международных организаций¹⁶. В качестве адвокатов ему предложили свои услуги многие видные юристы, в том числе Бежи Каид ас-Себси. Смогут ли оппоненты исламистов восстановить светские основы системы образования и университетскую автономию, станет известно, видимо, 24 октября 2012 г., когда состоится повторное слушание по делу Каздагли, которому грозит пятилетний тюремный срок.

Еще 23 апреля того же года оппозиционные лидеры объявили, что «Нахда» состоит «в сговоре» с салафитами и организует с их помощью нападения на деятелей оппозиции. Так, Джаухар Мубарак, глава движения Наша конституция рассказал, что в поселке Сук-аль-Ахад (на юге Туниса), где он вел агитацию среди местных жителей, некий салафит пырнул его ножом. Джаухар подчеркнул, что власти часто обвиняют оппозицию в «антиправительственном заговоре» и «связях с иностранной агентурой», распространяя через социальные сети ложную информацию об оппозиционных политиках. Депутат НУС Хамис Касила подтвердил, что в некоторые районы страны «организованные банды» не допускают оппозиционеров якобы из-за их «связи с прежним режимом». На тайный сговор «Нахды» с салафитами указывали также член политбюро Демократической прогрессивной партии Ахмед Нежиб Шебби и генеральный секретарь Левого социалистической партии Мухаммед Килани. Наконец, бывший декан юридического факультета Садок Бельайд выразил жесткое мнение, что «нынешний режим в Тунисе действует методами фашистов», когда использует салафитов для достижения своих целей¹⁷.

Официальный курс Движения «Нахда» по отношению к салафитам состоит в том, что оно продолжает вести с ними диалог, призывает их быть «более толерантными и отказаться от насилия». Однако в чем конкретно заключается такой диалог, не слишком очевидно. Радикальные исламисты чувствуют себя при нынешнем правительстве, которое практически не ограничивает их в действиях, вполне комфортно.

¹⁶Они, равно как и зарубежные коллеги Каздагли, выразившие солидарность с ним, перечислены в меморандуме работающего в университете Манубы преподавателя французской литературы Хабиба Меллаха «Jeux et enjeux d'un procès éminemment politique». В нем подчеркивается, что «религиозные экстремисты... пустились в крестовый поход, направленный поочередно против университета и республиканской образовательной системы, против прессы и работников искусства». Распространенный 24 июля 2012 г. по сети Интернет, этот меморандум готовится к публикации в одном из тунисских журналов.

¹⁷ан-Нахда ат-тунисийя «мутавати'а» ма'а салафийин ли-ль-и'тида' 'аля ма'арадиha. [Тунисская «Нахда» «в сговоре» с салафитами нападает на своих оппонентов] 23.04.2012 –<http://www.elaph.com/web/mobile/templates/article.aspx?articleid=731293>

Движение «Нахда» и салафиты: партнеры или конкуренты?

Правительство Джебали, приступившее к работе 26 декабря 2011 г., с самого начала исподволь поощряло салафитов и близкие к ним консервативные религиозные круги. Так, в конце февраля 2012 г. регистрацию получила Ассоциация бдительности и реформы (или бдительности и исправления), которая до этого была известна как Комиссия призыва к добродетели и пресечению греха. Ее основатель Адель аль-Альми заверил, что ассоциация намерена защищать общество от несоблюдения исламских норм, однако ее, мол, «не стоит отождествлять с полицией нравов». Между тем директор религиозно-дидактической радиостанции «аз-Зейтуна»¹⁸ Икбаль аль-Гарби уже не раз подвергалась нападкам со стороны последователей аль-Альми за выбор ею одежды европейского типа¹⁹.

Одиннадцатого мая 2012 г. тунисское МВД впервые выдало лицензию на деятельность радикально-мусульманской партии Фронт реформы. Ее лидер Мухаммед Ходжа (62 года, бывший политзаключенный, принадлежавший в 1980-х гг. к Движению исламской направленности) заявил на пресс-конференции, что «ислам это — религия свободы и демократии», что политика и религия — не взаимоисключающие понятия, а его партия «признает светские основы государства». Однако на своей странице в социальной сети «Facebook» Фронт реформы выразил намерение бороться за то, чтобы шариат стал конституционной основой законодательства, а также за возвращение женщине утраченной ею роли воспитателя подрастающего поколения и хранительницы домашнего очага²⁰. Не трудно угадать, что подразумевалась отмена Закона о личном статусе.

Полагают, что легализация «мирных» салафитов, отрицающих насилие (хотя бы на словах), — продуманный политический ход, благодаря которому «Нахда» рассчитывает и притянуть к себе поборников салафизма, и размежеваться с ними, а заодно очистить свои ряды от ультрарадикальных элементов, чтобы обрести имидж единственной «светской» партии, исповедующей ислам. «На самом деле “Нахда” не представляет собой монолитную партию... Так не произойдет ли раскол этой партии еще до следующих выборов?» — резонно вопрошает Жамиль Сайах, обозреватель газеты «La Presse de la Tunisie»²¹.

Как отметил в разговоре с нами Хамади Редисси, партия «Нахда», внезапно расправившая крылья, долго сохраняла застывшую форму, находясь в отрыве от полити-

¹⁸Эта радиостанция была открыта 13 сентября 2007 г. Мухаммедом Сакером аль-Матри в содружестве с одним молодым имамом, назначенным ее директором. Спонсированная президентом Бен Али, она транслировала только цитаты из Корана и их толкования, что было в Тунисе беспрецедентным новшеством.

¹⁹Ghribi A. Tunisia Recognizes Controversial Islamist Organization. 21.02.2012 — <http://www.tunisia-live.net/2012/02/21/tunisia-recognizes-controversial-islamist-organization/>

²⁰Хукумат тунис тамнаха тархисан ли-авваль хизб сийасий салафий. [Тунисское правительство разрешило регистрацию первой политической партии салафитов] 11.05.2012 — <http://www.alarabiya.net/articles/2012/05/11/213487.html>

²¹Sayah J. Ennahda face à elle-même. // Ayachi T (ed.). La Presse Opinions. Naissance d'une Démocratie. Tunis: SNIPE, 2012, p. 185, 188.

ческой игры на родине. Теперь для нее пришло время разработать новую идеологию, подходящую для современных реалий. Недаром оппозиционеры неоднократно обвиняли «Нахду» в двойном языке. У руководства этой партии нет опыта управления страной, действующее правительство до сих пор не подготовило конкретных социально-экономических программ. Вектор развития некогда радикального по своему настрою ДИН унаследован нынешним Движением «Нахда» и остается непрогнозируемым. Религия для прагматиков из кабинета Джебали — всего лишь инструмент. Тогда как салафиты «негласно играют роль военизированного крыла Нахды, сама она преследует цель удержания власти и вынуждена лишь прислушиваться к общественному мнению», — заключил наш собеседник.

И явно не случайно Хамди Джебали, забыв о «шестом халифате», сказал 15 марта 2012 г. на пресс-конференции в Берлине после переговоров с канцлером ФРГ Ангелой Меркель, что «тунисская революция еще на перепутье», т.к. реакционеры пытаются вернуть страну в прошлое, к порядкам прежнего режима. «Мы свергли режим Бен Али, но опасность исходит от противостояния модернистов и консервативно настроенных исламистов. Сам Джебали, следовательно, изобразил себя то ли как арбитра в этом противостоянии, то ли как прогрессивного исламиста, стремясь понравиться и фразе Меркель, и другим западным политикам, от которых зависит выделение финансовой помощи Тунису.

Туманные перспективы преодоления экономического кризиса

Несомненно, вопрос о будущем рейтинге Движения «Нахда» решит состояние экономики страны. Пока в нем прослеживаются разнонаправленные тенденции. Так, в информационной сводке Центрального банка Туниса за первые четыре месяца 2012 г. отмечался подъем туристической индустрии: число принятых страной туристов увеличилось на 51,8% по сравнению с аналогичным периодом минувшего года и достигло 1,4 млн чел. Однако это на 11,7% ниже, чем в первом триместре 2010 г. Кроме того, при некотором подъеме сельского хозяйства наблюдался спад промышленного производства. Инфляция превысила 5,5% за январь–апрель 2012 г. против 3,5% в те же месяцы 2011 г.²²

Надо иметь в виду, что туризм — сфера хозяйства, от развития которой прямо или косвенно зависит процесс создания новых рабочих мест в Тунисе, ибо эпоха, когда он был аграрно-крестьянской страной, давно миновала, а на предприятиях его старейшей промышленной отрасли, добыче фосфатов (главного богатства тунисских недр), занятость неумолимо падает. Происходит это вследствие модернизации производства на горнодобывающих предприятиях и, значит, сокращения его трудоемкости. Поэтому доля безработных в шахтерских поселках многократно выше, чем в городах и курортных местечках тунисского

²²http://www.bct.gov.tn/bct/siteprod/documents/conjoncture_an_1605%281%29.pdf

побережья, что сделало удаленный от моря горняцкий район Гафса «зоной бедствия». Туризм, доля которого, по данным Всемирного банка, составляла в 2006–2010 гг. 15,5–19% стоимости экспорта и 8–8,5% — ВВП Туниса, служит одним из основных источников его валютной выручки. В указанный период число приезжавших сюда ежегодно туристов колебалось от 6,5 до 7 млн, причем мировой финансовый кризис, разразившийся осенью 2008 г., не нанес серьезного ущерба турбизнесу Туниса, чего не скажешь о недавних внутривосточных потрясениях в этой стране.

С ростом цен и разгулом спекуляции на рынке товаров и услуг снизилась покупательная способность населения. Резко вырос удельный вес людей, живущих за чертой бедности: до 24,7%, согласно данным министерства социального обеспечения, и до 12%, как считают специалисты Национального института статистики Туниса. Но это не меняет сути дела. Ведь по оценке того же института, в 2010 г. этот показатель не превышал 3,8%²³. Официально зарегистрированный уровень безработицы подскочил с 13–14% в предреволюционный год до 18%, а среди выпускников вузов — с 22,9% до 33,1%²⁴.

Двадцать шестого апреля 2012 г. Хамади Джебали отметил, что темпы экономического роста Туниса за первые три месяца текущего года выросли с 0% до 2%, но для того, чтобы экономика восстановилась, стране «необходим покой и общественный порядок».

С этим условием ее правительство рассчитывает добиться в 2012 г. итоговых темпов экономического роста в 3,5%, создать 75 тыс. новых рабочих мест (из них 25 тыс. в госсекторе) и увеличить приток иностранных инвестиций на 10,6%.

Для последнего, как и для надежды на внешние кредиты, вроде бы есть основания. ЕС пообещал Тунису 240 млн. евро, Европейский инвестиционный банк — 600 млн. евро, Всемирный банк — 50 млн. долл., а правительство США — 20 млн. долл. на «развитие демократии». Кроме того, Хиллари Клинтон сообщила 29 марта 2012 г. в телефонном разговоре с Джебали, что США планируют дополнительно выделить Тунису около 100 млн. долл. «на облегчение фазы демократического транзита». Однако потенциальные работодатели медлят с передачей обещанных средств, а зарубежные инвесторы — с осуществлением своих проектов, т.к. покой и порядок в стране-реципиенте еще не воцарились.

Политика России на тунисском направлении

Начало современных отношений России с Тунисом восходит к 1956 г., когда была провозглашена его независимость, немедленно признанная Советским Союзом. Однако российско-тунисские экономические связи резко уступают таким же связям Туниса с европейскими партнерами, главным из которых остается Франция. Вряд ли в ближайшее время физический объем и стоимость

²³ат-Тахаккум фи иртифа' аль-асра' ва-ль-мухафизат 'аля аль-кудра аш-шира'а ми аулийат аль-мурхала. [Удержание цен и покупательной способности — приоритет нынешнего периода // аль-И'лям аль-иктисадий, май 2012 г., № 263. Тунис, с. 14.

²⁴Тунис ат-ташгийль ва-ль-биталья. Ас-суласий аль-авваль 2012. Тунис, аль-Ма'хад аль-ватаний ли-ль-ихса' [Занятость и безработица. Первый триместр 2012 г. Тунис: Национальный институт статистики, 2012, с. 2-3].

российско-тунисского товарооборота возрастут настолько, чтобы занять одно из первых мест на соответствующей шкале²⁵. Между тем довольно значительное число квалифицированных специалистов-тунисцев (врачей, инженеров, мелиораторов и проч.), владеющих русским языком, — залог возможности расширения и диверсификации двусторонних контактов.

«У России и Туниса есть заинтересованность в развитии отношений в области образования, экономики и торговли», — заверил через два месяца после «Революции 14 января» главу временного правительства Туниса Каида ас-Сибси тогдашний посол РФ в Тунисе А.В. Поляков. И добавил, что в мае 2011 г., впервые в этом году, в Тунис прибудет группа российских туристов. Действительно, невзирая на предостережения МИД РФ о том, что в стране по-прежнему действует чрезвычайное положение, а поэтому «российским туристам следует неукоснительно соблюдать меры безопасности», на тунисских пляжах вскоре зазвучала русская речь. Нелишним будет упомянуть, что в июне 2011 г. авиаперевозчик Tunisair открыл прямое сообщение с Москвой: Аэробус А-320 совершает по два рейса в неделю из аэропорта Тунис/Карфаген в Домодедово и обратно, что дополнило летние чартерные рейсы Монастир — Домодедово — Монастир, которые выполняют российские авиакомпании. В течение того года в Тунис приехали на отдых 150 тыс. россиян. Стремясь довести их количество в 2012 г. до 200 тыс., министерство туризма Туниса направило на рекламную кампанию в нашей стране 2,4 млн евро.

«Положение несколько стабилизировалось, — констатировал в беседе с нами директор Российского центра науки и культуры в Тунисе (который в сентябре 2012 г. отметит 46-летие со дня своего открытия) С.Ю. Курицын. — Да, сейчас здесь сложная экономическая ситуация, цены выросли, не удастся привлечь достаточный объем внешних капиталовложений, чтобы решить проблему безработицы. Тем не менее, Центральный банк Туниса успешно удерживает курс динара по отношению к иностранным валютам, 2012 год выдался урожайным, и это — благоприятный экономический фактор, постепенно в Тунис возвращаются иностранные туристы, в том числе из России».

Оживились и двусторонние торговые отношения. В 2011 г. товарооборот между РФ и Тунисом слегка увеличился в стоимостном выражении по сравнению с предыдущим годом, хотя не достиг прежних пиковых значений, например, уровня 2008 г.

На протяжении последних лет около 100 тунисских граждан ежегодно поступали на учебу в российские вузы. Между тем в тунисских учебных заведениях известную популярность приобрело изучение русского как третьего иностранного языка. Ныне он преподается в четырех вузах и 26 лицеях 16 городов Туниса, а в Институте живых языков столичного Карфагенского университета готовят русистов со степенью магистра.

Отрадно, что между РФ и Тунисом происходят регулярные обмены дипломатическими визитами. Так, в июне 2011 г. Тунис посетил спецпредставитель президента РФ по сотрудничеству

²⁵По данным ОЭСР, в 2010 г. доля России составила 1,4% внешнеторгового оборота Туниса по стоимости; в абсолютных цифрах это 424,2 млн. евро, в том числе 362,6 млн. евро — тунисский импорт из России, а экспорт из Туниса в РФ — 61,6 млн. евро. При этом он вырос, т.к. составлял, по сведениям тунисского Национального института статистики: 31,5 млн. дин ... в 2007 г., 28,2 млн. дин ... в 2008 г. и всего лишь 15,3 дин ... в 2009 г. (при обменном курсе динара).

со странами Африки М.В. Маргелов. 29 ноября — 2 декабря 2011 г. состоялся рабочий визит в Тунис заместителя министра иностранных дел РФ М.Л. Богданова. Он обменялся мнениями с тунисскими руководителями по вопросам двусторонних отношений и актуальным проблемам Северной Африки и Ближнего Востока.

Девятнадцатого апреля 2012 г. на открытие Дней культуры Туниса в России прибыл его министр по делам культуры Мехди Мабрук. В рамках этого мероприятия в Москве прошли выставка образцов изобразительного искусства Тунисской Республики, концерт ее музыкальных ансамблей и демонстрация художественных фильмов современных тунисских режиссеров. 27–30 июня 2012 г. с рабочим визитом в Москве находился министр иностранных дел Туниса Рафик Абдессалем, которого принял глава МИД РФ Сергей Лавров. В ходе их переговоров было отмечено поступательное развитие политического диалога двух стран, подчеркнута обоюдная заинтересованность в активизации деятельности межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Министры подписали соглашение между правительствами двух стран о взаимном отказе от визовых требований для обладателей дипломатических, специальных или служебных паспортов. Тунисский министр особо подчеркнул, что новые политические силы, выходящие на авансцену в Тунисе и других арабских странах, «твердо выступают за развитие и укрепление традиционно дружественных отношений с Российской Федерацией». Лавров и Абдессалем обсудили также актуальные вопросы международной повестки дня с упором на анализ развития обстановки в Северной Африке и на Ближнем Востоке. При этом было высказано мнение о необходимости осуществления назревших в ряде стран региона преобразований на основе уважения принципов международного права, широкого национального диалога, учитывающего интересы всех слоев населения, отказа от насилия и вмешательства извне. В ходе переговоров акцентировалось важное значение придания новой динамики Союзу Арабского Магриба и получили высокую оценку соответствующие шаги стран-участниц этой организации²⁶.

Вместе с тем позицию России по отношению к Тунису можно назвать сдержанной, т.к. стрелка барометра политического климата в этой стране далека от отметки «ясно». Напряженное ожидание парламентских выборов, которые должны состояться вслед за вотированием в НУС новой конституции (а оно уже перенесено с 23 октября 2012 г. на ближайшую весну), подхлестывает борьбу между правительством и его оппонентами.

Перегруппировка оппозиции и планы «Нахды» открыть «охоту на ведьм»

Главная проблема тунисской оппозиции заключается в ее разрозненности и столкновении личных амбиций лидеров относящихся к ней партий, попытавшихся было, как ДПП, в одиночку заполучить голоса избирателей. После фиаско левых и левоцентристских партий на

²⁶Сайт МИД РФ — <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca0017458644257a2b0064663b!OpenDocument>

выборах в НУС эта истина стала очевидной не только для экспертов-политологов, но и для активных участников политического процесса, чьи оценки складывающейся ситуации включают алармистские и успокоительные (мол, подождем, и Тунис двинется по пути современной Турции). Однако ощущение опасности, что пойдут прахом усилия нескольких поколений тунисских реформаторов XIX и XX веков, а именно так выглядит один из сценариев, описанных в коллективной монографии «Тунис 2040. Возобновление проекта тунисской модернизации», подталкивает оппозицию к объединению.

Один из авторов этой монографии, специалист по истории мусульманской мысли профессор Абдельмажид Шарфи (бывший член Высшей инстанции) предвидит два варианта эволюции массового самосознания тунисцев. Первый, благоприятный, состоит в том, что возьмут верх такие их генетические черты, как терпимость, любознательность, открытость внешнему миру и т.д. Второй, неблагоприятный, допускает, что в итоге колебаний тунисского общества между взаимодополняющими элементами его национальной культуры, впитавшей и некоторые европейские традиции, возобладает замкнутая в своей скорлупе исламская идентичность, а это поставит крест на демократическом транзите, едва начавшемся в 2011 г., и поспособствует установлению новой деспотической власти. Но даже в этом случае, убежден А. Шарфи, «маловероятно, чтобы к 2040 г. Тунис качнулся, хотя бы на короткий период, к тоталитарному исламо-фашистскому режиму»²⁷.

Под несколько иным углом зрения предложил свои альтернативные прогнозы профессор Махмуд Бен Ромдан, экономист с международным именем²⁸. По желательному сценарию, пишет он, Тунис становится передовой страной в своем регионе, система образования улучшается, студенты свободно владеют английским языком, и выдаваемые им дипломы не номинально, а реально эквивалентны европейским. Это гарантирует выпускникам тунисских вузов достойную, отвечающую их ожиданиям работу на родине, глубоко интегрированной в мировую систему научно-технической кооперации. По нежелательному сценарию страна возвращается к ситуации, при которой в карьерном росте человека или в успехе его бизнеса главную роль играют персональные связи, в ущерб «неличностным» связям, и то же самое происходит в сфере правосудия. Планы подтягивания бедствующих районов к уровню благополучных остаются втуне, а жители приграничья добывают себе хлеб насущный контрабандой, как с ней ни борись. Наконец, обескураженные общественным мнением девочки и девушки больше не стремятся сесть за школьную парту или на студенческую скамью. В общем, страна откатывается назад по всем параметрам своего культурного, политического и социально-экономического развития²⁹.

²⁷Charfi A. Bilan et perspectives de la culture tunisienne // Tunisie 2040. Renouveau du projet moderniste tunisien. Tunis: Sud Editions, 2012, p. 134–148.

²⁸Махмуд Бен Ромдан несколько лет занимал ответственные посты в Amnesty International. Кооптированный в секретариат политбюро Движения «Тадждид» на его съезде, прошедшем 28–30 июля 2007 г., он вошел в «мозговую трест» этой партии, первым секретарем которой на том же съезде был избран 60-летний пенсионер Ахмед Ибрахим (Брахим) — бывший университетский преподаватель французского языка.

²⁹Ben Romdhan M. Etude prospective. Développement et institutions // Tunisie 2040... p. 167–173.

Со смесью горечи и надежды высказался на ту же тему 23 марта 2012 г. тунисский аналитик Мунир Шарфи: «Мы движемся к теократическому режиму. Поэтому оппозиция стремится совершить перегруппировку, чтобы создать баланс двух основных сил: исламистов, которые хотят навязать стране шариат, и либералов, которые отстаивают принципы демократического, современного, светского государства»³⁰.

Первая после избрания НУС попытка либералов консолидироваться имела место в январе 2012 г., когда созрел план слияния ДПП, партии Тунисские перспективы и Республиканской партии. Эта идея тогда не реализовалась, но 11 февраля был создан «зачаток» блока, в который вошли, помимо вышеназванных, партия «Ирада» (Воля) и Народная партия³¹. Вскоре Ахмед Нежиб Шебби, отвечая на вопросы одного из российских обозревателей, порадовался: «В учредительном собрании мы уже сформировали группу из ДПП, Перспектив, Демократического модернистского полюса и других демократов, это вторая по величине фракция после Нахды, хотя она и намного меньше»³².

Аналогичный, но более смелый проект вынашивал Бежи Каид ас-Сибси, под началом которого в марте 2012 г. либеральное течение, назвавшее себя «Народным собранием идейного наследия Хабиба Бургибы», провело в Монастире (родном городе основателя Тунисской Республики) встречу представителей светских демократических кругов. В ней приняли участие делегаты десятков партий-карликов, в том числе возникших на руинах ДКО: Тунисской национальной партии и др. Они выразили готовность сплотить свои ряды на идейной основе бургибизма, реформаторства, толерантности и умеренности.

Замысел Каида ас-Сибси состоял в том, чтобы собрать под одну крышу всю светскую оппозицию в составе крупной партии Тунисский призыв. 20 апреля 2012 г. он обнародовал ее программу, нацеленную на достижение национального консенсуса, необходимого для вывода Туниса из кризиса. Она была одобрена на митинге, состоявшемся 16 июня в столичном Дворце съездов, куда явилось примерно 6–7 тыс. человек.

Выступая на митинге, Каид ас-Сибси сказал, что отвергать сотрудничество с бывшими членами ДКО было бы антидемократично. В этой и других своих речах он разъяснял, что главная задача его партии — привлечь в нее все демократические силы страны, которые «единым фронтом» выступают на предстоящих парламентских выборах и таким образом преодолеть доминирование в законодательной ветви власти одной партии — «Нахды». При этом он подчеркнул, что если бы оппозиция действовала солидарно на выборах в НУС, то могла бы занять в нем большинство мест. Вместе с тем его призыв к достижению национального согласия был обращен и к умеренным исламистам.

Зарегистрированная 6 июля 2012 г., партия «Тунисский призыв» стала готовиться к своему первому съезду, для чего был создан оргкомитет из 10 человек. Наряду с Каидом ас-Сибси

³⁰Tunisia's Secular Opposition Unites against Islamists. — <http://www.alarabiya.net/articles/2012/03/23/202572.html>

³¹Выпуская в предвыборный период свои агитационные материалы с цитатами из речей Гамаля Абдель Насера, эта партия тяготеет к идеям «арабского социализма», не лишенным, правда, религиозной окраски.

³²Интервью у г-на Шебби в Сочи, где он находился по приглашению Международного дискуссионного клуба «Валдай», взял В.А. Кузнецов. Оно было опубликовано 2 марта 2012 г. на сайте электронного издания Института Востоковедения РАН «Новое восточное обозрение».

(председателем), это, в частности, Тайеб Баккуш (генеральный секретарь), Мохсен Марзук и Бужемаа Ремили — все трое с репутацией людей левых убеждений.

Первый из них, будучи еще молодым преподавателем-филологом, возглавил в 1971 г. профсоюз работников высшего образования и науки, а в правительственных кругах прослыл коммунистом, что не соответствовало действительности. Он попал под арест 26 января 1978 г. вместе с другими членами руководства Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ), назначившего на этот день общенациональную забастовку с экономическими требованиями, которая вылилась в уличные беспорядки. В итоге громкого судебного процесса по этому делу получил приговор к длительному сроку тюремного заключения, но в июне 1980 г. вышел на свободу по амнистии. Не вдаваясь в подробности, назовем основные вехи дальнейшей карьеры Тайеба Баккуша. В 1980–1984 гг. он генеральный секретарь ВТСТ, потом заместитель генерального секретаря — Хабиба Ашура, старого вождя-синдикалиста, с которым Тайеб Баккуш не ужился; с 1989 г. он полностью порвал с руководством этого крупнейшего профцентра страны, подмятого под пяту правительства, и целиком отдался научно-педагогической деятельности. Правда, на момент «революции 14 января» Баккуш возглавлял официальный Арабский институт прав человека. Сразу после нее вошел во временное правительство Туниса с портфелем министра по делам высшего образования и научных исследований. Работая в составе третьего такого правительства, обязался, как и все его члены, не баллотироваться в депутаты НУС.

Мохсен Марзук — бывший член ультралево-подпольной группы «Тунисский рабочий», которая откололась на рубеже 1960–1970-х гг. от уже дышавшей на ладан материнской организации «Перспективы». Некоторые лидеры «Тунисского рабочего» создали позже КПТР, тогда как Мохсен Марзук нашел свое место в рядах правозащитников.

Бужемаа Ремили — бывший член Тунисской компартии, преобразованной в Движение «Тадждид», и активист Демократического модернистского полюса. Затем он стал заместителем генерального секретаря недолговечной партии Демократический и социальный путь, которая провела свой учредительный съезд 31 марта — 1 апреля 2012 г., но по решению ее ЦК, принятому 24 июля того же года, заявила о намерении влиться в партию «Тунисский призыв». Этот шаг был мотивирован тем, что Бежи Каид ас-Сибси — «единственный человек, способный установить политическое равновесие в стране».

Сделать то же самое отнюдь не собирается Республиканская партия, которая рассматривает Тунисский призыв как своего конкурента. Но это не та партия, что упомянута выше. Дело в том, что 9 апреля 2012 г. все же произошло слияние ДПП, партии «Тунисские перспективы» и Республиканской партии, название которой было принято как общее.

При этом Майя Джриби стала генеральным секретарем этой новой партии, а исполнительным секретарем — представитель партии «Тунисские перспективы», которая также известна под сокращенным арабским названием Афак (во французской транскрипции Afek). В состав исполкома объединенной партии вошли 17 человек, в том числе 10 бывших членов ДПП, 5 бывших членов Афак, один бывший «республиканец» и один ранее беспартийный деятель, который с 24 января до конца декабря 2011 г. занимал пост министра по делам профессионально-технического образования и занятости.

Между тем в партию «Тунисский призыв» действительно потянулись бывшие члены ДКО, а в августе 2012 г. она приняла в свои ряды четырех депутатов-перебежчиков, покинувших электоральный блок Народная петиция. Кстати, судя по данным СМИ, его парламентская фракция к этому времени уже наполовину растаяла.

Таким образом, если оппозиция и консолидируется, то образуя не «единый фронт», а два более или менее крупных блока, конкурирующих друг с другом, и весь этот процесс похож на броуновское движение, которое идет и в стенах НУС, и за их пределами.

По мнению Хамади Редисси, высказанному нам в июле 2012 г., Каид ас-Себси, чье переходное правительство провело в прошлом году детальные исследования и составило перспективный план развития Туниса на пять лет вперед (отвергнутый исламистами), имеет большие шансы на успех в создании демократического блока. К нему, вероятно, присоединятся некоторые члены Движения «Тадждид»³³. Согласно прогнозу этого авторитетного аналитика, на будущих парламентских выборах можно ожидать выступления и третьего — левого оппозиционного блока, который еще официально не заявил о себе. Это представители наиболее радикального течения в «Тадждид», движение «Наша конституция», часть членов ДФТС, бывшей ДПП и др. Если же Каид ас-Себси вдруг откажется сотрудничать с партиями — наследницами Демократического конституционного объединения, то вероятно возникновение на их базе и четвертого блока. Однако отворачиваться от них вообще нецелесообразно, т.к. ДКО насчитывало свыше 2 млн. человек.

А это, заметим от себя, равнялось почти 1/5 общего населения страны, причем подавляющее большинство вступавших в партию власти делало это из карьерных соображений или по принуждению (вручает тебе агитатор партбилет за годовой взнос в один динар, но попробуй уклонись...), меньшинство же действовало по убеждению. Ведь за ДКО, как бы оно ни опостылело — вместе со своим председателем Бен Али — взбунтовавшимся в революционные дни гражданам, все же стояла история Нового Дустура, носившего с октября 1964 г. по февраль 1988 г. название Социалистическая дустуровская партия. Причем именно Новый Дустур, основанный 2 марта 1934 г. Хабибом Бургибой и горсткой его сподвижников, стал после Второй мировой войны безусловным вожаким тунисского антиколониального движения и той популярной организацией, что вывела Тунис на дорогу к независимости. В этом, добавим, заключалось отличие ДКО от египетской Национально-демократической партии, у которой не было никакого славного прошлого.

Сложный и во многом противоречивый процесс перегруппировки оппозиционных партий и движений еще продолжается. У светской оппозиции достаточно времени, чтобы собраться с силами и взять реванш на парламентских выборах. Но не дремлет и «Нахда». Так, 1 августа 2012 г., в разгар рамадана, ее депутаты в НУС выдвинули законопроект, объявляющий «святотатство» уголовным преступлением. Он содержал обширный перечень кощунственных деяний, влекущих за собой наказание в виде тюремного заключения или денежного штрафа: от осквернения мечетей, церквей и синагог до «иронических, саркастических» высказываний и

³³Это уже свершившийся факт. Несколько членов Движения «Тадждид», в том числе Махмуд Бен Ромдан, перешли в партию «Тунисский призыв».

анекдотов на тему о религии (какое раздолье для доносителей!). Хотя в законопроекте упомянуты храмы иудеев и христиан, его острое, разумеется, направлено на защиту от поругания мусульманских святынь, тем более что в нем особо подчеркивается греховность антропоморфного изображения Аллаха и его посланника.

Само по себе появление этого документа организация Human Rights Watch расценила как политический регресс и попытку задушить свободу слова — пока единственное реальное завоевание тунисской революции.

Вскоре подоспел новый повод для тревоги поборников светскости — вышеупомянутая публикация проекта конституции Туниса, одна из статей которой в общих чертах повторяет закон «о святотатстве», а другая — имплицитно отводит женщине вторую после мужчины роль в общественной жизни. Реакцией на эту законодательную инициативу стала массовая демонстрация, прокатившаяся, несмотря на все созданные ей препоны, по авеню Хабиба Бургибы 13 августа 2012 г. — в национальный День женщины, который ежегодно отмечается в память издания Закона о личном статусе. Судя по телерепортажам, колонна демонстрантов состояла из людей обоих полов и разных возрастов.

Вместе с тем оппозиционные СМИ отметили, что 19 августа Абу Йаз в своей торжественной молитве по случаю праздника розговенья обрушился на правительство за приглашение с визитом в Тунис иранского министра по делам религии. Особенно возмутило лидера местных салафитов то, что этот гость-шиит посетил соборную мечеть аз-Зейтуна и тем самым ее осквернил. Поэтому, сказал Абу Йаз, напрасно полиция задержала четырех из 200 салафитов, атаковавших позавчера Дом молодежи в Бизерте, где отмечались дни Кудса (Иерусалима), демонстрируя свое недовольство присутствием на этом мероприятии некоторых подозрительных гостей из арабских стран. Ведь арестованные, объяснил оратор, выполняли свой долг, обороняя Тунис от проникновения в него шиизма.

Но не столько фантазии салафитов касательно того, что тунисцам, мусульманам-суннитам, грозит обращение в шиизм, сколько утечка порочащей информации о нем самом доставила головную боль и.о. президента Монсефу Марзуки. Речь идет об услугах, оказанных ему и его партии во время прошлой избирательной кампании богатым дельцом Насром Али Шакрумом, основателем тунисского Интернет-провайдера Global/Net.

Одновременно местные блогеры разоблачили кумовство в правящих кругах, придав гласности тот факт, который, впрочем, давно уже был секретом Полишинеля, что министр иностранных дел Рафик Абдессалем — зять Рашида Ганнуши, а министр управления государственным имуществом — зять министра сельского хозяйства и т.д.

Жаркое политическое лето 2012 г. увенчалось открытием 25 августа судебного процесса по делу редакции газеты «Ат-Тарик аль-джадид» («Новый путь»), печатного органа Движения «Тадждид» и лично ее сотрудника Аделя Хажи, обвиняемого в нападках на министра высшего образования и научных исследований. Это лишний раз свидетельствует о том, что конструктивный диалог между оппозицией и «Нахдой», которая играет роль коренной в правящей партийной «тройке», вряд ли состоится.

Тем временем обострились разногласия в правящей коалиции. Так, 24 августа Монсеф Марзуки, выступая на открытии съезда партии Конгресс за республику, из которой он формально вышел, став и.о. президента, обвинил Движение «Нахда» в стремлении монополизировать власть. «Ситуацию осложняет растущее чувство того, — подчеркнул он, — что наши братья из “Нахды” стремятся заполучить контроль над административным и политическим управлением государства», и добавил, что «такое поведение напоминает ушедшую эпоху диктатора Зина аль-Абидина Бен Али». После этой речи представители исламистов покинули зал собрания.

Этот эпизод не расколол «тройку», но заставил «Нахду» маневрировать. 12–14 октября 2012 г. из Туниса поступили важные сообщения. Во-первых, о том, что закон о пресечении святотатства (или богохульства) снимается с повестки дня и что подобная ему статья будет изъята из проекта конституции. Во-вторых, о том, что в результате переговоров между членами «тройки» «Нахда» согласилась внести в этот проект изменение, которое предусматривает введение не парламентской, а смешанной формы правления. В-третьих, что парламентско-президентские выборы назначены на 23 июня 2013 г. Последнее успокоило тех, кто опасался, что политическая неопределенность в Тунисе слишком затянется со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, включая выжидательную позицию иностранных инвесторов.

Итак, если представить политическую жизнь Туниса как бушующее море, немного затихшее после сильной бури, то Движение «Нахда» с двумя его союзниками выглядит мощным фрегатом, построенным на скорую руку, с расшатанной мачтой, клонящей судно то в одну, то в другую сторону. Пока «Нахда» выбирает капитана и укрепляет судно, оппозиция не идет на abordаж, оснащая на берегу свою флотилию. Но важно, чтобы это была не «коалиция отчаяния», которая неминуемо рассыплется накануне решающей битвы, т.е. парламентских выборов, а определившая направление и общую стратегию главного удара группировка. Даже если этот удар будет нанесен с нескольких флангов, соответствующих разным сегментам политического спектра, то Тунис, возможно, останется авангардом «арабской весны», не откатившись на задворки мусульманского мира.

Б.В. Долгов

Алжир

Масштабные выступления протеста под лозунгами демократизации и повышения уровня жизни, начавшиеся в конце 2010–2011 гг., затронули целый ряд государств арабского мира. Ветер «арабской весны» достиг Алжира. Так в 2010–2011 гг. Главным управлением национальной безопасности Алжира было зарегистрировано более 1 тысячи «уличных манифестаций протеста, многие из которых принимали форму столкновений с силами правопорядка»¹. Однако, в отличие от Туниса и Египта, протестные выступления здесь не переросли в требования свержения существующего режима и не принесли с собой радикальных политических изменений. В этой связи уместно отметить, что Алжир в своей новейшей истории уже переживал собственную «алжирскую весну». Возможно, что этот опыт, как позитивный, так и негативный, стал своеобразной «прививкой» для алжирского общества и не дал распространиться здесь «революционной бацилле», поразившей многие другие арабские страны.

«Алжирская весна 1980–1990-х гг.». В конце 80-х гг. XX века алжирское руководство после начала «перестройки» в СССР и распада «социалистического лагеря» отказалось от политики социалистической ориентации и приступило к широкой демократизации социально-политической и экономической жизни страны. Период конца 80-х — начала 90-х гг. в Алжире характеризовался таким уровнем политической свободы, который не имел аналогов в арабском мире. Правительство распустило чрезвычайные суды государственной безопасности, ранее разбиравшие дела политического

¹<http://www.liberte-algerie.com> [17.12.2011].

характера, и отменило систему так называемых «синих карточек»², заполнявшихся гражданами, баллотировавшимися на выборные должности, то есть анкет, которые затем визировались службой безопасности. В 1989 г. была принята новая конституция и законодательные акты, в соответствии с которыми был создан двухпалатный парламент, вводилась многопартийная система и альтернативные выборы на всех уровнях, сформировалась свободная пресса. В апреле 1990 г. был принят новый закон о СМИ, в результате чего к концу 1991 г. в Алжире появилось 169 новых газет и журналов³. Алжирские журналисты, объединенные с 1967 г. в подконтрольное властям Национальное издательское и рекламное агентство (ANEP), создали свою независимую организацию «Движение алжирских журналистов» (МЖА). Наряду с этим, в соответствии с новым законом, те журналисты, которые хотели создать свое собственное издание, имели право в течение трех лет получать довольно значительное пособие. Таким образом, в Алжире сформировалась достаточно свободная демократическая пресса. Были созданы одни из наиболее популярных в настоящее время независимых газет «Аль-Ватан» (Родина), «Le soir d'Algerie» (Алжирский вечер), «Аль-Хабар» (Новости). Леводемократическая, берберская и исламистская оппозиции, находившиеся ранее на полулегальном положении, получили право участвовать в общественно-политической жизни и иметь доступ к национальным СМИ. Пребывавшие в эмиграции оппозиционные лидеры, в том числе бывший президент Ахмед Бен Белла, смогли возвратиться в Алжир и продолжить политическую деятельность. Тем не менее, наряду с поистине грандиозными демократическими преобразованиями, социально-экономическая ситуация в Алжире в этот период ухудшалась. Продолжался рост цен, в том числе на продукты и предметы первой необходимости, прогрессировала инфляция и девальвация алжирского динара. Одними из самых острых проблем оставались жилищный кризис и безработица, которая в 1989 г. охватила более 20% трудоспособного населения (среди молодежи до 25 лет этот процент был еще выше). Жизненный уровень значительной части населения снижался, что провоцировало усиление социальной напряженности в обществе. В то же время в условиях нарастания системного кризиса, идеологического вакуума, обусловленного отказом от социалистической ориентации, и на волне демократизации в алжирском обществе возникло и получило широкое распространение массовое исламистское движение. По своему размаху и влиянию в тот период оно также не имело аналогов в арабском мире. Наиболее структурированной и организованной силой исламистов стал «Исламский фронт спасения» (ИФС), возглавлявшийся видными исламистскими деятелями Аббаси Мадани и Али Бенхаджем. ИФС в начале 1990-х гг. насчитывал в своих рядах до 3 млн. членов, как официально вступивших в него, так и активистов-сторонников (население Алжира в 1990 г. составляло 22 млн. чел.). Автору этих строк, работавшему в тот период в Алжире, приходилось наблюдать выступления Али Бенхаджа (род. в 1957 г.), достаточно

²Charef A. *Algerie. Le grand derapage*. P., 1994, p. 15.

³Долгов Б.В. *Исламистский вызов и алжирское общество*. М., 2004, с. 33.

харизматического исламистского лидера и умелого оратора на многотысячных митингах, собиравших до 20 тыс. человек. На муниципальных и парламентских выборах в 1990–1991 гг. за кандидатов от ИФС проголосовало почти 50% избирателей⁴. Успеху исламистов на выборах способствовало также то, что тогдашний президент Алжира Шадли Бенджедид (которого здесь называли «алжирским Горбачевым») склонялся к некоему альянсу с исламистами. Пытаясь противопоставить исламистов военным, он старался таким образом ослабить традиционное доминирование армии в политике и экономике страны. Причем часть руководства армии не поддерживала проводимые Шадли Бенджедидом реформы. В то же время легитимный приход к власти исламистов, который был вполне возможен после их успеха в первом туре парламентских выборов, мог вызвать катастрофические последствия, в том числе гражданскую войну и распад страны. В этих условиях в январе 1992 г. после ухода президента в отставку (по ультимативному требованию армейского командования) военные пошли на силовое прерывание второго тура парламентских выборов и создание Высшего государственного совета (ВГС) как верховного органа власти. ИФС, радикальная часть которого начала совершать террористические акты, по решению суда был распущен, его руководство и активисты арестованы и интернированы. Вмешательство армии предотвратило легитимный приход к власти исламистов и провозглашение Алжира «исламской республикой». Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями, продолжавшееся в своей активной форме с 1992 по 1999 г. Оно стоило алжирскому народу 200 тыс. жизней, около 2-х миллионов человек стали внутренними беженцами, еще 2 миллиона стали косвенными и прямыми пострадавшими. Материальные потери страны исчислялись миллиардами долларов. Это противостояние поставило страну на грань гражданской войны и превратило Алжир в один из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор.

Социально-экономическая ситуация. Руководство Алжира во главе с президентом Абд аль-Азизом Бутефликой (род. в 1936 г.), избранным в 1999 г. и дважды переизбранным на президентский пост в 2004 г. и в 2009 г., сумело, с одной стороны, в основном подавить радикальный исламизм и, с другой стороны, инициировать процесс восстановления гражданского согласия. Был принят закон об амнистии исламистам, добровольно прекратившим вооруженную борьбу. В 2005 г. была одобрена на общенациональном референдуме «Хартия за мир и национальное примирение», имевшая целью дать возможность вернуться к мирной жизни тем, кто был вовлечен в экстремистские группировки. Дальнейшая политика алжирского руководства, направленная на закрепление демократических преобразований, вывела Алжир из относительной международной изоляции, в которой он находился в период правления возглавлявшегося военными ВГС.

⁴Willis M. *The Islamist Challenge in Algeria. A Political History*. N.Y., 1997, p. 394.

В настоящее время Алжир восстановил свою роль субъекта мировой политики. Он является непостоянным членом СБ ООН и ассоциированным членом Европейского союза (ЕС). Алжир занимает лидирующие экономические и военно-политические позиции в Магрибе и является здесь региональным центром силы. Алжир — активный член Африканского союза (АС) и соучредитель созданной во многом благодаря его инициативе в начале 2000-х гг. межафриканской организации «Новое партнерство для развития Африки» (NEPAD). Алжир также является одной из ведущих стран арабского мира и одним из наиболее влиятельных членов Лиги арабских государств (ЛАГ) и Организации исламская конференция (ОИК). В 2012 г. Алжир должен войти в «зону свободного обмена» с ЕС. Однако отношения Алжира с ЕС и, особенно, с Францией несколько ухудшились после начала «арабской весны», к которой Алжир отнесся достаточно настороженно, а также осудил военную акцию НАТО в Ливии.

Алжир (наряду с Ливией), в отличие от других стран, затронутых «арабской весной», самодостаточная страна и настоящая кладовая природных ресурсов. Кроме значительных запасов нефти (1,45 млрд. т) и природного газа (4,58 трлн. куб. метров) здесь находится 90% общих запасов железной руды стран Африки, 12% мировых запасов ртути и ряд других полезных ископаемых. Алжир является крупнейшим экспортером углеводородного сырья на мировые рынки. Согласно Конституции Алжира все недра страны принадлежат алжирскому народу. В практическом плане правительство распоряжается ими посредством государственной компании «Сонатрак», имеющей монопольное право на разведку, добычу, транспортировку, переработку и экспорт нефти, газа и продуктов их переработки. Сонатрак инвестирует дальнейшую разработку и эксплуатацию действующих месторождений. В перспективе Алжир намерен увеличить добычу углеводородных энергоносителей на 50%. В этой связи руководство страны инвестировало в соответствующие проекты за период с 2007 по 2009 г. примерно \$100 млрд. Наиболее грандиозным из них является прокладка транссахарского газопровода протяженностью около 4300 км, который соединит крупные газовые месторождения в дельте р. Нигер, пройдет через территорию Нигерии и Алжира и далее двумя ветками через Тунис на Мальту в Италию и Швейцарию и параллельно через Марокко в Испанию, Францию и Германию. Завершение проекта планируется в 2015 г. К этому же сроку должна быть закончена прокладка автомагистрали Лагос–Алжир и проложена оптико-волоконная телефонная связь между Алжиром и Европой. Стоимость данного проекта оценивается примерно в \$10 млрд. По завершении этих планов, как заявил министр энергетики Шакиб Халиль, Алжир намеревается к 2015 г. покрывать до 40% потребностей в природном газе стран ЕС. Наряду с нефтегазовой отраслью в Алжире достаточно успешно развиваются другие секторы экономики, как, например, информационная технология и ядерная энергетика. В Алжире ведутся исследовательские работы на ядерном реакторе мощностью 15 МВт, построенном в 1993 г. Планируется строительство первой атомной электростанции, которая должна быть запущена в 2020 г.

Что касается отношений Алжира с Россией, то они традиционно, со времен СССР, носили дружественный и партнерский характер. В рамках подписанной в 2001 г. между Алжиром и РФ Декларации о стратегическом партнерстве, наряду с экономическим и политическим сотрудничеством, осуществляется работа совместной алжирско-российской группы по борьбе с терроризмом и по вопросам безопасности. Наряду с совместными проектами в нефтегазовой сфере, продолжается сотрудничество в космической области, металлургии, электроэнергетике, информационных технологиях и военно-технической сфере.

Алжирская экономика показывала в 2000-е гг. достаточно стабильный рост ВВП в пределах 4–6% в год⁵, хотя эти темпы несколько замедлились в 2008–2010 гг., в том числе в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. В то же время по поводу влияния кризиса на алжирскую экономику министр финансов заявил, что кризис «напрямую не затронул Алжир. Влияние кризиса сказывается только в снижении экономической активности в мире, депрессии спроса и снижении цен на сырую нефть, что влечет за собой снижение поступлений в госбюджет. Тем не менее, благодаря созданным стабилизационным механизмам (в частности специальному Фонду регулирования доходов, где аккумулированы доходы от экспорта нефти и газа в размере около 48 млрд. евро на конец 2010 г. и Резервному валютному фонду, имеющему 121 млрд. евро), Алжир не будет испытывать каких-либо трудностей при финансировании плана социально-экономического развития на 2009–2014 гг.»⁶. Данный план предусматривает, в частности, создание более 400 тысяч новых рабочих мест.

В то же время в Алжире существуют социально-экономические проблемы, аналогичные тем, которые стали одной из причин «арабской весны» в Тунисе и в Египте. А именно — высокий процент безработных, особенно среди молодежи и, как следствие, невозможность для значительной ее части занять достойное место в обществе и создать семью; жилищный кризис, коррупция властей. Наряду с продолжающимся расслоением общества они стали причинами демонстраций с требованиями улучшения условий жизни, в которых в основном участвовала молодежь, в наибольшей степени страдающая от кризисных явлений. Манифестации имели место в 2008–2010 гг. в таких крупных городах как Алжир, Оран, Беджая. Нерешенность социально-экономических вопросов остается наиболее острой проблемой для Алжира. Безработица, несмотря на ее существенное снижение по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около 29%), тем не менее достигала 12,8% в 2008 г. (эта цифра в среднем по Алжиру, есть регионы, где она выше, как и среди молодых людей до 25 лет, где она достигает 50%). Проблема безработицы определяется руководством Алжира как «одно из наиболее тяжелых последствий социально-экономического кризиса и структурной перестройки, через которые прошел Алжир за последнее десятилетие, и борьба с ней является стратегической задачей правительства». Во многих городах жилищно-

⁵<http://www.algerianembassy.ru> [19.03.2008].

⁶<http://www.liberte-algerie.com> [29.01.2009].

коммунальное хозяйство находится в кризисном состоянии. По ВВП на душу населения Алжир занимает 126-е место в мире. Ниже уровня бедности (доход менее \$2 в день) по официальным данным живет 15% населения страны (по другим данным это число составляет 23%). Продолжается рост цен (инфляция по официальным данным составляет 3,5%), за которыми явно не успевает повышение зарплаты, гарантированный минимум которой в 2007 г. был равен примерно 120 евро в месяц. За последние годы наблюдается определенный рост преступности, в том числе среди малолетних. Причем в некоторых районах Алжира криминальные банды смыкаются с радикальными исламистскими группировками.

Тем не менее, несмотря на наличие сложных проблем, внутренняя ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с периодом начала 2000-х гг. Тогда страна только начинала выходить из системного кризиса «черного десятилетия», и часть областей была все еще охвачена исламистским террором. В настоящее время с достаточной долей уверенности можно констатировать, что власти контролируют ситуацию в стране и проводят курс на укрепление национальной консолидации, которая была в известной мере подорвана в период силового прерывания парламентских выборов армией и последовавшего за этим вооруженного противостояния радикальных исламистов с властями. В то же время проводятся меры, направленные на улучшение социально-экономической ситуации и дальнейшее развитие демократических процессов. Наряду с этим планируется существенным образом повысить роль местных органов власти и совершенствовать процесс демократизации общественно-политической жизни. Так, например, в целях развития местного самоуправления на основании финансового бюджета на 2008 г. и разработанных Министерством внутренних дел поправок к статусу балядий и вилай (районных и областных органов власти) их бюджет увеличивается почти в десять раз⁷. С целью дальнейшего развития системы мусульманского образования и повышения роли мечетей в достижении гражданского согласия проводится реформирование и усовершенствование подготовки имамов с тем, чтобы не допустить превращения мечетей в инструмент пропаганды радикального фундаментализма (как это произошло в конце 80-х гг.) и продолжить интеграцию исламистского движения в действующую политическую систему. В ходе реализации Программы социально-экономического развития Алжира (2004–2009 гг.), на которую было выделено примерно \$55 млрд.⁸, к 2008 г. было построено около 500 тыс. единиц жилья (из запланированных 1 млн. 100 тыс.), улучшено снабжение населения природным газом, электроэнергией, питьевой водой, повышено качество здравоохранения, всех уровней образования, профессиональной подготовки и обустройства территорий городов и деревень. В рамках дальнейшего решения жилищной проблемы в районе г. Митиджа (40 км к западу от столицы) в 2003 г. началось строительство нового

⁷Аль-барнамадж ат-такмили л-д-даам ан-нумув. Фатрат 2005–2009 (Дополнительная программа по поддержке развития. Период 2005–2009). Алжир, 2005, с. 10.

⁸<http://www.legislativ52007dz/fr>

города Сиди Абдалла, рассчитанного на 200 тыс. жителей, строительство которого должно быть завершено к 2020 г. В этом же районе будут построены еще три новых города, проекты которых находятся в стадии разработки.

Основные политические силы. В Алжире, несмотря на трудности и противоречия социально-политического развития, продолжается закрепление демократических преобразований, начало которым положило принятие в конце 80-х гг. новой конституции и закона, провозглашавшего многопартийность. Одним из подтверждений этого является тот факт, что в Национальной народной Ассамблее (ННА), нижней палате алжирского парламента, на протяжении ряда созывов были представлены различные направления алжирского политического спектра, от левосоциалистического троцкистского до умеренного исламизма. Такого идеологического многоцветия политической палитры, пожалуй, не знает ни один парламент арабского мира. В настоящее время наиболее влиятельными парламентскими фракциями, составляющими основу президентской коалиции, являются, во-первых, представители существующей еще со времен национально-освободительной войны (1954–1962) партии «Фронт национального освобождения» (ФНО), возглавляемой Абд Аль-Азизом Белькадемом, занимавшим до июня 2008 г. пост главы алжирского правительства. Во-вторых, это партия «Национально-демократическое объединение» (НДО), во главе которой стоит нынешний премьер-министр Ахмед Уяхья.

В парламенте представлены три партии, исповедующие умеренный исламизм. Две из них — «Движение общества за мир» (ДОМ), руководимая Бугеррой Солтани⁹, и «Нахда», во главе которой стоит Ляхбиб Адами¹⁰, критикуют правительство и, тем не менее, поддерживают президентский курс. Третья партия, «Движение за национальную реформу» (ДНР), выступала против правительственной программы широкомасштабной приватизации и ратовала за «исламскую социальную справедливость». ДНР, ранее являвшаяся наиболее многочисленной и влиятельной умеренной исламистской партией, в последнее время утрачивает доверие у избирателей. Тем не менее, Джахид Юнси, генеральный секретарь ДНР, участвовал в президентских выборах 2009 г., набрав 1,37% голосов и заняв четвертое место. В настоящее время наибольшим влиянием и политическим весом обладает партия ДОМ¹¹. В преддверии парламентских

⁹Бугерра Солтани заменил на посту руководителя «Движения общества за мир» (ДОМ) скончавшегося 19 июня 2003 г. шейха Махфуза Нахнаха, основателя партии ДОМ и видного исламистского деятеля Алжира.

¹⁰Ляхбиб Адами стал руководителем партии «Нахда» после раскола в ее рядах, произошедшего в 1998 г. На съезде партии Ляхбиб Адами и поддержавшие его члены парламентской фракции «Нахды» выступили против тогдашнего лидера «Нахды» Абдаллы Джабаллы (некоторые обозреватели сочли, что действия Ляхбиба Адамы, брата министра юстиции, были инспирированы властями с целью отстранения от руководства «Нахды» Абдаллы Джабаллы, известного и влиятельного исламистского деятеля, который выставлял свою кандидатуру на президентских выборах 1999 г.). В результате разногласий в руководстве «Нахды» Абдалла Джабалла вынужден был уйти с поста председателя «Нахды». Ляхбиб Адами остался руководителем парламентской фракции и в то же время стал главой партии «Нахда», которая в настоящее время является малочисленной и не играет заметной роли в политической жизни Алжира.

¹¹В 2009 г. партия ДОМ пережила внутренний кризис. В его результате часть влиятельных членов ДОМ, включая 10 депутатов парламента во главе с Абд аль-Маджидом Менасра, одним из членов руководства ДОМ, вышли из ее состава. Они создали свою собственную партию — «Движение за проповедь и изменение».

выборов, состоявшихся 10 мая 2012 г., эти три партии сформировали единый блок «Альянс Зеленый Алжир» (АЗА) и выработали общую предвыборную программу. Лидеры нового умеренного исламистского блока позиционируют себя как системную оппозицию и в то же время поддерживают программу социально-экономических и политических реформ, выдвинутую президентом Бутефликой в апреле 2011 г. В то же время Бугерра Солтани, руководитель ДОМ, заявлял о необходимости сокращения президентских полномочий и превращения Алжира в парламентскую республику.

Достаточно крупной и набирающей в последнее время популярность партией, представленной в парламенте, является «Алжирский национальный фронт» (АНФ), которую возглавляет Муса Туати¹². АНФ стоит на националистических позициях и выступает за расширение прерогатив, в т.ч. финансовых, выборных местных органов власти, усиление борьбы с коррупцией, более справедливое перераспределение национальных доходов, прежде всего от экспорта энергоресурсов, гармоничное развитие регионов. В то же время в основных вопросах АНФ поддерживает правительственный курс.

Системная парламентская оппозиция. Оппозицию правительственному курсу в парламенте возглавляет давний и традиционный лидер ее леводемократического крыла Партия трудящихся (ПТ). Ее Генеральным секретарем является Луиза Ханун¹³ — видный политический деятель, выступающий с левосоциалистических (троцкистских) позиций. Луиза Ханун участвовала в президентских выборах 2004 и 2009 гг. Причем если в президентской кампании 2004 г. она заняла лишь пятое место, то в 2009 г. — второе после Бутефлики, получив 4,22% голосов избирателей. Выдвижение Луизы Ханун кандидатом в президенты является, пожалуй, единственным примером в регионе и достаточно редким прецедентом во всем мусульманском мире. Сам факт, что ей удалось пройти сложные формальности, чтобы иметь право баллотироваться в президенты, подтверждает укрепление демократических тенденций в алжирском обществе. Луиза Ханун критикует правительственный курс, призывая поставить заслон приватизации и не допустить распродажу государственных предприятий. Необходимо признать, что ПТ на протяжении ряда лет увеличивала свое представительство в алжирском парламенте. Если в 1997 г., когда Луиза Ханун была избрана депутатом парламента, ПТ имела всего 4 депутатских места, то в 2002 г. она завоевала 22 и в 2007 г. — 26 мест¹⁴.

¹²Муса Туати участвовал в президентских выборах 2009 г. и занял третье место, получив 2,31% голосов избирателей.

¹³Луиза Ханун родилась в 1954 г. в г. Шефка в Кабилии. В конце 70-х гг. она становится активисткой движения за предоставление равноправия алжирским женщинам. В 1981 г. Луиза Ханун вступила в нелегальную «Социалистическую организацию трудящихся», проповедовавшую социализм троцкистского направления. За нелегальную политическую деятельность Луиза Ханун была арестована и с 1983 по 1984 г. отбывала тюремное заключение. После освобождения она вновь включилась в политическую борьбу. Благодаря своим организаторским способностям и ораторскому таланту Луиза Ханун вскоре стала лидером «Социалистической организации трудящихся», которая в 1990 г. трансформировалась в политическую партию — «Партию трудящихся». Луиза Ханун выступила против силового прерывания парламентских выборов военными в 1992 г. и ратовала за диалог со всеми политическими силами, включая «Исламский фронт спасения». В 1995 г. она была одним из участников подписания «Римской платформы», предполагавшей политическое решение алжирского кризиса. В 1997 г. Луиза Ханун была избрана депутатом алжирского парламента и выступала с критикой правящего режима с социалистических позиций.

¹⁴<http://www.legislativ52007dz/fr>

Второй в рядах парламентской оппозиции по политическому весу является партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД). Ее возглавляет Саид Саади¹⁵, известный политический деятель, выступающий за демократическое и светское развитие Алжира и соблюдение прав берберского населения. В то же время ОКД бойкотировало президентские выборы 2009 г. Необходимо отметить, что ОКД, так же как «Фронт социалистических сил» (ФСС)¹⁶, старейшая алжирская социал-демократическая партия, отражающая также интересы берберов, ранее бойкотировала парламентские выборы в 2002 г. в знак протеста против репрессивных мер властей в отношении выступлений берберского населения Кабилии в 2001 г. Соответственно, ОКД и ФСС не были представлены в алжирском парламенте созыва 2002 г. Однако в парламентских выборах 2007 г. ОКД, в отличие от ФСС, приняла участие и завоевала 19 депутатских мест. После избрания Бутефлики президентом Алжира в 1999 г. ОКД и ФСС вошли в президентскую коалицию и поддерживали правительственный курс. Тем не менее после жесткого подавления властями вышеупомянутых протестных выступлений в Кабилии ОКД и ФСС встали в ряды оппозиции правящему режиму. В то же время необходимо подчеркнуть, что руководство Бутефлики выполнило большую часть требований берберской оппозиции и приняло ряд мер по признанию на законодательном уровне берберской самоидентификации, в том числе признания берберского языка амазиг вторым государственным после арабского. Наряду с этим была выработана специальная программа по улучшению социально-экономической обстановки в Кабилии, что во многом способствовало смягчению ситуации. Однако ОКД и ФСС продолжают критиковать правительственный курс, требуя, в частности, большей демократизации общественно-политической жизни. Так, в сентябре 2007 г. руководитель ФСС, известнейший и старейший общественный и политический деятель Алжира, ветеран национально-освободительной войны 1954–1962 гг., Хосин Аит Ахмед, наряду с двумя другими видными политическими деятелями оппозиции — Абд Аль-Хамидом Мехри, бывшим Генеральным секретарем ФНО и Мулудом Хамрушем, бывшим премьер-министром (1989–1990 гг.), опубликовали совместную декларацию с требованием «подлинной демократизации власти в Алжире». Тем не менее этот политический демарш «старой гвардии» оппозиции не вызвал значительного отклика ни в политических кругах, ни во властной элите.

Внесистемная оппозиция. Что касается внепарламентской оппозиции, то она представляет собой достаточно многоплановый спектр от диссидентов левых и либерально-демократических взглядов (проживающих как в Алжире, так и за рубежом) до исламистов,

¹⁵Саид Саади родился в 1947 г. в г. Агрибс в Кабилии (на востоке Алжира) в бедной крестьянской семье. Получил медицинское образование (психиатр). С 70-х гг. активно участвовал в антиправительственном берберском движении, был членом запрещенной властями партии «Фронт социалистических сил». В 1989 г. Саид Саади стал инициатором создания политической партии «Объединение за культуру и демократию» (ОКД), руководителем которой он является до настоящего времени. Саид Саади участвовал в президентских выборах 2004 г. и занял четвертое место. ОКД выступает за светские демократические преобразования и предоставление больших прав берберам.

¹⁶Фронт социалистических сил (ФСС) — одна из старейших политических партий Алжира, создана в 1963 г. в Кабилии, на территории компактного проживания кабиллов, наиболее многочисленной народности алжирских берберов. ФСС выступала за соблюдение национальных прав и самоидентификацию берберов в рамках алжирского государства. ФСС исповедует социал-демократические принципы, признан во многих странах Европы, является членом международного Социалистического интернационала. ФСС выступает за отделение религии от государства, создание светского гражданского общества и своей конечной целью провозглашает построение «демократического социализма» в Алжире.

как умеренных, так и в прошлом радикальных, отказавшихся от вооруженных методов борьбы. Один из достаточно известных алжирских диссидентов Саад Джаббар (юрист по образованию), критикующий алжирский правящий режим за «отсутствие подлинной демократии», в настоящее время проживает в Катаре. Он является одним из личных адвокатов эмира Катара шейха Хамада Бен Халифы ат-Тани и регулярно выступает на канале «Аль-Джазира», комментируя события в арабском мире, в том числе в Алжире. В Катаре также проживает в данный момент Аббаси Мадани, бывший председатель Исламского фронта спасения (ИФС), и ряд бывших членов его руководства. Они достаточно часто приглашаются на аудиенции к эмиру, а также имеют контакты с членами ливийского Национального переходного совета (НПС), регулярно посещающими Катар. Часть бывших членов руководства ИФС, в том числе Али Бенхадж, бывший заместитель председателя ИФС, добиваются отмены судебного решения о роспуске ИФС, принятого в 1992 г., чтобы таким образом возродить его и войти в политическую жизнь. Бывшие лидеры радикальных исламистских группировок, получившие право на амнистию, такие как Мадани Мезраг, экс-эмир «Исламской армии спасения» (ИАС), военного крыла ИФС, основатель «Салафитской группы проповеди и борьбы» (СГПБ) Хасан Хаттаб, известные деятели ИФС Абу Омар Абд аль-Баер, Абу Закариа, Мусаб Абу Дауд, а также Абд аль-Хакк Лайяда, возглавлявший «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) в 1992–1993 гг., заявляли о своей лояльности властям, уважении демократических норм и также пытались создать свою политическую партию. Однако алжирский парламент в 2011 г. принял закон о запрете создавать партии и ассоциации лицам, причастным к террористической деятельности, нанесшей урон государству. Таким образом исламистские лидеры «черного десятилетия» лишились возможности выйти на алжирскую политическую сцену. В отношении будущего политического ислама, различные течения которого все еще пользуются определенной поддержкой среди части алжирцев, известный алжирский общественно-политический деятель Мохаммед Шафик Месбах заявляет, что «оно сократится до минимума, как только в стране будет налажено эффективное управление и будут решаться социально-экономические проблемы»¹⁷.

Радикальный исламизм. Вооруженные исламистские группировки продолжают действовать в Алжире, хотя и в гораздо меньшей степени, чем это было в 1992–2001 гг., когда они терроризировали целые области. Тем не менее радикальные исламисты совершают террористические акции, которые официальные алжирские власти называют «остаточным терроризмом». Они представлены несколькими вооруженными группировками, насчитывающими в своих рядах по разным данным от 1 до 3 тысяч боевиков. Наиболее известная из них Салафитская группа проповеди и борьбы (СГПБ), созданная в 1998 г. Хасаном Хаттабом и переименованная в Организацию «Аль-Каида исламского государства Магриб» (АКИМ) после того, как ее нынешний «национальный эмир» Абд аль-Ваххаб Друкдель в 2006 г. объявил о присоединении СГПБ к Аль-Каиде. Вторая группировка — Вооруженные исламские группы (ВИГ), созданная в начале 1990-х гг. и осуществлявшая

¹⁷Mesbah Mohammed Chafik. *Problematicque Algerie*. Alger, 2009, p. 285.

в тот период сотрудничество с марокканской и ливийской Вооруженными исламскими группами. Однако в 2000-х гг. ВИГ распалась на несколько, зачастую, враждовавших между собой группировок, и ее активность заметно снизилась. Тем не менее, АКИМ после интервенции США в Ираке в 2003 г. и, особенно, в 2007–2009 гг. активизировала свою деятельность и осуществила ряд террористических актов, в том числе в столице г. Алжире. Причем в столице было совершено три подрыва, начиненных взрывчаткой автомашин, одна из которых взорвалась перед резиденцией премьер-министра. В результате погибли десятки алжирцев, как военнослужащих, так и мирных граждан, а также иностранцев, среди которых 11 сотрудников миссии ООН. Еще одним громким террористическим актом, повлекшим за собой многочисленные жертвы, стал взрыв вблизи одного из военных училищ весной 2011 г. АКИМ пытается также «экспортировать» джихад за пределы Алжира в государства африканского Сахеля и Западной Африки. Так, недавно вышедшая из структуры АКИМ группировка «Объединенная группа джихада в Западной Африке» провозгласила своей целью «не ограничивать джихад Магрибом и Сахелем и распространять его в Западную Африку»¹⁸. Данная группировка взяла на себя ответственность за захват в октябре 2011 г. в г. Тиндуф (на западе Алжира) в заложники нескольких европейцев. Некоторая активизация радикальных исламистских группировок в этом регионе связана в определенной степени с «арабскими революциями», особенно в Ливии, что повлекло за собой бесконтрольное распространение оружия среди населения и ослабление борьбы с терроризмом. Видный отечественный востоковед В.В. Наумкин в этой связи справедливо отмечает, что «бурные события “арабской весны” 2011 г. на севере Африканского континента осложнили задачи борьбы с терроризмом, все теснее срачивающимся здесь с организованной преступностью»¹⁹.

Алжирская весна 2011 г. Нерешенность социально-экономических проблем наряду с начавшейся «арабской весной», прежде всего свержением режима Бен Али в соседнем Тунисе, стала катализатором протестных выступлений в январе 2011 г. Манифестации начались в квартале Баб аль-Уэд алжирской столицы, населенном в основном представителями неимущих слоев, и были направлены против прогрессирующей дороговизны жизни, безработицы, нехватки жилья. Вскоре они приобрели массовый характер и распространились на другие регионы страны. В результате волнениями, сопровождавшимися актами вандализма и столкновениями с полицией, были охвачены 20 из 48 вилай (провинций) Алжира. Часть оппозиции, прежде всего партия Объединение за культуру и демократию (ОКД), руководимая Саидом Саади, и некоторые профсоюзные и студенческие организации пытались возглавить протесты и придать им политический характер, выдвигая лозунги демократизации и смены правящего режима. Однако эти требования не получили массовой поддержки и накал протестных выступлений стал ослабевать.

¹⁸<http://www.jeuneafrique.com> [10.12.2011].

¹⁹Наумкин В.В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба-Сахеля//Партнерство цивилизаций — нет разумной инициативы. Сборник статей. М., 2011, с. 33.

По поводу попыток реализации «арабской весны» известный алжирский журналист Мохаммед Бу Хамиди заявил, что «радикальные изменения в Алжире запрограммированы в умах некоторых политиков, журналистов и университетских профессоров, но никак не в умонастроениях алжирского народа». Таких «политиков» он называет «алжирскими Абдельджалиями (по имени председателя ливийского Переходного национального совета), которых убеждают из-за рубежа «не упустить “весну” и приступить к действиям», за что они будут вознаграждены «приобщением к капиталистической глобализации»²⁰. Парламентские оппозиционные партии лево-демократической направленности, так же как и умеренные исламисты, не поддержали лозунгов ОВД. Отражением настроения значительной части общества прозвучало также заявление Милуда Брахими, бывшего председателя Алжирской лиги в защиту прав человека, о том, что «если изменения в Алжире назрели, то они должны проходить в рамках закона и без прибегания к насилию»²¹.

Алжирские власти достаточно оперативно отреагировали на «обеспокоенность общества и желание реформ», как описывала произошедшие события алжирская официальная пресса. С 1 января 2012 г. минимальная гарантированная заработная плата увеличивается до 18 тыс. алжирских динаров в месяц (примерно до 175 евро). За период с 2008 по 2012 г. зарплата госслужащих также была увеличена в два раза. В свою очередь президент Бутефлика в апреле 2011 г. отменил режим чрезвычайного положения, действовавший в Алжире почти 20 лет с момента начала вооруженного противостояния радикальных исламистов с властями, и провозгласил план реализации «глубоких политических реформ, имеющих целью ускорить движение по демократическому пути»²². Правительству поручалось выработать новые редакции законов о выборах, о статусе политических партий, о месте женщины в выборных органах власти, которые затем передаются на рассмотрение парламента. Наряду с этим подготовлены законы об ассоциациях с целью расширить представительную демократию, о статусе вилайи для расширения прав органов местного самоуправления и о СМИ. В частности, он отменяет некоторые статьи Уголовного кодекса, предполагавшие уголовное преследование СМИ, а также открывает аудиовизуальное пространство для частного сектора. В дальнейшем предполагается также изменение Конституции Алжира. В то же время предложенные проекты законодательных актов имеют некоторые достаточно важные ограничения. А именно, они не должны изменять республиканский характер государства, триаду, составляющую национальную идентификацию, то есть принадлежность к исламской религии, арабской умме и уважение амазигской (берберской) культуры; многопартийность, права человека и территориальную целостность Алжира. Что касается поднимавшегося некоторыми светскими партиями вопроса о светскости государства, то он был снят с повестки дня подтверждением

²⁰<http://www.jeuneafrique.com> [8.11.2011].

²¹<http://www.elmoudjahid-dz.com> [15.11.2011].

²²<http://www.jeuneafrique.com> [15.11.2011].

статьи 2 действующей конституции, провозглашающей «ислам государственной религией». По самым важным аспектам намеченных реформ, а именно законов относительно изменения действующей конституции, основных составляющих гражданского общества, местных органов власти, развития представительной демократии во всех регионах Алжира были организованы обсуждения и консультации, проводившиеся Национальным советом по экономическому и социальному развитию. Причем наиболее известные деятели оппозиции, как, например, Мокран Аит Ларби, бывший член Сената (верхней палаты парламента), требовали, чтобы власть не организовывала дебаты по реформам, а лишь разрешала их, так как сейчас существует недоверие к власти и любая ее инициатива воспринимается негативно. Тем не менее обсуждения проекта реформ, которые транслировались по национальному телевидению, сыграли свою позитивную роль, подробно ознакомив алжирское общество с их концепциями. После консультаций с представителями парламентских фракций Абд аль-Кадер Бен Салах, президент Сената, передал отчет, включивший в себя все предложения по изменению конституции, президенту Бутефлике, который, в свою очередь, направил его комиссии юристов, обязанных дать по нему свои рекомендации.

Парламентские выборы 2012 г. Важным этапом в социально-политическом развитии Алжира стали состоявшиеся 10 мая 2012 г. парламентские выборы, проходившие в соответствии с новым законом о выборах, предполагающим контроль за голосованием местными органами власти и представителями политических партий, а также наличие прозрачных урн и присутствие иностранных наблюдателей. В выборах приняли участие 44 политические партии. Из них 17 новых, созданных на основе новых законов и провозглашенной президентом Абд Аль-Азизом Бутефликой в апреле 2011 г. программы дальнейшей демократизации общественно-политической жизни. За ходом выборов наблюдали около 500 иностранных наблюдателей от ООН, ЕС и ЛАГ. Итогом выборов стал явный успех светской правительственной коалиции и соответственно политического курса президента Бутефлики. Две партии этой коалиции «Фронт национального освобождения» (ФНО) во главе с Абд Аль-Азизом Белькадемом, старейшим сподвижником Бутефлики, и «Национально-демократическое объединение» (НДО), возглавляемое премьер-министром Ахмедом Уяхьей, завоевали соответственно 220 и 68 депутатских мест (из общего числа — 462), что превышает число мест, полученных ими на прошлых выборах в 2007 г. Исламистский «Альянс Зеленый Алжир», объединивший три партии умеренных исламистов — «Движение общества за мир» (ДОМ), «Возрождение» и «Движение за национальную реформу» (ДНР) — получил 48 мандатов. Партии парламентской оппозиции, такие, как провозглашающая левосоциалистическую идею «Партия трудящихся», возглавляемая Луизой Ханун, и социал-демократический «Фронт социалистических сил» во главе с Хосином Аитом Ахмедом, имеют 20 и 21 место. Стоящий на националистических позициях «Алжирский национальный фронт» (АНФ) обладает 9 местами. Все эти партии, включая исламистов, получили меньшее число мандатов по сравнению

с выборами 2007 г. Явка избирателей составила 42,90%²³, что также выше, чем показатель выборов 2007 г., когда она составила 35%. Наиболее радикальная оппозиционная партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД), возглавляемая Саидом Саади, бойкотировала выборы. Парламентские выборы в Алжире показали, что значительная часть алжирского общества поддерживает правительственный курс на дальнейшую поэтапную демократизацию и в то же время недопущения радикальных проявлений «арабской весны». Об этом свидетельствует также ослабление влияния в парламенте исламистских партий, произошедшее вопреки ожиданиям их лидеров, которые для восстановления своих позиций намереваются, как заявил руководитель ДОМ Бугерра Солтани, вступить в возможную коалицию с демократической оппозицией.

Выводы. «Арабская весна» несомненно оказала значительное влияние на общественно-политическую ситуацию в Алжире. В то же время внутреннее социально-политическое положение Алжира существенным образом отличается от такового во многих других странах, куда ворвались «весенние ветры». Во-первых, Алжир пережил уже в недавнем прошлом «алжирскую весну», негативным результатом которой стало многолетнее противостояние с радикальными исламистскими группировками, которые продолжают свою террористическую деятельность до сих пор. Поэтому алжирское общество в своем большинстве настороженно относится к «революционным» политическим изменениям, могущим привести к повторению «черного десятилетия» исламистского террора 1990-х гг. Во-вторых, если в Тунисе и Египте значительная часть общества поддерживала начавшуюся «твиттерную» революцию диссидентски настроенной и, по большей части, безработной молодежи, к которой затем присоединились как леводемократические, так и умеренно исламистские политические силы, то в Алжире этого не происходит. Как по вышеназванной причине опасений повторения исламистского террора, так и по причине слабости и разобщенности оппозиции. Провозглашающие светские лозунги и требующие демократизации и смены правящего режима, партия Объединение за культуру и демократию (ОКД) и ее сторонники не пользуются широкой поддержкой населения. Наряду с этим они не идут на союз с партиями умеренных исламистов, что происходит в Тунисе и Египте. В Алжире большая часть умеренных исламистов представлена в парламенте и поддерживает президентский курс. В-третьих, если в Тунисе, Египте, а также в Йемене и ряде других стран «революционные силы» выступали против коррупции правящей верхушки, nepотизма, произвола властей и отсутствия реальных демократических свобод, то в Алжире эти проблемы хотя и существуют, но в меньшей степени. По инициативе президента Бутефлики проводились кампании по борьбе с коррупцией, имевшие определенные результаты и давшие положительный резонанс в обществе. В Алжире с конца 1980-х гг. существует система многопартийности, альтернативных выборов на всех уровнях, достаточно свободных по сравнению с другими арабскими странами, СМИ. Необходимо отметить также, что личность действующего президента Абдельазиза Бутефлики

²³<http://www.elmoudjahid.com> [12.05.2012].

пользуется определенной популярностью и ассоциируется многими алжирцами, особенно старшего и среднего поколения, с подавлением в основном радикального исламизма и завершением «черного десятилетия», а также с реализованными демократическими преобразованиями. Тем не менее нельзя отрицать наличия социальной напряженности в алжирском обществе и существования диссидентски настроенной ее части, особенно среди молодежи, которая составляет половину населения Алжира и в большей степени страдает от нерешенности социально-экономических проблем. В то же время задача решения или хотя бы снижения остроты этих проблем, при наличии вышеназванных природных богатств и накопленных на их основе финансовых ресурсов, не представляется абсолютно невыполнимой. Избежать негативных проявлений «арабской весны» в Алжире, особенно ее «ливийского сценария», напротив, представляется возможным. Многие зависят от политической воли и социально-экономического курса, избранного алжирским политическим истеблишментом, важным событием для которого станут президентские выборы 2014 г.

А.Г. Аксененко

Египет: особенности переходного периода

Беспрецедентные по своему размаху и численности народные выступления в Египте в январе-феврале 2011 г. создали ту критическую массу, которая смела казавшийся незыблемым режим Хосни Мубарака. С отрешением египетского президента от власти Египет, как это было не раз в его истории, совершил «прыжок в неизвестность». Полный обвал политической конструкции авторитарного государства, каким Египет по сути оставался после свержения монархии в 1952 г., знаменовал собой, при отсутствии созревшей альтернативы, начало качественно новой, во многом непредсказуемой, эпохи в современном развитии этой ключевой страны Ближнего Востока. На протяжении всей современной истории Каир был лидером арабского мира, центром, от которого расходились круги политических перемен. От того, какая модель развития возобладает в Египте, во многом будет зависеть ход трансформационных процессов и в других арабских странах.

Уличные демонстрации, митинги и другие проявления массового протеста сотрясали арабский мир и раньше. Особенно часто в период четырех арабо-израильских войн, непрерывной смены режимов и внутренних потрясений 50–70-х годов прошлого столетия. Отдельные протестные выступления носили экономический характер. Теперь старый режим был свергнут не в результате военного переворота, внешнего или внутреннего «дворцового заговора». Впервые верховная власть, освященная в Египте веками ореолом если не божественности, как при фараонах, то во всяком случае непререкаемости, пала в одночасье

под давлением снизу. В этом главное отличие «арабской весны» в Египте от предыдущих верхушечных перемен.

Начиная с 50-х годов, в период националистического подъема, энергия внутреннего протеста была направлена вовне, против, по арабской терминологии тех лет, «англо-американского империализма» и «сионистского образования — Израиля». Такая психологическая атмосфера создавалась самими властями вначале под влиянием иллюзий о возможности военной победы над Израилем, а затем искусственно, для создания образа внешнего врага, отвлекающего общество от проблем национального развития. Квинтэссенцией такого подхода был лозунг, часто повторявшийся еще Садатом — «Нет голоса выше голоса битвы». За более чем три десятилетия после заключения мирного договора с Израилем и установления тесных отношений с Соединенными Штатами, «голос битвы» значительно угас, а внутренние проблемы Египта все более обострились, особенно по мере быстрого роста народонаселения.

Режим Мубарака оставил после себя политический вакуум, который стал быстро заполняться политическими силами в самом широком диапазоне — от радикальных исламистов до интеллектуалов либерального толка, левых националистов и даже анархистов. Страна была в шаге от послереволюционного хаоса, если бы египетская армия, воздержавшаяся от силовых действий против народа, не взяла на себя роль стабилизатора. Другой сколь угодно влиятельной силы на эту роль в Египте к тому времени не было.

Традиции обновления сверху при консолидирующей роли армии были заложены еще в правление мамлюков (XIII–XVI вв.), получили свое развитие при основателе последней египетской династии Мухаммеде Али, а затем закрепились во время Г.А. Насера и при его преемнике А. Садате, когда военные находились в «ореоле славы» после октябрьской войны 1973 года. На эти традиции опирался и Х. Мубарак, занимавший в то время пост командующего ВВС Египта и считавшийся одним из героев войны.

Армия, являвшаяся в Египте не только военной организацией, но и политической корпорацией, источником верховной власти, пользовалась авторитетом в народе как гарант и охранитель национального суверенитета. При этом, внешне не подменяя собой гражданские институты, она всегда в решающие моменты сохраняла за кулисами решающее слово. Многие генералы в отставке возглавляют государственные и частные компании, правительственные агентства, местные органы власти, образуя как бы «внутренний круг» политического влияния.

Выход армии на авансцену был вынужденным, предопределенным самим ходом обвалных событий января-февраля 2011 года. В тех особых условиях логика действий в конечном итоге свелась к необходимости принести «крупную фигуру» в жертву разгневанной толпе ради сохранения основ государственной управляемости в качестве спасения от анархии и хаоса.

После отставки Х. Мубарака 11 февраля верховная власть в стране перешла к Высшему военному Совету (ВВС), состоящему из двадцати четырех военных чинов во главе с министром обороны маршалом Х. Тантауи. Первым шагом армии, взявшей на себя ответственность за судьбы страны, было объявление о приостановке действия конституции и о

ропуске парламента. Наряду с этим по договоренности с ведущими политическими силами Совет обязался передать бразды правления (первоначально в течение полугода) демократически сформированным законодательным и исполнительным органам власти после всенародного одобрения новой конституции и проведения президентских выборов.

Таким образом, было положено начало переходному периоду к становлению постмубаракской государственности и соответствующей ей новой политической системы. То есть начало «четвертой республики», если вести отсчет от свергнувшего монархию военного переворота 1952 года. С тех пор в Египте сменилось три президента — Г.А. Насер, А. Садат и Х. Мубарак¹. При этом характер политической власти и государственного устройства, несмотря на различие в идеологической терминологии, по существу не менялся. Египет продолжал оставаться государством с сильной президентской властью и авторитарными методами правления.

При А. Садате вначале была декларирована концепция «контролируемой демократии». В 1970–80-е годы началась некоторая либерализация политической жизни. В рамках созданной при Насере аморфной политической организации Арабский социалистический союз (АСС) было разрешено создавать «трибуны». Затем был принят закон, легализовавший многопартийность, поставленную в строго регламентированные рамки. Насеровский АСС был заменен на образованную Садатом Национально-демократическую партию (НДП). Ей «противостояла» ручная оппозиция в лице Социалистической партии труда. Введение многопартийной системы лишь украсило режим демократическим фасадом, не придав, однако, гибкости всей политической системе. Партии не были допущены к механизму принятия государственных решений, а реальная власть все больше сосредотачивалась в руках президента. В сентябре 1981 г. по его личному указанию в тюрьмы были брошены видные представители практически всех политических течений египетского общества — левых сил, патриотически настроенной интеллигенции, либералов правого толка, мусульманских экстремистов. Это была, по выражению известного египетского журналиста М.Х. Хейкала, настоящая «осень гнева», которая вылилась в драматические события на военном параде 6 октября 1981 г. (в этот день Садат был убит мусульманскими экстремистами).

«Третья республика» Мубарака в этом смысле не претерпела серьезных новаций. Вначале Мубарак вернулся к политике ограниченной либерализации. Объявлена амнистия политическим заключенным и разрешено создание новых партий, кроме религиозной направленности. Вместе с тем регистрация партий обставлялась такими формальностями, которые

¹В короткий период после революции 23 июля 1952 г. на первый план была выдвинута фигура генерала М. Нагиба, который 8 сентября 1952 г. возглавил правительство, а 18 июля 1954 г. в связи с провозглашением республики занял пост президента. Насер и его ближайшие сподвижники рассчитывали направлять действия этого офицера, известного своей храбростью и патриотизмом, но не имевшего политического опыта. Однако этим расчетам не суждено было осуществиться. В разгоревшейся внутренней борьбе среди революционного офицерства вокруг дальнейших шагов — сохранять власть в руках армии или переходить к гражданскому правлению — М. Нагиб стал претендовать на самостоятельную роль. Пользуясь поддержкой политических партий, в том числе «Братьев-мусульман», он открыто выступил за проведение парламентских выборов и созыв Учредительного собрания. В феврале 1954 г. кризис в верхах достиг высшей точки. Верх взяло большинство военных, возглавляемых Насером. В двадцатых числах февраля Нагиб подал в отставку, которая была принята Советом революционного командования 24 февраля.

давали властям широкие возможности для отказа. Новые партии все же постепенно воссоздавались, в том числе распущенная ранее правая партия Вафд, Арабская демократическая (насеровская) партия и левая «Тагаммуа» («Объединение»). «Братья-мусульмане» получили негласное разрешение баллотироваться на выборах под флагом легальных партий. Но на результатах парламентских выборов такая жесткоуправляемая сверху многопартийность не отражалась. Правящая партия долгое время получала от 80 до 98 % голосов избирателей. Продолжало оставаться в силе и чрезвычайное положение, введенное с 1967 года.

Насеровский Арабский социалистический союз и правящая Национально-демократическая партия Садата и Мубарака не выдержали испытания временем. Это были созданные сверху громоздкие политические образования, представлявшие интересы узкого слоя коррумпированной государственной бюрократии и связанного с ней крупного капитала.

Революционный взрыв 25 января соединил все его движущие социальные слои одной целью — свержение Мубарака. Именно на фигуре египетского президента и его окружения фокусировалось в тот момент острие народного негодования. С этим символом связывались все пороки власти: огромная пропасть между богатством меньшинства и нищетой подавляющего большинства населения, коррупция, безработица среди молодежи, подавление гражданских прав и свобод в государстве, называемом в народе «государством спецслужб». С течением времени единство цели, как это не раз было в истории мировых революций, сменилось размежеванием среди самих революционеров.

Переход к гражданскому правлению был в общих чертах согласован военными с ведущими политическими силами. «Дорожная карта» предусматривала вначале как бы четыре этапа: проведение свободных и демократичных парламентских выборов, формирование органа по выработке проекта новой конституции, принятие конституции всенародным референдумом, проведение всеобщих президентских выборов.

Одна из особенностей египетской революции состояла в том, что это был мощный всплеск массовых протестов без явного политического лидерства. Хотя социальная почва для народных выступлений зрела давно, события развивались подобно снежному кому, но вначале во многом спонтанно. Костяк протестующих составляла безработная молодежь, преимущественно образованная и либерально настроенная, мелкие торговцы, материальное положение которых сильно ухудшилось вследствие мирового финансового кризиса, представители профессий среднего класса, недовольные коррупцией в верхах, непотизмом власти и авторитарными методами правления. Главным мобилирующим началом выступили новые молодежные группировки, такие, как «Движение 6 апреля», «Кифая» («Довольно») и «Коалиция революционной молодежи». Сила и размах народного гнева застигли врасплох не только правящую партию, но и оппозицию. Хотя сегодня много написано о т.н. сетевых революциях, все же главным мобилирующим инструментом, на наш взгляд, по-прежнему оставалась мечеть².

²Конечно, такие социальные сети, как Facebook, мобильная связь и другие средства современных информационных технологий, играли определенную роль, особенно в координации действий восставших. Однако новый импульс массовые уличные выступления получали, как правило, после пятничных проповедей.

После отставки Мубарака и достижения договоренностей о параметрах переходного периода политический вакуум стал быстро заполняться старыми и новыми политическими партиями светской и религиозной направленности. Началась перегруппировка политических сил в преддверии парламентских выборов.

Другой особенностью революции 25 января было разрозненное состояние самой оппозиции. Ее широкий многоцветный спектр простирался от старейшей правой буржуазной партии «Вафд» до радикального крыла находившейся вне закона организации «Братья-мусульмане». Действовавшие легально при Мубараке светские оппозиционные партии, скомпрометированные сотрудничеством с прошлым режимом, не представляли из себя реальной силы в борьбе за власть. Они были немногочисленны и к концу правления Мубарака воспринимались в народе скорее как демократический фасад, прикрывавший диктаторскую власть. В атмосфере послереволюционных свобод на арену политической жизни вышли десятки новых партий либерального, социально-демократического и националистического толка («Свободные египтяне», Демократическая социальная партия, Народная социалистическая коалиция и др.). Однако эти образования, находящиеся на стадии становления, имели недостаточно времени, чтобы подготовиться к избирательной кампании организационно и идеологически.

Проведению парламентских выборов, разделенных по времени на три этапа (с ноября 2011 г. по январь 2012 г.), предшествовала ожесточенная политическая борьба. События не раз выплескивались на улицы, что грозило хаосом и неконтролируемыми последствиями уже для самого переходного периода. Главными действующими факторами на политическом поле Египта, столь неожиданно открывшимися для всех игроков, стали три центра силы — армия, набирающие силу исламистские течения и светские партии, в том числе молодежное движение, переживающее сложный этап самоорганизации и идеологической самоидентификации. При этом и исламисты, и младореволюционеры каждый раз в поддержку своих требований прибегали к тактике давления на военных, выводя на улицы многочисленные толпы своих сторонников.

В этих условиях Высший военный совет избрал тактику маневрирования. С одной стороны, данные народу обещания в целом выполнялись, что несколько разрядило обстановку: отменено чрезвычайное положение, распущена правящая партия НДП, проведен референдум по изменению антидемократических статей конституции, начаты коррупционные процессы над бывшими министрами и бизнесменами, приближенными к прошлому режиму. К суду были привлечены также Мубарак и его сыновья. В то же время армия строго давала понять, что больше не может допустить «диктата улицы» ввиду нависающей угрозы экономического хаоса, роста преступности и конфессиональных междоусобиц.

За время, прошедшее после крушения «третьей республики», площадь Тахрир, ставшая символом революции, заставляла военных действовать осмотрительно, идти на дозированные уступки то одной, то другой стороне. Можно полагать, что их главная задача на переходном этапе состояла в том, чтобы создать условия для реформ и изменения характера политической системы без коренного слома вековых устоев национальной

государственности. Такая тактика «балансирования на грани» позволяла путем дозированного применения силы гасить вспыхивающие волнения и переводить их в плоскость диалога и компромиссов. Вместе с тем авторитет армии не раз подвергался серьезным испытаниям.

Если в январе 2011 г. демократы скандировали «Народ и армия — одна рука», то по мере обострения политической борьбы вокруг ключевых вопросов будущего Египта настроение улицы начинало меняться. С июля 2011 г. все чаще стали звучать лозунги «Долой военное правление», «Армию в казармы», выдвигались требования передать власть правительству национального единства или какому-то гражданскому переходному органу. Отношения ВВС с исламистами, с одной стороны, и младореволюционерами — с другой, развивались от кризиса к кризису. Военные как бы получали сигналы: «Народ не забыл дорогу на площадь Тахрир».

В ходе жарких политических баталий, сопровождавшихся непрекращавшимися всплесками массовых волнений, стали вырисовываться и ведущие фигуры на многоцветном политическом ландшафте послереволюционного Египта. По мере того как в практическую плоскость вставали ключевые вопросы конституционно-политической трансформации (сроки проведения парламентских и президентских выборов, выработка новой конституции, определяющей основы государственного строя), становилось понятным: на первый план в заполняющемся политическом вакууме выходят исламистские течения.

Движения, использовавшие ислам в политических целях, имеют в Египте давнюю историю. Ассоциация «Аль-Ихван аль-Муслимум» («Братья-мусульмане») ведет свое начало с 1927 г., когда ее основатель и лидер Хасан аль-Банна начал проповедовать необходимость широких реформ в стране на основе возрождения «чистого ислама». Традиционные проповедники того времени лишь провозглашали общие религиозные постулаты и призывали вернуться к «подлинному» исламу времен пророка Мухаммеда. В отличие от них новое учение требовало проведения серии религиозных, социальных, экономических и политических реформ, которые превратили бы страну в мусульманское теократическое государство. Расширению влияния «Братев-мусульман» в массах способствовала также социальная деятельность среди египетской бедноты, такая, как открытие школ, больниц, кооперативов для своих последователей, распределение благотворительной помощи. Уже к началу Второй мировой войны «Братья-мусульмане» превратились в массовую политическую организацию, отличавшуюся фанатичностью, сплоченностью и дисциплинированностью ее членов. В 1940 г. ими была создана тайная военная организация, призванная проводить террористические акты против своих противников. С тех пор от рук террористов — членов этой организации или ее последующих многочисленных ответвлений погибли многие видные египетские государственные деятели и иностранные граждане. В их числе премьер-министр Египта Ан-Нукраши, объявивший 8 декабря 1948 г. о роспуске «Братев-мусульман», и президент Египта А. Садат, заключивший в 1979 г. мирный договор с Израилем.

Несмотря на то что до революции 1952 г. организация «Братья-мусульмане» была под запретом, она оставалась наиболее массовой и дисциплинированной политической силой.

«Свободные офицеры» во главе с Г.А. Насером, придя к власти, не случайно в первый период революции стремились привлечь «Братьев» к сотрудничеству. У многих в то время даже сложилось впечатление, что революция — дело рук «Братьев мусульман». Однако тогда они явно переоценили свои возможности, посчитав, что могут повести за своими лозунгами неискушенных в политике молодых офицеров. Обострившиеся отношения с новой военной властью быстро переросли в конфликт, завершившийся в пользу Г.А. Насера. Организация «Братьев-мусульман» вновь была запрещена, а после неудавшегося покушения на Насера 26 октября 1954 г. были произведены массовые аресты ее членов, захвачены большие тайные склады оружия, шестеро обвиняемых по приговору суда были повешены. «Братьям-мусульманам» был нанесен сокрушительный удар, от которого эта организация смогла оправиться только в 80-е годы.

В правление президента Садата и при Мубараке исламисты умело пользовались относительными политическими свободами при «управляемой» многопартийной системе, хотя запрет на регистрацию политических партий по религиозному признаку по-прежнему сохранялся. Наряду с восстановлением нелегальной организационной структуры, они продвигали в парламент близких к ним политических деятелей под флагом легальных партий или в качестве «независимых» кандидатов. Так, на парламентских выборах 2005 г. «Братья-мусульмане», выступавшие по одномандатным округам как «независимые», получили 20% депутатских мест.

Вместе с тем следует отметить, что на начальном этапе массовых выступлений в январе 2011 г. исламские лозунги полностью отсутствовали. Исламисты, как и другие, в том числе легальные политические силы, были застигнуты врасплох силой и размахом народного гнева. Сама организация в то время переживала внутренние трудности, пытаясь преодолеть раскол по линии «поколенческого разрыва» между традиционалистами и молодыми современными исламистами, выступавшими за приоритет политических методов борьбы с использованием всех доступных легальных каналов.

Поначалу руководство движения «Братьев-мусульман» предпочло действовать совместно со светскими партиями, присоединившись к спонтанно образованной, но потом развалившейся коалиции оппозиционных сил, возглавить которую пытался бывший Генеральный секретарь МАГАТЭ М. Аль-Барадеи. Далее, в обстановке победной эйфории исламисты сумели поймать революционную волну и быстро выдвинуться на ведущую роль в трансформационном процессе. Само движение быстро преобразовалось в политическую партию «Свободы и справедливости», представляющую его более или менее умеренное крыло. Наиболее консервативные исламисты, относящиеся к салафитам, сумели объединиться в свою легальную партию под названием «Ан-Нур». К ней примкнули и члены ранее действовавших в Египте террористических организаций, таких, как «Аль-Джихад Аль-Ислямий», «Ат-Такфир валь-Хиджра» и др. В целом на парламентские выборы исламистское движение вышло несколькими партиями с религиозной окраской, но разной степенью радикализма выдвигавшихся требований.

На другом фланге политического спектра предпринимались усилия по объединению левых и либеральных сил в отдельные партии и партийные коалиции на блоковой основе.

Однако светские партии, традиционные и новые, в итоге не смогли найти привлекательную альтернативу лозунгам исламского обновления и социальной справедливости.

С отстранением от власти «диктаторского» режима революционные активисты, особенно в среде египетской молодежи, связывали надежду на лучшую жизнь. Одержанная победа на площади Тахрир вернула египтянам поправное национальное достоинство, придало им уверенности в способности определять собственную судьбу. Чувство гордости вызывало и то, что египетская революция, поднявшая демократические лозунги, получила поддержку ведущих мировых держав и вновь вывела Египет в центр международного внимания.

Однако вскоре все больше стали давать о себе знать противоречия между ожиданиями, порой завышенными, и отсутствием возможностей для их быстрой реализации. Постереволюционный экономический спад сопровождался значительным ухудшением материального положения большинства населения (цены на продовольствие выросли на 50%). Участвовавшие забастовки рабочих госсектора только усугубили надвигающийся кризис. Развал правоохранительной системы (полиция скомпрометировала себя, применив чрезмерную силу против демонстрантов в начале январских событий 2011 г.) привел к беспрецедентному для Египта разгулу преступности. Начались столкновения на конфессиональной почве в то время, как отношения между мусульманами и христианами-коптами традиционно отличались миролюбием и взаимной терпимостью.

В этих условиях эйфория от одержанной победы постепенно стала уступать место разочарованию и политической апатии. Молодежные движения, не сумев нацелиться на перспективу, пытались поддержать протестную энергию требованиями решительного разрыва с «прошлым». Отношения активистов молодежных движений и правозащитников с военным руководством складывались крайне сложно. Революционная молодежь в ответ на жесткие действия по восстановлению порядка обвиняла военных в попытках «украсть революцию» и восстановить прежний режим в новом обличье. Военные подвергались критике за попытки восстановить действие некоторых чрезвычайных законов, введение практики военных судов над гражданскими лицами, за преследования журналистов, хотя в целом со времени смены режима египетские средства массовых коммуникаций стали пользоваться беспрецедентной свободой. Выдвигались требования провести реформирование полицейского аппарата и всей системы МВД, не ограничиваясь преданием суду бывшего министра внутренних дел и увольнением ряда высших офицеров по обвинению в превышении полномочий в период январских народных выступлений 2011 г.

Особенно острый кризис между обеими сторонами, военными и молодежными организациями, возник в ноябре — декабре 2011 г., когда властям для нейтрализации очередной волны массовых протестов пришлось применить силу. ВВС даже обвинил организаторов уличных выступлений в попытках «разрушить страну» при подстрекательстве извне³.

В отличие от младореволюционеров, исламисты в отношениях с военными властями вели себя более осмотрительно. Конфликт с Насером после революции 1952 года и последовавшее за этим поражение «Братьев-мусульман», видимо, не были забыты. Сразу

³Financial Times, December.20.2011.

был взят курс на победу в ходе парламентских выборов и выработана действенная тактика. Исламистское движение сумело использовать богатый организационный опыт, открытость информационного пространства и, конечно же, мечеть, чтобы привлечь к себе симпатии населения, разочаровавшегося в традиционных политиках. Важную роль при этом играли такие формы работы в массах, как участие в благотворительной, культурно-просветительской деятельности, в программах социального обеспечения египетской бедноты (около 40% населения), в финансовой поддержке малого бизнеса через неправительственные организации и профессиональные ассоциации.

Вместе с тем по принципиальным вопросам исламисты последовательно вели свою линию на постепенный захват властных рычагов, доходя порой до грани конфликта в отношениях с военными. Это касалось в первую очередь ключевых положений новой конституции.

Вначале казалось, что генералы настроены примирительно по отношению к умеренному исламу, рассматривая «Братьев-мусульман» как реальную силу, способную нейтрализовать уличные страсти. ВВС не прислушался к мнению светских партий отсрочить проведение парламентских выборов и одобрил выгодную для исламистов схему — вначале парламентские выборы, а затем формирование на этой основе Конституционного собрания по выработке проекта конституции. Но к лету стало понятно, что, получив большинство мест в парламенте, исламисты смогут взять под контроль весь конституционный процесс. Тогда военными был подготовлен проект базовых конституционных принципов, допускающих уход армии из-под парламентского контроля и ее право как «гаранта конституционной законности» вмешиваться в законотворчество путем отмены тех законодательных актов, которые, по ее оценке, противоречат конституции. В ответ исламисты прибегли к уличным протестам и угрозам «второй революции», достигшим своего пика в июле–августе. Военные в тот момент вынуждены были отступить.

Таким образом, накануне парламентских выборов, первый этап которых начался 29 ноября 2011 г., большинство египетских экспертов и политологов с уверенностью прогнозировали успех обновленному исламистскому течению в египетской политике. Весь вопрос был в том, каков окажется масштаб этого успеха. Сами «Братья-мусульмане» скромно заявляли, что не претендуют более, чем на 30% мест в нижней палате парламента. В ходе избирательной кампании обстановка была настолько накалена, что рассматривался даже такой сценарий, как отсрочка выборов по соображениям безопасности. В конце концов военными было принято решение не менять своих обязательств во избежание дальнейшей эскалации напряженности. Против претензий армии на продление переходного периода решительно восставали как светские партии, так и исламисты, и армия чутко улавливала настроение египетского общества.

Три тура выборов в нижнюю палату парламента, проведенных в период с 29 ноября 2011 г. по 11 января 2012 г., принесли «ожидаемую неожиданность».

Уже в первом туре «Партия свободы и справедливости» («Братья-мусульмане») получила 36,6% голосов избирателей. Однако поистине ошеломляющими, даже для самих еги-

петских политиков, стали результаты голосования по кандидатам от партии «Ан-Нур». Эта партия, представляющая крайне жесткое направление в исламском политическом течении, так называемых салафитов, получила 24,4% электоральной поддержки. Если к этому прибавить голоса, собранные другой сравнительно умеренной исламской партией «Аль-Васат», то по итогам уже первого тура египетские исламисты набрали в целом около 65% голосов. Блок светских партий сумел заручиться поддержкой только 15% избирателей, а объединения «революционной молодежи» провели в законодательный орган лишь менее десятка своих представителей. Серьезное поражение потерпели также «независимые» кандидаты, известные своей принадлежностью к распущенной бывшей правящей партии или близостью к прежней власти.

Во втором и третьем турах исламисты упрочили свои лидирующие позиции, получив в общей сложности более двух третей мест в нижней палате египетского парламента (46% — «Партия свободы и справедливости» и 25% — партия «Ан-Нур»). Остальные 29% были поделены между «независимыми» депутатами и партиями-аутсайдерами, представляющими светские демократические течения.

Итоги первых послереволюционных выборов показали, что большинство избирателей высказались в пользу религиозного традиционализма, связывая именно с этой идеологией своего рода нового национализма понятия социальной справедливости, национального достоинства, а также надежды на лучшую жизнь. С другой стороны, это было безусловным выражением вотума недоверия в адрес тех политиков, которые выступали как с либерально-демократических, так и с левых или с традиционно националистических позиций.

Триумф исламистов на выборах, позволивший им поставить под свой контроль законодательную власть, хотя и явился индикатором послереволюционных настроений простого египтянина, мало что изменил в общей расстановке политических сил. Реальные рычаги власти по-прежнему оставались в руках армии, которая начала принимать меры к тому, чтобы адаптироваться к новой ситуации. Тем более что временные рамки переходного периода и последовательность демократических процедур четко определены не были.

Главные болевые точки, вокруг которых развернулась острая борьба после парламентских выборов, сводились к достижению договоренностей о порядке выработки новой конституции и о сроках проведения президентских выборов.

Получив по сути дела квалифицированное большинство в парламенте, исламистские партии вопреки их предвыборным заявлениям об уважении многопартийности и прав меньшинства с самого начала нацелились на формирование практически в том же соотношении и Конституционного собрания — так называемого Комитета-100. Это позволило бы им решить в свою пользу такие ключевые вопросы будущего государственного строя, как форма правления и роль ислама в общественной жизни. Однако все попытки исламистов монополизировать конституционный процесс встретили сопротивление военных, поддержанных в этом случае большинством светских партий и коптским меньшинством. Конституция как Основной закон государства, говорили они, — документ длительного действия. Поэтому она должна отражать не буквальные итоги выборов, а неизменные политические

принципы и механизмы осуществления государственной власти, являясь плодом усилий всего общества, символом общенационального согласия. Союзником ВВС в этих дискуссиях выступала и такая авторитетная сила, как выступающий с позиций умеренности исламский университет «Аль-Азхар», традиционно считающийся в Египте толкователем исламских канонов.

По итогам выборов сложилось такое положение, при котором поле внутривнутриполитической борьбы пролегалось не только между военными, светской частью общества и исламистами. Неожиданный успех египетских салафитов изменил ситуацию. Многие египетские политологи прогнозируют усиление внутренней борьбы в самом исламистском политическом движении.

Программы «Братьев-мусульман» и салафитов далеко не совпадают. Лидеры салафитских группировок, действовавшие до революции в глубоком подполье, в своих проповедях вообще отвергали демократию представительного типа. Сами люди, утверждали они, не могут принимать законы, подменяющие законы Аллаха. Приняв участие в парламентских выборах через спешно созданную партию «Ан-Нур», салафиты несколько смягчили эти акценты. Но суть их программных требований осталась прежней: добиваться принятия такой конституции, которая гарантирует «исламскую идентичность» Египта, исламизацию, хотя и постепенную, всех сторон общественной жизни. В этом смысле египетский салафизм берет за основу саудовскую модель государства и общественного устройства. По данным официальной египетской печати, благотворительные организации этого толка получили в прошлом году более 65 млн. долл. США финансовой помощи от доноров из арабских государств Персидского залива.

Руководство более умеренных «Братьев» опасается, что ультраконсервативное крыло исламистов будет теснить их на религиозном фронте, вынуждая занимать излишне жесткие позиции. В этом случае они окажутся перед дилеммой: либо рисковать потерей влияния среди своей социальной базы, либо поставить под угрозу отношения с Западом, в первую очередь с США, в финансовой помощи которых Египет сильно нуждается. В первую очередь это касается таких вопросов, как пределы и скорость введения в общественную жизнь строгих шариатских норм, регулирующих положение женщин, употребление алкоголя, судопроизводство, личные свободы граждан. «Братья-мусульмане», программа которых строится на принципах социально ориентированной рыночной экономики, видят в жесткой исламизации серьезные преграды для иностранных инвестиций и угрозу для туристического сектора Египта, одного из главных источников валютных поступлений. Умеренные исламисты не одобряют участвовавшие провокации мусульманских фанатиков против египетских коптов, исходя из того, что межконфессиональная рознь подрывает усилия по выводу страны из экономического кризиса.

Разногласия среди египетских исламистов имеют также серьезный внешнеполитический аспект, причем не только в региональном, но и в глобальном масштабе. На Египте, этой первой арабской стране, заключившей мирный договор с Израилем, покоится вся, пока еще шаткая, система региональной стабильности. Велика была и его роль в сдерживании исламского

экстремизма и великодержавных амбиций Ирана. Теперь, когда исламисты становятся доминирующей силой в египетской политике, возникают вопросы, какова будет судьба мирного договора, как будут складываться отношения Египта с палестинцами, особенно с близким к «Братьям-мусульманам» по идеологии радикальным крылом «Аль-Хамас», какие коррективы в целом претерпит египетская дипломатия в ближневосточном регионе. Конечно, быстрое возвращение Египта в мировую политику в качестве влиятельного игрока в скором времени вряд ли возможно. Слишком тяжел груз внутренних проблем.

Вместе с тем уже сейчас прослеживаются признаки, позволяющие прогнозировать более самостоятельную и нюансированную внешнеполитическую линию Египта, особенно на региональном направлении. При любом внутривнутриполитическом раскладе новая власть не может не считаться с тем сигналом, который дала египетская революция. Хотя ее причины имели преимущественно внутреннее происхождение, все же свою роль сыграли такие общественные настроения, как недовольство слишком большой зависимостью от США и Израиля и принижением ведущей роли Египта на Ближнем Востоке. Исламисты пока не определились, как дальше выстраивать отношения с Израилем. На этапе, когда переход к гражданскому правлению не завершен, они поспешили успокоить Запад заверениями о намерении соблюдать мирный договор. В то же время они дают понять, что речь может идти о пересмотре его некоторых невыгодных для Египта положений. Так, например, в программе «Братьев-мусульман» говорится о необходимости начать переговоры об изменении условий газовых контрактов с Израилем: «унизительное падение статуса Египта и его роли на международной арене зашло настолько далеко, что Египет продавал газ и нефть сионистским оккупантам Палестины и Иерусалима по самым дешевым (ниже рыночных) ценам, в то время как сами египтяне остро нуждались в топливе»⁴.

После парламентских выборов противостояние двух ведущих центров силы — армии и набравших политический вес исламистов — проходило на фоне массовых выступлений с требованиями ускорить переход к гражданскому правлению и не допустить реставрации прежнего режима.

Между тем к маю 2012 г. стало понятно, что конституционный процесс зашел в тупик и дискуссии вокруг состава Конституционного собрания раскололи египетское общество. В этих условиях ВВС обратился к судебным рычагам, переведя политическую борьбу в юридическое поле. 10 апреля Административный суд Каира принял решение о роспуске «Комитета-100» на том основании, что его состав не отражает социально-политическое разнообразие египетского общества.

Вопрос о сроке президентских выборов приходилось решать в обстановке периодических всплесков уличной активности с нарастающими требованиями к военным не затягивать с передачей власти. Изначально ВВС планировал их проведение на осень 2012 г. Но быстро меняющаяся ситуация заставила военных пойти навстречу политикам, объединившимся на платформе «армия, уходи в казармы». Давление снизу было настолько сильным, что обстановка в любой момент могла выйти из-под контроля. В то же время военные старались

⁴The new Egypt, Financial Times special report, Thursday December, 22, 2011, p. 4.

не допустить такого усиления исламистского движения, которое могло бы радикально изменить баланс сил и поставить под угрозу корпоративные интересы самого армейского истеблишмента. Подозрения в отношении реальных планов «Братьев-мусульман» усилились после того, как в нарушение их прежних обязательств не участвовать в президентских выборах Генеральный секретарь движения М. Хусейн 20 марта объявил о решении руководства «Братьев» выставить своего кандидата. Это решение мотивировалось изменением обстоятельств в связи с тем, что BBC отказался предоставить парламенту полномочия формировать правительство. Представители партий радикальных исламистов приветствовали эту инициативу и заявили о готовности начать консультации о выдвижении единого кандидата. Таким образом, возникла опасность, что к моменту перехода к гражданскому правлению вся полнота законодательной и исполнительной власти сосредоточится в руках исламистов.

К президентским выборам, назначенным на 23–24 мая, Египет подошел в обстановке политической неопределенности и бурлящих уличных страстей. Если первоначально президентские выборы планировались как заключительная фаза переходного периода, то после принятого под давлением решения о переносе выборов на более ранний срок возник своеобразный юридический казус: страна получала президента без конституционных полномочий.

По мере приближения президентских выборов, когда недоверие между военными и исламистами быстро нарастало, достижение договоренности о поддержке компромиссного кандидата стало практически невозможным. Вместе с тем ни одна из сторон не прибегала к вооруженному насилию. Борьба за властные рычаги по-прежнему велась юридическими средствами, через судебные инстанции и Центральную избирательную комиссию, состав которых со времени падения режима Мубарака не претерпел изменений.

Уже в разгар избирательной кампании ЦИК дисквалифицировал десять кандидатур на президентский пост. Среди них был кандидат от «Братьев-мусульман» мультимиллионер Хейрат Шатер и его соперники: бывший шеф египетской разведки Омар Сулейман и консервативный исламист, пользующийся поддержкой салафитов Хазель Абу Исмаил. Предвидя возможность отстранения Х. Шатера от участия в выборах (при Мубараке он был приговорен к тюремному заключению на 4 года и был освобожден после февральских событий 2011 г. без формального снятия с него обвинения), «Братья-мусульмане» задействовали запасной вариант. На пост президента была выдвинута кандидатура другого видного исламистского деятеля, лидера партии «Свободы и справедливости» и бывшего парламентария М. Мурси. Главными фаворитами на выборах от военных считались бывший премьер-министр (был при Мубараке также командующим BBC) Ахмед Шафик и, в качестве второго номера, бывший министр иностранных дел и Генсек ЛАГ Омар Муса.

Это решение по формальным юридическим мотивам продемонстрировало как бы политическую беспристрастность ЦИК и позволило выбить из «игры» самых одиозных кандидатов (О. Сулейман являлся «правой рукой» Мубарака, а Х. Абу Исмаил — наиболее консервативным исламским деятелем, ратовавшим за исламизацию).

Первый тур президентских выборов не выявил победителя. Сложилась ситуация, когда избиратели оказались перед трудным выбором. Во второй тур вышли кандидаты, представляющие две полярные части египетского общества — находящуюся под влиянием политического ислама и светскую, для которой исламизация означает подрыв традиционных египетских традиций веротерпимости, социальной свободы и открытости перед внешним миром. Между этими двумя полюсами опросы общественного мнения показывали большое количество (до 40%) не определившихся избирателей, колеблющихся между страстным желанием перемен и боязнью дальнейшей дестабилизации обстановки. Для многих египтян обе альтернативы — возврат к прежнему режиму и неопределенность будущего в случае монополизации власти исламистами — представлялись одинаково неприемлемыми.

За время, прошедшее после парламентских выборов, психологическая атмосфера в египетском обществе во многом изменилась. Прежний революционный энтузиазм, несмотря на продолжавшиеся уличные выступления, значительно угас, уступив место усталости от политики и разочарованию. В условиях ухудшения материального положения большинства населения на первый план вышли насущные проблемы жизнеобеспечения. Быстро нарастала безработица, ползла вверх инфляция, что вынудило переходное правительство истратить 2/3 валютных резервов на поддержание египетского фунта⁵. Отток капитала в условиях сохраняющейся неопределенности, резкого повышения уровня преступности и межрелигиозной розни привел к замораживанию деловой активности, а получение внешних кредитов ставилось в зависимость от политической стабилизации.

Помимо вышеуказанных факторов военные рассчитывали, что успех своему кандидату, хотя он и был частью прежнего режима, может быть обеспечен и за счет ошибок, допущенных исламистами. Получив большинство в парламенте, «Братья-мусульмане» не воспользовались этой возможностью, чтобы поставить на повестку дня жизненно важные для всех египтян проблемы экономики, безопасности, межконфессиональных отношений. Вместо этого, вопреки предвыборным заявлениям о готовности сотрудничать с другими политическими силами, исламистское течение встало на путь монополизации власти. Тем самым исламисты оттолкнули от себя те социальные слои, преимущественно часть среднего класса, которые «делали революцию».

16 июня, накануне второго тура президентских выборов, BBC издал указ о роспуске нижней палаты египетского парламента в соответствии с принятым двумя днями раньше решением Конституционного суда о том, что выборы прошли с нарушениями избирательного законодательства. Через два дня было объявлено о принятии Советом дополнений к конституционной декларации, наделяющих BBC такими полномочиями, как контроль над военным бюджетом, правом вето на те или иные положения в проекте будущей конституции, а также прерогативами президента по вопросам войны и мира. Согласно этим положениям BBC получил также право формировать состав будущего Конституционного собрания. Таким образом, вплоть до выборов нового парламента в отведенный для этого

⁵Financial Times, June 20, 2012.

Конституционным судом двухмесячный срок военные намеревались оставить за собой и законодательную власть⁶.

Решительные и довольно неожиданные действия военных вызвали новый всплеск массовых протестов с обвинениями армии в «мягком перевороте» против «революции», в попытках затянуть переходный период и ползучим путем реставрировать прежний режим. Площадь Тахрир вновь начала набирать ту критическую массу, которую невозможно контролировать мирным путем. С этим армия не могла не считаться. Сами «Братья-мусульмане», впрочем, воздерживались от агрессивных призывов, стараясь не провоцировать ее. Со своей стороны ВВС принял превентивные меры путем усиления мер безопасности. На улицы в крупных городах страны была введена военная техника. В обращении ВВС к народу было заявлено, что армия «твердо» ответит на любые попытки «нанести ущерб общественным и частным интересам».

Второй тур президентских выборов, состоявшийся 16–17 июля, принес победу кандидату от «Братьев-мусульман» М. Мурси⁷. С минимальным отрывом (51,7% против 48,3%) он опередил бывшего премьер-министра — генерала А. Шафика. Высший военный совет признал победу исламистского кандидата, который в отсутствие парламента был приведен к присяге перед Конституционным судом. Избрание М. Мурси президентом Египта (первый с 1952 г. президент — выходец не из военной среды) по первоначальным договоренностям не должно было стать заключительным актом переходного периода. Окончательная передача власти от военных гражданским институтам планировалась после разработки проекта новой конституции Египта и проведения новых парламентских выборов в отведенный для этого двухмесячный срок.

Однако двоевластие в Египте, сопровождавшееся тягучим противоборством в политико-правовом поле, продолжалось не более двух месяцев после президентских выборов. 12 августа президент Египта, считавшийся недостаточно сильной фигурой даже в руководстве «Братьев-мусульман» и урезанный военными в своих властных прерогативах, сделал неожиданно сильный ход. Логика внутривластного развития на протяжении переходного периода не предвещала такого развития событий.

М. Мурси издал президентские указы об отставке главы ВВС, министра обороны М.Х. Тантауи и начальника Генерального Штаба С. Аннана. Теми же указами была отменена принятая ранее военными конституционная декларация, предоставлявшая армии расширенные полномочия. Кроме того, в отставку были отправлены командующие ВВС, ПВО и ВМС и произведен ряд новых назначений среди генералитета. Маршал Тантауи и генерал Аннан представлены к высшей награде Египта — ордену Нила и назначены советниками президента. Объясняя свои решения, М. Мурси заверил, что действует «во благо народа и страны» и призвал армию сосредоточиться на выполнении своей главной задачи — «священной

⁶«Коммерсант» 19.06.2012, Newsru.co.il 19.06.2012, FT. 19.06.2012.

⁷М. Мурси родился 20 августа 1951 г. в семье зажиточного крестьянина. В 1978 г. закончил инженерный факультет Каирского университета и продолжил учебу в США. В 1982 г. получил степень доктора наук в Университете Южной Калифорнии и три года проработал в Калифорнийском Университете в Нотбридже. В 1985 г. вернулся в Египет, хотя перед ним открывалась успешная научная карьера в США. С 2000 по 2005 гг. был депутатом египетского парламента. За участие в политической деятельности запрещенного движения «Братьев-мусульман» дважды подвергался тюремному заключению.

миссии по защите родины». Тем самым в отсутствие парламента, распущенного военными накануне президентских выборов, к президенту перешли все рычаги законодательной и исполнительной власти, а египетские исламисты получили практически неограниченные возможности держать под своим контролем выработку проекта новой конституции.

Возникают вопросы: в чем причины такого ускоренного развития событий, хотя передача власти новой правящей элите — победившему исламистскому течению — была по сути дела предreshена; почему армия, взявшая на себя роль хранителя светских устоев государства и гаранта упорядоченного течения переходного периода, так быстро сдала свои позиции?

В основе решения президента взять на себя всю полноту верховной власти лежал, по нашим оценкам, целый ряд факторов внутреннего и внешнего порядка. Безусловно, это, казалось бы, смелое и в то же время драматическое по своим возможным последствиям решение не было спонтанным. Президентские указы от 12 августа не могли быть приняты без достижения предварительных закулисных договоренностей о взаимных обязательствах. Как сообщало агентство Рейтер со ссылкой на заместителя министра обороны Мухаммеда аль-Асара, этому предшествовали консультации с Высшим военным Советом, в том числе по вопросу гарантий со стороны новой власти от уголовного преследования военных в будущем и сохранения за ними ряда прежних позиций в органах исполнительной власти и бизнесе⁸. Опасения в египетских политических кругах относительно вероятности военного путча по подобию событий в Алжире января 1992 года, приведших к кровавой десятилетней гражданской войне, оказались напрасными. Армия не могла не считаться с той массовой поддержкой, которую получил демократически избранный президент, обратившийся напрямую к народу на площади Тахрир. Немедленный переход к гражданскому правлению стал с тех пор лозунгом дня среди широкого круга политических сил. Свою роль сыграло и то, что итоги выборов получили всеобщее признание, а движение «Братьев-мусульман» приобрело международную легитимность, особенно со стороны США и Евросоюза, в финансовой помощи которых Египет на этом этапе сильно нуждается.

Реформаторы, составляющие ядро «Братьев-мусульман», заверили внешний мир в своей готовности «играть» по демократическим правилам и проводить линию на интеграцию в мировую экономику. Сразу после избрания на пост президента, М. Мурси заявил о своем выходе из партии, чтобы стать «президентом всех египтян». В своем первом обращении к нации он призвал сограждан к национальному единству «вне зависимости от партийной принадлежности», подчеркнув, что Египет является правовым государством и подтвердил намерение соблюдать все взятые им на себя международные обязательства. Позднее пресс-секретарь главы государства со всей определенностью заявил, что Египет не намерен пересматривать мирный договор с Израилем⁹.

На руку новому президенту пришла также резкая эскалация напряженности на Синайском полуострове после того, как исламистские боевики нанесли удар по египетским

⁸Financial Times, August 20, 2012, Московские Новости, 14 августа 2012.

⁹Росбизнесконсалтинг, 27.09.2012.

военнослужащим на КПП между Египтом и сектором Газа и прорвались на территорию Израиля. Это явилось удобным поводом для президента продемонстрировать свою власть, отдав приказ о начале антитеррористической операции на Синае против тех исламистов джихадистского толка, с которыми «Братья-мусульмане» ранее поддерживали контакты.

Положив конец двоевластию и неопределенности в порядке принятия политических решений, августовские события де-факто подвели черту под затянувшимся переходным периодом, негативные последствия которого все сильнее сказывались, особенно на экономическом положении страны. Завершающая фаза этого периода была проведена в чисто египетских традициях. Военным дали возможность «сохранить лицо», а новая власть, не отказавшись полностью от ранее согласованных «кондиций», возможно, и не без участия внешних посредников, получила возможность консолидировать свои позиции.

Вместе с тем следует иметь в виду, что по итогам президентских выборов исламистский кандидат победил с небольшим перевесом голосов. Другая довольно значительная часть египетского общества с большим подозрением относится к новой монополизации власти и имеет возможности для самоорганизации. Какую бы форму ни приобрело гражданское правление в Египте, в течение длительного времени новая власть будет находиться под постоянным давлением снизу. Народ хочет быстрее получить материальные дивиденды от «революции» в то время, как финансовые средства и резервы для популистских мер исчерпаны. В любом случае риски для пришедших к власти исламистов настолько велики, что нельзя исключать тех или иных поворотов в соотношении политических сил, в том числе в ходе готовящихся новых парламентских выборов. Кроме того, списывать со счетов такой фактор, как влияние армии, представляется преждевременным.

В перспективе можно ожидать теократизации демократически избранных институтов, хотя возможность исламской, но демократической по своей сути модели остается. Причем не иранского образца радикального исламского государства и даже, возможно, не турецкого.

Жесткая президентская форма правления, по-видимому, себя исчерпала. Свержение режима Мубарака показало, что эта модель отвергается обществом, как ассоциирующаяся с диктатурой. В то же время с учетом многовековых исторических традиций Египет трудно представить себе и парламентской республикой европейского типа. Политические традиции и склад ментальности в арабском обществе отличаются крайней живучестью. Итоги президентских выборов показали, что М. Мурси не располагает подавляющей поддержкой среди избирателей. Это делает вероятным формирование со временем влиятельной оппозиционной силы в составе коалиции либеральных и умеренных националистических партий социал-демократической направленности, пользующейся негласной поддержкой не исламизированной части египетского генералитета.

Новая египетская власть оказывается перед серьезным вызовом. Ей предстоит найти баланс между своими религиозными принципами, с одной стороны, и прагматизмом во внутренней и внешней политике — с другой. Если такой баланс будет найден, Египет, можно полагать, со временем вернет себе самостоятельную инициативу и немалую часть авторитета в арабском и исламском мире.

А.З. Егорин

Ливия

На старте XXI века главный бедуин Сахары Муаммар Каддафи предстал миру не как символ зла, а как заблудившийся странник, постучавший в ворота цивилизованного мира. С собой он принес и очередное свое творение — «Белую Книгу», где на 150 страницах повествовалось об арабах и евреях, мирное сосуществование которых, как утверждал неожиданно преобразившийся Каддафи, давно определено судьбой и единой историей. Он призвал израильтян и палестинцев объединиться в одно государство Исрагын¹ и жить в мире и согласии.

Публикация этой работы, произведшая эффект разорвавшейся бомбы, разумеется, не была направлена на продвижение Ближневосточного урегулирования, в контексте которого она смотрится несколько странно, скорее, это была эпатажная демонстрация отказа автора Третьей мировой теории от леворадикальных взглядов и его стремления вернуть Ливию в ряды международного сообщества.

15 августа 2003 г. от имени Джамахирии в Совет Безопасности ООН было отправлено письмо, уведомлявшее о выполнении условий снятия санкций, включая признание ответственности за взрывы «Пан Ам», рейс 103 («Дело Локкерби», 1988), выплату компенсаций родственникам жертв и отказ от поддержки терроризма². Деньги начали переводиться немедленно, что подтвердили соответствующие банки, и буквально через месяц СБ ООН принял резолюцию, снявшую санкции³.

¹Ар. Исраиль + Филастын.

²<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/467/62/PDF/N0346762.pdf?OpenElement>

³А.З. Егорин. Муаммар Каддафи. М.: ИВ РАН, 2009, с. 382.

Кроме того, еще в ноябре 2002 г. Ливия подписала в Гааге международный кодекс об ограничении количества баллистических ракет, в конце 2003 г. отказалась от военных программ (в частности, от производства оружия массового уничтожения) и согласилась с проведением международных инспекций⁴. В надежде на улучшение отношений с США в начале 2004 г. она ратифицировала договор о запрещении ядерных испытаний и конвенцию о запрещении химического оружия⁵. Однако потребовалось еще 2,5 года, когда, наконец, 15 мая 2006 г. Вашингтон объявил о восстановлении в полном объеме отношений с Триполи и об исключении Джамахирии из списка стран, поддерживающих терроризм⁶.

Тогда-то Каддафи, видимо, и успокоился, решив, что смертоносные бури пронеслись стороной и теперь не нужно бояться иракской судьбы для Ливии и участи Саддама Хусейна для себя лично...

Довольный Западом, он развил бурную представительскую деятельность, разъезжая по европейским столицам с собственным шатром площадью в 135 кв. м, отрядами телохранительниц-амазонок и украинских медсестер и даже в сопровождении верблюдиц. Шатер лидера ливийской революции устанавливали и около Брюссельского замка Валь Дюшес, и у Елисейского дворца, и в римском парке Вилла Дория Памфили, и в Тайницком парке Кремля, и в Минске, и в Киеве, и во множестве других столиц. Мировые СМИ о нравах лидера революции писали как об экстравагантных, но в целом милых и забавных причудах, а главы государств не без удовольствия и в нарушение всяческого протокола навещали своего гостя в его жилище.

Лишь в США, где Каддафи готовился выступить с речью на 64-й сессии ГА ООН, ему было отказано в размещении шатра на территории Центрального парка Нью-Йорка по соображениям безопасности. Запретили устанавливать сооружение и власти штата Нью-Джерси в городе Энглууд, где находится резиденция посла Ливии. В конце концов, это было сделано на частной вилле Дональда Трампа в округе Вестчестер (Нью-Йорк). Впрочем, «заминка» с шатром тут же была забыта — в своем двухчасовом выступлении (вместо 15 минут) на Генеральной Ассамблее Каддафи уделил немало внимания «нашему сыну» Б. Обаме, похвалив его за слова, сказанные американскому народу: «Демократия не может быть навязана извне»⁷. Определение президента США как «сына», которое еще не раз будет встречаться в речах ливийского лидера (в том числе в последних — в письме от 19.03.2011 Каддафи просил своего «сына» о помощи⁸), по всей видимости, мотивируется тремя обстоятельствами. Во-первых, разницей в возрасте. Во-вторых, африканскими корнями Обамы (Каддафи к этому времени объявил себя «Царем африканских царей» и президентом Соединенных Штатов Африки). Наконец, в-третьих, желанием обнаружить некую идеологическую преемственность — Каддафи обращал внимание на то, что Ливия раньше США приняла решение о невмешательстве в дела других государств.

⁴Известия, 13.03.2003.

⁵Известия, 14.01.2004.

⁶Время Новостей, 17.05.2006.

⁷Там же, с. 217 — 219.

⁸Там же, с. 218.

Вообще же, Каддафи взялся за восстановление отношений с международным сообществом чрезвычайно рьяно, причем постоянно претендуя на свою ведущую роль. Вполне естественно при этом, что главные его усилия были направлены на укрепление связей с европейскими партнерами, для которых Ливия представляла не только экономический (источники энергоресурсов, рынок для европейского бизнеса), но и военно-стратегический интерес. Отмена в 2004 г. американско-европейского эмбарго и завершение летом 2007 г. дела «болгарских медиков» стали двумя событиями, позволившими начать укреплять сотрудничество.

В декабре 2007 г. во время визита Каддафи в Париж главы двух стран подписали пакет соглашений на сумму 10 млрд. долл. Вслед за этим во время визита Каддафи в Испанию сумма возможного партнерства была оценена в 17 млрд. долл.⁹

13 ноября 2008 г. в Брюсселе прошли переговоры между Евросоюзом и Ливией о заключении соглашения о партнерстве. ЕС увидел в лице Ливии важного поставщика энергоносителей, альтернативного России. Причем поставщик этот оставался единственной страной Средиземноморья, не имевшей соглашений о сотрудничестве с ЕС. Впрочем, несмотря на радужные перспективы и огромный потенциал, даже в 2011 г. Ливия всего на 8% удовлетворила потребности ЕС в нефти и на 2% в газе¹⁰.

Однако многообещающие контакты с иностранными партнерами вовсе не означали полного отказа полковника от свойственного ему стиля ведения внешней политики. Так, в 2008 г. в спецпослании Западу он заявил, что искусственное вливание миллиардных сумм в экономику и банковский сектор не поможет выйти из финансового кризиса, и выступил против предлагаемых Европой финансовых решений, что, возможно, и стало одной из причин недовольства действиями «воспрянувшего из небытия» главного бедуина ливийской пустыни.

В марте того же года Ливия сделала несколько резких демаршей в Совете Безопасности ООН, непостоянным членом которого она в то время являлась. В частности, из-за позиции Джамахирии Совбез оказался не в состоянии принять резолюцию, осуждавшую теракт в религиозном институте в Иерусалиме.

Одновременно с этим в речи на арабском саммите в Дамаске Каддафи напомнил, что в свое время бывший иракский лидер Саддам Хусейн значился среди «друзей» США, а позднее, когда стал им неуютен, был устранен. «Ваша судьба, — сказал Каддафи присутствовавшим арабским лидерам, — может быть такой же»¹¹. Сказал, словно предчувствуя что-то негативное в будущем и для себя.

Помимо западного, чрезвычайно важным на старте XXI века для Каддафи было и южное направление внешней политики: он активно участвовал в делах африканских стран, оказывая им покровительство и материальную помощь. 2 февраля 2009 г. афросаммит в Аддис-Абебе избрал его главой Африканского Союза, полковник же в ответ попросил коллег именовать его в дальнейшем не «Лидером ливийской революции», а «Королем традиционных королей Африки» или «царем царей» (как это преподносила пресса).

⁹Царегородцева И.А., Волкова А.В. Ливия: выбор внешнеполитических приоритетов. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/26-02-08a.htm>

¹⁰ИТАР-ТАСС, 04.03.2009.

¹¹ИТАР-ТАСС, 11.11.2008.

В этом статусе он развил бурную деятельность на континенте, активно участвуя в проектах помощи развитию государств южнее Сахары (для этого была создана специальная инвестиционная компания), пытаясь выступать посредником в решении региональных конфликтов (характерны, в частности, его инициативы по урегулированию Дарфурского кризиса), наконец, заявляя о создании Соединенных Штатов Африки.

На таком фоне арабское направление внешней политики Ливии смотрелось несколько бледно — еще в октябре 2002 г. Каддафи объявил, что разочарован деятельностью Лиги арабских государств (ЛАГ), которая «не способствует ни объединению арабов, ни развитию арабского национализма».

В целом же события начала XXI века, когда Ливия вроде бы вышла из изоляции и к ней повернулся лицом «остальной мир», показали, что непредсказуемость и политическая аритмия Каддафи так и остались одним из способов самовыражения в реализации внешней политики Ливии. Это еще в 2004 г. вынудило даже министра обороны Ирака Хазема аш-Шаалана заявить в интервью газете «Аш-Шарк аль-Аусат»: «Не только соседние государства потворствуют террористам в Ираке, но также расположенная за тысячи километров Ливия».

Закат не только внешнеполитических амбиций, но и ливийского «народовластия», как ни странно, стал заметен не только вне Ливии, но и внутри страны, где еще при Каддафи заговорили о демократизации правления и восстановлении в Джамахирии конституции, без которой народ прожил более 40 лет. Инициатором этого выступил, между прочим, сын Каддафи Сейф аль-Ислам. Он еще в 2008 г. заявил о необходимости реформ и модернизации политической и социально-экономической систем. По его мнению, действующая в Джамахирии система власти привела страну к анархии, при которой «нет места ни демократии, ни развитой экономической инфраструктуре»¹².

Тогда же в ливийских СМИ все смелее стали высказываться и требования о полной национализации нефтедобывающей промышленности, в частности действующих в стране иностранных нефтекомпаний, в основном американских. Национальная нефтяная компания, созданная еще в 1970-х гг., образовала ряд «дочерних» фирм с участием иностранного капитала, но это устроило далеко не всех ливийцев. Тогда власти создали транспортную компанию по перевозке нефти во главе с Ганнибалом, сыном Каддафи. Закупили 18 танкеров с суммарным водоизмещением около 12 млн. баррелей (против 3-х в 2005 г.) и объявили, что Ливия, добывавшая в 2011 г. 1,7 млн. баррелей в день (запасы «черного золота» в стране оцениваются в 42 млрд. баррелей), к 2013 г. планирует увеличить добычу до 3-х млн. барр. в сутки и выйти на первое место в Африке (в 2011 г. Ливия была третьей после Анголы и Нигерии)¹³. Но не всех ливийцев и это устраивало. Они хотели сравнивать себя не с соседями, тунисцами или египтянами, живущими значительно скромнее, а с жителями нефтеносных стран Персидского залива, у которых и города были красивее, и достаток более высокий и даже дороги намного лучше. Каддафи понимал это, знал менталитет племен (их более 130 в обширной Ливийской пустыне), но заставить бедуинов самих зарабатывать

¹²<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/17-04-08.htm>

¹³ИТАР-ТАСС, 19.01.2009.

деньги и беречь богатства так и не смог. На побережье были построены, к примеру, десятки рыбоперерабатывающих заводов: лови рыбу, перерабатывай ее и продавай, но мало кто хотел ловить эту рыбу, тем более перерабатывать или продавать. Мечта большинства ливийцев — это шатер, пусть даже дырявый, авто «Мерседес» или что-то в этом роде и свой кусок пустыни, где их ждут жены в окружении многочисленных детей, за благополучие которых хозяин отвечает перед Аллахом. За счет чего они существуют? На деньги казны, пополнявшейся от продажи нефти миллиардными суммами.

Вместо того чтобы провести реформы, направленные на социальную модернизацию и разрушение племенного уклада, после отмены санкций против Ливии Каддафи не стал делать бедуинам прививки демократии, а открыл двери западным фирмам в энергетический сектор страны. 80% всех контрактов достались странам Европы и США.

Но что делать с деньгами от «нефтяного дождя»? «Бедные соотечественники, — заявил Каддафи в ноябре 2006 г. на заседании Высшего совета по планированию, — могут осуществить «национальную революцию и начать процесс формирования в Джамахирии «народного парламента» ... Они должны вытеснить из Ливии иностранные корпорации и превратиться тем самым из бедуинов в богатых людей»¹⁴.

При всей любви к арабам и африканцам, сам Каддафи, тем не менее, вкладывал свои средства только в западные компании, покупал доли в итальянском банке Uni Credit, в австрийской строительной компании Weinberger, в британской медиакорпорации Plarson, в итальянском энергогиганте Eni и др.

Одновременно, несмотря на нелюбовь, которую американцы десятилетиями испытывали к Каддафи, «Arab Banking Corporation», один из престижных арабских банков со штаб-квартирой на Пятой авеню Нью-Йорка, где ливийцам принадлежит 27% акций, даже во время кампаний по борьбе с терроризмом не подвергался никаким санкциям США¹⁵.

Затронула ливийская «оттепель» и общественно-политическую сферу. В феврале 2009 г. вступило в силу разрешение властей продавать иностранные печатные издания, чем воспользовались девяносто арабских и западных СМИ. Власти освободили из тюрьмы 170 активистов радикальной «Ливийской исламской боевой группы» (ЛИБГ), лидер которой, Абдель Хаким Бельхадж, известный под псевдонимом Абу Абдаллах Ассадак, заявил по этому поводу в одной из газет, что между ним и правительством страны установлены «доверительные отношения, которые приносят плоды»¹⁶. Это та самая организация, которая в 1990-х гг. совершила в Джамахирии ряд диверсионных операций, включая неудавшееся покушение на Каддафи в 1996 г., а в войне 2011 г. оказалась на стороне повстанцев и составила костяк армии «победителей».

Либерализация (относительная) политической и экономической жизни была не очередной прихотью лидера государства, а следствием того, что к 2009 г. в Ливии действительно возникли серьезные дисбалансы по всем отраслям. Это привело даже к перестановкам

¹⁴<http://www.newsru.com/world/16nov2006/kaddafym.html>

¹⁵<http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-9067.html>

¹⁶ИТАР-ТАСС, 13.03.2009.

в составе Высшего народного комитета (правительства), в состав которого входил и Муштафа Мухаммед Абдель Джалиль, после революции ставший председателем Переходного Национального Совета.

В большинстве секторов экономики к началу мартовских событий 2011 г. наблюдался спад. Почти все трудоспособное население было задействовано в малопродуктивном госсекторе, отчего ливийская бюрократия стала, быть может, самой махровой в мире. Власти уволили 400 тыс. из 1 млн. госслужащих и во избежание политических и социальных проблем гарантировали им выплату ставок зарплат в 200 долл. в течение трех лет. При желании вся эта сумма оформлялась беспроцентным кредитом в 40,8 тыс. долл. «на собственное дело».

В страну были приглашены американские советники, которые взялись разработать механизмы запуска частного сектора Ливии на полную мощность. В 2006 г. в десять раз (с 50 млн. до 5 млн. лив. динар, т.е. до 3,8 млн. долл.) было снижено требование к минимальному иностранному капиталу — для того, чтобы он мог войти в страну по либеральному инвестиционному Закону № 5, согласно которому иностранным и совместным предприятиям были предусмотрены льготы на пять и более лет. Доля иностранного партнера в совместных предприятиях была поднята с 49 до 65%, сняты таможенные платежи на более чем 3500 видов товаров и услуг. Было также отменено крайне осложнявшее хозяйственную деятельность требование в духе Третьей мировой теории — включать наемный персонал в бизнес-проект в качестве его совладельцев¹⁷.

Но все это оказалось слишком поздним реверансом Каддафи и фактически привело к социальному взрыву в экономически уважаемой Ливии. Добавим к этому, что нарастающая мировая либерализация лишила Джамахирию доступа к мировому финансовому капиталу и новейшим западным технологиям. Это дополнительно настроило против режима Каддафи национальный средний и крупный бизнес, утративший доминирующие позиции в туризме, сфере услуг, нефтяной области, строительстве, медицине и в десятке других областей. Ситуация осложнилась еще и тем, что в ходе каддафиевского «большого социального эксперимента» обычный ливиец стал работать только по утрам и не более пяти дней в неделю. Все переложили на мигрантов из приграничных стран, выполнявших самую грязную и низкооплачиваемую работу. Об их численности говорит хотя бы то, что в течение 2011 г. страну покинуло около 206 тысяч выходцев из 19 стран западной и центральной Африки. Об этом говорится в коммюнике Международной организации по миграции (МОМ), опубликованном в Сенегале. Всего же, согласно разным источникам, в Ливии проживало более 2 млн. чел. из Нигера, Чада, Ганы, Мали, Египта, Судана и др. Эта масса выглядела критической для 6,6 млн. самих ливийцев, живущих по жестким исламским нормам. Европа надеялась абсорбировать этих мигрантов на просторах Сахарской пустыни, но и в Ливии оказались благоразумные люди, решившие, что лучше трансформировать власть, чем сдерживать великое переселение африканцев с юга на север. Впрочем, конечно, и возможности силового фильтра оказались крайне ограниченными¹⁸.

¹⁷<http://i-r-p.ru/nage/stream-event/index-15257.html>

¹⁸ИТАР-ТАСС, 07.11.2011.

Последняя война Муаммара Каддафи

17 февраля 2011 г. неожиданно и одновременно на востоке и западе Ливии начались организованные и массовые антиправительственные выступления сначала в городах Бенгази, Бейда, Зинтан, Дерна, затем в других местах. Против мятежников режим Каддафи применил силу, включая артиллерию, танки, боевые вертолеты, в результате чего только за один день погибли 200 и были ранены 800 человек, о чем с пометкой «молния» передал на весь мир телеканал «аль-Джазира».

Войска Каддафи могли бы в течение недели подавить восстание, но тут же началась еще и информационно-политическая война Запада против его действий, а Совет Безопасности ООН, приняв резолюцию № 1973, фактически санкционировал военную интервенцию в Ливию для «защиты гражданского населения». Перед этим СБ ООН принял еще и резолюцию № 1970, обвинив режим М. Каддафи в использовании военной силы против собственного народа и тем самым объявив его «незаконным».

28 февраля перебежавший на сторону восставших министр юстиции Джамахирии Муштафа Мухаммед Абдель Джалиль объявил о создании Переходного Национального Совета (ПНС) с резиденцией в Бенгази, к которому потянулись «старые враги» режима и всевозможные «перебежчики». Их поддержали США и государства ЕС.

Хроника ливийской гражданской войны лоялистов и революционеров страшна: бои за Бенгази (16.02. — 27.02.), Зинтан (16.02. — 20.03.), Аждабия (22.02. — 11.04.), Мисурата (19.02. — 15.05.), Мерса эль-Брега (28.02. — 17.08.), Зуvara (24.02. — 18.08.), Рас-Лануф (28.02. — 23.08.), Триполи (18.02. — 28.08.), Себха (23.08. — 22.09.), Бани-Валид (08.09. — 20.10.), Сирт (15.09. — 21.10.). Все эти битвы происходили при массивной поддержке атак антикаддафиевских сил с воздуха самолетами НАТО, непрерывно висевшими над «ливийским ковром» и сделавшими за 8 месяцев войны около 30 тысяч боевлетов.

Операция НАТО, названная 19 марта 2011 г. «Одиссея. Рассвет», а с 31 марта «Объединенный защитник», закончилась в конце октября 2011 г. Однако нельзя сказать, что евроальянс разработал и осуществил на практике идеальную битву на Ближнем Востоке. Даже при самом благосклонном отношении к антикаддафиевским силам и их союзникам нельзя не отметить, что ни ООН, ни ЕС, ни США — ни одна из сторон, говоривших от имени мирового сообщества — не предприняла серьезных попыток усадить противников за стол переговоров. В результате, по данным английского Defence Analysis, в ливийском конфликте погибли 25 тыс. человек и были ранены 50 тыс. человек. Большая часть из них — от 9300 ракет и бомб, которые сбросили на страну ВВС международных сил.

Повсеместно в населенных пунктах и оазисах не было воды, электричества, жители не имели возможности покинуть свои селения, многие погибали, а ПНС показывал свою крайнюю неэффективность в административном управлении страной.

Одной из главных проблем антикаддафиевских сил было то, что среди их лидеров не было фигуры, достойной Каддафи. В самый разгар ливийской эпопеи вдруг, словно из небытия, появился, например, Абдель Салам Ахмед Джеллуд, некогда вторая фигура Джамахирии, премьер,

член революционного руководства, отстаивавший интересы деловых ливийцев. Его долго прочили в наследники «трона», но в 1990-е гг. из-за разногласий с Каддафи по использованию финансовых средств (Джеллуд был против раздачи половины доходов от нефти всем ливийцам-едокам) он попал в немилость. Лет десять он провел под домашним арестом, не допускаясь к политике. Весной 2011 г. Джеллуд объявился в Тунисе, затем уехал в Италию, но мятежники так и не пригласили его в свои ряды. Объявились и бывшие члены Совета революционного руководства Хувейлди аль-Хмейди (социальные дела), Мустафа Мухаммед Харруби (спецслужбы), но, оставаясь в тени Каддафи, они никогда не выделялись как политики. Такими же невыразительными были в свое время бывший министр иностранных дел Абдурахман Шалкам, позже представитель Ливии в ООН, перешедший на сторону повстанцев, и многие другие. М. Каддафи был стократ харизматичнее, ярче и сильнее других известных своих соотечественников, что приходится признавать даже самым ярким его противникам.

Месяцами державшийся, несмотря на бомбежки, фронт все же рухнул. Родной город Каддафи — Сирт сопротивлялся многие недели. Раз за разом его пытались штурмовать, но каждый раз силы оппозиции откатывались под ударами артиллерии и «Градов». В конечном итоге под непрерывными ударами авиации ресурсы для сопротивления были исчерпаны.

Сопротивлением в городе руководил сын Каддафи — Мутассим, когда же стало ясно, что Сирт будет взят, полковник, находившийся там, принял решение прорываться из города. Очевидно, в его окружении находился кто-то, кто сдал маршрут и время выдвижения конвоя. Учитывая, сколько подобных предательств было совершено в течение предыдущего года, это совсем неудивительно. В результате по конвою был нанесен удар авиации НАТО.

Данные различны — французские ВВС утверждают, что несколько (2 или 4) истребителей-бомбардировщиков «Мираж-2000» нанесли удар корректируемыми авиабомбами (КАБ) с лазерным наведением по машинам.

Американцы в свою очередь настаивают, что в ударе участвовал их вооруженный беспилотный летательный аппарат (БПЛА). Это мог быть «Предейтор» или более мощный «Рипер», который и поразил цели противотанковыми управляемыми ракетами (ПТУР) «Хеллфайр» с лазерным наведением.

Участие беспилотника США вполне вероятно, но он бы не смог поразить более 2–4 машин. «Предейтор» несет пару ПТУР, а «Рипер» обычно до 4 ПТУР и две авиабомбы — уничтожить целую колонну беспилотник не в состоянии.

И ПТУР, и КАБ с лазерным наведением нуждаются в подсветке целей лазерным целеуказателем. Это умеет делать и сам носитель оружия, и другой самолет, вертолет БПЛА. Может это и находящийся на земле спецназовец с соответствующим прибором.

При налете Каддафи был ранен, как и его сын Мутассим. Утверждение представителей НАТО, что сторонники Каддафи спрятали его в сточную трубу, больше похоже на классический пропагандистский прием: «побежденный должен быть жалок». На последнем видео Каддафи жив, в сознании, голова залита кровью — вокруг беснуются мятежники. Затем они кладут поверженного тирана на машину, которая якобы должна доставить его в госпиталь. Туда приехал уже труп полковника.

Ливия после Каддафи

Обстановка, царившая в Ливии сразу после расправы и глумления над Каддафи, не укладывается ни в какие исламские и просто человеческие нормы. Его тело таскали по улицам Мисураты, зверски надругиваясь над мертвецом.

Потом, распластанного, его бросили на пол в холодильнике супермаркета и только через два дня положили на окровавленный матрац. Этого человека, сделавшего для Ливии сверхмного и заставившего мир полвека говорить о себе, конечно, история и потомки будут еще вспоминать не раз, но в судный для него день его растерзали, пристрелили, но не пленили. Мертвого, его даже не похоронили, а тайно закопали где-то в пустыне, боясь даже его призрака; хотя по законам, в том числе и исламским, хоронить предписано в тот же день, ибо «мертвец есть воплощение смерти, а та — оплот нечистоты». Толпа, желавшая сфотографироваться с телом, возможно, стремилась погасить в себе ужас, исходивший от всего происходившего. Надругательство словно придавало живучесть и силу этим горепобедителям, преступившим каноны шариата и человечности.

Через несколько дней в родном городе Муаммара Каддафи — Сирте боевики из группировки «Течение джихада» осквернили и уничтожили могилы родственников бывшего лидера, включая захоронения его отца, матери и дяди, погребенных в семейном склепе местного кладбища. Надгробные плиты были разрушены, из могил извлечены кости и сожжены. Сообщившая об этом в ноябре 2011 г. алжирская газета «ан-Нахар» поместила еще и ряд фотографий, сделанных «Комитетом по разрушению идолов». В Интернете также появились кадры зверской расправы над телохранительницами из личной гвардии Каддафи, которые были жестоко избиты ливийскими «революционерами».

В нашем распоряжении оказались «Слова прощания» Каддафи, которые мы предлагаем читателю.

*Слова прощания всем, кто верен Ливии
Именем Аллаха, Милостивого Аллаха*

Вот уже 40 лет, или больше, не помню, я делал все, что мог, чтобы дать людям дома, больницы, школы; когда они были голодны, я кормил их, даже превратил Бенгази из пустыни в плодородную землю. Я противостоял атакам этого ковбоя Рейгана — пытавшегося убить меня, он убил мою ни в чем не повинную приемную дочь, ребенка, у которого не было ни отца, ни матери.

Я помогал моим братьям и сестрам из Африки средствами для Африканского Союза, делал все, что было в моих силах, чтобы помочь людям понять идею настоящей демократии, где, как в нашей стране, правят народные комитеты. Но этого было недостаточно, говорили мне, ведь даже те люди, у которых дома на 10 комнат, новая одежда и мебель, не были довольны. В своем эгоизме они хотели получить еще больше и, общаясь с американцами и другими нашими гостями, говорили, что нуждаются в «демократии» и «свободе», абсолютно не понимая, что это закон джунглей, где все достается самому большому и сильному.

И все же их зачаровывали эти слова. Они не понимали, что в Америке нет ни бесплатной медицины, ни бесплатных больниц, ни бесплатного жилья, ни бесплатного образования и пищи, за исключением лишь тех случаев, когда людям приходится просить милостыню или стоять в долгой очереди за тарелкой супа.

Нет, что бы я ни делал, некоторым все было мало. Другие же знали, что я — сын Гамалея Абделя Насера, который был единственным настоящим арабским и мусульманским лидером, когда он постановил, что Суэцкий канал принадлежит народу, он был подобен Салах ад-Дину. Я пытался следовать по его пути, когда постановлял, что Ливия принадлежит моему народу. Я пытался оградить людей от колониального засилья — от тех воров, что нас обкрадывали.

И вот я стою под ударами самой сильной армии во всей военной истории, а мой младший африканский сын Обама пытается убить меня, забрать наше бесплатное жилье, медицину, образование, пищу и заменить все это воровством на американский манер под названием «капитализм». Все мы в странах третьего мира знаем, что это значит. Это значит, что странами управляют корпорации, что люди страдают, и поэтому у меня нет иного пути.

Я должен удерживать свою позицию, и, если Аллах пожелает, я отдам жизнь за этот путь — путь, который обогатил нашу страну плодородной землей, принес народу здоровье и пищу и даже позволил нам помогать нашим африканским и арабским братьям и сестрам работать с нами здесь, в Ливийской Джамахирии.

Я не хочу умирать, но если это необходимо ради спасения этой страны, моего народа, тысяч моих детей, то так тому и быть.

Пусть это завещание будет моим посланием миру, свидетельством, что я сопротивлялся атакам натовских крестоносцев, противостоял жестокости, предательству, выставлял перед натиском Запада и его колониальных амбиций; был рядом со своими африканскими братьями, моими истинными братьями — арабами и мусульманами, был маяком, в то время как другие превращались в пылающие крепости.

Я жил в скромном доме, в бедуинском шатре, и никогда не забывал своей юности, проведенной в Сирте; я не расходовал наше национальное достояние неразумно, и, как и наш великий мусульманский лидер Салах ад-Дин, освободивший Иерусалим ради ислама, довольствовался немногим.

На Западе меня называют «сумасшедшим», «безумным», но они знают правду — и все же продолжают лгать. Они знают, что наша страна независима и свободна, что она не в колониальных тисках; что мое видение, мой путь был и остается ясным для моего народа и что я буду сражаться до последнего вдоха за нашу свободу, да поможет нам Всемогущий оставаться верными и свободными.

Аллах Всемогущий поможет нам оставаться честными и свободными.

Сайт ливийского сопротивления Seven days news сообщил, что получил из надежного источника информацию, что за три дня до своей смерти лидер Ливийской Джамахирии Муаммар Каддафи в Сирте передал трем своим ближайшим соратникам последнее свое послание. Один из них погиб, второй попал в плен, третьему удалось уйти:

«Лидер Каддафи свидетельствует в своем завещании, что он — Муаммар бен Мохамед бен Абделлах бен Абдессалем бен Хамид бен Амуньяр бен Хамид бен Найель эль-Касси эль-Каддафи.

Он отдает следующие распоряжения:

— Он желает, чтобы его похоронили согласно нормам ислама и в той одежде, которую он носил, когда умер.

— Он хочет быть похороненным на кладбище в Сирте рядом со своим народом и своей семьей.

— Он хочет, чтобы с его семьей, особенно с женщинами и детьми, обращались с уважением.

— Нужно, чтобы ливийский народ сохранил свою идентичность, свои достижения, свою историю и образы своих предков и своих героев.

— Надо продолжать сопротивляться любой иностранной агрессии против Ливии.

— Нужно доверять свободным людям в Ливии и во всем мире, чтобы иметь стабильную жизнь.

Он добавил, что долг и честь заставили его выбрать сопротивление. И даже если ливийцы не одержат победу быстро, она придет к будущим поколениям. Тот, кто сражается за свою страну, — герой. И напротив: тот, кто продает свою страну, — предатель.

Он передает слова прощания всем членам своей семьи, тем, кто верен Ливии, и всем людям в мире, поддержавшим их — хотя бы сердцем».

После войны — мир?

23 октября, т.е. через три дня после убийства Каддафи и падения Сирта, Переходный национальный совет (ПНС) объявил, что война закончена, и поручил малоизвестному академику и бизнесмену Абдель Рахиму аль-Кибу в течение трех недель сформировать временное правительство страны. В последующие восемь месяцев ПНС планировал подготовить выборы в Конституционную ассамблею с тем, чтобы Переходный совет мог сложить с себя властные полномочия и передать их законно избранному органу, который в течение года должен будет разработать проект новой конституции. Затем в Ливии должны были пройти парламентские выборы.

Новый глава кабинета 60-летний аль-Киб большую часть жизни провел за рубежом: обучался в США, занимался научной деятельностью в Катаре и Объединенных Арабских Эмиратах, будучи инженером по образованию (окончил Бенгазийский университет в 1973 г.), оказывал финансовую поддержку мятежникам. Его избрали 26 из 51 члена Переходного совета. «Мы намерены построить такое государство, которое будет с уважением относиться к правам человека и не допустит их нарушения, — сказал он, — но нам нужно время»¹⁹.

¹⁹ИТАР-ТАСС, 11.11.2011.

Эйфория посткаддафизма тем временем проходила, а прогнозы насчет осложнения обстановки в Ливии и северо-западных районах Африки постепенно начинали сбываться. Главарь террористической группировки «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ) Мухтар Бель-Мухтар, например, заявил, что «бойцы АКИМ, ставшие обладателями ливийских вооружений, извлекли самую большую выгоду из свершившихся в арабском мире революций», и посоветовал ливийским повстанцам, формально подчиняющимся новой власти в лице ПНС, не сдавать оружие. «Оно нужно, — добавил он, — для установления исламского режима в Ливии».

Масштабы «оружейной проблемы» в середине ноября обрисовал спецсоветник генсека ООН по постконфликтному планированию в Ливии Иан Мартин, сообщивший, что с военных складов в Ливии «пропало большое количество оружия» из-за ненадежной охраны: гранатометы, мины, боеприпасы.²⁰

22 ноября был объявлен состав временного правительства. В него вошли малоизвестные персоны, как в Ливии, так и за ее пределами, зато были представлены все регионы и ведущие племена Ливии. Главой МИДа стал дипломат Ашур Бен Хайяль, выходец из Дерны, главной опоры повстанцев в борьбе с Каддафи. Новым главой Минфина был назначен Хасан Зиглам, работавший управляющим в нефтяной компании Ливии (Али Тархуни, претендовавший на этот пост, остался в ПНС в качестве куратора финансов). Министром нефти стал Абдуррахман Бен Йезза, председатель административного комитета итальянского нефтегиганта Eni. Министром обороны стал Осам аль-Джували, командующий военным округом города Зинтан, куда был препровожден после ареста сын Каддафи Сейф аль-Ислам. По утверждению телеканала «аль-Джазира», аль-Джували получил пост министра в обмен на транспортировку в Триполи захваченного его людьми Сейфа аль-Ислама. Претендовавший на этот пост Абдельхаким Бельхадж оказался «за бортом», что вызвало его ярость и одновременно показало воинственным исламистам, лидером которых он является, что их популярность не так уж высока в стране.

Однако кадровые назначения не могли решить новых проблем, с которыми столкнулась страна: главной из них была угроза децентрализации, на чем настаивали исламистские группировки Триполитании и Феззана. Заметным стало и вмешательство во внутренние дела некоторых стран Залива, в частности Катара. Об этом заявил бывший глава исполкома ПНС Махмуд Джibrил в интервью телеканалу «Аль-арабия». «Доха много делала для ливийской революции, — заявил он, — но Катар пытается играть роль, превышающую его реальный потенциал». В частности, катарские власти начали заигрывать с определенными фракциями внутри Ливии, что, подчеркнул М. Джibrил, «может не понравиться народу».

Он также сразу был настроен предать суду целый ряд лиц из окружения Каддафи. Среди них: бывший руководитель правительства аль-Багдади аль-Махмуди, которого арестовали в Тунисе 21 сентября 2011 г. за незаконное пересечение границы, а новые власти потребовали его экстрадиции; сын Каддафи Сейф аль-Ислам, арестованный 19 ноября при попытке пересечь границу с Нигером; бывший начальник разведки Абдалла ас-Сенусси, арестованный 20 ноября в одном из оазисов в доме сестры, где он скрывался. Находящийся в тюрьме

²⁰Там же.

города Зентан (на западе Ливии) Сейф аль-Ислам в интервью ливийскому телевидению 20 ноября обвинил НАТО в преступлениях против гражданского населения его страны, за что не его и других ливийцев, по его мнению, должен судить Международный уголовный суд, а тех, кто руководил и кто сбрасывал бомбы на ливийцев. Сейфа аль-Ислама лечат в тюрьме от полученных ран, и он не обижается на условия содержания под стражей.

Этих лиц, бывших при М. Каддафи «видными фигурами» режима, ожидает, по утверждению Джibrила, «справедливое разбирательство за противозаконные действия, которые они совершили»²¹.

Тем временем министр финансов и нефти исполкома ПНС Али Тархуни выступил с заявлением, в котором утверждает, что добыча нефти в Ливии выйдет на довоенный уровень к июню 2012 г., а к концу 2012 г. достигнет отметки в 700 тыс. баррелей в сутки. Он также сообщил, что восстанавливается экспорт природного газа в Италию по трубопроводу «Гринстрим», берущему начало от города Меллита. Вместе с тем, подчеркнул он, Ливия не заключит ни одного концессионного договора в любой отрасли, пока новое правительство не будет приведено к власти²².

По всему чувствуется, что новые хозяева Ливии и их покровители на Западе и в арабском мире явно спешат перевернуть «джамахирийскую страницу» истории страны. Пока только костры в Триполи и Бенгази из «Зеленой Книги» напоминают, что эра Каддафи закончилась, но столкновения в ведущих городах страны и в оазисах берберского ополчения и исламских милиций подтверждают опасения британского востоковеда Роберта Фиска, что лоскутное ливийское одеяло, сотканное еще королем Идрисом, вот-вот затрещит по швам, если центральная власть ослабнет, а межплеменные войны возобновятся. Предводитель исламистов Абдель Хаким Бельхадж уже потребовал предоставления ему «львиной доли» министерских постов в правительстве. Может, его люди и обстреляли 28 ноября 2011 г. кортеж премьер-министра аль-Кибба у входа в здание государственной радиостанции в Триполи, убив двух и ранив пятерых охранников? Впрочем, сам глава правительства аль-Киб не пострадал²³.

На финише 2011 г. покончившие с каддафизмом радикалы, исламисты и некоторые поддерживающие их племена ливийской пустыни митинговали почти во всех крупных населенных пунктах и оазисах поверженной Джамахирии, выражая недовольство составом и действиями временного правительства. Телеканал «аль-Джазира», еще не остывший от ливийских событий, уже начал показывать акции народного протеста, теперь против вчерашних повстанцев, считая, что выходцам из восточных районов страны (Киренаики, граничащей с Египтом), которые были инициаторами восстания против Муаммара Каддафи, достались «второстепенные министерские портфели» в новом правительстве повстанцев. «Этот кабинет импортирован из-за границы», — скандировали манифестанты.

Поступали сообщения и о том, что вооруженные боевики при выяснении отношений между собой пускали в ход автоматы и гранатометы в Бани-Валиде, в ряде пригородов Триполи, Сирте и даже в некоторых оазисах.

²¹Там же.

²²Там же.

²³Московские Новости, 29.11.2011.

Так, вместо бомбардировок на население Ливии свалилось революционное насилие «победителей», которые заполняют тюрьмы, освобожденные от выпущенных на волю антикаддафистов, «новыми врагами народа», не угодившими сменившейся власти. Об этом свидетельствует доклад, подготовленный миссией ООН по Ливии. По данным этого доклада, в застенках «революционного режима» оказалось около 7 тыс. новых диссидентов. Среди них не только ливийцы, но и работавшие в стране иностранцы, женщины и даже дети, выходцы из африканских стран, расположенных к югу от Сахары. Новая власть «обвиняет или подозревает их в принадлежности к наемникам», услугами которых якобы пользовались сторонники Каддафи. Ливийский «суд Линча» принял ни с чем не сравнимые масштабы. Например, практически до основания вчерашние повстанцы разрушили город Таверга, а его население подверглось этнической чистке. «Некоторые из заключенных, — констатируется в докладе миссии ООН, оказавшемся в распоряжении прессы, — стали жертвами репрессий только из-за цвета кожи. В тюрьмах они находятся под контролем т.н. “революционных бригад”, лишены доступа к надлежащей правовой процедуре в отсутствие полиции и судов».

В докладе также приводятся свидетельства того, что поддерживаемые НАТО повстанцы и силы, лояльные Каддафи, в ходе, например, кровопролитного сражения за город Сирт «совершали действия, равносильные военным преступлениям».

«Ливия наводнена вооруженными группами, которые по собственной инициативе устанавливают блок-посты, берут под контроль нефтяные месторождения и аэропорты», — с беспокойством констатирует и британское информагентство. Абдель Хаким Бельхадж был назначен главой военного совета Триполи и начал активно поддерживать политиков и священнослужителей, которые объявили о создании исламской партии для участия в предстоящих в 2012 г. выборах в Ливии. Отношение к нему двоякое как со стороны ливийских военных хунт и верхушки новой власти, так и со стороны западных спецслужб, занимающихся вплотную посткаддафиевским будущим бедуинов и ливийской нефти.

Бельхадж весьма откровенно претендовал на пост премьера или министра обороны временного правительства, но эта должность досталась представителю военной группировки города Зинтан Усаме аль-Джуили. Другой же активист зинтанской хунты Абдуллах Накер, самочинно захвативший аэропорт Триполи, возглавил в ливийской столице параллельный военному Революционный Совет Триполи, противопоставив его окружению Бельхаджа.

Позиции боевиков из Зинтана особенно усилились после того, как они пленили сына Каддафи Сейфа аль-Ислама и долго торговали его судьбой, набивая себе цену.

Фактически давнее предупреждение М. Каддафи о том, что у его противников мало общего и они начнут враждовать, как только придут к власти, начало сбываться.

Ярчайший тому пример — задержание в аэропорту Триполи боевиками зинтанской группировки Бельхаджа. Об этом 25 ноября 2011 г. сообщило агентство Рейтер. *«Паспорт Бельхаджа был просрочен, мы задержали его на час, потом отпустили», — сообщил журналистам боец зинтанского ополчения, несший службу в аэропорту.*

«Этот инцидент — признак растущего антагонизма среди ливийских вооруженных групп, — сделал вывод Рейтер, — и является издевательским выпадом со стороны полевого

командира из Зинтана Абдуллаха Накера, считающего Бельхаджа «агентом Катара, который оказывает его отрядам гуманитарную и военную помощь», — добавило при этом британское агентство.

Сенусизм и каддафизм в истории Ливии

Таковы — неоднозначны, противоречивы и пугающи — были плоды «арабской весны» в Ливии. Прежде чем говорить о будущем страны и разбирать новые политические расклады, нелишним будет бросить еще один взгляд на ее прошлое — может быть, это позволит понять, каковы сегодня ее реальные перспективы.

В формировании государственности и национальной стратегии, определивших выбор ливийцев на протяжении последних двух веков их истории, совершенно неоспоримо можно выделить два главных этапа завоевания доверия обитателей пустыни: первый — это сенуситский религиозно-политический аскетизм, основанный на суннизме и суфизме, и второй — сменивший его каддафизм, взявший за основу народовластие как государственность и «прямую демократию» как базу джамахирийской формы правления, базирующейся на исламских религиозных догмах.

Выделяются два главных теоретика этих направлений: Али ас-Сенуси, основатель братства Сенусия, не ливиец, но предложивший обитателям Ливийской пустыни собственный путь к свободе и собственную стратегию действий в своих сочинениях. Через сто лет, когда сенуситы выполнили то, что наметили, и основали сначала эмират в Киренаике, а затем Соединенное королевство всей Ливии, они постепенно стали анахронизмом для обновленного ими же общества и были отвергнуты.

Муаммар Каддафи, бедуин из ливийской глубинки, предложил новый выбор национальной стратегии. Стартовав с республиканского, позаимствованного у египтян лозунга «Свобода, социализм, единство», он затем выдвинул свою «третью теорию», основанную на исламских ценностях, но приобретающую светскую оболочку в виде особой формы демократии.

Объективно правление последнего великого сенусита эмира и короля Идриса длилось 50 лет именно на безвыборной и беспартийной основе. Никто не выбирал и лидера ливийской революции Каддафи, находившегося у власти после свержения монархии около 40 лет. И многие, кто пишет об идеологии Муаммара аль-Каддафи, указывают на сходство и возможное заимствование некоторых идей у сенуситского братства XIX в. Во всяком случае, их связь, как утверждает К. Викор и другие западные исследователи, налицо²⁴. Для обоих были характерны неприятие западного влияния и необходимость возвращения к аскетическому исламу. Независимо друг от друга оба по-своему интерпретировали и догмы ислама.

²⁴Vikør. K.S. Al-Sanussi and Qadhafi — continuity of thought? The Maghreb Review. V. 12, n. 1–2, 1987, p. 25–27. C. Kooij. Islam in Qadhafi's Libya. Amsterdam. 1980, p. 21–29; Ann E. Mayer. Libyan Legislation in Defense of Arabo-Islami Sexual Mores. American Journal of Comparative Law. V. 28, n. 2, 1980, p. 298; J. Roumani. From Republic to Jamahiriya: Libya's search for Political Community. Middle East Journal, v. 27, n. 2, 1983, p. 166; R. Bruce St. John. The Ideology of Mu'ammār al-Qadhafi: Theory and Practice. International Journal of Middle East Studies, v. 15, 1983, p. 476–477.

Однако если рассмотреть внимательнее, то особого сходства в их размышлениях нет. Скорее наоборот — есть расхождение, причем довольно значительное, в особенности в том, что касается концепции иджтихада.

Сенуситы были известны своей оппозицией французской и итальянской колонизации в Центральной Сахаре и Ливии, начавшейся примерно с 1900 г., за что в тогдашних европейских кругах их называли фанатиками и религиозными мракобесами. Схожей оценки удостоивались и современные националисты, в том числе и Каддафи. Продолжение анти-итальянской борьбы вплоть до 1932 г. было важным и трудным испытанием для всех сенуситов и особенно для лидера движения Мухаммеда Идриса ас-Сенуси, признанного мировым сообществом и ставшего, в конце концов, в 1951 г. королем независимого ливийского государства.

Особо подчеркнем, сенуситы определенно не были воинственной организацией. Не отличались они и завоевательной активностью, во всяком случае, в том, что составляло основу их доктрины, сформулированную основателем ордена Али ас-Сенуси²⁵. Основные его идеи были связаны с унификацией существовавших форм ислама, а не с их отрицанием или принципиальным изменением. Главное, на чем настаивал Али ас-Сенуси, — это возвращение к раннему исламу в повседневной жизни и внедрение догм суфийского мистицизма в несуфийскую исламскую среду и в среду язычников-бедуинов (на практике это было близко к тому, что предпринимали саудиты в Йемене — не случайно сама концепция сенусизма была сформулирована основателем движения, пока он жил в Хиджазе). Таким образом, по своей сути учение ас-Сенуси было нацелено на решение внутренних проблем исламской уммы, хотя само осмысление этих проблем и было отчасти связано с внешними вызовами (колониальной экспансией, осознанием отсталости мусульманского мира и т.п.).

Когда сенуситский орден был сформирован в конце жизни Али ас-Сенуси, его главным отличием от других религиозных братств стала суровая дисциплина и строго определенная иерархия, так же как и четко выраженная политика по вовлечению ордена в экономическую и социальную жизнь. Последователи Али ас-Сенуси делали это на бескрайней территории Ливийской пустыни добросовестно, мирно и довольно успешно в течение всей второй половины XIX в., являясь типичным религиозным братством. Но в XX в. судьба заставила их трансформироваться в политическую силу, вмешаться в войну с европейскими

²⁵Мухаммед Али ас-Сенуси, по происхождению алжирец, учился сначала в Кейруанском исламском университете в Фесе, потом в Каире в университете аль-Азхар. В свои тридцать лет он отправился на Восток, прибыв в Мекку в 1826 г. Там молодой алим сошелся с местной интеллектуальной элитой и особенно тесно с окружением человека, выходящего из Марокко, ставшего для него ментором и учителем. Им был Ахмед Идрис. Подробно о нем см.: K.S. Vikor. And R.S. O'Fahey. Ibn Idris and al-Senusi: The Teacher and His Pupil. Islam et Sociétés en Afrique subsaharienne. Notes et Documents. 1988; R.S. O'Fahey and Ali Salim Karrar. The Enigmatic imam. The influence of Ahmad ibn Idris. International Journal of Middle East Studies. 1988. Али ас-Сенуси оставил после себя более 40 рукописных работ, 10 из которых дошли до современности. Для сравнения, два сына основателя ордена и его преемники, Мухаммед аль-Махди и Мухаммед аш-Шериф, были далеки от сочинительства, а его внуки Ахмед аш-Шериф и Идрис ас-Сенуси большей частью писали о своей жизни и о научных трудах деда, опубликовав несколько книг. Ахмед Мухаммед аш-Шериф (1873–1933) написал, по меньшей мере, пять книг, две из которых наиболее известны: Кавакиб аль-Захир Сама'а Магла азаль-Залум аль ахир (б.г., б.м.) и Анвар аль-кудсия. Муккадима аль-тарик аль-Сенусий. Истамбул. 1339–42/1920–24. Мухаммед Идрис аль-Махди ас-Сенуси (1890–1983) издал несколько книг деда, собрав восемь из них в однотомник Маджмуа аль-Мухтара (избранное). Бейрут, 1968.

чужеземцами вместе с бедуинами, оставив в основе миролюбие ислама и суфизм, но внеся в них силовые приемы и политическую изобретательность, не поднимая даже вопроса о соответствии догм сенусизма XIX в. новым обстоятельствам и действиям в них в XX в.

Эволюция взглядов М. Каддафи тоже вполне объяснима, если взять ее на сенуситском примере. Сначала при использовании силы при перевороте 1969 г. он отдал дань уважения таким великим сенуситам, как Ахмед аш-Шериф и Омар аль-Мухтар, и в то же время закрыл все завии, хотя деятельность ордена после итальянского разгрома изменилась и восстановленные скорее номинально королем Идрисом завии после получения независимости фактически не имели реального влияния²⁶. Потом Каддафи сделал все возможное, чтобы выбросить сенусизм как религиозное братство и политическую силу из новейшей ливийской истории, совершенно не задумываясь (а может быть, задумываясь, но скрывая), что отчасти повторяет путь, пройденный сенуситами.

В отличие от Каддафи, Идрис изначально сохранял доктринальную базу своего суфийского режима, традиции бедуинов, права кланов, свободу племен. Бедуин Каддафи, возглавив в 27 лет антимоноархическую революцию (Идрис тоже в 27 лет стал эмиром Киренаики), обратился не к исламу, а к насеризму, и уже потом, осознав ливийскую действительность, начал искать для соотечественников приемлемую теорию, назвав ее «третьей», отличной от западного либерализма и коммунистического диктата, развивая фактически те мотивы сенусизма, которые не были пригодными сразу после свержения королевского режима, но оказались востребованными, когда власть народа в Ливии, в воображении полковника, восторжествовала.

Основным аргументом в пользу концептуальной сопоставимости взглядов основателя братства Али ас-Сенуси и основателя Джамахирии М. Каддафи, как это считает К. Викор, является анализ их отношения к концепции иджтихада — ключевого понятия исламского права, означающего самостоятельную интерпретацию авторитетным правоведом источников вероучения. Еще со средних веков и в исламе, а позднее и в западном исламоведении, велись горячие споры о том, «закрыта ли дверь иджтихада», т.е. могут ли новые интерпретации Корана и Сунны Пророка служить источниками права. Внесли свою лепту в эти споры, по мнению К. Викора, и Али ас-Сенуси, и М. Каддафи, каждый по-своему.

Последний отдавал себе отчет, что некоторые догмы раннего ислама могут быть «по-новому» прочитаны после победы революции 1969 г. Уже в 1973 г. он почувствовал, какое преимущество получит, если «улица» увидит, что революционная власть намерена соблюдать традиции в духе иджтихада. Именно в этом и состоял его призыв к учреждению народной демократии и строительству социализма, или «иштиракии» (от араб. иштирак — соучастие в труде). По Каддафи, это соответствовало бы «умме» пророка Мухаммеда, «единственного» социализма, основанного на естественных законах, по которым жила и до сих пор живет бедуинская ливийская пустыня. В обнародованной позже «Зеленой книге» эти «естественные» законы, которыми после «нефтяного бума» якобы пренебрег Идрис ас-Сенуси, были восстановлены, а социализм приравнен к социальному равновесию. То есть неписанные законы «улицы» и образованной элиты таким образом

²⁶При короле Идрисе завии были восстановлены и использовались как правительственные офисы по общественным работам. Каддафи смог только переместить служащих на другие административные посты. Единственная значительная община сенуситов осталась в окрестностях старой столицы сенуситов — Джагбубе.

уравнивались. Об этом, правда, Каддафи заявил несколько позднее, в июле 1978 г., когда, участвуя в конференции улемов, он презентовал радикальную реинтерпретацию исламских терминов в дебатах по традиционному иджтихаду²⁷.

Иджтихад, который М. Каддафи считал основой гуманитарной составляющей исламской законности, по утверждению К. Викора, являлся центральной концепцией и доктрины Али ас-Сенуси. Но его идеи, до сих пор востребованные, направлены не столько на силовую ликвидацию неравноправия среди бедуинов, что делал Каддафи, сколько на уклонение от любых форм воздействия, навязываемого христианством. Али ас-Сенуси настаивал на традиционности чисто исламского развития. Он подчеркивал, что его точка зрения вполне соответствует традиции (таклид) и состоит в том, чтобы считать слова Корана и хадисов бесспорными и стоящими выше любых толкований, даже если в Священных текстах и обнаруживаются противоречия²⁸. Для Али ас-Сенуси самым важным аргументом было утверждение, что все знания базируются на Коране и Сунне. Он настаивал на необходимости принимать хадисы, чья достоверность не вызывает сомнения, предпочитая их любому индивидуальному мнению. Ас-Сенуси призывал уделять значительное внимание иджтихаду при изучении хадисов и делать в исламских исследованиях больший акцент на них.

К. Викор сравнил и оценки Али ас-Сенуси и Каддафи роли пророка Мухаммеда. Для Каддафи пророчество Мухаммеда лежит только в откровениях Корана, вне его он человек, как и все остальные, и не имеет никакого другого социального статуса. Новая же концепция сенуситов, привнесенная в суфизм традиционалистами, к которым принадлежал и Али ас-Сенуси, указывает на важность требования педантично следовать примеру Пророка. Суфийская идеология может быть объяснена как поиск единения со Всевышним, а опыт ас-Сенуси как существование в присутствии Пророка (жизнь по его правилам). Сенуситский эксперимент в Ливийской пустыне демонстрировал единение с Аллахом и попытку повторить то, что уже существовало при жизни Пророка. Дж. С. Тримингэм, профессор Оксфорда, заметил по этому поводу: «Они искали союза с Пророком как и место единения с Аллахом. Позже это место стало их убежищем»²⁹.

В этом плане аскетизм или пуританизм Али ас-Сенуси, как и его последователей, включая Идриса, не означали, что они отгораживались от эзотерических аспектов суфизма. Скорее всего, они спланировали таким образом себя вокруг имени Мухаммеда.

Реформы Али ас-Сенуси в области восприятия суфизма концентрировались в основном на исламском правоведении, в то время как реформы Каддафи имели целью отделить законы от влияния шариата, что делалось нередко в спешке и называлось еще и научными экспериментами. Что же тогда делать с иджтихадом? Для Али ас-Сенуси он означал правдивое толкование откровений. Для Каддафи — активизацию гуманитарной составляющей и отделение от собственно божественного откровения. То есть сама концепция иджтихада в Ливии со времен Али ас-Сенуси не изменилась, но, используя ее на практике, дал ли ей Каддафи свою

²⁷Qadhafi. Al-Sijill al-qawmi. Tripoli, 1969–1983, IX, p. 460–495, p. 957–1015.

²⁸Vikør. K.S. Al-Sanussi and Qadhafi — continuity of thought? The Maghreb Review. Vol. 12, 1–2, 1987, p. 26.

²⁹Trimingham J.S. The Sufi Orders in Islam. Oxford, 1971, p. 106–107.

интерпретацию? Это вопрос, на который пока трудно ответить. Конечно, Али ас-Сенуси был не единственным ученым, который защищал иджтихад, несмотря на проводившиеся время от времени реформы. К этой теме обращались все или почти все исламские реформаторы того периода. В большей степени, чем специфическое продолжение исламской мысли от Сенуси до Каддафи, внимание на себя обращает то, что утверждение права на иджтихад, как одного из столпов веры, является простым условием исламского реформизма.

Таким образом, видно, что различные во многих деталях, иной раз даже противоположные в интерпретации тех или иных отдельных положений ислама и в социально-политической практике, сенусизм и каддафизм были едины в том, что оба учения обеспечивали формирование в Ливии уникальной социально-политической системы, полностью учитывающей как местные религиозные традиции, так и систему социальных отношений. И сенуситы, и Каддафи пытались выстроить такое государство, в котором бы техническая и экономическая модернизация органично сочетались бы с социально-политической архаикой. Оба эксперимента в конечном счете провалились, и сегодня новые власти Ливии говорят именно о политической модернизации страны — демократизация, парламентские выборы и т.д. (но не социальной!), однако насколько возможной она окажется в условиях сохранения социальной архаики — большой вопрос, и опасения относительно сохранения целостности государства еще могут оказаться небеспочвенными.

Характерно в этом отношении то, что сразу после поражения верных Каддафи сил лагерь победителей оказался расколот, причем сразу по нескольким принципам: идеологическому, территориальному и племенному. Противостояние между территориальными и племенными кланами, облачавшееся в те или иные идеологические одежды, иногда переходящее в «горячую» фазу, сопровождало все постреволюционное развитие Ливии. И, пожалуй, именно в этом ракурсе стоит рассматривать прошедшие в стране летом 2012 г. парламентские выборы. Если в Египте и Тунисе выборы в новые органы власти в большей степени сводились к борьбе между «старыми» и «новыми» силами или между силами светскими и религиозными, то в Ливии гораздо актуальней было противостояние двух основных регионов страны — Востока (Киренаики) и Запада (Триполитании). Светский Альянс национальных сил (АНС), завоевавший почти в два раза больше мест, чем созданная на основе движения «Братьев-мусульман» «Партия справедливости и развития», представлял интересы триполитанских избирателей, за которыми по избирательному закону было зарезервировано 100 депутатских мест, в то время как за представителями Киренаики — только 60, а Феззана — лишь 40. При таком раскладе в итогах выборов не было ничего неожиданного.

Однако, как представляется, новая расстановка сил не позволяет решить основной проблемы государства — угрозы его децентрализации или даже развала. Не случайно еще весной 2012 г. в Киренаике (где, между прочим, сосредоточены основные запасы углеводородов) звучали заявления о независимости провинции, причем, по утверждениям центральной власти, этот сепаратизм поддерживается и некоторыми «братскими арабскими странами».

Мелкумян Е.С.

Малые государства Персидского Залива

Массовые протестные выступления в Тунисе и Египте, которые привели к падению правивших там режимов, как и в дальнейшем военное противостояние в Ливии, а также выступления оппозиции в Йемене и в Сирии — все эти события отразились и на ситуации в «малых арабских государствах Персидского залива» — Бахрейне, Катаре, Кувейте, ОАЭ и Омане. Не во всех этих государствах проходили акции протеста, но все эти страны были так или иначе вовлечены в события, постепенно охватившие многие арабские страны и изменившие баланс сил в арабском регионе.

Арабские государства объединены единым информационным пространством. Широко известны такие телевизионные каналы, как «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия». Происходящие в них события освещают саудовские газеты — «Аш-Шарк Аль-Аусат» и «Аль-Хайят», издающиеся в Лондоне. Наконец, еще одним средством получения информации гражданами этих государств стал Интернет. Единство информационного пространства сделало столь масштабным воздействие волнений в арабских странах.

Малые государства Залива были в разной степени затронуты событиями «арабской весны». Наиболее активные акции протеста происходили в Королевстве Бахрейн. Выступления кувейтской оппозиции, активизировавшей свои действия после того, как во многих арабских странах начались антиправительственные акции, подтверждают их связь с ними. Демонстрации протеста проходили и в Султанате Оман. Их проведение, несомненно, стало реакцией на подъем антиправительственных выступлений по всему арабскому геополитическому пространству и, прежде всего, в соседнем Бахрейне. Два

государства, входящих в эту группу малых стран, оказались не затронутыми массовыми выступлениями оппозиции, это — Объединенные Арабские Эмираты и Катар. Но именно эти страны наиболее активно участвовали в решении ливийского вопроса. Они были участниками международной коалиции, осуществлявшей положения резолюции Совета Безопасности ООН № 1973 о введении над территорией Ливии «бесполетной зоны». Катар же оказал помощь оружием, финансами и военнослужащими повстанцам, содействуя падению режима Муаммара Каддафи.

Все малые государства Залива (члены региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива — ССАГЗ) оказали влияние на выработку общеарабской позиции по Ливии и Сирии¹. Они же участвовали в разработке арабской инициативы по стабилизации ситуации в Йемене. Катар продолжает активно действовать в решении сирийского вопроса, занимая жесткую позицию в отношении режима Башара Асада, критикуя его за неправомерное использование силы против гражданского населения и выступая за военную акцию Лиги арабских государств — ЛАГ².

Разная степень вовлеченности малых арабских государств в события «арабской весны» связана с тем, что они различны с точки зрения уровня политической зрелости общества, наличия или отсутствия сформировавшейся политической оппозиции, особенностей политической истории. Достаточно сослаться в этой связи лишь на несколько фактов.

В Кувейте требование о создании представительного органа власти было выдвинуто в начале 1920-х гг. На территории Бахрейна антиправительственные выступления проходили уже в конце 1930-х гг. В Катаре первые выборы в парламент страны пройдут только в 2013 г. Политические процессы в ОАЭ протекают в особых условиях существования федеративного государства. В каждом из семи эмиратов, входящих в его состав, формируются политические силы, отстаивающие свои национальные интересы, что замедляет процесс создания политической оппозиции на федеральном уровне. Необходимо отметить, что и в этом государстве появились первые признаки появления оппозиции. В начале марта 2011 г. группа представителей научных кругов, журналистов и борцов за права человека в ОАЭ подписала обращение к президенту страны шейху Халифе бен Заиду Аль Нахайяну с требованием ввести прямые выборы членов Федерального Национального Совета и расширить его полномочия, превратив его в полноценный законодательный орган. Под обращением стояло 133 подписи³. В свою очередь, медленные темпы политического развития, характерные для Султаната Омана, связаны с тем, что эта страна вышла из изоляции только в 1970 г., когда к власти пришел ее нынешний правитель султан Кабус бен Саид, начавший

¹Катар стал первой арабской страной, которая признала Временный Национальный Совет Ливии. — Аль-Джазира, 29 марта 2001. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/08FE76DE-9193-413E-9CAE-709>.

²Амир Катар ядъу ли ирсаль кувват арабийя ли инха аль-унф фи Сурия (Эмир Катара призывает направить арабские войска, чтобы прекратить насилие в Сирии). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 января 2012. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=658925&issue=12101>.

³Имаратиюн юталибун би интихаб аль-барламан (Граждане ОАЭ требуют выборов парламента). — Аль-Джазира, 9 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/95D5E87A-6006-4265-AEF6-5B8>.

проведение реформ в политической сфере. Но двухпалатный парламент, созданный там, в соответствии с принятой в 1996 г. конституцией страны пока не стал ареной противоборства различных политических сил.

Влияние «арабской весны» на те малые арабские государства Залива, где проходили акции протеста, проявило себя, прежде всего, в том, что были заимствованы методы оказания давления на власть: проведение массовых демонстраций, митингов и шествий. Кроме того, использовались те же способы мобилизации их участников: социальные сети. Еще одним общим явлением было активное участие молодежи. Новое поколение арабской молодежи, получившее образование и хорошо информированное о тех свободах, которыми пользуются граждане демократических стран, стало основной движущей силой «арабской весны». Главные требования, которые выдвигались во время массовых акций протеста в большинстве арабских стран, касались необходимости проведения демократизации и борьбы с коррупцией. В рассматриваемой группе государств требования протестующих были теми же.

Эти общие положения, тем не менее, нуждаются в уточнении и конкретизации применительно к каждой стране зоны Залива.

Власть и оппозиция в Королевстве Бахрейн. Протестные выступления в Бахрейне начались 14 февраля 2011 г. на центральной — Жемчужной площади Манамы⁴. 14 февраля было выбрано оппозицией не случайно. Именно в этот день 2002 г. в стране была принята Хартия национального действия, санкционировавшая принятие новой конституции. Бахрейн стал конституционной монархией. Однако, по мнению оппозиции, по конституции король сосредоточил в своих руках огромную власть, а парламент, ставший двухпалатным — нижняя палата избираемая, а верхняя — назначаемая королем, стал органом с ограниченными полномочиями. Оппозиция требовала отмены конституции и принятия новой, более демократичной, и создание подлинной конституционной монархии, где правительство формировалось бы из состава избранных в ходе всеобщих выборов депутатов, и действовал бы принцип разделения властей⁵. В тот же день тысячи граждан Бахрейна провели шествие в честь праздника — дня принятия Хартии национального действия⁶.

Если проанализировать все требования, которые выдвигались на начальном этапе протестных выступлений, то они сводились к следующему: принятие конституции, согласованной с народом, освобождение всех политзаключенных, избрание премьер-министра, ликвидация дискриминации шиитов, отказ от практики предоставления гражданства по политическим мотивам. Шиитская оппозиция обвиняла власть в том, что бахрейнское гражданство стало политическим инструментом, используемым для

⁴До открытия нефти на территории Бахрейна основной отраслью местной экономики была добыча жемчуга, от которой зависело благосостояние страны.

⁵Аль-Бахрейн: бадъ аль-хивар бейн вали аль-ахд ва аль-джамаат ас-сиясийя (Бахрейн: начало диалога между наследником престола и политическими объединениями). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 февраля 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=6090684&issue=11772>.

⁶Малик Аль-Бахрейн: ат-таабир ан ар-рай якун би аль-васаиль ас-ильмия (Король Бахрейна: выражение мнения должно осуществляться мирными средствами). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 17 февраля 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=608689&issue=11769>.

того, чтобы увеличить число лояльных правящим властям граждан суннитского происхождения, а также политически благонадежным иностранцам, которые поступали на службу в вооруженные силы или спецслужбы Бахрейна.

Для подавления протестных выступлений была использована полиция, применившая силу. Итогом развития событий в этом направлении стало заявление влиятельной фракции парламентской оппозиции — Исламского объединения национального согласия (Джамийя аль-вифак аль-ватаний аль-исламия) — о замораживании членства в парламенте в знак протеста против подавления демонстраций и применения силы против их участников⁷. Эта фракция на выборах 2010 г. завоевала 18 мест в нижней палате парламента, состоящей из 40 депутатов⁸. Шиитский характер этой организации не мешает ей выдвигать в основном общедемократические требования, совпадающие с требованиями других оппозиционных группировок.

Реакция власти на происшедшие события была мгновенной. 15 февраля 2011 г. король Бахрейна Хамад бен Иса Аль Халифа выступил с речью. Он выразил сожаление по поводу гибели двух молодых бахрейнцев во время разгона демонстраций. В его речи была подчеркнута мысль о том, что «реформы продолжатся и не будут остановлены» и что «Бахрейн — правовое государство, действующее на конституционной основе»⁹. Призвав к началу национального диалога для разрешения возникшего кризиса, король назначил наследника престола шейха Сальмана бен Хамада Аль Халифа, которому оппозиция доверяла, ответственным за его проведение¹⁰. Однако оппозиция, представленная Аль-Вифак и Ат-Тахалюф аль-ватаний ад-димукратий — Демократическим национальным объединением (левым флангом бахрейнских политических сил, объединяющим суннитов и шиитов), продолжила митинг на Жемчужной площади, отвергнув диалог с властью и выдвинув требование об отставке правительства и ухода армии с улиц столицы¹¹.

20 февраля 2011 г. было объявлено о создании нового союза оппозиционных партий — Блока национального единства. В него вошли суннитские организации, прежде всего салафиты, а также группировка, выражающая взгляды «Братьев-мусульман». Кроме того, этот блок объединил некоторые шиитские группировки, к нему также примкнули

⁷Джамийят аль-вифак аль-ватаний аль-исламия (Исламское объединение национального согласия) — крупнейшая политическая организация Бахрейна, наследница другой организации — Харака ахрар Аль-Бахрейн (Движение свободных бахрейнцев), которая была организатором антиправительственных выступлений в 1994–1998 гг. Официально Аль-Вифак возникла в 2001 г., когда король Хамад бен Иса Аль Халифа объявил всеобщую амнистию и ее будущие руководители вернулись из ссылки в Лондоне. Генеральный секретарь организации — шейх Али Сальман, а духовный наставник — видный религиозный шиитский авторитет Иса Касем. Аль-Вифак участвовала в парламентских выборах 2006 г. и создала самую крупную и влиятельную оппозиционную фракцию.

⁸Bahrain Elections to take Place Amid Crackdown. — <http://www.hrw.org/en/news/2010/10/20/bahrain-election-take-place-amid-crackdown>. — 25 октября 2010.

⁹Малик Аль-Бахрейн тушаккиль ляжна тахкик (Король Бахрейна создает специальную комиссию для расследования) Аль-Хайят, 16 февраля 2011. — <http://international.daralhayat.com/internationalarticle/234912>

¹⁰Сальман бен Хамад Аль Халифа получил образование в США и Великобритании. Он возглавляет Совет экономического развития, а также является заместителем верховного командующего силами обороны. Шейх Сальман — сторонник проведения ускоренных реформ и примирения с оппозицией.

¹¹Аль-Бахрейн: бадъ аль-хивар бейн вали аль-ахд ва аль-джамаат ас-сиясийя.

представители христианской и иудейской общин. Его членами стали примерно тысяча человек. Блок создал совет в составе 15 членов для того, чтобы передать королю свои требования, среди них: освобождение всех арестованных в ходе протестных выступлений, привлечение к ответственности лиц, виновных в гибели людей, принятие любого политического решения только с согласия народа¹².

Блок национального единства был оппозиционным, но не планировал использовать протестные выступления для выполнения своих требований в отличие от шиитской и либеральной оппозиции. Главной целью вновь созданного объединения была стабилизация ситуации в стране.

Акции протеста не прекращались. В них принимали участие тысячи граждан: мужчины и женщины. Молодежь устроила на Жемчужной площади палаточный городок, и демонстрации стали более массовыми. Власть применила силу для их разгона. Были использованы не только водометы и слезоточивый газ, но и огнестрельное оружие, — итогом такого развития событий стали человеческие жертвы¹³. Бахрейн стал объектом критики со стороны международных правозащитных организаций, а также США и стран Европейского Союза (ЕС). Из-за применения силы в отношении демонстрантов Франция и Великобритания, а затем и США приостановили поставки оружия в Бахрейн¹⁴.

Для того чтобы стабилизировать ситуацию в стране, король пошел на ряд уступок. Были освобождены 50 политических заключенных, среди которых 23 шиита. Оппозиция же требовала освободить всех заключенных, в том числе и двух молодых людей, задержанных 14 февраля 2011 г. на Жемчужной площади, когда начались беспорядки. Их обвинили в том, что они оказали сопротивление силам безопасности¹⁵.

Выполняя требование митингующих, король отправил в отставку четырех министров (двое из них — представители правящей семьи). В то же время все отправленные в отставку министры не занимали ключевых постов в правительстве. К тому же оппозиция настаивала на полной отставке правительства.

Министр иностранных дел Бахрейна Халед бен Ахмед Аль Халифа вновь призвал членов оппозиции к диалогу. Однако наиболее авторитетный религиозный шиитский деятель Бахрейна Иса Касем заявил, что он отвергает идею «диалога ради диалога». 25 февраля 2011 г. в своей пятничной проповеди он подчеркнул, что «народ поддерживает тот диалог, который обеспечит его права, а формальный диалог сегодня никому не нужен»¹⁶. День 25 февраля был объявлен королевской канцелярией днем траура

¹²Таджаму аль-вахда аль-ватанийя (Блок национального единства). — Аль-Джазира, 8 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/16658F37-0112-4A45-BCD9-34FF>.

¹³Аль-Бахрейн: аль-малик Хамад юваджих би фатх хивар (Бахрейн: король Хамад намерен начать диалог) — Аш-Шарк Аль-Аусат 19 февраля 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=608947&tissueno=11796>.

¹⁴Там же.

¹⁵Аль-Манама тухаддир хивар шамийл (Манама готовит полномасштабные переговоры). — Аль-Джазира, 25 февраля 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/16596F37-0112-4A45-BCD9-34FF>.

¹⁶Малик Аль-Бахрейн юкиль арба вузара (Король Бахрейна отправил в отставку четырех министров). — Аль-Джазира, 26 февраля 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/E6188AOD-D6E6-4EA3-8E86-F6>.

по погибшим в ходе беспорядков. Оппозиция также использовала это событие для того, чтобы призвать своих сторонников провести шествие. Во время шествия звучали лозунги: «Сунниты и шииты — братья: вот страна, к которой мы стремимся!»¹⁷. Во главе оппозиционных выступлений в Бахрейне стояли шиитские организации, но в них принимали участие и сунниты. Лидеры оппозиции стремились к тому, чтобы требования носили политический, а не конфессиональный характер.

На следующий день, 26 февраля 2011 г., давление на власть было продолжено. Состоялась многотысячная демонстрация, организованная оппозицией перед зданием министерства иностранных дел. Одновременно состоялась демонстрация, в которой приняли участие деятели культуры, журналисты, писатели, художники. Движение 14 февраля — участники событий на Жемчужной площади разместило в социальных сетях призыв к всеобщей забастовке всех работников, учащихся школ и университетов, а также к проведению мирного шествия от площади до дипломатического квартала Манама¹⁸.

В начале марта 2011 г. на митинг в Манама собрались несколько тысяч участников. Они призвали к единству между суннитами и шиитами. Митингующие скандировали: «Шииты и сунниты — братья». Семь оппозиционных организаций Бахрейна, как представляющих шиитскую часть населения, так и суннитскую, выступили с заявлением о недопустимости разжигания розни на конфессиональной основе. Они призвали к единству всех граждан страны¹⁹. По-видимому, это стало ответом на столкновения между суннитами и шиитами, которые произошли в г. Хамад к югу от Манама и в которых приняло участие около 100 человек²⁰.

В начале марта 2011 г. оппозиция, в том числе Аль-Вифак, согласилась на проведение диалога. Она направила послание наследнику престола Сальману бен Хамаду, в котором вновь изложила свои требования, призвав также создать независимую комиссию, которая должна была дать оценку происшедшим событиям²¹.

Однако протестные выступления продолжались. Против них силы безопасности применяли силу, что вело к новым жертвам и накаляло обстановку в стране. Это стало причиной выдвижения со стороны вновь образованного блока — Тахалуф мин аджль аль-джумхурийя — Коалиция во имя республики требования свержения королевской власти и превращения Бахрейна в республику. В этот блок входили три шиитские организации: Движение справедливости — Харака хак, Исламский путь — Иттиджах би аль-вафа аль-исламии и Движение свободных бахрейнцев — Харака ахрар Аль-Бахрейн.

¹⁷Там же.

¹⁸Аль-Вифак аль-бахрейннийя тастакиль мин аль-барламан (Аль-Вифак выходит из состава парламента). — Аль-Джазира, 27 февраля 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/82466FB2-173F-4D2D-B8F9-3044>.

¹⁹Музахара би Аль-Бахрейн туаккид аль-вахда аль-ватанийя (Демонстрация в Бахрейне подтвердила национальное единство). — Аль-Джазира, 2 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/24C880A8-9A99-41DB-BFC3-8E2>.

²⁰Муарада Аль-Бахрейн такбуль аль-хивар (Бахрейнская оппозиция принимает диалог). — Аль-Джазира, 4 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/3B18DF44-7662-4A08-B259-5549>.

²¹Там же.

Оно было образовано после возвращения из ссылки в страну руководителя Движения справедливости Хасана Мушайя²².

Появление требований о свержении королевского режима напугало власть, и она обратилась за помощью к своим партнерам по Совету сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ). 14 марта на территорию Королевства Бахрейн были введены объединенные войска ССАГЗ — «Щит полуострова». Эти войска были созданы в 1984 г., когда было заключено соглашение о коллективной обороне. В их состав входят военнослужащие из всех стран — членов организации, но основной костяк составляют представители Саудовской Аравии, обладающей самыми многочисленными вооруженными силами среди всех участников ССАГЗ.

Как было официально объявлено руководством Совета сотрудничества, войска были введены по просьбе правительства Бахрейна. Генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Рахман Аль-Атыйя заявил: «Государства Совета сотрудничества положительно откликнулись на просьбу Бахрейна об отправке ему сил “Щит полуострова” для обеспечения безопасности и порядка на его территории»²³. А.Р. Аль-Атыйя пояснил, что «введение войск “Щит полуострова” является обычным и логичным шагом, который исходит из коллективной ответственности за стабильность государств Совета сотрудничества, что определяется соглашением об оборонном сотрудничестве на коллективной основе»²⁴.

Выступление генерального секретаря ССАГЗ было вызвано резкими нападками со стороны Исламской Республики Иран. Иранский министр иностранных дел Али Акбар Салихи выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что «ввод подразделений из состава вооруженных формирований “Щит полуострова” на территорию Бахрейна является прямым вмешательством в его внутренние дела»²⁵.

Обострение отношений между Бахрейном и Ираном осложнило внутривосточную ситуацию в Бахрейне. Всеобщий национальный диалог, который был согласован правительством и оппозицией, в сложившихся условиях не мог быть продолжен. Оппозиция выступила против введения вооруженных формирований ССАГЗ, обосновывая это тем, что, как заявил глава фракции Аль-Вифак в парламенте Абдель Джалиль Халиль, «проблема должна быть решена внутри страны, но при посредничестве со стороны стран Залива»²⁶. Он предложил прибегнуть к посредничеству одной из стран — членов Совета сотрудничества для создания необходимой основы для ведения диалога. Условием для

²²Хасан Мушайя получил образование в Куме (Иран). С 1994 г. принимал участие в акциях протеста. Входил в руководство Аль-Вифак, но в 2005 г. он вышел из ее состава и создал организацию Харакат хак. По обвинению в причастности к антиправительственным заговорам он был четырежды арестован, а в 2010 г. был выслан из страны, проживал попеременно в Тегеране и Лондоне. Вернулся в Бахрейн после объявленной королем амнистии и призыва наследника престола к всеобщему диалогу. — Аль-Джазира, 27 февраля 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/FB7DA140-4279-4CDE-9F52-FB1>.

²³Амин амм Маджлис ат-таун (Генеральный секретарь Совета сотрудничества). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 марта 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612744&issueno=11796>.

²⁴Там же.

²⁵Аль-Бахрейн тахтадж аля ат-тасрихат аль-иранийя (Бахрейн протестует против иранских заявлений). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 марта 2011. <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612744&issueno=11796>.

²⁶Раис кутля Аль-Вифак (Глава фракции Аль-Вифак). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 марта 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=614309&issueno=11806>.

проведения диалога Аль-Вифак по-прежнему считала создание независимой комиссии, которая определит степень ответственности правительства и оппозиции в происшедших в Королевстве Бахрейн событиях.

Позиция Аль-Вифак заключалась в том, что в Бахрейне речь идет не о конфессиональных противоречиях между суннитами и шиитами. Существует политическая проблема — необходимость проведения реформ, которые приведут к тому, что все будут участвовать в принятии политических решений. Оппозиция, представленная в парламенте, резко выступила против использования армии для подавления протестных выступлений. Она протестовала против неконституционных действий правительства, которые привели к гибели людей, однако не поддержала требование о свержении королевского режима и создании республики. По заявлению представителя Аль-Вифак, это требование выдвинула незначительная политическая группировка, которая не пользуется каким-либо влиянием в стране²⁷.

Власть, однако, попыталась создать впечатление, что действия группировок, призывавших к свержению существующего строя, были поддержаны извне, поэтому пришлось прибегнуть к помощи со стороны партнеров Бахрейна — членов ССАГЗ. В выступлении короля Хамада были названы те государства, которые вмешивались во внутренние дела Бахрейна. Он прямо обвинил Иран и Сирию в том, что они «подстрекали граждан» к свержению правящего режима. Он также заявил, что у него есть неопровержимые доказательства того, что в Сирии были организованы тренировочные лагеря, где шла подготовка молодых бахрейнцев, которые должны были совершить государственный переворот²⁸.

Кризис в отношениях между властью и оппозицией необходимо было разрешить для того, чтобы вернуть доверие граждан страны и добиться стабилизации внутривосточной ситуации. Король пошел на выполнение одного из требований оппозиции. Он создал независимую комиссию, которая должна была расследовать все факты нарушений прав человека в Бахрейне во время акций протеста, происходивших в стране в феврале-марте 2011 г. Комиссия представила свой отчет, в котором содержались обвинения в адрес правоохранительных органов. По данным, содержащимся в отчете, во время акций протеста, начавшихся 14 февраля, из-за неправомерного применения силы погибло 35 человек (30 — гражданских лиц и 5 — представителей сил безопасности). Кроме того, были убиты еще 11 участников акций протестов в феврале и марте 2011 г. Комиссия подтвердила применение пыток против арестованных, указав на то, что они проводились не по приказу министерства внутренних дел²⁹.

Одним из главных выводов комиссии стало утверждение о том, что не было найдено доказательств прямого отношения Ирана к бахрейнским событиям³⁰. Однако с этим выводом

²⁷Там же.

²⁸King of Bahrain insists his forces do not indulge in “ethnic cleansing or genocide: as he defends handling of pretests”. — The Telegraph, 12 December 2011. — <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/bahrain/8951979/King-of-Bahrain-insists-his-forces-do-not-indulge-in-ethnic-cleansing-or-genocide-as-he-defends-handling-of-protests.html>.

²⁹Ляжна тахсы хакаи фи ахдас Аль-Бахрейн (Комиссия по расследованию фактов о событиях в Бахрейне). — Аль-Хайят, 24 ноября 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/332107>.

³⁰Ляжна тахсы хакаи фи ахдас Аль-Бахрейн (Комиссия по расследованию фактов о событиях в Бахрейне). — Аль-Хайят, 24 ноября 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/332107>.

политический истеблишмент Бахрейна не мог согласиться, так как тогда его обращение к ССАГЗ за помощью не было бы оправданным.

После обнародования выводов комиссии, король Хамад заявил о том, что будут приняты необходимые меры для защиты прав человека в стране. Среди этих мер он назвал создание независимой организации по защите прав человека в королевстве, которая будет действовать в соответствии с международными стандартами. Король также обещал принять новые законы, чтобы предотвратить повторение нарушений, которые были отмечены в отчете комиссии³¹. Готовность власти к реформам в области соблюдения прав человека, по-видимому, была вызвана не только стремлением успокоить бахрейнское общество, но и стала реакцией на давление со стороны мирового сообщества. Специализированные организации ООН по правам человека следили за событиями в Бахрейне и фиксировали нарушения в этой области, результатом чего стало обращение ООН к властям Бахрейна о немедленном освобождении всех арестованных участников протестных акций, поскольку их арест «нарушал право на свободу слова и собраний»³².

Оппозиция, со своей стороны, также была готова к компромиссам. Пять оппозиционных организаций — Аль-Вифак, Национально-демократическое объединение, Национально-Демократическое действие, Национальное братство, Патриотическое демократическое объединение (организации, требующие проведения демократических реформ) подготовили документ, который они назвали Манамским. В нем были изложены их основные требования и подчеркнуто, что эти организации «готовы принять любые конструктивные шаги, направленные на решение существующих в стране проблем»³³.

Противостояние между оппозицией и властью в Бахрейне не грозит стабильности режима. Оно — часть политического процесса, развивающегося в этой стране в направлении совершенствования существующей политической системы.

Протестные выступления в Кувейте. Первая демонстрация в Кувейте прошла 19 февраля 2011. и была организована группой лиц без гражданства — бидун³⁴ (около 1 тыс. чел.³⁵) в городе Джахра. Организаторы демонстрации попытались привлечь внимание кувейтской власти к этой проблеме, которая остается нерешенной на протяжении многих лет. Одновременно небольшая демонстрация «бидун» прошла в населенном пункте Ас-Сальбийя.

Если первоначально после принятия закона о гражданстве в 1959 г. эта группа не была многочисленной, то в последующие годы ее численность возросла — ныне в ней состоит около 120 тыс.

³¹Ахиль Аль-Бахрейн ятааххад ислях аль-каванин (Монарх Бахрейна обещает реформировать законы). — Аль-Хайят, 24 ноября 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/332107>.

³²Аль-Умам аль-муттахида туталиб Аль-Бахрейн (ООН потребовала от Бахрейна). — Аль-Хайят, 22 декабря 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/342107>.

³³Аль-Бахрейн: «Аль-Вифак» татамассак би иттихаматиха (Бахрейн: Аль-Вифак продолжает обвинять). — Аль-Хайят, 25 ноября 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/332574>.

³⁴Группа «Бидун аль-джинсийя (Без гражданства)» или кратко «бидун» возникла после принятия в 1959 г. закона о кувейтском гражданстве. Согласно закону, гражданином эмирата считался каждый, кто «проживал в Кувейте до 1920 г. и имел к моменту принятия закона вид на жительство», чьим отцом или матерью были кувейтцы. Часть населения, главным образом бедуины, которые в тот период вели кочевой образ жизни, не предоставили необходимые документы и не получили кувейтского гражданства. В 1963 г. предоставление гражданства было приостановлено на 10 лет.

³⁵Аль-амн аль-кувейти якмаа музахара аль-бидун (Кувейтские силы безопасности разогнали демонстрацию «бидун»). — Аль-Джазира, 20 февраля 2012. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/52EFD2C0-7ABF-40D1-B98A-01>.

чел.³⁶ Официальная точка зрения заключается в том, что большую часть этой группы составляют выходцы из соседних с Кувейтом государств, добровольно покинувшие места своего обитания, уничтожившие все свои документы и выдающие себя за кувейтских «бидун». В 2000 г. в Кувейте была начата кампания по вытеснению «бидун» из страны. Это дало определенные результаты. Численность этой группы сократилась, но окончательно проблема не была решена.

Демонстрации «бидун» проходили без соответствующего разрешения властей, и полиция предприняла меры для их разгона. Во время столкновений демонстрантов с полицией пострадало 30 человек, кроме того, 50 участников демонстрации были арестованы. По данным министерства внутренних дел, среди раненых было пять представителей полиции, которая применила водометы и слезоточивый газ³⁷.

Это выступление не было антиправительственным. Его участники несли кувейтские флаги и портреты эмира Сабаха Аль-Ахмеда Аль-Джабера Ас-Сабаха. Эта группа лиц на протяжении длительного времени требует предоставить им кувейтское гражданство или, по крайней мере, предоставить те же права, которыми пользуются кувейтские граждане: бесплатное образование и медицинское обслуживание, возможность получить должность в госаппарате. По заявлению правительства, оно стремится решить эту проблему справедливым образом, чтобы «те, кто не имеет право на получение кувейтского гражданства, не получили его, так как они могут быть гражданами других стран и предоставление им кувейтского гражданства может создать угрозу национальной безопасности»³⁸.

Демонстрации «бидун» были ограниченными по числу своих участников и провозглашаемым ими целям. Общенациональный характер приобрели демонстрации, которые проходили под лозунгом отставки премьер-министра и проведения демократических реформ.

Массовые демонстрации начались по призыву молодежных организаций, которые разместили в Интернете свои воззвания. Эти организации были созданы в феврале 2011 г. с целью добиться отставки премьер-министра шейха Насера Аль-Мухаммеда Ас-Сабаха, а также проведения демократических реформ.

28 февраля в Интернете появилось первое заявление молодежной группировки «Кафи» — «Довольно». В нем были изложены ее основные требования, которые были поддержаны и другими молодежными группировками. Речь шла о том, чтобы «покончить с неэффективностью деятельности правительства, которое за последние пять лет завело страну в тупик»; предоставить политические свободы; изменить закон о политических объединениях и признать их право на существование; изменить закон о выборах и создать только один избирательный округ для всей страны; дать возможность развивать гражданское общество; предоставить подлинную свободу выражать свое мнение». Одно из требований молодежи касалось необходимости демократизации политической системы — «ввести принцип разделения властей

³⁶Подсчеты международной правозащитной организации Human rights watch, опубликованные в 2010 г. — Аль-Бидун фи Аль-Кувейт (Бидун в Кувейте). — Аль-Джазира, 11 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/6BEFA9C1-B392-4F0D-BEE>.

³⁷Аль-амн аль-кувейти якмаа музахарат аль-бидун.

³⁸Там же.

и строго соблюдать его». Но, кроме того, молодежь призывала бороться с финансовыми нарушениями, совершаемыми представителями власти³⁹. В заявлении не было упомянуто требование, которое прозвучало в выступлении одного из активистов «Кафи» — назначать на высшие государственные посты, такие как премьер-министр, силовые министры и министр иностранных дел, политиков, не принадлежащих к правящей семье. Молодежные активисты не были готовы ставить вопрос о внесении изменений в сложившуюся политическую систему, в которой правящая семья сохраняла свои властные полномочия.

Движение «Кафи» через социальные сети призвало к проведению демонстрации 8 марта 2011 г. с требованием отставки премьер-министра шейха Насера Аль-Мухаммеда и предоставлением больших политических свобод. Ее поддержали другие молодежные группировки, депутаты парламента и представители различных оппозиционных объединений, в том числе Демократическая трибуна — Аль-Минбар ад-димукратий либерально-демократической направленности. Представитель этой организации внес предложение назначать премьер-министра не из представителей правящей семьи⁴⁰.

Организация, представляющая шиитскую общину Кувейта, выступила с заявлением, что она готова поддержать демонстрацию, если будут учтены требования шиитов о соблюдении их конституционных прав на создание специального кассационного суда и равенство шиитов и суннитов при назначении на ответственные государственные посты.

Силы безопасности предприняли меры для того, чтобы 8 марта демонстрация протеста не состоялась. Они блокировали все дороги, которые вели к центру, где должна была проходить демонстрация протеста. Тем не менее, молодежные организации и представители парламентской оппозиции Исламское конституционное движение» — Аль-Харака ад-дустурий аль-исламия, близкое «Братьям-мусульманам», Объединение салафитов — Ат-таджмау ас-салафий и Демократическая трибуна провели демонстрацию. Молодежь раздавала депутатам парламента, которые направлялись на заседание парламента, арбузы, что должно было выразить их негативное отношение к его деятельности (арабское слово баттах — арбуз, на кувейтском диалекте означает «никуда не годный»)⁴¹.

Оппозиция регулярно проводила митинги и демонстрации протеста, начиная с марта 2011 г. В них принимали участие тысячи молодых активистов, поддерживавших требования оппозиции.

21 октября 2011 г. в столице Кувейта перед зданием парламента прошел митинг. В нем приняли участие около 12 тысяч человек, среди которых было не менее тысячи женщин⁴².

³⁹Аль-Харака аш-шабабийя аль-кувейтия «Кафи» (Кувейтское молодежное движение «Довольно»). — Аль-Джазира, 8 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/C1F9E1AB-E7C6-4BDC-90EF-E8>.

⁴⁰Музахара кувейтийя амама риасат аль-вузара (Кувейтская демонстрация перед зданием совета министров). — Аль-Джазира, 9 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/579E7A49-8D13-4428-9921-4658>.

⁴¹Аль-Кувейт: иджраат амания ихтиразия ли манья харакат шабабийя мин аль-иатисам (Кувейт: повышенные меры безопасности, чтобы не допустить молодежные организации устроить беспорядки). — Аль-Хайят, 9 марта 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/242331>.

⁴²Аль-Муарада аль-кувейтийя туттахим раис аль-вузара (Кувейтская оппозиция обвиняет премьер-министра). — Аль-Хайят, 21 октября 2011. — <http://international.daralhayat.com/internationalarticle/520867>.

На митинге выступил депутат от оппозиции Муслим Аль-Барак — представитель исламистской фракции, обвинивший премьер-министра шейха Насера Аль-Мухаммеда в коррупции. Он привел доказательства того, что из Кувейта на личный счет премьера с 2006 по 2011 г. было переведено 70 млн. динаров (250 млн. долларов США) через кувейтские посольства за границей. Никаких объяснений со стороны кабинета министров на эти обвинения не последовало. Оппозиция потребовала немедленной отставки премьер-министра⁴³.

Однако 23 октября 2011 г. эмиром был отправлен в отставку министр иностранных дел шейх Мухаммед Ас-Сабах и назначен новый министр, которым стал также представитель правящей семьи — шейх Сабах Аль-Халед Ас-Сабах. Глава правительства, уступив требованиям парламентской оппозиции, выдвинувшей против бывшего министра иностранных дел обвинения в том, что он несет ответственность за незаконные переводы денег за границу через кувейтские посольства, попытался сохранить свой пост и избежать отставки всего состава правительства. Однако добиться этого ему не удалось.

16 ноября 2011 г. оппозиция вывела на площадь перед зданием парламента тысячи демонстрантов. Они штурмом взяли здание, ворвались в зал заседаний, где исполнили кувейтский гимн, подчеркивая свою верность эмиру, и покинули здание⁴⁴. Этот инцидент многое изменил — под давлением со стороны парламентской оппозиции и массовых акций протеста эмир вынужден был пойти на удовлетворение основного требования — отправить в отставку шейха Насера Аль-Мухаммеда и назначить нового премьер-министра⁴⁵. 28 ноября 2011 г. эмиром был подписан соответствующий указ.

После того, как стало известно о решении эмира отправить в отставку Насера Аль-Мухаммеда, парламентская оппозиция провела совещание. На нем было решено прекратить акции протеста «в знак уважения к эмиру, принявшему историческое решение», как об этом говорилось в заявлении оппозиции⁴⁶.

30 ноября 2011 г. было сформировано новое правительство и был распущен парламента. Согласно положениям конституции, выборы в новый парламента должны пройти не позже 60 дней после того, как прежний парламента прекратит свою деятельность. Перед началом предвыборной кампании оппозиция вновь заговорила о том, что, по ее данным, не менее 15 депутатов получали взятки от членов правительства за его поддержку⁴⁷. Прокуратура начала расследование. Еще одним шагом, демонстрирующим

⁴³Насер Аль-Мухаммед Ас-Сабах стал премьер-министром в 2006 г. Из-за его разногласий с парламентом эмир неоднократно вынужден был распускать правительство. До своей отставки в 2011 г. шейх Насер возглавил семь составов правительства.

⁴⁴Амир Аль-Кувейт ан иктихам аль-барламан (Эмир Кувейта о штурме парламента). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 22 ноября 2011. — <http://www.aawsat.com/print.asp?did=650991&issueno=12047>.

⁴⁵Новым премьер-министром стал Джабер Мубарак Ас-Сабах (66 лет), занимавший в прежнем правительстве пост министра обороны и первого заместителя премьер-министра. Он является представителем ветви Хамад правящей семьи Аль Ас-Сабах.

⁴⁶Амир Аль-Кувейт юабин аш-шейх Джабер (Эмир Кувейта назначает шейха Джабера). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 декабря 2011. — <http://www.aawsat.com/print.asp?did=652340&issueno=12056>.

⁴⁷Ат-тахкик маа нуваб (Расследование дел депутатов). — Аль-Джазира, 15 декабря 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/3F6465TA-BBA1-4FOD...15.12.2011>.

готовность власти идти на примирение с оппозицией, стало решение прокуратуры освободить под залог в 1 тыс. динаров (3500 долларов) задержанных в ходе штурма здания парламента⁴⁸.

После того как эмир удовлетворил требование демонстрантов и отправил в отставку премьер-министра Насера Аль-Мухаммеда, группа «бидун» решила напомнить о себе и попытаться заставить правительство решить ее проблемы. 19 декабря 2011 г. в Джахре прошла еще одна, самая многочисленная, демонстрация «бидун». В ней приняло участие несколько сотен человек, которые собрались на митинг с помощью оповещения по социальным сетям в Интернете⁴⁹. Демонстрацию «бидун» поддержали некоторые оппозиционные политические силы. Она была разогнана полицией с помощью применения спецсредств. Спустя несколько дней после демонстрации последовала реакция власти. Ответственный за решение проблемы «бидун» в специально созданной официальной структуре заявил о том, что его ведомство рекомендовало правительству предоставить гражданство 34 тыс. лиц без гражданства, проживающим на территории Кувейта⁵⁰.

Таким образом, власть посчитала, что в сложившейся внутривнутриполитической и региональной ситуации необходимо пойти на уступки. Она осознавала не только нежелательность дальнейших уличных выступлений, которые могли серьезно дестабилизировать обстановку в стране, но и, по-видимому, опасалась ужесточения требований оппозиции.

Выступления в Султанате Оман. Акции протеста были начаты в городе Сохар — промышленной столице страны, где сосредоточены многие предприятия, в том числе и филиалы крупнейших иностранных компаний, 16 февраля 2011 г. В них принимали участие рабочие и молодежь. Требования участников митинга были, главным образом, экономическими: повышение заработной платы, создание новых рабочих мест, улучшение условий труда. Наряду с ними выдвигались и требования об отставке ряда министров, которых обвиняли в коррупции⁵¹. Полиция применила силу для разгона демонстрации⁵².

Затем начались массовые выступления и митинги в Маскате. Они проходили на площади перед зданием Консультативного совета (нижней палаты парламента), которую участники акции называли «площадью Народа». Большинство требований носили экономический и социальный характер (в том числе, борьба с коррупцией), но были среди них и политические: проведение конституционной реформы, предоставление больших свобод гражданам страны⁵³.

⁴⁸Аль-Кувейт: итлак нушата (Кувейт: освобождение активистов). — Аль-Хайят, 2 декабря 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/334913>.

⁴⁹Таджаддуд тазахурат «аль-бидун» фи Аль-Кувейт (Демонстрации «бидун» в Кувейте возобновились). — Аль-Хайят, 20 декабря 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/341277>.

⁵⁰Аль-Кувейт кад тумнах аль-джинсийя (Кувейт предоставит гражданство). — Аль-Хайят, 23 декабря 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/342348>.

⁵¹Сохар асымат Умман ас-сынаийя (Сохар — промышленная столица Омана). — Аль-Джазира, 2 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/073B0594-B858-4A34-A393-0F65>.

⁵²Ихтидждажат Маскат тагавасиль ли аль-яум ас-салис (Протесты в Маскате продолжаются третий день). — Аль-Джазира, 3 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/DBF0C6C9-73ED-4B94-BE3E-57>.

⁵³Там же.

Эти демонстрации и митинги, в ходе которых было много выступавших, продолжались три дня. В отличие от других арабских стран, участники протестных акций связывались друг с другом с помощью мобильных телефонов, так как Интернет в Омане не получил широкого распространения.

Реакция власти на происшедшие выступления протеста была мгновенной. Султан Кабус объявил в начале марта о создании новых рабочих мест и о выплате пособий по безработице. Им был издан указ об увеличении социальных пособий на семью на 100% и увеличении пенсий на 50%. Кроме того, глава государства создал комиссию по пересмотру конституции, которая должна была предоставить парламенту законодательные полномочия. По требованию участников акций протестов султан уволил главного инспектора по делам полиции и таможни, которого протестующие считали виновным в том, что полиция применила силу для разгона демонстрации в Сохаре⁵⁴.

Однако акции протеста не прекратились после уступок со стороны власти. В Сохаре участники протестных акций заблокировали порт и удерживали его пять часов, что негативно отразилось на деятельности расположенных там промышленных предприятий, в том числе иностранных. Армейские подразделения и силы безопасности штурмом освободили территорию порта от протестующих. Произошли также волнения в провинции Абри, где расположены нефтяные скважины. Там был совершен поджог здания местной администрации, и силы безопасности с помощью армии арестовали десятки человек. Требования участников протестных акций были теми же: повышение зарплат и доведение их до уровня зарплат иностранцев, политические свободы, в том числе свобода прессы⁵⁵.

Демонстрации протеста вновь прошли в Маскате, а также в Салале — втором городе Омана. Требования демонстрантов касались необходимости проведения политических и экономических реформ, а также увольнения министров, обвиняемых в коррупции⁵⁶.

В конце марта 2011 г. демонстранты использовали еще один метод оказания давления на власть. В Маскате, в районе, где расположено большинство министерств, они установили палатку, над которой был поднят плакат с призывом отправить в отставку министров-коррупционеров. Плакат был написан крупными буквами с тем, чтобы из зданий министерств его можно было прочитать. До этого палатка участников акций протестов была установлена перед зданием парламента. Там они проводили ночь, а утром вновь выходили на демонстрацию. Это продолжалось несколько недель⁵⁷.

⁵⁴Султан Умман юшаккиль ляджна ли таадиль ад-дустур (Султан Омана создает комиссию для пересмотра конституции). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 марта 2011. — <http://www.aawsat.com/print.asp?did=645921&issue=12014>.

⁵⁵Умман: аль-джейш яфтах мина Сохар би аль-кувва (Оман: армия освобождает порт силой). — Аль-Хайят, 15 марта 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/244486>.

⁵⁶Маталиб би ислахат акбар би Умман (Требования о расширении реформ в Омане). — Аль-Джазира, 23 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/835AF976-CC00-48DD-AD50-FA>.

⁵⁷Иатисам би Маскат юталиб би аль-ислахат (Протесты в Маскате с требованием реформ). — Аль-Джазира, 23 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/A2-771F-B27C-F9F0>.

Протесты в Омане постепенно снижали свою интенсивность, по мере того, как власть предоставляла все больше льгот гражданам и шла на выполнение их требований.

15 октября состоялись выборы в Консультативный совет Омана⁵⁸. Через несколько дней султан Кабус произвел назначение новых членов Государственного совета — из 83 новых назначенцев 14 были женщинами⁵⁹.

Султан Кабус выступил на открытии первой сессии Совета Омана. Хотя он не упомянул акции протеста, которые проходили в султанате, тем не менее, его речь была прямо связана с ними. Он подчеркнул, что Консультативный совет получил законодательные и контрольные полномочия и будет участвовать в принятии политических решений, касающихся развития страны. Кроме того, он затронул проблему коррупции и обещал продолжать с ней борьбу. Султан Кабус также пообещал не ограничивать свободу мнений. Подчеркнув необходимость плюрализма точек зрения, он заметил, что «никто не может монополизировать какое-либо мнение и ограничивать свободу выражения другим, это — не демократия»⁶⁰.

В речи Кабуса была затронута проблема молодежи. Глава государства обещал создавать для молодежи новые рабочие места и «расширить ее участие в процессе всеобъемлющего развития»⁶¹. Таким образом решались проблемы, которые могли привести к дестабилизации ситуации в стране, и предпринимались меры, необходимые для удовлетворения требований граждан.

Катар и «арабская весна». Катар принимал активное участие в поддержке антиправительственных сил в арабских странах, где происходили выступления против режимов, утративших легитимность. Его деятельность в период «арабской весны» имела в своей основе черты проводившейся им в последние годы внешней политики.

Катар обладает самыми крупными в мире запасами природного газа, что ставит его в особое положение на мировом рынке энергоносителей и повышает его политические амбиции на мировой арене. Его внешнеполитическая деятельность становится все более широкомасштабной и активной. На стремление Катара занять влиятельное положение в регионе Ближнего Востока оказывают воздействие и личные качества его руководителя — шейха Хамада бен Халифы Аль Тани. Он стал эмиром в 1995 г. и приступил к осуществлению реформ в различных сферах. Во внешней политике шейх Хамад способствовал интенсификации связей как с арабскими странами, так и с государствами, с которыми у Катара ранее не было никаких отношений. Кроме того, премьер-министр и министр иностранных дел шейх Хамад бен Джасим Аль Тани также выступает за то,

⁵⁸В ноябре 1996 г. декретом султана Кабуса бин Саида был принят Основной закон государства (Ан-Низам аль-асасий ли ад-дауля). Он гарантировал формирование органа представительной власти. Им стал Совет Омана (Маджлис Умман), состоящий из двух палат — избираемого Консультативного совета (Маджлис аш-шура) и назначаемого султаном Государственного совета (Маджлис ад-дауля).

⁵⁹Султан Кабус юайин 83 удван фи Маджлис ад-дауля (Султан Кабус назначил 83 члена в Государственный совет). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 октября 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612355&issueno=11794>.

⁶⁰Кабус яуадд би татвир кавайд аль-муассасат (Кабус намерен развивать основы государства институтов). — Аль-Хайят, 1 ноября 2011. — <http://international.daralhayat.com/print/324563>.

⁶¹Там же.

чтобы его страна играла роль одного из влиятельных политических центров Ближнего Востока и активно действует в этом направлении.

Катар является членом региональной организации — Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), но нередко он придерживается позиций, отличных от тех, что занимают другие члены Совета, и отстаивает независимость своей политики.

Так, в 2007 г. Катар пригласил участвовать в саммите ССАГЗ, проходившем в Дохе, иранского президента Ахмадинежада. Это вызвало критику со стороны его партнеров. Его отношения с Ираном и в последующий период оставались достаточно стабильными, несмотря на их ухудшение с другими государствами — членами ССАГЗ.

На фоне других арабских государств Катар имеет наиболее развитые контакты с Израилем, которые были установлены в период Мадридской конференции 1991 г., когда начались переговоры между Израилем и арабскими государствами. Катар фактически признал Израиль и установил с ним торговые отношения.

После подписания соглашений между Израилем и ООП в Осло в 1993 г. Катар стал активно поддерживать идею скорейшего установлении мира с Израилем. В катарской прессе был снижен антиизраильский тон в подаче материалов по ближневосточному конфликту. В этот период официальные лица Израиля впервые посетили Катар⁶². В октябре 1995 г. Катар предложил арабским странам снять экономический бойкот с Израиля. Об этом заявил его министр иностранных дел. Спустя месяц после этого заявления был подписан меморандум о поставках в Израиль катарского газа⁶³. В апреле 1996 г. в то время израильский премьер-министр Шимон Перес посетил Катар, несмотря на то что местное общественное мнение было настроено против контактов с еврейским государством⁶⁴. В мае 1996 г. в Дохе было открыто израильское торговое представительство, что было беспрецедентным для арабских стран шагом (оно было закрыто в 2008 г., после резкого обострения арабо-израильских отношений).

Катаро-израильские отношения развивались неравномерно: этапы подъема сменялись резким снижением их уровня. Кроме того, Катар уравнивал контакты с Израилем активной политикой в отношении палестинцев, причем не только официального руководства Палестинской Национальной Администрации, но и ХАМАС.

Еще одной особенностью внешней политики Катара была его активная посредническая деятельность. Она стала еще одним способом повысить его роль в регионе Ближнего Востока.

В период подъема народных выступлений в арабских странах Катар последовательно отстаивал необходимость смены дискредитировавших себя режимов. Катар поддержал смену власти в Тунисе и Египте, а также участвовал, наряду с другими государствами — членами ССАГЗ, в урегулировании ситуации в Йемене. Позиция Катара по поддержке переходных правительств в Тунисе и Египте сыграла свою роль и в определении общеарабской позиции в отношении смены власти в этих странах.

⁶²Teitelbaum J. Qatar. — Middle East Contemporary Survey, Vol. XX, 1996, p.448.

⁶³Qatar. — The Middle East and North Africa 2007, p.935.

⁶⁴Данные о социологических опросах населения: Teitelbaum J., op.cit., p.576.

Позиция Катара в отношении событий в Ливии формировалась постепенно. Официальное заявление министерства иностранных дел Катара по этой проблеме, опубликованное 22 февраля 2011 г., прежде всего, акцентировало внимание на гибели мирных жителей в результате применения ливийским правительством авиации и тяжелого вооружения⁶⁵. Эмир Катара шейх Хамад бен Халифа обратился к Муаммару Каддафи с призывом прекратить кровопролитие⁶⁶. Катарские официальные лица пытались заручиться поддержкой мирового сообщества в оказании давления на ливийский режим. Они считали, что мировое сообщество должно поддержать права арабских народов и их стремления «к свободе, справедливости, использованию своих экономических возможностей и природных богатств, что невозможно осуществить в условиях нахождения у власти диктаторов»⁶⁷.

Катар был одной из тех стран, которые оказали гуманитарную помощь ливийскому населению, поставляя ему продовольствие и медикаменты.

Катар стал также первой арабской страной, которая признала Временный Национальный Совет Ливии. Он официально подтвердил свое участие в военной операции в Ливии на стороне повстанцев. Начальник генерального штаба Катара бригадный генерал Хамад бен Аль Аль-Атыйя заявил, что «сотни катарских бойцов участвовали в военных операциях повстанцев в Ливии, и они сыграли важную роль в осуществлении координации действий с войсками НАТО»⁶⁸.

Катар также активно участвовал в совместной деятельности арабских стран в отношении сирийского режима, направленной на прекращение насилия в этой стране и начало переговоров с оппозицией. Катарская позиция отличалась жесткостью и последовательностью. Он был одним из первых среди арабских государств, кто открыто заявил о нелегитимности режима Башшара Асада и необходимости его смены. С этой целью катарские представители установили контакты с сирийской оппозицией. Кроме того, катарская сторона выступила за непосредственное военное вмешательство в Сирию, несмотря на несогласие с этой позицией других членов ССАГЗ⁶⁹.

После совещания «Друзей сирийского народа» в Тунисе, Катар заявил о необходимости поставлять оружие оппозиции. В выступлении премьер-министра и министра иностранных дел этой страны звучал призыв к ООН взять на себя ответственность за происходящее в Сирии и «остановить ежедневные убийства и действовать немедленно, чтобы спасти сирийский народ». Эмир Катара шейх Хамад, призвав направить в Сирию арабские войска для прекращения кровопролития, в то же время подчеркнул, что «сирийский народ

⁶⁵Аль-джамиа аль-арабийя таакад иджтимаан тариан (Лига арабских государств созывает чрезвычайное совещание). — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/202B504F-3B6F-4462-943F-A8D0...22.02.2011>.

⁶⁶Амир Катара: ат-тагийр кадим ва ли салих аль-араб (Эмир Катара: изменения неизбежны и они будут в интересах арабов). — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/519FD5C2-214F-4462-43C2-8B7D-EF4...27.02.2011>.

⁶⁷Там же.

⁶⁸Аш-Шарк Аль-Аусат, 27 октября 2011 — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=12021&article=646945>

⁶⁹Масъуль би иманат дувваль маджлис ат-таун (Ответственный сотрудник секретариата Совета сотрудничества). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 марта 2012. — <http://www.aawsat.com/print.asp?did=666893&issueno=12153>.

должен сам выбрать, что он хочет иметь в своей стране, но мы не можем стоять и наблюдать, как сирийский народ каждый день убивают. Мы хотим такую же помощь друзей, как это было в Ливии»⁷⁰.

В то же время катарское руководство заявляло о необходимости мирного решения в Сирии, по-видимому, имея в виду, что нельзя допустить развязывания гражданской войны. Оно настаивало на необходимости сохранения ее суверенитета, территориальной целостности и политической независимости, подчеркивая необходимость сохранения единства сирийского народа, защиты всех его слоев, как социальных, так и национальных и религиозных общин⁷¹.

Катар продолжает активно действовать в решении сирийского вопроса, занимая жесткую позицию в отношении режима Башшара Асада, критикуя его за неправомерное использование силы против гражданского населения и выступая за военную акцию Лиги арабских государств — ЛАГ.

Протестные выступления в малых арабских государствах Персидского залива подтвердили, что они не были направлены против правящих режимов. Выдвижение в Королевстве Бахрейн требования свержения королевской власти и провозглашения республики, вне всякого сомнения, являлось тревожным сигналом. Но это требование не было поддержано большинством участников акций протеста в Бахрейне и оппозицией, которая подчеркивала свою лояльность власти.

Легитимность правящих местных режимов опирается на историческую традицию и закреплена конституционно. Создание государственности было непосредственным образом связано с приходом к власти правящих семейств, которые брали на себя ответственность за экономическое благополучие и безопасность народа, проживающего на территории, которую они контролировали. В последние годы в малых государствах Залива последовательно осуществляются реформы, призванные расширить участие граждан в принятии политических решений, определяющих развитие их стран. Во всех рассматриваемых странах были приняты конституции, в соответствии с которыми создавались представительные органы власти на основе проведения прямых тайных всеобщих выборов, в которых принимали участие все граждане страны, и мужчины, и женщины. Расширение участия женщин в политической жизни этих государств стало еще одной общей тенденцией, свидетельствующей о том, что происходит постепенная демократизация существующих там политических систем.

Реакция правящих режимов на акции протеста была достаточно сдержанной. Наибольшее число пострадавших было зафиксировано в Бахрейне, но и там общее число погибших

⁷⁰Катар туджадид харсаха аля махрадж сильми ли азмат Сурия (Катар вновь настаивает на мирном решении кризиса в Сирии). — Аль-Араб, Доха, 28 февраля 2012. — <http://www.alarab.qa/printarticle.php?artid=175817>.

⁷¹Раис аль-вузара ядъу ли таслих ас-сурийн ли ад-дифаа ан анфусихим (Премьер-министр призвал вооружить сирийцев для их защиты). — Ар-Райя, Доха, 28 февраля 2012. — http://www.raya.com/site/topics/print.Article.asp?cu_no=2&it.

не превысило 50 человек. Власть предприняла усилия для налаживания диалога с оппозицией и пошла на удовлетворение части требований, которые выдвигались участниками демонстраций.

Народные выступления в малых государствах Залива стали стимулом для упреждающих шагов со стороны власти, которая пытается не допустить их повторения. Не случайно и в Королевстве Бахрейн, и в Султанате Оман были приняты решения о внесении изменений в тексты конституций с тем, чтобы расширить полномочия парламента и создать основу для реального разделения законодательной, исполнительной и судебной власти.

Будущее малых арабских государств Персидского залива, которые испытали на себе воздействие «арабской весны», будет зависеть от того, как власть будет реагировать на требования своих граждан, насколько ей удастся сохранить единство общества и направить его на решение общенациональных задач.

С.Н. Серебров

Йемен

В январе 2010 г. по инициативе премьер-министра Великобритании Гордона Брауна в Лондоне состоялась международная конференция с участием министров иностранных дел США, Саудовской Аравии, Великобритании и еще 20 государств Запада и Арабского Востока. Повесткой дня была обстановка в Йемене, представляющая «угрозу его стабильности и безопасности для всего региона»¹. Участники пришли к выводу о необходимости выделения правящему режиму в Сане дополнительной помощи для борьбы с террористической организацией «Аль-Каида Аравийского Полуострова» (АКАП)², которая, по логике выступления главы госдепартамента США Хилари Клинтон, находилась в центре проблематики насилия и конфликтов внутри страны, мешающей проведению политических реформ³. США и Великобритания определили Саудовскую Аравию на роль главного помощника для ее южного соседа в преодолении кризисных явлений.

Спустя ровно год после этой конференции начавшееся в Йемене общенациональное мирное восстание, инспирированное «арабской весной», как будто пытается доказать мировому

¹Ian Black, "Yemen pledges to reform and wins support for fight against al-Qaida", The Guardian, 27 January 2010.

²О появлении террористической группы «Аль-Каида Аравийского полуострова» (АКАП) было объявлено в январе 2009 г. По сообщениям ЦРУ в зону ее деятельности входит Саудовская Аравия и Йемен. Американско-йеменский гражданин Анвар аль-Ауляки, известный как исламский проповедник, выступавший в США и Великобритании, считался ее активистом. Эмиром группировки являлся Насир аль-Вухейши, заместителем эмира — Са'ид аль-Шихри, а полевым командиром — Касим аль-Рими. По версии ЦРУ, АКАП родилась из «Аль-Каиды Йемена», созданной группой заключенных в количестве 23-х человек, бежавших из тюрьмы Организации Политической Безопасности в Сане в феврале 2006 г. Источник: National Counterterrorism Center, Al-Qa'ida in the Arabian Peninsula (AQAP).

³London: Hillary Clinton Attends Conference on Yemen, A PRIVATE BLOG DEVOTED TO FOREIGN POLICY & THE SECRETARY OF STATE, JANUARY 27, 2010. <http://secretaryclinton.wordpress.com>

сообществу, что приоритеты были расставлены неверно. Их следовало бы расставить в обратной последовательности: чтобы решить проблему экстремизма в Йемене, необходима была политическая реформа, которую целенаправленно блокировал правящий режим. Внимание мировой прессы моментально сместилось в сторону анализа социальных и политических причин нестабильности в странах «арабской весны». Сравнения объективных индикаторов развития Туниса, Египта и Йемена показали куда больше оснований для недовольства в этой стране. К началу 2011 г. 46% йеменцев проживало по уровню доходов ниже черты бедности (против 20% — в Египте и 4% — в Тунисе); режим Салеха находился у власти дольше других — с 1978 г. (в Египте — с 1981 г. и в — Тунисе с 1987г.)⁴; а учитывая, что средний возраст жителя Йемена составлял всего 18 лет и был существенно ниже, чем в Египте (24 года) и Тунисе (ок. 30 лет), то и проблем с молодежью там было гораздо больше.

Еще в 2009 г. Йемен вплотную подошел к порогу недееспособности (failed state). Кризис выражался в трех главных проявлениях: 1) полной утрате доверия между партией власти — Всеобщим Национальным Конгрессом (ВНК) — и влиятельным блоком оппозиционных партий — «Партиями Совместного Заседания» (ПСЗ)⁵, парализовавшим функционирование политической системы; 2) в так называемой «проблеме Юга», приведшей к широкому сепаратистскому движению на территории бывшей Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ); 3) и в сектантской проблеме на севере, вылившейся в длительную войну правительственных сил против зейдитского Движения аль-Хуси (ДХ).

Была ли проблема АКАП в действительности главным источником угроз и тормозом реформ или правы участники восстания, обвинявшие президента Али Абдаллаха Салеха⁶ в разжигании конфликтов внутри страны ради сохранения власти? О чем говорит первый год йеменской революции?

Как шло продвижение плана мирного урегулирования кризиса в Йемене и отчего не спадает напряженность после смены президента?

Чтобы разобраться в этих проблемах, нам пришлось сделать довольно глубокий экскурс в историю Йемена, связанную с 33х летним правлением Салеха, с самого начала находившегося в эпицентре йеменского восстания. Поскольку внутри Йемена вспыхнувший в начале 2011 г. протест называют не иначе, как революцией, в тексте будут использованы оба термина в одном и том же значении.

Описание некоторых событий, сопровождавших восстание 2011 — начала 2012 гг. сделано нами «по горячим следам», на основе сообщений прессы и информации, поступающей через Интернет. Оно, разумеется, не претендует на исчерпывающую полноту, как и сделанные нами выводы, отражающие исключительно мнение автора. Наша цель, скорее, состоит

⁴Составлено по статистическим данным на сайте: [.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ym.html](http://cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ym.html)

⁵Оппозиционный блок «Партии Совместного Заседания» (ахзаб ал-лика' аль-муштарака) сформировался по инициативе одного из лидеров Йеменской Социалистической Партии на рубеже 2000-х гг. первоначально как реакция на несправедливую систему и процедуру выборов, обеспечивавшую явные преимущества правящей партии. В ноябре 2005 г. пять партий («Ислах», ЙСП, «Юнионистская насеристская партия», «Союз народных сил» и зейдитская партия «аль-Хакк») подписали «Программу ПСЗ за политическую и национальную реформу».

⁶Али Абдаллах Салех, родился 21 марта 1942 г., в 1958 г. поступил на службу в армию, с 1978 г. — президент ЙАР, в период 1990–2012 гг. — президент Йеменской Республики.

в анализе логики развития йеменских событий и в расстановке ориентиров для прогнозирования дальнейшего развития революции.

Глава состоит из трех частей.

Первая часть характеризует особенности становления и эволюции модели политической системы Салеха, обстоятельства образования основных отрядов йеменской системной и несистемной оппозиции, заявивших о себе гораздо раньше начавшегося восстания 2011 г.

Во второй части рассмотрены основные вехи первого этапа йеменского восстания, приведшего к отставке президента Салеха и, несмотря на это, — к продолжению восстания.

В заключительной, третьей части подведены основные итоги первого этапа Инициативы и рассмотрены отдельные сюжеты, связанные с проблематикой второго этапа урегулирования при новом президенте Йемена.

Йеменская специфика и эволюция «модели Салеха» (1978–2010 гг.) Племена, ислам и политика в ЙАР

Республиканская революция в Йеменском Мутаваккилийском Королевстве (ЙМК), начавшаяся в 1962 г. и победившая только в 1970 г., произошла в обществе с исключительно архаичными социальными структурами. Шейхи племен и духовные элиты все еще составляли основу его политического класса, а государственные институты оставались в недостаточно развитом состоянии. Монархия была свергнута, не успев обрести зрелость за короткое время своего существования. Ее становление в северном Йемене началось лишь после освобождения от власти Османской империи в 1918 г. и сопровождалось колоссальным сопротивлением традиционных элит. Реформы короля Яхьи Мухаммада Хамидадина⁷ (годы правления 1918–1948 гг.) с полным основанием можно назвать самым крупным шагом к модернизации северного Йемена за всю тысячелетнюю историю имамата — специфической формы государства в этой части страны. Они представляли собой продолжение усилий имамов касимидской династии по трансформации традиционной модели имамата, основанной на теологической доктрине зейдизма, в разновидность абсолютистской наследственной монархии. Для этого королю Яхье пришлось неустанно доказывать шейхам могущественных племен, что в обществе появилась сила, способная противостоять их партикуляризму и притязаниям на суверенность. Этой силой было государство. Главными же инструментами его борьбы за реформу были военные походы. Король Яхья впервые приступил к созданию гвардии и армии в качестве институтов государства, отдельных от племен.

Уже в конце 1930-х гг. группа молодых йеменских интеллектуалов основала в Каире движение «Свободные йеменцы» (ахрар), выступившее против абсолютизма и за установление

⁷Король Яхья Мухаммад Хамидадин (или имам Яхья) (1869–1948) — стал имамом зейдитов в 1904 г. и имамом Йемена в 1918 г. Полностью его титул и имя звучали так: Его Величество Эмир Верующих, Полагающийся на Аллаха, Господа Миров, Имам Яхья бин аль-Мансур би-Аллах Мухаммад Хамидадин, Имам и Предводитель Правовверных.

в северном Йемене конституционной монархии. Их вдохновлял исламский реформатор Хасан аль-Банна⁸, лидер основанного им в Египте движения «Братьев-мусульман» (БМ). «Свободные йеменцы» сумели завоевать симпатии как среди некоторых шейхов племен, так и со стороны высшего религиозного духовенства Йемена, и даже членов обширной семьи самого короля. Неудачная попытка переворота в 1948 г. закончилась высылкой ахраров из королевства и многочисленными казнями виновных в попытке переворота и убийстве короля. Центр северойеменского реформаторского движения переместился в эмиграцию — в г. Аден, колонию Великобритании, в которой создавался имидж либерального анклава Аравии. И хотя внутри королевства у ахраров осталось немало последователей и сторонников, репрессивный урок 1948 г. не прошел даром.

Свержение монархии в ЙМК сразу после кончины второго с момента основания королевства правителя — Ахмада совершили в 1962 г. совсем другие силы. Революцию подняла группа армейских офицеров под командованием начальника охраны нового короля Бадра, полковника Абдаллы ас-Салляля⁹. Помимо того, что он находился под восторженным влиянием опыта египетской революции 1952 г. во главе с Гамалем Абдель Насером¹⁰, у него имелись и очевидные личные мотивы для ненависти к правившей династии, отсидев пять лет в яме, прикованным цепью по воле короля Ахмада¹¹. Армию охотно поддержало население суннитского Нижнего Йемена, находившегося под гнетом шейхов племен гористой части страны — Джебеля, которым король раздал во временное владение плодородные земли на равнине.

Парадокс сентябрьской революции в Йемене 1962 г. состоял в том, что тактические интересы левых офицеров по свержению монархии совпали с интересами исламистско-реформаторского крыла оппозиции. В процессе гражданской войны во главе этого крыла оказался верховный вождь мощной конфедерации племен хашед шейх Абдалла Хусейн аль-Ахмар¹², также имевший личные мотивы для ненависти к династии Хамидаддинов¹³. В роли ведущего исламского идеолога этого крыла выступал шейх Мухаммад аль-Зубейри¹⁴, один из основоположников движения ахраров.

Оба оппозиционных потока преследовали совершенно разные стратегические задачи. Одни видели будущее Йемена в модернизации родины по насеровскому сценарию, другие — в создании национальной модели исламского государства.

Тем не менее, гражданская война (1962–1970 гг.) надолго поставила обе коалиции — и насеристов (модернистов), и исламистских реформаторов (консерваторов) — в единый лагерь,

⁸Хасан аль-Банна (1906–1949) — египетский религиозный реформатор, основатель организации «братья-мусульмане» в Египте (1928).

⁹Абдалла ас-Салляль (1917–1994) — лидер йеменской революции и первый президент ЙАР, также встречается транслитерация «ас-Салляль».

¹⁰Гамаль Абдель Насер (1918–1970) — лидер египетской революции.

¹¹Евгений Примаков. «Ближний Восток; на сцене и за кулисами», Российская газета, М.: 2006, с.103.

¹²Абдалла Хусейн аль-Ахмар (1933–2007) — верховный вождь конфедерации племен хашед, один из архитекторов Йеменской Арабской Республики (ЙАР), председатель йеменского парламента, пользовался огромным влиянием в ЙАР и титуловался также «шейх машаих аль-йаман», т.е. вождь всех вождей Йемена.

¹³Отец и старший брат шейха Абдаллы Х. аль-Ахмара были казнены королем Ахмадом.

¹⁴Шейх Мухаммад аль-Зубейри (убит в 1965 г.) — один из основателей организации «свободные йеменцы», религиозный и политический реформатор.

сражавшийся с помощью египетской армии против роялистских племен, которых поддерживала как Саудовская Аравия, так и Великобритания (ведущие державы в этом регионе в то время). Правда, модернисты делали ставку именно на египтян, а консерваторы добивались их скорейшего вывода из Йемена, рассматривая присутствие египетских военных как помеху национальному примирению. В мае 1965 г. шейх аль-Ахмар способствовал проведению в столице своего родного племени (бейт аль-ахмар) — Хамере — конференции, на которой был подготовлен проект создания исламского государства в ЙАР. В июне 1965 г. делегация с участием шейха аль-Ахмара направилась в Саудовское королевство, чтобы сообщить об этом наследному принцу Фейсалу¹⁵. Концепцию исламского государства разработал шейх аль-Зубейри, лидер основанной в 1964 г. им же партии «Хизбалла», убитый незадолго до начала хамерской конференции.

Хамерская группа добилась смещения ас-Салляля сразу после эвакуации египетского корпуса в 1967 г., способствуя приходу к власти в ЙАР кади Абду-Рахмана аль-Ирьяни¹⁶ (годы правления 1967–1974), также участника хамерской конференции и великого мастера политического компромисса. С именем президента аль-Ирьяни связаны важные преобразования политической системы в ЙАР, которые одновременно укладывались как в исламскую, так и в республиканскую модель государства.

К ним относилось введение института Консультативного совета (КС) (маджлис аш-шура), который возглавил шейх аль-Ахмар, получивший к тому времени всестороннюю поддержку со стороны Саудовской Аравии и вскоре выдвинувшийся на роль наиболее влиятельного политика ЙАР. Как в Йемене, так и мы в данной публикации, употребляя титул «Шейх» без расшифровки имени, будем иметь в виду этого политика. Абсолютное большинство мест в КС принадлежало шейхам племен, которые в обмен на свою лояльность устремились также и к ключевым рычагам исполнительной власти в государстве. Этот процесс напоминал трайбализацию бюрократии, что вызвало мощное сопротивление на левом фланге йеменской сцены, считавшем сентябрьскую революцию своей заслугой.

Впоследствии баланс сил между этими политическими коалициями неоднократно менялся, придавая общему движению политического процесса в ЙАР траекторию маятника.

В 1974 г. президента аль-Ирьяни сменил полковник Ибрагим аль-Хамди¹⁷ (1974–1977 гг.), начавший «Исправительное движение 13 июня» с временной приостановки деятельности КС. Назначив в новый кабинет министров профессионалов во главе с Абдель-Азизом Абдель Гани, он поставил под жесткий контроль деятельность всех шейхов на государственных должностях, сурово наказывая коррупционеров и тех, кто осуществлял кадровую политику по принципу кумовства. Президент аль-Хамди показал, что армия — единственная на тот момент политическая сила в ЙАР, способная обеспечить курс в направлении модернизации и социально-экономического развития общества. Его популярность в суннитских

¹⁵Ahmed N.K. Almadhaqi, "Yemen and the United States: a study of a small power and super-state relationship" 1962–1994, Tauris Academic Studies, London–New York, 1996, p.72.

¹⁶Кади Абду-Рахман аль-Ирьяни (1908–1998), второй президент ЙАР, также употребляется транслитерация «аль-Арьяни».

¹⁷Ибрагим аль-Хамди (1943–1977) — третий президент ЙАР.

районах превосходила популярность всех прочих политических лидеров за всю историю ЙАР. Левая насеристская идеология при аль-Хамди достигла такого подъема, что консервативное крыло, с его приверженностью к исламу, перешло в непримиримую оппозицию режиму. В 1977 г. этот конфликт привел к объявлению режиму аль-Хамди священной войны — джихада. Счастливым образом избежав новой вспышки гражданской войны, президент аль-Хамди в том же 1977 г. был убит при невыясненных обстоятельствах.

В ходе восстания 2011 г. на площадях Саны, Таиза и других североиemenских городов, охваченных революцией, часто поднимались портреты президента аль-Хамди, а его имя громко прославлялось манифестантами, что красноречиво указывало на направление реформ, которое бы они хотели видеть после смены власти в своей стране.

Но что это значит? Не ренессанс же насеризма или социализма поднял в 2011 г. молодежь и йеменскую оппозицию на восстание против режима и не левая идеология помешала непримиримой оппозиции после отставки Салеха признать ведущую роль исламской партии «Ислах» в новых органах власти?

Ответы, с нашей точки зрения, лежат в другом срезе факторов, определяющих закономерности политического процесса в Йемене. Речь идет о важнейшей типологической характеристике южноаравийских обществ — расколе населения на два субстрата: «хадар» (городских жителей) и «бадву» (племен). История появления этой дихотомии столь же стара, как и история Каина и Авеля. В южноаравийском ареале соперничество между хадар и бадву смело можно рассматривать как центральную социокультурную ось всего многотысячелетнего исторического процесса. Его итогом было не стирание граней между «земледельцами» и «пастухами» и не символическая смерть «пастуха», как в упомянутом выше мифе, а образование двух параллельных социальных подсистем, которые справедливо относят к субэтносам южноаравийского социума¹⁸. Исторически между ними сложилась особая система политических отношений, основанная на институте посредничества. Оба полюса общества находились в постоянном контакте друг с другом, при этом не смешиваясь и не прекращая острого соперничества.

Племена, окружавшие хадар, нуждались в восполнении дефицита экономических ресурсов, имевшихся на аридных и гористых площадях, которые были их главной средой обитания. Этим добавочным ресурсом выступала система обычаев, узаконивших взимание племенами своеобразной политической ренты с экономически более благополучных горожан, в распоряжении которых были уголья, оснащенные с древности искусственными системами орошения. Обычное право племен, известное как урф¹⁹, по-прежнему де-факто является важным источником права, на котором строится современная система отношений в обществе на Севере Йемена.

¹⁸См. — группа авторов: З.Н. Галич, А.В. Гордон, А.В. Журавский, А.И. Ионова, А.М. Петров, Е.Б. Рашковский, Л.И. Рейснер, Н.А. Симония в колл. монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного». М.: «Наука», 1984.

¹⁹Урф — обычное право йеменских племен, основанное на древних нормах взаимоотношений и поведения. Не имеет кодифицированной формы. Часто воспринимается в локальном контексте как антипод исламскому праву — шариату.

Борьба за право на взимание политической ренты с хадар вызывала острое соперничество между племенами за установление своего влияния на те или иные ареалы, на которых располагались города. Так появились мощные коалиции (в т.ч. конфедерации) племен, обладавшие большим военным потенциалом. Определяющими факторами образования коалиций выступали генеалогические связи и география проживания.

Межплеменное соперничество, несомненно, составляет другую центральную ось исторического процесса в Йемене — политическую. Она также берет свое начало в доисторической эпохе.

Среди наиболее влиятельных североиemenских племен современной истории находятся конкурирующие между собой конфедерации племен бакиль и хашед, входящие в кахлянидскую ветвь сабейских племен, а также племена хаулян из химьяритской ветви тех же племен. Основным ареалом обитания хашед и бакиль являются гористые территории к северу от Саны, племен хаулян — северная провинция Са'ада. В провинции Мариб, к востоку от Саны, где обнаружены месторождения нефти и газа, обитают племена абида и мурад, не входящие ни в одну из названных выше ветвей сабейских племен. Численность крупного племени в современном северном Йемене достигает нескольких десятков тысяч человек, а конфедерации, состоящей из сотен племен — свыше миллиона человек²⁰. Аналогичные мощные (в том числе — в военном отношении) племенные коалиции, обладавшие активными политическими функциями, сложились и во всех провинциях Южного Йемена. Здесь мы упомянем лишь племена яфи', которым принадлежала важная историческая роль по сдерживанию экспансии зейдитских племен на юг в период имамата и которые сегодня также отличаются высокой политической активностью.

Каждая смена этапов в истории этого ареала вызывала существенные мутации в политическом балансе между этнокультурными полюсами социума и между политическими коалициями с участием племен, отражаясь на изменениях моделей государств, рано появившихся в этой части Аравии. Последняя такая качественная мутация началась в VII в., в связи со вступлением древней южноаравийской цивилизации в исламскую эпоху.

Традиционные йеменские государства (даули), прекратившие существование в 1967 г. после победы революции в Южном Йемене, обычно были небольшими по территории и находились на потестарном уровне развития.

Основные регулирующие функции в них исполняли исламские элиты — сейиды (сада) и кади, игравшие роль посредников, арбитров и судей. Функции правителей (эмиров, султанов, шейхов и т.д.) традиционных даулей концентрировались на охране границ и поддержании политического баланса между племенами при опоре на религиозную аристократию и лояльные племена. Элиты находились с правителем в патрон-клиентельной системе отношений. Источником их могущества была не принадлежность к бюрократии, а личный авторитет и поддержка со стороны влиятельных обособленных

²⁰Paul Dresch, "Tribes, Government and History in Yemem", Oxford, 1993, p. 24. Если в конце 1970-х гг. их численность оценивалась в полмиллиона человек, то через 30 лет, т.е. к началу революции, она достигала от одного до полутора миллионов.

сегментов общества — племен и городских общин, которым они взамен предоставляли услуги, имевшие высокую социальную ценность. Патерналистские обычаи пронизывали всю систему отношений в даулях²¹.

Высокое влияние ислама на политические системы даулей в разных частях Йемена приводило к неодинаковым результатам, испытывая воздействие со стороны локального баланса сил между бадву и хадар. В зейдитском имамате на роль правителя могли претендовать только представители алидских родов, признанные имамами, т.е. духовными лидерами религиозной общины. Признание должно было исходить одновременно от духовной аристократии (улемов) и шейхов ведущих племен. В шафиитской части Йемена (весь Южный Йемен, Нижний Йемен и Тихама) функции политического и религиозного лидера не совмещались, но правитель должен был получить признание от тех же элит. Существенный разброс функций правителя по территории йеменского ареала определялся, прежде всего, удельным весом каждого из вышеназванных субстратов в составе населения. Заметим в связи с этим, что в Северном Йемене на бадву приходилось 70–80% населения, а в Южном почти вдвое меньше — 30–40%. Эти расхождения оказали существенное влияние на такие параметры состояния социумов, как политическая культура, типы и способы ведения хозяйства, правовая культура, уровень образования и экономического развития.

Высшую страту традиционного общества в обеих частях Йемена составляла исламская аристократия — сада. Лишь малая часть этой страты реально входила в политическую элиту, но привилегии, которыми наделялись все представители сада по рождению, все же выделяли ее из остальных основных страт (кабаил — племена и ду'афа — горожане). Авторитет ведущих сейидских кланов завоевывался десятилетиями, а иногда и сотнями лет, а выполнение престижных функций в обществе превратилось для них в наследственную профессию. Этническая обособленность сада от автохтонного населения (они происходили из северной ветви арабов — аднанидов) способствовала исполнению ими функций третейских судей и арбитров, а принадлежность к роду основоположника ислама — религиозную харизму, которую они культивировали особой системой воспитания детей и подростков. Ветви одних и тех же родов кади и сада, в зависимости от мест проживания (в зейдитских или шафиитских районах Северного Йемена), часто выступали духовными предводителями, мировыми судьями, посредниками в торговле и имущественных спорах, проводниками через территории племен и т.д. в обеих общинах. Их статус закреплялся религиозными обрядами, суть которых можно определить как «ограниченная сакрализация».

Традиции почитания старейшин и предков, бытовавшие во всех слоях йеменского общества, среди исламских элит достигли уровня массовых торжеств, реализованных в форме зийяр (ярмарок). Ежегодно на них собирались тысячи жителей всей округи, чтобы поучаствовать в ритуальных молебнах и в веселом фестивале. Центрами зийяр выступали куполообразные мавзолеи — куббы. Эти обряды все еще имеют широкое бытование в Йемене.

²¹См.: С.Н. Серебров. «Хадрамаут как социокультурный феномен». В сб. «Культура Аравии в Азиатском контексте». СПб., 2006.

Традиционные исламские элиты так прочно вплелись в социальные институты на правах духовных и политических предводителей, что оказались в числе первых объектов атак со стороны новых режимов, пришедших к власти в результате обеих йеменских революций (в 1962 г. в ЙАР и в 1967 г. в НДРЙ). Усилия новых властей в обоих государствах были направлены на устранение или существенное ослабление столь глубоко укоренившихся локальных центров политического влияния. В Южном Йемене инструментом атаки выступала теория научного социализма (атеизма), а в Северном — альтернативное учение в исламе, требовавшее новых учителей.

Революция 1962 г. вызвала острый кризис в идеологии, прежде всего, в зейдитской части населения, подтолкнувший некоторых из них к участию в левых оппозиционных движениях, а другие оказались в состоянии неопределенности: зейдитский имам свергнут, но как быть с учением, значительная часть которого связана с этим институтом?

В образованных зейдитских кругах разделение на два течения — ортодоксальных последователей зейдитской доктрины (хадавитов) и реформаторов, появившееся несколько веков назад, обрело новые, более резкие формы. Реформаторы на сей раз предлагали внести изменения в положение об имаме. Новая редакция снимала условие обязательной принадлежности имама к алидам и существенно снижала его полномочия в политической сфере²². Смысл новой редакции состоял в адаптации зейдизма к республиканским реалиям, чтобы преодолеть элемент подозрительности со стороны властей. Интеллектуальные лидеры реформаторского крыла активно сотрудничали с новыми властями, а после объединения Йемена в 1990 г. создали партию «аль-Хакк», вошедшую впоследствии в оппозиционный блок ПСЗ.

В 1970 г., одновременно с реализацией плана национального примирения, президент аль-Ирьяни дал старт одному из самых масштабных и долгосрочных национальных проектов, не получивших ни официального анонсирования, ни заслуженного внимания среди российских специалистов. Он состоял в идее проведения религиозной реформы, «основанной на учении йеменских религиозных реформаторов»²³. Исследования американского востоковеда проф. Бернара Хайкеля позволили предположить, что за ее основу могли быть приняты идеи йеменского религиозного ученого рубежа XVIII–XIX вв. — шейха Мухаммада аш-Шаукани. В своей монографии «Обновление и реформа в исламе» Хайкель обосновывает принадлежность учения аш-Шаукани к салафитской школе суннитского ислама²⁴, в которой йеменский автор видел путь устранения фактора раскола йеменцев между мазхабами — шиитским зейдизмом (ок. 40% населения Северного Йемена) и суннитским шафиизмом (почти 60%).

Сразу после признания ЙАР в 1970 г. Саудовская Аравия проявила повышенный интерес к этому проекту и предоставила щедрое финансирование, учебную литературу и

²²Gabriele vom Bruck, "Being a Zaydi in the absence of an Imam: Doctrinal revisions, religious instruction, and the (re) invention of Ritual" in "Le Yemen contemporain", Paris, 1999, p. 177.

²³Bernard Haykel, "Rebellion, Migration or Consultative Democracy? The Zaydis and their detractors in Yemen" In "Le Yemen contemporain", Paris, 1999, p.195.

²⁴Bernard Haykel, "Revival and Reform in Islam. The legacy of Muhammad al-Shawkani", Cambridge Univ. press., 2003, p. 25.

преподавательские кадры. В результате идейное содержание реформы попало под сильное влияние ваххабизма — государственной религии соседнего с Йеменом королевства. Известно, что сам шейх аш-Шаукани не разделял крайностей в учении основателя ваххабизма шейха Мухаммада Абдул Ваххаба²⁵ — его старшего современника. Однако это не помешало переносу их на йеменскую почву. Крайности касались свойственной радикальным представителям ваххабизма практики обвинений в ереси (такфир) многих признанных школ ислама, не разделявших их весьма консервативного взгляда на смысл вероучения.

Духовным и политическим лидером ваххабитского крыла йеменских салафитов, влившихся в движение «Братья-мусульмане», был шейх Абдель Маджид аль-Зиндани²⁶. Ранее в Северном Йемене салафиты были представлены течением, родственным египетскому движению БМ.

Реформа совпала с нарастающим влиянием секуляристской левой идеологии по всему арабскому миру, включая соседнюю НДРЙ. При покровительстве шейха аль-Ахмара в ЙАР в кратчайшие сроки была создана широкая сеть религиозных колледжей (ма'ахид 'ильмийя), раскинутых по всей стране, включая провинцию Са'ада — вотчину йеменского зейдизма. В 1997 г. в нее входило ок. 1000 заведений с полумиллионной аудиторией²⁷.

В колледжах велась открытая критика религиозной практики, распространенной среди шафиитской и зейдитской общин, сформировавшихся за несколько веков. Существенная часть критики была направлена против почитания алидов, потомков четвертого халифа Али б. Аби Талиба, зятя и двоюродного брата Пророка Мухаммада от дочери Пророка — Фатимы. В йеменском контексте антиалидская критика прозелитскими проповедниками была воспринята как продолжение давних усилий племен потеснить исламскую аристократию с наиболее престижного положения, которое она занимала, благодаря монополии на духовные знания и соответствующие функции²⁸.

И действительно, корпус духовенства в ЙАР быстро пополнялся выходцами из страты кабили (племен), получавшими подготовку в салафитских учебных заведениях Йемена и Саудовской Аравии.

Новые религиозные учителя обратили гневную критику на один из ведущих элементов народного ислама в Йемене — зийяры. Поризанию предавалась их обрядовая сторона, связанная с совершением коллективных молебнов у мавзолеев святых. Эта практика объявлялась признаком ереси, а участники обрядов — куффарами (неверными)²⁹. С точки зрения радикальных ваххабитских наставников, обычай нарушал принцип божественного единства

²⁵Мухаммад ибн Абдул Ваххаб (1703–1792) исламский теолог и основатель течения ваххабизма, помогшего династии Саудитов распространить свою власть в Аравии.

²⁶Шейх Абдул Маджид аль-Зиндани (р. 1942), влиятельный религиозный лидер в Йемене, в 2004 г. объявлен Казначейством США «особо подозреваемым глобальным террористом», основатель религиозного университета «аль-Иман» в Санае (1995).

²⁷Gabriele vom Bruck. Op. cit., p.178.

²⁸О ранних проявлениях этого соперничества на примере иршадистско-алавитского спора в Хадрамауте см.: М.А. Родионов. «Этнография Западного Хадрамаута». Восточная литература РАН, 1994, с. 61–65.

²⁹Gabriele vom Bruck. Op. cit., p.178.

(таухид), которому ваххабизм придает особое значение. Пропаганда религиозной ненависти к предкам обучавшихся в колледжах студентов в конце концов не могла не вызвать нарастание защитной реакции со стороны традиционных кланов духовной аристократии и самих йеменских религиозных общин.

Коллизии на религиозной почве в Йемене, наблюдаемые в том числе в ходе йеменского восстания 2011 г., отнюдь не являются отголоском старой усобицы между зейдитами и шафиитами, которая угасла много веков назад, оставив высокую степень гармонизации их доктрин (особенно в части фикха — исламского права). Они напрямую связаны с реакцией традиционных духовных элит (существенно утративших свой привычный статус) и их последователей, на вторжение прозелитского исламского течения, привитого в Йемен только в 1970 г.

Коллизии этого типа способствовали началу войны против сейида Хусейна Бадруддина аль-Хуси в 2004 г. Отсутствие убедительных политических мотивов для внезапного применения против горстки зейдитских диссидентов всей военной мощи государства способствовало распространению мнения, что истинной целью властей являлась ликвидация неугодной общины.

Война на севере способствовала распространению сектантских сантиментов и на прочие сегменты в обществе, превратившись в один из факторов образования серьезных конфликтов, а также в причину торможения их урегулирования средствами, которые прежде демонстрировали высокую эффективность.

Притязания новых духовных лидеров, этнически и культурно неотделимых от бадву, к тому же вооруженных воинствующей прозелитской идеологией, на место традиционной религиозной аристократии, имевшей имидж миротворца, в корне меняли сами принципы поддержания баланса в системе хадар-бавду и еще больше — в системе межплеменных отношений.

В известном смысле история о Каине и Авеле в Йемене получила неординарное продолжение.

Две стороны одной модели (1978–1990 гг.)

Какие же черты модели политической системы, которую создал Салех за 33 года своего правления, могли привести к столь острому недовольству широких слоев городского населения и племен северного Йемена в 2011 г.?

Майор Салех не был частью армейской элиты, возглавлявшей революцию 1962 г., но вся его карьера была связана именно с армией. Он был близко знаком с предыдущим президентом — Ахмадом б. Хусейном аль-Гашми (1938–1978), который и назначил его на пост военного губернатора Таиза в 1977 г.

18 июля 1978 г. Салех оказался третьим главой государства за 10 месяцев, прошедших после убийства аль-Хамди в октябре 1977 г. Его первой заботой стало укрепление системы безопасности, прежде всего — личной. Но и он сам не избежал покушения в первый

же год правления со стороны насеристской группы армейских офицеров, сторонников аль-Хамди. Возможно, все эти обстоятельства привели его к идее сделать ставку на обычаи племенной солидарности, которым он стал доверять гораздо больше, чем политическим и корпоративным интересам. Недостаток политического опыта новый глава государства компенсировал кардинальным поворотом к сотрудничеству с шейхом аль-Ахмаром, не только ведущим политиком ЙАР, но и верховным вождем конфедерации хашед, в которую входило его родное племя — санхан³⁰.

Доверив на время политический курс Шейху, Салех действовал весьма дальновидно, выстраивая многоуровневую систему личной безопасности и ставя ее в подчинение своих близких родственников, в преданности которых он не сомневался. Эти перемены вызвали недовольство на левом фланге ЙАР, со стороны Национально-демократического фронта (НДФ), который воспринял возвышение консерваторов как угрозу курсу сентябрьской революции. Возвращение шейхов племен на ответственные посты в госаппарате привело к реставрации ненавистных феодальных дореволюционных порядков в Нижнем Йемене и Тихаме, где земельные пожалования, которые король передавал во временное пользование шейхам некоторых племен за лояльность и службу, неожиданно становились наследственными владениями шейхов-абсентеистов. Трайбализация государственного аппарата крайне затрудняла легальные способы защиты интересов граждан на основании законов и сопровождалась быстрым ростом коррупции среди бюрократии. Патримониальные группировки во властных структурах вели борьбу за контроль над учреждениями, вызывая сбои в их функционировании. Процесс принятия решений замыкался на горстке неформальных лидеров, как правило, составлявших либо ближний круг президента, либо окружение Шейха. Равнодушие к задачам общественно-экономического развития со стороны властей неуклонно повышало уровень недовольства в стране.

В ЙАР назревал мятеж со стороны леворадикальных группировок, в основном сосредоточенных в районах Нижнего Йемена. Превентивный удар, нанесенный по ним армией при поддержке неотрадиционалистского блока во главе с лидерами БМ, привел к разгрому левой оппозиции в ЙАР в 1979–1980-е гг. Неотрадиционалистский блок как никогда ранее приблизился к важному рубежу для превращения в доминирующую политическую силу.

По инициативе исламистов дело не закончилось ликвидацией леворадикальных вооруженных группировок, грозивших безопасности государства, но и пошло гораздо дальше, чем того требовала оперативная ситуация. Чистки и репрессии перекинулись затем на госаппарат. За помощь в разгроме левой оппозиции организация «Братья-мусульмане» и один из ее духовных лидеров, шейх аль-Зиндани, получили молчаливое признание со стороны властей ЙАР и право на издание собственной газеты «ас-Сахва» («Пробуждение»).

В начале 1980-х гг. произошло зарождение той политической системы, которая ассоциируется с формированием властного тандема в составе Салеха и шейха аль-Ахмара, просуществовавшего с некоторыми добавлениями до революции 2011 г. Армия утратила роль

³⁰Племя Санхан не имело прямых генеалогических связей с предками племен хашед, но было инкорпорировано в эту структуру по обычаям, называемым хашедизацией.

локомотива политической модернизации общества, которую она играла на волне республиканской революции в 1960-х годах. Среди новой армейской элиты выделялись такие фигуры, как сводный брат президента генерал Али Мохсин аль-Ахмар, командующий Первой бронетанковой дивизией, чуть позже — его старший сын генерал Ахмад, командующий Национальной гвардией, а также племянники — Яхья Мухаммад и Тарик Мухаммад, возглавлявшие службы безопасности; еще один сводный брат — генерал Мохаммад Салех, главком ВВС и т.д. Все они образовали костяк силового блока и стали символами режима Салеха, против которого был направлен гнев йеменской революции 2011 г.

Политическая система Салеха рано обнаружила явные перекосы, в том числе в плоскости традиционных балансов власти, характеризовавших соотношение сил внутри комплекса бадву и отношения между хадар и бадву.

В 1982 г. в ЙАР был осуществлен переход к однопартийной системе, закрепившей сложившуюся конфигурацию режима правления и одновременно придавшей ей относительно более высокую маневренность и стабильность. Всеобщий Национальный Конгресс (ВНК) занял прочное правоцентристское положение на йеменской политической сцене. Устав партии совмещал защиту «исконных йеменских ценностей» (исламизма, йеменской идентичности) с приверженностью идеалам республики и курсу на модернизацию. Для самого президента лидерство в партии открыло большие возможности для закрепления на высшем государственном посту. Членство в ВНК превратилось в неперемное условие для кооптации на значимые административные должности в госаппарате. Строгая дисциплина для членов партии и система идеологического контроля позволяла расширять круг лояльных власти назначенцев за пределы тех племен и кланов, которым были открыты все дороги и раньше без существенного повышения рисков.

Под контролем президента находились такие ключевые сферы, как силовой блок и внешняя политика. Шейх контролировал широкий блок племен, представленный в парламенте, и сферу образования. Знаковым показателем режима выступали затраты на нужды армии и сил безопасности и рост влияния военных на положение в экономике. Как отмечал проф. П. Дреш, уже в 1983 г. доля госрасходов на нужды силового блока достигла 50%, а непрозрачная военная компания Военная Экономическая Корпорация (ВЭК), находившаяся под контролем президента, занималась такими операциями, как недвижимость и импорт товаров повседневного спроса. В своей монографии «История современного Йемена» этот автор констатировал формирование в этот период в ЙАР «военно-коммерческого комплекса», захватившего основные ресурсы в государстве³¹.

Государство перераспределяло ресурсы в те или иные властные вертикали, лояльные режиму, утратив способность генерировать внутренние накопления и оставив инвестиционные проекты на милость иностранных доноров. Экономические преимущества получали только те группы, которые могли интегрироваться через своих лидеров в патронажную систему внутри государственного аппарата.

К моменту объединения ЙАР с НДРЙ 22 мая 1990 г. за внешней политической стабильностью ЙАР скрывались множественные коллизии в политической, религиозной

³¹Paul Dresch. "A History of Modern Yemen". Cambridge, 2000, p. 157, 162, 163.

и экономической сферах, подрывавших стабильность и экономический рост. Эти проблемы подталкивали власти к милитаристскому пути в ущерб социальному развитию и вели к отставанию ЙАР от прочих арабских государств.

Эволюция правящего режима после объединения двух йеменских государств (1990–2010 гг.)

Объединение с НДРЙ было воспринято неотрадиционалистским флангом политической системы ЙАР как угроза своему могуществу и сигнал к мобилизации. По инициативе шейха аль-Зиндани в 1990 г. была основана исламская партия под названием Йеменское Объединение Реформы (ат-таджамма' аль-йаманий ли-ль-ислах) — «Ислах», которую возглавил сам шейх аль-Ахмар. «Ислах» объявил о переходе в оппозицию режиму из-за принципиального несогласия с «некоторыми пунктами договоренностей» между руководителями ЙАР и НДРЙ, положенными в фундамент объединения. Фактически лидеры «Ислаха» ставили под сомнение даже самую правомерность каких-либо сделок с южнойеменскими «безбожниками», отвергая пункт соглашений о равноправном участии в органах власти и требуя сделать шариат единственным источником права в новом государстве.

Члены южнойеменской ЙСП, прибывавшие на работу в столицу нового государства г. Сану, подвергались террористическим атакам по сценарию ликвидации левых в ЙАР в 1979–1980 гг. Не избежали покушений даже высшие руководители государства и члены их семей — вице-президент Али Салем аль-Бид и глава кабинета министров — Хейдар Абу-Бакр аль-Атгас.

Президент Салех в этих обстоятельствах предпочел вернуться к коалиции с партией «Ислах» против ЙСП, подтвердив свой выбор кооптацией в коллективный орган управления республикой, Президентский совет, лидера «Братьев-мусульман» шейха аз-Зиндани после успеха этой партии на парламентских выборах 1993 г. Южнойеменский лидер аль-Бид утратил, теперь и формально, статус полноправного партнера по власти в государстве, рожденном недавним мирным и добровольным объединением. На сцену возвращался политический тандем Салеха с шейхом аль-Ахмаром и стоявших за ними политических блоков.

Гражданская война между армиями севера и юга в период апрель — июль 1994 г. нанесла непоправимый урон Йеменскому государству. Скандальную известность получила так называемая «фетва аль-Дейлами» салафитского деятеля, занимавшего пост министра юстиции Йемена в 1994–1997 гг. В ней он объявил дозволенным продавать на аукционах женщин и детей «покоренного врага»³², под которыми подразумевал южан.

Во время гражданской войны аль-Бид успел провозгласить образование независимого государства — Демократической Республики Йемен (ДРЙ) в границах НДРЙ. Дата этого

³²Скандальные фетвы были опубликованы йеменским интернет-изданием «Ал-Тииф» (Спектр) в выпуске 14 августа 2011 г. См.: al-teef.net.

события (21 мая) отмечалась в 2011 г. как национальный праздник во всех крупных городах Южного Йемена.

Гражданская война 1994 г. закончилась поражением южан 7 июля 1994 г. и привела к установлению полувоенного режима правления на территории Южного Йемена, вызвавшего нарастание протестного движения в этой части страны. Первыми выступили уволенные в запас военнослужащие во главе с отставным генералом Насиром Али аль-Нуба³³. Беспокойство южан концентрировалось вокруг таких вопросов, как политическое участие, занятость в управленческих и силовых структурах, упадок социальной сферы, несправедливое распределение доходов от эксплуатации нефтяных месторождений, большая часть которых, как оказалось, располагалась именно на территории Юга. Громкий резонанс получили факты захвата недвижимости на территории Юга северянами, использовавшими административный ресурс и факт попадания этого имущества в бесхозное состояние в результате социалистических реформ в НДРЙ. Северяне вытесняли южан из таких существенных сегментов экономики и занятости, как торговля импортом, управление предприятиями сферы услуг и, особенно, — из органов безопасности и армии. Многие крупные проекты, способные оживить экономическую ситуацию на Юге, как, например, создание контейнерного терминала и зоны свободной торговли в Адене, о которых было заявлено сразу после окончания войны, провалились или даже не начались. Столь же разочаровывающие результаты постигли и закон о местном самоуправлении, который мог бы существенно разрядить напряженную ситуацию на Юге. После его принятия в 1999 г. и выборов в 2001 г. стало ясно, что у местных администраций не хватало средств даже на канцелярскую технику, не говоря уже о реальных властных полномочиях.

Не получив адекватного отклика на свои жалобы и требования со стороны правящего режима в Сане, манифестанты провозгласили образование Мирного Движения Юга (МДЮ) в 2007 г.

Проблема Юга превратилась в самую острую политическую проблему Йемена, без решения которой никакого урегулирования кризиса в связи с восстанием 2011 г. невозможно. Ей сопутствует и довольно непрозрачная ситуация с АКАП, которую правивший режим превратил в предлог, чтобы игнорировать поиск фундаментальных решений на главном направлении на протяжении более десяти лет.

После гражданской войны 1994 г. ведущими игроками в Йеменской республике (ЙР) остались правящая ВНК и ее партнер «Ислах», но возвращения к ситуации «тандема», характерной для ЙАР, не произошло. Время «двух сторон одной модели» закончилось. Послевоенное усиление «Ислаха» заставило Салеха ввести пост вице-президента вместо Президентского совета, чтобы удалить одиозного шейха аль-Зиндани из высшего эшелона власти. С тех пор его постоянным заместителем стал южнойеменский генерал, осудивший «сепаратизм» аль-Бида — Абд-Раббу Мансур Хади. Салех настоял также на сохранении ЙСП на сцене, преодолев требование «Ислаха» о ее запрете. Взамен новые руководители

³³Stephen Day. "The Political Challenge of Yemen's Southern Movement". Carnegie papers, Middle East Program, N 108, March 2010, p. vi.

ЙСП приняли обязательство не участвовать в сепаратистских движениях, чему партия осталась верна. Несмотря на понесенные тяжелые потери и жестокий контроль со стороны служб безопасности, ЙСП удалось занять достойное место в рядах йеменской оппозиции и остаться на третьем месте в рейтинге ведущих партий Йемена. ЙСП имеет чувствительную поддержку на Юге, а также весьма ощутимые позиции в городах Нижнего Йемена.

Послевоенное политическое развитие в ЙР шло под знаком обострения проблем в экономике. Санкции, введенные Западом и монархиями Аравии против Йемена в 1990 г. и лишившие его финансовой помощи, дополнились экстрадицией на родину почти миллиона йеменских рабочих из стран Залива. Острая нехватка валютных средств на удовлетворение базовых нужд населения помогла принятию правительством Йемена самого либерального в арабском мире закона об иностранных инвестициях, но не изменила принципы функционирования системы. Лишь в 1996 г. начался процесс выхода Йемена из режима жестких санкций. По рекомендациям МВФ и МБ большинство предприятий госсектора было закрыто как нерентабельные, а отмена субсидий на некоторые виды продовольствия и топлива вызвали нарастание мощной волны социальных протестов по всей стране. Все программы помощи были поставлены в зависимость от их исполнения³⁴.

Безработица, дороговизна и стремительная инфляция вызвали волну экономических выступлений жителей городов Нижнего Йемена, которая достигла своего пика в 2006 г. Массовые демонстрации способствовали росту политического сознания населения. Оппозиционные партии и их печатные издания привлекали внимание протестующих к фактам коррупции в высших эшелонах власти с участием фигурантов, приближенных к обоим полюсам властного тандема.

Период 1997–2006 гг. ознаменовался расшатыванием режима и нарастанием противоречий между правящей ВНК и ее недавним партнером — «Ислахом», что не переросло в кризис лишь благодаря личным отношениям Салеха и Шейха. Благодаря персональной поддержке шейха аль-Ахмара президенту удалось одержать победу на выборах в 1999 г. и 2006 г., а в 2000 г. — утвердить поправки к Конституции о продлении президентского срока с 4-х до 6 лет, давших ему формальную возможность передать власть сыну³⁵ в 2013 г.

После войны 1994 г. ВНК пытался составить достойную конкуренцию «Ислаху» на исламском фланге йеменской политики. Среди религиозных политиков, которых режим привлек к сотрудничеству в тот период, находились, в частности, будущие участники оппозиции. В конце 1990-х гг. в их числе оказался представитель авторитетного зейдитского клана сейид Хусейн Бадруддин аль-Хуси, который затем возглавил диссидентскую группировку «Шабаб аль му'минин» («Правоверная молодежь») в Са'аде. Другим известным примером был представитель салафитского радикального крыла Тарик аль-Фадли из рода бывших правителей Абъяна. В 2009 г. он также объявил об оппозиционности режиму и переселился в Абъян, войдя в состав лидеров МДЮ³⁶.

³⁴История Востока. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Восточная литература, М.: 2008, с. 276.

³⁵Ахмад Али Салех к 2013 г. достиг бы сорокалетнего возраста, нижнего порога для главы государства, согласно конституции.

³⁶Stephen Day, Op. cit., p.vi.

Новый этап в эволюции политической системы Салеха начался на рубеже 2000 г. Терпя одну неудачу за другой внутри страны, он принялся за укрепление сотрудничества с могущественными иностранными державами, проявлявшими большую заинтересованность в установлении особых отношений с Йеменом, — с Саудовской Аравией и с США.

В июне 2000 г. Салех подписал крайне рискованный для своей репутации внутри страны Договор о границе с Саудовской Аравией (в Джидде), заменивший Таифский мирный договор от 1934 г. Проблема состояла в том, что Джиддийский договор был воспринят как уступка в давнем территориальном споре вокруг областей Асир, Наджран и Джизан, исторически входивших в состав Йеменского вилайета Османской империи. По новому договору Йемен окончательно признавал саудовский суверенитет над этими спорными областями, устранив существовавшую ранее практику пролонгации Таифского договора каждые 20 лет³⁷. Кроме того, Салех объявил о планах на скорейшее вступление Йемена в состав региональной организации ССАГЗ, в которой доминировала Саудовская Аравия. Однако в историческом контексте непростых отношений соседствующих государств оба шага расценивались в обществе, скорее, как готовность президента занять подчиненное положение в региональной системе, а не как средство привлечения инвестиций.

В октябре 2000 г. взрыв в Аденском порту начиненной взрывчаткой лодки у борта эсминца ВМФ США «USS Cole», унесший жизни 17 американских военных моряков, стал прологом к выходу на авансцену проблемы «Аль-Каиды» как фундамента всего военного сотрудничества между Йеменом и США. Ответственность за теракт в Адене взяла на себя исламская экстремистская группировка Исламская Абъянская Армия (ИАА). К расследованию этого преступления были подключены спецслужбы США, которые и пришли к выводу о связях ИАА с международной террористической сетью «Аль-Каида», превратившейся после взрывов 11 сентября 2001 г. в официального главного врага США и давшей старт кампании «Глобальной войны против террора».

Заметное сближение правящего режима с Эр-Риядом и, особенно, стратегическое партнерство с США, совпавшее с их новым вторжением в Ирак в 2003 г. с целью свержения режима Саддама Хусейна, не встречало поддержки в обществе.

В 2002 г. оформился оппозиционный блок партий, получивший название «Ахзаб лика' муштарака» («Партии совместного заседания» ПСЗ). В нем согласились участвовать непримиримые политические противники, в том числе «Ислах», ЙСП и зейдитская партия «аль-Хакк». Способность блока к согласованным решениям продемонстрировала Са'адская война, которую официальный спикер ПСЗ охарактеризовал в 2004 г. как «угрозу национальному единству из-за разжигания сектантских и этнических противоречий»³⁸.

Непредвиденный сценарий развития обстановки в зоне вооруженного конфликта на севере страны подтолкнул власти к введению цензуры в прессе и к расширению репрессий против журналистов. В тюрьмах Организации Политической Безопасности (ОПБ), вызывавшей панику среди населения, оказались сотни участников оппозиции и простых

³⁷“The Treaty of Jeddah, 2000” на сайте: al-bab.com/yemen/pol/int5.htm

³⁸См.: С.Н.Серебров. Йемен на пороге гуманитарной катастрофы, журнал «Восток» (ORIENS) №5, 2008, с. 66–79.

граждан. Для оправдания провалов в военной кампании в ход были пущены такие пропагандистские приемы, как поиск «иностранный следа» в успехах ДХ. Среди пособников хуситов особенно часто назывался Иран.

Са'адская война вылилась в самый затяжной и кровавый конфликт на территории Йемена после гражданской войны 1994 г. В каждом из шести эпизодов этой войны (2004–2010 гг.) погибло более тысячи человек и десятки тысяч получили ранения или были репрессированы. Более ста тысяч мирных жителей осталось без крова. Ни помощь американских инструкторов, ни сотрудничество с саудовскими военными не сломили сопротивления хуситов, апеллировавших к религиозным чувствам единоверцев. К 2011 г. провинция Са'ада почти целиком оказалась под контролем брата убитого лидера восстания — сейида Абдул-Малика Бадраддина аль-Хуси.

В войне против повстанцев генерал Али Мохсин, командовавший северо-западным военным округом, по информации журналистов, использовал ополченцев из салафитских племен Йемена и даже боевиков из ИАА.

Нельзя исключать, что поддержка кандидатуры Салеха на президентских выборах 2006 г. со стороны председателя «Ислаха», противоречившая официальной позиции ПСЗ, опиралась не только на традиционное для Шейха проявление лояльности по отношению к президенту, но и на негласное одобрение операций правительства в Са'аде со стороны радикального исламистского крыла партии.

В то же время отказ БМ от открытой поддержки конфликта на севере можно рассматривать как один из примеров благотворного влияния существования оппозиционного блока ПСЗ на расстановку сил внутри «Ислаха». Практика коллективных рассмотрений проблем путем диалога, применявшаяся внутри ПСЗ, позволила приобрести высокий авторитет таким фигурам, как генеральный секретарь ЙСП Ясин На'аман и лидер Насеристской партии — Мухаммад аль-Сабри, резко осуждавшим военное решение проблемы на севере Йемена.

Самым беспокойным для режима Салеха оказался 2009 г., когда сбой в работе политической системы приняли угрожающий характер. Весной 2009 г. из-за непримиримых разногласий между партией власти и ПСЗ пришлось отменить и перенести на два года парламентские выборы. Летом того же года движение МДЮ на юге де-факто переросло в мирное восстание за независимость юга в границах НДРЙ под руководством бывшего главы НДРЙ аль-Бида, проживавшего в эмиграции. В начале сентября 2009 г. ПСЗ инициировал принятие «Проекта национального спасения» на заседании Комитета Национального диалога, в который вошло 90 известных политиков и общественных деятелей, включая шейха Хамида Абдалла аль-Ахмара. Председатель Комитета — Мухаммад Салем Басиндва призвал все этнические, региональные и политические группы к участию в диалоге, включая аль-Хуси, лидеров Юга (в том числе покинувших родину после войны 1994 г.). Мухаммад аль-Сабри назвал путь диалога единственным средством спасения страны³⁹. Идея так и осталась нереализованной.

В «Проекте» содержалась развернутая критика Салеха за «распространение культуры ненависти, разбрасывание повсюду семян политических конфликтов и межплеменной роз-

³⁹Mohammed Al Qadhi. "Yemenis hope their 'vision' will solve crisis". The National, Sep 9, 2009, на сайте: <http://www.thenational.ae>

ни ради сохранения своего режима»⁴⁰. Там также предлагалось воспользоваться идеями децентрализации власти, изложенными в проекте административной реформы, разработанной в 1994 г. накануне войны (в «Документе согласия»⁴¹). К сожалению, «Документ согласия», подписанный аль-Бидом и Салехом в январе 1994 г. для предотвращения войны, оставался все эти годы под сукном.

Знакомство через Интернет с «Проектом спасения» способствовало формированию у посетителей сайтов йеменских сетей убежденности в наличии вполне достижимой альтернативы бедственному положению на родине, сложившемуся при Салехе.

Завершающие месяцы 2009 г. добавили вспышки вооруженных конфликтов к неудачам в политической сфере. Появились признаки интернационализации ряда очагов столкновений, имевшие крайне негативный резонанс в йеменском обществе. Так, в ходе операций против АКАП 17 декабря 2009 г. от двух ударов американской авиации в провинциях Абъян и Сана'а погибло от 60 до 90 мирных жителей, включая десятки женщин и детей⁴². Стоянка бедуинов была принята спецслужбами за лагерь террористов. Одновременно саудовская авиация наносила массированные ракетные удары в Са'аде по укрытиям ДХ, а на земле несколько саудовских солдат в результате боевых столкновений попало к хуситам в плен. Все указанные выше события, собственно, и послужили фоном для экстренного созыва международной конференции в Лондоне в январе 2010 г.

Лондонская конференция в январе 2010 г., как уже было отмечено, ограничилась «подачей сигнала» Салеху о необходимости реформ, но основной упор ею был сделан на помощь режиму в борьбе с АКАП. Как показал год, прошедший после конференции, Салех так и не успел приступить к реформам, зато утроил усилия по вооружению элитных частей армии и подготовке сил безопасности к защите режима от угроз, исходящих от оппозиции. Единственным серьезным позитивным сдвигом во внутреннем положении в Йемене за 2010 г. было установление перемирия с хуситами в марте 2010 г., завершившего шестой раунд этой бесконечной войны. Пауза в ней представляла собой не более чем передышку, так как не подкреплялась серьезными политическими шагами к разрешению конфликта.

Не было достигнуто никакого прогресса ни в проблеме парламентских выборов, ни в политическом решении проблемы Юга. Массовые манифестации под руководством МДЮ встречали жесткое противодействие со стороны сил безопасности. Среди мирного населения Юга росло число жертв, особенно в районах Яфи' (городах Хабилейн, Дала' и Радфан). Аресты лидеров движения и закрытие газеты «Аль-Айям» вели к нарастанию протестного движения. Таким образом рекомендации конференции о проведении политических реформ внутри Йемена остались без внимания со стороны режима.

Предпосылки для восстания в Йемене были налицо, а «арабская весна» только послужила последним толчком к его началу.

⁴⁰«Васикат машру'а ру'йят аль-инказ аль-ватаний», (Проект национального спасения), 07.09.2009, на сайте йеменского интернет-издания <http://www.alwahdawi.net>

⁴¹The Document of Pledge and Accord, Issued by the Political Forces Dialogue Committee, 18 January, 1994. — <http://www.al-bab.com/yemen/pol/pledge.htm>

⁴²Bill Roggio. "Evidence presented of US involvement in 2009 airstrike in Yemen" на сайте <http://www.longwarjournal.org>

Йеменское восстание (январь 2011 — февраль 2012 гг.).

Основные этапы и закономерности

Революционная молодежь в авангарде восстания. «Романтическая» фаза революции (февраль — март 2011 г.)

Мирное восстание (МВ), поднятое йеменской городской учащейся молодежью в Сане, почти совпало по времени с аналогичными выступлениями на площади Тахрир в Египте в середине января 2011 г. Оно возникло стихийно 27 января 2011 г. на волне солидарности с борьбой их сверстников в других арабских странах. Длительное пребывание у власти президента Салеха и, особенно, приготовления к передаче власти его сыну, генералу Ахмаду, на предстоявших в 2013 г. выборах послужили катализаторами общего недовольства молодежи критическим положением внутри страны. Взрыв недовольства был вызван также и разочарованием в легальной оппозиции, показавшей свою неспособность добиться давно назревших реформ, от которых, по ее же собственным уверениям, зависело развитие и даже само существование государства.

Первые же митинги показали, что Революционная Молодежь (РМ), как назвали себя их участники, не привязана ни к одной из действующих политических партий или движений и намерена добиваться смены режима, оставляя вопрос преемника открытым.

Воодушевляющим фактором для йеменской молодежи была позитивная реакция на Западе на аналогичные восстания в других арабских странах. Откровенное разочарование среди йеменцев итогами упоминавшейся выше Лондонской конференции 2010 г. готово было смениться надеждой на слом стереотипов в отношении их родины.

Быстрому распространению протестных выступлений в основных городах Йемена способствовали современные средства коммуникации: социальные сети и, особенно, мобильная телефонная связь. Важную роль играли и традиционные каналы общения, прежде всего — пятничные молебны, которые и превратились в кульминационные точки всего первого года восстания.

Вслед за Мирным Движением Юга, РМ твердо заявила об отказе от насильственных действий в достижении своих требований: отставки президента и демонтажа всей коррумпированной «семейной системы власти»; проведения демократических реформ и перехода к строительству гражданского общества; срочного решения накопившихся проблем экономического развития и занятости.

Успеху распространения МВ помогла верная тактика привлечения сторонников к акциям протестов (возникшая спонтанно): поэтические и музыкальные сопровождения массовых митингов и шествий, создание особой атмосферы свободного общения и дружелюбия на площадях, характерной скорее для молодежных фестивалей, а не для революций. Молодежные патрули обеспечивали надежный контроль над недопущением присутствия вооруженных лиц в местах проведения акций, своевременно выявляли провокаторов. Все это способствовало формированию чувства защищенности

и морального превосходства среди митингующих и привлекало значительную часть городского женского населения молодого возраста. Не случайно в конце 2011 г. Нобелевский комитет присудил премию мира «за ненасильственную борьбу за права и безопасность женщин и участие в миротворческом процессе» 32-летней йеменке Таваккуль Карман. На родине она получила уважительное прозвище «Матери революции»⁴³ за ее роль в организации первого митинга солидарности с Тунисом 16 января в Сане. Она была далеко не единственной активисткой, участвовавшей в побуждении РМ к протестам и созданию политических организаций на площадях, а женщины превратились в один из наиболее активных и последовательных отрядов МВ.

К середине февраля восстание охватило уже 90% провинций республики. В манифестациях на площадях крупнейших городов Йемена принимали участие одновременно десятки, а иногда и более ста тысяч человек. Наиболее массовые акции сами участники восстания называли «миллионными» (милльунийя).

Слаженности пестрого по составу участников акций протеста помогал возрастной фактор: молодежь действовала как единая социальная группа, не считаясь с высокими традиционными барьерами между стратами, характерными для людей зрелого возраста. Юноши из племен (кабили) направлялись прямо в крупные города, такие как Сана, Таиз, Ибб, Ходейда, Дамар и др., разбивали на улицах палатки, действуя плечом к плечу с городской молодежью и посланцами из других районов страны. Свои «стоянки» на главных площадях (в Сане и Таизе) имели многие племена, что придавало происходящему сходство с традиционными зийярами. Из солидарности с городской молодежью кабили отказывались от ношения оружия, предписанного им племенными обычаями, и разделяли судьбу остальных участников акций во время стычек с силами безопасности.

Уже 2 февраля 2011 г. Салех попытался сбить нарастающую волну антирежимных выступлений обещанием уступок, которые встретили необычайно положительный отклик в западных СМИ. Выступая перед совместным собранием обеих палат парламента, он заявил, что готов к диалогу с оппозицией. Он также заверил, что снимет подготовленные ранее поправки к конституции об отмене ограничений на число президентских сроков, и опроверг слухи о наследственной передаче власти сыну⁴⁴. На площадях речь президента вызвала только раздражение, поскольку все эти обещания давались много раз прежде и оказывались совершенно безрезультатными.

К концу февраля 2011 г. о солидарности с лозунгами РМ заявили все остальные отряды оппозиции, включая ПСЗ, МДЮ и лидера Движения аль-Хуси. Трехнедельная пауза в отклике разрозненных отрядов йеменской оппозиции на стихийное МВ ясно свидетельствовала о замешательстве среди их лидеров. В МДЮ опасались, что начавшаяся революция размочит ряды их сторонников в борьбе за независимость Юга; в религиозном крыле «Ислаха» сам факт восстания против власти вызвал противоположные мнения

⁴³Таваккуль Карман родилась в 1979 г., журналистка, лидер основанной ею же в 2005 г. группы «Женщины-журналисты без цепей», активистка партии «Ислах», цит. по: http://en.wikipedia.org/wiki/Tawakel_Karman

⁴⁴“Saleh expresses keenness to keep constitutional institutions”, Yemen news agency, SABA net, 03 Feb 2011.

среди духовенства, основанные на соображениях религиозной морали; лидеры племенного крыла «Ислаха» с опаской отнеслись к лозунгам молодежи по другим понятным причинам; а Движению аль-Хуси потребовалось время, чтобы снялись подозрения в причастности к восстанию «Братьев-мусульман», суливших им возобновление войны.

МВ вызвало растерянность и у президента. Патерналистские традиции в йеменском обществе исключали применение силы против мирной молодежи. Безоружная толпа учащихся и студентов, среди которых добрую половину составляли женщины, выходила на площади с малолетними детьми, ожидая отеческого отклика на свои требования, которые она считала справедливыми. Участники подчеркнуто воздерживались от оскорбительных или мстительных выпадов личного характера против Салеха. Они требовали его ухода, опираясь скорее на общеизвестные факты деградации общей обстановки в стране, чем на видение ясной готовой политической альтернативы. Не случайно по ходу восстания президент в «оборонительном спектре» своих обращений к молодежи концентрировал внимание на угрозы демократии, исходившие от исламистов из ведущей партии оппозиции, «Ислаха», которые могли прийти ему на смену.

Массовое участие молодежи из племен в МВ придавало ситуации повышенную взрывоопасность. В данном случае комплекс древних обычаев племен, игнорирование которых позволило кабили самостоятельно принимать решения о присоединении к своим сверстникам в городах, автоматически поставил их всех под протекцию племен, сохранявших приверженность тем же самым нормам.

Несмотря на общую сдержанность сил безопасности, столкновений с митингующими избежать не удалось. Первыми жертвами МВ были манифестанты в южнойеменских городах — центрах движения МДЮ, где и раньше в течение многих лет наблюдались потери среди гражданского населения. Затем жертвы появились в Таизе, втором по величине городе Йемена, откуда Салех направился в Сану, чтобы начать карьеру президента в 1978 г., затем — в Ходейде, Даммаре и др. В некоторых случаях фиксировалось применение силами безопасности неизвестного газа, вызывавшего отравления среди участников акций.

До середины марта общее число погибших в рядах манифестантов оценивалось в 30–40 человек⁴⁵, причем каждый случай применения оружия против митингующих привлекал самое пристальное внимание прессы и вызывал порицание в обществе. Факты насилия вызвали возмущение даже среди членов фракции правящей партии в парламенте. Сразу 11 членов ВНК объявили о своем выходе из партии и еще 60 — предупредили о выходе в случае их повторения⁴⁶. Все это имело место еще до этапного (для развития МВ) расстрела 18 марта, получившего название «День Достоинства» (Йоум аль-карама).

Несмотря на слабость йеменского режима, в руках президента оставалось гораздо больше рычагов влияния на государственные структуры, чем у президентов Туниса и Египта, попавших в аналогичную ситуацию. Помимо сохранения лояльности со стороны костя-

⁴⁵Yemen: President Saleh announces 'parliamentary system', BBC, 10 March 2011.

⁴⁶«Аль-истикалят мин аль-хизб аль-хаким тусыбуху аль-инхийяр аль-дахилий» (Отставки в правящей партии ведут ее к внутреннему разладу), журнал «Аль-Васат», 9 марта 2011, www.alwasat-ye.net

ка правящей партии ВНК и верхушки бюрократии, его козырем была личная преданность элиты армии (Национальной гвардии и ВВС), служб безопасности (Центральной и Национальной служб безопасности, Организации Политической безопасности) и Служб охраны, находившихся под командованием его близких родственников. Зеркально с акциями протеста в Сане множилось и число участников акций в поддержку президента, которые занимали площади и улицы, примыкающие к Президентскому дворцу. Их число также достигало десятков тысяч человек и каждому требованию площадей они противопоставляли контраргументы. Например, на призывы к эскалации протеста они отвечали призывами к терпимости и уважению порядка.

Президент обладал серьезным влиянием также и среди многих племен Джебея, в т.ч. даже племен хашед, большинство из которых примкнуло к оппозиции под влиянием верховного шейха Садека аль-Ахмара. Родное племя Салеха (санхан), которое считалось также членом коалиции хашед, например, раскололось надвое — сторонников власти и оппозиции. Причинами лояльности этих племен президенту были не только регулярные выплаты шейхам племен, формально числившимся на госслужбе, на что государство тратило около 7% бюджета, но и традиционное соперничество между племенами и коалициями, которое сохраняет важное политическое значение в Йемене.

То, что в одних арабских странах рассматривалось вопиющим свидетельством авторитаризма режимов в глазах Запада, в данном случае превратилось в аргументы, давшие Салеху солидные преимущества перед возможными конкурентами.

Внимание западных стран сосредоточилось не на причинах массовых протестов и не на благородных целях революции, как в других случаях «арабской весны», а на катастрофических последствиях, которые могли ввергнуть этот регион в хаос вследствие падения режима Салеха.

Террористическая группировка АКАП была внесена Государственным департаментом США в список зарубежных террористических организаций 19 января 2010 г.⁴⁷, непосредственно перед Лондонской конференцией. С тех пор эта тема играла роль магнита, притягивая к себе львиную долю внимания политиков Запада и мировых СМИ. Она заслонила собой не менее серьезные проблемы, вызвавшие йеменский кризис.

Официальная реакция США на МВ в Йемене, особенно на начальной фазе восстания, отражала заинтересованность ЦРУ и Пентагона в сохранении тех элементов режима, которые предоставили им высокую свободу рук в планировании и осуществлении операций на территории Йемена. Прежде всего — командования йеменских спецслужб, подконтрольных лично президенту Салеху. Призывая все стороны конфликта к сдержанности, США одновременно наращивали активность собственных операций против лидеров АКАП на территории Йемена, которые поначалу никак не проявляли себя в развернувшейся революции. Позиция США придавала уверенности президентскому лагерю в Йемене и помогала снизить эмоциональный ущерб, причиненный трагическими для власти имущих развязками революций в других арабских странах.

⁴⁷«A Good First Step: Treasury Lists Anwar al-Awlaki», Center for Defense Studies, 19.07.2010 на сайте: www.defensestudies.org

В итоге к началу марта в Йемене сложилось динамическое равновесие сил, позволившее правящей партии ВНК и оппозиционному блоку ПСЗ начать закулисные переговоры о досрочном переходе власти в стране новому президенту, избежав кровопролития. Главным препятствием в переговорах являлся вопрос о снятии с командных должностей родственников президента, работавших в силовом блоке. РМ на площадях не допускала возможности сохранения ими своих постов, называя их «остатками семейного режима». Очистка от них аппарата рассматривалась как одна из главных целей революции. Военное командование США, как отмечалось, солидарное с самим президентом, придерживалось прямо противоположной точки зрения.

В начале марта президент предложил пакет запоздалых реформ, включавший: а) формирование Национального комитета для подготовки проекта новой конституции с последующим утверждением ее на референдуме до конца 2011 г.; б) переход на парламентскую систему правления; в) введение правила набора в правительство только народных избранников из обеих палат парламента, начиная с 2012 г.; в) административную реформу в направлении децентрализации власти с параллельным переходом к новому административному делению, основанному на экономических и географических факторах; г) передачу правительству согласия всех полномочий на переходный период и введение пропорционального принципа подведения итогов выборов в парламент и местные органы власти (на чем настаивала оппозиция уже несколько лет)⁴⁸. Эта инициатива, как и раньше, воспринималась восставшими как очередной маневр, направленный на затягивание времени.

В условиях недоверия между йеменскими сторонами конфликта большая нагрузка с самого начала легла на посреднические усилия. Главными посредниками в переговорах между властями и оппозицией выступали посольства США, Великобритании и Саудовской Аравии, вокруг которых концентрировалась активность остальных посольств. Власти и все отряды оппозиции одинаково признавали первостепенную роль международных посредников в оказании помощи по выводу страны из кризиса. Использование арабских посредников в конфликтных ситуациях является широко признанной нормой в арабском мире. Участие остальных стран вскоре было переведено в формат ООН и региональных организаций, чтобы не возбуждать в обществе дальнейшей электризации.

Тактика РМ не повлияла на иерархию приоритетов в политике США в Йемене. Ее главными мишенями оставались АКАП и, особенно, — один из ее подозреваемых активистов Анвар аль-Ауляки. Урожденный американец, имевший двойное гражданство, 16 июля 2010 г. он был включен Казначейством США в список особо опасных преступников, а администрация президента Барака Обамы «одобрила операции, ведущие к его уничтожению»⁴⁹. Охота велась с помощью ударов по подозреваемым объектам на территории Йемена. Для этого ЦРУ (которое координировало работу с американской стороны) требовалась поддержка со стороны йеменских спецслужб. 30 сентября 2011 г. аль-Ауляки был уничтожен ракетой, запущенной с беспилотного самолета США. Рядом с ним в момент взрыва оказался и другой американский

⁴⁸GPC Disappointed by the Decision of the Opposition Coalition, Yemen Post, 10, March, 2011 на сайте: yemenpost.net

⁴⁹Bill Roggio, "US adds Anwar al-Awlaki to list of designated terrorists", July, 16-th, 2010, на сайте: www.longwarjournal.org

гражданин пакистанского происхождения — С. Хан, которого СМИ назвали ответственным за пропаганду в «Аль-Каиде»⁵⁰.

Политические проблемы Йемена не имели прямой связи с АКАП, но в конце мая тезис США о превалировании этой проблемы над остальными начал получать некие подтверждения. На сцене появилась новая политическая группировка радикальных исламистов (муташаддин), воспользовавшаяся нараставшим вакуумом власти сразу в нескольких провинциях страны. Ее первым плацдармом была южнойеменская провинция Абъян, в которой она объявила о создании исламского эмирата. Роль АКАП в этих событиях была совершенно неочевидна, т.к. группировка называла себя джамаат «Ансар аш-Шариа» (Партизаны шариата)⁵¹.

Точка зрения, что АКАП в Йемене действительно представляет такую угрозу безопасности, как о ней заявляли представители секретных служб США, давно вызывала сомнения как у американских гражданских специалистов по Йемену, так и у осведомленных западных журналистов. Так, авторы аналитического доклада «Последний шанс для Йемена» К. Гуд и К. Софер подчеркивали ошибочность оценки ситуации в Йемене через призму террористической угрозы. Они пишут: «Йемен — не Афганистан конца 1990-х гг. и в нем нет широкого радикального исламистского движения, готового захватить страну...»⁵².

Приведем примечательное интервью посла США в Йемене г-на Геральда Фейерштейна западной радиостанции в конце января 2011 г. На вопрос журналиста о том, знает ли господин посол, что многие критики Салеха в Йемене вообще сомневаются в существовании АКАП и что этот жупел используется им только для того, чтобы оправдать свое пребывание у власти и напугать оппозицию, последовал такой ответ: «Мы черпаем информацию из наших собственных источников... (и убеждены), что АКАП является серьезной угрозой, а президент Салех — хороший партнер США в этом вопросе»⁵³.

В исходной формуле компромисса, который предлагался международными посредниками в качестве базы закулисных переговоров в начале марта, лежала идея сохранения в ходе предполагаемых перестановок важных для США элементов режима. В ней был предусмотрен обмен досрочной, добровольной, плавной и мирной отставки Салеха на предоставление его партии ВНК (лидером которой он оставался) равных прав с оппозицией в формировании всех переходных органов власти. Сам Салех при этом должен был получить гарантии безопасности и судебного иммунитета. Йеменские информационные издания сообщали, что на переговорах затрагивался вопрос о его выезде из страны вместе с лишеными своих постов родственниками. Однако в плане никаких обязательств в части увольнения родственников президента из госорганов не содержалось и Салех, ободренный этой позицией, якобы на закулисных переговорах выдвигал встречные требования в адрес

⁵⁰Jamie Crawford, "State Department calls family of American killed in drone strike", October 13, 2011 на сайте: <http://articles.cnn.com/2011-10-13/us/>

⁵¹Слово «ансар» также может быть переведено и в значении «сторонники» или «последователи».

⁵²Ken Gude and Ken Sofer, "The Last Best Chance to save Yemen", Center for American Progress, June, 2011, p. 4 на сайте: <http://www.americanprogress.org/issues/2011/06/pdf/yemen.pdf>

⁵³Renee Montagne, «U.S. Tries To Work Against Extremists In Yemen», NPR 20/01/2011 на сайте: <http://www.npr.org/2011/01/20/133071555/Yemen-U-S-Update>

оппозиции, а именно — совместный отъезд из страны как своей семьи, так и «детей Шейха», находившихся во главе «Ислаха».

Тактика затягивания договоренности о досрочной отставке президента между властями и оппозиционным блоком ПСЗ, в конце концов, привела к резкой эскалации протестов на площадях и прекращению закулисного переговорного процесса.

Расстрел 18 марта в Сане и Инициатива ССАГЗ

После официального объявления блоком ПСЗ о своей солидарности с лозунгами МВ в конце февраля, каждая входящая в него партия, тем не менее, усилила работу по привлечению молодежи именно под свои политические знамена. Наиболее высокая активность отмечалась со стороны крыла шейха Хамида аль-Ахмара, одного из самых влиятельных новых лидеров «Ислаха», известного также как непримиримый противник Салеха. К восстанию присоединились учащиеся религиозных колледжей, симпатизировавшие БМ. Широкий резонанс в начале марта получило публичное выступление шейха аль-Зиндани перед РМ на главной столичной площади, на которой протекало восстание («площадь Перемен» — сахат ат-тагъйир). От имени «Комитета Йеменских Улемов» (хей'ят 'улама' аль-йман — малоизвестной структуры, несмотря на громкое название) он огласил фетву, в которой действия молодежи характеризовались как «лучший джихад», а жестоким властям предсказывался суд и суровое наказание⁵⁴. Немедленно после этого выступления шейх аль-Зиндани покинул столицу и укрылся в Архабе — ее северном пригороде.

Выступление одного из ведущих религиозных лидеров способствовало кристаллизации идейных противоречий среди манифестантов. Как ни высоки были образцы мужества и упорства со стороны РМ, но безусловное лидерство в восстании, принадлежавшее ей на «романтической» фазе революции, уступало место многополюсной, пестрой картине протестного движения. Революция начала распадаться на несколько потоков даже на уровне одного города и одной площади. Не желавшие раствориться среди «старой» оппозиции, активисты восстания на площадях создавали молодежные комитеты, из которых вырастали новые молодежные политические организации. Одна из них — «Йеменская коалиция свободной молодежи», например, сформировалась в ответ на попытки «Ислаха» подчинить РМ своему влиянию. О создании своей структуры объявила и Таваккуль Карман — «Объединение студенческой молодежи». Представители племен создали «Генеральное объединение йеменской революционной молодежи»⁵⁵. Процессу «фрагментации площадей» способствовали также и действия агентов власти.

⁵⁴«Аля аср йоумей аль-гадаб ва аль-талахум аль-йамани» (Последствия двух дней — «дня гнева» и «йеменского единения»), Журнал «Аль-РАЙ» 8 марта 2011, на сайте: <http://www.ray-yem.net/>

⁵⁵Shatha Al-Harazi "More coalitions organized by pro-democracy protests", Yemen Times, No.14010, 17.03.2011.

Аналогичные процессы охватили и революцию в целом, в масштабах всей страны. Противоречия между отрядами оппозиции, характерные для периода, предшествовавшего революции, вновь выступили наружу сквозь едва появившуюся оболочку схожести лозунгов и целей борьбы, рожденную стихийным восстанием. Конкуренция между партиями и движениями пронизывала все основные сцены йеменского мирного восстания, мешая ведению диалога и не давая налаживаться координации действий основных сил революции.

Каждый отряд оппозиции на первый план выдвигал свои лозунги: МДЮ требовало признания права на самоопределение Юга; аль-Хуси добивались выплаты компенсаций за ущерб, причиненный войнами, и наказания виновных в гибели людей; оппозиционный блок ПСЗ решал проблему передачи власти в соответствии с планом международных посредников, действуя отдельно от остальных.

Трагические события 18 марта в Сане, когда неизвестные открыли огонь по рядам манифестантов, убив 52 человека и ранив около 250, окончательно подвели черту под начальной фазой мирного восстания. Принадлежность стрелявших, одетых в гражданские одежды, точно не была установлена, но все подозрения пали на Центральную службу безопасности. Иные версии случившегося всерьез не рассматривались, хотя так же имели хождение. В причастности к расстрелу подозревались также бойцы дивизии генерала Али Мохсина и даже боевики из «Братьев-мусульман».

Сам Салех отреагировал на трагедию почти мгновенно. Всего через три часа после известия он выразил соболезнования родственникам погибших и пообещал честное расследование и наказание виновных. Он публично пожалел, что этот инцидент, скорее всего, сорвет «готовящуюся посредническую миссию с участием Саудовской Аравии и других стран ССАГЗ»⁵⁶.

Реакция Салеха вполне допускает мысль о наличии провокационного умысла при организации расстрела, направленного либо на срыв посреднической миссии (т.е. к войне), либо, наоборот, на усиление внешнего нажима на Салеха с целью форсирования передачи власти под эгидой посредников. В этом случае к этой трагедии могли быть причастны теоретически обе противоборствующие стороны.

Обещанное расследование этого преступления по «горячим следам» завершить не удалось, в том числе, потому что волна кровопролитных столкновений на площадях быстро охватила другие города, непрерывно увеличивая списки погибших. В число мест, где имели место наиболее резонансные расстрелы манифестантов, попал и Таиз, в котором 29 мая 2011 г. бойня завершилась таким же счетом убитых и раненых, как в Сане. Виновным в таизском расстреле был признан шеф службы безопасности города⁵⁷. Этот инцидент привел в действие механизм протекции (защиты соплеменников), о котором мы упоминали выше. Влиятельный в Нижнем Йемене шейх Хамуд аль-Михляфи ввел в начале июня в Таиз

⁵⁶«Dialogue prospects diminish, as government faces mounting defections», Yemen Times, 28.03.2011.

⁵⁷Генерал-майор Абдаллах Гайран, шеф Таизской службы безопасности был уволен в декабре 2011 г. правительством Басиндвы и бежал в поисках убежища в Египет в феврале 2012 г. Приводится по: "Yemeni security official escapes to Cairo", Yemen Post, Tuesday, 28, February, 2012.

ополчение племен для защиты всех митингующих, вступив в сражения на улицах города с силами армии и спецслужбами⁵⁸.

К концу 2011 г. общее число жертв среди манифестантов на площадях достигло одну-две тысячи человек (оценки значительно расходятся), но реальное число погибших во всех столкновениях по всей стране, включая зоны боевых действий на Севере и Юге, значительно выше. Важно отметить, что действия провокаторов и спецслужб, приводившие к жертвам в рядах РМ, не поколебали ее принципиальной приверженности исключительно мирным формам выражения протеста. Молодежь осуждала любые насильственные действия, с чьей бы стороны они ни велись.

События 18 марта вызвали первый настоящий кризис в лагере президента.

От него откололись многие высокопоставленные чиновники, в том числе министры⁵⁹, дипломаты, сразу несколько губернаторов и членов парламента, включая влиятельных шейхов племен. Они либо покидали свои посты в знак протеста против применения оружия против мирных демонстрантов, либо заявляли о переходе на сторону восстания. Последних стали называть «отколовшимися» (муншаккин). 20 марта президент был вынужден распустить правительство, обратившись одновременно с просьбой к министрам добровольно оставаться на своих местах до формирования нового кабинета⁶⁰.

Среди отколовшихся в период 18–21 марта находились, в частности, лидер парламентского комитета от правящей партии шейх Мухаммад Абулхум, известный своими либеральными и демократическими взглядами⁶¹. Он основал оппозиционную фракцию в парламенте под названием блок «Справедливости и созидания» («Адалят ва банна»), который спустя некоторое время дал толчок появлению одноименной партии. Самой известной и влиятельной фигурой среди «отколовшихся» был генерал Али Мохсин аль-Ахмар (Генерал), сводный брат президента. До назначения сына Салеха на должность командующего Национальной Гвардии именно Генерал занимал первую строку в списке претендентов на высший пост в государстве.

21 марта 2011 г. Али Мохсин отдал приказ своим подчиненным занять сторожевые позиции «для защиты» всех сил оппозиции, скапливавшихся на площадях центральных городов страны, и в мае приступил к массовому набору в ряды своей дивизии учащихся и выпускников «ма'ахид 'ильмийя», готовясь к расширению масштабов «защитной» операции на всю страну.

Под контролем Генерала оказались все основные площадки проведения акций МВ и чувствительные участки границ соприкосновения с зонами, находившимися под контролем президента.

В рядах оппозиции переход Генерала на сторону восстания был воспринят неоднозначно. Отношение к Генералу среди РМ на площадях продолжало меняться и по ходу восстания, продолжавшегося еще долгие месяцы. Эмоциональное приветствие РМ присоединения столь грозной силы к протестному движению в самом начале, со временем сменилось

⁵⁸Sheikh Hamoud Al-Mikhlafi "Saleh has chosen a humiliating end to his rule and is out of options." Speaking to the Yemen Times, 2011.10.19, на сайте: <http://www.yemenfox.net>

⁵⁹О добровольной отставке объявили министры по правам человека (Х.аль-Бан), туризма (Н.аль-Факих) и по делам религии и вакфа (Х. аль-Хитар), инф. Из: IRIN YEMEN: "Dialogue prospects diminish, as government faces mounting defections" на сайте: <http://www.irinnews.org>

⁶⁰"Yemen president fires government, state media says", SANAA, March 20, Reuters, Mar 20, 2011.

⁶¹Op. cit. "Dialogue prospects diminish..."

разочарованием из-за явной религиозной и политической ангажированности Генерала. Сильное возмущение молодежи вызывали полицейские функции, которые он самовольно себе присвоил. В докладе Комиссии по правам человека Генеральной Ассамблее ООН в феврале 2012 г. приводятся факты, согласно которым в тюрьмах Генерала удерживалось около 500 гражданских лиц, арестованных по его приказу⁶².

США предсказуемо оценили переход Генерала на сторону оппозиции как фактор повышения рисков начала войны в Йемене из-за раскола в армии⁶³. Действительно, части Первой бронетанковой дивизии Генерала фигурировали во многих эпизодах вооруженных столкновений с Национальной гвардией.

Среди возможных мотивов перехода Генерала на сторону оппозиции называли якобы имевший место в конце 2009 г. инцидент, когда саудовской авиации, участвовавшей в бомбовых ударах по позициям хуситов на севере, йеменскими спецслужбами были «ошибочно» даны координаты штаба генерала Али Мохсина. Только случайность помешала исполнению этого плана. Устранение Али Мохсина, согласно этой версии, позволило бы генералу Ахмаду Али Салеху (сыну президента) остаться единственным общепризнанным лидером в армии.

Знаменательные изменения претерпел и лагерь, сохранивший лояльность Салеху после трагедии 18 марта. В его близком окружении образовалось два крыла: одно выступало за скорейшую реализацию посреднического плана, т.е. добровольную передачу власти, чтобы снять угрозу новой гражданской войны, а другое — настаивало, чтобы Салех оставался президентом до 2013 г. ради соблюдения «конституционного порядка». Среди лидеров первого крыла находился политический советник президента — кади Абдель Карим аль-Ирьяни, а во главе «ястребиного» крыла стоял председатель парламентской фракции ВНК, шейх Султан аль-Баракани.

Трагедия 18 марта, несомненно, ускорила превращение компромиссного плана урегулирования кризиса в так называемую «Инициативу Совета сотрудничества государств Залива (ССАГЗ)» (далее — Инициатива). Первоначально роль основного посредника пытался взять на себя катарский премьер-министр, шейх Хамад б. Джасим аль-Тани, заявивший, что цель своей миссии он видит в скорейшей отставке Салеха. Гневная реакция йеменского президента, воспринявшего это заявление как грубое вмешательство во внутренние дела Йемена, привела к последующему выходу Катара из числа основных авторов и участников Инициативы, а также к отзыву посла Йемена из Дохи⁶⁴.

25 марта президент Салех заявил, что готов передать власть в «надежные руки», но спустя всего пять дней сообщил, что останется на посту президента до очередных выборов с передачей части своих функций переходному правительству⁶⁵.

⁶²"Report of the UNHCHR on the human rights situation in Yemen", UN GA, 13/02/2012, p. 15.

⁶³Laura Kasinof, "Yemen's President Cedes Authority With Election, but Hopes to Retain Influence", New York Times, February 20, 2012 на сайте: <http://www.nytimes.com/2012/02/21/world/middleeast>

⁶⁴"Yemen pulls envoy from Qatar in row over Gulf plan" Reuters, 09/04/2011 на сайте: <http://www.independent.co.uk>, см. также "Qatar Withdraws from GCC Initiative on Yemen", Qatar Ministry of Foreign Affairs на сайте: http://english.mofa.gov.qa/Official_Statements.cfm

⁶⁵Mohammed Ghobari. "Yemen's Saleh makes new offer: opposition snub it". Reuters, SANAA, Mar 30, 2011 на сайте: <http://news.yahoo.com>

3 апреля 2011 г. министры иностранных дел стран — участниц ССАГЗ приняли обращение ко всем сторонам йеменского конфликта, призвав их вернуться к национальному диалогу для скорейшего прекращения кризиса и «ради сохранения единства и безопасности Йемена»⁶⁶. Этим заявлением был дан старт новому этапу международного посредничества в урегулировании йеменского кризиса. Роль специального посла ССАГЗ в продвижении Инициативы в Йемене была возложена на Генерального секретаря организации, бахрейнца Абдулатыфа аль-Зийяни.

План включал следующие основные пункты: а) на 7-й день после подписания соглашения (президентом, руководством его партии и уполномоченными представителями ПСЗ) — формирование Национального правительства под председательством оппозиции с распределением мест в пропорции 50% от ВНК, 40% — ПСЗ и 10% — прочих представителей оппозиции; б) предоставление иммунитета президенту и его окружению на 29-й день; в) подача президентом прошения об отставке парламенту на 30-й день и передача вице-президенту полномочий главы государства; г) назначение выборов нового президента еще через 60 дней с даты передачи власти вице-президенту⁶⁷. В качестве официальных наблюдателей за ходом Инициативы выступили члены ССАГЗ, США и Европейский Союз.

Первые реакции на Инициативу со стороны разрозненных отрядов йеменской оппозиции оказались весьма негативными. В ПСЗ обратили внимание на отсутствие в плане гарантий отставки Салеха, поскольку речь шла только о голосовании прошения об отставке в парламент, где большинство принадлежало сторонникам президента. РМ категорически отвергла принцип иммунитета, требуя суда над Салехом за расстрелы мирных участников демонстраций, а также немедленной отставки всех родственников президента. Кроме того, общее недовольство вызвал и формат урегулирования, в котором блок ПСЗ получил функции представительства всего восстания, которыми его никто не наделял.

Инициатива отражала, главным образом, компромисс между Саудовской Аравией и США, заинтересованных в сохранении приемлемой для них конфигурации сил в правящих кругах Йемена.

На поддержку Инициативы были направлены мощные дипломатические силы посольств всех ведущих мировых держав в Йемене, включая Россию. Недостатки плана все же не лишили его главного достоинства — отдаления угрозы новой гражданской войны. В апреле 2011 г. к процессу урегулирования в Йемене подключился Совет Безопасности ООН. В Йемен был направлен специальный советник Генерального секретаря ООН Пан Ги Мун — Джамаль Беномар⁶⁸, оказавшийся весьма эффективным звеном доработки и реализации Инициативы на первом этапе урегулирования.

⁶⁶“Youth protesters march on palace in Yemen’s capital”, By the CNN Wire Staff, CNN, April 4, 2011.

⁶⁷“The Text For GCC Initiative On Yemen Power Transfer” на сайте: <http://www.softcourage.org>

⁶⁸Доктор Джамаль Беномар — специальный советник Генерального секретаря ООН, профессиональный правозащитник, отбывал тюремное заключение в Марокко за участие в демократическом студенческом движении в 1976–1983 гг., с 1986 г. сотрудничал с правозащитными организациями.

Попав под жесткий прессинг со всех сторон, йеменский президент, тем не менее, не топилился отказаться от тактики затягивания момента подписания соглашения. Первоначально ему отводилось всего несколько дней в апреле на то, чтобы поставить свою подпись, но в итоге он сделал это только 23 ноября 2011 г.

Инициатива ССАГЗ превратилась в ось и своеобразный катализатор восстания на многие месяцы вперед. Тактика президента состояла в том, чтобы доказать отсутствие у ПСЗ достаточного влияния в стране. Он, например, демонстративно требовал в качестве предварительного условия подписания Инициативы прекращения акций протеста в городах. Реакция восстания красноречиво указывала, что оно не будет подчиняться ни чьим указаниям.

В середине апреля в целях демонстрации давления на Салеха, по инициативе Великобритании, вопрос о применении санкций против правящего режима в Йемене был вынесен на обсуждение в СБ ООН⁶⁹. Мировые СМИ содействовали тому, чтобы выставить позицию некоторых стран Запада в ходе этих обсуждений как «антидиктаторскую», а позицию России и Китая, выступавших против жестких формулировок из-за ливийского прецедента, как «антидемократическую». Некоторые политики и оппозиционные печатные издания в Йемене попались на эту удочку и поторопились осудить Россию. В действительности даже намек на угрозу интервенции мог лишь взорвать ситуацию в Йемене и сорвать процесс мирного урегулирования еще до его начала. Эту точку зрения разделяла также и Германия, которую представлял посол Петер Виттиг. Он заявил: «Большая часть участников совещания СБ выразила полную поддержку посредническим усилиям Совета Сотрудничества Залива»⁷⁰. Такой же позиции придерживалась и Россия.

Наконец, в середине мая Салех в очередной раз объявил о своем согласии подписать исправленную версию Инициативы. Среди подписантов были руководители блока ПСЗ, а также высшие руководители ВНК и администрации президента. Когда осталась незаполненной только графа для подписи самого Салеха, он неожиданно «передумал». Это случилось 22 мая 2011 г. в присутствии высоких иностранных представителей и послов, уже собравшихся во Дворце для участия в столь знаковой церемонии. Свое решение Салех объяснил тем, что АКАП заполнит политический вакуум, если его вынудят оставить свой пост в экстренном порядке, и обвинил оппозицию в срыве Инициативы⁷¹.

Поступок Салеха вызвал гнев верховного вождя племен хашед — шейха Садека аль-Ахмара, пустившего в ход обычаи племен, применяемые для «смывания позора», нанесенного чести племени действиями соплеменника. По его призыву в Сану вошли вооруженные племенные ополчения, приступившие к захвату правительственных зданий в престижном столичном квартале аль-Хасба. Президент в ответ поручил защиту зданий силам Национальной гвардии, имевшей заметное военное превосходство над ополченцами. В зоне разгоравшегося конфликта находились также части генерала Али Мохсин,

⁶⁹“Security Council fails on Yemen”, Al-Arabiya, Wednesday, 20 April 2011, на сайте: <http://english.alarabiya.net>

⁷⁰Ibid.

⁷¹Mohamed Sudam and Mohammed Ghobari “Yemen’s Saleh refuses to sign deal to step down” SANAA, Reuters, May 23, 2011, на сайте www.reuters.com

проводившего политику «активного нейтралитета». Помогая в некоторых эпизодах ополченцам верховного вождя хашед, он избегал при этом прямых столкновений с армией своего племянника.

Военная конфронтация в Сане разрушила надежды авторов Инициативы на улаживание конфликта по самому быстрому и мягкому сценарию. Раскол во властных элитах, связанных племенными узами, продолжал нарастать. Даже после состоявшейся смены президента в феврале 2012 г. противостояние между вооруженными группировками Салеха и клана аль-Ахмар в Сане продолжилось, сигнализируя о возможных тупиках, поджидающих Инициативу на следующем этапе урегулирования.

Синхронно со вспышкой боев в столице в окрестностях Саны образовалось сразу несколько новых очагов вооруженных конфликтов, в том числе в Архабе и Нихме, к северу от города. Вооруженные племена устраивали атаки на военные лагеря базирования частей Национальной Гвардии, а также блокировали их перемещения. Вместе с племенами в них принимали участие подразделения генерала Али Мохсина и последователи религиозного шейха аль-Зиндани из организации БМ. Бои в этих районах велись с использованием тяжелых орудий и авиации⁷².

В других районах, окружавших столицу Йемена, племена также создавали препятствия Национальной гвардии, чтобы не допустить ее прохождения в потенциально опасные для оппозиции зоны конфликта. В большинстве случаев дело заканчивалось компромиссом без серьезных потерь.

В момент ожесточенных столкновений в Сане начали разворачиваться упоминавшиеся выше события в Абъяне. 29 мая 2011 г. салафитская группировка «Ансар аш-Шариа», воспользовавшись внезапным снятием армейских постов с подступа к административному центру провинции, заняла г. Зинджибар. И хронология, и обстоятельства захвата вызвали подозрения, что эта громкая акция была скоординирована спецслужбами президента, чтобы вновь оживить тему АКАП. Расследование подтвердило, что ни Национальная гвардия, ни силы Али Мохсина, находившиеся в этом районе, не препятствовали боевикам войти в город⁷³. Акция боевиков явилась продолжением мартовского эпизода, связанного с той же группировкой — взрывом завода боеприпасов в Джааре (Абъян). Это был первый пункт, в котором им удалось закрепить свое присутствие и откуда они объявили об образовании «Исламского эмирата Абъяна».

Предводители хустистов на севере Йемена восприняли появление очагов вооруженных конфликтов сразу в нескольких частях страны как сигнал о подготовке БМ к военному решению кризиса и, прервав перемирие, начали укрепляться в зонах своего влияния на севере страны, вызвав ответную реакцию со стороны БМ.

Затягивание решения вопроса о власти в Йемене способствовало нарастанию неуверенности в рядах разрозненной оппозиции на периферии в исходе революции. Это дало

⁷²«Тахзир уманий мин соумалат аль-йаман» (Международное предостережение о «сомализации» Йемена), Аль-Васат, 03.08.2011, на сайте: <http://www.alwasat-ye.net>

⁷³Jeremy Scahill "Washington's War in Yemen Backfires", на сайте: <http://www.thenation.com>

возможность вооруженным радикальным исламистским группировкам заявить о себе на Юге, а также всколыхнуло сектантский конфликт на севере.

Признаки сектантской розни все резче проявлялись и в молодежной среде. Атмосфера единства, характерная для «романтической фазы» восстания, уходила в прошлое. Нарастало соперничество между фракциями РМ за наиболее удобные места стоянок вблизи центральной сцены на главных площадях, охваченных МВ.

Отчаянные дипломатические усилия всех иностранных посольств в Сане и, особенно, специального советника Генерального секретаря ООН Беномара по возвращению Инициативы на стол переговоров заканчивались ничем. Над страной вновь нависла угроза войны.

Покушение на высших руководителей Йемена 03.06.2011 г. и переход к тактике «вытеснения противника»

В разгар конфликта в Сане между армейскими подразделениями Салеха, с одной стороны, и племенными ополченцами шейха Садыка аль-Ахмара — с другой, 3 июня 2011 г. была совершена атака на мечеть Нахдейн при Президентском дворце. Ее целью была ликвидация одновременно всех высших руководителей республики, включая президента. Взрыв в мечети прогремел во время богослужения, когда рядом с Салехом находились премьер-министр Али Мухаммад Муджавар, спикеры обеих палат парламента, старшие советники президента и другие высшие чиновники. Семь человек из охраны были убиты сразу, но основных участников событий спасла чистая случайность — в момент взрыва они склонились низко к полу, в молитвенной позе суджуд. Среди лиц, получивших тяжелые ранения, находился действующий премьер-министр Муджавар, пользовавшийся авторитетом бывший премьер-министр Абдель-Азиз Абдель Гани (в августе 2011 г. он скончался от полученных ран) и др. Опасные ожоги лица и рук, а также проникающее ранение в область живота получил и сам Салех. Все пострадавшие были доставлены на следующий день спецрейсом в Саудовскую Аравию для лечения.

Отъезд президента за границу вызвал временное затишье на основных фронтах йеменских событий, но не привел к резкому изменению баланса сил в стране. Все как будто ожидали сводок о состоянии здоровья президента, чтобы снова ринуться в бой, как только прояснится главный вопрос — сможет ли Салех продолжать свою деятельность или уже нет. Вице-президент Хади, которого британский посол⁷⁴ призывал приступить к исполнению обязанностей главы государства в период болезни Салеха на основании конституции, пребывал в нерешительности. Могущественные родственники Салеха препятствовали даже его вступлению в Президентский дворец.

В центре внимания сторонников Салеха находилось расследование обстоятельств покушения на мечеть, к которому были подключены американские специалисты. Однако,

⁷⁴Посол Великобритании Джонатан Вилкс в интервью йеменской газете Йемен Таймс представил свое видение ситуации в Йемене и подтвердил, что его страна также участвовала в подготовке спецназа для йеменских служб безопасности. Ист.: Nadia Al-Sakkaf, "British ambassador speaks on Yemen", Yemen Times, 08.09.2011, Issue No. 1501.

учитывая острую политическую составляющую этого преступления, его итоги не были преданы огласке, хотя десятки подозреваемых были задержаны и давали показания. В окружении Салеха царил уверенность, что главными организаторами покушения были шейх Хамид аль-Ахмар (владелец компании сотовой связи, которая была использована для исполнения плана), а также генерал Али Мохсин, имевший в своем распоряжении использованные при взрыве материалы⁷⁵.

В свою очередь, лидеры оппозиции перешли к тактике усиленного нажима на международных наблюдателей и на пропрезидентский лагерь внутри страны с целью недопущения возвращения Салеха на родину после завершения курса лечения.

В начале августа племена Архаба во взаимодействии с частями Али Мохсина попытались взять под контроль стратегический лагерь Национальной гвардии «ас-Сум'а», расположенный вблизи международного аэропорта столицы. Длительные бои вблизи аэропорта привели к его временному закрытию.

Синхронно с военными атаками на позиции Салеха шейх Садек аль-Ахмар созвал конференцию племен с участием сотен шейхов, на котором было объявлено о создании «Коалиции племен Йемена» (тахалуф кабаил аль-йаман) «для содействия победе революции и скорейшего свержения остатков режима»⁷⁶. Местом проведения был выбран военный лагерь генерала Али Мохсина в Сане. На нем верховный вождь хашед принес публичную клятву, что «ни Салех, ни его сыновья не будут править страной, пока живы»⁷⁷. Тут же появился комментарий верховного вождя конкурирующей конфедерации племен бакиль (традиционного соперника хашед), члена Высшего совета ВНК, шейха Мухаммада Наджи аль-Ша'ифа, осудившего это мероприятие. Он указал, что съезд отнюдь не выражает мнение всех йеменских племен, а отразил позицию только тех из них, что поддерживали партию «Ислах», «являющуюся политической ширмой джамаата “Братьев-мусульман” Йемена»⁷⁸. Шейх аль-Ша'иф выразил беспокойство, что Коалиция послужит шагом к конфронтации племен, намекнув, в том числе, на имевшиеся разногласия в рядах самой конфедерации хашед, часть которой проявляла лояльность Салеху.

Комментарий верховного вождя бакиль был немедленно подкреплен проведением зеркальной конференции племен, созванной самим президентом. Она также проходила в Сане, но в гораздо более публичной атмосфере, чем первая. Газета «Йемен Таймс» назвала ее беспрецедентной по числу участников — пять тысяч шейхов! 16 августа 2011 г. перед собравшимися через телемост из Эр-Рияда выступил сам президент. С огромного экрана он заявил, что «революция украдена у молодежи бандитами и оппортунистами», а также обвинил «Ислах» в том, что она «только искажила ислам и вносит раздор среди йеменцев»⁷⁹.

⁷⁵«Аль-хаким йаттахиму мубаширатан Хами два Али Мухсин би-ль вукуф вара аль-амалия» (Правитель прямо обвиняет Хамида и Али Мохсина в покушении), Аль-Васат, 17.08.2011, на сайте: <http://www.alwasat-ye.net>

⁷⁶«Тас'уд аля аль-ард ва аль-исти'адад аль-атраф аль-азмат ли аль-асва» (Эскалация на земле и подготовка сторон кризиса к худшему), Аль-Васат, 03.08.2011, на сайте: <http://www.alwasat-ye.net>

⁷⁷Ibid.

⁷⁸Ibid.

⁷⁹Mohammed bin Sallam and Sadeq Al-Wesabi. «Tribal conference to find solutions for Yemen». Yemen Times, 18-08-2011 Issue No. 1495.

Речь президента была воспринята РМ на площадях как подстрекательство к войне, но шейхи — участники конференции заняли весьма разумную и сдержанную позицию, ограничившись созданием рабочих комитетов, чтобы следить за дальнейшим развитием ситуации.

В дни проведения второй конференции племен в августе 2011 г. на политической сцене Йемена произошло еще одно знаменательное событие — по инициативе ПСЗ, блока «Справедливости и созидания» шейха Абулухума и беспартийного председателя Оргкомитета диалога Басиндвы был учрежден новый представительный орган оппозиции — Национальный Совет Революции (НСР)⁸⁰. Идея состояла в привлечении к участию в Инициативе максимального числа оппозиционеров. Приглашения получили все протестные движения и партии, признанные в качестве главных игроков текущего политического процесса: РМ, МДЮ, ДХ и бывшие лидеры НДРЙ, находящиеся в эмиграции. Однако запланированного расширения участников переговорного процесса с помощью НСР осуществить не вполне удалось. К ПСЗ присоединились только «отколовшиеся» и отдельные молодежные структуры, лояльные членам ПСЗ. Председателем НСР был избран Мухаммад Басиндва.

Формирование НСР сопровождалось мощным информационным прорывом южан, которые впервые получили трибуну для разъяснения своей позиции в предстоящем Диалоге. Она состояла в требовании признания проблемы Юга корнем всех политических проблем Йемена.

Интерес к участию в проекте НСР первоначально проявила одна из фракций МДЮ, образовавшаяся в период МВ. Ее лидерами были бывший президент НДРЙ Али Насер и бывший премьер-министр Йеменской республики Хейдар аль-Атас (давно проживавшие в эмиграции). По их инициативе в начале мая в Каире прошла конференция южан, на которой велось широкое обсуждение вопросов тактики и стратегии МДЮ в условиях йеменского восстания. Участники каирского форума допустили возможность отказа от сепаратистского лозунга в случае благоприятных политических изменений в Йемене, вызванных отставкой Салеха и сменой режима. Вариант принятия новой конституции и перехода на федеративную форму государственного устройства в составе двух частей — Севера и Юга — был признан ими приемлемой альтернативой требованию восстановления статус-кво (факк аль-иртибат), означавшего распад страны⁸¹. Повторно «федералисты» встретились там же в ноябре 2011 г. Идея федерализации Йемена была не нова. В 1993 г. за нее запоздало выступал и сам аль-Бид, убедившийся в крахе задуманной формулы объединения. С 2009 г. ее последовательно отстаивал и другой авторитетный политик — доктор Абду-Рахман аль-Джифри⁸². Однако на сей раз сам аль-Бид, общепризнанный лидер МДЮ, отверг на данном этапе возможность участия

⁸⁰Полное название — «Национальный Совет Сил Мирной Революции», образован 17 августа 2011 г. в составе 143 делегатов от разных сил оппозиции.

⁸¹«Аль-джанубийюн фи аль-дахиль ва аль-харидж йрсамун харитат аль-тарик ли халль аль-кадыйат аль-джанубийя» (Южане внутри страны и в эмиграции рисуют «дорожную карту» решения проблемы юга), Aden Press, 13.05.2011, на сайте: <http://www.adenpress.com>

⁸²Абду-Рахман аль-Джифри — один из старейших независимых политиков Йемена, лидер партии «Лига сынов Йемена» (Рабитат абна аль-йаман), в 1994 г. занимал сторону южнйеменского лидера А.С.аль-Биды.

в каких-либо проектах, кроме отделения Юга, и его сторону поддержала подавляющая часть сторонников МДЮ. «Федералистам» пришлось выдвинуть заведомо неприемлемое для остальных участников НСР условие — предоставление южанам 50% мест, а затем уклониться от открытого участия в работе этого органа.

Царившие среди оппозиции ожидания, что Салех останется в эмиграции, достигли апогея в связи с подписанием им в Эр-Рияде 12-го сентября указа о передаче всех функций, необходимых для завершения процесса переговоров и подписания Инициативы без участия самого президента, своему заместителю Хади. В ознаменование этого шага король Саудовской Аравии Абдалла ибн Абдель-Азиз ас-Сауд организовал в его честь помпезную встречу⁸³, вызвав недоумение и осуждение среди протестующих в Йемене.

Однако 22 сентября Салех внезапно вернулся в Сану через южноийеменский город Аден и уже через четыре дня выступил с речью по случаю 49-й годовщины Йеменской революции. В ней он подтвердил актуальность ранее принятого решения о передаче полномочий своему заместителю⁸⁴. В интервью корреспондентам «Вашингтон Пост» и «Тайм мэгэзин» еще спустя четыре дня он предостерег Запад, что ему на замену неминуемо придут исламисты из организации «Братья-мусульмане», якобы связанные с «Аль-Каидой»⁸⁵. Затягивание момента подписания соглашения также объяснялось продолжавшимися согласованиями механизма его реализации.

Приезд Салеха способствовал новой эскалации конфликтов по всей стране. РМ отказывалась покинуть площади, несмотря на бедственное ухудшение ситуации в экономике, перебои в снабжении питьевой водой, продуктами питания, электроэнергией и топливом. Потери ВВП за февраль–ноябрь 2011 г. оценивались в 10 миллиардов долларов (ок. 15 % ВВП. — Прим. авт.) из-за сокращения экспорта нефти иностранными компаниями и нарушений в работе транспортных систем, вызванных взрывами. Экспорт нефти составлял 70–75% бюджетных поступлений страны⁸⁶. Участились случаи применения оружия против манифестантов вблизи границ, поделивших основные города на зоны расположения сил «революции» и «режима». В Сане эта граница проходила по улице, носящей имя шейха аль-Зубейри. Только в одном инциденте в середине октября на ней погибло 24 человека⁸⁷.

Серьезные осложнения возникли также в гуманитарной сфере в связи с ростом числа беженцев. Только захват экстремистами Зиджибара привел к бегству из него до ста тысяч жителей, спасавшихся от боевых действий, развернувшихся вокруг города. Около 30 тыс. беженцев осели в зданиях школ и больниц Адена, пополнив список «внутренних перемещенных лиц» (internally displaced people)⁸⁸.

⁸³«President Saleh, King Abdullah talk in Riyadh», Al-Motamar, Monday, 19 September-2011 на сайте: <http://almotamar.net>

⁸⁴«Бимунасабат аль-‘юд аль-ватани 49 ли-соураг — нусс аль-хитаб...» (По случаю 49-й годовщины революции — Текст речи), Газета «26 сентября», 26.08.2011.

⁸⁵«U.S. has asked me to hand power, but it is going to al-Qaeda» - President Saleh in a brief interview with the Washington Post and Time Magazine, Yemen fox 30/09/2011 на сайте: <http://www.yemenfox.net>

⁸⁶Chiara Onassis, «Yemen's economy report for 2011», 11 November 2011 на сайте: <http://bikyamasr.com>

⁸⁷«Yemen police kill 24 protesters», Ahramonline, AFP, 15 Oct 2011, на сайте: <http://english.ahram.org.eg/>

⁸⁸Shaher Malek, «Abyan residents flee shelling», Yemen Times, 24/10/2011, Issue 1514.

В октябре Инициатива обрела, наконец, механизм реализации, одобренный участниками процесса. Он состоял из двух этапов. На первом этапе Салех обязался незамедлительно передать свои основные полномочия вице-президенту Хади, оставаясь номинальным главой государства до выборов временного президента, которые должны были пройти через три месяца после даты подписания. В первые дни после подписания вице-президент должен был сформировать Правительство согласия (по формуле 50% — от ВНК и 50% — от НСР) во главе с представителем оппозиции, а также создать и возглавить Военный комитет (по той же формуле), чтобы восстановить единство в армии. Главными задачами первого этапа были подготовка и проведение выборов президента, которые должны были пройти в форме голосования за единственного кандидата, вице-президента Хади. Этому должно было предшествовать утверждение парламентом проекта Закона о предоставлении Салеху и его окружению полного судебного иммунитета, внесенного Правительством согласия. Выборы временного президента обозначали рубеж для начала второго этапа урегулирования. Главными вехами второго этапа должны стать созыв Общенационального диалога и принятие новой конституции страны. Завершался второй этап в 2014 г. полноценными парламентскими и президентскими выборами по новым правилам на конкурентной основе⁸⁹.

Одним из самых скользких моментов «механизма» был вопрос об иммунитете президенту. Этот пункт сразу вызвал острые споры и громкие обвинения в адрес НСР со стороны всех прочих отрядов оппозиции.

Серьезное влияние на процесс продвижения Инициативы оказывала ситуация в Абьяне. В конце июля местным племенам, пришедшим на помощь армии, удалось почти вернуть контроль над Зинджибаром и окружить боевиков, но неожиданный удар с воздуха отбросил племена назад. Ракетно-бомбовый удар, как выяснилось, нанесла «дружественная» армейская авиация «по ошибке». Это позволило «Ансар аш-Шариа» сохранить контроль над обоими населенными пунктами провинции (Джаар и Зинджибар). Тема АКАП, в связях с которой подозревался джамаат, претендовавший на власть в Абьяне, продолжала занимать внимание мировых СМИ и фигурировала почти в каждой публикации, посвященной йеменскому восстанию.

Пока американская беспилотная авиация наносила удары с воздуха по местам расположения главарей «Аль-Каиды», американские военные уже заявляли о необходимости дальнейшего укрепления своего военного присутствия в регионе для усиленного продолжения борьбы с террористами, оставшимися и после успешного уничтожения Анвара аль-Ауляки. Эти заявления полностью соответствовали планам ЦРУ о создании дополнительной инфраструктуры своего базирования, разработанным задолго до начала йеменского восстания⁹⁰.

⁸⁹«Implementation Mechanism of the GCC Agreement», Translation from Arabic by Will, на сайте: www.yemenpeaceproject.org

⁹⁰Adam Entous and Julian E. Barnes in Washington and Margaret Coker in Abu Dhabi, «U.S. Pursues Wider Role in Yemen (Americans Move to Bring In Equipment and Operatives and Propose New Bases for Fight Against al Qaeda Affiliate)», Wall Street Journal, November 16, 2010 на сайте: <http://online.wsj.com>

Подписание Инициативы ССАГЗ и успех первого этапа урегулирования

Мощный импульс мирному плану был дан резолюцией СБ ООН № 2014 от 21 октября 2011 г.⁹¹ Единодушно принятая резолюция содержала прямой призыв к президенту Салеху незамедлительно начать реализацию Инициативы ССАГЗ. На этой же сессии члены СБ ООН поручили специальному консультанту Генсека ООН Джамалю Беномару представить в 30-дневный срок отчет о ходе выполнения Резолюции. Отпущенного авторитетным органом срока хватило, чтобы в вопросе о принятии Инициативы была наконец поставлена точка. пышная церемония подписания соглашения и «дорожной карты» проходила под эгидой короля ас-Сауда в Эр-Рияде 23 ноября 2011 г. В ней приняло участие множество иностранных наблюдателей, а также представители конфликтующих сторон: руководители ВНК, лидеры ПСЗ, глава НСР — Басиндва, вице-президент Хади и сам президент Салех.

Подписание Инициативы, как и ожидалось, не только не привело к нормализации обстановки в Йемене, но и добавило новую ось конфронтации в МВ. Все отряды оппозиции, оставшиеся за рамками соглашения, объявили о своем категорическом отказе признать соглашение до тех пор, пока не произойдет демонтаж старого режима и не будут сняты с командных должностей родственники Салеха. Они также отказались признать правомерность предоставления ему иммунитета и выступили с острой критикой НСР за отход от линии революции.

Под огонь критики РМ попало и Правительство согласия под председательством Басиндвы, приведенное к присяге в начале декабря 2011 г. Новый взрыв возмущения вызвала процедура проведения Закона об иммунитете. Подчиняясь условиям «дорожной карты», правительство проштамповало проект Закона, разработанный в окружении президента, в котором иммунитет должен был распространиться на всех госслужащих, работавших при Салехе за весь 33-летний период его правления. Документ вызвал множество критических комментариев со стороны профессиональных юристов, указавших на противоречие его конституции, нормам международного права и здравому смыслу. Так, юристы отмечали, что «ссылка на Инициативу ССАГЗ в проекте Закона об иммунитете, в качестве источника данного акта, противоречит конституции и нормам юриспруденции, поскольку политические соглашения не могут считаться источником права в подобных случаях»⁹².

Громкой акцией, проведенной РМ в ответ на подписанные в ноябре 2011 г. соглашения, явился «Марш жизни», организованный жителями Таиза. 20 декабря 2011 г. они вышли пешком из Таиза в Сану, расположенную на расстоянии более 250 км. В марше первоначально приняли участие две тысячи человек, пожелавших таким образом

⁹¹Resolution No.2014 (2011), на сайте: <http://www.un.org/News/Press/docs/2011/sc10418.doc.htm>

⁹²Абдель Насер аль-Муды'а «Аль-ахта' аш-шаклийя ва-ль моуды'ыйя фи машру аль-хасана» (Формальные и принципиальные ошибки в проекте (закона) об иммунитете), 18.01.2012, на сайте: Аль-Ахали-нет

продемонстрировать свою «солидарность с жертвами восстания и потребовать суда над виновными в преступлениях против протестующих и теми, кто грабил ресурсы страны...»⁹³. Участники шли по территории нескольких соседних провинций, обрастая все новыми желающими. «Когда марш подходил к Иббу, в его рядах было 4 тысячи демонстрантов; на подходе к Дамару — 7 тысяч, у Нагиль Йаслиха в 60 км от Саны в нем шагало уже 100 тысяч, а в пригородах столицы к маршу присоединились толпы жителей Саны, доведя общее число манифестантов до 500 тысяч человек»⁹⁴.

Поздно вечером 24 декабря на улицах Саны толпа разделилась в поисках ночлега. Часть участников решили заночевать в палатках на 45-й улице, в двух км от Президентского дворца, и эта группа была атакована силами безопасности, застрелившими 13 человек. На следующий день посол США Фейерштейн сделал неосторожное заявление для прессы следующего содержания: «Провокации могут повлечь дальнейшую реакцию и насилие...»⁹⁵, которое вызвало гнев участников мирного марша, переросший в требование высылки этого посла из Йемена. Лишь публичные заверения, что посольство США накануне специально обращалось к властям с рекомендациями не причинять вреда участникам марша, несколько успокоили возмущенных граждан.

В декабре 2011 г. участники МВ применили еще одну новую форму борьбы, получившую название «Революции учреждений» (саурат аль-муассисат). Убедившись в упорном нежелании лагеря Салеха сотрудничать в реорганизации госаппарата, служащие государственных учреждений по своей инициативе потребовали увольнения своих руководителей по обвинениям в коррупции. Смута охватила самые разные ведомства — школы, больницы, армейские части. Не избежал атак со стороны подчиненных офицеров и главком ВВС — генерал Мухаммад Салех аль-Ахмар, сводный брат президента, которому с большим трудом все же удалось удержать пост. Дело дошло до угроз со стороны руководства ВНК о выходе из Инициативы в случае продолжения акций по захвату учреждений, в которых оно обвинило «Ислах».

Новое правительство столкнулось с пустой казной и предпринимало отчаянные усилия по привлечению экстренной помощи от внешних доноров. Основным источником предоставления финансовой поддержки новому правительству осталась Саудовская Аравия, но многомиллионные средства для продолжения мирного процесса предоставлялись также правительствами Японии, Великобритании, Германии и др. стран. Гуманитарная помощь была предоставлена также и Россией. Однако из 20 миллиардов долларов, необходимых для стабилизации ситуации в экономике, правительству Басиндвы удалось получить лишь малую долю, чтобы поддержать курс национальной валюты — риала. 26 декабря 2011 г. глава кабинета выступил в парламенте с изложением программы на двухлетний период, в которой разные фракции нашли крупные недочеты. Помощник Салеха на посту лидера ВНК и председатель фракции

⁹³Shatha Al-Harazi, "Protests continue over 'Life March' killings", Yemen Times, 26-12-2011, Issue No. 1532.

⁹⁴Ibid.

⁹⁵Ibid.

этой партии в парламенте — Султан аль-Баракани, например, раскритиковал программу за увлечение социальными фондами, а представитель Насеристской партии Абдалла аль-Мактари — за отсутствие конкретных сроков реорганизации армии⁹⁶.

Неудачи поджидали и Военный комитет во главе с президентом Хади. Его усилия по достижению целей очистки городов от вооруженных формирований, особенно в Сане и Таизе, не были успешными. Ополчение клана аль-Ахмар, подразделения дивизии Али Мохсина, не говоря уже о частях Национальной гвардии и спецназе, отказывались покидать занимаемые позиции. Все очаги конфликтов, появившиеся еще в мае, лишь слегка затихли, но не исчезли. Каждая сторона закреплялась на занятых территориях, готовясь при необходимости приступить к вытеснению противника и расширению зоны своего контроля.

24 декабря 2011 г. Салех заявил о подготовке к отъезду в США для лечения, но в начале января сообщил о намерении остаться на родине, что означало угрозу планам проведения выборов 21 февраля 2012 г. и вызвало беспокойство среди иностранных спонсоров Инициативы.

Последний трудный рубеж на пути завершения первого этапа урегулирования, предусмотренного планом, был пройден 21 января 2012 г., когда парламент утвердил, наконец, Закон об иммунитете, существенно доработав исходный проект. В итоговом тексте Закона полный иммунитет получил только сам президент Салех, а остальные члены его команды были освобождены от ответственности лишь за деяния, связанные с их политическими функциями в период занимания ответственных постов. В их числе были и родственники президента. Осталось, правда, неясным — распространялся ли Закон также на генерала Али Мохсина, перешедшего на сторону восстания в марте 2011 г.⁹⁷

На следующий день после принятия этого проблемного Закона президент Салех обратился с прощальной речью к йеменскому народу, сообщив, что временно покидает страну для продолжения лечения в США, и попросив у него прощения за допущенные ошибки: «Я прошу прощения у всего моего народа, мужчин и женщин, за все недочеты в период моего 33-летнего правления»⁹⁸.

Перед вылетом в промежуточный пункт остановки (Оман) он посетил родное племя санхан для участия в общем собрании всех шейхов и старейшин с целью восстановления единства рядов, нарушенного возникшим расколом между сторонниками Салеха и сторонниками клана аль-Ахмар. Согласно сведениям информированного йеменского интернет-журнала «аль-Васат», генерал Али Мохсин не присутствовал на встрече, но в телефонном разговоре через посредника пообещал также присоединиться к примирению⁹⁹. На встрече, в качестве поручителя, присутствовал и вице-президент Хади, получивший от Салеха накануне высшее армейское звание Йемена — маршала.

⁹⁶Ali Saeed, "Yemen's parliament back in action", Yemen Times, 26 December 2011, на сайте: in News <http://www.yementimes.com>

⁹⁷Laura Kasinof, "Yemen Legislators Approve Immunity for the President", The New York Times, January 21, 2012, на сайте: <http://www.nytimes.com>

⁹⁸"Yemen's President Saleh 'leaves country' for treatment", BBC, Middle East, 22 January 2012, на сайте: www.bbc.co.uk

⁹⁹"Аль-малик Абдалла талаба мин ан-наиб ас-са'и фи-ль мусалахат" (Король Абдалла потребовал от заместителя примирения...), журнал «Аль-Васат», 25.01.2012, на сайте: <http://www.alwasat-ye.net>

22 января 2012 г. Салех покинул Йемен, открыв тем самым путь к подготовке голосования за единого кандидата в президенты — Абд-Раббу Мансура Хади. Представитель Генсека ООН Бенмар посетил главные очаги конфликтов страны — Аден на Юге и контролируемую хуситами столицу провинции Са'ады. На встречах с лидерами МДЮ и ДХ он убеждал их помочь мирному урегулированию или, по крайней мере, не препятствовать волеизъявлению тех граждан, которые желали бы проголосовать 21 февраля 2012 г.

Подготовка к голосованию велась в обстановке неуверенности. Прибыв в США, Салех делал заявления, из которых следовало, что он намерен вернуться домой и продолжить деятельность в качестве лидера партии ВНК, в которой состоял и вице-президент Хади. Йеменцы задавались вопросом — закончится ли все же «эпоха Салеха» после выборов или нет?

Тем не менее выборы состоялись точно в срок, 21 февраля 2012 г., и, по данным йеменского избиркома, в них приняло участие 65% избирателей. Лишь в 9 избирательных участках из 301, согласно официальным отчетам, голосование было сорвано активистами оппозиционных движений¹⁰⁰. 25 февраля 2012 г. Абд-Раббу Мансур Хади принял присягу перед членами парламента и официально вступил в должность, а через два дня впервые в истории Йемена состоялась еще одна официальная церемония — инаугурация нового президента. Почетное участие в ней принял и бывший президент, который в присутствии множества иностранных гостей произвел символическую передачу национального флага республики новому президенту. По решению своих партий члены оппозиции, вошедшие в новые органы власти, бойкотировали церемонию инаугурации как не соответствующую принятому протоколу.

Первый этап урегулирования был признан весьма успешным авторами и спонсорами Инициативы, но так ли это на самом деле?

Заключение

Некоторые вызовы второго этапа урегулирования

Смена президента в феврале 2012 г. не устранила причин политического кризиса в Йемене. Молодежь продолжила акции протеста на городских площадях, требуя демонтажа режима, оставленного президентом Салехом в наследство своему преемнику. Партия ВНК обладала прочным большинством в парламенте, получила 50% мест в высших исполнительных органах временного режима — Правительстве согласия и Военном комитете. Эта схема, согласно утвержденному плану, сохранится до очередных выборов 2014 г. Сам Али Абдалла Салех также сохранил лидерство в партии, членом которой остался и новый президент Абду-Раббу Мансур Хади (что планом отнюдь предусмотрено не было).

¹⁰⁰Shuaib M. al-Mosawa, "Overwhelmingly Hadi elected as Yemen's new president, international community hails elections", Front Page, Yemen Observer, Article Date: Feb 24, 2012, на сайте: www.yobserver.com

Важной причиной неопределенности, возникшей после первого этапа реализации Инициативы, была непредвиденная задержка в ее запуске на целых восемь месяцев — с апреля по ноябрь 2011 г. Основные положения Инициативы отражали ситуацию в стране на начало марта 2011 г., которая впоследствии претерпела серьезные осложнения, приведшие к пробуксовке всего механизма урегулирования. Помимо большого числа погибших среди манифестантов, дополнительные препятствия были созданы полным разрывом отношений между двумя блоками правивших элит, представленных Салехом и кланом Аль-Ахмар. Перерастание политического соперничества между ними в мае 2011 г. в военную конфронтацию создало труднопреодолимые препятствия на пути Инициативы. О каких быстрых соглашениях можно было говорить, когда стороны, поставленные авторами проекта на роль основных переговорщиков, обменялись попытками взаимного физического уничтожения и вели бои друг с другом?!

С июня 2011 г. весь процесс урегулирования ситуации в Йемене в русле международной Инициативы фактически стал походить на иностранный проект, который развивался параллельно с глубинными политическими процессами, шедшими одновременно на нескольких фронтах борьбы по собственной, независимой от нее логике. Все достижения Инициативы оказались возможными лишь благодаря решительному подключению мощи СБ ООН и дипломатическому таланту специального представителя ООН — Беномара. Ни процесс ее реализации, который лишь с большими оговорками можно назвать мирным, ни первые результаты, тем не менее, пока не добавили ей популярности внутри йеменского общества.

Простая рокировка во власти не приблизила большинство сторонников Мирного Движения Юга к отказу от первоначальных сепаратистских целей своей борьбы. Новое, «федералистское» крыло МДЮ, которое теоретически могло бы вступить в процесс Национального Диалога с позиций сохранения целостности государства, не нашло, по итогам первого этапа, аргументов, чтобы развивать агитацию за свой вариант решения проблемы Юга среди южан. Более того, ситуация продолжала развиваться в откровенно деструктивном направлении — в сторону «эмиратизации» Юга. Радикальная исламистская группировка «Ансар аш-Шариа», которую спецслужбы США подозревали в связях с «Аль-Каидой Аравийского Полуострова» (АКАП), а сами йеменцы — в связях со спецслужбами президента Салеха, сначала провозгласила исламский эмират в Абьяне, а в марте 2012 г. еще и в другой южной йеменской провинции — Шабве.

Успехи исламистов во многом объяснялись протестной реакцией населения на воздушные удары США по целям, расположенным на территории этих провинций, а также на партнерство США с режимом, против которого было поднято восстание, охватившее всю страну, включая и Юг.

Еще более тревожные изменения наблюдались на Севере страны, где давний вооруженный конфликт с участием зейдитского движения под предводительством аль-Хуси разгорелся с новой силой, обнажив имевшийся и раньше сектантский контекст, причем уже безо всякого участия армии. Правительственные войска были заменены салафитскими племенами, лояльными радикальным лидерам организации «Братья-мусульмане». Пламя этого

конфликта охватило отдельные районы провинций Хаджа, Джоуф и Амран, в то время как провинция Са'ада почти год целиком находилась под контролем лидера движения — сейида Абдул-Малика аль-Хуси. Сражения велись за контроль над стратегическими точками, которые могли представлять особый интерес в случае срыва мирного процесса трансформации режима в Йемене.

Указанные опасные изменения были вызваны нарастанием вакуума власти в республике, образовавшегося как результат болезненных процессов в обществе на протяжении более десяти лет, задолго до начала йеменского восстания.

Инициатива ССАГЗ была не без оснований воспринята главными движущими силами революции как «спасательный круг» для правящего режима. Ее ведущими участниками должны были стать лидеры ВНК и «Ислаха», которые в 1990-х годах составляли единый властный конгломерат, ухидивший корнями в эпоху ЙАР. Вопрос об интеграции остальных ведущих сил революции и оппозиции в процесс урегулирования изначально не был достаточно проработан авторами Инициативы.

Нестыковки и пробелы, преследовавшие план международных посредников с самого начала, не прекратились и с выходом на второй этап. Его центральным событием должен стать созыв всеобщего Национального Диалога (НД) с участием всех или, по крайней мере, ведущих политических партий и объединений, независимо от места нахождения их лидеров (внутри страны или в эмиграции). Несмотря на консенсус внутри Йемена относительно важности проведения такого форума для спасения страны, его практическая реализация составляет чрезвычайно сложную задачу для новой власти.

Во-первых, появившиеся комбинированные структуры управления оказались фактически разделенными между конфликтующими центрами принятия решений. В конце марта 2012 г., например, бывший президент Салех дал указание членам правительства от своей партии бойкотировать заседания кабинета, а его главе, Басиндвэ, пригрозил судом и тюремным заключением¹⁰¹.

Во-вторых, революция вызвала беспрецедентную волну партийного строительства по всей стране. На включение в список потенциальных кандидатов в НД может претендовать немало новых игроков: формирующиеся партии, созданные революционной молодежью за период восстания; партии, возникшие из отколовшихся фракций от ранее существовавших структур; совершенно новые партии, привлеченные открывшимися возможностями в связи с выборами 2014 г.

В-третьих, от присоединения к процессу Диалога из-за обострения конфликтов могут отказаться те силы, от которых зависит общий успех последующей трансформации политической системы государства или даже его распад. К таковым, прежде всего, относятся Мирное Движение Юга, внутри которого отсутствует единство, и Движение аль-Хуси, представляющее зейдитских повстанцев.

Это лишь малая часть неожиданностей, с которыми предстоит столкнуться новым властям при организации запланированного форума.

¹⁰¹Muaad Al-Maqtar, "Hadi struggles to calm media war", Yemen Times, 26 March 2012, на сайте: www.yementimes.com

Большую сомнительность успеху второго этапа придавал дефицит авторитета и влияния в обществе нового президента Хади, лишенного реальных рычагов воздействия как на свою партийную фракцию в парламенте, так и на членов правительства от своей партии. Еще в более проблематичном состоянии находилась его способность к восстановлению управления силовым блоком. В расколотой на две части армии командование одной частью де-факто принадлежало бывшему президенту Салеху, а другой — генералу Али Мохсину. Возможности ее возвращения под контроль легитимного политического руководства республики оставались весьма суженными без серьезных кадровых перестановок и реорганизаций. Реформе мешали совместные с США операции против исламистской группировки «Ансар аш-Шариа» и АКАП на Юге, требовавшие тесной координации между спецслужбами.

С другой стороны, оппозиция превратила вопрос о выводе родственников бывшего президента из командных структур армии в ультиматум властям, без решения которого дальнейшее продвижение к созыву НД оказалось заблокированным.

В новых промедлениях в развитии процесса трансформации режима власти в Йемене легко усматривались интересы известных политических группировок. С одной стороны, в этом были кровно заинтересованы, прежде всего, те фракции правивших элит, которым Диалог грозил существенной (если не полной) утратой влияния. Поэтому они сосредоточили свои усилия на дискредитации новых органов власти и нагнетании напряженности во всех имевшихся очагах конфликтов с целью задержки реформы армии. С другой стороны, в этом оказались заинтересованы и отдельные группировки в составе оппозиции, которые понимали, что созыв Диалога уменьшил бы их долю во власти, которая шла к ним в руки в соответствии с предписаниями достигнутых под эгидой международных посредников соглашений.

Сложный и извилистый сценарий развития обстановки в Йемене за первый год революции поставил под вопрос и миссию основных спонсоров урегулирования — США и Саудовской Аравии. По-прежнему стремясь к достижению искомым результатов с наименьшими для себя потерями, они оказались втянутыми в двойную игру: каждая из них декларировала стремление к скорейшему политическому урегулированию, одновременно оставаясь вовлеченной (пусть и не всегда открыто) в вооруженные конфликты на территории Йемена.

Первый этап развития революции выявил существенный дефицит внешней поддержки демократическому флангу йеменской оппозиции. В то время как исламисты и силовики не переставали получать конкретную материальную и политическую помощь извне, сторонники модернизации, которые в последнее десятилетие ориентировались на западноевропейские демократии, оказались в положении сирот. Репрезентативный социологический опрос, проведенный в начале 2011 г. американским агентством Glevum associates LLC в большинстве провинций Йемена, показал, что только 4% населения «твердо» или «в целом» поддерживали стратегическое партнерство США с режимом Салеха¹⁰².

¹⁰²«2011: Yemen stability Survey», Glevum associates LLC, 2011, p. 39, на сайте: <http://glevumassociates.com>

14 марта в Сане состоялся учредительный съезд первой салафитской партии Йемена — «Рашад» («Верный путь»¹⁰³), а ее лидер, шейх Абдул Ваххаб аль-Хумейкани, заявил о стремлении партии к установлению шариата в политической системе страны¹⁰⁴. Появление этой структуры было инспирировано успехом схожей с ней партии «Ан-Нур» в Египте, учрежденной накануне парламентских выборов 2011–2012 годов. Вступление Йемена в эпоху «исламского государства» еще в марте 2011 г. предрекал и лидер радикального ваххабитского крыла БМ шейх аль-Зиндани¹⁰⁵.

Однако исламистский путь политического развития, с нашей точки зрения, вовсе не столь очевиден в условиях Йемена. В отличие от Египта, йеменские БМ не только не находились под запретом властей с момента начала религиозной реформы в 1970 г., но и пользовались высоким покровительством ведущих деятелей государства. В положении обиженных властями оказались, скорее, духовные лидеры традиционных религиозных общин страны: зейдитской и шафиитской. Многолетний кровавый конфликт на севере Йемена вполне красноречиво показал, каковы могут быть последствия «битвы исламизмов», если к власти придут радикальные исламистские группировки.

Сценарий, при котором Йемен захлестывает волна «конфессионизации», с нашей точки зрения, на втором этапе урегулирования, все же не представляется наиболее вероятным.

Несмотря на отмеченную фрагментарность и отсутствие единства среди сил, выступавших за трансформацию политической системы Йемена в русле модернизации, их потенциал оставался довольно высоким. Под модернизацией понимались, прежде всего, изменения в направлении демократизации (отказа от военных методов решения внутренних конфликтов), децентрализации власти (для учета региональных интересов), а также возвращение государства к решению приоритетных задач социально-экономического развития, от которых оно отошло при Салехе.

Демократический потенциал революции подтверждался самим фактом продолжения МВ после смены президента, что дало переходным властям Йемена важные рычаги для оказания нажима как на силы контрреволюции, так и на могущественные международные спонсоры урегулирования, занявшие, как отмечалось, двойственную позицию. Лозунги МВ, утратив первоначальное свойство универсального инструмента консолидации оппозиции, остались и на втором этапе общей платформой для широкого демократического фланга, чей потенциал в ходе первого этапа оказался не реализован. Модернизация политической системы сохранила привлекательность и для значительной части истеблишмента страны, не имевшей племенных связей со структурами санхан и бейт аль-Ахмар. К ней тяготели также широкие слои верующих, убедившихся в пагубности сектантского раскола страны. Инструментом для консолидации этого политического спектра могли бы стать, в частности, процедуры обсуждения вопросов, внесенных в повестку дня ожидаемого НД.

¹⁰³Приведен лишь один из возможных вариантов перевода термина, использованного в названии партии. Может иметь также смысл «сознательность» или «благоразумие».

¹⁰⁴Ali Saeed, "First yemeni salafi political party announced", Yemen Times, 15 March 2012, на сайте: <http://yementimes.com>

¹⁰⁵Laura Kasinof and Scott Shane, "Radical Cleric Demands Ouster of Yemen Leader", New York Times, Middle East, March 1, 2011, на сайте: <http://www.nytimes.com>

Несмотря на все усилия контрреволюции по блокированию дорог, ведущих к НД, сама идея его созыва осталась важным приоритетом для общества. Сторонники Диалога получили представительство в новых органах власти как со стороны оппозиции, так и со стороны членов ВНК из сегмента, отделившегося от лагеря бывшего президента после вхождения во второй этап «дорожной карты». Важным фактором проведения НД на новом этапе выступает угроза распада страны с последующей утратой отдельными ее частями йеменской идентичности. Йеменский патриотизм способен мобилизовать как племена, так и городские слои на дальнейшую поддержку демократического потенциала революции.

Большую практическую помощь подготовке и проведению НД оказывает десятилетний опыт политического сотрудничества, накопленный полярными идейными противниками в рамках блока ПСЗ.

19 октября 2011 г. на встрече специалистов Института востоковедения РАН с делегацией йеменской оппозиции в Москве¹⁰⁶ все представители йеменской стороны подтвердили свою полную солидарность с основными лозунгами РМ и подчеркнули, что вступили в Инициативу исключительно из-за приверженности мирным средствам решения всех йеменских проблем через созыв Национального Диалога.

Итак, к началу второго этапа реализации Инициативы перед Йеменом еще оставались открытыми пути к реформам, способным привести к нормализации ситуации в республике, и этот итог можно рассматривать как главное достижение всей суммы политических процессов, наблюдавшихся за время революции к марту 2012 г.

¹⁰⁶В ее состав входили председатель НСР Мухаммад Басиндва, Генеральный секретарь «Ислаха» Абдул-Ваххаб аль-Анси и Генеральный секретарь Йеменской социалистической партии Ясин Нааман.

В.М. Ахмедов

Сирия

Новый 2011 г. Сирия встретила в относительно спокойной обстановке. Ничто не предвещало грядущей беды. И даже бушующие революционные события в Тунисе и Египте не могли испортить праздничное настроение большинства сирийцев. В канун новогодних праздников в одном из пригородов Дамаска после долгих десятилетий запрета открылось казино. Жители Дамаска и других крупных городов с удовольствием покупали на празднично украшенных рынках дешевые импортные товары, которые заполнили их в последние годы в ущерб продукции основных традиционных отраслей (текстильной и пищевой) местной промышленности. Состояние национальной экономики не внушало серьезных опасений. Более того, отчеты МВФ предсказывали ее будущий рост. Доходы от туризма стабильно росли и принесли в казну в 2010 г. около 8 млрд. долларов¹. В ряде отраслей производственной инфраструктуры начали осуществляться крупные инвестиционные проекты. Ведущиеся разработки новых нефтегазовых месторождений сулили неплохие прибыли. Общее благосостояние немалой части средних слоев горожан относительно улучшилось. Некоторые из них впервые смогли позволить себе покупку импортных автомобилей на местном рынке. На этом фоне сирийское правительство практически не уделило должного внимания проблеме сотен тысяч голодных и обездоленных сельских провинциалов, которые разорились в результате засухи и неурожаев предыдущих лет и заполнили пригороды столичных сирийских центров. А ведь именно они и стали той взрывоопасной субстанцией, где вспыхнула искра сирийской революции. Не

¹The National, 29.12.2011.

случайно эпицентром сирийского восстания стала провинциальная Дер'я (население 75 тыс. человек), центр обширной области на юго-востоке Сирии под названием Хауран (население около 1 млн. человек). Подавляющая часть жителей этих районов была занята в сфере сельского хозяйства. В конфессиональном отношении большинство населения были сунниты, которые и составили костяк протестных движений. Здесь был довольно велик процент людей, живущих ниже прожиточного минимума, малообразованных и глубоко верующих. В то же время выходцы из этого района были неплохо представлены в высших эшелонах власти. Достаточно сказать, что, по некоторым данным, 10 командиров сирийских вооруженных сил так или иначе были связаны родственными и семейными узами с этой частью Сирии. Неудивительно, что ряд командиров армейских частей, брошенных властью в конце марта — начале апреля 2011 г. на подавление восстания, отказывались стрелять в демонстрантов. Именно с этого времени в армии начался раскол.

Однако еще в январе-феврале 2011 г. режим Асада был твердо уверен в том, что Сирия обладает особым иммунитетом против революций. Подобное отношение было ясно продемонстрировано в интервью Асада, которое он дал 31 января 2011 г. Wall Street Journal. Правящая ПАСВ проводила оргштатные мероприятия и готовилась к предстоящему ранней весной XI съезду. В армии и спецслужбах оживленно обсуждали январские указы главнокомандующего о новых назначениях, увольнениях и повышениях. Действительно, на появившиеся в конце января — феврале 2011 г. в «Facebook» и «Twitter» призывы сирийской оппозиции к гражданам выйти на улицы откликнулись в основном сотрудники сирийских спецслужб и любопытствующие журналисты. Случавшиеся единичные акции протеста носили спорадический характер и в ходе них не выдвигалось никаких политических требований. Демонстрации протеста в Дамаске 15 марта 2011 г., которые считаются точкой отсчета революционных событий в САР, не получили должной оценки властей. Арестованные в ходе них граждане были вскоре отпущены. И даже после событий в Дер'я (17–18 марта) и Латакии (25 марта), где пролилась кровь и были использованы ударные части сирийских сил правопорядка, представители власти были не склонны драматизировать сложившуюся ситуацию, особенно на фоне недавних событий в Тунисе и Египте и происходящего в Ливии и Йемене. Действительно, выход людей на улицу носил не столько организованный характер, сколько стал ответом на неадекватные действия сил безопасности в отношении 14–15-летних подростков, оставивших оскорбительные для режима граффити на стенах. Демонстрации проходили преимущественно мирно, без явных признаков этнической и конфессиональной розни, и затронули лишь ряд провинциальных центров. Выдвинутые оппозицией политические требования расширения прав и свобод носили в основном общий характер. Демонстранты не требовали смены режима, тем более отставки президента. Наоборот, накануне и после выступления Башара Асада 30 марта в Народном совете (парламенте) Сирии по улицам крупнейших сирийских городов Дамаска и Халеба прошли многотысячные шествия в поддержку президента и его курса реформ².

²Foreign Policy, 07.04.2011.

Выступление президента ждали с нетерпением очень многие в Сирии и за ее пределами. Накануне первый вице-президент САР Ф. Шараа и советник президента Б. Шаабан в серии интервью дали понять, что Асад собирается предпринять ряд важных мер, способных исправить сложившуюся ситуацию. Однако, вопреки ожиданиям большинства в самой Сирии и за ее пределами, сирийский президент не объявил о принятых им конкретных решениях по реформам, не осудил избыточное применение силы против демонстрантов и не выразил соболезнования родственникам погибших в ходе волнений в Дер'я. Президент заявил, что Сирия стоит на верной стороне истории в отличие от мубараковского Египта. Ответственность за происшедшие «беспорядки» в стране президент возложил главным образом на происки врагов.

Несмотря на это, кредит доверия к властям Сирии и лично президенту оставался достаточно высоким в различных слоях сирийского общества. Большинство сирийцев, вопреки тому, что «барьер страха» дал заметную трещину после событий в Дер'я, не хотели революции, опасаясь жестких действий служб безопасности и не желая повторить судьбу своих соседей в Ираке и Ливане. В глубине души они надеялись, что их президент и его единомышленники во власти сумеют урегулировать положение мирным путем.

В апреле 2011 г. Асад провел ряд важных мер и принял программу ускорения реформ в политической, законодательной и административной сферах. Однако, как показали дальнейшие события, вопреки ожиданиям властей, их реформаторские начинания встретили далеко не однозначную реакцию в сирийском обществе и не смогли сбить накал народных выступлений.

Б. Асад сместил со своих постов нескольких губернаторов и руководителей территориальных органов спецслужб. Отставка правительства Н. Отри стала центральным аспектом кадровых реформ. 14 апреля президент издал указ № 146 о формировании нового правительства. Сформировать его Б. Асад поручил бывшему министру сельского хозяйства 59-летнему Аделью Сафару. Персональный состав кабинета министров не принес больших неожиданностей. Из 31 министра 17 сохранили свои портфели, в том числе министры обороны, иностранных дел, по делам администрации президента. Было назначено 14 новых министров, в том числе — юстиции, внутренних дел, средств массовой информации, труда, экономики, финансов, туризма, образования. За редким исключением это были представители второго чиновничьего эшелона, которые никак не проявили себя в прошлом в качестве сторонников реформ. Новому кабинету предстояло столкнуться с большими проблемами, связанными с долгими годами плохого администрирования экономики, высокими темпами прироста населения, ростом безработицы среди молодежи, трудностями с поиском и привлечением местных и зарубежных инвестиций, особенно в условиях сохраняющегося кризиса. Государственные субсидии на ряд основных продовольственных и потребительских товаров были существенно урезаны. Расчеты на привлечение больших иностранных инвестиций не оправдались, а добиться ожидаемых высоких³ темпов экономического роста не удалось. В последние годы в Сирии серьезной

³7–8%.

проблемой стала уплата налогов населением, которое государство не могло обеспечить достаточным объемом услуг, в том числе и потому, что не решалось ввести дополнительные налоги на богатых и роскошь. При этом доходы от нефти неуклонно сокращались. Содержание и обслуживание громоздкого и неэффективного госсектора, приватизация которого шла очень медленно, тяжелым бременем ложилось на госбюджет.

Еще одним важным решением президента стало возвращение сирийского гражданства 300 тысячам курдов, проживавшим в городе Хасаке на северо-востоке Сирии, которые согласно переписи 1962 года находились на положении иностранцев и были сильно ограничены в своих гражданских правах. При этом статус еще около 100 тысяч курдов так и остался неопределенным. Ряд представителей курдов расценили этот шаг как попытку властей внести раскол в курдские ряды, с одной стороны, и отстранить курдов от участия в общесирийских акциях протеста с другой. Неудивительно в этой связи, что население курдских районов Сирии выступило вместе с гражданами других городов, требуя свободы и реформ.

Президент встретился с рядом видных представителей суннитского (70% населения 23-миллионной Сирии) религиозного истеблишмента. Асад поддержал идею расширения объема вещания религиозных телеканалов и создания новых, высказался за создание в Сирии Высшего института подготовки мусульманских богословов. Одновременно президент отменил закон от июля 2010 года, запрещавший преподавателям вузов вести занятия в никабах, на основании которого своей работы лишились 1200 человек. По мнению властей, это должно было укрепить поддержку правящей алавитской (12% населения) верхушки среди суннитов. В то же время в проведении этих мероприятий не были до конца учтены требования момента и его острота. Напуганные угрозами представителей сирийских властей разных уровней относительно возможности перерастания протестных движений в межконфессиональную вражду, сирийские меньшинства, главным образом христиане (8–9% населения), могли посчитать, что в критической ситуации режим делает ставку на «исламистов», а раз так, то именно они и являются его единственной альтернативой. К тому же эти меры властей были поставлены под сомнение избыточно жесткими и непрофессиональными действиями служб безопасности в отношении мирных протестных шествий.

Сирийский президент принял решение образовать комиссию из видных сирийских правоведов для подготовки условий с целью отмены закона о ЧП, который впоследствии был заменен на не менее жесткий новый закон о борьбе с терроризмом. Основным предметом критики закона о ЧП со стороны сирийских правозащитников и политической оппозиции являлась его правоприменительная практика и так называемые суды госбезопасности, которые, как правило, принимали решение на основании необоснованных подозрений, доносов, сомнительных оперативных данных, не утруждая себя при этом следственными действиями и судебными процедурами. Поэтому основные требования сводились именно к отмене судов госбезопасности, рассмотрению дел в гражданских судах, отказу от практики заключения граждан в тюрьму без решения суда. Через несколько месяцев планировалось принятие нового закона о политических партиях. На конец апреля — начало мая 2011 г.

намечалось проведение выборов в парламент. Однако без отмены 8-й статьи конституции, провозглашавшей монопольное право ПАСВ на политическую работу в стране, новый демократический закон о партиях вряд ли мог быть реализован на практике.

Одновременно сирийский президент дал указание освободить арестованных во время беспорядков. Башар Асад встретился также с делегацией жителей Дер'я и, как свидетельствовали очевидцы, узнал много нового о деятельности местных спецслужб во время подавления беспорядков. Президент выразил соболезнования семьям погибших и признал законность требований демонстрантов. Еще ранее власти освободили около 260 заключенных. Однако, как утверждали источники сирийской оппозиции, эта мера коснулась в основном давно отбывающих свой срок «исламистов» и ряда курдских активистов в тюрьме Сидная.

Последующие действия президента стала его речь перед новым составом правительства 16 апреля 2011 г. Она существенно отличалась от его выступления в парламенте 30 марта и в этом смысле представляла определенный шаг навстречу требованиям восставшего народа. Главный смысл президентской речи сводился к необходимости восстановления доверия между властью и населением страны. Таким образом, в отличие от прежнего выступления Башар Асад был вынужден признать, что с доверием есть проблемы. Президент согласился с тем, что требования демонстрантов носят законный характер, и поручил правительству взять на вооружение более открытый, консультационный стиль работы. Президент признал право сирийцев на мирные демонстрации и поручил в этой связи правительству подготовить проект закона о демонстрациях. Башар Асад предложил обязать чиновников подавать декларации о доходах и имуществе. Несмотря на то что президент в своей речи не упомянул о поправках в конституцию, которые могли бы повысить роль правительства как политического института государства, его выступление было выдержано в целом в позитивном ключе.

К концу апреля 2011 г. сирийское правительство подготовило проекты трех важных законов — об отмене чрезвычайного положения и судов госбезопасности и об организации и проведении демонстраций. После того как президент подписал соответствующие указы, а Народный Совет их утвердил, они вступили в действие.

Предложенная президентом программа реформ в целом носила достаточно прогрессивный характер. Однако простые сирийские граждане не увидели в ней адресности и ответа на свои социальные запросы. Возможно поэтому, когда новая волна протестных выступлений в апреле охватила значительно большее, чем прежде, количество сирийских городов и даже ряд пригородов Дамаска, не наблюдалось массовых шествий в поддержку действующей власти и лично Башара Асада. Правительство подняло размер заработной платы работникам госсектора и увеличило размер пенсий. Но в условиях рынка, пусть даже социально ориентированного, эта прибавка была быстро съедена ростом цен на основные продовольственные и потребительские товары и услуги. Борьба с привилегиями и коррупцией в высших эшелонах власти, на фоне которой сирийский президент в свое время начал восхождение на властное поприще, могла бы заставить многих рядовых

сирийцев значительно серьезнее отнестись к президентской программе реформ. Однако этого сделано не было.

К тому же с реформами власть сильно запоздала. Многие в Сирии надеялись, что именно эти реформы начнут осуществляться в 2005 г. после X съезда ПАСВ, в документах которого были отражены их основные положения. Вне зависимости от желания сирийских руководителей сама логика событий заставляла предположить, что власть может проводить реформы только под давлением, а их серьезность и глубина зависят от решимости протестующих продолжать выступления.

Неслучайно лейтмотивом новых выступлений, начавшихся в конце апреля — начале мая 2011 г., стали требования продолжить реформы и придать им более глубокий характер. Протестные движения охватили практически все наиболее значимые городские и сельские центры страны. Носившие вначале мирный характер, демонстрации постепенно переросли в ожесточенные столкновения протестующих с силами правопорядка, в результате которых счет убитых и раненых с обеих сторон пошел на десятки и сотни. Не смогли устоять прежде спокойные столичные города — Дамаск и Халеб. Количество протестующих стало исчисляться уже не сотнями, а тысячами человек. Изменился социальный, возрастной и гендерный состав демонстрантов. К ним присоединились студенты и ряд преподавателей Халебского и Дамасского университетов, хозяева мелких лавочек и магазинов, люди среднего возраста, женщины и девушки. Изменился характер требований и лозунгов протестующих. Теперь демонстранты ставили целью добиться коренного изменения существующей политической системы и ее замены на новую, более созвучную требованиям и чаяниям народа. Наряду с прежними требованиями свободы, реформ, уважения прав и достоинства личности, все чаще стали раздаваться призывы к свержению правящего режима и отставке президента Башара Асада. Власть по-прежнему отказывалась от урегулирования кризиса политическими средствами, делая упор на использование силы. Последнее обстоятельство провоцировало раскол в армии. Так, готовящийся в первой половине апреля штурм портового города Баньяс удалось предотвратить после того, как туда вошли подразделения регулярной армии, гарантировавшие порядок и безопасность его жителей. Горожане встречали военных как своих спасителей и освободителей. Появились сообщения о перестрелках военных с силами безопасности, о расстреле последними солдат и офицеров, отказывающихся открывать огонь по демонстрантам. В результате того, что местные СМИ весьма скудно и односторонне освещали происходящее, а иностранным журналистам сирийские власти чинили всяческие препятствия, оппозиционные интернет-сайты и странички в социальных сетях стали основным источником информации о событиях в Сирии, а в ряде случаев превращались в поле информационной войны с официальными сирийскими СМИ.

В ходе этих событий впервые заявили о себе координационные комитеты, созданные во всех местах страны, где проходили акции протеста. Сформулированные ими требования предполагали широкую демократизацию политической системы, принятие новых законов о партиях, о выборах, независимость судебной системы, изменение порядка выборов президента, ограничение сроков президентства по образцам египетской революции.

Примечательно, что одним из важных пунктов этой программы была реформа спецслужб и создание новых органов безопасности, способных помочь осуществлению демократических реформ в САР. При этом немало оппозиционеров продолжало считать, что изменения в стране могли быть осуществлены сверху. Именно поэтому в ходе прошедших выступлений в ряде сирийских городов демонстранты наряду с требованиями «свободы» и «отставки режима» выкрикивали «мирная, мирная». При этом в большинстве случаев требования «отставки режима» носили адресный характер и в меньшей степени касались лично Башара Асада. Оппозиция требовала отставки, прежде всего, «силового» окружения президента, которое, как она считала, должно ответить за сотни убитых и раненых в результате неправомерного применения силы против мирных демонстрантов.

В мае 2011 г. стало очевидным, что силовая составляющая играет ключевую роль в политике власти по отношению к народным протестам. В рамках действовавшей политической системы иной реакции на подобные события было сложно ожидать. В условиях новой президентской власти Башара Асада продолжали сохраняться основные параметры прежней модели государственного устройства, созданной его отцом Хафезом Асадом за 30-летний период (1970–2000 гг.) правления страной. Отличительной особенностью выстроенной Х. Асадом модели являлась институализированная форма авторитаризма и сильное с точки зрения безопасности государство. На протяжении последних 40 лет характер военно-гражданских отношений в САР определялся приоритетным мнением военных в процессе принятия решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны. Поэтому не было ничего удивительного в том, что управление кризисом было полностью отдано в руки военных, прежде всего специальных служб. Именно они и определяли на всех последующих этапах развития кризиса не только судьбу режима, но и всей Сирии.

Вместо того чтобы не допустить выхода конфликтной ситуации за рамки правового, политического поля и попытаться урегулировать возникший кризис мирными средствами, путем диалога, власть прибегла к жесткому подавлению выступлений. Режим фактически не попытался использовать альтернативные механизмы урегулирования кризиса. Одним из таких механизмов являлась правящая ПАСВ, которая объединяла в своих рядах от 1,5 до 2 млн. человек⁴ и образовывала консолидирующий центр мобилизационной модели общества. Конечно, за последние десять лет ПАСВ существенно утратила популярность в сирийском обществе, особенно среди молодежи, и так и не смогла на практике реализовать постоянно предпринимавшиеся ею попытки реформироваться в духе происходивших в Сирии изменений. Но она сохраняла большой политический потенциал, а ее организации пронизывали все страты сирийского общества. Однако со времени начала волнений высший партийный орган Региональное Руководство хотя и неоднократно собирался на свои заседания, но проводил их в закрытом режиме. Поведенческий стереотип различных политических институтов государства в условиях жестко структурированной и вертикально выстроенной

⁴Размер среднестатистической сирийской семьи составляет 4–5 человек. Население Сирии составляет около 23 млн. человек.

модели политического устройства мотивировался транслировавшейся сверху⁵ установкой — протестные движения суть результат заговора врагов Сирии.

В связи с этим необходимо отметить, что если и был заговор⁶, то основной расчет делался на слабость и просчеты режима и недоучет им особенностей новой, революционной ситуации в регионе. Достаточно было организовать антиправительственные выступления на периферии и спровоцировать режим на ошибочные действия.

Таким образом, действия сирийских властей в острой кризисной ситуации оказались малоэффективными в плане перевода конфликта в политическое поле и его разрешения путем налаживания диалога с оппозицией. Усиление силовой составляющей в политике власти по управлению сложившейся ситуацией ускорило структурный кризис режима, внесло раскол в ряды правящих элит и обрушило программу реформ под предлогом укрепления стабильности и безопасности. Результатом подобной политики стал последующий рост протестных движений, повышение градуса борьбы, увеличение количества жертв среди демонстрантов и сил правопорядка и, как следствие всего этого, — сужение социальной базы поддержки режима, его ускоренная делегитимизация внутри страны и за ее пределами.

События июня 2011 г. ознаменовали новый этап в развитии сирийского восстания. В первой половине июня правительственные войска провели крупную спецоперацию по зачистке сел и городов на западе Сирии в пограничных с Ливаном районах и на севере вблизи турецкой границы. Возможно, она и имела некоторый успех с военной точки зрения, но в конечном счете обернулась политическим и морально-нравственным поражением режима. Его жестокие действия по подавлению восстания привели к большим потерям не только среди военных, но и среди мирных граждан. Случаи перехода солдат и офицеров на сторону восставших для их защиты не только участились, но и приняли постоянный характер. Таким образом, некогда единая военная корпорация дала трещину. Это подрывало основную опору режима в лице армии и грозило Сирии скатыванием в гражданскую войну. В основном в подавлении участвовали подразделения Дивизии республиканской гвардии (ДРГ), 4-я дивизии спецвойск и отряды «шабиха»⁷, командование которыми осуществлял брат президента Махер Асад. Эти подразделения на 85–90% были укомплектованы личным составом из числа алавитов. Численность этих элитных подразделений составляла приблизительно одну треть от общего состава вооруженных сил. Именно их представителей сирийская оппозиция обвиняла в убийстве сирийских солдат и офицеров, отказавшихся стрелять в мирных демонстрантов. В результате разрастания внутриармейского конфликта он постепенно становился конфессионально окрашенным. Как следствие этого в общество был послан не только сигнал гражданского раскола, но и розни по конфессиональному признаку. Об этом косвенно свидетельствовала география проведения спецоперации, некоторые ее особенности и результаты. Так, зачистке

⁵См. выступление Б. Асада в парламенте: SANA, 30.03.2011.

⁶См. champpress.net; filkkaisrael.com, 28-30.03.2011. Автор рекомендует критически относиться к информации этих сайтов, так как многие источники Интернета указывают на то, что они действуют при поддержке сирийских и иранских спецслужб.

⁷Агентура тайной сирийской полиции в основном из числа криминалитета и бывших уголовников.

подверглись в основном города, расположенные в районах, примыкающих к местам традиционного проживания алавитов. Операция проводилась в местах, расположенных по линии Аккар (Ливан), далее на север (граница с Турцией) и на восток (Хомс, Хама). Во время операции военные раздавали оружие жителям алавитских сел. Беженцы, численность которых к середине лета 2011 г. составила несколько десятков тысяч человек, были преимущественно суннитами. Как подтвердили события февраля-марта 2012 г., еще тогда (в 2011 г.) режим в своих действиях руководствовался соображениями конфессиональной географии. Для власти было важно удержать контроль над районом по линии Хомс — Халеб, а также в районах Арида — Тель Калах, которые в дальнейшем могли стать передовой линией обороны алавитов в противоборстве с суннитами. Однако реализовать подобные планы было крайне сложно. За последние десятилетия население этих районов сильно перемешалось и отделить «своих» от «чужих» было весьма непросто. К тому же большинство жителей этих районов находились в одинаково неважных условиях и не испытывали большой любви к режиму Асада.

Характерно, что сирийский режим с момента прихода к власти в 1970 г. Хафеза Асада позиционировался и старался вести политику исключительно как светский. Он базировался на баасистской трактовке идеологии арабского единства с элементами социализма, опирался на армию, где как в «плавильном котле» стирались все конфессиональные и религиозные различия и действовала мощная партийная организация. Действительно, многие властные позиции занимали выходцы из нескольких алавитских кланов, среди которых первенствовали кланы Асадов и Махлюфов. Но это вовсе не значило, что алавиты во власти отражали интересы всей алавитской общины Сирии и пользовались ее безусловной поддержкой. После прихода к власти в 2000 г. Башар окружил себя своими родными и их близкими родственниками, расставив их на самые важные и доходные посты в государстве. Так, могущественный кузен президента Рами Махлюф фактически подмял под себя практически весь доходный бизнес в стране. Таким образом, оказалась нарушена тщательно выстроенная Хафезом Асадом негласная система распределения социальных ролей между конфессиями по типу общественного договора. Основная суть ее сводилась к тому, что алавиты доминировали в армии и спецслужбах, а сунниты вольготно себя чувствовали в экономике и бизнесе в обмен на лояльность власти алавитов. При этом суннитская экономическая и бизнес-элита осознавала себя больше как партнеры, нежели клиенты алавитов в общем деле управления государством. К началу второго президентского срока (2007) Башара Асада, на который он фактически сам себя переизбрал, нарушив ранее данные им обязательства провести альтернативные выборы, все изменилось с точностью до наоборот. На фоне приближающегося экономического коллапса в результате кризиса суннитская буржуазия все меньше была склонна поддерживать режим. Это не замедлило сказаться в прежде относительно спокойных Халебе и Дамаске, где со второй половины лета 2011 г. на улицы стало выходить все больше людей с лозунгами отставки Асада. Акции протеста приняли перманентный характер. Их главным требованием стало свержение режима. Значительно выросла численность мирных

демонстраций. В некоторые дни число их участников превышало 1 млн. человек. Увеличилось и число погибших среди протестующих — до 1600 человек, из которых две трети были людьми в возрасте до 35 лет. Среди них было около 100 детей.

20 июня сирийский президент выступил с телевизионным обращением к сирийскому народу. Вопреки ожиданиям президент не пообещал в ближайшее время собрать парламент, чтобы отменить статью 8 конституции. Вместо этого он около часа говорил о реформах, которые собирался провести в течение ближайших 6 месяцев. В то же время он подтвердил прежний курс режима на силовое подавление восстания. Асад также заявил, что если протесты не прекратятся, то через 2–3 месяца экономика может не выдержать⁸. Действительно, по некоторым данным, в сирийской казне к середине лета 2011 г. золотовалютных запасов оставалось на 17 млрд. долларов. Это позволяло власти импортировать продовольствие и предметы первой необходимости в течение еще 7 месяцев. Возможно, отчасти поэтому уже через день Асад объявил о второй всеобщей амнистии.

Жесткие действия режима по подавлению восстания и многочисленные жертвы среди мирного населения серьезно осложнили международное положение страны. В результате сирийские события получили широкий резонанс и привели к интернационализации конфликта. Спасаясь от жестоких репрессий, более 17 тыс. мирных сирийских граждан, вынуждены были бежать в Турцию (12 тыс. беженцев), на север Ливана (5 тыс.), в Иорданию.

Отношения с некогда союзной Турцией окончательно испортились. Визит специального посланника сирийского президента генерала Х. Туркмани в Турцию и его беседы с турецким руководством не смогли изменить ситуацию в турецко-сирийских отношениях. Местные власти предоставили свою территорию не только для лагерей беженцев, но и в качестве опорных баз вооруженной и политической сирийской оппозиции. Дальнейшая эскалация вооруженного противостояния, особенно в приграничных с Турцией районах, заставляла Анкару всерьез задуматься о создании буферной зоны на сирийской территории. Особую обеспокоенность турецких властей вызывала возможная реакция на сирийские события населения курдских районов и проживавших в районе Искендеруна алавитов (300–400 тыс.). Ведущие европейские державы — Франция, Великобритания, Германия при поддержке США стали активно продвигать в СБ ООН резолюцию, осуждавшую насилие сирийских властей в отношении мирных граждан. Однако жесткая позиция России и Китая и использование ими права «вето» не позволили принять «анти-сирийскую» резолюцию. В то же время Россия и Китай не могли блокировать ужесточение политических и экономических (нефтяных, банковских) санкций ЕС (50% товарооборота САР). В позиции Вашингтона явно наметился крен в пользу отставки правящего в САР режима. Позиция ЛАГ стала постепенно меняться не в пользу сирийского режима. Некоторые ее члены, в основном страны ССАГЗ, предлагали приостановить членство САР в этой организации. Наряду с Россией и Китаем сирийский режим пользовался поддержкой ливанской «Хизбаллы» и Ирана и отчасти палестинского ХАМАС. По данным сирийской оппозиции, Иран оказывал Дамаску финансовую и военную помощь, а бой-

⁸SANA, 20.06.2011.

цы «Хизбаллы» и КСИР принимали участие в подавлении восстания сирийского народа. Лидеры ХАМАС были поставлены в затруднительное положение. С одной стороны, они пользовались всяческой поддержкой Дамаска, Тегерана и «Хизбаллы» в борьбе с Израилем, а с другой — будучи в основе суннитским движением «Братьев-мусульман», не могли не считаться с позицией арабских стран с преимущественно суннитским населением, прежде всего Саудовской Аравией и Катаром.

В конце 20-х чисел июня 2011 г. в Москве находились с визитом представители сирийской оппозиции. Российская сторона призывала сирийскую оппозицию начать диалог с режимом, чтобы перевести конфликт в политическое русло. Оппозиция дала понять, что готова сотрудничать с отдельными представителями режима и его политическими институтами, не замешанными в преступлениях. При этом ее представители настаивали на необходимости предварительной отставки Б. Асада и его режима. Однако российская сторона не могла согласиться с требованием оппозиции об отставке режима, которому она оказывала не только политическую, но и военную (с августа 2011 г.) поддержку. Во время пресс-конференции в Париже 1 июля 2011 г. со своим французским коллегой министр иностранных дел РФ С. Лавров призвал сирийскую оппозицию изменить свою жесткую линию в отношении режима и предлагаемых им реформ⁹.

В этой связи необходимо отметить, что к моменту начала сирийского восстания внутри Сирии не было сколько-нибудь серьезной и организованной оппозиции. В свою очередь зарубежные отряды сирийской оппозиции были плохо связаны с внутренней жизнью в Сирии, занимались в основном информационно-пропагандистской работой и были разобщены. Только через 3–4 месяца после начала сирийского восстания оппозиция стала объединять свои ряды и выработать программу действий на своих съездах в Анталии, Брюсселе, Стамбуле.

Во второй половине июля 2011 г. представители национальной и зарубежной сирийской оппозиции предприняли шаги по созданию единой организационной структуры. Они заявили о намерении сформировать временное переходное правительство для выработки и принятия новой конституции, проведения парламентских и президентских выборов в самые короткие сроки. 20 августа 2011 г. в Дамаске на съезде оппозиционных политических сил был образован «Национальный координационный комитет сил за национально-демократические перемены». Его возглавил Хасан Абдель Азиз. В его состав вошли 13 различных политических партий и организаций левой политической ориентации широкого идеологического спектра (панарабские, арабские националисты, сирийские националисты, насеристы, коммунисты, троцкисты, маоисты) с сильной светской составляющей. На момент образования этой оппозиционной структуры в состав ее руководящих органов входил Б. Гальюн, который позднее возглавил образовавшийся в октябре 2011 г. Сирийский Национальный Совет (СНС), который представлял в основном различные отряды зарубежной сирийской оппозиции, в том числе и «Братьев-мусульман». И те и другие выступали за свержение режима Асада, коренное реформирование сирийских

⁹AFP, 02.07.2011.

спецслужб, строительство нового сирийского государства на демократических, гражданских основах, принципах парламентаризма и плюрализма, защиты прав меньшинства. И те и другие сталкивались с общими проблемами. Прежде всего, это касалось их руководителей, которые находились в далеко не «детском» возрасте. Они олицетворяли собой опыт борьбы с асадовским режимом за демократические перемены последней трети XX — первых лет XXI вв. Поэтому они испытывали определенные трудности в нахождении общего языка с революционной молодежью (военной и гражданской) из координационных комитетов сирийской революции. Между Координационным комитетом за перемены и СНС сохранялись расхождения в тактике подходов к решению указанных вопросов, но они постепенно нивелировались. Так, 30 декабря 2011 г. между Координационным комитетом и СНС было подписано соглашение о сотрудничестве. Однако по-прежнему оставался ряд спорных вопросов. Так, в отличие от СНС Координационный комитет был категорически против какого-либо иностранного (неарабского) вмешательства в сирийские дела и милитаризации сирийского восстания. Его представители также возражали против монополизации какой-либо одной структурой права представлять интересы сирийской революции.

Развернувшиеся в начале июля 2011 г. события вокруг сирийского города Хама стали серьезным испытанием для режима и оппозиции. В какой-то степени они сыграли роль ускорителя в развитии дальнейших событий в Сирии и вокруг нее. 1 июля 2011 г. в Хаме прошли самые крупные народные манифестации протеста с момента начала сирийского восстания. Характерно, что в демонстрациях приняло участие от 500 до 700 тыс. человек. Все население Хамы составляло не более 800 тысяч. В результате четвертый по численности населения сирийский город оказался в руках противников режима.

События в Хаме поставили режим перед сложной дилеммой. Штурм города армейскими частями мог ускорить раскол внутри военной корпорации и ужесточить реакцию международного сообщества на события в Сирии. В стране и за ее пределами росли опасения повторения событий 1982 года. С другой стороны, превращение Хамы в опорный пункт противников режима означало бы, что сирийское правительство не контролирует ситуацию в стране. Более того, Хама могла бы стать вторым «бенгази» и таким образом спровоцировать вооруженное вмешательство извне по ливийскому образцу. В создавшихся условиях любая подобная попытка могла привести к окончательному расколу армии. При этом никто не мог гарантировать, что армия расколется на патриотической основе, а не по профессиональному признаку.

Немаловажно и то, что в отличие от других арабских армий сирийская являлась «идеологической». Согласно статье 11 действовавшей конституции она защищала идеи баасизма и революционные (баасистская революция 8 марта 1963 г.) завоевания сирийского народа. Эта же статья давала власти правовые основания применять армию не только против внешнего противника, но и внутри Сирии против «врагов революции», монопольное право на имплементацию идей (единство, свобода, социализм) которой имела согласно статье 8 конституции ПАСВ. Поэтому, в отличие от Египта и Туниса, сирийский генералитет в целом сохранял

лояльность власти Б. Асада. Однако в случае утраты политическим режимом САР контроля над происходящим в стране, патриотически настроенная часть сирийского офицерства могла начать пересматривать свое отношение к президенту¹⁰.

К тому же за последние 10 лет конфессиональная карта Сирии претерпела серьезные изменения. Это не могло не отразиться на армии. Численность суннитов в армейском командовании к середине 2010 г. достигла наивысших показателей с момента прихода к власти в САР ПАСВ. В руководстве различных управлений Генштаба число суннитов выросло с 38% в 2000 г. до 54% — 58% в 2010 г. В то же время, несмотря на политику «открытости» в отношении суннитов, режим по-прежнему относился к ним с недоверием.

Указанные трансформации детерминировались как внутренними, так и внешними причинами. Традиционные проблемы сирийской экономики и предпринятые правительством попытки ее модернизации, внедрение рыночных механизмов в условиях сохраняющегося неэффективного аппарата администрирования привели к заметному ухудшению условий жизни сирийской периферии. Основной костяк призывников и части контрактников составили выходцы из бедных, многодетных суннитских семей. С другой стороны, рост популярности идей исламского сопротивления в условиях вовлеченности Сирии в противостояние с Израилем и широкого распространения в сирийском обществе моральных норм и ценностей ислама не могли не оказать влияния на армию, постепенно размывая ее светский характер. В то же время сирийский режим поддерживал исламское сопротивление в Ливане и Палестине, но жестко пресекал деятельность «исламистов» внутри страны. Подобная дихотомия и ее негативные последствия особенно рельефно проявились во время кризиса. С этой точки зрения использование режимом военных в борьбе против собственного народа, в условиях когда оккупированные сирийские территории (Голаны) в течение последних 40 лет являлись самым спокойным участком арабо-израильского противостояния, стало серьезной ошибкой власти и поставило армию на грань раскола.

Разложение сирийской армии пошло быстрыми темпами после захвата Триполи и победы ливийской революции. Однако еще в середине лета 2011 г., особенно после операций сирийской армии в Джиср аш-Шугур и штурма Хамы, часть патриотически настроенных офицеров и солдат, вышедших из состава правительственных войск, образовали Свободную сирийскую армию (ССА). В течение осени 2011 г. раскол в армии только усиливался. Все больше офицеров и солдат переходило на сторону революции и сражалось со своими бывшими сослуживцами и коллегами. Даже элитные части ДРГ оказались затронуты этим процессом. К концу октября — началу ноября 2011 г. ССА состояла из 22 бригад и 10–15 тысяч бойцов. Некоторые источники озвучили численность дезертировавших чуть ли не в 90 тыс. человек. Но не все из них сразу вошли в состав ССА. Однако чтобы противостоять 200–220-тысячной сирийской армии, этого было явно недостаточно. Возможно, поэтому в одном из своих заявлений командующий ССА Риад аль-Асаад дал ясно понять, что режим либо сам падет под напором массовых мирных демонстраций, либо будет сброшен вооруженным путем¹¹.

¹⁰Подробнее о роли армии в арабских революциях см. в этом сборнике статью В.М. Ахмедова «Роль армии...».

¹¹al-Jazeera.net, 22.10.2011.

К началу зимы 2011 г. ситуация в Сирии еще больше осложнилась. Демонстрации протеста охватили практически всю территорию страны. Для подавления протестных выступлений режим стал использовать бронетехнику, артиллерию, а в ряде случаев и вертолетную авиацию. Дамаск обвинил ряд стран, прежде всего США, Францию, Турцию, Катар и Саудовскую Аравию, в поддержке вооруженной сирийской оппозиции и вмешательстве во внутренние дела страны. Многие сирийские города оказались в осаде. Демонстрации, которые раньше по большей части носили мирный характер, все больше стали приобретать контуры вооруженной борьбы с верными режиму войсками. Число жертв среди мирных граждан во время боевых столкновений со штурмовавшими «мятежные» города правительственными войсками значительно выросло и стало составлять от 30 до 50 человек ежедневно. После того как протестующие убедились в том, что режим еще достаточно крепок, а значительная часть армии и спецслужб его поддерживает, на улицы сирийских городов демонстранты стали выходить с требованием установить «воздушную блокаду Сирии». Еще недавно все отряды сирийской оппозиции, в том числе и СНС, были категорически против любого иностранного вмешательства (тем более вооруженного) во внутренние дела страны. Теперь они не исключали возможности организации международным сообществом какой-то формы защиты мирного населения от насилия со стороны властей.

5 ноября 2011 г. глава СНС Б. Гальюн в ходе телевизионного интервью¹² потребовал обеспечить арабскую и международную защиту мирных сирийских граждан от насильственных действий режима. СНС не исключал также вариант вооруженного иностранного вмешательства в САР. Однако проведение военной операции в Сирии по ливийскому образцу было крайне маловероятно. Одним из главных сдерживающих факторов служило то, что по оценкам западных экспертов ситуация в Сирии была еще «не готова» для начала операции по вооруженному вторжению и поэтому чревата большими рисками и непредсказуемым исходом. Сирийской оппозиции не удалось создать на территории государства свой собственный «бенгази». Для многих на Западе не был решен вопрос о том, как поведут себя сирийские массы в случае вторжения. Не до конца был ясен состав и цели сирийской оппозиции, степень ее сплоченности в случае проведения подобной операции. Тем более что значительная часть сирийской оппозиции внутри страны выступала против вооруженного вмешательства. К тому же Москва продолжала поддерживать режим Асада, опасаясь, что в случае его смены российские интересы в Сирии могут серьезно пострадать. Об этом ясно свидетельствовали результаты переговоров С. Лаврова с главой СНС Б. Гальюном, которые прошли зимой 2011 г. в Москве. В ноябре 2011 г. по сообщению печатного органа ПАСВ «аль-Баас» и «независимой» сирийской газеты «аль-Ватан» (финансировалась Рами Махлюфом) в территориальные воды САР зашли нескольких военных российских кораблей. Москва также продолжила выполнение ранее заключенных с САР военных контрактов и заключила новые, поставив режиму новейшее ракетное оружие и самолеты¹³.

¹²al-Arabiya.net, 05.11.2011.

¹³«аль-Баас», 19.11.2011; «аль-Ватан», 17.11.2011.

Однако это не помешало США, ЕС, Турции ужесточить свою позицию в отношении Дамаска. США и ЕС приняли ряд новых санкций в отношении представителей сирийского режима, в том числе Башара Асада, потребовав его отставки. Турецкое руководство все больше склонялось к открытой поддержке сирийской революции. Активизировались разного рода спекуляции по вопросу о возможности создания на части пограничной с Сирией территории «буферной зоны», где могли бы закрепиться сирийские вооруженные антиправительственные части. Однако турецкие руководители в этом отношении вели себя очень осторожно и не спешили предпринимать какие-либо конкретные шаги в одностороннем порядке. В принципе Анкара и так оказывала достаточно серьезную поддержку сирийским повстанцам. Достаточно сказать, что командование ССА и штабы политической оппозиции размещались на турецкой территории. 22 ноября 2011 г. президент и премьер-министр Турции призвали Асада уйти в отставку и добровольно передать власть, чтобы избежать еще большего кровопролития в стране¹⁴. Одновременно Комитет по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов принял резолюцию, осуждающую применение сирийским режимом насилия в отношении мирных граждан и демонстрантов. Характерно, что среди инициаторов резолюции ГА ООН были арабские государства — Бахрейн, Саудовская Аравия, Иордания, Кувейт, Марокко, Катар.

Действительно, позиции многих арабских стран и ЛАГ заметно изменились в отношении сирийского режима. 2 ноября 2011 г. ЛАГ выдвинула мирный план по Сирии. Среди основных положений плана были: немедленное прекращение огня, насилия в отношении мирных граждан, отвод войск из районов боевых столкновений, освобождение из тюрем всех политзаключенных и арестованных во время антиправительственных акций, допуск на территорию Сирии арабских наблюдателей и представителей СМИ. На выполнение этих требований сирийскому режиму отводилось 15 дней. После этого противоборствующие стороны должны были вступить в диалог друг с другом для поиска путей по выходу из кризиса. План ЛАГ практически полностью приняли и одобрили все заинтересованные стороны, в том числе Дамаск и Москва. С другой стороны, многие положения плана отличались явной размытостью и неопределенностью. Во-первых, не было четкого временного графика прекращения насилия и отвода войск. Неясно, шла ли речь обо всех силовых структурах, действовавших против революционеров, или же только о регулярных частях армии. В этом случае у сирийского режима оставалась возможность для продолжения «зачисток» «мятежных» районов, оставив на местах силы безопасности и отряды шабиха. К тому же в плане не был заложен механизм контроля со стороны ЛАГ за выполнением его положений и не были обозначены меры по принуждению сирийских властей к его выполнению. И главное, цель, ради которой принимался план — начать национальный диалог власти с оппозицией, представлялась заведомо недостижимой. Подавляющее число отрядов сирийской оппозиции как внутри страны, так и за ее пределами отказывались говорить с режимом. С другой стороны, сирийский режим был не готов идти на кардинальные реформы политической системы. А также выводить войска, прекращать насилие, выпускать

¹⁴Al-Zaman, 22.11.2011.

из тюрем десятки тысяч заключенных, допускать на свою территорию зарубежные независимые СМИ, правозащитные организации и т.п. Поэтому мало кто верил в циркулировавшие в Дамаске и за его пределами сообщения о том, что комиссия под руководством вице-президента САР Ф. Шараа готовит всесирийскую конференцию национального согласия и Асад может делегировать Ф. Шараа часть президентских полномочий для налаживания такого диалога. Указанные сомнения усилились после неудачного визита Ф. Шараа в Россию, сам факт которого официальные Москва и Дамаск отрицали. Действительно, даже если допустить, что сам Асад согласился бы «отойти» в сторону ради реализации мирного плана, то вряд ли ему позволило бы это сделать его ближайшее окружение. Все это привело в конечном счете к срыву арабской мирной инициативы и провалу миссии арабских наблюдателей, приостановке членства САР в ЛАГ, принятию ею санкций в отношении Дамаска и передаче «сирийского досье» в СБ ООН, дальнейшей интернационализации конфликта.

К концу 2011 г. в Сирии наметилась устойчивая и быстро развивающаяся тенденция к «милитаризации» конфликта. Общее число убитых составило к началу 2012 г. около 7 тыс. человек. Столкновения противоборствующих сторон постепенно перерастали в вооруженную борьбу ССА, других вооруженных повстанческих отрядов и правительственных служб безопасности и спецвойск. Для объединения всех вооруженных антиправительственных сил и руководства действиями революционных военных в ССА был создан Военный совет. Одновременно СНС принял политическую программу построения новой Сирии, бойцы ССА предприняли серию серьезных вооруженных атак с применением РПГ на ключевые военные и гражданские правительственные объекты в Дамаске и его пригородах. Сирийские революционеры не собирались сдаваться. Они только наращивали сопротивление, рассчитывая, что раскол в армии продолжится и усилится. Командующий ССА Р. аль-Асаад заявил о готовности продолжать вооруженную борьбу с режимом¹⁵.

Новый 2012 год Сирия встретила в относительно спокойной обстановке, благодаря работе на ее территории миссии арабских наблюдателей. Однако, как стало ясно в дальнейшем, это спокойствие было обманчивым и стало прелюдией к еще более трагическим событиям в стране.

¹⁵al-Jazeera.net, 19.11.2011.

А.В. Демченко

Иордания

С начала 2011 г. Иорданское Хашимитское Королевство, подобно многим другим странам арабского мира, вступило в полосу народных волнений. Эти события стали результатом противоречивости и непоследовательности политики короля Абдаллы II как в политической, так и социально-экономической сфере. Главным требованием оппозиции стало проведение широкой конституционной реформы, которая бы существенно ограничила полномочия короля и повысила бы роль законодательного органа в управлении страной. Абдалла II за время протестов показал себя как крайне неуступчивый политик в том, что касается радикального изменения конституции. Это связано не столько с его нежеланием делиться властью с парламентом, сколько с пониманием того, что традиционная для страны слабость политических партий, соперничество и недоверие между иорданскими палестинцами и восточноиорданцами может привести к дестабилизации, если процесс реформ будет форсирован. Несмотря на то что внутривластный кризис в королевстве затянулся, этнодемографические особенности Иордании, специфика исламистской оппозиции, патриархальный характер политической жизни страны, низкая популярность партий и сложившийся баланс сил между различными группами населения, при котором король, чья легитимность подкрепляется происхождением династии от пророка Мухаммада, находится над схваткой, выступает как главная консолидирующая сила и верховный арбитр, позволяют рассчитывать, что кризис в королевстве, в отличие от некоторых арабских стран, не дойдет до опасной черты, и оно сохранит репутацию одного из самых стабильных государств арабского мира.

Приоритеты первых лет правления

Абдалла II, занявший трон короля Иордании в 1999 г., одним из приоритетов своего правления объявил проведение реформ в политической и экономической областях. Он выдвинул идею создания устойчивых массовых светских партий, относительно лояльных властям и служащих противовесом исламистам — «Братьям-мусульманам» и их политическому крылу, Фронту исламского действия (ФИД). Вовлечение населения в политическую жизнь, по мысли монарха, должно происходить на основе иорданоцентристских идей. С этой целью в октябре 2002 г. король предложил концепцию «Иордания превыше всего». Ее цель — сплотить население вокруг решения вопросов социально-экономического развития страны, отвлечь внимание от внешнеполитических региональных проблем (палестино-израильского и иракского конфликтов)¹. Акцент на внутренних делах Иордании, четко обозначенный в названии документа, связан не только со стремлением оградить страну от негативного влияния из сопредельных государств, но и со структурой иорданского общества. По неофициальным данным, до 60% населения страны составляют палестинские беженцы и их потомки, которые являются полноправными гражданами². При этом палестинцы, в отличие от восточноиорданской части населения бедуйского происхождения и потомков выходцев с Северного Кавказа (черкесов и чеченцев, переселившихся в Иорданию в начале XX в.), никогда не считались абсолютно лояльными правящей династии. Представительство палестинцев в органах власти невелико, но зато они занимают хорошие позиции в бизнесе. Они традиционно более политизированы, восприимчивы к событиям вокруг ближневосточного конфликта и составляют значительную часть электората ФИД, причем не столько из интереса к политическому исламу, сколько потому, что им близок жесткий подход Фронта к Израилю.

Абдалла II является вполне вестернизированным, современным и динамичным лидером, понимающим неотвратимость глобализации, со всеми ее плюсами и минусами для стран Востока, осознающим необходимость соответствовать ожиданиям Запада, толкающего арабские режимы к демократизации. Именно поэтому он проявляет заинтересованность в модернизации политической системы. Король учитывает, что лояльные партии могут служить в качестве опоры его власти, а исламистская оппозиция имеет право на существование и также должна быть вовлечена в парламентскую жизнь, так как это способствует умеренности и удерживает ее в легальном поле. Наконец (возвращаясь к палестинскому фактору), для Абдаллы II важно расширить участие палестинцев в политической жизни страны при обязательном условии постепенности этого процесса и повышении лояльности подданных палестинского происхождения, усилении иорданской составляющей их идентичности.

В экономической сфере Абдалла II продолжил курс своего отца, короля Хусейна (1953–1999 гг.), на создание современной рыночной экономики, что особенно важно, так как страна не имеет значительных полезных ископаемых. Наиболее сложные времена иорданская экономика

¹Jordan First Document. — http://www.kingabdullah.jo/template.php?page_id=94&menu_id=245&menu_id_parent=17&lang_hmka1=1

²Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания. Справочник. М., 2003, с. 30.

переживала в первой половине 2000-х годов из-за палестинской интифады, ухудшившей инвестиционный климат, и войны в Ираке, которая привела к росту цен на нефть. Однако увеличение помощи со стороны США и аравийских монархий, восстановление торгово-экономических связей с Ираком, увеличение объемов денежных переводов от иорданцев, работающих за рубежом, а также приток инвестиций со стороны состоятельных иракских беженцев способствовали экономическому буму 2005–2008 гг. В эти годы (пока не начался мировой финансовый кризис) рост ВВП достигал 8% в год. Власти сделали упор на осуществление приватизации, поддержку частного предпринимательства и повышение транспарентности в сфере бизнеса, облегчение условий торговли (особенно экспорта в зарубежные страны), привлечение инвестиций, развитие сектора услуг (туризма, образования и здравоохранения). Как отмечает российский арабист Л.Н. Руденко, «все это способствовало позитивной трансформации иорданской экономики»³.

Реформы осложнялись непоследовательностью, избирательностью, сохранением административных барьеров для бизнеса. Преобразования во многом тормозились правящей элитой, чиновниками госсектора и даже частью общества (особенно в провинциях, где преобладают восточноиорданцы). Дело в том, что в 1950–1980-х гг. государство играло большую роль в экономике, занимаясь ее планированием, распределением ресурсов, защитой внутреннего рынка, субсидируя основные продукты питания и бензин, выступая главным работодателем для населения и давая привилегии политикам и племенным лидерам. Даже сейчас заработная плата госслужащих составляет 58% от всех расходов правительства. Большинство госслужащих разного ранга — это восточноиорданцы, которые, таким образом, становятся главными противниками реформ. Не способствуют успеху преобразований частая смена правительств, а также то, что реформы осуществляются сверху небольшой группой технократов, ориентирующихся на рекомендации Международного валютного фонда⁴.

Абдалла II и оппозиция: история отношений

Еще одна проблема, стоящая перед властями Иордании, — исламистская оппозиция. Королевство представляет собой пример наименее конфликтного и «мягкого» взаимодействия правящих кругов и исламистов. С одной стороны, власти проявляют заинтересованность в участии «Братьев-мусульман» в парламентской жизни страны; с другой — оппозиция демонстрирует отсутствие намерений сменить режим или сделать ставку на нелегальные методы политической борьбы. Специфику политическому исламу придает палестинский фактор, так как среди иорданских исламистов есть крыло, поддерживающее тесные связи с ХАМАС. Иорданские «братья» всегда выступали на стороне радикально настроенных сил в Палестине, не признавая палестино-израильских соглашений в Осло 1993 г. и иордано-израильского мирного договора 1994 г.

³Руденко Л. Иордания: приверженность экономическим реформам. Новое восточное обозрение, 31.01.2011. — <http://journal-neo.com/?q=ru/node/4077>

⁴Sufyan Alissa. Rethinking Economic Reform in Jordan: Confronting Socioeconomic Realities // Carnegie Papers. Carnegie Middle East Center. №4, July 2007, p. 9–10. — http://www.carnegieendowment.org/files/cmec4_alissa_jordan_final.pdf

Начало палестинской интифады аль-Акса в сентябре 2000 г. взбудоражило население королевства, особенно его палестинскую часть. В преддверии парламентских выборов, намеченных на ноябрь 2001 г., во дворце посчитали, что у исламистов слишком хорошие шансы, и Абдалла II объявил о роспуске Национальной ассамблеи (парламента). Выборы в нижнюю палату были отложены до июня 2003 г. Несмотря на недовольство действиями властей, исламисты посчитали нецелесообразным бойкотировать выборы, и в Палату представителей было избрано 17 членов ФИД. После успеха «Братьев-мусульман» на парламентских выборах в Египте в декабре 2005 г., когда они получили 88 из 454 мест в законодательном органе, и победы ХАМАС на парламентских выборах в ПНА в январе 2006 г. в среде иорданских исламистов активизировались пропалестинские элементы. Генеральным секретарем ФИД был избран Заки Бани Иршад, тесно связанный с ХАМАС и оппонировавший руководителю «Братьев-мусульман» Салиму аль-Фалахату — представителю умеренного крыла.

В последующие годы пропалестинское крыло иорданских исламистов продолжало укрепляться. Обострившиеся разногласия между исламистами по палестинскому вопросу привели к их поражению на парламентских выборах в ноябре 2007 г. Сторонники ХАМАС призывали к отказу от участия в выборах, но не добились своего. В результате внутренней борьбы ФИД неудачно провел избирательную кампанию и получил лишь шесть мест в Палате представителей. Исламисты объясняли этот результат нелиберальным законодательством и фальсификациями властей. Провал на выборах способствовал укреплению радикального крыла «Братьев-мусульман». В мае 2008 г. на выборах нового главы организации победу с перевесом в один голос одержал иорданец палестинского происхождения Хаммам Саид, опередивший умеренного Салима аль-Фалахата. Умеренные проиграли также выборы в Маджлис аш-шура (Консультативный совет) «Братьев-мусульман» — высший руководящий орган организации. И хотя в июне 2010 г. после ожесточенной борьбы главой ФИД стал умеренный восточноиорданец Хамза аль-Мансур, в исламистских организациях, особенно на низовом уровне, наблюдается рост влияния иорданских палестинцев, что беспокоит королевский режим.

В преддверии кризиса: парламентские выборы 2010 г.

В конце 2009 г. власти Иордании предприняли обычный для них политический маневр, который многократно повторялся в истории страны, когда король сталкивался с недовольством подданных. Абдалла II 24 ноября распустил парламент, проработавший половину своего четырехлетнего срока. Решение короля объяснялось тем, что Палата представителей не пользовалась популярностью у населения и подвергалась критике за коррумпированность, некомпетентность, неэффективность. Традиционные упреки в адрес депутатов усилились на фоне социально-экономических проблем, которые переживала Иордания, затронутая мировым финансовым кризисом. Как свидетельствовали результаты опроса, проведенного американской организацией The International Republican Institute 8–11 августа 2009 г., более 50% иорданцев были не удовлетворены работой депутатов, а 42% считали, что законодатели не

представляют их интересы⁵. В парламенте были слишком сильны консервативные настроения. Депутаты не спешили принимать законы, которые бы способствовали притоку инвестиций и развитию частного сектора. Как отмечает американский исследователь К. Райан, такое поведение депутатов имело свою причину: экономическая либерализация и приватизация укрепили позиции палестинского предпринимательского класса, что вызвало недовольство многих восточноиорданцев, занятых в госсекторе⁶.

Вслед за роспуском парламента последовала отставка правительства Надира Дахаби, которого 9 декабря на посту премьер-министра сменил 43-летний технократ Самир ар-Рифаи. В послании новому кабинету министров Абдалла II говорил о необходимости продолжения реформ, модернизации, борьбе с коррупцией, повышении ответственности, эффективности работы чиновников, открытости органов государственной власти⁷. Исламисты одобрили роспуск королевства парламента и начало разработки нового закона о выборах.

Однако, принятый в мае 2010 г., этот закон был воспринят не только ими, но также интеллектуалами и либеральными политиками как шаг назад. Впрочем, прежний закон 2001 г. с последующими поправками так же не давал исламистам серьезных шансов. Закон сохранил принцип «один избиратель — один голос», при котором избиратель может проголосовать только за одного кандидата. Иорданцы с наиболее традиционными взглядами (особенно из провинции), предпочитающие голосовать в первую очередь за представителей своих кланов и племен, не имеют возможности отдать дополнительные голоса за кандидатов от партий, политические платформы которых им близки. Численность парламента увеличилась со 110 до 120 депутатов. Количество мест, предназначенное для женщин, удвоилось — с 6 до 12 кресел. Еще 12 мест отвели представителям этноконфессиональных меньшинств: для девяти депутатов от христианской общины и трех выдвиненцев от северокавказской. Резервирование в нижней палате мест для представителей религиозных и этнических меньшинств, поддерживающих короля, означало, что по этим квотам пройдут лояльные властям политики. Были выделены также два дополнительных места для депутатов, избравшихся от Амманского округа, и по одному от городов Зарка и Ирбид. Власти разделили королевство на избирательные зоны таким образом, что малонаселенные сельские районы и провинциальные города, где проживают коренные иорданцы, голосующие за лояльных королю клановых кандидатов, имеют непропорционально большое представительство в парламенте. Например, для Манского избирательного округа на юге страны с населением в 143 тыс. человек в парламенте предусмотрено семь мест, а для столицы страны Аммана с 2,3 млн жителей — только 28. Весьма спорным стало деление географических избирательных округов на так называемые виртуальные подокруга, не имеющие географических границ. От каждого из 108 подокругов избирался один депутат (остальные 12 членов парламента избирались по «женской квоте»).

⁵National Priorities, Governance and Political Reform in Jordan. National opinion public poll #7. The International Republican Institute, October 2009, p. 12, 21. — <http://www.iri.org/sites/default/files/2009-October-27-Survey-of-Jordanian-Public-Opinion,August-8-11,2009.pdf>

⁶Curtis R. Ryan. Jordan's new electoral law: reform, reaction, or status quo? // The Foreign Policy, 24.05.2010. — http://mideast.foreignpolicy.com/posts/2010/05/24/jordan_s_new_electoral_law_reform_reactor_or_status_quo

⁷His Majesty King Abdullah II's letter of designation to Samir Rifai. Amman, Jordan, 09.12.2009. — http://www.kingabdullah.jo/main.php?main_page=0&lang_hmka1=1

Человек, зарегистрированный в своей избирательной зоне, имел право проголосовать за кандидата, выдвинутого от любого виртуального округа⁸. И хотя предполагалось, что избиратель благодаря виртуальным подокругам отойдет от местечковых предпочтений при голосовании, на деле во время голосования из широкого списка кандидатов он все равно может выбрать знакомого ему местного лидера.

По словам политического комментатора крупной иорданской газеты «Аль-Гад» Джамилы Нимри, новый закон мешает созданию кандидатами коалиций на основе их политических платформ и способствует формированию племенных альянсов. Эксперт Центра стратегических исследований Иорданского университета Мухаммад аль-Масри отмечал, что после того, как в 1993 г. был введен принцип «один избиратель — один голос», в обществе сохраняется доминирование традиционной идентичности, а социальные и экономические интересы отходят на второй план⁹. Увеличение женской квоты и появление дополнительных мандатов для депутатов от Амманского округа стало единственной уступкой властей в ответ на требование оппозиции увеличить представительство городского населения и палестинцев. Особенности деления страны на избирательные зоны и виртуальные округа привели к тому, что решающее слово на выборах принадлежало восточноиорданцам, голосовавшим исходя из племенных предпочтений.

Принятие нового закона спровоцировало обострение противоречий среди исламистов. Так как их лидеры не смогли прийти к согласию относительно участия в выборах, были опрошены руководители среднего звена в регионах, из которых более 73% выступили за бойкот¹⁰. Фронт исламского действия после собрания Консультативного совета 31 июля объявил о бойкоте выборов. Из 120 человек только 18 проголосовали за предложение идти на выборы. Видный член ФИД Абу ас-Суккар заявил, что, кроме опросов партийцев по всей стране, Фронт принял во внимание мнение руководства «Братьев-мусульман», которое рекомендовало не участвовать в выборах¹¹. Глава Сената (верхней палаты парламента) Тахер аль-Масри признал, что решение оппозиции не участвовать в выборах ослабит будущий парламент. «Бойкот исламистов, главной оппозиционной группы в Иордании, означает, что мы получим парламент без организованной оппозиции», — заявил политик¹².

Подготовка к парламентским выборам проходила в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке. Население проявляло недовольство ростом цен на продукты питания, бензин (инфляция в 2011 г. составила 6,1%), высокой безработицей (по официальным данным? составляющей 13,3%, по неофициальным — 20%). Бюджетный дефицит достиг 2,1 млрд. долларов, внешний долг — 11 млрд., то есть около 60% ВВП страны. Под влиянием мирового финансового кризиса сократились переводы от иорданцев, работающих за границей, снизился приток

⁸Канун аль-интихаб аль-урдуний ли маджлис навваб ли сана 2010. — <http://www.mopd.gov.jo/files/%20%20d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86%20d8%a7%d9%84%d8%a7%d9%86%d8%aa%d8%ae%d8%a7%d8%a8%202010.pdf>

⁹The Jordan Times, 09.05.2010.

¹⁰Abu Rumman Muhammad. Jordan's Parliamentary Elections and the Islamist Boycott // Arab Reform Bulletin, October 20, 2010. Carnegie Endowment for International Peace. — <http://www.carnegieendowment.org/arb/?fa=show&article=41769>

¹¹The Jordan Times, 01.08.2010.

¹²Maan, 09.11.2010.

иностраннных туристов и инвестиций. Прирост ВВП упал с 7,8% в 2008 г. до 2,3% в 2009 г. Эксперты МВФ оценивали прирост ВВП в 2010 г. в 4,1%. Финансовые трудности заставили власти снизить ассигнования, сдерживающие цены на социально значимые товары¹³.

В такой обстановке 9 ноября 2010 г. прошли выборы в парламент. Согласно официальным итогам подсчета голосов, оглашенным 11 ноября министром внутренних дел Найефом Кади, в Палате представителей только 17 депутатов из 120 представляют политические партии. Депутатский корпус нижней палаты, избираемой на четыре года, существенно обновился: 78 человек ранее не заседали в парламенте. Явка на выборах составила около 53% от более чем 2,4 млн избирателей (в Аммане — только 34%). Оппозиция указала на это как на признак недоверия населения к властям, однако такой показатель участия в голосовании обычен для Иордании: например, в 1989 г., когда после 22-летнего перерыва король Хусейн решил провести выборы и даже допустить к ним исламистов, явка была столь же низкой. В этой связи премьер-министр ар-Рифаи справедливо отметил, что «бойкот исламистами выборов не оказал влияния на голосование»¹⁴.

Коалиция оппозиционных сил — Демократической народной партии («Хашед»), Иорданской баасистской партии, Коммунистической партии Иордании и Партии национального единства — выставила восемь кандидатов. Из них в парламент прошла только Абла Абу Олба — генсек «Хашед», избранная по женской квоте в одном из районов Аммана. Как заявил пресс-секретарь «Братьев-мусульман» Джамиль Абу Бакр, «это не провал политических партий, это провал демократии и политической реформы». Из семи независимых исламистов в нижнюю палату прошел один. Помимо отсутствия исламистов, особенностью 16-го в истории Иордании состава парламента стало сокращение количества депутатов-палестинцев, которых и раньше не бывало более 20%, а в новом парламенте оказалось почти в два раза меньше¹⁵. Парламент остался традиционно лояльным королю и даже безынициативным, так как основную часть депутатов составили представители восточноиорданских племен и кланов.

Динамика политического кризиса 2011 г.

Спустя два месяца после парламентских выборов у оппозиции появилась возможность оказать давление на власть в целях проведения серьезных реформ. В начале января 2011 г. в Иордании, под влиянием антипрезидентских выступлений в Тунисе, начались акции протеста. Население выступало против резкого роста цен на бензин и продукты питания, инфляции, высокой безработицы, коррупции. Волнения проходили в регионах (в городах Дибан, Керак, Салт), а потом распространились на столицу Амман и другие города (Зарку, Ирбид, Маан, Аджлун). Активное участие в акциях протеста жителей районов с преимущественно восточноиорданским

¹³Maan, 09.11.2010; Schenker David, Pollock David. Jordan: Heightened Instability, But Not Yet a Major Crisis. The Washington Institute for Near East Policy, 01.02.2011. — <http://washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=3298>; The Associated Press, 01.11.2011.

¹⁴Agence France Presse, 11.11.2010.

¹⁵Al Jazeera, 10.11.2010. — <http://english.aljazeera.net/news/middleeast/2010/11/2010111011597439770.html>

(а не палестинским) населением вызвало озабоченность властей. Хотя подобные выступления против плохих условий жизни в провинциях и конфликты между племенами и государством по вопросам принадлежности земель случались и прежде, на этот раз они приняли более массовый характер, а их география расширилась, так как зарубежный пример вдохновил недовольных и вселил в них уверенность в своих силах. Затем организацией более масштабных и громких акций протеста, особенно в столице, занялись основные оппозиционные силы: профсоюзы (14 профсоюзов, в которых насчитывается 200 тыс. членов), «Братья-мусульмане» и коалиция шести партий (ФИД, «Хашед», Коммунистическая партия Иордании, Иорданская социалистическая партия Баас, Арабская социалистическая партия и Партия народного единства). Таким образом, основными участниками акций протеста стали исламисты, либералы, левые, а также представители племен, что предопределило гетерогенность оппозиции.

Сразу после начала волнений власти постарались удовлетворить требования манифестантов. Был разработан пакет мер, предусматривавший расходование около 500 млн. долл. на повышение зарплат госслужащих и регулирование цен на топливо и 12 социально значимых товаров. 1 февраля король Абдалла II отправил в отставку правительство непопулярного реформатора ар-Рифаи. На его место был назначен Маруф аль-Бахит — представитель одного из влиятельных восточноиорданских племен, бывший глава разведки и посол в Израиле и Турции. В 2005–2007 гг. аль-Бахит руководил правительством, став премьер-министром после взрывов в отелях Аммана в ноябре 2005 г. Оппозиции, в том числе исламистам, было предложено войти в состав нового кабинета министров, но она отказалась. Абдалла II поручил правительству заняться решением социально-экономических проблем, переговорами с протестующими, а также изменением выборного законодательства.

Протестующие посчитали финансовые меры властей недостаточными и рассчитанными на краткосрочный эффект. Недовольство вызвала фигура аль-Бахита — явного силовика, а не социально ориентированного реформатора. Нападкам подверглось не только новое правительство, но и парламент, который почти единогласно (111 депутатов из 120) голосовал после выборов за продление полномочий непопулярного кабинета ар-Рифаи. Оппозиция потребовала изменить конституцию таким образом, чтобы повысить ответственность правительства перед парламентом, а также ввести норму, согласно которой кабинет министров формируется не королем, а парламентскими партиями¹⁶. В результате иорданская монархия, по мнению оппозиции, лишь формально считающаяся конституционной, должна стать таковой на самом деле. Экономические промахи прежних правительств протестующие объяснили именно тем, что депутаты не могли влиять на их политику. При этом все партии постоянно подчеркивали, что «Иордания — это не Египет», что их целью является не смена режима, а политические реформы. Как заявил аль-Мансур, «мы признаем и подтверждаем легитимность Хашимитов»¹⁷. Несмотря на доминирование в рядах оппозиции исламистов, требования протестующих не получили религиозной окраски.

Активизация оппозиции вызвала беспокойство восточноиорданской элиты, удовлетворенной сменой премьер-министра. Претензии части восточноиорданских политиков, отставных воен-

¹⁶The Jordan Times, 06.02.2011.

¹⁷The Jerusalem Post, 02.01.2011; The Jordan Times, 01.02.2011.

ных и шейхов племен были предъявлены лично королю. В середине февраля 36 глав бедуинских племен и кланов направили Абдалле II петицию, в которой раскритиковали его супругу, королеву Ранию, выразив недовольство как ее палестинским происхождением, так и политической и общественной активностью, противоречащей патриархальным ценностям «пустыни» и способствующей укреплению влияния палестинцев. Авторы обращения подчеркнули, что игнорирование их предупреждений может привести в Иордании к таким же беспорядкам, как в Тунисе и Египте¹⁸.

Реакцию руководства страны на действия оппозиции можно охарактеризовать как сдержанную, осторожную и отчасти компромиссную. Активно обсуждая вопросы, связанные с социальной сферой и борьбой с коррупцией, власти старались не заострять внимание на требованиях оппозиции по поводу изменения конституции, ограничиваясь обещанием пересмотреть закон о выборах, повысить роль партий, содействовать развитию свободных СМИ и гражданского общества. По решению короля 15 марта был создан «Национальный комитет по диалогу», в который вошли 52 представителя общественно-политических кругов: оппозиционеры, общественные деятели, один министр, представители профсоюзов, ученые и правозащитники. Во главе комитета стал спикер Сената. Однако властям не удалось привлечь к участию в комитете исламистов, которые восприняли новый орган как излишне лояльный королю, созданный для того, чтобы дать властям возможность избежать серьезных уступок протестующим, а принятые законодательные изменения представить как итог широкого общественно-политического диалога. С целью подготовки поправок в основной закон 26 апреля Абдаллой II был создан Королевский комитет по пересмотру конституции.

Уступки властей не удовлетворили оппозицию, и она продолжила проводить ставшие уже традиционными демонстрации после пятничной молитвы. Кроме того, в условиях роста протестного движения и опасения властей прибегать к жестким мерам для его подавления активнее себя начали проявлять салафиты. 15 апреля они провели демонстрацию в Аммане с требованием возвращения к основам ислама, таким образом дистанцировавшись от «Братьев-мусульман» с реформистской повесткой. Столкнувшись с выступлением внесистемной оппозиции, власти действовали жестко: полиция применила слезоточивый газ для разгона демонстрантов, шестеро полицейских получили ножевые ранения. Столкновения стражей порядка с салафитами повторились в конце апреля в Зарке. В ходе беспорядков несколько десятков исламистов были задержаны, около 80 полицейских получили ранения¹⁹.

Несмотря на эпизодические вылазки экстремистов, которые не пользуются поддержкой большинства населения страны и контролируются иорданскими спецслужбами, главной заботой Абдаллы II оставалась умеренная оппозиция во главе с исламистами. 21 мая она заявила о создании Национального фронта в поддержку реформ, в который вошли семь левых и центристских партий и ФИД, а также несколько профсоюзных организаций, женское и молодежное движения и ряд независимых общественных деятелей. Возглавил Национальный фронт Ахмад Обейдат, восточноиорданец, занимавший в 1970–1980-е гг. посты главы разведки, МВД и председателя правительства,

¹⁸Ammon News, 06.02.2011. — <http://en.ammonnews.net/print.aspx?Articleno=11523>

¹⁹Al-Shishani Murad Batal. Jordan's Abu Sayyaf: The Key Islamist Actor in Ma'an. Militant Leadership Monitor, 30.11.2011. — http://mlm.jamestown.org/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=38721&tx_ttnews%5BbackPid%5D=551&cHash=4e9acc a5ccb820039772bb45a0c9c440

а в 2007–2008 гг. возглавлявший Национальный правозащитный центр. На пресс-конференции Обейдат обнародовал программу фронта, которая совпала с предыдущими требованиями оппозиции. Основной акцент в документе делался на необходимости изменения конституции, которая стала бы «действительной основой для создания парламентской конституционной монархической системы в демократической стране»²⁰.

В ответ на требования оппозиции Абдалла II 14 августа огласил поправки в конституцию, которые были разработаны королевским комитетом. Они предполагали создание Конституционного суда, функции которого ранее выполнял Верховный суд во главе со спикером сената. Также было решено сформировать независимую центральную избирательную комиссию (ранее наблюдением за организацией выборов и подсчетом голосов занималось МВД). Король предложил снизить минимальный возраст депутатов парламента с 30 до 25 лет, запретить правительству принимать законы в период, когда парламент распущен, а также ограничить право короля досрочно прекращать полномочия членов нижней палаты. В соответствии с новыми правилами, в случае роспуска нижней палаты автоматически правительство так же отправлялось в отставку. Властями было обещано улучшить ситуацию в сфере соблюдения прав человека, включая ужесточение уголовной ответственности за посягательство на права и свободы граждан. Подчеркивался принцип невмешательства в частную жизнь граждан и тайну переписки. Король заявил, что для успеха политических реформ «необходимо, чтобы все силы и институты, сторонники политических партий, профсоюзные или общественные, были вовлечены в процесс реформ и сделали свой вклад в него»²¹.

Нижняя палата парламента 24 сентября проголосовала за принятие поправок. Из 99 присутствовавших депутатов 98 выступили за изменения в конституции, один — против. 28 сентября состоялось голосование в Сенате. Две трети членов верхней палаты поддержали поправки, отказавшись проголосовать лишь за изменение статьи 70, посчитав неприемлемым снижение минимального возраста парламентариев до 25 лет. Абдалла II 30 сентября подписал указ о вступлении 41-й поправки в силу²².

Реакция оппозиции на изменения в конституции была неоднозначной. ФИД охарактеризовал поправки как позитивные, но недостаточные и потребовал продолжить пересмотр основного закона. Исламисты повторили свои прежние требования об изменении избирательного законодательства и о формировании правительства парламентским большинством. В день одобрения королем поправок оппозиция провела 4-тысячный митинг в центре Аммана, потребовав отставки правительства аль-Бахита, проведения более радикальных политических реформ и ужесточения антикоррупционных мер.

Непрекращающиеся акции протеста заставили власти вновь пойти на уступки. Большинство членов парламента 16 октября проголосовали за отставку аль-Бахита, который пользовался ре-

²⁰The vision of Jordan's National Front for Reform. 25.05.2011. — <http://www.middleeastmonitor.org.uk/articles/middle-east/2396-the-vision-of-jordans-national-front-for-reform>

²¹Remarks by His Majesty King Abdullah II on the occasion of presenting the suggested constitutional amendments by the Royal Committee on Constitutional Review. Amman, Jordan, 14.08.2011. — http://www.kingabdullah.jo/index.php/en_US/speeches/view/id/482/videoDisplay/0.html

²²The Jordan Times, 29.09.2011.

путацией ретрограда, подвергался критике за неспособность вовлечь оппозицию в политический диалог. 17 октября король принял отставку главы правительства и назначил на его место 61-летнего юриста Ауна аль-Хасауну. Выбор аль-Хасауны в качестве премьер-министра был связан с тем, что его фигура не вызывала нареканий со стороны оппозиции. С 2000 г. он был судьей Международного суда ООН в Гааге, в том числе его вице-председателем в 2006–2009 гг. Таким образом, у нового главы кабинета министров была репутация человека, который прожил длительное время за рубежом и не был связан с иорданской политической элитой, обвиняемой исламистами в коррупции и кумовстве. Наряду с поручениями заняться решением социально-экономических проблем и развитием гражданского общества, король подчеркнул, что приоритетной задачей правительства является «завершение процесса изменения законов, регулирующих политическую жизнь, в первую очередь закона о выборах и закона о политических партиях». «Прежде чем законы будут приняты в соответствии с предусмотренной конституцией процедурой, они должны быть разработаны в ходе эффективного и конструктивного национального диалога со всеми политическими силами и гражданскими институтами», — говорилось в письме короля к аль-Хасауне²³.

Перемены в правительстве совпали с еще одним знаковым кадровым решением монарха. Пост главы разведки вместо Мухаммада ар-Раккада, руководившего спецслужбой с 2008 г., занял бывший посол Иордании в Марокко, сотрудник спецслужб Фейсал Шубаки²⁴. Причиной смены главы разведки стало недовольство оппозиции вмешательством консерватора ар-Раккада в политику и слабой борьбой с коррупцией, которая находится в ведении ведомства²⁵.

Аль-Хасауне, как и его предшественнику, не удалось уговорить исламистов войти в состав кабинета. ФИД в обмен на свое согласие войти в правительство выдвинуло следующие требования: изменение избирательного законодательства, роспуск действующего парламента, формирование правительства парламентским большинством, а Сената путем всеобщих выборов, ограничение полномочий короля по роспуску Палаты представителей. Исламисты выступили против участия в правительстве, так как аль-Хасауна отказался выполнять их условия²⁶. Ранее, 19 октября, премьер отложил проведение муниципальных выборов, запланированных на 27 декабря. Свое решение он объяснил необходимостью изменения соответствующего закона. Скорее же всего, власти посчитали, что устраивать выборы, которые исламисты решили бойкотировать, слишком рискованно, так как их проведение в соответствии с действующим избирательным законом будет выглядеть как демонстративный отказ короля и правительства идти на уступки оппозиции, и акции протеста лишь усилятся.

В октябре, после девяти месяцев «иорданской весны», в оппозиционном движении стала проявляться новая тревожная для властей черта. Со стороны отдельных, но заметных участников выступлений стала раздаваться критика не только в адрес правительства, парламента и властной элиты в целом, но и в адрес Абдаллы II. Выпады против короля варьируются от

²³His Majesty King Abdullah II Letter of Designation to Awn Khasawneh. Amman, Jordan, 17.10.2011. — http://www.kingabdullah.jo/index.php/en_US/royalLetters/view/id/297.html

²⁴Ammon News, 10.17.2011. — <http://en.ammonnews.net/article.aspx?articleNO=14165>

²⁵Barari Hassan, Schenker David. Jordan's Evolving Strategy toward the Pressures of the Arab Spring. The Washington Institute for Near East Policy, 01.11.2011. — <http://www.washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=3416>

²⁶The Jordan Times, 23.10.2011.

обвинений в нежелании проводить реформы для установления в стране реальной, а не декларативной, с точки зрения оппозиции, конституционной монархии до намеков на возможность отстранения правителя от власти за его неспособность проводить реформы.

Так, в начале октября Национальный фронт в поддержку реформ после нападения сторонников короля на участников митинга оппозиции в одной из провинций обнародовал заявление, в котором отмечалось, что «монополистический [характер] иорданского режима и тот факт, что [власть] сконцентрирована в руках короля, означает, что король несет полную ответственность за коррупцию, насилие и жестокость [в стране]...». На встрече сторонников оппозиции в доме бывшего члена парламента Гази аль-Файеза в городке аль-Люббан хозяин, открывая мероприятие, заявил, что «Хашимитские короли — это красная линия», имея в виду негласный отказ оппозиции от критики монарших особ. Когда в ответ на эти слова несколько человек покинули собрание, аль-Файез сделал уточнение, что «единственная красная линия — это отечество». Другой участник встречи — бывший депутат парламента Ахмад Увайди аль-Абади — прямо сказал, что люди хотят свергнуть короля²⁷. Позднее жесткую критику в адрес короля высказал Обейдат, который на конференции «Иордания за реформы» 7 января 2012 г. обвинил Абдаллу II в политическом кризисе, длящемся 12 лет, то есть все время его правления. Бывший премьер-министр подчеркнул, что если режим продолжит использовать старые методы борьбы с коррупцией, бюрократией и способы решения социально-экономических проблем, шанс провести реформы будет упущен и страну ждет катастрофа²⁸.

В связи с тем что новый премьер-министр не смог наладить диалог с исламистами, а в среде оппозиции зазвучали радикальные призывы, король 26 октября, выступая в нижней палате, пообещал, что парламент, который планируется переизбрать во второй половине 2012 г., будет избираться в соответствии с новым законом о выборах и о партиях, а парламентское большинство получит возможность сформировать правительство. Абдалла II сделал важное уточнение, отметив, что процесс перехода к парламентаризму будет постепенным, эволюционным; формирование правительства при участии парламента будет осуществляться на консультативной основе «до тех пор, пока система политических партий не достигнет зрелости, и они не станут играть видную роль в парламенте»²⁹.

Иордания и конфликт в Сирии

Определенное влияние на иорданскую внутривластную ситуацию и особенно международное положение королевства оказывают события в Сирии, где в приграничном с Иорданией городе Деръа 15 марта 2011 г. начались акции протеста против правящего режима во главе с президентом Башаром Асадом. Сирийская диаспора в Иордании, где проживает около 6,5 млн человек,

²⁷Цит. по: Varulkar H. The Arab Spring in Jordan: King Compelled to Make Concessions to Protest Movement. The Middle East Media Research Institute, 18.12.2011. - http://www.memri.org/report/en/0/0/0/0/0/5906.htm#_edn12

²⁸Arabs Today, 08.01.2012. — <http://www.arabstoday.net/en/2012010877272/obeidat-claims-jordan-is-in-crisis-due-to-king.html>

²⁹Speech from the Throne By His Majesty King Abdullah II Opening the Second Ordinary Session of the 16th Parliament. Amman, Jordan, 26.10.2011. — http://www.kingabdullah.jo/index.php/en_US/speeches/view/id/493/videoDisplay/0.html

достаточно внушительна, хотя точных данных о ее численности нет. По информации МВД королевства, на середину 1998 г. в стране находились 130 тыс. сирийцев³⁰. Иорданские СМИ в 2011 г. приводили цифру в 200 тыс. человек³¹. С апреля 2011 г. представители диаспоры начали регулярно проводить митинги около посольства Сирии в Аммане и представительства ООН. Так, 21 мая сирийцы собрались около офиса ООН и призвали эту организацию, а также Лигу арабских государств к активным действиям с целью свержения баасистского режима. Один из организаторов митинга Мухаммад Отри заявил, что в отношении Дамаска нужно принять такую же резолюцию, какая была принята по Ливии (резолюция Совета Безопасности ООН 1973, обеспечившая вооруженное вмешательство сил НАТО в ливийский конфликт)³².

Другая сила в Иордании, которая выступила на стороне сирийской оппозиции, — это исламисты. В начале июля они сформировали Народный комитет в поддержку Сирии, в который вошли около 100 иорданских политиков, интеллектуалов, журналистов и такие видные исламистские деятели, как Салим аль-Фалахат и Заки Бани Иршад. В заявлении организации говорилось о намерении «быть солидарным с сирийским народом в этот решающий и исторический момент их героической борьбы против деспотизма». По поводу роли сирийского режима в борьбе с Израилем, который для исламистов является главным врагом, члены комитета отметили, что «заявление о том, что Сирия вдохновляла сопротивление против Израиля, не должно служить прикрытием для режима, который убивает своих сыновей и детей, заключает протестующих в тюрьмы и использует танки для разрушения домов»³³. В последующие месяцы иорданские сирийцы и исламисты продолжали высказываться в том же духе, поддерживая радикальное вооруженное крыло сирийской оппозиции.

Отношение иорданских властей к событиям в Сирии, напротив, можно охарактеризовать как осторожное и взвешенное. Официальные лица воздерживаются от вмешательства в сирийские события, ограничиваясь общими заявлениями о необходимости прекращения насилия, начала диалога с оппозицией и проведения реформ. Амман старается балансировать между США, Саудовской Аравией, Катаром и Турцией, добивающихся ухода Асада, и собственными интересами. Первоочередным для Иордании является скорейшая стабилизация ситуации в САР либо под управлением Асада, либо под властью победившей оппозиции, но при условии, что в стране прекратится насилие, а не начнется межэтническая и межконфессиональная борьба и уничтожение прежней политической элиты. Это чревато появлением у границ королевства третьего очага нестабильности вдобавок к Палестине и Ираку, усилением угрозы со стороны радикального исламизма и притоком в Иорданию большого числа сирийских беженцев³⁴, тем более что в 2000-е гг. страна и так приняла около 500 тыс. иракцев.

³⁰Аганин А.Р., Соловьева А.З. Современная Иордания. Справочник / Отв. ред. В.А. Исаев. М., 2003, с. 33.

³¹The Jordan Times, 13.06.2011.

³²The Jordan Times, 22.05.2011.

³³Jordanians unveil first gathering in support of Syrian revolt // Monsters and Critics, 12.07.2011. — http://news.monstersandcritics.com/middleeast/news/article_1650778.php/Jordanians-unveil-first-gathering-in-support-of-Syrian-revolt

³⁴Точных сведений о числе сирийских беженцев и в Иордании нет. По данным Агентства ООН по делам беженцев, за год сирийского конфликта в Иорданию перебрались и зарегистрировались более 5 тыс. беженцев, а по словам представителя правительства королевства их реальное число составляет около 80 тыс.

Поэтому с началом волнений в Держа Иордания поддержала Асада, дав понять, что заинтересована в сохранении стабильности в Сирии. Абдалла II провел телефонные переговоры с сирийским президентом. Иорданский государственный министр по делам СМИ и коммуникаций Тахер Одван сообщил, что король выступил за сохранение стабильности и безопасности в Сирии. Чиновник опроверг сообщение сирийской газеты «Аль-Ватан» о том, что с территории королевства в Держа были направлены грузовики с оружием, а пересечь границу им помогли иорданские контрабандисты. Одван отметил, что такие публикации не повлияют на хорошие отношения между Иорданией и Сирией³⁵. В апреле, еще до начала штурма Держа, по приглашению президента Народной ассамблеи Сирии Махмуда аль-Абраса Дамаск посетила иорданская парламентская делегация во главе со спикером сената Тахером Масри. Асад заявил о намерении учесть иорданский опыт при проведении политических реформ, особенно в плане проведения выборов и деятельности политических партий³⁶. Во время штурма сирийскими войсками Держа в конце апреля, после того как сирийские власти отключили сотовую связь в приграничных районах, по неподтвержденным данным сирийской оппозиции, иорданская сторона сделала то же самое, чтобы жители Держа не могли пользоваться услугами иорданских операторов для координации антиправительственных действий³⁷.

По мере того как политический кризис в Сирии углублялся, Запад усиливал давление на Асада, а отдельные страны в индивидуальном порядке вводили санкции против Дамаска, Иордания проявляла все большую обеспокоенность затянувшимся сирийским кризисом. Глава МИД королевства Насер Джуда 7 августа в интервью иорданскому информагентству Petra выразил сожаление в связи с ростом насилия в Сирии, призвав стороны конфликта к диалогу и проведению реформ, чтобы положить конец кризису. Также министр подчеркнул, что Иордания не вмешивается во внутренние дела Сирии, но для королевства единство, безопасность и стабильность республики — это главное³⁸. По сравнению с высказываниями иорданских властей по сирийским событиям весной, во второй половине 2011 г. заявления стали менее благоприятными для Сирии, т.к. внутренняя обстановка в республике осложнилась, усилилась международная изоляция режима Асада и ухудшились перспективы его сохранения. В результате Абдалла II в интервью BBC 14 ноября сказал: «Если Башару небезразлична судьба его страны, он должен уйти в отставку». При этом король оговорился, что, прежде чем подать в отставку, сирийский лидер «должен создать условия перехода сирийцев к новому этапу политической жизни»³⁹.

Несмотря на ужесточение критики Асада, Иордания продолжила выступать против иностранного военного вмешательства в сирийские дела и поддержала курс на разрешение конфликта при посредничестве ЛАГ и ООН, которые активизировали свою деятельность на этом направлении в марте 2012 г.

³⁵The Jordan Times, 25.03.2011.

³⁶The Jordan Times, 12.04.2011.

³⁷Jordan Islamists (Hizb ut-Tahrir) demonstrate in support of Syrian protests // The Hizb ut-Tahrir Watch, 28.04.2011. — <http://thehizbuttahrirwatch.wordpress.com/2011/04/28/hizb-demonstrates-in-jordan/>

³⁸Jordan News Agency (Petra), 09.08.2011.

³⁹Jordan's king calls on Syria's Assad to step down // BBC, 14.11.2011. — <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-15723023>

Протесты в Иордании: предварительные итоги

«Арабская весна» в Хашимитском королевстве стала результатом половинчатости реформ, противоречивости и непоследовательности политики властей. Фактически реформы ограничивались двумя направлениями: экономикой и укреплением иорданоцентризма. При этом в политической сфере наблюдалось ужесточение действий властей и даже некоторый отход от политики либерализации по сравнению с периодом 1990-х гг. В 2011 г. **Transparency International's поместила Иорданию на 56-е место из 183 стран по уровню коррупции (в 2003 г. королевство занимало 37-е место)**⁴⁰. В 2010 и 2011 гг. американская организация **Freedom House определила Иорданию как «несвободную страну»**, в то время как в предыдущих докладах королевство фигурировало как «частично свободная страна»⁴¹. По мнению экс-главы МИД и заместителя премьер-министра королевства Марвана Муашера, «после десятилетия попыток проведения политических реформ в Иордании очевидно, что этот процесс не продвинулся. На самом деле ... процесс не только остановился, но даже развивался в обратном направлении»⁴².

Усилившееся давление на оппозицию привело к уменьшению ее представительства в парламенте, который к тому же распускался нынешним королем дважды. Происходящие с начала 2011 г. в арабском мире события и их влияние на Иорданию оцениваются оппозицией, прежде всего исламистами, как исторический шанс на увеличение своего влияния и некоторую трансформацию политической системы страны. Оппозиция надеется, что в условиях недовольства народа социально-экономической ситуацией в стране, при благоприятном региональном фоне ей удастся добиться от властей бóльших уступок, чем предложение войти в состав правительства. Принятие Абдаллой II хотя бы одного из ключевых требований протестующих (изменение закона о выборах, изменение порядка формирования правительства и сената, ограничение полномочий главы государства по роспуску парламента) уже будет оценено оппозицией как серьезный успех.

Тем не менее король чувствует себя достаточно уверенно. Власти, балансируя между оппозицией и восточноиорданской элитой, избрали выжидательную тактику. Для понимания действий властей важно учитывать, что Абдалла II воспринимает события в арабском мире, прежде всего, как следствие неудовлетворенности населения своим социально-экономическим положением, а не результат отсутствия политических перемен. В октябрьском интервью The Washington Post король сказал: «Арабская весна» началась не из-за политики; она началась из-за экономики — бедности и безработицы»⁴³. В результате иорданские власти видят свою главную задачу в том, чтобы традиционные пятничные митинги так и остались выступлениями партийных и профсоюзных активистов и не превратились в широкую волну народного недовольства. Во дворце надеются, что со временем оппозиция уйдет с площадей, а пока используют проверенные методы, рассчитанные на краткосрочный эффект: стараются заручиться поддержкой восточноиорданских

⁴⁰Corruption Perceptions Index 2011. The Transparency International, 2011, p. 4. — http://www.transparency.org/publications/publications/other/corruption_perceptions_index_2011

⁴¹Freedom in the World 2011, Jordan. The Freedom House, 2011. — <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2011/jordan>

⁴²Muasher Marwan. A Decade of struggling reform efforts In Jordan. The resilience of the rentier system. Carnegie Endowment for International Peace, May 2011, p. 22. — http://carnegieendowment.org/files/jordan_reform.pdf

⁴³The Washington Post, 24.10.2011.

низов путем финансовых вливаний, визитов короля и премьер-министра в регионы и т.п. Две отставки правительства, случившиеся в 2011 г., также обычное явление для Иордании (всего в истории страны с 1921 г. было 94 кабинета министров, из них девять при нынешнем правителе). Для обеспечения внутривластной стабильности в долгосрочном плане одних кадровых перестановок и увеличения социальных расходов недостаточно, поэтому Абдалла II видит решение в создании в стране сильного среднего класса. При этом он не исключает перемен в политической сфере. «Монархическая власть, которую я передам своему сыну, не будет той, которую я получил от своего отца», — считает король. Он признает, что на эффективности работы правительства негативно сказывается то, что многие чиновники чувствуют себя ответственными перед королем, а не перед народом, так как их назначает король, а не выбирает парламент⁴⁴.

Существенную помощь в решении внутривластных проблем Иордании оказывают США и аравийские монархии. Вашингтон отводит небольшому Хашимитскому королевству важную роль в системе безопасности в регионе, тем более что с усилением в Египте «Братьев-мусульман» и салафитов и ростом критики египетско-израильского мирного договора ситуация в Иордании, заключившей мир с Израилем в 1994 г., отражается на безопасности еврейского государства. Что касается стран ССАГЗ, то для них Иордания представляет интерес в силу сходства политического устройства (для аравийских правителей важно не допустить дестабилизации монархического режима, чтобы не создавать опасный прецедент). Также арабские монархии стремятся консолидироваться перед лицом усиливающегося Ирана с его ядерными амбициями. В перспективе, если в Сирии будет свергнут режим Башара Асада, тесное сотрудничество с Иорданией облегчит аравийским монархиям как влияние на внутривластные процессы в Сирии, так и создание нового транспортного коридора, соединяющего Персидский залив и Средиземноморье. В связи с тем, что иорданские власти пытаются купировать протестное движение путем повышения расходов на социальные нужды, а также из-за падения объема иорданской торговли с Европой через сирийскую территорию США и страны ССАГЗ в 2011 г. оказали Амману большую экономическую помощь для покрытия бюджетного дефицита. Например, Вашингтон предоставил Иордании пять грантов на сумму около 359,3 млн. долл. по линии Агентства США по международному развитию. В 2012 г. ожидается, что в Иорданию поступит 360 млн. долл. экономической помощи, еще 300 млн. долл. составит военная помощь⁴⁵. В июле 2011 г. Саудовская Аравия предоставила Иордании 1,4 млрд. долл. помощи, а в сентябре страны ССАГЗ пообещали королевству ежегодную помощь в объеме 2 млрд. долл. в течение ближайших пяти лет⁴⁶.

Оценки властей, рассматривающих нынешнюю ситуацию в Иордании как кризис, который можно преодолеть, но никак не катастрофу, подтверждаются данными опроса общественного мнения, проведенного в январе 2012 г. Центром стратегических исследований Иорданского университета. 60% опрошенных считают, что страна движется в правильном направлении, а 25% полагают, что положение ухудшается. По мнению оптимистов, пра-

⁴⁴National Public Radio (NPR), 22.09.2011. — <http://www.npr.org/2011/09/22/140670554/king-abdullah-jordan-needs-stable-middle-class>

⁴⁵The Jordan Times, 18.12.2011.

⁴⁶A Full Agenda for King Abdullah of Jordan's White House Visit Schenker David, Makovsky David. The Washington Institute for Near East Policy, 13.01.2012. — <http://www.washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=3441>

вительство всерьез занимается реформами и борется с коррупцией. Те же, кто настроен пессимистично в оценке ситуации в стране, указали на плохое экономическое положение, коррупцию, nepotism как на главные проблемы⁴⁷. Таким образом, иорданцев больше беспокоят вопросы социально-экономического порядка и проблемы эффективного управления, чем структура и функционирование политической системы.

Сравнение ситуации в Иордании с положением дел в других арабских монархических государствах, также столкнувшихся в 2011 г. с проявлениями недовольства в том или ином масштабе, позволяет говорить об устойчивости монархических режимов вообще. Аналитик британского «мозгового центра» The Transnational Crisis Project Н. Джакс указывает, что у монархов есть больше возможностей для уступок оппозиции в критической ситуации, так как, если тот или иной арабский король соглашается на ограничение полномочий, он в силу особенностей страны все равно остается центральным звеном политической системы, в то время как президент в этом случае рискует полностью потерять власть⁴⁸.

На наш взгляд, развитие Иордании после спада протестного движения во многом будет зависеть от ситуации в регионе и умения властей проводить модернизацию, соблюдая при этом баланс сил между иорданскими палестинцами и восточноиорданцами. Проведение реформ при одновременном смягчении их негативных социально-политических последствий возможно при условии формирования сильного правительства, которое разработает план преобразований, прежде всего в сфере экономики, и будет иметь возможность реализовывать его в течение нескольких лет, не боясь быть отправленным в отставку через год-полтора. Проблема заключается в том, как добиться поддержки реформ восточноиорданцами, которые в последние годы проявили себя как сдерживающий фактор модернизации. Тем более что для короля они и далее будут оставаться главной социально-политической опорой. Власть демонстрирует намерение вовлечь широкие слои восточноиорданцев (особенно жителей отсталых провинций) в процесс модернизации, добиться их перехода из госсектора в частный. Этому должно способствовать вступление Иордании в ССАГЗ и реализация серии крупных инфраструктурных проектов общей стоимостью 30 млрд. долл., инициированных властями Иордании. Рассчитанные на 20 лет мегапроекты предполагают, в частности, строительство АЭС, чтобы к 2030 г. королевство смогло не только покончить с зависимостью от импорта энергоносителей (на это сейчас уходит 25% госбюджета), но и стать экспортером электроэнергии. Предполагается реализация Red Sea project стоимостью 12 млрд. долл., что даст возможность смягчить проблему нехватки пресной воды и остановить высыхание Мертвого моря. Также планируется строительство железной дороги протяженностью 1080 км, которая свяжет Иорданию с Сирией и Ираком и позволит ей стать важной транзитной зоной в Западной Азии (последний проект представляется наименее вероятным из-за неясности будущего Сирии).

⁴⁷The Jordan Times, 19.01.2012.

⁴⁸Jaques Nick. Jordan: Evolution or Revolution? The Transnational Crisis Project, 26.10.2011. — <http://crisisproject.org/jordan-evolution-or-revolution>

А.В. Сарабьев

Ливан

При всех различиях характера протестных движений в арабском мире, их объединяет одна важная особенность, которую выделяет, в частности, академик Е.М. Примаков, а именно: на начальных этапах протестных волн ни в одной из этих стран во главе демонстрантов не встали исламские экстремисты, не были выдвинуты требования отказа от светского характера государства, внедрения принципов шариата в судебную практику и общественную жизнь¹. По своим особым сценариям — с активным участием исламистов и внутренней межобщинной или межплеменной конфронтацией (в зависимости от конкретного случая) — ситуации развивались уже на последующих стадиях. В любом случае, выход за пределы политического противостояния был налицо.

В таких условиях Ливан, к напряженному положению в котором как будто уже привыкли, поразительным для многих образом не стал ареной народных выступлений и бурных социально-политических трансформаций. Острая внутривластная ситуация в этой стране, политическая борьба двух основных альянсов — правящего 14 марта и оппозиционного 8 марта — обнаруживала все признаки своего скорого деструктивного разрешения, но из «политических берегов» не вышла.

Коренная смена политического курса страны, сопровождающаяся выходом в авангард оппозиционных сил и появлением новых политических фигур — вот, пожалуй, основной результат тех трансформаций, которые обобщенно называют «арабской весной». Вряд ли

¹Примаков Е.М. «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы / ИВ РАН, ЦСПИ. М.: ИВ РАН, 2011, с. 11.

ее обязательной типологической чертой следует считать массовые человеческие жертвы в результате столкновений восставших с силами правопорядка, армейскими подразделениями или друг с другом. Вряд ли кровавые столкновения должны являться непременным атрибутом протестного движения, чтобы оно могло считаться частью процесса, охватившего восток (Машрик) и запад (Магриб) арабского мира. В свою очередь, было бы ошибкой ограничивать этот процесс как моноконфессиональный (например, внутри суннитской общины) или же рассматривать его исключительно в разрезе межконфессиональных и межобщинных проблем².

В этом смысле следует признать, что в 2011 г. Ливан, хотя и не был в череде стран, охваченных массовыми стихийными протестами и насилием, во всяком случае, оказался вписан в процесс политических трансформаций по своим особым внутренним закономерностям развития. Во многом здравый смысл, подсказанный горьким опытом многолетнего гражданского противостояния, наряду с политической волей ряда политических лидеров Ливана позволили избежать социальных взрывов и открытых действий, направленных против существующей власти. Серьезные политические трансформации, тем не менее, имели место.

13 января 2011 г. в Ливане разразился политический кризис. 10 оппозиционно настроенных министров, то есть треть ливанского Кабинета, вечером 12 января подали в отставку. Решение госминистра Аднана ас-Сайеда Хусейна о своей отставке, который стал 11-м, обеспечило более трети министров, заявивших о выходе из состава правительства, а следовательно — формальное его падение.

Премьер-министр Саад Харири, находившийся в то время с официальным визитом в США, срочно завершил свою поездку и вернулся на родину уже в другом статусе — бывшего главы Правительства национального единства³.

Этому событию предшествовали долгие напряженные отношения внутри кабинета министров. Главным центром внутривластных дискуссий был вопрос о деятельности Международного специализированного трибунала по расследованию убийства премьера Рафика Харири 14 февраля 2005 г. (так называемый Специализированный трибунал по Ливану, СТЛ). Дело в том, что в этом громком процессе преломились не только ливанские внутривластные проблемы, взаимоотношения партий и блоков (и даже профессиональных общин и клановых групп), но и внешнеполитические вопросы, в частности отношения Ливана с Сирией, Западом, Ираном, Саудовской Аравией. Наибольшую остроту этот вопрос приобретал по мере того, как приближалась дата обнародования итогов расследования международной комиссии по СТЛ.

Требование министров-оппозиционеров созыва 12 января экстренного заседания Кабинета для обсуждения вопроса, связанного с работой Специализированного трибунала, неслучайно совпало по времени с визитом ливанского премьера в Белый дом. Видимо, со стороны

²См., например: Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно: «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике, июль/август 2011, № 4 — <http://www.globalaffairs.ru/numbers/86>; Наумкин В.В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. М.: ИВ РАН, 2011, с. 290–291.

³<http://www.itar-tass.com>, 13.01.2011; <http://www.dailystar.com>, 13.01.2011

оппозиции это было сознательное обострение ситуации в условиях невозможности далее сохранять статус-кво, дабы избежать развития ситуации по сценарию сторонников коалиции 14 марта.

Информация о том, что в готовящемся обвинительном заключении СТЛ будет идти речь о причастности конкретных членов «Хизбаллы» к убийству Р. Харири стала просачиваться еще с сентября 2010 г. Конечно, эти слухи вызывали бурю негодования в стане оппозиции и повлекли ряд заявлений ведущих шиитских деятелей о политизированности СТЛ. К концу осени к подобным слухам стали добавляться провокационные заявления подобного рода некоторых мировых СМИ. Так, в конце ноября после сообщения канадского телеканала Си-Би-Си о причастности «Хизбаллы» к убийству Р. Харири, генпрокурор СТЛ Дэниел Бельмар вынужден был заявить, что подобные действия СМИ наносят ущерб ходу следствия и что лишь судьи СТЛ смогут сделать объективные выводы на основе своих аргументов.

Проблема прогнозируемого обвинения против «Хизбаллы» усугублялась нежеланием ряда членов правительства инициировать так называемый «процесс по лжесвидетелям». После того, как судебные органы Сирии 3 октября заочно выдали ордера на арест 33 подозреваемых в даче ложных показаний по делу Р. Харири, среди которых оказались ливанцы и сирийцы, внутренние разногласия по этому делу стали все более явно выходить на международный уровень.

События начала осени 2010 г. вполне могут дать ключ к пониманию январского демарша министров от оппозиции и представить развитие ситуации не как неожиданной, а как вполне закономерной.

В конце сентября в Совете министров разгорелся спор относительно финансирования СТЛ из госбюджета. Протесты министров от оппозиции носили принципиальный характер и голосование по этому вопросу, который ранее не вызывал столь ожесточенных споров, несколько раз откладывалось. В определенный момент даже президент страны, занимавший весьма лояльную к Спецтрибуналу позицию, по некоторым данным, принял решение рекомендовать назначенным им министрам воздержаться от голосования по этому вопросу, если таковое будет проведено.

К этому времени оппозиции стало ясно, что правящая коалиция намерена добиваться доведения расследования до «логического» (со своей точки зрения) конца, то есть обвинения членов «Хизбаллы». Еще ранее тревогу забили не только ливанские шииты, но и прохристианские и друзская партии. Так, в сентябре 2010 г. лидер промаронитского движения Марада Сулейман Франжье предостерегал о том, что в случае, если СТЛ вынесет все-таки обвинительное заключение в отношении членов «Хизбаллы», в Ливане может начаться гражданская война.

Близкой к мнению оппозиции можно назвать и точку зрения друзского лидера В. Джумблата, который, не переставая подчеркивать особую важность отношений с Сирией, считал, что первоочередной задачей для объективного расследования является инициирование следствия по делу «лжесвидетелей». В начале октября на встречах с послами Саудовской Аравии и Сирии он назвал своевременными и необходимыми действия последней в отношении 33-х подозреваемых по этому делу.

Лидер Свободного патриотического движения (СПД) М. Аун также выражал недоумение по поводу отсутствия реакции кабинета министров на досье «лжесвидетелей». Продолжая отказываться от участия в заседаниях Кабинета, к концу ноября он уже прямо призывал своих сторонников бойкотировать участие в национальном диалоге.

Однако мнение правящей коалиции по этому вопросу было противоположным. На нескольких заседаниях блока Мустакбаль, возглавляемого С. Харири, а также коалиции 14 марта было решено, что расследование по делу «лжесвидетелей» должно быть проведено со всей тщательностью, но только после вынесения заключения СТЛ. Это по сути означало, что в обязательном к исполнению заключении легитимной международной судебной инстанции не должны учитываться аргументы указанного дела. Таким образом, сторонники 14 марта, по-видимому, считали обвинение Спецтрибуналом «Хизбаллы» делом решенным. По их мнению, заключение СТЛ должно было быть свободным от влияния параллельного судебного процесса — дела «лжесвидетелей».

В целях поиска международной поддержки С. Харири осенью 2010 г. провел ряд зарубежных визитов, встречаясь с главами таких государств, которые, на его взгляд, могли бы поддержать позицию его сторонников. Помимо постоянных контактов с американскими коллегами, проблема СТЛ затрагивалась во время визитов ливанского премьера в Россию, Великобританию, Египет, Кувейт, Кипр, а также на встречах с генсеком ЛАГ.

Состоялось несколько важных для правящей коалиции визитов официальных лиц США, которые высказали свое видение проблемы и заверили своих коллег в поддержке курса на обеспечение эффективной работы СТЛ. Так, в середине октября 2010 г. Ливан посетил помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Джеффри Фельтман, который выразил надежду, что Спецтрибуналу будет позволено закончить свою работу в назначенный срок и без внешнего вмешательства. Во время встреч с президентом и премьером Ливана в Бейруте 8 ноября председатель комитета Сената по международным делам Джон Керри выразил поддержку со стороны США позиции С. Харири, в том числе по проблеме СТЛ.

Со своей стороны, генсек «Хизбаллы» Хасан Насралла и его заместитель Наим Кассем неустанно повторяли, что члены партии никоим образом не причастны к преступлению, и предостерегали от политизации противоречий, которые в своем развитии могут дестабилизировать ситуацию в стране. Лидер партии прямо призывал игнорировать любое обвинительное заключение, если в нем будет заявлено о причастности к убийству Р. Харири членов «Хизбаллы».

Справедливости ради нужно сказать, что и оппозиция пыталась привлечь на свою сторону мнение региональных и мировых держав. Еще в сентябре делегация «Хизбаллы» через посла Саудовской Аравии в Ливане пыталась донести свою позицию по СТЛ до руководства КСА. Впоследствии состоялись встречи лидеров оппозиции с президентами и официальными лицами Сирии, Ирана, Франции.

Весомой и, на наш взгляд, в наибольшей степени повлиявшей на развитие ситуации представляется позиция спикера парламента Ливана, лидера АМАЛЬ, Н. Берри. Он, очевидно, еще за несколько месяцев до падения правительства ясно осознавал, что сомнения в

доказательной базе Спецтрибунала в среде ливанского общества, а тем более сознательный обход «неудобных» следствий в угоду конъюнктурным решениям международной судебной инстанции приведут к очередному расколу внутри страны и политическому, а возможно и социальному конфликту. В качестве демонстрации принципиальной позиции председателя парламента в высшей степени показателен эпизод, когда еще 6 октября он рекомендовал своим однопартийцам в правительстве всеми силами добиваться постановления на повестку дня кабинета министров вопроса о фальсификации доказательств и фактах лжесвидетельствования в ходе работы СТЛ. Он настаивал на том, чтобы члены правительства от АМАЛЬ покинули зал заседаний и довели до сведения прессы, что приостанавливают свою работу в Кабинете министров до принятия к рассмотрению этих важных вопросов.

Несмотря на принципиальную позицию шиитского лидера, важно отметить высокую степень доверия Н. Берри к лидеру противостоящей коалиции С. Харири как к премьеру. В разгар острых дискуссий по СТЛ Н. Берри высказался в том духе, что действующий премьер-министр является наилучшей кандидатурой главы правительства даже в случае смены состава Кабинета.

Какой же позиции придерживался президент страны М. Слейман в ходе развития этого внутреннего конфликта? Вероятно, она может быть названа взвешенной: не оказывая явного предпочтения ни одной из сторон конфликта, президент высказывался за объективное расследование СТЛ и вынесение справедливого решения по этому процессу. Однако такой подход не помог удержать баланс политических сил. Призыва к диалогу оказалось явно недостаточно, и в Ливане сложилось кризисное положение, во многих чертах напоминающее ситуацию весны-лета 2007 г.

На следующий день после падения Кабинета министров в январе 2011 г. в ливанской прессе зазвучали предостережения против насилия и практически единодушные прогнозы, что конфликт будет весьма глубоким и затяжным. В таком духе писали, например, центральные бейрутские издания Ан-Нахар и Ас-Сафир.

Обеспокоенность ситуацией в Ливане и призыв к ее разрешению путем переговоров немедленно выразили представители основных международных и региональных организаций: генсек ООН Пан Ги Мун, верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон и др.

Как и следовало ожидать, у южной границы с Ливаном израильские подразделения были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Это явилось отражением опасений израильского военного командования, связанных с возможностью провокационных действий со стороны военного крыла «Хизбаллы». Ведь Спецтрибунал — основной пункт политических противоречий — был назван оппозиционными шиитскими политиками «американо-израильским проектом»...

В свою очередь, С. Харири, несмотря на открытую прозападную ориентацию, безусловно, сохранял свою популярность в Ливане: его линию поддерживала значительная часть населения, причем не только мусульман-суннитов, но и христиан-униатов. До начала июня премьер С. Харири продолжал формально исполнять свои обязанности, правда,

уже в качестве исполняющего обязанности главы переходного правительства, будучи назначенным на этот пост президентом М. Слейманом.

Бескомпромиссность позиций сторон противостояния двух основных альянсов породила новые взаимные претензии, однако не стала причиной открытых столкновений их сторонников. Правящим теперь стал альянс 8 марта, тогда как сторонники «революции кедров» перешли в оппозицию.

Интересно, что в разгар протестной волны, прокатившейся по Арабскому Востоку, в том числе по соседней Сирии, процесс формирования правительства Н. Микати, на которого еще 25 января была возложена задача формирования будущего Кабинета, сопровождался лишь политическими баталиями и организованными демонстрациями сторонников обеих коалиций. Президент страны М. Слейман, лидеры ведущих ливанских партий и назначенный премьер, очевидно, понимали недопустимость перерастания столкновения позиций даже по принципиальным вопросам ливанской политики в силовую фазу.

Формирование правительства Микати растянулось на четыре с половиной месяца и завершилось только 13 июня 2011 г. Состав его свидетельствовал о том, что ключевые посты в государстве теперь занимали сторонники 8 марта, однако не могло не удивлять незначительное присутствие в нем членов собственно прошиитских партий, лидеров победившего альянса. Непосредственно от партии «Хизбалла» были назначены только два министра — сельского хозяйства (Хусейн Хаджж Хасан) и госминистр (Мухаммад Фнейш), от АМАЛЬ — также двое: министр иностранных дел (Аднан Мансур) и здравоохранения (Али Хасан Халиль).

От СПД прошли министры юстиции (Шакиб Кортбави), труда (Шарбель Наххас), энергетики и водных ресурсов (Джебран Басиль), телекоммуникаций (Николя Сехнави), туризма (Фади Аббуд) и культуры (Габи Лаййун), то есть всего 6 кандидатов — больше, чем от любой другой партии.

Движение Марада в правительстве представляют два министра: обороны (Фаез Госн) и госминистр (Салим Карам). «Дашнакцутюн» представляют министр промышленности (Вреж Сабунджян) и госминистр (Панос Манджян), ПСП — общественных работ и транспорта (Гази Ариди), по делам мигрантов (Ала-ад-Дин Терро) и социальных отношений (Валиль Абу Фаур), а СНСП — госминистр (Али Кансо).

Как «независимые» (что вовсе не означает, однако, отсутствия симпатий к той или иной группировке) проходят 10 членов правительства: премьер (Наджиб Микати), его заместитель (Самир Мукбиль), глава МВД (Марван Шарбель), министры экономики (Николя Наххас), информации (Валид Даук), спорта и молодежи (Фейсал Караме), образования (Хасан Диаб), окружающей среды (Назим Хури), госминистры (Николя Фаттуш и Ахмад Караме).

Кандидатам, предложенным премьером Н. Микати, достались 7 министерских портфелей, в том числе министра финансов (Мухаммад Сафади, 14 марта), тогда как назначенным президентом М. Слейманом — 3.

В конфессиональном отношении министерские портфели были распределены, может быть, еще более неожиданно. Из 30 министров только 5 являются шиитами, причем

один из них представляет не «Хизбаллу» или АМАЛЬ, а СНСП. Из ключевых портфелей шииты имеют пост министра иностранных дел. Суннитам достались 7 портфелей, в том числе посты главы Кабинета и министра финансов. (Заметим, что в предыдущих составах правительства количество министров-суннитов и шиитов было равным.) 6 министров-маронитов занимают разные посты, в том числе ключевые — министров внутренних дел и юстиции. Ливанская православная община представлена 4-мя министерскими постами, в том числе зам. премьер-министра и министра обороны. Самый важный из трех доставшихся греко-католикам постов — министра телекоммуникации — занимает сподвижник Мишеля Ауна по СПД. Друзы получили также три портфеля, самый значимый из которых — министра общественных работ и транспорта. Армяне-грегориане представлены двумя министрами, в том числе министром промышленности. Таким образом, в новом правительстве было сохранено равное соотношение мусульман и христиан.

Радость нового правящего большинства по поводу назначения членов правительства была омрачена добровольной отставкой госминистра Таляля Арслана (друга, лидера Ливанской демократической партии), который был возмущен тем, что друзская община не получила ни одного ключевого министерского поста (для себя Т. Арслан требовал пост министра обороны). Демарш министра-друга сопровождался публичными заявлениями в том смысле, что он не может быть в составе правительства, возглавляемого премьером, который считает, что у друзской общины Ливана нет права занимать ключевой пост в Кабинете министров. Возмущение сторонников ушедшего министра (особенно в его резиденции в южноливанском н. п. Хальде) было достаточно бурным. Ими были на время перекрыты трасса Бейрут — Южный Ливан и дороги в Алей и Хасбаю; только вмешательство армии помогло наладить движение. В итоге на освободившийся пост был назначен кандидат из круга Т. Арслана Марван Хайреддин — владелец ливанского банка «Аль-Маварид».

Нелегкий процесс согласования приемлемых кандидатур на министерские посты с основными политическими силами Ливана шел с 25 января — формального назначения нового премьер-министра. Основной причиной таких долгих консультаций Н. Микати по вопросу кандидатур министров стала неуступчивость лидера Свободного патриотического движения Мишеля Ауна. Последний требовал для члена СПД поста министра внутренних дел и настаивал на широком представительстве в правительстве своего движения как важного и давнего члена бывшей оппозиции и основного прохристианского союзника прошиитской «Хизбаллы». Движение Марада, также входившее в коалицию 8 марта, явно уступает СПД по своему политическому весу, и его лидер, Сулейман Франжье, согласился с предложенной для Марады долей министерских портфелей. М. Аун боролся до последней возможности и, надо сказать, достиг важных результатов: в итоге 10 министров из 30 так или иначе являются его сторонниками (СПД — 6, независимые — 2, поддерживающие М. Ауна представители других течений — 2).

Как же удалось М. Ауну и его сторонникам добиться такого успеха? Может показаться парадоксальным, но важную роль в этом сыграл новый патриарх Маронитской церкви Бишара ар-Раи. Вообще, отношения лидера СПД с главой маронитской общины никогда

не были теплыми. Активная политическая деятельность патриарха имела множество пунктов расхождения с линией М. Ауна. Однако, признавая приоритетной задачу сплочения христиан Ливана перед угрозой утраты их влияния в государстве и даже физического их исчезновения, Н.Б. Сфейр в последние годы прилагал соответствующие усилия. Его преемник — избранный 15 марта митрополит Джбейля Бишара ар-Раи — сделал тему единства ливанских маронитов центральной в своей программе. Уже 19 апреля в его резиденции в Бкерке состоялась важная встреча между М. Ауном, С. Франжье, А. Жмайелем и С. Джаджей, входившим в противоборствующие альянсы — 8 марта и 14 марта. Кроме прочих, обсуждались и вопросы участия представителей промаронитских партий и движений в формируемом ливанском правительстве⁴.

2 июня патриархом Бишарой ар-Раи была организована уже вторая, расширенная встреча основных лидеров маронитской общины Ливана. На этот раз участвовали 37 депутатов парламента, лидеров политических организаций и представителей Церкви. Результаты встречи были оценены патриархом как превосходные. Были утверждены принципы партнерства между маронитами, сформулированы требования равного представительства во властных структурах мусульман и христиан, сохранения особой ливанской идентичности и плюралистического общества. Был также утвержден состав координационного центра по взаимодействию и продвижению достигнутых соглашений.

Лидер ЛС Самир Джаджа высоко оценил результаты встречи, отметив особенно два предложения, касавшиеся продажи земли и службы на государственных должностях. Как и другие маронитские лидеры, например Амин Жмайель, он выразил надежду, что уже в рамках созданного координационного комитета продолжатся дискуссии по насущным проблемам. Однако С. Джаджа скептически отнесся к заявлениям, будто христианству в Ливане что-то угрожает. Он, в частности, сказал: «Сейчас я не готов согласиться, что ливанские христиане — в опасности. Мы пережили 30 тяжелых лет, но обладаем всеми признаками присутствия и активного влияния как в Ливане, так и в целом на Ближнем Востоке»⁵. Депутат от 14 марта Бутрос Харб отметил, что целью встречи было осознать путь развития страны в сохранении ее единства, что позволит ослабить социальное напряжение. А депутат по округу Метн от блока «Изменение и реформа» Ибрагим Кнаан заявил, что важнейшей задачей он видит взаимодействие между христианами-министрами будущего Кабинета и парламентариями, представляющими прохристианские фракции.

В мае — начале июня продолжались переговоры лидера СПД с назначенным премьером о министерских портфелях для сторонников М. Ауна. Последний даже позволил себе ряд нападок на главу формируемого правительства в ответ на его несговорчивость. Ближайший союзник М. Ауна по коалиции С. Франжье, хотя и не был так вовлечен в спор за места в новом Кабинете министров, все же поддерживал своего союзника, не высказывая, однако, оптимизма относительно скорого утверждения состава правительства.

⁴<http://www.dailystar.com>, 20.04.2011.

⁵*Ibid.*, 3.06.2011.

Ряд ведущих политиков, в частности Хасан Насралла, с тревогой отмечали нарастание напряженности в отношениях между Н. Микати и М. Ауном, который заявлял, что, не идя на уступки, назначенный премьер просто «теряет время». Не в последнюю очередь благодаря такой упорной переговорной деятельности и настойчивости, лидеру СПД удалось приобрести для своих сторонников, наверное, максимально возможное количество министерских постов.

После формирования ливанского правительства 13 июня, когда были распределены министерские портфели в соответствии с конфессиональными и партийными квотами, политические силы, вошедшие в правящее большинство, приступили к распределению ведущих должностей в организациях и учреждениях, подчиненных соответствующим министерствам. При этом представители оппозиции (14 марта) были фактически отстранены от участия в исполнительной власти. Правительству предстояло еще назначение таких ключевых фигур, как руководитель Сил внутренней безопасности (СВБ), начальник Генштаба и директор Центробанка. В отношении первого М. Аун пообещал маронитскому патриарху Б. ар-Раи приложить все усилия, чтобы вернуть пост главы СВБ представителю маронитской общины.

Тем временем во второй половине июня не прекращались нападки оказавшейся в оппозиции политической коалиции 14 марта на правящее большинство. Через две недели после формирования правительства Н. Микати представители 14 марта обвинили «Хизбаллу и ее союзников» (очевидно, имелась в виду коалиция 8 марта) в попытке одностороннего контроля над страной при помощи нового Кабинета.

Сформированный Кабинет министров прошел процедуру утверждения в Совете депутатов 30 июня, что стало, по сути, необходимой формальностью, поскольку позиции парламентариев, в основном, не менялись, и большинство голосов было гарантировано.

4 июля 2011 г. — после программной речи Х. Насраллы, в которой он изложил задачи своей партии на новом этапе, — последовали заявления ведущих ливанских политиков, в том числе и лидеров христианских движений, входящих в 8 марта. М. Аун заявил, что «Насралла победил в битве с СТЛ, поддерживаемым ООН». В отношении названных Спецтрибуналом лиц, причастных к убийству Р. Харири, он выразился, что правительство «вполне может арестовать их, если сумеет их найти»⁶. Об отсутствии поддержки выводов СТЛ среди ливанского населения заявил и лидер Марады С. Франжье.

Не утратил актуальности и вопрос расследований по делу лжесвидетелей, который мог бы, возможно, подвергнуться сомнению в глазах общественности заключение СТЛ о причастности членов «Хизбаллы», сирийских спецслужб и др. к убийству Р. Харири. Известно, что ряд министров от «Хизбаллы», АМАЛЬ и СПД пытались в июле поставить вопрос о «лжесвидетелях» на повестку дня заседаний правительства. И президент, и премьер-министр, однако, придерживаются мнения, что после вынесения Спецтрибуналом заключения и выдачи ордеров на арест вновь поднимать этот вопрос не имеет никакого смысла.

⁶Ibid., 04.06.2011.

На заседании 18 июля 2011 г. Кабинет министров Ливана одобрил назначение нового директора Управления по общей безопасности (УОБ), которым стал бригадный генерал Аббас Ибрагим (шиит), якобы тесно связанный с «Хизбаллой». Ранее этот пост вызывал бурные дискуссии среди юристов, поскольку традиционно его занимал представитель маронитской общины, и только с 1998 г. главой Управления стал мусульманин (генерал-майор Джамиль Сейид, шиит). Лидеры прохристианских движений, С. Франжье и М. Аун, поддержали кандидатуру нового директора УОБ, хотя последний до недавнего времени настаивал на возврате этого поста маронитам.

Интересно, что М. Слейман принял решение вынести на голосование кандидатуру А. Ибрагима после встречи ведущих христианских политических лидеров в Амшите на субботнем приеме у маронитского патриарха. Тем временем обсуждение и поддержка этого назначения в христианской среде должны были стать основным пунктом повестки дня заседания Комитета христианского единения, которое прошло в Бкерке 14 июля под председательством Бишары ар-Раи. По данным ливанской газеты «Аль-Лива», патриарх довел до сведения президента и главы СПД, что некая «авторитетная персона» (очевидно, глава Католической церкви) не одобряет такого назначения⁷.

Так или иначе, в середине июля членами Кабинета была одобрена кандидатура А. Ибрагима на пост директора УОБ, а также назначен новый начальник Генштаба — бригадный генерал Валид Сальман, гендиректор Аппарата президента — Антуан Шукейр и продлены полномочия директора Центробанка Ливана Рида Саламе.

В июле 2011 г. был поднят вопрос о продолжении сессий по Национальному диалогу под эгидой президента М. Слеймана. Однако главы основных ливанских политических течений после 8-месячного перерыва все еще не видели возможности продолжать прямые переговоры, обвиняя друг друга в нежелании договариваться. Как высказывался член руководства СПД Ален Аун, оппозиция 14 марта не только не желает диалога, но и пытается добиться бойкота нового правительства и нового парламентского большинства. Координатор Главного секретариата 14 марта Фарис Сувейд сообщал, что его альянс не готов терять время, участвуя в Национальном диалоге, поскольку условия и обстоятельства после формирования правительства, по сути, не изменились, но что первоочередным является обсуждение возможности сдачи оружия «Хизбаллы» под контролем ЛАГ.

Гораздо более оптимистично смотрел на возобновление сессий в окружении председателя парламента Н. Берри. Его советник, Али Хамдан, например, высказывался за скорую возможность их проведения при наличии политической воли ответственных лиц, прежде всего премьера и президента.

К концу июля усилия М. Слеймана по выработке формы и содержания Национального диалога начали переходить в практическую плоскость. Президент проводил консультации с представителями противостоящих политических лагерей на предмет включения вопроса о сессии Национального диалога в повестку дня заседаний правительства. В качестве приоритетной темы он предложил выработку национальной

⁷<http://www.aliwaa.com>, 15.06.2011.

оборонной стратегии, однако предложил всем партиям обдумать и внести для обсуждения свои темы. Среди других предложенных М. Слейманом тем на планируемой сессии были внедрение административной децентрализации, изменения в избирательном законодательстве для парламентских выборов, которые позволят сбалансировать возможности различных партий и социальных групп как во власти, так и в обществе. В отношении участников Национального диалога президент предложил заменить экс-премьера Ф. Синьору на действующего премьера Н. Микати, а также ввести в его состав представителя маронитской патриархии, которым мог бы стать глава Маронитской лиги Жозеф Торбей.

Важное место в работе правительства занимали вопросы экономики. Госминистр М. Хайреддин объявил о планах правительства по привлечению арабских инвестиций, особенно в секторы строительства и туризма. Показатели в этих важных сферах ливанской экономики упали в первой половине 2011 г. на 12 и 10% соответственно, по сравнению с тем же периодом 2010 г., и правительство сочло необходимым принять меры по оздоровлению сложившейся ситуации с помощью богатых арабских стран.

Среди членов правительства периодически вставали на обсуждение вопросы оружия «Хизбаллы», возможного участия в разрешении сложной ситуации в Сирии, стратегии взаимоотношений с оппозиционной коалицией 14 марта. Ожидалось возвращение в Ливан лидера последней, Саада Харири. Тот не раз выступал с обвинениями в адрес победившего альянса в информационной кампании против возглавляемой им коалиции и членов его семьи. Казалось, что в самом деле положение могущественного клана пошатнулось. Известно, что, по крайней мере, одна из фирм, принадлежащих клану Харири, Saudi Oger Company терпела серьезные финансовые трудности, а в СМИ даже раздавались обвинения в финансировании кланом Харири протестных выступлений в соседней стране⁸. Сам экс-премьер ставил свое возможное возвращение на политическую арену Ливана в зависимость от справедливого рассмотрения правительством вопроса оружия «Хизбаллы», которое сохранялось якобы в нарушение резолюции ООН и угрожало внутренней безопасности страны.

Как и в сентябре 2010 г., осенью 2011 г. вновь обострился вопрос относительно финансирования СТЛ из госбюджета. Противоречия по этому вопросу накалялись по нарастающей. Согласно международному соглашению, свою долю в финансирование Спецтрибунала должен вносить и Ливан. Как и следовало полагать, против этого активно возражала, прежде всего, «Хизбалла», поскольку в обвинительном заключении СТЛ фигурировали ее представители. Жаркие дискуссии в правительстве продолжались в октябре-ноябре 2011 г. С просьбами одобрить финансирование СТЛ к этой партии и лично к Х. Насралле обращались лидеры ведущих ливанских партий, например, глава ПСП В. Джумблат.

В 2011 г. позиция другого лидера шиитов, главы АМАЛЬ Н. Берри явно смягчилась, но принципиально не изменилась. В ноябре, когда дебаты по финансированию СТЛ в Кабинете накалились, он, видимо, опасаясь назревающего раскола, выступал за диалог по этому

⁸<http://www.naharnet.com/stories/en/29892>; <http://www.dailystar.com>, 27.07.2011, 4.01.2012.

вопросу внутри правительства, обсуждал его с президентом и премьером, но на деле затягивал вынесение решения и даже предлагал отложить его на неопределенный срок.

За внесение Ливаном своей доли в финансирование СТЛ выступали президент М. Слейман и премьер Н. Микати. Последний, в частности, обсуждал этот вопрос на ряде международных встреч на уровне глав правительств. Так, на встрече с Д. Кэмероном в начале ноября Н. Микати обозначил свое стремление привести ливанское правительство к консенсусу по этому пункту. Решение, однако, было принято компромиссное: члены Кабинета не возражали против финансирования СТЛ из внебюджетных источников. В итоге 30 ноября премьер заявил, что доля Ливана в размере 32,6 млн долл. будет выплачена из частных средств.

Такой шаг премьера не следует недооценивать. Понимая невозможность для «Хизбаллы» пойти на унижительное согласие по бюджетному финансированию Спецтрибунала, деятельность которого многими в Ливане считалась в значительной мере политизированной, а выводы расследования, как минимум, односторонними, Н. Микати предпочел сохранить единство правительства. Вполне вероятно, что требуемую сумму выплатили деловые круги, близкие к премьеру (он сам является миллиардером, владельцем крупного телекоммуникационного бизнеса). В результате раскола в Кабинете министров, на который, по-видимому, рассчитывали сторонники 14 марта, предрекавшие скорое падение правительства и отставку премьера, не произошло.

В этом смысле заслуживает упоминания высказывание лидера Катаиб А. Жмайеля, которое прозвучало в день памяти его сына Пьера — перспективного ливанского политика, убитого в ноябре 2006 г. Будучи стойким приверженцем прежней линии своей партии, А. Жмайель заявил 20 ноября, что «ливанская весна продолжится». Остается вспомнить, что в период «революции кедров» доминировала антисирийская риторика. В условиях обострения ситуации в Сирии в 2011 г. эти настроения существенной части политического ливанского истеблишмента, видимо, актуализировались.

В свою очередь, президент М. Слейман продолжал прикладывать усилия по продвижению Национального диалога. Большую помощь в этом, как и прежде, ему оказывал весьма активный на политической арене маронитский патриарх Бутрос ар-Раи.

Прежний патриарх Насралла Бутрос Сфейр еще в 2000 г. фактически возглавил политическое объединение — Лигу Корнет Шехван, почти все члены которого вошли впоследствии в коалицию 14 марта. Поначалу Лига пыталась установить контакты с СПД, глава которого тогда был в эмиграции, а два представителя Движения (марониты Сами Надер и Юсеф Хури) даже являлись членами Лиги. Однако вскоре пути Корнет Шехван и СПД окончательно разошлись. Отношение к Лиге со стороны сторонников М. Ауна к середине десятилетия стало резко отрицательным. Члены от СПД не просто вышли из состава Корнет Шехван: и члены, и руководство СПД обрушивались с критикой в адрес Лиги и поддерживавшего ее патриарха.

Далее, по мере развития кризиса Лиги, который стал намечаться после фактического выполнения одной из основных задач — вывода сирийского контингента из Ливана,

патриарх Н.Б. Сфейр перешел на более самостоятельную политическую позицию: анти-сирийская линия стала все меньше прослеживаться в его выступлениях, тогда как центральной темой стало объединение ливанских христиан (в первую очередь, католиков) перед лицом современных вызовов.

Эту линию продолжил и Бишара ар-Раи. Уже в начале апреля (то есть спустя всего две недели после избрания его патриархом) прошла встреча назначенного премьера с главами религиозных общин — патриархом Б. ар-Раи, суннитским муфтием М. Каббани, заместителем Высшего шиитского исламского совета А. Кабаламом и духовным лидером друзов Н. Хасаном, на которой обсуждались пути согласования их позиций в период формирования правительства. А еще через две недели состоялась вышеупомянутая встреча под эгидой маронитского патриарха в Бкерке, посвященная межмаронитскому политическому урегулированию.

Весной 2011 г. в очередной раз проявились трения между противоборствующими СПД и ЛС. Для посла Ватикана в Ливане Габриеле Кача эта напряженность даже послужила поводом к специальному донесению Римскому престолу, в котором была высказана чрезвычайная обеспокоенность посла, ведь большинство членов этих партий — марониты. Патриарх, со своей стороны, попытался создать все условия, чтобы лидеры противоборствующих промаронитских партий смогли обсуждать противоречия и прийти к компромиссному их решению.

Второй межмаронитский диалог, запланированный на 2 июня, был задуман патриархом как расширенная встреча, где бы участвовали все депутаты-марониты, ведущие маронитские политики и религиозные деятели. Еще на стадии обсуждения планов проведения встречи один из ключевых ее участников лидер Катаиб А. Жмайель предположил, что формат встречи в дальнейшем может быть расширен и включать представителей всех христианских общин, имеющих двусторонние контакты с маронитами. Депутат от Катаиб Эли Маруни заявил, что встреча маронитских политиков будет иметь целью единство христиан Ливана и может явиться важным шагом на пути к единству между христианами и мусульманами. Высокие оценки усилий патриарха Б. ар-Раи политиков из 14 марта, наряду с частыми контактами с лидерами СПД и Марады, возможно, говорят о том, что его роль арбитра между разными прохристианскими движениями встречала весомую поддержку.

На встрече в Бкерке ведущих маронитских политиков 2 июня были утверждены принципы партнерства между маронитами и предполагалось, что это должно было стать первым шагом к возрождению партнерства между всеми ливанскими религиозными общинами и взаимодействию с целью укрепления ливанской государственности и единого общества. Резолюция, подписанная участниками, содержала также требования равного представительства во властных структурах мусульман и христиан, сохранения особой ливанской идентичности и плюралистического общества. До сведения собравшихся также были доведены результаты исследований рынка недвижимости, проведенные Маронитским центром документальных исследований, а кроме того — независимые исследования соотношения

христиан и мусульман в государственных должностях. Высокие показатели продажи недвижимости и эмиграционной активности ливанских христиан вызвали опасения в том, что в дальнейшем доля христиан в Ливане упадет ниже 40%, а политическое представительство, возможно, будет перераспределено в пользу мусульман. Был утвержден и состав координационного центра по взаимодействию и продвижению достигнутых соглашений.

Важно отметить, что в оценках целей и результатов встречи участниками противоборствующих альянсов практически полностью отсутствовало стремление противопоставить свои позиции. Например, депутат от 14 марта Бутрос Харб отметил, что целью встречи было осознать путь развития страны в сохранении ее единства, что позволит ослабить социальное напряжение. Депутат по округу Метн И. Кнаан от блока М. Ауна «Изменение и реформа» заявил, что важнейшей задачей он видит взаимодействие между христианами-министрами будущего Кабинета и парламентариями, представляющими прохристианские фракции.

Окрыленный результатами межмаронитской встречи, патриарх на следующий день подробно разъяснил свою позицию по отношению к ливанской культуре, носящей, по его словам, поликонфессиональный характер. Основной мыслью выступления стало то, что культура страны основана на плюрализме — религиозном, политическом и экономическом. Сразу после этого выступления патриарх принимал в своей резиденции послов США, Румынии и Австрии. Очевидно, он понимал, что без международного признания его третьей роли в политическом процессе ему явно не обойтись, и собирался и в дальнейшем продолжать начатые действия по укреплению единства христиан Ливана, особенно оказавшихся по разные стороны «политических баррикад».

В июле 2011 г. продолжились и межмаронитские встречи в ограниченном составе. По сообщению газеты «Ад-Дийар», 10 июля в Бкерке под патронажем маронитского патриарха встречались лидеры прохристианских политических сил Ливана: А. Жмайель, С. Джаджа, М. Аун и С. Франжье.

Инициировал патриарх и обсуждение проблемы положения соотечественников за рубежом. В частности, насущным вопросом он назвал доработку избирательного закона в той его части, что касается избирательного права ливанцев в диаспорах.

Вполне оригинальным прозвучало мнение Б. ар-Раи относительно особой национальной идентичности ливанцев. Он заявил, что настало время совместной выработки новой национальной идеи на основе принципа «нет — Западу, нет — Востоку». По его мнению, всеми ливанцами должны быть осознаны задачи, стоящие перед страной для ее собственного блага и процветания, для достижения сложившегося некогда в отношении Ливана образа «ближневосточной Швейцарии».

Осталось добавить, что на протяжении лета-осени 2011 г. патриарх принимал активное участие в инициированном некой Лигой экс-депутатов обсуждении выполнения Таифских соглашений, а также поднимал вопрос о необходимости проведения совещаний по выработке нового Национального соглашения (или пакта — взамен неформальных договоренностей 1943 г.). Вопрос пересмотра Национального пакта включает в себя

и проблему конфессионального представительства, что делает его очень болезненным и многогранным, выходящим своими потенциальными последствиями во все стороны жизни страны. Очевидно, у патриарха Бишары ар-Раи сложилось убеждение в том, что только подвергая пересмотру устаревшие принципы ливанской внутренней политики можно выйти на новый уровень цивилизованного политического диалога и достичь внутреннего единства.

Следующим важным вопросом для анализа ситуации 2011 г. в Ливане является степень влияния региональных социально-политических процессов на деятельность ливанского Парламента. Текущие политические сдвиги пришлись на середину срока нынешнего состава: ливанский Совет депутатов был избран в июне 2009 г. и следующие выборы запланированы на 2013 г. Ливанской оппозиции досталось 57 мест из 128-мандатного парламента. Однако последовавший в августе 2009 г. выход 11 депутатов от ПСП из коалиции 14 марта сделал соотношение парламентариев от обоих альянсов близким к паритетному. Во многом именно поэтому смена правительства в 2011 г. стала возможной без проведения досрочных парламентских выборов.

Тем не менее, в конце 2011 — начале 2012 г. тема изменения избирательного законодательства перед очередными выборами стала одной из главных среди ведущих политических сил Ливана, в том числе вышедших на передний план только недавно. Имеется в виду организация, созданная в 2011 г. и состоящая из ливанских бизнесменов, политиков и иерархов Православной церкви (Антиохийского патриархата), — Православная лига (иначе — Православное объединение). Эта организация быстро заняла важное место среди политических партий Ливана и принимает участие во многих важных встречах, в том числе проводимых в Бкерке.

Предложения Лиги в основном касались реформы избирательного закона. Суть их сводилась к выдвижению кандидатов по округам в более строгом соответствии с процентным составом населения по конфессиональному признаку. Критики таких предложений, однако, полагали, что их реализация приведет к углублению ливанского политического конфессионализма и будет тормозить демократический процесс в стране.

В отношении событий в Сирии позиция Ливана могла быть охарактеризована в целом как нейтральная и вполне прагматическая. При голосовании в СБ ООН 4 октября 2011 г. резолюции по Сирии (когда Россия и Китай наложили вето) Ливан оказался в числе четырех воздержавшихся стран.

Политика ливанского руководства не может быть названа просирийской, даже несмотря на симпатии многих политических лидеров Ливана к режиму Б. Асада. Действительно, Ливан 12 ноября голосовал против исключения Сирии из состава ЛАГ (тогда 19 из 22 стран высказались «за», Ливан и Йемен — «против», Ирак воздержался). Тем не менее, в последующие дни ливанский премьер был вынужден объяснять такое решение ливанского представителя при ЛАГ на встречах с иностранными диппредставителями в Бейруте и даже в рамках заседания Кабинета министров. Основой ливанской позиции в отношении Сирии он назвал единственно желание сохранить внутреннюю стабильность в стране.

Ливан не голосовал против резолюций по Сирии ни в Совете ООН по правам человека (2 декабря 2011 г.), ни на Генассамблее ООН (16 февраля 2012 г.). Проект резолюции СБ ООН по Сирии (заблокированный Россией и Китаем) 4 февраля 2012 г. ливанская сторона поддержала. Эти факты ясно говорят о том, что намерения тесно сотрудничать с Дамаском, которое высказывали раньше и власти, и многие ливанские политики, не сыграло для ливанского руководства первостепенной роли в нынешнем политическом противостоянии вокруг сирийского кризиса. Ливан не пошел по пути конфронтации с мировыми державами Запада и рядом арабских государств в отношении режима Б. Асада, но в итоге во многом принял их сторону.

Значительная часть населения страны, безусловно, поддерживает настроения в сирийском обществе, направленные на достижение мира, социальной стабильности и устойчивого развития. По-разному относясь к нынешнему сирийскому режиму, большая часть ливанцев возражает против ввода иностранного (даже арабского) контингента, будь то в виде миротворческих сил или сил обеспечения гуманитарных акций под международным мандатом. Косвенным подтверждением этому служит факт несогласия Ливана (а также Алжира) с постановлением ЛАГ от 13 февраля о призыве к СБ ООН сформировать миротворческие силы для ввода на территорию Сирии. В самом обществе, несмотря на существующие полярные мнения, преобладают опасения радикализации ряда сирийских общин в результате возможного ввода в Сирию иностранного контингента и дестабилизации положения уже в региональном масштабе.

Как и следовало ожидать, явно в поддержку режиму Б. Асада высказывается «Хизбалла» (и вообще большинство ливанских шиитов). В то же время о военной помощи сирийскому режиму со стороны этой организации речь не идет. Заявления ограничиваются, как правило, требованиями прекратить давление и международные санкции в отношении Сирии. Поддерживают сирийского президента и друзья Ливана. В. Джумлат, лидер ПСП, не раз высказывался от имени своих многочисленных сторонников в пользу Сирии и лично Б. Асада. Глава другой друзской партии — Демократической (ДПЛ), Т. Арслан — также имел встречи с президентом Сирии, на которых давление на сирийский режим рассматривалось как последовательные и согласованные антисирийские действия извне.

Тем не менее, и ливанский президент, и премьер-министр не раз высказывались в том ключе, что Ливан не может рисковать собственной стабильностью и должен сосредоточиться на укреплении национального единства. Известно, что и лидер АМАЛЬ Н. Берри на встрече со студентами призывал своих сторонников к «мирному сопротивлению» на внутренней арене.

Наконец, резко против действий нынешнего сирийского режима выступал экс-премьер С. Харири со своими сторонниками. Свою позицию он неоднократно озвучивал как на выступлениях в самом Ливане, так и на многочисленных встречах за его пределами.

Имелись и факты прямого давления на ливанское правительство со стороны Соединенных Штатов. Западные страны были обеспокоены большим объемом сирийских авуаров, размещенных в ливанских банках. Эти средства не попадали под действие американских

санкций и теоретически могли быть использованы сирийцами — сторонниками режима для его сохранения. Еще в ноябре 2011 г. на встрече с премьером Н. Микати и главой ливанского Центробанка Р. Саляме замглава казначейства США Д. Глейзер предупредил о незамедлительном введении санкций против ливанской банковской системы в случае, если она будет заподозрена в сотрудничестве с сирийским режимом. Фактически речь шла о замораживании сирийских счетов в ливанских банках. В конце того же месяца в правительстве Ливана обсуждались возможные последствия ведения антисирийских международных санкций и было высказано убеждение, что они не будут иметь серьезного влияния на ливанскую экономику.

В первой декаде декабря того же года госсекретарь США Х. Клинтон передала послание ливанским властям через своего помощника по Ближнему Востоку Дж. Фельтмана. Тот провел ряд встреч с премьер-министром Ливана, спикером парламента, членами правительства, представителями 14 марта. Можно предположить, что одним из основных пунктов этих встреч стало согласование позиций двух стран в отношении сирийского кризиса.

Тем временем боевые столкновения сирийской армии и вооруженных группировок сирийской оппозиции имели место вблизи границ с Ливаном. Так, периодически вспыхивали вооруженные инциденты в районе г. Забедани в предгорьях Антиливана. В конце января 2012 г. был взорван нефтепровод в Тель-Калахе близ сирийско-ливанской границы. Правительственные войска Сирии с ноября месяца минировали ее для предотвращения попадания в страну нового контрабандного оружия для Сирийской свободной армии с ливанской территории. Последующие приграничные инциденты заставляли и сирийскую, и ливанскую стороны обращать самое серьезное внимание на охрану общей границы. Увеличивающийся объем контрабандного оружия, которое попадало в руки Сирийской свободной армии предположительно через участки границы Сирии с Северными районами Ливана, заставил ливанского министра обороны Фаеза Госна признать, что для пресечения потока контрабанды возможности ливанской армии были исчерпаны. По его словам, возможным выходом из положения могло бы стать использование для этих целей сил ООН (UNIFIL), подобно тому, как это делается в районе ливано-израильской границы⁹.

Безусловно, ливанские власти, кроме прочего, опасались проникновения в Ливан опасных тенденций межобщинных столкновений, которые имели распространение в соседней Сирии (об этом в апреле 2012 г. стали говорить уже ливанские президент и премьер)¹⁰. Уже в начале февраля факты вооруженных стычек между алавитами (членами некой Арабской демократической партии) и суннитами стали фиксироваться в районе Триполи на севере Ливана. Отношения между представителями этих общин в североливанских областях обострились и ранее, однако теперешние события несомненно являются в определенной мере отголоском сирийских межобщинных столкновений, которые фиксируются в прилегающих к Ливану районах.

⁹<http://www.dailystar.com>, 2.04.2012; 2.04.2012.

¹⁰<http://www.assafir.com>, 17.04.2012.

На юге страны отмечались вооруженные провокации, видимо, имевшие целью обострить ситуацию в районе ливано-израильской границы. Так, 9 декабря близ г. Тира был подорван автомобиль с французскими миротворцами, а с южноливанских территорий по Израилу было выпущено несколько ракет. К концу месяца накалилась обстановка в районе южноливанского лагеря беженцев Айн-аль-Хильве, на территории которого в разгар внутриванских столкновений 2007 г., связанных с палестинскими лагерями, якобы действовала экстремистская группировка «Джунд аш-Шам».

В 2011 г. в связи со сменой правительства и приходом к власти бывшей оппозиции произошли серьезные изменения политического курса Ливана. На политической арене появились новые политические фигуры и силы, играющие важную роль в обществе и политике.

Нельзя не признать, что налицо признаки того, что Ливан в большой степени подвергается влиянию бурных трансформаций в арабском мире («арабской весны»). Ситуация в Ливане, развивающаяся в значительной мере под воздействием волнений в соседней стране, имеет, по всей видимости, некоторую тенденцию к обострению. Налицо очевидные факторы дестабилизации:

- правительство испытывает серьезное давление со стороны Запада, доходившее до угроз экономических санкций в случае неугодных позиций по международным вопросам;
- начинают вспыхивать локальные очаги межобщинного противостояния;
- участились провокации вблизи ливано-израильской границы;
- в обществе и в среде политиков нет единства по отношению к событиям в Сирии и меняющейся ситуации в регионе в целом;
- реваншистские настроения все более остро ощущаются в стане находящегося в оппозиции альянса 14 марта.

Вероятным направлением действий ливанского правительства по удержанию ситуации в стране и на границе с Сирией может быть использование сил ООН. Такое решение позволит, возможно, с большей последовательностью проводить политику нейтралитета в сирийском вопросе и прекратить трафик контрабандного оружия в Сирию через территорию Северного Ливана.

Тем не менее, пока ливанскому руководству удастся избежать массовых протестных выступлений и широких действий экстремистов, которые в ряде стран используют протестный потенциал, накопленный в обществе под влиянием социально-экономических проблем, в своих интересах. В целом в 2011 — начале 2012 г. в правительственных кругах наблюдалась скоординированность действий, нацеленность на поиск компромиссных и согласованных решений по острым политическим вопросам. Большинство политических партий и организаций выстраивали свою стратегию в конструктивном ключе, явно выказывая стремление избежать попадания страны в волну «арабской турбулентности».

Г.Г. Косач

Саудовская Аравия

Саудовская Аравия испытала многогранное воздействие протестных движений, развивавшихся в границах арабского региона. Активизируя существующие в стране политические силы («либералы», религиозные и конфессионально-региональные группы), «арабская весна» заставляла саудовскую власть искать ответ на внутренний вызов, бросившийся ей этими силами. Внося же элементы «зыбкости»¹ в систему ближневосточных международных отношений, события 2011 г. вынуждали саудовское руководство действовать, чтобы сохранить роль страны на региональной арене.

Говоря в конце 2011 г. о своей стране (и странах Совета сотрудничества арабских государств Залива — ССАГЗ), саудовский политик (и сановник) подчеркивал, что она смогла «доказать прочность основ своего существования, пройдя через “землетрясение”». Он связывал эту «прочность» с «проводимым Королевством курсом реформ», добавляя, что «успех этого курса не исключает проведения новых преобразований»². «Арабская весна» стимулировала процессы начавшегося в Саудовской Аравии во второй половине 1990-х гг. «этапа реформ».

¹Выражение Башира Абдель Фаттаха: *Абдель Фаттах Б. Ас-Саурат ва мустакбаль ан-низам аль-арабий* (Революции и будущее арабской системы). — Аль-Джазира, 11 сентября 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/678F3617-F153-4672-9A65-D55FA7BE8172.htm>.

²Динамий аль-амн аль-иклимий. Калима аль-амир Мукран бен Абд аль-Азиз (Динамика региональной безопасности. Выступление принца Мукрана бен Абд аль-Азиза). — 4 декабря 2011. — <http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/34-2011-12-05-06-26-19.html>.

Саудовская оппозиция и власть: позиции сторон

23 февраля 2011 г. в день возвращения в столицу лечившегося за пределами страны короля Абдаллы бен Абд аль-Азиза было распространено обращенное монарху «Заявление 23 февраля», подготовленное группой «либеральных интеллектуалов» — Молодежью Фейсбук — Шабаб Фейсбук, приветствовавших «прибытие на родину монарха-реформатора»³. Его открывали красноречивые слова: «Мы обращаемся к вам, Служитель Двух Благородных Святынь!»⁴ Революции, которые начала молодежь Туниса, Египта и Ливии, доказывают, что арабские правители не прислушивались к голосу нового поколения, оставаясь далеки от его устремлений и чаяний. Они игнорировали, — писали далее авторы этого документа, — требования народов, стремившихся к реформам, развитию, свободе, справедливости, выступавших против угнетения и коррупции. Но события, разворачивающиеся в странах арабского мира, несут в себе анархию, кровопролитие, попрание основ существования государства и правопорядка»⁵. Нельзя допустить, продолжали они, «чтобы негативные последствия революций затронули королевство», — «молодежь призывает Служителя Двух Благородных Святынь провести назревшие реформы», чтобы «родина избежала потрясений»⁶.

Суть этих реформ — «пересмотр существующих конституционных актов: Основного закона правления, Закона о Консультативном совете, Закона о провинциях и Закона о Совете министров»⁷ с тем, чтобы воцарилась атмосфера «борьбы с коррупцией, верховенства закона, равенства граждан и обеспечения прав женщин». В стране должен был возникнуть «избираемый парламент», первоначально действующий наряду с назначаемым Консультативным советом, и обеспечена «свобода функционирования» объединяющих саудовских интеллектуалов «литературных клубов»⁸ и организаций правозащитников».

Авторы «Заявления 23 февраля» требовали ограничить средний возраст министров 40 годами, а членов Консультативного совета — 45 годами; до начала работы избираемого парламента Консультативный совет должен был пополниться «талантливыми специалистами — мужчинами и женщинами». Они настаивали на трансформации монархии в конституционную и основанную на «разделении властей», требуя «независимости суда», «легализации политических партий, отмены цензуры в отношении средств массовой информации, освобождении политических заключенных»⁹, предоставлении политических и гражданских

³Имтидад башарий би туль 36 километран (Человеческая цепь длиной в 36 километров). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 24 февраля 2011. — <http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=609728&issueno=11776>.

⁴Официальный титул короля Саудовской Аравии. «Две Благородные Святыни» — Мекка и Медина.

⁵Тасабуд маталиб аль-ислях фи Ас-Саудийя (Рост требований реформ в Саудовской Аравии). — Аль-Джазира, 24 февраля 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/7429F239-FAD6-45CF-969C-3547A3C9C78C.htm>.

⁶Здесь и далее: Саудийюн юталибун аль-малик би исляхат (Саудовцы требуют от короля проведения реформ). — Аль-Джазира, 23 февраля 2011. — <http://www.aljazeera.net:80/NR/exeres/8492EE30-D3FF-4820-937B-E67286517286.htm?GoogleStatID=20>.

⁷Принятые в 1992 г. основные конституционные акты Саудовской Аравии.

⁸Созданные в последние годы клубы, провозглашающие своей целью «содействие развитию культуры» и объединяющие интеллигенцию «либеральной» направленности.

⁹По данным Государственного департамента Соединенных Штатов, число политических заключенных в Саудовской Аравии составило в 2010 г. более 3 тыс. чел. — Такрир кадая хукук аль-инсан фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Отчет о проблемах прав человека в Королевстве Саудовская Аравия). — Генеральное консульство Соединенных Штатов в Джидде. 2010. — <http://arabic.jeddah.usconsulate.gov/human-rights-report-2010.html>.

прав женщинам». Заявление включало требования социального характера — «справедливое распределение общественного богатства, ликвидация безработицы среди молодежи, улучшение ее жилищных условий».

Прибыв в Эр-Рияд, король Абдалла бен Абд аль-Азиз провозгласил начало «нового этапа широкого национального диалога» для «блага отечества». Из государственного бюджета и личных средств монарха было выделено более 121 млрд. саудовских риалов (более 35 млрд. долл.) на нужды социального обеспечения, развитие системы профессиональной подготовки женщин, повышение стипендий студентам¹⁰. Не менее значительные суммы направлялись Фонду жилищного развития на возведение жилья для молодежи. Королевские указы предполагали, что на развитие литературных клубов и общественных организаций будет ежегодно выделяться от 100 до 450 млн. риалов. Саудовский монарх обещал амнистировать некоторых политических заключенных. Во многом игнорируя политические требования «Заявления 23 февраля», король подтверждал условный характер союза власти и «либералов», начало которому было положено в 2003 г.¹¹ Этот союз диктовался прагматическими интересами саудовского «политического класса», периодически обрушивавшего репрессии на испытывавших чувство «революционного нетерпения» интеллигентов.

В ситуации, складывавшейся в границах окружающего Саудовскую Аравию геополитического пространства, «либералы» настаивали на смягчении условий этого союза. 27 февраля 2011 г. было предано гласности «Заявление 123», подписанное ста двадцатью тремя университетскими преподавателями, юристами, экономистами, правозащитниками и предпринимателями, утверждавшими «недостаточность осуществленных правителем мер, направленных на развитие страны»¹². Подчеркивая, что «революционные изменения» в Тунисе и Египте обязывают «государство стать конституционной монархией» и преобразовать Основной закон правления в «полноценную конституцию», авторы «Заявления 123» подчеркивали, что выступают «не против существующей власти, а солидаризируются с теми ее представителями, в первую очередь королем, которые призывают к реформам». Считая необходимым не допустить развития событий по пути «мятежей и анархии», они требовали разработать «поэтапный план политического реформирования», немедленно освободить политических заключенных, ликвидировать цензуру средств массовой информации, ввести прямые и всеобщие выборы муниципальных советов (избираемых лишь частично) и (назначаемых) советов провинций и Консультативного совета, обеспечить равноправие женщин.

Продолжая действовать на «благо отечества» (но вновь лишь частично удовлетворяя требования «либералов»), король, выступая 25 сентября 2011 г. с тронной речью в Консультативном совете, объявил о принятии им новых указов, предоставляющих

¹⁰Здесь и далее: Аль-Малик Абдалла яъалян карарат ли кабх аль-батала (Король Абдалла объявляет о решениях, касающихся обуздания безработицы). — Аль-Хайят, 24 февраля 2011. — <http://international.daralhayat.com:80/internationalarticle/237732>.

¹¹См. об этом: Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990 — 2006 г.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007, с. 26–55.

¹²Здесь и далее: Маталиб би малякия дустурийя би Ас-Саудийя (Требования введения конституционной монархии в Саудовской Аравии). — Аль-Джазира, 27 февраля 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/8FD04625-05E9-47C3-8855-04412FDD00E6.htm>.

женщинам, начиная с 2013 г., право назначаться в протопарламент, а также участвовать в выборах и баллотироваться в депутаты муниципальных советов. Говоря об этом, он подчеркивал: «Взвешенное обновление, основанное на исламских ценностях как гарантии прав человека — веление времени»¹³. Союз власти и «либералов» оставался фактом реальности, но вновь на условиях «правящего класса».

11 марта 2011 г., почти через три недели после возвращения короля в Эр-Рияд, сформированное суннитскими активистами¹⁴ Объединение свободной молодежи — Иъятиляф аш-шабаб аль-ахрар (его создатели были близки к Исламской партии уммы — Хизб аль-умма аль-ислямий¹⁵) призвало «сторонников справедливости» выйти на улицы саудовских городов и «совершить джихад на пути Господа, сказав слово правды правителю — вали аль-амр»¹⁶, — в Саудовской Аравии должна была начаться желанная революция — саура ханин. Обращение определяло первоочередную задачу «революции» — добиться освобождения политических заключенных, подчеркивая, что «язык демонстраций и массовых собраний — единственный способ заставить государство осуществить требования людей».

«Желанная революция» не произошла — слишком много сил было брошено для того, чтобы с помощью «превентивных мер» не допустить демонстраций. Государственная безопасность уже прекратила (23 июля 2011 г. король, приветствуя открывшуюся в Мекке конференцию «Исламский мир: проблемы и решения», говорил, что его страна добилась «решающего успеха в отражении наступления гадины террора и разрушения ее организационных структур»¹⁷) активность антисистемного террористического подполья, и ей не составило труда не допустить выступлений тех, кто действовал открыто. Против Объединения свободной молодежи была мобилирована машина государственной пропаганды — от муфтиев мечетей, произносивших гневные проповеди против тех, кто «пытается сеять рознь и мятежи», до «мыслителей и писателей нации» — авторов ведущих саудовских изданий, говоривших о «недопустимости нападок на поэтапный реформаторский курс» короля¹⁸. Саудовские «либералы» выступили в поддержку действий власти, — в обнародованном 15 марта 2011 г. заявлении Саудовского национального общества прав человека говорилось: «Исполнительный комитет Общества считает, что единство правительства

¹³Би карарейн тарихийейн аль-малик яхджуз макъад аль-маръа би Аш-Шура (Дважды историческими указами король резервирует женщине место в Консультативном совете). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 сентября 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=642138&issue=11990>.

¹⁴Распространявшееся организаторами Объединения свободной молодежи обращение подчеркивало, что его члены представляют лишь суннитское сообщество — *ахль ас-сунна ва аль-джамаъа*. — Саура ханин 11 марс, 6 раба аль-ахар (Желанная революция 11 марта, 6 раба аль-ахар). — Личный архив автора.

¹⁵Байан Хизб аль-умма аль-ислямий юакид хакк аш-шааб фи ат-тазахурат ас-силмийя (Заявление Исламской партии нации о праве народа на мирные демонстрации). — Сайт Исламской партии уммы, 6 марта 2011. — <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TRFM0psTjFZbEJoWjVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp>.

¹⁶Здесь и далее цит.: Саура ханин 11 марс, 6 раба аль-ахар.

¹⁷Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: Аль-Мамляка наджахат фи тасадди ли афа аль-ирхаб (Служитель Двух Благородных Святых: Королевство добилось успеха в отражении гадины террора). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 24 июля 2011. — <http://www.aawsat.com/detail.asp?section=4&article=632544&issue=11926>.

¹⁸Главный редактор «Аш-Шарк Аль-Аусат» Тарик Аль-Хамид писал 12 марта 2011 г.: «Саудовцы сказали в прошлую пятницу (11 марта 2011 г. — Г.К.) подстрекателям, что они принесли монарху безмолвную клятву верности». — Аль-Хамид Т. Ас-Саудийя: яум аль-бейъа ас-самита (Саудовская Аравия: день безмолвной клятвы верности). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 12 марта 2011. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=612174&issue=11792>.

и граждан непоколебимо, и призывает сынов родины к сплочению и сотрудничеству ради сохранения осуществленных под руководством Служителя Двух Святых достижений»¹⁹.

Исламская партия уммы (провозгласившая свое создание в феврале 2011 г.) стала анти-тезой антисистемного подполья (заблудшей секты — аль-фия ад-далля²⁰, согласно саудовскому политико-религиозному дискурсу). Партию создала небольшая группа (девять человек) — в своем «Учредительном заявлении» они сообщали, что являются «людьми науки и знания, университетскими преподавателями, адвокатами, бизнесменами, писателями, мыслителями, юристами и политическими активистами»²¹. Провозглашая себя «мирной политической партией» и утверждая свое стремление к легальной деятельности (просьба о ее регистрации была обращена «правительству Служителя Двух Благородных Святых»²²), это «народное политическое образование» заявляло, что видит Саудовскую Аравию страной, где «шариат является единственной основой законодательства», а «источник власти — нация». Основатели партии подчеркивали, что считают «гарантируемые шариатом права и свободы, включая свободу мнения и критики власти, достоянием всех граждан». Они считали необходимым заявить о своей приверженности «принципу консультирования — аш-шура, свободных выборов, опоры на мнение большинства и мирной ротации власти», о «вере в политический плюрализм и право нации формировать правительство».

Цель партии — «социальная справедливость, равноправие и равные возможности для всех», «реализация прав женщин и укрепление их роли в обществе»²³. Ее программный документ настаивал на уважении «определяемых шариатом и ценностями ислама» прав и свобод личности и, в первую очередь, ее права на «политическую свободу», как и «неотъемлемого права народа выбирать власть и контролировать ее действия», специально оговаривая принцип разделения властей и независимости судопроизводства²⁴. Немалое место в нем занимали вопросы социальной справедливости и «направляемого мечетью» общественного развития. Развитие саудовской религиозной оппозиции было идентично пути эволюции апеллирующих к мусульманской доктрине партий и движений в странах, где происходили революционные изменения.

В начале октября 2011 г. саудовский «политический класс» столкнулся с новым вызовом — грозившими распространением по всей территории Восточной провинции²⁵ волнениями шиитской молодежи, начавшимися в городе Эль-Авамийя. Вне зависимости от политических

¹⁹Байан садыр ан Аль-Джамъийя аль-ватанийя ли хукук аль-инсан фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Заявление Национального общества прав человека в Королевстве Саудовская Аравия), 15 марта 2011. — Личный архив автора.

²⁰Термин восходит к первой суре Корана — «Открывающая».

²¹Аль-Байан ат-таасийи ли Хизб аль-умма аль-ислямий (Учредительное заявление Исламской партии уммы). — Февраль 2011. — <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TIRJMUpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp>.

²²Хитаб ли хукума Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн (Обращение к правительству Служителя Двух Благородных Святых). — Февраль 2011. — <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TkRnM0psTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp>.

²³Ман нахну (Кто мы?) — <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TkRreEpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp>.

²⁴Здесь и далее: Ан-Низам аль-асасий ли аль-хизб (Устав партии). — Февраль 2011. — <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TkRrd0psTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp>.

²⁵Шииты сосредоточены в расположенной на побережье Персидского залива Восточной провинции.

предпочтений того или иного печатного издания, саудовская пресса квалифицировала эти волнения, предлагая широкий спектр (но всегда с негативным оттенком) их «причин» — «хулиганские выходки»²⁶, «провокация Аль-Каиды»²⁷, «вмешательство Тегерана, потерпевшего неудачу в Бахрейне и теряющего Сирию»²⁸. Раскрыв в Восточной провинции «террористическую ячейку, связанную с ливанской “Хизбаллой”», саудовские специальные службы, благословлявшие верховным муфтием, «положили конец ее преступной деятельности»²⁹.

События в Эль-Авамийе (отголоски которых ощущались, по крайней мере, вплоть до февраля 2012 г.³⁰) стали самыми серьезными после 1979 г. выступлениями шиитов Восточной провинции, вновь выявив, по мнению саудовского автора, «политико-конфессиональную маргинальность» этой конфессиональной группы «в саудовском государстве»³¹. Вместе с тем участники выступлений в Восточной провинции, видимо, не имели программы действий, нанося свой удар по «оплотам несправедливой власти и ее пособникам» — полицейским участкам, государственным учреждениям и по «собственности частных лиц». Волнения в Эль-Авамийе развивались как спонтанное массовое выступление (созданная в 1987 г. группой религиозных деятелей Саудовская партия Аллаха — Хизб Алла ас-саудий не стала значимой политической силой), сопровождавшееся погромами нешиитов и расхищением государственного имущества.

Усилия саудовского государства, пытавшегося после прихода к власти в 2005 г. нынешнего монарха снизить уровень маргинальности шиитского меньшинства, проводя курс «осторожной открытости» (участие в программах Центра национального диалога, распространение на шиитских племенных и религиозных нотаблей системы общегосударственной присяги, создание новых высших учебных заведений в основных центрах Восточной провинции), не увенчались сколько-либо значимыми успехами³². Тому были весомые причины — сопротивление официального корпуса законоучителей, исключившее возможность назначения шиитского правоведа в Совет высших улемов, а также саудовское видение Ирана как «стратегического противника». Но и группы оппозиции («либералы» и

²⁶Аль-Афъаль аль-мушина фи Аль-Авамийя (Хулиганские действия в Эль-Авамийе). — Ар-Рияд, 6 октября 2011. — <http://www.alriyadh.com/2011/10/06/article673015.html>.

²⁷Аль-Каида саъат ли хальк фитна таифийя фи Ас-Саудийя (Аль-Каида пыталась вызвать межконфессиональную смуту). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 4 октября 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=643368&issueno=11998>.

²⁸См., в частности: Масъулю ва ахали Аль-Катыф: ахдас Аль-Авамийя амаль мушин (Руководство и жители волости Эль-Катыф: события в Аль-Авамийе недопустимы). — Аль-Мадина, 5 октября 2011. — <http://www.al-madina.com/node/330835>.

²⁹Муфти Ас-Саудийя юхаджим ас-саъин ли нашр аль-фауда (Муфтий Саудовской Аравии осуждает сеющих анархию). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 8 октября 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=644025&issueno=12002>.

³⁰См., например: Ад-Дахилийя ас-саудийя: кувватун таамалят маа ахдас Аль-Катыф би миханийя ва би акса дараджат дабт ан-нафс (Саудовское министерство внутренних дел: наши подразделения действовали в ходе событий в Эль-Катифе профессионально и с максимальной выдержкой). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 февраля 2012. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=664628&issueno=12138>.

³¹Ибрахим Ф. Аш-Шиъа фи Ас-Саудийя (Шииты в Саудовской Аравии). Бейрут, Дар Ас-Саки, 2007, с. Положение шиитов в странах Залива рассматривается в: Шаххата М.Н. Сияса ан-нузум аль-хакима фи Аль-Бахрейн ва Аль-Кувейт ва Ас-Саудийя фи ат-таъамуль маа маталиб аш-шиъа (Политика правящих режимов Бахрейна, Кувейта и Саудовской Аравии в отношении требований шиитов). Бейрут, Марказ дирасат аль-вахда аль-арабийя, 2011.

³²См. об этом: Шаххата М.Н., цит. произв. С. 352–353.

Исламская партия уммы) осудили выступление в Эль-Авамийе — шиитское меньшинство, специфические проблемы которого не включаются в требования оппозиции, продолжает оставаться за пределами поля общенациональной политики.

Внутренние вызовы, бросавшиеся саудовской власти в течение 2011 г., не оказались для нее непреодолимыми — оппозиция раздроблена и неспособна на создание единого блока давления на власть. Призыв Исламской партии уммы к созданию «широкого фронта политической реформы», объединяющего «действующие внутри королевства и за его пределами группировки, правозащитные организации, молодежные движения, группы исламского действия, выступающие за реформы»³³, был проигнорирован «либералами». Основные группы оппозиции устремлены к сохранению (случай «либералов») или установлению (случай Исламской партии уммы) союза с властью, — и те и другие (хотя и в разной степени) имеют опыт политических преследований, заставляющий их считать легитимность «правлящего класса» непоколебимой.

Власть же, воплощаемая ее высшим сановником — королем, продолжала играть бедуинско-исламскую роль «справедливого» и «щедрого» правителя. Но игра в «справедливость» и «щедрость» имела четкие пределы, — выступая 23 февраля 2011 г., в день обнародования своих указов, саудовский монарх благодарил подданных за демонстрацию преданности власти: «Я горжусь вами! После Господа вы — гарантия единства родины. Вы доказали вашу преданность». Особые слова благодарности он адресовал «героям» государственной безопасности — «щиту, защищающему родину от тех, кто продал себя и стремится покуситься на благо родины», — им король обещал «отрубить их грязные руки»³⁴.

Саудовская Аравия в регионе арабского мира: основы курса

Саудовское государство «консервативно»³⁵. Это клише саудовского дискурса означает, в том числе, что проводимый государством внешнеполитический курс направлен на сохранение статус-кво, понимаемого как обеспечение стабильности в важных для его «правлящего класса» регионах — зоне Залива и Ближнем Востоке: «Королевство Саудовская Аравия, — отмечал пресс-релиз состоявшегося 11 июля 2011 г. заседания совета министров, в ходе которого была впервые высказана саудовская точка зрения на развитие ситуации в арабском мире, — выражает свое сожаление и глубоко скорбит в связи с кризисными ситуациями в ряде арабских стран. Королевство призывает всех прислушаться к голосу

³³Хизб аль-умма аль-ислямий ядбу иля ташкиль джабха арида ли аль-ислях ас-сиясий (Исламская партия нации призывает создать широкий фронт политической реформы). — 11 марта 2011. — <http://www.islamicommparty.com/Portals/Content/?info=TRJekpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp>.

³⁴Хадим Аль-Харамейн юваджих калима иля шааб Аль-Мамляка (Служитель Двух Святынь обращается к народу Королевства). — 23 февраля 2011. — Министерство иностранных дел Саудовской Аравии. — <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/statements/Pages/NewsArticleID121276.aspx>.

³⁵Здесь и далее: Аль-Али Х.И. Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджий ас-саудий: аль-мустава аль-халиджий аль-ислямий ад-дуввалий (Принципы и цели саудовской внешней политики: регион Залива, исламский мир, международное сообщество). — Ас-Сияса аль-хариджий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудий фи миат амм (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет). Эр-Рияд, Институт дипломатических исследований, 2002, с. 56.

разума, прекратить кровопролитие и начать процесс серьезных реформ, способных обеспечить права и защитить честь граждан»³⁶.

Развивая эти положения, министр иностранных дел принц Сауд Аль-Фейсал, выступая 4 декабря 2011 г. на состоявшейся в Эр-Рияде международной конференции «Залив и мир», говорил, что «в арабском регионе происходят беспрецедентно глубокие и серьезные изменения, ставящие вопрос о территориальной целостности составляющих его государств, безопасности и гражданском мире»³⁷. Эта мысль содержалась и в выступлении принца Мукрана бен Абд аль-Азиза (в недавнем прошлом руководителя внешней разведки), отмечавшего, что «арабская весна» внесла радикальные изменения в систему межарабских отношений, а «призывы к реформам оборачиваются анархией»³⁸.

Все же саудовская «консервативность» выглядела как селективная, что проявило себя, прежде всего, в отношении к переменам власти. Если в случае Туниса саудовская позиция едва ли артикулировалась (хотя предоставление убежища бывшему президенту Зину аль-Абидину бен Али и отказ выдать его новым властям³⁹ показательны), то развитие ситуации в Египте, соседу Саудовской Аравии и ее стратегическом региональном союзнике, вызывало осуждение и неприятие.

В ходе состоявшегося 30 января 2011 г. телефонного разговора между Абдаллой бен Абд аль-Азизом и президентом Бараком Обамой саудовский монарх подчеркивал: «Стабильность Египта, благополучие и безопасность его народа не могут являться предметом шантажа или объектом нападок». Король утверждал, что события в этой стране «сопровождаются разгулом анархии, грабежей и насилия, запугиванием граждан под предлогом защиты демократических свобод, в частности свободы слова», — однако, говорил он, имея в виду американскую поддержку идеи отставки Хосни Мубарака, — «защита свободы слова сеет ненависть и разрушение»⁴⁰. 10 февраля 2011 г. о событиях в Египте высказался С. Аль-Фейсал. Выступая в Рабате, он заявил, что Египет стал ареной «беспрецедентного вмешательства» в его внутренние дела. Это «вмешательство», по словам главы саудовского внешнеполитического ведомства, направлено на то, чтобы подтолкнуть «египетский народ» к «свершению излишеств». Продолжая линию саудовского монарха, С. Аль-Фейсал подчеркивал необходимость «мирного решения» кризиса, что позволило бы избежать «разрушительных последствий для стабильности и безопасности» региона⁴¹.

³⁶Ар-Рияд тадбу иля таглиб саут аль-хикма (Эр-Рияд призывает прислушаться к голосу мудрости). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 12 июля 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=630665&issueno=11914>.

³⁷Калима Суму ваизр аль-хариджий аль-амир Сауд Аль-Фейсал (Выступление Его Высочества министра иностранных дел принца Сауда Аль-Фейсала). — <http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/28-2011-12-04-06-35-02.html>.

³⁸Динамий аль-амн аль-иклимий. Калима аль-амир Мукран бен Абд аль-Азиз.

³⁹Самт саудий хияль таслим бен Али (Саудовское молчание в отношении выдачи бен Али). — Аль-Джазира, 4 января 2012. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/76697A93-4471-4013-94BB-2EA7FC3B6D3C.htm>.

⁴⁰Аль-Малик ли Обама: ля мусавама аля истикрар Миср ва саяма ва амн шаабиха (Король говорит Обаме: стабильность Египта, как и благополучие и безопасность его народа, не могут являться предметом компромисса). — Эр-Рияд, 31 января 2011. — <http://www.alriyadh.com/2011/01/31/article599942.html>.

⁴¹Сауд Аль-Фейсал: ма тафъалоху баад ад-дувваль изаа Миср тадаххуль сафир фи шааниха ад-дахилий (Сауд Аль-Фейсал: то, что делают некоторые государства в отношении Египта — открытое вмешательство в его внутренние дела). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 февраля 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=607781&issueno=11763>.

Саудовский «правлящий класс» был вынужден признать отставку Х. Мубарака в качестве свершившегося факта (сопровождаящие это событие сообщения о том, что бывший египетский президент якобы прибыл в Саудовскую Аравию, доказывали готовность саудовской стороны предоставить ему политическое убежище). 12 февраля 2011 г. саудовская пресса поместила «заявление ответственного источника», в котором говорилось: «Правительство Королевства Саудовская Аравия приветствует мирный переход власти в братской Арабской республике Египет. Оно выражает надежду на то, что предпринимаемые вооруженными силами усилия, направленные на восстановление мира, стабильности и спокойствия, увенчаются успехом». Далее в заявлении шла речь о важности создания контролируемого армией правительства, а также воссоздания ее усилиями «исторической роли Египта на арабской, исламской и международной арене»⁴². Текст «заявления» доказывал, — дистанцируясь от площади Тахрир, саудовская власть поддержала армию. Это было естественно — «потеря стратегического союзника — Египта времени Х. Мубарака»⁴³ лишала саудовский внешнеполитический курс его важнейшей региональной опоры. Эту потерю она стремилась возместить, ориентируясь на ту социальную силу, из рядов которой вышел бывший египетский президент.

Расширение пространства протестных движений создавало ситуацию, когда реакция саудовского «правлящего класса» могла опираться и на иные оттенки «консервативности». Если в случае Йемена состоявшееся 10 апреля 2011 г. в Эр-Рияде чрезвычайное совещание министров иностранных дел государств — членов Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) приняло «инициативу стран Залива»⁴⁴ (положенную в дальнейшем в основу резолюции Совета Лиги арабских государств — ЛАГ по Йемену⁴⁵), то в ситуации Бахрейна речь шла о введении в эту страну армейских подразделений ССАГЗ, основу которых составили саудовские войска. Сложность внутрийеменской политико-конфессиональной ситуации заставляла Саудовскую Аравию видеть в сторонниках президента Али Абдаллы Салеха (включая и армию) гарантию сохранения территориального единства страны-соседа, но, учитывая уровень протестных движений, последовательно настаивать на диалоге между ними и фракциями оппозиции (с начала 2011 г. контакты с ними поддерживались руководящими структурами ССАГЗ), не допуская возвращения к ситуации 2009 г., когда зона саудовско-йеменской границы стала театром противостояния «хуситским инфильтрантам».

⁴²Масдар масъуль: Аль-Мамляка тураххиб би аль-интикаль ас-ильмий ли ас-султа фи Миср (Ответственный источник: Королевство приветствует мирный переход власти в Египте). — Аль-Ватан, 12 февраля 2011. — http://www.alwatan.com.sa/Local/News_Detail.aspx?ArticleID=41539&CategoryID=5.

⁴³Слова аналитика Мухаммеда Мансура Аль-Марзуки Аль-Бакми. — *Аль-Марзуки Аль-Бакми М.М. Ас-Саудийя ва Туркия фи зыль ас-саурат аль-арабийя* (Саудовская Аравия и Турция под сенью арабских революций). — Аль-Джазира, 25 октября 2011. — <http://studies.aljazeera.net/reports/2011/10/201110259362798688.htm>.

⁴⁴Мубадара халиджий ли халль аль-азма аль-йеменийя (Инициатива стран Залива по решению йеменского кризиса). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 апреля 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=616687&issueno=11822>.

⁴⁵Байан садыр ан Маджлис Джамийа ад-дуваль аль-арабийя фи дауратихи геир аль-адийя би шаан татаввурат аль-вадь фи Аль-Йемен (Заявление чрезвычайной сессии Совета Лиги арабских государств о развитии положения в Йемене). — 22 марта 2011. — <http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/dafe0300463817a0b07bb7ab2b463fb2/Yemen.pdf>.

В то же время положение в Бахрейне (государстве — члене Совета сотрудничества) оценивалось саудовским «правлящим классом» как итог «действий Ирана», вызвавших к жизни «межконфессиональные трения и религиозный экстремизм», — эта точка зрения была подтверждена всеми членами ССАГЗ⁴⁶ и поддержана ЛАГ⁴⁷. Из нее логично вытекало утверждение о том, что «активное участие формирований “Щит полуострова”⁴⁸ в событиях в Бахрейне положило предел возможностям роста экстремизма и исключило его воздействие на социально-политические процессы», создав условия для «обуздания иранских посягательств»⁴⁹.

Сложный характер саудовско-ливийских отношений последних лет (в Саудовской Аравии говорили о «раскрытии заговора ливийского режима с целью убийства короля Абдаллы бен Абдель Азиза»⁵⁰) определил основные элементы ее курса в отношении Ливии. Этот курс (далекий от того, чтобы детально артикулироваться) отталкивался от негласной поддержки противников Муаммара Каддафи, деятельности в рамках Совета сотрудничества⁵¹ и ЛАГ⁵², направленной на то, чтобы утвердить «нелегитимность ливийского режима», поддержку плана создания «зоны, запретной для полетов» и перенос «ливийского досье» на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Итогом этого курса стала инициатива Ливийского переходного совета о восстановлении в начале января 2012 г. полномасштабных саудовско-ливийских отношений, предполагающих «свободу экономической деятельности саудовских граждан в Ливии» и «поощрение саудовских капиталовложений»⁵³.

Саудовская позиция в отношении Сирии также несла на себе отпечаток напряженности в отношениях обеих стран, вытекавшей, как отмечали в саудовской столице, из «ориентации президента Башшара Асада на тесные связи» с Ираном и, как следствие этих связей, поддержки сирийским руководством «антиправительственных действий ливанской “Хизбаллы”», а также направленного против ФАТХ и администрации Палестинской Национальной Администрации (включая и продолжение их взаимодействия с Израилем) курса ХАМАС и Исламского джихада. Сирийско-иранские контакты, менявшие «консервативную» (в саудовском понимании этого определения) картину арабского мира, представляли собой наиболее серьезный фактор, определивший саудовскую политику в отношении протестного движения

⁴⁶См.: Аль-Байян ас-сухуфий ас-садыр ан ад-даура аль-истиснаийя ас-салиса ва ас-салисун ли Аль-Маджлис аль-визарий (Заявление для прессы чрезвычайной тридцать третьей сессии Министерского совета). — Эр-Рияд, 17 апреля 2011. — <http://www.gcc-sg.org/index3499.html?action=Sec-Show&ID=324>.

⁴⁷Аль-Джамийа туайид Дираа аль-джазира би Аль-Бахрейн (Лига поддерживает ввод сил «Щит полуострова» в Бахрейн). — Аль-Джазира, 23 марта 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/305851BC-5566-49AO-8E32-4DD55FA7BE8172.htm>.

⁴⁸Название объединенных вооруженных сил ССАГЗ.

⁴⁹Динамийя аль-амн аль-иклимий. Калима аль-амир Мукран бен Абд аль-Азиз.

⁵⁰Ад-Дипломасий ас-саудийя тиджах Либия (Саудовская дипломатия в отношении Ливии). — Аль-Хайят, 5 января 2012. — <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/346284>.

⁵¹См.: GCC: Libya Regime Lost Legitimacy. — Al-Jazeera, 11 Mars 2011. — <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/03/20111310211730606181.html>.

⁵²Карар Маджлис Джамийа ад-дуваль аль-арабийя фи дауратиха геир аль-адийя би шаан аль-аудаъ фи Либия (Резолюция чрезвычайной сессии Совета Лиги арабских государств в связи с положением в Ливии). — 27 августа 2011. — <http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/1b53548048e9ef94b16bfd7abaae88c3.pdf>.

⁵³Ас-Саудийя ва Либия тастаанифан иъада аль-илякат (Саудовская Аравия и Ливия возобновляют отношения). — Аль-Хайят, 2 января 2012. — <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/346080>.

в Сирии. Как писал аналитик саудовской «Аш-Шарк Аль-Аусат», «сирийский режим — важнейший полюс иранской стратегии, являясь не только звеном сферы влияния, формируемой Ираном к востоку и западу от Евфрата, но и пунктом, откуда наносятся удары по стабильности Ливана и создаются условия для сохранения раскола в рядах палестинского национального движения». Эти контакты лишают арабский мир «свободы принимать единое общееарабское решение по наиболее принципиальным региональным проблемам»⁵⁴.

Протестные выступления создавали повод для воздействия на сирийскую внешнюю политику, хотя саудовский курс формировался постепенно. Акцент, ставившийся саудовским «правлящим классом» в момент начала этих выступлений на «прекращении кровопролития» и «начале серьезных реформ», не означал, что Саудовская Аравия была заинтересована в немедленном падении сирийского режима (считая, что развитие событий в этом направлении приведет к «неизбежному внутреннему хаосу»), предпочитая путь его последовательной трансформации в систему власти, «отделенной от службы государственной безопасности»⁵⁵.

Кристаллизация саудовской поддержки сирийской оппозиции (включая и ее финансовый компонент) обрела черты реальности по мере оформления ее организационных структур и взгляда на будущее Сирии, во многом совпадавших с саудовским пониманием «консервативности» региональной системы международных отношений; в начале декабря 2011 г. глава Сирийского национального совета Бурхан Гальон заявил о том, что будущее сирийское правительство, сформированное оппозицией, «разорвет особые отношения с Ираном и прекратит поставки вооружения “Хизбалле” и ХАМАС»⁵⁶. По его словам, Сирия будет добиваться освобождения Голанских высот «на основе переговоров, не прибегая к вооруженным действиям» (что соответствовало духу выдвинутой нынешним саудовским монархом в 2002 г. и принятой ЛАГ «Арабской мирной инициативы»), а сирийская политика будет ориентирована «на взаимодействие с основными государствами арабского региона».

6 августа 2011 г. король Абдалла бен Абд аль-Азиз выступил со специальным обращением к «братьям в Сирии»⁵⁷. Он обвинил сирийский режим в «противоречащем нормам религии и морали кровопролитии», подчеркивая, что происходящее в стране «неприемлемо в Королевстве Саудовская Аравия». Саудовский монарх отмечал, что «сирийское руководство стоит перед выбором — либо оно проявит мудрость, осуществив быстрые и всеобъемлющие реформы, либо страна погрузится в хаос». Он был откровенен: «Королевство Саудовская Аравия заявляет о своей исторической ответственности перед сирийскими братьями, требуя остановить механизм кровопролития, обратиться к разуму и провести реформы. Сирийские братья, — подчеркивал

⁵⁴Ас-Сейид Р. Сауд Аль-Фейсал ва ас-саура ас-сурийий ва истратиджийят саун аль-масалих (Сауд Аль-Фейсал, сирийская революция и стратегии защиты интересов). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 марта 2012. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=668316&issueno=12162>.

⁵⁵Аль-Хамид Т. Сурия ва мухаджама ас-сафара аль-американийя (Сирия и нападение на американское посольство). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 12 июля 2011. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&issueno=11914&article=630650>.

⁵⁶Здесь и далее: Syria Opposition Leader Interview Transcript. — The Wall Street Journal, December 2, 2011. — <http://online.wsj.com/article/SB10001424052970203833104577071960384240668.html>.

⁵⁷Здесь и далее: Калима Хадим Аль-Харамейн иля ашиккаихи фи Сурия (Обращение Служителя Двух Святынь к братьям в Сирии). — Сайт министерства иностранных дел. — <http://mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/TwoHolyMosquesSpeeches/Pages/891042.aspx>.

Абдалла бен Абдель Азиз, — должны почувствовать, что в их жизни есть честь, достоинство и величие»⁵⁸. Саудовский «правлящий класс» сделал выбор в пользу оппозиции, — обращение короля завершалось сообщением об отзыве саудовского посла из Дамаска. В тот же день действия сирийского правительства были осуждены Министерским советом ССАГЗ⁵⁹.

В конце августа 2011 г. Министерский совет ЛАГ провел первое заседание, посвященное развитию событий в Сирии, — это был итог усилий Саудовской Аравии, координировавшей свои действия с другими государствами ССАГЗ. Принятое этим заседанием заявление было выдержано в терминах обращения саудовского монарха — «прекращение кровопролития», «обращение к мудрости», «право сирийского народа на достойную жизнь, его устремленность к достоинству и величию»⁶⁰. Действия Лиги определялись все возrastавшим давлением Саудовской Аравии и ее союзников. Итогом этого давления стал разработанный в середине ноября 2011 г. Протокол об обязательствах сирийского правительства и условиях деятельности в Сирии миссии наблюдателей ЛАГ⁶¹, а также резолюция Министерского совета о введении экономических санкций против Сирии⁶².

Саудовская Аравия приветствовала решения ЛАГ, настаивая, однако, на принятии более жестких мер (склоняясь к военной акции Лиги)⁶³. Ее пресса призывала «интернационализировать» внутрисирийский кризис, критикуя (порой резко) препятствующую этому позицию некоторых членов Совета Безопасности ООН⁶⁴. Принимая активное участие в Министерской комиссии ЛАГ по положению в Сирии, Саудовская Аравия сохраняла незыблемость своей

⁵⁸Оценка саудовской прессой обращения короля содержала резкие выпады в адрес сирийского режима. Так, главный редактор «Аш-Шарк Аль-Аусат» Тарик Аль-Хамид подчеркивал: «Важность обращенного к Сирии заявления короля состоит в том, что его сделал человек, больше, чем кто-либо другой, терпевший поступки Асада». Далее эти поступки перечислялись — «убийство Рафика Харири», «война 2006 г. в Ливане», «вмешательство в дела Ливана», «появление Ирана на внутриарабской арене». Т. Аль-Хамид писал, что «король терпеливо ждал, когда сирийский президент откажется от своего «авантюризма». Но «льется арабская кровь», — терпение «иссякло», «король требует — настало время всеобъемлющих реформ, а не словесных обещаний». — Аль-Хамид Т. Сурия: аль-малик якиф маа аш-шааб (Сирия: король на стороне народа). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 9 августа 2011. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=634861&issueno=11942>.

⁵⁹Маджлис ат-таавун аль-халиджей юдин аль-истихдам аль-муфрит ли аль-кувва дыдд аль-маданийин ас-сурийин (Совет сотрудничества арабских государств Залива осуждает чрезмерное применение силы против гражданского населения Сирии). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 августа 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=634576&issueno=11940>.

⁶⁰Аль-Байян ас-садыр ан иджтимаа Маджлис Джамийа ад-дуваль аль-арабийя аля аль-муства аль-визарий фи дауратихи гейр аль-адийя би шаан аль-аудаъа фи Сурия (Заявление чрезвычайной сессии Министерского совета Лиги арабских государств о положении в Сирии). — Каир, 27 августа 2011. — <http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/52046e8048e9eeb1b13ffd7abaae88c3>.

⁶¹Ан-Натаидж ас-садира ан иджтимаа Маджлис Джамийа ад-дуваль аль-арабийя аля аль-муства аль-визарий (Итоги совещания Министерского совета Лиги арабских государств). — Рабат, 16 ноября 2011. — <http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/a45f5a00491801d98c0bed7abaae88c3>.

⁶²Мутабаа татаввурат аль-вадъ фи Сурия (О развитии ситуации в Сирии). — Каир, 27 ноября 2011. — <http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/fdae6480493824db9b86ff7abaae88c3>.

⁶³Ас-Саудийя тушид би джухуд Аль-Джамийа аль-арабийя тиджах Сурия (Саудовская Аравия поддерживает усилия Лиги арабских государств в отношении Сирии). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 22 ноября 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=650974&issueno=12047>.

⁶⁴Ар-Рашид А.Р. Хауля юридун ат-тадаххуль ад-дуввалий (Они хотят международного вмешательства). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 6 сентября 2011. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=639097&issueno=11970>; Он же. Ат-Тадаххуль ад-дуввалий ля аль-аджнабий (Международное, а не иностранное вмешательство). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 сентября 2011. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=639256&issueno=11971>.

позиции — «сирийское правительство обязано в полном объеме выполнить обязательства, зафиксированные в подписанном им и Лигой Протоколе», «гарантировать безопасность гражданских лиц и мирных демонстраций», «содействовать работе инспекторов Лиги»⁶⁵. Осуществляя давление на режим Б. Асада, государства ССАГЗ в начале февраля 2012 г. заявили о «высылке послов сирийского режима» из своих столиц⁶⁶.

12 февраля 2012 г. (уже после того, как Россия и Китай использовали право вето в отношении представленного Совету Безопасности ООН Марокко проекта резолюции по Сирии⁶⁷) Совет ЛАГ принял новый документ — Рекомендации Совета в связи с развитием ситуации в Сирии⁶⁸. В нем говорилось о «прекращении миссии наблюдателей Лиги арабских стран». Совет ЛАГ обращался к Совету Безопасности ООН, заявляя о необходимости «создания арабско-международных миротворческих сил» для «наблюдения за прекращением огня», и призывал Генерального секретаря ООН назначить «специального представителя» для контроля над осуществлением «политического процесса на основе арабской инициативы». Документ приветствовал решение Туниса провести на его территории «конгресс друзей Сирии».

Рекомендации предусматривали «налаживание каналов связи с сирийской оппозицией и предоставление ей всех форм политической и материальной помощи». Ее призывали к «объединению рядов и к началу способного обеспечить сплоченность и эффективность диалога» между представляющими ее группировками до начала работы «тунисского конгресса». К взаимодействию с «сирийским народом» призывали арабские и международные гуманитарные организации, предлагая «организовывать кампании народных пожертвований, призванных смягчить страдания сирийского народа». Совет ЛАГ заявлял о том, что он будет работать в «постоянном режиме, осуществляя мониторинг развития ситуации» в Сирии.

Принятое Советом ЛАГ решение, сопровождавшееся обращением в Генеральную Ассамблею ООН, в решающей степени определялось позицией государств ССАГЗ. Эта позиция в ее концентрированном виде была выражена 12 февраля 2012 г. в выступлении саудовского министра иностранных дел С. Аль-Фейсала в ходе работы Совета ЛАГ. По его словам, внутрисирийская ситуация достигла уровня, когда опасное развитие событий могут остановить только «решительные меры». Для главы саудовского внешнеполитического ведомства это было тем более очевидно, что, как он отмечал, «мягкотелость или безразличие некоторых государств, а также провал Совета Безопасности, в задачу которого входит поддержание международного мира и безопасности, не допустили

⁶⁵Ас-Саудийя тудин тафджират Сурия ва Аль-Ирак (Саудовская Аравия осуждает взрывы в Сирии и Ираке). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 10 января 2012. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=658255&issueno=12096>.

⁶⁶Дувваль Маджлис ат-таавун татруд суфара ан-низам ас-сурий (Государства Совета сотрудничества высылают послов сирийского режима). — Ар-Рияд, 7 февраля 2012. — <http://www.alriyadh.com/net/article/707947>.

⁶⁷См. об этом: *Сообщение для СМИ «Сирийский вопрос в Совете Безопасности ООН». 5 февраля 2012.* — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/C48EE16CD867631A4425799B003AF846.

⁶⁸Здесь и далее: *Насс таусыйят вузара аль-хариджий аль-араб (Текст рекомендаций арабских министров иностранных дел).* — Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 февраля 2012. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=663393&issueno=12130>.

серьезного взаимодействия с этим кризисом», позволив «сирийскому режиму проводить курс безжалостного подавления народа».

Это означало, как отмечал С. Аль-Фейсал, что, хотя Саудовская Аравия и остается «безусловным противником военного вмешательства и искренним сторонником действий, которые позволили бы Сирии избежать риска разрушительной гражданской войны или сползания в пучину анархии, хаоса и разрухи», в условиях, когда сирийский режим продолжает убийство и пытки целого народа», «нельзя допустить, чтобы он и далее продолжал свой курс». Напротив, считал глава саудовского внешнеполитического ведомства, «тот, кто совершает преступные деяния, должен стать объектом преследования со стороны Международного уголовного суда»⁶⁹.

Саудовское видение внутрисирийских событий подталкивало страну не только к осуждению позиции, в первую очередь России⁷⁰, использовавшей право вето в Совете Безопасности⁷¹, но и к формированию международной группы «друзей сирийского народа» (конференция которой состоялась 24 февраля 2012 г. в Тунисе), как и Саудовская Аравия, заинтересованных в восстановлении «консервативного» статус-кво в региональном пространстве Ближнего Востока. Признание ее участниками сирийской оппозиции в качестве «авангарда сирийского народа, стремящегося к свободе и достоинству», а Сирийского национального совета — «законным представителем сирийцев, стремящихся к осуществлению мирного демократического перехода»⁷², не удовлетворило саудовские ожидания. Продолжая координировать свои действия с другими государствами ССАГЗ, Турцией и ведущими державами Запада (и не отказываясь от консультаций с Россией⁷³),

⁶⁹*Сумув вазир аль-хариджийя таяб би иттихаз иджаат хасима баад ан фашилят ансаф аль-хулюль фи вакт аль-маджара ас-сурийя (Его Высочество министр иностранных дел потребовал принять решительные меры после того, как провалилась возможность решения во время сирийской бойни).* — 13 февраля 2012. — <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/MinistryNews/Pages/ArticleID201221217203406.aspx>.

⁷⁰В ходе состоявшегося 22 февраля 2012 г. телефонного разговора с президентом Д.А. Медведевым король Абдалла бен Абд аль-Азиз заявил своему российскому собеседнику: «Российские друзья должны были в первую очередь, прежде чем использовать российское право вето в Совете Безопасности, осуществить координацию действий с арабской стороной. Ныне же любой диалог в отношении происходящего бесполезен». — *Хадим Аль-Харамейн ли ар-раис ар-русий: Ас-Саудийя ля юмкинуха ат-тахалли ан маукифаха ад-диний ва аль-ихлякий тиджах ахдас Сурия (Служитель Двух Святых говорит российскому президенту: Саудовская Аравия не может отказаться от своей религиозно и нравственно обусловленной позиции в отношении событий в Сирии).* — Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 февраля 2012. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=664946&issueno=12140>.

⁷¹Высокий уровень саудовско-китайского экономического и политического взаимодействия практически исключил какую-либо критику позиции Китая по внутрисирийскому кризису на страницах саудовской прессы и в заявлениях официальных лиц.

⁷²Насс Байян муатамар «асдыка аш-шааб ас-сурий» фи Тунис (Текст Заявления конференции «друзей сирийского народа» в Тунисе). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 февраля 2012. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=665274&issueno=12142>.

⁷³Комментируя достигнутое 10 марта 2012 г. в Каире Совместное заявление министров иностранных дел России и ЛАГ о принципах урегулирования сирийского кризиса (текст этого Заявления на сайте МИД Российской Федерации — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/FC5C19754D4414C6442579BD005016D2), главный редактор «Аш-Шарк Аль-Аусат» писал: «Заявление российского министра иностранных дел и его катарского коллеги на состоявшейся в Каире совместной пресс-конференции о том, что Россия и Лига договорились о пяти принципах урегулирования сирийского кризиса, включающих указание на резолюции Лиги, призывающие Башшара Асада уйти в отставку, конечно же, не может рассматриваться как коренное изменение российской позиции, а как важный прорыв на российском направлении». Это означает, по его словам, что «мудрость подсказывает, что настало время сесть лицом к лицу вместе с русскими, а не говорить с ними с помощью заявлений или в ходе массовых мероприятий. У России, несомненно, есть достойные уважения интересы, как есть интересы и у арабов, главным из которых выступает прекращение преступлений против сирийцев и уход Асада. Сесть для разговора с русскими нужно сейчас, а не когда-то в будущем». — *Аль-Хамид Т. Аль-ан иджлису ма ар-рус (Сядьте вместе с русскими сейчас).* — Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 марта 2012. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=667427&issueno=12157>.

Саудовская Аравия продолжает действовать, настаивая на отстранении президента Б. Асада и поддержке оппозиции (включая ее вооружение)⁷⁴.

«Арабская весна» вновь поставила вопрос и о ССАГЗ в его качестве приоритетной для саудовской внешней политики международной структуры. Речь шла не только о привлечении к деятельности этой организации двух арабских монархий — Иордании и Марокко⁷⁵ и о создании в этой связи «расширенного [региона] Залива»⁷⁶, что позволило саудовскому «правлящему классу» говорить о становлении «коалиции арабских монархий» ради стабильного развития «арабского отечества». Вопрос касался, в первую очередь, укрепления сотрудничества между странами — создателями и членами Совета сотрудничества.

По мнению высших представителей саудовского «правлящего класса», для этого были веские причины. Выступая на конференции «Залив и мир», глава саудовского внешнеполитического ведомства объяснял необходимость движения государств ССАГЗ к большему взаимодействию «иранским вмешательством во внутренние дела стран Залива», как и вероятностью создания Ираном ядерного оружия, способного стать «серьезной угрозой региону»⁷⁷. Этот аспект проблемы затрагивался и принцем Мукраном бен Абд аль-Азизом: «Падение режима Саддама Хусейна, — отмечал он, — и появление Ирана в качестве военной силы, обладающей ядерными амбициями, увеличило число вызовов, бросааемых странам Залива. Это обстоятельство усиливает их стремление добиваться еще большего сплочения, в том числе и для обуздания Ирана»⁷⁸. В свою очередь, бывший глава службы общей безопасности и посол в Великобритании и Соединенных Штатах принц Турки Аль-Фейсал, выдвигая саудовское «видение будущего», подчеркивал: «Страны Залива должны играть более эффективную роль в мире, защищая свои интересы и действуя в направлении выработки общих решений в сфере политики, экономики, безопасности и военного дела, включая и пересмотр своего отношения к незыблемости национального суверенитета»⁷⁹.

Открывшаяся 19 декабря 2011 г. в Эр-Рияде очередная сессия Высшего совета ССАГЗ была ознаменована вступительным словом саудовского монарха. Обращаясь к главам государств Залива, он говорил об «эпохе вызовов, требующих бдительности». Подчеркивая же, что, если страны Совета сотрудничества не хотят «столкнуться с забвением и слабостью»,

⁷⁴По словам С. Аль-Фейсала, сирийский режим «полностью потерял легитимность, став подобием оккупационного режима», который необходимо «добровольно или с помощью силы заставить уйти». Это означает, как он заявлял, что вооружение оппозиции, «противостоящей оккупации» — «прекрасная мысль». — Сауд Аль-Фейсал: низам Аль-Асад асбах ашбах би султа аль-ихтияль ва таслих аль-муарада фикра мумтаза (Сауд Аль-Фейсал: режим Асада стал похож на оккупационную власть, а вооружение оппозиции — прекрасная мысль). Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 февраля 2012. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=12142&article=665304>.

⁷⁵Ат-Таавун аль-халиджий яввасуь удвийятаху би дамм Аль-Урдунн ва даъва Аль-Магриб (Совет сотрудничества расширяет свои ряды, включая Иорданию и приглашая Марокко). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 мая 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=11852&article=621218>.

⁷⁶Выражение Башира Абдель Фаттаха: *Абдель Фаттах Б. Ас-Саурат* ва мустакбаль ан-низам аль-арабий.

⁷⁷Калима Суму ваизр аль-хариджий аль-амир Сауд Аль-Фейсал.

⁷⁸Динамий аль-амн аль-иклимий. Калима аль-амир Мукран бен Абд аль-Азиз.

⁷⁹Варака Сахиб ас-суму аль-малякий аль-амир Турки Аль-Фейсал (Выступление Его королевского высочества принца Турки Аль-Фейсала). — <http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/49-speech-byhrh-prince-turki-alfaisal.html>.

они обязаны «перейти от этапа сотрудничества к этапу союза — иттихад»⁸⁰. В Саудовской Аравии инициатива короля Абдаллы бен Абдель Азиза была охарактеризована как «выражение общей ответственности глав государств Совета в условиях, когда арабская нация переживает бросающую вызов эпоху своего развития»⁸¹.

Это означало, что в ситуации, созданной «арабской весной», действия Саудовской Аравии направлены на то, чтобы возложить на себя (и своих союзников по ССАГЗ) роль центра, организующего арабский мир, возмещая тем самым снижение роли Египта. Действуя в рамках ЛАГ и диктуя этой организации принципы поведения (всем решениям ЛАГ последнего времени предшествовали решения ССАГЗ), саудовская внешняя политика не только выводила эту организацию из состояния паралича. Отталкиваясь от обновленного понимания своей «консервативности», эта политика стремилась в максимальной степени исключить внешние силы (Иран в первую очередь) и их союзников из числа игроков на арабском геополитическом пространстве, как и смягчить последствия политических изменений в регионе.

Саудовская Аравия: внутренние реформы

В 2003 г., когда в Саудовской Аравии начался «этап реформ», сопровождавшийся широкими общественными дискуссиями, один их участник заявлял, что мир видит в Саудовском королевстве «культурно-цивилизационный феномен», но не «государство институтов». По его мнению, такой взгляд выдвигал не терпящую отлагательств задачу — трансформировать саудовское государство в «национальное, плюралистическое и реально осознающее свои интересы в современном мировом сообществе»⁸².

Саудовские реформы (движение от «феномена» к «государству институтов») — длительный процесс, побудительным поводом для него всегда был внешний импульс. Осуществлявшиеся реформы инициировались властью (вводившей их в русло соответствия «принципам шариата» и «умеренности — аль-васатийя»⁸³) и имели своей целью расширение числа участников принятия политического решения. На рубеже двух столетий движение в этом направлении убыстрялось. Тому были внешние причины

⁸⁰Калима Хадим Аль-Харамейн фи ифтитах Аль-Маджлис аль-аала ли Маджлис ат-таавун (Речь Служителя Двух Святынь на открытии Высшего Совета сотрудничества). — <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/TwoHolyMosquesSpeeches/Pages/ArticleID20111220125017587.aspx>.

⁸¹Аль-Фейсал: мубадара тухавиль дувваль Аль-Халидж иля мархаля аль-иттихад фи киян вахид (Аль-Фейсал: инициатива перехода государств Залива на этап объединения в единое образование). — 20 декабря 2011. — <http://www.gcc-sg.org/index1236.html?action=News&Sub=ShowOne&ID=2247&T=A>.

⁸²Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат». Руа ва асьлия тахуд фи ильтибасат аль-илякат ас-сиясийя маа Аль-Вилайят Аль-Муттахида (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат»). Взгляды и вопросы в связи с содержанием политических отношений с Соединенными Штатами). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 марта 2003. — <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=157955&issueno=8873>.

⁸³Термин саудовского политического дискурса, означающий дозированность реформаторских начинаний, прерогативу власти быть их источником и осуществлять их претворение в жизнь. См.: Аль-Амир Абдалла истакбаль аъада аль-мултাকা ас-сани ли аль-хивар ас-саудий (Принц Абдалла принял участников второй встречи саудовского диалога). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 4 января 2004. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=210973&issueno=9168>.

— кувейтский кризис начала 1990-х гг. (весной 1992 г. были приняты первые в саудовской истории конституционные акты — Основной закон правления, Закон о Консультативном совете и Закон об управлении провинциями) и сентябрьские события 2001 г. (в течение 2003–2005 гг. последовательно расширялся состав членов Консультативного совета, был создан Центр национального диалога, возник Антикоррупционный комитет, проведены первые частичные выборы советов муниципалитетов, повышена общественно-политическая роль национального предпринимательства, представленного Советом торгово-промышленных палат, появились профессиональные организации и «общественный» Саудовский национальный комитет прав человека⁸⁴).

В октябре 2006 г. власть саудовского «правлящего класса» получила законодательную основу — Закон о комитете по принесению клятвы — Низам Хейъа аль-бейъа⁸⁵, содействовавший институционализации вопросов, связанных с престолонаследием (в октябре 2011 г. этот закон был применен, когда наследником саудовского престола стал принц Наеф бен Абдель Азиз). Созданный в 2008 г. в качестве начинания короля Абдаллы бен Абдель Азиза Центр диалога религий⁸⁶ вносил серьезные изменения в саудовский политический дискурс, — он начинал опираться на более широкие цивилизационные взгляды. Выступая 24 октября 2010 г., саудовский монарх говорил: «Саудовская Аравия — страна, открытая миру. Мы черпаем наши идеи в Торе, Евангелиях и Коране — Книгах, ниспосланных Господом, поскольку весь мир верит в справедливость, благополучие, мир»⁸⁷.

«Арабская весна» стала новым внешним вызовом, требовавшим реформирования саудовского государства. Однако в отличие от прошлого движение по этому пути обрело более широкую социальную основу, — ею стал выпестованный властью новый «образованный класс». По оценкам Саудовского департамента статистики (конец февраля 2010 г.), более 96% работающих саудовцев (почти 4 млн. чел. в возрасте от 25 до 44 лет, или 89,5% от общей численности рабочей силы) получили образование — 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, а 34,4% — дипломами бакалавров. Образованы как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих саудовских мужчин и 55,8% работающих саудовских женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин⁸⁸. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок отправляются на учебу в зарубежные университеты. В самой Саудовской Аравии действуют 25 университетов (включая и созданные в эпоху правления нынешнего короля крупнейшие учебные комплексы — Университет нефти и природных ресурсов

⁸⁴См. об этом: Косач Г.Г., цит. произв. С. 86–236.

⁸⁵Иъалян Низам Хейъа аль-бейъа (Обнародование Закона о Комитете по принесению клятвы). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 октября 2006. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=388223&issueno=10188>.

⁸⁶Ад-Даъва ли инша Марказ ва джаиза аль-малик Абдалла ли ат-тавасуль байн аль-хадарат (Призыв к созданию Центра и международной премии короля Абдаллы в сфере диалога цивилизаций). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 июня 2008. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=473853&issueno=10784>.

⁸⁷Хадим Аль-Харамейн: наахуз мин Ат-Таура ва Аль-Инджилъ ва Аль-Куръан (Служитель Двух Святынь: мы черпаем из Торы, Евангелий и Корана). — Ар-Рияд, 25 октября 2011. — <http://www.alriyadh.com/2010/10/25/article570998.html>.

⁸⁸Аль-Мамляка: 8,6 мильон насама джумля аль-кувва аль-амиля (Королевство: общая численность рабочей силы 8,6 млн. чел.). — Аль-Хайят, 1 марта 2010. — <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181>.

имени короля Фахда в Дахране и Университет науки и технологии имени короля Абдаллы вблизи Джидды) и 52 региональных технических колледжа⁸⁹.

Власть продолжала пестовать «образованный класс», предназначая ему «дары» короля, о которых было объявлено в феврале 2011 г. Ему же был адресован и принятый в конце декабря того же года новый бюджет с его значительными расходами на нужды бесплатного образования всех уровней⁹⁰. Но, расширяясь и обретая новые возможности и институты влияния (Консультативный совет, торгово-промышленные палаты, профессиональные и правозащитные структуры), этот «класс» (не только «либералы», но и стремящиеся к легальной деятельности сторонники религии) начинал видеть себя частью системы государственной власти, считая необходимым сузить сферу полномочий официального корпуса улемов, представители которого учились в поддержании контактов со сторонниками «заблудшей секты».

Его действия вновь опирались на начинания «правлящего класса», — в середине февраля 2009 г. своими «историческими указами» монарх реформировал Совет высших улемов, введя в состав этой религиозной инстанции лояльных законоучителей, а также представителей неханбалитских мазхабов⁹¹. В начале 2010 г. министерство религиозных дел инициировало «программу идейной безопасности» — обязательной переподготовки имамов, как и в определенной мере содействовало ограничению полномочий Лиги общественной морали⁹². 12 августа 2010 г. король Абдалла бен Абдель Азиз принял указ, позволяющий распространение только тех религиозно-юридических суждений, авторами которых являются правоведа, «избранные и введенные» королем в состав Совета высших улемов и Постоянной комиссии религиозных исследований и фетв⁹³.

Саудовская пресса, комментируя действия власти по отношению к корпусу правоведов, писала, что «развитие королевства вызвало противостояние в сфере культуры и общественной жизни». Суть этого «противостояния» заключалась в «ощутимом разрыве между поколениями», — «новое образованное поколение» стремится «с помощью Интернета и спутникового телевидения войти в мир, освободиться от мелочной опеки», считая то, «что ранее было запретным, — разрешенным». Это поколение называлось «противником консерваторов», стремящимся к «открытому обсуждению социальных и политических проблем»⁹⁴.

⁸⁹Хадим Аль-Харамейн: аль-хукума ас-саудийя таъмаль аля нашр сакафа хукук аль-инсан (Служитель Двух Святынь: саудовское правительство распространяет культуру прав человека). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 мая 2010. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=571619&issueno=11505>.

⁹⁰Ас-Саудийя тадухх адхам мизаний ли кытаа ат-таалим (Саудовская Аравия направляет самые значительные бюджетные средства на образование). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 27 декабря 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=656202&issueno=12082>.

⁹¹Аль-Малик Абдалла: карарат саудийя тарихийя (Король Абдалла: саудовские исторические указы). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 февраля 2009. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=11037&article=507086>.

⁹²Аль-Мадина: истимрар таукуф анасыр Аль-Хейъа (Медина: задержание членов Лиги продлено). — Аль-Хайят, 1 апреля 2010. — <http://www.daralhayat.com/portals/articledah/125677>.

⁹³Хадим Аль-Харамейн юсдарн малякийян би каср аль-фатва аля Хейъа кибар аль-уляма (Служитель Двух Святынь издает указ об ограничении издания фетв членами Совета высших улемов). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 августа 2010. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=11581&article=582296>.

⁹⁴Аль-Куэйлейт Ю. Мин аль-махаллийя иля алям муавалаям (От провинциальности к глобализированному миру).

Поле противостояния религиозной власти и «образованного класса» стала сфера женского равноправия (когда символом борьбы выступала отмена запрета на вожделение женщиной автомобиля). Но и здесь молодые саудовцы шли в фарватере начинаний «правлящего класса», — один из «исторических указов» февраля 2009 г. ввел женщину (получившую пост заместителя министра образования) в государственную табель о рангах⁹⁵. Эти начинания позволяли женщинам получать удостоверения личности, становиться служащими управлений гражданской обороны и министерства торговли и промышленности, ректорами «университетов для женщин», избираться в руководящие органы торгово-промышленных палат, ассоциации журналистов и литературных клубов, работать в «женских отделениях» крупных магазинов. Шаги, связанные с женской эмансипацией, на которые шло саудовское политическое руководство, не приветствовались (или осуждались, приводя порой к неисполнению указаний власти) религиозными правоведами, что создавало ситуацию, если использовать выражение саудовского исследователя, «отчуждения между политиком и правоведем»⁹⁶. Это «отчуждение» позволяло выдвигать требования, не противоречившие устремлениям «правлящего класса».

Концентрируясь вокруг идеи «ограничения влияния улемов»⁹⁷ на общественно-политическую жизнь, требования «молодежи» лишь выборочно принимались «правлящим классом». Его точка зрения всегда отталкивалась от необходимости «опоры реформ на выверенную всеобъемлющую и долгосрочную стратегию» при сохранении «столпа» саудовской политической системы — союза правящей династии и руководящего элемента страты улемов — семьи потомков Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба — Аль Аш-Шейх. Движение по пути политической модернизации для высших представителей этого «класса» должно было содействовать «укреплению национального единства и социальной справедливости». Это означало, что саудовская оппозиция могла играть роль зависимого «младшего партнера» власти. Власть же в условиях «арабской весны» делала выбор в пользу консервативной «умеренности».

Во второй половине декабря 2011 г. в мекканском Исламском университете губернатор провинции Мекка принц Халед Аль-Фейсал выступил с лекцией, в название которой были вынесены слова: «Мы должны отразить все попытки столкнуть наше общество влево или вправо»⁹⁸. Саудовский сановник говорил об «умеренности как константе жизни саудовского государства», имея в виду отказ от «крайностей в сфере мысли, науки, труда

— Ар-Рияд, 7 июня 2010. — <http://www.alriyadh.com/2010/06/07/article532670.html>.

⁹⁵Нура Аль-Фаиз: нудрик мутаталлабат аль-мархаля (Нура Аль-Фаиз: мы понимаем требования этапа). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 февраля 2009. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=507109&issueno=11037>.

⁹⁶Аль-Хейс А. Мушарака аль-марья фи аль-хайя ас-сиясийя ас-саудийя (Участие женщины в саудовской политической жизни). — Аль-Джазира, 17 октября 2011. — <http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/26C86176-EB3A-45AA-874D-369D9D87DA21.htm>.

⁹⁷Здесь и далее: Даъва ли тахджим уляма ад-дин би Ас-Саудийя (Призыв ограничить влияние саудовских улемов). — Аль-Джазира, 12 октября 2010. — <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/0A24F9FF-C8FE-43A4-9237-031962D4F018.htm>.

⁹⁸Здесь и далее: Аль-Амир Халед Аль-Фейсал: Алейна ат-тасадди ли мухавалят ихтиаф аль-муджтамаа яминан ва ясаран (Мы должны отразить попытки столкнуть общество вправо или влево). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 декабря 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=655238&issueno=12076>.

и политики». Источник этой «умеренности» — «благородный ислам», — опора на него позволяет государству отвергать «тех, кто призывает мусульманское общество к застою, к отказу от движения, к уходу из мира современности», как и «тех, кто несет лозунги “разобьем цепи”, “абсолютная свобода”». Если первые, как утверждал саудовский сановник, «порождены традицией», то вторые «призывают следовать западной модели», настаивая на «отделении религии от государства».

Саудовского сановника волновали не столько те, «кто порожден традицией» («заблудшую секту» преследует государство), сколько «революционеры-западники», «либеральная интеллигенция», поскольку «первые итоги “арабской весны” показали ориентацию многих стран на ислам»: «Если в Европе, — говорил он, — революции были направлены против Церкви, то здесь они свершаются ради Мечети». В этих условиях «курс саудовской умеренности должен стать успешной моделью действий государства, придерживающегося мусульманских ценностей и одновременно открытого достижениям современности». Это означало, что «задача руководства и народа Королевства состоит в том, чтобы развивать эту успешную модель, осуществляя проект реформ, предложенный Служителем Двух Благородных Святынь королем Абдаллой бен Абд аль-Азизом»: «В исламе нет ничего, что можно было бы считать призывом к отсталости. Это религия, считающая человека представителем Бога на Земле. Человек должен не только поклоняться Единому Богу, но и трудиться на благо развития и улучшения жизни. Саудовский опыт — воплощение этой исламской теории, — ислам — не религия отсталости и застоя, а мощный фактор прогресса».

Выступая 27 декабря на патронировавшей им и организованной эр-риядским Исламским университетом имама Мухаммеда бен Сауда конференции «Салафизм как шариатский метод и национальное требование», наследник престола принц Наеф бен Абд аль-Азиз вносил в эту постановку вопроса необходимые нюансы: «Королевство будет следовать салафизму — источнику его прогресса и развития, поскольку салафизм соединяет в себе идентичность — аль-исаля и современность — аль-муасыра. Это — шариат и мирская жизнь. Он призывает учиться прогрессу и мирно сосуществовать с другими, уважая их права», ради того, чтобы «сохранить стабильность в бурлящем региональном море»⁹⁹.

⁹⁹Вали аль-ахд: Аль-Мамляка камат аля аль-манхадж ас-саляфий ва лян татаназиль анху (Наследник престола: Королевство возникло на основе салафизма и не откажется от него). — Аль-Хайят, 28 декабря 2011. — <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/344324>.

И.М. Мохова

Марокко

Предметом настоящего исследования является рассмотрение феномена «арабской весны» в Марокко и ответных действий властей на массовое движение протеста. В отличие от целого ряда других арабских стран марокканский режим избрал путь политических реформ, которые оказались быстрыми и достаточно адекватными требованиям протестующих.

Факторы стабильности политической системы Марокко до «арабской весны»

В центре политической системы Марокко находится король, который носит религиозный титул Повелителя верующих (Амир аль-муаминин), закрепленный за монархом в первой конституции в 1962 г. Традиция обладания этим титулом восходит к династии Альмохадов, правившей в Северной Африке в XII в.

Легитимность короля основывается на его родовом происхождении (потомок пророка Мухаммеда) и особом статусе главы марокканской религиозной общины. Особенность марокканской политической системы состоит в синтезе элементов западной модели демократии (выборы, многопартийность, формальное разделение властей) с элементами традиционной политической культуры с ее особым отношением к королю и долгом подчиняться всем его решениям. В этих условиях неподчинение рассматривается как проявление неуважения

и даже оскорбление личности монарха. Весь комплекс сложных внутренних механизмов марокканской власти, включающей в себя традиционные и современные элементы, прямые и косвенные рычаги государственного управления, именуется махзеном¹.

Политическая элита (высшие и средние должностные лица) и высшие армейские чины приносят королю клятву верности (аль-байа). Эта клятва символизирует особую форму лояльности чиновников и военнослужащих лично монарху, который персонифицирует государство. Таким образом, в марокканской политической системе безличная лояльность правящего класса государству или нации подменена на личную лояльность королю. В этику профессионального служения чиновника и военного своему государству или общественному интересу искусно подмешивается элемент персональной преданности королевской династии.

Приход к власти Мухаммеда VI в 1999 г. был связан с ожиданиями фундаментальных реформ, слома старой закостеневшей политической системы, олицетворением которой за годы своего почти 40-летнего правления (1961–1999 гг.) стал Хасан II. Правление Мухаммеда VI началось с относительной либерализации внутривластной жизни, обновления старых элит и постепенной демократизации политической системы. Публикация в 2006 г. доклада национального Учреждения справедливости и примирения о грубых нарушениях прав человека со стороны государственных органов за период с 1956 по 1999 г. символизировала начало политической либерализации, которая была воспринята с энтузиазмом в марокканском обществе, а также заслужила положительные оценки в западных странах.

Новая политическая система, ставшая результатом преобразований Мухаммеда VI, содержала целый комплекс новых и старых механизмов, которые обеспечивали ее устойчивость до начала 2011 г. Из политических реформ нового короля стоит отметить:

1. Предоставление большей свободы действий системной оппозиции, освобождение из тюрем политических заключенных (из-под домашнего ареста был выпущен лидер исламистов шейх Абд ас-Салам Ясин) и разрешение для возвращения в страну марокканцам, которые были вынуждены уехать из королевства в годы правления Хасана II (в частности, возвращение оппозиционера социалиста Мухаммеда Басри).

2. Смягчение цензуры и давления на СМИ (согласно Закону о СМИ 2002 г. максимальный срок наказания за «посягательство на достоинство короля» сокращен с 20 до 5 лет; полномочия по вынесению запрета на издание газеты или журнала были переданы судебной системе. Ранее основанием для запрета служило решение королевской администрации).

Политические реформы, предпринятые Мухаммедом VI, продемонстрировали динамизм системы, ее готовность обновляться в соответствии с региональными и общемировыми тенденциями. «Запустив воздух» в систему через новые клапаны, Мухаммед VI сохранил ряд контрольно-ограничительных механизмов, которые по-

¹Термин «махзен» (араб. «казна, сокровище») также часто используется для более широкого обозначения марокканского правящего класса. Во время французского протектората над Марокко (1912–1956 гг.) термин «махзен» активно использовался для обозначения администрации султана.

прежнему выполняли стабилизирующую функцию. Речь идет, в первую очередь, об ограничении допуска партий в легальное политическое поле (партии не должны выходить за определенные пределы и, прежде всего, призывать к отмене монархического строя, резко критиковать монархию и лично короля), сохранении полного контроля за формированием состава правительства (включая назначение премьер-министра) и за судебной властью (назначение судей).

К традиционному инструментарию контроля над гражданским обществом и политической оппозицией в 2000-е гг. также относятся сохранение контроля над СМИ и электоральным процессом, запугивание и заключение под стражу оппозиционеров. Так, электоральный процесс на протяжении 2000-х гг. не отличался безупречной прозрачностью². Несмотря на отсутствие доказанных в суде случаев фальсификации результатов выборов, существуют серьезные подозрения относительно честности выборов 2007 г.³ Помимо этого, независимые эксперты отмечали, что электоральные округа были «нарезаны» таким образом, чтобы уменьшить шансы Партии справедливости и развития на победу⁴.

Согласно Закону о СМИ, власти имеют право приостановить выход любой публикации, которая наносит ущерб исламу, монархии, территориальной целостности или посягает на общественный порядок. Так, ряд изданий («Le Journal», «Demain», «Al-Sahifa»), критиковавшие политику короля по Западной Сахаре, были закрыты в конце 2000 г. Резко критиковавшие правительственную линию или высокопоставленных чиновников журналисты регулярно подвергались административному и судебному преследованию. В 2001 г. после публикации ряда критических статей о злоупотреблениях министра иностранных дел Мухаммеда Бен Аиссы ответственный редактор издания «Le Journal Hebdomadaire» был осужден на 3 месяца тюремного заключения и обязан был выплатить штраф 200 тыс. долл. В 2003 г. журналист Али Млрабет был осужден на 3 года за нанесение оскорбления королю⁵. Журналист и правозащитник Шакиб аль-Хияри в 2009 г. был осужден на 3 года за то, что в одной из телевизионных передач он

²В частности, в октябре 2006 г. разгорелся крупный скандал в связи с фальсификацией на выборах в верхнюю палату парламента, прошедших 8 сентября 2006 г. 67 человек были задержаны, из которых 12 — являлись членами верхней палаты, 5 — нижней палаты парламента.

³На парламентских выборах 2007 г. впервые были допущены иностранные наблюдатели (50 экспертов из 26 стран). По итогам своей работы они не зафиксировали существенных нарушений. Вместе с тем Марокканская ассоциация по правам человека отмечала факты нарушений в пользу кандидатов, имеющих тесные связи с властью. См.: Said Kirhlani. Election Watch Analysis. Electoral Report: Morocco. Parliamentary Elections 7 September 2007, p. 7. — http://www.observatorioelectoral.es/en/ImgBase/ER-Morocco_parliamentary_2007.pdf

⁴Said Kirhlani. Election Watch Analysis. Electoral Report: Morocco. Parliamentary Elections 7 September 2007, p. 7. — http://www.observatorioelectoral.es/en/ImgBase/ER-Morocco_parliamentary_2007.pdf

Несмотря на давление со стороны власти и активное использование административного ресурса, ПСР удалось завоевать большинство голосов избирателей (в выборах 2007 г. принимали участие более 30 партий). Тем не менее, в связи с особенностями распределения мест в парламенте, фактическим победителем выборов стала партия «Истикляль», несмотря на второй результат (по абсолютному числу бюллетеней, поданных за партию). «Истикляль» получила 52 места в парламенте (16%), ПСР досталось 46 парламентских кресел (14,15%). Официальные итоги выборов в парламент 2007 г. приводятся с сайта Министерства внутренних дел Марокко — www.elections2007.gov.ma

⁵Али Млрабет был осужден, в частности, за то, что в своих публикациях высказал удивление тому факту, что бюджет королевского дворца был одобрен парламентом без обсуждения

разоблачил ряд высших государственных чиновников, замешанных в наркотрафике. Ведущий независимый франкоязычный журнал «Tel Quel» в течение правления Мухаммеда VI регулярно подвергался давлению со стороны властей за журналистские расследования, связанные с чувствительными для махзена темами — секреты королевской семьи, теневой кабинет и т.д. Государственная администрация умышленно поддерживала угрозу наказания журналистов (увольнения, задержания, приостановка выхода издания), в случае если их критика выходила за пределы, установленные махзеном.

Тем не менее, следуя региональной тенденции, махзен в 2000-е гг. проводил постепенную либерализацию политической жизни. В результате в Марокко в этот период было зарегистрировано около 20 новых партий. В основном эти партии имели либеральную или социалистическую направленность и выступали за демократизацию политической жизни и обновление элит.

К традиционным партиям марокканской политической системы, среди которых наиболее сильными являются партии национально-консервативной и социалистической ориентации, такие как «Истикляль», Социалистический союз народных сил, Национальное объединение независимых, Партия демократического и социалистического авангарда, Партия прогресса и социализма и другие, добавились новые партии. Единственным исламистским политическим объединением, допущенным в последние годы правления Хасана II к участию в политическом процессе, является Партия справедливости и развития (ПСР). Все эти партии формируют системную оппозицию, в целом лояльную королевской власти.

Самым известным несистемным оппозиционным объединением в Марокко является крупнейшая исламистская суннитская ассоциация «аль-Адль ва-ль-Ихсан» (Справедливость и Благодеяние). Его лидер и идейный вдохновитель — шейх Абд ас-Салам Ясин⁶.

⁶История политического восхождения шейха Абд ас-Салама Ясина началась еще в 1974 г. с открытого письма Хасану II под названием «Ислам или потоп?» («Аль-Ислям ау ат-туфан?»). В нем А. Ясин открыто противостоял монархии и призывал Хасана II с большим уважением относиться к исламу. Революция в Иране стала мощным импульсом в деятельности Ясина, который призывал к установлению халифата вместо монархии Хасана II. Власти всегда пристально следили за деятельностью Ясина, препятствовали его передвижениям, наблюдали за местом жительства. Неоднократно ему предлагали заключить соглашение с властью, по которому он отказался бы ставить под сомнение статус монарха — Повелителя верующих, а взамен возглавляемая им ассоциация получила бы легальную возможность участвовать в политической жизни страны. Ясин всегда отвечал отказом. С 1989 по 2000 г. шейх Ясин фактически находился под домашним арестом, при этом его популярность только возрастала. В этот период его дочь Надия Ясин стала официальным представителем ассоциации.

Мухаммед VI, предоставив свободу Ясину (что было весьма смелым шагом, учитывая, что движения политического ислама набирали популярность), очевидно, рассчитывал на ответный шаг со стороны шейха в сторону примирения с монархией. Обретя свободу, шейх Ясин с новой силой обрушился на правящую династию, вновь обвиняя ее в отходе от истинной веры, в том, что она ответственна за нравственный упадок общества и что богатства, которые должны принадлежать народу Марокко, находятся в распоряжении только королевской династии. Получив свободу, Ясин одержал двойную победу: во-первых, он получил свободу, а во-вторых, продолжая критику монархии, показал безрезультатность попыток махзена ослабить его ассоциацию.

Начиная с 2000-х гг. «аль-Адль ва-ль-Ихсан» несколько смягчила свою риторику и косвенно признала легитимность марокканской монархии. Единственное, что остается неизменным, это отрицание за монархом религиозного статуса Повелителя верующих. Согласно информации, переданной американским послом в Рабате Томасом Райли после встречи с пресс-секретарем Ассоциации Фатхаллахом Арсланом в 2008 г. и опубликованной Wikileaks, «аль-Адль ва-ль-Ихсан», по словам Арслана, не выступает против монархии, главной целью ассоциации является стабильность в стране. Цит. по: Enquête. A quoi joue Al-Adl? Tel Quel, № 469. 16-22.04.2011 — http://www.telquel-online.com/archives/469/couverture_469.shtml

Главной причиной гонений со стороны власти и запрета на участие ассоциации в политике является то, что «аль-Адль ва-ль-Ихсан» не признает за марокканским королем легитимность титула Повелителя верующих. Помимо этого «аль-Адль» резко критикует социально-экономическую политику махзена и не соглашается принять королевские условия «игры в демократию». То есть отказаться от своей неконформистской позиции, признать легитимность религиозного титула короля и встроиться в системную оппозицию по аналогии с ПСР.

По этим причинам «аль-Адль» находится под запретом, но власти вынуждены закрывать глаза на его фактическую деятельность, в первую очередь в социальной сфере (аналогично положению «Братьев-мусульман» в Египте при Мубараке). Марокканские власти оценивают численность сторонников ассоциации в 30–40 тыс. человек. Однако руководство «аль-Адль ва-ль-Ихсан» заявляет о том, что власти сознательно занижают оценки и на самом деле речь идет о 200 тыс. сторонников⁷.

Еще один сегмент несистемной оппозиции представлен ультраконсервативными движениями салафитского толка. Группы салафитов стали появляться в Марокко в конце 1990-х гг., и в то время они были тесно связаны и опирались на поддержку саудовских салафитов. В течение правления Мухаммеда VI марокканские салафиты, самым известным движением которых является «Салафия Джихадий», преследовались властями по обвинениям в связях с «Аль-Каидой», терроризме и в покушении на государственный строй Марокко. В последнее время в результате жесткой политики властей по борьбе с терроризмом и радикальными исламистскими движениями тактика «Салафии Джихадий» претерпела изменения. Ряд ее лидеров стали высказываться в пользу «примирения» с махзеном и перехода от вооруженного к «политическому джихаду»⁸.

В качестве еще одного традиционного механизма контроля политической сферы необходимо рассматривать умелое выстраивание патронажно-клиентских связей, которые предполагают предоставление влиятельным политикам, семьям и группам (которые потенциально могли бы сформировать политическую альтернативу) материальных или статусных благ в обмен на их политическую лояльность. Под материальными и статусными благами подразумевается широкий набор престижных и доходных должностей в госаппарате или подконтрольных компаниях, распределение подрядов, льгот или квот через определенные фирмы, сознательное создание коррупционных связей. Интеграция возможных конкурентов в материально-статусное иерархическое пространство, созданное марокканским государством, обуславливает их пожизненную лояльность этому государству.

Самым известным примером подобной интеграции выступает так называемый «королевский холдинг»⁹, главную роль в котором играет Национальная компания по инвестициям

(Société Nationale d'Investissement). Существует непрозрачная схема участия королевской семьи и приближенных короля в активах холдинга. Национальная компания по инвестициям напрямую и через входящие в нее компании представлена во многих отраслях марокканской экономики — от добычи полезных ископаемых, предприятий тяжелой и пищевой промышленности, строительства до банков, страхования, недвижимости и телекоммуникаций. Компании, входящие в холдинг, имеют преимущества при распределении государственных контрактов и получении иностранных заказов.

В центре этой системы находится Мухаммед VI, его близкий друг Фуад аль-Химма (постоянно занимающий различные высокие государственные должности) и специальный секретарь короля Мунир Маджиди (управляющий королевской недвижимостью и частными финансовыми делами короля). Согласно информации, полученной американским дипломатом в Марокко и опубликованной WikiLeaks, в королевстве все главные решения по финансово-экономическим и инвестиционным проектам принимаются исключительно Мухаммедом VI, аль-Химмой и Маджиди¹⁰. Собеседники американского дипломата подчеркивали, что основные институты государства и бюрократические процедуры используются махзеном для того, чтобы оказывать давление и вымогать взятки, в частности в сфере недвижимости, а также, что проблема коррупции при Мухаммеде VI серьезно усугубилась и приводит к ухудшению качества управления¹¹.

Феномен значительного влияния и участия правящих кругов в финансово-экономической жизни страны даже получил название «экономический махзен». По данным журнала «Forbes», личное состояние Мухаммеда VI с 2000 по 2009 г. увеличилось в пять раз и составило 2,5 млрд. долл.¹² При этом ежемесячная зарплата короля составляет около 35 тыс. евро¹³.

Динамичная экономическая политика в 2000-е гг. представляла собой еще один ресурс обеспечения устойчивости политической системы Мухаммеда VI. В реальных условиях марокканского общества качество управления (особенно способность решать многочисленные социально-экономические вопросы) в значительной мере определяет стабильность правящей группы. С приходом к власти нового короля активная социально-экономическая политика проводилась по нескольким направлениям.

Во-первых, в стране началась реализация крупных инфраструктурных проектов (автомобильные и железные дороги, строительство в Танжере одного из крупнейших портов в Африке), создание промышленных и технологических парков в тесном сотрудничестве с европейскими партнерами. Марокко стремится к выполнению амбициозной задачи — стать крупным транзитным центром воздушных (проект «Open Sky») и железнодорожных перевозок.

Во-вторых, государство усилило работу по борьбе с бедностью, которая затрагивает, по разным оценкам, от 10 до 20% 32-миллионного населения Марокко¹⁴. В 2005 г. для

¹⁰Тесные взаимоотношения между Фуадом аль-Химмой и Муниром Маджиди иллюстрирует фраза самого Маджиди: «Я вижу с Фуадом чаще, чем со своей собственной женой».

¹¹El País, Madrid, 02.10.2010 — http://www.elpais.com/articulo/internacional/Le/Palais/Royal/au/sommet/corruption/au/Maroc/d/apres/les/Etats-Unis/elpepuint/20101202elpepuint_18/Tes

¹²<http://www.forbes.com/2009/06/17/monarchs-wealth-scandal-business-billionaires-richest-royals.html>

¹³<http://www.bibliomonde.com/donnee/maroc-monarchie-40.html>

¹⁴По данным Всемирного Банка, доля населения, живущего за чертой бедности, сократилась с 16,3% в 1999 г. до

⁷<http://www.aufaitmaroc.com/actualites/maroc/2011/6/8/nadia-yassine-les-islamistes-se-defendent-de-vouloir-instaurer-un-etat-religieux>

⁸<http://www.leconomiste.com/article/16-mai-5-ans-apresbrla-salafia-jihadia-s-essoufle>

⁹Подробнее о компаниях, входящих в холдинг, а также об участии короля и его приближенных в активах этих компаний см.: Holding SNI: une partie de monopole royale - <http://www.mamfakinch.com/holding-sni-une-partie-de-monopoly-royale>

борьбы с этой проблемой по решению короля началась реализация Национальной инициативы по человеческому развитию.

В-третьих, государство уделяло особое внимание созданию привлекательного делового и инвестиционного климата. Марокко, как страна лишенная нефтегазовых ресурсов, не обладающая мощной современной промышленностью и имеющая достаточно многочисленное и небогатое население, вынуждена развивать национальную экономику, опираясь в значительной степени на внешнюю поддержку. Эта внешняя поддержка традиционно привлекается королевством в разных формах (финансовая помощь, кредиты, инвестиции, обучение и т.д.) и имеет разнообразное происхождение (в частности ЕС, Франция, Саудовская Аравия и другие арабские страны Персидского залива). Для привлечения активов из этих стран марокканские власти провели комплекс реформ, направленных на упрощение инвестиционного законодательства, создание специальных налоговых режимов. Правительство принимало специальные меры по развитию туризма (создание инфраструктуры, отмена въездных виз, проведение PR-кампаний) и созданию сектора элитной курортной недвижимости в собственности иностранцев.

Благодаря динамичной экономической политике молодого короля Марокко добилось в 2000-е гг. хороших макроэкономических показателей. Рост ВВП с 1999 по 2009 г. в среднем составлял около 5% в год, в 2010 г. ВВП на душу населения по ППС составил 4,7 тыс. долл.¹⁵ Безработица сократилась с 13,9% в 1999 г. до 9% в 2010 г.¹⁶

Эти успехи экономической политики, безусловно, принесли королю политические дивиденды. Согласно опросу общественного мнения, в 2009 г. 91% марокканцев считали, что за десятилетие нахождения Мухаммеда VI у власти их положение существенно улучшилось¹⁷.

Тем не менее, Марокко ощутило на себе ряд неблагоприятных последствий мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося в 2008–2009 гг. Экономический спад во Франции и Испании, которые являются основными торгово-экономическими партнерами королевства, привел в 2009 г. к сокращению марокканского экспорта на 13%. Учитывая, что марокканская экономика в значительной степени зависит от средств, которые перечисляют марокканцы, работающие за границей (в основном во Франции, Испании и Италии), то общий спад в Европе ударил и по этой статье доходов (по некоторым данным, трансферты достигают 10% ВВП). Объем поступлений денежных средств от иммигрантов сократился в 2008 г. на 3,5%, в 2009 г. — на 5,4%. Объем прямых иностранных инвестиций в 2009 г. уменьшился на 29%¹⁸. Доходы от туризма упали на 6,3% в 2009 г.¹⁹ В результате этих

9% в 2007 г. — <http://data.worldbank.org/country/morocco> Однако, по данным Программы развития ООН (PNUD), эксперты которой использовали другую методику определения уровня бедности, в Марокко этот показатель составил 28% в 2010 г. — <http://www.leconomiste.com/article/pauvrete-nouvelle-polemique-en-vue>

¹⁵<http://data.worldbank.org/country/morocco>

¹⁶http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/dmag/dv/dmag20100505_11_/dmag20100505_11_fr.pdf; <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo/maroc/presentation-du-maroc/>

¹⁷Maroc: Mohammed VI très populaire, selon un sondage interdit dans son pays. AFP, 3 août 2009. — http://www.google.com/hostednews/afp/article/ALeqM5gCt_7bRMHcqQ9nQf17ey64YSlzUg

¹⁸Impact de la crise mondiale sur l'économie marocaine. Haut commissariat au Plan. Rabat, 30.06.2010. Документ цитируется с официального сайта — www.hcp.ma/file/104374/

¹⁹http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo/maroc/presentation-du-maroc/article/presentation-1928#sommaire_3

тенденций наметилось сокращение темпа роста ВВП с 5,6% в 2008 г. до 4,9% в 2009 г.²⁰ По данным Всемирного банка экономический рост в 2010 г. составил 3,7%²¹.

Таким образом, стабильность марокканской политической системы поддерживается целым комплексом факторов. Во-первых, у монарха существует ряд механизмов воздействия на политический процесс и внутривластную ситуацию (использовать свое особое положение, легальные политические рычаги, личную преданность подданных, патронажно-клиентские связи, контроль над СМИ). Во-вторых, «демократическая игра» с послушной системной оппозицией и регулярными выборами, создавая видимость демократического одобрения правящей группы, также обеспечивает ее легитимность. В-третьих, определенные социально-экономические успехи марокканского режима в 2000-е гг., безусловно, служат еще одним фактором легитимности.

Причины марокканских волнений

События «арабской весны», стремительно развернувшиеся в Тунисе и Египте в самом начале 2011 г., результатом которых стал уход со своих постов Бен Али (14 января 2011 г.) и Мубарака (11 февраля 2011 г.), оказали прямое воздействие на начало массовых протестов в Марокко. Первые массовые манифестации по аналогии с Тунисом и Египтом начались в стране 20 февраля 2011 г. Именно в честь этого дня марокканское оппозиционное движение за демократизацию и реформы политической системы и общественной жизни получило название «Движение 20 февраля». В первых крупных демонстрациях, движущей силой которых выступала молодежь, приняли участие около 500 тыс. человек. Демонстрации прошли более чем в 60 городах Марокко.

Одним из важных средств мобилизации протестующих выступили информационные социальные сети Facebook и Twitter. Однако после успеха первых манифестаций информация стала распространяться и при помощи классических способов — телевизионные репортажи, пресс-конференции, «сарафанное радио», рассказы непосредственных участников протестов о готовящихся акциях среди соседей, жителей одного квартала. Несмотря на стихийность и спонтанность множества манифестаций, прокатившихся по всей стране, широкую известность получил студент Усама аль-Хлифи, активно призывавший марокканцев через Facebook выйти на улицы и громко заявить о своих «ярости и отчаянии».

В новом социальном движении, как и в других арабских странах, на начальном этапе не было заметно явных лидеров. Протестное движение объединило людей вокруг таких требований и лозунгов, как отставка правительства Аббаса аль-Фасси (лидер партии власти «Истикляль», победившей на парламентских выборах 2007 г.), роспуск парламента, демократизация и реформы политической сферы, принятие новой конституции, реальное

²⁰Impact de la crise mondiale sur l'économie marocaine. Haut commissariat au Plan. Rabat, 30.06.2010. Документ цитируется с официального сайта — www.hcp.ma/file/104374/

²¹<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>

разделение властей и независимость судебной системы, назначение на должность премьер-министра представителя победившей на парламентских выборах партии, установление парламентской монархии²²; улучшение социально-экономического положения граждан (решение проблемы безработицы, введение прав на бесплатное образование и медицинское обслуживание, улучшение условий жизни), соблюдение основных свобод (прав человека, свободы собрания, свободы слова и прессы), освобождение политических заключенных (исламистов и левых). В качестве новшества протестного движения стоит отметить ограниченные критические требования в отношении самого Мухаммеда VI.

Ни одна из политических партий (системных и несистемных) не принимала участия в организации или управлении первыми массовыми манифестациями. Основную роль в мобилизации людей в основном сыграли блогеры и молодежные активисты (партийные и беспартийные). Руководство политических партий оказалось застигнуто врасплох начавшимся процессом и заняло выжидательную позицию.

Каковы основные причины вспыхнувших волнений? Первая и самая заметная причина связана с сохранением нерешенных социально-экономических проблем, которые отражаются на жизни большинства марокканцев. Несмотря на активную экономическую политику в 2000-е гг., правительству так и не удалось сократить разрыв между богатыми и бедными и существенным образом улучшить положение наименее защищенных слоев населения. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. привел к замедлению темпов роста ВВП и ухудшению экономической ситуации, что в свою очередь способствовало обострению социальных противоречий, сложившихся в марокканском обществе.

В Марокко, как и в других арабских странах, наиболее уязвимой в социальном отношении категорией населения является молодежь. Безработица среди молодежи (15–24 лет) в 2010 г. составила около 32%, причем около 20% из этой категории безработных имеют диплом о среднем или высшем образовании²³. Эта социальная проблема подтверждается данными марокканского министра по делам занятости и профессионального образования²⁴. Официальные лица признают, что экономический рост за последние 10 лет не сопровождался созданием необходимых и адекватных полученному образованию рабочих мест для молодежи, что в конечном итоге привело к серьезным противоречиям между спросом и предложением на рынке труда в 2010–2011 гг.²⁵

Отсутствие стабильного заработка у молодых марокканцев обуславливает невозможность завести семью, купить или арендовать квартиру. Этот комплекс проблем приводит

²²Несмотря на то что требование установления парламентской монархии поддержали представители почти всего политического спектра — от исламистов до леворадикалов, тем не менее, представления о том, что на практике должна представлять парламентская монархия в Марокко, существенно различались.

²³<http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo/maroc/presentation-du-maroc/>

²⁴<http://www.aufaitmaroc.com/actualites/economie/2011/6/23/baisse-du-taux-de-chomage-au-maroc-de-plus-de-4-au-cours-de-la-derniere-decennie-ministre>

²⁵Выступление министра по делам занятости и профессионального образования Джамала Рхмани на Первом форуме по проблемам занятости в июне 2011 г. Цит. по: <http://www.aufaitmaroc.com/actualites/economie/2011/6/23/baisse-du-taux-de-chomage-au-maroc-de-plus-de-4-au-cours-de-la-derniere-decennie-ministre>

к нарушению механизмов социализации, социальной апатии, осознанию собственной ненужности, бесперспективности жизни в обществе, потере веры в себя и чувства собственного достоинства. Наглядным подтверждением существования острой проблемы марокканской молодежи служит поток нелегальных эмигрантов, пытающихся любыми способами перебраться в Европу. Несмотря на меры по сдерживанию эмиграционного потока как со стороны ЕС (ужесточение иммиграционного законодательства), так и со стороны марокканских властей (усиление патрулирования прибрежной зоны), все это не способствует решению проблемы нелегальной эмиграции.

Второй причиной протестных выступлений служит растущее недовольство качеством государственного управления. В этом контексте, как правило, выделяются проблемы коррупции, nepotизма, несправедливого и неэффективного распределения государственных доходов. Эти проблемы, появившиеся задолго до начала правления Мухаммеда VI, не были решены молодым монархом. Согласно индексу Transparency International, Марокко опустилось в рейтинге коррумпированности с 52-го места в 2002 г. до 80-го места в 2011 г. (из 183 стран)²⁶.

В обществе накопились претензии, связанные с коррупцией среди приближенных короля. Прежде всего обвинения протестующих касались Фуада аль-Химмы и Мунира Маджиди, которые стали олицетворением слияния власти и бизнеса и символом коррупции режима. Мухаммед VI, помимо предоставления аль-Химме свободы действий в экономической сфере, поручил ему создание новой партии власти. Возникшая в 2008 г. под руководством аль-Химмы Партия аутентичности и современности сразу вызвала в обществе волну негодования против постепенной и направляемой махзенем концентрации политической и экономической власти в руках приближенных короля. Неслучайно, что одной из целей «20 февраля» было противодействие этой практике и разрушение чрезмерного контроля королевского окружения над политикой и бизнесом. В среде демонстрантов Партия аутентичности и современности сравнивалась с тунисской партией власти при Бен Али — Демократическим конституционным объединением. На волне протестов и критики 15 мая 2011 г. аль-Химма вынужден был уйти с поста руководителя партии. Однако это было скорее символическим жестом для успокоения «улицы», поскольку его тесные отношения с королем остались прежними. После политических реформ и нормализации ситуации аль-Химма снова появился в компании Мухаммеда VI, а в декабре 2011 г. был назначен советником королевской администрации.

В контексте претензий, связанных с коррупцией, демонстранты дошли даже до того, что стали требовать отделения королевской власти от бизнеса — сам Мухаммед VI должен был прекратить заниматься бизнесом. По мнению манифестантов, король не должен действовать в качестве субъекта экономики, а должен сосредоточиться на регулирующих функциях.

Недовольство марокканцев связано также с тем, что низкое качество государственно-управления сочетается с пренебрежительным и высокомерным отношением политико-экономической олигархии к населению и его проблемам. Нежелание элиты бороться

²⁶http://www.transparency.org/publications/publications/other/corruption_perceptions_index_2011

с коррупцией и проводить глубокие реформы в сочетании с иными жизненными стандартами «высшего общества» усиливали раздражение марокканцев.

Третьей причиной февральских манифестаций служит демонстрационный эффект, который произвели на марокканское общество события в Тунисе и Египте. Пример смелых действий тунисцев и египтян, которые к тому же привели к невиданным результатам, спровоцировал мощную смену общественных настроений и изменения в самосознании марокканцев. Страх, длительное время существовавший в марокканском обществе и поддерживавший стабильность политической системы, начал испаряться.

Реакция махзена на социальные волнения

Реакция властей на манифестации была одновременно стремительной и комплексной. Уже на следующий день, 21 февраля, состоялось первое публичное появление Мухаммеда VI, приуроченное к началу работы Экономического и социального совета (король председательствовал на этом заседании) — конституционного органа, существовавшего до этого времени лишь на бумаге. Этот Совет был учрежден еще в 1992 г., однако на протяжении почти 20 лет не занимался практической деятельностью.

Появление короля можно было интерпретировать в качестве условного сигнала обществу о том, что махзен собирается реагировать на сложившуюся ситуацию. На церемонии открытия были и другие сигналы — перед началом заседания традиционные приветствия короля со стороны подданных (низкие почтительные поклоны и поцелуй руки) были сведены протокольной службой до минимума. Тем самым обществу давалось понять об отказе от не соответствующего духу времени характера отношений между подданными и монархом.

Марокканские власти реагировали на социальные волнения по нескольким направлениям, которые включали умеренные реформы, примирительные жесты, силовое противодействие, организацию прорежимных манифестаций, запугивание и дискредитацию оппозиционеров.

Реформы в целом соответствовали основным требованиям манифестантов. 3 марта 2011 г. Мухаммед VI учредил Национальный совет по правам человека²⁷, в который войдут представители власти, неправительственных организаций, политических партий и независимые активисты, занимающиеся проблемами нарушения прав человека.

9 марта король обратился к марокканцам с «исторической» речью, в которой пообещал реформировать политическую систему, внести соответствующие изменения в конституцию²⁸ и провести общенациональный референдум по принятию новой конституции. Главные направления обещанных реформ состояли в расширении гражданских

²⁷Новый орган заменил учрежденный Хасаном II в 1990 г. Консультативный совет по правам человека.

²⁸За период независимого развития (с 1956 г.) в Марокко было принято 6 конституций (в 1962 г., 1970 г., 1972 г., 1992 г., 1996 г., 2011 г.).

свобод, развитию гражданского общества, усилении контроля за соблюдением прав человека, укреплении принципа разделения властей (прежде всего обеспечение независимости судебной власти), обеспечении верховенства закона, назначении премьер-министра из состава победившей на парламентских выборах партии, увеличении роли премьер-министра в качестве главы исполнительной власти, усилении политических партий (особенно в рамках парламентской оппозиции), признании берберства в качестве элемента марокканской идентичности²⁹. Мухаммед VI также объявил о создании специальной комиссии для пересмотра конституции и внесения изменений.

Марокканский король в своей речи 9 марта намеренно ни разу не упомянул о демонстрациях протеста для того, чтобы создать впечатление, что реформы являются его собственной инициативой, а не вынужденным шагом под давлением улицы. Стремительное падение режимов в Тунисе и Египте не могло не повлиять на оперативность, с которой марокканская монархия выступила с идеей реформ. Рост протестных выступлений внутри страны и разворачивавшийся в регионе новый феномен «арабской весны» привели к тому, что Мухаммед VI вынужден был быстро реагировать на новую обстановку, которая требовала срочных мер по стабилизации ситуации. Король даже подкрепил свои благие намерения конкретными жестами, выпустив на свободу в апреле 2011 г. на основании королевской амнистии³⁰ 190 политических заключенных, в том числе ряд лиц, обвиненных в связях с «аль-Каидой», и несколько салафитов³¹.

После речи короля 9 марта манифестации продолжились с целью дальнейшего давления на власть. Многие представители «20 февраля» аргументировали свою позицию тем, что объявленные реформы носят частичный и косметический характер, не соответствуют ожиданиям и надеждам на реальную трансформацию политической системы. По их мнению, поправки в основной закон не приведут к установлению подлинной конституционной монархии (по примеру Великобритании и Испании). В этой связи некоторые оппозиционеры призывали бойкотировать референдум³².

Обещания реформ сопровождалось целым комплексом мер противодействия и подавления манифестаций. Впервые правительство применило силу для разгона сидячей забастовки в экономической столице Марокко Касабланке 13 марта 2011 г. Для борьбы с манифестантами использовались дубинки, резиновые пули и слезоточивый газ. В дальнейшем особенно жестко полиция вела себя с участниками несанкционированных митингов, оправдывая применение силы необходимостью наведения порядка и противодействия радикальным силам³³.

²⁹Хытаб тарихий ли-ль-малик Мухаммад ас-садис 9 марис 2011 (Историческая речь короля Мухаммеда VI 9 марта 2011 г.). Видеообращение размещено на сайте: http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=Mp3m3DNhFuk

³⁰По случаю Аид аль-Маулууд (праздник рождения пророка Мухаммеда) 4 февраля 2011 г. король подписал указ об амнистии 458 человек, среди которых — руководители «Салафиии Джихадийи»: Хасан Каттани, Мухаммед Рафики (он же Абу Нафс) и Омар Хаддуши.

³¹<http://ru.euronews.com/2011/04/14/freedom-for-96-as-moroccan-king-pardons-prisoners/>

³²<http://www.jeuneafrique.com/actu/20110622T104255Z20110622T104253Z/>; <http://www.marprese.com/2011/06/le-20-fevrier-boycotte-le-referendum-et-manifeste-dimanche/>

³³Iraqi Fahd. Le Makhzen contre-attaque. Tel Quel, № 475. 28.05 — 03.06.2011 - <http://www.telquel-online.com/archives/475/images/Le%20makhzen.pdf>

Для укрепления лояльности национальных силовых структур правительство увеличило зарплаты военным, сотрудникам полиции и специальных служб. Правительство также пошло на незначительное повышение зарплат госслужащих и улучшение социального обеспечения — в результате переговоров с профсоюзами с 1 мая 2011 г. была увеличена зарплата госслужащих на 600 дирхамов (около 70 долл.), пенсии были увеличены с 600 до 1000 дирхамов (около 120 долл.). Король пообещал также увеличить минимальную зарплату сельскохозяйственным рабочим и обеспечить их медицинской страховкой³⁴.

Махзен использовал и более мягкие методы противодействия. В качестве ответа на «Движение 20 марта» сторонники короля организовали «Движение 9 марта», которое выступало в поддержку реформ Мухаммеда VI и призывало голосовать «за» на референдуме по новой конституции. Стремясь показать народную поддержку монархии и королевских инициатив, власти организовывали по всей стране масштабные народные демонстрации. По государственным каналам прошли видеосюжеты, в которых толпы народа бурно выражали одобрение королевского курса, скандировали лозунги в поддержку всех инициатив Мухаммеда VI: «Реформы только вместе с королем!», «Его величество даровал нам (гражданские) свободы!». Судя по этим сюжетам и информации в СМИ, в демонстрациях принимали участие десятки тысяч человек³⁵.

Эти прорежимные манифестации объединили разные категории марокканцев. Были среди них искренние сторонники монархии, были и те, кто боялся непредсказуемых последствий и хаоса, который может последовать за дестабилизацией махзена. В марокканских СМИ и социальных сетях (в частности на Facebook) отмечалось немало случаев выплаты денежного вознаграждения участникам митингов. Учитывая тяжелое социально-экономическое положение, в частности жителей многочисленных бедных кварталов на окраинах крупных городов (Касабланка, Рабат), а также в сельской местности, собрать необходимое число участников не представляло особого труда. По замыслу махзена, массовые народные акции должны были создать благоприятный фон перед референдумом, а также продемонстрировать относительную малочисленность той части общества, которая считала объявленные реформы недостаточными, продолжала манифестации с требованиями более глубоких перемен. Для мобилизации массовой поддержки реформ власти использовали в пропагандистском материале чувство страха перед неопределенностью, хаосом и даже возможным началом гражданской войны, подчеркивая негативные стороны свержения режимов в Тунисе и Египте, а также военной кампании, развернутой против Ливии западной коалицией и ее союзниками.

Махзен использовал административный ресурс для противодействия проведению мероприятий, на которых планировалось призывать бойкотировать референдум или голосовать против поправок к конституции. Многие представители «20 февраля» жаловались, что им часто не удавалось собрать митинги в поддержку своей позиции, поскольку накануне таких мероприятий власти отказывали в предоставлении залов (несмотря на предварительное согласие на предоставление места проведения собрания). Напротив,

³⁴<http://www.aufaitmaroc.com/actualites/maroc/2011/4/27/importante-augmentation-des-salaires-des-fonctionnaires>

³⁵<http://www.france24.com/fr/20110626-maroc-partisans-opposants-projet-reforme-constitutionnelle-manifestations>

сторонникам новой конституции создавались благоприятные условия для мобилизации социальной базы и проведения мероприятий в поддержку реформ короля. В различных интервью представители «20 февраля» сетовали на давление со стороны режима на протестное движение — угрозы увольнения с работы и закрытие типографий, печатающих агитационные материалы оппозиции³⁶.

Режим также использовал разные методы дискредитации упрямых «несогласных», продолжавших свои акции в рамках «Движения 20 февраля». Королевская пропаганда представляла их в качестве противников короля, предателей и врагов родины. Отмечались случаи, когда молодые люди за 100 дирхамов (около 12 долл.) нанимались забрасывать оппозиционных манифестантов камнями. Для оправдания общественной полезности таких действий лица, раздававшие денежные средства, утверждали, что молодежь из «20 февраля» состоит из алжирцев, выступающих за независимость Западной Сахары³⁷.

При этом интересно отметить, что для дискредитации «20 февраля» власти не использовали аргументацию о внешнем заговоре и «происках Запада» в организации оппозиционных митингов. Марокко традиционно имеет тесные и дружественные отношения с западными странами, прежде всего с Францией и США. По этой причине подобные обвинения выглядели бы не только неуместными, не отражающими сути происходящего, но и могли поставить под удар союзнические отношения между монархией и Западом. Учитывая эти отношения, Париж и Вашингтон, заинтересованные в сохранении стабильности в Марокко, одобрили и поддержали реформы, объявленные Мухаммедом VI³⁸.

Действия системной оппозиции

Практически все политические партии заняли двойственную позицию в отношении новой ситуации. С одной стороны, они были вынуждены прямо или косвенно поддержать волну народных требований, а с другой — продемонстрировать лояльность королю и поддержать его инициативы по реформам политической системы.

Демонстрация конфронтационного отношения партий к махзену могла дискредитировать партийное руководство, подорвать доверие со стороны короля, а в самом худшем случае — привести к роспуску партии. Однако отрицание масштаба происходящих процессов в случае успеха (даже частичного) «20 февраля» также могло негативно сказаться на дальнейшей судьбе марокканских партий, превратив их в политических аутсайдеров, не сумевших разглядеть за начавшимся движением политического и социального протеста новой страницы истории Марокко.

³⁶<http://www.demainonline.com/2011/05/29/rabat-omar-radi-menace-de-mort-par-un-etranger-officier-de-police-il-raconte/>; <http://www.medelu.org/Les-jeunes-Marocains-de-freezent>

³⁷Bouardham Mohammed, Iraqi Fahd, Oulmouddane Hicham. Nouvelle constitution. Oui, mais... Tel Quel, № 480. 2-8.07.2011 — http://www.telquel-online.com/archives/480/couverture_480.shtml

³⁸L'Occident soutient les réformes de Mohamed VI. Agence kabyle d'information (SIWEL), 20.06.2011 — http://www.siwel.info/L-Occident-soutient-les-reformes-de-Mohamed-VI_a1604.html

Именно поэтому ряд партий, в частности Социалистический союз народных сил, официально не заявляя о поддержке «20 февраля», приняли соломоново решение не препятствовать присоединению к манифестациям молодежных ячеек, канонизировав таким образом требования партийной молодежи об активном участии в протестах. В этой ситуации в случае поражения «20 февраля» и жестких ответных шагов со стороны махзена партийное руководство, для того чтобы вывести из-под удара всю организацию, могло бы сослаться на политическую неопытность, импульсивность и безответственность молодежи, поддержавшей протесты.

Дискуссии о целесообразности поддержки «20 февраля» и присоединение отдельных членов к массовым протестам спровоцировали ряд острых конфликтов внутри таких партий, как Партия прогресса и социализма³⁹, Объединенная социалистическая партия, Партия справедливости и развития. Так, несмотря на запрет руководства ПСР присоединяться к манифестантам, в партии произошел раскол. Некоторые члены высшего руководства, в частности Мустафа Рамид, покинули свои должности и поддержали «Движение 20 февраля». Однако официальная позиция ПСР осталась неизменной, и партия во главе с Абд аль-Иляхом Бенкираном (генеральный секретарь с лета 2008 г.) осталась лояльна королю. Бенкиран объяснял неучастие в протестном движении тем, что после бегства Бен Али и ухода Мубарака партия поняла, что монархия находится в опасности. И ради сохранения монархии и государства в нынешнем виде ПСР не стала поддерживать «Движение 20 февраля»⁴⁰.

Исламисты из «аль-Адль ва-ль-Ихсан» в отличие от ПСР приняли решение о присоединении к протестному движению. Во-первых, ассоциация шейха Ясина, действуя вне легального политического поля, не рисковала попасть в немилость к королю или лишиться права участия в политическом процессе. К тому же требования о демократизации политической жизни, к которой повсеместно призывали в ходе митингов и демонстраций, вполне отвечали интересам ассоциации. Реформы в этом направлении в перспективе должны будут привести к снятию барьеров для легального участия «аль-Адль ва-ль-Ихсан» в политическом процессе.

Во-вторых, руководство ассоциации посчитало, что требования, выдвинутые «20 февраля» к власти, во многом совпадают с ее собственными требованиями к махзену. Для «аль-Адль» было крайне важно подчеркнуть тот факт, что те самые обвинения и претензии (коррупция, nepотизм), которые последователи шейха Ясина предъявляли к махзену в течение многих лет, теперь созвучны требованиям других политических течений (левые, берберы, демократы). На одной из манифестаций в Танжере «аль-Адль ва-ль-Ихсан» перефразировало знаменитое обращение шейха Ясина к Хасану II («Ислам или потоп»). В современной интерпретации оно звучало: «Изменения или потоп». Таким образом, «аль-Адль ва-ль-Ихсан», влившись в общий поток требований изменений, частично «легализовало» свою критическую риторику по отношению к королевской власти.

³⁹Партия прогресса и социализма не стала следовать примеру Социалистического союза народных сил, осудила действия манифестантов и выступила против «дестабилизирующих (политическую систему. — И. М.) элементов», имея в виду исламистов из «аль-Адль ва-ль-Ихсан» и леворадикалов и марксистов из «ан-Нахдж ад-Димукратый» (Демократический путь).

⁴⁰Iraqi Fahd. Le grand oral de sciencespo. Tel Quel, № 493. http://www.telquel-online.com/archives/493/actu_maroc1_493.shtml

Присоединение «аль-Адль ва-ль-Ихсан» к широкому оппозиционному движению, которое также произошло через молодежные ячейки, стало первым шагом по выходу из политической изоляции, в которую его поместил махзен. Несмотря на то что «аль-Адль ва-ль-Ихсан» все еще остается под запретом, его участие в массовых манифестациях добавило ему политического веса и, возможно, увеличило число его сторонников.

Вместе с тем присоединение «аль-Адль ва-ль-Ихсан» к движению протеста вызвало большую полемику в либерально настроенной части марокканского общества и опасения, что исламисты, цели которых, согласно распространенным клише, несовместимы с концепцией прав человека, демократией и гражданским обществом, попытаются использовать «20 февраля» для легализации деятельности ассоциации и прихода к власти.

Несмотря на объявленные королем реформы и другие действия махзена по снижению накала протестов, 20 марта (первая символическая годовщина — месяц с начала протестов) массовые манифестации снова прошли во многих городах Марокко. Если февральские демонстрации носили скорее стихийный характер без «партийных этикеток», то за месяц политические партии и движения успели определиться со своим отношением к протестам. В итоге в выступлениях 20 марта приняли участие представители практически всего политического спектра: от крайне левых из запрещенной партии «Ан-Нахдж ад-Димукратый», а также социалистов, либералов, берберских движений, до исламистов и салафитов. Манифестации поддержали представители профессиональных объединений, в частности адвокаты, а также ряд неправительственных организаций, в том числе Марокканская ассоциация по правам человека.

По некоторым оценкам, в Касабланке собралось около 20 тыс. человек, в Танжере — 10 тыс., в Рабате — 6 тыс. Один из главных лозунгов, объединивших весь спектр участников демонстрации 20 марта, формулировался так: «достоинство, свобода, социальная справедливость» («карама, хуррийя, адаля ижтимаийя»).

На транспарантах и плакатах можно было прочесть следующее: «Марокканский народ требует перемен», «Требуем свободы и уважения достоинства марокканского народа», «Нет коррупции и клиентелизму», «аль-Химма прочь!», а также «Народ отвергает конституцию рабов».

Эклектичность лозунгов и символов поражала, отражая все сегменты марокканских оппозиционных настроений. Лозунг исламистов «Милосердный Аллах освободи нас от деспотизма» соседствовал с красными флагами с серпом и молотом в руках у леворадикалов.

Никто из демонстрантов не призывал к смене режима, отказу от королевской формы правления и низвержению Мухаммеда VI. Единственными политическими силами, призывавшими к отмене ст. 19 конституции⁴¹ Марокко, в которой король провозглашается Повелителем верующих, были наиболее радикальные партии: с одной стороны, крайне левая Партия демократического и социалистического авангарда, а с другой — исламисты из «аль-Адль ва-ль-Ихсан». Они требовали установления действительной парламентской

⁴¹В ст. 19 конституции Марокко, принятой в 1996 г., король провозглашался «Повелителем верующих, верховным представителем нации, символом ее единства, ... (король) следит за соблюдением норм ислама и конституции, является защитником гражданских прав и свобод, ... гарантирует независимость нации и территориальной целостности».

монархии по примеру Великобритании или Испании. Остальные политические партии склонялись к мнению, что сохранение этого религиозного титула у короля играет важную роль в сплочении и единстве марокканской нации. Системная оппозиция пыталась таким образом адаптировать требования изменений (скорее по форме, чтобы снизить протестный накал, но не по сути), чтобы не вызвать неодобрительной реакции короля.

Если роль короля и монархии в качестве основы марокканского государства и нации не подвергалась сомнению, тем не менее, в ходе демонстраций проявилась тенденция, что их «сакральный»⁴² статус вызывает в обществе растущее недовольство. Это недовольство отражали такие лозунги, как «меньше сакрального — больше свобод».

Референдум и новая конституция

17 июня Мухаммед VI объявил, что референдум по новой конституции состоится 1 июля 2011 года. Все было сделано для того, чтобы референдум ознаменовал полную победу Мухаммеда VI. Новый текст конституции готовился специальной комиссией⁴³, состав которой махзен сформировал в одностороннем порядке (без консультаций с политическими партиями, общественными организациями или несистемной оппозицией). Именно поэтому «20 февраля» обвиняло комиссию в том, что ее деятельность нелегитимна, поскольку назначения в ее состав не соответствовали демократическим процедурам. В эту комиссию были включены эксперты из марокканского научного сообщества, чиновники с большим опытом работы на государственной службе, религиозные деятели, некоторые политики. Новая редакция конституции писалась на французском языке и впоследствии была переведена на арабский. Подготовка реформ велась в основном в закрытом режиме⁴⁴. Несмотря на то что комиссия провела ряд консультаций с некоторыми политическими партиями и общественными движениями и даже приглашала к обсуждению проекта новой конституции представителей «20 февраля», темы обсуждений не выносились в прессу, Интернет, в академические круги. Власти не организовывали круглые столы или конференции для оценки адекватности реформ ожиданиям общественности. Подобная закрытость вызывала закономерную критику со стороны «несогласных» из «20 февраля».

На референдум выносился не перечень поправок, а новый текст конституции с уже внесенными изменениями, и голосовать можно было только «за» или «против». Подобная

⁴²Сакрализация многих аспектов политической системы, в частности роль короля и ислама, привела к тому, что эти аспекты оказались выведенными из поля критики. Любая острая критика монархии приравнивается к посягательству на священные для Марокко основы государства, что существенно ограничивает свободу слова (эти ограничения закреплены соответствующим законом).

⁴³Комиссию возглавил крупнейший марокканский юрист, специалист по конституционным вопросам, член Конституционного совета Абд аль-Латиф Менуни (комиссия стала называться Комиссией Менуни). В комиссию, в частности, вошли Мухаммед Този — известный марокканский исследователь, специалист по исламистским движениям; Мухаммед Сааф — бывший министр национального образования; Раджаи Микауи — член Высшего совета улемов; Дрис аль-Язми — президент Национального совета по правам человека. См.: <http://www.marpresse.com/2011/03/la-dream-team-de-mennouni>

⁴⁴<http://www.mamfakinch.com/communiquede-mamfakinch-sur-les-atteintes-a-lintegrite-du-scrutin-referendaire>

форма вынесения проекта реформ и ограниченный срок для обдумывания и принятия решения (2 недели) были выбраны умышленно, чтобы затруднить глубокую оценку интересующейся частью общественности сути поправок. Махзен представлял ситуацию так: король услышал пожелания народа и подготовил реформы, которые вынес на всенародное утверждение. Внимание населения уводилось от разбора содержания реформ в пользу подспудного вопроса: «Поддерживаете ли вы реформы и короля или нет?» Помимо этого, Мухаммед VI в своем обращении 17 июня использовал цитату из Корана, которую можно было интерпретировать как то, что одобрение новой конституции и поддержка инициативы короля является делом, угодным Аллаху⁴⁵.

Суть нововведений заключалась в следующем⁴⁶.

- В преамбуле конституции отныне написано, что Марокко строит демократическое и правовое государство. Идентичность марокканской нации является единой и неделимой. Если в тексте предыдущей конституции Марокко определялось как государство «мусульманское, африканское и являющееся частью Великого Арабского Магриба»⁴⁷, то в новой редакции акценты были расставлены по-другому. Впервые в конституции говорится о марокканской идентичности и ее составном характере. Эта идентичность, согласно новой редакции, сформировалась из различных компонентов, которые, гармонично сочетаясь между собой, сформировали уникальную марокканскую нацию. Речь идет об арабо-исламском элементе, берберском, сахарско-хассанийском⁴⁸, которые на протяжении продолжительного времени обогащались и подпитывались за счет африканских, андалусских, древнееврейских и средиземноморских влияний. Любопытно, что ни жители марокканской Сахары, ни евреи Марокко не были активными участниками протестного движения и не выдвигали требований о признании их этнической или религиозной специфики составным элементом марокканской идентичности. Внесение этой поправки связано со стремлением махзена создать имидж поликультурного, терпимого, открытого и современного общества.
- Титул короля как Повелителя верующих остался без изменений. Полномочия монарха в религиозной сфере даже были усилены. Так, в ст. 41 новой конституции отмечается, что король возглавляет Высший совет улемов, который является единственной религиозной инстанцией, имеющей полномочия издавать фетвы. В конституции также появилось упоминание о том,

⁴⁵Мухаммед VI процитировал суру «Йусуф», аят 108: «Скажи [Мухаммад]: “Таков мой путь. Я и мои последователи призываем вас к Аллаху согласно убеждению. Хва-ла Аллаху, я не отношусь к многобожникам”».

⁴⁶Texte intégral du projet de nouvelle Constitution (2011). Документ цитируется с сайта правительства Марокко — <http://www.maroc.ma/NR/rdonlyres/2298ADD6-703C-471E-B924-A5E4F396FEA2/0/Texteint%E9gralduprojetdenouvelleConstitution.pdf>

⁴⁷Constitution de Royaume du Maroc (1996). — <http://democratie.francophonie.org/IMG/pdf/Maroc.pdf>

⁴⁸Для королевской власти включение сахарско-хассанийской составляющей (население, проживающее на юге Марокко, в частности в Западной Сахаре, и разговаривающее на так называемом хассанийском диалекте арабского языка, который также используют племена в Мавритании, Алжире, Сенегале и Мали) в качестве элемента марокканской нации имеет важное политическое значение. В первую очередь в связи с проблемой статуса Западной Сахары, которую Марокко считает неотъемлемой частью своей территории.

что король является верховным арбитром между институтами государства (ст. 42). Согласно ст. 46 личность короля осталась неприкосновенной, однако положение о том, что личность короля является «священной», было заменено на то, что подданные обязаны его уважать.

• Главное политическое нововведение заключается в порядке назначения премьер-министра. Отныне король должен назначать премьером представителя победившей на выборах партии (не обязательно главу партии) (ст. 47). Часть полномочий короля в результате конституционной реформы передана главе правительства, в частности последний получил право назначать и освобождать от занимаемой должности министров. Ранее назначенный королем премьер-министр получал от советника короля список с фамилиями всех министров его кабинета. Несмотря на это, король сохранил за собой высший пост в исполнительной власти. Согласно ст. 48 король возглавляет Совет министров, состоящий из премьера и членов его кабинета. Король сохранил за собой прерогативы назначения высших государственных чиновников (послов, главы Центробанка, губернаторов, руководителей крупных государственных предприятий), определения стратегических направлений государственной политики (в том числе высшее военное командование) и внесения на рассмотрение парламента основополагающих законов. Все важные решения кабинет министров принимает во время заседаний, на которых председательствует король (ст. 49). Премьеру отданы второстепенные решения и назначения (руководящие посты внутри министерств, ректоры университетов и высших учебных заведений) (ст. 91).

• Король (после консультаций с премьером) может снимать министров с должности. Ранее король мог делать это без согласования с премьером. Несмотря на незначительную уступку, последнее слово в этом вопросе остается за королем.

В новой конституции особое внимание уделено политическим партиям. В ст. 7 отмечается, что партии не могут создаваться по религиозному, лингвистическому, региональному или этническому принципу. Политическим партиям запрещено посягать на ислам, монархический режим, конституцию, демократические основы государства, единство нации и территориальную целостность королевства. Таким образом, деятельность политических партий оказалась в строгих рамках, которые фактически делают критику короля и его политику (в частности по вопросу о Западной Сахаре) незаконной. Вместе с тем ст. 10 гарантирует парламентской оппозиции ряд прав, в частности, свободно выражать свое мнение, получать государственное финансирование, а также эфирное время на государственных СМИ. Отныне запрет на деятельность политических партий, профсоюзов или неправительственных организаций может быть введен только по решению суда, а не по решению министерства внутренних дел (как это было раньше).

• Приверженность принципу соблюдения прав человека⁴⁹ была подтверждена в новой конституции, причем гарантии государства по их обеспечению были расширены — в ст. 22, 23 и 24 говорится о запрете пыток, задержания без соответствующего юридического основания, о соблюдении принципа презумпции невиновности, защите личной жизни.

⁴⁹Впервые концепция прав человека была введена в конституцию в 1996 г.

• Впервые в конституции Марокко гарантирована свобода прессы, которая не может подвергаться никакой предварительной цензуре (ст. 28). Тем не менее, согласно марокканским законам, действие которых не отменено, запрещено критиковать монархию и короля.

• Согласно ст. 54 создан Высший совет по безопасности под руководством короля, в цели которого входит разработка стратегии внешней и внутренней безопасности, управление кризисными ситуациями. В этот орган, помимо премьер-министра, войдут главы обеих палат парламента, председатель — делегат Высшего совета судебной власти, глава Администрации национальной обороны, министры внутренних дел, юстиции и иностранных дел, руководители силовых ведомств, высшие офицеры Королевских вооруженных сил и ряд других лиц. Отныне вопросы, связанные с военными аспектами и безопасностью, будут приниматься этим коллегиальным органом, а не единолично королем, как это было раньше. Тем не менее, монарх сохранил контроль над принятием решений в этой сфере, поскольку он назначает многих из состава этого Совета на высокие государственные должности и обладает влиянием на назначение остальных.

• Берберский язык получил статус государственного. Вопрос взаимоотношений между королевской властью и марокканскими берберами, которые в настоящее время, по различным оценкам, составляют более трети населения⁵⁰, всегда был крайне чувствительным. Лояльность столь многочисленной части населения важна для монархии. По многовековой традиции монархи Марокко берут в жены представительницу берберов. В последние годы берберы все активнее заявляют о необходимости признания их культурно-лингвистической специфики, изменения школьных программ, предоставления берберскому населению права обучаться в школе и вузе на родном языке. Берберские ассоциации приняли активное участие в массовых протестах «марокканской весны». Однако они протестовали под общими лозунгами, не выдвигая своих особых требований, связанных с признанием культурной специфики⁵¹. Махзен, признав в конституции берберский элемент в качестве одной из основ марокканской нации, продемонстрировал свою гибкость и понимание насущных потребностей марокканцев.

• Ст. 175 запрещает вносить изменения в конституцию, касающиеся ислама и его роли в государстве, монархического характера власти и демократического характера марокканской нации.

На референдуме 1 июля 2011 г. 98,5% марокканцев проголосовали «за» внесение изменений в основной закон. Несмотря на акции протеста и призывы к бойкоту референдума, организованные «20 февраля»⁵², явка составила 72,6%⁵³. Такая массовая поддержка во многом

⁵⁰<http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/Maroc/185524>; Согласно данным алжирского исследователя Салема Шакера, берберы в Марокко составляют от 40% до 50% населения страны. См.: Tribalat Michèle. De l'immigration à l'assimilation. Paris, La Découverte, 1996, p. 34.

⁵¹Наделение берберского языка официальным статусом представляется королевской властью не в качестве ответа на требования берберов, а как завершающая стадия процесса, начатого в 2001 г. Мухаммедом VI. Процесс признания берберской составляющей частью марокканской нации начался после речи короля в Агадире в 2001 г. Тогда в Марокко был учрежден Королевский институт берберской культуры, школы получили право преподавания на берберском языке, был запущен телеканал, вещающий на этом языке. Несмотря на то что среди берберского населения устойчиво ощущался запрос на официальное признание культурно-лингвистической специфики, политические партии, представлявшие берберов, не рисковали открыто формулировать эти требования, опасаясь попасть в немилость к королю.

⁵²<http://printempsarabe.blog.lemonde.fr/2011/11/25/boycotter-les-elections-legislatives-au-maroc>

⁵³Данные о результатах референдума и явке избирателей озвучил министр внутренних дел Марокко Таиб Шеркауи — http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2011/07/02/victoire-du-oui-au-referendum-constitutionnel-a-maroc_1543794_3218.html

объясняется тем, что марокканцы проголосовали не за содержание поправок (конституционные нюансы мало интересовали рядового избирателя), а одобрили в целом реформы короля. Многие марокканцы в интервью признавали, что проголосовали «за» на референдуме только потому, что «король попросил об этом»⁵⁴. Помимо «просьбы» короля активное влияние на марокканцев оказывали имамы, которые в своих проповедях призывали выполнить религиозный долг, проголосовав «за» конституцию, предложенную Повелителем верующих. Согласно некоторым сообщениям, для обеспечения высокой явки власти организовали доставку на автобусах на участки для голосования многих марокканцев, у которых даже не спрашивали ни удостоверения личности, ни избирательной карточки, ни даже подписи⁵⁵.

Реформы махзена получили одобрение и за пределами Марокко. США, Франция, Европейский союз, монархии Персидского залива высказались в поддержку курса Мухаммеда VI⁵⁶.

Внимательное рассмотрение конституционных поправок показывает, что махзен сделал весьма ограниченные реальные уступки. Во-первых, это назначение премьером представителя победившей на выборах партии с правом формировать состав кабинета министров. Во-вторых, это гарантии парламентской оппозиции свободы выражения мнения, получения государственного финансирования и эфирного времени на государственных СМИ. В-третьих — конституционные гарантии свободы прессы и ряда прав личности. С одной стороны, оппозиция получила совсем немного. И уступки содержат массу оговорок и ограничений. Король сохранил широкие полномочия в исполнительной власти (включая кадровые), полный контроль над судебной властью, сохранился порядок регистрации партий (подконтрольный махзену).

С другой стороны, в новой политической системе премьер-министр превращается в фигуру, обладающую определенной самостоятельностью. Он будет в состоянии вступить с королем в спор по конкретным вопросам управления и оказывать на него определенное давление, которое будет опираться на наибольшую парламентскую фракцию (возможно даже коалицию) и электоральную легитимность (которой махзен не обладает). То есть в политическом взаимодействии премьера с королем глава правительства получил определенные рычаги, превратившие его из подотчетного технократа в актора марокканской политики. И ему вряд ли удастся всегда действовать безропотно по указаниям короля. Отныне он находится под давлением общественного мнения.

Конституционные гарантии свобод также предоставляют удобную платформу для обсуждения, высказывания, критики и обличения. Укрепление институтов гражданского общества создало условия для усиления давления на махзен, повышая его ответственность за возникновение коррупционных схем, неудачные кадровые назначения и ошибки в управлении. Другими словами, незначительные, на первый взгляд, реформы содержат неплохой потенциал, который оппозиция может умело реализовать.

⁵⁴Maroc, un triomphe en trompe-l'œil. Le Journal du Dimanche, 2.07.2011. — <http://www.lejdd.fr/International/Maghreb/Actualite/Referendum-au-Maroc-vrai-plebiscite-ou-pratiques-d-un-autre-age-352357>

⁵⁵<http://www.demainonline.com/2011/07/04/maroc-ou-est-le-changement>

⁵⁶http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2011/07/02/victoire-du-oui-au-referendum-constitutionnel-au-maroc_1543794_3218.html

Благодаря ограниченным реформам, Мухаммеду VI удалось урегулировать внутривнутриполитический кризис. Удовлетворив ряд требований протестующих, король снизил накал протеста, продемонстрировал свою близость к народу, способность слышать и реагировать на сигналы снизу, что способствовало укреплению доверия к монарху со стороны многих марокканцев. Мухаммед VI в отличие от Бен Али, Мубарака и Асада быстро осознал необходимость пожертвовать частью своих полномочий ради сохранения основ монархии, не дожидаясь того момента, когда то же самое придется сделать в менее выгодных обстоятельствах. Он принял решение активно вмешаться в процесс очевидных перемен и попытался его возглавить. Незначительные по содержанию поправки были облечены в политическую оболочку крупных демократических реформ. Эту оболочку характеризуют такие символы, как изменение основного закона королевства, обращение к воле народа на референдуме и массовые народные акции в поддержку курса короля. Быстрая и эффективная реакция махзена способствовала укреплению образа современной монархии, не боящейся политической модернизации.

Реформы стали очередным этапом постепенной демократизации марокканской политической системы, которая обуславливается как внутренними, так и внешними факторами. Внутренний фактор объясняется тем, что в последние 20 лет в самосознании марокканцев произошли существенные изменения. В силу роста числа образованных и лучше информированных людей, тесного взаимодействия с Европой (прежде всего с Францией и Испанией), распространения современных средств информации и коммуникации (спутниковые телеканалы, социальные сети и другие массивы информации, доступные через Интернет, — документальные и художественные фильмы, репортажи, любительские ролики, информационные порталы и блоги) самосознание многих марокканцев изменилось. Эти изменения особенно заметны по новым поколениям, вступившим во взрослую жизнь в современной информационной среде. В новом социальном контексте традиционные методы легитимации и управления махзена быстро устаревают.

Внешний фактор состоит в мягком давлении со стороны западных партнеров, которые во многих случаях обуславливают экономическую помощь и торгово-экономическое сотрудничество движением Марокко по пути демократизации политической сферы и соблюдения прав человека.

Под давлением этих внутренних и внешних обстоятельств махзен вынужден адаптировать политическую систему, методы легитимации и принципы управления. Нынешние реформы стали неизбежным следствием этих системных процессов, не зависящих от марокканской правящей группы. Учитывая особенности этих процессов, неизбежность дальнейшей эволюции самосознания марокканцев и дружелюбного наставления западных стран к продолжению демократизации, через несколько лет махзену придется пойти на очередную порцию либеральных реформ.

По существу, правящая группа стоит перед двумя главными вызовами. Во-первых, она должна в силу указанных причин постепенно либерализовывать политическую систему, сокращая свои формальные и фактические полномочия в пользу институтов

гражданского общества. Во-вторых, махзен должен работать над качеством управления страной, от которого напрямую зависит обоснованность его претензий на сохранение столь широких полномочий. В этом контексте к первоочередным задачам относятся сокращение коррупции, социально-экономическое развитие (создание рабочих мест, борьба с бедностью, привлечение инвестиций) и повышение эффективности государственного управления.

Проведенные реформы свидетельствуют о хороших адаптационных возможностях режима. В 1999 г. от Мухаммеда VI ждали перемен, и начало его правления было ознаменовано рядом реформ, благодаря которым он завоевал народную популярность. Своими действиями он создавал образ короля близкого народу, простого в общении, который искренне интересуется проблемами своих подданных. Его даже стали называть «королем бедных».

На вызовы 2011 г. Мухаммед VI также нашел адекватные ответы. При этом реформы не затронули основ политической системы. Король сохранил за собой ключевые полномочия во всех ветвях власти: законодательной (в частности, право издавать дахиры (королевские указы)), исполнительной (в иерархии исполнительной власти король стоит выше премьер-министра) и судебной. Король по-прежнему назначает судей и возглавляет главную судебную инстанцию — Высший совет магистратуры, которой подчиняется вся судебная система. Без изменений остались роль ислама и королевский статус Повелителя верующих. При неблагоприятных обстоятельствах в новой конфигурации марокканской политической системы премьер-министра можно использовать в качестве громоотвода для монархии. В результате реформ на него возложена ответственность за сложные вопросы социально-экономического развития и за возможные неудачи в этой сфере.

Таким образом, Мухаммед VI по-прежнему является символом политического единства страны и особой марокканской идентичности в соответствии с девизом королевства «Аллах, Родина, Король». Исходя из сохраняющейся пока логики, если не будет короля, то не будет и Марокко. В некотором смысле референдум по изменению конституции оказался обновленной версией «аль-байи» — традиционной клятвы верности королю. Изменилась лишь форма (теперь это демократический принцип общенационального референдума), однако суть взаимоотношений между королем и его народом осталась прежней.

Парламентские выборы и формирование нового правительства

Досрочные парламентские выборы после принятия новой конституции состоялись 25 ноября 2011 г. Явка составила 45,4%⁵⁷. На парламентских выборах отмечалась гораздо меньшая явка избирателей по сравнению с референдумом (72,6%). Это объясняется как общим более спокойным внутривнутриполитическим климатом по сравнению с весной-летом 2011 г., так и невысокой степенью доверия, а зачастую и безразличного отношения населения к институту выборов.

⁵⁷http://www.lepoint.fr/monde/maroc-resultats-definitifs-attendus-les-islamistes-prets-a-un-gouvernement-de-coalition-27-11-2011-1400947_24.php; на парламентских выборах 2007 г. явка избирателей составила 37%.

Вместе с тем явка в 45,4% свидетельствует об определенном интересе, проявленном к выборам, которые власти вынуждены были провести, реагируя на события «марокканской весны». Около 4 тыс. марокканских и иностранных наблюдателей следили за ходом голосования и подтвердили, что выборы прошли без значительных нарушений. В существенной мере это стало результатом давления на власть со стороны протестного движения в целом. Пристальное внимание марокканской общественности, активистов «20 февраля» и международного сообщества к ходу голосования привело к тому, что возможности власти по использованию административного ресурса и оказанию давления на избирателей и избирательные комиссии были ограничены. Несмотря на это, наблюдатели от Парламентской ассамблеи Совета Европы все же отмечали факты давления властей на сторонников бойкота выборов⁵⁸.

Победу на выборах одержала исламистская Партия справедливости и развития, получившая 27,1% голосов избирателей (107 мест в парламенте из 395). Партия «Истикляль» заняла второе место (15,2%). Далее следуют Национальное объединение независимых (13,2%)⁵⁹, Партия аутентичности и современности (11,9%), Социалистический союз народных сил (9,9%). В результате голосования 14 партий вошли в состав нового парламента, 5 из которых — впервые. Это свидетельствует о постепенном расширении участия партий в политическом процессе, что отражает тенденцию на постепенную либерализацию политической жизни королевства.

Интересной особенностью выборов стал тот факт, что партии, завоевавшие большинство мест в парламенте, не выражали активной поддержки «Движению 20 февраля» и выступали лишь за ограниченные реформы. А победитель выборов — Партия справедливости и развития через несколько месяцев после начала протестов, выражая лояльность монархии, даже обвинила «20 февраля» в том, что это движение выступает против ислама.

В соответствии с новой конституцией премьер-министром был назначен генеральный секретарь ПСР Абд аль-Илях Бенкиран. Представители ПСР получили 11 министерских портфелей из 30, в том числе такие важные посты, как министр юстиции и министр иностранных дел и сотрудничества. Партия «Истикляль», Партия прогресса и социализма, Народное движение вошли в правительственную коалицию и получили министерские портфели. Такие влиятельные политические силы, как Национальное объединение независимых, Партия аутентичности и современности и Социалистический союз народных сил, ушли в оппозицию.

Парадокс марокканской ситуации заключается в том, что ПСР, не поддержав требовавший протестующих, оказалась дважды в выигрыше от социальных волнений и реформ. На волне народного протеста, который привел к проведению досрочных выборов, ПСР смогла получить очень хороший результат. И, благодаря изменениям в конституции,

⁵⁸<http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/11/26/97001-20111126FILWWW00375-maroc-les-observateurs-satisfaits.php>; http://www.lematin.ma/journal/Legislatives-2011_Des-elections-libres-selon-l-Assemblee-parlementaire-du-Conseil-de-l-Europe/159345.html

⁵⁹Национальное объединение независимых — партия, созданная в 1978 г., считалась во времена Хасана II партией королевской администрации. С 2000-х гг. партия пытается избавиться от клише партии власти, выступает за умеренную либерализацию экономической сферы и демократию.

партия получила еще и пост премьер-министра. При этом партия подчеркивала исключительную лояльность Мухаммеду VI — генсек ПСР А. Бенкиран с гордостью утверждал, что он «убежденный монархист»⁶⁰. По его мнению, без монархии страна распалась бы на несколько частей и началась бы гражданская война и хаос⁶¹.

Прошедшие выборы, на результаты которых влияние власти было ограничено, отразили реально существующую в марокканском обществе популярность исламистской риторики. Ввиду того что к участию в политическом процессе допущена лишь одна исламистская партия, можно с большой долей вероятности предположить, что ПСР обязана хорошим результатом голосам избирателей, которые поддерживают «аль-Адль ва-ль-Ихсан». Из-за опасений большой социальной поддержки «аль-Адль ва-ль-Ихсан» монархия пытается представить ПСР в качестве представителя всего исламистского спектра.

Парламентские выборы и формирование качественно нового состава правительства (с исламистским уклоном) завершили процесс урегулирования махзеном острого политического кризиса, в котором оказалась страна с начала 2011 г. Конституционные поправки и формирование законодательной и исполнительной власти установили в Марокко новое равновесие, способное обеспечить стабильность, но лишь на определенное время.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ВНЕШНИЕ АКТОРЫ

⁶⁰Iraqi Fahd. Le grand oral de sciencespo. Tel Quel, № 493. http://www.telquel-online.com/archives/493/actu_maroc1_493.

⁶¹Ibidem.

П.В. Топычканов
Ю.В. Устинова

Соединенные Штаты Америки

Вступление

«Арабская весна» пришла на Ближний Восток неожиданно для США. По словам Грегори Гауса, профессора Вермонтского университета, большинство американских специалистов по арабским странам были застигнуты врасплох событиями 2011 г.¹ Даже разведывательное сообщество Соединенных Штатов не смогло предвидеть активизацию демократических движений и отстранение от власти режимов Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте, Али Абдаллы Салеха в Йемене, которые были лояльными к США². Несмотря на признания многих американских экспертов, арабских политиков³ и мнения авторитетных отечественных арабистов⁴, ряд обозревателей склонны видеть в событиях на Ближнем Востоке «сценарий, придуманный Вашингтоном для стран региона»⁵.

¹Gause F.G. Why Middle East Studies Missed the Arab Spring // Foreign Affairs. 2011. July/August. Vol. 90. No. 4. P. 81.

²Marshall R. U.S. Allies Fall as Arabs Demand Freedom and Justice // The Washington Report on Middle East Affairs. 2011. April. No. 30. P. 8–10.

³Палестинский эксперт назвал причину возникновения арабских революций // РИА Новости. 19 апреля 2011 г. (http://www.ria.ru/arab_analytics/20110419/366044133.html)

⁴Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно: «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике. 2 августа 2011 г. (<http://www.globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>)

⁵Таривердиева Э. «Арабская весна» — иллюзия изменений к лучшему // Новое восточное обозрение. 22 ноября 2011 г. (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/10941>); Плеханов А. Трагедия 9/11 запустила механизм неокOLONиализма // Новое восточное обозрение. 15 февраля 2012 г. (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/13552>).

Рассмотрение феномена «арабской весны» и внешней политики США в ретроспективе способствует адекватному определению роли и места Соединенных Штатов в региональных политических процессах. Необходимость этого остро осознается не только в экспертном сообществе, но и в политических кругах США. Как отметил Рендал Пол, сенатор-республиканец, «мы должны использовать потрясения этой “арабской весны” как повод для анализа нашей внешней политики за последние несколько десятилетий»⁶.

Концептуализация ближневосточной политики США в 1993–2001 годы

В начале 1990-х годов США воспринимали международную ситуацию как благоприятную, поскольку появления серьезного соперника в ближайшей перспективе не предвиделось. Исчезновение СССР и успешное завершение «Войны в Заливе» в 1991 г. послужило для США подтверждением адекватности политических представлений элиты реалиям постбиполярного мира⁷. Эти представления получили подробное освещение в работах З. Бжезинского, Ф. Фукуямы и других авторов, писавших о наступлении эры США как «первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы»⁸. В официальных заявлениях лидерство США приобрело моральный характер, что нашло отражение в инаугурационном послании 1993 г. президента Билла Клинтона, который заявил: «Америка должна вести за собой весь мир... Наша главная сила — это сила наших идей, которые многие страны только узнали. Мы видим, как их принимают во всем мире, и мы ликуем. Наши надежды, наши сердца, наши силы с теми, кто строит демократию и свободу на каком бы то ни было континенте. Их дело — это дело Америки»⁹.

Важную роль в формировании внешней и оборонной политики США клинтоновской администрации сыграл Энтони Лейк, советник президента по вопросам национальной безопасности, по мнению которого доктрину сдерживания, служившую главным инструментом внешней политики периода «холодной войны», должна была заменить стратегия расширения свободного мирового сообщества рыночных демократий. В основе концепции распространения демократии лежала уверенность в том, что для демократических государств характерны неагрессивная и предсказуемая внешняя политика и стабильный экономический рост, а в тех регионах, где распространяются демократические ценности, укрепляется безопасность, что снижает вероятность возникновения угроз и для безопасности США. Идея распространения

⁶Sen. Paul on President Obama's Recent Policy Speech: Sen. Rand Paul (R-KY) News Release // Congressional Documents and Publications. May 20, 2011 (http://paul.senate.gov/?p=press_release&id=151).

⁷Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005, с. 24.

⁸Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 254. См. также: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

⁹Clinton W.J. First Inaugural Address. January 20, 1993 (<http://www.bartleby.com/124/pres64.html>).

демократии была дополнена концепцией либерального интервенционизма, которая допускала конфронтационный подход США в отношении оппонентов. В 1994 г. Э. Лейк опубликовал статью в журнале *Foreign Affairs*, в которой были определены те страны, которые выступали оппонентами не только США, но и олицетворяемых ими ценностей: «Наша политика должна признать реальность существования упорствующих в неподчинении и незаконных государств, которые решили не только оставаться вне семьи наций, но и отвергают их основные ценности. Существует несколько реакционных государств: Куба, Северная Корея, Иран, Ирак и Ливия»¹⁰. Помимо негативного отношения к основным ценностям были названы и другие главные черты подобных стран: стремление обладать оружием массового уничтожения (далее ОМУ) и использование террористических организаций против государств-оппонентов. По мнению Э. Лейка, США как единственная сверхдержава несут ответственность за сдерживание и даже трансформацию этих государств¹¹.

Эти идеи были развиты и конкретизированы в процессе выработки внешнеполитической программы Демократической партии к выборам в Конгресс в 1994 г. и на пост президента в 1996 г. Так, в 1995 г. была опубликована «Стратегия национальной безопасности посредством вовлечения и расширения»¹², в которой государства Ближнего Востока рассматривались в рамках двойственной задачи развития партнерских и союзнических отношений с наиболее важными для США местными режимами и одновременного противодействия режимам, которые воспринимались как угроза интересам Соединенных Штатов. Важнейшим партнером США в регионе оставался Израиль, тогда как Ирак и Иран оказались в числе основных противников, по отношению к которым была сформулирована доктрина двойного сдерживания.

В мае 1997 г. Белый дом представил «Стратегию национальной безопасности в новом столетии»¹³, в которой были изложены основы политики клинтоновской администрации второго срока и представлена долгосрочная стратегия. Положения документа сводились к тому, что США имеют глобальные интересы, а задачей лидеров страны является поддержание ее превосходства во всех сферах — дипломатической, технологической, экономической и военной, — ради достижения трех целей: 1) обеспечения национальной безопасности; 2) достижения экономического процветания; 3) распространения демократии и защиты прав человека за рубежом. Значительные усилия предполагалось сосредоточить на регионах, являющихся источниками энергоресурсов. Вместе с тем отмечалось, что США будут пытаться снизить значение стран Ближнего Востока в качестве поставщиков нефти и газа. Данные идеи были повторены в следующих стратегических документах, подготовленных администрацией

¹⁰Lake A. *Confronting Backlash States* // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. No 2. P. 45–55.

¹¹Remarks of Anthony Lake, Assistant to the President for National Security Affairs: “From Containment to Enlargement.” Washington: Johns Hopkins University, School of Advanced International Studies, September 21, 1993 (<http://www.fas.org/news/usa/1993/usa-930921.htm>).

¹²A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. February 1995 (<http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/nss-9502.pdf>).

¹³A National Security Strategy for a New Century. May 1997 (<http://clinton2.nara.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/>).

Белого дома до 2000 г. Сдерживание и вовлечение рассматривались как основы внешней политики США, в том числе и на Ближнем Востоке¹⁴.

Не вся политическая элита разделяла представления администрации Б. Клинтона о политике США на Ближнем Востоке. В частности, критике подвергалась доктрина двойного сдерживания Ирака и Ирана. В 1997 г. в журнале *Foreign Affairs* была опубликована статья Б. Скаукрофта, З. Бжезинского и Р. Мерфи «Дифференцированное сдерживание», в которой авторы предложили альтернативный вариант политики сдерживания, основная цель которой, согласно им, — смена режима в Ираке. Авторы выступили за военное сдерживание режима Саддама Хусейна, жесткий ответ на его политику в области ОМУ, а также за поддержку возможных вариантов развития Ирака после свержения режима¹⁵.

В начале 1998 г. влиятельная неоконсервативная организация «Проект для нового американского века» (ПНАВ)¹⁶ направила открытое письмо президенту Б. Клинтону, в котором призывала его начать подготовку смены режима в Ираке. В письме отмечалось, что его авторы понимают всю опасность подобной операции, однако последствия пребывания Саддама Хусейна у власти могут оказаться еще более опасными. Подпись под обращением поставили такие влиятельные политики и эксперты, как П. Вулфовиц, Д. Рамсфелд, Ф. Фукуяма, Р. Кейган, У. Кристал¹⁷.

Значение Ближнего Востока в идеологии американского «Возрождения» (2001–2008 годы)

В период нахождения у власти администрации во главе с Джорджем Бушем (2001–2009 годы) идея морального лидерства США была дополнена представлением о несоответствии системы международных отношений современным вызовам. Так, по словам вице-президента Ричарда Чейни, ООН доказала свою несостоятельность при отражении угроз со стороны государств-изгоев, вооруженных ОМУ¹⁸. С этим представлением связано пренебрежение международными институтами и необходимостью достижения многостороннего консенсуса, характерное для администрации Дж. Буша.

Постулирование исключительной роли США в современных условиях стало основой идеологии американского «Возрождения», сторонники которой составили большинство политиков, определявших внешнеполитическую стратегию администрации

¹⁴A National Security Strategy for a Global Age. December 2000 (<http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/nss-0012.pdf>).

¹⁵Bzezinski Zb., Scowcroft B., Murphy R. *Differentiated Containment* // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. No 3. P. 20–30.

¹⁶Создана в Вашингтоне в 1997 г. как некоммерческая исследовательская организация, которая ставила основной задачей содействие в установлении глобального американского лидерства. Костяк организации составили республиканские политики.

¹⁷Letter to President Clinton on Iraq. Project for the New American Century. January 26, 1998 (<http://www.newamericancentury.org/iraqclintonletter.htm>).

¹⁸Cheney R. Vice President Cheney's Speech to the Veterans of Foreign Wars. August 26, 2002 (<http://www.newamericancentury.org/iraq-082602.htm>).

Дж. Буша¹⁹. После его трудной победы на президентских выборах 2000 г. ключевые посты получили многие члены ПНАВ: Р. Чейни стал вице-президентом, Д. Рамсфелд — министром обороны, П. Вулфовиц — его заместителем, Л. Либби — руководителем аппарата вице-президента, Э. Абрамс — представителем Совета национальной безопасности (далее СНБ) по делам Ближнего Востока, а Р. Армитидж — заместителем государственного секретаря по глобальным проблемам.

По словам американского политолога Уолтера Мида, приверженцы американского «Возрождения» были «убеждены в том, что новые стратегии, которые они отстаивают, приведут к возрождению американской мощи (и американских ценностей), действующей во всем мире»²⁰. Как считает У. Мид, основой внешней политики американского «Возрождения» является вера во взаимосвязь опоры на традиционные американские ценности и обеспечения безопасности. Таким образом, при Дж. Буше произошел некоторый пересмотр приоритетов внешней политики, а экономические вопросы зачастую стали рассматриваться сквозь призму интересов безопасности. Среди таких вопросов наиболее важное место изначально занимала проблема доступа к ресурсам углеводородного сырья как на Ближнем Востоке, так и в других регионах²¹. Она стала одной из основ большой американской стратегии Дж. Буша, покоящейся на «трех словах»: 1) ограничение возможности агрессивных государств и организаций расширять сферу влияния в Европе, Азии и, в частности, на Ближнем Востоке; 2) обеспечение свободного и безопасного использования морских и воздушных коммуникаций; 3) гарантированные и бесперебойные поставки энергоносителей на мировые рынки²².

Объединение этих трех направлений в политике США в отношении Ближнего Востока произошло в рамках подхода, согласно которому только активная защита американских ценностей позволит парировать угрозы безопасности США, которые исходят из этого региона²³.

Изначально идейный комплекс американского «Возрождения» разделялся многими политиками в окружении президента, однако подчинение внешней политики этой идеологии произошло не сразу. Накануне террористических актов 11 сентября 2001 г. среди американских дипломатов преобладало мнение о том, что США необходимо дистанцироваться от Ближнего Востока, ограничить активность в этом регионе даже по сравнению с деятельностью администрации Клинтона²⁴.

Очевидно, усиление унилатерализма во внешней политике США было непосредственно связано с 11 сентября 2001 г. «Доктрина Буша» стала утверждением права

¹⁹Религиозной основой американского «Возрождения» стали теология современного американского евангелизма и культурно-исторический комплекс иудаизма (Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. М.: Прогресс-Традиция, 2006, с. 85).

²⁰Мид У.Р. Указ. соч. С. 79.

²¹Walker W. National Security and Core Values in American History. Cambridge; N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2009, с. 259.

²²Мид У.Р. Указ. соч. С. 101.

²³Там же, с. 84.

²⁴Шумилин А.И. Внешняя политика США: между Дж. Бушем и Дж. Керри // США на Ближнем Востоке: «Доктрина Буша» в действии / А.И. Шумилин, Л.Г. Гукасян, В.А. Литовкин. М., 2004, с. 8.

США на проведение односторонних действий, являющихся единственно возможным ответом на вызовы современного мира. Большинство американских теоретиков и аналитиков подчеркивали изменившийся характер международной политической системы. «Американцы вступили в новую эру истории», — писал Джон Гэддис²⁵. Строуб Тэлбот и Найан Чанда определяли новую эпоху как век терроризма²⁶.

Сторонники Дж. Буша ставили знак равенства между демократическими и либеральными ценностями, с одной стороны, и национальной и международной безопасностью — с другой. По словам Р. Кейгана, соучредителя ПНАВ, США вынуждены использовать силу в анархическом мире, где нельзя полагаться на нормы международного права и где безопасность и распространение либерального порядка зависят от обладания и применения военной мощи²⁷. Как писал Чарльз Краутхаммер в газете Washington Post, «мы поддерживаем стабильность международной торговли, обеспечиваем свободу на море, транспортировку нефти, баланс сил в регионах... а в конечном счете обеспечиваем защиту против возможного появления враждебной супердержавы... Мы ведем оборонительную войну. Это еще и война в защиту западной цивилизации»²⁸. Таким образом, после 11 сентября 2001 г. унилатерализм американской внешней политики и превентивные действия ради защиты демократических ценностей получили одобрение многих американских политологов²⁹.

Данные представления нашли отражение в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в сентябре 2002 г. В ней говорилось о необходимости нанесения упреждающих военных ударов по «новым противникам» США — террористическим группировкам и так называемым государствам «оси зла», стремящимся обрести ОМУ (Ирак, Иран и Северная Корея)³⁰. В документе оговорено право на одностороннее применение военной силы США. Администрация Дж. Буша обозначила приоритетный регион, который подлежал демократизации — Ближний Восток. Задача изменения общественно-политического уклада этого региона напрямую увязывалась с обеспечением безопасности США. Распространение базовых демократических ценностей и развитие соответствующих институтов в регионе должны были привести к снижению угроз национальной безопасности США, поскольку, как представлялось,

²⁵Gaddis J. And Now This: Lessons from the Old Era for the New One // The Age of Terror / Ed. by S. Talbott, N. Chanda. Oxford, 2001, p. 9.

²⁶Chanda N., Talbott S. Introduction // The Age of Terror / Ed. by S. Talbott, N. Chanda. Oxford, 2001. P. XIV. См. о других примерах данных взглядов: Устинова Ю.В. Как не упустить шанс? // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. №1(10) (<http://www.intertrends.ru/tenth/017.htm>).

²⁷Kagan R. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2003, p. 3.

²⁸Krauthammer Ch. The Axis of Petulance // The Washington Post. March 1, 2002.

²⁹Carothers Th. Promoting Democracy and Fighting Terror // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. No. 2. P. 84–97; Ikenburry G. America's Imperial Ambition // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. No. 5. P. 44–61; Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. 2003. Vol. 70. No. 5. P. 5–17 и др. См. также российские исследования, в которых рассматривается эволюция идеологии в США: Шахлаева Т.А. Идеологическое обеспечение внешней политики администрации Буша. М.: ИСКРАН, 2003; Литовкин В.А. Антитерроризм — основа новой стратегии Пентагона // Антитерроризм — системообразующий фактор внешней и оборонной политики США / Отв. ред. А.И. Шумилин. М.: ИСКРАН, 2005, с. 35–46.

³⁰The National Security Strategy of the United States of America. Washington, September 2002 (<http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/nss-020920.pdf>).

демократизация снижает террористическую активность, предоставляя большие возможности для самореализации и диалога между властью и обществом, создавая механизм «приглушения» экстремистских настроений. Демократизация стран Ближнего Востока выглядела для администрации Дж. Буша историческим шансом вывести американское влияние в регионе на новый уровень.

Первоначально Дж. Буш планировал стимулировать распространение демократии в Палестине, а не в Ираке. Так, в июне 2002 г. президент США провозгласил необходимость политических и конституционных реформ условием американской поддержки идеи палестинского государства³¹. Как вспоминает Мадлен Олбрайт, государственный секретарь США в администрации Б. Клинтона (1997–2001 гг.), Дж. Буш не хотел повторять то, что он считал ошибкой предыдущего президента. Президент-республиканец категорически отказался иметь дело с Ясиром Арафатом, не стал назначать постоянного представителя на переговорах по Ближнему Востоку и не предпринимал активных усилий, направленных на противодействие очередной вспышке конфликта³². В официальных документах администрации Дж. Буша высказывалась готовность оказывать содействие обеим сторонам конфликта и, в частности, подчеркивалась необходимость создания государства Палестина.

Принципиально важным аспектом политики Дж. Буша стало признание того, что, несмотря на значительную роль США в деле урегулирования, «продолжительный мир может состояться только при условии, что израильтяне и палестинцы достигнут соглашения по спорным вопросам и прекратят конфликтовать между собой»³³. Таким образом, США отказывались от политики «личной вовлеченности» в мирный процесс, которая в большей степени была характерна для Б. Клинтона, и склонялись к участию в урегулировании в рамках международной группы коопонсоров. По мнению М. Олбрайт, такая тактика позволяла экономить дипломатические ресурсы для решения других международных проблем, но ухудшала отношения США с арабами и мусульманским миром в целом³⁴.

Тем не менее, под влиянием администрации Дж. Буша израильское правительство А. Шарона в целом приняло план «Дорожной карты». Однако серия террористических актов в Израиле вызвала внутривосточный кризис в Палестинской автономии, что привело к отставке премьер-министра М. Аббаса и вместе с тем нарушило согласованный график «Дорожной карты». Более того, выполнение одного из требований «Дорожной карты» о проведении открытых и честных выборов в 2006 г. привело к власти партию ХАМАС.

Другим не менее, если не более важным направлением активной политики США на Ближнем Востоке стал Ирак. При этом стратегическое видение процесса демократизации не всегда находило отражение в тактическом планировании, что проявилось в отсутствии четкого плана восстановления и политико-экономического развития Ирака

³¹President Bush's Speech Calling for New Palestinian Leadership. June 24, 2002 (<http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/06/20020624-3.html>).

³²Олбрайт М. Религия и мировая политика / Пер. с англ. А. Денисова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007, с. 164.

³³The National Security Strategy of the United States of America. Washington, September 2002 (<http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/nss-020920.pdf>).

³⁴Олбрайт М. Указ. соч. С. 164.

после войны 2003 г.³⁵ По мнению Стива Йетива, доцента Университета Олд Доминион, само решение о начале военных действий было продиктовано желанием администрации Дж. Буша получить выгоды от реализации силового сценария без предварительной тщательной проработки вопроса о вероятных рисках и негативных последствиях³⁶. Трансформация власти и расширение политического участия иракцев обернулось обострением межконфессиональных отношений. Суннито-шиитское противостояние создало угрозу для безопасности³⁷ страны и региона. В Ираке пришлось бороться с неформальными структурами, которые стали претендовать на власть в условиях политического вакуума³⁸. Тактика США в этой стране претерпевала изменения, но, вероятно, для получения результатов было нужно больше время, финансовые и военные ресурсы. Ряд американских экспертов признали, что цена иракской кампании оказалась значительно выше для администрации Дж. Буша и в целом США, чем предполагалось. «Победоносная война» 2003 г. обернулась серьезными долгосрочными проблемами³⁹. В целом следствием политики Дж. Буша стали рост напряженности в отношениях США со странами Ближнего Востока и увеличение турбулентности в регионе⁴⁰.

Из-за политики США на Ближнем Востоке не принесла ожидаемого эффекта и кампания по улучшению имиджа страны. Большинство арабов рассматривали Америку как враждебную и колониальную державу⁴¹. Согласно опросам, проведенным в марте 2008 г. Мэрилендским университетом и фирмой Zogby International, 83% респондентов в арабских странах отрицательно относились к США, 70% — не испытывали доверия⁴².

Формирование ближневосточной политики администрации Б. Обамы (2009–2010 годы)

От Б. Обамы, сделавшего акцент в своей предвыборной кампании на «смене вех», ожидали серьезных изменений в ближневосточной политике, поэтому он получил авансом

³⁵Wilson I. Thinking Beyond War: Civil-Military Operational Planning in Northern Iraq / Peace Studies Program. Ithaca: Cornell University, October 14, 2004, p. 15.

³⁶Цит. по: Устинова Ю.В. Как «правильно» начинать войну? // Международные процессы, 2005. Январь–апрель. №1(7) (<http://www.intertrends.ru/seventh/015.htm>).

³⁷Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (ноябрь–декабрь 2007 года) // Институт Ближнего Востока (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/04-01-08a.htm>).

³⁸Он же. Ирак: некоторые итоги 2007 года // Институт Ближнего Востока (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/20-01-08.htm>).

³⁹Pressman J. Power without Influence: The Bush Administration's Foreign Policy Failure in the Middle East // International Security. 2009. Vol. 33. No. 4. P. 149–179.

⁴⁰Устинова Ю.В. Амбивалентная роль США в ближневосточных кризисах // Кризисные явления в мировой экономике и политике / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2010, с. 240.

⁴¹См.: США на Ближнем Востоке: «Доктрина Буша» в действии / А.И. Шумилин, Л.Г. Гукасян, В.А. Литовкин. М.: ИСКРАН, 2004, с. 3–4; Шумилин И.В. Культурно-идеологический аспект ближневосточной политики администрации Дж. Буша-мл. : Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.

⁴²Опросы были проведены среди 4000 респондентов Египта, Иордании, Ливана, Марокко, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии (2008 Annual Arab Public Opinion Poll / Survey of the Anwar Sadat Chair for Peace and Development at the University of Maryland (with Zogby International) (<http://sadat.umd.edu/surveys/2008%20Arab%20Public%20Opinion%20Survey.ppt>)).

поддержку как внутри страны, так и на Ближнем Востоке. Определенный вклад в победу Барака Обамы на президентских выборах 2008 г. внесла арабо-американская община, насчитывающая более 3,5 млн. человек. Если перед выборами 2000 г. 38% причисляли себя к сторонникам республиканцев, то в 2008 г. — только 20%⁴³. Победа Б. Обамы повлияла на некоторые изменения в отношении к США населения арабских стран. Как показали опросы, проведенные в апреле-мае 2009 г. Мэрилендским университетом и фирмой Zogby International, 77% респондентов в арабских странах отрицательно относились к США (против 83% в 2008 г.), 66% — не испытывали доверия (против 70%)⁴⁴.

Возможные направления изменений ближневосточной политики нового президента предлагались в ряде публикаций. Одним из примеров рекомендаций служит доклад «Изменение курса: новое направление отношений США с мусульманским миром», ставший результатом двухлетней работы группы из 34 человек, включая Р. Армитиджа и М. Олбрайт. Доклад содержал следующие советы администрации Б. Обамы: 1) необходимо заявить о важности улучшения отношений между США и «глобальной мусульманской общиной»; 2) нужно незамедлительно предпринять шаги, призванные показать намерения США улучшить отношения с мусульманским миром (выработать стратегию улучшения отношений с мусульманскими странами, подтвердить запрет всех форм пыток); 3) в течение трех месяцев следует предложить дипломатические инициативы для разрешения региональных конфликтов и развития регионального сотрудничества (выработать решение палестино-израильского конфликта, начать диалог с Ираном); 4) в течение шести месяцев необходимо организовать саммит с участием представителей государственных учреждений и коммерческих организаций, чтобы стимулировать экономические реформы на Ближнем Востоке; 5) вместе с Конгрессом, образовательными, культурными и благотворительными организациями нужно создать глобальную инициативу для распространения образования среди жителей мусульманских стран; 6) следует основать новые «площадки» с участием политических, религиозных лидеров, представителей деловых кругов и СМИ США и мусульманских стран для создания новых форм сотрудничества и совместной активности⁴⁵.

Другой крупной работой стала коллективная монография «Восстановление баланса: ближневосточная стратегия для следующего президента», подготовленная в течение 18 месяцев под руководством Ричарда Хааса, президента Совета по международным отношениям, и Мартина Индика, директора Центра ближневосточной политики имени Сабана Института Брукинга. Во время ее презентации 2 декабря 2008 г. были озвучены основные рекомендации этого исследования, включая начало переговоров с

⁴³Mineiea Z., Lobe J. U.S. Poll: Arab Americans Favor Obama by Wide Margin // Global Information Network. September 19, 2008 (<http://www.highbeam.com/doc/1G1-185302891.html>).

⁴⁴Опросы были проведены среди 4087 респондентов Египта, Иордании, Ливана, Марокко, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии (2009 Annual Arab Public Opinion Poll / Survey of the Anwar Sadat Chair for Peace and Development at the University of Maryland (with Zogby International) ([http://sadat.umd.edu/2009ArabPublicOpinionPresentation\(052009\).ppt](http://sadat.umd.edu/2009ArabPublicOpinionPresentation(052009).ppt))).

⁴⁵Changing Course: A New Direction For U.S. Relations with the Muslim World. Washington; Cambridge: U.S.-Muslim Engagement Project, 2008, p. 97–96.

Ираном, налаживание израильско-сирийских отношений, выдвижение новой инициативы по палестино-израильскому урегулированию, своевременный — и не поспешный, и не запоздалый — вывод войск из Ирака⁴⁶.

Очевидно, некоторые из этих советов были восприняты администрацией Б. Обамы, что было продемонстрировано в его выступлениях в Стамбуле (Турция) 6 и 7 апреля 2009 г.⁴⁷, Каире (Египет) 4 июня 2009 г.⁴⁸, Джакарте (Индонезия) 9 ноября 2010 г.⁴⁹ Каирская речь «О новом начале» стала декларацией президента о намерении начать новые отношения между США и мусульманским миром на основе взаимоуважения и общих интересов. В этой речи Б. Обама выделил ряд вопросов, обуславливающих внимание США к мусульманским странам: противодействие терроризму и экстремизму, стабилизация ситуации в Афганистане и Ираке, палестино-израильское урегулирование, улучшение отношений с Ираном. В выступлении было представлено несколько новых идей, в частности заявления о необходимости «Ирак оставить иракцам» и однозначном осуждении практики строительства израильских поселений на Западном берегу и в восточном Иерусалиме, впервые прозвучавшие из уст главы США. Кроме того, президент обещал провести саммит предпринимателей с участием представителей США и мусульманских стран, что полностью соответствовало рекомендации из доклада «Изменение курса...».

Первые заявления Б. Обамы отражали его желание отмежеваться от политики предыдущей администрации. В каирской речи он, в частности, отметил, что «события в Ираке напомнили Америке о необходимости использовать дипломатию и достигать международного консенсуса тогда, когда это возможно»⁵⁰. В интервью телеканалу «Аль-Арабийя» президент подчеркнул, что Джордж Митчелл, новый специальный посол по вопросам мира на Ближнем Востоке, должен прислушиваться к мнениям в регионе, тогда как раньше «Соединенные Штаты начинали сразу диктовать, не всегда понимая все факторы»⁵¹.

Далеко не все эксперты в США поддержали ближневосточную политику Б. Обамы. Так, по мнению Барри Рубина, главного редактора журнала Middle East Review of

⁴⁶Lobe J. U.S.: MIDEAST Experts Urge Obama to Quickly Engage Iran, Syria // Global Information Network. December 2, 2008 (<http://www.highbeam.com/doc/1G1-190021457.html>); Restoring the Balance: A Middle East Strategy for the Next President. Washington: The Brookings Institution, December 2, 2008 (http://www.brookings.edu/~media/Files/events/2008/1202_middle_east/1202_middle_east.pdf).

⁴⁷Remarks by President Obama to the Turkish Parliament // The White House: Office of the Press Secretary. April 6, 2009 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament>); Remarks of President Barack Obama at Student Roundtable // The White House: Office of the Press Secretary. April 7, 2009 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-student-roundtable-istanbul>).

⁴⁸Remarks by the President on a New Beginning // The White House: Office of the Press Secretary. June 4, 2009 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>).

⁴⁹President Obama's Speech in Jakarta, Indonesia // America.gov Archive. November 9, 2010 (<http://www.america.gov/st/texttrans-english/2010/November/20101109213225su0.4249035.html>).

⁵⁰Remarks by the President on a New Beginning // The White House: Office of the Press Secretary. June 4, 2009 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>).

⁵¹Obama Al-Arabiya Interview: Full Text // Huffington Post. February 27, 2009 (http://www.huffingtonpost.com/2009/01/26/obama-al-arabiya-intervie_n_161127.html).

International Affairs, Б. Обама изначально отказался от многих традиционных внешнеполитических принципов, выступая с критикой политики предшествующих администраций, обвиняя их в империализме и агрессивности, пытаясь дистанцироваться от Израиля в глазах общественного мнения, оказывая очевидную поддержку Палестине, пытаясь завоевать расположение мусульман и арабов. Как считает Б. Рубин, одним из главных факторов, определивших смену ближневосточной политики администрации Б. Обамы в частности и внешней политики в целом, стало «желание быть популярным» президентом. Иными словами, Б. Рубин обвинил в политическом нарциссизме президента, который старался избежать любых конфликтов даже при реальном несовпадении интересов. В этом стремлении администрация Б. Обамы проявляла особенное внимание к исламу, избегая резких выпадов против радикального политического ислама, что было продемонстрировано в выступлении президента в Стамбуле, Каире и Джакарте. Белый дом внес серьезные изменения в антитеррористическую борьбу, объявив врагом лишь «аль-Каиду» и заявив, что «Братья-мусульмане», «Талибан», ХАМАС и «Хизбалла» могут быть умеренными движениями, а потому и невраждебными. Администрация Б. Обамы скорее проводила политику умиротворения противников, нежели обеспечивала поддержку союзникам в регионе. В частности, как пишет Б. Рубин, предпринимались попытки найти компромисс с «Талибаном», закрывались глаза на деятельность ХАМАС в Палестине и «исламистского» правительства Реджепа Эрдогана в Турции. В то же время интересы традиционных союзников США в регионе — Египта, Иордании, Саудовской Аравии и монархий Персидского залива — часто не учитывались⁵².

Основываясь на результатах опросов населения арабских стран, можно констатировать определенную неудачу политики Б. Обамы. Как показали опросы, проведенные в июне-июле 2010 г. Мэрилендским университетом и фирмой Zogby International, 85% респондентов в арабских странах отрицательно относились к США (против 77% в 2009 г. и 83% в 2008 г.). Если в 2009 г. 51% респондентов возлагали надежды на ближневосточную политику администрации Б. Обамы и 15% были разочарованы в ней, то в 2010 г. возлагали надежды 16%, были разочарованы 63%⁵³. По мнению Элиота Абрамса, старшего научного сотрудника Совета по международным отношениям, результаты данных опросов отражали итог ближневосточной политики Б. Обамы, которую эксперт свел к двум целям — улучшение имиджа США после президентства Дж. Буша и прогресс в палестино-израильском урегулировании. В обоих случаях итог был нулевым, заключает Э. Абрамс⁵⁴.

Некоторые обозреватели считают, что проблемы ближневосточной политики были связаны с тем, что, во-первых, делая многообещающие заявления, Б. Обама, глава государственного департамента Х. Клинтон и Д. Митчелл не смогли предложить эф-

⁵²Rubin B. Change Agent // The Journal of International Security Affairs. 2011. Fall/Winter. No. 21. P. 51–53.

⁵³Опросы были проведены среди 3976 респондентов Египта, Иордании, Ливана, Марокко, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии (2010 Annual Arab Public Opinion Poll / Survey of the Anwar Sadat Chair for Peace and Development at the University of Maryland (with Zogby International) (http://www.brookings.edu/~media/Files/rc/reports/2010/0805_arab_opinion_poll_telhami/0805_arabic_opinion_poll_telhami.pdf).

⁵⁴Abrams E. 0 for 2: Obama's Failed Middle East Policy // Weekly Standard. July 13, 2011.

фективный путь палестино-израильского урегулирования и принудить все стороны конфликта строго ему следовать. Во-вторых, отступление от первоначального требования администрации Б. Обамы заморозить израильское строительство на палестинских территориях было расценено в арабском мире как капитуляция перед израильским правительством во главе с премьер-министром Беньямином Нетаньяху и израильским лобби в США. По мнению Кристофера Тенсинга, редактора журнала Middle East Report, отсутствие прогресса в палестино-израильском урегулировании отрицательно сказалось не только на образе США, позициях Махмуда Аббаса, главы Палестинской автономии, но и на дружественных Америке режимах Ближнего Востока, безуспешная политика которых рассматривалась населением арабских стран как слабость, если не предательство по отношению к палестинцам⁵⁵.

«Арабская весна» и внешняя политика США в американских экспертных оценках

Негативная оценка ближневосточной политики Б. Обамы позволила критикам связать «арабскую весну» с ошибками его администрации. К примеру, Мишель Бакмен, член палаты представителей Конгресса от Республиканской партии, заявила, что, показав слабость, президент фактически дал зеленый свет «арабской весне». По ее словам, «как Джимми Картер в конце 1970-х не поддержал иранского шаха, и мы увидели падение шаха, взлет аятоллы и начало радикального джихада, точно так же при Бараке Обаме мы увидели его отмежевание от нашего союзника Израиль»⁵⁶. Критика ближневосточного курса президента как с произраильских, так и с проарабских позиций показала, что политика балансирования, сочетающаяся со снижением активности США в регионе, не могла удовлетворить сторонников ни одной, ни другой позиции.

В отличие от некоторых американских политиков большинство экспертов склонны видеть в событиях «арабской весны» сложный комплекс факторов. Так, по уже общепринятому мнению, одной из ключевых особенностей политических кризисов на Ближнем Востоке стало массовое участие в выступлениях молодежи. Около 60% населения региона составляют люди в возрасте до 30 лет. Благодаря компьютерным технологиям население становится более информированным и связанным друг с другом⁵⁷. Вместе с тем бывший президент Дж. Буш отмечал, что главной причиной недовольства в арабских странах является не Израиль, а условия жизни. В связи с этим Э. Абрамс подчеркнул, что «арабская весна» была продуктом не американской политики, а американской теории политики, в частности теории демократизации⁵⁸.

⁵⁵Lobe J. U.S.: Obama Increasingly Isolated in Key Regions // Global Information Network. November 12, 2009 (<http://www.highbeam.com/doc/1P1-173054504.html>)

⁵⁶Khan N. Bachmann Says Obama Policies Led to Arab Spring // National Journal. September 30, 2011.

⁵⁷Zakaria F. Why There's No Turning Back in the Middle East // Time. February 17, 2011.

⁵⁸Abrams E. From 9/11 to Arab Spring // The Daily. September 11, 2011.

Точку зрения Э. Абрамса разделяет и Ф. Закария, по словам которого и Д. Буш, и Б. Обама косвенно способствовали началу «арабской весны». При первом из них ближневосточная проблематика заняла центральное место во внешнеполитической повестке США. Призыв Дж. Буша к свободе и демократизации Ближнего Востока, реализованный в виде односторонних и активных шагов, олицетворял значительный сдвиг во внешней политике США. Поскольку ряд инициатив Дж. Буша воспринимались многими арабами как непопулярные и «антиарабские», для ближневосточных режимов было легко дискредитировать саму идею демократизации. В частности, в 2005 г. Х. Мубарак подавил движение за демократию, связав его с США⁵⁹.

Б. Обама, как считает Ф. Закария, отошел от излишне доминантной и подчас агрессивной внешней политики, что позволило египетской оппозиции вести политическую деятельность, не рискуя быть названной агентом влияния США. По мнению эксперта, то, что произошло в Египте, Тунисе и других арабских государствах, может рассцениваться как возвращение к нормальной политике, обусловленной внутренними условиями каждой страны Ближнего Востока и отражающей реалии современного мира. С этой точки зрения, как пишет Ф. Закария, события «арабской весны» могут рассматриваться как первая «постамериканская революция» в регионе⁶⁰.

Тот факт, что первое крупное выступление Б. Обамы состоялось 19 мая 2011 г., спустя несколько месяцев после саможжения Мухаммеда Буазизи, может служить подтверждением слов Ф. Закарии — администрация оказалась не готова играть активную роль в событиях на Ближнем Востоке. Белый дом находился в состоянии неопределенности. Подтверждением тому может служить 25-минутная задержка президентского выступления из-за затянувшегося обсуждения части, посвященной палестино-израильскому урегулированию, в частности предложения о возвращении к палестино-израильской границе 1967 г.⁶¹

В своем выступлении Б. Обама предложил модель согласования интересов США в регионе и ценностей, поддерживаемых Соединенными Штатами. К первым он отнес противодействие терроризму и распространению ядерного оружия, обеспечение свободной торговли и безопасности региона в целом и Израиля в частности, и палестино-израильское урегулирование, а к последним — распространение демократических движений, соблюдение прав человека, поддержку политических реформ, обеспечение финансовой стабильности, интеграцию рынков. При этом, фактически отличая подход своей администрации от предшествующей, президент подчеркнул, что реализация ближневосточной политики будет осуществляться при помощи дипломатических и экономических методов и стратегических ресурсов⁶².

⁵⁹Zakaria F. In the Middle East protests, a seismic shift // The Washington Post. February 24, 2011.

⁶⁰Zakaria F. How Democracy Can Work in the Middle East // Time. February 3, 2011.

⁶¹Harnden T. Obama Pledges US Support for 'Historic' Arab Spring // The Daily Telegraph. May 20, 2011.

⁶²Remarks by the President on the Middle East and North Africa // The White House: Office of the Press Secretary. May 19, 2011 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa>). См. об экономическом способе поддержки Египта: Alekseyenko Y. Inside View: A New Wave of Protest in Egypt // The Voice of Russia. May 26, 2011 (http://english.ruvr.ru/radio_broadcast/46086744/50886698.html).

Однако в ближневосточной политике администрации Б. Обамы не всегда удавалось успешно согласовывать узкие интересы и общие ценности. По словам Б. Рубина, из-за попыток их согласовать Белый дом действовал таким образом, что вызвал негативную реакцию среди его союзников на Ближнем Востоке. Так, в Египте США поддержали свержение Х. Мубарака, лишившись ключевого партнера. Этим они способствовали возвышению движения «Братьев-мусульман», которое поддерживает ХАМАС. Тем самым администрация Б. Обамы косвенным образом повлияла на открытие границы между Египтом и Палестинской автономией для перевозки оружия. В Ливане США не оказали своевременной поддержки умеренной коалиции суннитов, христиан и друзов, руководствуясь политикой невмешательства. В результате к власти пришло правительство, поддерживающее тесные отношения с Ираном и Сирией. В Сирии, напротив, США в течение нескольких месяцев отказывались предпринимать активные действия против режима Башара Асада, фактически закрывая глаза на поддержку Дамаском движений ХАМАС и «Хизбалла» и попытки влиять на внутреннюю политику в Ливане⁶³. Только 18 августа Б. Обама впервые заявил о том, что сирийский президент должен покинуть свой пост⁶⁴.

Анализируя действия Белого дома на Ближнем Востоке, Томас Каротерс, вице-президент Фонда Карнеги за международный мир, отмечает постепенное изменение его подходов. Если в Тунисе Вашингтон не способствовал отстранению Зин аль-Абидина Бен Али и не оказывал ему поддержки, то в Египте позиция США эволюционировала от поддержки Хосни Мубарака в январе до разочарования после его речи 10 февраля. Наиболее активные действия в 2011 г. администрация Б. Обамы предприняла в отношении Ливии, лидер которой Муаммар Каддафи был убит 20 октября. По мнению Т. Каротерса, во всех странах Ближнего Востока, за исключением Ливии, проявились общие особенности региональной политики США: 1) относительность влияния политических перемен в стране на интересы США; 2) желание сохранить отношения с режимом, против которого растет оппозиционное движение, на тот случай, если он сможет выжить; 3) стремление избежать глубокой вовлеченности в события «арабской весны» из опасения дискредитировать оппозиционные движения связью с США и из страха не выполнить обязательства перед этими движениями⁶⁵.

Выводы

Ближний Восток остается одним из ключевых направлений внешней политики США с середины XX в. до настоящего момента. Усилия Вашингтона здесь направлены на оказание поддержки Израилю и обеспечение стабильности в регионе, обладающем значительными запасами энергоресурсов.

⁶³Rubin B. Change Agent // The Journal of International Security Affairs. 2011. Fall/Winter. No. 21. P. 51–53.

⁶⁴Wilson S., Warrick J. Syria's Assad Must Go, Obama Says // The Washington Post. August 19, 2011.

⁶⁵Carothers Th. Democracy Policy Under Obama: Revitalization or Retreat? Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012, p. 34.

При неизменности интересов внешнеполитические акценты США менялись от администрации к администрации. При Б. Клинтоне речь шла о распространении демократии и либеральном интервенционизме. Администрация Дж. Буша связала эти концепции с интересами безопасности, добавив представления о необходимости превентивных, зачастую односторонних действий, включая меры военного характера.

Б. Обама, обеспечивая приверженность курса интересам США в области политики, безопасности и экономики, пытался сделать акцент на дипломатических и экономических методах их обеспечения. При этом если при Б. Клинтоне и Дж. Буше демократия представлялась универсальной формой правления, то Б. Обама признавал возможность разнообразия демократических форм при универсальности человеческих ценностей.

Важным фактором эволюции политики США на Ближнем Востоке стало изменение экономических возможностей страны и регионального политического ландшафта.

В период президентства Дж. Буша и Б. Обамы становилось все более очевидным, что безоговорочная поддержка Вашингтоном арабских режимов породила радикальные и террористические движения, которые были по своей сути антиамериканскими. В итоге поддержка США этих режимов стала более осторожной. Кроме того, Вашингтон, измученный войнами в Ираке и Афганистане, финансовым кризисом 2008 г. и глубокой рецессией, утратил возможность вести активные внешнеполитические действия. За последние 10 лет США утратили способность сохранять свою имперскую позицию.

Если после окончания «холодной войны» США являлись доминирующей державой на Ближнем Востоке, то сейчас ситуация меняется. Причина этого, как считает Ф. Закария, заключается не в том, что в регионе появилась другая, более влиятельная держава (хотя происходит рост влияния ряда стран — Ирана, Китая, Турции), а в том, что ослабление участия США в ближневосточной политике сочетается с ростом национальных сил в арабском мире, стимулируемых демографическими и технологическими факторами, а также набирающим силу молодежным движением⁶⁶.

Арабские страны становятся все более независимыми, о чем свидетельствуют решение Египта наладить отношения с Ираном и ХАМАС, попытки Саудовской Аравии заручиться поддержкой Китая и ее участие в подавлении беспорядков в Бахрейне. Как считает Ф. Закария, Вашингтон не может изменить эту тенденцию, и ему не следует даже пытаться ее менять⁶⁷.

В данном контексте осторожная политика администрации Б. Обамы, носившая ответный характер, представляется адекватным подходом к событиям «арабской весны», охарактеризованным американским экспертом как «первая постамериканская революция». Очевидно, что такой подход встречает оппозицию не только среди противников президента в США и на Ближнем Востоке, но и его сторонников, несогласных с меняющейся ролью США в мире и страшущихся неопределенности будущего. Нельзя исключать попыток возврата США к методам, характерным для политики администраций Б. Клинтона или Дж. Буша. Однако если на президентских выборах 2012 г. одержит победу Б. Обама, можно ожидать сохранения нынешней ближневосточной политики США.

⁶⁶Zakaria F. A New Middle East // Time. May 1, 2011.

⁶⁷Ibid.

Д.А. Данилов

Европейский союз

Когда речь заходит о «европейском ответе» на события и вызовы «арабской весны», многие обозреватели констатируют очевидную неготовность ЕС к происшедшему в его близком окружении. Причем близком не только географически и исторически, но и в современном политическом контексте — страны региона стали важнейшими адресатами Европейской политики соседства (ЕПС), инициированной Евросоюзом в 2004 г. после его расширения в восточном направлении, а с 2008 г. — его партнерами в Союзе для Средиземноморья, учрежденного по инициативе Франции в период ее председательства в ЕС.

Подобные комментарии о неготовности Европы, вполне вписывающиеся в усиливающиеся тренды евроскептицизма, конечно, справедливы, но лишь отчасти. Ведь «арабская весна», начавшаяся зимой 2010 — 2011 гг. с жасминовой революции в Тунисе, стала неожиданностью не только для ЕС, более того — не только для окружающего мира, но даже для тех, кого затем непосредственно охватила революционная волна.

Поэтому вопрос не столько в том, насколько неожиданными или непредсказуемыми оказались эти события, а в том, в какой мере ЕС должен и готов отвечать за них и на них¹.

¹В этой главе не рассматриваются действия ЕС по отдельным странам региона и их специфика, тем более в хронологическом порядке, что предполагало бы описание своего рода матрицы «страна — событие — реакция». Обращаясь к тем или иным странам или событиям, автор анализирует проблемы, с которыми столкнулся Европейский союз и его внешнеполитический аппарат, и европейские ответы на «арабский вызов».

Начало. «Арабский вызов» общей внешней политике

Первоначально Европейский союз, действительно, не спешил давать политические оценки тунисских событий. Однако сдержанность Брюсселя объяснялась не растерянностью, а главным образом прагматичным поведением в ситуации, довольно неопределенной как с точки зрения масштаба народных волнений, так и реакции властей, репрессивных мер и возможной эскалации конфликта. Скорого падения режима президента Бен Али никто не ожидал, и Евросоюз предпочитал удерживаться, насколько возможно, от осложнения отношений со своим официальным партнером, с которым в 2010 г. он начал переговоры о предоставлении Тунису «продвинутого статуса» в рамках Европейской политики соседства.

Брюссель, естественно, понимал, что такая выжидательная позиция входит в противоречие с ценностными установками, являющимися фундаментальной основой евроинтергации и соответственно отношений ЕС с партнерами. В начале января 2011 г. ряд авторитетных НПО (Евро-Средиземноморская сеть по правам человека, Международная федерация лиг по правам человека, Каирский Институт исследований в области прав человека, Репортеры без границ) заявили о своей глубокой озабоченности драматическим развитием событий в Тунисе. В заявлении выражалось глубокое сожаление по поводу отсутствия должной реакции со стороны ЕС и содержался призыв к нему осудить насилие в отношении гражданского населения. Сдержанность Евросоюза подверглась принципиальной критике и изнутри. В Европарламенте с резким осуждением действий тунисских властей выступили группы социалистов и «зеленых». Даниэль Кон-Бендит, лидер Зеленых-ЕСА, призвал всех, «кто поддерживал президента Бен Али в его борьбе против фундаментализма», «вернуться на землю» и признать, что именно он и является «главным вдохновителем фундаментализма». В этой связи он выразил сожаление, что ЕС не готов противостоять тунисской реакции и «в очередной раз демонстрирует неспособность вырабатывать цельную, последовательную и эффективную внешнюю политику в отношении своих партнеров»².

Отчасти требования к Брюсселю занять более внятную позицию были связаны и с тем, что с 1 января 2011 г. официально приступила к работе Европейская служба внешних дел (ЕСВД), которая должна была продемонстрировать свою востребованность и дееспособность новых механизмов и инструментов Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).

Вместе с тем на начальном этапе политические издержки критики в адрес ЕС были относительно невелики и вполне могли быть списаны на неопределенность ситуации и на необходимость времени на выработку согласованной позиции стран-участниц. Кроме того, недостатки в практической внешней политике ЕС могли быть отчасти объяснены и понятными сложностями начального этапа деятельности ЕСВД. Однако важно то, что зазвучавшие призывы и требования к Евросоюзу более четко формулировать свою позицию и последовательно следовать избранной политической линии, обращенные, прежде всего, к новым внешнеполитическим институтам ЕС, с самого начала заставляли Брюссель искать пути преодоления его политической реактивности.

²Tunisie: Trop, c'est trop! Communiqué de presse — Bruxelles, 12 janvier 2011 / Daniel Cohn-Bendit (<http://www.cohn-bendit.eu/fr/ct/77>).

Позиция по Тунису (или, вернее, ее отсутствие) явно контрастировала с реакцией Евросоюза на теракты против христиан-коптов в египетской Александрии накануне нового 2011 г., в результате которых погибло 24 человека. Учитывая, что взрывы в Египте были осуществлены вслед за целой серией преступлений против христиан в рождественский период (в Ираке и Нигерии), некоторые страны ЕС, прежде всего Франция и Италия, а также европарламентарии призвали к выработке европейской акции в поддержку протестующих восточных христианских общин. А. Таджани, член Еврокомиссии (ЕК) по вопросам промышленности и предпринимательства, на заседании 3 января высказался за обсуждение в ЕС этого вопроса в более широком контексте — защиты религиозных меньшинств. Президент ЕК Ж.М. Баррозу в своем выступлении перед прессой 5 января, посвященном энергетической политике и инновациям, «воспользовался случаем», чтобы «сказать несколько слов о некоторых недавних событиях». Выразив глубокую озабоченность актами насилия против христианских общин и верующих, он заявил, что эти акты «должны быть решительно осуждены и требуют ответных действий». По его словам, нападения в Александрии свидетельствуют о серьезности ситуации и опасности ее эскалации, «если не заняться ей в должное время и решительным образом». Однако весьма показательно то, что Баррозу при этом так и не упомянул обострившийся тунисский кризис. Баррозу подтвердил глубокую приверженность ЕС свободе вероисповедания и религий и в целом фундаментальным правам человека³. В последующие дни было предложено включить этот вопрос в повестку дня очередного Совета по внешним делам, намеченного на 31 января, и подготовить согласованный ответ 27 стран ЕС на угрозу восточным христианам со стороны «Аль-Каиды».

Хотя в этом случае Евросоюз, продолжая сохранять пассивность в отношении Туниса, и продемонстрировал готовность определить свою политическую позицию, проявилась другая его слабость — очевидная ограниченная способность к согласованным действиям. Спикер президента Комиссии О. Байи подтвердил, что выйти за рамки политического заявления довольно проблематично даже в такой ситуации, когда все страны ЕС готовы осудить теракты в Египте. В случае если бы страны ЕС согласились попытаться выработать официальную общую позицию, необходимо было бы четко определить, какие конкретно меры могли бы быть предприняты в этой связи. Особая же сложность состоит в том, что необходимо было бы организовать обсуждение всего набора возможных мер (что априори вряд ли возможно для многих стран-участниц), не говоря уже о достижении на этой основе компромиссного решения с учетом баланса интересов и требований различных социальных групп. В свою очередь, просчет подобных негативных политических и практических перспектив принятия Евросоюзом тех или иных позиций изначально программирует его политическую пассивность и реактивность.

Все эти недостатки и ограничения внешнеполитического аппарата ЕС в полной мере проявились на начальном этапе зарождения «демократической волны» в арабском мире. События явно опережали решения.

³José Manuel Durão Barroso, President of the European Commission. Growth and economic governance — orientation debate on energy and innovation. SPEECH/11/1 (<http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/11/1&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>).

Массовое восстание в Тунисе заставило бежать из страны президента Бен Али. Только когда произошла смена власти и 17 января было сформировано новое правительство, позиция Брюсселя наконец определилась. В тот же день К. Эштон и Ш. Фюле (комиссар по политике расширения и соседства) в совместном заявлении⁴ выразили солидарность ЕС с тунисским народом и предложили переходной власти немедленную помощь в организации честных свободных выборов и создании правительства национального единства, которое обеспечило бы мирный демократический переходный процесс. ЕС, как указано в заявлении, готов предоставить Тунису дополнительную чрезвычайную помощь, и Брюссель уже начал работу над «широким пакетом мер» по содействию демократическим реформам и экономическому развитию страны. Несмотря на революционные изменения в Тунисе и неясность политической перспективы, Евросоюз подтвердил новому руководству страны, что вопрос о предоставлении Тунису «продвинутого статуса» не снят с повестки дня и должен обсуждаться в качестве реальной перспективы. Тем самым Брюссель, с одной стороны, стремился сохранить сложившийся формат отношений с Тунисом, с другой — демонстрировал критикам, что европейская сдержанность была оправдана (поскольку поспешные решения о замораживании переговоров и т.д. оказались бы контрпродуктивными).

Начавшиеся 25 января массовые волнения в Египте подтвердили прогнозы тех, кто предупреждал о возможном революционном эффекте домино в Южном Средиземноморье или даже рассчитывал на это⁵. Для ЕС это послужило сигналом, что, во-первых, Брюссель уже не может продолжать придерживаться тактики выжидания, что необходимо преодолеть реактивность европейской политики в отношении государств региона. Во-вторых, что эта политика должна иметь двуединый характер: с одной стороны, предусматривать осуществление комплекса экстренных антикризисных мер, включенных, с другой стороны, в общий контекст обновленной концепции долгосрочных отношений с арабскими странами. И поэтому, в-третьих, адресная политика в отношении отдельных государств, учитывающая их специфику, должна быть вписана в продуманную региональную стратегию, отражающую изменившиеся реалии. В Евросоюзе окрепло понимание масштабности проблемы, и региональная тематика вошла в центральный круг приоритетов общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Обратной стороной медали стало то, что эта «арабская весна» стала тестом на востребованность и внешнеполитическую дееспособность ЕС в качестве самостоятельного и авторитетного международного игрока, испытанием его успешности в новом лиссабонском формате, а конкретно — тестом для ЕСВД.

Учитывая остроту ситуации в Южном Средиземноморье, ее быстрое развитие и эскалацию конфликтов, акцент повестки Совета министров иностранных дел ЕС 31 января 2011 г. был смещен на обсуждение региональной проблематики. Рассматривая положение в Тунисе после смены власти, министры особое внимание уделили обсуждению влияния тунисской революции на соседние страны, особенно Египет. В то же время они понимали, что при-

⁴Joint statement by EU High Representative Catherine Ashton and Commissioner Štefan Füle on the situation in Tunisia. A 018/11, Brussels, 17 January 2011.

⁵Депутаты ЕП на сессии 17 января аплодировали выступлению Д. Кон-Бендита, в котором он призвал поддержать выступления тунисского народа. «Надежда на свободу, которую мы увидели в 1989 году в Восточном блоке, теперь родилась в такой стране, как Тунис. Завтра мы увидим это в Алжире, а послезавтра в Египте и Иордании». (European Parliament. Debates. Monday, 17 January 2011 — Strasbourg (<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110117+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=EN>).

нимаемые решения и по Тунису, и, с их учетом, по Египту формируют координаты будущей региональной политики и будут восприниматься именно как модель европейского подхода и будущей внешней политики в целом. В ходе министерской дискуссии по Египту было начато обсуждение более широкого регионального контекста событий, пересмотра политики и вовлеченности ЕС в регионе, в частности европейской политики соседства. К. Эштон подтвердила, что она внесет в повестку Совета обсуждение ЕПС⁶.

Невнятное отношение Брюсселя к народным выступлениям в Тунисе против официальных властей сменилось признанием «мужества и решимости тунисского народа в их мирной борьбе за утверждение своих прав и демократических устремлений». Совет в своих Заключениях подтверждает полную солидарность с демократическими усилиями Туниса и готовность оказать ему поддержку «в установлении стабильной демократии, верховенства закона и демократического плюрализма при полном соблюдении прав человека и фундаментальных свобод». Евросоюз приветствует соответствующие решения переходного правительства, принятые им обязательства и настаивает на их выполнении. ЕС укрепит партнерство с Тунисом с целью оказания ему содействия в осуществлении демократических социально-экономических реформ и готов для этого «мобилизовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы». Совет декларировал намерение «модернизировать свою стратегию и содействие Тунису в соответствии с новым контекстом и устремлениями тунисского народа», включая работу, совместно с будущим демократически избранным правительством, по завершению переговоров по продвинутому статусу. Поэтому особым положением позиции ЕС является поддержка скорейшего проведения президентских и парламентских выборов, а также намерение Брюсселя, по запросу Туниса, оказать политическое, правовое, техническое и материальное содействие в их подготовке и проведении (включая направление в страну европейской подготовительной и наблюдательной миссии). С учетом консультаций с тунисской стороной Совет ЕС принял ограничительные меры в отношении лиц, виновных в растратах государственных средств: были заморожены активы смещенного президента Бен Али, его семьи и близких⁷.

Понимание того, что события в Египте во многом повторяют тунисский сценарий, существенно сужало коридор для политического маневра ЕС. Когда за два дня до сессии Совета министров ЕС Хосни Мубарак сменил правительство, это не только не позволило переломить ситуацию, но еще больше убедило ЕС, что она фактически вышла из-под контроля египетского президента. Несмотря на то что вероятные последствия падения правящего режима в Египте, учитывая его региональную роль и особый вес в ряду европейских партнеров, намного превосходили «издержки» тунисской революции, Евросоюз признал «законные демократические устремления египетского народа»⁸. Совет призвал египетские власти встать на путь коренных демократических реформ, сформировав для этого правительство национального единства, которое обеспечило бы свободные и честные выборы.

⁶<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm110203/wmstext/110203m0001.htm#11020324000155>

⁷Council of the European Union. Council conclusions on Tunisia 3065th Foreign Affairs Council meeting. Brussels, 31 January 2011.

⁸Council of the European Union. 3065th Foreign Affairs Council meeting. Brussels, 31 January 2011. — 5888/1/11 REV 1 (en). PRESSE 16v. PR CO 4. P. 7.

При этом Брюссель, требуя от египетских властей соблюдения прав человека, поиска мирных и конструктивных решений через открытый диалог со всеми политическими силами, придерживающимися демократических норм, и гражданским обществом и т.д., воздерживался от прямых обвинений в адрес официального руководства страны. Такая попытка подстраховаться на случай, хотя и маловероятный, что режим сможет устоять, и не захлопывать дверь окончательно, вполне объяснима. Но это, с другой стороны, ослабляет политические позиции ЕС, подрывает доверие к его принципиальности и последовательности, веру в то, что европейская политика действительно определяется заявленными ценностными ориентирами, а не прагматическими интересами. Чтобы хотя бы отчасти компенсировать подобную двойственность, Совет, подытоживая свои Заключения положением о поддержке Евросоюзом «демократического, плюралистического и стабильного Египта», апеллирует непосредственно к египетскому народу, который он готов поддержать в процессе демократического перехода и реформ, ориентируясь на будущее развитие. Однако с учетом недостаточной последовательности и принципиальности линии Брюсселя это также выглядит не как четкая позиция, а скорее как конъюнктурное «понимание момента».

Мартин Шульц, лидер социал-демократической, второй по величине фракции Европарламента (а позже президент Европарламента), счел решения и формулировки Совета недостаточными и призвал президента страны Хосни Мубарака сложить полномочия, чтобы открыть путь к демократическим реформам в Египте. 2 февраля в Европарламенте прошли дебаты по ситуации в арабо-средиземноморском регионе, в Египте и Тунисе в первую очередь. Была принята совместная декларация по Тунису, в которой сделан упор на подготовку выборов и демократических преобразований, но принятие резолюции по Египту было отложено на следующую сессию. Было принято решение, с учетом необходимости практического укрепления собственной роли Европарламента, направить в Тунис его представительную делегацию для изучения ситуации на месте и налаживания диалога с представителями переходного правительства и гражданского общества. Одновременно Европарламент адресовал Высокому Представителю запрос о своем подключении к работе над конкретными планами содействия демократическому процессу в Тунисе и выдвинул предложение направить туда миссию ЕС по наблюдению за выборами. Демонстрируя активную позицию Европарламента, депутаты во время дебатов выступили с жесткой критикой политики ЕС в регионе и европейской дипломатии. Характерно, что К. Эштон фактически не оспаривала эту критику по существу, отметив лишь, что она не может нести ответственность за то, что ей «досталось в наследство», что ее Служба находится в процессе становления и работает в условиях крайне сложной международной ситуации. Парламентарии подчеркнули необходимость безотлагательно подвергнуть пересмотру ЕПС и «политику по содействию демократии и правам человека и создать механизм исполнения по положениям о правах человека во всех соглашениях с третьими странами»⁹.

⁹MEPs offer solidarity with Tunisian protesters but question EU foreign policy / European Parliament / News, 03-02-2011 (<http://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/content/20110203IPR13099/html/MEPs-offer-solidarity-with-Tunisian-protesters-but-question-EU-foreign-policy>).

Критические настроения в Европарламенте и его решения способствовали усилению активного политического лагеря внутри Евросоюза. Лидеры пяти ведущих стран ЕС — Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании опубликовали накануне саммита Союза 4 февраля совместную декларацию, где подчеркнули необходимость незамедлительно начать формирование в Египте нового правительства. В результате Евросовет последовал за пятеркой и призвал Египет начать переходный процесс «немедленно», хотя и не связал это напрямую с необходимостью ухода действующего руководства. Несмотря на общее понимание необходимости смены власти, как пояснила канцлер ФРГ А. Меркель, ЕС не может официально вмешиваться в решение этого вопроса, относящегося к внутренним делам Египта. Но европейские лидеры считают невозможным откладывать выборы до осени, как предложил накануне саммита египетский вице-президент Омар Сулейман, направивший К. Эштон «дорожную карту реформ для проведения президентских выборов в сентябре».

Саммит принял итоговую декларацию по Египту и региону в целом. Европейские лидеры осудили насилие против демонстрантов, а попытки египетских властей ограничить свободу информации, агрессия в отношении журналистов и их запугивание были названы «неприемлемыми».

Императивы новой региональной стратегии

Итак, вернувшись после рождественских каникул 2010–2011 гг., европейские политики и брюссельские технократы были вынуждены кардинально пересматривать свои рабочие графики и планы под давлением нараставшей арабской волны. Никто пока не говорил о цунами, но события в Тунисе и Египте заставили Евросоюз сделать три принципиальных вывода.

Во-первых, стало очевидно, что европейские реакции явно отстают от логики событий и явно неадекватны ей, а новые механизмы и инструменты ОВПБ оказываются в этой ситуации малоэффективными.

Во-вторых, что эта протестно-революционная волна не может остановиться на границах Туниса или Египта, она с большой долей вероятности захватит и другие страны региона, где усиливающиеся протесты могут привести к повторению тунисского и египетского сценария.

В-третьих, на смену прежней критики неэффективной Европейской политики соседства и Средиземноморской политики ЕС пришло понимание их полного провала. Расчет на поддержание с помощью этих коммунитарных политик стабильности в регионе, особенно с учетом европейских приоритетов безопасности, не оправдался.

Все три вывода в комбинации означали необходимость выработки Евросоюзом новой региональной стратегии и соответствующих подходов и инструментов. Причем действовать Евросоюз должен был безотлагательно и решительно. С одной стороны — учитывая масштабность вызова, нарастающую динамику событий и перемен в регионе и эскалацию

нестабильности. С другой стороны — в связи с невозможностью продолжать и далее использовать в отношениях с региональными партнерами не оправдавшие себя подходы и устаревшие инструменты. Тем более в отношениях с новыми партнерами и политическими силами, пришедшими к власти под флагами обновления. Причем императив выработки новой региональной стратегии был не только политическим, но и финансово-экономическим. Вряд ли вообще возможно представить, что страны ЕС согласились бы продолжать выделять ресурсы на цели и инструменты провалившейся политики, а Европарламент, резко критикующий ее, одобрил бы подобный бюджет.

В результате уже в начале февраля 2011 г. Евросовет инициировал работу по разработке новой региональной политики ЕС, поручив К. Эштон подготовить «пакет мер» по поддержке переходных и трансформационных процессов в арабо-средиземноморском регионе. На саммите были определены приоритетные направления содействия со стороны ЕС: укрепление демократических институтов, обеспечение демократического управления и социальной справедливости, подготовка свободных и справедливых выборов. Лидеры стран ЕС официально признали необходимым адаптировать в соответствии с этими целями Европейскую политику соседства, а также инструменты ЕС для оказания гуманитарной помощи, если и когда она понадобится. Европейские страны в принятом итоговом документе впервые обозначили принцип обусловленности, т.е. взаимосвязи между помощью Евросоюза странам-партнерам и проведением ими политических и экономических реформ: «Европейский Совет привержен формированию нового партнерства, включающего более эффективную поддержку в будущем тех стран, которые следуют курсом политических и экономических реформ, в том числе в рамках Европейской политики соседства и Союза для Средиземноморья»¹⁰.

Через месяц, 8 марта, был обнародован первый официальный документ ЕС, в котором изложена модернизированная концепция сотрудничества с арабскими государствами, подготовленная Еврокомиссией и аппаратом Высокого представителя ЕС по внешним делам и политике безопасности, — «Партнерство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и совместного процветания»¹¹. Представляя журналистам новый документ, Ж.М.Баррозу заявил, что «Европейский Союз должен сделать качественный рывок вперед в отношениях с нашими соседями, которые хотят и способны продвигаться по пути политических и экономических реформ»¹². Предложенную концепцию нельзя назвать кардинально новой, поскольку она, ориентируясь на «качественный рывок», в любом случае должна демонстрировать преемственность политики ЕС, базирующейся на неизменных ключевых ценностях и европейских приоритетах. Евросоюз декларирует не отказ от своей прежней политики, что де-факто означало бы признание ее дефолта, а существенное обновление своего курса с учетом происходящих в регионе изменений и возникающих в этой связи новых возможностей. Поэтому в концепции, при сохранении базовых

¹⁰European Council. 4 February 2011. Conclusions. Nr: EUCO 2/1/11. Brussels, 8 March 2011.

¹¹A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. Joint communication to the European Council, the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. — Brussels, 8.3.2011. COM (2011) 200 final.

¹²EU Commission launches ambitious Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. IP/11/268. Brussels, 8 March 2011.

вых политических установок, по-новому расставлены некоторые акценты и содержатся существенные дополнения, включая конкретные меры экстренного или среднесрочного характера.

Основные политические задачи ЕС сформулированы в виде трех составляющих Партнерства во имя демократии и совместного процветания¹³.

В качестве приоритетной цели по-прежнему декларируется развитие в регионе демократии, и поэтому первым элементом новой стратегии является адресное содействие демократической трансформации и формированию демократических институтов, сфокусированное на обеспечении фундаментальных свобод, конституционных и правовых реформ и борьбе с коррупцией.

Вторым ключевым элементом в новой концепции названа необходимость распространения партнерства за узкогосударственные рамки — за счет выстраивания взаимодействия с народами и социальными партнерами, особенно в форме поддержки гражданского общества, с повышенным вниманием к молодежи.

В концепции признается, что волнения в ряде арабских государств связаны с экономическими проблемами, диспропорциями в распределении национального богатства, ограниченным предложением рабочих мест, слабой системой образования и профессиональной подготовки и т.д. Исходя из этого, третьей ключевой составляющей, перешедшей из старой концепции политики соседства, является устойчивое и инклюзивное экономическое развитие и создание рабочих мест. Эта задача изложена более подробно, чем в прошлом, и охватывает обширную сферу взаимодействия ЕС и стран-партнеров, в том числе поддержку малого и среднего бизнеса, реформы систем образования и здравоохранения, развитие бедных районов.

В новый документ включен раздел об экстренных действиях ЕС — гуманитарной помощи и решении разнообразных проблем, возникших в связи с потоком беженцев из стран Северной Африки, особенно из Туниса и Ливии. Наконец, предусмотрено значительное увеличение финансовых средств, выделяемых на развитие партнерства с государствами Южного Средиземноморья — дотаций из бюджета ЕС, кредитов Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), а также других финансовых институтов.

Состоявшийся 11 марта внеочередной саммит ЕС, посвященный как ситуации и эскалации вооруженного конфликта в Ливии, так и в целом южному соседству, принял декларацию, в которой приветствовал новую концепцию партнерства с государствами Южного Средиземноморья. Комментируя решения Евросовета, его председатель Х. Ван Ромпей сделал принципиально важное замечание, определяющее одну из базовых установок нового курса ЕС. Он заявил, что «восстания в Тунисе, Египте или Ливии не имеют ничего общего с фундаментализмом. Мы являемся свидетелями не экстремизма, или столкновения цивилизаций, но одного из эпизодов борьбы за свободу и за справедливость»¹⁴.

В итоговом документе саммита отмечается, что наряду с дифференцированным подходом партнерство «должно быть основано также на более глубокой экономической интеграции,

¹³A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. — P. 3.

¹⁴Remarks by President Herman VAN ROMPUY at the press conference following the extraordinary European Council on EU Southern Neighbourhood and Libya / European Council. The President. PCE 065/11. Brussels, 11 March 2011, p. 2.

более широком доступе на рынки и политическом сотрудничестве»¹⁵. Поэтому дифференцированный и адресный подход Евросоюза отнюдь не означает попытку относительно ограничить объемы помощи и программы содействия. Напротив, курс на активную вовлеченность предполагает плановое наращивание масштабов сотрудничества со странами Южного Средиземноморья, несмотря на колоссальные сложности и проблемы, с которыми сталкивается ЕС в результате финансово-экономического кризиса. В новой стратегии выражается поддержка предложения Европарламента увеличить сумму кредитов ЕИБ на один миллиард евро — с четырех, предусмотренных ранее для средиземноморских стран на 2011–2013 годы. Одновременно Комиссия поддержала инициативу распространить деятельность ЕБРР на Южное Средиземноморье, которое прежде не было включено в его орбиту. При согласии акционеров на внесение соответствующих изменений в статут банка он может направить в регион еще один миллиард евро из имеющихся у него ресурсов¹⁶.

Причем в документе особо подчеркивается, что эти и другие подобные инициативы не будут реализовываться за счет программ кредитования других стран, в рамках финансовых инструментов Восточного партнерства, например.

Средиземноморская политика не могла рассматриваться лишь в качестве одного из направлений в системе партнерских отношений Евросоюза, не затрагивающего другие. Она встраивалась в развитие ЕПС, как ее южное измерение, наряду с восточным. Поэтому не только с формальной точки зрения страны региона являются участниками политики соседства, но и сотрудничество с ними Евросоюза строится на общих принципах и модальностях ЕПС. Внесение существенных изменений в систему «южного партнерства» требовало соответствующей перестройки ЕПС в целом. Но проблема имеет более широкий характер. Дело в том, что крах прежней модели Союза для Средиземноморья поставил вопрос об адекватности целей и инструментов всей Европейской политики соседства. На весенней (2011 г.) сессии Европарламента состоялась основательная дискуссия о ЕПС в обоих ее измерениях. В резолюции по южному измерению был сделан вывод, что политика соседства оказалась неэффективной в достижении ее основных целей — продвижении демократии и прав человека — и неспособной обеспечить должные политические, социальные и институциональные реформы, о чем и свидетельствуют события «арабской весны». Европарламент предложил Еврокомиссии подготовить предложения по реформе ЕПС, в том числе более жестко увязать помощь Евросоюза с развитием демократии и защитой прав человека, развивать партнерство не только с государствами, но и с гражданскими обществами¹⁷. При этом в резолюции по восточному измерению ЕПС подчеркивается, что провалившаяся политика сотрудничества с недемократическими режимами (Туниса и Египта) заставляет ЕС делать соответствующие выводы и в контексте отношений с такими государствами как Беларусь, и что политика соседства везде должна быть ценностно-ориентированной¹⁸.

¹⁵ Extraordinary European Council. 11 March 2011. Declaration. EUCO 7/1/11, REV 1. CO EUR 5, CONCL 2. — Brussels, 20 April 2011, p. 5.

¹⁶ A Partnership for Democracy and Shared Prosperity, p. 8.

¹⁷ European Parliament resolution of 7 April 2011 on the review of the European Neighbourhood Policy — Southern Dimension. P7_TA(2011)0154. Thursday, 7 April 2011: Strasbourg.

¹⁸ European Parliament resolution of 7 April 2011 on the review of the European Neighbourhood Policy — Eastern Dimension. P7_TA-PROV(2011)0153. Thursday, 7 April 2011: Strasbourg.

Такие предложения были подготовлены и представлены Совету ЕС 27 мая в виде еще одного концептуального документа — совместной коммуникации Высокого представителя по ОВПБ/ОПБО и Еврокомиссии «Новая и амбициозная Европейская политика соседства»¹⁹. Представляя его на пресс-конференции, К. Эштон и еврокомиссар Ш. Фюле подчеркнули, что смысл новой инициативы состоит в том, чтобы «вдохнуть новую жизнь» в ЕПС путем «большого финансирования более ориентированного на реформы подхода» Евросоюза²⁰. Дополнительно к 5,7 млрд. евро, уже предназначенным для ЕПС из ресурсов ЕС на период 2011–2013 гг., будет выделено в эти же годы еще 1,24 млрд. Кроме того, в тот же период ЕИБ предоставит кредиты на цели ЕПС в размере одного млрд. евро. Наконец, Европейский банк реконструкции и развития готов увеличить ежегодные кредиты странам — участницам ЕПС в 2011–2013 гг. до 2,5 млрд. евро.

Что касается содержания новой ЕПС, то еще категоричнее изложена первая приоритетная установка — поддержка строительства «глубокой и устойчивой демократии» при возрастающей важности «партнерства с обществами». Вторым приоритетом, как и прежде, является поддержка «устойчивого экономического и социального развития», но значительно расширены и конкретизированы направления этой сферы действий ЕС. Концепция относится и к восточным, и к южным партнерам, но в первом случае авторы ограничились постановкой общей задачи «укрепить Восточное партнерство», а во втором — подтверждается сформулированная ранее задача строительства «Партнерства с Южным Средиземноморьем во имя демократии и общего процветания». В этой связи «ЕС будет поддерживать каждую страну на дифференцированной основе, чтобы обеспечить необходимый учет индивидуальных нужд и приоритетов». При этом Евросоюз фокусирует свою помощь на трех «М» — Money, Mobility and Markets, т. е. «Деньги, Мобильность, Рынки» в переводе с английского²¹.

В соответствии с двумя коммуникациями (8 марта и 25 мая) Комиссия дополнительно утвердила 26 сентября 2011 г. четыре программы содействия странам Северной Африки и Ближнего Востока — в поддержку демократии, экономического роста, занятости, сферы микрофинансов, образования.

Принципиальным отличием нового подхода ЕС стало то, что при сохранении общих демократических установок и ориентиров партнерства четко и довольно жестко артикулирован принцип обусловленности. «Партнерство во имя демократии и совместного процветания» не только «должно безоговорочно основываться на совместной приверженности общим ценностям», но и «строиться исходя из конкретного прогресса» в сферах «демократии, прав человека, социальной справедливости, надлежащего управления и верховенства закона». В тесной связи с такой постановкой вопроса находится и упоминание о том,

¹⁹ A new response to a changing Neighbourhood. Joint communication to the European Council, the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. — Brussels, 25.5.2011. COM(2011) 303 final.

²⁰ Европейский Союз: Факты и Комментарии. Выпуск 63-64: январь — июнь 2011 г. / Ассоциация европейских исследований, Москва, июль 2011, с. 49.

²¹ The EU's response to the 'Arab Spring'. COM(2011)303. MEMO/11/918. 16/12/2011.

что Партнерство будет базироваться на «дифференцированном подходе»²² и иметь адресный характер, отражающий специфику каждой из стран-партнеров²³. «ЕС должен быть готов предоставлять большую поддержку тем странам, которые готовы к работе по такой совместной повестке, но также и к пересмотру поддержки, если страны сходят с этого курса»²⁴.

Такие акценты по существу призваны принципиальным образом изменить политическую практику Евросоюза в отношениях с партнерами. Прежде основополагающим критерием партнерства ЕС со странами региона было поддержание там относительной стабильности и укрепление безопасности, включая предсказуемость и управляемость всего комплекса двусторонних политико-дипломатических отношений Евросоюза с государствами (и правящими режимами) Южного Средиземноморья.

В совместной Декларации парижского саммита, учредившего в июле 2008 г. Союз для Средиземноморья, 43 государства-участника заявляют о своем стремлении сделать Средиземноморье «пространством мира, демократии, сотрудничества и процветания», укреплять сотрудничество, чтобы «воплотить добрые намерения в действия». В разделе, посвященном Стратегической цели Союза, только в шестом пункте из восьми идет речь о демократических ориентирах: участники выражают свою решимость «укреплять демократию и политический плюрализм», «бороться за общее будущее, основанное на полном соблюдении демократических принципов, прав человека и фундаментальных свобод»²⁵. Однако подобная политкорректная упаковка средиземноморского проекта никоим образом не означала, что ЕС намерен на деле приоритизировать повестку демократической трансформации стран-партнеров. Для них, в свою очередь, поддержание этой риторики также означало не более чем соблюдение правил игры, в которой Брюссель будет оплачивать свои ставки вполне конкретными и весьма существенными ресурсами. О том, что Евросоюз был не готов взвешивать взаимодействие с арабскими странами на весах демократических ценностей, свидетельствует, в частности, пункт 2 Декларации. В нем содержится важное для партнеров ЕС уточнение — продвижение политических и социально-экономических реформ и модернизация должны осуществляться на основе «равенства и взаимного уважения суверенитета каждого»²⁶.

Документы, связанные с участием арабских стран в Европейской политике соседства, ясно показывают, что Брюссель занимал весьма сдержанную позицию в отношении дефицита демократии в государствах-бенефициариях, хотя и констатировал существование проблем. Например, в отчете 2010 г. о прогрессе Туниса в рамках ЕПС отмечается, в связи с очередным переизбранием президента Бен Али, что существуют «препятствия» плюрализму и электоральным свободам, что в контексте выборов стал еще более очевидным разрыв между официальной поддержкой властями фундаментальных свобод и прав человека и реальным положением дел, что сохраняются «пробелы» в юридической сфере и уголовном праве, нет существенных подвижек в борьбе с коррупцией и т.д. и что по многим из этих критериев Тунис не выполняет принятый

²²В тексте документа понятие «дифференцированный подход» даже выделено жирным шрифтом.

²³A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 2.

²⁴A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 5.

²⁵Déclaration commune du sommet de Paris pour la Méditerranée. Paris, 13 juillet 2008, p. 9.

²⁶Ibid. — P. 8.

План действий²⁷. Однако это отнюдь не стало для Евросоюза основанием для критической корректировки сотрудничества с Тунисом. Совсем напротив, Брюссель признал необходимым наращивать сотрудничество — как в проблемных сферах, так и в целом. Об этом ясно свидетельствует Национальная индикативная программа для Туниса на 2011–2013 гг., принятая с учетом согласия ЕС приступить к формированию с этой страной «усиленного партнерства»²⁸.

Инерция такого политического реализма оказалась настолько сильна, что всего за неделю до бегства президента Бен Али, как прозвучало в ходе дебатов в Европарламенте, «французский министр иностранных дел предложил тунисскому правительству помощь в форме полицейских формирований для борьбы с беспорядками и содействие в полицейской охране общественного порядка», а Еврокомиссия никак не отреагировала на это предложение²⁹.

Таким образом, политика Брюсселя в регионе после «одинадцатого сентября» и в рамках Союза для Средиземноморья во второй половине 2010-х годов довольно отчетливо обрела форму «платы за стабильность», а адресный подход к партнерству на деле строился по принципу «всем сестрам по серьгам». При этом такой «прагматизм» Брюсселя делал его программы содействия все более обременительными и в финансово-экономическом плане, и в морально-политическом, а достижение поставленных целей и задач — все более сложным и проблематичным. В этом смысле «арабская весна» не только разрушила сформировавшиеся политические установки и механизмы отношений Евросоюза со странами региона, но и открыла по существу уникальную возможность отказаться от прежней практики. При этом Евросоюз исходит из «исторического масштаба» разворачивающихся событий, являющихся отражением глубоких трансформационных процессов, и из того, что они «будут иметь последствия долгосрочного характера не только для стран региона, но и для остального мира и для ЕС в частности»³⁰.

«Партнерство с Южным Средиземноморьем» стало попыткой ЕС преодолеть неэффективность своей традиционной политики в регионе, притом неоправданно затратной, единственно возможным путем — формированием проактивного подхода. Как отмечается в документе, Евросоюз, осознавая все риски неопределенности и сложности, связанные с трансформационными процессами в регионе, «должен сделать ясный стратегический выбор в поддержку стремления к тем принципам и ценностям, которым он привержен». Именно «по этим причинам ЕС не должен быть пассивным наблюдателем»³¹.

Вместо дискредитировавшего себя курса на поддержание стабильности и безопасности на приемлемом уровне, при общей терпимости в отношении официальных партнеров в лице авторитарных и коррумпированных режимов, Евросоюз признал необходимым добиваться

²⁷Mise en œuvre de la politique européenne de voisinage en 2009. Rapport de Suivi Tunisie. Document de travail des Services de la Commission, accompagnant la Communication de la Commission au Parnement Européenne et au Conseil. — Bruxelles, 12/05/2010, SEC(2010) 514.

²⁸Tunisie. Programme Indicatif National. 2011–2013.

²⁹European Parliament. Debates. Monday, 17 January 2011: Strasbourg (<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110117+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=EN>).

³⁰A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 2.

³¹Ibid. P. 2.

своих целей посредством повышения активной вовлеченности в демократическое развитие региона. При этом линия на поощрение «лучших» и мотивацию «отстающих» может оказаться довольно продуктивной в ситуации, когда новые политические силы, сменившие обрушившиеся режимы, жизненно заинтересованы в поддержке со стороны Евросоюза, как политической, так и экономической. Однако неясно, насколько долго будет сохраняться такая критическая заинтересованность и насколько она будет в действительности мотивировать новые арабские режимы проводить реальные демократические преобразования. С другой стороны, открытым остается и вопрос о том, насколько сам Евросоюз сможет придерживаться принципа обусловленности, если события в Южном Средиземноморье, что весьма вероятно, будут развиваться в ином русле, не соответствующем европейским представлениям о демократии.

Новая средиземноморская стратегия может в определенной мере рассматриваться и в контексте еще одного вызова европейской безопасности, усилившегося многократно с приходом «арабской весны» — нелегальной иммиграции и потоков беженцев. После революции в Тунисе эта проблема становилась все острее, заставив европейцев уже в конце февраля 2011 г. заговорить о сотнях тысяч потенциальных беженцев с севера Африки или даже миллионе мигрантов, которые, по данным «Би-Би-Си», рассчитывают перебраться из Ливии в Европу³². Министр иностранных дел Италии Франко Фраттини предупредил, что Европа может столкнуться с «исходом библейского масштаба», если туда хлынет из Ливии «волна от 200 до 300 тысяч иммигрантов»³³. Глава итальянского МВД Р. Марони подтвердил, что его страна стоит «на пороге гуманитарного ЧП», и ЕС должен предпринять для его предотвращения все необходимые меры³⁴. Поток беженцев, хлынувших на небольшой итальянский остров Лампедуза, и возникшая там взрывоопасная социальная ситуация подтвердили серьезность высказанных опасений³⁵. На февральском Совете министров внутренних дел шести средиземноморских стран ЕС подняли вопрос о необходимости общего механизма приема беженцев, позволяющего расселять их по всему Евросоюзу. В дальнейшем вопросы европеизации усилий в этой сфере постоянно находились в фокусе европейской политики, провоцируя серьезные внутренние разногласия и усиливая национальный протекционизм.

Эти аспекты европейской политики относятся преимущественно к сфере внутренних дел и правосудия и являются темой отдельного анализа, но в контексте внешней политики ЕС важно отметить два обстоятельства. Первое — меры экстренного реагирования в ответ на массовый поток беженцев были необходимы, но недостаточны: этот многоаспектный вызов требовал поиска новых ответов и комплексных решений, в том числе в рамках отношений с южно-средиземноморскими партнерами. Одним из очевидных ответов,

³²Юг Европы не хочет в одиночку принимать мигрантов / BBC. Русская служба, 24 февраля 2011 г. (http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/02/110224_eu_asylum_revamp.shtml).

³³«Аль-Каида» захватила первый город / МК.RU, 24 февраля 2011 г. (<http://www.mk.ru/politics/article/2011/02/24/568131-alkaida-zahvatila-pervyy-gorod.html>).

³⁴Юг Европы не хочет в одиночку принимать мигрантов / BBC.

³⁵С начала года через Лампедузу прошли до 20 тысяч беженцев. К середине марта там собрались почти шесть тысяч нелегальных иммигрантов, что превышало численность местного населения (см.: Юрий Дерябин. Беженцы громят итальянский остров / Ежедневная электронная газета Утро.ru, 04 апреля 2011 г. (<http://www.utro.ru/articles/2011/04/04/966646.shtml>)).

который должны были дать европейские правительства, является формирование условий, кардинально снижающих мотивацию населения к бегству из своих стран. Приоритеты и механизмы, предусмотренные в новой средиземноморской стратегии ЕС, во многом отвечают этой цели. И не только ее ориентация на стабильное экономическое развитие и трансформацию общественно-политических систем арабских государств, но и такие акценты, например, как адресная поддержка молодежи и женщин, системы образования и местных рынков рабочей силы, улучшение условий легальной мобильности и т.д.

Вторым важным аспектом является то, что «арабская весна» стала для ЕС не только внешним вызовом, но и прямой угрозой внутренней безопасности стран-участниц. Это, в свою очередь, стало существенным фактором, усиливающим различия и разногласия между ними, прежде всего — между средиземноморскими и остальными странами ЕС, но не только. В связи с введением отдельными странами-участницами защитных механизмов (пограничный и таможенный контроль и т.д.) Еврокомиссия внесла ряд предложений о запрете односторонних решений о временных мерах пограничного контроля, что добавило к разногласиям между странами внутриинституциональное противостояние в ЕС. Понятно, что подобные конфликты интересов в крайне чувствительных сферах национального суверенитета порождают целый ком проблем во взаимоотношениях стран-участниц, проецируясь, в том числе, и на их восприятие и подходы к урегулированию кризисных ситуаций в Средиземноморье.

Ливийский кризис: вызов европейскому единству

После падения режима Хосни Мубарака готовность ЕС к более решительным действиям усилилась, чему способствовали три важных обстоятельства. Во-первых, осознание проявленной на первоначальной фазе кризиса европейской слабости, пассивности и непоследовательности, особенно в том, что касается осторожности по отношению к лидерам и режимам, которые впоследствии все-таки были свергнуты. Во-вторых, когда фактически одновременно с «народной победой» в Египте резко обострилась ситуация в Ливии, это окончательно убедило ЕС в необратимости и масштабности происходящих событий и изменений и, следовательно, в необходимости строить свою политику исходя именно из революционного сценария, уже возобладавшего в Тунисе и Египте. В-третьих, возросла и способность Евросоюза действовать более продуманно и решительно. ЕС признал необходимым кардинально пересмотреть свою Средиземноморскую политику и определился с ее основными параметрами. В то же время Брюссель развернул свои новые внешнеполитические механизмы, одновременно перенастроив их на задачи кризисного регулирования в регионе и апробировав их там в «полевых условиях». В результате Евросоюз, несмотря на нарастающий вал «арабской волны», в какой-то мере даже обрел большую уверенность.

Официальная позиция Евросоюза в отношении начавшегося ливийского кризиса хотя формально и базировалась на его «египетских» подходах, изначально формулировалась много более жестко: ливийский народ вправе сам выбирать своих лидеров, но Каддафи должен

немедленно прекратить кровавые репрессии и начать диалог с противниками. При этом многие европейские политики, в том числе тогдашний президент Европарламента Ежи Бузек, сразу публично заявив, что Каддафи полностью потерял легитимность и должен уйти, обозначили вектор европейского курса. Через несколько дней Баррозу, который столкнулся с серьезной парламентской критикой в адрес Еврокомиссии за ее невнятную линию в ответ на события в Тунисе и Египте, первым среди высших руководителей ЕС публично поддержал позицию Бузека.

Ливийский курс ЕС, в отличие от недостаточной оперативности и целевой неопределенности политики по Тунису и Египту, был в целом выстроен много более четко и в сжатые сроки. В течение нескольких дней странам ЕС удалось договориться по основным параметрам политической позиции ЕС, которая ориентировалась на резолюцию СБ ООН 1970, принятую 26 февраля при активной европейской поддержке.

В ответ на усиление репрессий со стороны режима М. Каддафи в отношении участников протестов, ЕС 22 февраля прекратил переговоры с ним по Рамочному Соглашению. Франция и Люксембург присоединились к требованию Финляндии и Германии ввести санкции против правящего режима, хотя ряд европейских стран (прежде всего, Италия, Мальта и Кипр) временно оказались к этому не готовы. Но принципиальное согласие о введении санкций все же было достигнуто уже на следующий день в рамках посольской встречи Комитета по политике и безопасности ЕС (КПБ). Комитет образовал экспертную группу для рассмотрения всех возможных вариантов — от замораживания счетов и отказа в визах до эмбарго на поставки вооружений и прекращения всех экономических и финансовых связей. Одновременно ЕС начал подготовку к эвакуации пяти-шести тысяч его граждан из Ливии.

25 февраля КПБ ЕС решил заморозить активы и запретить выдачу виз лицам, виновным в репрессиях против ливийской оппозиции, и ввести эмбарго на поставку вооружений. Одобрил резолюцию СБ ООН 1970, содержащую аналогичные санкции, Совет ЕС 28 февраля утвердил также «сопутствующие меры»: запрет на поставку оборудования и материалов, которые могут быть использованы против демонстрантов; дополнения к спискам ООН на замораживание счетов и запрет на выдачу виз. Одновременно Еврокомиссия выделила на чрезвычайную гуманитарную помощь 3 млн. евро (стандартная, по правилам ЕС, сумма на эти цели) — в основном на срочные поставки медикаментов и на помощь беженцам на границах Ливии с Тунисом и Египтом. А президент Франции Н. Саркози предложил созвать чрезвычайное заседание Евросовета для принятия «совместной стратегии в отношении ливийского кризиса, последствия которого могут оказаться действительно очень серьезными для всего региона».

Служба К. Эштон подтвердила, что ЕС уже занимается установлением контактов с оппозиционным Переходным Советом, и это означает, что Брюссель прекратил все отношения с режимом Каддафи. Однако такая неопределенность с конкретными политическими адресатами ЕС ослабляла внутреннее единство европейской позиции как основы действий стран-участниц, провоцируя их на односторонние дипломатические шаги и контакты. В то время как официальный Брюссель отказался от любых контактов с режимом Каддафи, его

эmissаров принимали в некоторых других европейских столицах — для поиска возможного политико-дипломатического решения³⁶.

Вместе с тем ответ Евросоюза уже не был простым набором тех или иных мер и шагов в попытках сдерживания эскалации и восстановления порядка. Действия ЕС обрели более ясную направленность и соответственно комплексный характер. В ливийском контексте оформился и начал отрабатываться довольно понятный и четкий алгоритм практической политики ЕС в сфере кризисного реагирования и регулирования, включающий широкий арсенал методов, средств и инструментов — от определения конкретных политико-дипломатических позиций до последовательного наращивания давления в сочетании с чрезвычайными мерами гуманитарного характера. Это давало Брюсселю ряд весомых преимуществ.

Во-первых, заметно повысилась «производительность» ЕСВД, а внутренняя критика в отношении Брюсселя и общих политических механизмов ЕС была направлена на повышение их эффективности. Это, в свою очередь, укрепляло готовность и способность стран-участниц договариваться и формировать общие позиции и, напротив, в определенной мере сдерживало опасное усиление тренда ренационализации европейской политики. Во-вторых, более ясная политика давала более ясные сигналы и ориентиры — и ее непосредственным адресатам, в данном случае участникам противостояния в Ливии, и другим арабским странам и обществам, и широкому кругу дипломатических партнеров ЕС в мире, включая, прежде всего, членов СБ ООН. В-третьих, комплексный алгоритм антикризисной политики ЕС обеспечивал большую политическую гибкость и оперативность — соответственно развитию конкретной ситуации. Обозначив свой принципиальный курс, Евросоюз мог в его рамках варьировать конкретные ответные меры, их набор и объем.

Это крайне важно не только в политическом плане, но и с точки зрения достижения эффективной управляемости в быстро меняющейся кризисной ситуации, когда счет может идти не только на дни, но даже на часы. Например, решения Совета ЕС 28 февраля по Ливии принимались с учетом сообщения К. Георгиевой, еврокомиссара по гуманитарной помощи и кризисному реагированию ЕС, которая заявила, что за последние часы ситуация в Ливии значительно ухудшилась. Затем, с учетом этого, президент ЕК Ж.М. Баррозу объявил 2 марта о решении немедленно увеличить гуманитарную помощь с 3 до 10 млн. евро, а через несколько дней — до 30 млн. Понятно, что в данном случае речь идет не столько об объемах помощи, сколько о проявлении европейской гибкости, включая способность брюссельской технократии к оперативному реагированию — даже в сложных в процедурном отношении вопросах финансового обеспечения политики. В то же время Евросоюз стремился последовательно сочетать оперативные политические действия с внесением необходимых изменений в общую практику своих отношений с региональными партнерами. Для внеочередного саммита ЕС 11 марта Служба К. Эштон подготовила доклад, официально опубликованный Еврокомиссией, где был представлен обзор всех существующих соглашений и программ помощи ЕС, которые необходимо привести в соответствие с ситуацией, возникшей в результате крушения диктатур в Тунисе и Египте и развернувшейся гражданской войны в Ливии.

³⁶3–4 апреля 2011 года замминистра иностранных дел Ливии А. Лаабиди посетил Грецию, Турцию и Мальту.

Однако, несмотря на возросшую решимость, продуманность и последовательность политики ЕС, в ливийском контексте обозначились значимые различия в подходах стран-участниц и соответствующие ограничения общей внешней политики. Они проявились уже в преддверии и в ходе «программного» мартовского саммита ЕС. На саммите удалось договориться по принципиально важному пункту — лидеры стран ЕС заявили, что Каддафи «должен уйти». Вполне логичным в этой связи стало и введение новых санкций, резко ограничивающих возможности режима распоряжаться ресурсами ливийских финансовых институтов — Государственного фонда, Инвестиционного управления и Центрального банка. Тем не менее сохранялась общая неопределенность относительно того, насколько далеко готов пойти Евросоюз в противодействии Каддафи. Настроения и позиции, национальные и политические, расходились по столь значимым вопросам как военное противодействие режиму, масштаб и направленность санкций, возможность гуманитарных интервенций со стороны ЕС, поддержка оппозиции, признание Национального переходного совета (НПС).

Европейские «активисты» во главе с Францией призывали к жестким и решительным мерам, к чему были не готовы многие их партнеры. Еще на неофициальной встрече министров обороны ЕС 24–25 февраля (с участием К. Эштон и генсека НАТО А. Фог Расмуссена) французский министр А. Жюппе (через два дня ставший главой МИДа) вынес на обсуждение вопрос, не стоявший в повестке, — о введении в Ливии запретной для полетов зоны, чтобы Каддафи не мог бомбить оппозицию. К. Эштон в ответ заявила, что ЕС готов поддержать любое решение предстоящей внеочередной сессии СБ ООН, но вопрос о военном вмешательстве в Ливии пока не рассматривается.

Споры в Евросоюзе вокруг ключевого вопроса его ливийской политики — о введении в стране свободной от полетов зоны — разгорелись на мартовской сессии Европарламента. Этого настойчиво добивались приглашенные представители НПС — бывший министр национального плана развития Махмуд Джебрил и бывший посол Ливии в Египте Али аль-Исави. Однако при общем понимании депутатами необходимости усиления борьбы с режимом Каддафи и увеличения помощи повстанцам и беженцам, по ключевому вопросу о бесполетной зоне между парламентскими группами выявились разногласия. Крупнейшая фракция ЕНП — Либеральные Демократы и Зеленые — решительно выступили за такое решение. Евросовет, по словам лидера АЛДЕ Г. Верхофстадта, должен четко определить цель ЕС — сделать все, чтобы Каддафи не смог победить, поддержать тех, кто сражается с ним, и предотвратить гражданскую войну. Фракция социал-демократов заняла сдержанную позицию, призвав найти средний путь между желанием оказать немедленную помощь и военной интервенцией, которая может состояться лишь на основе мандата ООН и с участием Лиги арабских государств (ЛАГ).

Однако уже на этом этапе проявились различия в понимании того, что конкретно подразумевает решение о бесполетной зоне и каковы могут быть последствия. Как полагал лидер Зеленых Д. Кон-Бендит, «ясно, никто не собирается бомбить Ливию», речь может идти только о том, например, чтобы сбить взлетевший самолет. Он подчеркнул, что такое решение — прежде всего «политический акт», направленный на изоляцию Каддафи. М. Портас от имени фракции объединенных левых выступил против «любой формы военной интервенции»,

включая введение бесполетной зоны, «которая может открыть дверь для такой интервенции»: «мы знаем, как такие военные интервенции начинаются, и мы знаем, что начавшись, они не прекращаются». М. Шульц также предостерег от поспешных инстинктивных решений, которые «могут оказаться опасными в долгосрочном плане»³⁷.

Несмотря на возросшую поддержку идеи бесполетной зоны (в том числе со стороны ЛАГ) и остроту проблемы, а скорее, понимая ключевое значение соответствующих решений, К. Эштон продемонстрировала, что ЕС к ним пока не готов, в том числе и потому что «бесполетная зона по определению означает различные вещи для разных людей» и необходимы дополнительные консультации. Она не поддержала и пункт парламентской резолюции с прямым призывом к ней установить отношения с НПС и инициировать его официальное признание, поскольку, по мнению Эштон, это прерогатива стран-членов, т.е. Евросовета³⁸. Жаркие споры и разногласия по бесполетной зоне так и не заставили руководителя внешнеполитической службы ЕС высказаться по существу проблемы. Она заявила, что это не ее работа — занимать ту или иную сторону, а введение бесполетной зоны проблематично, пока такая необходимость не станет очевидной для всех.

Это рельефно обозначило фундаментальную двуединую проблему ЕС — с одной стороны, пределы формирования активной общей европейской политики в условиях различных позиций стран-участниц, с другой стороны — пределы, за которыми те или иные страны ЕС (и политические силы) не могут более мириться с дефицитами общей политики, которые препятствуют реализации их значимых интересов.

Президент Франции Н. Саркози, неудовлетворенный амбивалентностью ливийской позиции ЕС, предпринял попытку разрешить эту дилемму ОВПБ, заострив проблему политического выбора Союза. Французский президент, неожиданно для своих европейских партнеров, объявил после встречи с эмиссарами НПС в Париже 10 марта о признании Совета в качестве единственного легитимного представителя ливийского народа, пообещав обмен послами. Этот шаг, предпринятый без консультаций с партнерами, конечно, шел вразрез с общей культурой достижения политических компромиссов в ЕС и, по сути, разрушал с таким трудом отлаженный процесс выработки Союзом общих платформ и решений в отношении Средиземноморского региона. Мотивация Саркози в целом понятна. Он пытался сместить вектор европейской политики в сторону французского подхода и повести за собой Европу. Франция обеспечила бы себе передовые позиции в рамках ливийской политики Евросоюза и, следовательно, могла бы в перспективе рассчитывать на особое место и роль и в Ливии, и — шире — в регионе. Даже в случае, если бы европейские партнеры Франции отказались бы следовать за ней, Саркози обретал дополнительные возможности и влияние, позиционируя себя в качестве «лучшего друга оппозиции», «бескомпромиссного борца с тиранией, за свободу и демократию», а внутри страны вполне резонно рассчитывал набрать дополнительные очки в предвыборной президентской кампании. Однако угол падения

³⁷European Parliament. 6. Southern Neighbourhood, and Libya in particular, including humanitarian aspects (debate). Wednesday, 9 March 2011. Strasbourg. (<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20110309&secondRef=ITEM-006&language=EN>).

³⁸European Parliament resolution of 10 March 2011 on the Southern Neighbourhood, and Libya in particular. P7_TA(2011)0095. Thursday, 10 March 2011. Strasbourg.

равен углу отражения, и такой откровенный нажим мог обернуться против Н. Саркози и его политики — как в случае вполне понятного раздражения партнеров и их сопротивления такому нажиму, так и в том случае, если они будут вынуждены следовать за «лидером» под его давлением.

Следует отметить, что партнеры Франции и Евросоюз были поставлены в крайне затруднительное положение, учитывая особый момент, выбранный президентом Саркози для объявления своего решения. В этот день завершились парламентские дебаты по Ливии, и принятая подавляющим числом голосов (584 из 620) резолюция с призывами к решительным мерам и признанию НПС усилила позицию Н. Саркози. А на следующий день, 11 марта, был запланирован внеочередной саммит, как раз чтобы договориться, по словам председателя Евросовета Х. Ван Ромпея, об общем политическом векторе действий в ответ на события в Ливии и в других странах арабского мира, вставших на путь перемен.

Однако на вечернем заседании Совета министров накануне саммита Францию не поддержал никто. Согласно комментариям К. Эштон, идея наладить диалог с оппозицией была верной, и Комиссия поддерживает с ней контакты, но решение о легитимности НПС должна принимать, прежде всего, ЛАГ, но не ЕС. Н. Саркози счел правильным не идти на обострение и отступил назад. В его совместном с Д. Кэмероном послании Ван Ромпею в преддверии саммита говорится только о «кооперативном диалоге» с НПС и поддержке его усилий «подготовить репрезентативное и ответственное правительство».³⁹ В то же время франко-британское послание указывает на необходимость быть готовыми к любым решениям, включая «бесполетную зону или другие варианты противодействия воздушным атакам», в сотрудничестве с союзниками по НАТО и региональными партнерами.

Партнеры Франции были явно раздражены ее «сумасшедшим шагом», по характеристике нидерландского премьера Марка Рютте. Премьер-министр Люксембурга подчеркнул: «Для европейцев правильно принимать решения на совместных встречах, а не за день до них»⁴⁰. По сути проблемы, многие страны-участницы настаивали, что дипломатическое признание в любом случае должно быть адресовано странам, а не политическим группам. Ситуация в Ливии, которая трактовалась в ЕС уже как гуманитарная катастрофа (из страны к тому моменту бежали и были эвакуированы 250 тыс. человек), объективно требовала принятия более жестких мер. На саммите было зафиксировано понимание, что «проблема имеет имя: Каддафи. Он должен уйти» (по выражению Ж.-М. Баррозу)⁴¹, а это означало необходимость принятия соответствующих решений и действий. В итоговом заявлении лидеры стран ЕС назвали НПС политическим партнером по переговорам, хотя тем самым и не признали за ним исключительных прав представительства, считая важным поддерживать диалог со всеми оппозиционными силами. Многие страны — участницы настаивали, что дипломатическое признание в любом случае должно быть адресовано странам, а не политическим группам. Саммит не поддержал и франко-британскую линию в

³⁹Letter from the PM and President Sarkozy to President Van Rompuy. Thursday 10 March 2011 / The official site of the British Prime Minister's Office (<http://www.number10.gov.uk/news/letter-from-the-pm-and-president-sarkozy-to-president-van-rompuy>).

⁴⁰Crazy move by Sarkozy on Libya: Dutch Premier/ The Indian Express, Fri Mar 11 2011. (<http://www.indianexpress.com/news/crazy-move-by-sarkozy-on-libya-dutch-premie/761224>).

⁴¹EU leaders want Gaddafi out, but split over how to do it / The International Business Times, March 11, 2011 (<http://www.ibtimes.com/articles/121735/20110311/libya-eu.htm>).

отношении военной акции в Ливии (в обеспечение бесполетной зоны): по мнению большинства государств-членов ЕС, это должно обсуждаться в ООН, ЛАГ и НАТО.

Берлин против Парижа

Стало понятно, что в Евросоюзе наметился раскол, и поэтому Брюсселю необходимо, насколько возможно, избегать прямого столкновения позиций, сохранять политическую гибкость, оставляющую расходящимся во мнениях странам-участницам достаточное поле для маневра. Заявление внеочередного мартовского Евросовета о том, что ЕС глубоко озабочен воздушными атаками Каддафи и предпримет все необходимые меры для защиты мирного населения Ливии, означает, что Евросоюз оставляет открытыми двери для интервенции, хотя и прикрывая их дипломатическими жалюзи. Поэтому Н. Саркози и Д. Кэмерон выразили удовлетворение итоговым документом Совета, тогда как противники военной акции, прежде всего Германия, были удовлетворены сдержанностью ЕС.

Однако подобная «гибкость», как вынужденная реакция на неспособность к коллективным ответам, хотя и позволяла в определенной мере сгладить текущие разногласия, в конечном счете лишь усилила их.

Германия воздержалась при голосовании резолюции 1973 СБ ООН от 17 марта⁴² (принятой в ответ на обращение ЛАГ от 12 марта), которая усилила санкции против режима Каддафи и ввела бесполетную зону⁴³. Евросоюз, естественно, заявил о своей полной поддержке, но ФРГ заняла особую позицию, аргументировав ее своим неучастием в военных действиях. Х. Ван Ромпей и К. Эштон в совместном заявлении подтвердили, что «Европейский Союз готов выполнять эту резолюцию в рамках своего мандата и компетенций»⁴⁴.

Теперь уже немецкая позиция многими в Европе (да и в самой Германии) стала восприниматься как подрыв единого фронта борьбы с Каддафи и европейской солидарности перед лицом масштабных вызовов «арабской весны». «Германия предпочла приоритезировать внутреннюю мотивацию, когда потребовалось сделать трудный выбор на международном уровне»⁴⁵. Это расшатывало единство в ключевой момент, когда Европа должна была подтвердить на деле свою готовность «не упустить историческую возможность поддержать революционные движения» и способность взять на себя соответствующую воз-

⁴²Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года / Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. S/RES/1973 (2011). Distr.: General. 17 March 2011.

⁴³Канцлер ФРГ А. Меркель в качестве главной причины отказа голосовать «за» назвала «подразумеваемый автоматизм» участия Германии в авиационной операции в случае поддержки ею резолюции. Однако, по свидетельству журнала «Шпигель», в ответ на запрос депутата бундестага от СДПГ Гернота Эрлера правительство сообщило о 16 случаях, когда Германия на дипломатическом уровне поддерживала военные операции, в которых не принимала участия (Merkels merkwuerdige Rechtfertigung / Spiegel Online Politik, 04.09.2011).

⁴⁴Joint statement by President of the European Council Herman Van Rompuy, and EU High Representative Catherine Ashton on UN Security Council resolution on Libya. PCE 072/11. A 110/11. Brussels, 17 March 2011. ([http://www.european-council.europa.eu/the-president/press-releases-\(new\).aspx?lang=en&page=10](http://www.european-council.europa.eu/the-president/press-releases-(new).aspx?lang=en&page=10)).

⁴⁵Richard Rousseau. Why Germany Abstained on UN Resolution 1973 on Libya / Foreign Policy Journal - June 22, 2011 / Available at: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2011/06/22/why-germany-abstained-on-un-resolution-1973-on-libya/>

росшую роль и ответственность. Немецкая оппозиция создавала большие проблемы для ЕС и его ОВПБ, чреватые серьезными последствиями. Германия затрудняла консолидацию политики Евросоюза в направлении франко-британской линии, к чему уже готовы были многие страны ЕС, особенно после принятия резолюции Совбеза⁴⁶. Но все было еще серьезнее: общая внешняя политика ЕС в целом дала глубокую трещину под ударами односторонних решений, идущих вразрез с коллективными интересами. Отныне, как отмечает «Нью-Йорк Таймс», в свете германского решения «идея единой европейской внешней политики предстает далекой как никогда, даже если первой солидарность нарушила Франция, неожиданно признав ливийскую оппозицию в качестве законной власти в стране»⁴⁷. После французской игры на опережение с признанием НПС «особая позиция» Германии убедительно продемонстрировала, что подобный крен к унилатерализму уже нельзя считать исключением. Напротив, европейские столицы и Брюссель вынуждены в значительно большей степени учитывать снижение национальных мотиваций к формированию общих подходов и, следовательно, исходить в процессе политического планирования из расчета наименьшего знаменателя ОПБО. Особенно если учесть, что речь идет о таких тяжеловесах в ЕС, как ФРГ или Франция. «Когда все государства — члены ЕС единодушно поддерживали военную акцию в Ливии, отказ Германии согласиться с их позицией имеет последствия для ее соседей, поскольку Германия обладает большим влиянием в ЕС, чем большинство других его членов, и это показало, что она не боится использовать его, чтобы воспрепятствовать формированию общей позиции, которая ее не устраивает»⁴⁸.

Разрушительное воздействие на ОПБО и, в частности, на политику ЕС в Ливии и Средиземноморье оказывает и то, что Германия нарушила стратегическую связку с Францией, считающуюся приводным механизмом европейской интеграции и строительства ОВПБ. Более того, очевидно, именно желание сдерживать средиземноморскую активность Франции и ее унилатерализм дало Германии весомые основания, в ряду других публичных аргументов, для «особой позиции» по ливийской проблеме. Причем ливийский кризис лишь обострил сдерживаемое франко-германское соперничество в регионе, открыто проявившееся уже в начальный период продвижения Францией (в 2007 г.) проекта Средиземноморского союза. Это обострение отношений произошло на фоне образования нового влиятельного «ливийского тандема» Лондоном и Парижем, подписавшими незадолго до «арабской весны» Договор о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности⁴⁹. В случае поддержки тандема Германией, это могло бы стать мощным фактором укрепления общей политики и роли ЕС, а в отсутствие такой поддержки произошло прямо противоположное — политический раскол. «Позиция Германии имеет критическое значение для любого возможного перевода двусторонних инициатив в многостороннее усиление европейской оборонной политики»;

⁴⁶Проект Резолюции 1973 был выдвинут на обсуждение в СБ ООН Великобританией, Францией и Ливаном, в подготовке проекта принимали активное участие США.

⁴⁷Steven Erlanger and Judy Dempsey. Germany Steps Away From European Unity / The New York Times, March 23, 2011.

⁴⁸Richard Rousseau. Why Germany Abstained on UN Resolution 1973 on Libya.

⁴⁹Treaty between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic for Defence and Security Co-operation. London, 02 November 2010.

но Германия, являясь единственной сравнимой с Францией и Великобританией страной, имеет существенно отличные от них взгляды на экспедиционные операции⁵⁰.

Дело усугублялось и тем, что до минимальной отметки упали котировки «единой Европы» в Вашингтоне, где ожидали, что она наконец-то может взять на себя особую роль и ответственность в контексте «арабской весны», особенно в ее ключевой момент — борьбы с Каддафи. К тому же отказ Германии поддержать военную операцию, руководствуясь внутренними соображениями, резко контрастирует с «жертвой» Соединенных Штатов, которые решились связать свою стратегию с многонациональной акцией, а не с действиями под собственным управлением⁵¹. Позиция Германии в очередной раз убедила Вашингтон, что не «Единая Европа», а европейские союзники являются адресатами американской и тем более атлантической политики. В свою очередь, в европейских столицах, так и не получивших дополнительных возможностей и стимулов реализовывать свои американские приоритеты в рамках общей политики безопасности ЕС, укрепилось понимание важности, если не безальтернативности партнерства с США в межгосударственном и североатлантическом форматах.

Германский демарш не только не ослабил, но даже усилил решимость Франции и Великобритании действовать, поскольку резолюция ООН открывала такую возможность, а проблемы с формированием европейского концерта вполне оправдывали «сольное выступление». Президент Саркози собрал 19 марта в Париже чрезвычайный саммит по Ливии с участием европейских лидеров, стран ЛАГ и генерального секретаря ООН. В итоговой декларации, подписанной также А. Меркель, отмечается, что участники «решительно настроены предпринять все необходимые действия, включая военные, в соответствии с Резолюцией 1973 СБ ООН в обеспечение всех ее положений и требований»⁵². По завершении саммита французский премьер-министр Ф. Фийон подтвердил, что время до начала операции исчисляется часами, и вечером 19 марта 2011 г. Франция, а затем Великобритания и США начали военную акцию по обеспечению бесполой зоны и «защите гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, в Ливийской Арабской Джамахирии, включая Бенгази»⁵³.

В очередной раз события опережали Евросоюз, который оказывался в роли ведомого. Н. Саркози перехватил инициативу и готов был повести за собой ЕС, как он уже сделал это во время войны в Грузии в августе 2008 г. Однако на этот раз ситуация была принципиально другой. Во время Грузинского кризиса Франция председательствовала в ЕС и, взяв на себя крайне важную роль европейского представителя и посредника в переговорах, действовала от лица Союза, преодолевая инертность его политической машины и механизмов кризисного реагирования.

Парижский саммит состоялся в совершенно другой обстановке. Резолюция ООН давала Евросоюзу необходимую платформу для выработки коллективного ответа, несмотря на разногласия относительно военных мер. На 21 марта был запланирован Совет министров

⁵⁰Ben Jones. Franco-British military cooperation: a new engine for European defence? Occasional Paper 88, February 2011 / European Union Institute for Security Studies, Paris, 2011, — p. 38, 47.

⁵¹UN no-fly zone over Libya: what does it mean?. Posted by Samira Shackle — 18 March 2011 08:57 / The New Statesman / Available at: http://www.newstatesman.com/blogs/the-staggers/2011/03/libya-military-resolution-fly?utm_content=NewState&utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter&utm_campaign=NewState

⁵²Paris Summit for the support to the Libyan people. 19 March 2011. Communiqué.

⁵³Резолюция 1973 (2011), п. 4.

иностранных дел ЕС — для обсуждения ситуации в Ливии в контексте Резолюции 1973 и подготовки соответствующих решений Еросовета 24–25 марта. Поэтому Парижский саммит объективно для многих в ЕС был, во-первых, шагом к формированию (или восстановлению) внутреннего единства и политического баланса, позволявший, в том числе, учесть французские амбиции и в то же время не антагонизировать Германию. Во-вторых, французская инициатива укрепляла международный контекст ливийской политики Евросоюза и, что особенно важно для него, — опору на поддержку арабских стран и возросшую роль и ответственность ЛАГ. Но Париж хотел к тому же использовать эту общую мотивацию в интересах закрепления собственного лидерства и консолидации франко-британской линии в политике ЕС.

Стремясь встать в европейском авангарде, Франция добивалась не только преимуществ внутри ЕС, но также укрепления своей особой роли как в арабо-средиземноморском регионе, так и в отношениях с США. Активность и лидерство также позволяли Н. Саркози нейтрализовать критику в связи с провалами французской политики в Средиземноморье, крахом Союза для Средиземноморья и даже попытаться набрать на этом поле новые очки в преддверии президентских выборов во Франции в апреле 2012 г.⁵⁴ Поэтому для Парижа в этой политической партии главными, очевидно, являлись мотивы собственного активного лидерства, подтягивания под себя политики Евросоюза, а не стремление к компромиссной европейской платформе с учетом различия в интересах.

Вряд ли европейские партнеры Франции не видели и не понимали этих амбиций. Кто-то закрывал на них глаза, чтобы не обострять отношений или чтобы остаться в стороне и избежать собственной ответственности. В других европейских столицах, как, вероятно, в Берлине или Варшаве, усиливалось понимание необходимости противостоять французской экспансии, но не было возможности делать это напрямую. В любом случае, французский напористый национализм, который Париж к тому же пытался прикрыть знаменами общих европейских и международных интересов, вызывал в Евросоюзе возрастающие опасения и внутреннее отторжение. Президент Саркози, все более следуя девизу Наполеона «ввязаться в бой, а там посмотрим» и его наступательной логике, тянул за собой партнеров, что грозило им серьезными дипломатическими проблемами и политическими потерями. С одной стороны, это провоцировало нарушение внутриевропейских балансов и нарастание противоречий; с другой стороны, вынужденные шаги в русле французской политики заставляли страны ЕС и Союз в целом разделять с Парижем соответствующие риски, во многом неоправданные с точки зрения их собственных интересов.

В результате Совет ЕС 21 марта вынужден был обсуждать ситуацию в Ливии не столько с точки зрения возможных европейских ответов на основе резолюции ООН, сколько исходя из уже свершившегося факта — военной операции, начатой Францией (в коалиции с Великобританией и США) без предварительных консультаций в ЕС. Другим фактом, определявшим

⁵⁴Внутриполитическая цена ливийской политики Н. Саркози в это время оказалась чрезвычайно высока. Его партия «Союз за народное движение» потерпела серьезное поражение на первом туре кантональных выборов 20 марта (17% против 25% у социалистов и сенсационных 15,18% у Национального фронта). Ставка на решимость, лидерство и победу в борьбе с Каддафи могла развернуть симпатии электората и в перспективе изменить в пользу Саркози предвыборную ситуацию во Франции.

контекст встречи, стала критика, прозвучавшая накануне, т.е. на следующий день после начала операции, со стороны ЛАГ, а также Африканского Союза. По словам Амра Мусы, генерального секретаря ЛАГ (уже тогда объявившего о решении баллотироваться на пост президента Египта), начавшиеся боевые действия вышли за рамки мер, необходимых для выполнения резолюции ООН и защиты мирных жителей в Ливии: Лига выступала за создание бесполетной зоны, но никак не за бомбардировки, включая столицу страны Триполи. Последовавший комментарий «Washington post» отражал преобладавшую оценку происшедшего: «Отказ в поддержке со стороны Арабской Лиги, даже частичный, может привести к крупному поражению американо-европейской кампании», особенно учитывая, что «западные лидеры, за два дня до начала бомбардировок, размахивали решением Арабской Лиги (в поддержку бесполетной зоны. — Д. Д.) в качестве обоснования собственного военного решения и как оружием в дебатах по принятию резолюции Совета Безопасности ООН»⁵⁵. Появились сообщения о том, что если критицизм ЛАГ сохранится и к операции не присоединится никто из ее членов, США могут выйти из коалиции, фактически не оставляя иного выбора Франции и Великобритании⁵⁶.

В этих условиях скептические настроения в Евросоюзе усилились, и на Совете не удалось преодолеть различий в позициях между Францией и Великобританией, с одной стороны, и рядом других стран, прежде всего Германией и Польшей⁵⁷, — с другой, хотя французский министр иностранных дел А. Жюппе пытался убедить коллег в том, что без военного вмешательства Бенгази «был бы теперь кровавой бойней»⁵⁸. Г. Вестервелле подтвердил, что Германия по-прежнему отказывается участвовать в коалиционной операции «Одиссея Рассвет», поскольку с ней изначально связано слишком много рисков, и эти озабоченности подтверждаются недавними оценками, прозвучавшими со стороны ЛАГ. Кипрский министр М. Киприану подчеркнул, что целью должно быть мирное разрешение ливийского кризиса, и ЕС должен быть нацелен именно на это, а не на воздушные атаки. Ф. Фратини также заявил, что Италия отвергает «войну в Ливии».

В результате в заключениях Совета подтверждается, что страны ЕС готовы к коллективным решительным действиям в поддержку резолюции 1973, но будут действовать каждый собственным образом. Пока коллективные действия ограничились расширением списка лиц и организаций, в отношении которых действуют санкции. Однако и здесь проявились значимые различия. Германия, не поддерживающая военного решения, выступила сторонником максимально жестких невоенных мер. С немецкой точки зрения, наилучшим вариантом было бы введение жестких санкций против ливийского нефтегазового комплекса вплоть до полного эмбарго. Интересно, что Вашингтон также считал эмбарго необходимым, а партнеры Берлина по ЕС, некоторые из которых имеют серьезные интересы в этом секторе ливийской экономики, не оспаривая саму возможность

⁵⁵Edward Cody. Arab League condemns broad bombing campaign in Libya. / The Washington Post, Monday, March 21, 2011.

⁵⁶Libya air strikes: Gaddafi vows 'long war' /The BBC News. 20 March 2011 / Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12798568>

⁵⁷Польский премьер-министр Дональд Туск, единственный из западных участников Парижского саммита, не считая Германии, не предложил никакого военного содействия в Ливии.

⁵⁸Bulletin Quotidien Europe 10343 — 24/3/2011, p. 3.

санкций, были явно не настроены к их быстрому введению и массированному наращиванию. «Примечательно, что именно те страны, которые с таким задором сейчас бомбят Ливию, одновременно продолжают экспортировать из нее нефть», — прокомментировал ситуацию министр экономического развития ФРГ Дирк Нибель⁵⁹.

Разногласия и политическая неопределенность в ЕС были так велики, что на Евросовете 24–25 марта, главной целью которого было договориться по страховому фонду в Евроне, сначала даже не предполагалось документально оформлять какие-либо решения по Ливии. Однако итоговый документ все же удалось согласовать, закамуфлировав спорную тему военной акции расплывчатыми дипломатическими формулировками. Саммит «отметил, что действия, предпринятые в соответствии с мандатом Совета Безопасности, внесли значительный вклад в защиту гражданского населения и населенных районов, находившихся под угрозой атаки, и помогли спасти жизни гражданских лиц»⁶⁰. Н. Саркози интерпретировал это как полученную в ЕС поддержку, показывающую, что Союз «полностью един» в ливийской проблеме. Но вполне очевидно, что для многих европейских лидеров ключевой является ссылка на «действия в соответствии с мандатом», позволяющая воздержаться от прямой оценки действий Франции и Великобритании. Но даже эти неоднозначные результаты саммита («очень значительные», по характеристике Ван Ромпея) оказались достигнуты лишь тогда, когда в НАТО было принято окончательное решение взять военную операцию на себя.⁶¹

Такая вынужденная «гибкость» Евросоюза позволяла сохранить основы политического единства позиции по Ливии, но отнюдь не единство практической политики. Преимущества Евросоюза как мягкой силы, обладающего комплексным инструментарием кризисного реагирования, оказались существенно девальвированы в результате европейской разобщенности. В условиях, когда взгляды стран-участниц на способы и инструменты урегулирования в Ливии существенно разошлись, содержание политики ЕС как общих действий на основе общих позиций размывалось, она становилась для стран-участниц скорее общим политико-дипломатическим зонтиком. Даже достигнутое на мартовском саммите согласие о том, что ЕС готов оказать оперативную поддержку гуманитарным акциям в Ливии под эгидой ООН, мотивировано в значительной мере попыткой продемонстрировать востребованность механизмов общей политики безопасности и обороны, которую оказалось невозможным задействовать в операции, начатой двумя ведущими членами ЕС вразрез с линией ведущей европейской державы. Поэтому принятое решение отражало не готовность оппонентов Франции и Великобритании к полевым гуманитарным действиям в Ливии, а фиксацию той планки, выше которой они в любом случае не готовы были идти под эгидой ЕС (зато, как оказалось, смогли объединиться в рамках операции НАТО).

Надо отметить, что Евросоюз оказался в довольно сложном положении, столкнувшись с

⁵⁹Blood and Oil? German Minister Hints at Libya Mission Hypocrisy / Spiegel Online, 03/25/2011 / Available at: <http://www.spiegel.de/international/germany/0,1518,druck-753126,00.html>

⁶⁰European Council. 24/25 March 2011. Conclusions. EUCO 10/1/11 REV 1. Brussels, 20 April 2011, p. 7.

⁶¹Решение об управлении морской операцией было принято 22 марта, а о контроле над бесполетной зоной — 24 марта. С учетом «политических директив» Лондонской международной конференции по Ливии 29 марта НАТО с 31 марта 2011 г. «приняла единое командование и контроль международными военными усилиями в отношении Ливии» (см. офиц. сайт НАТО: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_71652.htm).

проблемой политического выбора, который осложнялся не только различиями во взглядах на военный ответ стран-участниц, но и в большой степени зависел от внешних игроков, их политики и решений. С одной стороны, Соединенные Штаты изначально подчеркивали, что не они являются инициаторами военных действий в Ливии, и решение Б. Обамы поддержать акцию (на фоне военных операций в Афганистане и Ираке) было для его администрации весьма трудным. Соглашаясь лишь на «вспомогательную роль», Вашингтон подразумевал, что лидерство возьмут на себя европейцы. С другой стороны, большинство членов и высших чиновников Евросоюза не видели возможности, по разным причинам, для соответствующего усиления его военной активности. Многие европейские страны были готовы принять и расширить участие в военной операции, но только под надежным руководством и командованием НАТО. Чему, в свою очередь, активно препятствовала Франция, рассчитывая занять освобожденное американцами место лидера⁶². Это стало преградой для формирования широкой коалиции вокруг тройки Франция — Британия — США и для оформления ясной позиции Евросоюза.

Когда через неделю после начала операции в Ливии, в течение которой шли интенсивные дебаты о ее конфигурации и распределении ролей, стало очевидно, что французский проект не набрал необходимой поддержки в Европе, в НАТО было принято решение взять операцию на себя. Объективно возложение военной миссии в Ливии на НАТО не было чем-то экстраординарным, учитывая военные ресурсы Альянса, преимущества и опыт. Проблема состояла в том, что Евросоюз более десятилетия наращивал, и в целом небезуспешно, собственный оперативный потенциал кризисного реагирования, аргументируя это необходимостью укрепления европейской автономии и способности действовать, когда США и НАТО сочтут это нецелесообразным. Когда же «исторический момент» настал, и Европа должна была взять на себя лидерство, проект ОПБО оказался невостребованным. Интересно, что начало этому проекту было положено также совместными усилиями Франции и Великобритании («инициатива Сен-Мало», 1998 г.), тогда получивших полную поддержку партнеров по ЕС.

Важной для Евросоюза задачей стало «восстановление лица», поскольку передача командования операцией в Ливии «через бруссельский забор» в НАТО воспринималась, особенно на фоне французской активности и американской сдержанности, как свидетельство неспособности ЕС. Это восприятие усиливалось возросшим недоверием к ЕС в связи с кризисом управляемости в еврозоне и, в свою очередь, еще более усиливало давление на него.

В Евросоюзе передачу военной операции под управление НАТО, естественно, интерпретировали в позитивном ключе — как результат достигнутого европейцами консенсуса, поддержанного американскими союзниками, и как оправданное и целесообразное разделение труда в рамках выполнения международных усилий под эгидой ООН. Однако в дальнейшем различия в подходах, интересах и приоритетах настолько усилились на фоне неопределенности военной кампании и перспектив урегулирования в Ливии, что многие заговорили о кризисе европейского единства и даже о том, что Ливия окончательно

⁶²Против выступала и Турция, официально аргументируя это опасениями, что на нее и на Альянс в очередной раз будет возложена ответственность за неизбежные жертвы среди гражданского населения.

разрушила надежды на него. И только после свержения Каддафи и завершения военной операции, которая в конечном счете достигла политической цели международной коалиции с участием ЕС, акцент вновь изменился: эксперты и обозреватели стали подчеркивать «ведущую европейскую роль»⁶³.

Миссия невыполнима

Евросоюз, освобожденный НАТО от давления дилеммой военного выбора, обрел более четкую систему координат, в которой он мог действовать в привычных для себя рамках, задействовав комплексный инструментарий ОВПБ, за исключением боевого потенциала. Обострилось и понимание необходимости «возвращаться» к европейскому единству. Это, конечно, не означало, что в Евросоюзе преодолены разногласия, взаимные претензии и недоверие, вызванные перетягиванием каната его ведущими игроками. Но обострение противоречий в ЕС, глубокие разломы в платформе европейской солидарности в результате «выбросов» национализма и франко-германского диссонанса, связанные с этим политические ущербы и для оппонентов, и для их партнеров, и для Евросоюза в целом — все это стало после натовского решения для стран Евросоюза фактором общеевропейской самодисциплины. И Берлин, и Париж, и другие столицы были заинтересованы компенсировать ущербы, демонстрируя готовность и способность к компромиссам и более активным действиям в сфере своей ответственности, границы которой были обозначены передачей военной функции в НАТО.

В этой связи особенно актуальным стал вопрос о возможности проведения Евросоюзом операции ОПБО в поддержку гуманитарных миссий в Ливии. С одной стороны, были бы активированы оперативные механизмы ОПБО, и ЕС подтвердил бы их востребованность на практике, несмотря на неучастие в боевых действиях. С другой стороны, с учетом большой цены вопроса, шансы на достижение внутреннего консенсуса заметно возросли.

Уже 1 апреля Совет ЕС одобрил учреждение военной операции в поддержку международных гуманитарных мер содействия в связи с ливийским кризисом (EUFOR Libya)⁶⁴. Были очерчены основные задачи «EUFOR Libya» — защита передвижения, эвакуация беженцев и содействие работе гуманитарных агентств, определен оперативный штаб — в Риме, первоначальный бюджет — 7,9 млн. евро на четыре месяца. Назначенный командующим итальянский контр-адмирал К. Гаудиози приступил к разработке оперативных предложений.

Однако более детальное планирование операции вновь спровоцировало разногласия стран Евросоюза по военному вопросу. Они разошлись во мнениях относительно

⁶³См., напр.: Европейский Союз–2011: перемены под знаком кризиса / Новая Эуропа, 28-12-2011 (http://n-europe.eu/article/2011/12/28/evropeiskii_soyuz_2011_peremeny_pod_znakom_krizisa).

⁶⁴Council decision 2011/210/CFSP of 1 April 2011 on a European Union military operation in support of humanitarian assistance operations in response to the crisis situation in Libya (EUFOR Libya) of the European Union / Official Journal of the European Union. Decisions, 5.4.2011, L 89/17 — 89/20.

самого принципа военной поддержки гуманитарной миссии и ограничений в рамках мандата «EUFOR Libya». Берлин использовал дискуссию, чтобы продемонстрировать, что в таком «гуманитарно-европейском» формате он готов к самым решительным действиям. Германия, входившая в «дежурную» боевую группу ЕС под командованием Нидерландов, заявила о готовности развернуть свой контингент в рамках «EUFOR Libya». Однако ряд стран ЕС выступили принципиально против, отвергая любой вооруженный контакт с ливийской территорией ввиду запрета резолюции 1973 ООН на применение оккупационных сил. Другие, напротив, полагали, что это положение не распространяется на гуманитарные действия. Швеция, вне зависимости от интерпретации резолюции Совбеза, блокировала предоставление военных средств в распоряжение гуманитарной миссии, тогда как другие страны полагали это приемлемым в ограниченном объеме при условии, если соблюдаются «принципы Осло» по гуманитарной помощи (т.е. когда средства такой военной поддержки качественно отличаются от сил в рамках военных операций). В результате Совет министров 12 апреля так и не принял Концепцию Операции, подготовленную накануне Военным штабом ЕС.

Немецкая газета «Bild» сообщила некоторые подробности этой секретной Концепции, попавшей в ее распоряжение. Они достаточно ясно показывают, насколько высоко была установлена военная планка операции и, следовательно, насколько серьезными оказались связанные с этим риски и разногласия. Достаточно сказать, что, согласно Концепции, «оценка рисков операции в Ливии варьируется от высокой до критической»⁶⁵.

Чтобы хоть как-то спасти ситуацию, Брюссель принял соломоново решение. Так как решение о начале операции может быть принято только после получения запроса от Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН), принятие оперативного плана «EUFOR Libya» также можно отложить до обращения УКГВ. Уже после этого К. Эштон объявила, что страны-участницы все же достигли соглашения по Концепции Операции. Но поскольку оно так и не прошло процедуру официального обсуждения и одобрения, есть все основания полагать, что это не более чем дипломатическое прикрытие отсутствия отложенного «на потом» решения, до которого дело уже вряд ли дойдет.

Томас де Мезьер, министр обороны ФРГ, подтвердил, что получение запроса от ООН на проведение европейской операции маловероятно, так как ситуация в Ливии остается напряженной и риски для гуманитарной миссии чрезмерно велики⁶⁶. Во-первых, УКГВ

⁶⁵Среди прочего, план предусматривает охрану портов и аэродромов, куда будет доставляться гуманитарная помощь, а также защиту гуманитарных миссий и обеспечение их горючим. Зоной проведения операции будет вся Ливия вплоть до южных границ с Суданом, Чадом и Нигером. Под наблюдением военнослужащих ЕС должны также находиться районы на границе с Египтом, Тунисом и Алжиром. В составе «EUFOR Libya» — несколько рот военнослужащих, к которым добавятся подразделения саперов, боевые пловцы, авиадиспетчеры и спецподразделения по эвакуации раненых солдат и сбитых пилотов. Предусматривается также использование боевых кораблей сопровождения для охраны судов с гуманитарными грузами, вертолетов, машин-амфибий, военной спецтехники и мобильных медицинских комплексов. Основными угрозами силам ЕС, участвующим в операции, названы «активность террористических банд», нападения с использованием мин и других взрывных устройств, а также «возможное вовлечение солдат ЕС в межплеменные конфликты» (Von Dirk Hoeren. Geheimes Einsatz-Konzept. So gefährlich wird der Libyen-Einsatz für die EU / Bild.de, 25.04.2011 / Available at: <http://www.bild.de/politik/ausland/libyen-krise/so-gefaehrlich-wird-der-libyen-einsatz-fuer-die-eu-17577440.bild.html#>).

⁶⁶Министр обороны ФРГ назвал отправку немецких войск в Ливию маловероятной / Lenta.ru, 18.04.2011 / Available at: <http://lenta.ru/news/2011/04/18/einsatz>

вообще не склонна прибегать к военной поддержке и считает необходимым условием начала гуманитарных миссий соответствующее согласие враждующих сторон. Во-вторых, ее обращение в любом случае обусловлено предварительной уверенностью в готовности и способности потенциального партнера предоставить эффективную поддержку, а ЕС продемонстрировал скорее обратное. Неудивительно, что запрос УКГВ так и не поступил, и «EUFOR Libya» так и не состоялась: Брюссель подал довольно ясный сигнал ООН, чтобы получить от него сигнала действовать.

Но декларированная политически готовность Евросоюза к проведению операции в Ливии подчеркивала, что Союз не исключает развертывание операций ОПБО в средиземноморских странах в дальнейшем, хотя достижение соответствующих договоренностей стало после неудачи с «EUFOR Libya» более проблематичным. До настоящего времени ЕС не инициировал ни одной такой операции. После смены режима в Ливии министры обороны ЕС обсуждали возможности оказания ей содействия в реформировании сектора безопасности, контроля в сфере вооружений, пограничного контроля и т.д. Но дискуссия оказалось фактически беспредметной, поскольку отсутствовали соответствующие политические установки и планы.

Таким образом, и эта попытка использовать военную составляющую ЕС в ливийском урегулировании фактически провалилась — несмотря на высокую мотивацию к активным действиям, достигнутое общее политическое понимание и согласие и даже одобренные Советом правовые рамки возможной операции. Брюссель так и не смог компенсировать, хотя бы отчасти, свои политические потери в связи с внутренними разногласиями по действиям в Ливии. Напротив, со всей очевидностью подтвердился системный, принципиальный характер раскола внутри ЕС: когда одни, подобно французскому министру иностранных дел А. Жюппе, считают, что Союз, особенно с учетом ливийских событий, не может быть лишь «гуманитарной НПО», а другие, включая К. Эштон, крайне сдержанно относятся к практическому применению его военного инструментария.

В результате «Ливия» подтвердила парадоксальный характер общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Ее поступательное и в целом динамичное развитие, новые возможности, включая институциональный и оперативный потенциал, отвечающие заявленным Евросоюзом амбициозным целям — обеспечить себе место влиятельного игрока на международной арене, толкают его к большей политико-дипломатической и практической активности во внешнем мире, особенно в сфере кризисного регулирования. Но, с другой стороны, страны-участницы по-прежнему далеки от единства, их интересы по значимым проблемам внешней политики не только не совпадают, но часто сталкиваются, и это ограничивает их возможность эффективно использовать созданные инструменты и механизмы ОПБО. Другими словами, парадокс состоит в том, что во многих ситуациях Брюссель не может не действовать — но и действовать не может.

Попытка задействовать инструменты ОПБО в ходе урегулирования масштабного внутреннего вооруженного конфликта в Ливии, который фактически превратился в гражданскую войну, отражала стремление ЕС к активной политике и ответственному лидерству, но с самого начала была труднореализуемой — учитывая как чрезмерные

военные и политические риски, так и различия в подходах государств-членов. Однако исчерпав возможности двигаться в этом направлении, Евросоюз одновременно избавился от провоцирующей разногласия повестки, вернувшись в круг своей традиционной политики «мягкой силы», отраженной и в его новой средиземноморской стратегии. Попросту говоря, «оставались невоенные инструменты реагирования на кризис, которыми ЕС и воспользовался», и «ставка на «мягкую силу» оставалась «в работе» у Европейского союза и на всем протяжении эскалации напряженности вокруг Ливии с начала 2011 г.»⁶⁷.

При этом Евросоюз, естественно, не внес какие-либо изменения в свою общую антикризисную стратегию, предусматривающую комплексное использование всего набора имеющихся в его распоряжении ресурсов — гражданского и военного реагирования. Со всем напротив, усилилось понимание необходимости практического укрепления комплексного подхода. В ходе ливийского кризиса Евросоюз задействовал новую структуру, созданную в ответ на вызовы «арабской весны» — Кризисную Платформу ЕСВД (КП ЕСВД), призванную улучшить внутреннюю координацию внешнеполитических органов ЕС⁶⁸. С марта по октябрь 2011 г. регулярно проводились сессии в рамках Кризисной платформы для обеспечения многоаспектного системного ответа на ливийский кризис. Несмотря на то что оперативный потенциал ОПБО так и не был применен на практике, использование в политическом планировании Кризисной платформы дает Брюсселю основания говорить о том, что в ходе ливийского кризиса осуществлялась «эффективная оперативная координация, которая позволила ЕС более эффективно использовать все наличные инструменты: политические, дипломатические, военные, экономические, в сфере развития и гуманитарные»⁶⁹. После того как 31 октября 2011 г. НАТО прекратила операцию в Ливии, Евросоюз, по соглашению с ООН и Мировым банком, приступил к исследованию возможностей своего присутствия (изучаются пограничный режим и контроль, развитие гражданского общества, женский вопрос, СМИ и телевидение). После выполнения исследования Евросоюз будет готов, если последует просьба ливийского правительства, предоставить соответствующую помощь в сфере безопасности, оперативной координации ЕСВД.

На пресс-конференции по итогам Международной конференции «друзей Ливии» 1 сентября К. Эштон подтвердила, что, наряду с уже объявленными целевыми направлениями помощи Ливии, Евросоюз предполагает распространить свою деятельность и на сферу безопасности, где раньше он фактически не был представлен. ЕСВД занята подготовкой соответствующих мер содействия, включающих обучение и подготовку полиции, помощь в восстановлении вооружений, защите границ. Таким образом, ЕС рассчитывает найти и занять свою нишу в сфере политики безопасности уже на этапе посткризисного восстановления.

⁶⁷Татьяна Юрьева. «Мягкая сила» ЕС в подходе к ливийскому урегулированию / Информационный портал МГИМО, 7.04.11. (<http://www.mgimo.ru/news/experts/document184950.phtml>).

⁶⁸В КП/ЕСВД включены: структуры кризисного управления и реагирования Службы (Директорат кризисного управления и планирования, Департамент кризисного реагирования, Военный штаб ЕС, Служба гражданского планирования и операций, Ситуационный центр, Ситуационный зал, а также соответствующие географические и тематические департаменты), Военный комитет ЕС, соответствующие службы Европейской Комиссии (Гуманитарной помощи и гражданской защиты, Развития и сотрудничества, Служба управления инструментами внешней политики и т.д.)

⁶⁹Официальный сайт Европейского союза / <http://www.consilium.europa.eu/eeas/foreign-policy/crisis-response/crisis-in-libya>

Ливийские уроки и сирийский тупик

«Военный вопрос» в политическом планировании антикризисной активности Евросоюза в Южном Средиземноморье был фактически окончательно исчерпан, когда «арабская волна» захлестнула Сирию. Колоссальные проблемы, связанные с военной кампанией в Ливии, растущие сомнения в ее легитимности, неопределенность перспектив операции и соответствующие негативные политические эффекты заставляли «забыть» о военных опциях реагирования на разрастающийся вооруженный конфликт в Сирии, потенциально не менее острый и кровавый, чем ливийский.

Закрытые военные пути решения проблемы заставили Евросоюз, с одной стороны, действовать более осмотрительно, чем в Ливии, оставляя, насколько возможно, Башару Аль-Асаду пути к отступлению. С другой стороны, в отсутствие потенциальных военных рычагов страны ЕС должны были усиливать ставку на иные меры давления. Первоначально Брюссель традиционно ограничивался «решительным осуждением» репрессий против участников массовых антиправительственных демонстраций, начавшихся 15 марта, выражал глубокую озабоченность ситуацией в Сирии (а также в Йемене и Бахрейне), призывал Асада отменить чрезвычайное положение и приступить к «ясной и истинной программе политического реформирования»⁷⁰. Но после начатой сирийским правительством 25 апреля войсковой операции в городе Дера с большим числом жертв среди мирного населения, Франция призвала Евросоюз и ООН к принятию «сильных мер»; Бельгия заявила, что «точка невозврата» уже достигнута; Германия и ряд других европейских стран высказались за введение санкций.

29 апреля Комитет по политике и безопасности ЕС (КПБ) одобрил введение против Сирии односторонних санкций Евросоюза, включая оружейное эмбарго, отзыв предложения ЕС о подписании договора об ассоциации, отмену помощи и содействия непосредственно сирийскому правительству, замораживание активов и запрет на въезд в ЕС лиц, причастных к репрессиям. Показательно, что когда через неделю решался вопрос о включении в рестрикционный лист Б. Асада, за что выступали Великобритания, Франция, Нидерланды, Швеция и Дания, возобладала иная точка зрения — Германии и Испании, поддержанных центральноевропейскими странами: сирийский президент не был включен в список, чтобы сохранить как возможность дальнейшего ужесточения мер воздействия, так и возможность коммуникации с Дамаском. 23 мая Совет министров иностранных дел ЕС усилил санкции против Сирии, добавив к упомянутому списку еще 10 лиц, включая президента Асада и некоторых членов его семьи⁷¹. Интересно, что этот список постоянно дополняется. В дальнейшем странам Евросоюза удалось договориться по весьма болезненному вопросу — введения и ужесточения санкций против нефтегазового комплекса Сирии. В ответ

⁷⁰Council of the European Union. Council conclusions on Syria. 3082nd Foreign Affairs Council meeting, Luxembourg, 12 April 20, p.1. (<http://www.consilium.europa.eu/press/press-releases/foreign-affairs?target=2011&infotarget=&max=555&bid=78&lang=en&tid=>).

⁷¹ Council of the European Union. EU strengthens restrictive measures against Syria, Brussels, 23 May 2011. 10559/11. PRESSE 149.

на 10-й пакет санкций, одобренный Советом 1 декабря (запрет на сирийский экспорт нефтегазового оборудования, на торговлю сирийскими ценными бумагами, на открытие в ЕС новых отделений сирийских банков и т.д.), Сирия объявила о своем выходе из Союза для Средиземноморья, одним из основателей которого она была.

Однако, в отличие от ливийского сценария, Евросоюз так и не задействовал Кризисную Платформу ЕСВД — в первую очередь, очевидно, потому, что в этот механизм включены все структурные компоненты кризисного урегулирования, включая военные.

Меры давления, предпринимаемые Евросоюзом в отношении режима Асада, усиливали его изоляцию и соответственно уменьшали собственные политико-дипломатические ресурсы диалога с ним. Потеряв перспективу принятия резолюции по Сирии Советом Безопасности, после того как она была заблокирована Россией и Китаем, Евросоюз, призывающий Асада отказаться от власти, принял решение признать Сирийский Национальный Совет легитимным представителем сирийцев, «стремящихся к мирным демократическим переменам»⁷². После этого у Брюсселя остается только один путь ужесточения своей позиции — признание правящего в Сирии режима нелегитимным. Но такая изоляция одновременно лишает Евросоюз присутствия в Сирии и перспективы активного прямого влияния. В условиях отсутствия международного консенсуса и тем более международной интервенции создается тупиковая ситуация, в которой Евросоюз вряд ли может играть активную роль, хотя и оставаясь при этом одним из заметных «друзей Сирии».

Новые механизмы — новые возможности — новые проблемы

Обкатка механизмов ОПБО в условиях реального и масштабного ливийского кризиса в целом способствует повышению их эффективности. Однако возникает вполне логичный вопрос: зачем создавать инструменты, которые не применяются на практике в ситуациях, на которые они и были рассчитаны. Еще в начале 2000-х гг. Н. Арбатова справедливо отметила: «Каждый новый кризис в международных отношениях за последние 10–13 лет (конфликт в бывшей Югославии в 1991–1995 гг., косовский кризис 1999 г., “черный сентябрь” 2001 г., война в Ираке) являлся лишь подтверждением существующего разрыва между экономическим весом ЕС и его ограниченными возможностями противостоять новым угрозам, порождая евроскептицизм. Вместе с тем каждый новый кризис способствовал продвижению и развитию ОВПБ и попыткам придать ЕС военное измерение»⁷³. Но все же дилемма ОПБО «инструменты — цели», действительно не новая во внутренней дискуссии в ЕС, существенно усилилась в контексте «арабской весны» и будет, вероятно, для него довольно значимым вызовом, увеличивающим разногласия.

⁷²Council of the European Union. Council conclusions on Syria. 3149th Foreign Affairs Council meeting. Brussels, 27 February 2012 (<http://www.consilium.europa.eu/press/main-topics?target=2012&infotarget=&max=15&bid=73&lang=en&tid=>).

⁷³Арбатова Н. Новая стратегия безопасности ЕС (российский взгляд на «документ Соланы») / Современная Европа. — 2003. — №4. — С.60–68.

Если для одних государств относительная слабость ОПБО является аргументом для совершенствования ее инструментов и механизмов, для других, напротив — неэффективной тратой ресурсов, неоправданным дублированием с НАТО и т.д. Особенно в ситуации, когда растут подозрения, что создание совместного потенциала ОПБО может использоваться отдельными странами ЕС не столько в коллективных, сколько в собственных интересах.

О различном восприятии перспектив развития ОПБО и связанных с этим противоречиях внутри ЕС свидетельствует, например, судьба «веймарской инициативы», выдвинутой незадолго до «арабской весны» Германией, Францией и Польшей и поддержанной затем Италией и Испанией в совместном послании К. Эштон — «письмо пяти» о создании в ЕС совместных постоянных структур оперативного планирования и управления. Польша, председательствовавшая в ЕС во второй половине 2011 г., когда со всей очевидностью проявились серьезные дефициты ОПБО, настойчиво вносила обсуждение этой инициативы в повестку Евросоюза. Но в целом безуспешно — проект заблокирован Великобританией, для которой он представляет, по словам главы Форин Офис Уильяма Хэйга, красную линию. Однако «пятерка» продолжает проявлять настойчивость, чтобы сформировать внутри ЕС фронт в поддержку инициативы, которая может быть реализована и без Великобритании, путем применения лиссабонских механизмов «постоянного структурированного сотрудничества».

«Арабская весна» оказала весьма противоречивое воздействие и на новые лиссабонские механизмы ЕС. С одной стороны, Евросоюз оказался институционально подготовленным, завершился относительно длительный и крайне сложный подготовительный этап введения в действие нового институционального инструментария, приступила к работе ЕСВД. С другой стороны, ЕСВД была поставлена в крайне тяжелую ситуацию, когда она должна была мобилизовать коллективные усилия стран-участниц в ответ на расширяющийся кризис регионального масштаба, не имея ни политического, практического и процедурного опыта, ни соответствующего авторитета. Только что сошедший с европейского конвейера автомобиль был укомплектован новой командой и отправлен на Север Африки для участия в ралли Париж — Дакар.

Постепенно и относительно быстро под давлением кризиса, внешнеполитический механизм был отлажен, и ЕС выработал довольно четкий политический алгоритм, включающий политико-дипломатические усилия, гуманитарные действия, помощь и содействие экономическому развитию, а также комплекс рестриктивных мер, в первую очередь санкций. Евросоюз добился довольно успешного сочетания мер чрезвычайного кризисного реагирования с долгосрочным политическим планированием и программами. Но в то же время ЕСВД находится под постоянным огнем критики с разных сторон.

Особенно отчетливо она звучит из Европарламента, депутаты которого упрекали К. Эштон в чрезмерной осторожности, а реакцию ЕСВД называли слишком медлительной и зависимой от интересов больших государств. Эта критика не сводилась лишь к политической риторике, она содержится и в одобренных Европарламентом документах, например,

в докладе Р. Гуальтери по ОВПБ в мае 2011 г.⁷⁴ Парламентарии призвали К. Эштон «интерпретировать ее роль как активную» (а не реактивную), она должна активно добиваться консенсуса стран-участниц по стратегическим вопросам и вырабатывать политические решения ЕС, «вести, а не следовать», как выразился Э. Брок, председатель внешнеполитического комитета ЕП.

Неудовлетворенность деятельностью Высокого представителя усилилась настолько, что министр иностранных дел Бельгии С. Ванакере публично высказал ее в газете «Ле Суар». По его мнению, К. Эштон не смогла усилить способность ЕС говорить одним голосом по ключевым международным проблемам, таким как потрясения в арабском мире. ЕСВД должна стать «центральной осью, вокруг которой могут организоваться государства-члены». Но поскольку сильной и активной ЕСВД не существует, «сегодня немцы, завтра французы или англичане берут на себя часть этой стержневой роли, и тогда именно вокруг них должны группироваться и другие! Эффект центробежный, не центростремительный»⁷⁵. По мнению Ванакере, можно принять то, что кто-то реагирует на события быстрее Эштон, но при условии, что она сосредоточена на среднесрочной и долгосрочной стратегии и «гиперважных темах», но этого пока нет. В аппарате К. Эштон отвергли обвинения, заявив: «Мы не разделяем это мнение. Мы делаем свою работу и делаем ее хорошо». В подтверждение было сказано, что именно К. Эштон подготовила позицию ЕС по Ливии, сделала все необходимое для введения санкций против Каддафи и для подготовки к проведению в стране гуманитарной миссии. Сама К. Эштон весьма позитивно и с оптимизмом оценила результаты работы ЕСВД в первые четыре месяца после ее инаугурации. В своем послании, опубликованном 9 мая 2011 г. в «Europe Day», она назвала своей целью превратить ЕСВД в «единую платформу для обеспечения европейских ценностей и интересов во всем мире». По ее словам, новая система уже доказала свою значимость для ЕС — в быстро меняющейся ситуации в Северной Африке.

Недостаточная внятность и определенность ОПБО, слишком большая осторожность по отношению к уходящим лидерам и режимам, помноженная на «проблемы роста» ЕСВД, относительно ограничивали рейтинг Брюсселя в регионе. Даже крайне высокая заинтересованность новых политических сил в арабских странах в поддержке ЕС во всех формах — дипломатической, политической, финансовой, экономической и т.д. отнюдь не означала автоматически и не означает сейчас, что главным для них европейским адресом является Брюссель. Вот лишь один, но весьма показательный пример. Посещение К. Эштон Египта, запланированное по решению Евросовета в рамках ее визитов в страны Магриба и Ближнего Востока (Тунис, Израиль, Палестина, Ливан, Иордания), было отложено, поскольку египетское временное правительство сочло это нецелесообразным. Получив приглашение на 21–22 февраля, Эштон рассчитывала быть первым западным представителем высокого ранга, посетившим Египет после ухода Мубарака. Однако ее опередил британский премьер Д. Камерон, который нанес внезапный визит в Каир

⁷⁴European Parliament resolution of 11 May 2011 on the development of the common security and defence policy following the entry into force of the Lisbon Treaty (2010/2299(INI). P7_TA(2011)0228. Wednesday, 11 May 2011. Strasbourg.

⁷⁵Steven Vanackere dit ses quatre vérités à Cathy Ashton / Le Soir, Mercredi 4 mai 2011, p.14.

21 февраля, как и политдиректор госдепартамента США В. Бернс. Министр финансов Египта С. Радван обратился к Великобритании за поддержкой просьбы Египта списать его долги перед странами ЕС. Это также весьма показательно — с точки зрения приоритетов новых властей арабских государств, которые остаются весьма прагматическими.

После победы в Ливии и в целом продуктивного диалога с новыми властями, пришедшими к власти в арабских странах на смену свергнутым режимам, авторитет Службы Эштон несколько укрепился. На слушаниях в Комитете по внешней политике Европарламента, посвященных оценке деятельности ЕСВД за год после ее учреждения, отчетливо зазвучали голоса в ее поддержку: «несмотря на все проблемы и препятствия, ЕСВД проделала успешную работу» (У. Луначек), и Эштон удалось, несмотря ни на что, создать новый институт и успешно действовать на многих направлениях, включая Ливию (А. Нюетс-Уйтенброк)⁷⁶.

Однако это не изменило преобладающих критических оценок: «Хотя создание ЕСВД было позитивным», Служба пока не обеспечивает ожидаемого от нее лидерства, необходимого для внешней политики ЕС, «ей недостает амбициозности», чтобы «побуждать государства-члены к действию» (А. Гомес)⁷⁷. Более того, критика в адрес ЕСВД и ее главы обрела предельно острые формы. 8 декабря 2011 г. министры иностранных дел двенадцати государств ЕС⁷⁸ направили К. Эштон закрытое совместное послание, отражающее их крайнюю неудовлетворенность ее деятельностью и приуроченное к двухлетней годовщине официального учреждения ЕСВД. Согласно агентству «Дейли Телеграф», которому стало известно содержание письма, министры подчеркнули, что им даже не дается необходимого времени для работы с документами, выносимыми на ежемесячные сессии Совета, выразив тем самым сомнения в желании Эштон сотрудничать с ними. Хотя письмо выдержано в дипломатических тонах и содержит конкретные предложения по совершенствованию ЕСВД, в официальных и дипломатических кругах оно рассматривается как обвинительный вердикт двухлетней работе К. Эштон⁷⁹. «Как обычно, Баронесса Эштон и ее спикер, заняв защитную позицию, отказываются принимать какие-либо претензии со стороны государств-членов»⁸⁰, заявляя: «Многие предложения, содержащиеся в письме, уже были воплощены на практике. ЕСВД работает очень плотно и успешно с другими институтами и государствами-членами»⁸¹.

Но эта острая полемика внутри ЕС свидетельствует также о том, что речь идет не только,

⁷⁶EU External Action Service: praise and blame one year on. Committees: Committee on Foreign Affairs. Press release, 22-03-2012 / Available at: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/afet/home.html>

⁷⁷Ibid.

⁷⁸Франция, Германия, Италия, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швеция, Финляндия, Польша, Латвия, Литва, Эстония.

⁷⁹Bruno Waterfield. Baroness Ashton's diplomatic service accused of basic failings / The telegraph, 23 Dec 2011 (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/8975866/Baroness-Ashtons-diplomatic-service-accused-of-basic-failings.html>).

⁸⁰First Euro crisis now diplomatic crisis — 12 EU members against Catherine Ashton / Blog at WordPress.com (<http://esmirmilavic.wordpress.com/2012/01/07/first-euro-crisis-now-diplomatic-crisis-12-eu-members-against-catherine-ashton/>).

⁸¹Bruno Waterfield. Baroness Ashton's diplomatic service accused of basic failings.

а может, и не столько о неэффективности ЕСВД и роли Высокого представителя, сколько об отсутствии для этого необходимого условия — единства внутри ЕС. «Государства-члены теперь более разделены, чем до Лиссабонского Договора»⁸². «Письмо двенадцати» также можно трактовать как свидетельство существующих в Евросоюзе различных политических лагерей. Не все в ЕС разделяют и конкретные предложения этого послания. Например, Британия не может согласиться с инициативой создать в делегациях ЕСВД службы атташе по вопросам обороны и безопасности, поскольку это было бы узурпацией национальных компетенций и суверенитета.

Таким образом, институциональные преобразования в ЕС, с одной стороны, и «арабская весна» — с другой, усилили конфликт интересов внутри Союза по всем линиям: между отдельными странами, включая ведущие; между группами государств (например, малыми и большими, южными и северными); между национальными государствами и европейскими институтами; между самими институтами ЕС и т.д. «Арабская весна» стала не только внешним, но и серьезным внутренним вызовом для Европейского союза. Довольно рельефно проявились существенные дефициты и ограничения внешней политики ЕС, которые во многом носят системный характер и поэтому лишь частично могут быть компенсированы за счет оптимизации институциональных механизмов ЕС.

«Сотрудничество — за демократию» (европейские шахматы и восточные нарды)

Несмотря на то что Евросоюз действительно сумел в довольно сжатые сроки и в ситуации быстро развивающихся кризисов, охвативших одну за другой страны региона, сформулировать свою политическую позицию и обновленную стратегию действий, наладил диалог и взаимодействие с новыми правительствами и политическими силами, мобилизовал и реструктурировал существенные ресурсы для посткризисного восстановления и развития — главной проблемой остается неясный характер «тектонических сдвигов» в арабском мире, неопределенность его будущего развития.

Объединяя события в арабском мире, даже терминологически, под единой политико-идеологической упаковкой «арабской весны» (или «арабской демократической волны»), Европа априори исходит из того, что эти события мотивированы демократическими императивами. Когда европейские политики приравнивают «арабскую весну» по значимости к революционным событиям в Центральной и Восточной Европе в 90-е годы, также неизбежно возникают демократические аллюзии. Хотя осознание населением арабских стран несправедливости, тирании, авторитаризма, коррупции и т.д. отнюдь не означает «весну демократии». Объединение с Европой вокруг европейских ценностей и стандартов, на чем настаивает ЕС, не является политической целью новых властных элит — для них это по-прежнему больше игра в демократию с использованием определенных атрибутов с целью заручиться поддержкой «наивных» европейцев.

⁸²По мнению Л. Яконсаари (Ibid.).

Однако Евросоюз не только сохранил демократические целеустановки в качестве основы своей стратегии в арабо-средиземноморском регионе, но и, понимая их уязвимость, вынужден был ввести критерии «демократической обусловленности» («большее за большее») развития нового Средиземноморского Партнерства. Этот новый «демократический прагматизм» приходит на смену провалившемуся многолетнему прагматическому сотрудничеству ЕС со «стабильными», хотя и недемократичными партнерами в арабском мире. Вероятно, для многих в Европе это тоже соблюдение необходимых правил игры — для того, чтобы обеспечить себе преимущества в новой позиционной игре на арабской доске. Но теперь у европейских стран и ЕС гораздо меньше пространства для прагматических отступлений от ценностных установок — как в силу декларированных изменений европейской стратегии, так и ввиду того, что «правильность» европейской линии стала особой сферой общественно-политического внимания и контроля. Брюссель должен продемонстрировать, по словам Д. Кон-Бендита, «что реалполитик теперь является политикой поддержки демократии и не является более политикой поддержки диктаторской системы»⁸³. Для Евросоюза акцент на демократические стандарты попросту не имеет альтернативы в рамках выбора официального средиземноморского курса, идеологической основой которого провозглашается демократическая миссия ЕС. Европейские политики продолжают, искренне или вынужденно, убеждать себя и других в успешности такого курса. «Если мы посмотрим на то, что случилось во время “арабской весны”, мы сможем за этим увидеть роль ЕС в распространении ценностей. ЕС является мостом между различными странами и культурами», — подчеркивает Пьер Вимон, исполнительный генеральный секретарь ЕСВД⁸⁴.

Не пытается ли Евросоюз играть в шахматы на доске для игры в нарды?

Крепнут опасения, что под знаком «демократической революции» происходит радикализация арабского мира. Что Европа, обеспечив себе новые рычаги влияния на новых партнеров, не сможет в дальнейшем играть роль успешного менеджера трансформационных процессов, которые никак не уместятся в демократические рамки. Политика «мягкой силы» как метод управления и контроля, основанный на экспорте европейских ценностей, норм и стандартов, через какое-то относительно непродолжительное время может войти в еще больший диссонанс с векторами развития стран-партнеров, которых европейская «мягкая сила» интересуется не как демократический метод, а в основном как материальный источник. С другой стороны, «существуют обстоятельства, когда продвижение демократии продолжает сталкиваться с другими жизненными интересами на Ближнем Востоке и, в силу веских причин, не стоять первым пунктом в списке западных приоритетов»⁸⁵.

Поэтому уже теперь все громче звучит вопрос, какой урожай соберет ЕС, орошая «арабской весной» поля, засеянные новыми семенами. Усиливается и стратегическая

⁸³European Parliament. Debates. Monday, 17 January 2011 — Strasbourg (<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110117+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=EN>).

⁸⁴Ibid.

⁸⁵Daniel Möckli. Debate — 27 septembre 2011 / EUISS (<http://www.iss.europa.eu/fr/publications/detail-page/article/q-impotent-bystanders-how-did-the-eu-and-us-respond-to-the-arab-spring-4>).

нестабильность, связанная с изменением — начавшимся, но отнюдь не завершенным, геополитического расклада сил в регионе, как внутренних, так и внешних. Ситуация усугубляется тем, что сохраняется высокая неопределенность ситуации в Сирии, где предельное давление Евросоюза на режим Б. Асада фактически исключает возможности отступления, но нет и возможности применения радикальных мер, как в Ливии. Другие болевые точки Ближнего Востока, обострение иранской проблемы — все это существенно повышает конфликтный потенциал региона и снижает шансы на его относительно быструю стабилизацию.

Но если европейская стратегия «сотрудничество — за стабильность» провалилась и если новый подход «сотрудничество — за демократию» не будет отвечать будущим реалиям развития в арабо-средиземноморском регионе, на чем тогда будет базироваться европейская политика? И в какой мере она сможет в этих условиях оставаться действительно общей политикой ЕС, испытывая возрастающее давление геополитических подходов ведущих игроков в регионе, в том числе и со стороны собственных государств-участников? Пока Евросоюз в большей мере занят текущими проблемами, и варианта «Б» у Брюсселя нет.

ЕС предпочитает мыслить категориями «исторических возможностей», игнорируя обратную сторону арабской монеты — возрастающие риски. Поэтому в Европе сравнивают «арабскую весну» с демократическим прорывом в ЦВЕ, в то время как Кондолиза Райс, бывший госсекретарь США, называет ее одним из трех «великих шоков» для международной системы, навсегда изменивших пути осмысления мироустройства (наряду с 9/11 и мировым финансовым кризисом)⁸⁶.

Принцип «большее за большее», очевидно, пока будет работать и может дать ЕС определенные рычаги влияния. Но на Востоке случаются не только «демократические» революции, и рост регионального рынка экспорта европейских ценностей может оказаться спекулятивным и потому краткосрочным. Поэтому новая средиземноморская стратегия партнерства ЕС явно недостаточна, она нуждается в дополнении с учетом неблагоприятных сценариев; необходимы и коррективы европейской стратегии безопасности, соответствующие нынешним и потенциальным вызовам стабильности и безопасности, исходящим из региона.

⁸⁶Valerie Starr. Rice Talks of World Shocks in Sacto, Jan. 12, 2012 / Cal Watchdog, April 05, 2012 (<http://www.calwatchdog.com/2012/01/12/rice-talks-of-world-shocks-in-sacto/>).

Н.В. Татарчук

Франция

Взаимоотношения Франции со странами Северной Африки в первом десятилетии XXI в.

Значение для Франции связей с североафриканскими государствами сложно переоценить: Юг Средиземноморья является стратегически важным для дипломатии V Республики регионом, одним из приоритетов ее внешней политики. К 90-м годам XX в. внутри самой Франции сформировался значительный социальный слой иммигрантов из стран Северной Африки, составлявший в 1999 г. около 3 млн. человек (22% от всего населения иностранного происхождения)¹, число которых в начале XXI в. неуклонно росло. Большинство из них, особенно те, кто получил французское гражданство, внимательно следили за североафриканской политикой V Республики, что придавало ей внутривнутриполитическое измерение (в 2007 г. почти 4% французских избирателей были родом с Черного континента)². Кроме того, представители Магриба стали частью политической элиты Франции, о чем свидетельствует, прежде всего, наглядный пример Рашиды Дати. Эта француженка родом из Магриба (ее отец — марокканец, а мать родилась в

¹Tribalat M. Une estimation des populations d'origine étrangère en France en 1999 // *Population*. 2004. № 1 (Vol. 59), p. 71.
²Tiberj V. Existe-t-il "un vote de l'immigration"? Les nouveaux français à la veille de 2007 // *Atlas électoral 2007*. Paris, 2007, p. 79.

Алжире)³ сделала головокружительную карьеру: в 2007 г. она стала официальным представителем Н. Саркози на период предвыборной гонки, затем до июня 2009 г. занимала пост министра юстиции Франции в первом и втором правительствах Ф. Фийона, весной 2012 г. сочетала должность мэра 7-го округа Парижа и мандат депутата Европарламента.

Принимая во внимание североафриканское лобби внутри страны, а также серьезное экономическое присутствие французского капитала в государствах Магриба (например, в Марокко работают более 800 французских предприятий, а 85% инвестиций в его экономику поступают из бывшей метрополии)⁴, пятый президент V Республики Ж. Ширак (1995–2007) проводил политику, направленную на укрепление связей со странами Северной Африки. Отличительными особенностями шираковской дипломатии в отношении государств Южного и Восточного Средиземноморья были стремление к установлению и поддержанию личных связей с арабскими лидерами, а также постоянные «размолвки с Израилем».⁵ Жак Ширак находился в дружеских отношениях с премьер-министром Ливана Рафиком Харири, королем Марокко Хасаном II, главой Палестинской администрации Ясиром Арафатом и президентом Египта Хосни Мубараком.⁶ Личные связи французского президента с арабскими лидерами косвенно создавали предпосылки для напряжения во франко-израильских отношениях. Например, в 1996 г. Ж. Ширак негативно отреагировал на бомбардировки израильской авиацией ливанского города Кана, а в 2004 г. премьер-министр Израиля А. Шарон даже призвал всех евреев покинуть Францию, назвав ее «антисемитским» государством⁷. Ввиду дружеских взаимоотношений французского президента с рядом арабских лидеров, шираковская дипломатия переживала трудные времена каждый раз, когда кто-то из них умирал. Так случилось в 1999 г., когда не стало Хасана II и в 2005 г. после убийства Р. Харири. Однако опираясь на багаж совместного прошлого и, прежде всего, сильные экономические позиции Франции в регионе, Ж. Шираку удавалось установить связи с преемниками ушедших лидеров. Например, французский президент сумел наладить дружеские отношения с наследником Хасана II Мохаммедом VI, в отношении которого, по словам политолога Алана Шеняля, Ж. Ширак «хотел играть роль наставника»⁸.

Избранный в мае 2007 г. президентом Франции, Н. Саркози, придерживаясь неоконсервативной парадигмы, не раз критиковал внешнюю политику Ж. Ширака, несмотря на их общую принадлежность к неоголлистской партии. Наиболее ярким примером отсутствия преемственности между двумя лидерами в сфере продвижения средиземноморского курса Франции может служить категорический отказ Н. Саркози от приема Турции в ЕС.⁹ По мнению известного французского специалиста по внешней политике Ф. Шарийона, «в Африке

³Dati R. Je vous fais juges. Entretien avec Claude Askolovitch. Paris, 2007, p. 27–28.

⁴Claude G. La Méditerranée. Géopolitique et relations internationales. Paris, 2007, p. 241.

⁵Charillon F. La politique étrangère de la France de la fin de la guerre froide au printemps arabe. Paris, 2011, p. 114.

⁶Tbid. Ясир Арафат имел обыкновение информировать Жака Ширака о результатах проведенных им международных переговоров, а с Хосни Мубараком французский президент общался, по крайней мере, раз в неделю.

⁷Tbid.

⁸Chenal A. Nicolas Sarkozy et le monde arabe et musulman: moment néo-conservateur et/ou primauté de la communication // *Sarkozy au Proche-Orient*. Beyrouth, 2010, p. 41.

⁹О причинах и содержании расхождений Ж. Ширака и Н. Саркози по турецкому вопросу см. подробнее: Татарчук Н. В. Эволюция идеи Н. Саркози о создании Средиземноморского союза: от Тулонской речи к «Римскому воззванию» // *Вестник Московского университета*. Серия 25. 2010. № 1, p. 48–49.

и в арабском мире шестой президент V Республики хотел обновить голлистские традиции, воплощением которых был Ж. Ширак, и пересмотреть отношения с авторитарными режимами, основанными, здесь и там, на межличностных отношениях»¹⁰. На практике, однако, Н. Саркози стремился укреплять личные связи с арабскими лидерами, что подчеркивало декларативность его критических замечаний относительно североафриканской политики бывшего президента. Наиболее примечательным примером дружбы нового французского лидера с высшим руководством стран Магриба стал визит главы Джамахирии Муаммара Каддафи в Париж, состоявшийся в декабре 2007 г. Приезд полковника «превратился в кошмар для правительства (V Республики. — Т. Н.)»¹¹ по двум причинам: во-первых, из-за его эксцентричного поведения¹²; во-вторых, ввиду отсутствия единства мнений среди членов исполнительной власти Франции относительно правомочности приглашения ливийского руководителя. В частности, Р. Яад, государственный секретарь по правам человека, заявила: «Полковник Каддафи должен понимать, что наша страна не половик, о который лидер, террорист он или нет, может прийти вытереть ноги, перепачканные кровью его злодеяний»¹³. Министр иностранных дел Б. Кушнер, в свою очередь, не нашел возможности встретиться с ливийским лидером по причине большой занятости. Несмотря на открытый или латентный протест ряда членов правительства, Н. Саркози принимал полковника очень любезно, призвал Р. Яад к порядку и даже пытался сгладить острые углы, когда Каддафи заявил, что не обсуждал с французским президентом проблему прав человека, хотя тот утверждал обратное¹⁴. Представляется, что поведение главы Франции объясняется тремя факторами: во-первых и в значительно меньшей степени, его триумфальной ролью в быстром и успешном разрешении ситуации с болгарскими медсестрами¹⁵; во-вторых, внешнеполитической стратегией Н. Саркози, а в-третьих и главным образом, экономической заинтересованностью Франции в Ливии. С точки зрения внешнеполитической, сотрудничество с Ливией способствовало бы общему укреплению французских позиций в Средиземноморье в целом и в Северной Африке в частности. Кроме того, «приручение» полковника усиливало имидж Франции как региональной миротворческой державы. Если говорить более конкретно, то дружба с Ливией была полезна Н. Саркози, поскольку Каддафи имел хорошие отношения с официальным Суданом, а Франция инициировала отправку миротворческих сил ЕС в Дарфур, а также ввиду экспансионистских намерений полковника относительно Чада, с которым V Республика связана военным договором. Экономический интерес основывался во многом на трех ключевых моментах: стремлении французских деловых кругов получить доступ к запасам нефти и газа, перспективе строительства атомной станции в Ливии компанией Areva S.A. и желании крупного капитала Франции осваивать ливийский рынок.

¹⁰Charillon F. La politique étrangère de la France de la fin de la guerre froide au printemps arabe. Paris, 2011, p. 129.

¹¹L'année politique, économique et sociale. 2007. Paris, 2008, p. 261.

¹²Каддафи предпочел жить в своем шатре в саду особняка Мариньи, требовал перекрыть все парижские мосты во время прогулки на речном кораблике по Сене и появлялся на публике в присутствии молодых девушек, одетых в костюмы парижанок эпохи Великой французской революции.

¹³Цит. по: L'année politique, économique et sociale. 2007. Paris, 2008, p. 118.

¹⁴Ibidem.

¹⁵См. об этом подробнее: L'année politique, économique et sociale. 2007. Paris, 2008, p. 235–237.

Кроме того, франко-ливийское сотрудничество открывало широкие возможности для заключения договоров на поставку французского оружия Джамахирии.

Основным итогом государственного визита Каддафи в Париж стало, как заявил Н. Саркози, обсуждение контрактов на сумму, равную приблизительно 10 миллиардам евро¹⁶. Однако в итоге большинство из них так и не было подписано, поскольку в 2008 г. отношения между Францией и Ливией стали стремительно ухудшаться, не в последнюю очередь потому, что полковнику удалось заручиться поддержкой итальянского и британского премьеров — С. Берлускони и Г. Брауна¹⁷.

Кроме М. Каддафи, Н. Саркози стремился поддерживать дружеские отношения и с президентом Туниса Зин аль-Абидином Бен Али, продолжая тем самым политическую линию своего предшественника. Оба французских лидера давали высокую оценку развитию Тунисской республики в период правления Бен Али. Так, в декабре 2003 г. Ж. Ширак заявлял: «Тунису удалось нечто, что может служить образцом с точки зрения развития экономики: постоянный экономический рост. Это — развивающаяся страна, где бедность значительно уменьшена, образование распространено повсеместно, где есть впечатляющие примеры социального развития, в частности, в области жилья»¹⁸. А Н. Саркози во время своего государственного визита в Тунисскую республику в апреле 2008 г., обращаясь к Бен Али, подчеркивал: «Ваша страна поддерживает процесс развития общечеловеческих прав и фундаментальных свобод... Сегодня пространство свобод прогрессирует. Это — ободряющие знаки, которые я хочу поприветствовать. Я полностью доверяю вашему желанию продолжать расширять пространство свобод в Тунисе»¹⁹. Многие французские исследователи делают заключение, что оба президента не хотели замечать тех проблем, которые нарастали в Тунисской республике: преследование инакомыслящих, постоянный рост давления на прессу, увеличение масштабов коррупции²⁰. Поддержка режима Бен Али Елисейским дворцом с политической точки зрения являлась ключевым условием для удержания Туниса в фарватере французского курса. Представляется, что более чем лояльное отношение и Ж. Ширака, и Н. Саркози к политике, проводимой кланом Бен Али-Трабелси, обуславливалось прежде всего тем, что она никак не мешала продвижению Франции на тунисский рынок,

¹⁶L'année politique, économique et sociale. 2007. Paris, 2008, p. 261.

¹⁷Chenal A. Nicolas Sarkozy et le monde arabe et musulman: moment néo-conservateur et/ou primauté de la communication // Sarkozy au Proche-Orient. Beyrouth, 2010, p. 40.

¹⁸www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

VISITE D'ETAT EN TUNISIE RENCONTRE-DISCUSSION DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, M. JACQUES CHIRAC, AVEC DES ELEVES DE PREMIERE ET DE TERMINALE DU LYCEE PIERRE MENDES-FRANCE — PROPOS DE M. CHIRAC — (Tunis, 5 décembre 2003) [09.03.2012]

<http://www.basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹⁹www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

VISITE D'ETAT EN TUNISIE ALLOCUTION DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, M. NICOLAS SARKOZY, LORS DU DINER D'ETAT OFFERT PAR LE PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE TUNISIENNE, M. ZINE EL ABIDINE BEN ALI (Tunis, 28 avril 2008) [09.03.2012]

<http://www.basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

²⁰См., напр.: Beau N., Tuquoi J.-P. Notre ami Ben Ali. Paris, 2011. P. 232–233; Chenal A. Nicolas Sarkozy et le monde arabe et musulman: moment néo-conservateur et/ou primauté de la communication // Sarkozy au Proche-Orient. Beyrouth, 2010, p. 40.

не препятствовала укреплению там и без того сильных позиций французского капитала, поддерживала необходимую для его развития стабильность²¹.

Ярким примером «сообщничества Елисейского и Карфагенского дворцов» стало дело о краже яхты крупного французского финансиста Б. Роже любимым племянником Лейлы Трабелси Имадом²². Начатое в 2006 г., еще при президенте Шираке, разбирательство длилось три года и завершилось в 2009 г. обвинением в групповой краже Имада, который так и не предстал перед французским правосудием, поскольку «Тунис не выдает своих граждан»²³. Интересно, однако, даже не обвинение, а сам факт того, что против одного из Трабелси, члена «Семьи» прокуратура Корсики завела уголовное дело. Причиной этого стал, вероятно, хозяин украденной яхты, личный друг Ж. Ширака и Н. Саркози Б. Роже. Понимая сложность ситуации, Лейла Трабелси всячески хлопотала перед Елисейским дворцом о «спасении головы своего дорого племянника»²⁴. Именно благодаря ее стараниям ситуация была решена компромиссом: Имаду предъявили обвинение, но осудить не смогли. Однако дело о краже яхты несколько лет осложняло отношения между двумя дворцами.

Непросто складывалось в период президентства Н. Саркози и сотрудничество Франции с Алжиром. Осложнения начались еще в 2003 г., объявленным Годом Алжира во Франции²⁵. когда Ж. Ширак предложил подписать двусторонний договор о дружбе и сотрудничестве. Однако после долгих обсуждений документ так и не был ратифицирован²⁶. Несмотря на то, что только за 2007 г. Н. Саркози несколько раз побывал в Алжире²⁷, значительного улучшения франко-алжирских отношений в его президентство не наступило, поскольку между двумя странами существовали серьезные разногласия по целому ряду аспектов. Так, постоянным «яблоком раздора» был и остается «вопрос памяти», т. е. трактовки общего колониального прошлого²⁸. Полемичной является, кроме того, тема убийства в марте 1996 г. семи монахов в монастыре Тибейрин на юге Алжира. Хотя по официальной версии преступление совершили «Вооруженные исламские группы», остается открытым вопрос об ответственности за него алжирской армии. Помимо сюжетов недавней истории, ряд препятствий в развитии двусторонних отношений появился непосредственно в годы президентства Н. Саркози. Так, в 2009 г. французские власти арестовали, а затем заключили под стражу алжирского дипломата Ассени Зиана, из-за чего был отложен визит президента Абдельазиза Бутефлики в Париж. В дальнейшем Алжир не раз выказывал недовольство медленным и осложненным формальностями процессом

²¹Франция занимает первое место по числу предприятий в Тунисе и по общему объему инвестиций, вложенных в экономику этой североафриканской страны.

²²Beau N., Tuquoi J.-P. Notre ami Ben Ali. Paris, 2011, p. 235–236.

²³Ibid. P. 236.

²⁴Ibid.

²⁵О мероприятиях, проведенных в рамках года, см. подробнее: Séchaud J.-Ph. Mémoires d'Algérie. Année de l'Algérie. Lyon, 2003.

²⁶Beau N., Tuquoi J.-P. Notre ami Ben Ali. Paris, 2011. P. 232 — 233; Chenal A. Nicolas Sarkozy et le monde arabe et musulman: moment néo-conservateur et/ou primauté de la communication // Sarkozy au Proche-Orient. Beyrouth, 2010, p. 42.

²⁷В июле, октябре и декабре.

²⁸Charillon F. La politique étrangère de la France au Moyen-Orient et en Méditerranée: dilemmes et recompositions // Regards sur l'actualité. Juin-juillet 2007. № 332. P. 46; L'année politique, économique et sociale. 2007. Paris, 2008, p. 116.

выдачи французских виз алжирцам, а также позицией Франции по проблеме Западной Сахары²⁹. Все указанные выше противоречия привели к закономерному итогу: ни в 2009, ни в 2010 г. визит А. Бутефлики в Париж так и не состоялся³⁰.

Любопытно отметить, что отношение Франции к вопросу Западной Сахары, которое Алжир считал промарокканским, официальный Рабат рассматривал как проалжирское. Таким образом, в связи с этой внешнеполитической проблемой Елисейский дворец был и по сей день находится между двух североафриканских огней. В октябре 2007 г., например, официальному Парижу в последний момент пришлось перенести «по требованию марокканских властей» рабочую поездку Н. Саркози в Рабат³¹. По данным Кэ д'Орсэ, аннулирование марокканским руководством рабочей поездки Н. Саркози объяснялось так: «Рабат был недоволен тем, что президент (Французской. — Т. Н.) Республики начал свое турне с Алжира»³². При этом все первое десятилетие XX в. франко-марокканские отношения, также как и франко-алжирские, омрачал, хотя и в меньшей мере, «вопрос памяти»³³. Вместе с тем связи между Рабатом и Парижем в президентство Н. Саркози стали менее теплыми и более официальными, чем при Ж. Шираке, поскольку, как уже отмечалось выше, последний в отличие от своего «наследника» сумел выстроить доверительные отношения с Мохаммедом VI³⁴.

По более позитивному сценарию развивались отношения между Францией и Египтом, которого Н. Саркози рассматривал как главного союзника в решении вопроса о ливанском досье и в работе над ближневосточным урегулированием³⁵. Находясь в конце декабря 2007 г. с визитом в Египте, французский президент сумел убедить Х. Мубарака возглавить вместе с ним новую организацию — Союз для Средиземноморья³⁶. Дело в том, что еще являясь кандидатом на пост главы Франции, Н. Саркози выступил с проектом создания Средиземноморского союза, чтобы укрепить позиции V Республики в Северной Африке и на Ближнем Востоке путем развития многоаспектного сотрудничества³⁷. Став президентом, он активно занялся продвижением своей идеи на южном и северном берегах Средиземного моря. В частности, привлечение Италии и Испании к этому проекту привело к трансформации его названия в Союз

²⁹Charillon F. Politique étrangère à la recherche d'une capacité d'entraînement // La France en 2009. Chronique politique, économique et sociale. Paris, 2010, p. 112. В период президентства Н. Саркози в вопросе Западной Сахары Франция в целом поддерживала позицию ООН, которая опиралась на доклад своего специального посланника К. Росса.

³⁰Charillon F. Politique étrangère à la recherche de nouveaux horizons // La France en 2010. Chronique politique, économique et sociale. Paris, 2011, p. 117–118.

³¹Le Figaro. 2007. 14 oct.

³²Ibid.

³³Charillon F. La politique étrangère de la France au Moyen-Orient et en Méditerranée: dilemmes et recompositions // Regards sur l'actualité. Juin-juillet 2007. № 332, p. 46.

³⁴Chenal A. Nicolas Sarkozy et le monde arabe et musulman: moment néo-conservateur et/ou primauté de la communication // Sarkozy au Proche-Orient. Beyrouth, 2010, p. 41.

³⁵Charillon F. Politique étrangère: les marges de manoeuvre étroites de la rupture // La France en 2008. Chronique politique, économique et sociale. Paris, 2009, p. 109.

³⁶Sika N. L'Égypte, de nouveau au centre // Outre-terre — Revue européenne de géopolitique. 2009. № 23, p. 153.

³⁷См. об этом подробнее: Discours de Nicolas SARKOZY. Toulon — Mercredi 7 février 2007. Paris, 2007; Татарчук Н. В. Эволюция идеи Н. Саркози о создании Средиземноморского союза: от Тулонской речи к «Римскому воззванию» // Вестник Московского университета. Серия 25. 2010. № 1, с. 42–67.

для Средиземноморья (СДС)³⁸. В ходе всех своих поездок в государства Северной Африки в 2007–2008 гг. Н. Саркози агитировал их руководство принять участие в создании и деятельности задуманной им организации³⁹. Усилия французского президента вскоре принесли плоды: все страны Южного Средиземноморья стали ее членами⁴⁰. Исключение составила только Ливия: Муаммар Каддафи, в декабре 2007 г. одобрявший инициативу Н. Саркози, накануне учредительного саммита новой организации, состоявшегося 13 июля 2008 г., выступил против ее создания под предлогом того, что образование Союза разрушает африканское единство, и не приехал на форум. Более того, 10 июня в Триполи лидер Джамахирии провел встречу с другими арабскими лидерами⁴¹, на которой убеждал их не участвовать в проекте Н. Саркози, в частности подчеркнул: «Мы не голодающие и не собаки, чтобы нам кидали кость»⁴². Представляется, что отношение М. Каддафи к созданию новой организации поменялось не случайно, а под влиянием политической конъюнктуры. Дело в том, что в ходе его визита в Париж, о котором говорилось выше, была достигнута договоренность о начале в первой половине 2008 г. переговоров насчет заключения военных контрактов⁴³. Вероятно, зимой — весной 2008 г. М. Каддафи поступили более выгодные предложения из других стран, что обусловило «похолодание» во франко-ливийских отношениях.

Зато создание Союза укрепило франко-египетские связи, поскольку Франция и Египет стали сопредседателями новой организации⁴⁴, которая в окончательной редакции получила название Барселонский процесс: Союз для Средиземноморья (БПСДС). В декабре 2008 — январе 2009 гг. Н. Саркози и Х. Мубарак приняли активное участие в урегулировании

³⁸www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] Appel de Rome pour l'Union pour la Méditerranée de la France, l'Italie et l'Espagne. Communiqué de la présidence de la République (Rome, 20 décembre 2007) [09.03.2012]

<http://www.basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php

³⁹См., напр.: www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] VISITE D'ETAT AU ROYAUME DU MAROC. DISCOURS DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, M. NICOLAS SARKOZY (Tanger, 23 octobre 2007) [05.03.2012]

<http://www.basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] VISITE D'ETAT EN ALGERIE. ALLOCUTION DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, M. NICOLAS SARKOZY, A L'OCCASION DU DEJEUNER D'ETAT OFFERT PAR LE PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE ALGERIENNE DEMOCRATIQUE ET POPULAIRE, M. ABDELAZIZ BOUTEFLIKA (Alger, 4 décembre 2007) [10.03.2012]

<http://www.basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁴⁰ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] Déclaration commune du sommet de Paris pour la Méditerranée. Paris, 13 juillet 2008 [09.03.2012]

<http://www.basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php

⁴¹На этом арабском саммите присутствовали президенты Мавритании, Туниса, Алжира и Сирии, а также премьер-министр Марокко.

⁴²Цит. по: Chenal A. Nicolas Sarkozy et le monde arabe et musulman: moment néo-conservateur et/ou primauté de la communication // Sarkozy au Proche-Orient. Beyrouth, 2010, p. 40.

⁴³L'année politique, économique et sociale. 2007. Paris, 2008, p. 119.

⁴⁴elysee.fr [en ligne]

Conférence de presse conjointe avec M. Mohamed Hosni MOUBARAK, Président de la République arabe d'Egypte, en présence de M. BAN KI-MOON, Secrétaire général des Nations-Unies et de M. José MANUEL BARROSO, Président de la Commission européenne et M. Bernard Kouchner, Ministre des affaires étrangères [17.05.2009]

<http://www.elysee.fr/documents/index.php?mode=cvview&cat_id=3&press_id=1602&lang=fr>

кризиса, вызванного бомбардировками Израилем Сектора Газа. 6 января президенты предложили противоборствующим сторонам совместный план по прекращению огня, который был одобрен США и Израилем⁴⁵. Кроме того, Франция поддержала кандидатуру египетского министра культуры Фарука Хосни на пост генерального директора ЮНЕСКО. Правда, все усилия особого советника Н. Саркози А. Гэно в этом направлении не увенчались успехом, и должность занял представитель Болгарии, что не сказалось критически на двусторонних отношениях, но «осадак остался»⁴⁶.

В целом в 2007–2010 гг. отношения Франции со странами Северной Африки стали менее неформальными и более официальными, чем до этого, в годы второго президентского срока Ж. Ширака. Президентство Н. Саркози с точки зрения укрепления связей с Южным Средиземноморьем началось весьма позитивно визитами французского лидера в Алжир, Тунис, Марокко и Египет, посещением М. Каддафи Парижа, а также созданием БПСДС, объединившего все Средиземноморье в рамках общей организации. Однако позже градус отношений Франции с государствами Северной Африки стал неуклонно снижаться, и их развитие шло скорее по инерции, встречая на пути препятствия из-за нерешенных старых противоречий и новых проблем. Этот процесс показал, что одних амбиций Н. Саркози для эволюции сотрудничества с южным берегом Средиземного моря недостаточно, а такими крепкими личными связями с арабскими лидерами, какие были у Ж. Ширака и которые, вероятно, могли бы помочь выровнять ситуацию, новый президент Франции не располагал. Ярким символом трудностей, переживаемых французской дипломатией в отношениях с Северной Африкой, стал БПСДС, погрязший в дележе административных постов между арабскими странами и к 2011 г. едва сумевший разбраться с местоположением своей штаб-квартиры и составом аппарата⁴⁷.

Реакция Франции на события «жасминовой революции»

Французские исследователи отмечают, что для руководства V Республики, как, впрочем, и для всего западного мира, «арабская весна» стала большой неожиданностью⁴⁸. Этот факт тем более удивителен, что ученые Франции предупреждали руководство страны о возможных потрясениях в Восточном и Южном Средиземноморье. Так, еще в феврале 2005 г. известный французский арабист О. Руа составил для Центра анализа и прогнозирования министерства иностранных дел специальную записку «Демократизация Ближнего Востока

⁴⁵Основные положения плана см. подробнее: Charillon F. Politique étrangère: les marges de manoeuvre étroites de la rupture // La France en 2008. Chronique politique, économique et sociale. Paris, 2009, p. 109.

⁴⁶Chenal A. Nicolas Sarkozy et le monde arabe et musulman: moment néo-conservateur et/ou primauté de la communication // Sarkozy au Proche-Orient. Beyrouth, 2010, p. 42–43.

⁴⁷См. об этом подробнее: Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 57: июль — сентябрь 2009 г. Москва, 2009, с. 29; Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 58: октябрь — декабрь 2009 г. Москва, 2010, с. 29–30; Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 60: апрель — июнь 2010 г. Москва, 2010, с. 32.

⁴⁸См., напр.: Charillon F. Les diplomaties américaine et européenne face au “printemps arabe” // Moyen-Orient. Janvier-mars 2012. № 13, p. 67.

неизбежна, несмотря на подъем исламистов». В ней он отмечал, что «светские авторитарные режимы (в арабских странах. — Т. Н.) слабеют... Они являются препятствием на пути экономического развития по причине коррупции правящих элит»⁴⁹. Кроме того, О. Руа подчеркивал, что «даже в сложных условиях люди хотят голосовать и идут голосовать»⁵⁰. Он призывал французское руководство не бояться прихода к власти на Арабском Востоке исламистов, поскольку, по его прогнозам, «выборы не приведут к триумфу радикального исламизма, но, наоборот, подтолкнут исламистские движения к компромиссу»⁵¹.

Первая реакция Министерства иностранных дел Франции на самосожжение 17 декабря 2010 г. Мухаммеда Буазизи поступила только в конце месяца. На вопрос журналистов представитель ведомства заявил: «Мы внимательно следим за ситуацией»⁵². Он также подчеркнул, что проблема безработицы в Тунисе, главная причина социальных волнений, является очень острой и ее решение — «один из приоритетов франко-тунисского сотрудничества»⁵³. 31 декабря журналистов интересовало, потребует ли Франция от Туниса освобождения арестованных во время манифестаций защитников прав человека. Представитель Министерства отметил, что, по его информации, двух адвокатов отпустили. Он, кроме того, высказался за «ослабление напряженности»⁵⁴. Таким образом, в конце 2010 г. Франция занимала позицию наблюдателя относительно происходящего в Тунисе, но, вместе с тем, наблюдателя очень внимательного, хотя и невзыскательного.

В январе 2011 г. с резким осуждением вооруженных разгонов манифестаций тунисского народа выступила французская оппозиция, представленная в Национальном собрании различными левыми силами: социалистами, коммунистами, зелеными и республиканцами. Французская коммунистическая партия (ФКП) 11 января 2011 г. первая открыла дебаты с министрами в ходе правительственного часа в нижней палате парламента. Коммунист Ж.-П. Леккок, назвав клан Трабелси «мафиозным» и осудив «репрессии, проводимые полицией против манифестантов», спросил у министра иностранных дел М. Аллио-Мари: «Почему Франция непоколебимо поддерживает диктатуру Бен Али?»⁵⁵ От прямого ответа на поставленный вопрос глава МИДа ушла, несмотря на постоянные крики депутатов от ФКП с мест: «А Бен Али?»⁵⁶ Она отметила, что французское правительство занимается

⁴⁹Roy O. La démocratisation du Moyen Orient est incontournable, malgré la montée des islamistes. Paris, 2005. P. 1.

⁵⁰Ibid.

⁵¹Ibid. P. 2.

⁵²www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

27/12/2010 — Paris — Point de presse [24.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/cadcgp.php?CMD=CHERCHE&QUERY=1&MODELE=vues/mae_internet_recherche_avancee/home.html&VUE=mae_internet_recherche_avancee&NOM=cadic_anonyme&FROM_LOGIN=1>

⁵³Ibid.

⁵⁴www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

31/12/2010 — Paris — Point de presse [24.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/cadcgp.php?CMD=CHERCHE&QUERY=1&MODELE=vues/mae_internet_recherche_avancee/home.html&VUE=mae_internet_recherche_avancee&NOM=cadic_anonyme&FROM_LOGIN=1>

⁵⁵Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 2831 de M. Jean-Paul Lecoq (Gauche démocrate et républicaine — Seine-Maritime) [29.03.2012]

<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2831QG.htm>

⁵⁶Ibid.

«спокойным и объективным анализом ситуации» и подчеркнула насущную необходимость решить проблему безработицы в Тунисе⁵⁷. Что касается человеческих жертв, которых по сведениям Ж.-П. Леккока насчитывалось только за последний уикенд около двух десятков, то М. Аллио-Мари выразила сожаление и предложила подключить к урегулированию ситуации в Тунисе французские силы безопасности.

На вопрос другого депутата, своего соратника по партии Союз за Народное Движение (СНД) А. Понятовски, который поинтересовался, какую позицию занимает Франция относительно ситуации в Тунисе, министр ответила, что «в этих сложных обстоятельствах» самым главным является «дружба» между двумя народами. М. Аллио-Мари, кроме того, согласилась со словами А. Понятовски о том, что французы не должны учить другие страны, как им жить⁵⁸. В это время на скамье открыто выражал свое недовольство речью министра один из бывших патриархов ФКП М. Грметц: «Пятьдесят убитых (во время волнений в Тунисе. — Т. Н.), а вы не говорите об этом ни слова!»⁵⁹ По реакции коммунистов было понятно, что французская оппозиция ждала от правительства осуждения политики режима Бен Али, приведшей к гибели мирных граждан. Кроме того, не вызывало сомнений, что министрам еще не раз придется разъяснять депутатам свою позицию по «тунисскому вопросу».

13 января 2011 г. премьер-министр Франции Ф. Фийон, находясь с официальным визитом в Лондоне, выразил серьезную озабоченность ситуацией в Тунисе. Он призвал стороны прекратить насилие и встать на путь переговоров. Ф. Фийон подчеркнул, что «французское правительство приложит все усилия, чтобы убедить правительство Туниса выбрать этот путь»⁶⁰. Он отметил, правда, без каких-либо уточнений, что ряд лиц, задержанных в ходе беспорядков, уже отпустили, и указал на то, что проблемы экономического характера, ставшие причиной тунисских волнений, могут быть решены совместными усилиями этой страны, Франции и Евросоюза⁶¹.

Премьер-министру вторила в тот же день М. Аллио-Мари в интервью «EUROPE 1». Она призвала власти Туниса «избегать чрезмерного использования силы», о чем Ф. Фийон также говорил в Лондоне, и высказалась за ослабление напряженности. Министр подчеркнула: «Мы призываем каждого (в Тунисе. — Т. Н.) к сдержанности»⁶².

⁵⁷Ibid.

⁵⁸Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 2838 de M. Axel Poniatowski (Union pour un Mouvement Populaire — Val-d'Oise) [29.03.2012]

<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2838QG.htm>

⁵⁹Ibid.

⁶⁰www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

VISITE OFFICIELLE AU ROYAUME-UNI. CONFERENCE DE PRESSE CONJOINTE DE PREMIER MINISTRE, FRANCOIS FILLON, ET DU PREMIER MINISTRE DU ROYAUME-UNI DE GRANDE-BRETAGNE ET D'IRLANDE DU NORD, DAVID CAMERON. PROPOS DE M. FILLON (Londres, 13 janvier 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁶¹Ibidem.

⁶²www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

TUNISIE. ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC "EUROPE 1" (Doha, 13 janvier 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

В другом интервью, также от 13 января 2011 г., М. Аллио-Мари дала разъяснения относительно своего предложения помочь Тунису урегулировать внутреннюю ситуацию, введя французские силы безопасности. Она, в частности, отметила, что, занимая ранее пост министра внутренних дел, уже сталкивалась с проблемой народных выступлений во время саммита ООН, проходившего во Франции. Тогда, по ее мнению, французские силы правопорядка успешно справились с поставленной задачей: не было ни убитых, ни раненых. Именно поэтому, чтобы избежать жертв среди населения, М. Аллио-Мари предложила помощь властям Туниса в обеспечении внутренней безопасности⁶³.

На следующий день семья Бен Али покинула Тунис и нашла убежище в Саудовской Аравии, пост премьер-министра между тем сохранил Мухаммед Ганнуши. На свержение режима клана Тралелси незамедлительно отреагировал Елисейский дворец. В кратком коммюнике отмечалось, что Франция, во-первых, «приняла к сведению конституционный переход власти, обнародованный премьер-министром Ганнуши», во-вторых, призывает к «ослаблению напряженности», в-третьих, поддерживает тунисский народ «на этом решающем этапе (его истории. — Т. Н.)»⁶⁴. Об отношении к режиму Бен Али, о результатах его длительного правления и о дальнейшей судьбе Туниса не было сказано ни слова.

15 января, однако, Елисейский дворец обнародовал более подробное коммюнике. В нем подчеркивалось, что французская политика основывается на принципах невмешательства, поддержки демократии и свободы. Кроме того, в документе содержался призыв к «организации свободных выборов (в Тунисе. — Т. Н.) в ближайшие сроки» и заявление о готовности «Франции ответить на любое требование о помощи», поступившее из этой североафриканской страны⁶⁵. Отдельно в коммюнике оговаривалось, что все тунисские финансовые авуары «сомнительного» характера будут во Франции «заморожены», и что на любой запрос о них «конституционных властей» Туниса последует незамедлительный ответ⁶⁶. Таким образом, в отличие от коммюнике, появившегося 14 января, документ, увидевший свет на следующий день, показывал, что Елисейский дворец взял курс на сотрудничество с новым тунисским руководством и что Бен Али может не рассчитывать на поддержку Франции, намеревавшуюся осуществить решительный шаг по «замораживанию» счетов, большая часть которых, вероятно, принадлежала бывшему президенту. Однако Елисейский дворец дал ясно понять новым властям Туниса, что ждет от них

⁶³ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC "AL JAZIRA". EXTRAITS (Paris, 13 janvier 2011) [27.03.2012]
<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁶⁴ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
SITUATION EN TUNISIE. COMMUNIQUE DE LA PRESIDENCE DE LA REPUBLIQUE (Paris, 14 janvier 2011) [27.03.2012]
<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁶⁵ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
SITUATION EN TUNISIE. COMMUNIQUE DE LA PRESIDENCE DE LA REPUBLIQUE (Paris, 15 janvier 2011) [27.03.2012]
<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁶⁶ Ibid.

дальнейшей демократизации страны и, прежде всего, проведения выборов, того, о чем само тунисское правительство не раз заявляло. Оба коммюнике между тем имели две схожие черты. В них, во-первых, не содержалось даже упоминания о режиме Бен Али, а, во-вторых звучали слова поддержки тунисскому народу.

16 января журналист еженедельника «Le journal du dimanche» спросил у М. Аллио-Мари, не «смущены» ли французские власти тем, что так долго поддерживали диктатуру изгнанного тунисского президента. Министр в свойственной ей манере ушла от прямого ответа, подчеркнув, что «мы не хотели подливать масла в огонь» и что Франция придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других государств⁶⁷. Кроме того, журналиста интересовало, считает ли М. Аллио-Мари «реальной исламистскую угрозу в Тунисе»⁶⁸. Министр ответила, что не этим фактом руководствуется V Республика при проведении своей внешней политики и что Франция активно сотрудничает со странами Магриба в сфере борьбы против терроризма. Следовательно, и на этот вопрос точного ответа получено не было. В целом М. Аллио-Мари в небольшом интервью еженедельнику столько раз повторила тезис о невмешательстве, что становилась очевидной его декларативность. Министр также сообщила, что Бен Али никогда не обращался к французским властям с просьбой предоставить ему убежище, но, если бы такая просьба от него поступила, подчеркнула она, то «была бы отвергнута»⁶⁹. М. Аллио-Мари, кроме того, отметила, что вокруг бегства президента Туниса «ходит много слухов, но они беспочвенны»⁷⁰. Однако, по сведениям специалиста по Ближнему Востоку М. Феки, Бен Али все-таки просил у Франции убежища, но ему отказали⁷¹. В конце интервью журналист поинтересовался у министра ее мнением насчет народных волнений в Египте и Алжире. Здесь надо отметить, что «алжирский вопрос» уже был поднят Ж.-П. Лекоком в ходе рассмотренного выше правительственного часа в Национальном собрании⁷², а также несколько раз упоминался в прессе в ходе бесед с М. Аллио-Мари⁷³. Однако, в общем, он всегда шел как дополнение, своеобразный довесок к тунисской проблеме. Министр отвечала на вопросы относительно происходящего в Алжире очень кратко, и ее реплики сводились к тому, что причиной манифестаций является безработица среди молодежи и что французские власти внимательно следят за ситуацией.

⁶⁷ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
SITUATION EN TUNISIE. ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC L'HEBDOMADAIRE "LE JOURNAL DU DIMANCHE" (Paris, 16 janvier 2011) [27.03.2012]
<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Feki M. Les révoltes arabes. Géopolitique et enjeux. Paris, 2011, p. 40.

⁷² Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 2831 de M. Jean-Paul Lecoq (Gauche démocrate et républicaine — Seine-Maritime) [29.03.2012]

<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2831QG.htm>

⁷³ См., напр.: www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
TUNISIE. ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC "EUROPE 1" (Doha, 13 janvier 2011) [27.03.2012]
<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

Поскольку и депутатов, и журналистов больше беспокоили события в Тунисе, этого было достаточно для разъяснения официальной позиции Франции по ситуации в Алжире. Представляется, что «алжирский вопрос» привлекал гораздо меньше внимания, т. к. указанное североафриканское государство уже давно переживало внутренний кризис. Следовательно, волнения в Алжире были делом привычным. Ситуация же в Тунисе внешне отличалась до декабря 2010 г. стабильностью, и поэтому широкомасштабные манифестации, приведшие к тому же к свержению режима Бен Али, 23 года продержавшегося у власти, вызывали значительно больше вопросов. В рассматриваемом интервью еженедельнику «Le journal du dimanche» М. Аллио-Мари отметила, что следует различать природу народных выступлений в Египте и в Алжире. По ее мнению, в первой стране ключевую роль играли исламистские движения, а во второй — очевидная населению «разница между бедностью и чувством, что существует потенциальное богатство страны»⁷⁴.

18 января в Национальном собрании Франции был большой правительственный день: в разных комиссиях выступало сразу несколько министров, а на сеансе вопросов присутствовал сам премьер-министр Ф. Фийон. В 10.45 свою работу с речи М. Аллио-Мари, посвященной событиям в Тунисе, начала комиссия по иностранным делам. Министр подробно рассказала о внутривластной ситуации в этой стране, поименно остановившись на составе нового правительства национального единства и тех реформах, которые ему предстоит провести. Однако в течение одной трети своего выступления М. Аллио-Мари разъясняла высказанный ею ранее тезис о подключении к урегулированию ситуации в Тунисе французских сил правопорядка. Министр отметила, прежде всего, что ее слова неправильно истолковали. Она уточнила: «мы были готовы — в дальнейшем, конечно, т. к. речь идет об образовании, — передать посредством обучения наши знания в сфере управления толпой без чрезмерного применения силы... Очевидно, что совершенно немыслимо, чтобы Франция предоставляла прямую помощь другой стране путем введения сил правопорядка».⁷⁵ Таким образом, М. Аллио-Мари, согласно ее разъяснениям, совсем не имела в виду ввод сил безопасности Франции в Тунис для бескровного разгона выступлений, она говорила о возможности обучения этому тунисской полиции французскими специалистами. Справедливости ради надо отметить, что слова, сказанные министром 11 января, очень сложно интерпретировать так, как она их уточнила 18 числа на заседании комиссии, о чем ей не преминул сказать Ж.-П. Лекок⁷⁶. По поводу режима Бен Али и его отставки М. Аллио-Мари в своем выступлении ничего не сказала.

О бывшем президенте ни она, ни премьер-министр Ф. Фийон также ни разу не упомянули, отвечая во время правительственного часа на вопросы депутатов относительно

⁷⁴ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
SITUATION EN TUNISIE. ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC L'HEBDOMADAIRE "LE JOURNAL DU DIMANCHE" (Paris, 16 janvier 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁷⁵Assemblée Nationale [en ligne]

Commission des affaires étrangères. Mardi 18 janvier 2011. Séance de 10 h 45. Compte rendu № 27 [29.03.2012]

<<http://assemblee-nationale.fr/13/cr-cafe/10-11/c1011027.asp>>

⁷⁶Ibid.

ситуации в Тунисе. Однако оба обещали оказать новому руководству этой страны и ее народу всю возможную помощь. Так, М. Аллио-Мари сообщила, что Франция будет добиваться для Туниса статуса продвинутого сотрудничества в рамках Европейской политики соседства (ЕПС)⁷⁷. Это подтвердил и Ф. Фийон. Он, кроме того, сообщил депутатам, что Франция «окажет тунисскому правительству, если оно того пожелает, помощь в подготовке и организации выборов»⁷⁸. Премьер-министр подчеркнул, что считает необходимым развивать сотрудничество между двумя странами в экономической и культурной области. Интересно отметить, что все предложения Ф. Фийона относительно помощи Тунису прозвучали в ответ на вопрос социалиста Ж.-М. Эйро, насколько позиция М. Аллио-Мари соответствует мнению президента и не пора ли отправить главу Кэ д'Орсэ в отставку, принимая во внимание ее речь 11 января. Премьер-министр в начале выступления сказал, что полностью поддерживает министра иностранных дел и сожалеет, что ее слова были неверно истолкованы, а дальше перешел к «тунисской проблеме»⁷⁹. Открытым, однако, остался ключевой вопрос: М. Аллио-Мари 11 января выражала общее мнение исполнительной власти Франции или свое личное, т. е. намеревались ли правительство и/или президент посылать в Тунис силы правопорядка.

Кроме Ф. Фийона и М. Аллио-Мари 18 января в рамках правительственного часа был задан вопрос министру экономики, финансов и промышленности — К. Лагард. Депутат Нового Центра М. Юно поинтересовался у нее, не следует ли привлечь к проверке счетов клана Бен Али-Трабелси французское агентство, занимающееся борьбой против отмывания денег. Министр ответила, что соответствующие инструкции по указанию президента и премьер-министра уже были даны. Кроме того, К. Лагард перечислила, что еще необходимо сделать в этом направлении: «выявить все движимые и недвижимые активы, принадлежащие семье и близким бывшего президента Бен Али», тесно взаимодействовать с властями Туниса в данной области и юридическим путем указанные активы «заморозить»⁸⁰. Из ее слов стало ясно, что счета клана Бен Али-Трабелси все еще не «заморожены».

Таким образом, к рассмотрению ситуации в Тунисе на заседании Национального собрания были привлечены ключевые члены правительства — сам премьер-министр,

⁷⁷Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 2859 de M. Renaud Muselier (Union pour un Mouvement Populaire — Bouches-du-Rhône) [29.03.2012]

<<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2859QG.htm>>

ЕС в течение ряда лет отказывает Тунису в статусе продвинутого сотрудничества, которым уже располагает Марокко, на основании отсутствия прогресса в сфере соблюдения прав человека. См. об этом подробнее: Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 58: октябрь — декабрь 2009г. Москва, 2010, с. 50. О ЕПС см. подробнее: Les banlieues de l'Europe. Les politiques de voisinage de l'Union européenne / Sous la dir. J. Rupnik. Paris, Presses de Sciences Po, 2007, p. 160.

⁷⁸Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 2860 de M. Jean-Marc Ayrault (Socialiste, radical, citoyen et divers gauche — Loire-Atlantique) [29.03.2012]

<<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2860QG.htm>>

⁷⁹Ibidem.

⁸⁰Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 2857 de M. Michel Hunault (Nouveau Centre — Loire-Atlantique) [29.03.2012]

<<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2857QG.htm>>

министры иностранных дел и экономики, — что подчеркивает важность обсуждаемой тематики. Выступления представителей правительства показали, что оно активно работает над укреплением двусторонних отношений и оказанием всесторонней помощи Тунису. Кроме того, впервые на правительственном часе прозвучало предложение об отставке М. Аллио-Мари за ее неосторожное высказывание относительно помощи в разгоне митингующих в этой североафриканской стране.

Пока министры и депутаты вели полемику в стенах Бурбонского дворца, французский еженедельник «Canard Enchaîné», известный своим язвительным стилем, сообщил, что накануне отъезда Бен Али из Туниса французский посол прислал оттуда телеграмму в Кэ д'Орсэ и резиденцию Н. Саркози, в которой значилось: тунисский президент «взял ситуацию под контроль»⁸¹. В Министерстве иностранных дел Франции отказались комментировать эту ситуацию. Не последовало из Кэ д'Орсэ никаких разъяснений и насчет информации, появившейся в СМИ, о том, что на границе был остановлен некий груз, необходимый для поддержания правопорядка, заказанный тунисским правительством одному из французских предприятий⁸². Указанные выше сообщения в прессе показывают, что дебаты в парламенте касались одних вопросов в рамках «тунисской проблемы» — помощь этой стране, позиция М. Аллио-Мари, — а между тем был еще пласт других событий, которые ускользнули от внимания депутатов, занятых межпартийной борьбой, поскольку затушевывался инцидент в Кэ д'Орсэ, где к нему не желали привлекать лишнего внимания. В итоге возникает вопрос, на который до сих пор нет четкого ответа: какую политику в действительности проводило Министерство иностранных дел Франции в отношении Туниса в дни «жасминовой революции»?

Тем временем «тунисский вопрос» был поднят на заседании французского Совета министров. По сообщению пресс-секретаря правительства Ф. Баруана, Н. Саркози в ходе обсуждения выразил поддержку народу Туниса, который, «положив с мужеством и достоинством конец отвергнутому им режиму, нашел дорогу мирного перехода (к демократии. — Т. Н.)»⁸³. Ф. Баруан, однако, не уточнил, какие конкретно аспекты «жасминовой революции» рассматривало правительство, и были ли среди его членов разногласия.

Парламентской оппозиции казалось недостаточным то, что главы исполнительной власти Франции хором высказываются в поддержку Туниса, ее интересовали совсем другие моменты. Так, целый град вопросов обрушил 19 января в Национальном собрании на М. Аллио-Мари социалист Г. Горс: «Приемлемо ли, чтобы министр иностранных дел мог, находясь в эпицентре кровавых репрессий, предлагать полицейскую помощь от имени Франции?.. Ошибка, которую совершило правительство, это его пассивность перед лицом событий (в

⁸¹ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] 19/01/2011 — Paris — Point de presse [24.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/cadcgp.php?CMD=CHERCHE&QUERY=1&MODELE=vues/mae_internet___recherche_avancee/home.html&VUE=mae_internet___recherche_avancee&NOM=cadic_anonyme&FROM_LOGIN=1>

⁸²Ibidem.

⁸³www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] Déclaration du porte-parole du gouvernement — 19 janvier 2011 [24.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

Тунисе. — Т. Н.)... Почему именно правительство Соединенных Штатов нашло слова, чтобы разоблачить чрезмерное применение силы (режимом Бен Али. — Т. Н.)?.. Не это ли доказательство утраты Францией влияния в этом регионе?»⁸⁴ Представляется, что Г. Горс поднял ключевой вопрос для всей французской дипломатии: насколько ей удастся удерживать свои позиции в Южном Средиземноморье, если она оказалась совершенно не готова к «жасминовой революции» и даже не проявила живость реакции? М. Аллио-Мари снова ушла от ответа на все вопросы разом, повторив, что ее слова о привлечении французских сил правопорядка левые истолковывают неверно. За это она даже «удостоилась» выкрика со скамьи социалистов: «В отставку!»⁸⁵ Таким образом, обсуждение «тунисского вопроса» в Национальном собрании зашло в тупик, поскольку оппозиция все больше склонялась к мысли об отставке министра иностранных дел, а она, в свою очередь, доказывала, что социалисты 11 января неправильно ее поняли.

На следующий день полемика вокруг политики правительства относительно событий в Тунисе возобновилась в Сенате, где защищать честь Кэ д'Орсэ в отсутствие отправившейся в Израиль М. Аллио-Мари выпало на долю министра по сотрудничеству Э. де Ранкуру. Социалистам в верхней палате парламента, так же как и в нижней, не давало покоя бездействие французских министров на фоне «жасминовой революции». Э. де Ранкур парировал тем, что следует уважать принцип невмешательства. Он, кроме того, подчеркнул: «Мы признаем страны, мы не признаем режимы сами по себе»⁸⁶. Министр по сотрудничеству также озвучил сенаторам общую сумму, которую вложила Франция в различные программы по развитию Туниса за последние несколько лет, — 1,5 миллиарда евро. «На виллы Бен Али!» — прокомментировал со скамьи социалист Р.-П. Сине предназначение этих денег⁸⁷. Министр был так возмущен этим замечанием, что даже ответил, хотя обычно члены правительства игнорировали реплики оппозиции с мест: «Мы не потратили на это не сантима, месье Сине»⁸⁸. Э. де Ранкур закончил сеанс вопросов признанием в любви к Тунису⁸⁹.

Любовь не спасала, однако, Кэ д'Орсэ от нападков не только парламентариев, но и прессы. 21 января журналисты живо интересовались у представителя министерства, что означали на самом деле слова М. Аллио-Мари о возможности подключить французские силы правопорядка к урегулированию ситуации в Тунисе, и насколько они отражали официальную

⁸⁴ Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 2880 de M. Gaëtan Gorce (Socialiste, radical, citoyen et divers gauche — Nièvre) [29.03.2012]

<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2880QG.htm>

⁸⁵Ibid.

⁸⁶ Senat [en ligne]

Question d'actualité au gouvernement № 0580G de M. Jean-Pierre Sueur (Loiret — SOC) [29.03.2012]

<http://www.senat.fr/questions/base/2011/qSEQ11010580G.htm>

⁸⁷ Senat [en ligne]

Question d'actualité au gouvernement № 0587G de M. Jacques Gautier (Hauts-de-Seine — UMP) [29.03.2012]

<http://www.senat.fr/questions/base/2011/qSEQ11010587G.htm>

⁸⁸Ibid.

⁸⁹ Senat [en ligne]

Question d'actualité au gouvernement № 0580G de M. Jean-Pierre Sueur (Loiret — SOC) [29.03.2012]

<http://www.senat.fr/questions/base/2011/qSEQ11010580G.htm>

позицию Франции. Ответ последовал в присущей Кэ д'Орсэ дипломатичной манере: «Тунисцам совершенно неинтересна полемика, развернувшаяся у нас (вокруг слов министра иностранных дел — Т. Н.). Им нужна поддержка»⁹⁰. Более точно представитель Кэ д'Орсэ ответил на вопрос о ситуации с авуарами клана Бен Али-Трабелси. Он сказал, что решение об их «замораживании» будет принимать прокурор, но ему для этого необходимы санкции французского агентства по борьбе с отмыванием денег⁹¹. Следовательно, хотя счета семьи Бен Али и находились под пристальным контролем французских властей, они все еще оставались «незамороженными».

И французские журналисты, и парламентарии в своих вопросах отмечали плохую работу Кэ д'Орсэ и французской разведки по прогнозированию ситуации в Северной Африке. В интервью 21 января М. Аллио-Мари призналась, что впервые о бегстве Бен Али она услышала в частном телефонном разговоре с одним своим тунисским другом, имя которого она не разглашала. На вопрос о том, почему же спецслужбы Франции не заметили подготовки к бегству, министр ответила: «У меня, на самом деле, нет объяснения»⁹². Позже, 26 января, национальный координатор французской разведки Б. Бажоле, выступая перед Комиссией по национальной обороне и вооруженным силам нижней палаты парламента, признается, что «ни наше посольство, ни наши спецслужбы, ни наши научные центры, на самом деле никто, не увидел приближения тунисской революции»⁹³. Он отметил также, что узнал о бегстве Бен Али, когда оно уже стало свершившимся фактом⁹⁴.

24 января Н. Саркози дал большую пресс-конференцию в Елисейском дворце по случаю начала французского председательства в «большой двадцатке» и «большой восьмерке». Журналистов, конечно, интересовала замедленная реакция Франции на события «жасминовой революции». Отвечая на этот вопрос, Н. Саркози подчеркнул, что реакция была не замедленной, а осторожной, поскольку в прошлом Тунис долгое время являлся французским протекторатом. Учитывая данное обстоятельство, президент не мог, по его мнению, позволить себе свободно комментировать революционные события, а только — очень деликатно и сдержанно. Но, подчеркнул Н. Саркози, Франция не словами, а делами поддержала «жасминовую революцию», поскольку она «приютила почти всю демократическую

⁹⁰ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] 21/01/2011 — Paris — Point de presse [24.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/cadcgpp.php?CMD=CHERCHE&QUERY=1&MODELE=vues/mae_internet_recherche_avancee/home.html&VUE=mae_internet_recherche_avancee&NOM=cadic_anonyme&FROM_LOGIN=1>

⁹¹ Ibid.

⁹² www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] DEPLACEMENT AU PROCHE-ORIENT. ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC "LCF". (Paris, 21 janvier 2011) [27.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁹³ Assemblée Nationale [en ligne] Commission des affaires étrangères. Mardi 18 janvier 2011. Séance de 10 h 45. Compte rendu № 27 [29.03.2012] <<http://assemblee-nationale.fr/13/cr-cafe/10-11/c1011027.asp>>

⁹⁴ Ibid.

опозицию Туниса»⁹⁵. И хотя, по сообщению президента, тунисские власти на этом основании неоднократно упрекали Елисейский дворец в поддержке заговоров против Бен Али, Франция «принимала и даже защищала» тунисские оппозиционные силы⁹⁶. Кроме того, журналисты спросили у французского президента, насколько выступление М. Аллио-Мари в Национальном собрании 11 января отражало его позицию. Н. Саркози ушел от прямого ответа на этот непростой вопрос, лишь лаконично отметив, что министр иностранных дел «не имела желания оскорбить манифестантов, но лишь избежать еще более негативных последствий»⁹⁷. Таким образом, прессе, как и ранее депутатам, не удалось узнать, официальную ли позицию Франции выражала М. Аллио-Мари 11 января.

Саму мадам министр снова призвали к ответу члены Национального собрания. На этот раз социалистов Г. Горса и Б. Ле Ру интересовал эпизод с остановкой на границе некоего груза, необходимого для поддержания правопорядка, заказанного тунисским правительством одному из французских предприятий. Из вопросов парламентариев стало ясно, что груз весил 7 тонн и должен был быть доставлен самолетом. В связи с этим социалистов интересовало, кто и зачем санкционировал его отправку, и какие еще грузовые трансферты осуществляла Франция в Тунис в период «жасминовой революции». С точки зрения Г. Горса и Б. Ле Ру, прослеживалась очевидная закономерность: М. Аллио-Мари предлагала отправить французские полицейские силы в Тунис, а исполнительная власть (хотя и неясно, кто именно) отправляла туда грузы, которые могли помочь режиму Бен Али бороться с манифестантами. Таким образом, делали логичный для них вывод социалисты, официальная Франция поддерживала режим свергнутого президента и запятнала руки кровью тунисского народа. Министр иностранных дел сразу отвергла все эти обвинения. Она отметила, что груз из Франции в Тунис поступал по линии Интерпола, в рамках которого две страны активно сотрудничают. Пока М. Аллио-Мари говорила, левые устроили на скамьях Национального собрания целую манифестацию, выкрикивая: «Ложь!», «А что с самолетом?», «Самолеты!», «Вы не ответили на вопрос!»⁹⁸

Отвечать на вопросы членов Французской социалистической партии (ФСП) относительно груза, задержанного на таможне, на следующий день, 26 января, в Национальное собрание приехал сам премьер-министр. Он, прежде всего, отметил, что все обвинения социалистов беспочвенны. Затем Ф. Фийон разъяснил ситуацию: груз (слезоточивые

⁹⁵ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] CONFERENCE DE PRESSE DE M. PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE. Présentation de la présidence française du G20 et du G8 [02.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Assemblée Nationale [en ligne] Question au Gouvernement № 2891 de M. Gaëtan Gorce (Socialiste, radical, citoyen et divers gauche — Nièvre) [29.03.2012] <<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2891QG.htm>> Assemblée Nationale [en ligne] Question au Gouvernement № 2894 de M. Bruno Le Roux (Socialiste, radical, citoyen et divers gauche — Seine-Saint-Denis) [29.03.2012] <<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2894QG.htm>>

гранаты, полицейская форма и дубинки) действительно направлялся в Тунис по линии Интерпола, но был задержан таможенной службой Франции из-за неточностей в документах, представленных его поставщиками — французскими предприятиями. Премьер-министр особо подчеркнул, что никакие товары или материалы военного или даже полицейского назначения в дни «жасминовой революции» в Тунис не доставлялись⁹⁹.

Тем временем, начали разворачиваться революционные события в Египте на площади Тахрир. Уже на следующий день, 26 января, журналисты канала «RTL» спросили у министра иностранных дел, падет ли режим Х. Мубарака. М. Аллио-Мари ответила, что рано давать какую-то оценку происходящим в Египте событиям и «что мы следим за ситуацией с большим вниманием»¹⁰⁰. Она, кроме того, выразила сожаление о гибели двух манифестантов и одного полицейского во время волнений¹⁰¹. На вопрос обозревателя «RADIO CLASSIQUE — ITELE» о том, может ли М. Аль-Барадей занять пост президента Египта, М. Аллио-Мари напомнила о принципе невмешательства, уклонившись от ответа¹⁰². Таким образом, позиция министра иностранных дел Франции на события в Египте была той же, что и в начале манифестаций в Тунисе.

В конце января в прессу стали просачиваться сообщения о том, что М. Аллио-Мари провела рождественские праздники в Тунисе, что было уже после начала манифестаций. Министр подтвердила в интервью еженедельнику «Aujourd'hui en France» эту новость. Однако она подчеркнула, что находилась в Тунисе с частным визитом, а президента Бен Али видела последний раз в 2006 г.¹⁰³ Каникулы в Тунисе не могла не припомнить М. Аллио-Мари парламентская оппозиция. 2 февраля социалист О. Дюссо во время правительственного часа в Национальном собрании задал министру вопрос, не собирается ли она покинуть свой пост после полемики вокруг ее слов от 11 января и того факта, что во время своих каникул в Тунисе она летала на частном самолете бизнесмена Азиза Миледа, приближенного к клану Трабелси¹⁰⁴. Министр была

⁹⁹Assemblée Nationale [en ligne]
Question au Gouvernement № 2906 de M. George Pau-Langevin (Socialiste, radical, citoyen et divers gauche — Paris) [29.03.2012]

<<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2906QG.htm>>
¹⁰⁰www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC "RTL" (Paris, 26 janvier 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹⁰¹Ibid.
¹⁰²www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC "RADIO CLASSIQUE — ITELE" (Paris, 28 janvier 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹⁰³www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
ENTRETIEN DU MINISTRE D'ETAT, MINISTRE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES, MICHELE ALLIOT-MARIE, AVEC "AUJOURD'HUI EN FRANCE" (Paris, 30 janvier 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹⁰⁴Assemblée Nationale [en ligne]
Question au Gouvernement № 2936 de M. Olivier Dussopt (Socialiste, radical, citoyen et divers gauche — Ardèche) [29.03.2012]

<<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2936QG.htm>>

крайне возмущена обнаружением фактов ее частной жизни, тем более упомянутых в подобном контексте. Она ответила, что провела в самолете Миледа всего двадцать минут, а сам бизнесмен является в Тунисе уважаемым человеком и был полностью восстановлен в правах новым правительством этой страны¹⁰⁵.

Интересно отметить, что подробности отдыха М. Аллио-Мари в Тунисе Национальное собрание обсуждало в разгар народных выступлений в Египте. Эти события также беспокоили депутатов, но, главным образом, с точки зрения того, какая судьба будет уготована Союзу для Средиземноморья, если со своего поста уйдет президент Х. Мубарак, сопредседатель Н. Саркози в СДС. М. Аллио-Мари, ни слова не сказав о возможной будущей отставке египетского лидера, выразила надежду, что руководство Египта выберет путь «свободных и справедливых выборов», а «Европейский Союз готов принять участие в этом процессе изменений, в частности, в рамках Союза для Средиземноморья»¹⁰⁶.

В самом конце января — начале февраля 2011 г. Франция приняла участие в деятельности органов ЕС, касавшейся революционных событий в Тунисе и Египте. Так, Европейский Совет в Брюсселе выразил серьезную озабоченность происходящим в Египте, назвал «неприемлемой» «любую попытку ограничить свободный доступ к информации», призвал египетские власти «ответить на чаяния народа политическими реформами, а не репрессиями» и направил Высокого представителя по внешней политике ЕС в Тунис и Египет.¹⁰⁷ Ему же поручалось предложить меры по предоставлению Тунису гуманитарной помощи и статуса продвинутого сотрудничества¹⁰⁸. Европейский Совет также принял решение заморозить авуары 48 человек из числа бывшего высшего тунисского руководства, прежде всего президента и его супруги¹⁰⁹.

Несмотря на происходящие в Египте революционные события, французские политические круги весь февраль больше интересовались связями М. Аллио-Мари с кланом Бен Али-Трабелси, существование которых она упорно отрицала. Представляется, что повышенное внимание французской элиты к событиям именно в Тунисе, а не в Египте обуславливается несколькими причинами. Во-первых, обсуждение «жасминовой революции» было чрезвычайно политизировано оппозицией, которая пыталась доказать связь министра иностранных дел с режимом Бен Али. Во-вторых, Тунис, бывший протекторат Франции, всегда считался ее «заповедной зоной», в то время как Египет был

¹⁰⁵Ibid.

¹⁰⁶Assemblée Nationale [en ligne]
Question au Gouvernement № 2918 de M. Hervé Gaymard (Union pour un Mouvement Populaire — Savoie) [29.03.2012]

<<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-2838QG.htm>>

¹⁰⁷www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
CONSEIL EUROPEEN. CONCLUSIONS (Bruxelles, 4 février 2011) [29.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹⁰⁸Ibid.

¹⁰⁹www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]
TUNISIE. GEL DES AVOIRS DE PERSONNES SOUPCONNES DE DETOURNEMENT DE FONDS PUBLICS. DECLARATION DU CONSEIL DE L'UNION EUROPEENNE [29.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

территорией влияния США. В-третьих, французский бизнес делал огромные вложения в Тунис и обладал там развернутой инфраструктурой, чего нельзя сказать о Египте, первым донором которого являлись США. В-четвертых, «жасминовая революция» стала все-таки первой ласточкой «арабской весны».

В феврале между французским руководством и новым тунисским правительством устанавливаются нормальные рабочие связи. Проходит ряд телефонных разговоров между премьер-министром Туниса и главами исполнительной власти Франции. Так, 11 февраля М. Ганнуши побеседовал с Ф. Фийоном. В ходе телефонного разговора премьер-министры обсуждали инициативу тунисского правительства провести в Карфагене международную конференцию по вопросу о содействии экономическим и политическим реформам в этой стране. Ф. Фийон приветствовал указанную идею и пообещал М. Ганнуши всестороннюю поддержку Франции в ее реализации¹¹⁰. Помочь тунисскому народу перейти к демократии считал необходимым и Н. Саркози, о чем он сообщил премьер-министру Туниса в телефонном разговоре 17 февраля. Французский президент обсудил также с М. Ганнуши предстоящую поездку в Тунис двух министров: К. Лагард и Л. Вокие. Н. Саркози также подчеркнул, что «Франция примет активное участие в международной конференции в Карфагене»¹¹¹. 22 февраля министр экономики К. Лагард и министр по европейским делам Л. Вокие посетили Тунис с рабочим визитом. Находясь в столице этого североафриканского государства, К. Лагард сообщила о том, что Ф. Фийон представил президенту и Совету министров план поддержки Туниса. Документ предполагал оказание помощи в трех ключевых сферах: развитии неправительственных организаций, увеличении финансирования экономики, содействии правовому обществу. Кроме того, К. Лагард рассказала о создании специальной группы, состоящей из французских и тунисских чиновников высшего звена, целью которой будет определение основных направлений экономической помощи Тунису. Л. Вокие в свою очередь отметил, что Франция активно работает в рамках Европейского союза над вопросом предоставления Тунису статуса продвинутого сотрудничества¹¹². Таким образом, заявления высшего французского руководства показали, что Франция активно сотрудничает с новым тунисским правительством и готова оказать народу этой североафриканской страны помощь в самых разных областях.

¹¹⁰www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] ENTRETIEN DU PREMIER MINISTRE, FRANCOIS FILLON, AVEC LE PREMIER MINISTRE TUNISIEN, MOHAMMED GHANNOUCHI. COMMUNIQUE DU PREMIER MINISTRE (Paris, 11 février 2011) [29.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹¹¹www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] EVOLUTION DE LA SITUATION EN TUNISIE. ENTRETIEN DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY, AVEC LE PREMIER MINISTRE DE TUNISIE, MOHAMMED GHANNOUCHI. COMMUNIQUE DE LA PRESIDENCE DE LA REPUBLIQUE (Paris, 17 février 2011) [29.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹¹²www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] DEPLACEMENT EN TUNISIE. POINT DE PRESSE CONJOINT DE LA MINISTRE DE L'ECONOMIE, DES FINANCES ET DE L'INDUSTRIE, CHRISTINE LAGARDE ET DU MINISTRE CHARGE DES AFFAIRES EUROPEENNES, LAURENT WAUQUIEZ (Tunis, 22 février 2011) [29.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

Именно стремление Франции поддерживать тесные связи с Тунисом, основывающиеся, прежде всего, на экономическом фундаменте, привело к тому, что смена на посту премьер-министра М. Ганнуши Бежи Каидом Эсебси никак не повлияла на франко-тунисский диалог. Поступательное развитие двустороннего сотрудничества стало одной из ключевых причин того, что уход М. Ганнуши не повлек за собой фактически никакой официальной реакции Франции. Другой причиной отсутствия резонанса явилось крупное событие во французской внутривнутриполитической жизни, надолго приковавшее к себе внимание политиков и аналитиков, — отставка М. Аллио-Мари, чей авторитет после скандалов, так или иначе связанных с Тунисом и во многом подогреваемых парламентской оппозицией, серьезно пошатнулся и отбрасывал тень на все руководство V Республики. Кроме того, во второй половине февраля французская дипломатия столкнулась с новой угрозой — революцией в Ливии.

Роль Франции в интернационализации ливийского конфликта. Первоочередной задачей Франции в связи с ливийскими событиями стала эвакуация ее граждан из этой охваченной массовыми волнениями североафриканской страны. По данным французского министерства иностранных дел, всего в Ливии в середине февраля находилось около 750 соотечественников¹¹³. Эвакуация граждан Франции продолжалась с 22 по 26 февраля включительно. За этот период на самолетах французской военной авиации было вывезено в общей сложности 654 человека, 156 из которых являлись иностранцами. Последними из французов покинули Ливию сотрудники посольства Франции в Триполи во главе с послом. После этого «защита французских интересов была доверена посольству Российской Федерации в Ливии»¹¹⁴. Эвакуация граждан Франции из Ливии стала лебединой песней М. Аллио-Мари на посту министра иностранных дел. Ее усилия в этом направлении не смогли сгладить впечатления от зимних скандалов, и 27 февраля президент совместно с премьер-министром принял решение об ее отставке. Ф. Фийон в интервью так объяснял причины указанного решения: «Полемика вокруг министра иностранных дел создавала ситуацию, которая становилась опасной для образа Франции, для голоса Франции (на международной арене. — Т. Н.), т. к. из-за нападков на М. Аллио-Мари под удар попала вся французская дипломатия»¹¹⁵. В прессе вновь заговорили о кризисе внешней политике Франции.

В этой сложной для французской дипломатии ситуации решающую роль сыграл Н. Саркози, который фактически взял на себя обязанности урегулировать от имени своей страны ливийский кризис. Уже первые заявления президента V Республики по

¹¹³www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] ENTRETIEN DU MINISTRE CHARGE DES AFFAIRES EUROPEENNES, LAURENT WAUQUIEZ, AVEC "EUROPE 1" - EXTRAITS - (Paris, 21 février 2011) [29.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹¹⁴www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] LIBYE. EVACUATION DES RESSORTISSANTS FRANCAIS. DECLARATION DU PORTE-PAROLE DU MINISTERE DES AFFAIRES ETRANGERES ET EUROPEENNES (Paris, 26 février 2011) [29.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹¹⁵www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] ENTRETIEN DU PREMIER MINISTRE, FRANCOIS FILLON AVEC "RTL" — EXTRAITS — (Paris, 28 février 2011) [29.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

ситуации в Ливии звучали весьма жестко. 21 февраля Н. Саркози осудил «неприемлемое применение силы (режимом Каддафи. — Т. Н.) против ливийцев»¹¹⁶, а через два дня сообщил о том, что предложит партнерам по Европейскому союзу принять санкции против ливийского руководства: запретить въезд на территорию ЕС и поставить под контроль банковские счета¹¹⁷.

В целом обращает на себя внимание тот факт, что над урегулированием ливийского кризиса Франция с самого начала работала совместно со своими зарубежными партнерами и делала все для привлечения ключевых международных акторов, таких как ООН и ЕС, к его разрешению. Так, 24 февраля состоялся телефонный разговор между Н. Саркози и Б. Обамой, в котором французский президент сообщил о тех мерах, которые он предложил принять Европейскому союзу в отношении режима Каддафи, а также о том, что Франция требует созыва чрезвычайного заседания Совета безопасности (СБ) ООН по Ливии¹¹⁸. Уже на следующий день это заседание состоялось, и главным его итогом стало принятие резолюции № 1970, проект которой был совместно разработан Францией и Великобританией. В документе содержалось четыре группы мер, направленных на принуждение ливийского руководства не применять силу против мирных граждан: обращение в Международный уголовный суд для изучения им ситуации в Ливии, эмбарго на поставку оружия, замораживание банковских счетов и запрет въезжать на территорию государств — членов ООН¹¹⁹. После единодушного одобрения Советом Безопасности резолюции № 1970 представитель Франции заявлял: «Мы надеемся, что ответственные лица ливийского режима услышат это послание международного сообщества и откажутся от неприемлемых насильственных мер, применяемых по отношению к их собственному народу, который имеет право на демократию, свободу и справедливость»¹²⁰.

Еще накануне принятия резолюции, находясь с рабочим визитом в Турции, Н. Саркози, отвечая на вопросы журналистов, четко обозначил отношение своей страны к режиму лидера ливийской революции: «Каддафи должен уйти... Что касается вооруженной

¹¹⁶www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] SITUATION EN LIBYE. COMMUNIQUE DE LA PRESIDENCE DE LA REPUBLIQUE (Paris, 21 février 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹¹⁷www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] SITUATION EN LIBYE. DECLARATION DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY, EN CONSEIL DES MINISTRES (Paris, 23 février 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹¹⁸ www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] SITUATION EN LIBYE. COMPTE RENDU DE L'ENTRETIEN TELEPHONIQUE DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY, ET DU PRESIDENT DES ETATS-UNIS D'AMERIQUE, BARACK OBAMA (Paris, 24 février 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹¹⁹www.un.org/russian/document/scresol/res2011/index.html [on line] Резолюция 1970 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6491-м заседании 26 февраля 2011 года [25.03.2012] <<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/245/60/PDF/N1124560.pdf?OpenElement>>

¹²⁰www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] LIBYE. INTERVENTION DU REPRESENTANT PERMANENT DE LA FRANCE AUPRES DES NATIONS UNIES (New York, 26 février 2011) [27.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

интервенции... Франция рассматривает этот вопрос очень осторожно»¹²¹. Французский президент, кроме того, выступил за реализацию в полном объеме самых жестких мер против руководства Джамахирии¹²².

28 февраля 2011 г. Европейский совет при непосредственном участии Франции принял решение применить к Ливии все санкции, зафиксированные в резолюции № 1970¹²³. В тот же день Н. Саркози и британский премьер-министр Д. Кэмерон в телефонном разговоре приняли совместное решение обратиться к председателю Европейского совета Х. Ван Ромпею провести чрезвычайное заседание по Ливии¹²⁴. Оно было назначено на 11 марта.

В начале весны французская дипломатия решала две ключевые задачи, связанные с развитием ситуации в Ливии — оказание гуманитарной помощи и вопрос о необходимости закрыть воздушное пространство этой страны с тем, чтобы прекратить обстрелы мирных жителей. В предоставлении помощи Франция уже в конце февраля приняла самое непосредственное участие. Во-первых, в Бенгази было отправлено 5 тонн медикаментов и миссия врачей для оказания помощи на месте. Во-вторых, Франция предоставила свои самолеты и корабль «Мистраль» для эвакуации беженцев, прежде всего египтян и тунисцев. Наконец, в-третьих, французское правительство выделило полмиллиона евро на программы Агентства ООН, занимающегося беженцами¹²⁵.

Что касается второго вопроса, то 3 марта новый министр иностранных дел Франции А. Жюппе после переговоров в Париже со своим британским коллегой У. Хейгом сообщил о том, что Франция одобрила проект НАТО о закрытии воздушного пространства Ливии. Глава Кэ д'Орсэ подчеркнул: «Мы открыты этой идее, мы работаем в указанном направлении с нашими партнерами»¹²⁶. Вместе с тем, Франция выступала

¹²¹www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] DEPLACEMENT EN TURQUIE. CONFERENCE DE PRESSE CONJOINTE DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY, ET DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE DE TURQUIE, ABDULLAH GUL — PROPOS DE M. SARKOZY — (Ankara, 25 février 2011) [29.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹²²Ibid.

¹²³www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] LIBYE. L'UNION EUROPEENNE IMPOSE UN EMBARGO SUR LES ARMES AINSI QUE DES SANCTIONS CIBLEES. COMMUNIQUE DE L'UNION EUROPEENNE (Bruxelles, 28 février 2011) [30.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹²⁴www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] SITUATION EN LIBYE. ENTRETIEN TELEPHONIQUE DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY, AVEC LE PREMIER MINISTRE BRITANNIQUE, DAVID CAMERON. COMMUNIQUE DE LA PRESIDENCE DE LA REPUBLIQUE (Paris, 28 février 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹²⁵www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] 03/03/2011 — Paris — Point de presse [26.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/cadcgp.php?CMD=CHERCHE&QUERY=1&MODELE=vues/mae_internet_recherche_avancee/home.html&VUE=mae_internet_recherche_avancee&NOM=cadic_anonyme&FROM_LOGIN=1>

¹²⁶www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] CONFERENCE DE PRESSE CONJOINTE DU MINISTRE D'ÉTAT, MINISTRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES ET EUROPÉENNES, ALAIN JUPPÉ, AVEC LE MINISTRE D'ÉTAT, MINISTRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES DU ROYAUME-UNI DE GRANDE-BRETAGNE ET D'IRLANDE DU NORD, WILLIAM HAGUE — PROPOS DE M. JUPPÉ (Paris, 3 mars 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

против военной операции НАТО в Ливии. Так, тот же Жюппе, отвечая в начале марта на вопросы депутатов в Национальном собрании, отмечал: «Сейчас речь идет о прекращении смертельных репрессий, которые режим полковника Каддафи продолжает применять. Франция занимает очень ясную позицию: НАТО не является организацией, способной это сделать. Необходим мандат ООН»¹²⁷. Министр иностранных дел не скрывал, почему французское руководство выступает против возможной военной операции Североатлантического альянса. С его точки зрения, подобные действия могут настроить против Северного Средиземноморья его соседей с Юга. Он подчеркивал, что нужно уважать «общественное мнение и арабские народы»¹²⁸.

Оба указанных выше вопроса — о гуманитарной помощи и закрытии воздушного пространства Ливии — обсудили 5 марта в телефонной беседе А. Жюппе и член Национального совета Ливии Абдель-Фаттах Юнис Ал-Обеди. Представитель ливийской оппозиции поблагодарил французского министра за оказанную его стране помощь и призвал международное сообщество содействовать переходу Ливии к демократии. Он также от имени Совета попросил закрыть ее воздушное пространство¹²⁹. В продолжение этой беседы 10 марта Франция стала первой страной, признавшей Национальный переходный совет (НПС) Ливии законным представителем ливийского народа¹³⁰. В тот же день Н. Саркози и Д. Кэмерон направили совместное письмо Х. Ван Ромпею со словами поддержки в адрес Совета и требованием принять все возможные меры, чтобы остановить кровопролитие в Ливии¹³¹. Таким образом, все более и более становилось очевидным, что Франция и Великобритания стремятся оказать давление на Европейский союз с целью убедить своих партнеров, по крайней мере, принять активное участие в урегулировании ливийского кризиса.

Уже 11 марта на чрезвычайном саммите Европейского совета в Брюсселе в этом не осталось никаких сомнений, поскольку две страны представили на рассмотрение членам ЕС план из шести пунктов: признать НПС в качестве «политического собеседника»,

¹²⁷Assemblée Nationale [en ligne] Question au Gouvernement № 3048 de Mme Henriette Martinez (Union pour un Mouvement Populaire — Hautes-Alpes) [29.03.2012]

<<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-3048QG.htm>>

¹²⁸Assemblée Nationale [en ligne]

Question au Gouvernement № 3023 de Mme Françoise Hostalier (Union pour un Mouvement Populaire — Nord) [29.03.2012] <<http://questions.assemblee-nationale.fr/q13/13-3023QG.htm>>

¹²⁹LIBYE. ENTRETIEN TÉLÉPHONIQUE ENTRE LE MINISTRE D'ÉTAT, MINISTRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES ET EUROPÉENNES, ALAIN JUPPÉ, AVEC ABDEL-FATTAH YOUNIS AL-OBAYDI, MEMBRE DU CONSEIL NATIONAL LIBYEN. COMMUNIQUE DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES ET EUROPÉENNES (Paris, 5 mars 2011) [20.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹³⁰www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

10/03/2011 — Paris — Point de presse [26.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/cadcgp.php?CMD=CHERCHE&QUERY=1&MODELE=vues/mae_internet_recherche_avancee/home.html&VUE=mae_internet_recherche_avancee&NOM=cadic_anonyme&FROM_LOGIN=1>

¹³¹www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

LIBYE. LETTRE CONJOINTE ADRESSÉE PAR LE PRÉSIDENT DE LA RÉPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY, AVEC LE PREMIER MINISTRE DU ROYAUME-UNI, DE GRANDE-BRETAGNE ET D'IRLANDE DU NORD, DAVID CAMERON AU PRÉSIDENT DU CONSEIL EUROPÉEN, HERMAN VAN ROMPUY (Paris, 10 mars 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

создать гуманитарные зоны для размещения беженцев, содействовать уходу М. Каддафи, начать военные действия в случае использования его режимом химического оружия или авиации для уничтожения населения¹³², созвать трехстороннюю встречу с участием Европейского союза, ЛАГ и Африканского союза для обсуждения ливийских событий¹³³. Выступая на пресс-конференции по результатам саммита, Н. Саркози с удовлетворением ответил, что Европейский совет поручил Франции организовать упомянутую выше трехстороннюю встречу. Французский президент также дал разъяснения относительно возможной вооруженной операции в Ливии. Он подчеркнул, что Франция никогда не выступала за наземную операцию и за вмешательство НАТО, а только лишь за создание над Ливией бесполетной зоны. Н. Саркози также обозначил три ключевых условия для установления такой зоны: массовое уничтожение ливийского населения военными средствами, принятие резолюции Совета Безопасности ООН и поддержка ЛАГ¹³⁴.

С этого момента французская дипломатия прикладывает все усилия для выполнения двух последних пунктов, поскольку первый уже реализовал режим М. Каддафи. Так, 13 марта Франция приветствовала принятую накануне Советом министров Лиги арабских государств резолюцию с требованием закрыть воздушное пространство Ливии и начать переговоры с НПС¹³⁵. В течение следующих нескольких дней французское руководство приложило все усилия для принятия СБ ООН проекта резолюции, подготовленного совместно Францией, Великобританией и Ливаном и содержащего запрет на все полеты в воздушном пространстве Ливии. Так, 16 марта Н. Саркози обратился с посланием к главам государств и правительств государств — членов Совета Безопасности ООН. В этом письме французский президент убеждал участников СБ принять вышеупомянутый проект резолюции. Послание заканчивалось словами: «Спасем вместе измученный ливийский народ! Счет времени идет сейчас на дни, даже на часы. Самым худшим будет, если военная сила (т.е. режим Каддафи. — Т. Н.) сокрушит призыв Лиги арабских государств и решения Совета безопасности»¹³⁶. 17 марта отстаивать проект резолюции в Нью-Йорк прилетел А. Жюппе. Совместными усилиями французского президента и министра иностранных дел СБ ООН принял этот документ, ставший резолюцией 1973¹³⁷. С этого момента инициатива в урегулировании ливийского кризиса переходит к международному сообществу.

¹³²Это положение рассматривалось как два пункта.

¹³³www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

SITUATION EN LIBYE ET EN MÉDITERRANÉE. CONSEIL EUROPÉEN EXTRAORDINAIRE. CONFÉRENCE DE PRESSE DU PRÉSIDENT DE LA RÉPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY (Bruxelles, 11 mars 2011) [20.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹³⁴Ibid.

¹³⁵LIBYE. RÉOLUTION DE LA LIGUE DES ÉTATS ARABES. DÉCLARATION DU MINISTRE D'ÉTAT, MINISTRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES ET EUROPÉENNES, ALAIN JUPPÉ, (Paris, 13 mars 2011) [20.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹³⁶www.diplomatie.gouv.fr [en ligne]

LETTRE DU PRÉSIDENT DE LA RÉPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY, ADRESSÉE À MMES ET MM LES CHEFS D'ÉTAT ET DE GOUVERNEMENT DES ÉTATS MEMBRES DU CONSEIL DE SÉCURITÉ DES NATIONS UNIES (Paris, 16 mars 2011) [27.03.2012]

<basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹³⁷www.un.org/russian/document/scresol/res2011/index.html [on line]

Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года [25.03.2012]

<<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement>>

Последним аккордом активного участия Франции на пути интернализации конфликта в Ливии стало проведение трехстороннего саммита в Париже, организовать который ей было поручено Европейским советом, состоявшимся 11 марта. На встрече присутствовали представители ЕС, ЛАГ, генеральный секретарь ООН и госсекретарь США. В декларации, обнародованной по результатам саммита, подчеркивалось, что ее участники, на основании резолюции 1973, намерены всеми средствами, в том числе и военными, добиваться от режима М. Каддафи прекращения огня и защищать мирное население Ливии. В декларации также подчеркивалось, что, выполняя условия резолюции СБ ООН 1973, даже при применении вооруженных методов, оккупация этого североафриканского государства полностью исключена и о ней речь не идет¹³⁸. Подводя итоги саммита, Н. Саркози, в частности, сказал: «Сегодня мы вступаем в конфликт на территории Ливии... Мы делаем это, чтобы защитить гражданское население от смертельного безумия режима, который, убивая свой собственный народ, потерял всякую легитимность... Это тяжелое решение, которое нас вынудили принять. Вместе со своими арабскими, европейскими и североамериканскими партнерами Франция приняла свою роль, свою роль перед Историей»¹³⁹.

Начало президентства Н. Саркози было ознаменовано его активными действиями в отношении арабских государств Средиземноморья: освобождением из ливийского плена болгарских медсестер; визитами в Алжир, Тунис, Марокко и Египет; принятием в Париже М. Каддафи; инициативой по созданию Средиземноморского союза. Однако весь этот позитивный заряд не принес положительных результатов в долгосрочной перспективе по целому ряду причин. Во-первых, Н. Саркози многократно заявлял о своем разрыве с политическим курсом в отношении средиземноморских государств, проводимым ранее Ж. Шираком и характеризовавшимся его тесными личными связями с отдельными арабскими лидерами и критикой Израиля. Нежелание Н. Саркози следовать в фарватере шираковской политики настораживало соседей Франции с южного и восточного берегов Средиземного моря. Во-вторых, новый французский президент, в отличие от его предшественника, не имел крепких дружеских отношений с руководством арабских государств, зато обладал репутацией борца с иммиграцией, поскольку долгое время занимался этой проблемой, являясь министром внутренних дел. Такое реноме тоже вызывало опасения в Северной Африке. Следовательно, в начале президентства Н. Саркози и к нему, и к его предложениям относились достаточно осторожно, выжидательно. В-третьих, бассейн

¹³⁸www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] LIBYE. SOMMET DE PARIS POUR LE SOUTIEN AU PEUPLE LIBYEN. COMMUNIQUÉ DE LA PRÉSIDENTE DE LA RÉPUBLIQUE (Paris, 19 mars 2011) [27.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

¹³⁹www.diplomatie.gouv.fr [en ligne] LIBYE. SOMMET DE PARIS POUR LE SOUTIEN AU PEUPLE LIBYEN. DÉCLARATION DU PRÉSIDENT DE LA RÉPUBLIQUE, NICOLAS SARKOZY (Paris, 19 mars 2011) [27.03.2012] <basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/util/documents/accede_document.php>

Средиземного моря — одна из проблемных зон международных отношений, поскольку в рамках этого региона остается нерешенным целый ряд конфликтов (арабо-израильский, кипрский, греко-турецкий, алжиро-марокканский), для урегулирования которых политика «маленьких шагов» и кропотливая дипломатическая работа подчас гораздо более эффективны, чем громкие заявления и новые инициативы. Так, созданный под эгидой и при активном участии Н. Саркози БПСДС, столкнувшись с необходимостью объединить все средиземноморские страны, часть из которых находится по разные стороны баррикад, начал серьезно буксовать. В-четвертых, над франко-арабскими отношениями продолжали довлеть многие нерешенные проблемы, как давние (прежде всего, «вопрос памяти»), так и появившиеся сравнительно недавно, в президентство Ж. Ширака (например, вступление в силу договора о дружбе и сотрудничестве между Францией и Алжиром или «дело Имеда»). Весь этот «груз», копившийся годами, значительно осложнял двусторонние связи V Республики с ее североафриканскими партнерами и проведение Н. Саркози активного политического курса в Средиземноморском регионе.

Ввиду вышеперечисленных причин на момент начала «жасминовой революции», несмотря на обнадеживающие заявления с обеих сторон, франко-арабские отношения находились не в лучшем своем состоянии. Особенно сложной была ситуация с Ливией, поскольку после весьма плодотворного визита М. Каддафи в Париж в конце 2007 г. лидер Джамахирии не раз позволял себе резкие высказывания в адрес Франции и ее руководства, чем неизменно снижал градус сотрудничества. Французская исполнительная власть со значительной задержкой отреагировала на стремительно развивающуюся ситуацию в Тунисе. Представляется возможным предположить, что такая медленная реакция обуславливается двумя основными причинами: во-первых, неожиданностью начала самой революции и скоростью ее эволюции; во-вторых, несвоевременной и недостаточной информированностью. В дальнейшем тунисские события становятся поводом и фоном для полной внутреннего драматизма политической борьбы во Франции, которая развернулась, главным образом, в стенах французского парламента и, прежде всего, в Национальном собрании. Левая оппозиция во главе с социалистами и коммунистами резко критиковала позицию исполнительной власти Франции относительно «жасминовой революции» за несвоевременность реакции, за двусмысленность и несогласованность в вопросе отправки французских сил правопорядка в Тунис, за рождественские каникулы М. Аллио-Мари. С точки зрения парламентской оппозиции, все эти факты подтверждали одно ключевое положение: режим Н. Саркози, пусть косвенно, но все-таки поддерживал Бен Али, а значит, и проводимые по его указанию разгоны манифестантов. Выступавшие в парламенте представители правительства — Ф. Фийон, М. Аллио-Мари, Э. де Ранкур — отвергали все обвинения ФСП и ФКП и старались фактами доказать непричастность французской исполнительной власти к событиям в Тунисе. Полемика, развернувшаяся во Франции вокруг слов и поступков министра иностранных дел, связанных с «жасминовой революцией», даже затмила происходящее в Алжире и Египте и привела к отставке главы Кэ д'Орсэ. Таким образом, манифестации в Тунисе стали причиной не только свержения режима Бен Али, но и во многом, безусловно,

под давлением оппозиции ухода с французской политической сцены ключевого министра правительства, одного из лидеров неоголлистской партии — М. Аллио-Мари. Ее отставка явилась следствием медленной, непоследовательной, а подчас и непродуманной реакции исполнительной власти Франции на события «жасминовой революции».

В середине января оппозиция и не надеялась добиться такого успеха, как отставка политического тяжеловеса из СНД, тем более что соратники М. Аллио-Мари по партии — премьер-министр и президент — выступили в ее защиту. Однако появление новости о рождественских каникулах министра иностранных дел резко изменило ситуацию не в пользу главы Кэ д'Орсэ, в очередной раз продемонстрировав, насколько осмотрительным следует быть западноевропейскому политику, деятельность которого протекает в гражданском обществе и зачастую под неусыпным контролем оппозиции. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что М. Аллио-Мари, приняв на себя большую часть критики за отношение исполнительной власти к событиям «жасминовой революции», «прикрыла» Н. Саркози и Ф. Фийона от лавины негативных мнений, которая, вероятно, могла на них обрушиться, если бы в Национальном собрании не развернулась столь жаркая полемика вокруг ее слов и поступков.

Стремление президента сгладить отрицательное впечатление в обществе от этой полемики и в дальнейшем от отставки министра иностранных дел стало одной из причин — конечно, не главной — активной позиции, занятой Н. Саркози с самого начала ливийской революции. Другой причиной явилось, возможно, стремление французских деловых кругов, на которые отчасти опирался шестой президент V Республики, получить доступ к энергоносителям и рынку Ливии, о чем были достигнуты франко-ливийские договоренности во время визита Муаммара Каддафи в Париж в декабре 2007 г. Их, однако, лидер Джамахирии не спешил выполнять. Наконец, если вступать в область гипотез, представляется вполне вероятной еще одна причина, выдвинутая в прессе, — личная заинтересованность Н. Саркози в устрашении и/или свержении М. Каддафи, связанная с тем, что Ливия в 2007 г., так или иначе, финансировала предвыборную кампанию будущего французского президента. Информация об этом, впервые появившись в марте 2011 г., снова была обнародована СМИ через год. Так, в начале мая 2012 г., в канун второго тура президентских выборов во Франции, на страницах прессы увидело свет заявление экс-премьера Ливии Али аль-Махмуди, по словам которого режим М. Каддафи выделил 50 миллионов евро на предвыборную кампанию Н. Саркози в 2007 г.¹⁴⁰ Шестой президент V Республики категорически опроверг эту столь несвоевременно для него опубликованную информацию и даже подал иск о защите его чести и достоинства¹⁴¹. Однако сама ситуация показывает, что ливийский вопрос, пусть и весьма опосредованно, до сих пор, спустя более чем год после начала революции в Джамахирии, играет определенную роль во внутривосточной жизни Франции и беспокоит Н. Саркози.

¹⁴⁰См., напр.: www.news.mail.ru [on line] Каддафи спонсировал президентскую кампанию Саркози — экс-премьер Ливии [04.05.2012] <<http://news.mail.ru/politics/8844744/>>

¹⁴¹Ibid.

Косвенным подтверждением его личной заинтересованности в устрашении и/или свержении ливийского лидера можно считать тот факт, что массовые волнения или революционные события в других государствах Ближнего Востока и Северной Африки не обращали на себя такого повышенного внимания Н. Саркози, и нигде больше в ходе «арабской весны» (даже учитывая его стремление выйти на первый план в разрешении конфликта в Сирии) он не сыграл столь заметной роли. По сравнению с активной позицией французского президента относительно событий в Ливии, его реакция на «жасминовую революцию» была весьма сдержанной и осторожной. Очевидно, что невмешательство Н. Саркози в революционную ситуацию в Тунисе резко контрастирует с его энергичной политикой с привлечением различных международных акторов к урегулированию ливийского конфликта. На фоне не столь серьезной критики режима Бен Али со стороны французского президента его речи, направленные против М. Каддафи, приобретают особый обличительный пафос. При этом важно подчеркнуть, что политика М. Каддафи привела к значительно большим жертвам, чем действия тунисского руководства во главе с Бен Али.

События «арабской весны» в Тунисе и Ливии еще раз наглядно продемонстрировали, насколько тесной является связь между Францией и государствами Южного Средиземноморья и насколько серьезными могут быть последствия их взаимовлияния: «жасминовая революция» опосредованно стала причиной отставки М. Аллио-Мари, а активная позиция Н. Саркози привела к интернализации ливийского конфликта. Интересно отметить, что это взаимовлияние хорошо отражает и акцентирует источниковая база данной статьи: если официальная позиция Франции относительно «жасминовой революции» прослеживается, прежде всего, по внутрифранцузским источникам — дебатам в парламенте, интервью в прессе, сообщениям Кэ д'Орсэ и Елисейского дворца, то точка зрения французской исполнительной власти на события в Ливии, выраженная, прежде всего, Н. Саркози, изложена в многочисленных двусторонних и многосторонних документах, заявлениях французского президента на различных международных форумах или в письмах, направленных в ООН и ЕС.

Революции в Тунисе и Ливии зимы 2011 г. выявили тот факт, что в V Республике по-прежнему актуальными являются три ключевые проблемы: роль парламента в формировании внешней политики, проведение реформы дипломатической службы и зачастую недостаточная синхронизация действий исполнительной власти, даже в ситуации, когда президент и премьер-министр принадлежат к одной партии и глава государства опирается на парламентское большинство. Что касается внешнеполитического курса Франции, то события «арабской весны» вновь поставили на повестку дня вопрос о том, насколько и какими средствами эта страна может влиять на ситуацию в Северной Африке в целом и в каждом конкретном государстве данного региона в частности. Решать все вышеперечисленные проблемы, накопившиеся за три президентских срока неоголлистов, предстоит новому французскому лидеру, социалисту Ф. Олланду. Именно он во многом должен будет определить, как поступить с главным средиземноморским проектом Н. Саркози — БПСДС и как строить отношения с обновленным Восточным и Южным Средиземноморьем, большинство стран которого прошли через горнило «арабской весны».

Т.А. Карасова

Израиль и некоторые итоги «арабской весны»

Напряженная ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке в настоящее время убедительно показывает, что последствия «арабской революции», начавшейся зимой 2011 г. в Тунисе, продолжают распространяться не только на арабский мир, но и на весь регион, включая Израиль.

Главная проблема, осложняющая позиции Израиля в регионе, — возможная длительная хроническая нестабильность разного уровня в арабских странах. Объективно Израиль не может не одобрять попытку арабского народа преодолеть общую отсталость. Попытка прорыва в современный мир демократии и личной свободы — это позитивное явление. С другой стороны, Израиль настораживает появление и усиление влияния политического ислама, который становится во всех странах «арабской весны» главной силой. Революцию делала демократически настроенная молодежь, а в результате в Ливии и Египте установления шариата становятся частью конституций и исламские партии контролируют правительства. В Сирии идет гражданская война. Непроста ситуация в Иордании. Каковы же возможные перспективы развития данной ситуации?

Поскольку на этот вопрос сегодня ответа нет, то самый пессимистический вариант развития событий — это продолжающаяся гражданская война и хаос, прежде всего в Сирии, а также в других странах региона, что не может не угрожать безопасности Израиля. Кроме того, людей, которые год назад вышли на площади, легко настроить против Израиля. Антиизраильский настрой демонстрантов на площадях — в Египте и Иордании, например, — осложняют отношения этих стран с Израилем.

В ноябре 2011 г., отступив от тактики сдержанности, Б. Нетаньяху подверг резкой критике политиков, поддержавших революции в арабских странах. По его мнению, лидеры стран Запада, особенно президент США Б. Обама, были неправы, вели себя «наивно» и «не понимали реальности», когда не поддержали бывшего президента Египта Х. Мубарака. Б. Нетаньяху подчеркнул, что изначально предвидел: революции станут исламскими, антизападными, антилиберальными, антиизраильскими и антидемократическими. Отметив, что революции ведут арабский мир не вперед, а назад, и поэтому не могут считаться положительным явлением, Б. Нетаньяху выразил озабоченность по поводу возможного падения королевского режима в Иордании и сомнение в способности арабских стран построить нормальную демократическую систему¹.

Израильские политики в своих оценках исходят из того, что эмоциональное неприятие Государства Израиль в арабском мире столь велико, что любые перемены будут означать усиление антиизраильских настроений. Рассчитывать на потепление отношений с этими странами, по мнению израильских политиков, не приходится. Даже если новые режимы в арабских странах будут «умеренными» и удержатся у власти, то они, скорее всего, придут к мысли об отказе от признания Государства Израиль и установления каких бы то ни было отношений с ним.

Военно-политический мейнстрим Израиля продолжает полагаться на силу. По мнению начальника армейской разведки АМАН генерал-майора Авива Кохави, в данных условиях нужно готовиться к тому, что угрозы с разных сторон Ближнего Востока будут становиться все более серьезными². Тактика — показать мощь Израиля и продолжать убеждать Запад, что он — «единственная демократия на Ближнем Востоке», островок стабильности в регионе, форпост Запада в «столкновении цивилизаций»³. **Такая тактика оправдала себя еще в середине 1950-х — начале 1960-х годов, в период наступления арабского национализма — панарабизма (приход к власти Насера в Египте, падение монархических режимов). Во время кризисов хашимитской власти в Иордании в 1957 и 1963 гг. именно Израиль продемонстрировал свою значимость, поддержав интересы Запада, который после этого не мог игнорировать ценность Израиля как единственной региональной силы, способной противостоять арабскому национализму⁴.**

¹http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

²Секрет, № 925, 22.01.2012.

³Дорфман М. Израиль — Египет: на южном фронте перемены <http://sensusnovus.ru/analytics/2011/02/17/5489.html>

⁴Ситуация 1957 года в Иордании дала возможность Израилю доказать свою значимость: на протяжении этого кризиса Вашингтон в первый раз использовал возможности Израиля для запугивания Египта с целью предотвратить его вмешательство в иорданские дела. А в 1958 г., когда арабский мир потряс целый ряд кризисов, Израилю вновь удалось привлечь к себе особое внимание западных держав, озабоченных перспективой краха верных им арабских режимов. Теперь история повторяется: США запугивают Иран возможностью израильского нападения. И наоборот: Израиль все время грозит превентивным ударом Ирану, стараясь тем самым подтолкнуть США к военным действиям.

Но существуют и противоположные опасения, что арабская революция подрывает значимость Израиля для западного мира. У западных столиц теперь, возможно, не останется главного аргумента, согласно которому он является единственной демократией на Ближнем Востоке, и их поддержка будет ослабевать. Сегодня Израиль больше заинтересован в стабильности арабского мира, чем в достижениях арабских государств на пути развития демократии.

Израиль опасается, что в Северной Африке и на Ближнем Востоке создается зона нестабильности, грозящая появлением новых конфликтов, разрушением старых коалиций и поиском новых, возможно, антиизраильских; и усилением терроризма. На повестке дня стоят проблемы противостояния с Ираном, резкого ухудшения взаимоотношений с Турцией, а также борьба с тактическими противниками — боевиками из ХАМАС и «Хизбаллой».

Иранская проблема

Главную опасность представляет собой угроза военного конфликта с Ираном. Возможное в результате «арабской весны» усиление влияния этого государства в регионе, как считается в Израиле, подрывает безопасность еврейского государства.

Подливают масло в огонь и высказывания президента Ирана. «Волна арабских революций не оставила ни малейшего шанса на выживание сионистского режима» — таков смысл неоднократных заявлений президента Исламской республики Иран Махмуда Ахмадинежада⁵. В ответ премьер-министр Б. Нетаньяху даже выступил с требованием, что международное сообщество должно предпринять такие же жесткие меры против Ирана, как и против Ливии⁶.

Несмотря на то что Запад постепенно затягивает петлю санкций, вероятность приобретения иранским режимом ядерного оружия только повышается. В этих условиях наибольшие опасения возникают в отношении возможной реакции Израиля. Для большинства специалистов очевидно, что иранский режим не станет наносить ядерный удар по Израилю, даже получив в руки это оружие — иранский режим прагматичен и заинтересован в усилении собственных позиций, а не в развязывании ядерной войны в регионе, которая, возможно, обернется гибелью самого Ирана. Однако, несмотря на то что перспективы реального ядерного удара выглядят сомнительно, нельзя окончательно исключать решительных шагов со стороны Израиля вплоть до военной операции. Израильские эксперты отмечают возможность варианта ограниченной операции с уничтожением иранских ядерных объектов, но нет гарантий, что иранский ответ не будет слишком болезненным для Израиля, который не привык к большим потерям, и не вовлечет стороны в куда более масштабный конфликт.

⁵Арабские революции не оставили шанса для выживания Израиля. <http://pda.regnum.ru/1391968.html>

⁶Новак Д. Нетаньяху требует решительных мер против Ирана и Ливии. <http://israelreport.ru/politics/2487/netanyakhu-trebuuet-reshitelnykh-mer-protiv-irana-i-livii>

В этом случае Израилю необходимо заручиться поддержкой своих западных союзников, так как в одиночку его возможности по ведению военных действий против Ирана существенно ограничены. Вместе с тем имеет место резкое неприятие западных лидеров жесткой внешней политики Нетаньяху: ни США, на первый взгляд, ни тем более Европе масштабный военный конфликт на Ближнем Востоке не нужен. Конфликт сыграет на пользу радикальных антизападных сил в иранской элите и усилит соответствующие общественные настроения. Для США же подобное поведение Израиля грозит ухудшением и без того испорченного имиджа. США все еще придерживаются точки зрения, что ядерную программу Ирана можно остановить при помощи жестких экономических и финансовых санкций.

Отрицательное отношение к эскалации ирано-израильского конфликта высказывает Россия. Для России усиление напряженности и угроза нового военного конфликта на Ближнем Востоке чревата более серьезными последствиями, чем для Европы и США. Иран расположен в непосредственной близости от российских границ. Неизбежная в случае обострения ситуации радикализация исламского общества непременно осложнит обстановку в республиках Северного Кавказа и других исламских регионах России⁷.

В целом позиция Израиля неочевидна. У израильского руководства по этому поводу мнения разделились. В 2011 г. министр обороны Э. Барак неоднократно давал понять, что решение об атаке на Иран еще не принято, поскольку до разработки ядерного оружия Ирану еще потребуется определенное время. Между тем премьер-министр Б. Нетаньяху настаивал, что Иран нужно остановить пока не поздно, так как несмотря на нефтяное эмбарго и санкции в отношении банковской системы страны, Тегеран, согласно прогнозам израильских специалистов, может получить первую атомную бомбу уже через год. Еще год-два понадобится иранским властям, чтобы обзавестись средствами ее доставки. И если это действительно произойдет, геополитическая карта всего Ближнего Востока претерпит кардинальные изменения. Но, как неоднократно заявляли в Иерусалиме, произойти это не должно.

Высказывания руководителей Израиля о возможности военного удара по Ирану продиктованы политическим раскладом израильского руководства, которое предпочитает тактику угроз и предупреждения. Выступая 25 января 2012 г. в Кнессете по случаю международного дня памяти жертв Холокоста, Б. Нетаньяху произвел обзор стратегических угроз, с которыми еврейское государство сталкивается в настоящее время. В их ряду глава правительства выделил угрозу, исходящую от иранского режима, который сопровождает свои усилия по созданию ядерного оружия антиизраильской риторикой, включающей призывы к уничтожению Израиля. Признав значение принятого Евросоюзом решения о постепенном введении эмбарго на импорт иранской нефти, Нетаньяху отметил, что этот и другие пакеты санкций против Ирана будут действительны лишь в том случае, если они будут сопровождаться ясной позицией международного сообщества, допускающей применение любых средств с целью недопущения ядерного вооружения Ирана⁸. Если два года назад в

⁷Ближневосточная головоломка http://mnenia.zahav.ru/Articles/294/blignevostochnaya_golovolomka

⁸Haaretz, January 26, 2012.

Израиле ставили предел — выход на ядерный порог, то сегодня это не имеет такого значения. Израиль согласен на санкции, но они могут только прекратить процесс обогащения урана. Сегодня главный вопрос для Израиля в том, когда Иран выйдет на способность защитить производство ядерного оружия и предотвратить любую атаку противника, применившего конвенциональное оружие (имеются в виду, прежде всего, иранские планы перевода основного производства обогащенного урана в малодоступные пещеры в горных районах). По расчетам израильтян это случится осенью 2012 г. Поэтому в своем выступлении на Герцлийской конференции в феврале того же года министр обороны Э. Барак подчеркнул: «Иранская ядерная программа стабильно прогрессирует и вот-вот достигнет стадии неуязвимости, с которой и дальше режим аятолл сможет двигаться к полной реализации своих амбиций, и ни мы, ни кто-либо другой не сможем эффективно помешать ему»⁹. Таким образом, руководство страны дало понять, что Израиль готов к любому развитию событий вокруг Ирана и в случае необходимости собирается нанести превентивный удар по его ядерным объектам. При этом вряд ли Израиль будет связывать себя сроками, которые гипотетически называли американцы в преддверии своих выборов.

Существует и другое мнение: авторитетный специалист — бывший глава разведки Моссад Меир Даган — и целый ряд представителей израильского генералитета выступают против даже гипотетической возможности нанесения превентивного удара по Ирану. Даган создал движение «Есть шанс», которое выступает за пересмотр внешней политики израильского правительства.

Публичный отказ Нетаньяху согласовывать предполагаемый удар по Ирану с Белым домом наводит на мысль, что израильский премьер или идет ва-банк, или пытается подвинуть Вашингтон на более решительные, но мирные шаги (ввод новых жестких («калечущих») санкций, в первую очередь). Пока ситуация в этом вопросе неясна. Большинство западных аналитиков считают, что правящие круги Израиля просто пугают, отчетливо понимая при этом, каковы могут быть последствия удара по иранским атомным объектам¹⁰. И все же, по мнению администрации США, риск проведения силовой операции по ликвидации ядерной программы Ирана гораздо ниже, чем сосуществование с ядерным Ираном.

Израильско-турецкие отношения

Другой страной, претендующей сегодня на статус региональной сверхдержавы, является Турция, причем, в отличие от ИРИ, ее политическая активность не отягощена внешними конфликтами, а участие в НАТО дает свободу маневра, в том числе в отношениях с Израилем. В силу истории и этнического фактора арабский мир прохладно относится к ее претензиям на лидерство в регионе. Чтобы переломить такое отношение, равно как

⁹<http://janarmenian.ru/news/14287.html>

¹⁰Берг И.С. ФРГ: реакция на сообщения о нарастающей угрозе нападения Израиля на Иран. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/11-11-11.htm>

и дистанцироваться от восприятия Турции как части Запада, ее руководство встало на путь взвинчивания антиизраильских настроений. Израилю невыгодно ухудшение отношений с Турцией. Помимо чисто экономических издержек, которые оно повлекло, израильско-иранские противоречия не могут оставаться без внимания Турции. Хотя это государство и заинтересовано в ослаблении Ирана, оно не стремится, чтобы израильтяне диктовали свою волю мусульманским странам региона. Борьба за региональное лидерство между Турцией и Ираном и балансирующим между ними Израилем может привести к нарастанию дестабилизирующих процессов в регионе. Таким образом, отношения Турции и Израиля выходят далеко за пределы проблемы сосуществования этих влиятельных стран. Для Израиля очевидно, что вовлеченность Турции в региональные события будет в дальнейшем возрастать.

Израиль и обстановка в соседних арабских странах

С соседними арабскими государствами после «арабской весны» в отношениях с Израилем также наблюдается неопределенность и настороженность. В Египте «Братья-мусульмане», ставшие частью нового политического порядка, по мнению израильтян, несомненно будут поддерживать ХАМАС, который считается частью их движения. За этим неизбежно последует ослабление или прекращение борьбы с антиизраильским террором на Синайском полуострове, поддерживаемым не только суннитскими экстремистскими группами, но и Ираном. Неизбежно будет накаляться обстановка в Газе и Палестинской администрации. На фоне смены власти в Египте ослаблен контроль над «Филадельфийским коридором» (граница Газы и Египта), что делает возможным не только увеличение объемов контрабанды оружия через Синай в сектор Газы, но также проникновение на Синай групп вооруженных боевиков с целью осуществления терактов против израильтян — как на Синайском полуострове, так и в южных районах Израиля. События сентября 2012 г. подтверждают эту тенденцию¹¹.

Если Египет снимет блокаду Газы, это даст возможность доставки туда ракет среднего радиуса действия типа «Зильзаль», способных поразить не только ядерный реактор в Димоне и американский радар в Негеве, контролирующий воздушное пространство Ирана,

¹¹В сентябре 2012 г. экстремисты атаковали египетский пограничный пункт на Синайском полуострове близ города Рафах. В результате нападения на КПП погибли 16 египетских военных, еще семь получили ранения. Сутки спустя египетская армия начала так называемую «операцию возмездия» против экстремистов на Синае, в которой участвовали подразделения сухопутных войск и военно-воздушных сил, войск специального назначения в координации с частями МВД. 31 августа министр обороны Израиля Э. Барак сообщил, что ожидает вывода египетских войск с Синае по завершении антитеррористической операции, отметив, что у Израиля «есть ряд возражений по поводу фактического нарушения некоторых практических положений Кэмп-Дэвидского мирного договора, в смысле размещения войск и координации действий сторон. В Каире заявили, что войсковые операции против террористов на Синае будут продолжены. При этом М. Мурси отметил, что сейчас АРЕ действует в полном соответствии с международными договорами. Joshua Goodman. The benefits of instability continued unrest in Sinai. <http://thesmokefilledroomblog.com/2012/09/06/the-benefits-of-instability-continued-unrest-in-sinai>

но и практически всю израильскую территорию¹². Вакуум власти, который привлекает негосударственных игроков — террористов и криминальные структуры — представляет очевидную опасность хронического напряжения на израильско-египетской границе. Похожая ситуация может сложиться и на границе с Сирией.

События в Египте имеют для Израиля еще одно значение. Легкость, с которой Вашингтон отказался от поддержки своего самого верного и надежного союзника в арабском мире, шокировала израильтян. Как заметил один из израильских комментаторов, если 30 лет службы верой и правдой ничего не значат в случае с Каиром, то кто может гарантировать, что при изменении обстоятельств США не захотят отказать в поддержке еврейскому государству? Понятно, что это преувеличение: у Израиля есть инструменты для того, чтобы свести риск подобного сценария к минимуму. Но само появление такого вопроса симптоматично¹³.

Каир, например, уже подтвердил свою готовность восстановить дипломатические отношения с Тегераном после более чем 30 лет перерыва. Об этом заявил министр иностранных дел Египта Набиль аль-Араби, обозначив, таким образом, изменения во внешней политике страны после падения режима президента Хосни Мубарака¹⁴. Вновь избранный президент Египта М. Мурси в августе 2012 г. принял участие в саммите ДН, в ходе которого состоялась встреча президентов Ирана и Египта. Два лидера обсудили пути укрепления сотрудничества между ИРИ и АРЕ. М. Мурси стал первым египетским президентом, посетившим Иран с 1979 г. Эта новость не могла не насторожить Тель-Авив. Вместе с тем нет оснований утверждать о реальном прорыве в ирано-египетских отношениях, так как между Тегераном и Каиром остаются серьезные противоречия, в частности по Сирии.

В израильском обществе растет тревога в отношении развития событий в Сирии. Хаос в Сирии израильтянам невыгоден, так как совсем не факт, что в его результате к власти придут «демократически настроенные элементы», а не исламисты. Продолжающаяся гражданская война в Сирии, потенциально способная основательно поколебать кажущуюся стабильной власть в стране, вызывает нарастающее беспокойство в Израиле.

Итог битвы в Сирии будет определять облик всего региона. Сирия была связующим звеном между Ираном, ХАМАС и Хизболлой. В случае ухода Асада ХАМАС потеряет поддержку Ирана, что для Израиля хорошо. Но даже если Асад останется, его режим существенно ослабнет, и израильтянам легче будет иметь с ним дело. Израиль заинтересован в стабильной Сирии, он, в отличие от стран Запада, не будет принимать участие в военных операциях против режима Асада, если только сирийцы не выступят против него. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху на заседании правительства в начале февраля 2012 г. вновь заявил, что Израиль ни под каким видом не намерен вмешиваться в сирийские события, несмотря на то что он, естественно, не может «оставаться равнодушным» в отношении

¹²Worried Israel. Chaos could come this close. The Economist. Jerusalem, Feb. 3, 2011.

¹³Лукьянов Ф. Воронки от революций. <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Voronki-ot-revoljucii-15120>

¹⁴Арабские революции не оставили шанса для выживания Израиля. <http://pda.regnum.ru/1391968.html>

кровапролития в Сирии»¹⁵. В то же время израильтяне считают, что вероятность военного вмешательства внешних сил в Сирию невелика. Оно, скорее всего, возможно в форме укрепления и помощи военных группировок оппозиции со стороны других арабских стран. Опасность такой политики — все набирающая обороты гражданская война. Еще одна опасность для Израиля: у сирийских вооруженных сил есть большие запасы химического оружия. В условиях хаоса может возникнуть опасность его применения, причем не только для Израиля, но и для Турции. Третья проблема — беженцы из Сирии в Израиль. И наконец, еще одна гипотетическая возможность «плохого» развития событий: в случае, если Асад будет терять власть в стране, существует опасность, что режим Асада, чтобы отвлечь внимание, ударит по Израилю.

Ливан, который всегда представлял для Израиля очаг напряжения, после падения правительства Саада Харири также переживает кризис. Не исключено постепенное сползание Ливана в гражданскую войну, в которой в качестве ведущей силы будет выступать «Хизбалла». Ливанский народ фактически является заложником этой экстремистской организации. Политические аналитики предсказывают новую войну «Хизбаллы» с Израилем, массовые жертвы на юге страны, чье население опять станет «живым щитом», репрессии против христианского меньшинства и т.п. Однако и сама шиитская организация переживает не лучшие времена. Подрывает ее положение непредсказуемая ситуация в Сирии. Шатающийся трон под Асадом привел к ослаблению и ХАМАС, и «Хизбаллы», нарушив их финансирование, поставив под удар базы, склады, да еще и рассорив с Ираном, недовольным недостаточной поддержкой Асада. Эвакуация «Хизбаллы» из Сирии похожа на бегство. Она свидетельствует о том, что соратники Насраллы готовятся к худшему для себя сценарию — то есть к смене власти в стране и к тому, что с новой властью им будет сложно договориться. «Хизбалла» сегодня остро нуждается в моральной реабилитации. А для этой цели как нельзя лучше подходит новая война с Израилем. В глазах арабского мира «Хизбалла» из всех этих войн выходила победителем. Косвенно на подготовку к такой войне указывает концентрация вооружений в южных районах страны. Израиль предупредил правительство Ливана о серьезных последствиях в случае провокаций против еврейского государства со стороны этой ливанской радикальной группировки «Хизбалла». Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху предупредил, что если исламисты атакуют Израиль, то ЦАХАЛ «нанесет мощный ответный удар, не делая различий между «Хизбаллой» и государством Ливан», так как ливанское правительство «ответственно за все, происходящее в зоне его юрисдикции»¹⁶.

В Иордании, стране, относившейся к умеренному лагерю арабских стран, традиционно поддерживавшей межгосударственные связи с Израилем и имеющей с ним мирный договор, сегодня также нарастают антизападные и антиизраильские настроения. Массовые протесты начались в Иордании еще в середине января, до победы тунисской и египетской революций,

¹⁵The Jerusalem Post, Feb. 6, 2012.

¹⁶Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (3–9 сентября 2012 г.). 10 сентября, 2012. <http://www.iimes.ru/?p=15510>

и сразу же там появились антиизраильские лозунги. В начале сентября 2011 г. прошла акция протеста у посольства США с сожжением американского и израильского флагов. Участники митинга требовали аннулировать подписанное в 1994 г. мирное соглашение с Израилем. 15 сентября весь штат посольства Израиля в Иордании был эвакуирован на родину, поскольку ожидалось проведение «марша миллионов» для выражения солидарности с арабами Палестины. Страна остается мишенью для радикальных суннитских исламистов и последствия этого для Иордании могут быть самыми тяжелыми. В этих условиях король Иордании Абдалла II выступает за позитивную роль своей страны в арабском мире и международном сообществе. На палестино-израильском направлении Иордания действует осторожно и старается выполнять в основном посреднические функции с целью прекратить насилие и вернуть стороны к переговорам. Король поддерживает контакты как с палестинской администрацией М. Аббаса (А. Мазена), так и с радикальным движением ХАМАС. Несмотря на непопулярность в стране мирного договора с Израилем от 1994 г. и тесных связей с США, Абдалла II не намерен менять курс на этих направлениях. В то же время король выражает недовольство позицией Израиля, не желающего идти на уступки палестинцам в мирном процессе. Однако израильтяне опасаются роста влияния «Братьев-мусульман» в этой стране. Их возможная победа может изменить региональную стратегию Израиля¹⁷.

Отношения с Палестинской администрацией

Ситуация с продвижением мирного процесса, который в последний год находится в очевидном тупике, осложнена для Израиля фактом компромисса Фатха и ХАМАС. Руководство ПНА находится в непрестом положении: арабские революции отвлекли мир от палестинской проблемы, усиление исламистов во многих странах снизило рейтинг М. Аббаса. Ключевые посты в новом объединенном правительстве после предстоящих выборов вполне могут оказаться в руках ХАМАС. Соглашение о примирении между враждующими палестинскими группировками (с 2007 г. находившихся в состоянии гражданской войны и контролирующих Западный берег Иордана и сектор Газа соответственно) и начале консультаций по формированию первого правительства независимой Палестины произошло в мае 2011 г., в преддверии обращения ПНА в ООН. В Израиле убеждены, что «межпалестинское примирение» является на самом деле победой ХАМАС, воспользовавшейся тем, что в результате «арабских революций» умеренные силы Фатха потеряли свою базу в Египте и Сирии. Действительно, глава Палестинской национальной администрации М. Аббас и премьер-министр ПНА С. Файяд всерьез обеспокоены политикой Египта на палестинском направлении, так как после избрания М. Мурси президентом АРЕ в Каире поддерживают отношения с ХАМАС, игнорируя ПНА.

Проблема достижения ближневосточного урегулирования на ближайшую перспективу находится в тупике. На сегодня проблемы урегулирования ушли с первых строк СМИ, но

¹⁷Там же.

не исчезли с повестки дня мировой общественности. Прогнозы в целом пессимистичны: процесс Осло закончен, консенсус по вопросам урегулирования размывается. Израильское правительство не отказывается ни от больших поселений на Западном берегу, ни от Восточного Иерусалима, ни от жесткого подхода Израиля к возвращению палестинских беженцев. Палестинская сторона также не торопится к возобновлению переговоров, выдвигая заведомо неприемлемые для Израиля условия. Создана ситуация, когда максимум, который способен предложить любой из израильских лидеров, все равно меньше того минимума, который готово допустить палестинское руководство. Обстановку осложняет явное усиление ХАМАС, особенно заметное после официального примирения этой организации с Фатхом и операции по освобождению Шалита. В среде военных специалистов Израиля существует мнение, что патронируемые Ираном ХАМАС и «Хизбалла» станут более агрессивными и непредсказуемыми¹⁸. Так, например, гипотетически рассматриваются возможности попыток ХАМАС отделить сектор Газа от Палестинской администрации и создать там самостоятельное образование.

Палестинское руководство даже рассматривает возможность отмены соглашений Осло, подписанных между Израилем и ООП в 1993 г. с целью урегулирования палестино-израильского конфликта. Палестинские лидеры подчеркивают, что отмена соглашений Осло станет началом новой политики, которая приведет к укреплению палестинской администрации и государственных институтов ПНА.

Со своей стороны, Израиль предвидел такую вероятность и начал готовиться к возможной отмене соглашений Осло еще летом 2011 г. В тот период договор в одностороннем порядке готово было расторгнуть само израильское правительство как ответ на возможное провозглашение государства Палестина и принятие ПНА в ООН. Подготовкой к этому шагу занимался Совет по национальной безопасности под руководством отставного генерала Яакова Амидрора. В израильском руководстве подчеркивали, что отмена соглашений Осло может возыметь серьезные последствия и полностью парализовать деятельность палестинской администрации, так как ПНА может лишиться источников денежных средств, таких, как пошлины и таможенные сборы, которые взимаются Израилем¹⁹.

Израильское руководство считает, что у палестинских лидеров нет ясной стратегии, и это затрудняет процесс урегулирования. Поэтому Израилю ничего не остается, как только всеми силами удерживать палестинцев в «спокойном состоянии». Министр иностранных дел А. Либерман считает, что в данной ситуации для Израиля было бы лучше, если бы М. Аббас ушел с поста президента ПНА. По его мнению, между ним и главой ХАМАС Халедом Машалем существует разделение труда: Машаль руководит вооруженным террором, а Аббас — дипломатическим террором. Все инициативы Аббаса на международной арене — призыв осудить Израиль как «государство апартеида», попытка обвинить ЦАХАЛ в военных преступлениях в Гаагском

¹⁸Едиот Ахронот, 7.02.2012.

¹⁹Администрация М. Аббаса готовится расторгнуть соглашения Осло. http://www.newsru.co.il/mideast/18sep2012/oslo_002_print.html

суде, организация комиссии по расследованию нарушения прав человека, обвинение Израиля в присвоении природных ресурсов ПНА и т.д. — это примеры дипломатического шантажа и террора, возглавляемого Аббасом. Кроме того, Аббас, как считают израильтяне, не является легитимным представителем палестинского руководства. Он не контролирует ситуацию на Западном берегу р. Иордан и не имеет официальных полномочий, так как его президентский срок давно истек, а новые выборы не проводились. Даже если Израиль подпишет какое-то соглашение с Аббасом, следующее палестинское руководство может признать его недействительным, приходит к выводу Либерман. Правда, Нетаньяху не вполне согласен с позицией своего министра. Он все-таки считает, что, несмотря на все трудности, которые чинит Аббас, Израиль должен по крайней мере декларировать свою готовность приложить усилия по возобновлению диалога с палестинцами²⁰.

Некоторые израильские политики наиболее правого толка считают, что события в Египте и общая тенденция социально-демографических процессов в арабском мире дают основания для прогноза, что ближайшие десять-пятнадцать лет весь арабский мир превратится в такие же «недогосударства», какими сейчас являются Ливан или Сомали. По их мнению, это дает основания полностью изменить свой подход к арабо-израильскому конфликту в части планов создания еще одного арабского государства на Западном берегу Иордана, помимо Иордании, т.е. снять планы его создания с политической повестки дня²¹.

В целом для Израиля ясно, что в регионе идет процесс национального обновления, развиваются новые формы арабского национализма. Кто выиграл, кто проиграл — говорить пока рано. На первый взгляд проиграл Израиль, но в целом региональная ситуация пока устояла, и система Кэмп-Дэвида сохранилась. По мнению большинства представителей израильских правящих сил, в современных условиях необходимо предпринять самые активные дипломатические усилия, чтобы прекратить (или ослабить) установившееся гипертрофированное внимание мирового сообщества к проблеме отношений израильтян и палестинцев как к едва ли не самой острой в череде раздирающих регион конфликтов. Правящие круги Израиля считают, что исламские течения в государствах «арабской весны» будут заняты своими внутренними делами и их руководство понимает, что великие державы не позволят кому-либо из них пойти на эскалацию конфронтации с Израилем. Оптимисты из оппозиционных израильских партий говорят о том, что вряд ли в будущем исламские государства пойдут на создание антиизраильских коалиций и блоков, способных привести к столкновению с Израилем, а пессимисты-реалисты из правого правительства, возглавляемого партией Ликуд, готовятся к наихудшему сценарию, внося изменения в свою стратегию развертывания на всех фронтах.

В регионе сегодня налицо четыре наиболее активных лидера: Израиль, Турция, Иран и Саудовская Аравия. Из них три — не арабские. В отличие от Ирана, Саудовской Аравии

²⁰Yori Yanover. FM Liberman Says Israeli Policy Needs a New Focus: 'Abbas Must Go'. <http://www.jewishpress.com/news/breaking-news/fm-liberman-says-israeli-policy-needs-a-new-focus-abbas-must-go/2012/08/23>

²¹Сарно Э. Внутриполитические последствия событий в Египте для Израиля. <http://edmond-sarno.livejournal.com/116398.html>

и Турции, у которых в регионе есть свои союзники и сферы влияния, израильское государство — региональный изолят. Союзников здесь у него нет и пока быть не может. Это означает, что единственным средством обеспечения своей безопасности и своих интересов является сохранение двух следующих факторов:

1. Оборонная сила, включающая военное превосходство в конвенциональных видах вооружений и наличие ядерного оружия.
2. Опора на сильного внешнего союзника — США.

Хотя руководство двух стран постоянно повторяет, что отношения Израиля с США по-прежнему стабильные, некоторое ослабление американского влияния в арабских странах и определенное охлаждение между правительствами США и Израиля негативно влияют на израильские позиции в регионе. Растущие разногласия все больше приобретают форму прямого давления израильского премьер-министра Нетаньяху на американского президента Обаму. Нетаньяху откровенно пытается вмешиваться в американскую политику и оказать давление на президента по вопросу о «превентивном» ударе по Ирану. Такая ситуация, несмотря на все заверения обеих сторон о сохранении самого высокого уровня межгосударственного партнерства, в конце концов, может серьезно повредить длительным и устойчивым «особым отношениям» между Соединенными Штатами и Израилем. Это, без сомнения, может иметь очень серьезные последствия для еврейского государства²².

Учитывая эти обстоятельства, Э. Барак выступил с заявлением о том, что в ближайшие пять лет необходимо выделить в военный бюджет дополнительно, по меньшей мере, \$20 млрд., чтобы «и при грядущем поколении страна была так же защищена»²³. Это заявление Барака прозвучало на фоне продолжающихся в Израиле дискуссий о влиянии арабских революций на безопасность еврейского государства. Главная задача правительства — укрепление обороноспособности страны перед лицом растущей исламистской угрозы. На этих позициях стоит практически все израильское правительство и проправительственный лагерь.

Но в целом израильское общество еще не выработало единого подхода к арабскому движению. Появился новый актер, который израильское руководство и общество и никогда прежде не принимали в расчет — арабский народ. Израильский истеблишмент не расположен учитывать волю и интересы арабской улицы. Его подход базируется на привычной реакции на более широкое определение арабских масс — мусульмане. Простые израильтяне и элита страны привыкли относиться к мусульманам как к потенциальной угрозе, хотя в ходе демонстраций и в Тунисе, и в Йемене, и даже в Египте антиизраильская тема не была общемобилизационной. Кстати, это тоже настораживает израильское общество, которое по обыкновению воспринимает это как политический трюк²⁴.

²²Dave Lindorff. A Sea Change in US-Israeli Relations? <http://www.thiscantbehappening.net/node/1337>

²³Тер-Арутюнян А. Новая ситуация на Ближнем Востоке и Израиль. Изменение среды безопасности вокруг Израиля. <http://www.elections-ices.org/files/publications/11242.pdf>

²⁴Israeli Leadership Fears Arab Popular Democracy. http://therealnews.com/t2/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=74&jumival=6292

В Израиле существует мнение, что развитие арабских стран после «арабской весны» будет зависеть от внешних сил, прежде всего от США, что дает надежду на умеренность в отношениях с Израилем. Некоторые израильские политики считают, что тунисские и египетские исламисты понимают необходимость получения признания мирового сообщества, в первую очередь, западных государств. По этой причине египетские политики повторяют, что Египет намерен соблюдать все международные обязательства. Это вселяет определенный оптимизм. Однако сейчас победившим партиям политического ислама предстоит решать тяжелые социально-экономические проблемы своих государств и неизвестно, как исламисты преуспеют на этом поприще. В случае вероятного провала, считают в Иерусалиме, появится соблазн обвинить в своих неудачах «сионистского врага». Опасность такого сценария рассматривается как достаточно высокая.

Анализируя перспективы взаимоотношений с арабским миром, израильские специалисты считают, что многое будет зависеть от того, как в будущем смогут сопрягаться два элемента — подъем исламизма и принятие принципов демократии, социальной справедливости, прав человека и т.д. Какие тенденции победят? Турецкий путь развития или иранский, который в целом не соответствует духу «арабской весны»? Идеи турецкой демократии ближе к массе арабской молодежи — двигателю революций. Если эта тенденция победит, для Израиля перемены могут быть позитивными. Необходимо в своих прогнозах учитывать еще один фактор: наметившийся разлом между шиитами и суннитами, уже приведший к обострению обстановки в странах Персидского залива и их отношений с Ираном. Такое развитие событий тоже на руку Израилю.

И все же нельзя не заметить, что в последние месяцы ситуация в регионе резко ухудшается и становится все более взрывоопасной. Гражданская война в Сирии ужесточается, и число жертв с обеих сторон за последние месяцы быстро растет. Конфронтация между Израилем и Ираном достигает своей кульминационной точки, и предупреждения израильтян о готовности к военным действиям становятся все более угрожающими. Беспрецедентные случаи нападений или попыток нападения на американские посольства в целом ряде арабских и не только арабских государств и убийство посла в Бенгази, а также антиизраильские выступления свидетельствуют о наступлении нового этапа отношений между США, Израилем и исламским миром. Главным внутривосточным результатом событий для Израиля является ужесточение оборонной политики и готовность принять в случае необходимости предельно жесткие меры.

В пользу такой позиции чаще всего приводятся следующие доводы.

Эти революции не были направлены непосредственно против израильтян и американцев, но они не сулят Израилю ничего хорошего.

Заметное сокращение возможностей внешних держав — в первую очередь, Соединенных Штатов — определять тенденции и события в ближневосточном регионе будет способствовать углублению изоляции Израиля.

Политически мотивированное насилие, направленное против Израиля и Америки, грозит усилиться.

Создание палестинского государства не является панацеей. Нарастающие экономические трудности и проблемы стабильности ПНА, вероятно, будут усиливать израильско-палестинскую напряженность.

Угроза ядерного потенциала Ирана будет возрастать.

Кроме того, по очевидным причинам израильтяне боятся беспорядков среди арабских граждан страны на улицах собственных городов. Существует опасение, что израильские арабы вполне могут подхватить эстафету протестов в соседних странах. Боязнь арабских волнений на территории ПНА и внутри Израиля охватила израильское общество²⁵.

«Арабская весна» с точки зрения концепции безопасности подтвердила мнение Израиля о том, что, во-первых, распад единства арабского мира продолжается. Во-вторых, ситуация в арабских странах доказала, что проблема конфликта и его урегулирования не уходит на задний план. Основным стратегическим противником Израиля считается Иран. По мнению нового командующего ВВС генерала Амира Эшеля, убийства Саддама Хусейна и Муамара Каддафи укрепили решимость иранцев стоять до конца, а Израилю не следует надеяться, что договор с ПНА положит конец противостоянию²⁶. Военное руководство Израиля отмечает парадокс в том, что ближневосточные лидеры, прислушавшиеся к советам Запада и отказавшиеся от ядерных разработок, совершили трагическую ошибку. Ни Саддама Хусейна, ни Муамара Каддафи не решились бы тронуть, если бы в их распоряжении была атомная бомба. Иран усвоил этот урок²⁷.

В целом можно констатировать, что хотя израильских лидеров беспокоит уходящий старый порядок в арабском мире и пугают неизбежные перемены, привычный политический дискурс в стране не претерпевает никаких существенных изменений²⁸. Любое ужесточение позиции со стороны исламских государств в отношении Израиля, как и демонстрация враждебности, лишь способствуют внутренней консолидации израильского общества и укреплению влияния правого лагеря.

²⁵Benn Aluf. Israel is blind to the Arab revolution <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/print:page,1,58085-belaya-intifada-scenariy-arabskoy-revolyuicii-v-izraile-haaretz-izrail.html>

²⁶Едиот Ахронот, 7.02.2012.

²⁷Там же.

²⁸Israel blind to Arab revolution Posted By From the Newspaper On March 24, 2011, In Newspaper > World in Focus. <http://www.dawn.com/2011/03/24/israel-blind-to-arab-revolution.html/print/>. Yossi Klein Halevi. Israel, Alone Again? New York Times. February 1, 2011. <http://www.nytimes.com/2011/02/02/opinion/02Halevi.html>

Л.М. Кулагина

В.М. Ахмедов

Иран

Развитие революционного движения в арабском мире, начавшееся в декабре 2010 г. и получившее мощное продолжение в 2011-2012 гг., изменило сложившийся баланс сил в регионе. События «арабской весны» затронули не только арабские страны, но и региональные державы, прежде всего Турцию и Иран, оказавшись непосредственно связанными с их ролью в Ближневосточном регионе.

На начальном этапе «арабской весны» в Иране в целом позитивно были встречены революционные события в арабских государствах. В Тегеране прошли многотысячные митинги и демонстрации в поддержку арабских революционных движений, на которых выступили рахбар Али Хоменеи и президент Махмуд Ахмадинежад. Складывавшаяся в регионе обстановка, по мнению иранских руководителей, способствовала осуществлению далекоидущих внутренних и внешнеполитических планов Тегерана. В Иране полагали, что свержение недружественных ИРИ арабских режимов укрепит ее позиции на Ближнем Востоке и отвлечет внимание Запада от иранской ядерной программы. С самого начала событий Арабского пробуждения иранское руководство с целью сплочения и мобилизации масс пыталось представить революционные движения как

продолжение иранской исламской революции 1979 года, чтобы подчеркнуть верность избранного властью политического курса и избежать новых внутренних потрясений¹. Эти надежды подкреплялись изменением позиций нового руководства крупнейшей арабской страны Египта по отношению к Ирану. ИРИ всегда стремилась нормализовать отношения с Египтом. В течение более 30 лет после исламской революции ирано-египетские отношения носили в основном враждебный характер. Новые власти революционного Египта, озабоченные безопасностью и стратегическими интересами своей страны, пытались вернуть ей прежнюю лидирующую роль на Ближнем Востоке, которая существенно ослабла в период правления Х. Мубарака. В качестве новых принципов внешней политики революционного Египта были продекларированы независимость, отказ от участия в каких-либо блоках и пересмотр характера прежних отношений со многими странами и, в частности, с Ираном. В первой декаде апреля 2011 г. новый министр иностранных дел АРЕ Набиль аль-Араби принял в МИД АРЕ главу бюро защиты интересов ИРИ в Каире Моджтаба Амани. В ходе встречи аль-Араби заявил, что контакты между Каиром и Тегераном по нормализации отношений продолжатся. Он также принял приглашение главы МИД ИРИ посетить Иран. Кроме того, стали меняться подходы Каира к союзным ИРИ — ливанской «Хизбалле» и палестинскому ХАМАС. Каир разрешил лидерам ХАМАС в Газе выезжать через Каир в другие страны, что раньше было невозможно. При Х. Мубараке для ХАМАС выезд с территории Газы был заблокирован. Военный Совет Египта предоставил разрешение на проход через Суэцкий канал иранским военным кораблям в сирийский порт Латакию, несмотря на протесты США и Израиля. Изменился тон официальной египетской риторики в отношении ливанской «Хизбаллы» и ее союзников в Ливане с непримиримого и жесткого на более спокойный и нейтральный. Сократились связи с руководимым С. Харири движением «14 марта», направленным против Ирана и Сирии². Нормализация ирано-египетских отношений была особенно важна для Ирана. Она означала не только отход Каира от лагеря «умеренных» арабских стран, созданного США против Ирана, Сирии, «Хизбаллы» и ХАМАС, но и то, что внешняя политика ИРИ в арабском мире получила дополнительные признание и легализацию. Этот создавало серьезную брешь в политике антииранской мобилизации арабских стран, которую проводили монархии Персидского залива, что нередко обостряло конфессиональные противоречия на Ближнем Востоке и вело к расколу региона на два лагеря — суннитский и шиитский. В то же время на пути нормализации ирано-египетских отношений оставалось немало преград. Это, прежде всего, проблемы ближневосточного урегулирования, ядерная программа Тегерана, безопасность в Персидском заливе и другие. В Египте по-разному относились к Ирану и его стремлению наладить отношения с Каиром. Однако указанные перемены в отношении Египта к ИРИ позволили Тегерану получить хороших союзников в новых властных структурах Египта, прежде всего в законодательной и исполнительной власти. Глава

¹Siyasat-e Ruz (Iran), 17.08.2011.

²Ас-Сияса(кувейт), 04.04.2011.

бюро по защите интересов ИРИ в Каире сделал заявления о готовности Ирана оказать масштабную экономическую и финансовую поддержку Египту.

События на Бахрейне стали первым неприятным сюрпризом «арабской весны» для Ирана. На Бахрейне против правящего суннитского режима выступили шииты, составлявшие большинство населения страны. События на Бахрейне приобрели характер конфессиональных противоречий. Во многом это было связано не столько с внутренним фактором, сколько с вмешательством внешних сил и прежде всего Ирана и Саудовской Аравии. Сочувственное отношение Ирана к протестному движению на Бахрейне натолкнулось на скоординированные военные действия ССАГЗ в составе войск Саудовской Аравии и Омана. Для иранских руководителей арабская интервенция была неожиданной. Иран полагал, что внутренние разногласия среди членов Союза помешают им выступить столь решительно с единой позицией. Тегеран резко осудил интервенцию арабских стран в бахрейнские дела. Президент ИРИ М. Ахмадинежад даже потребовал от КСА извиниться за ввод войск в Бахрейн. Иран явно недооценил тот факт, что арабы считают королевство исключительной зоной своего влияния. Отношения между Эр-Риядом и Тегераном серьезно осложнились³. Иран подвергся жесткой критике со стороны лидеров ССАГЗ и стал объектом прямых обвинений в причастности к бахрейнским событиям. Арабские монархии опасались, что Иран может воспользоваться их потенциальной слабостью в результате развития арабских революционных движений и использовать это обстоятельство для укрепления своих позиций в регионе. Процесс идущих изменений в арабских странах нельзя рассматривать в отрыве от результата постоянной конфронтации между ИРИ и арабскими монархиями Персидского залива, с одной стороны, и между Ираном и Западом — с другой. Государства Персидского залива пытались избежать каких-либо революционных изменений внутри своих стран под воздействием происходивших в арабском мире событий и сохранить прежний порядок правления. Это свидетельствовало об ограниченности видения арабскими монархиями стратегических перспектив в условиях быстрой трансформации политических процессов в регионе. Показателем озабоченности государств Персидского залива защитой правящих в них режимов в связи с арабскими движениями являлся тот факт, что они не колеблясь поддержали жесткие санкции и военное вмешательство западных стран в Ливию в обмен на признание их права на вмешательство в дела Бахрейна.

Начавшиеся 15 марта 2011 г. революционные события в Сирии стали самым тяжелым испытанием для внешней политики ИРИ в отстаивании ее завоеваний на Ближнем Востоке. Иран за последние два десятилетия превратился в одну из влиятельных держав в регионе и, конечно, не желает того, чтобы происшедшие перемены отрицательно сказались на его роли в ближневосточных делах. В результате военно-политического, экономического, стратегического союза с Сирией Ирану удалось сорвать формирование США единого арабского фронта против ИРИ. Дамаск служил проводником поли-

³Аш-Шарк аль-аусат, 17.06.2011.

тики Ирана в Ливане. Президент ИРИ М. Ахмадинежад не скрывал, что впервые с VII в. Иран получил возможность серьезно укрепить свои позиции в Средиземноморье в результате усиления своего влияния в Сирии и Ливане. Но по мере развития революционных событий в Сирии, направленных против существующего в САР режима, Тегеран уже не мог рассчитывать на прежний уровень поддержки Дамаском своих интересов в регионе. Показательным в этой связи стала поддержка сирийским правительством, вопреки отношениям с Ираном, военной операции стран Персидского залива на Бахрейне, что продемонстрировало всю степень остроты расколов прежних союзов в регионе. К тому же, с учетом сирийских событий, многие политические силы Ливана начали менять свое отношение к Ирану. ИРИ также опасалась, что смена режима в Сирии может отрезать ему пути оказания помощи ливанской «Хизбалле», а также отрицательно сказаться на ее позициях в Ираке. Более того, под влиянием США такие страны, как Турция и Египет, начали пересматривать прежний характер связей с Ираном в результате поддержания Тегераном жестких действий сирийского режима в отношении своего народа. Более того, в начале марта 2012 г. ХАМАС, который пользовался поддержкой Ирана, отказался помогать Тегерану в случае войны с Израилем и занял сторону арабских монархий в отношении событий в Сирии. В то время как шиитский Иран поддерживает близкий к нему алавитский режим Асада, ХАМАС, исповедующий суннизм, стоит на стороне противников сирийского режима, особенно после его жестких расправ с местным населением. Это вызвало критику со стороны Тегерана. Иран даже был вынужден пригрозить ХАМАС лишением его финансовой помощи, которая составляла 23 млн. долл. в месяц⁴. Однако впоследствии Иран стал пересматривать принятые решения и предпринял ряд шагов, чтобы вернуть ХАМАС на свою сторону.

Иранские руководители вначале либо игнорировали революционные события в САР, либо характеризовали их как «американо-сионистский заговор». Сегодня Иран начинает пересматривать ситуацию в Сирии и тщательно взвешивает возможные последствия сирийского кризиса для иранских позиций в регионе. Иранские СМИ стали писать о необходимости проведения серьезных реформ в Сирии, высказывались в поддержку законных требований сирийского народа⁵. Внутри иранского руководства достаточно явно обозначились расхождения в оценке сирийского восстания и его перспектив. Одни считали, что сирийский режим устоял уже больше года, и выступали против любых попыток его отставки. Другие, не надеясь на силовое решение конфликта, рекомендовали сирийскому режиму принять требования восставших и провести реформы, чтобы таким образом попытаться сохранить власть Асада. В конечном итоге Тегеран пытался любыми возможностями спасти сирийский режим. Но учитывая то, что иранская внешняя политика отличается жестким прагматизмом, иранские власти в то же время налаживали связи с зарубежной сирийской оппозицией, которая была связана с иранскими оппозиционными организациями. Как и их

⁴ИТАР-ТАСС, 07.05.2012.

⁵«Кейхан» (Иран), 21.04.2011.

сирийские коллеги, иранские оппозиционеры рассчитывали объединить свои разношерстные ряды на основе одной цели — свержения правящего в ИРИ режима. В марте 2012 г. состоялся съезд представителей 50 оппозиционных иранских движений в Стокгольме. В начале апреля еще один подобный форум прошел в Вашингтоне. Иранская оппозиция активно налаживала связи с СНС и ЛАГ, надеясь на их поддержку⁶.

Действительно, сегодня главную угрозу для иранских позиций на Ближнем Востоке представляют сирийские события. Без преувеличения можно сказать, что сирийский кризис оказывает непосредственное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Ирана. При любом вероятном исходе событий в Сирии иранские позиции на Ближнем Востоке могут серьезно пострадать, что скажется на ослаблении перспектив реализации планов Тегерана по ядерной программе и может поколебать внутривнутриполитическую стабильность в ИРИ. Стремление президента Асада сохранить свою власть в стране любым путем вызывает протест международного сообщества. По некоторым данным, в сирийском революционном движении принимает участие около 20% населения страны⁷. Несмотря на то что благодаря согласованным усилиям международного сообщества и особенно позиции России по сирийским событиям весной 2012 г. удалось принять в СБ ООН резолюцию по мирному урегулированию сирийского кризиса, вооруженное противостояние в Сирии не прекратилось. Хотя официально Тегеран и призывает сирийский режим выполнять взятые на себя обязательства по мирному плану К. Аннана, ИРИ продолжает поддерживать Асада, оказывая ему финансовую, военную и политическую помощь. Показательно в связи с этим заявление министра иностранных дел ИРИ Али Акбара Салехи, которое он сделал во время своего официального визита в Тунис в апреле 2012 г. «Ситуация в Сирии должна быть урегулирована благоразумно и без иностранного вмешательства», — заявил он. Иран, по словам Салехи, занимает в этом отношении четкую позицию. Он категорически отвергает любые формы иностранного вмешательства во внутренние дела САР и считает недопустимым финансирование и вооружение оппозиции, действующей на территории Сирии⁸.

Развитие и расширение арабских революционных движений в регионе активизировало политику Турции. Ее целью было укрепление зоны турецкого влияния в районе Каспия и Центральной Азии. Неудивительно, что амбициозные планы Турции столкнулись с иранскими интересами на Ближнем Востоке. Соперничество ИРИ и Турции не ограничивалось практическими вопросами региональной геополитики. Это также было соперничество идей и идеологий. Нынешнее руководство Турции стоит на позициях умеренного ислама. Турция предлагает свою модель арабскому и всему мусульманскому миру⁹. Для иранского руководства это прямой вызов, если учесть, что Тегеран претендует на лидерство в исламском мире. За последние 3 года Турция существенно укрепила позиции в Сирии. Анкара и Дамаск подписали несколько договоров о сотрудничестве на

⁶ИТАР-ТАСС, 17.04.2012.

⁷Al-Jazeera.net, 23.03.2012.

⁸ИТАР-ТАСС, 25.04.2012.

⁹www.news.com, 27.06.2011.

общую сумму в 1 млрд. долл. Турция стала участником нескольких важных политических и экономических проектов на Ближнем Востоке совместно с САР¹⁰. Со своей стороны, Иран пытался задействовать свои возможности в Турции, чтобы оказать давление на позицию ее руководства в сирийском вопросе. В Турции, по некоторым данным, проживает около 1 млн. иранцев, действует более 1000 компаний, во главе которых стоят иранцы. Турция импортирует иранскую нефть. Она служит своеобразным каналом связи Ирана с Западом и готова выступать в качестве посредника в переговорах, что является ценным для Тегерана, имеющим мало друзей на Западе¹¹. Турция до сих пор (лето 2012 г.) не выполнила резолюцию ООН о санкциях против Ирана. Это с точки зрения Тегерана полезный инструмент для обхода западного давления. Одновременно Иран пытался наладить диалог со странами Персидского залива, чтобы ослабить давление экономических санкций, навязанных Западом. Состоявшийся в начале марта 2012 г. визит в Тегеран министра иностранных дел ОАЭ показал, что не все государства ССАГЗ готовы поддержать экономическую блокаду ИРИ в ущерб своим интересам. ОАЭ является крупнейшим торговым партнером Ирана. В Дубае действовали около 1200 иранских компаний и проживало более 400 тысяч иранцев¹². Несомненно, арабские движения, особенно в Сирии, способствовали расшатыванию регионального положения Ирана. Отношение большинства монархий Персидского залива к Ирану резко изменилось. Они находятся в конфликтной ситуации с ИРИ в большей степени, чем когда-либо прежде. Самым ярким разногласием стали позиции сторон по вопросу сирийского кризиса. Арабские монархии под руководством Саудовской Аравии и Катара заявили о своем намерении финансировать и вооружать сирийскую оппозицию и фактически поддержали идею иностранного вторжения в Сирию. Таким образом, можно говорить о формировании основных контуров антисирийского фронта арабских стран для изоляции Ирана в регионе.

Дальнейшее развитие событий «арабской весны» привнесло новое направление в борьбу арабских государств Персидского залива против Ирана. Арабские монархии стремились вернуть Сирию и Ирак в лоно арабского мира с тем, чтобы выбить их из-под иранского влияния. Особенно это стало заметно в ходе последнего саммита арабских государств в Багдаде, когда арабские страны с преимущественно суннитским населением оказали серьезный нажим на Ирак, пытаясь заставить его изменить характер отношений с ИРИ.

По предложению короля Саудовской Аравии ССАГЗ выступил за создание федерации в составе 5 стран Персидского залива — Кувейт, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Оман. Необходимость такого союза мотивировалась экономическими факторами. Однако во главе угла стояли соображения безопасности монархических режимов как ответ на перемены в регионе, вызванные протестными движениями в арабском мире. Причем в качестве общей угрозы рассматривался Иран, который по убеждению арабских

¹⁰www.news.com, 27.06.2011.

¹¹www.news.com, 03.03.2012.

¹²ИТАР-ТАСС, 17.02.2011.

монархий являлся подстрекателем антиправительственных шиитских выступлений не только на Бахрейне, но и в Кувейте, Катаре, Саудовской Аравии. В связи с ростом панарабских настроений в последнее время опять появилась антииранская идея переименовать Персидский залив в Арабский залив. Это название стало часто применяться на Западе. В ответ Иран представил исторические справки о происхождении названия Персидский залив и официально учредил праздник «День Персидского залива». Противостояние Ирана и арабских государств Персидского залива принимало все более острые формы. Страны ССАГЗ провели крупные военные учения совместно с США в апреле 2012 г. вблизи иранских берегов. Все требования Тегерана прекратить учения были проигнорированы. Но Иран сумел найти действенный ответ на эту демонстрацию силы. Президент М. Ахмадинежад посетил остров Абу Муса в устье Ормузского пролива, который Иран считает неотъемлемой частью своей территории. Это один из 3-х спорных островов между Ираном и ОАЭ. В ответ ОАЭ отозвали своего посла из Тегерана и потребовали от иранских властей извинений. Вслед за этим ССАГЗ на совещании 17 апреля 2012 г. осудил Иран и призывал к поиску мирного разрешения спора. Решение арабских государств было поддержано Вашингтоном. За последнее десятилетие острова были превращены Ираном в хорошо укрепленные военные базы, а на Абу Муса построили даже взлетно-посадочную полосу. Иран, не собирающийся уступать в этом споре, направил послание в ООН, в котором подтвердил свой суверенитет над островами и заявил, что ответит силой на любые угрозы его территориальной целостности¹³. В результате твердой позиции Тегерана ОАЭ вряд ли могут рассчитывать на эти острова. Хотя ранее Иран делал шаги навстречу ОАЭ для урегулирования возникшего спора. Конфронтация вокруг островов может оказать негативное влияние на внутривосточную обстановку в регионе и затруднить транспортировку нефти через Ормузский пролив, через который осуществляется примерно одна пятая часть всех мировых поставок.

Иранская правящая элита рассматривает революционные события в арабских странах как часть исламского пробуждения. Иранский дипломат М. Язди в интервью бразильской газете заявил: «... мы называем это великим движением мусульманского населения в регионе, исламским пробуждением, а не “арабской весной” ... мы являемся свидетелями создания сильного исламского блока в регионе»¹⁴. В результате арабских событий усилилось влияние ислама, ослабили позиции США и Израиля в регионе. Однако исламская идеология не стала главенствующей в арабском движении. Иран опасается, что смена режимов в арабских странах может укрепить суннитское направление в исламе и ослабить его позиции в регионе. Победа революции в САР подорвет моральный авторитет власти в Иране. Это поколеблет уверенность режима и усилит внутренние разногласия. Руководство ИРИ встревожено этими движениями, выступающими с теми же требованиями, что и иранская оппозиция, которая вышла на улицы иранских городов летом

¹³ИТАР-ТАСС, 20.04.2012.

¹⁴Iran News, 31.01.2012

2009 г. Арабские революции могут послужить примером для Ирана в случае обострения внутренней и внешнеполитической ситуации в стране. И это вполне возможно, учитывая напряженную политическую обстановку вокруг Ирана, нагнетаемую Израилем, США и ЕС. На фоне политических событий в регионе осложнилось положение и внутри страны. Обострились отношения президента ИРИ М. Ахмадинежада с верховным лидером А. Хаменеи, а также с парламентом и консервативным крылом истеблишмента по вопросам как внутренней, так и внешней политики. Растет напряженность в войсках Корпуса стражей исламской революции. Иранское руководство усиливает исламский фактор в обществе с целью объединения различных слоев населения на религиозной основе.

Но, несмотря на указанные трудности, с которыми сталкивается Иран в связи с арабскими революциями на Ближнем Востоке, ИРИ вряд ли так просто уступит свои позиции в регионе. В Тегеране хорошо осознают, что Иран сегодня стоит перед лицом большой угрозы и должен готовиться к борьбе за выживание. В то же время возможности Ирана вести открытую борьбу ограничены. Неблагоприятная экономическая ситуация в стране ставит иранскую экономику в зависимость от ценообразования на мировом нефтяном рынке. А введение санкций сдерживает экономические и политические маневры режима. Правящая элита Ирана поддерживает революционные события в арабских странах, пытаясь эксплуатировать эту парадигму в интересах укрепления своих внутренних и внешних позиций.

И.И. Иванова

Турция

С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. Турция добилась значительных успехов в укреплении статуса региональной державы. После относительной пассивности в регионе Ближнего Востока Анкара начала проявлять себя здесь как важный дипломатический актор.

На внешнеполитическом фронте Турция активно развивает конструктивные отношения с большинством арабских стран, среди которых Египет, Сирия, Иордания, Кувейт, Тунис, Марокко, Ливия, Оман, Катар и Бахрейн. Турецкий президент А. Гюль, премьер-министр Р.Т. Эрдоган и министры его кабинета часто посещали арабские страны с целью укрепления политических и экономических отношений.

2011 год в этом плане начался достаточно активно. Сразу же после окончания конференции послов, которая проходила 3–9 января в Анкаре, первые лица государства вместе с довольно представительными делегациями осуществили ряд содержательных визитов в страны Ближнего Востока. В частности, президент Турции посетил Йемен, а премьер-министр — Кувейт и Катар. В официальные делегации входили представители деловых кругов Турции.

Визиты турецких лидеров вызвали большой интерес не только в регионе, но и за его пределами. Особое внимание привлекли резкие высказывания первых лиц государства и

инициированные ими региональные проекты. Среди них самый большой резонанс вызвали предложения Турции в связи с ядерной программой Ирана и обострение отношений с Израилем из-за блокады сектора Газа.

В мае 2010 г., когда США достигли договоренности с постоянными членами Совета Безопасности ООН в отношении введения санкций против Ирана, Турция и Бразилия заключили с иранским правительством соглашение в отношении урана, и министр иностранных дел Турции А. Давутоглу подчеркнул, что теперь нет необходимости в санкциях. Однако представители западных стран придерживались иного мнения. В своем выступлении на комиссии по иностранным делам Х. Клинтон заявила следующее: «В вопросе противодействия Ирана мировому сообществу и поисков решения мы выделяем искренние инициативы Турции и Бразилии, но побуждаем мировое сообщество подготовить действенный пакет акций»¹.

9 июня 2010 г. Турция как временный член Совета Безопасности ООН проголосовала против санкций в отношении Ирана, несмотря на личный звонок президента США Б. Обамы премьер-министру Турции Р.Т. Эрдогану и его просьбу поддержать резолюцию СБ ООН)².

Международный интерес, вызванный этими визитами, подогревается и новым тезисом «мудрой страны», выдвинутым министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу (этот термин впервые прозвучал в его выступлении на январской конференции послов), который подразумевает «более активные и ориентированные на результат шаги» Турции, направленные на укрепление двусторонних отношений в регионе³.

С начала 2011 г. многие страны Ближнего Востока и Северной Африки, в частности Тунис, Египет, Бахрейн, Йемен и Ливию, охватила волна народного недовольства, вылившаяся в массовые беспорядки и акции протеста против действующих в этих странах режимов. Народные восстания привели к падению правящих режимов в Египте и Тунисе.

Мировое сообщество по-разному отреагировало на происходящее в Египте и Тунисе. В Турции народ приветствовал действия протестующих и выразил им поддержку. На официальном государственном уровне в первые дни событий господствовали «политика молчания» и подход «поживем увидим». Изначальные заявления Р. Эрдогана и министра иностранных дел А. Давутоглу были направлены на необходимость развития демократии в регионе, а это означало, что Турция заняла нейтральную позицию исходя из принципа невмешательства во внутренние дела государства.

После того как сопротивление египетского народа на центральной площади Тахрир в Каире усилилось, премьер-министр Эрдоган во время визита в Киргизию, сделав заявление по поводу событий в Египте, заявил, что необходимо прислушаться к голосу египетского народа, а победить должна демократия⁴. Он не сказал, что Мубарак и его команда должны уйти, как того хотели протестующие, но и не стал защищать режим Мубарака.

¹www.turkeshactionalert.com.news/1030 2010.

²Milliyet, 12.06.2010.

³Radikal, 12.01.2011.

⁴Milliyet, 25.01.2011.

Как отметил министр иностранных дел Давутоглу, в Египте или в любой другой стране нельзя допустить краха государственного порядка⁵. К примеру, после оккупации Ирака Соединенными Штатами Америки следовало предотвратить распад основных государственных институтов — армии, полиции и подразделений служб, поскольку после краха государственного порядка есть вероятность возникновения гражданской войны или народ может оказаться перед риском подрыва социальной, политической, экономической и физической безопасности.

Позицию Анкары в отношении Египта можно охарактеризовать так: в АРЕ необходимо «проведение реформ в условиях стабильности». Среди этих реформ, считали в Анкаре, приоритетны следующие: президент Мубарак достойным образом оставит власть; в стране сформируется временное правительство, в котором будут представлены все слои населения; будет разработана новая Конституция; в сентябре 2011 г., по истечении срока президентства Мубарака, состоятся выборы; а далее — начнется процесс развития демократического общества и проведения кардинальных реформ с целью разрешения социально-экономических проблем народа.

Однако все это не означает, что Анкара полностью оказалась вне происходящих событий. Турецкие лидеры, учитывая риск негативного отражения событий в собственной стране, косвенными путями прилагали усилия в целях осуществления «реформ в атмосфере стабильности» в странах Ближнего Востока, охваченных волнениями. По данному поводу премьер-министр Эрдоган несколько раз беседовал с президентом США Б. Обамой, а министр иностранных дел А. Давутоглу провел с Х. Клинтон переговоры по телефону и встречу в формате «один на один». С другой стороны, египетские «Братья-мусульмане» были в постоянном взаимодействии со своими сторонниками в Турции. Представитель организации «Братья-мусульмане» в Турции Эшреф Абдулгaffар в своем заявлении по телеканалу TRT отметил готовность к «реформам в атмосфере стабильности»⁶.

Вскоре после отставки президента Х. Мубарака и перехода власти к Высшему совету вооруженных сил (ВСВС) президент Турции А. Гюль 3 марта посетил Каир с однодневным рабочим визитом. Согласно заявлению Гюля, цель визита заключалась в том, чтобы выразить поддержку народу Египта, вступившему в новый этап своей истории⁷. Таким образом, как пишет турецкий политолог С. Кохен, президент Турции продемонстрировал солидарность с египетским народом и выразил поддержку Высшему совету вооруженных сил⁸.

Самой важной стороной визита была встреча Гюля с председателем ВСВС Египта М.Х. Тантауи и лидерами главных оппозиционных групп. Гюль отметил, что военным выпала важная миссия способствовать скорейшему переходу Египта к демократическому порядку и парламентаризму, создав условия для проведения свободных выборов, передать власть гражданскому руководству. Анкара готова поделиться своим опытом в процессе перехода Египта

⁵Milliyet, 04.02.2011.

⁶www.trtrussian.com/trtworld/ru.news

⁷http://defacto.am/index

⁸Milliyet, 05.03.2011.

к демократическому правлению. И в обозримом будущем могут быть созданы все условия для сотрудничества двух стран⁹.

Египетская и арабская пресса, подчеркивая важность визита А. Гюля в Египет, цитировала его высказывания: «Необходимо, чтобы Египет вновь добился политической и экономической стабильности и снова стал важным актором в регионе»¹⁰.

Визит Гюля в Египет получил освещение и в зарубежных СМИ. Как отметило китайское агентство Синьхуа, «турецкая модель развития» может стать примером для мусульманских стран Ближнего Востока¹¹.

Вопрос о «турецкой модели» и о том, может ли она стать образцом для демократических движений в арабских странах, обсуждается в дипломатических, академических кругах, в прессе. Так, заместитель премьер-министра Великобритании Клегг указал, что Турция является важной моделью для стран региона. Клегг, в частности, подчеркнул: «Турция, большинство населения которой мусульмане, член НАТО, добивающийся вступления в ЕС, с динамично многопартийной демократией, являет собой важный образец для арабских стран»¹².

Опрос общественного мнения, проведенный Фондом турецких экономических и социальных исследований в семи арабских странах в марте 2011 г. (Египет, Иордания, Ирак, Сирия, Ливан, Палестина и Саудовская Аравия) и Иране по ряду вопросов, включавших: «Роль Турции на Ближнем Востоке; Турция и членство в ЕС; Турция как модель для других стран», — дал следующие результаты: 75% опрошенных положительно воспринимают Турцию в таких областях, как дипломатия в регионе, экономика, Турция и демократия. Примечательно, что 78% считают, что Турция должна играть еще большую роль в регионе»¹³.

По мнению опрошенных, Турция, рассматриваемая как демократическая страна, с учетом успехов в развитии ее экономики, скоро станет реальной экономической силой в регионе.

Демократия, ислам, экономика и внешняя политика — четыре важных индикатора, которые показывают нынешнее восприятие Турции на Ближнем Востоке. Делают ли эти элементы Турцию моделью? Многие считают — да. Но Турция вовсе не позиционирует себя как «модель» для кого-либо. И турецкий президент А. Гюль, и премьер-министр Р.Т. Эрдоган, и другие официальные представители правящей в стране ПСР заявляли об этом не раз¹⁴.

Перед большинством арабских стран стоит задача: улучшение государственного управления, борьба с коррупцией, создание институтов демократии, проведение свободных и честных выборов и более эффективной экономической политики. Но арабские страны не нуждаются в Турции или другой стране для претворения их в жизнь, подчеркивает турецкий исследователь И. Калын¹⁵.

Премьер-министр Турции Эрдоган в интервью немецкой газете «Rheinische Post» 26 февраля 2011 г. на вопрос, какое место может занять Турция как мусульманская страна и сможет

⁹Ibid.

¹⁰www.dunyabuteni.net

¹¹www.haber 7/com/ haber 20110304/ Gulun misir ziyareti Cin basininda.

¹²Zaman, 03.03.2011.

¹³Today's Zaman, 11.02.2011.

¹⁴Ibid.

¹⁵Ibid.

ли она стать моделью для арабских стран, заявил: «Конечно, мы пристально следили за развитием событий в этом регионе... Хотя Турция и разделяет с арабскими странами общую культуру, традиции и историю, у каждой страны есть свои отличия, и поэтому нельзя ожидать, что все страны региона будут использовать какую-то определенную модель... Турция поддержит усилия стран региона на пути реформ и готова поделиться своим опытом. Наша страна демонстрирует возможность совместного сосуществования демократии, модернизации и ислама. Будучи частью Европы, Турция является членом многих западных организаций, но при этом имеет коренные связи с ближневосточными странами»¹⁶.

Как пишет известный в Турции политический обозреватель Р. Тюрмен, события, начавшиеся в Тунисе в начале 2011 г. и приведшие к свержению Бен Али, а затем Мубарака в Египте, «по принципу домино» распространились и на другие арабские страны¹⁷. Однако «принцип домино» имеет свои особенности в той или иной стране. Бен Али и Х. Мубарак не противились народным выступлениям, и перемены в этих странах прошли без крови и в короткий срок. А между тем ливийский лидер М. Каддафи, опираясь на армейские части в своем подчинении (включая и иностранных наемников), вверг страну в кровавую внутреннюю войну, пытаясь удержаться у власти. В том, что страна находится на грани катастрофы, большая доля вины Муаммара Каддафи¹⁸.

Ливия оказалась перед угрозой хаоса и раздела. Премьер-министр Турции Эрдоган подчеркнул, что Турция не может оставаться безучастной в отношении народных движений в арабских странах, и обвинил при этом Запад в том, что он демонстрирует свое безучастие, отдавая предпочтение «нефти и рынкам». С другой стороны, он выступил против «внешней интервенции в Ливию»¹⁹. Эрдоган в телефонном разговоре с Каддафи и его сыном пытался давать им советы, но не получил никаких результатов. Несмотря на это, Эрдоган продолжал настаивать на том, что «перемены в арабском мире должны идти своим ходом без внешнего вмешательства»²⁰.

В ночь на 18 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1973 по Ливии, требующую немедленного прекращения огня и насилия в отношении мирного населения, ввел запрет на все полеты над страной, кроме гуманитарных полетов. СБ ООН также санкционировал любые действия по защите мирных жителей, за исключением ввода оккупационных войск.

Турция выразила поддержку резолюции СБ ООН и призвала к прекращению насилия против мирных жителей²¹.

После принятия этой резолюции в тот же день, 18 марта, в Париже состоялась встреча госсекретаря США, представителей ЕС и Африканского Союза, генеральных секретарей ООН и Лиги арабских государств с целью обсуждения дальнейших шагов в отношении

¹⁶www.kanalhaber.com/turkiye

¹⁷Milliyet.

¹⁸Milliyet, 18.03.2011.

¹⁹Ibid.

²⁰Ibid.

²¹www.sana.su/rus/326/2011/03/19

Ливии. 19 марта французские самолеты начали бомбить Ливию. Турция заняла колеблющуюся позицию. Выступая против иностранной интервенции, Анкара поддержала резолюцию СБ ООН. Но поскольку «в глазах мирового общественного мнения, — как пишет обозреватель газеты «Миллиет» Р.Тюрмен, — Турция рассматривается как сторонница Каддафи, она не была приглашена на парижский саммит, хотя, как правило, она приглашалась на различные встречи ЕС»²².

Начало авиаударов международной коалиции по территории Ливии подверг критике министр иностранных дел Турции А. Давутоглу, который отметил, что Анкара «проявляет все большую озабоченность сложившейся ситуацией в этой североафриканской стране»²³.

Выступая 22 марта в парламенте, премьер-министр Турции Эрдоган заявил: «Мы выступаем за то, чтобы проблемы Ливии решались народом этой страны, а не внешними вмешательствами. Наши опасения относительно операции, проводимой против Ливии, являются в высшей степени оправданными. Мы уже видели в прошлом, что такие операции не приносили никакой пользы, а, наоборот, приводили к росту числа жертв, превращались в оккупации, наносили ущерб единству стран».

«Подчеркиваю, — сказал Эрдоган, — что Турция ни при каких условиях не станет страной, которая направит оружие против народа Ливии». Он также отметил, что отношения между Турцией и Ливией «не основаны на нефти или корыстных интересах». Эрдоган сказал, что в Анкаре внимательно и постоянно отслеживают ситуацию в Ливии и регулярно проводят переговоры с заинтересованными странами.

Разговор Эрдогана о ситуации в Ливии с президентом США Б. Обамой состоялся 21 марта. Турецкий премьер сообщил ему, что 1 марта лично призвал Каддафи добровольно оставить свой пост и передать власть в Ливии тем, кому полностью доверяют в этой стране. «Политика Турции является предельно четкой. Она будет всегда поддерживать всяческие усилия, направленные на обеспечение внутреннего мира в Ливии», — заявил глава турецкого правительства²⁴.

«Турция заняла достаточно рискованную, но изменившуюся к лучшему позицию», — пишет турецкий политолог М.А. Биранд. По его мнению, политика сомнений осталась в прошлом. На первый план выходят следующие факторы: Турция против использования в Ливии оружия; Турция выступает за прекращение военной интервенции в регионе; Турция против возможной оккупационной операции; в рамках НАТО Турция готова участвовать в оказании гуманитарной помощи.

Подобная позиция, указывает Биранд, не удовлетворит ни западную коалицию, ни поможет сыграть сколько-либо влиятельную роль в ливийской войне: «Нельзя забывать, что ливийские события еще на начальном этапе, и неясно, куда подуют ветры»²⁵.

«Ветры перемен в регионе, с одной стороны, дают Турции возможность сыграть активную роль и усилить свое влияние здесь, однако, с другой стороны, рождают риск расшатать

²²Milliyet, 21.03.2011.

²³<http://glavred.info/archive/2011/03/22>.

²⁴www.panarmemane.net/rus/world

²⁵Milliyet, 23.03.2011.

близкие отношения с некоторыми странами», — пишет турецкий политолог С. Кохен. И с этой точки зрения, по его мнению, наиболее критичной страной является Сирия, которая в последнее время стала ареной кровавых событий. «Действительно, Б. Асад готов идти на некоторые политические и экономические реформы, но предугадать, насколько они могут успокоить народ, очень сложно». Для Турции, подчеркивает турецкий исследователь, «очень важно как проведение реформ в Сирии, так и сохранение стабильности, т.е. сохранение правления Б. Асада. В противном случае: 1) могут быть подорваны двусторонние отношения, развивавшиеся последние годы; 2) нарушение стабильности в Сирии приведет региональный баланс в полный беспорядок; 3) могут всколыхнуться сепаратистские чувства курдов на Севере страны»²⁶.

Другой турецкий политолог М.А. Биранд, выражая тревогу по поводу событий в Сирии, указывает, что «если и есть лидер, который может действительно изменить Сирию — так это только Асад. Молодой, открытый реформам, хорошо осознающий, что надо молодежи. Единственная проблема — сможет ли он избавиться от пожилой команды, доставшейся от отца. И другой козырь его — Турция». Биранд утверждает, что если «Асад избавится от паранойи старой команды и прислушается к советам Анкары, он укрепит свои позиции. И премьер-министр Эрдоган желает ему удачи. И в этом он абсолютно искренен, поскольку в интересах Турции стабильная Сирия под руководством Асада»²⁷.

Весной 2011 г. Турция внимательно следила за ситуацией в Сирии. Премьер-министр Эрдоган дважды провел телефонные переговоры с Асадом, министр иностранных дел Ахмет Давутоглу посредством СМИ и по дипломатическим каналам выразил необходимость проведения в Сирии эффективных реформ для мирного преобразования страны. Поездка главы организации нацразведки в Сирию получила освещение в СМИ. Хотя заявления по поводу содержания поездки не было сделано, можно предположить, что оно касалось процесса реформ в Сирии.

У Турции с Сирией давние соседские отношения, нельзя пренебрегать тем фактом, что в последние годы между странами в положительном русле развились многосторонние отношения. Нельзя не учитывать отмену визового режима между странами и подписание в рамках основанного в 2009 г. Совета стратегического сотрудничества высшего уровня множества соглашений в социально-экономической, торговой, политической сферах в области безопасности. Отношения Турции с Сирией имеют значение не только лишь на двустороннем уровне, но также и в рамках арабо-израильского мирного процесса, в региональных вопросах, касающихся Ирака, Ирана, Ливана²⁸.

Министр иностранных дел А. Давутоглу 7 апреля 2011 г. совершил визит в Дамаск, где встречался с президентом Сирии Б. Асадом и министром иностранных дел В. Муаллимом. На встречах Давутоглу, напомнив, что для Турции Сирия является ключевой страной на Ближнем Востоке, подчеркнул, что «с первых дней, когда в регионе начали дуть ветры перемен,

²⁶Milliyet, 29.03.2011.

²⁷Milliyet, 01.04.2011.

²⁸www.trtrussian.com/trtworld/ru/news.

турецкая сторона настойчиво призывала к проведению в Сирии необходимых реформ»²⁹. Давутоглу заявил, что в событиях, происходящих в Сирии, Турция не берет на себя роль посредника, «поскольку все происходящее» — это внутреннее дело, однако мы разделяем наши взгляды по вопросу перемен, которые могут обеспечить мир в сирийском обществе. В заключение он подчеркнул, что «все происходящее в Сирии окажет воздействие на Турцию, а происходящее в Турции — на Сирию»³⁰.

Турецкий министр иностранных дел посетил в начале апреля Бахрейн, где встречался с премьер-министром Бахрейна принцем Халифом бен Сальманом и министром иностранным дел шейхом Халифом бен Ахмедом. В ходе переговоров были обсуждены последние события на Ближнем Востоке и в Бахрейне. В заявлении, сделанном после переговоров, Давутоглу указал: «Мы поддерживаем реформы в Бахрейне, которые сделают его более сильным. Мы против каких-либо религиозных разногласий здесь. Если религиозные разногласия становятся предметом политики, это порождает серьезные проблемы. Религия должна объединять, а не разделять людей. Мы придаем большое значение целостности, стабильности и процветанию Бахрейна»³¹.

Таковы были основные подходы Турции к событиям на Ближнем Востоке весной 2011 г., которые с лета начали претерпевать известную трансформацию.

Рассматривая турецко-сирийские отношения, можно отметить, что вплоть до августа 2011 г. Турция проводила в отношении событий в Сирии взвешенную политику. На встрече с журналистами в июне 2011 г. турецкий министр иностранных дел А. Давутоглу выразил уверенность в том, что реформы в Сирии проводятся последовательно, и пожелал стране скорейшего выхода из кризиса. Как указывалось в сообщении сирийского информационного агентства «СНА», Давутоглу подчеркнул, что Турция считает сирийцев, находящихся в лагерях на ее территории, не беженцами, а гостями, которые могут вернуться в свои дома как только пожелают³². Советник президента Турции Э. Хюрмюзлю назвал турецко-сирийские отношения прочными, неизменными и испытанными временем, подтвердив, что их не ослабят события, происходящие в Сирии³³.

Ситуация изменилась после военной операции, проведенной сирийской армией в городе Хама в начале августа 2011 г. То, что операция была проведена именно перед началом Рамадана, связано с тем, что в этот месяц мусульмане имеют больше возможностей для общения и встреч в мечетях, а значит, имеется больше возможностей для организации антиправительственных акций. Именно этот факт мог подвигнуть сирийское руководство на проведение операции в данный период. Турция резко отреагировала на события в Хама. Премьер-министр Эрдоган выступил с посланием в адрес Асада, указав, что «терпению пришел конец»³⁴.

²⁹www.ekayrent.com/news.

³⁰www.ekayrent.com/news.

³¹www.haber 3com/disisleri bakani — davutoglundum — bahrein ziyareti 751424 h.htm.

³²http://208.43.232/rus 25.06.2011.

³³Ibid.

³⁴Вести Турции, Босфор 16–31 августа 2011.

Таким образом, с августа 2011 г. отношения с Сирией резко ухудшились. Если еще 6–7 месяцев назад Сирия, которая рассматривалась как «стратегический партнер» и с которой проводились «совместные заседания кабинетов», теперь превратилась в «проблемного соседа». После того как в начале августа военные силы Асада вторглись в город Хама, Турция, долгое время проводившая сдержанную в отношении сирийского руководства политику, забыла принцип «ноль проблем с соседями». В ответ на события в Хаме президент Турции А. Гюль выступил с резкой критикой режима Асада. Он заявил следующее: «События в Сирии привели всех нас в ужас. Использование в священные дни Рамадана танков и оружия против народа глубоко потрясло меня»³⁵.

Премьер-министр Эрдоган с начала августа начал открыто озвучивать свое мнение о том, что «сирийский вопрос — это внутренняя проблема Турции». Мотивируя подобную постановку вопроса, Эрдоган заявил следующее: «У нас с Сирией имеются 850 км общей границы, родственные, исторические, культурные связи. И следовательно, все, что происходит в этой стране, ни в коем случае не позволит нам быть просто зрителями. Мы слышим все происходящее здесь и должны предпринимать все необходимые меры»³⁶.

8 августа 2011 г. в резиденции турецкого премьер-министра было проведено совещание по оценке проблем внешней безопасности, в котором приняли участие начальник генштаба Н. Озел, министр иностранных дел А. Давутоглу и министр обороны И. Йылмаз. В здание заседания прибыл и посол США. Американский посол сделал краткое заявление: «Мы рассмотрели важные вопросы, стоящие на повестке дня»³⁷.

В этой связи заслуживают внимания высказывания турецкого ученого, заместителя председателя Центра международных отношений и стратегического анализа доктора С. Явуза.

«Те, кто рассматривает события в Сирии как внутреннее дело Турции, не могут выступать с тезисом — ноль проблем с соседями»³⁸. На службу поставлены некоторые механизмы, чтобы во главе с США привести в действие Турцию и некоторые другие страны. И один из этих механизмов — Вашингтонский институт. Этот институт призывает США к совместным действиям с Турцией против Сирии. А к мерам действий можно отнести экономическое эмбарго, угрозу Сирии военной силой и военное вмешательство»³⁹.

«Решительно события в Сирии, — указывает турецкий ученый, — не внутренняя проблема Турции, но проблема, которая касается Турции. Если нынешний режим в Сирии сохранится, в отношении Турции начнется прежний антагонизм. Если режим сменится, регион может быть втянут в новую анархическую нестабильность. Турция, в одиночку проявляя воинственность, должна прикладывать усилия, чтобы не тратить национальные ресурсы»⁴⁰.

Визит министра иностранных дел Турции Давутоглу в Дамаск 8 августа 2011 г. и его переговоры с Б. Асадом рассматривались «Турцией и мировым сообществом как последний шанс

³⁵www.cnnturk.com/2011/turkiye/08/01/624679.0.

³⁶www.voanews.com/turkish/news/Erdogan-Suriye-ic-meselemiz-127078293.html.

³⁷http://siyset.milliyet.com.tr/suriye_zirvesinde_surpriz_isim/08.08.2011/1424181/default.htm.

³⁸<http://www.turksam.org/tr/2446.html>.

³⁹S. Cagaptay, Andrew Fabler «How Washington Can Work with Turkey on Syria». 14.07.2011. <http://www.washingtoninstitute.org/templateCID3385>.

⁴⁰08.08.2011. <http://www.turksam.org/tr/2446.html>.

для Асада отказаться от политики силы»⁴¹. Режиму Асада был дан 15-дневный срок. И действительно, после визита Давутоглу сирийская армия вышла из Хамы и город был открыт для иностранных журналистов. Однако вскоре сирийское руководство провело еще более жесткую военную операцию в порту Лазкие, что «привело весь мир, включая Турцию, в шок»⁴². По выражению Давутоглу, «разговаривать больше не о чем», диалог прекратился⁴³.

В рамках происходящего в Сирии усилились контакты между Анкарой и Вашингтоном. Между Клинтон и Давутоглу, Обамой и Эрдоганом состоялись важные телефонные переговоры. В плане решения кризиса обе стороны высказывались за прекращение «использования армии против народа» и скорейшее проведение реформ.

Однако если США уже были готовы сказать Асаду: «Уходи», Турция все еще не была готова пожертвовать Асадом⁴⁴.

Вместе с тем, как указывалось выше, турецкое руководство восприняло восстание в Сирии как свою внутреннюю проблему. Турция на различных платформах в резкой форме критиковала применение силы в отношении народа, она открыла двери для сирийцев, покинувших свои дома, и способствовала проведению на своей территории совещаний сирийской оппозиции. Турция наиболее активно поддерживает свободную сирийскую армию (ССА), ведущую партизанскую войну в Сирии. Ее командиры руководят операциями своих сторонников с турецкой территории. При этом Давутоглу продолжает говорить о необходимости демократизации Сирии «мирным путем»⁴⁵. Вместе с тем в октябре 2011 г. в Стамбуле был создан Сирийский национальный совет, и турецкий министр иностранных дел стал первым иностранным компетентным лицом, который провел официальные переговоры с представителями Совета. Турция планирует проведение санкций против Дамаска⁴⁶. В Дамаске считают, что Анкара фактически вступила в гражданскую войну на стороне «мятежников». В качестве ответного шага лояльные правительству сирийские курды угрожали провести «акцию возмездия» в турецком Курдистане⁴⁷.

В Дамаске больше всего опасаются, что Анкара реализует свои угрозы создать на границе двух стран буферную зону, которая будет находиться под защитой турецких вооруженных сил. В окружении Башара Асада предполагают, что этот район станет плацдармом для Свободной сирийской армии, а в перспективе, возможно, и для «теневого правительства», объединяющего противников режима⁴⁸.

Жесткая позиция турецких властей в отношении Сирии была критически воспринята некоторыми турецкими политологами и учеными. В этой связи можно сослаться на публикацию известного турецкого политолога М.А. Биранда, в которой представлена динамика развития турецко-сирийских отношений на протяжении осени 2011 г. Вот краткое ее содержание.

⁴¹Milliyet, 17.08.2011.

⁴²Ibid.

⁴³Ibid.

⁴⁴Milliyet, 13.08.2011.

⁴⁵Radikal, 01.01.2011.

⁴⁶Ibid.

⁴⁷Коммерсантъ, 23.11.2011.

⁴⁸Ibid.

Начиная с 2003 г. под руководством Партии справедливости и развития Асад и Эрдоган начали развивать совершенно новые отношения. Были отменены визы, экономическое сотрудничество достигло невероятных показателей, проводились заседания по созданию совместных банков. Подобное сближение с Сирией позволило как улучшить имидж Турции в арабском мире, так и облегчило дипломатические маневры Анкары в регионе.

Потом все пришло в полный беспорядок. Ветры демократии «арабской весны» затронули и Сирию. Сирийская оппозиция восстала. Асад отреагировал жестко, вывел армию на улицы, начались кровавые события, погибли люди. И тогда взбунтовалась Анкара, начав действовать совместно с Вашингтоном. Вначале были дружеские предупреждения, затем последовали настоячивые требования. Потом мосты были взорваны. Турция продемонстрировала к соседу жесткую позицию. Премьер-министр регулярно негативно комментировал режим Асада. Этого оказалось недостаточно, и была организована помощь оппозиции. Турция предоставила свою территорию Свободной сирийской армии для обучения и начала предоставлять ей оружие. Ожидания Анкары сводились к тому, что сирийская оппозиция выйдет на улицы и режим Асада за короткий период рухнет.

Однако эти ожидания не были реализованы. Или Анкара с Вашингтоном сделали ошибочные расчеты, или Асад оказался твердым орешком. Точнее говоря, ему помогла международная конъюнктура. Следует подчеркнуть, что западный мир, включая и Турцию, не планировал военное вмешательство в Сирию. Фактор, сдерживающий Запад, — это неопределенность после возможного ухода Асада.

К тому же Иран продолжал поддерживать Асада, а если добавить поддержку России и Китая в Совете Безопасности ООН, ситуация становится более определенной.

Сегодня Асад выглядит как правитель своей страны. А те, кто рассуждали о том, что он падет в течение нескольких недель, говорят о сопротивлении его режима в течение нескольких лет⁴⁹.

Турецкий политолог подчеркивает, что «в то время когда Вашингтон занимается своими делами, работа по свержению Асада остается за Турцией. Анкара либо в своих оценках действовала ошибочно, либо не может отступить от занятой позиции. Однако надо учитывать реальность того, что Асада не так легко свалить⁵⁰. И в свете этих событий следует ли держать на турецкой территории сирийскую оппозицию, обучать и вооружать ее?»⁵¹.

Турецкий профессор И. Узгель подчеркивает, что турецко-сирийские отношения еще более осложнятся, увязывая данную ситуацию с тем, что Турция проводит данную политику в контексте США⁵². Еще один турецкий политолог С. Кохен указывает, что расхождения во взглядах между Турцией и Ираном по ряду вопросов порождают трения между этими странами. «И один из этих вопросов — Сирия. Иранское руководство полно решимости удержать у власти Асада, который является его самым близким союзником,

⁴⁹Milliyet, 03.11.2011.

⁵⁰Ibid.

⁵¹Ibid.

⁵²www.durushaber.com.news. 15.11.2011.

а Анкара выступает за свержение Асада»⁵³. Кроме того, предметом расхождений между двумя странами является идеологическое определение сути «арабской весны». Турция рассматривает народные движения как период перехода от деспотических режимов к свободе и демократии. А Тегеран расценивает эти движения как исламскую революцию. В этой связи иранские лидеры критикуют Эрдогана, защищающего идею светскости, считая, что эта идея — «точка зрения западного либерала»⁵⁴.

23 декабря в интервью иранскому информационному агентству PressTv Намик Кемаль Зейбек, глава Демократической партии Турции, заявил, что военные действия против Сирии превратят регион в «озеро крови». По словам известного турецкого политика, западные силы подталкивают Турцию к военной операции против Сирии путем тренировки боевиков на территории Турции и осуществления терактов против Сирии с турецкой территории. Эти действия, считает политик, направлены на то, чтобы поставить Турцию в ситуацию, в которой она будет вынуждена начать боевые действия против Сирии. Интересно, что, осуждая такую политику западных стран, Намик Кемаль Зейбек (отметим, он — политик, находящийся в оппозиции правящей происламской Партии справедливости и развития) сослался также и на ислам, заявив, что эта война не послужила бы интересам мусульман и что ни один мусульманин не примет такую войну⁵⁵.

14 декабря 2011 г. в информационном агентстве «Анадолу Ажансы» было опубликовано интервью председателя Турецко-сирийского объединения предпринимателей Октайя Тархана, в котором он заявил, что в результате острого политического кризиса в Сирии турецкая экономика понесла существенные потери: прекратился транзит товаров из Турции через эту страну, а также произошло резкое сокращение товарооборота двух государств. Вследствие этого турецкое государство по приблизительным подсчетам потеряло от 7 до 8 млрд. долл. Тархан также отметил, что у Турции имеется довольно протяженная граница с Сирией, и в этой стране у многих турецких граждан проживают родственники. Сирия является очень важным рынком для турецкого бизнеса. Особенно большое оживление финансовой активности наблюдалось в последние два года. По причине сокращения экономических связей между странами сильно пострадали приграничные районы Турции в связи с сократившимся потоком туристов и грузов через границу. Тархан, отметив, что за последние 5 лет товарооборот двух стран вышел на качественно новый уровень, заявил, что в 2007 г. турецко-сирийский товарооборот составил 995 млн. долл., а уже в 2010 г. он превысил сумму в 2,5 млрд. долл. Ожидалось, что в 2011 г. оборот составит 3 миллиарда... В настоящее время прекращены экономические отношения с сирийским правительством и банками страны, нет авиационного сообщения. Экономические связи двух государств имеют и социально-культурный подтекст, особенно легко это можно проследить на примере приграничных районов⁵⁶.

Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу заявил, что руководство Сирии должно открыть двери для своего собственного народа, вместо того, чтобы закрывать свои

⁵³Milliyet, 21.12.2011.

⁵⁴Ibid.

⁵⁵<http://rusorient.ru/page/2011-12-26>. «Война с Сирией превратит Ближний Восток в озеро крови».

⁵⁶<http://rusorient.ru>.

консульства. Между тем президент Сирии Башар Асад продолжает критиковать Турцию: «Турция не может ничего навязывать Сирии. Мы боремся с Западом, а потворствующая ему Турция, очевидно, не самый сильный игрок в регионе», — заметил он в своем интервью для ливанской газеты «Аль-Ахбар»⁵⁷.

С весны 2011 г. турецко-ливийские отношения развивались по следующему сценарию. 3 мая премьер-министр Эрдоган заявил: «В истории Ливии начался новый период. Несмотря на все наши предупреждения, М. Каддафи продолжает кровопролитие, он должен немедленно уйти». А через 2 месяца Турция отозвала своего посла в Триполи⁵⁸.

Еще до полной победы повстанцев и до того, как столица Ливии Триполи перешла к Переходному национальному совету (ПНС), многие страны «начали соревнования» по установлению контактов и особенно деловых связей с новой властью. И в этих соревнованиях одним из первых игроков стала Турция. В начале августа министр иностранных дел Турции Давутоглу посетил Бенгази, став первым иностранным представителем, встретившимся с лидерами ПНС. Помимо символического визит носил характер вполне активной поддержки — турецкий министр предоставил повстанцам 100 млн. долларов⁵⁹.

На заседании политических директоров Контактной группы по Ливии, которое состоялось в Стамбуле 25 августа, министр иностранных дел А. Давутоглу произнес вступительную речь и выразил желание поднять триколор с полумесяцем и звездой — флаг ливийских оппозиционеров — под сводами ООН. «Новая Ливия заслуживает стать равноправным и уважаемым членом международного сообщества. Флаг новой Ливии должен развеяться и в ООН, и мы надеемся, что это произойдет уже после сентябрьского заседания Генеральной ассамблеи ООН», — отметил глава турецкой дипломатии.

Эксперты обратили внимание на публикацию британской газеты «Financial times», которая, освещая визит министра иностранных дел А. Давутоглу в Ливию, выразила мнение, что «А. Давутоглу стремится к тому, чтобы Анкара заняла передовые позиции в послевоенном обустройстве Ливии». Газета напоминает, что Турция оказала ливийским оппозиционерам помощь, которая исчисляется сотнями миллионов долларов, призвала страну сформировать правительство, которое бы опиралось на широкие массы, а мир — разморозить ливийские активы. «Wall Street Journal», в свою очередь, охарактеризовал Турцию как «ключевого игрока» в ближневосточных вопросах и отметил «бесшумные выплаты Анкары оппозиционерам».

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые попытки в указанном направлении, Турции отстоять свои прежние позиции в Ливии будет очень сложно. Бывший турецкий посол в Ливии дипломат в отставке Улуч Озулькер заявил, что в новой системе, которая будет создана в Ливии после Каддафи, и в работе по обустройству страны после гражданской войны Турция столкнется с очень серьезной конкуренцией со стороны международных игроков. При этом, по словам бывшего посла, в вопросе инвестиций в Ливию Турция уже может не располагать такими же преимуществами, как раньше. По мнению дипломата, Ливию ждут тяжелые

⁵⁷<http://rusorient.ru/page/2011-12-06>. Сирия закрывает консульства в Турции.

⁵⁸www.haberform.com.haber/80945.htm.

⁵⁹Milliyet, 26.08.2011.

времена. Много неизвестных имеется в таких вопросах, как новые лидеры, новый режим, обустройство страны.

Более оптимистично, хотя и без особых на то оснований, высказался председатель Турецко-ливийского делового совета Хусейн Эрсин Такла. «В связи с происходящим в Ливии мы не испытываем тревоги. Турция имеет здесь очень важный вес. Быть может, выплата долгов займет определенное время, но эти события нас обрадовали. В настоящее время размер выплат, которые должны быть произведены турецким подрядчиком в Ливии, составляет 1,4 миллиарда долларов», — отметил он. По словам председателя, в данном вопросе турецкая сторона планирует обратиться к Переходному национальному совету. Напомним, что общий объем работ, приходящийся на турецкие компании в этой стране, оценивается приблизительно в 12 млрд. долларов⁶⁰.

Таким образом, турецкое правительство после некоторых зигзагов заняло прагматическую позицию, встав на сторону повстанцев. Оно оказывает полную поддержку ПНС, стремится занять передовые позиции в том, чтобы «получить свою долю в ливийском пироге»⁶¹.

Интересная информация была получена в середине декабря 2011 г. Глава Национального совета переходного периода Ливии Мустафа Абд аль-Джалиль сообщил турецким СМИ, что в ходе своего недавнего визита в Анкару договорился с руководством Турции о предоставлении инструкторов для обучения новой ливийской армии.

Вооруженные силы Ливии в результате гражданской войны практически прекратили свое существование в качестве организованной структуры. Часть армии сохранила верность Муммару Каддафи, но многие солдаты дезертировали и поступили в военизированные формирования оппозиции.

Мустафа Абд аль-Джалиль сообщил, что, помимо участия турецких инструкторов в обучении солдат новой армии Ливии, в ходе визита обсуждались и другие вопросы, в том числе гуманитарные. Ливийский лидер сказал, что навестил ливийцев, проходящих лечение в больницах на территории Турции.

Абд аль-Джалиль объявил также, что сын бывшего лидера Джамахирии Саиф аль-Ислам Каддафи предстанет перед судом в Триполи.

Турция была одной из первых стран, признавшей временное правительство Ливии и открывшей свое посольство в Бенгази. Турецкое руководство ранее уже предоставило помощь этой стране в размере 100 млн. долл. и пообещало перечислить еще 200 млн.⁶²

«Арабская весна», очевидным следствием которой станет трансформация не только политических режимов, но также региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке, открыла перед Турцией возможность активного участия в формировании нового порядка в регионе. В первый зарубежный вояж после триумфальных выборов 2011 г. (Партия справедливости и развития в июне третий раз подряд выиграла парламентские выборы) премьер-министр отправился по странам «победившей

⁶⁰www.iimes.ru/rus/stat/2011.05.09.11.htm.

⁶¹Milliyet, 26.08.2011.

⁶²www.gewish.ru/news/world/2011/12/news99430308.

арабской весны»: Египту, Тунису, Ливии, режимы которых были сметены революциями, охватившими арабский мир.

«Эрдоган — наш герой», «Эрдоган, добро пожаловать на твою вторую родину», «Турция и Египет — вместе в будущее» — такими плакатами турецкого премьера приветствовала в каирском аэропорту многотысячная толпа. Эрдоган приехал в гости не с пустыми руками. На встрече с египетским коллегой Э. Шарафом он пообещал в три с лишним раза — с 1,5 млрд. долл. до 5 млрд. долл. — увеличить турецкие инвестиции в экономику Египта. В обмен Анкара рассчитывает получить важные контракты в сфере туризма, коммуникаций и банковском секторе⁶³.

Эрдоган встретился с главой Высшего совета вооруженных сил Египта фельдмаршалом Х. Тантауи. Турецкий премьер выступил перед министрами иностранных дел Лиги арабских государств в Каире с речью, обращенной ко всему арабскому миру, и вызвал неизбежную аналогию с адресованным мусульманскому миру выступлением президента США Б. Обамы, прозвучавшим в Каирском университете в 2009 г. Стремясь привлечь симпатии населения арабских стран — по логике, которой Турция руководствуется в ходе «арабской весны», Эрдоган использовал такие беспроблемные приемы, как дистанцирование от авторитарных режимов и критика Израиля. Призвав международное сообщество во главе с ООН не закрывать глаза на политику Израиля, Эрдоган подтвердил неизменность условий, выполнения которых Турция требует для нормализации международных отношений: официальные извинения за нападение на «Мави Мармара», выплата компенсаций семьям погибших и снятие блокады сектора Газа.

Важной темой выступления стала палестинская проблема. Жесткая позиция в отношении Тель-Авива подняла престиж турецкого премьера в глазах арабского общественного мнения⁶⁴. Вместе с тем, едва турецкий премьер завел в Каире разговор об успешной турецкой модели, приветствия в адрес «борца за Палестину» быстро сменились легкой прохладцей. Официальный представитель «Братьев-мусульман» М. Газлан заявил, что «Турция Ататюрка может быть светской, но Египет отличается от Турции. Мы хотим государство, опирающееся на исламские правила. Слова Эрдогана — вмешательство во внутреннее устройство Египта»⁶⁵.

В Ливии Турции уже пришлось столкнуться с западными конкурентами в лице президента Франции Н. Саркози и премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, неожиданный совместный визит которых в Триполи и Бенгази, состоявшийся за день до приезда туда Эрдогана, турецкие комментаторы расценили как стремление не дать турецкому лидеру возможности снискать лавры первого главы государства, посетившего Ливию после свержения М. Каддафи⁶⁶.

В противовес Франции и Великобритании, объявившим о продолжении военных действий против верных Каддафи сил, турецкое руководство выступило за решение разногласий между

⁶³The New Times, Новое время, 19.09.2011, с. 29.

⁶⁴www.El Ahram Hebdo

⁶⁵Milliyet, 15.09.2011.

⁶⁶Zaman, 20.09.2011.

ливийцами демократическим путем и привлечение сторонников Каддафи к активному участию в процессе реформ. Турция пообещала отправить гуманитарную помощь в Сирт, остающийся оплотом сторонников Каддафи, и строить отношения с ливийцами на основе равного подхода ко всем группам населения.

Подводя итоги тура «Арабская весна», который турецкий премьер совершил в сентябре 2011 г. в три арабские страны, турецкий политолог С. Кохен указывает, что он стал одним из самых ярких проявлений «турецкой дипломатии». Турция сумела продемонстрировать свою значимость в регионе⁶⁷.

По мнению С. Кохена, есть несколько факторов, обеспечивших успех тура. Один из них то, что жесткая позиция, занятая Эрдоганом в отношении Израиля, повысила его популярность в арабском мире.

Другим фактором стала апелляция премьера к народу, выступление против авторитарных и деспотических режимов и защита демократии. И это стало новым направлением во внешней политике.

Отныне Турция в своих отношениях со странами региона начинает выводить на первый план «фактор режима», т.е. выступает против диктатуры в поддержку демократических прав и свобод. «Турецкие лидеры были в сердечных отношениях с диктаторами от Каддафи до Асада, вот почему когда началась «арабская весна» турецкая дипломатия пережила период сомнений и колебаний». Однако теперь «фактор режима» стал принципиальной основой в отношениях Анкары со странами региона⁶⁸. Вместе с тем, турецкий политолог вынужден констатировать, что та буря, которую подняла «арабская весна» еще не улеглась и неизвестно, как будут проходить процессы в тех странах, которые посетил турецкий премьер. И в этой неустоявшейся обстановке трудно предугадать трудности, ожидающие Турцию⁶⁹.

В свете событий на Ближнем Востоке и Северной Африке корреспондент «Financial Times» Д. Гарднер подчеркивал, что «Премьер Эрдоган, осуществивший «победный тур», справедливо может быть назван самым популярным политиком арабского мира, и эта популярность бесценна для арабов и Запада»⁷⁰. Гарднер далее указывает, что Партия справедливости и развития, которая смогла победить на трех выборах подряд, в три раза поднять уровень турецкой экономики, поставить на колени турецкую армию, очень притягательна для многих мусульманских стран и многих либералов.

«Исламизм — неизбежный фактор арабского мира, — указывает Гарднер, — однако турецкая модель показывает возможность синтеза исламизма с плюралистическим режимом»⁷¹. В Марокко турецкую политику одобряют примерно 80%, в Ливане — 93%, в Египте — 62% населения⁷².

⁶⁷Milliyet, 20.09.2011.

⁶⁸Ibid.

⁶⁹Ibid.

⁷⁰Radikal, 16.09.2011.

⁷¹Ibid.

⁷²Ibid.

Турецкий политолог М.А. Биранд пишет, что премьеру Эрдогану «поется ода за одой, его фотографию размещают на обложку “Time”, какую ни откроешь газету, встречаешь статью с похвалами в его адрес. И самое интересное — эти аплодисменты исходят от Запада. Отношения между Вашингтоном и Анкарой на невиданном уровне»⁷³.

По мнению Биранда, «подход Запада изменили следующие 5 шагов Эрдогана.

1. В ливийской кампании Эрдоган, действующий вначале с определенными колебаниями, присоединился к западному лагерю.
2. Он дал разрешение на размещение в рамках НАТО системы ПРО на турецкой территории, что ясно показало, чьим сторонником (Ирана или США) является Турция, и это изменило подход США.
3. Ведущая роль Турции в кампании против режима Асада в Сирии и выстраивание в этом направлении в высшей степени эффективного давления.
4. Турция выступает за территориальную целостность Ирака и готова сохранять здесь равновесие после вывода войск США.
5. Его выступление по каирскому телевидению и предложение мусульманским странам демократии и светской системы поразило все западные столицы и стало важным фактором в изменении их позиций»⁷⁴.

Однако не все так просто для Турции на Ближнем Востоке, здесь имеется много вопросов. Как долго сможет удерживаться у власти режим Асада в Сирии, сможет ли получить Турция свою долю в экономике Ливии, которая была очень солидна при Каддафи, и, наконец, какова перспектива удержания власти у военных в Египте, с которыми налажены столь тесные контакты.

Народные движения на Ближнем Востоке и Северной Африке привели к свержению составивших диктаторов в трех странах — Тунисе, Египте и Ливии. Однако в Египте события от переворота переходят в стадию революции и свидетельство тому — новые действия на площади Тахрир. «Движения в арабском мире еще не закончились, и пока неизвестно, как и когда будет поставлена точка. И все это носит характер неопределенности и ненадежности»⁷⁵.

Не особенно однородные народные массы Египта объединились вокруг цели свержения Мубарака и достигли своей цели. Но не прошло много времени, как стало ясно, что изменения в стране не носят радикальный характер, а временное военное руководство не намерено приводить в жизнь ожидаемые коренные перемены.

Таким образом, те, кто требовал ухода Мубарака в феврале, потребовали ухода М. Тантауи и его команды осенью 2011 г. Озабоченность внушают как руководство Тантауи, так и возможные действия разгневанных народных масс. И что будет на следующий день? Хаос, раскол народных масс и конфронтация? Подобные озабоченности и перспективы относятся и к другим арабским странам. В случае ухода режима Асада в Сирии кто будет выстраивать режим? Смогут ли договориться между собой различные этнические и религиозные

⁷³Milliyet, 25.11.2011.

⁷⁴Ibid.

⁷⁵Milliyet, 23.11.2011.

группы, представители различных идеологических и политических течений? Все эти условия демонстрируют, что перемены на Ближнем Востоке будут длительным и сложным процессом. В подобной обстановке очень велика возможность прихода к власти радикальных сил, в первую очередь исламистов — так турецкий политолог С. Кохен характеризует ситуацию на Ближнем Востоке⁷⁶.

Вместе с тем нельзя не согласиться с его мнением о том, что «неопределенность и неустойчивость на арабском географическом пространстве продолжают напрягать турецкую дипломатию»⁷⁷. Ведь правительство Эрдогана в последнее время заявляет о своей принципиальной линии поведения в отношении «арабской весны»: как видно и в сирийском кризисе Анкара демонстрирует позицию выступать «на стороне народа, против тиранического режима и насилия». А это фактически ведет к активной поддержке оппозиции.

В свое время Турция сказала Мубараку: «Уходи!» Но в дальнейшем народные выступления были обращены против н, которого поддерживала Турция. Военное руководство использует силу против народа, и на площади Тахрир льется кровь. В этих обстоятельствах вопрос заключается в том, будет ли сказано Тантауи: «Уходи»⁷⁸.

В результате, с одной стороны, можно говорить об успехах турецкой внешней политики в ходе «арабской весны», об усилении влияния и популярности Турции в регионе. В статье, помещенной в журнале «Time», отмечается, что премьер-министр Эрдоган как во внутренней политике, так и в региональной всегда следовал своему собственному пути, и указывается, что Турция превращается в образец для подражания для многих стран, где происходит «арабская весна». Также в материале подчеркивается следующее: «Эрдоган превратил свою страну в регионального лидера. Сможет ли пример Турции спасти арабские страны?»⁷⁹ В результате опроса общественного мнения, проведенного в ноябре 2011 г. в пяти арабских странах (Марокко, Иордании, Египте, Объединенных Арабских Эмиратах и Ливане) вашингтонским исследовательским центром «Институт Брукингса» и Мерилендским университетом, страной, сыгравшей самую конструктивную роль на Ближнем Востоке, респонденты назвали Турцию — 50% опрошенных. При этом из всех иностранных лидеров наибольшие симпатии у них вызывает премьер-министр Турции Эрдоган⁸⁰.

К новым реалиям «арабской весны» можно отнести тот фактор, что на первый план выходят «группы с выраженными исламскими корнями». И если это вызывает некоторое напряжение во многих странах — от США до России, от Китая до Израиля, у Турции такой проблемы нет. У турецкой Партии справедливости и развития (ПСР) уже давно имеются связи с исламскими группами, выходящими на передний план в арабских странах. И символ этой близости — даже названия партий. В Марокко — это Партия справедливости и развития, в Египте — партия «Свободы и справедливости», близкая к «Братьям-мусульманам». Лидеры тунисской партии «Нахда» помимо выражения своей близости к турецкой ПСР при каждом

⁷⁶Ibid.

⁷⁷Ibid.

⁷⁸Ibid.

⁷⁹www.vest-turkey.com/news. 18.11.2011.

⁸⁰http://rus/azattyk.org/content/article. «Арабская весна», источник оптимизма. 02.12.2011.

удобном случае подчеркивают то значение, которые они придают турецкому опыту. Вместе с тем радикальные исламисты арабского мира не испытывают особых симпатий к «турецкой модели», многие представители арабской интеллигенции выступают против того, чтобы Турция действовала в регионе как «большой брат»⁸¹.

По словам турецкого политолога Ф. Били, «премьер-министр Эрдоган — самый популярный иностранный лидер на Арабском Востоке, а Турция — самый яркий пример. Не случайно то, что западные страны постоянно расхваливают роль и влияние Турции в регионе. Новые реалии, созданные «арабской весной», дают ей это преимущество»⁸².

С другой стороны, для Турции не все так просто в свете происходящего на Ближнем Востоке. По мнению заместителя председателя турецкого Центра международных отношений и стратегического анализа доктора Дж. Явуза, турецкая политика «ноль проблем с соседями» полностью обанкротилась. И, кроме того, «Турция начала приобретать врагов в лице соседей, вследствие чего страна входит в 2012 г. с тяжелыми потерями»⁸³.

Как пишет известный журналист-политолог С. Эдиз, Турция на сегодняшний день столкнулась с серьезными проблемами. В ходе разработки плана «ноль проблем с соседями» не был учтен ряд важных моментов, которые теперь перерастают в растущее недовольство в ближневосточном регионе «напористым покровительством Турции». Влиятельные на Ближнем Востоке политические фигуры начали обвинять Анкару «во вмешательстве во внутренние дела других государств», называя это неприемлемым. Выступление премьер-министра Ирака Нури аль-Малики в американских СМИ тому яркий пример. Так в беседе с «Wall Street Journal» аль-Малики заявил, что «Турция, поддерживая в Ираке некоторые политические фигуры и блоки, вмешивается в наши внутренние дела»⁸⁴.

Турецкий политолог указывает, что и в Египте имеются влиятельные силы, которые испытывают беспокойство по поводу проводимой Турцией политики в регионе и которые утверждают, что «турецкая модель неприемлема для Египта». С другой стороны, не новы и обвинения Турции во вмешательстве во внутренние дела Сирии, и они исходят не только от сирийских властей. Недовольство высказывают также Иран и Ирак. Багдад и Тегеран обвиняют Анкару в поддержке вооруженной оппозиции в Сирии⁸⁵.

Сирийская проблема, размещение ПРО на турецкой территории — все это не способствует укреплению турецко-иранских отношений. С другой стороны, иранские политики заявляют о том, что турецкая светская модель неприемлема для региона, а иранские муллы, стоящие во главе режима, обвиняют Турцию «в попытках экспорта либерального ислама»⁸⁶. В этой связи, указывает Эдиз, Турция должна в 2012 г. вновь определить свою роль на Ближнем Востоке и, делая это, опираться «не на предположительные, а на реальные параметры»⁸⁷. Президент Турции А. Гюль на встрече с турецкими послами в Анкаре в конце

⁸¹Milliyet, 03.12.2011.

⁸²Ibid.

⁸³http://www.turksam.org/tr/a_2556.html. 27.12.2011.

⁸⁴Milliyet, 19.12.2011.

⁸⁵Ibid.

⁸⁶Ibid.

⁸⁷Milliyet, 04.01.2012.

декабря 2011 г. заявил следующее: «Мы никогда не сталкивались ранее с такими важными событиями, как в течение этого года»⁸⁸.

Действительно, 2011 г. с точки зрения внешней политики стал для Турции одним из наиболее деятельных. С началом народных движений в арабском мире и смены режимов Турция получила возможность усилить в регионе свою активность и влияние. Появление на улицах арабских стран турецких флагов и портретов Эрдогана стало живым примером завоеванной Турцией популярности. Однако ей пришлось столкнуться с рядом трудностей. Серьезные потрясения не соответствовали целям и ожиданиям «нуля проблем с соседями», напряженность присутствовала в отношениях с Сирией, Ираком, Ираном, углубился кризис с Израилем, новые разногласия проявились в отношениях с руководством Южного Кипра после начала поисков нефти и газа в Восточном Средиземноморье. Отношения с ЕС оставались заблокированными, испортились отношения с Францией из-за законопроекта об отрицании геноцида армян.

«Короче говоря, Турции удалось достичь известных успехов во внешней политике, продемонстрировать себя на международной арене в качестве растущей силы... Но, с другой стороны, во внешних отношениях проявились новые трудности и перебои»⁸⁹.

Год «арабской весны» завершился доминированием нескольких основных трендов, которые будут формировать облик региона Ближнего и Среднего Востока в обозримом будущем. Во-первых, стоит отметить вступление турецкого государства в Большую игру за влияние над арабскими странами, которая уже на протяжении трех десятилетий шла между Ираном и Саудовской Аравией. Во-вторых, присоединение Турции к западным санкциям, направленным против режима президента Сирии Башара Асада, катализировало процесс пересмотра взглядов арабов на Турцию и спровоцировало «войну мнений» на страницах арабской прессы. И, в-третьих, в связи с крушением режимов, существовавших в арабских странах годами, заметно усилилась неопределенность в ближневосточной системе международных отношений, что заметно обостряет ситуацию в регионе, особенно на фоне активизации застарелых внутригосударственных конфликтов, которые сдерживались свергнутыми тоталитарными режимами.

Нестабильность на Ближнем Востоке, порожденная «арабской весной», стала основной предпосылкой интенсификации турецкой политики в этом направлении потому, что, с одной стороны, она ослабила позиции традиционно сильных игроков в регионе, а с другой — заставила Турцию обеспокоиться своей безопасностью на ближневосточном направлении. В связи с этим наибольший интерес в краткосрочной перспективе для Турции представляет влияние на ситуацию в Сирии и в Ираке, так как в этих странах проживают крупные курдские общины, которые в случае значительного ослабления централизованных правительств могут прибегнуть к попытке создания собственного государства. Основной же проблемой является то, что и Иран, и Саудовская Аравия уже давно ведут борьбу за влияние над этими государствами и имеют там твердые позиции. Для турецкого правительства важно не столько само

⁸⁸Milliyet, 29.12.2011.

⁸⁹Ibid.

влияние на Сирию и Ирак, сколько гарантии того, что нестабильность в этих странах не распространится на саму Турцию, поэтому при сохранении курса на «свободу рук» на Ближнем Востоке и нежелании вступать в полномасштабную политическую борьбу с ИРИ и КСА оно будет способно предрешить судьбу противостояния этих двух государств, поддержав то из них, которое будет способно дать такие гарантии.

Открытое выступление традиционно пользовавшейся относительным авторитетом в арабских странах Турции против режима Башара Асада заставило арабов задуматься о том, какую же цену готовы заплатить «турецкие братья» за сохранение своих тесных связей с Западом и перспективу вступления в Евросоюз. На страницах арабской прессы развернулась ожесточенная дискуссия по вопросу о будущем характере взаимоотношений «Турция — арабский мир», и, судя по всему, антитурецкая позиция все-таки доминировала. Основными обвинениями в адрес правительства Эрдогана, помимо введения санкций против Сирии, были его тесные отношения с блоком НАТО, который неоднократно вмешивался в дела арабских государств, а также курс на нормализацию отношений с Израилем при сохранении антиизраильской риторики. Стоит помнить, что Турция не располагает значительными рычагами воздействия на сознание масс в арабских странах через СМИ, так как большинство новостных агентств в них в той или иной мере подконтрольны государству, что делает задачу возвращения благоприятного имиджа весьма нетривиальной. В то же время арабская пресса положительно отзывается о расширении экономических контактов Турции со странами Ближнего Востока, и укрепление экономических связей в этой связи становится для турецкого правительства наиболее эффективным инструментом для возвращения былых позиций.

Смена старых политических режимов, в том числе в такой ключевой стране арабского мира, как Египет, в перспективе может кардинально изменить политический ландшафт Арабского мира. Не стоит сбрасывать со счетов и перспективу масштабного передела собственности в странах «арабской весны», в котором, помимо западных компаний, вполне может поучаствовать и турецкий бизнес. То, что такой передел состоится, является фактом предрешенным, ведь приходящим к власти правительствам придется исполнять многочисленные обещания, данные своим сторонникам, а это потребует немалых средств, основным источником которых, скорее всего, станет продажа значительной части государственного имущества и активов. Неменьших средств потребует и сохранение единства таких атомизированных обществ, как Ливия и Йемен⁹⁰.

В общем, 2011 г., характеризующийся радикальными политическими и экономическими сдвигами на Ближнем Востоке, предоставляет турецкому правительству значительные возможности и открывает огромные перспективы. Турция вполне способна реализовать свои государственные интересы при сохранении сбалансированного политического курса, основанного на здравом смысле, а не на популистской риторике.

⁹⁰www.rusotient.ru/page=rus. Турция и год «арабской весны».

АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ И РОССИЯ

И.Д. Звягельская

Восприятие в России событий в арабском мире

(на примере ситуации вокруг Сирии)

Массовые народные выступления в арабском мире, проявившиеся столь неожиданно, и их драматические последствия открыли новую страницу в развитии региона.

С точки зрения интересов России, происходящие события трудно оценить однозначно, поскольку они породили высокий уровень неопределенности. Рост радикализма и национализма в арабских странах может стать источником новых вызовов и угроз, как региональных, так и глобальных, и одновременно обострить традиционные противоречия. Стремление государства обеспечить поддержку российскому бизнесу на Арабском Востоке сталкивается с нестабильностью, с уходом авторитарных и одиозных, но привычных партнеров, с перспективой нового передела энергетического и военного рынка, хотя новые лидеры в арабских государствах, скорее всего, будут заинтересованы в диверсификации связей и сохранении политических и деловых отношений с Россией.

К этому можно добавить, что и уровень внешнего вмешательства в события в отдельных арабских странах был разным, но опасения, что вооруженная сила становится главным средством свержения неугодных режимов, в значительной мере определили реакцию России на события в отдельных арабских государствах.

Оценки причин «арабской весны» были крайне неоднозначны. Под влиянием «цветных революций», прежде всего на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Киргизия), цель которых, как считали многие в России, состояла в том, чтобы вывести эти государства из сферы российского влияния, предельно сузить его даже в регионах ее жизненных интересов и тем самым нанести удар по безопасности РФ, формировались представления о том, что любые антиправительственные выступления, так или иначе, организуются при поддержке Запада. Не случайна в этом смысле оценка арабских событий, данная президентом Д.А. Медведевым. Выступая в феврале 2011 г. во Владикавказе на заседании Национального антитеррористического комитета, он следующим образом оценил происходящее: «Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире... И вполне вероятно, что произойдут сложные события, включая приход фанатиков к власти. Это будет означать пожары на десятилетия и дальнейшее распространение экстремизма. Надо смотреть правде в глаза. Такой сценарий они и раньше готовили для нас, и тем более сейчас будут пытаться его осуществлять»¹. Нельзя не согласиться с выводом, что события, происходящие в арабских странах, и, прежде всего, приход к власти исламистов, могут иметь косвенное влияние на ситуацию в России, особенно на те ее регионы, где проживает большинство мусульманского населения. Вместе с тем вряд ли есть основания говорить о каком-то особом сценарии внешних сил для России по образцу «арабской весны», хотя попытки объяснить протестное движение исключительно происками Запада имеют место.

События на Арабском Востоке оживили характерные для части российских политических обозревателей фобии, касающиеся планов внешних сил (США и Запада в целом). Так, многие заговорили о теории «управляемого хаоса», которую США реализуют на Ближнем Востоке. Например, доктор политических наук А.В. Манойло отмечал, отражая достаточно распространенную точку зрения: «Эти “революции” необходимо рассматривать не в узком смысле, как рядовые внутригражданские конфликты, а в системе координат глобальной политики. В этой системе координат регион Магриба является точкой, в которой сегодня сходятся интересы крупнейших мировых политических сил, сделавших Северную Африку своеобразным полигоном и плацдармом для приближающейся схватки за весь африканский континент, крупнейшей после получения бывшими колониями своей независимости. Эта схватка, по мнению многих аналитиков, станет для черного континента новым территориальным и энергетическим переделом»². Попытки свести всю сложность и пестроту современных социальных и международных отношений лишь к борьбе внешних сил за контроль над ресурсами и передел мира характерны и для такого обозревателя, как Юрий Крупнов. По его мнению, происходящие события отражают «закономерное для геополитики США стремление осуществить реорганизацию и реструктуризацию Большого Ближнего Востока. Цель — все та же: утвердить ... еще более контролируемые и дееспособные в заданных им рамках режимы... нужна новая удостоверенная лояльность региональных

¹Эл.ресурс: <http://www.ntv.ru/novosti/222361/> 22.02.2011

²А.В. Манойло, доктор полит. наук, профессор, специально для интернет-журнала «Новое Восточное Обозрение». Эл. ресурс: <http://www.journal-neo.com/ru/node/6573>

руководителей для контроля трубопроводов и беспрепятственной перекачки нефти и газа в “правильных” направлениях»³.

В данном случае обращает на себя внимание еще один важный элемент российской политики, который влиял и на интерпретацию событий в арабском мире. Это — энергетический фактор. Цены на нефть приобрели в последние годы особую значимость для РФ. Они сыграли важную роль в обеспечении внутривнутриполитической стабильности, предоставляя возможность властям более или менее успешно бороться с бедностью, низкими зарплатами в госсекторе, в силовых структурах, с наиболее острыми социальными проблемами. Вместе с тем результатом того, что экономика государства фактически оказалась на нефтяной игле, стали масштабные и принципиальные проблемы развития, которые невозможно было решить исключительно за счет нефтяных денег. За годы высоких цен на нефть в РФ очень мало развивалось собственное производство, процветала коррупция, сформировался огромный разрыв между бедными и богатыми слоями населения, снижалась инвестиционная привлекательность, появилась своего рода самоуспокоенность, уверенность в том, что даже в условиях мирового кризиса накопленные ресурсы помогут России выйти из него с минимальными потерями. Сохранение высоких цен на нефть при отсутствии других столь же мощных источников наполнения бюджета рассматривалось правящими кругами как несомненное благо, позволяющее решать хотя бы тактические задачи. Более того, энергоресурсы стали важным инструментом внешней политики, что можно было проследить, например, по отношениям РФ с Украиной и Белоруссией.

В результате вопрос о нефтяных ценах порой становился первоочередным в оценках значимости для России тех или иных событий, которые могли бы прямо или косвенно на него повлиять. «Арабские революции» напрямую (хотя и без всяких на то оснований) связывались некоторыми российскими экспертами с попытками США установить свой контроль над ближневосточной нефтью и соответственно ущемить Россию. Отсюда и леденящие кровь сценарии усиления американского контроля над трубопроводами и продажей нефти. Ливийские события лишь добавили «аргументы» для такого рода выводов. На деле же доля транснациональных нефтяных гигантов в нефтяном бизнесе неуклонно сокращается. «Если в 1960-е годы такие концерны, как Exxon Mobil, Chevron, Shell и BP, контролировали 85% мировых нефтяных резервов, то “сейчас они имеют прямой доступ только к 16%”»⁴. Более того, приход в арабских странах националистически настроенных лидеров может еще больше ограничить такой доступ.

Выгода высоких цен на нефть для России весьма относительна. Они разгоняют инфляцию и сохраняют тенденцию к одностороннему развитию экономики, препятствуя ее диверсификации и модернизации. В долгосрочном плане, — как писали российские специалисты ведущего академического Института ИМЭМО, — политическая нестабильность в основном регионе мировой нефтедобычи помимо роста цен на нефть стимулирует такие процессы,

³Ю. Крупнов. США переформируют свою “бензоколонку” - Большой Ближний Восток. Эл. ресурс: <http://kрупнов.livejournal.com/184512.html>.

⁴Andreas Oldag. Machmittel Ol// Süddeutsche Zeitung, 21.05.2012.

как приоритетное развитие неконвенциональных углеводородов, особенно в США, и битуминозных песчаников в Канаде, а также оффшорных месторождений, которые изолированы от местной социально-экономической среды, а также усиление ориентации на внедрение альтернативных источников и на снижение критической зависимости от импорта ближневосточной нефти⁵. Не дележ нефтяного пирога внешними силами, а выход в стратегической перспективе на новые источники энергии может при сохранении нынешней сырьевой ориентации российской экономики стать для нее крайне негативным фактором.

Вместе с тем алармистские оценки намерений США и их союзников в отношении нефти Ближнего Востока находили отклик и у части российской элиты и у общества, испытывающего глубокое недоверие к действиям Запада, которое сформировалось не только под влиянием определенной пропаганды, но и под воздействием постсоветской политики самих западных государств. Хотя этот негативный опыт стал менее актуальным после ухода из администрации США неоконков и начала политики перезагрузки при президенте Б. Обаме, тем не менее он оставался частью общественного сознания, готового реагировать на тектонические сдвиги на Ближнем Востоке в рамках теории заговора. Кроме того, перезагрузка испытывала воздействие различных факторов, в том числе явно ослаблявших ее позитивный потенциал. Как отмечал академик Е.М. Примаков, «при изменениях, которые действительно произошли в политике США при Обаме, нет оснований считать, что уже достигнута новая эра в российско-американских отношениях. Став президентом, Барак Обама не пошел по пути, проложенному его предшественником Бушем-младшим. Сказались субъективные качества нового американского лидера, но в еще большей степени дали себя знать объективные обстоятельства... Отступление Обамы от линии его предшественника позволило улучшить отношения России с Соединенными Штатами. Но вскоре стали проступать наружу такие, к сожалению, традиционные черты американской политики, которые затрудняют продвижение этого процесса. К тому же для такого продвижения не лучшим временем был 2011 год — предвыборный не только в России, но и в США»⁶.

Почву для широкого разброса оценок событий «арабской весны» в России давали сами события, принципиально отличавшиеся друг от друга, несмотря на наличие общих составляющих. Проблема оценки арабских событий заключалась и в том, что они не вписывались в привычные сценарии бунтов или массовых выступлений в странах третьего мира. Протест и формы мобилизации в Египте и Тунисе отразили глубокое влияние глобализации на современный мир. Восприятие либеральных ценностей образованной молодежью несомненно, но представлять египетских и тунисских оппозиционеров в качестве марионеток Запада (как это порой делалось в соответствии со все еще популярными в России конспирологическими теориями) не было оснований и воспринималось многими обозревателями в арабском мире как оскорбление.

⁵Нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке: влияние на мировой рынок нефти / Рук. авт. кол-ва — С.В. Жуков. — М: ИМЭМО РАН, 2012, с.5

⁶Из выступления Председателя Правления «Меркурий-клуба» академика РАН Е.М. Примакова на заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2012 г. Эл. ресурс: http://www.tpprf.ru/common/upload/speech_Primakov2012.01.13.doc

Глубинные различия между событиями в различных арабских государствах касались и реакции внешних игроков. Так, в отличие от Египта и Туниса, в Ливии и Сирии гражданское неповиновение почти сразу переросло в вооруженное сопротивление властям при поддержке извне.

Организация военной операции в Ливии, а затем и мощное давление на Сирию напрямую поставили вопрос о том, насколько происходящие события затрагивают российские интересы безопасности. Отношение к внешнему вооруженному вмешательству в Ливии, а также позиция по Сирии отражали не идеологизированные фобии части консервативного политического истеблишмента и обслуживающих его экспертов и журналистов, как это проявлялось в отношении Египта и Туниса, а реальные опасения, касающиеся роста интервенционализма на Ближнем Востоке.

Начало военных действий в Ливии и давление на сирийский режим поставили перед руководством РФ новые проблемы. Заинтересованность России в предотвращении военного вмешательства отдельные наблюдатели были склонны рассматривать как продиктованные особыми отношениями с этими режимами — экономическими, военно-политическими и соответственно тем, что в случае ухода Каддафи или Асада России будет что терять.

Особенно выпукло различия в оценках происходящих в арабском мире событий и подхода РФ проявились на примере Сирии. Негативный ливийский опыт, ощущение, что Россию обманули за счет расплывчатых формулировок резолюции 1973, в значительной мере определили ее подход к ситуации вокруг Сирии.

Как известно, внутривнутриполитическая ситуация в Сирии резко обострилась в середине марта 2011 г. Протестные выступления быстро приобрели массовый характер и переросли в столкновения с применением оружия. Особенностью выступлений оппозиции в Сирии было то, что она получила существенную поддержку из-за рубежа, включая прибытие добровольцев из соседних стран. Ошибки сирийских спецслужб и армии, крайне медленное и неадекватное реагирование режима на происходящие события, неготовность, несмотря на обещания, к серьезным и давно назревшим реформам, стремление любыми средствами удержать алавитский режим, представляющий собой режим конфессионального меньшинства, эрозия идейных установок баасистской партии и утрата ею управленческих функций, наконец, внешняя поддержка оппозиции — все это в комплексе обусловило ожесточенный и бескомпромиссный характер борьбы.

Российская политика в отношении Сирии, нацеленная на то, чтобы поставить препятствия на пути военного свержения режима Асада и обеспечения прихода к власти оппозиции при внешней поддержке была обусловлена следующими соображениями. Во-первых, повторение ливийского сценария превратило бы интервенцию в некое универсальное средство по устранению неудобных режимов и правителей. Во-вторых, РФ была против асимметричных подходов к правительству и оппозиции, которые могли бы изменить сложившийся баланс сил, дав военные преимущества одной из сторон, тем самым ослабив у нее всякое стремление к политическому решению. В-третьих, события в Сирии

в случае, если оппозиция с помощью военного давления и внешней поддержки добьется краха режима, могли бы иметь мощные деструктивные последствия для всего региона.

Обращает на себя внимание тенденция к росту числа исламистских радикалов (джихадистов), воюющих ныне в Сирии. Как писали израильские эксперты, «последние сообщения о дюжинах кувейтских джихадистов, прибывающих воевать в сирийском конфликте, свидетельствуют о том, что радикальные исламские группы приобретают все более сильные позиции в Сирии. С января 2012 г. Сирия превратилась в основной фронт мира джихада, когда на поверхность вышли иностранные и сирийские джихадистские группировки. Такое развитие представляет серьезную угрозу не только нынешнему сирийскому правительству или любому правительству, которое его сменит, но также и вооруженной сирийской оппозиции, возглавляемой Свободной сирийской армией»⁷. Затягивание конфликта, ставка сирийской оппозиции на военную победу и отказ от переговоров могут в конечном итоге способствовать тому, что она сама окажется оттесненной на второстепенные роли более радикальной и бескомпромиссной силой.

Как известно, Россия выступала за диалог между лидерами оппозиции и Асадом без предварительных условий. Любые результаты — создание правительства национального единства, передача Асадом своих полномочий вице-президенту или иные сценарии — должны выработываться путем политических договоренностей без внешнего давления. Москва вела самостоятельные дипломатические усилия, направленные на то, чтобы побудить Башара Асада быстрее провести обещанные политические реформы и содействовать началу диалога между правительством и оппозицией в качестве альтернативы политике санкций и изоляции.

В случае с Сирией это оказалось крайне сложным делом. С одной стороны, западные государства, а вслед за ними и ЛАГ стали требовать ухода Асада и прибегли к санкциям. С другой стороны, оппозиция, особенно та ее часть, которая базировалась за границей, не проявляла в столь благоприятном для себя контексте намерения вести диалог с режимом. Более того, позицию России отдельные эксперты были склонны объяснять тем, что она принципиально покровительствует авторитарным правителям, опасаясь в противном случае возрастания западного влияния.

Как отмечал российский дипломат А.Г. Аксененко: «Мотивацию российской позиции часто усматривают в боязни потерять “последнего союзника” на Ближнем Востоке или в желании “отомстить” Западу за использование санкционной резолюции Совета Безопасности 1973 для интервенции в Ливии. Все это сильно упрощенные объяснения... Более важно, на мой взгляд, другое. В основе российской позиции лежат экспертные оценки тех опасных последствий, к которым ведет дальнейшая эскалация вооруженного противостояния в Сирии. С учетом ее особого геополитического положения в регионе и хрупких конфессиональных балансов, эти последствия, если не наладить внутри-

⁷ Robinson, Jonathan, First, Tal, and Yogev, Einav. Jihad in Syria: The Penetration of Radical Islam in the Syrian Conflict // INSS Insight No. 355, July 17, 2012.

сирийский национальный диалог без внешнего вмешательства, затронут интересы всех — и России, и Европы, и Соединенных Штатов, и самих арабских государств»⁸.

Российская позиция по Сирии (в частности вето, которое она применяла в СБ ООН), продиктованная принципиальными для нее соображениями, означала для нее и политические потери. В условиях углубления противостояния на Ближнем Востоке как на межгосударственной, так и межконфессиональной основе проблема взаимоисключающих интересов может стать весьма острой. Так, хорошие отношения РФ с Ираном, являющимся ближайшим соседом и активным игроком на Кавказе и в Центральной Азии, ее позиция по недопущению свержения под давлением извне сирийского режима приходила в противоречие с подходами Саудовской Аравии, других арабских стран, а также ряда западных государств. Западные государства продолжали акцентировать несговорчивость России, которая ради своих целей готова якобы на продолжение кровопролития. В большинстве арабских государств линия РФ рассматривалась как противоречащая целям их политики в регионе.

Жесткость позиции Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ и их желание покончить с алавитским режимом Асада определялись, судя по всему, более широким контекстом их противостояния с шиитским Ираном. После того как военная машина Ирака была разрушена и он перестал быть контрбалансом, Иран стал проводить более раскованную политику на Ближнем Востоке. В зоне арабо-израильского конфликта он стал оказывать все возрастающую помощь и поддержку радикальным силам, осуществляющим военное давление на Израиль. Антиизраильская риторика Ирана и его заявления о необходимости наращивания борьбы с Израилем, равно как и практическая деятельность по превращению в непрямого участника противостояния, были обращены к «арабской улице». Именно ей иранское руководство, претендовавшее на лидирующую роль в регионе, демонстрировало отсутствие у арабских правителей столь же принципиальной готовности бороться с врагом, склонность идти в фарватере американской политики. Алавитский режим в Сирии, пользовавшийся поддержкой Ирана, оказался, таким образом, целью общего суннитского наступления, которое получило новый толчок как в контексте перспектив усиления иранского влияния в Ираке, так и в условиях все более интенсифицирующейся борьбы с ядерной программой Ирана.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулась Россия, ее непопулярный вначале подход доказал свою практическую значимость. Новым элементом общей ситуации, который способствовал сближению позиций РФ и международного сообщества, стал план Кофи Аннана, основная цель которого — снижение уровня военной конфронтации и начало политического диалога. К сожалению, под влиянием ситуации этот план забуксовал, несмотря на попытки РФ использовать все его преимущества.

Нельзя отрицать, что сирийский режим несет ответственность за сложившуюся ситуацию и по мере роста числа жертв воспринимается как все более одиозный. При этом

⁸ Аксененок А. Россия — медиатор между Сирией и Западом. Эл. ресурс: <http://ria.ru/interview/20120208/560351348.html>

группа «друзей Сирии» могла бы оказать большее влияние на оппозицию, работая с ней в направлении выработки стратегии национального примирения и постконфликтного развития страны.

Жесткость российской политики по Сирии можно было объяснить также особенностями внутривнутриполитической обстановки, периодом предвыборной борьбы. После парламентских выборов, прошедших в конце 2011 г., в России развернулось движение за честные выборы и демократизацию политической системы. Оно активизировалось в период президентской кампании, и тогда со стороны «охранителей» стали активно применяться различного рода пропагандистские клише, среди которых угроза «оранжевой революции» в России и «ливийского сценария» заняли особое место. В принципе эти варианты несовместимы, но в инвективах тех, кто обвинял внешние силы в намеренном вмешательстве во внутренние дела России, а российских либералов в продажности, они соединились вполне логичным образом.

Обвинения в адрес Америки стали не только востребованным свидетельством патриотизма, но и способом дискредитации внутренней фронды. Обвинения в связях с госдепом были призваны заклеить «иностранных агентов», которые осмеливались ставить под вопрос и достижения, и результаты выборов. Вновь вошедший в политическую моду антиамериканизм (вполне совпадавший с антироссийской линией отдельных участников американского предвыборного цикла) выражался и в апокалиптических сценариях для России, представляемых некоторыми российскими аналитиками. Показательно в этой связи выступление в средствах массовой информации некоего старшего сотрудника факультета социологии МГУ, чутко уловившего дух времени: «Фактически в настоящее время зарубежные спецслужбы при активной поддержке «пятой колонны» внутри страны предпринимают попытку осуществления спецоперации по организации в России очередной революции по «ливийскому сценарию». Используя различные политтехнологии (манипулируя неокрепшим сознанием молодежи, отсутствием соответствующих знаний и социального опыта), они стремятся вслепую использовать молодежь в своих целях»⁹.

В условиях, когда кандидат в президенты В.В. Путин позиционировался политической элитой как единственный последовательный борец с внешней угрозой, как политик, доказавший умение отстаивать национальные интересы, компромиссы по международным проблемам, в контексте которых РФ сталкивалась даже с намеком на возможность внешнего вмешательства в дела суверенных государств, категорически исключались. Помимо таких достаточно узко понимаемых задач, как сдерживание военных и военно-политических угроз, российская политика на Ближнем Востоке была призвана стать маркером самостоятельности РФ на внешнеполитической арене, ее способности проводить свой собственный независимый курс. Обсуждение судьбы Сирии в СБ ООН давало возможность МИД РФ продемонстрировать принципиальный подход к попыткам внешних игроков воздействовать на ситуацию, подчеркнуть значимость российской позиции в международных делах.

⁹ Елишев С. Не допустим «ливийского сценария» в России. Эл. ресурс: http://www.rusline.ru/news_rl/2011/12/19/

Отношение к событиям в арабском мире части российского населения, политических групп и экспертного сообщества отражает существенно сузившееся, но все же сохранившееся восприятие Ближнего Востока как арены противостояния проискам Запада, нацеленным на сокращение российского влияния на международной арене, на ее вытеснение из имеющих для нее приоритетную значимость районов и сфер деятельности.

Проявляется тенденция неоправданного завышения значимости ситуации вокруг Сирии для РФ. В принципе важный, но все же второстепенный по сравнению с другими векторами российской политики вопрос выдается за приоритетный, который будет определять взаимоотношения РФ и с ее союзниками, и с Западом. Действительно, сирийская проблема имеет для РФ, помимо уже отмечавшихся озабоченностей, и инструментальное значение. Однако представлять ситуацию вокруг Сирии как главный вопрос, формирующий международную повестку дня, непродуктивно и опасно.

Вместе с тем для части российских экспертов характерны попытки интерпретировать происходящее исключительно в контексте логики и лексики «холодной войны». «Тунис, Египет, Судан, Йемен, Ливия с разной степенью насилия “меняют режимы”... А Вашингтон, Саудовская Аравия и Катар выступают здесь в роли основных спонсоров и подстрекателей, лепя из региона новое огромное образование с доминированием суннитов, которое по площади и степени лояльности Вашингтону сравнится с Европой»¹⁰. Почему «суннитский регион» будет столь же лоялен США, как Европа, остается непонятным, но логика не волнует автора комментария. Тем более что подобных комментариев становится все больше, и они все меньше отражают реалии. Так, президент Центра системного анализа и прогнозирования Р. Ищенко полагает, что, сдав Асада без боя, «Россия поставит под угрозу все реализуемые проекты (Таможенный и Евроазиатский союзы, ШОС и ОДКБ), потому что грош им цена, если Россия не готова защищать их, в том числе с применением военной силы. Этим будет катастрофически ослаблено южное стратегическое направление и Россия окажется беззащитной... В общем, сдавая Сирию, Путин должен требовать гарантии безопасности после отстранения от власти не для Асада, а для себя... Даже если считать, что Обама окажется готов к прямому военному столкновению с Россией: что ж, если тебе угрожают войной — надо воевать»¹¹. Наконец, в стремлении объяснить, почему Запад и арабские государства столь явно хотят избавиться от сирийского режима, некоторые специалисты утверждают, что «Сирия является носителем социального строя, именуемого социализмом. До сих пор, несмотря на то что этот социализм весьма сильно мутировал (там большая прослойка частного сектора), тем не менее, это социалистическое государство, построенное на принципах доминирования людей труда в широком смысле этого слова. То есть это трудовая, творческая интеллигенция, это, собственно, рабочие, крестьянские слои. Это также очень неприятный момент для Запада, поскольку существование и успешное развитие социалистического государства в арабском мире дает пример другим странам. В условиях нарастающего кризиса попытки социалистического ренессанса, безусловно, будут предприниматься»¹².

¹⁰ Крашенинникова. США хотят спалить Сирию руками Москвы // Комсомольская правда, 6.06.2012 г.

¹¹ Эл. Ресурс: <http://www.iarex.ru/interviews/26906.html>

¹² Интервью «Голосу России» вице-президент Академии геополитических проблем К. В. Сивкова // Радио Голос России, 12.06.12. Эл. ресурс: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/77249472.html

Как представляется, появление большого числа подобных оценок в определенной мере связано с недостаточными официальными объяснениями МИД РФ причин, формирующих российскую политику в сирийском вопросе. Идет своего рода поиск логики и цели, и здесь неизбежны пропагандистские переклесты. Кроме того, следует признать, что отношение к сирийскому вопросу отражает настроения в обществе, когда появившееся ощущение внутренней неустойчивости трансформируется в призывы к большей бескомпромиссности во внешней политике. Но увлекаться ими в контексте очень хрупкого международного доверия, постоянно испытывающего все новые вызовы, вряд ли стоит.

В целом можно прийти к выводу, что ситуация вокруг Сирии стала результатом противоречий и соперничества интересов региональных и внерегиональных игроков. РФ также была поставлена перед необходимостью выработать и отстаивать собственный подход. Это предусматривает как верность принципам, так и готовность проявить гибкость. Контакты российских дипломатов с руководством Сирии и с сирийской оппозицией, их деятельность в ООН, обсуждение сирийского вопроса на самом высоком политическом уровне свидетельствуют о намерении России найти оптимальный выход из положения. Разумеется, это задача не только для РФ, но и для всего международного сообщества, для которого турбулентные события в арабском мире явились серьезным испытанием.

Ю.Н. Зинин

«Арабская весна» на повестке дня научной общественности России

Массовые протестные движения в арабском мире стали резонансной темой в научном сообществе и экспертных кругах России.

«Арабская весна», по словам академика Е. Примакова, — большое и мощное политическое явление¹, которое, как утверждал политолог Петр Федоров, означает вступление Ближнего Востока в полосу самостоятельной истории. Нынешняя вспышка протеста — это реакция региона на долготное засилье Запада, желание играть не отведенную ему роль младшего партнера, а быть на равных с развитым миром².

Данная статья написана на основе материалов круглых столов, пресс-конференций, научных встреч, ситуационных анализов, проведенных в СМИ и научных учреждениях Москвы с начала указанных событий. В них приняли участие видные отечественные ученые, политологи, дипломаты, публицисты, ряд членов арабской диаспоры, работающих в научной сфере и живущих в Москве.

В статье сделан упор на темах, ставших стержневыми в дискуссиях на этих научных форумах и встречах. Это — причины массовых выступлений, роль внешнего фактора и современных информационных технологий, исламской составляющей этого явления,

¹ Презентация книги «Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы». ИВ РАН, 28.11.2011.

² Заседание Союза журналистов России «Станет ли “арабская весна” “арабской зимой”?» Центральный Дом журналистов, 27.01.2012.

позиция России и возможные последствия «арабской весны» для конфигурации сил в регионе³.

Большинство ученых сошлись на том, что подоплека этих турбулентных событий, всколыхнувших регион и часто приобретающих характер бунта и смуты, лежит прежде всего в социальной плоскости, хотя в ряде стран, в частности в Ливии и на Бахрейне, на них наслонились этнорелигиозные и региональные мотивы.

Такой размах протестов был реакцией большинства населения на свою ущемленность, обездоленность, долготное пребывание на обочине развития, отмечал член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН В. Наумкин⁴. Только ряд государств Персидского залива демонстрировали иммунитет к такому роду развития событий.

Выступавшие анализировали истоки нынешних потрясений в регионе⁵. По мнению большинства ученых, роль мины замедленного действия сыграла проблема демографии и галолирующий рост населения, который опережал производство новых ресурсов, особенно в области обеспечения продуктами⁶.

Выросло поколение, получившее современное образование, но оказавшееся во многом невостребованным в обществе⁷. Его продвижение вверх по социальной лестнице блокировали коррупция, застой, бесконтрольное господство правящей иерархии, nepotism и другие болезни. Это поколение, а среди них немало образованных людей, по выражению российских исследователей, составило горючую смесь, ставшую детонатором массовых выступлений⁸.

Мир оказался перед лицом нового типа выступлений, мотором которых выступила молодежь. С самого начала у этого движения не было структур, четкого, единого руководства, программы действия, оно выступало с общим требованием сбросить с тронов правителей и их пособников из ближайшего окружения, — подчеркнул член Правления Ассоциации дипломатов России, посол Василий Колотуша.

³ Президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский сомневался в правомерности самого термина «арабская весна». Он заимствован из лексики в 60-х годах XX века в период выступлений против коммунистических режимов в Восточной Европе. Те европейские реалии, по мнению эксперта, не соответствуют сегодняшним реалиям арабского мира.

⁴ Пресс-конференция «Ближний Восток: приоритеты текущего момента» РИА Новости 12.04.2011.

⁵ Директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО В. Попов трактовал их через призму огромного разрыва между богатыми и бедными в обществе. Нефтяные доходы в основном шли на обогащение верхушки, острые проблемы в последние десятилетия не решались властями. IX международная конференция арабистов «Модернизация в арабском мире в свете текущих тенденций мирового переустройства», ИВ РАН, 14–15.12.2011.

⁶ По статистике, более 50% населения общества в арабском регионе составляют лица в возрасте до 30 лет. В 1959 г. население Египта насчитывало 26 млн., сегодня 84 млн., напомнил ветеран дипломатии, глава Совета Ассоциации российских дипломатов Погос Акопов. События в Египте имеют глубинный характер, связанный с хроническим дефицитом земли, перенаселенностью деревни и т.д., отметил старший научный сотрудник ИВ РАН Борис Долгов. — Круглый стол «Возможные последствия военного формата урегулирования в Ливии». — РИА Новости 21/03/2011. В 70-м году прошлого века население Сирии едва превышало 5 млн., ныне 23 млн. человек, сообщил Фасих Бадерхан (ИВ РАН), что породило многие проблемы Сирии, переживающей сейчас глубокий кризис. — Круглый стол «Смогут ли сирийские власти и оппозиция достигнуть консенсуса?» РИА Новости 21.10.2011.

⁷ Круглый стол «Ближний Восток: революционная ситуация сохраняется». — РИА Новости 10/03/2011.

⁸ Круглый стол «Возможные последствия военного формата урегулирования в Ливии». — РИА Новости 21/03/2011.

Атмосфера и характер событий в разных частях арабского мира варьировались: где не было реформ и послаблений, волнения трансформировались в насилие, вооруженное противостояние, например в Ливии. Там, где процесс либерализации начали гораздо раньше, например, в Марокко, властям удалось не допустить массовых протестов.

Другие особенности «арабской весны», подмеченные экспертами, — ее спонтанный и стихийный характер, экспансивность, эмоциональный заряд, — они, как это часто бывало в истории арабов, возобладали над рациональным подходом ее участников.

Большинство аналитиков соглашалось, что такой взлет событий застиг врасплох и политиков, и научное сообщество в России и на Западе. В силу своей одновременности и определенной последовательности он получил название эффекта «домино».

В научной среде феномен «арабской весны» при всем влиянии внешнего фактора воспринимался как продукт внутреннего развития. В то же время проходил тезис, что эти события были инспирированы западными, прежде всего американскими кругами, через неправительственные правозащитные организации, пиар-структуры, интернет — и в этом смысле являются аналогами цветных революций⁹.

Большинство авторов не разделяли мнения, что происшедшее на Ближнем Востоке — результат происков Запада и США, воздействия конспирологических теорий «управляемого хаоса», и т.п.¹⁰

Ряд политологов выделял такой мотив внешних игроков, как желание взять исторический реванш за неудачи в регионе в прошлом. Это особенно проявилось в действиях против Ливии Запада, который не простил политики М. Каддафи, затронувшей его постколониальные интересы¹¹.

В научном сообществе выделяли беспрецедентную роль новых информационных технологий, особенно социальных сетей, которые впервые были внедрены в столь широких масштабах с самого начала «арабской весны». Не случайно многие в России и за ее пределами называют эти движения «фейсбуковской» революцией.

⁹За народными революциями в арабском регионе стоит колоссальная подготовительная работа мощных профессиональных центров политических технологий, утверждал Вячеслав Матузов — востоковед, Президент Общества дружбы России с арабскими странами. Радиостанция «Голос России» 25.02.2011. Доктор военных наук Константин Сивков, первый вице-президент Академии геополитических проблем акцентировал свое внимание на том, что Запад не может выйти из кризиса без установления контроля над мировыми ресурсами, и поэтому он повсюду на Ближнем Востоке вносит элементы дезинтеграции и раскола. Круглый стол «Арабская весна» год спустя: итоги и перспективы» 28.03.2012

¹⁰По их мнению, не в интересах этих сил было преднамеренно подрывать позиции лидеров, в частности в Египте и в Тунисе, которые на протяжении последних десятилетий считались их верными союзниками в регионе. Востоковед А. Степанов напомнил, что за все время правления Х. Мубарака Египет получил от США помощи на 60 млрд. долл. Вашингтон пришел к выводу, что режим Мубарака вырождается. Поэтому дипломатия США вела себя достаточно прагматично, диверсифицировала контакты за счет оппозиции, в том числе с «Братьями-мусульманами». Круглый стол «Подводные камни ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке». — РИА Новости 18/03/2011.

¹¹Это подчеркивал, в частности, посол О. Пересыпкин. В то же время он отмечал, что глава Ливии зачастую беспричинно обострял отношения с руководством ряда арабских стран, что в конечном счете привело к его изоляции после вспышки внутреннего конфликта и внешнего вмешательства НАТО. Круглый стол «Ближний Восток: революционная ситуация сохраняется». — РИА Новости 10/03/2011.

Новая эра информации способствовала моментальному «растеканию» фактов, так что власти оказались неспособными скрыть то, что раньше удавалось утаивать. Эти средства обеспечивали налаживание контактов протестующих в режиме он-лайн для мобилизации «арабской улицы» против существующего порядка.

Многие ссылались на суперактивность катарского спутникового канала «Аль-Джазира». Он организовал службу, собиравшую, препарировавшую информацию, а затем распространявшую ее по всему миру. Этот канал манипулировал общественным мнением, подстегивал радикализацию взглядов и действий участников выступлений и тех, кто им симпатизировал¹².

Обозреватели выделяли негативную роль ряда других глобальных информационных сетей и телеканалов, которые вбрасывали тенденциозные факты и сообщения, демонизировали лидеров, готовя почву для принятия односторонних резолюций в ООН с целью вмешательства во внутренние дела суверенных государств и т.д.¹³

В фокусе внимания выступавших часто была тема ислама и роли исламистов в «арабской весне». Эксперты пришли к общему знаменателю, что «арабская весна» началась и первоначально разворачивалась не под исламскими лозунгами, хотя исламские акценты в ней тоже присутствовали. Но плодами выступлений, в которых преобладала молодежь, по сути, повсюду воспользовались исламисты, победившие на первых свободных выборах в парламенты Египта и Туниса¹⁴.

Такой итог научное сообщество объясняло ростом влияния политического ислама в арабском мире за последние десятилетия. В эпоху авторитарных правлений исламисты накопили большой опыт легальной и подпольной работы с населением. Когда людям запрещалось открыто протестовать, единственным местом для демонстрации недовольства были религиозные каналы, мечети.

Критикуя коррупцию, произвол в эшелонах власти, исламисты набирали очки, особенно в глазах обездоленного населения. Они также наладили систему оказания всесторонней помощи этим малообеспеченным слоям через мечети и другие религиозные учреждения.

У «Братьев-мусульман» и аффилированных с ними организаций была создана широкая сеть связей с массами через благотворительные фонды, университеты, профсоюзы и другие институции. Их организации обладают значительными ресурсами, в Египте ныне они контролируют не менее 30% экономики¹⁵.

¹²Круглый стол «Положение в Северной Африке и на Ближнем Востоке». МГИМО, 24.02.2011.

¹³По словам президента ОАО «Редакция газеты «Известия» В. Мамонтова, пример этого — Ливия, где ложные сведения о бомбардировках Бенгази стали поводом к реальным бомбежкам и атакам с воздуха НАТО. М. Каддафи проиграл прежде всего в информационной войне. XII Международные Лихачевские научные чтения (2012) 17–18 мая 2012 года. <http://www.lihachev.ru/chten/7782>. А. Кочнева, российская журналистка, постоянно работающая в Сирии и свидетель событий с начала кризиса, утверждала, что порядка 60 различных телеканалов целенаправленно искажают события в Сирии, а количество интернет и печатных изданий, действующих в этом поле, не поддается учету. Радиостанция «Эхо Москвы», 29.01.12.

¹⁴Итоги выборов для многих российских обозревателей оказались неожиданными. Даже представители арабской диаспоры (журналисты, политологи), проживающие в Москве, предсказывали «Братьям-мусульманам» не более 10–20% голосов и сохранение светского характера власти в Египте. Пресс-конференция «Возможные последствия военного формата урегулирования в Ливии», РИА Новости, 23.03.2011.

¹⁵Пресс-конференция «Возможные последствия военного формата урегулирования в Ливии». — РИА Новости, 23.03.2011.

Отмечалось, что после начала волнений исламисты действовали весьма осторожно, демонстрируя умение сплотиться в едином блоке, мимикрировать, и переиграли своих соперников и в Тунисе и Египте, в целом действовавших разрозненно.

Некоторые исследователи видели в протестном движении «тайную руку» подпольных исламских фундаменталистов и напоминали, что «Братьями-мусульманами» в свое время манипулировал Запад, в частности Великобритания¹⁶.

В то же время превалировало мнение, что исламистов нельзя считать некой сложившейся, вечно монолитной и однородной силой¹⁷.

Политолог Петр Федоров высказал несогласие с теми, кто рассматривает исламистов только как угрозу стабильности и мира на Ближнем Востоке. В случае их победы на демократических свободных выборах, отмечал он, у исламистов есть такое же право встать у руля правления своих стран, как это десятки лет делают христианские демократы в ряде стран Европы, защищать свой путь развития и свое видение будущего¹⁸.

В арабском регионе возможна демократия лишь по типу иранской, — такой вывод сделал президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский. Она может установиться благодаря победе на выборах исламистов и через преобладание исламского большинства над меньшинством в выборных органах власти.

Хотя массовые выступления в арабских странах сломали стену страха, за которой население жило многими десятилетиями, социально-экономические реалии в них не изменились. По словам член-корреспондента РАН, директора Института востоковедения В. Наумкина, этим странам еще предстоит вступить в полосу серьезной общественно-политической трансформации.

Вопрос о дальнейшем ходе «арабской весны», ее возможных приливах и отливах в регионе вызвал острые дискуссии. Академик Е. Примаков указывал на то, что в исламском сообществе усиливается дифференциация, верх могут взять экстремистские элементы.

¹⁶По мнению члена арабской диаспоры в Москве, суданца Ельсира Аббаса, за событиями во многом стоят «Братья-мусульмане». Цель Запада в нынешних условиях — легитимизировать, нанести урон исламу и в своих корыстных интересах расправиться с одними мусульманами руками других мусульман. Международная встреча «Роль общественных движений в переменах на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Москва. 07-08.06.2012.

¹⁷По утверждению ведущего научного сотрудника ИВ РАН, посла А. Подцероба, они хотят приспособить ислам к меняющейся жизни и реалиям. За умеренными исламистами из АБМ стоит исламский капитал и крупные исламские компании. Для исламской буржуазии религия — своего рода оружие в конкурентной борьбе, она в некотором смысле может поставить преграду на пути радикалов.

Политический ислам, полагала ведущий научный сотрудник ИАМПИ Дипакадемии МИД РФ Г. Прозорова, неоднороден, там есть много подспудных течений. С ними работают самые различные внешние силы. Она призвала Россию активно работать с исламистами.

У исламистов свое понимание гражданского общества, отметил первый заместитель Председателя ассоциации российских дипломатов, посол А. Аксененко. Некоторые исламистские партии получили международную легитимность. Вопрос стоит так: какая их модель возобладает: турецко-эрдогановская или саудовско-ваххабистская. Один из важнейших вопросов, по мнению известного российского исламоведа Л. Сюкияйнен, насколько совместимы исламская концепция и демократия. Эти два феномена могут совмещаться частично, но не полностью. Международная встреча «Роль общественных движений в переменах на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Москва. 07-08.06.2012.

¹⁸Заседание Союза журналистов России «Станет ли «арабская весна» «арабской зимой»?» Центральный Дом журналистов, 27.01.2012.

Ставка все-таки будет делаться на армию, на реальную силу, на которую опирались предыдущие режимы. Она достаточно сильна, чтобы остаться опорой новой политической элиты, которая может проявить авторитарные акценты, хотя и в несколько сглаженном виде¹⁹.

Нынешняя обстановка, с точки зрения многих экспертов, чреватая нестабильностью и смутой, может выродиться в серию затяжных конфликтов²⁰.

Импульсы от происходящих событий так или иначе расходятся в ближайшем геополитическом пространстве, затрагивают интересы окружающих стран, прежде всего Ирана и Турции, которые, в свою очередь, все больше политически (и не только) вовлекаются во внутренние дела стран, переживающих «арабскую весну».

По утверждению ряда политологов, в нынешних событиях Иран извлек для себя пользу. Главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН Г. Мирский полагал, что Тегеран сумел сохранить свои позиции в суннитском большинстве арабского региона и роль в арабо-палестинском сопротивлении Израилю.

Происходит все более активное вовлечение в эти события Анкары. С этим связана поддержка Палестины и ХАМАС, которая должна способствовать росту влияния Турции в странах исламского мира. В глазах некоторых обозревателей это воспринимается как тенденция к возвращению в эпоху господства Османской империи.

Отмечалось, что сегодня ряд арабских политических сил и организаций, в том числе исламистские партии, победившие на выборах в Тунисе, Египте, Ливии, часто апеллируют к турецкой модели. В то же время исследователи были настроены более скептически в отношении выигрыша Ирана и Турции от этих событий²¹.

¹⁹Презентация книги «Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы».

ИВ РАН 28.11.2011.

²⁰Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Израиле Петр Стегний размышлял над тем, как в дальнейшем будет контролироваться выплеснувшееся недовольство и эмоции неструктурированной толпы. Говоря о цене и ресурсах политических событий, он напомнил, что полтора триллиона долларов были потрачены США в Ираке и Афганистане.

Кто будет оплачивать ход развития в будущем, задал он вопрос. Заседание Союза журналистов России «Станет ли «арабская весна» «арабской зимой»?» Центральный Дом журналистов, 27.01.2012. По оценке востоковеда В.Исаева, для обеспечения выхода из кризисов, чтобы сбить волну социального недовольства «арабской весны», в ближайшие 7–8 лет нужно обеспечить работой в арабских странах 90 миллионов человек, нуждающихся в ней, что проблематично. Он сомневался, что арабские нефтепроизводящие монархии станут финансировать реформы в интересах новых сил, если те придут к власти.

Круглый стол «Арабская весна: итоги и перспективы», МГИМО 23.05.2012.

²¹Только на первый, поверхностный взгляд может показаться, что Иран выиграл от выдвижения на первые роли тех, кто, по его утверждению, исповедуют идеи исламской революции, отметил профессор МГИМО С. Дружиловский. Ирану, по его мнению, придется восстановить свое влияние в палестинской среде в конкурентной борьбе со странами Залива, могут обостриться его проблемы с национальными меньшинствами: арабами, курдами, белуджами в свете влияния на них лозунгов «арабской весны».

Ученый отметил, что у Турции во многом поколеблена система экономических связей, налаженных с рядом арабских стран. Она экономически много потеряла из-за событий в Ливии, сейчас несет большие финансовые расходы по прибытию беженцев из Сирии и т.д.

Ухудшение отношений с режимом президента Б. Асада в Сирии чревато для Турции тем, что может обернуться активизацией повстанческих действий КРП с территории Сирии с подачи Дамаска. На фоне событий «весны» Анкара испытывает давление со стороны Израиля, с которым она заинтересована сотрудничать, особенно в военной области.

Круглый стол «Арабская весна: итоги и перспективы», МГИМО 23.05.2012.

По утверждению президента Института Ближнего Востока Е. Сагановского, регион стоит перед перспективой войны, в частности между арабскими монархиями и шиитским Ираном, что чревато потрясениями, возможным потоком беженцев из ближневосточного региона, в том числе в сторону России.

Заседание Союза журналистов России «Станет ли «арабская весна» «арабской зимой»?» Центральный Дом журналистов, 27.01.2012.

Такой аспект, как влияние «весны» на арабо-израильский конфликт, не был обойден вниманием российскими политологами. В целом отмечалось, что в отличие от прежних революций и переворотов в регионе, когда тема Израиля и противостояния его с арабами часто была стержнем политической риторики, в ходе последних событий она была приглушена.

Татьяна Носенко (Институт востоковедения РАН) не увидела палестинского подтекста в событиях «арабской весны». По ее мнению, палестинцы могут оказаться более уязвимыми перед давлением внутри региона и внешнеполитическим прессингом и должны будут пойти на еще большие уступки или компромиссные решения²².

Профессор А. Вавилов указал на то, что, хотя на фоне турбулентных событий вопрос о развязке тугого ближневосточного узла отошел в тень, он обязательно выйдет на первый план.

По мнению И. Масюковой (ИВ РАН), антиизраильский накал в арабском мире будет расти, при этом одновременно усилится военное сотрудничество США — Тель-Авив.

«Переговоры об углублении этого сотрудничества идут, — заявила Т. Карасова (заведующая отделом изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН), — и ставится вопрос поднятия статуса союзнических отношений между двумя странами до уровня Австралии». Израиль, по ее словам, опасается террористических угроз по всему периметру своих границ.

Это мнение разделял и востоковед В. Исаев. «Если исламисты потерпят неудачу в случае прихода к власти, то для своего оправдания у них может возникнуть соблазн вытащить из колоды антиизраильский козырь», — указал он²³.

В то же время ряд наблюдателей привлекли внимание к тому, что под шумок потрясений на Ближнем Востоке Израиль продолжает деятельность по строительству еврейских поселений на оккупированных территориях и фактически начал сооружение новых поселений на Голанских высотах, ведя дело к тому, чтобы оставить за собой не менее 70% их территории²⁴.

Касаюсь позиции Москвы относительно событий в арабском мире, большинство отечественных ученых, политологов и дипломатов отмечали ее конструктивность и взвешенность. Они указывали на востребованность роли России с учетом близости этого региона к ее южным границам и того, что у нее накоплен большой потенциал присутствия здесь в качестве медиатора.

Академик Е. Примаков заявил, что «Россия поддерживает демократические процессы в странах, охваченных “весной”. Если народ демократическим путем изберет новых лидеров, то Москва признает их»²⁵.

²²Круглый стол «Положение в Северной Африке и на Ближнем Востоке». МГИМО, 24.02.2011

²³Круглый стол «Арабская весна: итоги и перспективы», МГИМО 23.05.2012

²⁴Ситуационный анализ «Перспективы выхода из сирийского кризиса», МГИМО 25.04.2012.

²⁵Презентация книги «Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы». ИВ РАН 28.11.2011.

Ведущий научный сотрудник ИВ РАН, посол А. Подцероб поставил в заслугу России ее приверженность принципам главенства международного права, а не просто поддержку каких-либо режимов, в частности в Сирии.

Е. Супонина (Институт стратегических исследований) позитивно оценила действия России в рамках ее поддержки миссии Коффи Аннана для мирного урегулирования кризиса в Сирии. Ряд аналитиков с удовлетворением отмечали, что активными дипломатическими усилиями России и Китая в ООН был поставлен барьер на пути вооруженного вмешательства в Сирию извне.

В выступлениях участников научных форумов проходил тезис, что международное сообщество должно максимально ответственно подходить к имеющимся у него рычагам и инструментам, в частности в ООН. Высказывалось мнение, что резолюции СБ ООН зачастую принимаются под давлением средств массовой информации, а механизм мониторинга используется неудовлетворительно.

Подчеркивалось, что подход Москвы в отличие от западного видения происходящего основывается на том, что какими бы острыми ни были пертурбации или кризисы арабов, решать их можно и нужно мирными способами, через национальный диалог, «без бряцания оружием»²⁶.

Многие аналитики, политологи, дипломаты критиковали действия НАТО в ходе выполнения резолюции СБ ООН 1973 от 17 марта о введении бесполетной зоны над Ливией с целью защиты гражданского населения. Международная **коалиция вышла за рамки этой резолюции и своими** бомбардировками изменила ход внутреннего противостояния в пользу мятежников, отмечали ряд видных российских юристов-международников²⁷.

В экспертной среде звучала и неудовлетворенность в связи с позицией РФ по вышеупомянутой резолюции СБ ООН. Председатель Российского Комитета солидарности с народами Сирии и Ливии Сергей Бабурин заявил, что и Россия в данном случае допустила ситуацию, которую он назвал расправой над Ливией²⁸. Дмитрий Рюриков, ведущий научный сотрудник Дипломатической академии МИД России, интерпретировал эту резолюцию как удар по международному праву, последствия чего будут ощущаться и далее²⁹.

Ряд политологов критиковали позицию России с другого полюса. По утверждению Александра Шумилина (Институт США и Канады РАН), ныне наблюдается тупик ближневосточной политики Москвы, которая противопоставляет себя всему арабскому и западному миру³⁰.

²⁶Участники круглого стола призвали избежать вмешательства внешних сил во внутренние дела арабских стран, которые переживают судьбоносные события. Круглый стол «Императорское православное палестинское общество отмечает 130-летие», РИА Новости 18.05.2012

²⁷Круглый стол «Ливия, международный уголовный суд и проблемы международного права», Российский государственный торгово-экономический университет, 06.07.2011.

²⁸Пресс-конференция «Сирия глазами очевидцев», РИА Новости, 31.08.2011.

²⁹Круглый стол «Подводные камни ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке», РИА Новости 18.03.2011

³⁰Радиостанция «Эхо Москвы» 06.02.2012.

Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», в свете нынешних потрясений предсказал утрату позиций и влияния Москвы на Ближнем Востоке. По его мнению, присутствие России на Ближнем Востоке зиждилось на «советском наследии», которое либо ушло, либо постепенно уходит в небытие³¹.

События в Сирии стали той темой, которая в определенной степени разделила ученых, политологов и экспертов России. Заметную активность в научном и информационном сообществе проявили члены сирийской диаспоры, живущие в РФ, особенно представители ее интеллектуальной части.

Рассматривая истоки кризиса в САР, многие выступавшие делали вывод, что нынешние власти упустили время и возможность развернуть страну к реформам и тем самым перехватить инициативу у оппозиции³².

По утверждению Хамзы Махмуда, члена Сирийского национального совета и Комитета поддержки сирийской революции из России, «режим президента Б. Асада — в тупике, силовые методы не дали результатов»³³.

Категорическое требование оппозиции, поддерживающих ее сил на Западе и ряда арабских стран об уходе президента Б. Асада как предварительном условии начала какого-либо внутреннего диалога вызвало несогласие в российском научном сообществе.

С точки зрения публициста Максима Шевченко, члена Общественной палаты РФ, лишь сирийский президент способен проконтролировать переходный период, во время которого необходимо проводить уже объявленные реформы³⁴.

«От оппозиции не слышно четкой программы выхода из кризиса, пока что речь идет лишь о борьбе за власть», — заметил начальник Управления международных связей Аппарата Совета Федерации Андрей Бакланов, побывавший в ходе нынешних событий в Сирии³⁵. Лозунг оппозиции о немедленном уходе главы государства сегодня, по мнению многих, не находит массовой поддержки в САР.

³¹Радиостанция «Эхо Москвы» 06.02.2012.

³²В Сирии, по словам доктора исторических наук А. Степанова, после прихода к власти нынешнего президента Б. Асада, унаследовавшего культ отца, намечались реформы. Но их затормозила верхушка партии Баас, спецслужбы, госбюрократия, боявшиеся потерять свои привилегии. Ситуация в стране осложнена пестрым этноконфессиональным составом: религиозное меньшинство — алавиты была служилой прослойкой, составила часть сил безопасности, хотя армия в основном образована суннитским большинством. См.: Круглый стол «Смогут ли сирийские власти и оппозиция достигнуть консенсуса?» РИА Новости 21.10.2011.

По словам Али С. Асада, члена руководства Движения за национальное единство Сирии, над руководством Сирии довлел и продолжает довлеть так называемый «синдром Горбачева», то есть провальная попытка реформировать СССР сверху, которая закончилась утерей рычагов управления страной руководством КПСС и развалом СССР. Международная встреча «Роль общественных движений в переменах на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Москва. 07-08.06.2012.

³³По его данным, на осень 2011 г. 40 тыс. человек арестовано, 4 тыс. сирийцев были убиты, десятки тысяч стали беженцами. Оппозиция говорит, что мы за диалог, но с условием убрать танки, освободить заключенных, прекратить пытки и разрешить беженцам вернуться на родину.

Круглый стол «Смогут ли сирийские власти и оппозиция достигнуть консенсуса?» РИА Новости 11.10.2011.

³⁴Пресс-конференция: «Выход из кризиса без иностранного военного вмешательства в интересах народов Сирии и Ближнего Востока», РИА Новости 16.11.2011.

³⁵Круглый стол на тему: «Смогут ли сирийские власти и оппозиция достигнуть консенсуса?» РИА Новости 11.10.2011.

Ряд участников дискуссий ссылались на то, что нынешний режим в силу ряда причин — сильной армии, значительной социальной поддержки, раскола в рядах оппозиции и т.д. — твердо удерживает власть³⁶. Многие сирийцы опасаются, что утрата властями контроля над ситуацией приведет к хаосу и последующей кровавой междоусобице с жертвами, особенно пострадают национальные и религиозные меньшинства в Сирии.³⁷

Ряд авторов фокусировал внимание на опасной милитаризации протестов, начавшихся в Сирии в марте 2011 года и подстегиваемых руководством ряда стран Запада и арабского мира³⁸.

Эксперты затрагивали вопрос о возможностях вмешательства извне во внутренние дела САР. Сирия, по мнению старшего научного сотрудника ИВ РАН Бориса Долгова, — «глобальный игрок в регионе, поэтому есть определенные заинтересованные силы в Израиле, в Ливане, в Турции, на Западе, чтобы сменить руководство и его курс»³⁹.

Научный руководитель Центра арабских исследований РУДН, профессор Мейсам аль-Джаноби указал, что замысел вмешательства с дальним прицелом — «убрать нынешнюю власть в стране и расчистить путь для строительства так называемого Большого Ближнего Востока по меркам Вашингтона»⁴⁰.

Ряд российских аналитиков и ученых сделали вывод, что в нынешних условиях угроза внешней интервенции в Сирии благодаря позиции Москвы и Пекина отодвинута, но полностью не исключена. При этом они обращали внимание на то, что все большее число их западных коллег скептически относятся к иностранной интервенции против Дамаска⁴¹.

Одни исследователи считали возможным эволюцию режима Дамаска в направлении реформ и достижения демократии через диалог сирийских властей с оппозицией, выход на

³⁶Ситуационный анализ «Перспективы выхода из сирийского кризиса», МГИМО 25.04.2012.

³⁷После начала «арабской весны», свержения авторитарных правителей, победы религиозников на первых выборах в некоторых странах в Сирии активизировались исламисты, в частности «Братья-мусульмане», жаждущие взять реванш за годы, когда они подвергались репрессиям властей. Они претендуют на монополию в вопросах веры, сеют раскол по доктринальным различиям внутри уммы. Олег Фомин, сопредседатель Российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии, с тревогой комментировал положение сирийских христиан. По его словам, ранее они были свидетелями уничтожения и выдавливания христиан из Ирака, а сейчас подвергаются угрозам расправы со стороны боевиков. Эти элементы открыто призывают «алавитов — в могилу, христиан — в Бейрут». См.: Круглый стол «Арабская весна» год спустя: итоги и перспективы», РГТЭУ 27.03.2012.

³⁸Генерал-полковник Леонид Ивашов, президент Академии геополитических проблем, указывал на то, что оппозиция далеко не мирная, что это вооруженные отряды. Радиостанция «Эхо Москвы» 06.02.2012.

Анхар Кочнева — российская журналистка, постоянно работающая в Сирии, назвала происходящее «дагестанизацией» страны. Это нападение на военных и мирных жителей, похищение людей с целью выкупа, совершение диверсий против структур управления и власти и т.д. См.: Круглый стол «Арабская весна» год спустя: итоги и перспективы» РГТЭУ 27.03.2012.

³⁹Круглый стол «Смогут ли сирийские власти и оппозиция достигнуть консенсуса?» РИА Новости 21.10.2011.

⁴⁰Общественные дебаты на тему: «Потрясения в Арабском мире». РУДН 21.04.2011.

⁴¹Так, Николас Нау — американский исследователь, базирующийся в Бейруте, Стефан Зюнс — профессор университета Сан-Франциско, автор книг по ближневосточной тематике; британский востоковед Патрик Сил и другие авторы, резко критикующие систему власти Б. Асада, в своих последних выступлениях и статьях признают, что идея вмешательства в САР несостоятельна. Его крайне негативные последствия только усложнят обстановку в региональном масштабе. Ситуационный анализ «Перспективы выхода из сирийского кризиса», МГИМО 25.04.2012.

компромиссы, чтобы спасти страну, ибо международное давление будет расти по мере обострения внутреннего кризиса.

Говорилось о необходимости того, чтобы в процесс национального диалога был вовлечен максимально широкий спектр сил, в том числе представители нацменьшинств, социальных групп и слоев сирийского общества, включая тех, кто пока пассивен или составляет молчаливое большинство.

Другая часть участников утверждала, что режим Б. Асада, несмотря на провозглашенный им курс по коренному переустройству общества, исчерпал себя, неспособен к реформированию и поэтому лишен перспективы выживания⁴².

В данной статье представлен широкий спектр мнений и оценок ученых и исследователей России в отношении «арабской весны». Очевидно, что для всесторонней и фундаментальной оценки и осмысления этого явления еще понадобится время. Тем не менее, мнения, анализ и прогнозы специалистов, экспертов, дипломатов-ветеранов, высказанные в ходе научных форумов, круглых столов и прочих мероприятий, помогают ощутить пульс этих событий, составить о них адекватное представление.

Это актуально в свете того, что ряд российских ученых и политологов высказал обеспокоенность в связи с тем, что если радикальным исламистам удастся реализовать свои цели, то волна экстремизма докатится до Центральной Азии и Юга России.

После свержения глав авторитарных режимов в ряде арабских стран наблюдается не только пробуксовка и спад развития, темпов производства, но и общее ослабление госинститутов и структур в сфере поддержания порядка и безопасности, особенно это характерно для Ливии.

Многие считают это закономерным после переворотов и потрясений, которые пережили ряд стран, что часто бывало в истории в подобных случаях. Однако ослабление роли государства вызывает настороженность, поскольку нынешние страны, хоть и древние в историческом контексте, но с точки зрения современной государственности относительно молоды, возраст их независимого существования 70-60 лет.

В рамках этих государств объединены представители разных этноконфессиональных и национальных общин, которые ранее жили традиционно обособленно. Общество было жестко стянуто обручами авторитарного правления.

Как будет функционировать эта система в новых условиях, когда эти обручи ослабли после падения авторитарных символов режима? Сегодня наблюдается неустойчивый и противоречивый баланс интересов и сил между различными фракциями, которые, так или иначе, являются продуктом эпохи предыдущего правления.

Из недр общества вышли на арену и все громче заявляют о себе новые силы, часто позиционирующие себя как исламские, они радикально настроены, требуют перемен и своего места

⁴²Члены сирийской диаспоры в РФ, поддерживающие оппозицию, возлагали на режим Б. Асада ответственность за пробуксовку плана урегулирования, предложенного специальным посланником ООН и ЛАГ К. Аннаном. Они считали, что диалог на основе принципов, диктуемых правительством, невозможен.

По мнению члена политического комитета Демократического форума Сирии Мунзера Халлюма, власти не могут навязать свое решение оппозиции, а та, в свою очередь, неспособна победить режим. Круглый стол «Сирия: есть ли выход из кризиса?» РИА Новости 06.06.2012

под солнцем. Нужно также учитывать вес региональных сил, у которых есть свои интересы в происходящих процессах.

Научному обществу и политологам предстоит осмыслить и проанализировать всю широкую гамму факторов, влияющих на дальнейший ход развития и будущую конфигурацию в арабском регионе.

А.О. Филоник

Экономические отношения России и Арабского Востока: время нового видения

Резко возросшая динамика арабского мира показывает, что изменения в его внутреннем устройстве набирают обороты. И это обстоятельство ставит Россию перед необходимостью выбора стратегии отношений с ближневосточными государствами. Это может быть выбор либо в пользу активной торгово-экономической деятельности, осуществляемой в рамках уверенной политико-дипломатической работы, либо позиция стороннего наблюдения за процессами, что практически может вывести за рамки возможностей для реализации национальных интересов России в экономической и политической сферах в этой части земного шара.

Советский Союз пришел на Арабский Восток на волне национально-освободительных движений как сила, способная оказать реальную поддержку новым режимам и утвердить свое влияние в важной в геостратегическом отношении части мирового пространства.

Это удалось, и СССР закрепился на важных позициях, которые удерживал почти до конца своего существования. Целая цепь исторических событий привела к завершению его мощного присутствия в регионе. И ныне Россия, которая обозначает свою роль в мире, выказывает намерение восстановить то, что ее предшественник утратил в 90-е годы.

Но сейчас это сделать значительно труднее, чем в начале отношений с ближневосточными государствами, когда из-за развала колониальной системы ряд из них прервал сходжение по пути зависимого развития, выдвинув масштабные задачи переустройства общества и экономики на принципах, содержащих элементы учения о социальной революции.

Симпатии к ней привели к тому, что российско-арабские отношения приобрели вполне осязаемую историю, которая оставила заметные следы в самых разных секторах арабского экономического пространства. Уже в 70-е годы прошлого века большинство стран ближневосточного региона так или иначе и в той или иной форме поддерживали торговые и экономические отношения с Советским Союзом. Ряд из них заимствовал советскую экономическую модель с ее плановым хозяйством и огосударствлением производства. Они совершили этот шаг, не только повинувшись стремлению осуществить лозунги социальной справедливости, но, в том числе, и в силу исторических обстоятельств, обратившись к собственному предшествовавшему опыту устройства хозяйства, естественным образом став клиентами и партнерами советского государства в торговле и экономическом сотрудничестве.

В последующем, в 90-е годы, ситуация коренным образом изменилась, исчезли идеологически мотивированные экономические отношения между государствами, на первый план выступили прагматические соображения и экономическая выгода. Взаимные интересы складываются под воздействием новых исторических реалий. Большая роль среди них принадлежит процессам, связанным с глобализацией экономики, со становлением новых рынков, с намерениями арабских государств опробовать более гибкие модели экономического роста. Изменение условий функционирования мировых торговых и экономических механизмов закладывает новую базу отношений между Арабским Востоком и Россией, выстраивает более строгую систему их мотивации, привносит в них больше целесообразности и расчета.

В довершение этого, в 2011 г. в регионе стала складываться новая ситуация, которая, возможно, чревата изменением парадигмы его развития. Она вызвала к жизни силы, которые не относят российское государство к категории союзников и могут, в случае прихода к власти, снизить уровень отношений с ним, в том числе и в торгово-экономических связях. Поэтому не приходится утверждать, что вторичное вхождение в арабские экономические пределы будет таким же последовательным, как это было в самом начале, когда закладывались основы согласия с арабскими, как тогда считалось политкорректным говорить, прогрессивными режимами.

Но еще до наступления этого акта арабской драмы не менее драматические события в России привели к сужению масштабов сотрудничества с арабскими государствами. Россия и сейчас переживает сложный этап реформирования своей экономики, занята модернизацией производства, ищет новые технологические решения и надеется перейти к инновационной модели развития. Столь крупные задачи не дают ей возможности полностью сосредоточиться на проблемах экономических отношений с арабскими странами, но это не означает, что Россия совсем выпускает эту тему из зоны своего внимания.

Бывшие активные партнеры РФ на Арабском Востоке, втянувшиеся с началом нового тысячелетия в эпоху внутренних разладов, иностранных вторжений и массовых бунтов, хотя и имеют в виду такие первоочередные задачи, как изменение профиля промышленного развития, модернизация производственной базы, повышение конкурентоспособности национальной продукции, но не могут выделить на решение проблем необходимых ресурсов.

На самом же деле, перечень стоящих перед ними задач еще более емкий. Это выправление макроэкономических дисбалансов, оптимизация банковско-финансовой сферы, мобилизация внутренних и внешних накоплений ради усиления инвестиционной деятельности, включение в глобальные и региональные интеграционные процессы за счет развития перерабатывающих отраслей.

Не меньшее значение имеют задачи, связанные с обновлением производственной инфраструктуры, транспортных и гидротехнических систем, обеспечением электро- и газоснабжения, с переводом на индустриальные рельсы природоохранной деятельности, и многие другие аспекты.

Крупные подвижки в хозяйственной и политической жизни обеих сторон, выбившие из привычной колеи их экономические организмы и обусловившие свертывание еще после распада СССР двусторонних связей, фактически подорвали нарабатанный за десятилетия потенциал сотрудничества. Более того, ситуацию усложняет тот факт, что столь объемные изменения, требующие существенной переналадки не только основ экономического взаимодействия между государствами, но и хозяйственной деятельности внутри самих стран, уменьшают их ресурсы, которые могли бы быть использованы во внешнем торговом и экономическом обмене.

Сообразно именно этим обстоятельствам и формируются векторы российско-арабского сотрудничества, выстраиваются национальные потребности и программы действий на текущем этапе. Тем не менее, пока трудно констатировать какие-либо существенные сдвиги в характере российско-арабских экономических отношений, а тем более трактовать их как успешные или имеющие существенные перспективы на будущее. Помимо слабо выраженной политической воли в этом повинны и действительно объективные обстоятельства, через которые нелегко перешагнуть.

Поддержание переходных экономик на плаву в условиях перехода от плановости к рынку требует применения более тонких механизмов управления воспроизводственными процессами. Перекосы и диспропорции болезненно сказываются на незрелых в рыночном отношении воспроизводственных системах. Тем более что еще не вполне миновала эпоха, когда актуальным было механическое расширение физического капитала для ресурсоемких технологий за счет количественного наращивания вещественных средств производства, причем порой в ущерб их качеству.

Поэтому не все ниши в производительных силах обустроены как технически продвинутые, арабские государства ныне озабочены их заполнением именно современным оборудованием и технологиями. От этого зависит экономическая конкретика и повышение качества процессов развития, которые в пределах арабского мира весьма сильно варьируются

от страны к стране и исключают сокращение разрывов между ними. Линия раздела четко проходит между зажиточными и менее благополучными странами, которые развиваются на базе собственно капиталозбыточной и капиталоздефицитной моделей. И это сказывается на степени привлекательности этих государств как партнеров в торговом и экономическом сотрудничестве. Особенно если учесть, что арабский мир пока занят в основном выпуском низко- и среднетехнологической продукции. И в этом смысле он еще должен пережить протяженную во времени индустриализацию и многое заимствовать извне для экономической модернизации и накопления промышленного потенциала.

Не менее сложная ситуация сохраняется и в России, которая за истекшие двадцать лет утратила большую часть своей экономической мощи, а сейчас пока только стремится создать более эффективные производительные силы, опирающиеся на современную инфраструктуру, новейшие технологии и оборудование.

Но, несмотря на серьезные препятствия, интересы России вновь и зримо обращены на Ближний Восток и группируются вокруг внешнеэкономических тем. Акцент на этой стороне деятельности связан с необходимостью по мере возможности устранять диссонанс между политическим присутствием России на ближневосточном направлении и ее экономической ролью в регионе и тем самым укреплять общий вектор ее деятельности на этом направлении, имеющем геостратегическое значение. Именно так, видимо, следует сформулировать ее основной посыл применительно к Ближнему Востоку на текущем этапе. Но при этом надо осознавать, что возможности России для широкого маневра в регионе капиталами и средствами явно ограничены, учитывая состояние ее экономики.

Тем не менее, это не должно служить оправданием снижения торгово-экономического оборота с зарубежными странами и, не в последнюю очередь, с арабскими, особенно теми, с которыми накоплен большой опыт общения еще в советские времена. Понятно, что складывающиеся в последнее время обстоятельства не создают благоприятную почву для тесного рыночного общения, и далеко не только Россия ответственна за ослабление связей с арабскими партнерами на многих направлениях. Но и с ее стороны просматриваются действия, которые не могут не считаться просчетами, вызванными стремлением акцентировать практически один, но очень рискованный источник получения внешнеторговой прибыли, а именно военно-техническое сотрудничество. Оно составляет особую сферу торговых отношений с арабскими странами, достаточно выгодную, но крайне чувствительную к конкуренции в крайне изолированной и меняющейся конъюнктуре мирового рынка. Эти обстоятельства придают экспорту военной техники существенный элемент нестабильности, что естественным образом не служит общей устойчивости российско-арабских отношений в их техноэкономическом и торговом измерении.

Очевидно, что соблазн зарабатывать на спецоборудовании весьма велик. Но в этом просматривается неизбежное российское стремление работать не с массой прибыли, а с ее нормой, т.е. заключить единичный контракт, но на очень большую сумму, а не диверсифицировать статьи экспорта и тем обезопасить казну от возможных неожиданностей. Пример с пережившей переворот Ливией, практически обрушивший военные

и другие договоренности о российских поставках и проектах, – самое последнее и вопиющее тому подтверждение.

Между тем возможности разнообразить ассортимент продукции на экспорт имеются. Он не столь обширен, как раньше, но есть работающие предприятия, гражданская продукция которых в предшествовавший период хорошо зарекомендовала себя на Арабском Востоке. Другое дело, что выпуск ее ограничен, минимизируется, а то и вообще сворачивается под предлогом падения спроса на нее внутри страны.

Действительно, эти отрасли теряют потребителей на российском рынке вследствие изменяющегося спроса и перехода ряда товаропроизводителей к более современным и наукоемким средствам производства. Но в условиях кризиса, по крайней мере, часть известных на Арабском Востоке по прежним временам предприятий имеет шанс найти спрос, особенно в странах, знакомых с образцами советского периода. Оборудование было неприхотливым, ремонтпригодным и дешевым в эксплуатации, что в странах с невысокими технологическими запросами обеспечивало ему нормальный сбыт. Предположительно он сохраняется и в настоящее время, хотя явно не будет достигать прежних размеров. Тем не менее, пока арабская промышленность в немалой части своей специализируется на грубой переработке сельскохозяйственного и минерального сырья и нуждается в средствах механизации именно того уровня, такой повод можно было бы рассматривать как сулящий удачу. Ведь оборудование соответствует производственным задачам и с точки зрения приемлемости качества выполняемых операций, и в ценовом отношении.

Но, чтобы продвигать «немодную» продукцию, ее нужно рекламировать, демонстрировать, предлагать, а другими словами, воссоздавать, хотя бы в первом приближении к ее советскому оригиналу (правда, далеко не во всем идеальному), дееспособную систему, отвечающую именно нынешним, а не абстрактным условиям международного торгового и экономического сотрудничества.

В последнее десятилетие предпринимаются интенсивные попытки разблокировать ситуацию, пробудить интерес к российским возможностям и определить потенциальных партнеров на Арабском Востоке. Об этом свидетельствуют государственные визиты российских лидеров в разные арабские страны. Они преследуют цель расширить поле деятельности для тех отраслей промышленности, в которых Россия сохраняет позиции, и продвинуть наиболее обещающие проекты на арабское пространство. С арабской стороны, это – попытки диверсифицировать внешнеэкономические связи и источники поставок инвестиционных товаров, а равно использовать российские возможности для преодоления отсталости, по показателям и свидетельствам которой арабский мир пребывает ныне многими своими государствами на периферии других частей Юга и Востока, составляющих ему мощную конкуренцию по стандартам жизни.

Однако следует отметить, что рыночное сближение с обеих сторон сдерживается препятствиями, которые, помимо упомянутых, кроются также и в психологии, и в организационной и технической стороне дела, и в других сферах. С российской стороны, это, видимо, как-то связано с имперским сознанием, которое больше подталкивает к крупным

капиталоемким проектам, к объемам и широкому охвату поля деятельности. При этом размах нередко сопровождается нераспорядительностью экономических и производственных структур, опутывается недостаточно прозрачным законодательством о внешнеэкономической деятельности, усиливается информационным вакуумом и нежеланием вникать в тонкие механизмы взаимодействия с арабскими партнерами.

С арабской стороны, это, скорее всего, всегда присущая ее частному капиталу чрезмерная осторожность, просматривающееся желание работать с российскими госструктурами или фирмами с большой долей государственного участия как гарантией выполнения обязательств, боязнь тесных контактов и дорогостоящих контрактов с малоизученным партнером, неготовность вкладывать средства в крупные проекты с длительным оборотом капитала.

Большое значение имеет также то обстоятельство, что арабские предпринимательские круги не видят в России готового инвестора и поставщика современных технологий. Между тем переход именно к информационным и инновационным методам в управлении и производстве для них становится все более ясной перспективой. Поэтому они делают упор на получение новых знаний, умений и методов работы из более известных источников.

Россия сегодня строит свою стратегию экономического сотрудничества исходя из понимания того, что ТЭК является для нее наиболее значимой сферой хозяйственной деятельности и по-настоящему крупным источником накопления. Опора преимущественно на энергосырьевые отрасли как на канал проникновения на Арабский Восток является также и результатом серьезного сжатия экспортных возможностей ее нефтегазового сектора.

В силу этого внешнеэкономическая политика России оказалась более развернутой в сторону арабских государств – экспортеров нефти. Именно в них сосредоточены наибольшие финансовые ресурсы, они оперируют на глобальном и региональном пространстве, реализуют объемные проекты. Эти масштабы соотносятся с представлениями крупного российского бизнеса о своей экономической дееспособности и с его видением своего места в иерархии функционирующих на Арабском Востоке капиталов. Но такая самооценка не должна мешать восприятию и других стран региона, где углеводородные запасы не столь велики, в качестве объекта российских интересов. Россия в этих условиях делает ставку на то, чтобы минимизировать перекоп в пользу энергетического сырья и за счет участия в доходах от нефти укрепить экономические позиции на ближневосточном пространстве как таковом, а не только в зоне интенсивной добычи энергоресурсов.

После добровольного ухода из региона ближневосточные устремления России естественным образом наталкиваются на противодействие Запада и расширяющееся влияние Китая, занявших ведущие ниши в арабском ТЭК и не склонных делиться с конкурентами из числа российских компаний. Преодоление их сопротивления – весьма трудная стратегическая задача для российского капитала с не вполне ясными перспективами.

России все же удалось наладить сотрудничество с рядом стран с начала нового века. Она ведет проекты не только с Алжиром, ОАЭ, Саудовской Аравией, Кувейтом, но и с Сирией, Иорданией, Ливаном, Тунисом, Марокко и другими государствами региона.

Географическая привязка российских интересов, в общем, впечатляет, но, измеренная в стоимостном выражении, она не выглядит столь представительной. В целом общая стоимость экономических интересов России в арабском регионе ныне оценивается примерно в 4,5 млрд. долл. и существенно, почти в три раза, уступает таковым же в советский период.

Стимулом к наращиванию усилий на арабском экономическом треке становится острая необходимость поиска новых площадок для российских нефтяников, которые сталкиваются с ростом издержек на добычу и транспортировку нефти из глубинных районов Сибири и сокращением извлекаемых ее запасов. Крупнейшие компании – Лукойл, Газпром, Роснефть, Стройтрансгаз, Татнефть и другие стремятся создать плацдармы своего присутствия в арабском регионе и добиться прорыва в экономику арабских стран с этого направления. В случае успеха их действия могли бы стать этапом в процессе выхода на региональные рынки и вехой в закреплении в структурах арабского ТЭК.

Однако очевидно, что процесс встраивания в арабское экономическое пространство через нефтяные контракты не отличается высокой динамикой. Определенные успехи связаны преимущественно с выполнением ряда проектов в отдельных странах, где завершены или близятся к концу работы по прокладке трубопроводов, модернизация предприятий, строительство новых. К ним следует отнести и уже полученные лицензии на разведку месторождений, контракты на новое строительство, установление производственных контактов с западными странами по некоторым возводимым объектам и т.п. Однако более детальный обзор убеждает в том, что объекты сотрудничества являются мелкими и средними, а объемы его малосопоставимы с западными аналогами и измеряются в диапазоне от нескольких десятков до нескольких сотен миллионов долларов. Такие цифры в масштабах межгосударственных контактов в нефтегазовой отрасли не относятся к крупным.

Наряду с относительно немногочисленными реализуемыми проектами с группой стран подписаны меморандумы о взаимопонимании, протоколы о намерении по поводу других тем – от строек до проектирования объектов. Но эти документы лишь обозначают сферы возможного взаимодействия без существенных гарантий приобретения права на участие в сооружении самих объектов. Российские предприятия допускаются к тендерам по проектам, но не факт, что они эти тендеры выигрывают в желаемом числе случаев.

К тому же часть проектов откладывается, переносится или пересматривается. Это создает ощущение неуверенности в том, что сотрудничество в нефтегазовой сфере развивается поступательно и по нарастающей. Помимо объективных причин, связанных с естественной сложностью координации действий по стратегическим проектам, регистрируются и другие обстоятельства уже рутинного характера. Это, в первую очередь, бюрократические процедуры, которые затягивают переговоры, сдерживают прохождение проектов по инстанциям, мешают своевременной проработке заданий, влекут лишние уточнения, консультации и т.п., что снижает рабочий ритм и ломает графики работ. Хотя с формальной точки зрения российские бизнес-корпорации и ведомства, вообще госструктуры и крупный капитал работают на благо страны, тем не менее, они неспособны избавиться до конца от пониженной эффективности, от медлительности и непрофессионализма, приобрести деловитость,

ответственность и другие качества, которые могут поставить их в один ряд с транснациональными корпорациями и, наконец, проявить умение придерживаться мировых стандартов, соответствовать требованиям современного мирового рынка, в том числе и ближневосточного, и демонстрировать высокую экономическую дееспособность при выполнении своих функций. До той поры российская система управления экономическими процессами и внешнеэкономическими операциями будет лишь воспроизводить те недостатки, которые делали еще советскую практику сотрудничества с зарубежными партнерами громоздкой и негибкой, фактически дискредитировавшей межгосударственные торгово-экономические отношения.

К ТЭК тесно примыкает ядерная тематика, которая находит отражение в документах о сотрудничестве между Россией и рядом арабских стран – Египтом, Сирией, Алжиром, Кувейтом. Но перспективы этого направления неясны в силу многих причин, хотя для указанных государств оно имеет большое политическое и первостепенное хозяйственное значение как средство повышения национального престижа, надежного пополнения энергетического потенциала, преодоления водного дефицита и т.п.

Перекликающийся с вышесказанным аспект внешнеэкономической деятельности представлен проектами в гидроэнергетическом и гидротехническом строительстве в таких странах, как Марокко, ОАЭ, Ливан.

Перечисленные проекты в основном пребывают в ждущем режиме, хотя часть их находится на разных стадиях исполнения, а некоторые реализованы. И это подает надежду, что Россия получит доступ к строительству и другим объектам стратегического значения, которые чрезвычайно необходимы для ее экономики и для завоевания доверия в качестве государства, способного даже в сложных условиях выполнять обязательства разработчика, подрядчика или производителя работ.

Россия медленно преодолевает трудности и накапливает потенциал для сотрудничества не только в энергетике, но и в других отраслях экономики. Правда, ее присутствие в них заметно дисперсировано и выражается в минимальных объемах пострановой деятельности. Эта последняя реализуется преимущественно небольшими российскими фирмами и компаниями в области информационных технологий, передачи знаний, управления проектами, авиабизнеса и т.п.

Между тем современная экономика переживает фазу крупных перемен в связи с распространением глобализационных процессов, нарастанием динамики ведения бизнеса, с ускорением принятия решений, с большей оперативностью и размахом торгово-экономических операций.

Во внешнеэкономической деятельности России трудно соответствовать таким темпам в силу очевидных причин. Из них, наверное, следует выделить такие, как недолгое пребывание ее в качестве рыночного государства на мощно специализированном и консолидированном многосекторном мировом рынке, отсутствие длительного и всестороннего опыта функционирования управленческих структур и производственных предприятий в условиях развитого капитализма, недружественная конкуренция со стороны транснациональных

корпораций и целый ряд других факторов, которые вместе и по отдельности ограничивают свободу маневра России на мировом экономическом пространстве.

Особо следует сказать о том, что Россия, выступая на международном рынке, сталкивается со сплоченными интеграционными группировками. Они действуют по единым правилам, отражающим интересы ведущих государств мира, образующих его индустриальное ядро, окруженное менее значимой и менее дееспособной периферией, в которой определенное место принадлежит и целому ряду арабских стран, с которыми российское государство имеет экономические соглашения.

Предстоящее вступление России в ВТО воспринимается как необходимое действие, способное открыть перед ней перспективы выхода на мировые рынки без дискриминационных ограничений. Однако только практика может показать, насколько выгодным может быть для России этот шаг и как именно он отразится на ее отношениях не только с арабской стороной, но и с другими партнерами по рынку. Позитивные оценки последствий присоединения к ВТО пока подтверждаются только кабинетными расчетами. Однако представляется, что вхождение в состав самой крупной и единственной в таком роде торговой группировки мира может оказаться трудным испытанием для российского экономического организма и внешнеэкономической деятельности в условиях неизбежной либерализации экономических институтов и перехода к рыночным инструментам регулирования. В худшем варианте это может угрожать деиндустриализацией и застреванием на стадии сырьевой модели экономики. И в этом случае единственным уделом останется конкуренция с арабскими нефтеэкспортерами за рынки сбыта нефти и газа, на которых у них больше шансов переиграть Россию, чем у нее, по крайней мере, на традиционных для них рынках, где сосредоточено большинство потребителей.

Тем не менее, нельзя сказать, что Россия не ищет путей, чтобы утвердиться в арабских странах. Она, в частности, простила большую часть долгов советского периода Иордании, Сирии, Ираку в расчете на режим благоприятствования своей внешнеэкономической деятельности. Но далеко не все из того, что было доступно, оказалось освоенным в силу причин, частично созданных самой Россией. Ослабленная в процессе перехода к рынку, она, как отмечалось, утратила для арабских партнеров привлекательность как источник инвестиций и современных технологий. Сдала позиции в отраслях, которые были созданы в арабских странах при ее активном участии. Упустила возможности поставок инвестиционных и производственных товаров для модернизации предприятий и объектов, которые легли в основу инфраструктурного блока экономик разных арабских стран.

Слабая информационная поддержка бизнеса, большие отступления от стандартов в законодательном обеспечении внешнеэкономической деятельности и другие моменты также затрудняют нынешнюю работу российских структур в арабских странах.

К тому же, по большому счету, в сотрудничестве нередко перевешивают российские мерки, которые недостаточно коррелируются с международными. Кроме того, сотрудничество развивается по проторенным направлениям и не учитывает других возможностей. Хотя с помощью альтернативных практик можно было бы компенсировать пробелы на одном

направлении за счет продвижения по другим. Используя этот подход, российские бизнес-структуры могли бы минимизировать неминуемые риски путем рассредоточения активности по различным аспектам деятельности.

Западный капитал более гибок в изобретении механизмов подключения к выгодным проектам и использует любые работающие схемы для получения прибыли.

Тактика умножения дополнительных форм закрепления на внешних рынках вполне может оправдать себя при соответствующих усилиях. Тем более что уже известные схемы с участием международных или национальных структур оказываются вполне работоспособными. Они могут вовлечь в оборот имеющиеся в России нефтяные, но потенциально востребованные в мировой практике ресурсы. Имеются в виду операции типа «нефть в обмен на продовольствие» или модификации этого варианта в виде продовольствия в обмен на контракты, партнерство в ранее невостребованных проектах – угодья под культурное земледелие, приобретение собственности в виде недвижимости, активов, долей в нефтяной или в иных перспективных сферах хозяйственной деятельности. Вполне реальными могут оказаться возможности, связанные с организацией агробизнеса на российской территории в увязке с энергетическими компонентами в качестве паевого взноса или в обмен на иные полезные обоюдовыгодные приобретения.

Естественно, указанные схемы должны пройти апробацию на небольших проектах с целью выявления их пригодности и готовности сторон работать на новых условиях. Однако возможности для этого, равно как и сотрудничество в уже намеченных отраслях, имеют много шансов быть ужатыми в свете последних событий в регионе.

Россия имела в лице Арабского Востока довольно обширное поле для экспериментов в области сотрудничества – от торгового до военного. Однако возможности вторично, после сдачи экономических позиций в регионе в 90-е годы прошлого века, наверстать упущенное ныне предстают как не вполне надежные. Поскольку в качестве весомого дополнения к традиционным трудностям, присущим торгово-экономическим отношениям с арабскими государствами в предшествующий период, теперь добавились новые в виде событий «арабской весны». По сравнению с хроническими недостатками, сопутствовавшими сотрудничеству и выступавшими как следствие родовых болезней государственного хозяйствования, новое явление может увеличить негативный эффект для экономических контактов России с арабским миром, что прежде всего выражается в резком нарастании неопределенности.

Пока трудно сказать, как именно меняющаяся ситуация может сказаться на продвижении российских экономических интересов на Арабском Востоке. Пока ясно, что Россия уже понесла потери от «арабской весны», которые возникли из прямых убытков и упущенной выгоды из-за нереализованных проектов в области поставок вооружений и производства работ, имеющих народнохозяйственное значение как для самой России, так и для стран-партнеров.

На таком фоне, видимо, не следует исключать любые сценарии, которые могут быть инициированы с приходом во власть новых элит. Однако надо полагать, что и новые режимы столкнутся с необходимостью обеспечивать дальнейший рост своих

экономик, и соображения целесообразности при этом могут возобладать над политическими обидами, вызванными некоторыми шагами российского руководства в ходе «арабской весны».

В таких условиях многое будет зависеть уже от распорядительности российских государственных институтов и собственно российского капитала, их умения применяться к разным обстоятельствам, которые могут в итоге оказаться не столь разрушительными, как то кажется сейчас, для участия российской стороны в процессах модернизации на Арабском Востоке.

К тому же этот последний не един, и поэтому реально ожидать, что перспективы экономических отношений, как минимум, с отдельными его странами уже только в силу этого не утрачены окончательно и бесповоротно. Тем более что инвестиционное и иные виды взаимодействия остаются своего рода постоянной величиной и константным процессом, достаточно жестко определяющими жизнеспособность государств и наций. На этом фоне, с точки зрения экономики, народные бунты выглядят случайными возмущениями, конечно, способными сказаться на политической ситуации и вызвать корректировку экономических действий, но в арабском варианте они, скорее всего, будут ощущаться в текущем режиме. Длительные интересы и стратегические перспективы определяются все же на другом уровне и не сиюминутной конъюнктурой, а ресурсными возможностями государств и их способностью лавировать в сложной внешней среде в поисках средств предотвращения разрушительных дисбалансов в сфере макроэкономики. А это – задача первоочередной важности для стран Арабского Востока, оказавшихся близко к экономическому краху из-за просчетов прежних режимов и необходимости новых добиваться восстановления социального мира при тех же ресурсах.

Подобные обстоятельства увеличивают для России возможности не остаться в стороне от процессов, устранение последствий которых потребует в пострадавших от бунтов странах мобилизации экономической поддержки извне.

Если исходить из корректности такого предположения, то даже ситуация с Ливией, несмотря на всю ее одиозность, может быть со временем нормализована. Конечно, не все сбой в межгосударственных отношениях протекает безболезненно. Ливийский вариант может быть особо показательным в этом плане, поскольку инициатива в вопросе определения судьбы сотрудничества с Россией оказалась в руках оппозиционных сил, утвердившихся у власти и, возможно, надолго настроенных против нее.

Непредсказуемая ситуация складывается и вокруг Сирии, исход борьбы в которой пока не просматривается с достаточной отчетливостью. Египет как партнер, хотя его значение не следует преувеличивать, тоже утрачивает надежность на фоне неутрахающих в нем волнений. Будущее Ирака также представляется нестабильным, а его роль регулярного партнера для России остается более чем сомнительной.

Не слишком высока активность, связанная с обретением или восстановлением позиций России и в других концах арабского мира, где проявляется ее интерес к сотрудничеству в проектах нефтегазовой отрасли или инфраструктурного назначения, где она участвует в

тендерах, подражается для выполнения работ в области геологоразведки или в капитальном строительстве, делает попытки внедриться в инвестиционную деятельность. Но даже тот факт, что Россия выступает в ряде случаев как партнер западных фирм, владеет частью их акций или иным образом сотрудничает с ними, не гарантирует прочного встраивания ее капитала в хозяйственную сферу Арабского Востока.

Понятно, что в нынешних условиях, когда Россия еще не привлекла все свои возможности, чтобы в достаточной степени обустроить собственное экономическое пространство, не приходится серьезно говорить об успехах на зарубежных направлениях сотрудничества даже с теми странами и регионами, где она когда-то в лице своего предшественника имела вес и авторитет. Видимо, положительных результатов на этом поприще имеет смысл ожидать только тогда, когда выход в арабский мир станет следствием общей успешной деловой и политической активности, развернутой если и не в глобальном масштабе, то, по крайней мере, ощутимой на региональном уровне хотя бы в некоторых частях света.

Но это, видимо, произойдет не раньше чем Россия создаст реальные материальные предпосылки в виде увеличения своего промышленного и в целом экономического потенциала и восстановит свою научную мощь, что единственно может обеспечить ее вхождение в группу растущих индустриальных монстров и создать предпосылки для ее появления в зоне БВСА в качестве фигуры глобального порядка, вовремя уловившей запросы времени.

В.В. Чамов

Ливийская драма: видение российского дипломата

Ливийская драма образца 2011 г. навсегда войдет в историю современного человечества в качестве примера незаконной расправы со стороны мощнейшего военно-политического блока НАТО над маленькой страной и ее народом.

Ливии откровенно не повезло: она была слишком богатой — нефтью, газом, пресной водой, самым протяженным средиземноморским (кстати, чистейшим) побережьем, чересчур стремилась быть независимой, была введена лидером, искавшим для нее своеобразный, отличный от других путь. Такие вещи в совокупности не могли оставаться безнаказанными, тем более что Муаммар Каддафи делал независимые шаги, не слишком ориентируясь на «сильных мира сего», хотя до поры до времени неплохо лавировал между различными полюсами силы.

Вспомним, какова была хронология событий в Ливии в феврале-марте 2011 г., когда ее дальнейшая трагическая судьба уже была, по сути, предрешена.

26 февраля 2011 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял «первую ливийскую резолюцию» за № 1970, вводившую санкции против Триполи, лично М. Каддафи и его ближайшего окружения в военной и финансовой области. Тогда много и громко говорилось о том, что это, мол, — «хорошая резолюция», и нужно ей «дать поработать».

Оперативно были вскрыты, главным образом, в западных, а также японских банках чуть ли не сто с лишним миллиардов долларов США вкладов ливийского лидера и членов

его семьи (по некоторым данным, их суммарная величина к началу 2011 г. превышала 110 млрд. долл.). Было заморожено около сорока миллиардов долларов, из них более 30 млрд. — в США, что стало крупнейшей по масштабу подобной акцией в американской истории. Кое-где, в частности, в Великобритании, было конфисковано имущество, принадлежавшее членам семьи Каддафи (в западных СМИ в этот период слышались горькие сожаления в связи с тем, что имя Каддафи имело чуть ли не сорок различных вариантов написания, так что западным оперативникам-финансистам пришлось попотеть). В этот же период поступала информация о том, что большое множество ливийских денег просто исчезло, уйдя в неизвестном направлении. В этой связи в некоторых публикациях на данную тему имела хождение версия о том, что одной из веских причин свержения режима М. Каддафи в свете мирового финансового кризиса явилась именно финансовая составляющая.

Резолюция 1970 СБ ООН призывала ливийские власти «уважать права человека, обеспечить доступ международным наблюдателям, обеспечить безопасность всех иностранных граждан и их имущества, обеспечить доставку в страну товаров гуманитарного и медицинского назначения и доступ для гуманитарных учреждений и работников, отменить ограничения в отношении средств массовой информации».

В соответствии с этим положением, Совет ООН по правам человека направил из Женевы в Ливию своих представителей для проведения расследования обстоятельств произошедшего в стране, начиная с 17 февраля 2011 г. В эти же дни в Триполи с аналогичной миссией прибыл вновь назначенный спецпредставитель Генсекретаря ООН по Ливии, бывший министр иностранных дел Иордании А. Аль-Хатыб.

Ливийская сторона предоставила этим международным чиновникам все возможности посетить те места, в которых якобы были проведены массовые репрессии, расстрелы с вертолетов и самолетов народных демонстраций и т.д.

В первый день своего пребывания в Джамахирии международные представители проявили интерес к поездкам по Триполи и его ближайшим окрестностям, тем более что ситуация в тех краях была абсолютно спокойной.

Через два дня международные чиновники затребовали поездки на более удаленные расстояния, сделав акцент на желании посетить предместья Триполи, в т.ч. печально знаменитый г. Завия, где на самом деле в конце февраля имели место вооруженные столкновения правительственных войск (в Ливийской Джамахирии вместо армии в классическом понимании существовал феномен «вооруженного народа» — в полном соответствии с «Зеленой книгой» М. Каддафи) с бунтовщиками, многие из которых впоследствии оказались наемниками — египтянами и палестинцами, проплаченными противниками ливийского лидера. Такая возможность ООНовцам была предоставлена, они проехали по этим местам, проинспектировали все, что им показали, и были полны желания продолжать свою миссию, тем более что лидер ливийской революции публично выразил готовность принять их.

Однако вечером того же дня представители Женевского Совета были спешно и без каких-либо объяснений отозваны из Триполи, а Спецпредставитель Генсекретаря ООН срочно вылетел на Мальту, где он якобы должен был встретиться с лидерами ливийских

«повстанцев». На этом «объективное международное расследование» событий в Ливии представителями ООН было завершено, и к нему больше никогда не возвращались.

Следует отметить, что ливийская сторона, выполняя резолюцию 1970 СБ ООН, провела собственное расследование всех происшествий в стране, начиная с 15 февраля, с привлечением к нему местных старейшин и шейхов племен. В результате получила подтверждение информация о том, что на начальном этапе развития внутрививийского конфликта 15–18 февраля, когда демонстранты во втором городе страны — Бенгази — двинулись к зданиям полиции и властей с требованием освобождения нескольких протестующих, задержанных ранее, местным силовикам был отдан приказ не стрелять. Выстрелы из ружей и пистолетов раздались с другой стороны: некие затесавшиеся в ряды демонстрантов элементы (по утверждениям Триполи, это были ливийские исламисты, отпущенные из тюрем по протекции старшего сына лидера Сейф аль-Ислама в рамках процесса либерализации) провокационно стреляли по стражам порядка. Только после этого из столицы поступило второе распоряжение открывать огонь по ногам бунтующих, что в ряде случаев отнюдь не остановило демонстрантов, большей частью — молодежь, находившуюся под воздействием наркотиков, щедро выделенных теми же исламистами.

В результате на первом этапе внутренних столкновений число погибших полицейских и военнослужащих в ряде городов на востоке Ливии, в частности, в оплотах ливийских исламистов — городах Дерна и Аль-Бейда — равнялось, а в ряде случаев превышало потери среди «мирных демонстрантов». Проведенное местными органами власти расследование подтвердило все эти факты, но кто тогда обратил на них внимание, кому они были нужны в тот момент, как, впрочем, и деятельность миссии международных наблюдателей?

В аналогичном духе в те дни высказывались некоторые послы, аккредитованные в Триполи и волей случая оказавшиеся в Бенгази, а также представители некоторых международных НПО, в частности «Amnesty International». Его сотрудник, проведя три месяца на территории ливийской Киренаики, смог подтвердить информацию лишь о 110 погибших в Бенгази, включая полицейских и военных.

В результате тщательного расследования множество инцидентов не получили подтверждения; а также сообщения о фактах «массовых изнасилований», о которых кричали все западные СМИ, равно как и случаи использования режимом М. Каддафи «африканских наемников» (ливийцы — уроженцы южных районов страны, принадлежащие к сахарским и негроидным племенам, всегда охотно шли на службу в части «вооруженного народа»). А вот со стороны повстанцев использование наемников практиковалось достаточно широко. Кроме вышеупомянутого случая в г. Завия, известно множество моментов, когда египтяне и палестинцы за плату воевали на стороне мятежников, а также о случаях в городах Аль-Бейда, Дерна и Тобрук на востоке Ливии, где людям отрезали головы в полном соответствии с «почерком» бандитов из «Аль-Каиды». Но подобная информация была оставлена СМИ без внимания.

В западных СМИ нехотя признавали, что «в Киренаике действуют Ливийская исламская боевая группа, организация “Аль-Каида в странах исламского Магриба” и собственно “Аль-Каида”, чьи боевики составляли 15% численности вооруженных формирований повстанцев».

Сообщалось также, что М. Абдель Джалиль — председатель Переходного национального совета, самозванного органа, присвоившего себе по указке Запада роль «обновленного руководства страной» и признанного им в качестве такового, «придерживается исламистских взглядов». Кстати, послан в Бенгази он был самим М. Каддафи, который попросил его в качестве руководителя аппарата юстиции разобраться с тем, что там произошло, и предложить вариант выхода из кризиса.

Здесь трудно пройти мимо одной интересной детали: министр иностранных дел Франции А. Жюппе узнал о признании Парижем упомянутого ПНС в качестве «единственного законного представителя ливийского народа» из телевизионных сообщений: (теперь уже бывший) президент Франции Н. Саркози сделал это, не уведомляя собственного министра, чуть ли не на ступеньках Елисейского дворца, провозжая того же самого М. Абдель Джалиля.

Впрочем, американцы и западноевропейцы тогда особо и не скрывали, что им хорошо известно о присутствии элементов, связанных со структурами «Аль-Каиды», в Киренаике и об их участии в боях. Еще бы, главной задачей для них тогда было свергнуть, а еще лучше — уничтожить физически М. Каддафи, что и было сделано позднее при содействии Запада и с его благословения и воспринято с искренним удовлетворением.

Словом, крики о «преступлениях ливийского режима против собственного народа» не выдерживают критики. Как отмечал сайт «Counter Punch», «ложь, использовавшаяся для оправдания войны НАТО против Ливии, превзошла ту, которая была сконструирована для оправдания вторжения в Ирак». Такие организации, как «Amnesty International» и «Human Rights Watch», также опровергли все доводы, использовавшиеся для оправдания военного вторжения НАТО в Ливию. Однако на Западе не хотели никого и ничего слушать, и призывы этих организаций так и остались «гласом вопиющего в пустыне». Решение уничтожить режим М. Каддафи было окончательным и пересмотру не подлежало ни при каких обстоятельствах.

Задержимся на мгновение на той роли, которую в ливийской драме сыграли международные электронные СМИ, медийные сети и телеканалы, прежде всего, катарский телеканал «Аль-Джазира». По результатам интенсивной, прицельной обработки общественного мнения в странах Запада, арабском мире и в других регионах, можно говорить об их прямом, ангажированном участии в «электронной, твиттерной революции», итогом которой стал привнесенный извне кровавый внутренний конфликт с трагическими последствиями для ливийской государственности и всего региона.

В январе — марте 2011 г. «Аль-Джазира» систематически способствовал разжиганию в Ливии братоубийственной розни и формированию извращенной картины случившегося там. При этом СМИ большинства стран мира, не давая себе труда разобраться, что же на самом деле происходит в Ливии, попытаться отражать объективную картину событий, шли по пути наименьшего сопротивления и просто брали целиком сюжеты у «Аль-Джазиры», западных телеканалов, выдавая их за истину. А корреспонденты «Аль-Джазиры», находясь в Египте и где-то в Европе, щедро гнали в эфир откровенную ложь и полуправду, наполняя его сообщениями о не имевших места «зверских расправах ливийского режима над

собственным народом при помощи авиации, артиллерии и пулеметов», без тени стеснения показывали неизвестно где снятые ролики (позже выяснилось, что некоторые из этих шедевров киноискусства создавались на съемочных площадках в Катаре).

Не сильно ошибался полковник М. Каддафи, когда заявил, что «резолюция 1970 Совета Безопасности ООН впервые в истории человечества была принята на основании телевизионных репортажей». Так сказать, политическое нововведение, своеобразное международное неокOLONIAльное «ноу-хау». Весьма опасный прецедент для всех, особенно слабых, стран в эпоху глобализации и динамичного развития электронных технологий, все шире используемых для достижения внешнеполитических целей.

В ночь с 21 на 22 февраля 2011 г. в Триполи началась анархия. Вечером 21 февраля министр иностранных дел Великобритании У. Хейг выдал в эфир информацию, согласно которой М. Каддафи «покинул свою страну и летит в Венесуэлу». По заявлению британских дипломатов, их министр получил эти сведения «из надежных источников и не ссылался на распространяемые в Интернете слухи». Спустя минуты на ночные улицы ливийских городов вылезали непонятно кто, начались драки, столкновения, поджог полицейских участков, грабеж лавок и магазинов, словом, все шло «как по маслу» — в соответствии с замыслами британцев, американцев, французов и иже с ними. Постреливали в полицейских — вначале из ружей и пистолетов, затем — из автоматического оружия. Полицию, по существу, принудили отвечать огнем из автоматов, а затем — и из пулеметов. Ночь была тревожной, жители ливийской столицы вооружались чем попало и сами охраняли свои жилища от вторжения бандитствующих элементов.

Утром улицы и площади Триполи напоминали своих тунисских и египетских собратьев в дни «арабской весны». Расчет делался на то, что М. Каддафи поймет дружескую подсказку западников (американские представители много раз вслух рассуждали о том, что отъезд лидера из страны мог бы привести к разрешению кризиса) и последует примеру президента Туниса З.А. Бен Али, сбежавшего в Саудовскую Аравию, или, на крайний случай, Х. Мубарака.

Однако М. Каддафи и не думал покинуть свою страну. На следующий день государственное ливийское телевидение показало 22-секундный ролик с лидером, который, выходя из автомобиля и прикрываясь огромным серым зонтом от идущего в Триполи проливного дождя, заявил: «Я нахожусь в Триполи, а не в Венесуэле, не верьте телеканалам, принадлежащим бродячим собакам». Тотчас же все беспорядки в Триполи и его окрестностях, где проживает более трети населения страны, прекратились, как по мановению волшебной палочки. И только на востоке страны, в Киренаике, мятежники и экстремисты из исламистских группировок продолжали при возраставшей помощи западников громить всех и вся, накапливать силы для развязывания полномасштабной гражданской войны.

На Западе особо и не стеснялись этого, почувствовав свою безнаказанность. Британский премьер Д. Кэмерон заявил о возможности применения военной силы против режима М. Каддафи, а официальный представитель Пентагона полковник Д. Лапан сообщил, что США в связи с событиями в Ливии производят перегруппировку военно-морских и

военно-воздушных подразделений, расположенных на базах на Ближнем Востоке. Именно тогда, еще до принятия «второй ливийской» резолюции СБ ООН, на территорию Джамахирии стало поступать оружие, в частности, из Великобритании и Катара.

На таком общем антиливийском фоне и шла работа над «второй ливийской» резолюцией Совета Безопасности, вводящей более жесткие ограничения в отношении Джамахирии. Не изобретая велосипеда, американцы и их союзники стали настойчиво пытаться провести через СБ ООН очередное санкционное решение, стержнем которого являлось положение о так называемой «бесполетной зоне», успешно отработанное против Ирака в 90-е годы прошлого столетия и предполагавшее объявление всего воздушного пространства над Ливией зоной, закрытой для полетов ливийской военной авиации, и уничтожение всех боевых самолетов и вертолетов, поднимающихся в воздух со стороны М. Каддафи.

Примечательно, что еще за два-три дня до этого речи об ужесточении санкций против Ливии не шло, американцы в кулуарах ООН повторяли свое: «пусть поработает хорошая резолюция 1970». И вдруг постпред США в ООН С. Райс стала срочно обрабатывать членов Совета Безопасности с тем, чтобы согласовать текст «второй резолюции». Откуда и почему такая торопливость, что могло случиться или случилось в Ливии и вокруг нее за эти дни?

Дело в том, что 20 марта 2011 г., в соответствии с решением Африканского Союза, в Ливию для расследования обстоятельств возникновения беспорядков и гибели людей должна была прибыть «Высокая комиссия Афросоюза», состоящая из глав пяти африканских государств во главе с Президентом ЮАР. Ее эффективная работа не входила в планы западников, так как легко могла выявить нежелательные или невыгодные для них факты и обстоятельства, связанные с действиями «повстанцев», склонить общественное мнение Африки, которое тогда еще было нужно Западу, а также и других региональных организаций в сторону М. Каддафи.

К тому же старший сын ливийского лидера Сейф аль-Ислам, то ли чересчур уверовав в способность правительственных сил справиться с бунтом, то ли просто от отсутствия политического чутья, в интервью итальянскому телеканалу брякнул, что режим Каддафи способен в течение двух суток восстановить порядок в Бенгази, столице оппозиционной Киренаики. Надо признать, что в тот момент это было реальным: разрозненные и неорганизованные повстанцы были не в состоянии без прямой помощи НАТО противостоять наступлению верных М. Каддафи войск. Сам ливийский лидер в те дни в одной из частных бесед заметил, что «не хочет кровопролития, ливийцев и так — всего шесть миллионов на этой земле», поэтому его люди штурмовать Бенгази не станут, а просто выдавят оппозицию к египетской границе, через которую и пропустят ее за рубеж. Такой план тогда выполнялся под командованием младшего сына лидера, Хамиса Каддафи.

Ввиду возможных кардинальных изменений обстановки, дипломатия США добилась таки принятия Советом Безопасности ООН столь необходимой Вашингтону и НАТО резолюции за № 1973, за которую 17 марта проголосовало 10 стран при пяти воздержавшихся, в т.ч. России, Китая и Индии.

Ливийцы накануне голосования просили, буквально умоляли членов СБ ООН отсрочить хотя бы на сутки-двое дебаты по новой резолюции, утверждая, что выполнили все требования резолюции 1970 и намерены в дальнейшем конструктивно сотрудничать с ООН. Напрасные хлопоты — решение об усилении давления на Ливию и фактически о начале военных действий НАТО против нее скрупулезно проводилось в жизнь. Парадоксально, но ливийская сторона в тот момент даже не имела своего голоса в стенах ООН и Совета Безопасности — страну распинали при участии ее постпреда при ООН А. Шалькама (бывший мининдел Ливии), который перешел на сторону мятежников. Многочисленные просьбы Триполи дать въездную американскую визу новым представителям Ливии при ООН Госдепартамент США подчеркнуто оставлял без внимания, предпочитая не осложнять себе дипломатическую жизнь. Не приведи Господь, эти новые ливийские представители начнут что-нибудь говорить в камеры международных телеканалов или в микрофоны информгентств. А сказать было что...

Хотя бы о тех щедрых обещаниях, которые Госдепартамент США давал М. Каддафи в 2003 г. в обмен на его отказ от «программ производства ядерного, химического и бактериологического оружия». Что-что, а обещать американцы умеют, об этом знают не только в Африке и Азии, но и в ряде стран Восточной Европы. Может быть, еще и поэтому столь жестокой и безжалостной была расправа с ливийским лидером?

Уже на начальном этапе имплементации резолюции 1973 многие члены мирового сообщества высказывали сомнения в связи с расплывчатостью и двойственностью ее формулировок, а также опасения по поводу применявшихся при этом методов. Однако последующий ход событий превзошел самые мрачные прогнозы.

Западники, поручив волевым решением НАТО выполнять положение о «бесполетной зоне», мгновенно превратили резолюцию 1973 СБ ООН в «одностороннюю дубину». В то время как ни один самолет за пять месяцев со стороны Триполи не поднялся в воздух, авиация НАТО осуществляла патрулирование, затем — бомбежки, ежедневно наращивая их масштабы, выступив, по сути дела, в качестве одной из сторон внутривосточного конфликта и вмешавшись во внутренние дела суверенной страны, члена ООН, ЛАГ, ОИС, Афросоюза и ДН. Особенно усердствовали французы и англичане, уничтожавшие вначале военные цели (известны случаи, когда они несколько раз поражали один и тот же резиновый макет ливийского танка), затем перешедшие на инфраструктуру, позднее — на гражданские объекты, включая радио и телевидение. Складывалось впечатление, что Н. Саркози очень хотелось похоронить под обломками ливийских зданий все следы получения им 70 млн. долл. от семьи Каддафи (президент А.Г. Лукашенко называл сумму 100 млн. долл.) для финансирования своей избирательной кампании, о чем много говорилось совсем недавно — во время президентской кампании во Франции. Нельзя также исключать, что Н. Саркози мстил М. Каддафи и за отказ приобрести крупную партию истребителей «Рафаль», за попытки закупить такую технику у других поставщиков, в частности у России.

Примечателен и тот факт, что бомбардировки территории Ливии начались 19 марта, всего через два дня после принятия резолюции 1973, причем натовские участники авиаударов

успели за это время распределить между собой цели, договориться о взаимодействии, обговорить огромное множество конкретных технических деталей. Столь масштабную, сложную работу провести за два дня физически и технически невозможно, следовательно, эта операция планировалась и разрабатывалась задолго до событий. Не во время ли учений НАТО в 2010 г. отрабатывалось такое взаимодействие, не согласовывались ли авиаудары по Ливии в ноябрьские дни в 2010 г., когда более сорока глав государств и правительств стран ЕС и Африки были гостями М. Каддафи в Триполи на афро-европейском саммите?

Всего, по данным Ливийского общества Красного Креста, в результате 22 тыс. авиаударов НАТО «в защиту мирного населения» уже к августу 2011 г. погибло почти полторы тысячи ливийцев, в т.ч. 400 женщин и детей, более 6 тысяч получили различной степени тяжести ранения, количество беженцев составило более 400 тыс. человек. Вывод: жертвы от бомбардировок НАТО намного превысили число жертв гражданской войны в Ливии. Досталось, к слову, от бомбежек и самим повстанцам, сколько их погибло от «дружественного огня» НАТО неизвестно, но таких случаев было много. В итоге — дорогая цена за демократию, не правда ли?

Кто ответит за потери ливийского народа, за разрушение ливийской экономики и инфраструктуры, за бомбежки городов, поселков и деревень, за гибель сотен феллахов, женщин и детей, за применение вакуумных бомб при атаке на Триполи? В ООН пока не слишком торопятся расследовать эти события, несмотря на настойчивые требования ряда стран. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, давая оценку происшедшему в 2011 г. в Ливии, фактически выступил в защиту действий НАТО, заверив всех, что смена режима «была произведена народом, а не интервенцией со стороны других государств». Он уточнил, что военные действия НАТО в Ливии «проводились в строгом соответствии с мандатом, полученным от Совета Безопасности ООН 17 марта 2011 года». «Мы, — добавил он, — часто обсуждали этот вопрос с генеральным секретарем НАТО, чтобы быть уверенными, что права человека не нарушаются, что жертв среди гражданского населения нет. И думаю, что так и было», — подытожил Пан Ги Мун. Эти оценки представляются как минимум сомнительными. Есть и другие точки зрения, находящиеся значительно ближе к объективной реальности и требующие проведения тщательного расследования всех обстоятельств событий в Ливии. Будет ли здесь выявлена истина?

В конце марта 2011 г. обозреватели начали высказывать предположения о прямых поставках вооружений ливийским повстанцам. 16 апреля начальник штаба оппозиционных войск генерал-майор Абдель Фаттах Юнис (позднее убитый ливийскими исламистами) признал, что оружие к ним поступает от западников. В июне 2011 г. стало известно о поставках автоматов, пулеметов и ПТРК из Франции. Не отставал от своих западных патронов и активно работавший против режима М. Каддафи Катар, перебрасывавший ливийским мятежникам противотанковые ракеты «Милан» и минометы, поставив их под маркой «молоко и другие продукты питания». Но только почему-то канал «Аль-Джазира» предпочел не сообщать об этой новости. Такая вот избирательная телепропаганда, такая гуманитарная помощь...

По сути дела, вопиющие нарушения резолюции 1973 СБ ООН были «мировым сообществом» не замечены и «спущены на тормозах». Естественно, нарушители международной законности, не получая отпора, с удовольствием пошли дальше. Стали чаще поступать сведения о выбросе неких десантных групп военнослужащих Франции и Великобритании, в т.ч. в ливийской Сахаре, о прямом участии советников из западных стран в военных действиях на стороне местных «повстанцев». В один из дней американский полковник в отставке Дэвид Хант подтвердил телеканалу «Скай Фокс», что «американские военные и агенты ЦРУ находятся в Ливии с начала марта». Добавим, что британцы выгружали оружие для мятежников в порту Бенгази еще в конце февраля, т.е. до принятия СБ ООН «первой» резолюции 1970, и этот факт был известен многим, но также сокрыт от международной общественности.

Все эти незаконные действия натовцев, и особенно так называемая «Операция Сирена» («Русалка») — прямая интервенция со стороны французских, британских и катарских наемников во время высадки морского и воздушного десанта в Триполи 21 августа (местные повстанцы на это не были способны по определению) — еще ждут своих исследователей. Интересно, что, по информации алжирской газеты «Аль-Хабар», действия мятежных сил в Триполи в тот момент координировал бывший руководитель (эмир) «Боевой ливийской исламской группы» Абдельхаким Бельхадж, в недалеком прошлом находившийся в одной из тюрем Джамахирии, а ранее сидевший в известной американской тюрьме Гуантанамо. Позднее этот закоренелый боевик «Аль-Каиды» стал военным комендантом столицы Ливии.

Присутствие в Киренаике исламских экстремистов, в т.ч. воевавших в составе отрядов «Аль-Каиды» в Афганистане, Ираке, Боснии, Алжире и других конфликтных точках, было известно западным политикам после начала ливийской смуты. Тогда же предпринимались конкретные шаги по подключению к операциям ливийских мятежников боевиков, действующих в Чечне и Дагестане. Зная все это, натовцы, в своем стремлении любой ценой убрать М. Каддафи, прямо сотрудничали в Ливии с теми самыми аль-каидовцами, с которыми военнослужащие США годами воюют насмерть в Афганистане и Ираке.

Отныне, с гибелью ливийского лидера, ситуация в североафриканском и прилегающем к нему сахаро-сахельском регионах будет быстро меняться, точнее, уже меняется в худшую сторону. Подобный пессимизм основан на многих соображениях, в том числе на том факте, что М. Каддафи использовал во избежание этого самые различные методы и средства — от оказания финансовой помощи и экономического содействия до личных контактов, работы на уровне вождей племен, шейхов, султанов и эмиров.

После захвата мятежниками складов оружия в Киренаике оно пошло в соседние страны, в том числе в руки «Аль-Каиды в Арабском Магрибе». Особенно опасно то, что с ливийских складов летом 2011 г. пропало более 20 тыс. единиц переносных зенитных комплексов (ПЗРК) различных систем. Недавние события в Мали, Нигере и на юге Ливии показывают, в какую сторону могут развернуться события дальше. Оружие из Бенгази направлялось морем в Сирию, где с законным режимом, поддерживаемым большинством

населения, воюют те же самые боевики из «Аль-Каиды», которые создали лагерь для подготовки кадров и для этой войны.

Из Ливии пошла контрабанда оружия, а в обратном направлении — наркотиков. М. Каддафи вел с наркотрафиком бескомпромиссную борьбу, плотно координируя ее с профильными международными структурами и соседними странами. Теперь же наркотики без проблем потекли через Ливийскую Сахару в Египет, Тунис и далее — в Европу и на Ближний Восток. Ливия, в условиях отсутствия порядка на ее территории, имеет все шансы быстро превратиться в региональный перевалочный пункт наркотрафика.

Есть и другая серьезная опасность — обвальный рост числа иммигрантов в Западную Европу из Африки. Европейцам будет крайне сложно справиться с потоком нелегалов из африканских стран, в том числе тех, где с начала 2011 г. расцветает «арабская весна». Это стало очевидным на примере резкого увеличения численности иммигрантов из Туниса, атаковавших «передовой» итальянский остров Лампедуза в феврале 2011 г.

Еще один важнейший аспект ливийского кризиса — это «сладкое слово» вода, которая для Ближнего Востока, да и для многих других регионов, более ценна, нежели нефть и газ, особенно на перспективу. В конце XX столетия в Ливии был реализован гигантский строительный проект, превосходящий по своим объемам египетские и латиноамериканские пирамиды. По сети гигантских труб диаметром более 4 метров к средиземноморскому побережью бурным потоком пошла пресная вода из природных подземных хранилищ в районе Тазербо (центр Ливийской Сахары). Стоимостью всего 37 центов за кубический метр (в любом другом варианте ее себестоимость возрастает в десятки раз), вода течет по трубам в районы Бенгази, Мисурата, Сирта и Триполи, к ливийско-тунисской границе. По приблизительным расчетам, воды в подземных водохранилищах должно хватить на несколько сотен лет: там ее сотни кубических километров, а вскрыто пока только одно из них. Напомним, что этот проект был выполнен без какого-либо участия Международного Валютного фонда и Всемирного банка.

И все-таки, почему именно Ливия подверглась столь открытому и жестокому нападению со стороны НАТО? Что было сделано такого, чтобы заслужить показательную порку от США и НАТО в то время, как совсем недавно М. Каддафи ходил у западных демократий в любимчиках, пребывая в ипостаси уникального примера превращения «плохого парня, баловавшегося с ядерным, химическим и прочими видами оружия, в хорошего»?

Ведь ни Тунис, ни Египет, ни Бахрейн, ни даже Йемен, где обстановка была ненамного лучше, а в чем-то и похуже, чем в Ливии, не испытали на себе столь лобовой и беззащитной атаки! В почти аналогичной ситуации оказалась только Сирия.

В Ливии сыграло свою роль множество факторов, разумеется, ее стратегическое положение в Средиземноморье и Африке, наличие солидных запасов нефти и газа, их высокое качество, легкость добычи, налаженная сеть транспортировки углеводородов в Европу, географическая близость к ней, наконец, наличие в стране гигантских запасов пресной воды.

Однако вряд ли можно сомневаться и в том, что Ливийскую Джамахирию наказали еще за ее лидера. Разве было случайным, что на различных этапах развития ливийского кризиса

американцы, британцы, французы, да и другие открыто обуславливали завершение бомбежек уничтожением лично М. Каддафи? 20 октября 2011 г. конвой лидера был «случайно» разбомблен французскими самолетами, а сам он зверски убит некими «повстанцами из Мисураты». Отвратительные сцены этой расправы над пленным попали в международные СМИ и были осуждены руководителями многих стран, хотя некоторые известные миру политики вначале откровенно радовались случившемуся. Поскольку тотчас же после гибели М. Каддафи операция НАТО в Ливии была прекращена, это и было ее основной целью, что бы ни говорилось.

Напомним, что ливийский лидер всегда резко негативно выступал против НАТО, критиковал ее действия в Сербии, Косово, Афганистане, расширение альянса на восток, включение в его орбиту постсоветских гособразований. Не добавило симпатии в отношении М. Каддафи с «атлантистами» и его категорическое неприятие линии на присоединение к НАТО Украины и Грузии, его интересные и острые статьи на эту тему, наконец, его открытая поддержка России в военных действиях во имя спасения населения Южной Осетии от грузинского геноцида в августе 2008 г.

М. Каддафи неоднократно заявлял, что выступает сам и призывает всех арабов и африканцев поднять свой голос против «превращения Средиземного моря во внутреннее озеро НАТО». Не меньшее недовольство у натовцев и, естественно, Вашингтона, вызывали и идеи М. Каддафи о предоставлении мест постоянного базирования в портах Ливии для иных, не натовских флотов.

Не прибавилось тепла в отношениях между Ливией и Западом и вследствие мер по усилению национального контроля над разработкой месторождений углеводородов и увеличению доли Триполи в доходах от нее. Лидер вынудил западные нефтяные и газовые корпорации работать на значительно менее выгодных условиях, чем те, что были прежде. В результате изменения контрактов ряд американских и европейских нефтяных компаний заплатили Триполи 5,4 млрд. долл. в виде авансовых «бонусных» выплат. На очереди стояла «Oasis Group», включающая американские компании «Conoco Phillips», «Marathon» и «Hess». В одной из депеш Посольства США в Триполи, раскрытой «Викиликс», прямо говорилось: «...угроза принудительного пересмотра и перезаключения контрактов создала опасный международный прецедент — “новую парадигму для Ливии”, которая может повториться по всему миру в растущем количестве нефтепроизводящих стран». Еще больше встревожили США слова, произнесенные М. Каддафи в январе 2009 г., о возможности «национализации нефтяной и газовой отраслей». Как здесь не вспомнить реакцию западных стран, когда в начале 70-х годов прошлого века одна за другой арабские страны национализировали собственную нефть?

Имелся здесь и другой, совсем не выгодный для Запада момент: Джамахирия в последний период ее существования стала активно развивать нефтегазовое сотрудничество с Китаем и Россией, подписала с их компаниями ряд масштабных контрактов в нефтегазовом секторе, а также в сфере строительства и телекоммуникаций. В феврале 2010 г. М. Каддафи публично заявлял, что в Триполи довольны работой этих организаций и настроены на ее

продолжение, возможно, в многостороннем варианте. Подобные идеи ливийский лидер продвигал в отношении целого ряда африканских стран, прежде всего там, где были сильны позиции ливийского капитала.

Кроме того, Каддафи в последний период своей жизни направлял взоры в сторону Латинской Америки, считая, что именно в этом регионе будет решаться, по какому пути станет развиваться современное общество. Опираясь на свои личные отношения, ливийский лидер и президент Венесуэлы Уго Чавес подтягивали на свои позиции других близких им по духу и взглядам латиноамериканских руководителей, каковых на этом континенте им представлялось большинство. Под будущий стратегический союз подводилась серьезная материальная база: был создан совместный ливийско-венесуэльский банк с капиталом в 1 млрд. долл., обсуждалась тема плотной координации работы на нефтегазовом рынке и даже отказ (со временем) от использования американского доллара в расчетах за нефть. Подобные идеи М. Каддафи усиленно проводил и в рамках Африканского Союза, в том числе, в плане создания общеафриканской валюты — золотого динара. Могло ли это понравиться Западу?

Отныне, с мученической гибелью ливийского лидера (его убийцы сделали все, чтобы нарушить последнюю волю покойного и не позволить ему уйти в мир иной «шахидом»), эти идеи, видимо, осуществляться не скоро.

В.В. Шуваев

Российская оценка ситуации в Ираке

Откровенно признаюсь, что предложение принять участие в подготовке настоящего сборника чуть не поставило меня в тупик. Прежде всего, поставить себя в один ряд с выдающимися дипломатами, маститыми ветеранами советской и российской ближневосточной политики казалось довольно нескромным. И не только потому, что под «водительством» многих из авторов этого издания когда-то сам постигал азы нашей профессии и до сих пор перед ними чувствую себя не более чем учеником. Главное же — я твердо убежден, что именно они создали блистательную школу ближневосточной дипломатии и заложили исключительно глубокую и прочную основу отношений с арабским миром, которые более молодое поколение и по сей день лишь более или менее умело использует. Удастся ли нам сохранить и приумножить такое ценнейшее наследие — лично для меня вопрос открытый...

Не менее проблематичным для меня было написать что-либо «на иракскую тему». Ведь среди материалов этого сборника многие принадлежат перу тех, кто отдал Ираку годы и годы дипломатической карьеры; не только знает, но и чувствует эту страну уже на уровне профессиональной интуиции. И что нового может поведать таким знатокам тот, кому по жизни приходилось сталкиваться с иракскими делами только «по касательной», а в Багдад довелось попасть впервые уже послом, да и в таких условиях, которые мало располагают к серьезным страноведческим изысканиям?

Возникшее состояние морально-психологического «смятения» и мучительные раздумья по этому поводу привели к выводу о том, что единственный выход — попробовать поделиться впечатлениями от более чем трехлетнего «иракского сидения», а также взять на себя смелость

сформулировать некие суждения по некоторым вопросам развития ситуации вокруг Ирака, которые, как представляется, до сих пор во многом не находят окончательных ответов.

Итак, Ирак рубежа первого десятилетия XXI века. Страна, пережившая драматическое свержение режима и восьмилетнюю иностранную оккупацию, несколько лет балансирующая на грани полномасштабной гражданской войны и до сих пор далеко от нее не отошедшая. Общество, в котором междоусобицы, террористические акты и прочие столкновения унесли несколько сот тысяч погибших и оставили еще больше изувеченных, вдов, лишенных кормильцев, дезориентированных и деморализованных людей. Государство, которое добывает более 3 млн. баррелей нефти в день и получает весьма высокие доходы, но которому до сих пор не удается решить основные социально-экономические проблемы (в т.ч. безработица, электро- и водоснабжение, образование и пр.), и поэтому приходится тратить большую часть внушительного бюджета на прямую поддержку населения, включая продовольственные пайки. Политический класс, все составные части которого без устали провозглашают приверженность перспективе «демократического развития», однако на деле все более и более замыкаются в своих этноконфессиональных, а зачастую и узкоклановых «квартирах».

Когда знакомишься с подобной противоречивой картинкой, что называется, «вживую», то и впечатления возникают, мягко говоря, неоднозначные. Прежде всего, невольно напрашивается сравнение «что было и что стало», и в этом плане нынешнее положение вещей выглядит не в таком уж выгодном свете. И с точки зрения экономики, и уровня жизни, просто общебытовых условий, и тем более с точки зрения стабильности большая часть страны и ее населения явно потеряли. Можно, разумеется, согласиться с утверждением, что подобные издержки являются платой за избавление от жестокой диктатуры, каковой, безусловно, был режим Саддама Хусейна. Однако, наблюдая за нынешним положением вещей, трудно избавиться от навязчивого вопроса — адекватна ли заплаченная цена, если «скорбный счет» последствий «хирургического вмешательства» 2003 г. уже явно превысил кровавые результаты репрессивной саддамовской машины?.. Тем более что «лучшей жизни» пока не получается.

Не менее важным представляется и еще одно обстоятельство. При всей своей дикой диктаторской сущности режим баасистов образца Саддама был светским националистическим правлением, которое «огнем и мечом» и во многом с бессмысленной жестокостью пыталось спаять воедино пестрое, «разнокультурное» и разноязыкое население. Падение же режима по существу привело к эрозии этого «связующего звена», резко ослабило «общенациональное сознание», обострило конфессиональные, этнические, кланово-племенные и иные узкогрупповые привязанности и вызвало центробежные тенденции. Таким образом, как это ни печально, процесс формирования иракской нации (в современном понимании) в результате свержения диктатуры был фактически не только «заторможен», но и ощутимо отброшен назад. Здесь, кстати, обозначается и фундаментальный вопрос. А возможно ли вообще поступательное движение многонациональных и многоконфессиональных стран третьего мира к созданию современной нации и интегрированного общества без наличия на каком-то этапе жестко централизованной, сильной, практически авторитарной власти? Разумеется, это тема для отдельного исследования.

Сегодня целый ряд политологов, продолжая логическую линию об ослаблении в Ираке общенационального сознания, довольно легко подводят к апокалипсическому выводу о том, что после пережитых потрясений страна обречена на перманентную нестабильность, которая в конечном счете выльется либо в новый переворот с приходом к власти «обновленных» сторонников свергнутого режима, либо в полномасштабный коллапс с последующим неизбежным территориальным развалом. Откровенно говоря, личный опыт работы в Ираке заставляет меня относиться к таким «острым» суждениям с известной долей скепсиса. Дело в том, что после 2003 г. в Ираке формируется качественно новая «система координат» политической власти. Она еще окончательно не сложилась, находится в движении, но основные «игроки» уже заняли свои места. Это — известные этноконфессиональные составляющие иракского общества (шииты, сунниты и курды) и представляющие их политические движения. Именно взаимодействие между ними (позитивное или негативное), а не некие конспирологические расклады или активность зарубежной оппозиции определяет существо идущих в стране процессов, в том числе и судьбу действующей власти. Какой-либо особой ниши для сторонников бывшего режима, даже после некоего «обновления», в новой системе попросту нет, не говоря уже о том, что многие из конкретных лиц, покинувших страну после 2003 г., вернувшись, рискуют попасть под уголовное преследование. В лучшем случае подобные деятели смогут тем или иным образом стать частью уже существующей конфигурации, да и то только при условии достижения «понимания» с нынешними властями. Вариант переворота также представляется весьма сомнительным. Как показывает опыт, вооруженное подполье, где смыкаются и баасисты, и местные исламисты, и «Аль-Каида», способно на крупные резонансные теракты, но «взорвать» обстановку в целом или «свалить» власть ему не под силу.

Не сбываются и имевшие место прогнозы о новой вспышке гражданской войны после вывода из страны американских войск в конце 2011 г. Действительно, в последние месяцы наблюдается вполне ожидаемый и объяснимый рост террористической активности и прочих проявлений насилия, но масштабный коллапс все же маловероятен. Более того, представляется, что именно «благодаря» выше упомянутому обострению узкогрупповых привязанностей в Ираке сейчас отсутствует основное условие для гражданской войны в полном смысле этого слова. Ведь для развития общенационального вооруженного конфликта необходимо возникновение своего рода «центрального водораздела», который раскалывает общество на два основных противоборствующих лагеря и, в конце концов, превращается в линию фронта. В сегодняшнем иракском варианте такого главного водораздела нет; вместо этого существуют многочисленные «водоразделы второго уровня», по которым вполне могут происходить — и происходят — достаточно серьезные обострения, однако лишь локального или секторального характера.

Конечно, все сказанное отнюдь не делает справедливой другую крайность в оценках, то есть «безоблачный» прогноз развития иракской ситуации. Более того, надежная стабилизация и политическая устойчивость в Ираке на обозримую перспективу выглядят довольно проблематичными, и, как видится, по совершенно объективным причинам. Прежде всего, несмотря на постоянные разговоры о «национальном согласии», «партнерстве» и пр. — что достаточно обычно для арабского мира, — мотивация основных игроков по существу противоположная. Фактически

никто не готов на реальные уступки, и все стремятся реализовать собственные цели за счет оппонентов в максимальной степени, а в идеале, и в полном объеме. При этом в политической истории практически отсутствует и «культура компромисса», да и культура конструктивного диалога. В результате по существу все уровни государственно-политической системы находятся в состоянии перманентных интриг, сведения счетов, своего рода «перетягивания каната», что, конечно, негативно влияет и на эффективность управления, и на общую социально-экономическую ситуацию. И совершенно очевидно, что подобный «политический раздрай» будет влиять и на безопасность, особенно если учесть давние и довольно жестокие традиции решать проблемы с помощью силы, обилие в стране оружия и наличие террористического подполья.

Есть и другие «отягощающие» факторы, препятствующие коренному развороту Ирака к лучшему. К сожалению, на данном этапе осуществление весьма популярного и красивого лозунга о «национальном согласии» сомнительно — слишком по-разному видят основные силы будущее страны. Более реально вести речь о выработке более или менее надежного общенационального компромисса, некоего «общего знаменателя» по ключевым параметрам внутреннего устройства и внешнеполитического курса. Однако и этого достичь вряд ли возможно без должной коллективной политической воли, а именно такой воли, как говорилось выше, пока не хватает. Сколько времени займет процесс ее формирования и осознания, ведь для этого необходимо «изменение умов»? Возможно, не вполне корректное сравнение, но в Ливане, чтобы прийти к подписанию известных Таифских соглашений (они не решили всех проблем, но хотя бы прекратили гражданскую войну), потребовалось более пятнадцати лет кровопролитного противостояния...

В данном изложении мне хотелось «вычленил» внутренние составляющие иракской ситуации, и поэтому, увы, намеренно оставлены за скобками многочисленные внешние факторы влияния. Но, не вдаваясь в рассуждения о сплетении региональных и мировых интересов на земле Междуречья, все же можно ограничиться одним наблюдением, которое немаловажно для будущего самого Ирака. Представляется, что если внутривнутриполитическая обстановка формируется главным образом собственно иракскими раскладами (хотя и испытывает внешнее воздействие), то территориальная целостность вполне вероятно может попасть в зависимость от хода региональных процессов. Так, если в рамках «арабской весны» сохранится и усилится обозначившийся тренд к росту исламистского радикализма и экстремизма, то почти с неизбежностью можно будет говорить о перспективе широкого суннитско-шиитского противостояния. А в таком случае, чуть ли не первой жертвой этого конфликта становится многоконфессиональный и многонациональный Ирак, где шииты, сунниты и курды будут еще более обособляться друг от друга вплоть до угрозы территориального распада. По большому счету, аналогичные испытания могут ожидать и другие арабские страны.

Настоящий опус дает, разумеется, весьма и весьма схематичную картину, всего лишь «набросок по поводу» происходящего в Ираке. Но хочется надеяться, что хотя бы некоторые из изложенных соображений и наблюдений подтолкнут и исследователей, и специалистов-практиков, да и всех интересующихся читателей к поиску ответов на вопросы, которые в изобилии ставит перед нами быстро и порой драматически меняющийся современный мир, в том числе в древнем и многострадальном регионе Ближнего Востока.

В.В. Попов

Межцивилизационный диалог на Ближнем Востоке

В ходе «арабской весны» отчетливо проявилось стремление России играть более действенную роль на Ближнем Востоке. Активность, проявляемая Кремлем в ливийских и особенно сирийских делах, стала не только ответом на складывающуюся ситуацию, но и вполне естественным продолжением внешнеполитического курса, направленного на усиление взаимодействия с арабо-мусульманским миром.

Первым явственным его проявлением было получение Российской Федерацией 30 июня 2005 г. статуса наблюдателя при Организации Исламская Конференция (с 2011 г. Организация исламского сотрудничества — ОИС). Основанная в 1969 г., эта организация — своего рода мини-ООН для исламского мира. Это единственное в мире межгосударственное объединение, созданное по религиозному принципу, под эгидой которого работают Исламский банк развития, Исламская организация по образованию, науке и культуре, целый ряд структур в области экономики, образования, юриспруденции. ОИС — вторая по численности после ООН международная организация. Она объединяет 57 стран разных континентов с общим населением в 1,5 млрд. человек. В 50 (из 57 стран) ислам — доминирующая религия, в конституциях 20 стран зафиксировано, что ислам — основа законодательства.

Сегодня политическая и стратегическая значимость этого события представляется вполне очевидной: семь лет назад Россия сделала огромной важности выбор, определивший вектор ее движения на длительную перспективу — вектор взаимодействия с теми, кто

исповедует ислам. Этот выбор создал предпосылки для стабильного поступательного развития, для обеспечения безопасности на рубежах и сохранения роли России как крупной ведущей державы в мировых делах. И этот выбор был естественен и логичен, ибо неумолимо вытекал из положения России в мире, ее прошлого и реалий современной жизни.

История России опровергает ставшее расхожим (и зачастую намеренно распространяющееся) представление о непреодолимом конфликте между цивилизациями. Российская цивилизация — это сложившийся в силу географического положения сплав исторических связей русского народа со многими другими этническими и религиозными группами, основанными на территории нашей страны. На протяжении истории в процессе взаимного обогащения культур Россия сформировалась как уникальная полиэтническая и многоконфессиональная общность. Ныне в этом государстве проживает почти двадцать миллионов мусульман, и это предопределяет его как органическую часть исламского мира.

Многосторонние взаимовыгодные и дружественные отношения Советского Союза с большинством арабских и мусульманских стран, безусловно, останутся в анналах мировой истории и в памяти народов.

После дезинтеграции СССР наступила болезненная пауза. Было заторможено, ослаблено развитие двусторонних отношений и сотрудничества с арабскими странами, эрозии подверглось наше влияние в районе Ближнего и Среднего Востока. При этом демонстрировавшаяся тогда готовность идти в фарватере западного курса, полностью отказываясь от определения самостоятельной линии, привела к значительным ошибкам и перекосам нашей общей политики.

Понадобилось много времени, усилий и перемен, чтобы перейти к восстановлению, в иных случаях к выравниванию отношений со всеми государствами региона. Важнейшей составляющей этого нового сбалансированного курса стало выстраивание отношений взаимодействия и сотрудничества с исламским миром в целом и с арабскими государствами в частности. Это было непростое время для принятия такого рода решений. Нам пришлось пережить в этом плане два тяжелых испытания — последствия ввода советских войск в Афганистан и начало чеченской войны. Десятилетнее пребывание наших войск в Афганистане привело к отчуждению и напряженности в отношениях с мусульманскими странами, большинство которых проявляло солидарность с борьбой афганских моджахедов и активно их поддерживало. Тогда через боевые действия в Афганистане прошло порядка 16 тыс. «арабских афганцев» — саудовцев, египтян, кувейтцев, йеменцев.

С первой чеченской войной 1994 г. возник новый раздражитель в отношениях между Российской Федерацией и многими мусульманскими государствами, в том числе и арабскими. Россия подвергалась критике в целом ряде общеарабских и общемусульманских документов.

Мы сумели преодолеть эти испытания, перевернуть и закрыть эту страницу. Сделать это помогла историческая память народов исламского мира о России. Эта память зиждется на позитивном опыте сотрудничества, на общих интересах, на многочисленных примерах бескорыстной поддержки, значительной и нередко жизненно важной помощи,

которую на протяжении XX века оказывал Советский Союз народам арабского и исламского мира в борьбе за национальную независимость; на его практическом содействии в становлении промышленной базы и социальной инфраструктуры, в создании самостоятельных государств.

События 11 сентября 2001 г., объявление Соединенными Штатами войны против терроризма и общая актуализация исламской проблематики в мировой политике диктовали необходимость создания в России специальных структур, которые бы на профессиональном уровне пристально и на постоянной основе занимались исламскими делами. Потребовалось некоторое время, прежде чем в МИДе в конце 2002 г. была создана Группа по исламскому фактору, на базе которой стала разворачиваться работа по активизации связей с мусульманским миром и ее организационным ядром — ОИК.

Среди осуществленных в тот период многочисленных контактов, в том числе поездок в Джибду, где находится штаб-квартира ОИК, пожалуй, можно особо отметить встречи с тогдашним генеральным секретарем ОИК Абдельвахидом Бельказимом (бывший мининдел Марокко). Он горячо приветствовал стремление к установлению более тесных контактов и взаимодействия, подчеркивал, что традиционные связи с Россией высоко ценятся в исламском мире, и есть основания полагать, что абсолютное большинство мусульманских стран положительно отнесутся к предложениям по их подъему на более высокий уровень. После проведения серии консультаций, совещаний, в том числе имевших большое значение в этом плане встреч с Бельказимом в Москве, в феврале 2003 г., генсек ОИК признал логичность постановки вопроса о том, что речь должна идти не просто об установлении неких формальных контактов с ОИК, но и о необходимости поставить в качестве главной цели присоединение России к этой организации в статусе наблюдателя. Надо признать, что в то время эта идея, мягко говоря, казалась несколько абстрактной, не встречала абсолютной поддержки и зачастую воспринималась со скепсисом. Однако ее поддержал президент В.В. Путин, что, конечно, было решением и смелым, и неординарным.

Впервые это предложение прозвучало в августе 2003 г. во время официального визита В.В. Путина в Малайзию. Там он выступил с заявлением о желании России вступить в ОИК, сначала в качестве наблюдателя. В этом заявлении было, в частности, подчеркнуто, что в России проживает около 20 млн. мусульман, и для них присоединение к этой организации имело бы исключительно важное значение, поскольку позволяло бы чувствовать себя частью 1,5 млрд. мусульманской уммы.

В Москве это заявление не встретило консенсусного одобрения. В прессе, в органах СМИ появлялись материалы, в которых говорилось, что это не совсем верный и не очень своевременный маневр, что этот шаг будет негативно воспринят на Западе и т.п.

Но полтора месяца спустя, 16 октября 2003 г., президент выступил с речью в ходе участия в работе десятой конференции глав исламских государств и правительств в Куала-Лумпуре, на которую он был приглашен в качестве гостя.

Речь В.В. Путина была краткой, на семь минут, но емкой и насыщенной, и носила характер программного стратегического заявления. «Если сложить потенциал России и

исламского мира, то мы можем сыграть очень важную роль в том, чтобы сделать нынешнюю систему международных отношений более справедливой», — сказал президент, подчеркнув, что «наше взаимодействие в рамках ОИК может и сегодня стать важнейшим элементом справедливого и безопасного мира. Оно способно обеспечить площадку для бесконфликтного решения многих международных и региональных проблем, а сложение наших финансовых, технологических и кадровых ресурсов способно стать реальным фактором мировой политики, началом прорыва на многих направлениях мировой экономики».

Речь президента России произвела на всех участников саммита без преувеличения огромное впечатление, она четыре раза прерывалась бурными аплодисментами, а в резолюции конференции констатировалось, что «все мусульманские государства с глубоким удовлетворением приветствуют инициативу президента России».

После саммита в Куала-Лумпуре на первый план вышло дальнейшее продвижение этой инициативы и воплощение ее в практические результаты. Было здесь немало сложностей и препятствий.

Формально в ОИК могут входить государства, в которых: ислам является государственной религией, либо глава государства является мусульманином, либо большинство населения исповедует ислам. По этим трем формальным признакам возможности для присоединения России были ограничены, и для продвижения этого вопроса потребовалось много интенсивных и целенаправленных усилий.

Тем не менее, со всех точек зрения важнейшим элементом был тот факт, что Россия получила «гостевой статус», в соответствии с которым в последующем нам направлялись приглашения участвовать в проводимых ОИК мероприятиях без оформления или подписания каких-либо дополнительных документов на этот счет. Мы добились того, что министр иностранных дел России получил официальное приглашение участвовать в конференции ОИК в Стамбуле в качестве гостя.

Этот первый прорыв в отношениях с исламским миром вызвал неоднозначный отклик как внутри России, так и за рубежом. Посыпались упреки в том плане, что незачем «тянуть Россию в исламский мир», ибо она, прежде всего, православная страна, и в первую очередь следует думать о создании объединений с другими православными государствами.

В ряде мусульманских стран при в целом широкой поддержке этой идеи находились группы и отдельные деятели, считавшие, что «атеистической» России не место во всемирной исламской организации.

Надо признать, что огромную роль для продвижения этой инициативы в столь сложной обстановке играла личная позиция президента. Например, в выступлениях в 2004 г. он немало место посвящал вопросам отношений с исламским миром, подчеркивал, что в нашей стране проживает много мусульман и они должны чувствовать себя свободно и благополучно. Эти высказывания и оценки со стороны главы государства создали важный фон для позитивного реагирования как во внутренних политических структурах, так и в мусульманских странах, в большинстве которых они были восприняты с интересом и одобрением.

Ныне в полной мере можно оценить значимость этой инициативы. В тот период она не только изменила имидж России в мусульманском мире и позволила преодолеть отчуждение последних лет, но и заложила прочный фундамент для выстраивания ее долгосрочного сотрудничества с арабскими и мусульманскими странами на базе равноправия и взаимных интересов.

А в последующем произошло событие, которое так и тянет назвать Провидением. Произошло оно в Йемене, в его столице — Сане, одном из древнейших городов мира. Удивительно, если вдуматься, какие интересные комбинации придумывает Ее Величество История, чтобы заставить людей чуть приостановиться в бешеном беге на опережение событий, оглянуться и связать прошлое и настоящее. Йемен был первым арабским государством, с которым Советский Союз в 1928 г. подписал Договор о дружбе, мире и торговле. В соответствии с этим документом СССР признавал «полную и абсолютную независимость Йемена», а йеменская сторона указывала, что в Йемене «высоко ценят расположение и прекрасные чувства, которые питает Правительство СССР к Йеменскому государству и его народу, а также по отношению к другим народам Востока». Йемен был первой арабской страной, с которой была установлена паромная торговая линия, куда направлялись первые наши специалисты (на строительство порта, электростанции и т.д.), где с нашей помощью была открыта первая больница, в которой работали советские врачи. Йемен был первой из стран региона, о которой в 1929 г. сняли фильм советские кинематографисты.

И вот именно в г. Сана 30 июня 2005 г. участвовавшая в очередной 32 сессии министров иностранных дел ОИК российская делегация была специально приглашена на закрытое заседание, где председатель зачитал резолюцию, в которой констатировалось, что Российская Федерация принята в Организацию Исламская Конференция в статусе наблюдателя.

Так 80 лет спустя именно в Йемене произошло это историческое событие, и уже куда более развитые и широкие связи с мусульманским миром получили новые политические рамки, базис, юридическую основу и мощный импульс для последующего расширения взаимодействия и с арабскими странами, которые все без исключения являются членами упомянутой организации.

(Здесь следует отметить, что при принятии России наблюдателем в ОИК важную позитивную роль сыграли Султанат Оман, который был первым арабским государством, официально поддержавшим обращение РФ, а также Королевство Саудовская Аравия и Йеменская Арабская Республика.)

Современная Россия активно развивает контакты с большинством государств исламского мира. По сути, она продолжает давние взаимовыгодные традиции сотрудничества и глубокого уважения друг к другу. Нацеленность на продвижение этой линии четко прозвучала, например, во время приема президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым находившегося в марте 2009 г. в Москве для участия в Конференции ШОС по Афганистану тогда генерального секретаря ОИК профессора Э. Ихсаноглу. «Мы не только являемся наблюдателем в ОИК, — подчеркнул президент РФ, — но и хотим развивать полноценные, полноценные отношения с Организацией в различных форматах и на различных площадках. Это связано с

тем, что мы понимаем ту роль, которую играет ОИК в исламском мире. А Россия как многоконфессиональная страна, где живут представители разных конфессий, в том числе и ислама, естественно, хотела бы развивать полноценные связи с Организацией Исламская Конференция, со всем исламским миром».

В июле 2009 г. в Джидде было открыто официальное представительство Российской Федерации при Организации Исламская Конференция.

В соответствии с принятой с начала первого десятилетия XXI века политической линией принцип стратегического партнерства с исламским миром провозглашается в качестве важнейшей составляющей внешней политики России. В последние двадцать лет этот принцип положен в основу внутреннего согласия народов нашей страны. В своих выступлениях В.В. Путин не раз подчеркивал, что «это взаимодействие надо беречь как зеницу ока», что развитие «многоплановых связей с исламским миром — один из важнейших приоритетов российской внешней политики».

В последующем российские руководители неоднократно посещали арабские государства — здесь, пожалуй, следует выделить в первую очередь Египет, Алжир, Саудовскую Аравию, ОАЭ, Иорданию; и соответственно руководители этих, а также других арабских стран принимались в Москве. Контакты на высоком уровне создают определяющие рамки для двустороннего сотрудничества. Однако, вне всякого сомнения, взаимодействие, дабы быть полноценным, должно обязательно подкрепляться широкими экономическими связями и контактами между общественными деятелями и организациями.

Важнейшую роль в этом плане сыграла сформированная в 2006 г. Группа стратегического видения «Россия — исламский мир». С российской стороны в ее создании и последующей деятельности активно участвовали Е.М. Примаков, бывший президент Татарстана М.Ш. Шаймиев и нынешний президент Ингушетии Ю.Б. Евкуров. В работе Группы принимают участие более 20 известных деятелей исламского мира, в том числе несколько бывших премьер-министров и министров иностранных дел, ряд авторитетнейших богословов. На сегодняшний день состоялось пять встреч этой Группы.

(В исламском мире были высоко оценены усилия М.Ш. Шаймиева, который многое сделал для того, чтобы показать миру истинное лицо ислама как одной из древнейших мировых религий. Не случайно ему была вручена за это высочайшая награда Саудовского Королевства — премия Короля Фейсала.)

Приветствуя участников первого заседания этой Группы в Москве в марте 2006 г., президент В.В. Путин подчеркивал, что «у нашей страны сложились давние традиции добрых и конструктивных отношений с мусульманскими государствами. Многим из них Россия оказывала поддержку на пути к независимости, содействовала в укреплении национальной экономики».

Генеральный секретарь ОИК Э. Ихсаноглу в специальном послании, адресованном первой встрече Группы в Москве, подчеркнул, что «подключившись к семье ОИК и уделяя все больше внимания справедливым целям мусульманского мира, Россия открывает новую страницу в своих отношениях с мусульманскими странами».

В арабском мире превалирует и прочно утвердилось мнение, что «сама история России вкупе с геополитическим расположением поставили ее в условия, в которых она может играть роль балансирующей силы в отношениях Запада и мира ислама». Большой отклик в арабских и мусульманских государствах получили слова в выступлении В.В. Путина на первом заседании Парламента Чеченской Республики 12 декабря 2005 г. о том, что «Россия всегда была самым верным, надежным и последовательным защитником интересов исламского мира... Россия и дальше будет проводить такую политику».

Важным импульсом для процесса развития отношений России и мусульманских стран стало наше сотрудничество в формате диалога и партнерства между цивилизациями. (Россия активно поддержала инициативу короля Саудовской Аравии Абдаллы о межрелигиозном диалоге.)

В Москве, а также в большинстве столиц мусульманских государств исходят из того, что межцивилизационный диалог направлен на устранение распространяющихся в последнее время ксенофобии, исламофобии; на достижение взаимопонимания и реального партнерства культур и религий. Существует полное понимание относительно того, что сегодня, когда мир сталкивается с новыми вызовами и угрозами, справиться с ними можно только сообща. Всем мусульманским странам, в том числе и арабским, весьма импонирует российский тезис о том, что «без участия мусульманского сообщества, представляющего почти четвертую часть человечества, невозможно решить ни одну из актуальных проблем современности, нельзя создать на равноправной основе стабильной и справедливой системы международных отношений». Эту идею озвучивал в своих выступлениях и министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: «Идея партнерства цивилизаций выходит за рамки академических дискуссий и становится конкретной задачей реальной политики».

Следует признать, что и в России, и в арабских государствах есть как среди политических деятелей, так и в числе отдельных групп и организаций противники развития связей и сотрудничества России и исламских стран.

В некоторых арабских столицах в последнее время критикуется позиция РФ в отношении Сирии, а кое-кто даже утверждает, что «Москва выступает на неправильной стороне истории». Здесь следует, вероятно, отметить, что ситуация в мире меняется сегодня стремительно, и мы переживаем процесс завершения господства Запада в международных отношениях, при этом некоторые державы воспринимают это весьма болезненно. Так двукратное российско-китайское вето, блокирующее иностранную интервенцию в сирийские внутренние дела, вызвало поток негативных откликов не только в американской и европейских столицах, но и в некоторых арабских государствах. Дело в том, что международное сообщество сталкивается со сложностями, связанными с окончанием периода однополярного мира, и элементы непонимания, видимо, еще будут сохраняться некоторое время. Становится все более очевидным, что сегодня региональные и глобальные проблемы можно решать только сообща на путях компромиссных решений. Здесь можно привести мнение ряда известных ливанских политологов, которые считают, что применение права вето в СБ ООН по Сирии и состоявшийся визит российского президента В.В. Путина в конце

июня 2012 г. в Израиль, Палестину и Иорданию фактически означают, что сегодня без участия Москвы и Пекина проблемы Ближнего Востока урегулировать невозможно.

Присоединение России к ОИК открыло широкие перспективы для развития наших отношений с мусульманскими государствами. Однако потенциал появившихся возможностей, к сожалению, задействован слабо. Кроме того, серьезно препятствует разворачиванию работы и настороженность в отношении мусульман, которую усиливают некоторые средства пропаганды, постоянно запугивающие аудиторию исламским экстремизмом. Наконец, нельзя закрывать глаза и на тот факт, что и в России есть доморожденные фундаменталисты — и православные, и мусульманские, страдающие от своего рода «аллергии» на исламский мир, кто в силу опасения, что это ослабит их собственное влияние, кто из-за элементарного слабого представления о постулатах и практике ислама. (Отношения с мусульманским и арабским миром вызывают много разночтений. Например, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянов в своей статье в «Московских новостях» от 27.06.2012 г. замечает, что «ориентация на арабский мир — это скорее советская инерция, чем осознанный курс».)

Ныне мусульманский мир все больше выдвигается на авансцену мировой политики. Это связано с целым рядом объективных факторов: демографическим — быстрым ростом населения в большинстве исламских стран; экономическим — две трети мировых запасов нефти, газа, а также богатейшие резервы ценных металлов и других полезных ископаемых находятся в мусульманских странах; и т.д. Мусульманский мир многолик, и хотя значительную его часть относят к категории развивающихся стран, целый ряд государств, например в Персидском заливе, располагают весьма значительным финансовым потенциалом. Неудивительно, что в числе двадцати крупнейших экономик мира три — Саудовская Аравия, Турция и Индонезия — представляют исламский мир.

Кроме того, в последнее десятилетие в мусульманском мире появилась «молодая сильная поросль» — новая элита, которая получила прекрасное образование на Западе, хорошо ориентируется в складывающейся там расстановке сил, разбирается в западной культуре и имеет налаженные контакты с представителями влиятельных кругов. И при этом они глубоко привержены исламским ценностям, знают и почитают историю, традиции своих стран, очевидным показателем чего стала «арабская весна».

Залогом поступательного развития взаимоотношений с исламскими странами являются наши растущие связи в различных областях, прежде всего в плане гуманитарного и культурного сотрудничества. В этой связи хотелось бы отметить благотворную деятельность многих и многих мусульманских общественных и политических деятелей, ученых, журналистов, которые вносят большой практический вклад в развитие сотрудничества с Россией. Список такого рода замечательных личностей мог бы быть очень длинным, но в качестве примера я упомяну только трех.

Доктор Адель Фаллях — первый заместитель министра по делам ислама и вакфов Кувейта, хорошо известный в исламском мире политический деятель, богослов, член Группы стратегического видения «Россия — исламский мир». Его творческая активность по налаживанию

контактов между мусульманским духовенством России и различными исламскими государствами снискала ему высокий авторитет и уважение как в России, так и за рубежом. Благодаря его усилиям в Москве было открыто отделение Общества «Васатя» («Умеренность»), которое активно проповедует идеи мирного сосуществования, уважения мнения меньшинства, терпимости к другим религиям и энергичной борьбы с экстремизмом. Десятки молодых российских мусульман сумели посетить Кувейт и ознакомиться с основами истинного ислама. Адель Фаллях стал первым иностранным мусульманским богословом, которому президент Российской Федерации вручил Орден Дружбы.

Неоценимый вклад в развитие межкультурного диалога вносит неутомимый Сухейль Фарах, профессор философии Бейрутского университета. В своих многочисленных трудах он разъясняет исключительную важность взаимодействия различных культур и религий, особо подчеркивая принципиальное значение взаимопонимания между христианами и мусульманами. Доктор Сухейль Фарах является почетным академиком Российской Академии образования и Российской Академии естественных наук. В этом году он стал лауреатом премии им. А.С. Пушкина, а его последний сборник о значении творчества величайшего русского поэта, изданный в Ливане на четырех языках — русском, арабском, английском и французском, — стал событием культурной жизни наших стран и существенным выражением идеи партнерства цивилизаций.

Доктор Васим Калааджия — известный ливанский ученый и общественный деятель, помощник и ближайший сподвижник премьер-министра Ливана Наджиба Микати. Врач по профессии, он продолжает заниматься медицинской практикой, читать лекции в университете; несколько лет тому назад он основал культурно-просветительское гуманитарное движение, основной идеей которого является взвешенный сбалансированный подход к существующим актуальным проблемам. Любопытна судьба этого прекрасно образованного и обаятельного человека: В. Калааджия — гражданин Ливана, но его предки родом из Турции; медицинское образование он получил в Советском Союзе, где и защитил диссертацию. Доктор Васим — искренний друг нашей страны, он глубоко убежден в стратегической важности активного взаимодействия России и арабских стран не только на Ближнем Востоке, но и во всех международных делах.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что в мусульманских странах немало людей среди разных слоев населения, которые питают к России и народу нашей страны самые искренние глубокие чувства уважения и признательности.

Потенциальные возможности для развития стратегического сотрудничества России с мусульманскими странами в политической и экономической областях на двусторонней и многосторонней основе огромны. Мощный импульс им придало вышеупомянутое присоединение РФ в 2005 г. к ОИС в статусе наблюдателя. Это стало не только опорной базой, но и новой стартовой площадкой для развертывания в дальнейшем и на длительную перспективу нашего взаимодействия с арабским и исламским миром в более обширном региональном и глобальном контексте, что особенно важно в связи с активизацией политического ислама на Арабском Востоке.

Информация об авторах

Примаков Евгений Максимович – академик РАН, председатель Попечительского совета Российского совета по международным делам, председатель Совета директоров «НИС ГЛОНАСС».

Аксененок Александр Георгиевич – кандидат юридических наук, посол, советник председателя Внешэкономбанка.

Ахмедов Владимир Муртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Бакланов Андрей Глебович – кандидат исторических наук, посол, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса, советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ.

Видясова Мария Федоровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Данилов Дмитрий Александрович – кандидат экономических наук, профессор, заведующий отделом европейской безопасности Института Европы РАН.

Демченко Александр Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Долгов Борис Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

Егорин Анатолий Захарович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Звягельская Ирина Доновна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник института востоковедения РАН

Зинин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ.

Иванова Инесса Ильинична – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Карасова Татьяна Анисимовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН.

Кашина Анна Анатольевна – кандидат политических наук.

Косач Григорий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета.

Кузнецов Василий Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Кулагина Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Лажми Нури – научный сотрудник Института прессы и наук об информации (Тунис).

Мелкумян Елена Суреновна – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Мирский Георгий Ильич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Мохова Ирина Михайловна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Наумкин Виталий Вячеславович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Павлов Олег Борисович – кандидат исторических наук, посол.

Попов Вениамин Викторович – кандидат исторических наук, посол, директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ.

Сарабьев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Информационно-издательским отделом Института востоковедения РАН.

Серебров Сергей Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Татарчук Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Топычканов Петр Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, координатор программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

Устинова Юлия Владимировна – кандидат политических наук, координатор информационных проектов Российской ассоциации политической науки, аналитик-эксперт компании «Открытые медиа исследования».

Филоник Александр Оскарович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

Чамов Владимир Васильевич – бывший Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Ливии.

Шуваев Валерьян Владимирович – посол, заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ.